
ВЕЛИКИЕ ПРОТИВОСТОЯНИЯ

А. М. ЗАЙОНЧКОВСКИЙ

ВОСТОЧНАЯ ВОЙНА

1853—1856

ТОМ II
Часть вторая

ПОЛИГОН
Санкт-Петербург
2002

Серия основана в 2002 году

Зайончковский А. М.

312 Восточная Война. 1853—1856. Т. 2, ч. 2.— СПб.: ООО «Издательство «Полигон», 2002. — 720 с.: ил. (Серия «Великие противостояния»).

ISBN 5-89173-158-4, т. 2, ч. 2

ISBN 5-89173-159-2

Эта книга — вторая часть второго тома обширного труда известного русского военного историка генерала от инфантерии Андрея Медардовича Зайончковского (1862—1926) является фундаментальным исследованием истории Восточной (Крымской) войны 1853—1856 годов. В ней автор основывался на достоверных документах, стремился показать реальный ход событий по возможности, как он заметил сам, без всяких собственных выводов. Современному читателю эта работа поможет по-новому, не традиционно, как это принято в значительной части нашей исторической литературы, взглянуть на императора Николая I и ряд его современников, а также значительно расширить свои познания об эпохе его правления. В настоящей книге представлены события Восточной войны с января по сентябрь 1854 года.

Издание представляет интерес не только для историков, но и для широкого круга читателей, которых интересует история. Все три тома содержат много иллюстраций.

ББК 63.2 (2) 47

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части запрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

ISBN 5-89173-158-4, т. 2, ч. 2
ISBN 5-89173-159-2

© ООО «Издательство «Полигон», 2002
© Сергеев А. В., переплет, 2002

Предисловие

Разгром турецких войск осенью 1853 года при Башкадыкларе и флота при Синопе показал неизбежность поражения Турции и ускорил вступление в войну Великобритании и Франции. 23 декабря 1853 года англо-французский флот вошел в Черное море и взял на себя защиту турецких коммуникаций. Враждебные по отношению к России действия Великобритании и Франции означали их фактическое вступление в войну, и 9 февраля 1854 года русское правительство объявило о состоянии войны с Великобританией и Францией.

Во второй части второго тома труда А. М. Зайончковского дается описание того, как разворачивались события Восточной войны дальше — от боев в январе—феврале 1854 года на Дунае до переноса союзниками в сентябре 1854 года боевых действий на Крымский полуостров, рассказывается о роли в мировой политике Австрии, Пруссии и Германии в первой половине 1854 года, показывается организация союзных армий, их планы и действия на Черном, Балтийском, Белом морях и Тихом океане, представлены сражения на Кавказе. Автор по-прежнему излагает конкретный ход событий по достоверным документам, по возможности избегая собственных выводов. Наиболее интересные документы отнесены в приложения, публикуемые в этой книге.

Император Николай I

Глава XII

Действия на Дунае в январе и феврале 1854 года до переправы через Дунай

В то время когда все внимание князя Горчакова было отвлечено неудачными действиями графа Анрепа в Малой Валахии и Четатинским боем на его крайний правый фланг, войска наши к началу января 1854 года в Большой Валахии занимали следующее расположение¹.

Непосредственное наблюдение Дуная на пространстве от устья реки Ольты до Браилова и первоначальное отражение попыток турок против нашего берега возлагались на отряды генералов Попова, Соймонова, Павлова и Богушевского.

Отряд ген.-м. Попова силой в 4 бат., 5 сот. и 4 ор.² занимал участок от р. Ольты до р. Веде, на котором казаки вели постоянное наблюдение за обстановкой на Дунае, и имел пехоту и артиллерию в виде резерва в Руссо-де-Веде.

Правый авангард ген.-л. Соймонова, 8 бат., 8 эск., 6 сот. и 32 ор.³, был расположен в Слободзее, Журже и Фратешти, где казаки вели наблюдение за обстановкой на Дунае от устья р. Веде до с. Кирнаджи на р. Аржисе.

Левый авангард ген.-л. Павлова, 7 бат., 8 эск., 4 сот. и 28 ор.⁴, находился в Ольтенице и Будешти, где казаки вели наблюдение за обстановкой на Дунае от Кирнаджи до монастыря Корницели, и, наконец, *отряд ген.-м. Богушевского*, 3 бат., 2 эск., 6 сот. и 18 ор.⁵, стоял в Калараше и наблюдал Дунай от монастыря Корницели до с. Тиколешти, что несколько выше Браилова.

В *резерве* за этими передовыми отрядами было сосредоточено 26 бат., 14 эск. и 74 ор.⁶, которые располагались в Добрени, Херешти, Крецешти, Бухаресте, Буфти-де-Сусс, Фундени-Вакарескулуй, Слободзее, Чульнице, Цендерее, Обилешти-Ноу и Лехлии, группируясь главной своей массой к югу от Бухареста⁷.

Всего, таким образом, в Большой Валахии было сосредоточено 48 бат., 32 эск., 22 сот. и 156 ор.

Наступательные попытки турок со стороны Калафата и неудачные распоряжения графа Анрепа заставили князя Горчакова 3 января выехать из Бухареста к Мало-Валахскому отряду, вручив начальствование войсками, в Большой Валахии расположенными, генералу Данненбергу, командиру 4-го пехотного корпуса.

На этот раз инструкция, данная командующим войсками своему заместителю, была коротка. В случае какого-либо предприятия

Генерал-лейтенант Липранди

турок на левый берег Дуная он должен был действовать по своему усмотрению и по обстоятельствам, сосредоточивая резерв в те пункты, из которых будет удобнее противодействовать намерениям неприятеля и остановить его наступление.

Одновременно князем Михаилом Дмитриевичем были объявлены по войскам дополнительные правила для боя с турками, принадлежащие его перу. Многие погрешности, допущенные частными начальниками в бывших боях, действительно делали необходимым преподать им не-

сколько полезных тактических указаний. В своей записке⁸ командующий войсками напоминал, что турки преимущественно дерутся за укрепления или за местными закрытиями, стараясь более всего нам вредить сильным ружейным огнем. Этому мы должны противодействовать могущественным и преимущественно продолжным артиллерийским огнем; атаку же вести лишь на открытой местности, стараясь всеми силами обходить укрепленные пункты. В случае необходимости штурмовать какую-либо часть занятых неприятелем насыпей⁹ рекомендовалось предварительно обстрелять их сосредоточенным перекрестным артиллерийским огнем и огнем штуцерных, которые должны были преимущественно действовать по начальникам и по артиллерийской прислуге. Огонь должен продолжаться не менее часа, пока не поколеблет обороняющегося, после чего лишь может начаться атака пехотой. Предварительно вперед на картечный выстрел выдвигается артиллерия, а пехота следует в ротных колоннах, прикрытых цепью застрельщиков; шагах в 200 позади первой линии идут батальоны в колоннах к атаке. Ротные колонны отнюдь не стреляют, но, приблизившись на 200 шагов к пункту атаки, бросаются в штыки; сзади идущие батальоны их поддерживают или повторяют атаку. Вообще при штурме предлагалось батальоны вести колоннами, построенными в две линии на дистанции не ближе 200 шагов, чтобы обе линии не попадали одновременно в черту неприятельского ружейного или картечного огня. Взаимное расположение батальонов обеих линий предпочиталось в шахматном порядке.

Командующему войсками не удалось, однако, отбыть в Крайово со спокойным сердцем. С нового года турки проявили в низовьях Дуная и на среднем его течении признаки жизни, делая в разных пунктах попытки переправы незначительными частями на наш берег. Хотя к этой постоянной тактике Омера-паши и можно было привыкнуть, но «князь Горчаков сильно волновался»¹⁰. И действительно, нервы престарелого военачальника, если судить по отзыву его ближайшего сотрудника, к этому времени очень расстроились. «Мне дышится так тяжело, как будто бы на меня напал кошмар, — занес генерал Коцебу в свой дневник от 2 января»¹¹. — Такому настроению много содействует отсутствие мужества у Горчакова, так как он убивает всякое доверие, всякую энергию своим малодушием, с которым все время мне приходится бороться».

1 января произошли частные наступления турок против Браиловского отряда и у Калараша.

Наша экспедиция на правый берег Дуная, произведенная 31 декабря по приказанию генерала Лидерса из Браилова для уничтожения камышей, под прикрытием которых турки предполагали строить батареи, и высадка на остров Бындой, что против Мачина¹², двух рот Замосцьского полка для занятия сооруженного там редута вызвали со стороны неприятеля желание помешать этому. 1 января турки переправили из Мачина на остров Бындой около 1000 человек пехоты и атаковали замосцев, на помощь которым из Браилова было выслано еще 7 рот того же полка. Неудавшаяся атака и подход подкреплений заставили противника поторопиться обратной переправой в Мачин¹³.

В тот же день около 5 часов утра партия турок силой в 2000 человек переправилась из Силистрии на левый берег Дуная и, отеснив казачью цепь, начала тремя колоннами наступать к Каларашу. На помощь казакам был выслан батальон Люблинского полка, заметив который, турки поторопились переправиться обратно, не доводя дела до столкновения¹⁴.

Одинаково безуспешны были попытки неприятеля и со стороны Рушука¹⁵. 3 января он два раза пробовал переправить через Дунай около батальона пехоты под прикрытием огня канонерских лодок и наступать на Слободзею, но оба раза турки спешно отступали и переправлялись обратно через реку при виде вышедшего им навстречу высланного из Слободзеи батальона Кольванского полка. 7-го числа они сделали такую же слабую попытку выше Рушука, у с. Малу-де-Жос, а 14-го ниже этой крепости, у с. Фламунды, и оба раза были отбиты ближайшими поддержками казачьих постов с ничтожными потерями с нашей стороны.

Тот же характер носили действия турок и со стороны Туртукая. 12 января они переправились на остров, лежащий против этого

пункта, и, оттеснив нашу цепь, начали рубить лес. 13-го числа огонь наших двух орудий, поставленных на правом берегу р. Ар-жиса, заставил их уйти назад.

На среднем Дунае турки продолжали беспокоить нас со стороны Никополя. 6 января они переправили из этой крепости 2000 человек, оттеснили казачью цепь, заняли и ограбили город Турно и ушли назад. Во избежание повторения подобных нападений генерал Данненберг направил в Турно Алексопольский егерский полк, следовавший в Руссо-де-Веде.

10, 14, 17 и 25 января турки повторяли свои попытки против Турно, переправляясь у с. Излазлы, но всегда были легко отбиваемы передовыми частями и быстро переправлялись на правый берег реки под прикрытием огня своих канонерских лодок.

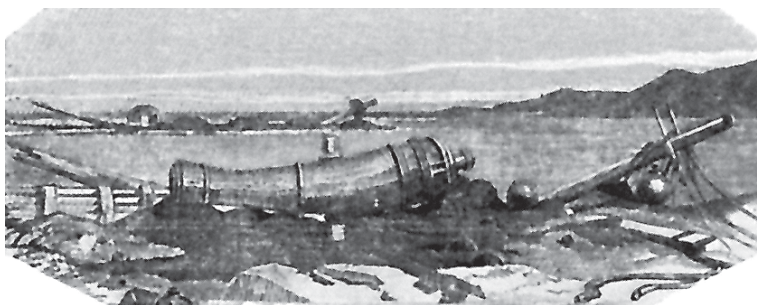
В первых числах января турки со стороны Видина оставались спокойными, ограничиваясь лишь принятием мер к обороне. Относительно укрепления Калафата к этому времени были получены следующие сведения¹⁶.

Между крутым берегом Дуная и дорогой на Крайово находилась одна батарея, далее до дороги на с. Пояны — 3 батареи и, наконец, между этой последней и дорогой на с. Чепурчени — 12 батарей, хотя это последнее число следует считать сильно преувеличенным. Каждая батарея была рассчитана на четыре орудия, причем все батареи соединялись между собой линией укреплений для стрелков. Между Чепурченской дорогой и Дунаем на кургане было устроено предмостное укрепление. Вообще Калафатский укрепленный лагерь имел характер временных укреплений с деревянными капонирами и блокаузами¹⁷. Общее протяжение линии Калафатской позиции между берегами Дуная — до трех верст, а удаление ее от городских строений — около версты.

К 5 января в Калафате, по нашим сведениям, насчитывалось до 20 тысяч человек при 50—60 орудиях; 5-го же числа в Видин прибыло 4 тысячи арабов, которыми немедленно был усилен калафатский гарнизон. Значительные отряды турок из трех родов оружия стояли также в Мадловите и в с. Голенцы-Команы, а отряд кавалерии и в с. Пояны¹⁸.

Войска Калафатского лагеря были расположены частью в палатках на покатоги, обращенной к Калафату, частью же в землянках и в предместье города. Они получили строгое приказание Омера-паши держаться в Калафате до последней крайности, ни в каком случае не сдаваться и не помышлять о возвращении в Видин.

Между тем 3 января князь Горчаков, как сказано выше, решил лично ознакомиться с положением дел у Калафата. «Я отправляюсь сегодня в Малую Валахию, — доносил он государю¹⁹, — но полагаю пробыть там недолго, ибо предвижу, что в настоящее время предпринять что-либо решительное невозможно. У нас настала совершенная

*Синопский рейд после боя
(с английской иллюстрации)*

оттепель, и поля так распустились, что почти вовсе нет прохода. Против самого Калафата держать теперь войск нельзя — голая, безлесная, грязная степь; будет даже трудно доставлять продовольствие войскам в Быйлеште. Главная моя забота будет в том, чтобы расположить их там с некоторыми удобствами, держа турок взаперти, и ближе сообщать, что предпринять, когда настанет хорошая погода».

Но навряд ли действительно таково было определенно сложившееся решение командовавшего войсками на Дунае. Присущая ему нерешительность не оставляла его и здесь. По крайней мере в главной квартире усиленно говорили, что цель поездки Горчакова в Мало-Валахский отряд заключалась в изгнании турок с нашего берега Дуная²⁰, а генерал Коцебу, совершавший эту поездку в одном экипаже с князем Михаилом Дмитриевичем, жалуется в своем дневнике, что Горчаков довел его до отчаяния постоянными разговорами о Калафате и малодушием²¹.

9 января главная квартира прибыла в Быйлешти, а 10-го числа князь Горчаков писал военному министру²², что он окончательно решил не штурмовать Калафат, а вызвать, может быть, неприятеля на бой в окрестностях Мадловиты, которую, так же как и Пояны, он предполагал занять нашими войсками и укрепить. Впрочем, прибавлял он тотчас же, «я ни на чем еще не остановился определенно... и предпочитал бы остаться в Быйлеште, чтобы избежать боя, который не даст серьезных результатов, если турки не будут разбиты наголову, но это нужно для того, чтобы стеснить расположение противника».

И действительно, чтобы решиться на что-нибудь, князь Горчаков собрал 11 января в Быйлешти военный совет из наличных генералов, но и эта мера не успокоила престарелого князя. «Горчаков был совершенно поглощен, — занес генерал Коцебу в свой дневник²³, — и вечером после военного совета он был так взволнован,

что по крайней мере десять раз приходил ко мне, и даже тогда, когда я уже лег в постель, он не давал мне спать». Атаковать Калафат решимости все-таки не хватило, и свою поездку в Мало-Валахский отряд командующий войсками положил ознаменовать хотя бы только наступлением к Мадловите и Поянам, так как, по его мнению, оставаться в Быйлешти было невыгодно в отношении недостатка жилья для размещения по квартирам вновь прибывших войск²⁴.

Таким образом, ясно было, что из задуманного наступления ничего не выйдет, и наделавшая так много шума поездка командующего войсками под Калафат, куда одновременно с этим сосредоточивалась и вся 12-я дивизия, должна была обратиться в бесцельную прогулку, результаты которой не могли произвести благоприятного впечатления ни на Петербург, ни на армию, ни на наших врагов.

С 12 по 15 января командующий армией со своим штабом продолжал бездействовать в Быйлеште, ожидая подхода бугских улан и резервной артиллерии. Он «пребывал в ожидании»²⁵ этих подкреплений, хотя по всем данным нельзя было предполагать сопротивления турок ни в Мадловите, ни в Поянах²⁶.

16-го числа с рассветом все собранные под Калафатом войска силой в 24 $\frac{1}{2}$ бат., 31 эск. и сот., 84 пеш. и 16 кон. ор.²⁷ под начальством самого князя Горчакова двинулись вперед из пунктов их сосредоточения, селений Моцадей, Галича-Маре и Быйлешти²⁸, имея конечной целью сделать десятиверстный марш, подойти к с. Скрипетул и Гунии и построить там боевой порядок без объяснения цели — против кого и для чего. Впрочем, никакой боевой цели в этом движении и быть не могло, так как, если верить позднейшему донесению князя Горчакова, оно предназначалось для того, чтобы, оставаясь на месте, не придать этим смелости туркам и не оживить надежд злонамеренных жителей края²⁹. Короче, такой оригинальной формой маневренного воздействия предполагалось отплатить за Четатинский набег турок и поддержать наше влияние среди окрестных жителей.

Войска следовали в четырех колоннах³⁰ с боковым авангардом к стороне Рахова, откуда князь Горчаков по-прежнему опасался нападения ему в тыл и во фланг, и к девяти часам благополучно достигли Гунии и Скрипетула, где стали строить боевой порядок³¹.

Неприятельские партии численностью в 1000 человек конницы без боя отступили к Калафату. При преследовании их казаками, поддержанными Гусарским князя Варшавского полком с 4 конными орудиями, неприятель потерял 10 человек убитыми и 8 пленными. Войска наши в тот же день заняли Мадловиту и Гунию, имея сильный авангард в с. Голенцы-Команы³².

На следующий день, 17-го числа, князь Горчаков во главе 6 бат. и 8 эск., с соответствующим числом орудий, произвел рекогносцировку калафатских укреплений, вызвав безвредный для нас артиллерийский огонь турок³³. Одновременно с этим для большего

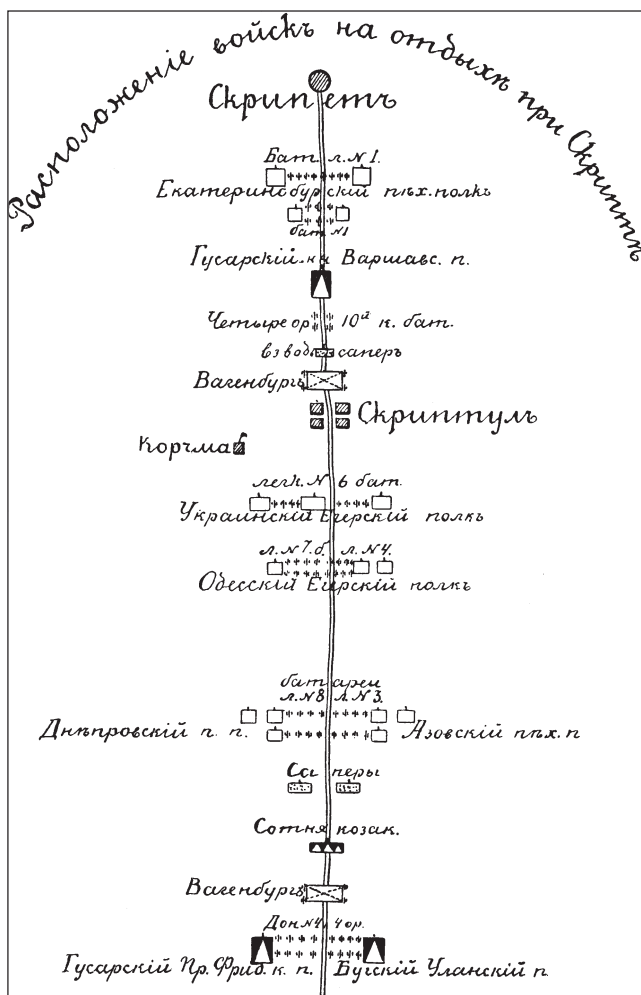

Схема № 30*

стеснения противника и отчасти для обеспечения своего левого фланга он выслал в с. Пояны отряд генерала Бельгарда силой в 8 $\frac{1}{4}$ бат., 8 эск., 2 сот., 24 пеш. и 4 кон. ор.³⁴, которому приказал укрепиться, действовать в связи с войсками, расположенными у с. Голенцы-Команы, и не допускать проникновения неприятеля³⁵.

³⁴ Здесь и далее сохранены авторская нумерация схем и места их размещения. Схемы № 36, 37, 41, 44, 46, 47, 49, 51—53 изъятые из оригинального текста.

Движением Мало-Валахского отряда к сс. Пояны и Мадловита кроме той цели, которой оправдывал это движение командующий армией, была достигнута и другая, более серьезная, задача. Турецкие войска, собранные в Калафате, без боя лишились всех пунктов, из которых они пользовались продовольствием, одновременно поддерживая среди населения Малой Валахии вредную для нас агитацию разного рода выходцев.

В этот же день, 17-го числа, граф Анреп был заменен в начальствовании Мало-Валахским отрядом начальником 12-й пехотной дивизии генералом Липранди. Перемена эта, вызванная непредприимчивостью графа Анрепа в деле под Четати, произошла так поздно по следующим соображениям князя Горчакова. «Я считал за лучшее, — доносил он в Петербург³⁶, — не отрешать графа Анрепа; это произвело бы дурное впечатление как на войска, так и на край. Подобное отрешение дало бы вид неудачи бою, который хотя и не имел должных последствий, но все-таки увенчан успехом, потому что неприятель был отбит с большим уроном и потерял орудия».

Оставляя в Малой Валахии нового самостоятельного начальника, командующий армией подробным приказанием лично указал место расположения каждой части войск, предоставив, впрочем, в будущем генералу Липранди делать те изменения, которые он признает нужным³⁷.

Все войска этого отряда были разделены на две отдельные группы: главная, при которой находился и генерал Липранди, силой в 16 $\frac{1}{2}$ бат., 21 эск. и сот. и 70 ор., была сосредоточена на пути из Калафата на Быйлешти и далее к Крайову, имея на своем правом фланге у с. Добридора и Моцацей конный отряд генерала Фишбаха³⁸, и южная — генерала Бельгарда, силой в 8 $\frac{1}{4}$ бат., 10 эск. и сот. и 28 ор., которая сосредоточилась у с. Пояны, в 12 верстах от первой. Такое разделение вызывалось необходимостью разместить войска в зимнее время по квартирам, но к тому же князь Горчаков и не находил его неудобным, так как каждая из групп была настолько сильна, что могла отразить неприятеля, вышедшего на нее хотя бы со всеми силами. Кроме того, 12-верстное расстояние давало возможность обоюдной помощи обеих групп³⁹.

Лично проведя рекогносцировку позиции на случай боя и указав, как укрепить передовые селения — Пояны, Модловиту и Голенцы-Команы, командующий армией собрался уезжать обратно в Бухарест, снабдив генерала Липранди необходимой инструкцией⁴⁰. В ней целью для отряда было поставлено прикрытие правого фланга армии и по возможности охранение Малой Валахии от вторжения турок. В случае же если неприятель очень усилится в Калафате или будет серьезно угрожать нашему тылу или флангу со стороны Рахова, отряду предписывалось, не теряя времени, отойти к Быйлешти или к другому центральному пункту⁴¹.

Наделавшая в армии так много шума поездка князя Горчакова в Мало-Валахский отряд с целью, как предполагали все, стать во главе этого отряда и прогнать турок с правого берега Дуная кончилась, таким образом, лишь более тесным обложением противника и сменой главного начальника.

Если проследить работу мысли и характер действий командующего армией за несколько последних недель перед поездкой его в отряд графа Анрепа, то смело можно было предвидеть, что дело до атаки Калафата не дойдет. У князя Горчакова не сложилось определенного взгляда на то, следует ли при сложившейся обстановке брать Калафат или же необходимо ограничиться лишь наблюдением за этим, надоевшим нам, пунктом с целью обеспечить защиту своего правого фланга от противника, а в зависимости от этого и не было решимости довести дело до конца. Такое сомнение командующего армией было верным речательством, что его поездка ограничится принятием полумер, как это в действительности и случилось.

Сам престарелый князь по возвращении в Бухарест доносил, что калафатская позиция турок, хотя и растянутая, так укреплена, что не может быть взята без огромной потери с нашей стороны⁴². Своему приятелю князю Меншикову он писал по этому поводу еще более решительно: «J'ai vu Kalafat; tenter de forcer ce camp retranché, qui a plus de 100 canons, des ouvrages solidement construits et une garnison de 25.000 hommes, est un acte de dîmence»⁴³.

Но действительно ли Калафат представлял такой труднопреодолимый предмет, судить в настоящее время невозможно. Можем отметить лишь, что в записках очевидцев далеко не проглядывает той безнадежности относительно возможности атаковать турок, как ее рисует князь Горчаков⁴⁴. Его осторожный начальник штаба П. Е. Коцебу, и тот в своем дневнике иногда относится как бы иронически к нашей нерешимости смело покончить с турками на правом фланге. «Произвести атаку на Калафат князь Горчаков не хотел, — записал он в дневник в день отъезда командующего армией в Бухарест⁴⁵. — Он так пал духом после письма от государя и вообще от положения дел, которые ему кажутся столь безнадежными, что вовсе не рассчитывает на лучший оборот. Это очень печально и, естественно, должно повлиять на наши предстоящие операции. Между прочим, он сказал: *sans doute je suis un homme de beaucoup d'esprit; j'ai beaucoup étudié les arts militaires, mais ja n'ai jamais commandé et c'est un grand défaut*».

Эти слова честного князя, не являются ли они признаком того, что он уехал из-под Калафата без уверенности в правильности своего осторожного решения?

Но если мы не отваживались атаковать Калафат открытой силой и выжидали выхода турок в поле, чтобы там разбить их, то и против-

ник придерживался той же тактики, ожидая нашей атаки укрепленного лагеря. По словам французского посла в Константинополе⁴⁶, Омер-паша в это время считал наиболее важным пунктом театра войны Видин, ежедневно ожидая, что у Калафата загорится большое дело. Он предполагал в таком случае выставить на поле сражения огромную артиллерию, встретить наши войска страшным огнем и, как только заметит первое колебание в наших рядах, атаковать в штыки. Турецкий главнокомандующий был уверен, что в случае своего неуспеха он, отступив за укрепления, легко противостоит всем усилиям 40 тысяч русских.

Такими решениями обеих сторон определялся характер дальнейших действий под Калафатом в январе и феврале. Турки делали попытки выхода из своего укрепленного лагеря незначительными частями с целью завладеть ближайшими деревнями и расширить свой район; мы же удачно противодействовали этому, поддерживая тесную осаду Калафата, и произвели ряд рекогносцировок турецких позиций, вызывая неприятельский огонь, но не входя в сферу его действительного поражения⁴⁷.

В конце января генерал Липранди сделал некоторое изменение в расположении своего отряда. Сведения об усилении турок в Рахове и сбор там многочисленных судов заставили его выделить на нижний Жио, в окрестности Битекула, особый отряд⁴⁸ под начальством генерала Баумгартена силой в 5 бат., 12 ор. и 2 1/2 эск. и сот.⁴⁹, имеющий целью препятствовать переправе неприятеля как в этом пункте, так и в его окрестностях.

На остальном протяжении Дуная тем временем продолжали происходить стычки с турками, вызываемые мерами, принимаемыми как нами в низовьях реки с целью подготовить и обеспечить себе переправу на правый берег, так и турками на среднем его течении — для отвлечения нашего внимания, а отчасти и для того, чтобы помешать энергичным действиям Горчакова против Калафата.

В начале января низовья Дуная затянуло льдом, и наши 4 канонерские лодки, стоявшие у острова Читала, принуждены были укрыться в Измаиле⁵⁰. Турки воспользовались этим и начали устраивать батарею на правом берегу Дуная, у Килийского рукава, имея целью запереть нашим судам выход из этого рукава к Тульче и Исакче.

Лед мешал нам принять немедленные меры для противодействия работам турок, и потому мы ограничились устройством по обоим берегам Килийского рукава двух батарей, на два полевых орудия каждая.

Но как только река несколько очистилась от льда, контр-адмирал Мессер в ночь с 10 на 11 января вышел из Измаила на пароходе

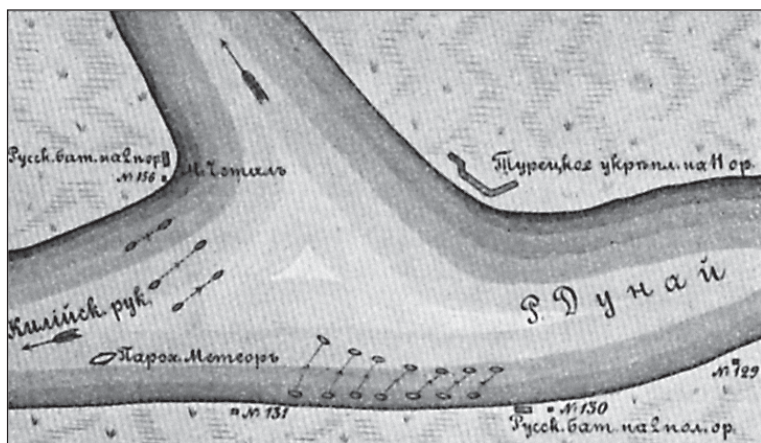

Схема № 29

«Метеор» с 10 канонерскими лодками для развертывания действий против этой новой турецкой батареи.

Произведя ночью разведку 6 лодками, адмирал утром 11-го числа выстроил свою флотилию поперек Килийского рукава, примкнув фланги к нашим батареям на острове Чатал и у кордона 130⁵¹, и открыл огонь по турецкому укреплению. Турки отвечали огнем четырех орудий, но через полтора часа замолчали, а произведенный в сумерки нашим огнем пожар заставил их осветить орудия и очистить укрепление. Отсутствие десантных войск не дало возможности Мессеру сделать высадку на правый берег реки, чтобы окончательно уничтожить батарею.

На рассвете 12-го числа он вновь открыл огонь, на который турки отвечали уже огнем семи орудий, подвезенных за ночь из Тульчи.

К девяти часам утра неприятельский огонь прекратился, что дало возможность Мессеру пододвинуть свою флотилию на более близкое расстояние. Турки вновь открыли огонь, совершенно замолкший к 11 часам утра. Дальнейшие действия за неимением возможности произвести высадку адмирал признал бесполезными и отвел свою флотилию на прежнюю позицию, а 14-го числа увел ее ближе к Измаилу, оставив для наблюдения за неприятелем 4 лодки⁵².

Несколько смутное впечатление производит это официальное изложение похода канонерских лодок против сухопутной батареи. Казалось бы, успех артиллерийского огня и замеченное очищение неприятелем укрепления давали полную возможность Мессеру развить свой успех высадкой десанта, чтобы если не уничтожить со-

вершенно турецкой батарее, то во всяком случае попортить ее и произвести надлежащую разведку намерения противника. Этого, однако, не случилось. Частное письмо князя Горчакова к князю Меншикову⁵³, написанное из Измаила, проясняет обстановку дела 11—12 января и многих ему подобных, а потому приведем в подлиннике сетования командующего армией.

«Je suis bien aise d'avoir йтй ici, — писал Горчаков из Измаила. — J'ai trouvй un dйcousu, une apathie qui dйpassent ce qu'on peut imaginer. Je me suis enquis de l'expйdition contre la batterie vis-a-vis du Tchetal. Elle a йтй sur l'ordre de Liders и по распоряжению Измаильского коменданта. Comment ne pas se fйliciter qu'elle n'est pas plus mal tournйе depuis une disposition de ce genre. A-t-on jamais vu de charger un commandant de place de diriger des expйditions qui demandent vigueur et concours de deux armes diffйrentes. La flottille a eu l'ordre de canonner la batterie, elle l'a fait. L'infanterie n'a pas eu l'ordre de faire de descente, elle n'en a point faite. Quand j'ai demandй pourquoi l'on n'avait pas fait de descente, on m'a dit entre autres que Messer avait dйclarй que les embarcations destinйes a cet effet n'y йtaient pas propres parce qu'elles n'avaient pas de *gouvernails*! Toute l'armйе en 1828 a passй sur de petites nacelles a rames... Vous me demandez pour-quoi de notre cйтй on ne tente pas de dйbarquement, quand les turcs en font souvent. Pardon, mais l'exemple n'est pas pйremptoire. Toutes les fois que les turcs ont dйbarquй sur notre rive, ils ont йтй obligйs de la quitter avec perte et honte. Pourquoi donc les imiter en cela. Le fait est que la seule tentation qui aurait pu avoir du succйs, c'est celle vis-a-vis de Tchetal. Mais elle a йтй si bktement menйе que c'est un bonheur que nous nous en soyons tirйs sans encombre...»⁵⁴

Дело Мессера вызвало со стороны командующего армией только одно распоряжение, а именно предписание генерал-адъютанту барону Остен-Сакену возвести на мысе Четал вместо батареи, усвоенной для 4 полевых орудий, редут на 6 крепостных орудий⁵⁵.

В конце января войска 5-го пехотного корпуса были сменены на нижнем Дунае 7-й пехотной дивизией (3-го корпуса) под начальством генерал-лейтенанта Ушакова. Вместе с передвижением войск 5-го корпуса в Восточную Валахию князь Горчаков возложил на генерала Лидерса охранение пространства вверх по Дунаю, до Бордушан включительно, и по р. Яломнице, до Сарацени. Сообразно этому генерал Лидерс расположил свои войска у Галаца, Браилова, Визири-де-Жос, Слободзее и в окрестностях этих пунктов по Дунаю и Яломнице с резервами у Дубеско и Чочиле⁵⁶.

По собранным нами сведениям, силы турок в низовьях Дуная в январе представлялись в следующем виде⁵⁷: в Тульче — 3 тысячи с 12 орудиями, в Исакке — 6 тысяч с 29 орудиями, и кордонная линия между этими двумя пунктами была очень усилена; в Мачине предполагалось 9 тысяч и в окрестностях этого города — бо-

лее 5 тысяч. Доходили слухи, что турки предполагают атаковать Браилов.

И, действительно, в ночь с 25 на 26 января турки начали строить против этого пункта на правом берегу Дуная батарею. 28 января с целью сохранить наше господство над неприятельским берегом против города и воспрепятствовать туркам продолжать работы к Браиловскому редуту были подведены пароход «Прут» и три канонерские лодки, которые периодически обстреливали турецкий берег⁵⁸.

Тем временем турки произвели сильную демонстрацию со стороны Рушук против Журжи. Сосредоточение значительного отряда в Малой Валахии и неоднократные наступательные угрозы генерала Липранди Калафату заставили Омера-пашу постараться отвлечь наше внимание с этой стороны набегом на левый берег Дуная от Рушук⁵⁹. По упорству боя и количеству введенных турками в дело войск можно было полагать, что конечная цель противника состояла в занятии Журжи и Слободзеи и в обеспечении их за собой, чтобы иметь на левом берегу Дуная опорный пункт для дальнейших своих набегов.

Напомним, что авангард генерала Соймонова, защищавший угрожаемый участок реки, состоял всего из 8 бат., 8 эск., 6 сот., 24 пеш. и 8 кон. ор., и большая часть этих войск группировалась в Журже и по дороге от нее к Бухаресту.

3 бат., 6 пеш. ор., 1 эск. и 2 сот.⁶⁰ стояли в Журже, выставив казацкие заставы вниз по Дунаю, у парома, против с. Госпину, и близ с. Броништали⁶¹.

В резерве за ними были расположены в Ойнаку 1 бат.⁶², при с. Фратешти — 3 бат., 16 п. ор., 3 эск. и 4 кон. ор.⁶³, в с. Турбату — 2 сот.⁶⁴ и в с. Банясах и Даице — по 1 эск. гусар⁶⁵.

В Слободзее стоял 1 бат. с 2 ор.⁶⁶, имея в резерве в с. Станешти и Гиздару дивизион гусар с 4 кон. ор.⁶⁷, которые служили также резервом и отряду, расположенному в Журже.

Остальные две сотни казаков располагались в с. Парепу, с заставами в Слободзее, Гаожаны и Петрашенях, и в с. Пуэни, с заставами в Гряку, Фламынде и Гостину.

Таким образом, почти все силы отряда генерала Соймонова эшелонировались от Журжи на север, имея как бы на весу свой правый фланг у Слободзеи.

22 января в исходе седьмого часа утра, когда еще не совсем рассвело, турки вышли от пристани Рушук на 8 больших двухмачтовых судах и нескольких лодках, причалили к левому берегу реки против Слободзеи и высадили на остров Радоман не менее 2 1/2 тысячи человек со знаменами и значками⁶⁸.

Сбив наш пикет № 130, неприятель рассыпал густые цепи стрелков влево от кордона и начал быстро наступать по направлению к Слободзее.

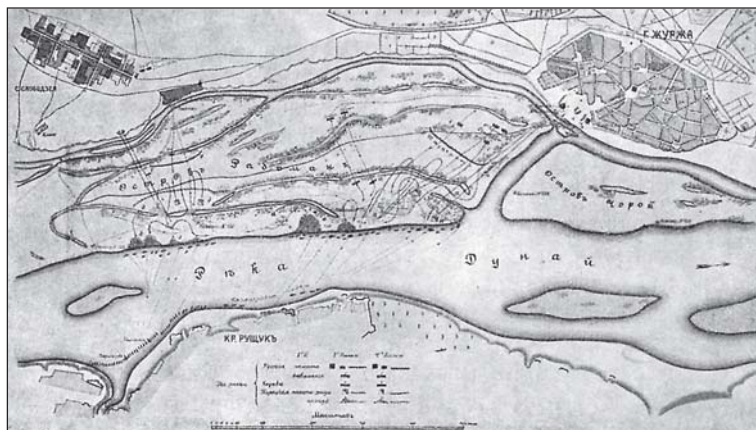

Схема № 32

Одновременно с этим было высажено с трех больших лодок версты три выше, у пикета № 128, около 500 человек, которые рассыпались вверх по берегу до пикета № 125, против с. Малу-де-Жос, и до 2 тысяч человек при 6 орудиях причалили на 4 больших мачтовых судах у пикета № 131, против карантина. Кроме того, турки скатили на правый берег реки против Слободзеи 6 полевых орудий, и все их канонерские лодки заняли позицию вдоль правого берега Дуная. Из Рушука вышли и построились у подножия крепости значительные массы неприятельской пехоты.

Казаки и граничары, составлявшие нашу передовую цепь, были опрокинуты по всей линии, и турецкая пехота, высадившаяся на Радоман против Журжи, начала быстро наступать густыми цепями с большими резервами и скоро выровнялась с частями, наступавшими против Слободзеи. Движение это поддерживалось сильным огнем всех крепостных орудий переднего фаса Рушука, огнем канонерок и выдвинутых полевых орудий.

Таким образом, можно полагать, что турки решили вести одновременно атаки на Журжу и Слободзею, сосредоточив силы выше этой последней. Постоянный подход подкреплений к отряду, направлявшемуся на Журжу, заставлял предполагать, что главный удар будет ими нанесен в эту сторону.

Наступающего на Журжу неприятеля встретили сильным огнем штуцерные Колыванского и части Томского егерских полков, на поддержку которых генерал Соймонов направил 4-й батальон томских егерей под командой подполковника Верещаки. Быстро переправив свой батальон на Радоман по двум устроенным на малом острове мостам, Верещака двинул в первой линии 10-ю и 12-ю

егерские роты, перестроенные в ротные колонны и прикрытые цепью застрельщиков из третьих взводов. 11-я егерская и 4-я карабинерная роты составляли вторую линию. Правый фланг томцев обеспечивался двумя сотнями казаков, которые служили также связью с отрядом, действовавшим из Слободзеи.

Видя энергичное наступление русских войск, турки приостановились и направили против батальона храброго Верещаки огонь всех орудий Рушука. Неприятельская цепь, прикрытая с фронта и флангов водными протоками и поддержанная сзади сильными резервами, спокойно выдержала атаку егерей, подпустив их без выстрела на 80 шагов и осыпав с этого расстояния убийственным свинцовым дождем.

Подполковник Верещака, не смущаясь этим, лично бросился на турок в штыки, смял их и отбросил к берегу, заплатив за свое героичество смертью. Но упоенные успехом и расстроенные боем, наши передовые роты попали под фланговую атаку только что высадившихся новых резервов турок и были откинута назад. Однако капитан Халкионов, командовавший ротами второй линии, возобновил атаку и, поддержанный двумя сотнями казаков, вновь опрокинул турок к лодкам, и егеря бросились к ближайшим орудиям, которые, однако, неприятель успел втащить на свои лодки.

Лихие действия отрядов подполковника Верещаки и капитана Халкионова дали время генералу Соймонову принять необходимые меры к отражению удара, и кризис, таким образом, для нас миновал.

Он направил на Радоман 3-й батальон Томского полка с 2 легкими орудиями и эскадрон гусар под общим начальством подполковника Пересветова, а 1-й батальон Томского полка пододвинул на маленький остров, лежащий между Журжей и Радоманом, оставив в общем резерве на городской площади 1-й батальон Кольванского полка, прибывший по тревоге из Ойнаку. В то же время пехота, находившаяся во Фратешти, была передвинута со своей артиллерией, 5 эскадронами гусар и 4 конными орудиями к Турбату.

Два легких орудия, посадив прислугу, рысью двинулись к берегу и открыли по неприятельским колоннам огонь сперва ядрами, а потом и шрапнелью; им помогали два батарейных орудия батареи, построенной у карантина. Попытка нескольких турецких лодок войти в пролив между Радоманом и малым островом, чтобы действовать в тыл нашим войскам, была отбита огнем этих орудий.

Между тем подполковник Пересветов, разведя свой батальон на острове в две линии и собрав 4-й батальон в резерв, вновь повел энергичное наступление на турок. Эскадрон гусар совместно с двумя сотнями казаков содействовал этой атаке с правого фланга. Турки сопротивляться более не могли и начали быстро отступать к своим лодкам.

Славные действия томцев у Журжи, на которых всей тяжестью легло дело 22 января, оказали влияние и на наступление турок на Слободзею. Здесь они были первоначально задержаны метким огнем двух орудий батареи, сооруженной на берегу Кошары, которая брала наступающего противника отчасти во фланг и нанесла ему серьезные потери при переходе овражков, наполненных водой. Когда же турки увидели подошедший из Стоянешти и спускавшийся со Слободзейских высот дивизион гусар с 4 конными орудиями и узнали о серьезном положении их правого фланга, действовавшего против Журжи, то начали быстро отступать, стараясь примкнуть к левому флангу своих войск, направленных против этой последней.

Генерал Соймонов для довершения поражения приказал атаковать от Слободзеи турок 4-й и 6-й ротам Томского полка, что заставило неприятеля свое поспешное отступление по всей линии обратить в бегство и в беспорядочную посадку на суда под картечным огнем нашей артиллерии.

Наступление неприятеля на Малу-де-Жос легко было отбито двумя сотнями казаков, и к 12 с половиной часам дня никого из противников не осталось на острове Радоман.

Турки оставили на месте 60 тел, один зарядный и четыре патронных ящика и отрубленные головы наших убитых. Наши потери: офицеров — 3 убитых и 2 раненых, нижних чинов⁶⁹ — 39 убитых и 148 раненых.

По собранным от пленных сведениям, конечная цель Омерапаши заключалась в овладении Слободзеей, причем против Журжи успели переправиться три регулярных батальона (8-ротного состава), 1000 европейцев и 600 башибузуков. Рушук же к этому времени, по словам тех же пленных, имел гарнизон силой в 7 регулярных батальонов, 1000 европейцев, 1000 артиллеристов, 2000 башибузуков и татарский кавалерийских полк в 700 коней.

Удачное дело под Журжей произвело очень отрадное впечатление как в армии, так и в Петербурге.

Действительно, цель, поставленная турками, оттянуть наши силы от Малой Валахии, не была достигнута; им также не только не удалось завладеть Слободзеей, но и никаким пунктом на нашем берегу Дуная, а пришлось в беспорядке и с большими потерями уходить обратно в Рушук и убедиться, что мы твердой ногой стали на всем протяжении Дуная — от Видина до устья.

Что касается нас, то неудача турок надолго обезопасила центр расположения сил князя Горчакова от новых попыток атаки с правого берега реки, а главное, в действиях под Журжей мы не видим той суеты и растерянности, которую обычно проявляли до того времени частные начальники в большинстве случаев их встреч с врагом. Утешительное впечатление производит и техника самого боя: подвиж-

ность артиллерии, поддержка, оказанная ею пехоте, высылка всех штурмных вперед, уместное применение строя поротно, прикрытого стрелковыми цепями, своевременное содействие атаке пехоты кавалерией и инициатива, проявленная частными начальниками. Короче — уроки войны сказались с большой пользой для дела.

Журжинский бой был первой точкой просветления на темном фоне дунайской кампании, и, действительно, вслед за ним воссиял, но к сожалению мимолетный, луч солнца над многострадальной головой князя Михаила Дмитриевича!

Донося государю о «славном» деле у Журжи, он как бы извинялся за значительные потери, понесенные нашими войсками. «Но здесь винить никого нельзя, — писал князь Горчаков⁷⁰. — Допустить турок оставаться хоть одну лишнюю минуту на нашем берегу было бы в высшей степени опасно. Они окопались бы, и тогда выбить их стоило бы, может быть, в пять раз дороже». Извинение излишнее, так как Николай Павлович сам по достоинству оценил происшедший бой. «Дело под Журжей, — писал государь Горчакову⁷¹, — было точно прекрасное и, надеюсь, на время отняло способы к переправе турок и даст нам более покоя в центре».

Однако, чтобы действительно лишить турок возможности переправляться в значительных силах от Рушука на левый берег Дуная, необходимо было истребить находившуюся под защитой этой крепости сильную турецкую флотилию. Исполнение этого было возложено на вновь прибывшего к армии начальника инженеров генерал-адъютанта Шильдера.

Карл Андреевич Шильдер был одним из наиболее выдающихся инженеров николаевской эпохи. Его творческая изобретательность, соединенная с обширной военной опытностью, много содействовала военно-научному направлению саперного дела, которое он поддерживал с неугасаемой энергией во все время царствования императора Николая.

От природы одаренный выдающимися способностями и той искрой Божьей, которая дается только избранным натурам и без которой нельзя творить дел великих, а тем более в военном искусстве, генерал Шильдер до самой старости отличался необыкновенной энергией, верой в свое дело, в самого себя и той кипучей деятельностью, которая способна была увлечь все и всех вокруг него. Это был фанатик своей идеи, непоколебимо ей веривший и упорно ее защищавший. Поэту в душе и мистика, ему сродни было излишнее увлечение и ошибки, но не чуждо было и осознание их. Горячий и неводержанный, Шильдер бывал неприятен, но обладал редким даром позволять себе противоречить, что давало ему возможность познавать людей в истинном их свете. Благодаря этому он

Сражение под Калафатом (с французской иллюстрации)

мог выбирать себе помощников талантливых, открыто высказывающих свое мнение на пользу дела, выдвигал их вперед и этим дал новому поколению много выдающихся тружеников на поприще родного ему военно-инженерного искусства.

Россия во многом обязана Карлу Андреевичу практической, жизненной постановкой саперного дела, и ежели черноморские моряки в дни севастопольской страды озарялись светом почившего их воспитателя — Лазарева, то и севастопольские саперы во главе с Тотлебенем во многом отражали свет их старого, увлекавшегося, немного неуравновешенного учителя — Шильдера, которого судьба не сохранила для того, чтобы ему самому принять участие и гордиться славой своих питомцев во время 349-дневной доблестной обороны Севастопольской.

Шильдер проявлял необыкновенную предприимчивость в разных случаях войны, пылкость, геройскую храбрость, искусство в постройке полевых укреплений в виду неприятеля и редкую находчивость в разных случаях войны, особенно по своей части. Его открытая наружность, восторженная речь, поэтический взгляд на дело заставляли забывать его возраст и видеть в нем юношу-героя, энтузиаста. Такими, в общем, чертами рисуют современники портрет Карла Андреевича⁷².

Для погруженной в апатию и нерешительность Дунайской армии именно такой человек и был нужен. Князь Горчаков сознавал

это и просил прислать Шильдера, хотя, по всей вероятности, предчувствовал те неприятности, которые должно было принести близкое соседство такого беспокойного помощника.

Вопрос о назначении Карла Андреевича в Дунайскую армию был поднят еще в конце 1853 года, когда князь Горчаков просил военного министра выхлопотать ему назначение этого выдающегося инженера в следующих лестных для него выражениях: «En grvce obtenez-moi le gйnйral Schilder. Je donnarais une division pour l'avoir»⁷³. Несколькo позднее⁷⁴ он возобновил свою просьбу в более настойчивой форме: «Schilder m'est bien indispensable. C'est l'homme de la chose». 20 декабря это назначение состоялось.

С особенным вниманием следя из Варшавы за ходом открывшихся военных действий, генерал-адъютант Шильдер сильно порицал распоряжения князя Горчакова на Дунае, которые он признавал совершенно не соответствующими обстановке. Фанатически уверенный в том, что войну надлежало вести быстро и решительно, Шильдер говорил, что князь Горчаков растянул свои войска в княжествах наподобие паутины, которую турки везде безнаказанно могут прорвать, и находил, что чрезмерно осторожное ведение операций на Дунае есть стыд и вечное пятно для русского оружия.

Обдумывая предстоящие действия в княжествах, генерал Шильдер признавал необходимым уничтожить для турок возможность хотя бы временно занимать в значительных силах какой-либо пункт на нашем берегу реки, для чего признавал безотлагательным повсеместное уничтожение на Дунае турецкой флотилии⁷⁵.

С такими мыслями, в которые он верил всем пылом своей молодой души, Шильдер 25 января прибыл в Бухарест. Фанатически убежденный в том, что на нем лежит великая миссия спасти «царя России и православие», Карл Андреевич сразу же приступил с присущей ему энергией к настойчивому приведению в исполнение задуманного им плана. Но здесь ему пришлось столкнуться с известным уже читателю характером командующего войсками, и между князем Горчаковым и генералом Шильдером начались столкновения, которые постепенно приняли самые резкие формы⁷⁶. Сварливый инженер признавал, что на месте Горчакова он просил бы государя «избавить главнокомандующего от такого беспокойного человека, который хоть временно, но беснуется, как бы сам сатана». Но князь Михаил Дмитриевич, в общем, благодушно относился к неводержанности Шильдера, высоко ценя его способности и желание принести пользу общему делу. «Дорогой генерал,— писал ему князь в феврале⁷⁷,— я вас люблю, уважаю, боготворю, но заклиная вас именем всех святых, предоставьте мне командовать войсками по моему усмотрению. Невозможно каждому действовать по-своему».

На другой день по приезде в главную квартиру генерал Шильдер отправился уже в Журжу, где, как известно, только что была отбита попытка турок переправиться и укрепиться на нашем берегу Дуная. Отсюда начался гром шильдеровских батарей, которым вскоре огласилось все течение реки, и встрепенувшиеся наши отряды стали беспрерывно тревожить турок.

Появление попеременно в разных местах предприимчивого и восторженного старца, умевшего возбуждать во всех окружавших его лицах одушевляющую его неустрашимость и уверенность в успехе, производило чарующее впечатление; все просыпалось и проникалось его энергией, решимостью и нераздельной с ней верой в победу.

Для того чтобы обеспечить левый берег Дуная от постоянных угроз турок переправой на него значительных своих сил, необходимо было лишить их перевозочных средств в виде многочисленной парусной и паровой речной флотилии, ютившейся в устьях впадающих в Дунай рек под прикрытием турецких крепостей. Выполнение этой задачи генерал Шильдер прежде всего и поставил себе целью, выбрав как средство уничтожение флотилии огнем нашей полевой артиллерии, выполняющей эту задачу нередко в сфере ближайшего действия неприятельской крепости. Уверенность в успехе, решимость и даже лихость совместно с умелым применением военно-инженерного искусства увенчали действия Шильдера полным успехом.

Произведенной 26 января рекогносцировкой выяснилось, что рушукская флотилия в составе одного парохода, 34 двухмачтовых, 22 одномачтовых транспортных судов, 5 канонерских лодок и до 70 малых лодок была тесно расположена в двух линиях в устье р. Лома и, по-видимому, готовилась к какой-то новой экспедиции. Генерал Шильдер решил уничтожить эту флотилию на якоре, не дав ей возможности ускользнуть, и предупредить таким образом наступательные с ее стороны действия.

С этой целью в ночь с 26 на 27 января и в следующую были построены батареи, на четыре орудия каждая, против левой оконечности острова Макан⁷⁸ — для воспрепятствования движению неприятельских судов вниз по Дунаю — и в полуверсте правее пикета № 128, дабы воспрепятствовать движению их вверх по реке. Кроме того, были выбраны места для постройки двух батарей против устья р. Лома, чтобы их огнем уничтожить суда, стоявшие на якоре.

Однако эти батареи могли быть готовы только 28-го числа утром, а между тем генерал Шильдер опасался, что турки нас предупредят и сами перейдут раньше нас в наступление. Поэтому после совещания с генералом Соймоновым он решился на рискованный шаг — поставить на острове Радоман, в сфере огня из крепости, полевую батарею совершенно открыто и обстрелять турецкую флотилию.

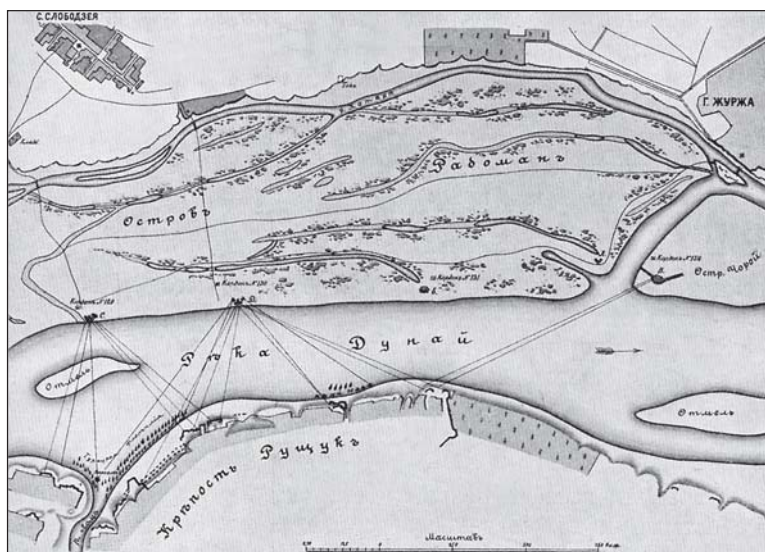

Схема № 33

Для выполнения этой задачи были назначены 10 орудий батареи № 2 батареи 10-й артиллерийской бригады под прикрытием батальона Колыванского егерского полка, которые с сохранением полной тишины ночью на 28 января двинулись на остров Радоман и часу во втором заняли там позицию между пикетами № 129 и 130, предварительно указанную генералом Шильдером⁷⁹. Орудия расположились в 500 саженьях от крепости и в 25 саженьях друг от друга. Каждое орудие должно было сделать по семь выстрелов, после чего батарею предполагалось увезти назад. Лунная ночь благоприятствовала успеху стрельбы.

Ровно в 3 часа ночи батарея открыла настильно рикошетный огонь по пароходу и судам. В крепости поднялась тревога, и после третьей очереди, данной нашей батареей, на остров посыпались снаряды более чем из 80 орудий. Выпустив определенное количество снарядов, русская батарея снялась с позиции и начала отходить к Журже не прямым путем, а вверх по течению реки, чтобы ввести турок в заблуждение и избежать их крепостного огня. И действительно, крепостная артиллерия долго еще бесцельно обстреливала остров по направлению к Журже, думая настигнуть отходивших смельчаков.

Потеря наша в эту ночь состояла всего из трех раненых; у турок же утром было обнаружено сильное повреждение парохода, 6 больших и многих мелких судов. «Совершилось настоящее чудо,—

писал по этому поводу Шильдер своей семье⁸⁰. — Действуя с четырьмя пушками против сотни орудий из крепости, флотилии и парохода, мне удалось все это потопить или разбить вдребезги, не потеряв ни одного человека и с тремя ранеными. Такой случай еще не встречался в военных летописях».

Взяв, таким образом, инициативу в свои руки, удивив, или, вернее, ошеломив, турок непривычной для них нашей энергией, Карл Андреевич на следующий день начал уже принимать более солидные меры для довершения уничтожения рущукской флотилии.

Меры эти заключались в постройке на островах нескольких батарей и в соединении островов с берегом мостами и паромами. Так, в ночь с 28-го на 29-е были построены и вооружены две батареи на острове Чорой (на 4 орудия) и на левой оконечности острова Радоман (на 2 орудия), имевшие назначением привлечь на себя все внимание турок. На следующую ночь на Радомане также были построены две батареи для действия против флотилии в устье Лома — у пикета № 130 на 4 орудия и у пикета № 129 на 2 орудия. Для прикрытия их от огня крепости Шильдер применял особые эполементы, которые значительно возвышались над батареями и защищали ее фланги наподобие траверсов.

С 30-го числа полевые орудия посменно занимали возведенные укрепления и обстреливали турецкую флотилию. Противник отвечал весьма оживленным огнем всей крепости. Хотя с нашей стороны действовало разом не более 2—7 орудий, а со стороны турок — 92 крепостных орудия, конная батарея, временно выезжавшая на правый берег Дуная, и три канонерские лодки, но благодаря шильдеровским эполементам потери наши были так незначительны, что мы с успехом выполняли свою задачу разрушать неприятельские суда. Сильно страдали только насыпи батарей, которые ночью быстро исправлялись.

3 февраля генерал Соймонов, который остался за Шильдера, вызванного князем Горчаковым к себе, решил нанести неприятельской флотилии окончательный удар. Для этого еще до рассвета на Радоман было отправлено семь батарейных орудий, которые и разместились в построенных батареях. В прикрытии к ним были назначены две роты Томского егерского полка, а по берегу острова были рассыпаны штуцерные всей бригады.

С рассветом началась канонада, не умолкавшая до вечера. Наши орудия выпустили по 70 зарядов каждое; турки сделали до 3000 выстрелов, которые сильно повредили наши насыпи и нанесли очень мало вреда орудиям и прислуге. Вообще весь наш урон в продолжение этого неравного восьмисуточного состязания был поразительно мал: двое убитых и 15 раненых и контуженых. Что же касается турецкой флотилии, то она надолго перестала существовать как боевая величина. Пароход и 7 судов были затоплены, 6 боль-

ших судов сели на мель, до 22 меньших судов получили значительные повреждения и несколько лодок пошли ко дну⁸¹.

Но в то время как под Рущуком шла молодецкая работа Шильдера, князь Горчаков, получив первое о ней донесение, заволновался, испугался последствий решительных действий и отдавал распоряжения, которые равнялись уничтожению замыслов старого инженера.

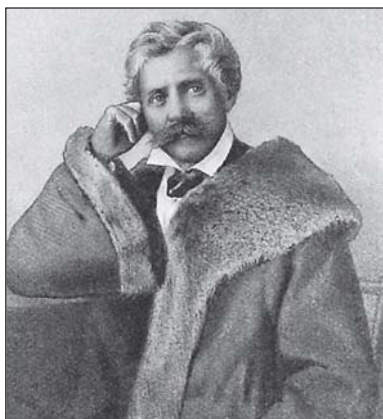
«Дорогой генерал, — писал ему Горчаков уже 30 января⁸². — Вижу, что вы строите множество батарей на берегу. Это прекрасно, но невозможно, чтобы неприятель, оправившись от первоначального страха, не покушался овладеть ими, предприняв десанты ночью или даже днем». Далее командующий армией, отзывая экстренно Шильдера из Журжи к себе, запрещал впредь до приказа ставить орудия на сооруженные батареи, «так как они неизбежно будут взяты неприятелем».

Можно представить себе, как подобное распоряжение действовало на пылкого Карла Андреевича. «Шильдер во время разговора с Горчаковым, — занес в свой дневник генерал Коцебу⁸³, — наговорил ему чуть не дерзостей... Он начинает относиться к нам враждебно...⁸⁴ Странности Шильдера могут иметь дурные последствия...»⁸⁵ Сам же виновник уничтожения рушукской флотилии посвящает распоряжению Горчакова следующие строки своего письма к родным⁸⁶: «После этого беспрецедентного действия Горчаков приказал снять орудия, которые я поставил, и скрыть мою батарею!!! Это меня взбесило, и я крупно побранился с ним. Каждому понятно, что там. Где 4 пушки истребили целую флотилию, нельзя опасаться, чтобы неприятель овладел ими, так как он не может переплыть широкую реку, разве свалится с небес. Туркам нельзя не сделаться заносчивыми перед такими людьми и не предпринимать невероятных вещей, как под Ольтеницей и Калафатом».

Генерал Соймонов, к счастью для дела, довершил после отъезда Шильдера начатую операцию, но князь Горчаков все-таки настоял, чтобы после бомбардировки 3 февраля батареи были скрыты.

Впрочем, он в своем донесении государю отдал должное генералу Шильдеру, отнеся весь успех к его искусству и смелости, к изобретенным им эполентам и к умению воспользоваться малыми неровностями острова Радоман для скрытия движения нашей артиллерии⁸⁷; впрочем, в конце письма военному министру князь Горчаков прибавлял, что «*Schilder est malade pour s'être trop demene*»⁸⁸.

Переход наш к активным действиям, естественно, должен был отразиться на поведении нашего энергичного противника — Омер-паши. И турки зашевелились по всему Дунаю. Нельзя предположить, чтобы в их намерения входило развить серьезные опера-

Генерал-адъютант Шильдер

ции на левом берегу реки, но, вернее, они хотели отвлечь наше внимание от наступательных действий, делая весьма несерьезные попытки к переходу через Дунай, и лучше обеспечить себя от поползновений Горчакова захватить их берег.

Наибольшую энергию неприятель проявил в низовьях Дуная, у Браилова, где ему удалось построить новую батарею и вызвать этим распоряжение князя Горчакова о снаряжении экспедиции для завладения ею⁸⁹, а также у Туртукая, против Ольтеницы.

В этом пункте, который, вероятно, по воспоминаниям о первой неудаче особенно действовал на нервы командовавшего армией и вызывал его беспокойство⁹⁰, турки, видимо, демонстрировали свои силы, желая отвлечь наше внимание от Рушук и Силистрии; они в половине февраля даже сделали высадку на левый берег Дуная, но легко были отброшены отрядом генерала Павлова почти без потерь с нашей стороны.

Однако эти действия противника не помешали нам продолжать предпринятый впредь до перехода через Дунай план стеснения неприятелю подвоза припасов по реке уничтожением его флотилии при помощи шильдеровских батарей и преграждения входа неприятельских судов в устье Дуная.

Во исполнение этого в феврале произошли наиболее видные дела у Систова, против Никополя, у Браилова и у Калараша, против Силистрии.

Действующим лицом здесь впервые выступает сделавшийся во время Севастопольской обороны народным героем генерал Степан Александрович Хрулев.

Хрулев принадлежал к тем редким самородкам военного дела, которые обладают великим талантом увлекать сердца массы и имеют все данные быть великим полководцем; стихия которых война, но все богатство натуры которых злая судьба иногда в течение всей жизни растрчивает по пустякам, заставляя их бесследно исчезать с общественной арены. В тяжелые или блестящие годы боевых столкновений народов они засветятся иногда как яркий светоч, оправдывая народное выражение, что война родит героев, удивят свет подвигами высокого мужества, надолго сохранят о себе память

среди благодарных потомков, но редко выходят из них талантливые полководцы. Для этого кроме всемогущего случая не хватает им ни усидчивого подготовительного труда, ни достаточных военных познаний, которые трудно без предварительной подготовки получить в короткие периоды войн; короче, им не хватает изучения, по меткому выражению Наполеона, тридцати кампаний, необходимого для того, чтобы сделаться талантливым полководцем. Хрулев был типичным представителем высокоодаренного от природы воина, которому не удалось использовать в полной мере на славу своей родины обширные, Богом данные ему таланты. Офицер гвардейской конной артиллерии, он почти до чина полковника занимал должность казначея, совсем не интересуясь изучением военного дела в широком смысле этого слова. Для того чтобы этой богатырской натуре развернуться во всю ширь, нужна была война, и впервые о нем заговорили во время венгерской кампании. Здесь Хрулев, лихой начальник авангарда, выказал столько лихости, энергии, неутомимости и смелости, что стал известен в армии и вернулся из похода генерал-майором. В 1852 году он отправился с Перовским в хивинский поход и прибыл оттуда на Дунай героем Ак-Мечети и генерал-лейтенантом.

П. К. Меньков в своих метких, но злых характеристиках деятелей той эпохи посвящает Степану Александровичу следующий монолог. «Никто на свете не принес бы столько пользы,— говорил он Хрулеву⁹¹,— как ты, оставаясь вечно генерал-майором. С забубенными молодцами, не зная устали и страха, ты сделал бы войну страшную для врага, истомил бы, измучил его и открыл бы армии легкий путь к победе. А генерал-лейтенант Хрулев — нехорошо: администрации не знаешь, не накормишь, не напоишь войск, измучишь пехоту и артиллерию и карты не знаешь. Отряда большого Хрулеву давать не должно».

Незабвенную службу, как увидим ниже, сослужил Степан Александрович России в Севастополе; память его и доньше чтится народом, но не вышел он все-таки из колеи частных начальников; замиралась Россия, и погас для общественной деятельности светоч Хрулева!

Прибыв на Дунай в распоряжение князя Горчакова, Степан Александрович был назначен им в помощь генералу Шильдеру и первоначально отправился к месту расположения турецкой флотилии, сосредоточенной у Никополя и Систова, с целью уничтожить ее.

Против первого из этих пунктов Хрулевым возведены были 3 батареи на 2 орудия каждая для действия против канонерских лодок и транспортных судов и, кроме того, несколько фальшивых батарей для демонстрации. Ежедневно с 13 по 17 февраля, начиная с рассвета и до сумерек, наши батареи редким огнем обстреливали турецкие суда. Противник отвечал огнем крепостных орудий, но и

в этом случае не нанося нам почти никаких потерь. Успех же нашей стрельбы был весьма значителен. 15-го и 16-го числа у турок было сожжено 9 больших судов, много малых и 10 катеров; остальные же были частью подняты вверх по р. Осме, частью же разведены вдоль правого берега Дуная на большом расстоянии одно от другого и повернуты кормами к нашему берегу.

С 17-го числа за недостатком снарядов стрельба против Никопольской флотилии была нами прекращена.

Что касается действия против флотилии, собранной у Систовской пристани, то кроме устроенных у местечка Зимнич батарей делались попытки расположить орудия и на острове Богуреску-луй, но турки, своевременно выдвинув на этот раз на берег Дуная полевые орудия, заставили нас состязаться с ними, не нанеся вреда флотилии⁹².

Для обеспечения успеха предстоящей нам переправы через Дунай нельзя было ограничиться только уничтожением турецких судов, находившихся в бассейне этой реки, а надо было обеспечить себя и со стороны Черного моря, которое находилось в руках покровительствовавших туркам западных держав. Благодаря этому наш противник всегда мог ввести в устье реки свою новую флотилию и даже несколько пароходов.

Такая необеспеченность со стороны моря очень беспокоила князя Горчакова, в особенности с тех пор, как он не мог рассчитывать на помощь Черноморского флота. Продолжительная переписка шла по этому поводу между командовавшим войсками на Дунае и князем Меншиковым в Севастополе.

Князь Михаил Дмитриевич находил необходимым вынести оборону устья Дуная к берегу моря, укрепив Сулин и преградив потопленными судами вход в устья Сулинского и Георгиевского рукавов реки, и обращался за помощью в этом деле к своему другу. Однако князь Меншиков и генерал-адъютант барон Остен-Скен считали выполнение такой задачи неудобноисполнимым и находили, что преграждение входа в Дунай неприятельским судам можно было более удобно достигнуть укреплением мыса Четал, который служил ключом всей Дунайской дельты, а также и канонерской флотилией, сосредоточенной у этого мыса⁹³.

Споры доходили до военного министра, который просил князя Меншикова найти тот или другой способ преградить вход неприятельским судам в Дунай, чего так боялся князь Горчаков. В конце концов вопрос этот был разрешен по существовавшему в Дунайской армии обычаю — полумерами: мыс Четал был укреплен недостаточно сильно, Сулин тоже укреплен, а устья Сулинского и Георгиевского рукавов были преграждены затопленными купеческими судами.

Это последнее распоряжение вызвало следующие иронические слова в письме князя Меншикова к Горчакову: «Le barrage du Danube

de St-George me parait ktre une blague. Un fleuve de cette capacitй ne peut ktre obstruй par 3 ou 4 bateaux de pkcheurs que le courant ne manquera pas d'enlever a la premiёre crue, mais il sera toujours utile de faire croire a l'efficacitй de ce barrage»⁹⁴.

Тем временем наша Дунайская флотилия бездействовала в низовьях Дуная. Ее не умели использовать в активных целях и держали здесь для противодействия возможности входа неприятельских судов в реку со стороны Черного моря.

В половине января суда нашей флотилии были расположены следующим образом: на р. Прут у Рени стояли 9 канонерских лодок и пароход «Ординарец»; при Галаце — 3 лодки и пароход «Прут»; у Четала — 6 лодок; на рейде у Измаила — 9 лодок и пароходы «Метеор» и «Сулин». Сверх того по одному судну в Сулине, у Очаковского гирла и у пос. Вильков⁹⁵.

Вопрос о способе употребления Дунайской флотилии служил предметом обширной переписки и даже споров между князем Горчаковым и Меншиковым.

В Дунайской армии не было лица, сумевшего дать надлежащее применение этой речной силе, которая могла бы способствовать нашим набегам на турецкий берег Дуная или по крайней мере оградить нас от постоянного беспокойства, доставляемого неприятелем. С другой стороны, желая все-таки использовать флотилию, ей иногда ставили задачи, не соответствовавшие ее средствам, как, например, борьбу с береговыми батареями, бесцельно разрушая материальную часть, которая могла оказать большую помощь при предстоящей переправе через Дунай. Можно смело сказать, что ни со стороны сухопутных генералов, ни со стороны моряков не нашлось лиц, способных руководить операциями столь важного фактора, как речная флотилия, при борьбе на берегах реки протяженностью почти 300 верст.

«Si vous voulez que cette flotille vous soit utile pour la grande оййration du passage sur l'autre rive,— писал Меншиков князю Горчакову⁹⁶,— employez Liders de l'employer avec aussi peu d'intelligence qu'il le fait».

Но, кроме беспредметных советов и сожалений, что Горчаков не имеет талантливых помощников, князь Александр Сергеевич ничем не помог своему другу, хотя в его распоряжении находился весь личный состав Черноморского флота.

На несоответственное употребление Дунайской флотилии обратил внимание и император Николай. «Про турецкие пароходы на Дунае ничего не знаю,— писал государь князю Горчакову⁹⁷.— Нашей флотилии их пропускать не должно; вот ее цель, а не пустые и убыточные канонады с батареи, кончающиеся ничем».

В половине февраля князь Горчаков решил ввиду предполагавшегося заграждения устья Дуная затопленными судами часть на-

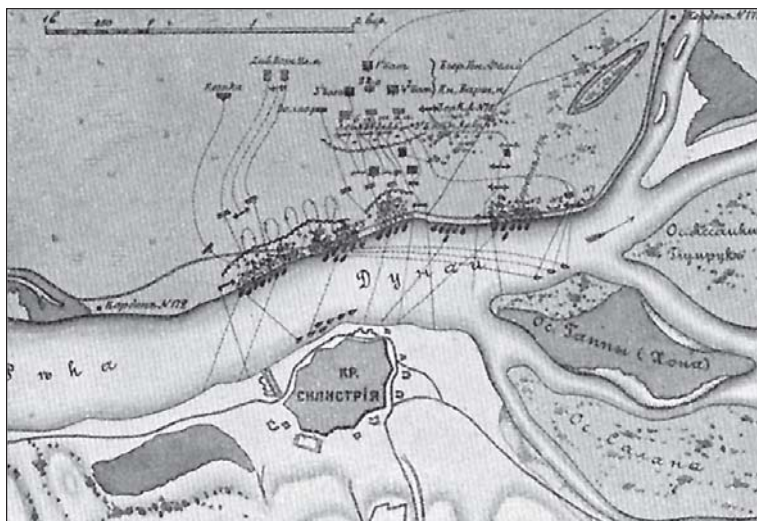

Схема № 34

шей флотилии поднять от Галаца вверх по реке и сосредоточить у Браилова. Так как нам не удалось воспрепятствовать туркам возвести на их берегу реки, против Браилова, ряд укреплений, предназначенных по преимуществу для охраны входа в Мачинский рукав, то операция провода нашей флотилии под огнем этих батарей представлялась делом нелегким. Ее решено было произвести ночью, а для отвлечения внимания турок сделать перед проходом судов высадку на правый берег и атаковать наиболее опасную батарею, построенную турками в трех верстах ниже Браилова.

Эта задача в ночь с 17 на 18 февраля была возложена на 300 егерей Замосцьского полка под начальством подполковника Ковальского, который, узнав о приближении флотилии, переправился на правый берег и атаковал в тылки батарею. Потеряв в этой атаке 16 человек убитыми и 23 ранеными, замосцы дали возможность благополучно провести из Галаца в Браилов 2 парохода и 8 канонерских лодок, после чего вернулись на свой берег⁹⁸.

Между тем еще вскоре после окончания дела у Журжи генерал Шильдер решил отправиться в Каларашский отряд, чтобы произвести с силистрийской флотилией такую же операцию, какая была произведена с рушукской. «Je n'ose pas trop compter sur un grand succès de ce côté, — писал по этому поводу князь Горчаков военному министру⁹⁹, — la plage étant moins favorable et l'ennemi ayant les moyens d'abriter ses embarcations des des; mais il fera le possible et je l'ai fortement engagé de ne pas tenter l'impossible...» Однако испол-

нение этого намерения было на некоторое время отложено, и лишь 16 февраля в Калараш прибыл по поручению Шильдера генерал Хрулев с инженерными офицерами для постройки против Силистрии батарей.

Произведя рекогносцировку реки, он приступил к сооружению на нашем берегу семи батарей — трех против острова Гоп¹⁰⁰ и четырех против Силистрии. Турки противодействовали нашим работам редким и безвредным огнем, и к вечеру 19-го числа батареи были окончены, но не вооружены.

Неприятель решил воспользоваться удалением нашего отряда от берега и 20 февраля на рассвете снарядил сильную экспедицию на левый берег Дуная, которая должна была сбить охранявшую батареи цепь казаков и срыть наши постройки. С этой целью около 6000 человек переправились на 30 судах в два приема с острова Гоп и от Силистрии через Дунай и, сбив казаков, двинулись против батарей.

В Калараше был расположен отряд генерала Богушевского силой в 4 1/2 бат., 2 эск., 2 сот., 12 пеш. и 6 кон. ор.¹⁰¹, который при первом известии о высадке неприятеля быстро направился по течению р. Борчи к угрожаемому пункту, отстоявшему верст на восемь от Калараша. Здесь после небольшого отдыха отряд выстроил параллельно течению Дуная в версте от берега боевой порядок под сильным огнем с крепости. Впереди под прикрытием густой цепи застрельщиков была поставлена вся пешая артиллерия, имеющая за собой пехоту в трех линиях. В первой линии в ротных колоннах три роты 2-го батальона Егерского князя Варшавского полка и рота Валахского полка; вторую линию составляли 3-й и 4-й батальоны егерей в колоннах к атаке, а между ними стояла оставшаяся рота 2-го батальона в ротной колонне, и, наконец, в резерве за второй линией встал 1-й батальон егерей в полувзводной колонне из середины.

На флангах рот первой линии расположилось по три конных орудия, а на правом фланге второй линии стали уланы и казаки.

Генерал Хрулев принял под свое начальство правый фланг, а генерал Богушевский центр и левый фланг.

Степан Александрович, не дав туркам опомниться, приказал штабс-капитану Ахбауру, адъютанту генерала Шильдера, хорошо знакомому с местностью, вести на левый фланг неприятеля, в направлении на нашу крайнюю батарею, три конных орудия, уланы и казаков.

Турки, перестав срывать укрепления, двинули против кавалерии полк египтян с густой цепью застрельщиков.

Но конные орудия лихо вынеслись вперед и картечью осыпали неприятельскую пехоту, заставив ее отступить к Дунаю под преследованием наших уланы и казаков. Ахбаур пододвинул тогда орудия к самому берегу Дуная и открыл огонь по отплывающим судам.

Около 500 турок не успели сесть в лодки и толпились на узкой полосе, заслоненной крутым берегом реки. Не имея возможности атаковать их в конном строю, Хрулев спешил улан, казаков, артиллерийскую прислугу и ездовых и во главе этой кучи бросился с пиками и шашками на противника, окончательно уничтожив его.

Тем временем первая линия нашей пехоты, пройдя в интервалы между орудиями, двинулась, прикрываясь камышами, к срываемому турками редуту № 4. Сильный огонь, которым были встречены егеря, не помешал их штыковой атаке, и неприятель и здесь бежал к судам под прикрытием огня из крепости. Тогда наши 4 батарейных орудия выдвинулись к самому берегу Дуная, снялись между укреплениями № 3 и 4 и окончательно добились здесь турок.

Одновременно с этим конные орудия левого фланга генерала Богушевского выдвинулись против батареи № 3, где неприятель, стоя на бруствере, разбрасывал землю. Обстреляв последовательно с двух позиций турок прицельным огнем, командовавший орудиями полковник Зыбин подскочил к батарее на 100 сажень и, приказав для скорости дослать картечные жестянки на ядра и гранаты, которыми орудия были уже заряжены, открыл убийственный огонь по туркам, бежавшим к своим лодкам. Полковник Зыбин перенес огонь на лодки, из которых 2 потопил вместе с находившимися на них людьми.

Во время общего бегства турок генерал Богушевский получил донесение, что 3 турецкие лодки потеряли руль и неслись по течению к острову Гоп. Тогда он быстро направил к батарее № 1 под прикрытием роты пехоты те 4 батарейных орудия, которые уже раньше переехали на берег Дуная. Метким огнем эти лодки также были потоплены.

Потеря наша в этот день заключалась в 9 раненых, что можно объяснить отсутствием на турецких лодках орудий и умелой маскировкой наших войск в густых камышах, покрывавших берег Дуная. Потеря неприятеля состояла из 38 пленных, 248 убитых; 4 погибших и 2 сильно попорченных лодок, а кроме того, из значительного числа утонувших и раненых.

В блестящем деле Хрулева поистине все радует сердце. Отсутствие растерянности, быстрота сбора и подхода к угрожаемому пункту всего отряда, взаимодействие разных родов оружия, применение их сообразно с присущими им свойствами, подвижность артиллерии, соответственное значение стрелковых цепей и та решимость старшего начальника, которая электрической искрой проходит до последнего рядового. Результатом всего этого явился сильный подъем духа Каларашского отряда, переставшего бояться силлистрийских турок.

Наши поврежденные батареи были вновь исправлены и 21 февраля вооружены 9 орудиями. На следующий день Хрулев начал обстреливать из них крепость, произведя в ней несколько пожаров и заставив на время прекратить огонь с ее верхов. К вечеру артиллерия наша благополучно вернулась в крепость¹⁰².

И зложенными событиями в общем исчерпываются действия наши на Дунае в период, предшествовавший совершению операции переправы через эту реку. Энергия, проявленная генералом Шильдером, пробудила нашу армию, подняла ее дух несколькими успешными делами, показав, что мы не только можем отбивать попытки неприятеля против нашего берега, но и в свою очередь беспокоить его и наносить ему существенный вред. Со своей стороны, турки должны были перестать смотреть на армию князя Горчакова как на обозначенного противника и начать считаться с ее хоть и мелкими, но все-таки наступательными порывами. Шильдер и Хрулев, тревожа турок последовательно на разных пунктах длинной оборонительной линии Дуная, невольно должны были отвлечь внимание неприятеля и ввести его в заблуждение относительно предполагаемого пункта нашей переправы через реку, так как наступающая весна заставляла его ожидать совершения этой операции. Таково, по нашему мнению, было значение огня шильдеровских батарей, который, в общем, не произвел существенного изменения в нашей обстановке на Дунае. Он был лишь прелюдией к блестящему переходу через эту реку князя Горчакова, предписанному ему императором Николаем и на скорейшем исполнении которого так настаивал государь. Но прежде чем перейдем к описанию этой светлой страницы кампании 1854 года на европейском театре, упомянем вкратце о тех стычках, которые в конце февраля и в начале марта происходили в разных пунктах нашего расположения.

Наступательные попытки турок в половине февраля от Туртукая и овладение ими большим островом, лежащим против этого пункта, заставили командировать в Ольтеницкий отряд генерала Хрулева, которому было приказано очистить занятый противником остров.

С этой целью в ночь с 27 на 28 февраля им были построены и вооружены на левом фланге 5 батарей, каждая на одно орудие, для стрельбы вдоль острова с расстояния 60 саженей и на правом фланге, на острове Малый Кичу, 4 батареи, тоже на одно орудие каждая, для поражения турецкого острова косыми выстрелами с расстояния 50 саженей. Таким образом, остров должен был обстреливаться перекрестным огнем наших батарей. В означенных работах

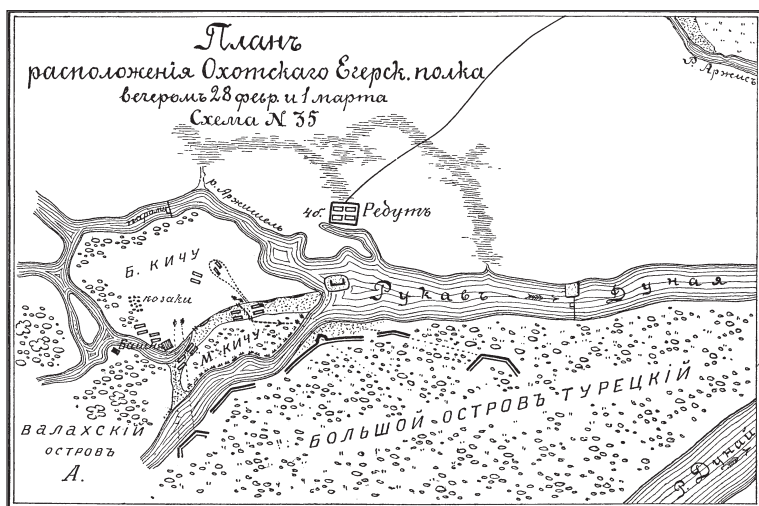

Схема № 35

впервые в эту кампанию принимал участие подполковник Тотлебен, стяжавший себе впоследствии неувядаемую славу на бастионах севастопольских.

Генерал Хрулев предполагал, обстреляв занимаемый турками и покрытый густым лесом остров, атаковать его. С этой целью 28-го числа около часа дня с вновь устроенных батарей был открыт перекрестный огонь и в то же время на пароме из 18 лодок были перевезены на остров Б. Кичу 2 батальона Охотского полка, а третий оставлен на левом берегу у переправы¹⁰³. Камчатский же егерский полк был переведен на правый берег р. Аржиса, кроме трех рот, оставленных в карантине и в Ольтенице.

В 5 часов дня, полагая остров достаточно обстрелянным, генерал Хрулев направил на Валахский остров пять орудий под прикрытием батальона охотцев с целью построить там батарею для действия в тыл туркам. Орудия своим картечным огнем заставили неприятеля очистить первую линию ложементов, но его сильный огонь со второй линии и отсутствие ожидаемого брода заставили Хрулева отказаться от предполагаемой попытки и решиться устроить переправу ниже по течению рукава для атаки с этой стороны. Однако и здесь турками были приняты меры к самой упорной обороне, что заставило Хрулева приказать войскам вернуться на места их прежней стоянки.

Урон наш в этом деле доходил до 100 убитых и раненых¹⁰⁴.

Дальнейшие действия здесь ограничились закреплением занятого обеими сторонами положения.

Против никопольской флотилии в феврале нами производилась ежедневная редкая стрельба из батарей, устроенных около Турно. Это совершенно прекратило движение неприятельских судов по Дунаю, которые, направляясь из Видина или Рахова, останавливались, не доходя Никополя, у с. Излазлы. Наша стрельба вызвала принятие неприятелем некоторых мер, в виде занятия и укрепления ближайших островов, чем действия здесь и ограничились вплоть до перехода нами через Дунай.

Тем временем сильный по численности Мало-Валахский отряд генерала Липранди продолжал исполнять строго пассивную задачу стеснения калафатских турок и ограничивался лишь производством ряда рекогносцировок с целью держать неприятеля в страхе всегда ожидаемого нашего наступления.

Так, 2 февраля¹⁰⁵, узнав, что турки снова заняли с. Чепурчени значительным отрядом численностью около 2 1/2 тысячи при 2 орудиях, генерал Липранди двинул ночью свой отряд к этому селению с целью по возможности отрезать неприятеля от Калафата.

Собственно наступление на Чепурчени должно было быть произведено колонной Бельгарда из Пояны¹⁰⁶. Отрядам, расположенным в Гунии и Мадловите, было приказано пододвинуться на полторы версты к калафатским укреплениям с целью поддержать Бельгарда, если бы турки вышли из Калафата на помощь своим. Наконец, войска, расположенные в с. Голенцы-Команы, также должны были приблизиться к Калафату и составить резерв остальных колонн.

Подход Бельгарда к Чепурченям заставил турок, заблаговременно осведомленных об этом своими передовыми постами, поспешно отступить, обменявшись с нами лишь несколькими орудийными выстрелами, которые произвели сильную тревогу в Калафате.

Бельгард, исполнив свою задачу занять Чепурчени, не знал, что ему делать дальше. Офицер, посланный за приказанием к генералу Липранди, заблудился, и Поянский отряд остался на месте, не считая нужным развить свой успех.

Подошел к калафатским укреплениям и генерал Липранди, который, не зная, что делается у Бельгарда, также остался на месте.

А между тем у турок, по словам бежавших оттуда местных крестьян, паника приняла грандиозные размеры. «Казалось бы,— пишет по этому поводу один из современников¹⁰⁷,— какого более благоприятного момента было ждать для атаки Калафата! Тут бы и ударить на турок! Так нет — наши не могут ни на что решиться и не атакуют...»

И действительно, на рассвете войска Мало-Валахского отряда вернулись на свои места, ограничась истреблением запасов у Чепурчени и подморозив значительное число нижних чинов, так как в течение ночи мороз окреп с 5 до 15 градусов.

Генерал-лейтенант Хрулев

7 февраля Мало-Валахский отряд вновь произвел бесцельное наступление к Калафату, исполняя приказание князя Горчакова возможно чаще тревожить там турок¹⁰⁸.

Войска из Мадловиты и Поян следовали к Калафату кратчайшими путями, отделив к стороне Чепурчени 4 эскадрона гусар с 4 конными орудиями и сотней казаков¹⁰⁹, с целью удостовериться, не занято ли вновь это селение неприятелем.

Отгеснив передовые части противника, отряд остановился в 2 верстах от калафатских укреплений и выставил на особо устроенных станках 4 единорога для действия навесными выстрелами с дальнего расстояния. Огонь этот привел

турецкие войска в движение и заставил отвечать их 2 левофланговые батареи, которые никакого вреда нам не наносили. Заметив предел, до которого достигали неприятельские снаряды, генерал Липранди выставил вне этого предела 8 батарейных орудий, открывших огонь по левофланговому редуту, который находился на берегу Дуная. Действие этих орудий заставило неприятеля открыть огонь еще с двух батарей и обнаружило нам, что калафатские укрепления, или по крайней мере левая половина их, были вооружены только полевыми орудиями.

В то же время отряд, посланный к Чепурчени, застал там 250 турецких кавалеристов, которых атаковал и рассеял.

К середине февраля было выяснено, что в Рахово прибыло с разных сторон до 2000 турецких пехотинцев; конница же, находившаяся в этом городе, отправлена вниз по Дунаю к Руцук. В Лом-Паланке находилось до 3000 турецких солдат, а между Видином и р. Тимок производилось по Дунаю большое движение лодок.

Вследствие этого генерал Липранди снарядил особую подвижную колонну из 2 эск., 2 кон. ор., одной роты и команды штуцерных¹¹⁰, которая двинулась вверх по Дунаю до с. Груи, мешая своим огнем свободному плаванью турецких судов.

Тем временем, когда Липранди производил бесплодные рекогносцировки Калафата, долженствовавшие устрасить турок,

но по мере их однообразного повторения терявшие и это свойство, старик Шильдер, находясь в Калараше и Браилове, изнывал от желания лично поехать в Мало-Валахский отряд, где он рассчитывал одним ударом покончить с беспокойными калафатскими турками. «L'affaire de Kalafat est celle qui m'interisse le plus apres toutes les besognes a Brailof et Galatz qui pisent encore sur moi,— писал он князю Горчакову¹¹¹.— Vous n'avez, mon prince, qu'a vouloir et la garnison de Kalafat sera faite prisonniere...» Но командовавший войсками на Дунае, видимо, боялся, что Шильдер придаст очень решительный характер действиям против этого столь деликатного в глазах князя Горчакова пункта, так как старику инженеру не удалось туда попасть, несмотря на решительные требования Карла Андреевича. В своих последующих записках как на имя Горчакова, так и на имя военного министра он настоятельно требовал разрешения отправиться к Калафату, обещая заставить плененный турецкий отряд сложить свои знамена к ногам царя¹¹².

Кто знает, может быть, генералу Шильдеру удалось бы влить в Мало-Валахский отряд тот дух решимости и отсутствия страха ответственности, которые, вероятно, одни были причиной дислоцирования турок на нашем берегу Дуная. По крайней мере французский полковник Диё, который посетил в это время Калафат, рисует положение турок там далеко не в блестящем виде. Укрепленный лагерь, по его словам¹¹³, был очень растянут, мог вмещать в себе до 60 тысяч, не имел редута и требовал оставлять в нем в случае вылазки много войск. А между тем турецкие силы были там незначительны, очень утомлены постоянной бдительностью, и Омер-паша должен был отказаться от всяких наступательных попыток. Вообще автор письма не оправдывал желания турок удерживать Калафат в своих руках; они не могли действовать против нашего фланга и были совершенно заперты в своем лагере после укрепления нами Пояны, Мадловиты и других селений.

Французский корреспондент не догадывался, какое нравственное влияние на князя Горчакова имела эта горсть турок, смело уцепившаяся за наш берег Дуная и надолго парализовавшая волю многочисленной русской армии.

В низовьях Дуная также продолжались мелкие стычки с неприятелем, происходившие большей частью из-за постройки турками батарей на своем берегу, места для которых мы им указывали нашими не всегда сноровистыми, но активными действиями, о которых говорилось выше.

Так, демонстративная переправа русских войск у Браилова 17 февраля указала туркам на необходимость устройства против кордона № 260 (в 3 верстах ниже Браилова) укрепления с двумя орудиями и увеличения там числа войск¹¹⁴. Мы на это ответили

постройкой на нашем берегу двух батарей, на 2 орудия каждая, и поддерживали против турок редкий огонь. Неприятель делал также несколько попыток переправы небольших частей на левый берег реки с целью очистки этого берега от камыша, но легко был отбиваем нашими войсками.

В таких, в общем, незначительных стычках в конце февраля и в начале марта заключались действия враждующих сторон на европейском театре войны.

Но этот период обоюдного спокойствия пришел к концу. Россия вступила в новую фазу борьбы, борьбы с сильной коалицией Англии, Франции и Турции, которая хоть отчасти развязала связанные дипломатическими путями руки нашей родины и дала возможность нам попытаться взять инициативу в свои руки и перебросить театр войны на тот берег Дуная.

Время, однако, было упущено, и гнет пассивности лиц, стоявших во главе армии, этого вечного предвестника неудачной войны, совместно с их боязнью риска и ответственности, в скором времени вновь и на этот раз навсегда сковал орлиный полет мысли и воли императора Николая!

Грозовые тучи, нависшие над всем пространством России в виде состоявшегося разрыва с западными державами и возможности нападения врага на все обширные границы нашего отечества, заставили все русское общество особенно чутко относиться к тому, что делалось на берегах Дуная. «L'inquiétude omneus sommes est si grande que tout nous semble prîsage, — занес по этому поводу в свой дневник князь П. П. Гагарин¹¹⁵. Нам так хотелось какого-нибудь блестящего дела у Горчакова и хотелось не только во славу русского оружия, но как необходимого удара грома, который должен был уменьшить дерзость врагов России, искусно завязавших из злобы, ненависти и зловолы мертвую петлю вокруг шеи русского колосса.

Однако одной армии во главе с нерешительным главнокомандующим не по силам было сделать на берегах международного Дуная то, что позднее с успехом выполнил, под руководством того же лица, многострадальный Севастополь соединенными усилиями армии и нравственной поддержкой всего русского народа, ставшего на защиту своего великодержавного бытия.

«Que veut-on, — писал князь Гагарин 9 марта¹¹⁶. — Pourquoi se bat-on? Nul ne le sait que cette obieuse Angleterre qui compte comme prospérité personnelle tout le mal qui arrive aux autres. Odieux pays, qui, si les peuples étaient comme les hommes, devrait être compté comme un grand criminel et comme tel condamné par le globe. Ce n'est pas contre la Russie qu'il faudrait une coalition, mais bien contre elle».

Сетования на руководителей нашими операциями на Дунае раздавались и в армии, и в среде русской интеллигенции, и в придворных сферах.

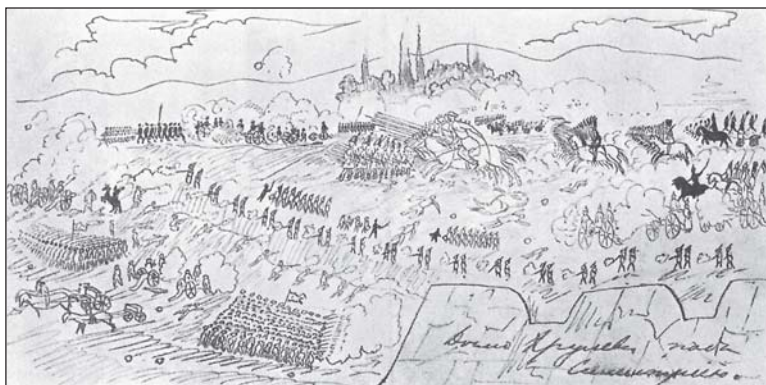
«Да и вообще говоря, как у нас организована оборона Дунайского берега,— пишет один из участников этой войны¹¹⁷.— Войска растянуты на значительном пространстве, причем они ни в каком случае не будут иметь возможности вовремя стянуться к действительно угрожаемому пункту. Высшее начальство находится слишком далеко, чтобы его распоряжения могли поспеть своевременно к ближайшему начальству войск, охраняющих Дунай, которому не дано почти никакой самостоятельности».

В свою очередь известный славянофил С. Т. Аксаков 5 февраля 1854 года писал Погодину¹¹⁸: «Наше политическое положение меня с ума сводит. Я боюсь не Европы, на нас восстающей, а боюсь сомнений и нерешительности с нашей стороны и боюсь также за выбор главнокомандующих, которых понадобится несколько. Говорят, что на Дунае распоряжения очень плохи, а в Главном штабе все почти не чисто русские люди и даже много измены. Этак, пожалуй, и с чудным войском будет плохо».

Князь П. П. Гагарин в своем дневнике, который может служить отголоском разговоров в высших сферах Петербурга, также посвящает армии несколько строк¹¹⁹: «*Les maréchal*¹²⁰ est ici depuis dimanche. Il ira prendre le commandement de l'armée du Danube et tout le monde s'en réjouit: il est vieux, peut-être l'âge a-t-il amoindri ses forces et par conséquent l'homme, mais il y aura toujours le prestige de ses anciens succès et la confiance de l'armée et de l'Empereur... On a fait une caricature de son prédécesseur le prince Gortchakoff. Il a les deux bras étendus, les revers des mains sont visibles, sur l'un d'eux est écrit *ordre*, sur l'autre *contre-ordre*, sur le front *désordre*. Je ne sais à quel point cela est mérité, mais cela n'est pas agréable, surtout à la suite d'une campagne dont il n'est peut-être pas responsable, mais où il n'y a rien eu de remarquable et que l'Europe a marqué en disant qu'Omer pacha l'avait tenu en échec avec une armée peu formidable».

Военный министр князь В. А. Долгоруков также открыто печалился на ход наших военных операций на Дунае. Желая успеха в заграждении русла Дуная, он писал князю Меншикову¹²¹: «Dieu veuille qu'elles réussissent mieux que nos premiers essais sur le Danube. Ceux-ci ne navrent le cœur et si nous continuons du même train, nous perdrons notre armée avant qu'elle ne puisse être employée efficacement. C'est surtout à cette heure que nos troupes vont nous devenir nécessaires. La politique est plus embrouillée que jamais et sans plus penser aux récriminations il faut, selon moi, soit que soit vaincre ou mourir».

На подобные упреки, неоднократно повторяемые, князь Михаил Дмитриевич Горчаков, виноватый не более других в невзгодах, постигших Россию, отвечал военному министру следующими словами оправдания уже в конце 1854 года¹²²: «Les reproches que vous nous faites, mon cher prince, sur le peu de succès du résultat des

Дело Хрулева под Силистрией (набросок с натуры Рутковского)

campagnes de 1853 et 1854, me paraissent injustes. Ce n'est pas a cause du dйcoursu des opйrations que nous n'avons pas eu de succйs, mais par suite de la nature des choses. Que pouvais-je faire en 1853 plus que de couvrir les Principautйs? Je l'ai fait d'abord avec un seul corps d'armйe et a l'arrivйe du 3-me corps j'ai refoulй l'ennemi jusqu'a Kalafat. Il est vrai que je n'ai pas forcй ce dernier point, mais c'есть йтй de la dйmence de le tenter. Kalafat йtait certes plus fort que ne l'йtait Sйvastopol au commencement de septembre et d'une importance aussi parfaitement minime que Sйvastopol est d'une importance majeure, et pourtant les anglo-franzais, qui disposent de bien d'autres moyens que deux que j'aurais pu employer contre Kalafat, n'en sont pas venus a bout jusqu'a prйsent».

Трудно согласиться с подобным взглядом автора письма.

Сам государь был, по обыкновению, далек от упреков кому бы то ни было и смиренно переносил тяжелый, выпавший на его долю крест. «Положение наше не легкое, — писал он князю Горчакову 18 февраля 1854 года¹²³, — но, возложив всю надежду на милость Божию, на общий славный дух России и на храбрость и верность наших героев, я спокойно ожидаю, что Бог нам дарует, и не унываю».

Тем временем в Петербурге свершилось событие, которому суждено было сыграть весьма важную роль в дальнейшем ходе кампании. Грозное положение, в котором оказалась Россия после разрыва с западными державами, сопряженное с недвусмысленной враждебностью Австрии и колебанием Пруссии, заставило императора Николая обратиться к своему испытанному другу, в преданность и особые военные дарования которого он несокрушимо верил, и вручить оборону государства на всем протяжении от Балтийского до Черного морей в руки князя Варшавского.

Двумя рескриптами¹²⁴, данными на его имя 21 февраля, Паскевичу подчинялись, кроме действующей армии, войска, находившиеся на Дунае, а также резервные и запасные части, которые будут находиться в подведомственных Паскевичу районах, но, однако, при условии, чтобы резервные части были по преимуществу употребляемы для той цели, для которой они предназначались. Этими же рескриптами определялись права и обязанности князя Горчакова и назначенного командовать войсками в Царстве Польском графа Ридигера как в присутствии князя Варшавского, так и в случае его отсутствия.

6 марта в главной квартире было получено известие о назначении Паскевича главнокомандующим и о скором прибытии его на театр военных действий. Одновременно князь Михаил Дмитриевич получил всемиловитейший рескрипт с изъявлением искренней признательности государя за его полезные заслуги по командованию Дунайской армией¹²⁵.

Смена Горчакова пришла почти накануне исполнения его блестящей переправы через Дунай и была объявлена войскам уже после совершения этой операции.

«С твердостью стойка, — пишет один из современников¹²⁶, — перенес князь Горчаков это назначение и, поздравляя с ним войска, говорил — успех переправы за Дунай, совершившийся одновременно с назначением фельдмаршала, предвестник побед и славы, к которым поведет нас испытанный в победах герой».

Иное впечатление произвело это назначение на генерала Коцебу, который в своем дневнике за 6 марта занес следующее¹²⁷: «Получены соображения нового главнокомандующего о нашем положении. Эти соображения должны затормозить все наши дальнейшие операции, потому что он исходит из той точки зрения, что Австрия объявит нам войну, что французы и англичане сделают высадку у Одессы, вследствие чего нам придется перейти за Серет и оставить Малую Валахию. Досадно, досадно!»¹²⁸

И действительно, все распоряжения Паскевича должны были, как изложено в своем месте, погубить операцию переправы через Дунай, если бы в данном случае князя Горчакова не покинула его всегдашняя нерешительность.

Примечания

¹ См. схему № 27.

² Алексопольский егер. п., Донской каз. № 37 п. и конно-легк. № 9 бат.

³ 2-я бриг. 10-й пех. див., Гусар. наследника цесаревича и Донск. каз. № 40 полки, бат. № 2 и легк. № 2 бат. 10-й артил. бриг. и конно-легк. № 8 бат.

⁴ 2-й бриг. 11-й пех. див., Уланск. герцога Нассауского п., 3 сот. Донского каз. № 34 п. и сотня полковника Зарубина полка, батарейная № 3 и легк. № 4 бат. 11-й артил. бриг. и дивизион конно-легк. № 9 бат.

⁵ Люблинский егер. п., Вознесенский улан. п., по три сотни Донского каз. № 9 и № 34 полков, легк. № 7 бат. 15-й арт. бриг. и 6 ор. конно-легк. № 7 бат.

⁶ В Добрени и Херешти — 1-я бриг. 11-го п. див. и легк. № 5 бат. 11-й артил. бриг. Между Брагадиром и Крещшти — 1-я бриг. 8-й пех. див., бат. № 3 и легк. № 3 бат. 8-й артил. бриг. В Бухаресте — Кременчугский егер. п., бат. Охотского п. и 5-й легк. бат. 8-й артил. бриг. В Буфтиде-Сусс — легк. № 4 бат. 8-й артил. бриг. В Фундени-Вакарескулуй — 6 эск. Ольвиопольского улан. п. В Слободзее и Чульнице — 6 эскадр. Вознесенского. улан. п. В Цендерее — бат. Люблинского. егер. п., дивизион Ольвиопольского улан. п. и 2 ор. конно-легк. № 7 бат. В Обилешти-Ноу, Лехлии и Калараше — 2-я бриг. 9-й пех. див. с легк. 7-й и 8-й бат. 9-й артил. бриг. В Калараше один из полков этой бригады должен был сменить Люблинский п. и легк. № 7 бат. 15-й арт. бр.

⁷ Князь Горчаков — командиру 4-го корпуса 3 января 1854 г., № 39. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3413.

⁸ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3416.

⁹ Об атаке укреплений князь Горчаков в своем наставлении не говорит, а сообщает лишь об атаке тех насыпей, которыми окружены валахские деревни.

¹⁰ Дневник генерал-адъютанта Коцебу, запись за 1 января 1854 г. Музей Севастопольской обороны.

¹¹ Там же.

¹² См. схему № 28.

¹³ Военно-исторический журнал войск 3, 4 и 5-го корпуса за 1854 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3588. История Замосецкого пех. полка.

¹⁴ Военно-исторический журнал и приказ князя Горчакова от 3 января 1854 г., № 7.

¹⁵ См. схему № 27.

¹⁶ Журнал военных действий и отношение графа Анрепа генералу Коцебу 2 января 1854 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3416.

¹⁷ Архив П. К. Менькова. Музей Севастопольской обороны. Мы помещаем план Калафатского укрепленного лагеря, сохранившийся у Менькова, ведшего журнал военных действий. См. схему № 19.

¹⁸ См. схему № 18.

¹⁹ Всеподданнейшее письмо 3 января 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 88.

²⁰ Алабин. Восточная война. Ч. II. С. 172—174.

²¹ Дневник за 3 и 4 января 1854 г. Музей Севастопольской обороны.

²² Архив канц. Воен. мин. по снар. войск, 1853 г., д. № 57.

²³ От 11 января.

²⁴ Записка князя Горчакова о действиях в Малой Валахии от 21 января 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.

²⁵ Дневник генерал-адъютанта П. Е. Коцебу, запись за 13 января.

²⁶ Там же.

²⁷ Пехотные полки: Азовский, Днепровский, Украинский, Одесский, Екатеринбургский, Тобольский, 4-й сап. бат. (2 р.) с соотв. артил., Бугский улан.,

Гусар. князя Варшавского и принца Фридриха Карла Прусского п., Донск. каз. № 32 п., легк. № 10 кон. бат. и Донск. № 9 бат.

²⁸ См. схему № 20.

²⁹ Записка князя Горчакова о действии в Малой Валахии от 21 января 1854 г. Архив канц. Воен. мин., секр. д. № 60.

³⁰ Диспозиции для движения каждой колонны были составлены в штабе армии и заключали в себе лишь указания порядка следования в походной колонне частей войск. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3416.

³¹ Схемы № 20 и 30.

³² Дневник П. Е. Коцебу. Музей Севастопольской обороны.

³³ Записки П. К. Менькова. Там же.

³⁴ 1-я бриг. 10-го п. див., рота 4-го сап. бат., 10-й артил. бриг. бат. и легк. № 1 бат., Гусар. князя Варшавского п., 4 ор. конно-легк. № 4 бат. и 2 сот. Донского каз. № 38 п.

³⁵ Командующий войсками — г-ну Бельгарду 17 января 1854 г., № 143. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3416.

³⁶ Записка князя Горчакова о действии в Малой Валахии от 21 января 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.

³⁷ Пр-ние по войскам Мало-Валахийского отряда от 17 января 1854 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, № 3416.

³⁸ См. схему № 17.

³⁹ Записка князя Горчакова о действии в Малой Валахии от 21 января 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.

⁴⁰ Дневник П. Е. Коцебу. Музей Севастопольской обороны.

⁴¹ Командующий войсками — генералу Липранди 17 января 1854 г., № 122. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3416.

⁴² Записка князя Горчакова о действии в Малой Валахии от 21 января 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.

⁴³ Князь Горчаков — князю Меншикову 24 января 1854 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4253.

⁴⁴ Записки Алабина и П. К. Менькова.

⁴⁵ Дневник П. Е. Коцебу за 19 января. Музей Севастопольской обороны.

⁴⁶ L'ambassadeur a Constantinople au ministre de la guerre le 5 février 1854. Парижский воен. архив.

⁴⁷ Рапорты генерала Липранди князю Горчакову 22, 24, 29 января, 8 и 15 февраля 1854 г., № 64, 86, 96, 115 и 122. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3416 и записки Генрици; Русская старина. 1877, октябрь.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Тобольский пех. п., 1 бат. Украинского егер. п., 10 ор. 11-й артил. бриг., 2 ор. 12-й артил. бриг., дивизион Гусар. принца Фридриха Карла Прусского п. и 1/2 сотни Донского каз. № 38 п.

⁵⁰ См. схему № 28.

⁵¹ См. схему № 29.

⁵² Рапорт контр-адмирала Мессера генерал-адъютанту Лидерсу 15 января 1854 г., № 173. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3423. Вахт. журн. участ. судов. Черноморский центр. Военно-морской архив, кн. оп. 51, оп. 3359, № 2549, 2576, 2577, св. 141.

⁵³ От ? февраля 1854 г. из Измаила (автор по рассеянности часто забывал ставить числа). Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4253.

⁵⁴ Князь Меншиков в частном письме военному министру (24 января 1854 г.) также глубоко возмущался походом канонерских лодок против земляной береговой батареи и бесцельной тратой массы снарядов для срытия насыпи этой батареи. «Il est en verite desolant,— закончил он,— de voir employer cette flottille avec aussi peu d'intelligence».

⁵⁵ Военно-исторический журнал военных действий.

⁵⁶ 2-я бриг. 14-й пех. див. занимала участок Галац—Рени; 1-я бриг. 15-й пех. див.— Модлинский п. — в резерве у Дубеско и Чочиле; Пражский п. — по р. Яломнице с центром в Слободзее, 2-я бриг. — между Брайловым и Визири-де-Жос (Журнал воен. действий).

⁵⁷ См. схему № 28.

⁵⁸ Журнал воен. действий и вахт. журнал парохода «Прут». Черноморский центр. военно-морской архив, кн. оп. 51, оп. 335, д. № 2544, св. 140.

⁵⁹ L'ambassadeur a Constantinople au ministre de la guerre le 25 février 1854. Париж. Архив Воен. мин.

⁶⁰ 3 бат. Томского егер. п., 6 ор. бат. № 2 бат. 10 артил. бриг., 1 эск. Гусар. наследника цесаревича п. и 2 сот. Донского каз. № 40 п.

⁶¹ См. схему № 31 и общую карту.

⁶² Кольванский егер. п.

⁶³ Кольванский егер. п., 6 ор. № 2 бат. и 10 ор. легк. № 2 бат. 10-й артил. бриг., 3 эск. Гусарск. наследника цесаревича п. и 4 ор. конно-легк. № 8 бат.

⁶⁴ Донской каз. № 40 п.

⁶⁵ Гусар. наследника цесаревича п.

⁶⁶ Томский егер. п. и легк. № 1 бат. 10 артил. бриг.

⁶⁷ Гусар. наследника цесаревича п. и легко-кон. № 8 бат.

⁶⁸ См. схему № 32.

⁶⁹ Рапорт генерал-лейтенанта Соймонова генерал-адмиралу князю Горчакову 22 января 1854 г., № 81. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3426.

Ген.-кварт. армии — генерал-лейтенанту Липранди 29 января 1854 г., № 261. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3416.

Материал истории Томского полка капитана Дмитриевского. Дневник П. Е. Коцебу. Письмо Генеральному штабу подпоручика Батезатула. Рукоп. отд. музея Севастопольской обороны.

Всеподданнейшее письмо князя Горчакова 27 января 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.

Ambassadeur a Constantinople au ministre de la guerre. Pйra, le 25 fevr. 1854. Париж. Архив Воен. мин. Этот последний документ придает совершенно иную и крайне неправильную окраску всему делу. Он интересен лишь в смысле лживости донесений, отправляемых в Париж. Да это, впрочем, и понятно, так как посол доносил по турецким источникам.

⁷⁰ Всеподданнейшее письмо князя Горчакова от 27 января 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.

⁷¹ Письмо от 18 февраля 1854 г. Собств. Его Велич. библ., шк. 115, портф. 14.

⁷² П. К. Меньков, Н. Ушаков, П. Алабин.

⁷³ Князь Горчаков — военному министру 29 ноября 1853 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.

⁷⁴ В письме от 14 декабря 1853 г.

⁷⁵ Н. Шильдер. Граф Э. И. Тотлебен. Его жизнь и деятельность. СПб., 1885 г.

⁷⁶ Об этом свидетельствует Н. Шильдер в своем труде: Граф Э. И. Тотлебен. Записки П. К. Менькова. Дневник П. Е. Коцебу. Переписка Н. Шильдера со своим семейством, помещенная в журнале «Русская старина» за 1875—1876 гг.

⁷⁷ Русская старина. 1875, декабрь. С. 728.

⁷⁸ См. схему № 31.

⁷⁹ См. схему № 33.

⁸⁰ 2 февраля 1854 г. // Русская старина. 1875, декабрь. С. 718, 719.

⁸¹ Журнал военных действий.

Репорт генерал-адмирала Шильдера князю Горчакову 4 февраля 1854 г., № 6. Архив канц. Воен. мин. по снар. войск, 1854 г., секр. д. № 82.

Князь Горчаков — военному министру 6 февраля 1854 г. Там же.

То же 3 февраля 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.

Ген.-кварт. армии — генералу Липранди 29 января 1854 г., № 261. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3416 и пр.

⁸² Русская старина, 1875, декабрь. С. 727, 728.

⁸³ От 1 февраля.

⁸⁴ От 4 февраля.

⁸⁵ От 7 февраля.

⁸⁶ 6 февраля 1854 г. // Русская старина, 1875, декабрь. С. 719.

⁸⁷ Князь Горчаков — военному министру 6 февраля 1854 г. Архив канц. Воен. мин. по снар. войск, 1854 г., секр. д. № 82.

⁸⁸ Князь Горчаков — военному министру 3 февраля 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Дневник П. Е. Коцебу.

⁹¹ Записки П. К. Менькова. Т. I.

⁹² Репорт генерал-майора Попова генерал-адъютанту Коцебу 18 февраля 1854 г., № 439. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3426.

⁹³ См. схему № 28.

⁹⁴ Князь Горчаков — военному министру 8 января 1854 г. Архив канц. Воен. мин., по снар. войск, 1853 г., секр. д. № 57. Князь Долгорукий — князю Меншикову 25 января 1854 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4254.

Князь Меншиков — военному министру 24 января 1854 г. Там же.

Ген.-ад. Сакен — князю Горчакову 27 февраля 1854 г., № 57. Там же, д. № 3354.

Князь Горчаков — князю Меншикову, февраль 1854 г. Там же, д. № 4253.

Князь Горчаков — князю Меншикову, 24 марта 1854 г. Там же.

⁹⁵ Военно-исторический журнал войск 3, 4-го и 5-го корпусов за 1854 г.

⁹⁶ 7 января 1854 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4253.

⁹⁷ Государь император — князю Горчакову 5 (17) февраля 1854 г. Собств. Его Велич. библиот., шк. 115, портф. 14.

⁹⁸ Всеподданейшее письмо князя Горчакова 20 февраля 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 88. Генерал Лидерс — князю Горчакову 18 февраля 1854 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3423.

Бахт. журнал канонер. лодки № 27. Черноморский центр. военно-морской архив, кн. оп. 51, оп. 335, д. № 2566, св. 141.

⁹⁹ От 6 февраля 1854 г. Архив канц. Воен. мин. по снар. войск, 1853 г., секр. д. № 57.

¹⁰⁰ См. схему № 34.

¹⁰¹ Егер. князя Варшавского п., Вознесенского Улан. п., Донского каз. № 34 п., конно-легк. № 7 бат. и 9 артил. бриг. бат. № 3 и легк. № 8 бат. и роты Валахского п.

¹⁰² Описание дела при Калараше. Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 82.

Рапорт генерала Хрулева князю Горчакову 21 февраля 1854 г., № 19. Архив воен. уч. ком. Гл. шт. отд. 2, д. № 3426.

Рапорт генерала Богушевского генералу Коцебу 20 февраля 1854 г., № 304. Там же.

П. К. Меньков: Дело под Каларашем. Музей Севастопольской обороны. Хрулев — Шильдеру от 22 февраля 1854 г.//Русская старина, 1875, декабрь.

Письмо Батезатула к родным. Музей Севастопольской обороны.

Алабин. Восточная война. Ч. II. С. 185—187.

¹⁰³ См. схему № 35.

¹⁰⁴ Генерал Хрулев — князю Горчакову 2 марта 1854 г, № 45. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3426. Алабин. Четыре войны. Т. II. С. 193, 194.

¹⁰⁵ Рапорт генерала Липранди князю Горчакову 15 февраля 1854 г., № 115. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3416.

¹⁰⁶ См. схемы № 18 и 20.

¹⁰⁷ Алабин. Четыре войны. Т. II. С. 173.

¹⁰⁸ Рапорт генерала Липранди князю Горчакову 8 февраля 1854 г., № 122. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3416.

¹⁰⁹ Гусар. князя Варшавского полк и конно-легк. № 10 бат.

¹¹⁰ Гусар. принца Фридриха Карла Прусского п, конно-легк. № 10 бат. и Азовского пех. п.

¹¹¹ 18 февраля 1854 г., из Калараша. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3357.

¹¹² Архив канц. Воен. мин. по снар. войск, 1854 г., секр. д. № 34.

¹¹³ Полковник Диё — генералу Барагэ д'Илье 13/25 марта 1854 г. Парижский воен. архив.

¹¹⁴ См. схему № 28.

¹¹⁵ От 8 марта. Собств. Его Велич. библи.

¹¹⁶ Собств. Его Велич. библи.

¹¹⁷ Алабин. Четыре войны. Ч. II. С. 190—192.

¹¹⁸ Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. XIII. С. 35, 36.

¹¹⁹ От 9, 10 и 11 ноября. Собств. Его Велич. библи.

¹²⁰ Паскевич.

¹²¹ 25 января 1854 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4254.

¹²² Князь Горчаков — военному министру 27 ноября 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 52.

¹²³ Собств. Его Велич. библ., шк. 115, портф. 14.

¹²⁴ Собств. Его Велич. библ., шк. 115, карт. 7.

¹²⁵ От 21 февраля 1854 г. Собств. Его Велич. библ., шк. 115, портф. 14.

¹²⁶ Записки П. К. Менькова. Т. I.

¹²⁷ Музей Севастопольской обороны.

¹²⁸ Впрочем, Горчаков не смог совершенно спокойно перенести удар назначения князя Варшавского главнокомандующим, причем ему, Горчакову, выпала во время нахождения фельдмаршала при армии роль его начальника штаба. Судя по письму от военного министра Горчакову от 2 апреля 1854 г. (Русская старина. 1876, февраль. С. 334), князь Михаил Дмитриевич жаловался ему на постигшую его невзгду. Письмо Горчакова было доложено государю и удостоилось отметки: «Жаль, но я не удивляюсь».

Военный министр успокаивал князя Михаила Дмитриевича, что им никогда так не дорожили, как в настоящее время, и что он окажет большую услугу государю и отечеству, если войдет в соглашение с фельдмаршалом на своей новой должности.

Князь Долгоруков утешал своего корреспондента, что назначение его на должность начальника штаба к фельдмаршалу было основано единственно на соответствующей статье положения о действующей армии, согласно которой сам фельдмаршал принимает на себя эту должность в присутствии государя в армии.

Глава XIII

Переправа через Дунай

В то время как между Петербургом, Варшавой и Бухарестом шла деятельная переписка о плане кампании на 1854 год и, в частности, о переходе через Дунай, князь Горчаков еще с декабря принял на месте ряд мер для подготовки во всех мелочах проведения этой операции. Наибольшее внимание в этом отношении престарелого командующего армией привлекал на себя нижний Дунай, так как на всех этапах решения вопроса о переправе через реку он должен был играть известную роль или как место главной переправы, или же как район для проведения демонстрации сил.

Сюда же почти постоянно обращались и взоры императора Николая, который вообще торопился перенести действия своей армии в Болгарию, вполне основательно желая встретить ожидаемый со дня на день разрыв с западными державами, будучи уже хозяином обоих берегов реки. «Гораздо важнее для нас ускорить переправу на нижнем Дунае», — писал государь князю Горчакову, выражая надежду, что он не будет «брать лбом» калафатские укрепления, в которых к тому же нельзя удержаться¹. «Самое счастливое, — продолжал он, — было бы, кажется, воспользоваться случаем, ежели Дунай замерзнет, и сейчас овладеть Исакчей, Тульчей, Мачином, а потом и Гирсовом, не идя далее до вскрытия реки». После же вскрытия реки государь предполагал подвести к Гирсову всю флотилию и подвижной магазин на судах, при содействии которых двинуть перешедшие Дунай войска к Силистрии, где устроить вторую переправу у Калараша. Однако от такой мысли скоро пришлось отказаться, так как князь Горчаков признал рискованным штурмовать открытой силой турецкие крепости, около которых, по имеющимся у него сведениям, были сооружены хорошие укрепления, вооруженные сильной артиллерией²; пришлось остановиться на форсировании реки после того, как она вскрыется, что ожидалось в начале марта.

Но, отдавая генералу Лидерсу распоряжение о подготовке к переправе на низовьях Дуная, князь Михаил Дмитриевич по-прежнему оставался загипнотизированным наступательными попытками Омера-паши и выражал государю уверенность, что «коль скоро мы начнем переправу на нижнем Дунае, Омер предпримет сильное наступление в Малой и Большой Валахии»³. Это соображение вместе с ожиданием появления на Балканском полуострове французского экспедиционного корпуса заставило Горчакова ходатайствовать об усилении его армии. «Участие Франции в действиях за Дунаем, —

заканчивал свое письмо князь Михаил Дмитриевич, — есть дело для нас крайне невыгодное, но, сражаясь за Бога и царя, я остаюсь в полной надежде, что святое дело Вашего Императорского Величества возторжествует. Может быть, будут трудные минуты, но славный конец увенчает дело!»⁴

Генерал-адъютант Лидерс еще в декабре представил очень подробные сведения о возможных для переправы пунктах на нижнем Дунае и о турецких здесь укреплениях⁵.

Согласно его донесению, в Тульче⁶ находились четыре открытые батареи на 16 орудий для обстреливания как подступов к городу, так и реки вверх и вниз по ее течению. Редутom всех укреплений служил старый редут, построенный на горе, господствующей над восточной частью города. Переправу через Дунай здесь удобнее всего было произвести от западной части острова Четал к устью Сомова гирла, что давало возможность достаточно скрытно выйти на нагорный берег реки, на дорогу из Исакчи в Тульчу, в расстоянии полутора верст от этой последней, и в тыл неприятельской батареи, которая становилась для отряда безопасной, так как все амбразуры ее были направлены к Дунаю. При наступлении в этом направлении приходилось кроме переправы собственно через реку строить мост шириной в 15 саженей и через гирло Сомово.

Наиболее удобным пунктом форсирования реки со стороны Галаца служило с. Писелка (Писика), на половине пути между Галацом и Рени. Но здесь после переправы приходилось идти верст 20 по низменной, хотя и удобной для следования войск, местности и выходить на нагорный берег между деревнями Лунковицы и Вакорен, в расстоянии от Исакчи 20 и от Мачина 16 верст. Единственным препятствием по дороге от с. Писелка служил ручей Чолонец шириной в 15 и глубиной в 2 сажени, протекавший у самой подошвы высот. Для переправы через этот ручей также необходимо было устроить мост. На указанном направлении турками укреплений возведено не было.

Объектом действий при переправе со стороны Браилова должен был служить город Мачин, лежащий на правом берегу рукава того же имени, который отделяется от главного русла Дуная несколько ниже Гирсова и вновь соединяется с ним немного ниже

Генерал-лейтенант Ушаков

Браилова. По правому берегу Мачинского рукава турками был устроен включительно до самого города ряд батарей, вооруженных 4 крепостными и 9 полевыми орудиями и соединенных между собой ложементами для пехоты. Пути от Браилова на Мачин идут по правому берегу рукава по твердому грунту и не представляют препятствия для движения.

Наиболее существенные меры турками были приняты для воспрепятствования нашей переправе у Гирсова. Близ самого города были возведены редут на высокой и неприступной горе, обширное открытое укрепление между городом и д. Варош и такое же укрепление, но несколько меньших размеров, на левом фланге, на возвышенном берегу у западной оконечности города. Кроме этой главной позиции, была укреплена и передовая, у подножия гор, между городом и д. Варош, где были построены батарея и редан с флангами, а также батарея под горой, на которой находились развалины старой крепости.

Ниже Гирсова, близ того места, где в 1828 году нашими войсками была совершена переправа через реку, были построены 3 открытые батареи на 7 орудий и два редана без амбразур. Все эти батареи сильно обстреливали местность левого берега Дуная, а отчасти могли действовать и по судам, подходившим с Браиловского рукава. Кроме того, в случае переправы в этом последнем пункте и овладения первой линией укреплений наши войска при дальнейшем наступлении наталкивались на другую укрепленную позицию на берегу непроходимой вброд речки Боры.

Что касается перевозочных средств, то при переправе у Тульчи или Исаки таковых можно было собрать для поднятия около 5 тысяч пехоты при 10 орудиях, и, кроме того, в Измаиле имелся запасный мост. В Браилове находилось перевозочных средств на 7 тысяч пехоты и 10 орудий, в Галаце лишь на 1000 человек, а близ Гирсова их совсем не имелось.

Генерал-адъютант Лидерс, представляя все эти сведения, со своей стороны более удобным считал совершить переправу от Браилова на правый берег Мачинского рукава. Здесь переправа не была укреплена и могла быть подготовлена огнем канонерских лодок и укреплений с острова Бындоя; при дальнейшем наступлении на правом берегу не представлялось столько препятствий, как в Тульче, Исакке и в особенности Гирсове, где после переправы надо было еще овладеть сильно укрепленной позицией. Наконец, существование двух дорог от главного русла Дуная к Мачину давало возможность направить обходную колонну в тыл мачинских укреплений. Кроме того, наше движение отсюда к Бабадагу должно было заставить турок немедленно очистить Тульчу и Исакчу.

После Браилова наиболее удобным пунктом для переправы Лидерс признавал Тульчу, так как остров Четал облегчал там под-

воз канонерских лодок и перевозочных судов, а также спуск и наводку моста.

Для совершения всей операции переправы и овладения Бабадагской областью до Троянова вала Лидерс полагал достаточным 40 батальонов пехоты с соответственным числом кавалерии, артиллерии и казаков.

Князь Горчаков вполне согласился с доводами командира 5-го корпуса⁷; одобрил их и государь, начертав на записке Лидерса: «Кажется, г. Лидерс прав; у Мачина от Браилова будет удобнее, а 40 бат. именно то число войск, которое князь Горчаков назначает, т. е. 8-я, 15-я и бригада 14-й, всего 40 бат. кроме саперов и стрелковых бат.; 7-я дивизия для диверсии может быть от Тульчи».

Однако месяц спустя командующий войсками вновь заколебался относительно того, где совершить главную переправу — у Галаца, Браилова или Гирсова, и решение этого вопроса отложил до личного прибытия в низовья Дуная; пунктом для демонстративной переправы по-прежнему был оставлен Измаил. Операцию форсирования реки Горчаков решил произвести в начале марта, к какому времени должен быть приготовленным мост, а сосредоточение войск к исходным пунктам начать в половине февраля⁸. Однако князь Михаил Дмитриевич ставил возможность переправы в зависимость от усиления его армии, считая необходимым по-прежнему держать в Малой Валахии полторы дивизии, а в Большой Валахии три дивизии пехоты⁹.

Но прибытие просимых подкреплений могло состояться не ранее половины мая, и подчинять этому прибытию переход через Дунай значило, по словам государя, отказаться от самой переправы¹⁰. Делая дальше подсчет имеющихся у Горчакова сил, государь устанавливал, что для переправы в низовьях реки командующий армией свободно мог выделить 48 батальонов, которые при подходе к Силистрии увеличивались до 64 батальонов. «Этого за глаза должно быть достаточно, чтобы перейти Дунай и, овладев Тульчей, Исакей, Мачином и Гирсовом, пройти правым берегом до Силистрии, — продолжал император Николай, подчеркнув три раза слово должно. — Неужели этого мало? Могут ли и турки быть везде равно сильны? Не поверю. Главное — скорость, решимость и привод на решительный пункт достаточных сил... Хотеть же везде быть с силой — лучший способ быть везде слабу и отказаться даром от решительного успеха...»

Такие настойчивые и справедливые требования государя обеспечивали производство переправы нашей армии в возможно скором времени, и действительно, с тех пор работа по подготовке операции пошла полным ходом.

16 февраля князь Горчаков изложил в собственноручной записке все предварительные распоряжения по предстоящей переправе¹¹.

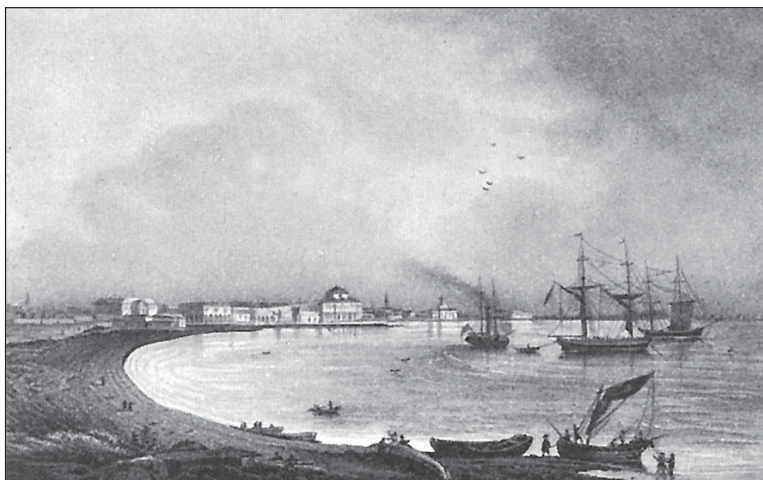
По записке можно судить, что князь Горчаков к этому времени окончательно остановился на возведении главной переправы у Браилова и демонстративной у Тульчи. В первом пункте должно было действовать под начальством Лидерса 48 батальонов с соответствующей артиллерией и кавалерией и во втором пункте под начальством генерала Ушакова — 8 батальонов¹². После переправы оба отряда сосредоточивались под начальством генерала Лидерса. Время совершения операции предполагалось около 7 марта, и дальнейшей целью действий ставилось овладение Мачином, Исакей, Тульчей и Гирсовом и устройство самых прочных мостовых укреплений на правом берегу, против Сатунова (у Исаки) и Гирсова, для прикрытия имеющих быть наведенными там мостов, принадлежности для которых заготавливались у Измаила и Галаца. Для перевозки войск у обоих пунктов переправ были собраны суда и находились отделения речной флотилии с двумя пароходами в каждом.

Для довольствия войск на том берегу Дуная фуражом заготавливались запасы в Измаиле, Сатунове, Галаце, Браилове и Цендерее, а также заготавливались в увеличенном размере и перевозочные средства.

Вслед за этим князь Горчаков указывал генералу Лидерсу принять самые решительные меры к подготовке переправы с таким расчетом, чтобы она совершилась во что бы то ни стало между 8 и 9 марта¹³.

Между тем генерал-адъютанты Шильдер и Лидерс со своей стороны также входили к командующему войсками с разными предложениями о лучшем способе переправы. Генерал Шильдер кроме возведения на нашем берегу реки еще новых батарей и прикрытия их эполементами, в чем князь Горчаков приказал оказывать ему полное содействие, вошел с предложением перебросить на ту сторону реки в преддверии общей переправы небольшую часть отряда, которая должна была возвести на правом берегу предмостное укрепление, а потом уже переводить главные силы. Это предложение командующий войсками резонно отклонил, находя бесцельным переводить сперва за реку незначительный отряд и подвергать его тем опасности быть отброшенным¹⁴.

Что касается генерала Лидерса¹⁵, то его мысль заключалась в том, чтобы не ограничиваться лишь переправой от Браилова и Измаила, но также совершить ее и со стороны Галаца. Отсутствие турецких укреплений у этого пункта и сравнительное здесь обилие удобных путей по плавням к нагорному берегу реки должны были, по его мнению, дать возможность совершить в этом пункте операцию без больших потерь и облегчить как переправу Браиловского отряда, так и овладение им Мачином. Поэтому генерал Лидерс предлагал совершить главную переправу у Галаца, близ д. Азакмуй¹⁶, и двинуться оттуда на с. Горвань по средней дороге, пролегающей между озерами и речкой Чолонцем, а у Браилова произвести демонстративную переправу.

Вид Евпатории

Князь Горчаков, не имевший ничего против переправы отряда генерала Лидерса в двух пунктах, у Браилова и Галаца, полагал, однако, главную массу переправить у Браилова¹⁷. Кроме того, он опасался движения от Галаца к Горвану, так как при большом удалении обоих отрядов друг от друга между ними будет трудно поддерживать связь и достигнуть необходимого единства действий.

Поэтому командующий войсками полагал, со своей стороны, сделать переправу у Браилова и у устья р. Серета, чтобы колонна, переправившаяся у этого последнего пункта, двинулась берегом к Мачину и взяла во фланг неприятеля, оборонявшегося со стороны Браилова¹⁸.

Однако, прибыв лично в Браилов, князь Горчаков получил сведение, что турки сосредоточили против этого города 15—20 тысяч человек и место, удобное для переправы, обстреливалось сильными батареями, возведенными на правом берегу Дуная. Видя, что переправа у Браилова была сопряжена с большими трудностями, а дальнейшее наступление для овладения Мачином по одному направлению не могло обойтись без значительных потерь, князь Горчаков согласился с планом генерала Лидерса¹⁹.

Таким образом, переправу решено было одновременно произвести в трех пунктах — в Браилове, Галаце и Измаиле, продолжая демонстрации по всему занимаемому нами протяжении Дуная²⁰.

Хотя такое разобшение наших сил представляло временное неудобство и требовало для переправы главных отрядов приготовления двух мостов, а мы имели заготовленным лишь один — в Гала-

це, но зато оно развлекало внимание турок и давало возможность зайти от Галаца через Горван в тыл войскам, защищавшим Мачин и атакованным нами от Браилова. К тому же недостаток второго моста был устранен генералом Шильдером, который нашел возможным устроить его при помощи местных плавучих материалов.

Тем временем государь не переставал волноваться о предстоявшей операции и придавал особое значение скорейшему ее свершению. «Ожидаю с нетерпением, что ты решил у Браилова и где окончательно будет переправа,— писал государь Горчакову 18 февраля²¹. — Ежели Бог нас благословит успехом, она будет очень важна, дав нам стать твердой ногой на правом берегу Дуная до прихода англичан и французов».

Через несколько дней император Николай вновь затрагивал этот вопрос в письме к Горчакову²². «Вполне полагаюсь на тебя,— писал он,— что все будет сделано тобою, чтобы переправу исполнить наилучшим образом. При теперешних весьма неблагоприятных обстоятельствах, ежели Бог благословит успехом наше предприятие, это будет уже весьма важный шаг. И князь Иван Федорович²³, и я, мы совершенно согласны, что тебе покуда под Силистрию не должно идти. Наперед надо, чтобы двуличность Австрии проявилась, равномерно чтоб открылось, куда будут направлены действия англичан и французов».

Но в данном случае государь мог не беспокоиться. Работы по подготовке к переправе шли полным ходом, и князем Горчаковым, при деятельном содействии генералов Лидерса и Шильдера, были приняты все меры, чтобы операцию эту произвести с успехом и с наименьшими потерями. Наибольшее внимание в этом отношении было обращено на Браилов, близ которого переправа, несомненно, должна была совершиться с боем. Здесь, на левом берегу Дуная и на острове Бындое, было сооружено несколько новых батарей²⁴, которые вооружили орудиями с канонерских лодок, так как выяснилось, что провести эти лодки от Браилова вверх по Мачинскому рукаву для обстреливания из них мачинских укреплений являлось делом очень рискованным²⁵. Кроме того, от спуска с горы у Браилова была устроена к Дунаю плотина в 346 сажений длиной, и как в Браилове, так и в Галаце было собрано большое количество судов для перевозки войск.

Но в последнюю минуту, когда все было условлено между главными действующими лицами на Дунае, были получены там первые повеления нового главнокомандующего князя Варшавского. Фельдмаршал предписывал овладеть Мачином, Исакчей, Тульчей, а если возможно, то и Гирсовом и, утвердившись на нижнем Дунае, иметь целью: во-первых, не позволять в случае десанта союзников в устьях Дуная воспользоваться им рукавами рек для ввода туда своих судов и пароходов и, во-вторых, сохранять возможность при помо-

щи моста маневрировать на обоих берегах Дуная в ожидании, что предпримет неприятель в центре, между Силистрией и Рушуком.

Во исполнение этого князь Горчаков предлагал генералу Лидерсу после переправы через реку навести мосты у Гирсова, а если им не удастся овладеть, то у Браилова и Исаки, построив у этих пунктов предмостные укрепления величиной по крайней мере на 4 батальона и 18 орудий каждое²⁶.

3 марта князь Горчаков с большей частью своей главной квартиры выехал из Бухареста в Браилов для ближайшего руководства предстоящей операцией переправы.

Командование войсками в Большой Валахии и охрану центра нашей оборонительной линии от устья р. Ольты до д. Пиопетри он возложил на генерала Данненберга, которого снабдил особой инструкцией²⁷.

К этому времени войска наши в Большой Валахии занимали следующее положение²⁸.

Между р. Ольтой и Веде находился *отряд генерала Попова* силой в 4 бат., 8 эск., 2 $\frac{1}{2}$ сот. и 8 кон. ор.²⁹ как для связи с Мало-Валахским отрядом, так и для наблюдения за Дунаем между означенными реками. Пехота этого отряда была расположена по 2 батальона в Турно и Зимниче, уланы и конная артиллерия в Пятре и Турно, а казаки держали посты по Дунаю.

Правый авангард генерала Соймонова силой 8 бат., 8 эск., 5 сот. и 32 ор.³⁰ занимал Журжу, Слободзею и Фратешти, а казаки вели наблюдение за обстановкой на Дунае от устья р. Веде до с. Гряк.

Левый авангард генерала Павлова силой в 13 бат., 8 эск., 4 $\frac{1}{2}$ сот. и 36 ор.³¹ занимал Ольтеницу, Доброви и Будешти, а казаки вели наблюдение за обстановкой на Дунае от с. Гряк до монастыря Корницели.

Каларашский отряд генерала Богушевского силой в 4 бат., 1 эск., 4 сот. и 22 ор.³² охранял пространство по Дунаю от Корницели до Пиопетри, что на берегу р. Яломницы, близ впадения ее в Дунай.

В резерве за этими войсками находилось 16 бат., 15 эск., 4 $\frac{1}{2}$ сот. и 66 ор.³³, расположенных в Дореште, Бригадире, Бухаресте, Фундени-Вакарсекулуй, Крецулешти-де-Сус, Чоканешти, Чокине и Цендерее, считая в этом числе и части, которые были еще на пути следования к назначенным им пунктам.

В дополнение к этим войскам в распоряжение генерала Данненберга переходили: 3 роты 4-го сап. бат., 4-й стрелк. бат. и понтон. № 4 парк с понтонной ротой.

В общем, в Большой Валахии находилось 46 $\frac{1}{2}$ бат., 40 эск., 20 $\frac{1}{2}$ сот. и 164 ор.

Князь Горчаков, будучи убежден, что как только мы начнем переправу на нижнем Дунае, то Омер-паша предпримет наступление

Вид Перекопа

в Малой или Большой Валахии³⁴, предоставил генералу Данненбергу действовать в подчиненном ему районе по своему усмотрению, сосредоточивая резервы и направляя их на те пункты, откуда он признает более удобным противодействовать намерениям неприятеля и остановить его наступление.

Так как в Малой Валахии находился самостоятельный отряд генерала Липранди, который «имел свой особый круг действий», то князь Горчаков в своей инструкции определял лишь взаимные отношения этих двух отрядов.

Таким образом, если бы неприятель переправился в больших силах на левый берег Дуная между Раховом и Зимничем и угрожал тылу Мало-Валахского отряда, то это не должно было отвлекать внимания генерала Данненберга от Большой Валахии. Ему предлагалось только наблюдать за неприятельскими силами посредством отряда генерала Попова, которому предписывалось издали следить за турками до р. Жио. Но если бы неприятель вместо движения против Липранди направился на Данненберга, то этот последний должен был собрать все свои войска, идти навстречу противнику и дать сражение там, «где сие окажется выгоднейшим, не допуская его до Бухареста».

4 марта вечером князь Горчаков с большей частью своей главной квартиры прибыл в Браилов. Для нерешительного командующего армией эти дни вплоть до совершения переправы были поистине самыми мучительными. Чтобы хоть немного обрисовать ту трудную обстановку, в которой находился князь Михаил Дмитриевич, приведем выдержки из дневника его ближайшего со-

трудника и начальника штаба генерал-адъютанта Коцебу³⁵: «4 марта. В 7 ½ часов мы были в Браилове. Вечером были у нас Лидерс и Шильдер. Странно ведется разговор между последним и Горчаковым. Они никогда не могут сговориться, всегда они друг друга перебивают, и все кончается ничем.

5 марта. Мы обозрели противоположный берег с башни карантина. Обрисовывается возможность перехода. Много мы совещались. Было решено главную массу войск переправить у Галаца, а здесь, как и у Гирсова, произвести диверсию.

6 марта. Я заснул полон отваги и надежд на будущее. Меня разбудили по случаю прибытия фельдгегера с уведомлением, что фельдмаршал Паскевич назначен главнокомандующим всеми войсками от Курляндии до Одессы. Вместе с тем получены соображения главнокомандующего о нашем положении. Эти соображения должны затормозить все наши дальнейшие операции, потому что они исходят из той точки зрения, что Австрия объявит нам войну, что французы и англичане сделают высадку у Одессы, вследствие чего нам придется отойти за Серет и на правом берегу только занять Мачин, Исакчу и Тульчин. Малую Валахию нам придется оставить. Досадно, досадно. 9-го мы здесь начнем действовать.

7 марта. Вечером держали военный совет. На нем мало порядка. Едва я лег в 11 часов в хорошем расположении духа, как князь Горчаков прислал за мной, потому что фельдгегер привез бумаги от фельдмаршала, который запрещает нам взять Гирсово и повелевает постепенно очищать Бухарест. Он опасается десанта французов у Аккермана и движения их на Леово. Вот вздор! Одну дивизию он хочет взять от нас в Бендеры и Кишинев! Для чего же мы теперь переходим через Дунай?

8 марта. Приготовления продолжаются. К сожалению, нам мешают ветер и метель. Заговорили об откладывании. Между тем мы получили важные сведения об укреплении Мачина; нелегко будет взять эту крепость, так же как и Исакчу!»

Зная характер князя Горчакова, зная те чувства, которые ему внушал фельдмаршал, можно еще больше оттенить решимость, с которой он довел до конца предпринятую им операцию почти накануне приезда явно ей не сочувствовавшего нового главнокомандующего.

Диспозиция перехода через Дунай была составлена генералом Лидерсом еще 2 марта³⁶ и несколько видоизменена позднейшими распоряжениями князя Горчакова.

Согласно этой диспозиции переправа должна была совершиться с 9 на 10 марта главными силами со стороны Галаца и демонстративными отрядами со стороны Браилова и Измаила. Кроме того, против Гирсова также решено было демонстрировать переправу, но без перехода на противоположный берег реки.

Войска были распределены следующим образом.

Против Гирсова со стороны с. Гура-Яломница должен был действовать полковник Зуров с отрядом в 2 бат., 2 эск., 8 пеш. и 2 кон. ор.³⁷ Назначение его — привлечь к Гирсову внимание турок сильным артиллерийским огнем, маневрированием и распространением слухов о прибытии сюда значительных масс русских войск. Начало демонстрации — канун переправы на остальных пунктах.

Усиление турецких войск у Гирсова³⁸ заставляло предполагать, что турки придадут этому пункту особое значение или в ожидании нашей там переправы, или же рассчитывая оттуда сделать попытку перебраться на наш берег. Таким образом, демонстрация у Гирсова должна была оказать большое влияние на успех переправы.

В Браилове, Галаце и Измаиле переправа должна начаться в один и тот же день, но Браиловский отряд, который ожидал перед собой наибольшее сопротивление, начинал переправу позднее двух остальных, имея задачей «усиленную диверсию с переходом войск на правую сторону Дуная и движением оных вперед по обстоятельствам».

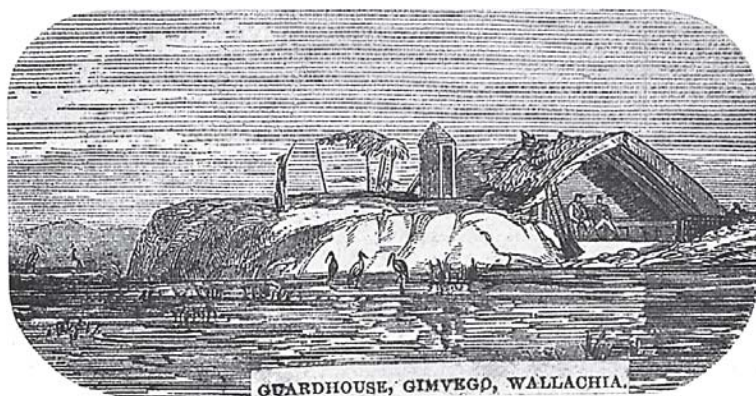
Браиловский отряд находился под личным начальством князя Горчакова и был силой в 12 $\frac{1}{2}$ бат., 7 эск., 5 сот., 52 ор. и 1 понт. парк³⁹.

Главная переправа от Галаца была возложена на генерал-адъютанта Лидерса с отрядом силой в 24 $\frac{1}{2}$ бат., 8 эск., 6 сот. и 64 ор.⁴⁰ Перейдя на правый берег реки, Лидерс должен был двигаться обходной дорогой через с. Горван на Мачин для облегчения действий Браиловского отряда.

И наконец, Измаильский отряд под начальством генерал-лейтенанта Ушакова силой в 14 бат., 16 эск., 6 сот. и 44 ор.⁴¹ должен был форсировать переправу через Дунай несколько ниже мыса Четала, овладеть турецкой батареей, сооруженной против этого мыса, а потом Тульчей или Исакчей, в зависимости от того, который из этих пунктов будет легче взять. В случае же невозможности овладеть одной из этих крепостей он должен был удержать за собой упомянутую батарею и пространство между гирлами Сомова и Иванова; если же по некой причине и этого нельзя будет сделать, то удержать во что бы то ни стало батарею и местность перед ней, обратив ее в укрепление, фланкируемое нашими батареями левого берега реки.

Вообще же для переправы через Дунай было назначено около 45 тысяч при 160 орудиях. При этих войсках состояли два парохода, «Прут» и «Ординарец», и несколько канонерских лодок под начальством контр-адмирала Мессера.

Но под влиянием назначения Паскевича главнокомандующим и высказанных им отступательных намерений князь Горчаков заколебался и в последнюю минуту отменил активный характер действий Ушакова. Он поставил Измаильскому отряду новую задачу — отвлекать на себя внимание неприятеля, находящегося в Тульче и Исак-

*Пикет в низовьях Дуная
(английская иллюстрация)*

че, отнюдь не вдаваясь в такие действия, которые могли бы повлечь за собой большой урон. Князь Горчаков считал Тульчу и в особенности Исакчу слишком сильно укрепленными и снабженными большим гарнизоном для того, чтобы Ушакову можно было их взять без значительного урона. Ему предписывалось делать в направлении к этим пунктам только демонстрации и главной целью ставилось возможно скорое обеспечение сообщения с левым берегом на случай атаки со стороны Тульчи и Исакчи.

Свое предписание князь Горчаков кончал характерной фразой, уничтожавшей весь смысл демонстрации, а именно: «Если, по овладении правым берегом, вы найдете пребывание ваше там слишком опасным, то разрешаю возвратить отряд ваш на левый берег и снять мост через Сулинский рукав»⁴².

Но генерал Ушаков проявил завидный в то время пример самостоятельности и возражал на последнее предписание командующего войсками. Он докладывал, что после переправы нельзя оставаться в плавнях, а необходимо взять Тульчу и выйти на нагорный берег, где и отражать всякие покушения неприятеля; нельзя было также строить на низменном болотистом берегу предмостное укрепление на значительное число войск, поэтому генерал Ушаков предполагал обеспечить голову моста укреплением лишь на небольшое прикрытие, силой примерно на батальон и 4 орудия, а подступы к мосту защищать преимущественно главными силами отряда, которые рассчитывал сосредоточить на горе, впереди Тульчи⁴³.

Однако всю операцию переправы через Дунай не удалось совершить, как предполагалось сначала, с 9 на 10 марта, а ввиду неполной

готовности отряда Лидерса и бурной погоды пришлось отложить ее на 11-е число, начав демонстрацию 10-го⁴⁴.

Река Дунай в своих низовьях, примерно от середины расстояния между Туртукаем и Силистрией, течет, разделяясь большей частью на несколько рукавов и протоков, которые образуют между собой лесисто-болотистые острова. По мере приближения к устью количество рукавов увеличивается, обращаясь, примерно от Тульчи, в широкую дельту с судоходными рукавами — Килийским, Сулинским и Георгиевским.

Соединяясь в одно русло у Гирсова, Дунай оттуда и до Браилова вновь течет двумя судоходными рукавами — левым Браиловским и правым Мачинским.

У Браилова на левом берегу течением реки и Мачинским рукавом образуется входящий угол, способствующий сосредоточенному обстреливанию правого берега.

От этого пункта и почти до Тульчи Дунай течет одним руслом шириной от 250 до 600 сажень. До Галаца и даже до Рени левый берег командует правым, представляющим болотистую широкую низину. От Рени до Измаила левый берег теряет свой выгодный характер, так как перерезывается целой массой больших озер и наподобие правого образует широкую низменную долину.

Таким образом, для переправы ниже Браилова наиболее удобным был участок до Галаца, а именно близ этого пункта, где устья р. Серета давали возможность скрытно подготовиться к переправе, а возвышенный берег и входящая, хотя и широкая, дуга представляли атакующему некоторое преимущество в смысле поддержки операции сосредоточенным огнем. К недостаткам переправы у Галаца следует отнести ширину реки, не имеющей здесь островов, необходимость вплоть до селения Горвань наступать по низменному берегу и атаковать у этого пункта сильную по природным свойствам позицию, если бы турки решили ее оборонять.

Ниже Галаца можно было переправиться у Исаки, где река была широка, и у Тульчи от мыса Четал, где приходилось форсировать лишь относительно узкий Сулинский рукав, будучи скрытым зарослями острова Четал. Зато в этом месте войска тотчас после переправы выходили на возвышенный правый берег. Для демонстративной переправы Тульча была особенно выгодна, так как отстояла от Галаца дальше, чем Исака, и находилась на фланге турецкого расположения.

В отношении перевозочных средств были приняты следующие меры.

В Измаиле было собрано 163 лодки общей подъемной силой на $2\frac{1}{2}$ батальона, а для перевозки орудий приспособлены два городских паромы и одна шаланда, на которых могли поместиться 6 орудий. Гребцы были набраны из спешенных казаков и пограничной стражи.

Для постоянного же сообщения с правым берегом были приготовлены два моста на плотах и один небольшой мост на козлах, который предназначался на тот случай, если бы на правой стороне реки встретилось затруднение в переходе через глубокие рукава.

В Галаце и Браилове для первоначальной переправы войск было собрано по 12 больших судов, вместимостью на роту каждое, малые суда и чамы (суда с палубами) для артиллерии и казаков, а также баркасы и рыбацьи лодки. Гребцами на них служили пехотные солдаты, рыбаки и вольные матросы. Для наводки мостов были приготовлены в Галаце 54 парома и 6 малых судов, а в Браилове 6 паромов, 6 малых судов, добавочные плоты и паромы.

8-го вечером и 9-го утром войска во всех трех отрядах скрытно заняли свои исходные пункты, а отряд полковника Зурова приступил к демонстрации переправы у Гирсова.

Подойдя к Дунаю одновременно в нескольких удаленных друг от друга пунктах, Зуров 8 марта с наступлением темноты развел большие огни на пространстве 30 верст от с. Бордушан до Гура-Гирлица, которые поддерживал всю ночь. Во многих местах играли зорю, пели песенники, и в виду неприятельских батарей было подвезено до 350 лодок, по которым турки не замедлили открыть огонь. 9-го на рассвете Зуров открыл сильную канонаду по неприятельским батареям, которые отвечали довольно частым огнем. Но вскоре действием нашей артиллерии часть турецких укреплений была разрушена, три орудия подбиты, остальные же отвезены от берега. С нашей стороны потерь не было.

На другой день, 10 марта, в 4 часа дня князь Горчаков приказал для еще большего отвлечения внимания неприятеля открыть усиленную канонаду с наших батарей у Браилова, возведенных на левом берегу Дуная и на острове Бындое, вдоль Мачинского рукава. Целая сеть этих хорошо прикрытых эполементами батарей была заблаговременно построена генералом Шильдером для обстреливания перекрестным огнем угла между Дунаем и правым берегом Мачинского рукава, т. е. местности, ближайшей к пункту нашей предполагаемой переправы, а также и для фронтального обстреливания путей, идущих от Мачина к Браилову. Таким образом⁴⁵, на левом берегу Дуная, ниже соединения Мачинского и Браиловского рукавов, были сооружены батареи № 1, 2, 3 и 4, вооруженные каждая одним батарейным орудием, и редут против пристани Гичету, у предполагаемого моста, вооруженный 2 полевыми и 2 легкими орудиями. На острове Бындое, начиная от устья Мачинского рукава, вверх по левому его берегу были расположены: батарея № 5, вооруженная 4 полевыми орудиями; № 6 — 2 24-фунт. пушко-каронадами, взятыми с канонерских лодок, и 2 полевыми орудиями; Бындойская батарея на две 24-фунт. пушко-каронады, на 2 осадных пудовых единорога и на 2 полевых орудия; промежуточная

батарея на 4 полевых орудия; № 7 на 2 пудовые мортиры и на 2 полевых орудия и, наконец, Рушавский редут на 2 полевых орудия. Всего, следовательно, действовало с левого берега Дуная 8 полевых орудий и с острова Бындоя 16 полевых орудий, 4 пушко-каронады, 2 осадных единого и 2 мортиры. Кроме того, к мысу острова Бындоя была выдвинута канонерская лодка для обстреливания правого берега Дуная, ниже Мачинского рукава.

Сильная канонада, открытая из всех этих орудий, нанесла существенные повреждения турецким укреплениям, группировавшимся у устья Мачинского рукава, но, несмотря на это, неприятельский огонь, хотя и ослабленный, продолжался до самой ночи.

Считая, что демонстрацией Зурова и канонадой у Браилова в достаточной степени было отвлечено внимание турок к наиболее опасным для них пунктам предполагаемой нашей переправы, а именно к Мачину и в особенности к Гирсову, на рассвете 11 марта должны были начать переправу Галацкий и Измаильский отряды, которые в свою очередь, перейдя на правый берег Дуная, должны были этим способствовать переправе Браиловского отряда, долженствовавшей начаться в тот же день, в 4 часа пополудни.

Согласно диспозиции, отданной генерал-адъютантом Лидерсом 10 марта⁴⁶, войска, сосредоточенные у Галаца, должны были начать переправу через Дунай на рассвете 11-го числа и подразделялись:

на *авангард* силой в $8\frac{3}{4}$ бат., 2 эск., 2 сот. и 20 ор.⁴⁷ под начальством генерал-адъютанта графа Анрепа-Эльмпта, которого, впрочем, по болезни заменил генерал-лейтенант Гротенгельм. Авангарду приказано было собраться к карантину к часу пополудни и тотчас же посадить на суда первый десант в составе 4 батальонов Житомирского полка, 2 легких орудий и 2 сотен, которому в 3 часа утра, с восходом луны, отчалить от берега. Вслед за первым транспортом перевозятся остальные части авангарда (к 5 часам утра к карантину должен был собраться отряд полковника Крузенштерна, силой в 1 бат., 2 ор. и $\frac{1}{4}$ сот.⁴⁸, которому надлежало переправиться за авангардом и приступить к постройке предмостного укрепления, а также занять д. Азакмуй, прикрывавшую голову наводимого моста и пункт высадки⁴⁹);

на *главные силы* под начальством генерал-лейтенанта Самарина численностью в $9\frac{1}{4}$ бат., 4 эск., 2 сот. и 32 ор.⁵⁰, которым приказано было собраться к 5 часам утра 11 марта севернее Галаца и ожидать там приказаний;

на *резерв* под начальством полковника Гана силой в 4 бат., 1 эск., $\frac{1}{2}$ сот. и 8 ор.⁵¹, который к 7 часам утра должен был собраться за главными силами и также ожидать приказаний.

При движении к переправе войска не должны были брать с собой решительно никаких обозов, а артиллерия — иметь при себе

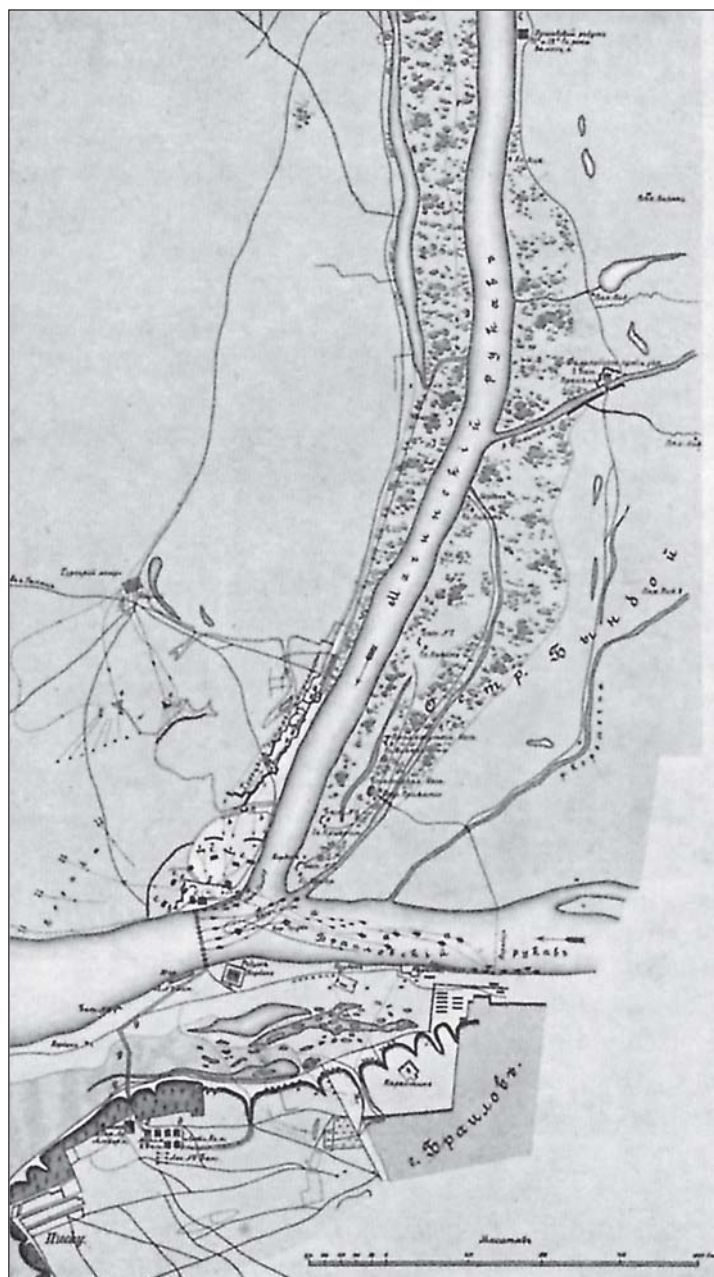

Схема № 38

только по одному зарядному ящику на орудие. Затем все остальные обозы строились между Галацом и с. Ваду-Унгурлуй в три вагенбурга, соответствовавшие нынешнему делению обозов на три разряда.

При переправе войскам надлежало иметь при себе штурмовые лестницы и в ранцах сухарей на 4 дня.

Ввиду того, что против Галаца не было замечено турецких войск, генерал Лидерс приказал начать наводку моста раньше переправы авангарда, а именно с 10 часов вечера, но из-за темноты и сильного ветра за ночь было наведено только 6 паромов.

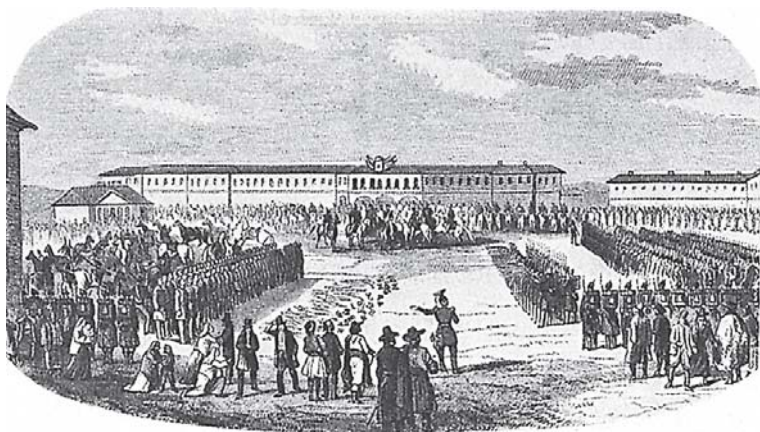
Между тем в час ночи войска, долженствовавшие переправиться первым рейсом, начали посадку, напутствуемые приказом генерала Лидерса, в котором он их поздравлял с выпавшей на их долю честью первыми доказать неприятелю, что Дунай не способен защитить его от силы русского оружия, а также предупреждал о лояльном отношении к жителям, невзирая на вероисповедание этих последних⁵².

В 3 часа ночи от левого берега Дуная отвалил первый транспорт, имея в голове пароход «Ординарец» с поставленными на нем 6 единорогами, и за ним на кирлашах охотников и казаков.

При приближении к неприятельскому берегу «Ординарец» открыл огонь для очищения места, предназначенного для высадки; но неприятеля, отвлеченного демонстрацией у Мачина и Гирсова, здесь не было, и лишь сильный разъезд численностью около 50 всадников удалился в глубь страны.

Дальнейшая переправа на судах шла беспрепятственно; задержка была в наведении моста из-за сильного верхового ветра, который препятствовал заводить якоря и тянуть бечевой паромы. Поэтому за все сутки 11-го числа удалось навести лишь 80 сажень моста, а оставалось еще 145 сажень. Таким образом, хотя к вечеру этого дня и удалось перевезти на правый берег реки 16 $\frac{3}{4}$ бат., 2 сот. и 15 ор., но без патронных и зарядных ящиков, и поэтому генерал Лидерс не нашел возможным двинуть вперед отряд, который не имел при себе всего необходимого. Он приказал лишь занять с. Азакмуй, чтобы показать этим свое намерение идти к Мачину вдоль Дуная, хотя, впрочем, выражал готовность продвинуть авангард и до Горвана, если бы это вызывалось положением Браиловского отряда⁵³.

Ночь мало принесла утешительного генералу Лидерсу. Бурная погода вынудила даже временно прекратить переправу артиллерии, а мост к утру едва был наведен наполовину. Это вновь вызвало необходимость обратиться к князю Горчакову с просьбой отсрочить еще на один день выдвижение авангарда к с. Горвану, но чтобы отвлечь внимание неприятеля, Лидерс решил продвинуться передовыми частями до с. Писелки⁵⁴, которое и было беспрепятственно

*Обезоруживание молдавских войск
(с французской иллюстрации)*

занято. Высланный же к Горвану разъезд был встречен артиллерийским огнем, что заставляло предполагать, что само селение и его окрестности заняты неприятелем.

Наконец к вечеру 12 марта погода переменилась, ветер стих, и наводка моста при помощи парохода «Ординарец» пошла успешнее. К утру 13-го мост был готов, и, таким образом, у генерала Лидерса были развязаны руки для дальнейшего наступления⁵⁵.

С рассветом 13-го авангард двинулся к Горвану, а в 6 часов утра за ним выступили и главные силы. Для прикрытия моста были оставлены 3 батальона Прагского полка с 6 орудиями.

Дорога на Горван оказалась повсюду сухой и удобопроходимой; турки боя нигде не приняли, и Лидерс беспрепятственно завладел нагорным берегом Дуная, радостно встречаемый христианским населением.

Главные силы его отряда расположились биваком впереди села Горван, заняв авангардом по дороге к Мачину позицию у с. Жижулы, откуда генерал Лидерс вошел в связь с войсками Браиловского отряда; боковым же отрядом силой в 1 бат. и 2 эск. он занял села Вокарени и Лунковицы, войдя через оставленную турками Исакчу в связь с генералом Ушаковым⁵⁶.

Одновременно с переправой у Галаца должна была начаться и переправа Измаильского отряда.

Пунктом совершения этой операции был избран Сулинский рукав, саженьях в 600 ниже мыса Четал, там, где берега реки сближаются до 120 саженьей⁵⁷. Избранное место было выгодно в том отношении, что давало возможность скрытно сосредоточить отряд

перед переправой в густых зарослях острова Четал и подготовить операцию огнем артиллерии, которую можно было поставить укрытой почти на самом берегу Сулинского рукава. Кроме того, этот пункт находился вне действия турецких береговых батарей; переправившиеся здесь войска выходили им во фланг и становились между ними и Тульчей. Но зато вслед за переправой войскам Ушакова приходилось атаковать сильно укрепленную позицию у Тульчи, имея в виду и возможную помощь туркам со стороны Исакии.

9-го числа генерал Ушаков перевел всю пехоту, артиллерию и казаков своего отряда на остров Четал, расположив их у Красного моста⁵⁸, а кавалерию и обозы оставил в Измаиле. Последовавшее вслед за этим перенесение начала переправы на 11-е число заставило войска лишний день находиться на острове, что не могло остаться неизвестным неприятелю.

10 марта накануне переправы наша гребная флотилия в составе 15 канонерских лодок была продвинута вверх по Килийскому рукаву и сосредоточена вне выстрелов турецких батарей близ отделения Сулинского рукава; за ней собрались предназначенные для перевозки десанта 147 лодок и 4 парома, гребцами на которых были казаки и нижние чины пограничной стражи. Назначение флотилии состояло в борьбе с неприятельскими береговыми батареями и в прикрытии прохода десантных судов в Сулинский рукав⁵⁹.

Одновременно с этим наши береговые батареи — одна на левом берегу реки, у разделения Килийского и Сулинского рукавов, и другая на мысе Четал, вооруженные 4 мортирами и 6 крепостными орудиями, были усилены еще 8 батарейными орудиями.

В полночь на 11-е число наша флотилия, имея по-прежнему за собой десантные суда, заняла позицию перед турецкими батареями на дистанции прицельного выстрела, а пехота и артиллерия отряда двинулись к месту переправы. Здесь вся пешая артиллерия, прикрытая кустарниками, деревьями и камышом, расположилась, имея между орудиями штуцерных всех полков, у пункта переправы для сосредоточенного обстреливания неприятельского берега на случай появления на нем турецких войск; конная же батарея стала на берегу против Сомова гирла с целью воспрепятствовать неприятелю уничтожить мосты на этом гирле и поражать турецкие войска в случае движения их от Тульчи к берегу Дуная.

11 марта в половине шестого утра наша флотилия и береговые батареи открыли огонь против турецких батарей. В то же время для отвлечения внимания турок вышли из Сулинского рукава, в месте разделения его с Георгиевским рукавом, десантные суда с посаженными на них двумя спешенными сотнями дунайских казаков, которые по Георгиевскому рукаву спустились к с. Прислава (Грислав)⁶⁰, где и высадились на неприятельский берег. Зажегши несколько турецких кордонов, казаки заняли ивовый лес; турки, обманутые

большим количеством судов, направили сюда отряд силой около 700 человек с 2 орудиями. Хотя казакам и пришлось отойти на Георгиевский остров, но во всяком случае демонстрация их облегчила переправу отряда Ушакова и отвлекла на себя часть турецких сил⁶¹.

Тем временем меткий огонь наших береговых батарей и флотилии так ослабил огонь турок, что в 10 часов утра генерал Ушаков признал своевременным начать движение десантных судов из Килийского в Сулинский рукав. Дойдя до мыса Четал, суда эти должны были по причине отмели огибать его на веслах; но как только они показались из-за флотилии, то замолчавшие было турки открыли самый убийственный огонь по этим судам. Случай благоприятствовал нам провести без всякого повреждения все суда к месту назначения.

В половине двенадцатого были посажены на суда вторые батальоны Могилевского и Полоцкого полков с 4 орудиями легкой № 2 батареи, которые заняли без единого выстрела часть неприятельского берега. За ними были постепенно перевезены вся остальная пехота и легкая артиллерия; батарейные же орудия пришлось ввиду сильного ветра и непрочности паромов до наводки моста оставить на том берегу.

Генерал Ушаков, по мере выхода войск на берег, направил 2 батальона Могилевского полка с 2 орудиями направо для наблюдения за турецкими береговыми батареями, а Полоцкий полк с 4 орудиями налево, к Сомовскому гирлу, для завладения мостом через него⁶².

Тем временем на высотах старой Тульчи и в камышах Сомова гирла стала собираться турецкая пехота, а на скаты горы выехала неприятельская 8-орудийная батарея.

Полоцкий полк быстро наступал вперед, прикрываясь цепью застрельщиков, и своим решительным наступлением прогнал неприятеля, захватив мост через Сомово гирло, который турки не успели даже испортить. Решительному успеху этого отряда много способствовали конная батарея, поставленная, как было сказано выше, против гирла, на острове Четал, и присоединенная к ней впоследствии батарейная батарея.

Было уже около 4 часов вечера. Неприятель все более и более усиливался на высотах старой Тульчи, и к тому же было получено известие о движении войск со стороны Исаки. Между тем из-за ветреной погоды наводка моста замедлялась, и войскам генерала Ушакова предстояло провести ночь на неприятельском берегу, стесненным превосходящими силами противника и не имея налаженного сообщения с нашим берегом.

Начальник отряда решил поэтому штурмовать береговые батареи турок, казавшиеся уже совершенно ослабленными нашим огнем, и этим обеспечить как свой правый фланг, так и саму переправу.

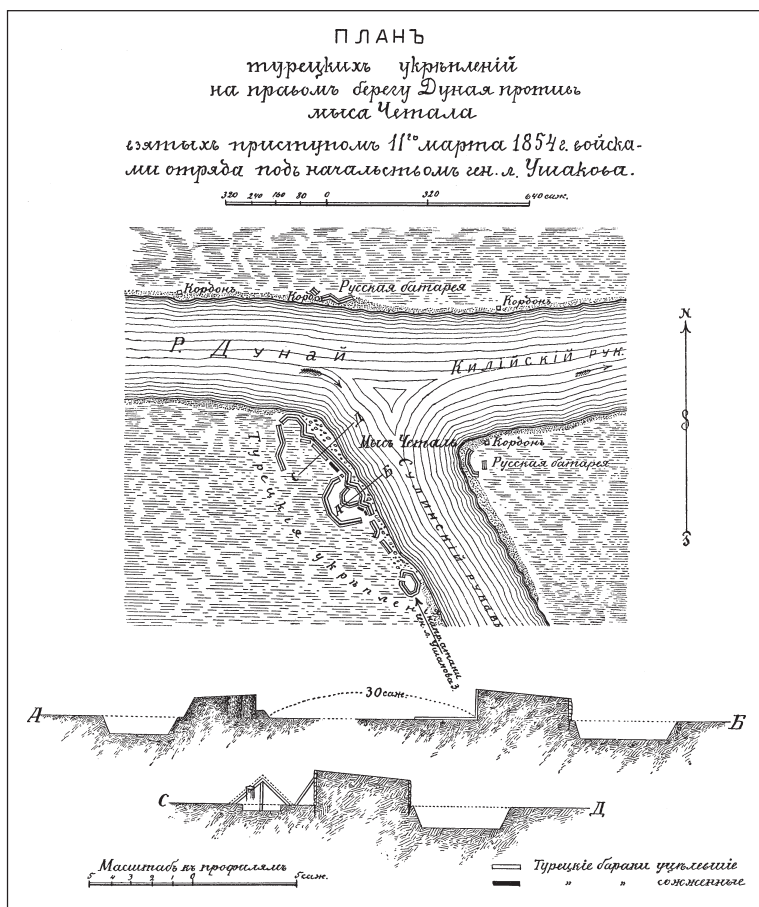

Схема № 39

Два батальона Могилевского полка пошли на приступ ближайшего турецкого редута, обороняемого одной пехотой⁶³. Редут был взят 2-м батальоном могилевцев, но как только головы наших колонн выдвинулись из редута для штурма следующей батареи, то были встречены с дистанции 100 сажень сильнейшим картечным огнем 6 орудий и ружейными выстрелами из-за обширного временного сомкнутого укрепленья, которое до этого казалось открытой сзади батареями.

Потеряв своих начальников ранеными, люди смешались, но порядок был скоро восстановлен, и 1-й батальон пошел в ротных колоннах на приступ со стороны реки. Люди влезли на вал, но вновь

были отбиты. Одновременно 2-й батальон атаковал главный вход в укрепление, но также был отбит. Войска, однако, не отступили, а залегли во рвах и за группами деревьев, поддерживая сильный ружейный огонь. Находившиеся при полку орудия подошли на 100 сажень к укреплению и обстреливали вход в него картечью.

Генерал Ушаков, видя бесплодные усилия могилевцев, двинул им на помощь 3-й и 4-й батальоны Смоленского полка, которые, побежав на выручку товарищей, ворвались с криками «ура!» вместе с ободренными могилевцами в укрепление, овладели в совершенной темноте главным валом, но были встречены почти в упор убийственным картечным и ружейным огнем из редута.

Казалось, удержаться здесь не было физической возможности, но в это время прибыл только что переправившийся 2-й батальон Смоленского полка, который, имея во главе своего командира батальона подполковника Вознесенского со знаменем в руках, ворвался в укрепление с другой стороны и завладел редутом. Гарнизон был большей частью переколот, и бой прекратился в половине десятого вечера.

Трофеями победителей были 9 орудий, из которых одно осадное и одно 36-фунтовое, комендант, 3 офицера и 90 нижних чинов пленными и почти весь уничтоженный гарнизон силой около 1000 человек.

Нелегко и нам досталась эта победа. 5 офицеров и 196 нижних чинов были убиты, 19 офицеров и 491 человек из нижних чинов ранены и 48 нижних чинов пропало без вести.

Но велики были и последствия этого кровопролитного штурма. Турки в паническом страхе очистили Тульчу и Исакчу, оставив в наше распоряжение сильно укрепленные позиции со всеми запасами и снарядами.

12 марта утром генерал Ушаков занял без боя Тульчу, выдвинув кавалерию по дороге к Бабадагу, куда отошли турки, а переправившиеся у Сатунова казаки заняли и Исакчу.

13 марта к 9 часам утра мост через Дунай был окончен и переправа у Тульчи вполне обеспечена⁶⁴.

Что касается Браиловского отряда, при котором находился князь Горчаков, то в нем для совершения переправы была еще на 10-е число отдана обширная диспозиция, подробно излагавшая весь порядок перехода на тот берег реки⁶⁵.

Согласно этой диспозиции, Браиловский отряд распределился следующим образом.

Два батальона и 10 орудий⁶⁶ назначались для занятия острова Бындой; войска эти принимали участие в описанной выше бомбардировке правого берега 10-го числа.

3 ½ бат., 8 ор. и 50 каз.⁶⁷ назначались для первоначального занятия правого берега Дуная. Они к полудню 10-го должны были со-

браться на площади, против пристани, и расположиться там вдоль берега возможно удобнее для посадки на суда⁶⁸.

Остальная часть Браиловского отряда оставалась в резерве на левом берегу реки, за исключением 8 орудий, размещенных по батареям этого берега.

Пароход «Прут» и 6 канонерских лодок должны были действовать по указанию генерала Шильдера.

Далее диспозиция подробно останавливалась на способе совершения самой переправы. Для этого назначались кроме малых гребных судов 12 больших и 6 малых кирлашей и 3 чама. На гребные суда, которые должны были идти впереди всей десантной флотилии и прикрывать высадку остальных, предназначались 1-й батальон Замосцьского егерского полка и 1—2 роты саперов. Направление было дано к углу правого берега Дуная, при впадении в него Мачинского рукава, с тем чтобы приставать ниже строений кофейни.

Людям было приказано, когда суда причалят к берегу, быстро выскакать и строиться вдоль самого берега, прикрываясь строениями и местностью. После этого батальон замосцев и саперы назначались для возведения предмостного укрепления, а 2 батальона выдвигались вперед для прикрытия работ.

Ввиду последовавшей отмены переправы на 11-е число диспозиция, в общем, осталась та же самая, только время посадки отложено на 4 часа пополудни и, кроме того, указывалось в день переправы, т. е. 11 марта, вновь открыть канонаду с острова Бындоя и с левого берега реки⁶⁹.

Как уже известно, еще 10-го числа артиллерия Браиловского отряда открыла огонь по неприятельскому берегу с целью привлечь внимание турок и тем облегчить переправу отрядов генералов Лидерса и Ушакова. На следующий день с утра канонада была возобновлена, но так как турки не отвечали, то и мы постепенно прекратили стрельбу. Но в 2 часа дня со всех наших батарей вновь был открыт огонь, под прикрытием которого десантный отряд сажился на суда. Неприятельские батареи молчали.

В 4 часа дня по данному сигналу все пространство широкого Дуная, слившегося в этом месте с Мачинским рукавом, покрылось судами. Громкое «ура!» и заповедная песнь «за Царя, за Русь святую» огласили пространство и, сливаясь с гулом артиллерии, потрясали окрестность. Передовые части благополучно достигли пристани Гичету, около турецкой кофейни, и командовавший десантом генерал-адъютант Коцебу одним из первых вышел на неприятельский берег. Турки во время переправы наших войск огня не открывали ни со своих батарей, ни с ложементов, так что можно было думать, что они совершенно очистили берег.

Генерал Коцебу образовал из первых высадившихся войск цепь застрельщиков, которую продвинул вперед для прикрытия построения

Преследование линейными казаками турецких фуражиров

остальных переправлявшихся частей. В то же время неприятель открыл огонь со своих дальних батарей по нашей флотилии, имея целью помешать начавшейся наводке моста и дальнейшей перевозке войск⁷⁰.

Когда весь десантный отряд сосредоточился на правом берегу, генерал Коцебу лично повел его по дороге к Мачину, выслав влево от дороги рекогносцировочный отряд греческих волонтеров для осмотра местности, покрытой камышом. Охотники спокойно подошли к оставленной неприятелем батарее, но как только они взошли на ее вал, то были встречены сильным штуцерным огнем турок, скрытых в ложбине за батареей и в траншеях, которые соединяли ее с прочими батареями.

Генерал Коцебу остановил свою цепь и завязал с противником перестрелку, а переправившаяся наша артиллерия совместно с батареями острова Бындоя открыла картечный огонь по ближайшим неприятельским укреплениям, за которыми держалась турецкая пехота. Одновременно с этим приступили к трассировке и постройке предмостного укрепления.

Противник до ночи продолжал действовать своими двумя орудиями картечью по войскам и ядрами по работам и мосту. Сверх того турки два раза выстраивались вдоль своих ложементов и открывали батальный огонь, не нанося нам, однако, никакого вреда как вследствие своего большого удаления, так и ввиду отличной приспособленности нашей пехоты к рельефу местности.

Тем временем наводка моста⁷¹ очень задерживалась из-за неприятельского огня и сильного ветра, который рвал якоря и сносил

суда. Это обстоятельство делало крайне опасным положение на правом берегу реки отряда генерала Коцебу, который мог ожидать ночного нападения турок, все еще удерживавшихся в ближайших укреплениях. Пришлось отряд этот подкрепить двумя батальонами Люблинского полка и двумя орудиями, которые около 6 часов вечера переправили на судах. В течение ночи генерал Коцебу был подкреплен остальными двумя батальонами люблинцев и еще двумя орудиями.

Но утро 12 марта принесло мало утешения князю Горчакову. «Предмостное укрепление, — писал он генералу Лидерсу⁷², — слабо, мост не клеится, перевозочные средства дурные. По всему этому положение Браиловского отряда может сделаться весьма затруднительным, если ваши войска не двинутся вперед». Поэтому князь Горчаков просил генерала Лидерса продвинуться с его отрядом до Горвана или по крайней мере выдвинуть вперед авангард.

В действительности же турки в ночь с 11 на 12 марта окончательно очистили свои батареи и отступили по направлению к Мачину⁷³. В ночь же на 13 марта князь Урусов, начальствовавший войсками на острове Бындой, донес, что неприятель, оставив Мачин, потянулся на Гирсово. 13-го утром мост был готов, и князь Горчаков, приветствуемый жителями, торжественно вступил в Мачин.

Урон Браиловского отряда при совершении этой операции был весьма незначителен. Оторвало ногу одному из помощников Шильдера, генералу Дубенскому, и из нижних чинов было 6 убитых и 30 раненых⁷⁴.

Таким образом, 13 марта на правом берегу Дуная находилось уже свыше 50 батальонов и 160 орудий русских войск, владевших крепостями в Тульче, Исакче и Мачине и имевших три обеспеченные переправы на левый берег.

Все это было достигнуто сравнительно ничтожными потерями в 25 офицеров и около 750 нижних чинов убитыми и ранеными и ставит переправу князя Горчакова вровень с блестящими подобного рода операциями по искусству стратегии и превосходному исполнению.

На театре военных действий, заключающем все пространство по Дунаю, от Калафата до Измаила, князь Горчаков, не ослабив ни одного из пунктов, занятие которых имело значение, сумел сосредоточить на нижнем Дунае столько войск, что одновременно мог предпринять переправу на правый берег в трех пунктах — от Браилова, Измаила и Галаца, произведя демонстрацию у Гирсова. Форсированная переправа в трех весьма мало удаленных друг от друга местах, с самостоятельными силами и флотилией на каждом, должна была парализовать оборону. Ни на одном из защищаемых пунк-

тов переправы неприятель не мог быть спокоен за свой тыл и фланги, а одновременность форсирования и внушительные силы всех отрядов затрудняли противнику возможность определить, откуда, собственно, наносится главный удар, и своевременно направить туда резерв, если бы таковой у турок и существовал в низовьях Дуная.

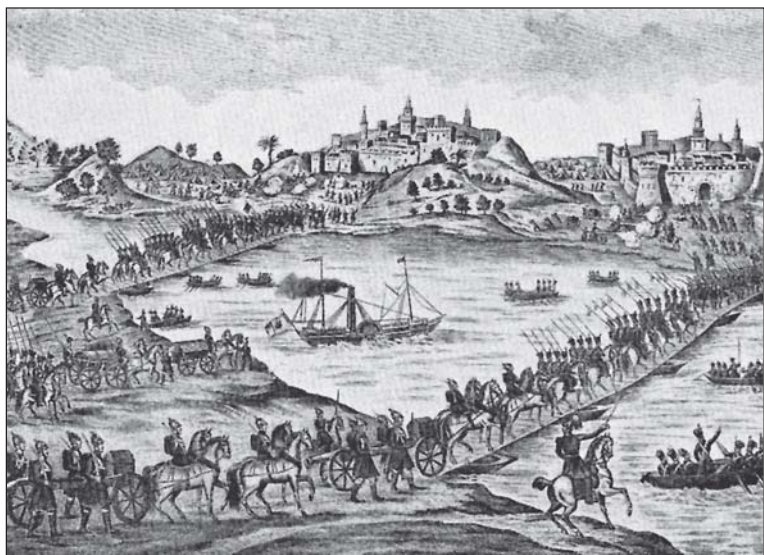
Оригинальность и искусство плана Горчакова заключались еще и в том, что сила переправляющихся отрядов и пункты переправ были так скомбинированы, что неудача на одном из этих пунктов, даже там, где переправлялись главные силы, не влекла за собой неудачи всей операции, так как внушительность сил, переправляемых в остальных пунктах, и угрожающее положение каждого из этих пунктов по отношению к другим не давали возможности туркам развить свой успех и продолжать удерживать берега Дуная.

Если прибавить к этому необыкновенно подробную и точную подготовку операции, повышенное внимание к надлежащему обеспечению техническими средствами, к уменьшению опасности сильного поражения в случае неудачи, отличную ориентировку всех частных начальников, данную им необходимую долю самостоятельности и тесную связь между всеми отдельно действующими отрядами, то нашу переправу через Дунай следует признать не только «единственным счастливым делом войны 1853 года»⁷⁵, но и операцией, во всех отношениях блестящей, способной, по мнению наших противников, изменить, как увидим ниже, весь ход кампании, если бы мы не испугались первого нашего решительного шага.

Странная судьба у князя Михаила Дмитриевича! После бесцветной многомесячной кампании, в течение которой на его голову не без справедливости сыпались со всех сторон нарекания, он проявляет качества талантливое генерала именно в ту минуту, когда, истомленные его нерешительностью, посылают на Дунай князя Варшавского.

Невольно еще больше убеждаешься, что князь Горчаков не был обойден военными талантами, но в излишней степени был одержим нерешительностью, отсутствием гражданского мужества действовать самостоятельно, страхом перед Петербургом и Паскевичем и недостатком практики в командовании войсками.

Как только категорическое повеление императора Николая совершить переправу через Дунай покрыло собой отмеченные выше недочеты характера князя Михаила Дмитриевича и ему удалось по тем или другим обстоятельствам не спуститься с роли главнокомандующего в роль частного начальника, то и результат дела вполне соответствовал военным дарованиям командующего армией. «Князь Горчаков пишет мне, — всеподданнейше доносил князь Варшавский⁷⁶, — что он жив не остался бы, если бы переправа не удалась».

Переправа через Дунай (современная народная картина)

Нельзя по поводу этих строк не отметить лишний раз связи между решимостью главнокомандующего добиться во что бы то ни стало поставленной цели и успехом задуманного предприятия.

Надо, впрочем, сознаться, что план, которым руководствовался турецкий главнокомандующий, во многом облегчал действия князя Горчакова.

Оттоманская армия, доведенная в феврале до 120 000 человек⁷⁷, была сосредоточена главными своими силами между Рушуком, Туртукаем и Силистрией, вытянутым левым флангом до Видина и Калафата и с прикрытием нижнего Дуная и Добруджи отдельным корпусом Мустафа-паши. Главное назначение этого корпуса, действительную силу которого трудно определить⁷⁸, состояло в обороне одной из двух линий Троянова вала, замыкавшего Добруджу между Рассово и Кюстенджи; но Мустафа-паша, не без ведома, как можно полагать, главнокомандующего, продвинул его вперед к берегу Дуная, между Гирсовом и Тульчей.

«Лучший план Омера-паши, — говорит по этому поводу генерал Клапка⁷⁹, — заключался в сосредоточении большей части его армии на наиболее важном участке театра войны, между Шумлой, Варной и Рушуком. Корпус в 20 тысяч, опирающийся на Калафат и Видин, и другой в 10 тысяч, поставленный между Никоподем и Систовом, были бы достаточны для того, чтобы помешать диверсии русских по Софийской дороге. Правый фланг было бы выгод-

нее откинуть к Троянову валу, с авангардом у Бабадага, не занимая линии нижнего Дуная, а только наблюдая по ней за неприятелем. Но вместо этого Омер-паша разбросал свои войска между Калафатом и устьями Дуная, сделав невозможным их быстрое сосредоточение для движения против неприятеля и позволив русским обойти его правый фланг и победоносно открыть кампанию».

Таким образом, князь Горчаков при своей переправе имел дело лишь с корпусом Мустафы-паши, и разброска оттоманской армии почти равномерно на всем протяжении Дуная не давала возможности ее главнокомандующему ни поддержать Бабадагский отряд, ни отвлечь своими серьезными активными действиями внимание и силы Горчакова на другой пункт Дуная.

Мустафа-паша, насколько можно судить⁸⁰, разделил свои войска на несколько отрядов, которыми занял Тульчу, Исакчу, Мачин и Гирсово, не имея резерва⁸¹. Наибольшее внимание им было обращено на Тульчу, замыкавшую дельту Дуная, и на Мачин, обеспечивающий левый фланг его района. Что касается участка реки против Галаца, то он наблюдался лишь кавалерией, и только на нагорном берегу у с. Горван была занята укрепленная позиция отрядом, силу которого не представляется возможным определить. Укрепленные Мачин, Горван и Исакча представляли центр оборонительной линии Мустафы-паши с откинутыми флангами у Тульчи и Гирсова. Таким образом, переправа Горчакова всеми силами у Галаца выводила бы его на фронт этой позиции и стоила бы больших жертв. Лишь угроза Гирсову, Мачину и Тульче могла обезвредить силу неприятельского сопротивления, что и случилось в действительности.

Крайне неясный и пристрастный рапорт Омера-паши не дает никакой возможности составить полное представление о противодействии корпуса Мустафы-паши переправе князя Горчакова. На турок, насколько можно судить, очень подействовала переправа отряда генерала Лидерса у Галаца, которой они совершенно не ожидали и которая ослабила силу их обороны у Мачина и Тульчи. Они преувеличенно считали наши силы, перебрасываемые через Дунай, в 80 тысяч человек при 150 орудиях, что «при большом, по словам Омера-паши⁸², утомлении войск после непрерывных двухдневных боев и ввиду чрезмерного удаления отрядов друг от друга заставило Мустафу-пашу отступить к Карасу, исполняя этим раньше данные ему инструкции».

Чтобы сгладить впечатление, которое должно было произвести на турецкие войска поспешное их отступление внутрь страны, Мустафа-паша объявил им, что султан запретил принимать бой до прибытия на театр войны французских и английских армий⁸³.

О понесенных потерях турецкий главнокомандующий ко времени составления рапорта не имел точных сведений, но, по перво-

начальным донесениям, уже было зарегистрировано около 500 человек убитыми и ранеными. Основываясь вообще на крайне пристрастном характере официального турецкого донесения, цифру эту смело можно увеличить в несколько раз.

Омер-паша считал позицию у Карасу очень удобной, чтобы принять на ней бой, но необходимость держать в Шумле достаточное для защиты этого пункта количество войск не давало возможности усилить отряд Мустафы-паши 10—12 батальонами, необходимыми для упорной обороны Карасу в зависимости от предполагаемого превосходящего числа русских войск. Поэтому, считая опасным оставлять корпус Мустафы-паши выдвинутым на значительное расстояние вперед без возможности его своевременно поддержать, Омер-паша приказал ему отойти к Шумле, оставив 3 тысячи конницы для разведок в направлении на Базарджик, Карасу и Бабадаг.

Таким образом, князю Горчакову удалось своей переправой очистить всю Бабадагскую область и откинуть турок к Шумле. Успех был полный, и в Дунайской армии заслуженно царили необыкновенное оживление и радость. Общий подъем духа вылился в песне, сочиненной виновником торжества князем Горчаковым и положенной впоследствии на ноты известным композитором Львовым: «Жизни тот один достоин» и т. д.⁸⁴

«Имею счастье доложить Вашему Императорскому Величеству,— всеподданнейше доносил князь Горчаков⁸⁵,— что поход 1854 года открыт с честью для Вашего оружия. 11 марта войска Ваши овладели правым берегом Дуная на трех пунктах... Мачин и Тульча были окружены весьма сильными полевыми укреплениями; взять их с бою нельзя было бы, не потерявши нескольких тысяч храбрых... Войска от генерала до рядового достойны всякой похвалы; они дышат мужеством и готовностью умереть за Вашу славу».

Нечего и говорить, какой радостью отозвалось это известие в сердце государя и всей России. «Слава Богу,— тотчас же отвечал император Николай Горчакову⁸⁶,— за его щедрую милость, слава тебе за отлично обдуманное и столь же славно исполненное соображения, слава сподвижникам твоим и неоцененным храбрым войскам за отличный, беспримерный подвиг. Надеюсь, что сей первый важный шаг будет началом столь же славных в течение похода 1854 года. Отголосок его раздастся вдаль друзьям нашим, но и разозлит еще более врагов наших».

Наградив щедрой рукой участников переправы, государь пожаловал князю Горчакову свой портрет для ношения в петлице, сопровождаемый следующими милостивыми словами собственноручного письма: «В знак моей особой благодарности за твою верную и отличную службу и того искреннего уважения и дружбы, которые к тебе имею, желаю, чтобы изображение того, которому ты оказы-

ваешь столько услуг, было бы с тобой неразлучно, как знак его признательности».

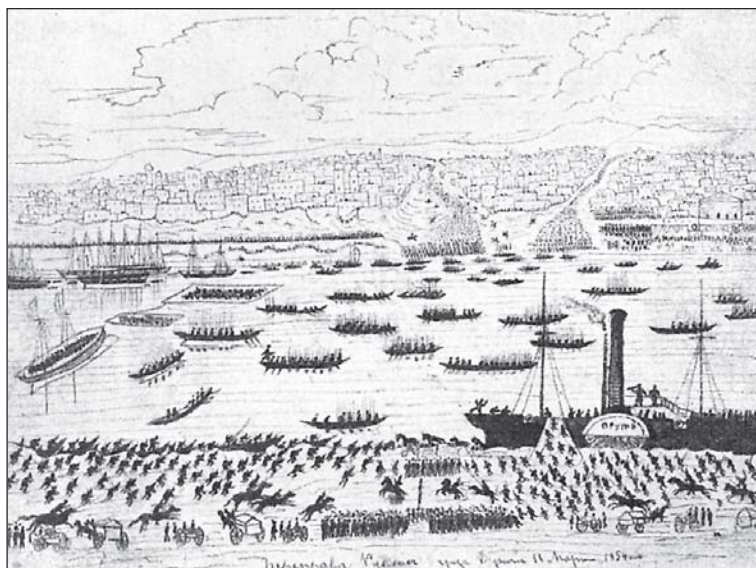
Князь Горчаков торопился поделиться своей радостью и с другом молодости князем Меншиковым. Упомянув, что Дунай, где около тридцати лет тому назад он впервые испытал волнение боя, как бы создан для того, чтобы доставлять ему удовольствия, князь Михаил Дмитриевич приписывает неожиданный успех своей переправы с небольшими потерями отличному употреблению артиллерии и кончает свое письмо сообщением о подарке им колокола православной церкви в Мачине, выражая надежду, что «может быть, этот колокол прозвонит последний час Турции»⁸⁷.

Впрочем, этот дар имел в глазах князя Горчакова более глубокое значение, чем это можно было предполагать. Не имея разрешения обратиться к болгарам после переправы через Дунай с каким-либо воззванием, которое определяло бы намерение русского правительства относительно будущей судьбы этого народа, князь Горчаков рассчитывал этим символическим подарком дать болгарам некоторые надежды, чем и вызвал отметку государя «*parfaitement bien fait*»⁸⁸.

Генерал Шильдер в письме к своему семейству также делится впечатлениями об успешной переправе⁸⁹. «Чудное дело совершилось,— пишет он,— тремя убитыми солдатами и 17 ранеными искуплена победа над врагами Христа, которые два месяца строили батареи и окопы, на две версты вдоль своего берега, в три ряда с обратным огнем, чтобы свой тыл защищать. В прах мы все избили из моих батарей и вмиг под ядрами переправились на его сторону; он, обьятый паническим страхом, бежал и бежит...»

Несколько позднее последствия форсирования переправы представились еще в более грандиозном размере. «Не только турки, занимавшие Бабадагскую область,— всеподданнейше доносил князь Горчаков⁹⁰,— оставили поспешно Карасу, не уничтожив даже там моста, и стягиваются, вероятно, к Базарджику и Шумле, но и на верхнем Дунае распространился между ними страх». Активные действия их всюду прекратились, часть войск и орудий со всех пунктов среднего и верхнего Дуная, не исключая и Калафата, были сняты со своих позиций и направлены вниз по реке, по-видимому, к Шумле, в которой, как полагал князь Горчаков, они намерены были запереться до прихода союзников. «Прекрасно»,— начертил на этом докладе император Николай.

Что касается собственно русской интеллигенции, то наш первый большой успех на Дунае не произвел на нее того радостного впечатления, которого можно было бы ожидать. Умы были заняты другим, более важным событием, а именно разрывом с западными державами и открытой враждебностью наших немецких союзников. Сердце русское разрывалось от униженности той ролью, в которую ставила нас Европа, и народное чувство требовало отпо-

Переправа через Дунай (набросок с натуры Рутковского)

ра наносимым оскорблениям, ждало призыва правительства к решительной наступательной войне и готово было соединиться в непоколебимой воле пожертвовать всем для отплаты посягавшим на русскую народную гордость. Но вялость наших действий на Дунае совместно с упорными слухами о том, что правительство склоняется к оборонительной войне, отказываясь от нанесения нашему исконному врагу, туркам, смертельного удара, вызвало в сердце наиболее горячих патриотов чувство неудовлетворения и какой-то растерянности, которое еще более возросло при известии о назначении главнокомандующим князя Варшавского с его дошедшими до слуха общества тенденциями к обороне и страхом перед Австрией.

«Что это, любезнейший Михаил Петрович! — писал Аксаков Погодину 14 февраля 1854 года⁹¹. — Политические дела меня с ума сводят! Никакое благоразумие не помогает: оскорбляется народная гордость и возмущает душу!.. Я думал, что Закревский⁹² русский человек, а слышу, и он за оборонительную войну! Ведь на нем лежит обязанность: он должен довести до сведения государя оскорбление, негодование всей Москвы, следовательно, всей России».

И благодаря такому настроению радостное известие с Дуная не порадовало Москву; оно для нее не было залогом дальнейшего решительного наступления.

«Есть весть, что мы перешли через Дунай,— писал митрополит Филарет Антонию⁹³.— Не без труда взяли крепость; потом, от нас бегут. Но к чему сие ведет? Господу помолимся!» Да Шевырев в день Благовещения извещал Погодина⁹⁴: «Переход через Дунай, говорят, был блистателен... К Пасхе должно быть что-нибудь великое». Этим и кончались все отзывы современников.

Впрочем, по словам В. Давыдова⁹⁵, широкие слои русского общества в то время весьма мало интересовались внешними делами. Житейские дразги, охота и служебные занятия одни поглощали всеобщее внимание. «Общество,— пишет он,— было еще так грубо, так равнодушно, как будто находилось в каком-то летаргическом сне, из которого пробудилось только после Крымской кампании».

Несомненно, более сильное впечатление переправа князя Горчакова произвела на наших врагов. «Полагали без сомнения,— пишет новейший историк Второй империи⁹⁶,— что русские не останутся в Добрудже, двинутся в Болгарию, форсируют Балканские проходы и постараются нанести удар Адрианополю, а может быть, и самой столице. В течение нескольких дней царило большое беспокойство среди турок; оно не было меньше и в Галлиполи, где высаживались первые французские полки».

Маршал С.-Арно узнал о совершившейся переправе в Марселе, по пути в Константинополь. «Говорят о быстром наступлении русских,— писал он своему брату 19 апреля⁹⁷.— Омер-паша принужден сосредоточиться перед Шумлой. Если русские сделают решительный шаг, они могут поставить нас в затруднение, быстро прибыв к Адрианополю и найдя столицу открытой... У меня кровь стынет в жилах. Сколько потерянного времени, и как еще все медленно идет!»

В то же время он писал военному министру о необходимости удвоить усилия к быстрой отправке войск, так как не признавал возможным подвергнуть опасности Адрианополь. «Как будет странно, если мы прибудем слишком поздно!» — кончал он свое письмо маршалу Вальяну.

Канроберу, который со своей дивизией был уже на турецкой территории, С.-Арно послал категорическое приказание немедленно выдвинуться к Адрианополю или, по крайней мере, послать туда бригаду, «чтобы знали, что там авангард французской армии».

Вообще французские руководители турецких операций были очень недовольны свершившимися событиями. «J'espere,— писал генерал Барагэ д'Иль генералу Канроберу,— qu'Omer-Pacha a bien compris la situation et qu'il sera prudent»⁹⁸.

Да не послужит ли это яркой иллюстрацией правильности инстинкта императора Николая и преувеличенных опасений его фельд-маршала!

О состоянии Турции и о предположениях наших врагов после переправы князя Горчакова через Дунай можно судить по переписке французского посла в Константинополе с военным министром маршалом Вальяном. Генерал Барагэ д'Илье⁹⁹ рисовал тяжелую картину состояния Турции, раздираемой внутренними смутами и завоевываемой русской армией. Наш переход через Дунай произвел, по словам автора письма, громадное впечатление на турецкую армию, главнокомандующий которой и не думал более идти против врага, взявшего в свои руки инициативу. «Я предложил турецкому генералиссимусу, — пишет генерал Барагэ д'Илье, — который теперь, кажется, более чем когда-либо расположен меня слушать, оставить в крепостях лишь строго необходимое для обороны их количество войск и сосредоточить свою армию между Рушуком и Силистрией, чтобы, сохраняя постоянно свои сообщения с Шумлой, серьезно противодействовать переходу русского центра через Дунай или же броситься на правый фланг неприятеля, если он будет наступать через Добруджу. Я рекомендовал также Омеру-паше не вступать в решительный бой, помня, что со своей центральной позиции у Шумлы он всегда может помешать переходу русских через Балканы, а также имея в виду и необходимость обождать прибытия французских и английских войск, передовые отряды которых уже появились в Галлиполи. Я ему рекомендовал также оттянуть большую часть войск от Видина и Калафата к Тырнову, и я надеюсь, что мои советы будут исполнены».

И действительно, Омер-паша почти во всем послушал совета французского посла, за исключением желания атаковать нас где бы то ни было¹⁰⁰.

После переправы наших войск через Дунай он перенес свою главную квартиру из Рушук в Шумлу, около которой сосредоточил в укрепленном лагере отборных войск 50 батальонов и 42 эскадрона при 140 полевых орудиях¹⁰¹. Отсюда он обеспечивал точные проходы через Балканы, организовал их оборону и прикрывал прямой путь на Адрианополь; эта же позиция давала ему возможность быстро перекинуться вперед на помощь гарнизонам Рушук и Силистрии, которые, по уверению французам туркам, к этому времени были сильно укреплены. Левый фланг турецкого расположения, отодвинутый к Тырнову, прикрывал западные проходы через Балканы, мог содействовать обороне наиболее кружной дороги на Адрианополь через Софию и по-прежнему оказывать поддержку Видину и Калафату¹⁰². Правый же фланг Омера-паши опирался через Праводы на Варну и Черное море, откуда он мог ждать помощи со стороны союзников. Общее число турецкой армии, по сведениям французских агентов, доходило в это время до 200 тысяч регулярных и иррегулярных войск¹⁰³.

Что касается очищения Добруджи, то турки злорадствовали, по словам французских историков, предоставляя ее в наше пользование. Они полагали, что в этой пустынной, болотистой области наш отряд погибнет от голода и болезней и, кроме того, будет подвержен удару с фланга союзных десантов.

Однако князь Горчаков и не помышлял предпринять энергичное наступление в глубь страны. Этому препятствовали и обстоятельства, и категорическое запрещение князя Варшавского, который в скором времени должен был лично прибыть на театр войны. «Турки терроризованы в невозможной степени, — писал Горчаков князю Меншикову¹⁰⁴. — Но увы, нет ни лепестка травы на полях, ни клочка сена в стогах. Лидерс принужден будет идти шаг за шагом. Омер не будет так глуп, чтобы броситься на него, а он не сможет идти его искать. Он раньше умрет двадцать раз от голода, чем его найдет. Тем не менее я приказываю продвинуться далее, *чем то позволяет*¹⁰⁵ фельдмаршал. Кажется, очень бояться, чтобы Австрия не объявила себя против нас, но я еще смею в этом сомневаться».

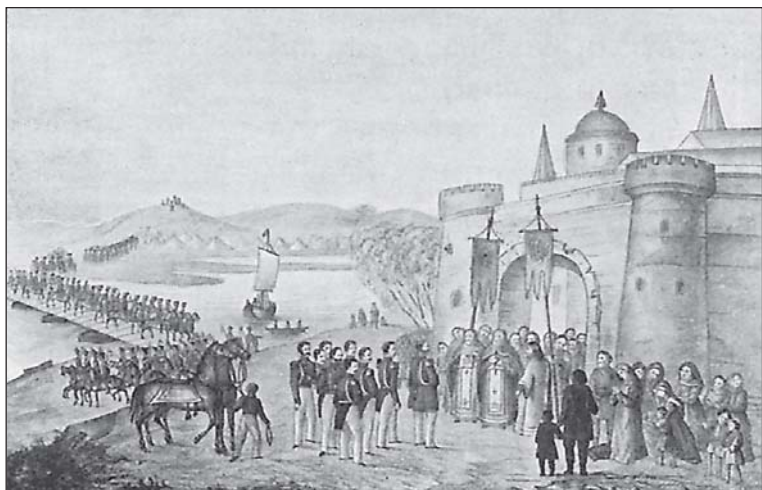
Результатом такого положения была двойственная и нерешительного характера инструкция, данная князем Горчаковым генералу Лидерсу¹⁰⁶. Ему предписывалось упорно оборонять войсками Ушакова оба берега Дуная от Рени до устья от наступательных попыток с юга и со стороны Черного моря, поднимая мост до Исакчи, а войсками, находившимися в его личном распоряжении, прогнать неприятеля из Бабадага и овладеть Гирсовом, если это удастся до 2 апреля.

Далее Гирсова к югу и западу предписывалось не ходить, а, напротив, в случае наступления неприятеля в силах, не дававших Лидерсу возможности атаковать их с полной надеждой на успех, немедленно идти к северу на отряд генерала Ушакова. Это распоряжение было вызвано опасением фельдмаршала высадки близ Одессы и приказанием в таком случае направить к Кишиневу с нижнего Дуная дивизию пехоты.

У Гирсова должен был быть наведен мост с сильным предмостным укреплением, чтобы при всяких обстоятельствах здесь, как и у Исакчи, удерживать оба берега в своих руках.

Но в то время когда князь Горчаков отдавал эти распоряжения в Браилове, князь Варшавский усердно писал ему из Варшавы.

Благоприятные депеши барона Мейендорфа из Вены о том, что Австрия все более и более сближается с Пруссией, заставили престарелого фельдмаршала прийти к заключению, что едва ли она объявит нам войну. Поэтому он указывал князю Горчакову, что все дальнейшие его распоряжения должны быть основаны на ближайшем усмотрении всех местных обстоятельств¹⁰⁷. Однако эта завидная самостоятельность совершенно парализовалась частным пись-

Выезд князя Горчакова в Мачин

мом, приложенным к предписанию¹⁰⁸. В нем князь Варшавский сообщал, что, по слухам, Австрия все-таки продолжает сбор войск и поэтому нам нельзя отменять военных предосторожностей, принятых против этой державы.

Стратегическое положение князя Горчакова он оценивал таким образом, что тот должен был обращаться туда, откуда больше угрожает опасность.

Прежде опасность угрожала со стороны Австрии, надо было обернуться лицом против нее; теперь же, не ослабляя осторожности с этой стороны, мы можем обратиться к защите против ожидаемых десантов и против предприятий турок. «Я бы полагал, любезнейший князь,— так кончает свое письмо фельдмаршал,— расположить войска таким образом, чтобы они могли быть обращены, где потребует необходимость, и могли принять отступающий отряд Липранди или действовать в подкрепление тех частей, кои находятся против Силистрии и, наконец, против десантов».

Инструкция знаменательная, которая могла бы сковать и более сильного духом, чем князь Горчаков, военачальника. Ни одного слова о нанесении удара врагу, о том, чтобы воспользоваться благоприятной минутой до прихода на театр войны союзников и бить неподготовленного врага по частям, чтобы наступательными действиями притянуть ожидаемого нового врага на себя, заставить союзников втянуться в борьбу с нами на Балканском полуострове и тем избежать ужасов и срама войны на нашей территории. Вместо того чтобы достигнутым успехом и выказанной решимостью за-

ставить колеблющуюся Австрию, традиционная политика которой слагалась у нас перед глазами не одну сотню лет, стать на сторону храброго и сильного, князь Варшавский обрекал на параличное состояние громадную армию обширного государства.

Интересно проследить влияние писем фельдмаршала на князя Горчакова. Драгоценный материал в этом отношении дает ежедневный дневник его начальника штаба генерал-адъютанта Коцебу, краткие выдержки из которого приведем здесь¹⁰⁹.

«16 марта (в это время Горчаков находился еще в повышенном настроении после успешной переправы). Опять получены устрашающие бумаги от фельдмаршала. По его указаниям мы должны готовиться к отступлению. К счастью, Горчаков настолько разумен, что этого не делает.

20 марта. Князь Горчаков видит призрак десанта англо-французов в Бессарабии и мучил меня этим до полуночи. Я энергично отстоял оставление у Лидерса всех войск, которые Горчаков хотел ослабить посылкой части в Бессарабию.

21 марта. Утром рано, в 6^{1/2} часа, Горчаков, совершенно расстроенный, пришел ко мне. Он провел бессонную ночь в страхе десанта. Я бригады уже спасти не могу... Я сказал Горчакову мой взгляд, что мы теперь должны непременно действовать наступательно, пока не прибыли французы.

28 марта. Я опять не мог пойти в церковь из-за опасений Горчакова о десанте или, вернее, из-за боязни перед фельдмаршалом» и т. д.

Но в то время когда до князя Горчакова не дошло еще последнее письмо фельдмаршала и когда он, близко видящий обстановку, решил выдвинуть отряд генерала Лидерса вперед, а также занять, если представится к этому возможность, Гирсово, он 16 марта послал Паскевичу подробное донесение, в котором старался оправдать свой маленький наступательный порыв.

Читая этот интересный документ¹¹⁰, невольно приходится пожалеть, что сила характера князя Михаила Дмитриевича так уступала его бесспорно недюжинным военным дарованиям.

Князь Горчаков, излагая уже известные нам распоряжения, отданные им генералу Лидерсу о наступлении к Гирсову, приводил мотивы, которые заставили его поступить против воли фельдмаршала и делали выдвижение Лидерса безопасным, а занятие Гирсова крайне необходимым.

Представляя копию этого донесения государю, князь Горчаков высказывал во всеподданнейшем письме¹¹¹ свое убеждение, что «лучший способ побудить неприятеля не предпринимать к нам высадки есть сохранение действиям генерала Лидерса сколь можно долее вида чисто наступательного».

Обращаясь далее к возможности для австрийцев быстрым движением из северной Трансильвании и Буковины отрезать тыл Ду-

найской армии, Горчаков писал государю, что «это один из тех шансов, из опасения коих заранее портить дело не должно. Преждевременное очищение Валахии имело бы ужасное влияние на восстание христиан, которое, кажется, начинает разгораться. Сбудься движение австрийцев в мой тыл на Яссы, мы их разобьем или умрем с честью, а у Вас Россия велика, и будет кем нас заменить!»

Пришлось ответственному руководителю наших операций на Дунае извиняться за проявленную им маленькую самостоятельность и перед военным министром. «Я буду осторожен, — писал ему князь Горчаков¹¹², — но я не попорчу дела чрезмерной осторожностью, за которую Его Величество мог бы меня упрекать»¹¹³. «Браво», — начертал против этого места император Николай.

Развивая далее свою мысль, Горчаков писал военному министру: «Наступательный характер наших операций надо сохранить возможно долее. Это единственное средство воздействовать на наших многочисленных врагов и помешать христианскому населению прийти в полное отчаяние».

Лестные пометки, сделанные государем на донесении Горчакова фельдмаршалу, ясно показывают, что не император Николай был причиной необходимости оправданий командующего войсками на Дунае, а железная воля и превратный взгляд фельдмаршала, дарования которого, к сожалению, государь верил более, чем своей широко одаренной натуре.

И действительно, государь сделался самым горячим заступником за решения князя Горчакова перед Паскевичем. «Мысли Горчакова, — писал государь фельдмаршалу¹¹⁴, — столь согласны с тем, что я сам тебе писал касательно моего желания, чтоб мы извлекли возможную пользу от удачного перехода через Дунай, что не могу не желать, чтоб ты согласился на его предложения, которые, кажется, соединяют все условия *осторожности*¹¹⁵ с извлечением возможной пользы теперешних наших успехов. Он действовал и видит дело, по-моему, славно и достоин всякой похвалы... Как бы хорошо подступить теперь к Силистрии и тем предупредить затеи союзников! Во всяком случае полагаю, что наш переход через Дунай изменяет несколько их затеи десантов к нам, а мы до того успеем быть везде готовыми к отпору. Не так ли?»

Государь сообщал мысли свои о необходимости использовать выгодные для нас обстоятельства, преследовать по пятам турок и как можно скорее дойти до Силистрии и к Горчакову. Действительно, укрепления этого пункта к тому времени не были еще, по показаниям пленных и лазутчиков, окончены, а Абдул-Меджис, считавшийся ключом всей силистрийской обороны, был едва начат. Гарнизон же крепости, по всем имевшимся сведениям, не превосходил 12 тысяч человек.

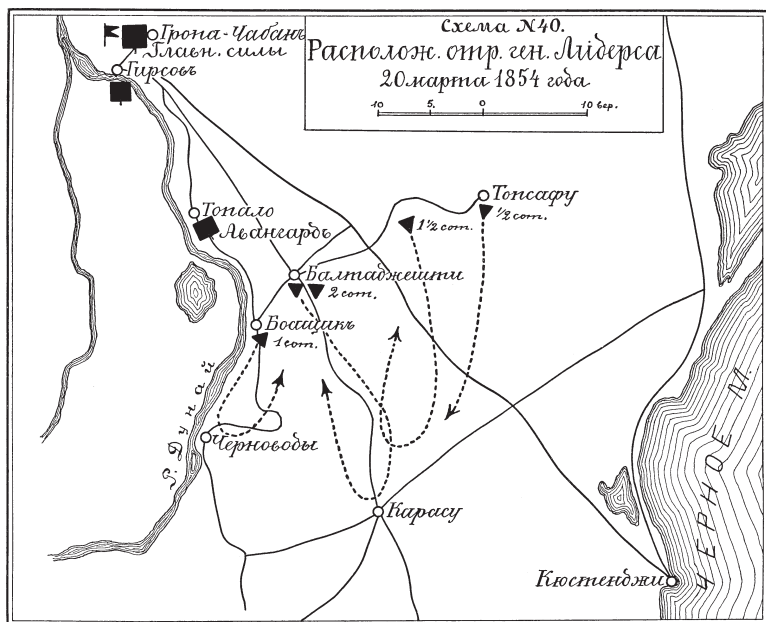

Схема № 40

«Кажется мне, — писал государь¹¹⁶, — что Силистрия должна быть предметом всех наших усилий, лишь только успокоены будем насчет Австрии. Чем скорее приступим к осаде ее, чем удастся предупредить подход к ней союзников, тем вернее рассчитать можем на успех... Последние известия из Вены подают некоторую надежду на благоразумный образ действий и на полный нейтралитет, по примеру Пруссии, но *уверенности*¹¹⁷ в том еще не имею, и потому неуверенность эта крайне меня связывает в разрешении дальнейших действий. Это же положение Австрии лишает меня всякой надежды на содействие сербов, разве успех греческого восстания воспламенит славян до того, что они пренебрегут угрозами Австрии и поднимутся без нас. Все это быть может, но нельзя на это рассчитывать и еще менее основывать наши действия».

Через несколько дней государь осчастливил Горчакова еще более лестными строками¹¹⁸: «Я обрадован был твоим правильным взглядом на положение дел, на пользу, которую от сей неожиданной удачи извлечь должно и можно. И вообще меня польстило, что, не сговорясь с тобой, мы оказались одних с тобой мыслей».

Но турки сами облегчали исполнение воли государя, и Гирсово было ими поспешно очищено без боя. 16 марта этот пункт был

занят казаками из отряда полковника Зурова, а 20-го числа — всем отрядом генерала Лидерса. По показанию липован, гарнизон, оставив 4 орудия и много запасов, бежал по направлению на Карасу¹¹⁹. Наши войска заняли главными силами Гирсово и с. Гропа-Чабан, выслав авангард по дороге в Черноводы, к с. Топала¹²⁰, и 5 сотен казаков для наблюдения за путями от Черноводы, Карасу и Бабадага¹²¹. В то же время мы приступили к наводке мостов у Гирсова и Исакчи. Казаки же отряда Ушакова заняли Бабадаг.

Между тем у Кюстенджи и на Сулинском рейде 17 и 18 марта появились французские и английские пароходы, которые спускали шлюпки, делали промеры и подходили к стоявшим на рейде коммерческим судам. 18-го к вечеру пароходы ушли с горизонта.

Это незначительное событие еще более увеличило нерешительность князя Горчакова, боявшегося ответственности перед фельдмаршалом. И он стал удерживать наступление генерала Лидерса, который в 10—12 дней мог бы перейти от Гирсова к Силистрии.

Как уже сказано выше, наша переправа через Дунай не оказалась без влияния на поведение турок в других пунктах этой длинной оборонительной линии.

Решение Омера-паши оттянуть главные свои силы к Шумле заставило его ослабить войска по Дунаю. 19 и 21 марта они очистили сильно укрепленные близ Никополя острова Богуреску-луй, Белина и Рения и прекратили на среднем Дунае всякие попытки против нашего берега. Несколько иное положение было у Калафата, где турки производили ряд демонстраций с целью скрыть уменьшение своих войск и в этом пункте.

14 марта перед рассветом они выслали всю свою кавалерию из Калафата для внезапного нападения на наш летучий отряд в Поянах, но, атакованные нашей кавалерией как отсюда, так и со стороны с. Голенцы-Команы, во фланг и в тыл, бежали обратно в Калафат с потерей свыше 100 человек¹²².

19 марта генерал Липранди произвел общее наступление своего отряда; турки выслали свою кавалерию, но после нескольких картежных выстрелов с нашей стороны поспешно отступили к укреплениям.

По собранным во время этих почти ежедневных стычек сведениям, турки отправили часть калафатского гарнизона вниз по Дунаю, что не успокоило князя Горчакова. «Главная моя забота, — всеподданнейше доносил он¹²³, — с Калафатом». Командующий войсками считал полезным сократить наш фронт, но признавал, что очищение Малой Валахии должно было иметь самые вредные последствия. Оно дало бы возможность туркам вступить «в этот негодный край» и взбунтовать его. Горчаков не соглашался с предположением князя Варшавского о необходимости отвести Липранди к Крайову, находя, что «каждый лишний день сохранения наступа-

тельного вида с нашей стороны может принести много пользы, особенно восстанию Греции».

Со своей стороны император Николай продолжал оставаться глубоким сторонником энергичных действий с целью использовать успех нашего перехода через Дунай и неготовность союзников. Но и он в этом отношении ориентировался на возможное поведение австрийцев. «Все, несомненно, зависит, — писал он князю Варшавскому¹²⁴, — от расположения австрийцев; кажется, есть надежда, что они нас не атакуют. Ежели будем в том уверены, то не надо, кажется, терять времени и немедленно готовиться приступить к осаде Силистрии, главной цели всей кампании 1854 года». Государь считал это особенно важным еще и потому, что осада Силистрии должна была оттянуть часть союзных сил от наших берегов. «Прошу, отец-командир, — продолжал государь дальше, — вникнуть в эту мысль и дать твои приказания Горчакову в этом смысле, ежели ты не противен сему. Упусти мы воспользоваться теперешним успехом и его впечатлением на турок, подобного удобства не встретим вперед надолго». Не довольствуясь, однако, высказанной так настоятельно просьбой, или, вернее, приказанием, государь, зная характер фельдмаршала, заканчивает свое письмо фразой: «Теперь только, ради Бога, не будем терять времени; надо воспользоваться теперешним положением, и время дорого!»

Но мысли того, кто должен быть душой и мозгом предстоящих военных операций, сильно отличались от мыслей, царивших на берегах Невы и Дуная. Мы не думаем сделать исторической ошибки, высказав предположение, что князь Варшавский даже несочувственно относился к нашей удачной переправе через Дунай и смотрел на нее как на досадную помеху к исполнению задуманного им плана. Трудно сказать утвердительно, какие, собственно, мотивы руководили фельдмаршалом и руками его связывали широкий размах полета русского орла. Было ли это убеждение, унаследованное им после Венгерского похода 1849 года, что самый опасный враг России это Австрия, убеждение, вылившееся впоследствии в приписываемую Паскевичу ходячую фразу: «Дорога в Константинополь лежит через Вену», и он старался удержать нашу армию в положении, способном в случае разрыва нанести Австрии решительный удар. Была ли это затаенная мысль влисть последнюю ветку в свой венок славы нанесением решительного поражения этой двуличной державе или же просто старческая осторожность и нежелание рисковать своей славой, но несомненен тот факт, что князь Варшавский был тормозом для наших активных действий и дал нашим военным операциям направление, приведшее нас к Крымской войне.

Паскевич откровенно высказывал свои мысли государю, и если бы не чрезмерная вера в него императора Николая, то, казалось бы,

никаких иллюзий от его вялых и не во всем соответствующих воле государя действий на Дунае быть не могло. Короче, ему не душно было стоять во главе Дунайской армии.

Поздравляя государя с переходом через реку, он лишь признавал, что занятие Гирсова нам теперь не помешает, так как «успеем еще отвести войска, когда будет нужно»¹²⁵. Сообщая о благоприятном приеме австрийским императором известия о наших успехах, фельдмаршал тотчас же прибавлял, что австрийское правительство нам не доверяет, что Австрия вооружается из опасения, чтобы мы не привели в исполнение нашего плана насчет восстания христиан, которого австрийцы так боятся. Не возражая окончательно против настойчивой просьбы государя поторопиться с подходом к Силистрии, Паскевич, однако, рисовал картину опасности такого движения вперед, продолжая указывать на серьезную угрозу со стороны Австрии и на возможность десантов союзников в тыл нашей Дунайской армии¹²⁶. Нет сомнения, что все это должно было значительно парализовать и волю государя, и действия Горчакова.

В самом деле, под влиянием переписки с фельдмаршалом и в ожидании его приезда князь Горчаков окончательно отказался от наступления своей армии и принял выжидательное положение, подробно разобрав в своем всеподданнейшем докладе обстановку, как она ему представлялась¹²⁷.

Поведение Австрии для князя Горчакова, как и для всех остальных, продолжало оставаться неясным, но он полагал, что если бы эта держава решилась на войну с нами, то мы во всяком случае узнали бы об этом недели за три до начала военных действий. О прибытии в Турцию десантных войск морских держав, кроме 10—15-тысячного корпуса, также ничего не было слышно. Так что в нашем распоряжении имелось несколько свободных недель, в течение которых мы могли бы еще взять инициативу в свои руки.

Главную надежду Горчаков возлагал на восстание единоверных нам племен, которому должен был содействовать переход наш через Дунай. Ему представлялось необходимым использовать в этом направлении наш успех, между тем как переход к оборонительной войне должен был парализовать действия христианских подданных султана, в особенности при известном заигрывании с ними западных держав.

Командующий войсками, принимая в соображение эти данные, полагал действиям за Дунаем придать такой характер, чтобы, «с одной стороны, не терять из виду угрожающую опасность от Австрии и от десантов с моря, а с другой — сохранить операциям нашим сколь можно долее вид чисто наступательный, дабы не охлаждать порыва христиан».

Для предотвращения высадки в Бессарабии десанта и вообще для противодействия неприятелю к западу от Днестра Горчаков на-

правил в Рени и Болград 2-ю бригаду 14-й дивизии, что вместе с отрядом генерала Ушакова должно было составить силу в 23 батальона для охранения низовьев Дуная и для действия во фланг и в тыл неприятелю, если бы он высадился у Аккермана.

Генералу Лидерсу с 30 батальонами было приказано оставаться у Гирсова, делая поиски подступа к Черноводам, и, опираясь на Гирсовский мост с предмостным укреплением, «служить надежной передовой точкой опоры для дальнейших наступательных действий».

Генерала Липранди до разъяснения обстоятельств князь Горчаков полагал временно оставить у Калафата, а остальные силы держать в центре, в наблюдательном положении, дислоцировав бригаду у Систова и Никополя, по бригаде против Рущука и Туртукая, полк против Силистрии и 15 батальонов в резерве между Бухарестом и Будешти.

В случае угрозы со стороны Австрии генерал Липранди должен был отступать за Ольту, а бульшую часть наших войск планировалось сосредоточить у Бухареста, куда можно было притянуть также отряд генерала Лидерса. Если начнутся наступательные действия французов и турок, то против них направляется часть Бухарестского резерва, часть прибрежных войск и отряда генерала Лидерса. Наконец, при благоприятных обстоятельствах с такой группировкой войск легко было бы приступить «к наступательным действиям по данному начертанию».

Такое положение с 23 батальонами на нижнем Дунае, с тремя мостами и предмостными укреплениями князь Горчаков признавал самым выгодным при бывших обстоятельствах.

Придавая в дальнейших наших операциях большое значение участию в борьбе христианских народностей Балканского полуострова, командующий войсками еще до получения указания из Петербурга отправил к генералу Лидерсу сформированный из болгар и сербов отряд в 500 человек, а к генералу Липранди — в 1500 человек.

Представленная князем Горчаковым записка удостоилась следующей пометки императора Николая: «Очень хорошо, но Липранди долго я не оставил бы у Калафата, а оттянул бы к Крайову; пусть бы турки пошли за ним, тут бы мы им и тумака задали».

Дальнейшая переписка между главными действующими лицами до прибытия князя Варшавского на театр войны кружилась все около тех же вопросов восстания христиан и вмешательства Австрии.

Фельдмаршал, который еще в начале 1853 года представил государю обширную записку¹²⁸ о вооружении христианских народностей Турции и видел в этом средство «начала распада Турецкой империи», впоследствии как-то охладил к своей мысли, по всей вероятности, все под тем же влиянием страха перед Австрией. При-

*Посадка французских войск на суда
(с современной иллюстрации)*

знаявая совершенно несвоевременным поддерживать неприятное для австрийцев восстание в Сербии, он отложил до своего приезда и образование болгарских дружин, предложив князю Горчакову очень оригинальную и практически бесполезную меру — послать к туркам тайных шпионов, которые в расчете на мусульманский фанатизм взбунтовали бы правоверных подданных султана против его христианских союзников¹²⁹.

Впрочем, эта мысль фельдмаршала не была реализована.

Государь, со своей стороны, признавал возможным «пустить волонтеров подымать болгар, но не трогать сербов, чтобы не тревожить Австрии»¹³⁰.

События тем временем шли своим чередом, и пребывание наше на правом берегу Дуная делало необходимым установить какие-либо сношения с местными болгарами, на умы и надежды которых должно было влиять присутствие среди них русских войск. Князь Горчаков решил до окончательного выяснения этого вопроса принять выжидательное положение и предписал генералу Лидерсу стараться поддерживать среди болгар расположение к нам ожиданием важных для них перемен, но не давать им никаких, в особенности письменных, обещаний¹³¹. «Теперь время настало выдать прокламации, чем я займусь», — пометил император Николай на донесении князя Горчакова о принятой им мере¹³².

И действительно, из-под пера государя вскоре вышло воззвание к «единоверным братьям нашим в областях Турции»¹³³. В нем гово-

рилось, что войска российские вступили в край не как враги, но с крестом в руках для защиты Христовой церкви и православных ее сынов, поруганных неистовыми врагами. Упоминалось далее, что уже не раз кровь русская лилась и не без результата с этой целью и что настало время и прочим христианам стяжать себе те же права, которые уже даны некоторым, подвластным Турции христианским народам. Воззвание заканчивалось призывом соединиться в общем подвиге за веру и за права угнетенных.

Государь остался доволен своей работой, приказав отправить ее к князю Варшавскому и сообщить «к сведению» графу Нессельроде.

Приближалось время прибытия на театр войны фельдмаршала. Князь Горчаков все более и более волновался¹³⁴. Он знал нерасположение Паскевича к наступательным действиям, но воля государя и сложившаяся обстановка диктовали именно такой характер дальнейших операций. И действительно, положение князя Михаила Дмитриевича было незавидное. Не будучи уже хозяином на театре войны, он должен был не идти вразрез с планами фельдмаршала, но и не упускать благоприятно сложившихся обстоятельств. Князь Горчаков выбрал среднее решение. Он оставался на месте, делая предварительные распоряжения к переходу в наступление на обоих флангах своего широкого фронта, и продолжал писать в Петербург о пользе наступления¹³⁵.

Постоянно получаемые сведения об ослаблении левого фланга турецкого расположения и об оттягивании части войск от Видина и Калафата делали желательным демонстрацию силы Мало-Валахским отрядом на правом берегу Дуная, около устья р. Римока. По мнению князя Горчакова, демонстрация эта, угрожая Калафату с тыла, могла бы совместно с соответствующими действиями с фронта дать весьма большие результаты. «Но как сделать, чтобы не раздражить Австрии?» — беспомощно спрашивал князь Горчаков.

И действительно, наш посол в Вене не советовал производить подобную демонстрацию, так как ревнивая в отношении вовлечения Сербии в борьбу с Турцией Австрия не могла бы устоять против открытого с нами разрыва¹³⁶.

В таком положении находились дела на Дунае, когда туда прибыл фельдмаршал князь Варшавский.

Примечания

¹ Письмо от 7 января 1854 г. Собств. Его Велич. библ., шк. 115, портф. 14. Приложение № 71.

² Всеподданнейшее письмо князя Горчакова от 21 января 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.

³ Всеподданнейшее письмо князя Горчаков 27 января 1854 г. Там же.

⁴ Там же.

⁵ Генерал Лидерс — военному министру 16 декабря 1853 г., № 3686. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.

⁶ См. схему № 28.

⁷ Князь Горчаков — военному министру 26 декабря 1853 г., № 2806. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.

⁸ Князь Горчаков — военному министру 3 февраля 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.

⁹ Всеподданейшее письмо князя Горчакова 27 января 1854 г.

¹⁰ Император Николай — князю Горчакову 5 (17) февраля 1854 г. Собств. Его Велич. библ., шк. 115, портф. 14.

¹¹ Собственноручная записка князя Горчакова 16 февраля 1854 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3411.

¹² В действительности число войск, предназначенных для переправы, было меньше, так как 14-я дивизия не могла прибыть до переправы на театр войны, а потому 9-я дивизия была задержана у Калараша.

¹³ Князь Горчаков — генералу Лидерсу 19 февраля 1854 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3332.

¹⁴ Князь Горчаков — генералу Лидерсу 22 февраля 1854 г. Там же.

¹⁵ Генерал Лидерс — князю Горчакову 23 февраля 1854 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 49—51.

¹⁶ См. схему № 28.

¹⁷ Генерал Коцебу записал по этому поводу в своем дневнике от 25 февраля следующее: «Князь Горчаков не решается ни на что. Проект перехода через Дунай Лидерса мне нравится, но Горчаков боится».

¹⁸ Князь Горчаков — генералу Лидерсу 26 февраля 1854 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3411.

¹⁹ Всеподданейшее письмо князя Горчакова 7 (19) марта 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.

²⁰ Князь Горчаков — военному министру 3 марта 1854 г. Архив канц. Воен. мин. по нар. войск, 1853 г., д. № 57.

²¹ Собств. Его Велич. библ., шк. 115, портф. 14.

²² От 24 февраля. Там же.

²³ Паскевич.

²⁴ Генерал Лидерс — князю Горчакову 28 февраля 1854 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3411.

²⁵ Из воспом. кол. сов. юноши. Рукоп. отд. музея Севастопольской обороны.

²⁶ Князь Горчаков — генералу Лидерсу (без числа, по всей вероятности, в начале марта). Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3411.

²⁷ Князь Горчаков — генералу Данненбергу 3 марта 1854 г., № 685. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3413.

²⁸ См. схему № 37.

²⁹ Кременчугский егер. п., Улан. герц. Нассауского п., Донской каз. № 37 п. и конно-легк. № 9 бат.

³⁰ 2-я бриг. 10-й пех. див., Гусар. наследника цесаревича п., 3½ сот. Донского каз. № 37 и 1½ сот. Донского каз. № 40 п., бат. и легк. № 2 бат. 10-й артил. бриг. и конно-легк. № 8 бат.

³¹ 11-й пех. див., Гусар. принца Прусского п., 3½ сот. Донского каз. № 40 и 1 сот. Донского каз. № 25 п., бат. № 3 и легк. № 4 и 5 бат. 11-й артил. бриг.

³² Егер. князя Варшавского п., Вознесенский улан. п., 1 сот. Донского каз. № 40 и 3 сот. Донского каз. № 34 п., 4 ор. бат. № 3 бат. 8-й артил. бриг., легк. № 8 бат. 9-й артил. бриг. и 6 ор. конно-легк. № 7 бат.

³³ В Дореште и Бригадире — 1-я бриг. 8-й пех. див., 8 ор. бат. № 3 и легк. № 3 бат. 8-й артил. бриг.

В Бухаресте — 2 бат. Якутского пех. п., 1 бат. Охотского егер. п., легк. № 4 бат. 8 арт. бриг. и 4½ сот. Донского № 25 п.

В Фундени-Викарсекуле — 6 эск. Ольвиопольского улан. п.

В Крецулешти — легк. № 3 бат. 11-й арт. бриг.

В Чоканешти — Донского № 9 бат. п.

В Чокине — 7 эск. Вознесенского улан. п.

В Цендерее — див. Ольвиопольского улан. п. и 2 ор. кон. легк. № 7 бат. и 1 бат. Прагского пех. п. под начальством генерала Зурова.

³⁴ Всеподданейшее письмо князя Горчакова 27 января 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.

³⁵ Музей Севастопольской обороны.

³⁶ Приложение к рапорту генерала Лидерса от 2 марта за № 671. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3407.

³⁷ Люблинский и Прагский пех. полки и Ольвиопольский улан. п.

³⁸ Военно-исторический журнал войск 3, 4-го и 5-го корпусов в 1854 г.

³⁹ Люблинский, Замосецкий егер. полки, 2 бат. Модлинского, 1 бат. Прагского пех. п., 2-я рота 3-го стр. бат. и 3-я рота 3-го сап. бат., Улан. эрц-герцога Альберта Австрийского и Донского каз. № 9 полков, бат. № 4, легк. № 6, 7 и 8 и 4 ор. бат. № 3 бат. 15-й арт. бриг.

⁴⁰ Елецкий, Севский, Брянский, Подольский, Житомирский и 2 бат. Прагского полков, 5 стр. бат., 2-я рота 3 стрелк. бат. и 3 рота 5 сап. бат., Улан. великого князя Константина Николаевича и Донского каз. № 22 полков, бат. № 4 и легк. № 6 и 7 бат. 9-й артил. бриг., № 3 и легк. № 5 бат. 14-й артил. бриг. и конно-легк. № 5 бат.

⁴¹ 7-й пех. див. Смоленского, Витебского, Полоцкого и 2 бат. Могилевского полков, 2-я бриг. 3-й легк. кавалер. див., батар. № 1 и 2 и легк. № 2 7-й артил. бриг. и конно-легк. № 6 батар.

⁴² Князь Горчаков — генералу Ушакову 9 марта 1854 г., № 732. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3324.

⁴³ Генерал Ушаков — князю Горчакову 10 марта 1854 г., № 176. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3324.

⁴⁴ Генерал Лидерс — князю Горчакову 9 марта 1854 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3407.

⁴⁵ См. схему № 38.

⁴⁶ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3407.

⁴⁷ 2-я бриг. 14-й пех. див., рота 5-го сап. бат., 2 рота 3 стрелк. бат., дивизион Улан. Великого князя Константина Николаевича п., 2 сот. Донского каз. № 22 п., 8 ор. бат. № 3 и 12-й легк., № 5 бат. 14-й артил. бриг.

⁴⁸ Прагский пех. п. и легк. № 7 бат. 9-й арт. бриг.

⁴⁹ См. схему № 28.

⁵⁰ 1-я бриг. 9-й пех. див., 1 рота 5-го сап. бат., 5 стрелк. бат., 2 див. Улан. вел. князя Константина Николаевича п., 2 сот. Донского каз. № 22 п., бат. № 4, легк. № 6 и кон. легк. № 5 бат. 9-й арт. бриг.

⁵¹ Брянский егер. п., эск. Улан. вел. князя Константина Николаевича п., $\frac{1}{2}$ сот. Донского каз. № 22 п., 8 ор. легк. № 7 бат. 9 артил. бриг.

⁵² Русская старина. 1876, декабрь. С. 826.

⁵³ Генерал Лидерс — князю Горчакову 11 марта 1854 г. В 2 ч пополудни и в 10 ч веч. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3407.

⁵⁴ Генерал Лидерс — князю Горчакову 12 марта 1854 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3407.

⁵⁵ Генерал Лидерс — князю Горчакову 12 марта 1854 г. Там же.

⁵⁶ Генерал Лидерс — князю Горчакову 17 марта 1854 г., № 726. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3407.

⁵⁷ См. схему № 28.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Военно-исторический журнал военных действий. 3, 4-го и 5-го корп. в 1854 г.

⁶² См. схему № 28.

⁶³ См. схему № 39.

⁶⁴ Описание пор. и зан. Тульчи и Исаки. Архив канц. Воен. мин., по снар. войск 1854 г., д. № 38. Генерал Ушаков — князю Горчакову 12 марта 1854 г., № 183. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3341. Генерал Ушаков — Лидерсу 12 марта 1854 г., № 181. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3407. Выписка из вахт. журн. парохода «Метеор». Черноморский центр. военноморской архив, и пр.

⁶⁵ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3407.

⁶⁶ По одному батальону Замосцьского и Прагского полков и 15 арт. бриг.

⁶⁷ Замосцьский п., 3 сапер. бат., легк. № 8 бат. 15 арт. бриг. и Донской каз. № 25 п.

⁶⁸ См. схему № 38.

⁶⁹ Диспозиция Браиловского отряда на 11 марта 1854 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3407.

⁷⁰ Вахтенные журналы за 1854 г. парохода «Прут» и канон. лод. № 26. Черноморский центр. военноморской архив в г. Николаеве, кн. оп. 51, оп. 335, д. № 2544 и 2578.

⁷¹ Князь Горчаков — генералу Лидерсу 11 марта 1854 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3324 (А).

⁷² Князь Горчаков — генералу Лидерсу 12 марта 1854 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3324 (А).

⁷³ Князь Горчаков — генералу Лидерсу 12 марта 1854 г. Там же.

⁷⁴ Военно-исторический журнал войск 3, 4-го и 5-го пех. корпусов за 1854 г. Всеподданнейшее донесение князя Горчакова 16 марта 1854 г., № 832. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3407. Дневник П. Е. Коцебу. Записки П. К. Менькова и пр.

- ⁷⁵ Записки П. К. Менькова. Т. I. С. 132.
- ⁷⁶ От 21 марта 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.
- ⁷⁷ Таковой ее считает L. Guirin в «Histoire de la dernière guerre de la Russie». Т. I. Р. 72.
- ⁷⁸ Правильнее всего считать около 20 тысяч.
- ⁷⁹ L. Guirin. Т. I. Р. 73.
- ⁸⁰ Traduction d'un rapport d'Omer-Pacha daté du 2 avril 1854. Парижский воен. архив. L. Guirin. Т. I. Р. 73—75.
- ⁸¹ Extrait d'une lettre d'Omer-Pacha en date du 29 mars 1854. Париж. Архив Воен. мин.
- ⁸² Rapport d'Omer-Pacha daté du 2 avril 1854. Париж. Архив Воен. мин.
- ⁸³ Extrait d'une lettre d'Omer-Pacha en date du 29 mars 1854. Париж. Архив Воен. мин.
- ⁸⁴ Записки П. К. Менькова. Т. I. С. 132.
- ⁸⁵ Из Мачина 13 марта 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 60.
- ⁸⁶ От 20 марта 1854 г. Собств. Его Велич. библ., шк. 115, портф. 14.
- ⁸⁷ Князь Горчаков — князю Меншикову 15 марта 1854 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4253.
- ⁸⁸ Князь Горчаков — военному министру 16 марта 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 60.
- ⁸⁹ От 12 марта 1854 г.//Русская старина. 1875, декабрь. С. 722.
- ⁹⁰ От 28 марта 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 60.
- ⁹¹ Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. XIII. С. 36.
- ⁹² Московский генерал-губернатор.
- ⁹³ Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. XIII. С. 74.
- ⁹⁴ Там же.
- ⁹⁵ В. Давыдов. Самарин-ополченец//Русский архив. 1877. Кн. 5. С. 45.
- ⁹⁶ P. de la Gorce. Histoire du Second Empire. Т. I. Р. 225.
- ⁹⁷ C. Rousset. Histoire de la guerre de Crimée. Т. I. Р. 81.
- ⁹⁸ Барагэ д'Илье — генералу Канроберу 13 апреля 1854 г. Париж. Архив Воен. мин.
- ⁹⁹ L'ambassadeur a Constantinople au mar. Vaillant le 5 avril 1854. Париж. Архив Воен. мин.
- ¹⁰⁰ Барагэ д'Илье — генералу Канроберу 13 апреля 1854 г. Парижский воен. архив.
- ¹⁰¹ Там же.
- ¹⁰² L. Guirin. Т. I. Р. 76.
- ¹⁰³ Renseignements militaires, 12 avril 1854. Париж. Архив Воен. мин.
- ¹⁰⁴ 15 марта 1854 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4253.
- ¹⁰⁵ Курсив подлинника.
- ¹⁰⁶ От 14 марта 1854 г., № 49. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3407.
- ¹⁰⁷ Паскевич — князю Горчакову 15 марта 1854 г., № 119. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3358.
- ¹⁰⁸ От 14 марта 1854 г.//Русская старина. 1876, февраль. С. 397.
- ¹⁰⁹ Рукоп. отд. музея Севастопольской обороны.

- ¹¹⁰ См. приложение № 142.
- ¹¹¹ От 16 марта 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 60.
- ¹¹² Там же.
- ¹¹³ Перевод с французского.
- ¹¹⁴ Император Николай — Паскевичу 24 марта 1854 г. Собств. Его Велич. библ., шк. 115, портф. 14.
- ¹¹⁵ Курсив подлинника.
- ¹¹⁶ Князю Горчакову 20 марта 1854 г. Собств. Его Велич. библ., шк. 115, портф. 14.
- ¹¹⁷ Курсив подлинника.
- ¹¹⁸ Император Николай — князю Горчакову 26 марта 1854 г. Собств. Его Велич. библ., шк. 115, портф. 14.
- ¹¹⁹ Князь Горчаков — военному министру 20 марта 1854 г., № 798. Архив канц. Воен. мин. по снар. войск, 1854 г., д. № 38.
- ¹²⁰ См. схему № 40.
- ¹²¹ Генерал Лидерс — князю Горчакову 22 марта 1854 г., № 737. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3407.
- ¹²² Генерал Липранди — князю Горчакову 15 марта 1854 г., № 255. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3416.
- ¹²³ Письмо от 22 марта. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.
- ¹²⁴ 22 марта 1854 г. Собств. Его Велич. библ., шк. 115, портф. 14.
- ¹²⁵ Всеподданейшее письмо князя Варшавского 21 марта 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 60.
- ¹²⁶ Всеподданейшее письмо князя Варшавского 27 марта 1854 г. Там же.
- ¹²⁷ Всеподданейшее донесение князя Горчакова о положении дел 22 марта 1854 г. Архив канц. Воен. мин. по снар. войск, 1854 г., д. № 38.
- ¹²⁸ Мысли князя Варшавского о пользе учреждения христианских ополчений. Прилож. ко всеподданнейшей записке от 24 марта 1853 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.
- ¹²⁹ Князь Варшавский — князю Горчакову 22 марта 1854 г.//Русская старина. 1876, февраль. С. 399.
- ¹³⁰ Император Николай — князю Горчакову 26 марта 1854 г. Собств. Его Велич. библ., шк. 115, портф. 14.
- ¹³¹ Князь Горчаков — генералу Лидерсу 26 марта 1854 г.//Русская старина. 1876, декабрь. С. 829.
- ¹³² Пометка государя на письме князя Горчакова военному министру от 28 марта 1854 г.//Русская старина. 1876, декабрь. С. 830.
- ¹³³ Приложение № 143.
- ¹³⁴ Дневник П. Е. Коцебу за конец марта и начало апреля 1854 г.
- ¹³⁵ Всеподданейшие письмо и записка князя Горчакова 28 марта 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.
- ¹³⁶ Шифр. депеша барона Мейендорфа князю Горчакову 31 марта 1854 г., № 90, из Вены. Архив Мин. иностр. дел, 1854 г., карт. Vienne.

Глава XIV

Снабжение войск

с 21 ноября 1853 года по 11 марта 1854 года

В августе 1853 года войска 4-го и 5-го корпусов, находившиеся в княжествах, были обеспечены провиантом по 1 мая 1854 года.

В октябре 1853 года состоялось Высочайшее повеление двинуть в княжества и 3-й корпус, а потому на Дунае было решено обеспечить этот корпус провиантом по тот же срок, на какой были обеспечены и корпуса, прежде туда прибывшие, т. е. также по 1 мая 1854 года. Для этого надо было дополнительно заготовить 63 тысячи четвертей муки с пропорцией круп.

На поставку такого количества провианта были объявлены торги в департаментах внутренних дел Молдавии и Валахии в середине ноября. Однако торги не состоялись, так как желающих взять на себя эту поставку не явилось.

Между тем, как уже известно, всякие реквизиции в занятом нами крае признавались князем Горчаковым нежелательными, почему он старался избегать также и принудительной поставки страной провианта за наличные деньги, что являлось своего рода реквизицией. Поэтому по представлении генерал-интенданта Затлера командующий войсками решил потребовать поставку муки распоряжением внутреннего управления княжеств по обоюдно установленным ценам, рассчитывая, что местная администрация, зная край лучше, может поставить припасы дешевле; крупу же поручил заготовить подрядчику, так как у местных жителей ее совсем не было.

Но департамент внутренних дел Валахии также назначил цены чрезмерно высокие, согласиться на которые не представлялось возможным.

Между тем в конце декабря части 3-го корпуса уже подходили к Скулянам. Во время следования по России довольствие их производилось распоряжением интендантства действующей армии (мирного времени); с переходом же границы оно переходило на попечение полевого интендантства армии князя Горчакова.

С обеспечением нужд вновь прибывающих войск приходилось торопиться, а потому 24 декабря командующий войсками на Дунае предписал произвести заготовление всего требуемого количества провианта через подрядчиков. Необходимые для этого 63 тысячи четвертей муки с пропорцией круп и были, действительно, поставлены 5 подрядчиками и комиссионером на коммерческой основе в русские провиантские магазины, а частью прямо в войска. Мясо

же, прочие продукты и фураж было предоставлено по-прежнему покупать войсками самим¹.

По ходу военных операций зимой 1853 года могло встретиться затруднение в обеспечении продовольствием лишь в отношении войск, занимавших Малую Валахию, так как все остальные войска оставались, в общем, на одних и тех же местах.

С прибытием в княжества 3-го корпуса 12-я пехотная дивизия из его состава должна была усилить Мало-Валахский отряд, причем численность этого отряда утраивалась. Так как до тех пор войска, в Малой Валахии расположенные, были обеспечены только по 1 января 1854 года, то в ноябре и в начале декабря князь Горчаков потребовал от интендантства заготовить провиант для отряда еще на 5 месяцев.

Месячная потребность отряда в новом, увеличенном его составе исчислялась приблизительно в 7250 четвертей муки, так что на 5 месяцев нужно было заготовить около 36 250 четвертей муки с пропорцией круп².

Ввиду неожиданного передвижения отряда из-под Руссо-де-Веде к Крайову и Калафату и трудности заготовления такого большого количества провианта в зимнее время года, когда дороги испортились и сообщение местами почти совершенно прекратилось, потребовались для приведения в исполнение этого распоряжения самые быстрые и энергичные меры.

К 6 декабря генералом Затлером были уже сделаны последние распоряжения, и провиант было поручено поставить подрядчику и интендантскому чиновнику на коммерческой основе.

Они должны были поставлять его по мере заготовления в Крайово, Слатино и Радован. Первые поставки ожидались к 15 декабря³.

На случай неудовлетворительной поставки войскам было предоставлено право покупать припасы за счет подрядчиков, а если это окажется невозможным, то требовать через находящегося при отряде комиссара поставки от земли с уплатой квитанциями⁴.

Хотя полевым интендантом все распоряжения были сделаны своевременно и можно было ожидать поставок в количестве даже более, чем желательном, но уже всем было известно и практика тоже показала, что подрядчики не поставляли запасы своевременно и в магазинах Крайовского района их было немного. Поэтому еще в ноябре, во время намеченного продвижения отряда генерала Фишбаха к Калафату, были потребованы для нужд его отряда заготовления от земли впереди, по пути его следования, для того чтобы в течение всего времени войска генерала Фишбаха могли не расходовать свой 13-дневный запас⁵.

По тем же причинам вновь вступивший в командование Мало-Валахским отрядом генерал-адъютант граф Анреп приказал перевезти из Крайово, из ближайших складских пунктов, в Слатино

и в Команы 1402 четв. муки. Это количество вместе с имевшимся при войсках сухарным запасом обеспечивало отряд до начала новых поставок подрядчиками⁶.

В ноябре в Крайове для текущего довольствия войск графа Анрепа было устроено печение сухарей для того, чтобы войска всегда имели при себе неприкосновенным 13-дневный запас на случай движения вперед.

Однако, несмотря на все принятые меры, 1 декабря граф Анреп доносил уже князю Горчакову, что в окрестных с его отрядом магазинах в Текуче, Каракуле, Команах, Слатине⁷ и Крайове запасов слишком мало, а именно, что к упомянутому числу во всех этих магазинах вместе было лишь: 4172 пуда сухарей, 7992 четв. муки, 457 четв. крупы, да ожидалось в Крайове от подрядчиков подвоза 1200 четв., между тем как для довольствия войск в Крайове необходимо было в месяц 2843 четв. муки, 16 054 пуда сухарей и 266 четв. круп⁸.

Ввиду изложенного по пути в Крайово отряду пришлось довольствоваться из своего сухарного запаса. По приходе же в этот пункт он пополнил свой сухарный запас из крайовского магазина, куда 13-го числа был перевезен провиант из Слатина, а с 15 декабря уже начались поставки туда провианта, заказанного подрядчикам⁹.

Таким образом, между приходом отряда в Крайово и 15 декабря были основания опасаться за довольствие отряда, так как запас в Крайове все-таки был незначителен, а подрядчики поставляли заказанное им количество не совсем исправно.

При дальнейшем движении к Калафату предполагалось, подойдя к этому пункту, не предпринимать с Мало-Валахским отрядом никаких активных действий, пока туда не будет свезено достаточного на текущее довольствие количества муки. Провиант подвозился из Радован, и, кроме того, князь Горчаков распорядился, чтобы из Чалонешти в Крайово пододвинуть передвижной магазин с 2500 четв. сухарей, где этот магазин должен был остановиться, а сухари из него следовало расходовать только в самом крайнем слу-

Маршал С.-Арно

чае. Рассылку провианта в войска приказано было производить на обывательских подводах и повозках полкового обоза, а отнюдь не средствами передвижного магазина, который должен был стоять все время наготове¹⁰.

Между тем в это тяжелое для Мало-Валахского отряда время, между 1 и 15 декабря, когда действительно войска, сосредоточенные в Крайове, обеспечивались наличными в магазинах запасами всего лишь на несколько дней вперед, граф Анреп не догадался прибегнуть к необходимому в таком крайнем случае средству, как покупка продовольствия в стране, а донес князю Горчакову, что он терпит нужду в продовольствии.

Нечего и говорить о том, как это обеспокоило главную квартиру, и для принятия энергичных мер по свозу провианта князь Горчаков послал к отряду генерала Затлера, пробывшего там с 14 по 19 декабря. Но в середине декабря оба подрядчика начали свои поставки, и с этого времени войска, имея при себе все время 11- и 13-дневный сухарный запас полным, были обеспечены провиантом, свезенным в район их расположения. С конца декабря отряд этот имел продовольствия, считая в том числе и сухарный запас, вперед от 17 дней до 1 месяца, в зависимости от того, сколько подвозилось подрядчиками провианта в разные сроки¹¹.

В Крайово, Радован и Слатино хлеб поставлялся в зерне или мукой на обывательских подводах. Зерно привозилось прямо на мельницы, которых было много на реке Жио, и, кроме того, была паровая в Крайове. С мельниц мука доставлялась подрядчиками же в магазины или прямо в пекарни, устроенные в Крайове, Радованах и других пунктах. Печеный хлеб и сухари доставлялись из пекарен в места расположения войск на вольнонаемных и обывательских подводах. Главные затруднения встречались в перемоле зерна и в сборе подвод.

Мельниц, особенно водяных, в этом районе было достаточно, но в декабре наступили морозы и мельницы перестали действовать.

Обнаружившиеся вследствие этого постоянные затруднения в перемоле зерна обратили на себя внимание командующего войсками, который, имея в виду, что хлеб в зерне можно достать всюду, приказал, на случай задержки поставок муки интендантством, завести в войсках ручные жернова и возить их с собой. Войскам были отпущены деньги для того, чтобы завести по одному жернову на каждую роту, дивизион и батарею. Для перевозки жерновов были куплены крестьянские телеги, по одной на четыре жернова, в которые впрягались порционные волы¹².

В общем, задержек в доставлении провианта не случалось, хотя и бывали дни, когда отряд имел запас вперед всего на 2—3 дня, как, например, 29 декабря. В этот день граф Анреп потребовал,

наконец, поставки от земли 1000 четв. муки, которая и была собрана от жителей. Но в расходовании ее войсками надобности не встретилось, и она была сдана в крайовский магазин. К такому сбору от земли до 3 января пришлось прибегнуть единственный раз¹³.

По отношению перевозочных средств положение Дунайской армии зимой 1853/54 г. было особенно затруднительно.

Подрядчики доставляли припасы на обывательских подводах. Ячмень, мясо, сено войска покупали все время сами и свозили также на обывательских подводах, которые требовались по открытым листам за установленную плату. Дрова поставлялись от земли на подводах, снаряжаемых по распоряжению земского начальства.

При такой громадной потребности в подводах¹⁴ в найме их встречались постоянные затруднения. Со времени вступления наших войск в княжества жители их несли такую тяжелую подводную повинность, что неохотно шли по вольному найму даже за хорошую плату. Подрядчики постоянно жаловались на трудность найма подвод, которые требовались самими войсками в громадном количестве и главным образом для перевозки дров, подвозимых издалека¹⁵.

Прежде всего население должно было удовлетворять требования войск, которые в случае неисполнения этих требований принимали против жителей экзекуционные меры. Поэтому подрядчикам приходилось пользоваться только небольшим числом оставшихся подвод¹⁶.

Генерал Затлер, исходя из тех соображений, что хуже оставлять войска без провианта, чем без дров, обратился 13 января к нашему полномочному комиссару в княжествах генерал-адъютанту Будбергу с просьбой о выдаче открытых листов на взимание повод и подрядчикам. Но генерал-адъютант Будберг, имея несогласие на это департаментов княжеств, отвечал генералу Затлеру также отказом, мотивируя его доводами, приведенными департаментами, т. е. тем, что жители истощены подводной повинностью, особенно в распутицу, и бояться злоупотреблений подрядчиков.

Фельдмаршал лорд Раглан

Поэтому, встречая противодействие со стороны графа Анрепа и Будберга, Затлер подал 17 января рапорт князю Горчакову о необходимости выдавать открытые листы подрядчикам¹⁷.

В общем, в этот период резко сказалось неудобство разделения заготовлений продуктов между войсками и интендантством и стал особенно ошутим недостаток в собственных перевозочных средствах, так как все 4 полубригады подвижного магазина до конца октября перевозили провиант из Леова и Скулян в русские магазины в княжествах.

Летом во всех полубригадах, вследствие сильной жары, изнурения волов и недостатка воды, среди животных открылась чума. Против распространения ее как в передвижном магазине, так и среди обывательского скота были приняты энергичные меры. В полубригады были добавлены ветеринары, были предписаны разные меры предосторожности, а в Фокшанах, Бузее и Рымнике для заболевшего скота были учреждены лазареты; тем не менее в передвижном магазине от чумы пало 1600 волов.

С наступлением сильной распутицы движение транспортов очень затруднялось. Войска в это время были обеспечены провиантом по 1 декабря 1853 года, который доставлялся подрядчиками в места расположения войск, а значительных передвижений войск не предвиделось.

Поэтому из-за дороговизны содержания передвижных магазинов, две полубригады были до весны распущены по домам, а остальные две размещены по селениям в окрестностях Плоешти и в Фокшанах¹⁸.

В декабре 1853 года князь Горчаков, подготавливая средства для движения за Дунай, приказал собрать обе распущенные полубригады передвижного магазина, и они обе, а также и другие две, зимовавшие в окрестностях Плоешти и в Фокшанах, к 10 марта в составе 4400 подвод прибыли в Браилов¹⁹.

Что касается снабжения армии боевыми припасами, то оружие, приходящее в негодность и поврежденное в сражениях, заменялось оружием, оставшимся от убитых и больных, а также новый приток его прибывал с людьми, поступавшими на укомплектование войск из резервов, так как эти последние отправлялись из России на Дунай вооруженными.

В начале 1854 года должно было, по сведениям артиллерийского департамента, поступить в армию вместе с людьми из резервов 9692 ружья, 796 тесаков, 1458 сабель и 640 пик. Оружие это по распоряжению князя Горчакова должно было складироваться в Измаиле и частью в Бухаресте; люди же, поступавшие из резервов для укомплектования действующих частей, получали в войсках имевшееся там лишнее оружие. Но так как резервисты, отправляемые из России, не были вооружены штуцерами, то было

приказано доставить из Петербургского арсенала 190 штуцеров разного образца (литихских, Гартунга и кавалерийских²⁰).

Кроме того, по приказанию князя Горчакова сделано было распоряжение доставить из Киевского арсенала в Фокшаны 13 379 кремневых и 60 ударных ружей и некоторое число этих последних также прямо в Бухарест, а из Новогеоргиевска в Бендеры до 20 тысяч кремневых ружей. Все эти ружья везлись с октября по конец марта на наемных срочных подводах. К 18 декабря из Новогеоргиевска было доставлено в Бендеры уже 13 440 ружей. Перевозка их из Бендер в Фокшаны началась 9 февраля и тянулась до конца марта²¹.

Снаряды и патроны, израсходованные в делах, пополнялись в войсках из подвижных парков. Эти последние за время с конца октября по январь снабжали: половина парка № 10 и парк № 11 — Мало-Валахский отряд; парк № 15 — отряд Лидерса; парки № 12 и 14 и половина парка № 10 — полки 11-й пехотной дивизии и вообще все войска, около Бухареста расположенные.

Постоянным местопребыванием парков за это время были: половины парка № 10, парков № 12 и 14 — Бухарест и его окрестности, парка № 15 — при отряде генерала Лидерса (в ноябре парк этот стоял в Максимени Молдавские).

До ноября боевые припасы подвозились в войска на повозках подвижных парков. Но при таком способе развозки в каждый отдельный отряд парки дробились на небольшие команды и, делая усиленные переходы, изнурялись и приходили в расстройство. Поэтому с ноября в 4-м корпусе, расположенном ближе к Бухаресту, было приказано артиллерийским батареям, пехоте и кавалерии присылать свои зарядные и патронные ящики для пополнения их в Бухаресте²².

Подвижные парки пополнялись в свою очередь из промежуточных парков в Фокшанах и Плешти, посылая туда свои опорожненные повозки²³.

Парковое имущество фокшанского промежуточного склада было разбросано в четырех окрестных деревнях, находившихся в 5—8 верстах от города. В каждом селении патроны, порох и оружие складывались в 3—5 сараях, каменных и деревянных, со стеллажами и без них, причем некоторые из сараев были уже переполнены запасами.

Такое расположение надо признать очень неудобным, а ввиду ожидаемого усиления парка разбросанность его должна была увеличиться еще больше. Поэтому в половине февраля все имущество фокшанского склада свезли на вольнонаемных подводах в одно место, заняв под него очень удобные постройки одного из заводов, расположенные на краю города.

В своевременном пополнении фокшанского склада, отдававшего свои запасы подвижным паркам, встречались большие

затруднения, и главным образом из-за недостатка перевозочных средств. В этот склад везлись кроме парковых запасов также в большом числе и ружья из Киева и Новогеоргиевска через Бендеры. Конных подвод в окрестностях Бендер было мало, а из-за дурных дорог и гололедицы возницы не решались везти груз на неподкованных волах. Все транспорты сильно запаздывали. Подрядчики заламывали несообразные цены, так что от Бендер до Фокшан самая низкая цена доходила до 1 руб. 90 коп. с пуда, а в Бухаресте совсем нельзя было найти желающих везти. Тогда князь Горчаков, находя эти условия перевозки слишком невыгодными, приказал 18 декабря приостановить перевозку в Фокшаны трех местных, Хотинских и Бендерских, парков, а также и остальных припасов, следующих на пополнение парка. Он приказал только немедленно доставить из Бендер ружья (13 379 кремневых и 60 ударных), высланные из Киева и которые были нужны для подвижного № 14 парка, 4-го саперного батальона и других частей.

Между тем из-за пополнения подвижных парков запасы на фокшанском складе сильно убывали, а к концу февраля свинца там не оставалось вовсе²⁴.

Как было сказано выше, в августе в Плоешти было свезено имущество одного Бендерского местного парка, без запасных вещей. Так как по мере удаления войск от Фокшан росли и затруднения с доставкой оттуда припасов, то в ноябре было приказано учредить промежуточный парк в Плоешти в размере двух местных парков. Запасы были перевезены из Фокшан на повозках 11-го и 14-го подвижных парков.

В феврале все подвижные парки, кроме 15-го, пополнялись уже из плоештского промежуточного парка, который также стал опустошаться²⁵.

Для отправляемого в конце октября на Дунай 3-го корпуса в военном министерстве были сначала назначены 7, 8-й и 9-й подвижные парки, но 8-й был потом назначен на Кавказ, а потому вместо него было Высочайше повелено сформировать в Тирасполе подвижной парк № 18, а вместо подвижного № 9 сформировать там же летучий парк № 9. Формировать эти два парка начали в ноябре, причем для летучего № 9 были взяты: люди — из № 9 подвижного парка (из Одессы), лошади — от 13-го подвижного парка (в Тирасполе), а патроны, снаряды и материалы — из бендерских местных парков, которые, отдав их для фокшанского склада, ждали пополнения из Москвы. Эти оба парка предполагалось окончательно приготовить к переходу к 1 и 15 марта, а парк № 7 мог быть переведен на военное положение в 11 недель.

Но транспорт с зарядами для бендерских парков, следуя из Москвы, застрял в Кременчуге из-за халатности подрядчика, не

поставившего лошадей, и пришел в Тирасполь только 10 марта. Поэтому летучий парк № 9, для которого главным образом и везлись из Москвы припасы, был готов к выступлению лишь в конце марта, а подвижной парк № 18 также из-за разных задержек был готов в середине марта²⁶.

С октября 1853 года при Мало-Валахском отряде находилась половина подвижного парка № 10, которая выступила из Плоешти 9 октября и прибыла в Слатино 18 октября²⁷, откуда несколько позднее была передвинута в Крайово. Другая половина парка № 10 и парк № 11 оставались в Плоешти. 26 октября

по причине удаления войск от базы половине парка № 10 было приказано перейти из Плоешти в Бухарест²⁸.

Когда турки в начале ноября начали свою демонстративную переправу у Турно, то половина № 10 парка была выдвинута по дороге в Слатино, в с. Балаш, ввиду сделанных распоряжений к отступлению Мало-Валахского отряда из Крайова, а потом снова доставлена в Слатино.

В конце ноября войска генерала Фишбаха имели полный комплект зарядов и патронов.

В конце декабря из Бухареста в Слатино прибыла и вторая половина парка № 10, и таким образом с прибытием в состав Мало-Валахского отряда 12-й пехотной дивизии для боеснабжения всего отряда имелся уже целый подвижной парк. Этого запаса боевых припасов было, однако, мало. Почему, по просьбе начальника артиллерии армии генерала Сергпутовского, князь Горчаков, в ожидании перехода Мало-Валахского отряда в наступление, приказал в конце декабря отправить из Плоешти в Крайово парк № 11, который и прибыл туда 11 января 1854 года²⁹.

В январе оба парка снабжали боевыми припасами отряд, пополняясь из Плоешти, куда поочередно отправлялись для этой цели.

18 января, ко времени начала Мало-Валахским отрядом усиленных рекогносцировок, оба парка пришли в Галича-Маре, и парк № 11 опять ушел в Плоешти, а к концу февраля снова находился в Галича-Маре³⁰.

Генерал Канробер

Кроме подвижных запасов этих двух парков, в Крайове был об­разован особый резервный склад боевых припасов в размере $\frac{3}{4}$ од­ного подвижного парка³¹.

Госпитальная часть за все время до 11 марта 1854 года находи­лась в прекрасном состоянии.

На Дунае было сосредоточено всего 35³² госпитальных кадров, т. е. более чем достаточное число для расположенных там войск. Помещений для размещения в госпиталях раненых и больных все­гда хватало. Для открытия в случае надобности новых госпиталей в Измаиле, Галаце, Браилове и Слободзее там было сосредоточено на 13 тысяч человек запасов госпитальных вещей³³.

Заболеваемость и смертность в войсках за зимний период 1853—1854 годов, в общем, не превышали нормы мирного времени. Забо­леваемость выражалась 1 на 19—33 человека, смертность же из числа заболевших, считая в том числе и раненых,— 1 на 20—42 человека. Общее же число больных не превышало ни разу цифры 12 тысяч³⁴ на всю армию.

Передвижные госпитали № 4 и 5 и кадр № 4 Киевского госпита­ля до 1 января 1854 года находились все время в Бухаресте, а пере­движной госпиталь № 6 — при Мало-Валахском отряде³⁵.

Во время самого кровопролитного из всех бывших за этот пери­од сражений, а именно сражения при Ольтенице (23 октября), пе­ревязочный пункт был устроен в Новой Ольтенице, в светлом, про­сторном помещении, откуда за ранеными были высланы 6 лазарет­ных фургонов. На другой день для эвакуирования этого перевяз­очного пункта в с. Будешти прибыл передвижной № 50 госпи­таль с 5 врачами и 5 фельдшерами, и 24-го и 25-го числа все ране­ные были перевезены в Бухарест³⁶.

В начале ноября передвижной госпиталь, состоявший при Мало-Валахском отряде (№ 6), находился в Слатине. Когда тур­ки начали переправу у Турно (3 ноября), то в Слатине были заго­товлены подводы для перевозки госпиталя через Питешти в Пло­ешти³⁷, но к этой мере не пришлось прибегать, так как попытка турок не имела серьезного характера. В феврале 1854 года для войск Дунайской армии было приказано сформировать 38 вре­менных военных госпиталей согласно расчету и в пунктах, ука­занных в следующей таблице³⁸.

	В Бухаресте	В Фокшанах	В Киеве
4-го класса	1 № 22	1 № 35	—
3-го класса	1 № 23	2 № 36 и 37	2 № 48 и 49
2-го класса	5 № 24—28	2 № 38 и 39	5 № 50—54
1-го класса	6 № 29—34	8 № 40—47	5 № 55—59

К 11 марта 1854 года из кадров были открыты следующие временные госпитали: в Яссах № 16, в Фокшанах № 10, в Бузео № 3, в Бухаресте № 1 и 17, в Браилове № 9, в Галаце № 4, 14 и 18, в Плоешти № 8, в Крайове № 2, 5 и 12, в Слатине № 6 и в Рени № 21³⁹, в Бырлате № 11, в Баксу № 19, в Леоово и Скулянах⁴⁰.

Самая главная забота князя Горчакова в зимний период 1853—1854 годов заключалась не в обеспечении текущего довольствия его армии, дислоцированной в богатой стране, а в подготовке довольствия к весне, когда предполагалось перенести театр военных действий за Дунай и, может быть, вести наступательную войну в стране бедной и заблаговременно опустошенной турецкой армией. К тому же, по складывавшейся политической обстановке, нам не представлялось возможным, как это было в кампании 1828—1829 годов, пользоваться Черным морем для подвоза к армии всего необходимого.

Как уже известно, всеми предшествующими распоряжениями, сделанными в августе и позже, войска 3, 4-го и 5-го корпусов были обеспечены продовольствием в княжествах по 1 мая 1854 года.

В конце декабря 1853 года был объявлен Высочайше утвержденный план военных действий, по которому предполагалось перейти Дунай в начале марта.

С перенесением действий в Болгарию продовольствие войск не могло уже основываться, как было до сих пор, на местных средствах.

Из опытов всех прошедших войн с Турцией выяснилось, что за Дунаем такой способ довольствия совершенно не мог быть применим. Болгария была страна бедная, и в ней не имелось никаких запасов ни провианта, ни фуража; после же продолжительной стоянки там турецкой армии нельзя было рассчитывать найти в ней также ни мяса, ни вина, ни прочих продуктов. Поэтому со вступлением войск в Болгарию интендантству предстояло снабжать армию не только провиантом, как во время оккупации княжеств, но также и мясом, фуражом, вином и вообще всеми видами довольствия, которые до сих пор войска покупали сами. Мало того, интендантство не могло ограничиться заготовлением провианта, но должно было заняться также изготовлением сухарного запаса. Действительно, сами войска во время наступательных военных операций не могли этим заниматься, а жители Болгарии вовсе не были знакомы с приготовлением сухарей, да, кроме того, во многих местах не нашлось бы для этого и достаточного количества дров.

Таким образом, все довольствие войск предстояло основать на подвозе с базиса припасов, заготовленных там интендантством.

Князь Горчаков, предвидя эти обстоятельства еще осенью 1853 года, когда провиант заготавливался на текущую потребность оккупа-

Герцог Кембриджский

ционных войск, приказал заготовить 100 тысяч четв. муки с пропорцией круп и перепечь их в сухари, в запас, на случай наступления за Дунай. Такое количество составляло четырехмесячную пропорцию на 100 тысяч человек и было заготовлено наполовину в княжествах, наполовину — в Измаиле и Кагуле.

В Молдавии и Валахии неприкосновенный запас на случай перехода через Дунай был сложен на коммуникационной линии в Бырлате, Текуче, Фокшанах, Бузео, Слободзее и Бухаресте, где мука перепекалась в сухари в особо устроенных больших хлебопекарнях командами от войск⁴¹.

Остальная часть неприкосновенного запаса, заготовленная в Измаиле и Кагуле, была перепечена в сухари попечением чиновника-комиссионера при помощи местных войск (40 тысяч четв. муки) и жителями города Кагула (10 тысяч четв. муки)⁴².

Таким образом, на первое время наступательных операций за Дунаем стотысячная армия была обеспечена только сухарями и крупой. Такой запас нельзя не признать слишком недостаточным как потому, что можно было предвидеть необходимость двинуть за Дунай гораздо большее число войск, так и потому, что необходимо было обеспечить их на более продолжительный срок.

Положение князя Горчакова осложнялось еще тем, что враждебное отношение к нам Франции и Англии не давало возможности рассчитывать на подвоз припасов морем, а потому необходимо было закончить подвоз их сухопутным путем до наступления весенней распутицы. Между тем лишь одно приготовление такого огромного количества сухарей требовало нескольких месяцев, а с другой стороны, неготовность интендантской части не позволяла начать действий за Дунаем ранней весной.

В конце декабря князь Горчаков приказал генерал-интенданту Затлеру распорядиться заготовлением провианта, ячменя, волов, спирта, уксуса, соли и перца для войск, назначенных к переходу через Дунай, по 1 сентября 1854 года, т. е. еще на 4 месяца, так как войска эти были уже обеспечены довольствием по 1 мая. Таким образом, на это заготовление оставалось всего около двух месяцев.

В начале января в департаменте внутренних дел княжеств были объявлены торги на поставку указанных выше припасов, но цены, заявленные на торгах, оказались слишком высокими, за исключением только цен на перец и соль.

Тогда пришлось исчисленное количество припасов уменьшить и заготавливать муку, крупу и порционный скот хотя бы только на 2 1/2 месяца, ячмень — на 3 1/2 и лишь прочие продукты — почти на 4 месяца⁴³.

Заготовку провианта возложили на чиновника-комиссионера на коммерческой основе, перец и уксус сдали с торгов, а прочие продукты передали русским подрядчикам, приисканным генералом Затлером⁴⁴.

Переправа войск ожидалась в Тульче, Галаце и Браилове. Сообразно с числом войск, которое предполагалось сосредоточить в этих пунктах, а также сообразно со временем, на которое они могли быть там задержаны, и с планом дальнейших действий припасы были заготовлены в пунктах, ближайших к местам переправы⁴⁵.

Мука доставлялась в те пункты, где были устроены хлебопекарни, а именно сначала в Бырлат, Текуч и Фокшаны, откуда изготовленные из нее сухари свозились в Галац и Браилов; позднее муку начали доставлять в Бузео и Бухарест, откуда на обывательских подводах сухари перевозились уже в Слободзею. Прочие продукты были заготовлены в Галаце, Браилове, Слободзее и Ольтенице. Слободзею избрали как центральный пункт, откуда припасы могли доставляться с одинаковым удобством и к Гирсову, и к Силистрии в случае осады этой крепости. Припасы было назначено заготовить в нижеуказанные пункты по следующему расчету и в указанные в таблице сроки.

Города	волов голов к 10 августа	спирта ведер к 10 августа	уксуса к 10 августа	перца к 10 августа	соли пудов к 10 августа	ячменя четв. к 1 марта
В Галац	940	2646	—	49	1030	14 700
В Браилов	1840	5400	—	98	2055	22 245
	к 10 мая			к 1 марта		к 1 мая
В Слободзею	7385	21 014	37 740	392	8275	69 795
	к 10 июля		к 15 июня			к 10 мая
В Ольтеницу	8800	24 970	44 910	466	9855	91 485
Всего	18 965	54 030	82 650	1005	21 215	198 225

Исчисленные припасы поставлялись не сразу, а частями; мясо поставлялось в живом скоте.

К 11 марта назначено было поставить нижеследующее количество, что и было исполнено⁴⁶:

Города	волов	спирта	уксуса	перца	соли	ячменя
		$\frac{1}{6}$ часть всей поставки				все
В Галац.....	157	441	—	8	172	14 700
В Браилов.....	307	900	—	36	343	22 245
		$\frac{1}{2}$ всей поставки				все
В Слободзею....	—	10 507	18 871	196	4138	17 448
В Ольтеницу.....	—	—	—	—	—	—

Свозились припасы на обывательских подводах, частью по вольному найму от подрядчиков, частью, для облегчения подрядчиков, по наряду от земли за установленную плату. Подрядчиков обязали приобретать волов не в княжествах, чтобы не истощать там перевозочных средств, а в Бессарабии и далее к северу⁴⁷.

В то время когда производились усиленные заготовки провианта для наших операций за Дунаем, в княжествах появились скупщики хлеба для вывоза его за границу. Так как это грозило сильным поднятием цен и недостатком хлеба для наших заготовлений, то князь Горчаков принужден был запретить вывоз из княжеств хлеба за границу. Эта мера не могла быть обременительной для Молдавии и Валахии, так как ежегодный вывоз за границу не превышал того количества хлеба, которое могло понадобиться для наших войск, плативших не дешевле того, что за него выручали местные жители при вывозе за границу⁴⁸.

Все описанные выше распоряжения по обеспечению войск провиантом были сделаны по личной инициативе князя Горчакова.

В день назначения князя Варшавского главнокомандующим войсками, действовавшими на Дунае, 21 февраля 1854 года, он послал князю Горчакову предписание произвести дополнительные заготовки для войск, находившихся в княжествах, сложив продовольствие в тылу — в Леовете, Измаиле, Бендерах и других пунктах, безопасных от покушения неприятеля, но имеющих значение при развитии операций в том или в другом направлении.

Во всеподданнейшей записке фельдмаршала от 18 февраля 1854 года изложены причины, вызвавшие, по его мнению, необходимость этих дополнительных заготовлений. Суть их заключалась в том, что войска в Бессарабии, в княжествах, а потом и за Дунаем хотя и будут обеспечены продовольствием по 1 сентября 1854 года, но почти исключительно местными средствами и что «невозможно также основывать все будущее продовольствие армии на закупках на самом театре войны и рисковать для того успехом целой кампании».

Как уже известно, в конце февраля князь Варшавский делился с князем Горчаковым своими опасениями по поводу десанта французов у Днестра или Одессы и угрозы, таким образом, тылу нашей армии со стороны Леова и, кроме того, по поводу войны с Австрией, что могло заставить нас стянуть в начале мая войска из Валахии к Бухаресту и даже к Бузео. В этом предположении фельдмаршал предписывал князю Горчакову сосредоточить главные боевые и продовольственные склады на Серете и Пруте и обратить внимание на переправы как через эти реки, так и через Днестр, исправив мосты в Скулянах, Леовете, Хотине, Могилеве, Дубоссарах и Бендерах⁴⁹.

На основании изложенных предписаний князь Горчаков приказал в начале марта заготовить 90 тысяч четв. муки с пропорцией круп, 50 тысяч четв. ячменя и 50 тысяч ведер спирта.

Из этого количества 40 тысяч четв. муки с пропорцией круп и 50 тысяч четв. ячменя приказано было заготовить немедленно в княжествах посредством реквизиции, т. е. по нормальным ценам, существовавшим до вступления войск в княжества, и доставить их в Яссы, Бырлат, Текуч, Фокшаны и Бузео, а 10 тысяч четв. муки с пропорцией круп купить в Кишиневе.

Реквизиция была назначена потому, что при заготовлении продуктов в княжествах, особенно к определенным срокам, постоянно встречались затруднения. Но и поставка по реквизиции исполнялась не лучше и производилась крайне медленно. К 1 мая из назначенного количества было поставлено всего 15 234 четв. муки, 963 четв. круп и 1670 четв. ячменя, и дальнейшая поставка от населения была отменена.

Недостающие продукты в размере 40 тысяч четв. муки с пропорцией круп и 50 тысяч ведер спирта было приказано поставить подрядчикам, дав им срок до 1 июня. И действительно, к этому сроку указанное количество муки было доставлено в Яссы и Васлуй, а крупы — в Яссы и Бырлат. Эти запасы предназначались для довольствия войск в случае наступления австрийцев⁵⁰.

В Болгарии вообще трудно было рассчитывать на сбор необходимого количества сена; ко времени же предполагаемого перехода нашими войсками Дуная подножного корма не могло еще и быть. Хотя в будущем и предполагалось заготавливать сено самими войсками, для чего было куплено 12 тысяч кос, но для довольствия войск фуражом до появления подножного корма было решено сделать запасы сена в Измаиле, Сатунове, Галаце, Браилове, а также и в Гуре-Яломнице⁵¹. Для этого приказано заготовить в Измаиле — 190 713 пудов, в Галаце — 27 500 пудов и в Браилове — 42 900 пудов⁵².

Впоследствии часть сена из магазина в Измаиле была перевезена в Сатуново, а из галацкого магазина — в Вадени⁵³.

Одновременно с заготовлением продовольствия для задунайской кампании приходилось позаботиться и об увеличении перево-

Вице-адмирал Дундас

зочных средств. Четырех полубригад передвижного магазина, состоявших при войсках в княжествах, было слишком мало для действий за Дунаем, так как можно было рассчитывать на необходимость перекинуть через Дунай не менее сотысячной армии при возможной длине операционной линии до 600 верст. На перевозочные средства Болгарии рассчитывать было нечего, даже не принимая в расчет примеров прежних войн, когда жители Болгарии с приближением наших войск уносили, угоняя скот, увозя жизненные припасы и пряча все то, что взять с собой не могли. На подножный корм мож-

но было рассчитывать только с конца апреля. Для подвоза лишь провианта требовалось иметь (по числу войск и сообразно с расстояниями), по приблизительному подсчету, не менее 10 400 подвод. Поэтому в январе князь Горчаков ходатайствовал о формировании к 10 марта в дополнение к имевшимся 4 полубригадам из 4400 подвод еще 6000 подвод.

В первой половине января 1854 года было Высочайше повелено собрать для передвижного магазина в губерниях Екатеринославской, Херсонской, Киевской, Подольской и Полтавской по наряду от жителей 5 тысяч пароволовых и тысячу пароконных подвод и сверх того запасных по одной паре волов и лошадей на каждые 8 пар и по одной подводе на каждые 50 подвод.

Сбор подвод производился местными генерал-губернаторами, а формирование передвижного магазина было возложено на инспектора резервной кавалерии графа Никитина.

Передвижной магазин был организован к началу марта на следующих основаниях⁵⁴.

Всего сформировали 6 полубригад, по 1000 подвод в каждой, 5 пароволовых и 1 пароконную. Полубригада состояла из 4 рот, по 250 провиантских телег в каждой, кроме запасных, которых на полубригаду имелось 120 телег и 750 волов и лошадей. При магазине состоял комиссариатский обоз из 6 инструментальных телег, 6 походных кузниц, 6 ящиков для письменных дел и 90 лошадей.

Во всем магазине было 10 400 подвод, которые могли поднять сразу немногим более полуторамесячного запаса продовольствия для стотысячной армии⁵⁵.

Офицеры были назначены, по выбору дворянства, из отставных, нижние чины присланы из округов военных поселений. Для конвоирования полубригад было взято из резервной дивизии 3-го пехотного корпуса 120 унтер-офицеров и 800 рядовых. Подводы наряжались с погонщиками, по 2 на 3 воловые подводы и по одному на каждую конную. Погонщики приводились к присяге. Им выдавалась обыкновенная солдатская норма провианта и сверх того по 15 коп. в сутки. За каждую подводу платилось по 60 коп. в сутки; кроме того, уплачивалось за павший скот и давались незначительные дополнительные деньги из казны на другие мелкие расходы. За всю эту плату погонщики должны были содержать себя и ремонтировать свои повозки.

Когда князь Горчаков ходатайствовал о формировании новых полубригад, то просил, чтобы они прибыли в Измаил, Браилов и Галац к 10 марта, но впоследствии он согласился на некоторую отсрочку прибытия их на Дунай.

Как сказано, полубригады были сформированы в начале марта, и их распределили следующим образом.

Три полубригады были заняты перевозкой хлеба из Одессы, две полубригады перевозили хлеб из военных поселений в Жеребково и Шараво, и одна находилась в пути из Тирасполя в Измаил со снарядами для тяжелой артиллерии. Все эти полубригады, по просьбе князя Горчакова, отправились с припасами на Дунай лишь 8 апреля и прибыли туда уже в то время, когда войска были под Силистрией.

Опасаясь, что и перечисленных выше перевозочных средств для действий за Дунаем не хватит, князь Горчаков приказал в январе⁵⁶ сформировать во всех войсковых частях, которые должны были перейти Дунай, особые полковые передвижные магазины (сверх полковых повозок) для подвоза из складов в войска провианта, фуража и вообще всего необходимого войскам. Эти обозы состояли из обыкновенных крестьянских пароволовых подвод, в которые впрягались порционные волы. Согласно приказу, они были заведены в следующем числе: в каждом пехотном полку — 80, в стрелковых и саперных батальонах — по 20, в батареях — по 6, в эскадронах — по 5.

Кроме того, в январе, феврале и марте сухари и другие припасы свозились в Галац, Браилово и Слободзею на обывательских подводах по наряду за нормальную цену.

Для подвоза водой по Дунаю были наняты кирлаши и сосредоточены у Галаца и Браилова. Так, у Браилова 7 марта стояло 12 частных кирлашей с подъемной силой от 225 до 400 килограммов⁵⁷.

Со своей стороны и князь Варшавский принимал меры к устройству интендантской части в Дунайской армии. Особенного его внимания этот отдел управления войсками удостоился с февраля 1854 года, когда выяснилось подчинение фельдмаршалу армии князя Горчакова.

За время пребывания в Петербурге князь Варшавский сделал целый ряд распоряжений, главным образом касавшихся обеспечения войск провиантом.

Соображения свои о тех мерах по снабжению армии продовольствием, которые он считал нужным принять, он изложил в нескольких всеподданнейших записках. Все предложения фельдмаршала были Высочайше одобрены к исполнению.

Из всех этих записок видно, что князь Варшавский считал едва ли не важнейшей задачей главнокомандующего обеспечение армии на театре войны продовольствием. Эта мысль читается почти во всех его докладных записках и письмах, а в некоторых высказывается почти совсем прямо. Так, еще раньше, во всеподданнейшей записке своей от 2 июля 1853 года, говоря о составлении запаса на случай наступательной войны с Турцией, фельдмаршал писал: «По опыту предшествовавших войн наших с Турцией, я почитаю запас сей делом первой важности, ибо все наши потери и убыль в людях происходили не от неприятеля, но от недостатков всякого рода в голодном крае». То же самое он много раз писал в 1853 году князю Горчакову⁵⁸.

Заботы фельдмаршала об армии, действующей на Дунае, изложены выше. Остальные его распоряжения за этот период времени относятся к устройству базы на Днестре и в районе Днепра, т. е. в тылу нашей Дунайской армии, в районе империи, ближайшем к театру военных действий.

Сосредоточение в этом районе огромных запасов вызывалось следующими главными причинами:

- 1) опасением высадки неприятеля около Одессы и
- 2) опасением вооруженного вмешательства Австрии⁵⁹.

Из-за опасения высадки неприятеля около Одессы последовало распоряжение фельдмаршала о воспрещении отправления хлеба из этого города за границу, а также о вывозе оттуда частных запасов хлеба и об устройстве магазинов в тылу Одессы. Что же касается ожидаемой войны с Австрией, то это вызвало устройство первой линии запасов на Днестре и устройство второй линии запасов на Днепре.

Таким образом, 20 февраля 1854 года был, по представлению князя Варшавского, воспрещен вывоз хлеба за границу из Одессы и всех портов Черного и Азовского морей, причем проданный хлеб был взят в казну с уплатой за него денег покупателям. Во всеподданнейшей записке фельдмаршала от 12 февраля 1854 года необ-

Прислуга щеголевской батареи в Одессе

ходимость этой меры была объяснена тем, что иначе неприятель может воспользоваться сосредоточенными в наших черноморских портах огромными запасами для действия против нас же⁶⁰.

В Одессе к началу марта 1854 года было до 611 тысяч четв. разного хлеба, принадлежавшего частным лицам⁶¹. Паскевич приказал возможно бульшую часть этих запасов поскорее вывезти в Бендеры на обывательских подводах, и если таковых не хватит, то употребить для этой цели повозки формировавшегося передвижного магазина⁶².

Во исполнение воли фельдмаршала все распоряжения были сделаны в начале марта генерал-губернатором Федоровым и командовавшим войсками в Одессе бароном Остен-Сакеном. Однако приступить немедленно к перевозке не пришлось за недостатком перевозочных средств, и она была начата только в конце марта⁶³.

Магазины в тылу Одессы Паскевич торопился организовать для войск, двигавшихся сюда на случай действий против десанта. Он не рассчитывал на успех своза в эти магазины запасов из Одессы и боялся, что высадка будет произведена раньше, чем там образуется достаточный склад одесского хлеба.

Торопясь устроить обширный склад провианта в магазинах и считая, что заготовление его через комиссионеров и подрядчиков будет производиться медленно, фельдмаршал 27 февраля предписал учредить магазины в тылу Одессы, взяв для этого 50 000 четв. муки с пропорцией круп и 50 000 четв. овса из ближайших округов военных поселений.

Исполнение этого приказа было возложено на инспектора резервной кавалерии графа Никитина и командира 3-го пехотного корпуса генерал-адъютанта барона Остен-Сакена.

Для магазинов выбрали на дороге между Одессой и Вознесенском два села — Шараево и Жеребково, в 70 верстах от Одессы, в которые предназначено было свезти: в Шараево — 33 000 четв. муки с пропорцией круп и 33 000 четв. овса; в Жеребково — 17 000 четв. муки с пропорцией круп и 17 000 четв. овса. Перевозку предполагалось

произвести на вольнонаемных подводах и на подводах передвижного магазина⁶⁴.

Все распоряжения для этой перевозки были сделаны в начале марта. Но хлебные запасы округов военных поселений хранились большей частью в скирдах, и на перемол их требовалось время, да к тому же в наличности не имелось перевозочных средств. Несмотря на это, заготовка потребованного количества запасов была начата в новороссийском, киевском и подольском военных поселениях в начале марта и окончена через месяц. Перевозку же запасов в магазине удалось начать только в первых числах апреля.

Одновременно с этим принимались меры к устройству двух линий запасов на Днестре и на Днепре.

Сосредоточение больших запасов на линии Днестра фельдмаршалом считалось необходимым, исходя из тех предположений, что по политическим соображениям нам долго придется оставаться на одном месте в оборонительном положении.

Для прикрытия коммуникационной линии и защиты устраиваемых запасов князь Варшавский решил даже образовать особый отряд близ Каменца, который связывал бы между собой 2-й корпус, стоявший против Кракова и Лемберга, с армией князя Горчакова⁶⁵.

В конце февраля запасов на линии Днестра оставалось уже немного: в Каменец-Подольском было 8000 четв., в Проскурове 3000 четв. Для дополнения их до требуемой нормы фельдмаршал 27 февраля дал предписание киевскому, подольскому и волыньскому генерал-губернатору князю Васильчикову о сборе с жителей Подольской губернии (с зачетом в подати) 150 000 четв. муки с пропорцией круп и 100 000 четв. овса и о сосредоточении этого количества к 10 апреля в следующие пункты⁶⁶:

Города	мука	крупы	овес
В Каменец-Подольском	30 000 четв.	3000 четв.	10 000 четв.
В Могилеве на Днестре	50 000 четв.	5000 четв.	40 000 четв.
В Балту	70 000 четв.	7000 четв.	50 000 четв.
Всего	150 000 четв.	15 000 четв.	100 000 четв.

Подвоз должен был производиться средствами помещиков и крестьян. Хотя все распоряжения по выполнению такого наряда дошли по назначению в начале марта, но за неимением готовых помещений для складов поставка могла начаться и началась в действительности только в середине марта⁶⁷.

Для учреждения провиантских запасов второй линии в Киеве, Бердичеве и Черкассах фельдмаршал 5 марта приказал князю Васильчикову собрать от жителей Киевской губернии (также с зачетом в подати) 100 000 четв. муки, 10 000 четв. крупы и 100 000 четв. овса. Впоследствии, а именно 27 марта, было приказано ог-

раничиться для этой поставки только подготовительными распоряжениями, так как выяснилось, что в случае надобности пополнение магазинов второй линии могло быть выполнено скоро⁶⁸.

Для использования запасов, имевшихся в уездах, ближайших к Австрии, приказано было (7 марта), чтобы войска, в Бессарабии расположенные, а также ожидавшиеся там одна пехотная дивизия, 6 драгунских и 2 казачьих полка с их артиллерией довольствовались из бессарабских сельских магазинов. В этих магазинах к марту 1854 года оказалось 200 000 четв. разного хлеба. Каждой войсковой части предназначалось получать провиант из ближайшего сельского магазина⁶⁹.

В начале марта фельдмаршал получил донесение от инспектора резервной кавалерии, что предвидятся большие затруднения в приобретении в Херсонской губернии и Бессарабской области сена, так как с наступлением жары там уничтожается всякая растительность, и если не будут приняты заблаговременно все меры для сбора сена, то войска и транспорты не достанут его ни за какие деньги. Поэтому князь Варшавский 8 марта приказал графу Никитину, чтобы в частях резервной кавалерии, выступающих в поход, были бы взяты по одной косе на каждую повозку и по две запасные косы в каждом взводе. В то же время на князя Горчакова возлагалось сделать, по сношению с новороссийским и бессарабским генерал-губернатором, распоряжение скосить до наступления жары все луга в Херсонской губернии и Бессарабской области, в особенности же вдоль путей движения войск. Во исполнение такого распоряжения был сделан за плату наряд 40 000 косарей в Подольской, Киевской и Полтавской губерниях⁷⁰.

Ввиду ожидавшегося приведения весной 1854 года на военное положение войск действующей армии мирного времени, а также ввиду прибытия в район этой армии гренадерского корпуса, резервных, запасных батальонов и других частей фельдмаршал приступил к обширным заготовкам провианта и здесь.

Войска, входившие в район действующей армии мирного времени, были, согласно распоряжениям, сделанным князем Варшавским в конце 1853 года, обеспечены довольствием по октябрь 1854 года. Для снабжения же по тот же срок вновь ожидавшихся сюда войск фельдмаршал в начале февраля приказал заготовить в разные пункты отчасти с подряда, отчасти комиссионерским способом 330 тысяч четв. муки и 28 тысяч четв. круп. В районе дислокации армии в 1853 году был неурожай, и цены на провиант и фураж возрастали все больше и больше. Князь Варшавский считал необходимым всегда иметь для сдерживания цен от чрезмерного возвышения достаточный запас провианта в Брест-Литовске, откуда он легко мог быть двинут во всякое время года по шоссе в прочие крепости.

В Брест-Литовск, Пинск и некоторые другие пункты, прилегающие к днепровскому водному сообщению, провиант обыкновен-

Высадка союзников в Константинополе

но доставлялся из Малороссии сплавом с приднепровских пристаней. Первоначальные склады большей частью сосредоточивались в Бобруйске, Могилеве, Гомеле, Кобрине, Старо-Быхове, Рогачеве и Киеве.

Фельдмаршал, имея в виду устроить центральный неприкосновенный склад провианта в Брест-Литовске, дал на этот предмет 24 февраля предписание генерал-интенданту армии, приказав немедленно произвести торги в Минской губернии и ускорить сплав хлеба в Брест из Малороссии. Всего предполагалось собрать в Брест 140 000 четв. муки, 14 200 четв. круп и 20 000 четв. овса, что и было поручено комиссионерам. В счет указанного количества часть провианта должны были перевезти из Бобруйска и Гомеля, где находились лишние запасы. Для размещения в Бресте всех сосредоточиваемых там запасов приказано было построить (в дополнение к имевшемуся помещению для склада вместимостью 84 000 четв.) 9 провиантских балаганов.

Кроме того, фельдмаршал для ускорения пополнения магазинов в районе действующей армии мирного времени сделал 27 февраля распоряжение о немедленном, в течение одного месяца, сборе от земли в губерниях Царства Польского 150 тысяч четв. муки с пропорцией круп за плату по средним справочным ценам. Это количество провианта предполагалось сосредоточить в разных пунк-

тах и преимущественно в крепостях. Для содействия уездным начальникам в ускорении сбора в их ведение были отправлены, независимо от численности состоявших при них казаков, еще по 15 человек казаков и по двое урядников.

Все распоряжения по указанному сбору провианта были закончены к середине марта, и поставка началась с 20-го числа этого месяца. Впоследствии общая цифра всей поставки была сокращена до 141 400 четв.

Собственно крепостных запасов, а именно провианта и соли, к весне 1854 года оставалось в Новогеоргиевске, Замостье, Ивангороде и Варшаве из расчета на 6 месяцев по числу гарнизонов на 1848 год⁷¹.

Эти, в конце концов, принудительные поставки от земли, исполнявшиеся по приказанию фельдмаршала, объяснялись им как закупки провианта, фуража и другого довольствия непосредственно от самих производителей. Сбор продуктов делался по раскладке на сельских обывателей, но, по мнению тогдашнего министра государственных имуществ графа Киселева, высказанного во всеподданнейшей записке в 1855 году, раскладки эти делались без всякого соображения с состоянием обывателей и в некоторых случаях с уплатой по уменьшенным ценам. Кроме того, ближайшие местности к театру войны несли большие тяготы и истощались больше других.

Цены на продукты в Царстве Польском назначались самим фельдмаршалом, причем принимались за основу средние справочные цены и статистические данные о средствах края. Цены назначались несколько ниже справочных и одинаковые по всем губерниям Царства Польского, что нельзя признать справедливым, так как для одних губерний эти цены были высоки, а для других низки.

В русских губерниях района действующей армии, а именно в Подольской и Волынской, цены отдельно для каждого уезда назначались особыми губернскими комитетами и утверждались местным генерал-губернатором. Плата наличными деньгами произведена была лишь по некоторым поставкам в Царстве Польском, а в остальных случаях — квитанциями, с зачетом их в подати. Таким образом, поставки, которые производились по ценам, утвержденным не комитетами, а по ценам, одинаковым для нескольких губерний, и притом при поставке не за наличные деньги, а по квитанциям, следует признать по тяжести, какой они ложились на жителей, реквизициями.

Но князь Варшавский к такого рода земским поставкам вынужден был прибегать действительно ввиду крайней необходимости.

Надо принять во внимание, что полвека тому назад железных дорог не было вовсе, а заготавливать припасы заблаговременно в мирное время на всех пунктах, где в них могла встретиться надоб-

ность, и притом в большом количестве, не было никакой возможности; с другой стороны, экстренные заготовки припасов там, где вдруг сосредоточивалась масса войск, легко могли не успевать, да к тому же такое быстрое заготовление обходилось бы и слишком дорого.

Поэтому местные поставки от земли являлись необходимо-стью, так как только при них выгадывались и время, и эконо-мия⁷².

Сводя в одно все распоряжения фельдмаршала и князя Горчако-ва по обеспечению войск продовольствием за Дунаем, к 11 марта, т. е. ко времени перехода через Дунай, группировка запасов пред-ставлялась в следующем виде.

Войска, находившиеся в княжествах, обеспечивались всеми видами продовольствия, т. е. провиантом, мясом, вином, уксусом и проч., по 1 сентября 1854 года, частью складированными на второй придунайской базе, частью поставлявшимися в разные сроки подрядчиками в пункты на коммуникационных линиях и в места расположения самих войск.

Кроме того, для действий собственно за Дунаем запасы были складированы и заготавливались следующим образом.

1. На 1-й базе (Скуляны, Кишинев, Леово) и на коммуникацион-ных путях в княжествах:

а) в магазинах наличо:

		Запас для 150- тысячной армии	
50 000 четв. сухарей	<div><div>Бырлат</div><div>Текуч</div><div>Фокшаны</div><div>Бузео</div><div>Слободзея</div><div>Бухарест</div></div>	<div><div>Заготовлено князем Горча- ковым в августе 1853 года, когда производились заго- товки по обеспечению те- кущим довольствием по 1 мая 1854 года</div></div>	<div><div>На 1 месяц</div><div>10 дней</div></div>
5000 четв. круп			

б) заготовлялось:

50 000 четв. муки	<div> <div>Кишинев</div> <div>Яссы</div> </div>	<div> <div>Заготовлялось князем Горчаковым в начале мар- та по распоряжению фельд- маршала: 40 000 четв.</div> </div>	<div> <div>На 2 месяца 12 дней</div> </div>
5000 четв. круп	<div> <div>Бырлат</div> <div>Текуч</div> </div>	<div> <div>муки с пропорцией круп по реквизициям в княже- ствах, 10 000 четв. муки</div> </div>	
50 000 четв. ячменя	<div> <div>Фокшаны</div> <div>Бухарест</div> </div>	<div> <div>куплено в марте в Киши- неве. Сбор по реквизици- ям начался с 11 марта</div> </div>	

2. На придунайской базе (Измаил, Галац, Браилов):

а) в магазинах налицо:

50 000 четв. сухарей	{	Измаил	{	Заготовлено князем Горчаковым в августе 1853 г. вместе с обеспечением по 1 мая 1854 г.	}	На 1 месяц 10 дней
5000 четв. круп		Кагул				

б) заготовлялось:

895 000 пудов сена	{	Измаил	}	По распоряжению князя Горчакова
		Галац		
		Браилов		
		Сатуново		
		Ведени		

3. На приднестровской базе:

а) в магазинах налицо:

11 000 четв. муки	{	Каменец-Подольск	{	Оставалось от предыдущих заготовок	}	На 1 год 4 месяца
1 1000 четв. круп		Проскуров				
611 000 четв. разного хлеба	{	Одесса	{	Частные запасы		

б) заготовлялось:

50 000 четв. муки	{	Жеребково	{	Из округов военных поселений начата заготовка в марте по распоряжению Паскевича	}	На 10 месяцев 20 дней
5000 четв. круп		Шараево				
50 000 четв. овса	{	Каменец-Подольск	{	Сбор от земли в Подольской губернии по распоряжению Паскевича. Поставки начались с половины марта	}	
150 000 четв. муки		Могилев				
		Балта				
200 000 четв. разного хлеба	{	Бессарабия	{	Сельские запасы, обращенные на довольствие войск		

Таким образом, на всех трех базах имелось более чем на $2\frac{1}{2}$ года запасов провианта для 150-тысячной армии. Кроме того, были сделаны все подготовительные распоряжения для сбора на линии Днестра, в Киев, Бердичев и Черкассы, 100 000 четв. муки с пропорцией круп и 100 000 четв. овса, что составляло propor-

цию для армии той же численности на 2 месяца 20 дней, и был окончательно сформирован обоз подвижного магазина, который мог поднять сразу для 150-тысячной армии месячный запас провианта.

Войска, находившиеся в районе действующей армии мирного времени, обеспечивались текущим довольствием в местах их расположения по 1 октября 1854 года, и, кроме того, по распоряжению фельдмаршала с марта заготовлялось в запас 620 000 четв. муки, 57 200 четв. круп, 20 000 четв. овса, что составляло для 150-тысячной армии пропорцию на год и 4 месяца.

Образование запасов на базе было необходимо и прежде всего вызывалось предыдущей продолжительной стоянкой наших войск в княжествах, когда в достаточной степени выяснилась затруднительность своевременного сбора там припасов.

До 11 марта довольствие войск основывалось главным образом на местных средствах, способ, к которому приходилось прибегать вследствие неопределенности политического положения, с одной стороны, и отсутствия должного интендантского управления — с другой.

Довольствие местными средствами вызвало негативную реакцию населения княжеств, а между тем обострять отношения с ним было нежелательно. В то же время при выяснившейся наконец политической обстановке стало ясно, что подвоз припасов морем будет невозможен.

На довольствие местными средствами в Болгарии также нельзя было рассчитывать.

С учетом всех этих обстоятельств на случай, если бы война затянулась, приходилось иметь в виду подвоз из России, и при активных действиях за Дунаем базой должны были служить полоса местности у низовьев этой реки и пограничные области России.

Не принимая в расчет запасов, сделанных в районе дислокации действующей армии мирного времени, которые в случае необходимости также могли быть двинуты за Дунай, начали заготовлять, совместными распоряжениями фельдмаршала и князя Горчакова, на трех базах, не считая приднепровской, запасы, которых хватило бы для 150-тысячной армии почти на 2 года и 8 месяцев. Даже если бы армия была удвоена, то этих запасов хватило бы на один год и 4 месяца.

На одной приднестровской базе заготовлялось по распоряжению князя Варшавского более одного миллиона четвертей разного хлеба, которого хватило бы более чем на год для 300-тысячной армии. При этом часть указанного количества собиралась спешно от жителей Подольской губернии с зачетом причитающейся платы в подати.

Сбор такого чудовищного запаса, не соответствовавшего действительной, как оказалось, надобности, объясняется главным об-

Высадка союзников в Константинополе

разом предвзятой мыслью фельдмаршала о вооруженном вмешательстве Австрии и о предстоявшей ввиду этого необходимости вести войну на два фронта.

Если бы действительно так случилось и военные действия открылись в Бессарабии и Херсонской губернии, то запасы, собранные в тылу Одессы, конечно, оказались бы весьма полезными.

При рассмотрении мест сосредоточения запасов с точки зрения подготовки наступления за Дунаем прежде всего обращает на себя внимание спешное заготовление фельдмаршалом запасов в феврале 1854 года. Так, в конце этого месяца князь Варшавский приказал интендантству Дунайской армии немедленно заготовить при помощи реквизиции и закупок за линией р. Серет (Яссы, Бырлат, Текуч, Фокшаны, Бузео, Бухарест) такой запас провианта, который обеспечивал бы 150-тысячную армию более чем на два месяца «на случай необходимости сосредоточить войска за линией р. Серет», как фельдмаршал сам выразился в своем предписании князю Горчакову⁷³. В то же время на придунайской базе, более соответствовавшей наступательным действиям, фельдмаршал совсем не заготавливал запасов, считая, очевидно, что там вполне достаточно заготовленных князем Горчаковым — всего на один месяц и 10 дней.

Еще более на оборонительный характер планов Паскевича указывает сосредоточение главной массы запасов в дальнем тылу войск, за линией Днестра.

Что касается способов заготовок, то из всего сказанного выше видно, что были испробованы все способы, какие только были возможны, и что меры, принимавшиеся в этом отношении, вполне соответствовали условиям обстановки и видоизменялись сообразно с последней.

Следует, впрочем, признать излишними только некоторые способы, которые были вызваны поспешным желанием фельдмаршала обеспечить себе отступление. К таким способам можно отнести сбор по реквизиции в княжествах и сбор с округов военных поселений в Жеребкове и Шараеве.

Последнее мероприятие представляется в особенности странным, так как одновременно была назначена перевозка огромных запасов в Жеребково и Шараево из Одессы, и таким образом в эти два села запасы должны были свозиться и с юга, и с севера.

Здесь должны были образоваться громадные склады, сосредоточенные в одном пункте, и притом пункте, где вероятность военных действий была весьма мала.

Зерновой хлеб в бессарабских магазинах принес мало пользы, так как сельские склады были там разбросаны на большом пространстве и для пользования ими приходилось производить большие дорогостоящие перевозки.

Поэтому перемол этого хлеба был прекращен после обращения в муку 100 000 четв.

Сбор с Подольской губернии в Каменец-Подольский, Могилев и Балту 150 000 четв. муки и 100 000 четв. овса по тем же причинам оказался напрасным. В окрестностях этих пунктов не было необходимого количества войск, и весь запас был обращен на довольствие местных команд⁷⁴.

Вообще дальнейшие события показали, что булыжная часть громадных запасов, собранных князем Варшавским, оказалась совершенно ненужной; запасы только портились от долгого лежания, и впоследствии не знали, что с ними делать.

В отношении снабжения боевыми припасами дело обстояло следующим образом.

Как уже известно, фокшанский склад к концу февраля 1854 года истощился, а князь Горчаков приказал в декабре приостановить по причине затруднения с перевозками запасов доставку туда хотинских и бендерских местных парков.

Но ввиду увеличивавшегося количества войск в княжествах и ожидаемого перехода через Дунай командующий войсками в на-

чале февраля вновь приказал немедленно возобновить отправку в Фокшаны из Хотина и Бендер по 1 $\frac{1}{2}$ местного парка.

Однако в хотинских парках не было многих предметов, поскольку их не доставили из Киева, в особенности же зарядных мешков, а в бендерских парках почти вовсе не имелось запасов их 9-му летучему и 18-му подвижному паркам из-за первоначальной перед этим отправкой 1 $\frac{1}{2}$ парка в Фокшаны. Поэтому приказано было фокшанский склад пополнить запасами из измайльских парков и, таким образом, вместе с оставшимися в Фокшанах запасами и с 1 $\frac{1}{2}$ парка, прибывшими туда в начале марта из Тирасполя, в Фокшанах к концу марта образовался склад на 6 местных парков⁷⁵.

В артиллерийском департаменте предполагали для батарей, находящихся в княжествах, иметь запас $\frac{1}{10}$ часть орудий и лафетов и $\frac{1}{20}$ зарядных ящиков от всего количества, состоящего в войсках, т. е. всего 46 орудий, 59 лафетов и 53 зарядных ящика.

Запасы эти предполагалось сосредоточить в Бендерах, а когда войска перейдут Дунай, передвинуть их в Измаил.

Но князь Горчаков, считая, что из-за недостатка осадной артиллерии придется первое время при осадах употреблять полевую артиллерию, которая при этом будет выходить из строя больше, чем в полевых сражениях, потребовал увеличить запас лафетов до 67, зарядных ящиков до 95 и, кроме того, заготовить 359 запасных колес.

Командующий войсками потребовал доставки всех этих предметов в Фокшаны⁷⁶.

Для пополнения убыли в действующих батареях было выслано в княжества из резервных батарей 106 строевых и 564 упряжных лошадей. Часть их, за пополнением батарей, осталась в излишестве и была обращена на образование депо в окрестностях Фокшан, где князь Горчаков полагал употребить этих лошадей для парков.

Склад в Плоешти в конце февраля повелено было пополнить перевозкой на вольнонаемных подводах из Фокшан до двух местных парков, что и было исполнено к концу марта⁷⁷.

Браиловский склад. В феврале для войск Измаильского отряда, долженствовавших перейти через Дунай, весь запас боевых припасов заключался лишь в одном подвижном парке № 15, в котором имелось патронов ружейных 350 000 и штуцерных — 21 000. Этого количества было слишком мало, так как одному пехотному полку полагалось иметь патронов ружейных 368 400 и штуцерных — 9600, а каждому стрелковому батальону штуцерных патронов — 52 640⁷⁸.

Между тем в начале марта в отряде у генерала Лидерса было: 28 пех. бат., 2 сап. бат., 2 стрел. бат., 2 ул. полка, 2 каз. полка и 8 бат.⁷⁹.

Поэтому князь Горчаков, по просьбе командира 5-го корпуса, приказал учредить в Браилове промежуточный склад и перевезти

Военный совет в Варне

туда из измаильских местных парков на вольнонаемных подводах не позже как к 10 марта запасы на 1 $\frac{1}{2}$ подвижного парка⁸⁰.

Но в измаильских местных парках к 17 февраля готовых зарядов уже вовсе не было, хотя и приготавлился полный комплект их для расположенных там 4 батарей, что составляло по 448 выстрелов на каждое орудие Измаильского отряда⁸¹.

Поэтому князь Горчаков, отправив просьбу к военному министру пополнить измаильские местные парки, все-таки приказал, по изготовлении в Измаиле зарядов, доставить их в количестве на 1 $\frac{1}{2}$ подвижного парка в Браилов. Для ускорения же образования склада в этом пункте было приказано парку № 15 сложить свое имущество в Браилове, отправиться в Фокшаны, нагрузиться там полным парком и вернуться в Браилов.

Все эти распоряжения были в точности исполнены, и к 10 марта в Браилове образовался запас на 3 $\frac{1}{2}$ подвижного парка, а именно 2 комплекта подвижного парка № 15 и 1 $\frac{1}{2}$ комплекта, прибывшие из Измаила. Все образовавшееся таким образом имущество дало возможность сформировать промежуточный склад размером 2 $\frac{1}{2}$ подвижного парка и, кроме того, оставить один комплект подвижного парка на повозках парка № 15⁸².

Князь Горчаков сверх изложенных распоряжений приказал двинуть 15 марта из Тирасполя в Браилов подвижной № 3 арсенал,

который следовало перевезти туда на наемных подводах. К 13 марта арсенал был совершенно готов к выступлению. В случае же невозможности нанять для перевозки арсенала подводы указывалось употребить для этой цели повозки передвижного магазина, который к 13 марта был уже весь собран в Тирасполе⁸³.

Ближайшее пополнение войск боевыми припасами производилось следующим образом.

От Журжи до Турно в конце февраля было расположено около 4 батарей. Для них недалеко от Журжи, в с. Фратешти, был устроен склад огнестрельных припасов на 16 орудий. 27 февраля князь Горчаков приказал усилить этот склад до комплекта одного подвижного парка, что предполагалось сделать к 21 марта. К тому же числу в Фратешти должны были прибыть 80 повозок подвижного парка № 10 для развозки припасов в места, ближайшие к батареям.

В Калараше и в Ольтенице к 27 февраля не было ни складов, ни подвижных парков. Поэтому было приказано к 13 марта прибыть в с. Тарачени подвижному парку № 10. Это селение находилось в 30 верстах от Ольтеницы и в 45 от Калараша. Четырем батареям, стоявшим в этих пунктах, было приказано отправлять свои опорожненные зарядные ящики для пополнения в с. Тарачени, но на всякий случай и в этом селении было оставлено при запасах 77 парковых повозок, чтобы доставлять в крайнем случае запасы к войскам.

В Малой Валахии, в Галича-Маре, оставался весь подвижной парк № 11, а в Крайове резервный склад припасов в размере $\frac{3}{4}$ одного подвижного парка.

В Бухаресте находился полный парк № 14, где его решено было оставить и впредь.

В Плоешти к 25 марта было приказано собрать весь парк № 12⁸⁴.

Подвижной парк № 7 шел в марте из Брест-Литовска в Кишинев, а подвижной № 18 и летучий № 9 формировались в Тирасполе. Половина лабораторной роты № 2 была в Бухаресте; другую половину, находившуюся в Риге, приказано было привести к 14 марта в княжества⁸⁵.

Как видно из всего предыдущего, в пополнении промежуточных складов из перволинейных парков все время встречались затруднения и задержки, главным образом по причине недостатка запасов в перволинейных парках и перевозочных средств.

Пополнение же перволинейных парков производилось очень медленно из второстепенных киевских⁸⁶.

Причин этому было много; основные же нижеследующие. В феврале 1853 года, когда делалось распределение местных парков на перволинейные и второлинейные, к последним были отнесены только киевские парки, а брест-литовские и бобруйские решено было не причислять к второлинейным, как это тогда предполагалось.

Союзники в Галлиполи

лось. Киевские же парки решено было пополнять из Калуги. Когда делались эти распоряжения, то имелись в виду только те войска, которые тогда предназначались для сбора на границе, т. е. всего 68 бат., 64 эск., 54 сот. и 216 ор. Но с течением времени число войск, сосредоточенных на Дунае, последовательно увеличивалось, а вместе с тем возрастало и количество требовавшихся для них запасов. (Всего было добавлено 58 бат., 92 эск., 12 сот. и 232 ор.) Кроме того, к княжествам подходили 16-я пехотная дивизия и 1-й резервный кавалерийский корпус⁸⁷.

В хотинских, бендерских и измаильских парках оставалось в течение всего времени запасов, за высылкой таковых на Дунай, меньше положенного количества и вообще слишком мало. Не хватало даже штатного пороха для вооружения крепостей. Пороху же во всех гарнизонах Дунайского округа к концу февраля было всего 15 011 пудов, из которых пушечного — 2790. Получая требования князя Горчакова, начальник Дунайского артиллерийского округа генерал Рерберг неоднократно просил артиллерийский департамент о высылке пороха⁸⁸.

Но в департаменте «не было сделано своевременных распоряжений о пополнении местных парков и крепостей Дунайского округа»⁸⁹, а потому Военное министерство отвечало (17 января 1854 г.), что порох будет отправляться с Шостенского завода по мере его выделки и прибудет, вероятно, в мае и июне.

Между тем в пополнении порохом перволинейных парков была настоятельная надобность для предстоящих инженерных работ при осаде Силистрии. На требование князя Горчакова генерал Рерберг отвечал (25 февраля), что во всем Дунайском округе нет количества пороха, необходимого хотя бы только для осады Силистрии.

Тогда 27 февраля князь Горчаков приказал безотлагательно отправлять в Измаил для необходимых осадных инженерных работ 1560 пудов из Бендер и 1772 пуда из Хотина, всего 3332 пуда, и сообщил об этом своем распоряжении военному министру, прося пополнить склады Дунайского округа. Но от военного министра был получен ответ 8 марта, что государь император находит, что порох из Бендер ни под каким видом нельзя брать для других надобностей, что осады Силистрии скоро не предвидится, а в Измаиле можно иметь запасов и меньше.

Князь Горчаков должен был тотчас же приостановить перевозку этого пороха, о чем и отдал приказ 8 марта⁹⁰.

Для пополнения измаильских запасов принимались и другие меры. Когда (18 февраля) начальнику артиллерийских гарнизонов Дунайского округа было предписано скорее изготовить в Измаиле комплект боевых припасов на одну артиллерийскую бригаду для отряда генерала Ушакова, генерал Кноринг донес, что измаильский гарнизон занят большими работами по вооружению крепости.

Поэтому было разрешено перевезти в Измаил те припасы из Одессы, которые там были заготовлены для десантного отряда в 1853 году.

К 10 апреля было перевезено в Измаил $\frac{2}{3}$ патронов одесского запаса, а находившиеся там артиллерийские заряды в комплекте на одну артиллерийскую бригаду 8-орудийного состава были отправлены в Измаил целиком⁹¹.

Боезапас	По требованию кн. Горчакова нужно	По соображениям Артиллерийского департамента в марте будет состоять		
		в Фокшанах, Плоешти и Браилове	в местных парках измаильских, бендерских и хотинских	не хватает
Патроны пехотные и кавалерийские.....	26 720 960	4 761 800	4 790 250	17 438 710
Патроны штурмовые	2 041 440	100 350	252 000	1 689 000
Заряды полевой артиллерии	148 660	1 044 759	87 354	—

Горчаков требовал усилить промежуточные склады по числу вверенных ему войск до двух комплектов зарядов и патронов пехотных и кавалерийских и до четырех комплектов — штуцерных. Этого количества не имелось в промежуточных складах вместе с перволинейными, как это видно из прилагаемой таблицы.

По соображениям артиллерийского департамента в войсках и подвижных парках в это время должно было состоять:

	Патронов пехотных и кавалерийских	Патронов штуцерных
В войсках	13 495 380	510 360
В подвижных парках	2 871 915	168 000

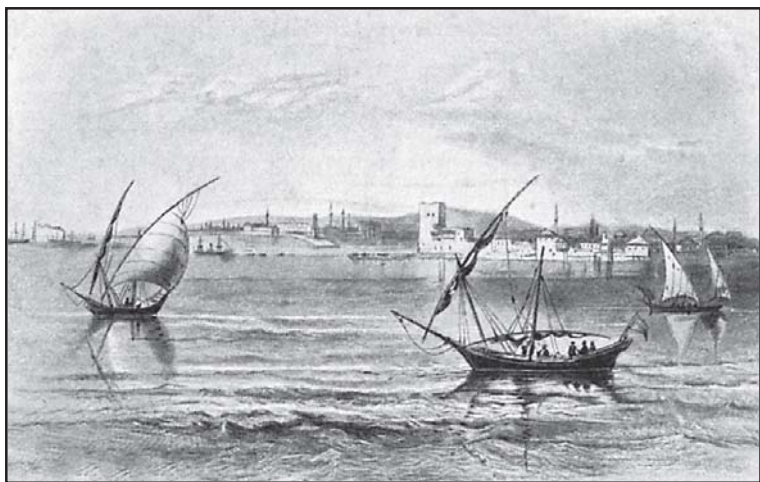
Зачтя эти запасы в комплекты, требовавшиеся князем Горчаковым, и прибавив к тому количеству, которое должно составиться в промежуточных и перволинейных парках (таблица), рассчитали, что во всех этих запасах вместе должно было состоять: патронов пехотных и кавалерийских — 25 919 345; патронов штуцерных — 1 030 710.

Артиллерийский департамент, принимая в соображение, что из трех пехотных корпусов в сражениях участвовать будут не более двух, что в войсках остаются патроны от убывающих из строя людей, что патроны поступают еще с людьми, прибывающими из резервов, и что с увеличением числа штуцеров придется меньше стрелять из пехотных ружей, рассчитывал, что из составившегося числа пехотных и кавалерийских патронов, всего 25 919 345 штук, на каждое ружье придется более 200 патронов. Это число артиллерийский департамент считал вполне обеспечивающим войска, так как «по опыту прежних войн достаточно на одну кампанию: на каждое ружье пехотное — 150 и кавалерийское — от 70 до 100 патронов».

Что же касается 1 010 730 штуцерных патронов, недостающих до цифры, требуемой князем Горчаковым, то инспектор всей артиллерии «полагал возможным, в случае *скорой* надобности, переделать пехотные в штуцерные, а между тем доставить в промежуточные парки свинец и бумагу для приготовления недостающих патронов в парках или же *самими войсками*».

В письме своем князю Горчакову от 31 марта 1854 года генерал Безак пишет: «Что же касается патронов, то, по моему мнению, запаса их, свезенного в промежуточные парки и находящегося при войсках, достаточно на две кампании»⁹².

Поэтому Артиллерийский департамент полагал не усиливать промежуточных парков в той мере, как требовал князь Горчаков, а ограничиться лишь количеством пехотных и кавалерийских патронов, которое имеется при войсках, в подвижных промежуточных и перволинейных парках, пополнив последние взамен отправленных в промежуточные склады и пополняя их потом по мере

Галлиполи

расхода. Относительно же 4 комплектов штуцерных патронов, требуемых князем Горчаковым, Артиллерийский департамент предоставил ему распорядиться приготовлением недостающих патронов при парках или войсках, по его усмотрению, из материалов, отправленных уже в промежуточные склады.

С этим мнением согласился и князь Варшавский⁹³.

В феврале 1854 года киевские местные парки были в полном комплекте, но после отправки в октябре в Бендеры и Хотин запасов на 8¹/₂ местного парка в марте 1854 года они не были еще укомплектованы. Притом же в Киеве из состоявших там 3 гарнизонных артиллерийских рот одна отправилась в Бендеры и рабочих рук было мало.

В то же время из Калуги ушел бывший там подвижной парк, высылавший своих людей на работы в парки, и изготовление запасов для пополнения киевских парков также замедлялось.

И в Киеве, и в Калуге часть людей из парков назначалась еще для сопровождения транспортов, а число войск, от которых высылались люди для работ в парках, также уменьшилось.

К этому нужно еще добавить: 1) значительные расстояния, потребность огромных перевозочных средств, дурное состояние дорог и распутицу, вследствие чего многие транспорты останавливались на пути следования; 2) вообще недостаток в империи пороха — Шостенский завод изготовлял всего 85 000 пудов в год. Для ускорения производства были приняты меры, и в будущем предполагалось производить 130 000 пудов в год, но пока же пороха не хватало.

Таким образом, выявлялась фактическая невозможность из одних киевских парков снабжать бендерские, хотинские, измаильские и сверх того и севастопольские, херсонские, георгиевские и новочеркасские.

Поэтому, по представлению генерала Безака, было решено: 1) отправить из Брест-Литовска в Хотин запасы в размере 3 местных парков и 2) впредь комплектовать перволинейные парки Дунайского округа (в дополнение к киевским) еще из брест-литовских и бобруйских местных парков.

Согласие на это фельдмаршала последовало 5 апреля⁹⁴.

Войска князя Меншикова и барона Остен-Сакена обеспечивались запасом ручного оружия, находившимся в Херсоне, в котором состояло в марте 7000 пехотных ударных ружей и 4900 штук холодного оружия. Из Петербурга и из Тулы было приказано отправить в Севастополь и в Херсон еще 80 литтихских штуцеров⁹⁵.

Для батарей, состоящих в ведении тех начальников, было решено не учреждать особых запасов материальной части артиллерии, а сблизить к югу резервные и запасные батареи 6-й артиллерийской дивизии, расположив пешие батареи в Екатеринославле, а конные — около Кривого Рога. Отсюда комплектовать действующие батареи 16-й и 17-й полевых и 6-й конно-артиллерийской бригад. Резервные же и запасные батареи пополнять из Брянского и Киевского арсеналов⁹⁶.

Местными перволинейными парками были для этих войск назначены: для отряда барона Остен-Сакена — херсонские местные; для войск князя Меншикова — севастопольские⁹⁷.

К концу 1853 года в севастопольских местных парках и для крепостных орудий имелось всего 29 115 пудов пороха; не хватало до положенного количества — 1846 пудов⁹⁸.

Войска генерала Хомутова на Азовском побережье предполагалось комплектовать из Новогеоргиевска, куда подвезти для этого особый запас⁹⁹.

Подвижных парков для войск барона Остен-Сакена решено было не назначать ввиду того, что эти войска, расположенные по берегу Черного моря между местными парками — херсонскими, бендерскими и измаильскими, имеют возможность посылать свои опорожненные патронные и зарядные ящики прямо в эти местные парки. При затруднении же в этом им было предложено подвозить припасы на наемных подводах, хотя подвижной парк № 8 стоял в это время в Белгороде, где уже чинился после перехода¹⁰⁰.

Для комплектования боевыми припасами действующей армии мирного времени, расположенной в Царстве Польском, имелись в виду местные парки перволинейные новогеоргиевские (9 м. п.) и

замосцские (3 м. п.); к второлинейным же были отнесены брест-литовские (6 м. п.), бобруйские (3 м. п.), динабургские (3 м. п.). Кроме того, в Новогеоргиевске сверх своих штатных запасов 9 местных парков имелись еще запасы возвращенных туда после Венгерской кампании снарядов более чем на 6 парков и патронов на 3 парка. В Александровской цитадели в Варшаве имелся неприкосновенный запас в 2 100 000 патронов, а в Динабурге сдавались запасы от гренадерского подвижного парка № 1¹⁰¹.

Коммуникационные пункты, в общем, оставались те же самые, что были и перед открытием военных действий в октябре 1853 года.

Где были магазины, как и откуда они пополнялись, видно из предыдущего: магазинов в Молдавии было 7, в Валахии — 36¹⁰².

Магазины в Галаце, Браилове, Водени и Слободзее были совершенно полны запасами провианта и фуража. Сухари в Галац и Браилово доставлялись из хлебопекарен в Бырлате, Текуче и Фокшанах; в Слободзею — из Бузеу и Бухареста.

Для присмотра за гуртами скота, согнанного к магазинам, были назначены в княжествах по распоряжению генерал-адъютанта Будберга команды добровольцев, а в Измаиле по распоряжению генерала Ушакова — команда от 7-й пехотной дивизии. Для конвоирования гуртов за Дунаем к каждому магазину были причислены команды казаков¹⁰³.

На путях от Скулян, Леово и Рени к Браилову, Гирсову, Каларашу, Бухаресту, Журже и Крайову было учреждено 24 этапных пункта¹⁰⁴. Гарнизоны этапов составляли команды от русских войск и от частей молдавской и валахской милиции. От русских войск были казаки и нижние чины от гарнизонных батальонов — Кишиневского, Каменец-Подольского, Херсонского, Житомирского и Киевского; всего на этапах от этих батальонов было расположено 5 рот. От княжеств кроме милиционеров на каждом этапе было от 3 до 10 доробанцев.

В числе русских войск на этапах было: от гарнизонных рот — 15 офицеров и 848 нижних чинов; от действующих войск — 12 офицеров и 224 нижних чина (в том числе 152 казака). На каждом этапе был начальник — штаб- или обер-офицер от русских войск.

По мере прибытия на этапы нижних чинов от гарнизонных рот нижние чины от действующих войск при первой возможности высылались в свои части.

Офицеры гарнизонных рот и милиций назначались для сопровождения команд между этапами. Довольствие на этапах производилось из котла. Партийным офицерам было поставлено в обязанность снабжать ежедневно горячей пищей препровождаемые ими команды, для чего на этапы и на каждый ночлег было приказано выслать котлы¹⁰⁵.

Солдат щеголевской батареи

По этапным дорогам везли провиант, боевые припасы, больных, раненых; отправлялись команды военнопленных, арестованных, нижних чинов, выздоравливающих и других. Места этапов и состав их гарнизонов к концу марта видны из таблицы, помещенной в приложении¹⁰⁶.

На всех путях между этапами было учреждено 56 ночлежных пунктов, означенных в расписании коммуникационных путей¹⁰⁷. На каждом из этих ночлежных пунктов было по 10 нижних чинов: по

одному унтер-офицеру и по 2 рядовых от гарнизонных рот, по 2 конных доробанца и по 5 человек от молдавской или валахской милиции. На всех пунктах состав одинаковый. Унтер-офицеры большей частью от милиций. Всего на ночлежных пунктах было: унтер-офицеров — 56 (7 русских и 49 милиционеров), конных доробанцев — 112, рядовых от гарнизонных рот — 105, рядовых от рот милиции — 287; итого — 560 человек.

Эти чины на ночлежных пунктах довольствовались приварком от жителей.

Всего на этапах и ночлежных пунктах было 2437 человек: 62 офицера, 1159 нижних чинов от русских войск и 1216 милиционеров и конных доробанцев¹⁰⁸.

Для успешности подвозов было обращено внимание на мосты, и кроме построенных раньше были наведены мосты еще в нескольких местах. Так, в конце декабря был построен нашими саперами мост через р. Филипой¹⁰⁹.

На р. Серете, близ Вадени, 20 ноября снесло напором льда мост, наведенный там саперами в августе; в январе начали там постройку свайного моста¹¹⁰. У Браилова и Сатунова было предположено также построить мосты; материалы и все принадлежности для них были сложены близ Измаила и Галаца; и там же к 20 февраля были уже сооружены плоты для плавучего моста¹¹¹.

Полевые интендантские учреждения Дунайской армии не были сформированы согласно положениям устава 1846 года об управлении армиями.

Ко времени перехода через Дунай все управление генерал-интенданта Затлера состояло всего из 3 комиссионеров, из которых двое были смотрителями в Фокшанах и Бухаресте, а тре-

тий заготавливал припасы; в канцелярии было всего 5 чиновников, а магазинами заведовали офицеры, командированные от полков¹¹².

Комиссионерству 3-го корпуса было поручено продовольствие всех войск, оставшихся в княжествах после перехода Дуная, и ему было приказано находиться в Бухаресте.

Комиссионерству 4-го корпуса было приказано оставаться при штабе главнокомандующего для снабжения прочих комиссионерств и других органов деньгами и вообще для исполнения некоторых обязанностей канцелярии генерал-интенданта и главной полевой провиантской комиссии.

На комиссионерство 5-го корпуса было возложено продовольствие всех войск за Дунаем, наблюдение за складами в Измаиле, Килии, Галаце, Браилове и подвоз запасов из этих пунктов к войскам.

Продовольствие войск, находившихся в Херсонской и Бессарабской областях или проходящих через них, было возложено на херсонских и бессарабских дистанционных смотрителей, которые находились в зависимости от комиссионерства 4-го корпуса (при главнокомандующем). Главная полевая комиссариатская комиссия оставалась в Бухаресте¹¹³.

В конце ноября 1853 года командир 3-го корпуса барон Остен-Сакен находился со штабом в Одессе, и хотя на него была возложена самостоятельная задача охраны морского побережья между Бугом и Дунаем с правами командира отдельного корпуса, он в то же время был поставлен в зависимость от князя Горчакова по всем вопросам, касавшимся материального обеспечения его войск¹¹⁴.

Таким образом, ко времени перехода через Дунай полевое интендантское управление было сформировано в крайне ограниченном составе и в гораздо меньшем, чем то полагалось по уставу управления армиями, а некоторые органы даже вовсе не были сформированы.

Примечания

¹ Затлер. Ч. 4. С. 240; Ч. 4. С. 10.

² Архив канц. Воен. мин., д. 1856, № 71, ч. III.

³ Затлер. Ч. 1. С. 205; Ч. 2. С. 25—27.

⁴ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3431.

⁵ Там же.

⁶ Архив канц. Воен. мин., д. 1856 г., № 71, ч. III; Затлер. Ч. 4. С. 26.

⁷ Когда турки 3 ноября начали переправу у Турно, то запас сухарей из Слатина был перевезен в Текуч. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3431.

⁸ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3422.

⁹ Затлер. Ч. 4. С. 10—38.

¹⁰ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3422.

¹¹ По данным генерала Затлера (записки о прод. войск, ч. 4. С. 10—38):

14 декабря отряд был обеспечен вперед на 21 и 23 дня (первая поставка подрядчика и запасы, перевезенные из Слатина и Коман);

18 декабря — на 17 и 19 дней;

19 декабря — на 26 и 28 дней (подвезено 1000 чत्व.);

30 декабря — на 1 месяц (подвезено между 15 и 30 декабря 4700 чत्व., считая и муку на мельницах);

3 января — на 25 дней (до 28 января вместе с 12-й пехотной дивизией);

6 января ожидалась поставка на срок по 15 января 6 тыс. чत्व., которыми отряд обеспечивался на месяц, т. е. по 6 февраля.

¹² Приказ по 4-му и 5-му корпусам 10 декабря 1853 г., № 167.

¹³ Затлер. Ч. 4. С. 10—38.

¹⁴ По исчислению генерала Затлера, для своза довольствия согласно потребности войск в нем в 1853 г. нужно было обывательских подвод: для провианта — 33 000, для ячменя и сена — 168 000, для дров — 312 000.

¹⁵ Затлер. Ч. 4. С. 10—38.

¹⁶ Так, 9 января 1854 г. в 11-й пехотной дивизии пришлось расходовать сухарный запас, так как в Ольтеницком магазине не оказалось муки, которая хотя и имелась у подрядчика на складе в Будештах, но он не мог доставить ее по причине неимения подвод (Затлер. Ч. 4. С. 20).

¹⁷ Затлер. Ч. 4. С. 10—38.

¹⁸ Архив канц. Воен. мин., д. 1856 г., № 71, ч. 3.

¹⁹ Затлер. Ч. 1. С. 210.

²⁰ Архив канц. Воен. мин., д. 1854 г., № 39. Доклад арт. деп.

²¹ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. №3616/16.

²² Там же, д. № 3315.

²³ Там же, д. № 3608, 3492, 3605.

²⁴ Там же, д. № 3605.

²⁵ Там же, д. № 3608.

²⁶ Там же, д. № 3614/22.

²⁷ Там же, д. № 3431.

²⁸ Там же, д. № 3605.

²⁹ Там же, д. № 3422.

³⁰ Там же, д. № 3416.

³¹ Там же, д. № 3315.

³² Затлер. О госпиталях. С. 165.

³³ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3594 (приказ от 28 января 1854 г., № 29).

³⁴ Затлер. О госпиталях. С. 169.

³⁵ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3429.

³⁶ Затлер. О госпиталях. С. 168.

³⁷ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3431.

³⁸ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3594. Приказ по 3, 4-му и 5-му корпусам, 25 февраля 1854 г., № 54.

³⁹ Затлер. О госпиталях, прил. № 23 и Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3594. Приказ от 28 января 1854 г., № 29.

⁴⁰ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3594. Приказ № 91.

⁴¹ Затлер. Ч. 4. С. 184. В Бузео в начале января 1854 г. сухари выпекались тремя ротами 3-го полка Валахской милиции. В конце января была добавлена рота Елецкого полка. Там была 71 печь. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3407.

⁴² Аратовский. С. 320. Затлер. Ч. 1. С. 203.

⁴³	Исчислено по	Заподряжено	На сколько
	1 сентября 1854 г.		месяцев
Мука	132 450 четв	86 885 четв	на 2 $\frac{1}{2}$ месяца
Крупа	13 245 четв	8100 четв	на 2 $\frac{1}{2}$ месяца
Ячмень	218 000 четв	198 225 четв	на 3 $\frac{1}{2}$ месяца
Волы	29 500 голов	18 965 голов	на 2 $\frac{1}{2}$ месяца
Спирт	56 000 ведер	54 03 ведер	почти на 4 месяца
Уксус	82 650 ведер	82 650 ведер	почти на 4 месяца
Перец	1090 пудов	1005 пудов	почти на 4 месяца
Соль	23 060 пудов	21 215 пудов	почти на 4 месяца

⁴⁴ Затлер. Ч. 4. С. 38—56.

⁴⁵ Архив канц. воен. мин. Гл. шт., д. № 1856, № 71, ч. III. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3411.

⁴⁶ Затлер. Ч. 4. С. 39.

⁴⁷ Затлер. Ч. 4. С. 38—56.

⁴⁸ Архив канц. воен. мин. Гл. шт., д. № 1856, № 71, ч. 3.

⁴⁹ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3358.

⁵⁰ Аратовский. С. 326. Затлер. Ч. 1. С. 214.

⁵¹ Записка князя Горчакова от 16 февраля 1854 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3411.

⁵² Затлер. Ч. 1. С. 207.

⁵³ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3407.

⁵⁴ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 4292.

⁵⁵ Личный состав каждой полубригады был следующий: командир полубригады, штаб-офицер — 1, ротный командир, обер-офицеры — 4, их помощники — 4, адъютант — 1, ветеринарный чиновник — 1, унтер-офицеры — 12, писарь — 1, плотник, колесник и кузнец — 3, коновалы — 4, фельдшеры — 4. Всего 10 офицеров, 1 чиновник, 24 нижних чина.

Во всех 6 полубригадах — 60 офицеров, 6 чиновников и 144 нижних чина.

⁵⁶ Приказ по 3, 4-му и 5-му корпусам 1854 г., № 32.

⁵⁷ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3605.

⁵⁸ Архив канц. воен. мин. Гл. шт., д. 1853, № 47 и 60.

⁵⁹ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3358. Письма фельдмаршала князю Горчакову от 24, 25, 26 и 27 февраля и 8 марта 1854 г. Всеподданнейшие записки его от 12, 22 и 26 февраля 1854 г.

⁶⁰ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3358.

⁶¹ Затлер. Ч. 2. С. 210.

⁶² Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3358.

⁶³ Аратовский. С. 329—333.

⁶⁴ Всеподданейшая записка князя Варшавского 26 февраля 1854 г. и предписание князю Горчакову от 8 марта 1854 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3358.

⁶⁵ Письмо князя Варшавского князю Горчакову 8 марта 1854 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3358.

⁶⁶ Всеподданейшая записка от 26 февраля и письмо князю Васильчикову от 27 февраля. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3358.

⁶⁷ Аратовский. С. 367.

⁶⁸ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3358.

⁶⁹ Аратовский. С. 371.

⁷⁰ Аратовский. С. 372—374.

⁷¹ Аратовский. С. 302, 355—358, 361 и 364.

⁷² Аратовский. С. 481—493.

⁷³ Предписание фельдмаршала князю Горчакову от 8 и 9 марта 1854 г. и письма от 24, 25 и 26 февраля 1854 г.

⁷⁴ Архив канц. Воен. мин., д. 1856, № 71, ч. 3.

⁷⁵ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3605.

⁷⁶ Докладная артиллерийского департамента. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. 1854, № 39.

⁷⁷ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3315, 3608.

⁷⁸ Там же, д. № 3615, 3614/26.

⁷⁹ Там же, д. № 3605.

⁸⁰ Там же, д. № 3614/26 и 3411.

⁸¹ Там же, д. № 3315.

⁸² Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3614/26 и 3411.

⁸³ Там же, д. № 3605.

⁸⁴ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3315.

⁸⁵ Там же, д. № 3605.

⁸⁶ Письмо князя Горчакова генералу Безаку, март 1854 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3614/28.

⁸⁷ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3614/28.

⁸⁸ Там же, д. № 3614/27.

⁸⁹ Подлинные слова генерала Безака из его письма к князю Горчакову от 31 марта 1854 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3614/28.

⁹⁰ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3614/27.

⁹¹ Там же, д. № 3615.

⁹² Там же, д. № 3614/28.

⁹³ Докладная артиллерийского департамента. Архив канц. воен. мин. Гл. шт., д. 1854, № 39.

⁹⁴ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3614/28.

⁹⁵ Архив канц. Воен. мин., д. 1854, № 39.

⁹⁶ Архив воен. уч. ком., д. № 3315.

⁹⁷ Архив канц. Воен. мин., д. 1854, № 39.

⁹⁸ Там же, д. 1852, № 15.

⁹⁹ Там же, д. 1854, № 39.

¹⁰⁰ Там же, д. 1854, № 39 и д. 3313.

¹⁰¹ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. 3614/28.

¹⁰² Архив воен. уч. ком. Гл. шт., 3594. Приказ по 3-, 4- и 5-му корпусам. 1854, № 91.

¹⁰³ Поливанов. С. 93.

¹⁰⁴ Кроме этапных пунктов, означенных ниже, в расписании коммуникационных путей, объявленных в приказе от 27 марта 1854 г., № 91, в конце февраля были еще этапы, вероятно, в марте упраздненные: по дороге из Чалонешти в Бухарест — в Толпа, Бачиу, Обедени и Присочени — до Мнешти; по дороге из Чалонешти в Слатино — в Текуче, Шербанешти и Гречи. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. 3594. Приказы 23 января и 22 февраля 1854 г.

¹⁰⁵ Приказ 27 марта 1854 г., № 91. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. 3594.

¹⁰⁶ См. приложение № 144.

¹⁰⁷ См. приложение № 145.

¹⁰⁸ Приказ 27 марта 1854 г., № 91. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. 3594.

¹⁰⁹ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. 3418.

¹¹⁰ Там же, д. 3427.

¹¹¹ Там же, д. 3411.

¹¹² Затлер. Ч. 4. С. 8.

¹¹³ Приказы по 3, 4-му и 5-му корпусам 1854 г., № 59.

¹¹⁴ Архив Воен. уч. ком. Гл. шт., д. 3317.

Глава XV

Роль Австрии, Пруссии и Германии в первой половине 1854 года

Граф Нессельроде совершенно правильно отметил в своем всеподданнейшем отчете за 1854 год¹, что венский протокол 5 декабря 1853 года явился как бы поворотным пунктом в поведении Австрии, которая переменила роль благоприятного посредника на роль если еще не соучастника действий, то соучастника замыслов наших противников.

Сделанное ею нам предложение очистить княжества, несомненно, согласовалось с ультиматумом западных держав, и хотя оно было предложено в корректной форме дружественного совета, но наш кабинет не мог сомневаться в настоятельности и решительности предъявленного требования. Хотя барон Мейендорф и сообщал князю Варшавскому², что, вероятно, Австрия не решится вступить на путь, ведущий к войне с нами, без поддержки Пруссии и Германского союза, но тут же замечал, что такую поддержку может устранить только добровольное очищение нами княжеств. Что же касается австрийских вооружений, то, по словам барона Мейендорфа, они имели отчасти демонстративный, а отчасти, в особенности в Трансильвании, серьезный характер.

В начале июня 1854 года Венский кабинет счел нужным повторить свое предложение вывести наши войска из княжеств в решительной форме. Новому австрийскому послу в Петербурге графу Эстергази было предложено сообщить графу Нессельроде³, что Австрия придает особое значение прекращению наших наступательных действий за Дунаем и желает «получить положительные указания на точный и притом не очень продолжительный срок окончания оккупации княжеств». Далее говорилось о невозможности обставлять с нашей стороны эвакуацию княжеств независимыми от воли Австрии условиями, так как это повлекло бы необходимость для нее самой «принять меры для охраны интересов, которым настоящее положение столь серьезно угрожает». Дешеша заканчивалась предложением послу потребовать от графа Нессельроде скорых и точных разъяснений.

Решительность Австрии явилась следствием ряда событий, которые с момента обострения кризиса вызвали в ней опасения за ее интересы на Балканском полуострове, за настроение ее славянских народностей в случае восстания и освобождения славян Турецкой империи, а также за итальянские владения Габсбургской династии, которым легко могла угрожать наполеоновская Франция. Все это не

Братание союзных армий

могло не склонить Австрию к общности видов с морскими державами, что выразилось в целом ряде протоколов, начиная с упомянутого акта 5 декабря 1853 года, подписанных в Вене ее представителями наряду с представителями Англии, Франции и Пруссии.

В отношении установления единства взглядов на события и на условия мира особенно знаменательным является протокол 9 апреля 1854 года⁴. Он подтверждал, во-первых, что фактически не только Турция, но и Франция с Великобританией находятся в войне с Россией, и далее в нем говорилось:

«Нижеподписавшиеся заявляют в эту торжественную минуту, что их правительства остаются согласными по двум вопросам — охранения территориальной неприкосновенности Оттоманской империи, существенным условием которой является эвакуация Придунайских княжеств, и столь близкого чувствам султана уравнения гражданских и религиозных прав христианских подданных Порты, вполне согласованного с независимостью и суверенитетом султана.

Территориальная неприкосновенность Оттоманской империи остается условием *sine qua non* всякого договора, имеющего целью восстановить мир между воюющими державами; правительства, представляемые нижеподписавшимися, обязуются совместно отыскать гарантии, которые связывали бы существование этой империи

с общеевропейским равновесием, и выражают готовность договориться о наиболее соответствующих средствах для достижения цели своего соглашения.

Правительства, представляемые нижеподписавшимися, взаимно обязуются не входить без предварительного общего совещания ни в какое окончательное соглашение, которое было бы противно изложенным выше началам, с императорским Российским двором и ни с какой державой. Изложенное условие соблюдается независимо от событий, которые могли бы возникнуть вследствие этого соглашения, основанного исключительно на общих интересах Европы и цель которого может быть достигнута только восстановлением твердого и постоянного мира».

Солидарность четырех держав, подчеркнутая приведенным протоколом, показалась Венскому кабинету недостаточной по отношению к Пруссии. В Берлин был послан начальник австрийского Генерального штаба генерал барон Гесс с поручением заключить между двумя главными германскими державами особый договор, который обеспечивал бы Австрии деятельное содействие Пруссии на случай могущих возникнуть осложнений. Австрийскому генералу удалось, несмотря на господствовавшее в Берлине сомнение, склонить Прусский кабинет к заключению оборонительного и наступательного трактата 20 апреля 1854 года следующего содержания⁵:

«Ст. I. Его Императорское и Королевское Величество и Его Величество Король Прусский взаимно себе гарантируют свои германские и негерманские владения так, что всякое нападение, направленное с чьей бы то ни было стороны на территорию одной из двух держав, будет почитаться другой как неприязненное покушение на ее собственную территорию.

Ст. II. Обе высокие договаривающиеся стороны обязуются точно так же охранять от всякого покушения права и интересы Германии; вследствие этого они считают себя обязанными сообща защищать против нападения всякую часть территории германских государств, даже в случае, если бы одна из них сочла необходимым активно выступить по соглашению с другой в защиту германских интересов. Соглашение относительно такого случая, а также соглашение о размерах надлежащей помощи составит предмет особой конвенции, которая явится нераздельной частью настоящего трактата.

Ст. III. Две великие германские державы обязуются с целью придать условиям их наступательного и оборонительного союза надлежащую силу и гарантию держать наготове, на случай надобности, часть их вооруженных сил в полной боевой готовности. Время и место сосредоточения, число и расположение этих сил будут определены особым соглашением.

Ст. IV. Высокие договаривающиеся стороны приглашают все правительства Германского союза присоединиться к этому тракта-

ту с таким условием, чтобы федеральные обязанности, указанные в ст. 47 заключительного акта Венского конгресса, приняли для присоединяющихся к трактату государств размеры, требуемые положениями этого конгресса.

Ст. V. Ни одна из высоких договаривающихся сторон не вступит с другими державами в течение существования этого союза в какой бы то ни было частный союз, не находящийся в полном соглашении с основаниями этого трактата.

Ст. VI. Настоящая конвенция будет в возможно скором времени представлена для ратификации ее обоими государями».

Добавочная статья разъясняла смысл второго параграфа этой конвенции, который допускал вооруженную поддержку стороны, «выступающей активно в защиту германских интересов». Эта статья⁶ определенно указывала на оккупацию нами княжеств, что выражалось следующими словами: «Их величества не могли отказаться от соображения, что неопределенно продолжающееся занятие русскими войсками территории нижнего Дуная, которая находится под владычеством Османской Порты, может поставить в опасность политические, нравственные и материальные интересы всего Германского союза, а следовательно, и собственных их государств.

Последствия от такого положения будут тем значительнее, чем на большее пространство распространятся русские военные операции. Австрийский и прусский дворы объединены желанием, насколько возможно, избежать вмешательства в войну, вспыхнувшую между Россией, с одной стороны, и Турцией, Францией и Великобританией — с другой, а также желанием содействовать восстановлению мира. Они смотрят на сделанное петербургским двором в Берлине заявление (согласно которому Россия считает причину занятия княжеств устраненной уступками христианским подданным Порты, имеющими быть осуществленными в ближайшем будущем) как на важный элемент примирения и сожалели бы, если бы это заявление постигла неудача на практике. Они надеются, что ответ Русского кабинета на сделанные Пруссией 8-го числа этого месяца предложения даст им гарантию в том, что русские войска скоро будут отозваны».

Уполномоченные обеих держав составили на случай, если бы эта надежда не оправдалась, следующую конвенцию:

«Императорское австрийское правительство обратится к Императорскому Российскому Двору с особым сообщением, целью которого будет получение согласия от Императора Всероссийского на приостановку движения его войск на турецкой территории и достаточной гарантии скорой эвакуации Придунайских княжеств. Прусское правительство вновь самым решительным образом поддерживает это сообщение, ссылаясь на посланные уже в Петербург предложения. Если бы ответ русского двора на предложения Вен-

ского и Берлинского кабинетов, вопреки ожиданиям, не удовлетворил бы их вполне относительно двух вышеупомянутых пунктов, то меры, которые будут приняты одной из договаривающихся сторон для достижения цели, подойдут под ст. 2 наступательного и оборонительного союзного трактата, в настоящее время подписанного, т. е. всякое неприязненное нападение на территорию одной из договаривающихся сторон будет отражено всеми боевыми силами, которыми может располагать другая. Однако общее наступательное движение может быть последствием только или присоединения княжеств, или нападения, или же перехода русских войск через Балканы».

Последняя фраза приведенного документа свидетельствует о желании Берлинского кабинета обставить точными условиями свои союзные обязанности вооруженного содействия деятельному австрийскому вмешательству в восточный конфликт. Как король Прусский, так и его министры сознавали, что заключаемый с Австрией союз может повести к решительному столкновению с Россией и безнадежно порвать узы династической и государственной дружбы, которая была столь драгоценна для интересов Пруссии.

Наша дипломатия, следуя указаниям императора Николая, не щадила усилий, чтобы открыть Прусскому кабинету глаза на опасный путь солидарности с западными державами, на который стали Австрия и Пруссия, участвуя в подписании ряда венских протоколов.

В собственноручной записке государя, относившейся к концу 1853 или к началу 1854 года⁷, прежде всего указывается на то, что прусский король, присоединяясь к политике западных держав, станет противником балканских христиан и соучастником всех ужасов, которые явятся последствием возвращения восставших под турецкое владычество. Государь еще раз подтверждал, что его целью являются не завоевания, а гарантия свободы и прав религии балканских христиан и их обычаев.

Если Австрия будет противиться тому, что требует для них Россия, то война с ней как с союзницей турок станет неизбежна. Если прусский король будет поддерживать безумную и несправедливую политику Австрии, то это приведет его к соучастию в недостойном и отвратительном деле (*d'une indigne et odeeuse demarche*), непосредственным последствием которого явится война с Россией.

Прусский кабинет принял на себя неблагоприятную задачу, с одной стороны, удерживать, насколько возможно, Австрию от решительного перехода на сторону Оттоманской Порты и ее уже определившихся прямых союзниц, а с другой — настаивать перед нашим Кабинетом на удовлетворении некоторых требований западных держав и Австрии для избежания всеобщей войны, в которую могла быть втянута и Пруссия. Барон Мантейфель, первый ми-

нистр берлинского правительства, еще в ноябре 1853 года указывал⁸ нашему послу барону Будбергу на крайне затруднительное положение Венского кабинета. Он подчеркивал, ссылаясь на статьи французской прессы об изменениях карты Европы и пересмотре трактатов, честолюбивые планы императора Наполеона, первой жертвой которых должна сделаться Австрия.

Наш посол прочитал спустя два дня после своей беседы с бароном Мантейфелем в *Moniteur*, рядом с упоминанием о протоколе, подписанном в Вене 5 декабря представителями четырех держав, французское его толкование, которое сводилось к тому, что Австрия и Пруссия примкнули к англо-французскому соглашению относительно вопросов, возбуждаемых нашим столкновением с Турцией. Барон Будберг предложил прусскому министру напечатать в *Staats-Anzeiger* по этому поводу соответствующее опровержение⁹. Однако барон Мантейфель отклонил это предложение, ссылаясь на то, что общее политическое положение обязывает германские державы к особой осторожности, что, может быть, полемика была бы на руку Людовику-Наполеону и, наконец, что она обязывала бы к опубликованию самого протокола, который признано необходимым сохранять в тайне. В одной из последующих депеш канцлеру¹⁰ барон Будберг сообщал об упреках, которые делались главой Венского кабинета графом Буолем прусскому министру по поводу сообщения нам документов, подписанных в Вене.

В январе, как известно, уже выяснилось, что наши предложения относительно более тесного соглашения с венским и берлинским дворами отклоняются ими обоими. В официальном сообщении по этому поводу барона Мантейфеля прусскому послу в Петербурге генералу Рохову, сделанном от имени Берлинского кабинета, говорилось¹¹: «Цена, которую мы придаем сохра-

Штабс-капитан Щеголев

нению общих нам не только с Австрией, но и с Францией и Великобританией основ, является для нас законом; мы не должны уклоняться от этих основ и избегать всего, что могло бы вызвать подозрительность лондонского и парижского дворов и толкнуть их, следуя нашему примеру, к изолированным действиям в смысле безвозвратного поколебания вероятности мирного исхода».

Прусский кабинет, озабоченный содействием восстановления мира, отклонил, по словам барона Будберга¹², предложение морских держав заключить ввиду возникшего кризиса соглашение с прочими германскими государствами относительно общего образа действий.

Король внимательно читал представленные ему бароном Будбергом записки Петербургского кабинета, которые разъясняли цели и основания политики императора Николая. В марте 1854 г. в Париж и Лондон отправился, по поручению короля, принц Гогенцоллерн-Зигмаринген, миссия которого состояла в склонении императора французов и королевы Виктории к примирительному образу действий. Миссия эта не увенчалась успехом. Барон Будберг сообщал, со слов ее участника графа Гребена¹³, что в Лондоне решено, по-видимому, энергично вести войну, а император французов явно стремится не только к нашему отказу от предъявленных Порте требований, но и к решительному ослаблению России и разрушению того влияния, которое она оказывает на судьбы Европы. Заявление о прусском нейтралитете в Лондоне было спокойно принято к сведению; император же Наполеон высказал, что он нейтралитет не считает возможным и что Австрия и Пруссия будут увлечены в общий с Францией стан. Ответное письмо Людовика-Наполеона к королю прусскому приглашало последнего примкнуть для предупреждения роста русского влияния на Западную Европу к общему соглашению «всех западных держав»¹⁴.

К концу марта в Берлин прибыл австрийский генерал Гесс. Ему было поручено склонить прусский двор к заключению с Австрией приведенного выше союзного трактата. Исполнение поручения не оказалось трудным. Уверенность императора французов в привлечении обеих великих германских держав в англо-французский стан имела некоторое основание. Из донесений графа Бенкендорфа о беседах с представителями прусской армии¹⁵ можно было убедиться, что люди, наиболее преданные идее прусско-русского братства по оружию, пессимистически смотрели в будущее. «Никто,— говорил нашему военному агенту прусский генерал Врангель,— не предан императору и союзу с Россией более, чем наш король, чем мы — прусская армия. Я и мои товарищи готовы пролить кровь за вашего императора, как за нашего короля... Тем не менее не верьте никаким заверениям и будьте убеждены, что, несмотря на усилия короля и наши, мы подчинимся фатальности и кончим тем, что дадим вовлечь себя в войну против вас...»

Граф Бенкендорф предполагал, однако, что генерал Врангель ошибался. Наш военный представитель пользовался такой симпатией среди прусских офицеров, что ему казалось невозможным, чтобы в конце концов не взяли верх «старые предания союза с Россией», имеющие столь глубокие корни¹⁶.

Положение становилось столь серьезным, что император Николай решил принести еще одну жертву, сделать еще одну попытку избежать необходимости войны с западными державами. Он поручил герцогу Георгу Мекленбургскому отправиться в марте в Берлин для сообщения королю прусскому, что государь согласен присоединиться к заключенной между морскими державами и Портой конвенции на нижеследующих условиях¹⁷:

1) конвенция будет сообщена государю от имени договорившихся сторон при посредничестве прусского короля; 2) нам будет сообщено, в чем состоят гарантии Порты в верном исполнении договора; 3) этот акт не отменит ни религиозных прав, которыми пользуются православные христиане в Османской империи, ни обязательств Порты в ее прежних заявлениях о том, что эти христиане будут пользоваться преимуществами, признаваемыми за христианами других исповеданий, как это изложено в венской ноте и в ольмюцких разъяснениях; 4) наши прежние трактаты, от Кучук-Кайнарджийского до Адрианопольского, будут сохранены и подтверждены.

Инструкция уполномочивала герцога Мекленбургского заявить, что император Николай готов, принимая на вышеизложенных условиях участие в конференции, которая должна собраться в Берлине, прекратить военные действия и повелеть своим войскам очистить Придунайские княжества одновременно с оставлением англо-французскими сухопутными и морскими силами Черного моря и проливов.

Герцог Мекленбургский, приехав в Берлин, встретил самый дружественный прием у короля, который немедленно выразил согласие сообщить западным Кабинетам и поддержать перед ними наши предложения. Он просил герцога остаться в Берлине до получения ответов и старался оправдать образ действий Австрии ее опасениями и отсутствием решительности. Король указывал на необходимость связать ее с Пруссией, так как в противном случае Австрии останется лишь броситься в англо-французские объятия, а Пруссия останется окончательно изолированной¹⁸. Беседы герцога Мекленбургского с королем и с приближенными к нему лицами вращались вокруг прусско-австрийского союзного договора, о заключении которого хлопотал приехавший в то время в Берлин генерал Гесс. Герцог пытался убедить своих собеседников, что заключение договора, которым Австрия сохраняет за собой свободу действий, по необходимости вовлечет Пруссию в сферу чуждых ей

*Прислуга щеголевской
батареи*

интриг, но попытки его имели лишь частичный успех. Король «оплакивал» подписание Венского протокола 9 апреля, но решительно заявил, что ему невозможно устраниваться от венских конференций. Удалось достигнуть лишь только того, что договор не принял характера прямо неприязненного по отношению к нам акта и что Пруссия уклонилась в заключенной 20 апреля конвенции от обязательства вооруженной поддержки Австрии вне случайностей, точно определенных в добавочной статье договора.

Отрицательные ответы Лондонского и Парижского кабинетов на примирительные предложения русского правительства не заставили себя ждать. Наш кабинет был извещен о них целым рядом сообщений через прусского посла генерала Рохова. Граф Нессельроде, представляя государю эти документы, выразил мнение, что всякая дальнейшая с нашей стороны попытка к примирению не может более привести к какому-либо результату. Император Николай разделял мнение своего канцлера, написав на докладе: «Вполне разделяю ваш взгляд. Все это смешно и недопустимо, словом, лишено здравого смысла. Я сделал все, что был должен и мог сделать. Я не могу сделать ничего более. Бог решит дело, и я подчинюсь Его воле»¹⁹.

Когда же вслед за тем государю была представлена копия Венского протокола 9 апреля, сообщенная нашему кабинету прусским поверенным в делах, то он ограничился замечанием: «Это достойно жалости (pitoyable), но ни в чем не изменяет моих решений»²⁰.

Несколько дней спустя был заключен и австро-прусский наступательный и оборонительный договор. Король доверил копию этого акта герцогу Мекленбургскому, а наш посол в Берлине барон Будберг прислал канцлеру²¹ прусский проект договора с изменениями, введенными в его текст по настоянию Австрии²². Барон Будберг отмечал, что сравнение текстов указывает на различие в целях, которые преследовались сторонами. В то время как Австрия стремилась к возобновлению конвенции 1851 года и к обеспечению себе вооруженной помощи Пруссии, эта последняя имела в виду лишь удержать Австрию от дальнейшего сближения с западными державами. Барон Будберг в своем толковании умиротворяющего поведения Пруссии ссылался на ст. V договора, которая

запрещала сторонам самостоятельно вступать в соглашения, противные его началам. Это обстоятельство предупреждало будто бы возможное сближение Австрии с Францией и Англией. Приведенное доказательство не показалось императору Николаю убедительным, и государь, читая депешу барона Будберга, отметил соответствующее место двумя восклицательными знаками.

Герцог Мекленбургский дождался в Берлине подписания австро-прусского союзного договора. Он донес государю письмом от 11 (23) апреля²³, что король прусский смотрит на заключение этого договора как на единственное средство отвести Австрию от союза с нашими врагами. Прусский кабинет, писал он, и генерал Гесс заключили не только договор, но и добавочную статью, а также и особое «толкование», которое, впрочем, наши друзья находят недостаточным, хотя все зависит от того, насколько король будет тверд в своих намерениях. В конце своего письма герцог Мекленбургский прибавлял, что король Фридрих-Вильгельм отправит в Вену заявление, излагающее прусскую точку зрения на значение заключенного договора. Несмотря на несогласие короля последовать совету герцога и отказаться от подписания добавочной статьи, этот последний поздравлял герцога с существованием австро-прусского договора, так как «все новые известия плохи». Действительно, обстановка была, по словам герцога, такова, что второстепенные германские государства, и в особенности Бавария и Виртенберг, хотя и склонные к нейтралитету Германского союза, отказались бы последовать за одной Пруссией. К тому же в Вену к этому времени прибыли австрийский посол в Париже и личный друг Людовика-Наполеона барон Гюбнер и из Лондона герцог Кембриджский. Очевидно, что в этом случайном центре европейской политики что-то совершалось. Отказ Пруссии в заключении договора с Австрией или привел бы ее к необходимости подписать этот договор под совместным давлением Франции и Австрии, или же оставил бы Пруссию изолированной, бросая Австрию в направленные против нас объятия Франции.

Барон Мантейфель определенно заявил нашему послу барону Будбергу, что договор в том виде, в каком он был заключен, не связывал Пруссию до такой степени, чтобы лишить ее возможности поддерживать с нами дружественные отношения²⁴. Прусский министр утверждал далее, что Австрия будет настаивать перед нами на очищении княжеств, но должна будет, получив наше согласие, предъявить аналогичное требование и западным державам. Австрия могла добиваться от нас обещания приостановить военные действия, она могла даже в крайнем случае активно вмешаться в войну, но как барон Мантейфель, так и генерал Герлях уверяли барона Будберга, что Австрия категорически обязалась не предпринимать наступления на русскую территорию и не занимать своими войсками Сербию и Боснию.

В крайнем случае она могла лишь оккупировать Валахию. Вообще же целью этой державы был вызов в нашем Кабинете неуверенности, которая могла бы способствовать скорейшему заключению мира.

Заслуживает внимание донесение графа Бенкендорфа²⁵, который во время свидания с генералом Врангелем услышал от последнего в высшей степени тревожные известия. Генерал виделся с возвратившимся из Вены владетельным герцогом Саксен-Кобургским, который ему передал, что Австрия дольше ждать не может. «Ей необходима,— говорил герцог,— эвакуация княжеств. Если Россия не склонится к этому, то Австрия решила объявить ей войну. К 20 июня у нее в Венгрии, Трансильвании, Буковине и Галиции будет 275-тысячная армия, готовая перейти границу. Сам император станет во главе ее, обратившись за содействием к Пруссии и к Германскому союзу и приглашая их перевести армию на военное положение. Едва ли Пруссия последует этому приглашению, но часть Германии сделает это, и тогда Пруссия волей-неволей принуждена будет вступить в борьбу с Россией». Герцог добавлял, что приведенные слова он слышал непосредственно от императора Франца-Иосифа.

Несмотря на то что сообщение о принятых в Вене решениях исходило от лица, известного своей неприязнью по отношению к императору Николаю (герцог Саксен-Кобургский был автором памфлета, направленного против государя), оно имело все признаки достоверности. Австрия была решительным противником освободительных планов императора Николая на Балканском полуострове и опасалась как роста русского влияния среди тамошних славян, так и особенно возбуждения подвластных ей самой славянских народностей.

Император Франц-Иосиф пригласил прусского короля в Тешен. Свидание монархов ни в чем не изменило, как сообщал барон Будберг²⁶, ни взглядов австрийского императора, ни политики графа Буоля, «для которого жалобы на нас являются лишь предлогом для сближения с Францией».

В действительности дело обстояло несколько иначе. Из сообщенной нашему Кабинету депешы прусского посла в Париже графа Гацфельда барону Мантейфелю²⁷ видно, что хотя французское правительство и радовалось заключению австро-прусского союзного трактата, надеясь, что обе германские державы будут вовлечены ходом событий далее, чем предполагают, но сомневалось, однако, в этом. «Было бы величайшим несчастьем,— говорил Друэн де Люис Гацфельду,— если бы Петербургский кабинет удовлетворил Австрию ранее, чем русское могущество будет значительно ослаблено». Французский министр даже запугивал Австрию тем, что если Россия не будет ослаблена, то ничто не помешает ей по заключении мира с западными

державами отомстить германским дворам. «Надо довести ослабление России,— повторял Друзен де Люис,— до того, чтобы отмщение стало невозможным».

Приведенного достаточно, чтобы заключить, что Австрия в то время не преследовала общих с западными державами целей, а исключительно заботилась о своих собственных, правильно или неправильно понимаемых, интересах. Прусское правительство, сообщая нашему кабинету депешу генерала Гацфельда, имело в виду склонить нас к удовлетворению австрийских требований об эвакуации княжеств.

Король Фридрих-Вильгельм, возвратившись из Тешена, отправил в Петербург облеченного своим особым доверием полковника Мантейфеля, который должен был изложить государю взгляды прусского монарха. Император Николай, выслушав сообщение, послал 7 июля графу Нессельроде собственноручную записку следующего содержания²⁸:

«Насколько я мог понять смысл и значение намерений прусского короля, которые полковнику Мантейфелю было поручено мне передать, то они таковы: 1) король желает, чтобы наш ответ Австрии был составлен в примирительных выражениях, оставляющих открытым путь к дальнейшим переговорам; 2) далее, король желал бы найти мотив считать ответ удовлетворительным, не дающим повода, по крайней мере по мнению короля, к разрыву между Россией и Австрией; 3) король считал бы себя в этом случае свободным от обязательств заключенной с Австрией конвенции, требующей от него содействия в случае русского нападения на австрийскую территорию; 4) король, признавая в этом вопросе начало взаимности, желает, однако, чтобы мы, считая это начало необходимым исходным пунктом, не ставили точных условий, а предоставили бы их будущим переговорам, которые должны вытекать из первоначального соглашения.

Вот все, что я мог понять. Поэтому настоящую записку надлежит показать г. Мантейфелю и спросить его, хорошо ли я изложил то, что ему было поручено передать. Не находит ли он нужным что-либо изменить или добавить, но письменно, чтобы избежать всяких недоразумений и чтобы сохранить записку как документ.

Раньше этого мне остается разъяснить еще два существенных пункта: 1) прусский король обязуется ответить нам: если

Канониры щеголевской батареи

Австрия перейдет, под предлогом позднего ответа, к военным действиям или если это уже совершается, то будет ли король считать себя связанным обязательством действовать сообща с Австрией в том случае, если военные операции, по причине несвоевременного нападения, приведут наши войска на австрийскую территорию? 2) Если король признает наш ответ удовлетворительным, а Австрия не признает его таковым и будет нас атаковать или если это уже совершается, то будет ли король считать себя обязанным защищать ее территорию или нет? Казалось бы, если король не признает справедливости австрийского нападения, то он не может, не противореча себе, оказывать ей помощь в том, что считает несправедливым. Вот пункты, которые необходимо выяснить вполне... Без уверенности в них ничего невозможно сделать».

В то время когда в Петербурге писалась приведенная записка, король Фридрих-Вильгельм отправлял государю собственноручное письмо²⁹. В нем король прусский определенно заявлял, что Австрия не займет никаких турецких областей, за исключением Придунайских княжеств, от занятия которых она может отказаться лишь в том случае, если наш ответ на австрийские предложения не отнимет у нее всякого для этого предлога. Фридрих-Вильгельм просил государя о доброжелательном ответе (*réponse bienigne*) на требование Венского кабинета и гарантировал, что это поведет к тому, что дела в Вене примут лучший оборот. Он уверял далее, что император Франц-Иосиф сердечно предан государю (*Vous rend son sojg*) и что он будет в Париже и Лондоне защитником его интересов, а главное, ничего не предпримет против России.

«Непосредственная опасность отказа, — пишет граф Нессельроде в своем всеподданнейшем отчете за 1854 год, — стала ясной, и мы не могли скрывать ее перед собой. Наш отказ не только обратил бы против нас Австрию, но на ее путь увлек бы Пруссию и Германию, которым мы отказали бы в уступке, правильно или неправильно считаемой ими открывавшей дорогу к миру. Удовлетворяя желаниям германских государств, мы, наоборот, хотя и не оставляли Австрию, но по крайней мере могли надеяться (как это было доньше) помешать Пруссии и Германии до конца следовать неприязненным намерениям Венского кабинета. Эти мотивы были причиной тому, что государь принял во внимание советы своего августейшего шурина и в Австрию был отправлен ответ, который оставлял открытым возможность дальнейших соглашений».

В ответе нашего Кабинета указывалось³⁰, что «мы были бы расположены добровольно очистить княжества, если бы получили от венского двора гарантии безопасности». Гарантии эти заключались в двух пунктах: во-первых, Австрия должна была обеспечить нам, на случай очищения русскими войсками княжеств, наступление

перемирия, и, во-вторых, она должна объявить себя, вследствие последовавшей эвакуации, свободной от обязательств, принятых ею по отношению к другим державам, и нейтральной на случай возобновления военных действий. Кроме того, наш Кабинет требовал, чтобы эти гарантии были даны в письменной форме и были бы подтверждены Пруссией и Германией.

Канцлер одновременно с этим официальным ответом отправил нашему новому послу в Вене князю А. М. Горчакову другую депешу³¹. В ней он объяснял, что княжества стали для нас, независимо от того, какова бы ни была первоначальная цель их занятия, известной стратегической позицией с тех пор, как Турция объявила нам войну. Таким образом, при сложившейся новой обстановке очищение княжеств представляется для нас в военном отношении явной потерей, которая должна быть во имя справедливости соответствующим образом уравновешена. Граф Нессельроде, упомянув далее о Венском протоколе 9 апреля, добавил, что государь не только не стремится ни к завоеваниям, ни к разрушению Оттоманской империи, но, напротив, готов признать три начала протокола: неприкосновенность Турции, очищение княжеств и обеспечение прав турецких христиан. Канцлер не упомянул о четвертом пункте протокола, о связи «существования Оттоманской империи с общеевропейским равновесием», т. е. об исключении из норм действовавшего международного права преимуществ, признанных за нами Кучук-Кайнарджийским и Адрианопольским трактатами.

Канцлер давал князю Горчакову свои указания в то время, когда Австрия вступила уже с Оттоманской Портой в формальный договор, который имел целью не только достигнуть вывода наших войск из княжеств, но и осуществить пропущенный графом Нессельроде в вышеприведенной депеше пункт Венского договора от 9 апреля.

14 июля по новому стилю состоялось заключение Австро-Турецкой конвенции следующего содержания³²:

«Ст. 1. Его Величество император австрийский обязуется исчерпать все дипломатические средства для достижения эвакуации Придунайских княжеств занимающими их иностранными войсками и, в случае необходимости, даже ввести в дело для достижения этой цели надлежащее число войск.

Ст. 2. Направление военных действий в этом случае будет исключительно зависеть от командующего императорскими войсками. Тем не менее этот последний в надлежащее время будет сообщать о ходе операций главнокомандующему оттоманской армией.

Ст. 3. Его Величество император австрийский обязуется восстановиться в согласии с оттоманским правительством в княже-

ствах, насколько возможно, правовое положение в управление этими странами в соответствии с привилегиями, признанными Блистательной Портой. Восстановленные, таким образом, местные власти не будут распространять своих действий на контроль за императорской армией.

Ст. 4. Кроме того, императорский австрийский двор обязуется не входить с императорским российским двором ни в какое соглашение, которое не исходило бы из начала признания суверенных прав султана и неприкосновенности его империи».

Последние три статьи определяли порядок очищения княжеств австрийскими войсками после заключения мира между Россией и Турцией, условия содействия турецкими властями передвижениям, расквартированию и снабжению австрийских войск и, наконец, порядок ратификации заключенной конвенции.

После этого является вполне естественным, что депеши графа Нессельроде не могли встретить вожеленного единомыслия в Австрии, зашедшей слишком далеко по пути соглашений с Портой и морскими державами. Тем не менее император Франц-Иосиф, принимая от князя Горчакова в частной аудиенции его верительные грамоты³³, высказал мнение, что обязанности государя никогда не казались ему столь тяжкими, как при обстоятельствах, столь противоречащих чувствам сердца. Хотя Франц-Иосиф и не подтвердил при этом надежды, которую высказал наш посол, что ответ Петербургского кабинета должен удовлетворить австрийского монарха, но заметил, что в этом ответе заключается «зерно соглашения». Император уверял дальше, что приказ австрийским войскам вступить в Валахию не включает никакой враждебной по отношению к нам мысли и обусловлен только решенной уже нами эвакуацией в этой области русских войск. Австрийская армия не вступит в пределы Валахии до тех пор, пока они там находятся.

Что касается графа Буоля, то он заявил нашему послу, что Венский кабинет сделает соответствующие представления Франции и Великобритании и исследует, насколько они расположены к перемирию, ведущему к полному умиротворению. Он предвидит, что морские державы потребуют гарантий в том, что перемирие не явится лишь средством выиграть время. Венский кабинет сообщит после рассмотрения и выдвигания требуемых гарантий свое мнение в Петербург. Австрийское правительство будет ожидать нашего ответа, но во всяком случае оно сохранит за собой свободу действий в будущем, воздерживаясь, однако, до разъяснения вопроса от всякой демонстрации. Граф Буоль предупредил, что он считает необходимым сообщить западным державам точный текст нашего ответа, и добавил: «Наше положение таково, что для нас невозможно особое соглашение с вами. Мы не можем отделиться от западных держав до тех пор, пока не будет достигнута наша общая с ними

цель. Она состоит в неприкосновенности Османской империи и в добром, твердом и надлежащем мире... Мы не можем быть ни посредниками, ни судьями. Мы заинтересованная сторона».

Князь Горчаков заметил на это австрийскому министру, что он напрасно отказывается от роли, которой никто ему и не предлагает, и если граф Буоль видит русского посла, мирно и дружелюбно к соглашению расположенного, то это происходит от осознания последним наших потенциальных сил. Князь Горчаков писал далее, что в Вену прибыл от имени

*Артиллерист щеголевской
батареи*

короля прусского граф Альвенслебен с поручением содействовать к принятию Австрией на себя задачи сообщить западным державам наш ответ, который признавался Пруссией удовлетворительным³⁴.

Вообще нашему послу казалось, что дела принимают лучший оборот. В депеше от 30 июня (12 июля)³⁵ он не только отмечал, что император Франц-Иосиф «начинает осваиваться с идеей возможности отойти от западных держав», но и высказывал убеждение, что «граф Буоль не так дурен, как мы думали». («Не верю», — написал государь против этой фразы депеши.) Далее князь Горчаков распространялся о том, что Пруссия, признав наш ответ удовлетворительным, может рассчитывать на остальную Германию, и это обстоятельство крайне озабочивает Австрию. От его внимания не ускользнула также перемена тона австрийской печати, умерившей свои нападения на Россию. Оптимистическому содержанию депеши несколько противоречило ее заключение, в котором князь Горчаков упоминал о словах, сказанных ему графом Альвенслебеном. «Несомненно, — сказал граф, — что с вашим приездом наступит видимый поворот, но я ему не доверяю».

Несколько иначе события освещал наш военный агент в Вене граф Штакельберг. Он, между прочим, писал³⁶, что приостановка вступления австрийских войск в княжества, с одной стороны, обусловлена известием, что русская армия еще не очистила их, а помериться с нашими войсками австрийцы были не в состоянии; с другой же стороны — сомнениями в том, последует ли Пруссия в могущих возникнуть осложнениях за Австрией. Нам не следует поэтому предаваться иллюзиям о возрождении прежних чувств, о по-

каянии и благодарности, а сказать, что любезный прием, оказанный князю Горчакову, есть только последствие рассудительности. («Bravo,— пометил государь.— Bien jugé, bien dit. C'est tout a fair ce que je pense et j'y reste».) Впрочем, граф Штакельберг замечал, что ни военная неподготовленность Австрии, ни ее тревожное внутреннее положение не остановят ее на избранном пути содействия западным державам, пока германские интересы будут затронуты нашей оккупацией княжеств.

Однако князь Горчаков очень быстро сориентировался в окружающей обстановке и сообщил³⁷ в частном письме канцлеру, что «мы должны приготовиться ко всем, даже худшим, случайностям», что между графом Буолем и графом Альвенслебеном произошел разговор, в котором первый распространялся о французской идее протектората над княжествами; в случае же отказа Пруссии Венская конференция соберется в составе представителей трех держав. Но Пруссия заметно шла от уступки к уступке, от жертвы к жертве в пользу австрийских домогательств. Князь Горчаков высказывал опасение, что граф Буоль, получив отрицательные, как надо ожидать, ответы из Парижа и Лондона, соберет конференцию для того, чтобы принять к сведению совершившийся факт и заявить, что от Франции и Англии более добиваться нечего.

Наш посол отмечал далее, что Австрия и Пруссия пришли к соглашению относительно текста предложений, которые они совместно сделают германскому сейму во Франкфурте в связи с заключенным ими 20 апреля союзным договором. Хотя в эти предложения и были введены некоторые фразы Бамбергской декларации германских государств, но суть предложений от этого несколько не изменилась.

Декларация, о которой упомянул князь Горчаков, была провозглашена в конце мая второстепенными германскими государствами, которые ввиду разногласия между Австрией и Пруссией решили самостоятельно определить основания политики Германского союза. Вопрос о положении, которое займет союз ввиду конфликта, естественно, возник еще в 1853 году, после объявления нам Турцией войны. Австрия и Пруссия не могли сговориться между собой относительно совместного предложения союзному сейму, хотя бы только в том смысле, что бы оно ограничивалось заявлением об общих усилиях с целью восстановления мира. В особенности Австрия настаивала на упоминании о необходимости решительной защиты ее двойных интересов великой державы и члена союза; Пруссия же удовлетворялась заявлением о своем намерении способствовать умиротворению. Это разногласие, подчеркнутое видимым сближением Австрии с западными державами, вызвало во второстепенных германских государствах опасение быть вовлеченными в войну, причем опасения эти возросли с того момента, когда

стал известен прусско-австрийский союзный трактат от 20 апреля 1854 года. Незадолго до этого договора граф Нессельроде разослал нашим представителям при германских дворах циркулярную депешу³⁸, в которой разъяснял, что целью нашего Кабинета является предотвращение всеобщей войны и желание предостеречь германские дворы от того, чтобы они не поддавались стремлениям Франции и Англии вовлечь их в общеевропейский конфликт. Для чего государствам Германского союза следовало объявить себя строго нейтральными. Штутгартский и Мюнхенский кабинеты, и в особенности последний, имея в виду свои династические интересы в Греции, склонялись к мнению, что необходимо противостоять течению, увлекающему Германию в водоворот военных потрясений. Саксония предполагала сама предложить сейму объявить союз нейтральным, Ганновер же провозгласил себя самостоятельно нейтральным. Все эти государства, а также великие герцогства Баденское и Гессенское выработали в согласии с более мелкими владельческими дворами на совещаниях в Бамберге декларацию, состоявшую в следующем³⁹.

1) Эвакуация русских войск из княжеств не соответствовала бы германским интересам без сопровождения ее перемирием и одновременным отступлением других воюющих сторон; 2) каков бы ни был ответ России на ультиматум, который ей предъявлен, Германский союз должен быть допущен к рассмотрению этого ответа, а также участвовать в качестве европейской державы в будущих мирных переговорах; 3) интересы Германии состоят не только в свободном судоходстве по Дунаю, но и вообще в свободе торговли на всех водных путях к Черному морю, и наконец, 4) условиями присоединения Германского союза к Австро-Прусскому договору являются действительное обеспечение прав восточных христиан и неприкосновенность Греции.

Приведенные нами выше депеши князя Горчкова и графа Штакельберга были предметом доклада канцлера государю⁴⁰. Граф Нессельроде находил, что донесения наших агентов из Вены заключают лишь изложение противоречивых впечатлений и мнений, но что сами противоречия свидетельствуют о колебании Австрии, которое дает нам время для подготовки к событиям. Канцлер замечал, что неопределенность можно будет рассеять только по возвращении в Берлин посланного прусским королем к императору Францу-Иосифу подполковника графа Мантейфеля.

Известия из Вены продолжали быть тревожными. Князь Горчаков сообщал⁴¹, что граф Буоль заявил своим приближенным: «Самое позднее, что мы начнем военные действия через три недели. Ответ, который мы пошлем в Петербург, вследствие полученных из Парижа и Лондона заключений, совпадает с отзыванием Эстергази». Вместе с этим князь Горчаков писал об отправлении нашего

*Султан на параде дивизии принца Наполеона
в Константинополе*

ответа австрийским послам в Париже и Лондоне одновременно с даваемыми им инструкциями, содержание которых граф Буоль не намеревался сообщать ни князю Горчакову, ни австрийскому представителю в Петербурге графу Эстергази. Впрочем, инструкции эти стали известны нашему послу благодаря графу Альвенслебену и состояли в том, что австрийское правительство, находя в признании Петербургским кабинетом трех пунктов протокола от 9 апреля зерно справедливого соглашения, приглашает, несмотря на умолчание о четвертом пункте, западные державы принять русский ответ в самое серьезное внимание и уповаает на то, что их решения не лишат Австрию надежды на горячо желаемый ею мир. Венский кабинет, не предвосхищая их решений, полагал, что требование эвакуации войска из княжеств будет первым условием морских держав. В инструкции не было ни слова сказано о том, что Австрия не окажет союзникам содействия, если требования их зайдут слишком далеко, хотя граф Буоль и уверял князя Горчакова, что в этом именно и заключалось значение инструкций, данных им послам в Лондоне и Париже⁴².

Сведения, полученные князем Горчаковым от подполковника графа Мантейфеля, не были утешительны. Наш посол предупредил графа Ридигера⁴³ о вероятности разрыва с Австрией и рекомендовал в случае вторжения австрийцев в наши пределы немедленно сообщить об этом государю и королю прусскому, который не присоединится к Австрии, если будет установлено, что нападение последует с ее стороны. Впрочем, на следующий день граф Буоль уверил нашего посла, что венский двор не предпримет по получении ответов из Парижа и Лондона никакой решительной меры без предварительного сношения с Петербургом⁴⁴.

Днем позже состоялась новая беседа князя Горчакова с австрийским министром⁴⁵. На вопрос нашего посла, какое значение приписывается Венским кабинетом четвертому пункту протоко-

ла от 9 апреля о связи политики Турции с общеевропейским равновесием, граф Буоль не дал определенного ответа. Беседа перешла на тему оккупации австрийцами княжеств. Граф Буоль утверждал, что Австрия никогда не даст повода к войне с Россией. Князь Горчаков заметил на это, что если генерал Гесс, вступая в княжества, попросит нашего главнокомандующего очистить страну, а последний ответит, что он остается на своих позициях, и австрийцам придется нас атаковать, то такое положение вещей приведет к войне. «Нет, войны не будет,— ответил на это австрийский министр.— Мы только исполним обязанность заставить вас освободить территорию, занятую вами в нарушение трактатов. Как только этот результат будет достигнут, а это вопрос чести для нашего государя, то мы остановимся у ваших границ, ни в каком случае не переходя их. Напротив, если вы в виде репрессии вступите на нашу территорию, то вы и будете нападающей стороной, а тогда против вас восстанет весь Германский союз, который, как я узнал сегодня по телефону, присоединился к конвенции от 20 апреля⁴⁶.

Князь Горчаков продолжил беседу. Он указывал, увлекаясь «теорией и географией», на возможные в будущем пагубные для Австрии последствия ее политики. Рано или поздно, говорил он, мир восстановится, и у Австрии навсегда останется в лице России могущественный сосед, который будет помнить кровавую обиду. Это не угроза, добавил наш посол, а просто аргумент.

Граф Буоль был, видимо, поколеблен. Он в дружеском тоне заметил: «Бьет предпоследний час. Я вам благодарен за откровенность друга. Оставим в покое войну и займемся миром. Я надеюсь, что мы его достигнем». Далее он начал разъяснять, что сделанное им указание западным державам на требование освобождения княжеств не должно вызывать упреков в неблагодарности Австрии, так как Россия уже выразила намерение очистить эти области.

«Нам нужно,— добавил граф Буоль,— не обещание, но самый факт эвакуации. Дело идет о чести императора, и я желал бы избежать необходимости потребовать очищения в определенный срок».

Отношения становились, видимо, обостренными. Когда князь Горчаков обратился с просьбой о предоставлении ему новой аудиенции у Франца-Иосифа для вручения ответа государя на извещение о браке австрийского императора, то он получил записку от графа Буоля, в которой этот последний сообщал, что ответ может быть передан через министра, так как император пребывает вне города и лишь изредка приезжает в столицу⁴⁷.

Французский кабинет наконец заговорил, хотя заявления его, о которых князь Горчаков узнал в Вене, еще нельзя было считать окончательными⁴⁸. В Париже наши предложения находили недостаточными для вступления в мирные переговоры и со своей сторо-

ны ставили условием таких переговоров предварительное принятие нами следующих четырех пунктов: 1) пересмотр трактатов, заключенных Россией с Портой; 2) отречение от протектората над княжествами; 3) обеспечение прав христиан и 4) свобода судоходства по Дунаю. Тюльрийский кабинет добавлял к этому, что он оставляет за собой свободу ставить в течение дальнейших переговоров еще новые условия. Граф Буоль решил, по сведениям князя Горчакова, обменяться взглядами с Прусским кабинетом и запросить французское правительство о более точном изложении его предложений. В другой депеше, отправленной в тот же день⁴⁹, князь Горчаков изложил четыре пункта следующим образом:

- 1) пересмотр трактата 1841 года;
- 2) замена русского протектората в княжествах европейской гарантией;
- 3) свобода судоходства по Дунаю;
- 4) отмена протектората, осуществляемого державами в пользу своих единоверцев разных исповеданий, и установление общей гарантии прав и преимуществ христиан.

Князь Горчаков сообщал далее, что Англия присоединилась к французским заявлениям и что граф Буоль запросил морские державы, согласны ли они на перемирие, если Россия примет изложенные выше пункты. Франция ответила утвердительно; после же некоторого колебания к ней присоединилась и Англия. Граф Альвенслебен передал князю Горчакову слышанное от графа Буоля заявление, что если Петербургский кабинет примет четыре пункта, а морские державы откажутся от перемирия или от серьезных мирных переговоров, то Австрия отступится от них и перейдет на нашу сторону. Наш посол, не придавая слишком большого значения словам австрийского министра, заметил лишь, что они являются показателем двойственности течений в венских решающих кругах, причем дело клонится всегда к соглашению, когда император Франц-Иосиф действует по собственному побуждению.

Князь Горчаков представил канцлеру по поводу предложенных нам четырех пунктов обширные материалы, состоявшие из его письма к графу Нессельроде и двух приложений, лит. А и В⁵⁰. В письме, которое являлось вступлением к двум упомянутым документам, наш посол отметил, что вопрос о дальнейшем образе действий Австрии поставил бы в затруднение не только его, но, быть может, и саму Австрию. Далее князь Горчаков, коснувшись того, что Великобританский кабинет был бы рад нашему отказу от принятия четырех пунктов, так как это дало бы ему возможность взять назад свое на них согласие, находил, что, в сущности, пункты, выдвинутые западными державами, особой опасности для нас не представляют. Трактат 1841 года, по его словам, не являлся предметом особой заботы с нашей стороны в отношении сохранения его непри-

косновенности. Статья о свободе судоходства по Дунаю также уже принята нами. Остается только четвертый пункт, говорящий о гарантии прав христианских исповеданий. В нем, собственно, и заключалось все дело («с'est la clef de la voûte»), но «я уверен, — писал Горчаков, — что государь никогда не позволит, чтобы наши единоверцы были менее обеспечены *после*⁵¹ тех великих жертв, которые мы принесли для их пользы, чем они были обеспечены *ранее* этих жертв». Важность четвертого пункта зависела, по мнению нашего посла, от той редакции, которая будет ему придана, а значение его определится дальнейшей практикой. «Я думаю, — продолжал дальше князь Горчаков, — что всякая овца найдет своего пастыря, и никакие громкие фразы о коллективной гарантии не помешают ни одному православному прежде всего обратиться к представителю России. Если эти представители хорошо будут исполнять свой долг, то число тех, которые ныне произносят “Боже, Царя храни”, не уменьшится ни на одного».

Князь Горчаков, повергая к стопам монарха возможность судить об его, князя Горчакова, прозорливости (*perspicacité*), подчеркивал лишь свое уверение в том, что государь найдет во всем сказанном автором записок «русское сердце и русское чувство» («*le sжur et la veine russe*»).

Приложение лит. А⁵² начиналось указанием, что цель войны заключается в укреплении на твердых основаниях прав наших балканских соплеменников православного исповедания. Если эта цель может быть достигнута согласием великих держав, обусловленным распространением такого укрепления прав и на другие христианские вероисповедания, то ничто не препятствует заключению мира. Требование Австрии об освобождении княжеств нами уже в принципе принято, но только оно должно быть оформлено так, чтобы не вызвать ущерба нашему достоинству. Протекторат над княжествами являлся для нас в материальном отношении предметом постоянных забот и затруднений и при этом создавал призрак нашего участия в злоупотреблениях господарей. В нравственном отношении он действительно оказывал влияние на воображение христианских народностей Турции, хотя в сущности протекторат над испорченными и дикими (*bâtardes*) валахами и молдаванами менее важен, чем престиж в глазах балканских народностей нашей расы. Потому отречение от формального протектората над княжествами, при условии освобождения их от всякого протектората, не представило бы особых затруднений. Если это отречение обусловить еще очищением Сербии от турецких гарнизонов, то наш престиж среди балканских славян не только не умалился бы, но, наоборот, возвысился бы в крупных размерах.

Вообще результаты всяких соглашений следует оценивать, по мнению князя Горчакова, с практической точки зрения. История и

Парад союзников

географическое положение дают России преимущества, которые невозможно уменьшить никакими письменными соглашениями. На предполагаемый мир надлежит смотреть только как на перемирие. Будущий конфликт неизбежен, но для него мы будем иметь в выигрыше время и запас политической мудрости, которые дадут нам возможность подготовить другую почву.

Государь, соглашаясь, по существу, со всеми рассуждениями князя Горчакова, выразил, однако, в собственноручных отметках, сделанных на полях письма, мнение, что естественным прекращением русского протектората в княжествах может быть только их полное освобождение от турецкого владычества, т. е. их независимость.

В приложении лит. В⁵³ князь Горчаков подчеркивал, что Австрия, несомненно, вновь поднимет вопрос об освобождении нами княжеств. Она может сделать это в форме, оставляющей открытой возможность дальнейших переговоров, или в форме решительного требования, несовместимого с нашей военной честью. Князь Горчаков советовал в этом последнем случае не давать никакого ответа, но покинуть княжества, развернув армию у Прута. Такой образ действий, не связывая нас ничем в будущем, поставил бы Австрию в крайне затруднительное положение, которое заставило бы ее вскоре искать исхода в мирных переговорах уже по ее лично почину.

Эти мысли князя Горчакова получили полное одобрение государя, который испещрил труд нашего посла в Вене собственноручными пометками: «fort bien», «parfait» и «juste».

Эвакуация наших войск из княжеств совершалась молчаливо, как необходимая стратегическая мера, без принятия каких-либо обязательств и без какого-либо дипломатического акта, который мог бы свидетельствовать, что она происходит в удовлетворение чьим-либо требованиям. Армия князя М. Д. Горчакова отходила на Прут, никем не преследуемая и не разбитая, во всеоружии и в полном спокойствии, имея целью занятие новой стратегической позиции, которая была избрана верховным ее вождем для отражения возможного нападения с Запада. Австрийский кабинет был уведомлен о начавшейся эвакуации лишь несколькими словами князя Горчакова, подтверждавшими только сам факт отхода наших войск из княжеств.

Граф Нессельроде телеграфировал князю Горчакову в Вену⁵⁴, что «эвакуация должна быть рассматриваема как стратегическая необходимость и ни в каком случае — как уступка Австрии». Нашему послу поручалось заявить Венскому кабинету, что выступление русских войск из княжеств лишает сосредоточение австрийских сил всякого мотива, и если оно будет продолжаться, то наше правительство вынуждено будет усматривать в этом признак воинственных стремлений и не замедлит со своей стороны принять соответствующие меры. Князь Горчаков уведомил наш Кабинет в ответ на эту телеграмму⁵⁵, что известие об эвакуации произвело в Вене благоприятное впечатление, и отметил, что решение государя «удесятило силу нашего политического и военного положения». Но император Николай не так легко уже поддавался уверениям Австрии в ее добрых чувствах.

«Faites savoir a Gortchakoff, — поместил государь на докладе графа Нессельроде, — que je n'ajoute aucune foi a la sincérité de l'Autriche; qu'il se tient fortement en garde de surprise et suit en tous points le programme de la note Lit. B, que j'adopte complètement»⁵⁶.

Граф Буоль, приняв к сведению наше сообщение об эвакуации и выразив свою радость по этому поводу, заявил, в свою очередь, князю Горчакову, что Австрия намерена для охранения в них порядка ввести в Валахию две бригады своих войск и желала бы осведомиться, насколько это соответствует видам императора Николая⁵⁷. Государь повелел немедленно ответить, что он не входит в вопрос о том, займут ли австрийские войска княжества после нашего ухода, так как эвакуация происходит единственно потому, что государь признает ее своевременной, а не по каким-либо другим мотивам⁵⁸. Князю Горчакову вновь рекомендовалось при этом неуклонно держаться позиции, выработанной в его записке лит. В и блюсти полную осторожность.

Наш образ действий вызвал в венских политических кругах ту тревогу, которую предвидел князь Горчаков и на которую указывал в своей записке. Генерал Гесс старался в беседе с нашим военным

агентом графом Штакельбергом уверить, что эвакуация войск повлекла за собой приостановку сосредоточения или даже отвод австрийских войск от наших границ, но в то же время он предостерегал, что дальнейшие мероприятия в этом направлении последуют лишь после более подробных объяснений нашего Кабинета в письменной форме, а не путем сообщения краткого содержания телеграфной депеши⁵⁹. Граф Штакельберг выражал со своей стороны мнение, что указания генерала Гесса о принятии австрийскими военными властями мер для приостановки подготовки к войне несущественны, так как подготовка в действительности продолжается. Он полагал, что нам и впредь следует держаться выжидательного образа действий, чтобы заставить Австрию или разоряться на непосильное для нее содержание на военном положении крупных сил, или броситься в войну, которая приведет ее к банкротству и революции⁶⁰.

Несомненно, что Венский кабинет сознавал всю опасность двойственности своей политики, которая привела к крайнему напряжению его отношений с нами. Поведение, которого придерживался князь Горчаков в вопросе об эвакуации, ясно показывало австрийским государственным деятелям, что Венский кабинет не может более рассчитывать ни на какое доверие в Петербурге.

Это сознание отчужденности в связи с заботой противодействовать во имя австрийских интересов росту нашего влияния среди славян и вообще на Балканском полуострове привело Венский кабинет к более тесному единению с западными державами. Оно выразилось в сделанном графом Буолем заявлении французскому и английскому правительствам, которое стало нам известно через Берлинский кабинет⁶¹. В этом заявлении граф Буоль излагал содержание четырех пунктов и потом добавлял: «Нижеподписавшийся уполномочен заявить, что его правительство принимает к сведению решение Франции и Англии не входить с императорским Российским двором ни в какое соглашение, которое не заключало бы со стороны этого двора полного и безусловного признания вышеприведенных четырех пунктов. Венский кабинет обязуется также не входить в переговоры иначе как на указанном основании, оставляя, впрочем, за собой право свободной оценки условий восстания мира в том случае, если бы Австрии самой пришлось принять участие в войне».

Князь Горчаков сообщал частным образом канцлеру⁶², что, руководствуясь данными ему указаниями, он принужден призвать на помощь все свое хладнокровие, чтобы сохранить с австрийскими министрами корректные отношения. «Я решил сделаться,— писал он,— только абстрактным принципом долга. Если бы я слушался лишь моей плоти и крови, если бы я не сдерживал кипения моего национального чувства, то мне, как и Мейендорфу, невозможно

было бы не выражать возмущения, которое вызывается каждой новой с ними беседой». На нашего посла успокоительно действовали только известия о том, что сам император Франц-Иосиф был убежден в устранении опасности благодаря свершившемуся освобождению нами княжеств. «Сердце императора Франца-Иосифа, — писал князь Горчаков, — преисполнено радости».

Однако из содержания письма нашего посла было видно, что одного этого утешения ему было мало. Он сравнивал свое положение с положением графа Эстергази в Петербурге, которому также приходилось прикрывать корректными внешними формами напряженность действительных отношений.

В начале августа граф Эстергази сообщил графу Нессельроде депешу от своего правительства, в которой граф Буоль подчеркивал, что Франция и Англия только вследствие настояний Венского кабинета согласились сформулировать в четырех пунктах, о которых говорилось выше, свои условия для вступления в мирные переговоры. Австрийское правительство горячо рекомендовало принять нам эти условия к серьезному рассмотрению.

«Вы употребите все усилия, — писал граф Буоль графу Эстергази, — чтобы подкрепить ценность доказательств в пользу безусловного принятия оснований, на которых мы считаем еще возможным положить предел несчастьям войны, уже потребовавшей столько жертв и обещающей несомненно принять еще более широкие размеры. Австрия усматривает единственный шанс всеобщего соглашения в прямом принятии этих оснований, которые она считает условиями твердого мира. Поэтому петербургский кабинет, принимая четыре пункта, о которых идет речь, может рассчитывать на нашу готовность обратиться к морским державам с самыми серьезными представлениями, чтобы склонить их к немедленному открытию переговоров и условиться об одновременном приостановлении военных действий. Еще раз мы заклинаем (*pous adjurons*) императорский Российский двор углубиться в неизмеримое значение решения, которое им будет принято, а потому нет надобности рекомендовать вам, чтобы вы, граф, использовали все средства для достижения того, чтобы это решение соответствовало интересам мира. Крайняя серьезность положения может дать вам указание на то нетерпение, с которым мы ожидаем ответа Русского кабинета, и я вас приглашаю сообщить этот ответ в возможно скорейшем времени»⁶³.

Император Николай, со вниманием следя за поведением австрийского правительства и хорошо знакомый со всеми документами, разобранными нами выше, убедился во враждебном направлении австрийской политики в отношении русских интересов. Государь, решившись противодействовать враждебному поведению Австрии, не потерял, однако, окончательной надежды на возможность соглашения трех монархических дворов и противопоставле-

Бомбардировка Одессы

ния его соглашению западных держав. В этой возможности государства убеждала как осторожная политика Пруссии, так и вера в личные чувства императора Франца-Иосифа, совместно с сообщениями графа Штакельберга о безвыходном положении, в котором очутилась Австрия. Государь признавал письма Штакельберга «весьма замечательными» и, видимо, руководствовался в оценке политического положения заключенными в них данными. О таком именно настроении императора Николая и его убеждениях свидетельствует его собственноручная записка, относящаяся, как видно из ее содержания, к первым числам августа 1854 года⁶⁴. Мы приводим ее полностью в переводе на русский язык.

«1) Мы объявили, что взяли за оружие не для завоеваний, а единственно для восстановления установленных нашими трактатами с Турцией религиозных прав в пользу их христианских подданных, которые исповедуют греческую веру.

2) Австрия пожелала, ссылаясь на опасность для своих пограничных славянских провинций, население которых частью исповедует греческий обряд, видеть в наших военных операциях призыв к восстанию ее подданных. Исходя из этого заключения она противопоставляла нам сначала свои плохо замаскированные опасения, а вскоре затем и свою враждебность, вовсе не считаясь ни с нашими торжественными заявлениями, ни с конфиденциальными уверениями, сделанными мною самому императору.

3) Австрия не ограничилась этим. Она пожелала установить, как условие *sine qua non*, неприкосновенность Турции; она осуж-

дала, таким образом, в своих интересах и видах все подвластные Турции христианские народности на бесконечное иго и присваивала себе право определять судьбу наших братьев.

4) По мере того как мы изыскивали средства успокоить несправедливые опасения Австрии, она, смелея все более, вступила в соглашение с Францией и Англией с целью подтвердить общность их намерений. И это случилось в то время, когда оба эти государства были уже в войне с нами; сама же Австрия считала себя в мире с Россией.

5) Она, утверждая, что находится с нами в мире, вооружалась в чрезвычайных размерах и двинула большинство своих сил не только в те свои области, откуда они угрожали флангу и тылу нашей армии в княжествах, но и непосредственно к границе нашей империи.

6) Не ограничиваясь сделанными нам в согласии с Пруссией предложениями очистить княжества, она заключила трактат с Портой, находящейся в войне с нами, и получила от турок право занять провинции, которые она заставляла нас очистить.

7) Когда мы сообщили Австрии об оставлении нами княжеств, то она избрала этот момент, чтобы обменяться с Францией и Англией нотами, устанавливающими условия, на которых предполагается с нами вести переговоры о мире, хотя она все еще утверждает, что между ею и нами существует мир.

8) Наконец, когда наши войска вернулись в свои пределы, то она вместе с турками занимает Придунайские княжества; а так как турки намерены двинуться на нас, то в Вене решено не противиться этому, не объявляя при этом нам войны.

Я спрашиваю, в войне или в мире мы с Австрией и могут ли быть нами терпимы ее поступки без унижения в собственных наших глазах и в глазах всего света. Не пора ли потребовать от императора удовлетворения за все, что сделано актами, не поддающимися квалификации?»

Далее государь наметил программу возможного примирения.

«Условия,— писал император Николай,— при которых соглашение было бы возможно, должны заключаться в следующем:

1) немедленное отступление от наших границ всех излишне сосредоточенных там войск, за исключением обыкновенных гарнизонов Галиции и Буковины;

2) немедленное выступление австрийских войск из Придунайских провинций или же обязательство заставить турок уйти оттуда в кратчайший срок;

3) восстановление в этих областях законного, определенного нашими трактатами, порядка, под управлением господарей;

4) признание всех наших прав, установленных нашими прежними договорами с Турцией;

5) уничтожение нот, обмененных с Францией и Англией;

6) уничтожение договора с Турцией.

Полумесячный срок мог бы удовлетворить нашим требованиям.

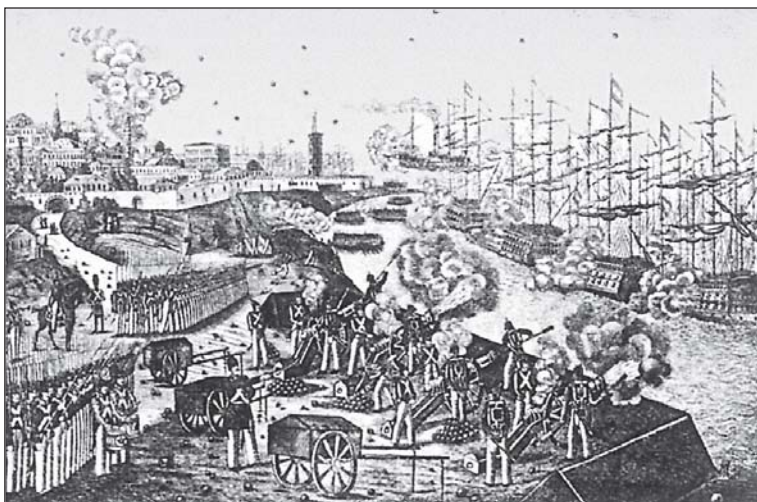
Вместо этого мы обещаем допустить Австрию к протекторату над княжествами на равных правах с нами, но и при возложении на нее равных обязанностей.

Мы готовы вступить в переговоры с Пруссией и Австрией о будущих условиях протектората, который надлежало бы установить в турецких владениях для живущих там христиан, исповедующих греческий, католический и протестантский обряды. Согласившись на этих началах, мы действовали бы сообща, чтобы склонить к их признанию христианские державы Европы и заставить Турцию их принять... На таких условиях — забвение прошлого».

В архивах не сохранилось никаких следов по проведению в жизнь изложенных мыслей государя. Вероятно, записка осталась без движения, и она может лишь ярко свидетельствовать потомству о поведении Австрии в отношении облагодетельствовавшего ее своей продолжительной дружбой и жертвами монарха.

Как замечено было выше, Прусский двор, действуя под влиянием разнообразных мотивов и соображений, не последовал за Австрией по пути, ведущему к тесному единению с западными державами. Хотя он заключил с ней «наступательно-оборонительный» союзный договор, но обставил свое участие в активном его осуществлении условиями, умеряющими в значительной степени австрийский задор. Вообще прусская политика подвергалась странным колебаниям и находилась под влиянием самых разнообразных условий. Она находилась под впечатлением традиционной дружбы с Россией и христианских чувств короля Фридриха-Вильгельма с его крайне щепетильной и мучимой сомнениями совестью, под опасением наполеоновской Франции, определялась стремлением объединить вокруг прусского центра второстепенные германские государства и соперничеством с Австрией на федеральном сейме. В Берлине еще твердо не знали, как использовать в интересах Пруссии возникший кризис, и потому держались в предвидении грядущих событий выжидательной политики.

Берлинский кабинет признавал удовлетворительным наш ответ Австрии от 17 июня, в котором мы присоединялись к трем положениям Венской конференции от 9 апреля и заявляли о возможности очищения нами княжеств. Барон Мантейфель сообщил барону Будбергу⁶⁵, что Прусский кабинет опасается, как бы граф Буоль не высказал в своих депешах в Париж и Лондон, что наш ответ, по мнению Австрийского кабинета, не вполне удовлетворителен, а также того, как бы он не предоставил самим западным державам высказать о нашем ответе обязательное для Австрии суждение. Со своей стороны барон Мантейфель заметил, что Пруссия не разделяет мнения графа Буоля о необходимости подвергать наш ответ

Подвиг батареи Щеголева

от 17 июня обсуждению на венских конференциях. Он рассматривал его как сообщение, имеющее целью разъяснить отношение между Россией и германскими государствами и потому совершенно чуждое в то время для морских держав.

В тот же день наш посол в Берлине сообщал⁶⁶, что барон Мантейфель решил не делать более никаких уступок Австрии и заявить в Вене о неприятном впечатлении, произведенном последними австрийскими сообщениями.

Король Фридрих-Вильгельм отправил в Вену графа Мантейфеля с целью повлиять на австрийскую политику в смысле удержания ее в границах благоразумия. Граф Мантейфель имел поручение непосредственно обратиться к императору Францу-Иосифу⁶⁷. Барон Будберг узнал о результатах миссии от самого графа Мантейфеля, который убедился в том, что император Франц-Иосиф «смотрит во всем, что касается политических дел, глазами графа Буоля». Достигнуть изменения австрийской политики, по мнению графа Мантейфеля, возможно было со стороны Пруссии лишь твердостью и непоколебимостью в подтверждении своих заявлений, а со стороны России «воздержанием от агрессивных действий, упорным сохранением принятого положения и спокойным ожиданием нападения»⁶⁸. Барон Будберг сообщал далее, что министр барон Мантейфель упомянул в беседе с ним о присланной графом Буолем в Берлин депеше, в которой австрийский министр напоминал в решительных словах об обязательствах союзного договора от 20 апреля. В ответ на это прусский кабинет

ограничился лишь кратким заявлением, что, считая разъяснения России удовлетворительным, он не находит причин для обращения к особой статье союзного договора.

Пруссия старалась, следуя самостоятельным политическим путем, найти поддержку у второстепенных германских государств. Она преследовала двойную цель. С одной стороны, ей представлялся случай оттолкнуть всю Германию от Австрии и собрать ее вокруг себя, с другой же — она надеялась охладить австрийскую горячность несочувствием германских государств слишком решительным проявлениям воинственности венского кабинета.

Барон Будберг изложил в депеше от 24 июля⁶⁹ содержание бесед короля Фридриха-Вильгельма с королями баварским и виртембергским, происходивших в Мюнхене. Оба южногерманских государя оказались противниками австрийской политики, так как она могла повести к разрыву между Россией и Австрией, тяжелые последствия которого пришлось бы нести всему Германскому союзу. Однако оба короля были того мнения, что, если бы все усилия свергнуть Австрию с пути, ведущего к разрыву, были тщетны, то вся Германия должна стать на сторону Австрии.

Баварский министр фон дер Пфортен, решительным образом осуждая «постыдную политику Австрии», тем не менее заявил представителю прусского правительства при общегерманском сейме, что союз между германскими государствами и Россией является «полной невозможностью». Несколько более колебался в этом отношении саксонский первый министр барон Бейст, который даже приезжал в Берлин справляться, насколько Пруссия расположена стать во главе второстепенных государств для противодействия австрийской политике⁷⁰. Но во всяком случае мы не могли рассчитывать на серьезную поддержку второстепенных германских государств, которые, по мнению барона Будберга, были, во-первых, связаны с Австрией традиционными узами политической общности и, во-вторых, в высшей степени опасались, чтобы не поднялась, в случае поражения Австрии, революционная война и не повторились события 1848 года.

Взгляд барона Будберга оказался совершенно правильным. Баварское правительство очень рассчитывало на свидание королей в Мюнхене в том отношении, что оно станет «отправной точкой более тесного сближения дворов, вступивших в соглашение в Бамберге, с Берлинским кабинетом»⁷¹. Но произошло нечто совершенно обратное. Обмен мыслей с южногерманскими государями так подействовал на короля Фридриха-Вильгельма, что барон Будберг считал его гораздо более сильным сторонником Австрии, чем его советники. Нашим послом особенно подчеркивалась роль Бисмарка, «влияние которого в германских делах было если не решающее, то во всяком случае очень большое». Бисмарк борол-

ся против мнения о солидарности интересов Германии с австрийскими «со всей энергией, вдохновляемой его ультрапрусскими убеждениями, не всегда лишенными, хотя и бессознательного, прусского честолюбия».

Барон Будберг выражал надежду, что в ближайшем будущем, когда наш ответ на австрийский запрос будет сообщен сейму, Пруссия, признавая его удовлетворительным, укрепит при сочувствии других германских государств свое положение и станет более самостоятельна в своей политике.

Но надежда эта не оправдалась, и призывы нашего посла к большей политической самостоятельности не находили отклика у прусских государственных мужей. Его приглашение, обращенное к барону Мантейфелю, о том, чтобы Пруссия заявила письменно, что она считает себя свободной от обязательства защищать, согласно договору от 20 апреля, австрийскую территорию, было отклонено прусским министром⁷².

Император Николай отправил для более полного выяснения взглядов и намерений прусского короля в Потбус, где находился в августе двор, графа Бенкендорфа. Это особенно было необходимо ввиду начавшейся мобилизации прусской армии и сосредоточения наступательных сил у Балтийского побережья.

Письмо графа Бенкендорфа военному министру от 23 августа (4 сентября)⁷³ содержит ряд ценных указаний на влияния и настроения, которые господствовали при Берлинском дворе.

Наш военный представитель был самым сердечным образом встречен полковником графом Мантейфелем, генералом Герляхом и Бисмарком, после свидания с которыми немедленно состоялась и прием у короля. «Король,— писал граф Бенкендорф,— принял меня, если осмелюсь так выразиться, с нежностью, задержал более часа в своем кабинете, спрашивал о Петербурге и выслушал все, что я получил приказание передать ему от имени нашего Августейшего повелителя. Король как бы отстранялся от всего, что я имел честь ему представлять, и все возвращался к своим сердечным и искренним чувствам к императору. Он позже сказал мне: “Со времени вашего отъезда мое положение становилось изо дня в день все более трудным. Вы не поверите всей горечи, которую я испытываю из-за Англии. Еще на днях лорд Кларендон в обидных словах жаловался графу Бернсдорфу на то, что сообщения нашего кабинета вашему излагаются в дружественном тоне”. В Австрии все ухудшилось: граф Буоль и Бах все держат в руках. Все высшие чины армии и военная свита императора за вас, но они не смеют высказываться, потому что император говорит о делах лишь с министрами. Я должен, однако, отдать ему справедливость, так как он уверяет меня, что его штыки никогда не перейдут вашу границу... Граф Альвенслебен сообщает мне в последних донесениях, что, может быть,

Пожар на английском пароходе «Тигр»

приближается поворот во взглядах императора, хотя на это не следует особенно рассчитывать».

Король, ознакомившись с привезенными графом Бенкендорфом документами, сообщил ему на следующий день, что он намерен переслать в Вену письмо, написанное ему государем. Оно, несомненно, должно произвести смятение среди советников императора Франца-Иосифа и окажет, быть может, желаемое влияние. Далее король заметил, что австрийскому императору лишь 24 года и дело старших возрастом государей открыть ему глаза на то, как плохо его советники служат интересам его страны.

Граф Бенкендорф вел в Потбусе продолжительные беседы с генералом Герляхом и с полковником графом Мантейфелем. Они заметили, что прусская политика не может держаться почвы, на которую стала политика нашего кабинета, так как разрыв с западными державами без крайней для этого необходимости очень опасен для Пруссии. Франция не готова к войне на Рейне, но Англия может одним ударом уничтожить морскую торговлю Пруссии. Разрыв с Австрией был бы еще опаснее, так как король убедился из бесед с южногерманскими государями, что они станут на сторону Австрии. Он считает себя единственным во всей Германии союзником России. Только поэтому Пруссия обратилась к нашему кабинету с нотой, в которой приглашает принять с самым серьезным вниманием четыре пункта, предложенные Францией, и только потому она продолжает держаться трактата от 20 апреля, который является средством удерживать Австрию от рискованных шагов. Значение,

придаваемое Пруссией этому договору, видно из переписки между Берлинским и Венским кабинетами, которая будет предъявлена барону Будбергу. Король считает себя нравственно связанным с Россией, и Пруссия своим поведением достигла фактического упразднения соглашений Венской конференции четырех держав.

Конечно, это обстоятельство имело серьезную ценность, но оно само по себе нисколько не предreshало вопроса о наших дальнейших отношениях с Австрией и о той роли, которую в наступающих событиях придется играть Германскому союзу. Пруссия мало-помалу должна была склоняться если не к внешним формам австрийской политики, то к ее сущности, так как в противном случае она рисковала потерять влияние в Германии. Франкфуртский сейм должен был столкнуться с вопросом о четырех пунктах и высказаться о них с достаточной определенностью. Так оно и случилось, и общегерманскому сейму был предложен следующий проект резолюции⁷⁴:

1) Германская федерация признает четыре пункта, как воплощающие в себе основание для восстановления твердого мира и законного порядка в Европе; для германских интересов особенно важное значение имели первый и второй пункты, которых федерация и будет придерживаться; 2) поэтому усилия для примирения воюющих сторон должны продолжаться исходя из указанного основания; 3) всякое нападение на Австрию, на ее территорию или на ее войска в Придунайских княжествах влечет для всей Германии обязательство поддержать ее всеми средствами.

Дальнейшими двумя пунктами резолюции поручалось военной комиссии и политическому комитету сейма выработать и принять надлежащие меры в связи с вышеприведенными его постановлениями.

Приходится, таким образом, признать справедливость слов Друэн де Люиса в отношении роли германских государств в политических комбинациях, вызванных обострением Восточного вопроса.

«Известно,— писал французский министр⁷⁵,— каково было значение нейтральных государств в переговорах, относившихся к Восточной войне; как одобрение большей части этих государств и присоединение к нам некоторых помогли Франции и Англии утвердить преобладание, окончательно увенчавшееся успехом их оружия. В особенности германские дворы сильно повлияли своими решениями на ход событий».

Четыре пункта объединили чуть ли не всю Европу.

Примечания

¹Архив Мин. иностр. дел.

²Барон Мейендорф — князю Варшавскому 8 (20) мая 1854 г. Архив Мин. иностр. дел, карт. Vienné, 1854.

³Граф Буоль — графу Эстергази 3 июня (н. ст.) 1854 г. Там же, карт. А, 1854.

- ⁴ См. приложение № 146.
- ⁵ См. приложение № 147.
- ⁶ См. приложение № 148.
- ⁷ См. приложение № 149.
- ⁸ Барон Будберг — канцлеру 30 ноября (12 декабря) 1853 г., № 108. Архив Мин. иностр. дел, карт. Berlin, 1853.
- ⁹ Барон Будберг — канцлеру 2 (14) декабря 1853 г., № 110. Там же.
- ¹⁰ Барон Будберг — канцлеру 12 (24) декабря 1853 г., № 114. Там же.
- ¹¹ Барон Мантейфель — генералу Рохову 31 января н. ст. 1854 г. Архив Мин. иностр. дел, карт. Prusse, 1854.
- ¹² Барон Будберг — канцлеру 11 (23) февраля 1853 г., № 30. Там же, карт. Berlin, 1854.
- ¹³ Барон Будберг — канцлеру 13 (25) марта 1854 г., № 54. Там же.
- ¹⁴ См. приложение № 150.
- ¹⁵ Граф Бенкендорф — военному министру 17 (29) марта 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 3.
- ¹⁶ Граф Бенкендорф — военному министру 16 (28) марта 1854 г., № 41. Там же.
- ¹⁷ См. приложение № 151.
- ¹⁸ См. приложения № 152, 153.
- ¹⁹ Доклад графа Нессельроде от 3 апреля 1854 г. Архив Мин. иностр. дел, карт. Доклады, 1854.
- ²⁰ Всеподданнейший доклад графа Нессельроде от 6 апреля 1854 г. Там же.
- ²¹ Барон Будберг — канцлеру 6 (18) апреля 1854 г., № 78. Там же, карт. Berlin, 1854.
- ²² См. приложение № 154.
- ²³ См. приложение № 155.
- ²⁴ См. приложение № 156.
- ²⁵ Граф Бенкендорф — военному министру 22 мая (3 июня) 1854 г., № 105. Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 3.
- ²⁶ Барон Будберг — канцлеру 26, 27 и 31 мая (ст. ст.) 1854 г., № 113, 115 и 117. Архив Мин. иностр. дел, карт. Berlin, 1854.
- ²⁷ Граф Гацфельд — барону Мантейфелю 6 июня 1854 г. Там же, карт. Prusse, 1854.
- ²⁸ См. приложение № 157.
- ²⁹ Из Гумбиндена от 18 июня (н. ст.) 1854 г. Госуд. архив.
- ³⁰ См. приложение № 158.
- ³¹ Канцлер — князю А. М. Горчакову 17 июня 1854 г. Госуд. архив, разр. XI, д. № 1227.
- ³² См. приложение № 160.
- ³³ Князь Горчаков — канцлеру 27 июня (9 июля) 1854 г., № 3. Архив Мин. иностр. дел, карт. Vienne, 1854.
- ³⁴ Все донесение князя Горчакова было испещрено пометками и вопросительными знаками, сделанными рукой государя.
- ³⁵ Канцлеру, № 6. Там же.
- ³⁶ Граф Штакельберг — военному министру 30 июня (12 июля) 1854 г., № 137. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 16.

³⁷ Князь Горчаков — канцлеру 5 (17) июля 1854 г. Госуд. архив, разр. III, д. № 140.

³⁸ См. приложение № 160.

³⁹ Деша Северина канцлеру из Мюнхена 4 (16) мая 1854 г., № 21. Архив Мин. иностр. дел, карт. Munich, 1854.

⁴⁰ Всеподданнейший доклад графа Нессельроде от 12 июля 1854 г. Архив Мин. иностр. дел, карт. Доклады, 1854.

⁴¹ Частное письмо князя Горчакова канцлеру 10 (22) июля 1854 г. Гос. архив, разр. III, д. № 140.

⁴² Князь Горчаков — канцлеру 10 (22) июля 1854 г., № 31. Архив Мин. иностр. дел, карт. Vienne, 1854.

⁴³ Князь Горчаков — графу Ридигеру 12 (24) июля 1854 г., № 1556. Там же.

⁴⁴ Телеграмма князя Горчакова из Вены в Петербург 13 июля 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 83.

⁴⁵ Князь Горчаков — канцлеру 14 (26) июля 1854 г., № 37. Архив Мин. иностр. дел, карт. Vienne, 1854.

⁴⁶ Германский сейм почти единогласно присоединился к Австро-Прусскому союзному договору от 24 июля.

⁴⁷ Письмо графа Буоля князю Горчакову 17 июля 1854 г. Госуд. архив, разр. III, д. № 140.

⁴⁸ Князь Горчаков — канцлеру 22 июля (3 августа) 1854 г., № 47. Архив Мин. иностр. дел, карт. Vienne, 1854.

⁴⁹ Князь Горчаков — канцлеру 22 июля (3 августа) 1854 г., № 53. Там же.

⁵⁰ От 22 июля (3 августа) 1854 г. Гос. архив, разр. III, д. № 140.

⁵¹ Курсив подлинника.

⁵² См. приложение № 161.

⁵³ См. приложение № 162.

⁵⁴ От 24 июля (5 августа) 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 83.

⁵⁵ Телеграмма князя Горчакова канцлеру от 26 июля (7 августа) 1854 г., № 58, из Вены. Там же.

⁵⁶ Всеподданнейший доклад графа Нессельроде 27 июля 1854 г. Архив Мин. иностр. дел, карт. Доклады, 1854.

⁵⁷ Телеграмма князя Горчакова графу Нессельроде 27 июля (8 августа) 1854 г., № 59. Там же, карт. Vienne, 1854.

⁵⁸ Собственноручная записка императора Николая канцлеру 29 июля 1854 г. Там же.

⁵⁹ Граф Штакельберг — военному министру 28 июля (9 августа) 1854 г., № 164. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 16.

⁶⁰ Граф Штакельберг — военному министру 29 и 31 июля (10 и 12 августа) 1854 г., № 168 и 171. Там же.

⁶¹ Приложение к депеше барона Будберга канцлеру 28 июля (9 августа) 1854 г., № 158. Архив Мин. иностр. дел, карт. Berlin, 1854.

⁶² Частное письмо от 30 июля (11 августа) 1854 г. Гос. архив, разр. III, д. № 140.

⁶³ Граф Буоль — графу Эстергази 10 августа 1854 г. Архив Мин. иностр. дел, карт. Autriche, 1854.

⁶⁴ Французский текст см. в приложении № 163.

⁶⁵ Барон Будберг — канцлеру 3 (15) июля 1854 г., № 135. Архив Мин. иностр. дел, карт. Berlin, 1854.

⁶⁶ Шифр. депеша барона Будберга канцлеру 3 (15) июля 1854 г., № 136. Там же.

⁶⁷ Барон Будберг — канцлеру 4 (16) июля 1854 г., № 138. Там же.

⁶⁸ Барон Будберг — канцлеру 14 (16) июля 1854 г., № 147. Там же.

⁶⁹ 3 августа (н. ст.) 1854 г., № 155. Там же.

⁷⁰ Барон Будберг — канцлеру 21 июля (2 августа) 1854 г., № 142. Архив Мин. иностр. дел, карт. Berlin, 1854.

⁷¹ Северин — канцлеру 13 (25) июля 1854 г., № 45. Там же, карт. Munich, 1854.

⁷² Барон Будберг — канцлеру 24 июля (5 августа) 1854 г., № 154. Там же, карт. Berlin, 1854.

⁷³ См. приложение № 164.

⁷⁴ Сообщение Берлинского кабинета. Архив Мин. иностр. дел, карт. Prusse, 1854.

⁷⁵ «Les neutres pendant la guerre d'Orient» par Droyn de Lhuys. Paris, 1868. P. 11.

Глава XVI

Организация союзных армий, их планы и действия на Черном море до августа 1854 года

К о времени вступления князя Варшавского в командование Дунайской армией в число наших врагов открыто стали две западные державы — Англия и Франция, и авангарды их войск вступили уже на территорию Балканского полуострова. Этот факт для нас не был неожиданностью, и уже после Синопского боя, а в особенности после входа эскадр западных держав в Черное море для защиты турецкого флага не могло быть сомнений в приближающемся открытом разрыве с англо-французами, что и было, как известно, введено в предположение императора Николая о характере ведения кампании 1854 года.

Об истинных намерениях новых союзников султана и мечтах, которые ими руководили в то время, когда Париж и Лондон мастерской рукой подготавливали выгодную для себя политическую обстановку и сумели почти всю Европу сделать враждебной России, сказать что-либо точно нельзя, так как солидные иностранные источники о них умалчивают, а тайники дипломатических архивов этих государств остались для нас закрытыми. Если холодные и рассудительные англичане и руководствовались, может быть, более практическими целями сохранить неприкосновенность Турции и ослабить наше могущество на Черном море, то трудно предположить то же об увлекавшемся и склонном к иллюзиям руководителе политики Парижского кабинета, который и по своему характеру, и по всей обстановке воцарения должен был иметь какие-либо скрытые планы, вовлекая Европу в большую и рискованную войну.

О предположениях Людовика-Наполеона можно хоть отчасти судить по тем сведениям, которые стекались в наше Министерство иностранных дел от политических агентов. Сведения эти, представлявшие иногда личные взгляды, иногда же добытые через третьи руки, хотя и не могут считаться вполне точными, но все-таки им нельзя отказать в большой доле вероятности.

Первым затронул вопрос о предположениях англо-французов наш посол в Лондоне барон Бруннов в своей обширной записке о современном состоянии дел на Востоке в январе 1854 года¹.

Враждебность Англии автор записки объясняет плохой работой ее агентов в Турции и в России. В то время как первые преувеличивали военную мощь Османской империи, вторые рисовали военные приготовления на юге России как направленные к полному погло-

шению Турции. Вера в военную мощь турок была так велика, что Ольтеницкое сражение вызвало в Лондонском кабинете ожидание, что через две недели князь Горчаков вынужден будет очистить Валахию и сосредоточиться за Серетом. В газетах сообщалось о входе турецких войск в Бухарест и в Тифлис, но вскоре вместо этих ложных слухов лондонское общество было потрясено достоверным известием о синопском погроме. Такой неожиданный оборот дел, как погром, поразил Лондонский кабинет, и реакция была тем сильнее, чем ожидание турецких успехов было больше. Уязвленное самолюбие министров королевы Виктории заставило их согласиться на предложение Людовика-Наполеона совместно принять первые открыто враждебные против нас меры ввода соединенных эскадр в Черное море.

Свершившийся факт вызвал у барона Бруннова желание предсказать, что должно нас ожидать в будущем.

Со свойственным ему пренебрежением к английским министрам барон уверял, что Лондонский кабинет не знает ни того, чего он хочет, ни того, что он может. («Certe», — пометил в этом месте император Николай.) Предполагая спасти Турцию, англичане согласились, по мнению Бруннова, на средство, которое должно было неминуемо повести к падению Оттоманской империи. Они решили поддерживать Турцию исключительно морскими силами, забывая, что с суши она остается открытой для ударов России; но более широкий в глазах Бруннова ум Наполеона предвидел, что дела на Востоке дойдут до такого кризиса, когда придется морские силы поддерживать сухопутной армией.

Первые попытки императора французов внушить этот взгляд в Лондоне потерпели неудачу, и англичане выразили мало желания видеть французскую армию высадившейся в Константинополе. Но дальнейшие события постепенно убедили Лондонский кабинет в необходимости подкрепить морские силы сухопутной армией, и предложение Людовика-Наполеона уже встретило больше сочувствия. «Je regarde donc comme certains, — восклицает по этому поводу Бруннов, — que sans l'avoir deviné, sans l'avoir voulu le gouvernement de Sa Majesté Britannique prépare a Louis-Napoléon le triomphe de conduire une armée française a Constantinople».

Первоначальная сила экспедиционного корпуса определялась в 20 000, но наш посол полагал, что столь незначительная величина была умышленно назначена Наполеоном, чтобы не беспокоить Лондон излишне воинственными предположениями. По мнению английских генералов, потребуется по крайней мере 70 000, чтобы предпринять экспедицию, имевшую целью защитить Константинополь от атаки с суши. С такими силами предполагалось возможным ограничиться защитой линии балканских проходов от атаки превосходящих сил противника и оставить один корпус в резерве

в Румелии для прикрытия столицы. Эскадра должна была находиться в Бургасе и облегчать сообщение армии с Константинополем.

Далее Бруннов продолжал отстаивать свой взгляд на то, что Англия имела единственной целью защитить неприкосновенность Турции, так как она искренне верила в опасность, которая грозила этой державе. Что же касается Наполеона, то он прикрывался лишь этой идеей, желая нарушить мир Европы, перекроить ее карту и, как результат всего, возвеличить Францию.

Главную задачу союзных эскадр в Черном море наш посол полагал в прекращении морского подвоза к Дунайской и Кавказской армиям при наступлении их внутрь страны. Далее этих предположений союзники, по мнению Бруннова, пока не шли. Но в том случае, если война разрастется, надо было ожидать с их стороны прежде всего атаки на Анапу и Сухум-Кале, так как здесь они рассчитывали достигнуть наиболее легкого успеха и в то же время предполагали получить наибольшие результаты в надежде уничтожить наш Кавказский корпус, отрезав ему сообщение с морем. Дальнейшая цель союзников состояла в уничтожении на Черном море наших морских сооружений и в оказании помощи кавказским горцам.

Что касается предполагаемых союзниками действий в Балтийском море, то барон Бруннов этого вопроса не касался, а только предупреждал, что для отправления туда готовится большая соединенная эскадра преимущественно паровых судов.

Почти одновременно Киселев сообщал из Парижа², что пресса достаточно подготовила общественное мнение страны к неизбежности войны и правительство приступило к формированию экспедиционного корпуса.

После разрыва дипломатических сношений с Россией центр тяжести переговоров о предстоящем плане кампании был перенесен в Париж, где над разработкой его особенно трудились сам император и маршалы С.-Арно и Вальян. Уже подготовленные соображения обсуждались на общем совете с прибывающими для этой цели

Портрет князя Варшавского

в Париж английскими генералами во главе с будущим главнокомандующим лордом Рагланом.

Среди французских генералов замечалось два течения в смысле направления военных операций. Во главе одного течения стоял маршал С.-Арно, а во главе другого маршал Вальян и скрытно за ним император Наполеон. Насколько можно судить, мысли С.-Арно заключались в сосредоточении сильного, примерно в 8000—100 000 человек, экспедиционного корпуса на Балканском полуострове, в высадке его в Кюстенджи и в наступлении оттуда совместно с армией Омера-паши на Дунай, в переправе через эту реку у Браилова и вынесении войны в наши южные пределы. В то же время союзные эскадры должны были разрушать наши прибрежные на Черном море города и крепости. Тем временем предполагалось сформировать особую армию для действия в Финляндии и как цель всей кампании ставилось возвращение всей Финляндии Швеции, а Кавказа Турции, чтобы этим ослабить Россию и уменьшить ее влияние на Европу.

Однако на военном совете 16 (28) февраля, на котором присутствовали принц Наполеон, лорд Раглан, маршалы С.-Арно, Маньян и Вальян, морской министр, генералы Канробер, Форэ, Мартинпрэ, Марюлаз, директора департаментов Военного министерства и высшие чины Генерального штаба, план С.-Арно был отвергнут и восторжествовал план маршала Вальяна, одобренный императором.

Согласно этому последнему, война должна была вестись одновременно на севере и на юге России. Первые две дивизии экспедиционного корпуса предполагалось высадить в Перекопе, чтобы совершенно отрезать Крымский полуостров; одновременно с этим главная масса англо-французского флота должна была атаковать Севастополь. Пунктами дальнейших высадок намечались Анапа и Поти на азиатском берегу и Варна — на европейском. В Варне оставался резерв первого экспедиционного корпуса, а в Адрианопле сосредоточивался для прикрытия столицы второй корпус.

В Балтийском море кампанию предполагалось начать операциями против Выборга, заняв предварительно острова Эзель, Даго и Аланд.

Несмотря на справедливые возражения С.-Арно, этот план был вполне одобрен лордом Рагланом, который заявил, что он готов его исполнить, «когда настанет время».

Если бы в Париже успешно пошел набор легиона польских выходцев, то предполагали высадить его на берегах Курляндии, чтобы поднять восстание в Литве и распространить его до Польши; другой такой же легион должен был сопутствовать союзной армии на Дунае и в случае ее удачи там вступить в Подолию и Волынь для распространения восстания с этой стороны³.

Тем временем барон Бруннов, переехавший из Лондона в Брюссель, продолжал делиться с канцлером своими мыслями о возможных действиях союзников. Продолжительное пребывание в Лондоне, обширные там знакомства, знание характера англичан и, наконец, то условие, что вопросы о ведении войны выходили из сферы деятельности дипломата, деятельности, направленной под известным углом зрения, придают мыслям барона Бруннова характер весьма интересный и поучительный.

Князь Варшавский

Свою обширную записку от 19 (31) марта⁴ он почти исключительно посвящает разбору предполагаемых действий англичан.

Упомянув о том, что Пальмерстон непременно постарается возмутить Польшу и Литву, Бруннов напоминал значение Варшавы, приводя фразу, сказанную ему герцогом Веллингтоном в 1848 году, когда революция в 15 дней поколебала троны Вены и Берлина: «Mandez a votre gouvernement que Varsovie est la clef du système monarchique en Europe. Si vous tenez bon sur la Vistule, vous sauvez l'ordre social. Si cette position est ébranlée, tout le reste croule». Автор записки был уверен, что англичане постараются использовать такое значение Варшавы, и в снаряжении Балтийской эскадры он, между прочим, видел цель содействовать восстанию Польши и Литвы.

Барон Бруннов ожидал, что все действия англичан будут рассчитаны на приобретение хоть маленького, но скорого и верного успеха при отсутствии всяких рискованных шагов; поэтому он не верил в распространившийся слух о том, что кампания начнется ударом на Кронштадт. Первым объектом действий наш посол считал Аланд, укрепления которого всегда так волновали англичан; да и вообще он высказывал то мнение, что эта нация предпочитает действовать против островов, которые легче атаковать и удержать которые в своих руках не представляло никакого труда.

Обращаясь к действиям в Черном море, Бруннов останавливался на личности главнокомандующего английской армией лорда Раглана, с которым его связывало давнишнее знакомство. Английский генерал ему представлялся человеком, одаренным храбростью, но

еще в большей мере осторожностью, которая в его деятельности должна играть значительную роль еще и потому, что он впервые становился во главе армии. Он, не способный разбрасывать свои войска, будет пользоваться ошибками противника, но только в том случае, когда в состоянии будет действовать без риска.

Раглан начнет операции с прочного обеспечения своих сообщений с эскадрой и будет рассчитывать лишь на средства, приходящие из Англии. Потом он организует и дисциплинирует турецкие войска и, ознакомившись с местностью, составит свой план действий, строго сообразованный с имеющимися в его руках силами. Сердечно заботливый о людях и даже лошадях, Раглан ничего не будет делать случайно, а все методично, мало-помалу, но с полной уверенностью в успехе.

Английский главнокомандующий придавал большое значение артиллерии, но главной силой армии считал пехоту, в вооружении которой признавал преимущество карабинов, усовершенствованных по системе Минье, причем он «сумеет заставить войска, лишенные этого оружия, признать его превосходство». Таким намерением кончал свое повествование барон Бруннов.

В общем, наш посол полагал, что характер инструкции лорду Раглану выразится в выполнении им следующих задач:

- 1) стать твердой ногой в Турции, чтобы не дать возможности французам одним оказаться хозяевами положения;
- 2) решить вопрос о защите Константинополя;
- 3) сделать недоступным линию Балкан;
- 4) оспаривать у русской армии местность между правым берегом Дуная и Балканами;
- 5) постараться вытеснить нашу армию из Валахии, а если можно, то и из Молдавии;
- 6) очистить Дунай, завладев устьем этой реки.

Барон Бруннов считал также вполне вероятным, что в инструкции лорда Раглана входили действия на восточном берегу Черного моря и в особенности против Севастополя, береговые укрепления которого англичане считали настолько сильными, что допускали возможность атаки этой крепости лишь соединенными силами армии и флота.

Возвращаясь вновь к личности английского главнокомандующего, барон Бруннов признавал Раглана способным поддержать добрые отношения между двумя союзными армиями, но был уверен, что его взгляды возьмут верх в направлении действий союзников и он придаст военным операциям более осмысленности, чем быстроты, и более планомерности в ущерб случайности.

Такой характер лорда Раглана делает понятным, почему он иносказательно согласился исполнить вышеприведенный план маршала Вальяна лишь тогда, «когда настанет для этого время».

Между тем сведения о намерениях союзников атаковать Севастополь доходили до нас и из Парижа⁵. Действительно, уже в марте французским правительством собирались данные о наиболее удобных пунктах для высадки десанта в окрестностях Севастополя, и среди таковых указывался именно берег между Евпаторией и мысом Лукулл, у старого укрепления, где впоследствии и был произведен десант союзников⁶.

Однако грандиозным планам правительств западных держав не суждено было осуществиться в большей их части. Разочарования начались еще в то время, когда планы эти хранились в портфелях действующих лиц. Первый удар был нанесен неожиданной переправой наших войск через Дунай.

Известие это в Париже было получено приблизительно в то время, когда происходило свидание герцога Кембриджского и лорда Раглана с Людовиком-Наполеоном и когда, к огорчению многих англичан, ближайший родственник королевы и лишившийся правой руки в битве при Ватерлоо лорд Раглан находились в свите племянника Наполеона I на параде его войск⁷.

13 апреля по новому стилю в Париже был собран в присутствии английских гостей Военный совет, чтобы изменить план действий в зависимости от нового события — перехода русской армии через Дунай.

На совете выяснилось, что силы экспедиционного корпуса на Востоке могут лишь к концу апреля достигнуть цифры 100 000, а между тем, по слухам, армии Паскевича приказано было возможно энергичнее наступать вперед и форсировать проходы через Балканы. В Париже и в Константинополе считали возможным, что мы, разгромив 60-тысячную турецкую армию, будем в первых числах апреля в Адрианополе⁸.

При таких условиях С.-Арно и лорд Раглан признали невозможным идти навстречу русским войскам, не имея по крайней мере 50 000 человек.

План кампании на юге благодаря этому подвергся коренному изменению. Бульшую часть экспедиционного корпуса решено было высадить у Константинополя и оттуда уже сухим путем наступать на Балканы; отправка сухопутных войск на восточный берег Черного моря была отменена, а Омеру-паше указывалось сосредоточивать свою армию за Ломом и Праводами, удерживая во что бы то ни стало эту линию⁹.

С такими инструкциями, как можно полагать, союзные главнокомандующие отбыли на театр военных действий. Но здесь их ожидало новое разочарование: полная неподготовленность, в особенности Франции, к ведению большой войны.

Является непонятным, как можно совместить те грандиозные планы предстоявшей кампании, которыми, по нашему убеждению,

безусловно была полна мечтательная голова Людовика-Наполеона, с полной неготовностью к ведению войны, а также те факты, что, по донесениям дипломатических агентов и по газетным статьям, во Франции кипела работа по выставлению в поле чуть ли не 600-тысячной армии, а в действительности оказалось, как увидим ниже, что маршал С.-Арно и лорд Раглан должны были примириться с ожидаемым падением Силистрии, не имея сил помочь туркам противодействовать прорыву центра их расположения?

Но если мы сопоставим эту первую страницу царствования третьего императора французов с последней страницей — франко-прусской войной, то не удивимся такому противоречию, так как оно исходило из характера самого Людовика-Наполеона и его правления.

Французские историки Крымской кампании в один голос выражают удивление такой беспечности. «Война угрожала уже в течение целого года,— пишет по этому поводу позднейший историк Второй империи¹⁰,— после Синопа она стала почти неизбежной. Такое долгое ожидание, казалось, давало возможность подготовиться во всех мелочах ожидаемую экспедицию, и можно было предполагать, что военные действия начнутся тотчас же вслед за разрывом. Но в действительности этого не случилось. Насколько дипломатические переговоры были ясны, определены и соразмерны с возраставшим значением конфликта, настолько военные действия были с самого начала нерешительны и неопределенны».

Свое удивление отсутствием какой-либо подготовки к войне, столь желательной и столь необходимой для Наполеона III в видах укрепления на престоле своей династии, выражал и генерал Боске в письмах к товарищу¹¹.

Во Франции первые распоряжения о формировании экспедиционного корпуса были сделаны 11 марта н. ст., причем главнокомандующим был назначен военный министр маршал С.-Арно. Первоначальный состав корпуса определялся в 12 пехотных полков двухбатальонного состава, каждый батальон силой в 1100 человек, 3 батальона егерей, силой каждый в 900 человек, 2 полка кавалерии, 12 батарей, 1 понтонную и 4 саперные роты. Части эти соединялись в 2 пехотные дивизии, 1 кавалерийскую бригаду и резервный корпус, причем общая численность их доходила на бумаге до 30 тысяч человек.

Но уже через несколько дней после приказа о формировании экспедиционного корпуса признали необходимым его увеличить, а по получении известия о переходе Горчаковым Дуная было решено образовать Восточную армию силой свыше 50 тысяч человек в составе 5 пехотных и 1 кавалерийской дивизий¹². Все это пока было сделано только на бумаге, и сформированная армия могла сосредоточиться в полном составе на театре военных действий лишь через несколько месяцев после открытия кампании.

Битва у Мадловиты

Необходимость быстрого отправления войск и желание произвести возможно сильное первое впечатление как на союзников, так и на врагов заставили французское Военное министерство принять меру, крайне невыгодную для качества всей армии. Для доведения до военного состава полков первых дивизий взяли до 20 000 лучших солдат из остальных полков, так что иногда люди трех полков мирного состава шли на формирование одного полка военного состава, но зато этот полк состоял из лучших людей.

Таким образом, цветом Восточной армии были 1-я дивизия Канробера и 2-я Боске¹³. Остальные состояли большей частью из спешно набранных рекрутов и запасных нижних чинов¹⁴. С этой целью были призваны под знамена находившиеся в распоряжении Военного министерства молодые люди контингентов 1849, 1850, 1851 и 1852 годов, и цифра призыва контингента 1853 года уже к 1 мая была увеличена с 80 000 до 220 000 человек¹⁵. По сведениям прусского военного агента, летом 1854 года французская армия в своих рядах насчитывала 390 000 человек, из которых рекрутов было около 220 000 человек¹⁶.

Что касается тактической подготовки войск, то мы имеем показания прусского офицера, присутствовавшего летом 1854 года на больших маневрах под Парижем¹⁷.

По его словам, пехота почти всегда маневрировала в длинных развернутых линиях, иногда очень растянутых и часто плохо поддержанных резервами; батальоны следовали очень близко за стрелковыми цепями.

Все виды полевой службы были в полном пренебрежении; взаимной поддержки и связи между тремя родами оружия было очень мало. В особенности этим отличалась кавалерия, которая упускала во время боя пехоты случаи частных атак, а обыкновенно появ-

лялась на поле сражения в последнюю минуту, чтобы произвести атаку всей массой на кавалерию противоположной стороны.

Артиллерия, которая по своему вооружению находилась в переходном¹⁸ состоянии, отлично выбирала позиции для стрельбы, но была очень малоподвижна.

По словам польского генерала Хржановского¹⁹, у французской армии не было боевого опыта; существовали целые дивизии, в которых никто, от генерала до барабанщика, не слышал свиста пули. Он не разделял мнения Тьера, который укорял генералов Шангарнье, Ламорисьера и Бедо в том, что они не приняли предложения Наполеона о назначении их на высокие должности. Из этих «*demi-fous de l'Afrique*», говорит Хржановский, никто не слышал свиста гранаты. Африка дала Франции не генералов, а лишь хороших партизан, не способных сражаться против европейской армии.

Однако такие показания нельзя считать совершенно беспристрастными. В лучшей части французской армии, а таковая и была отправлена на Восток, уже прививался правильный взгляд на современную тактику, и она коренным образом отшатнулась от обычных в то время действий густыми колоннами в пользу подвижного, эластичного рассыпного строя с применением к местности, в пользу широкого маневрирования и в пользу преимущества, даваемого ружейному огню, по сравнению с существовавшим пренебрежением к этой народившейся силе пехоты.

Указания, преподанные маршалом С.-Арно подчиненным ему генералам перед выступлением в поход, представляют замечательный по тому времени документ, который по сравнению с наставлениями князя Горчакова показывает, какой широкий шаг вперед сделала французская армия в тактических принципах в отношении других европейских армий²⁰.

Что касается французского флота²¹, то к маю 1854 года он состоял из двух действующих эскадр — Балтийской и Средиземной — и резервной эскадры в Тулоне²², которая находилась еще в состоянии вооружения и, следовательно, не могла принять участия в кампании этого года.

Балтийская эскадра состояла из 12 паровых и 17 парусных судов, носивших на себе артиллерию в размере 1196 орудий; в число этих судов входили один стопушечный винтовой корабль «Аустерлиц», 8 парусных линейных кораблей и столько же парусных фрегатов.

Собственно цветом французского флота была громаднейшая эскадра Средиземного моря, в которой были сосредоточены лучшие суда. Она подразделялась на три эскадры: адмирала Гамелена, состоявшей из винтового корабля «Шарлемань», 8 парусных кораблей, 1 парусного и 6 паровых фрегатов и 3 мелких паровых судов с общим числом 1074 орудия; адмирала Брюа — из 3 винтовых, 3 парусных кораблей и 3 паровых фрегатов с 582 орудиями и,

наконец, эскадру Барбиз де Тинана, состоявшую из 23 почти исключительно паровых мелких судов.

Английский историк Geffeken рисует состояние французского флота в плачевном виде. Вместо обещанных для Балтийской эскадры 50 000 матросов французы едва могли набрать лишь 30 000 и не имели в этой эскадре ни одного обученного экипажа. Среди кораблей было четыре, которые еще в 1850 году были признаны негодными. Не хватало ни орудий, ни припасов. Впрочем, следует повторить, что лучшие морские силы Франции были направлены в Черное море.

Английское правительство также в военном отношении мало было подготовлено к начинавшейся большой войне. Первые словесные распоряжения о подготовке к экспедиции были даны герцогом Ньюкстелем 6 февраля н. ст., причем сила экспедиционного корпуса определялась в 9500 штыков, полк конницы и две роты артиллерии с двумя ротами саперов и минеров²³. Вслед за этим было испрошено увеличение контингента армии и флота в общем на 20 000 человек и морской пехоты на 5 000. Такое увеличение доводило численность армии до 112 977 человек, флота до 41 000 и морской пехоты до 5 500 человек²⁴.

Для отправления на Восток из этого состава была выделена армия, состоявшая из пяти пехотных и одной кавалерийской дивизии под начальством лорда Раглана. Каждая дивизия подразделялась на две бригады, которые состояли из разного количества полков и отдельных батальонов. Всего в ней было 24 пехотных полка, 4 отдельных батальона, 9 кавалерийских полков и 56 орудий²⁵. Численность этой экспедиционной армии не превосходила 30 000 человек.

По предварительным соображениям, для действия в поле 25-тысячного корпуса требовался обоз из 2000 арб и 5 000 вьючных мулов с расчетом продовольствия при войсках на 11—13 дней. Участники кампании жаловались, что английское Военное министерство не сумело сносно устроить административную часть экспедиционного корпуса. Запасов и складов на базе не было устроено; комиссариат не имел понятия о способе снабжения войск предметами продовольствия и фуража и приступал к заготовлению предметов снабжения лишь тогда, когда в них начинала чувствоваться потребность²⁶.

Но к началу кампании, в половине марта, из предназначенных в экспедиционный корпус войск могли отправить на остров Мальта лишь 10 000 человек²⁷. В то же время в Англии было собрано 18 паровых судов разных частных компаний общей вместимостью около 35 000 тонн груза, которые могли поместить до 17 000 человек десанта. Суда эти, несмотря на огромные их размеры, могли употребляться лишь как транспорты по неудобству ношения ими артиллерии²⁸.

Летом 1854 года, после отправки поименованных войск на театр войны, в обоих Соединенных Королевствах оставалось только 11 батальонов пехоты численностью около 6600 человек, из них две трети — рекруты²⁹.

Что касается английского флота, то материальная часть его представляла громадную силу, и великобританское адмиралтейство проявило после Синопского боя кипучую деятельность, чтобы успеть к весне 1854 года мобилизовать весь свой флот.

Эскадра Средиземного моря состояла из 24 паровых и 13 парусных судов с 1329 орудиями. В числе паровых судов были 2 винтовых корабля, 2 винтовых фрегата и 20 пароходо-фрегатов и колесных пароходов. В соединенные эскадры Балтийского моря входили 33 паровых и 11 парусных судов с 2200 орудиями. В числе паровых судов были 13 винтовых кораблей, 8 винтовых фрегатов и корветов и 12 пароходо-фрегатов и колесных пароходов³⁰.

Наибольшим недостатком английского флота был значительный некомплект команды на судах, что заставило правительство прибегнуть даже к такой оригинальной мере, как назначение во флот офицеров и нижних чинов полевой артиллерии. Они первоначально должны были обучать набираемых матросов, а потом усилить собой состав судовых команд³¹.

Во главе французской экспедиционной армии Наполеон поставил военного министра времен переворота маршала С.-Арно. Вся жизнь этого генерала была сплошной вереницей авантур и разного рода приключений. Человек в высшей степени честолюбивый, он решил составить себе во что бы то ни стало карьеру и в достижении этой заветной цели не останавливался ни перед какими средствами. Умный, энергичный, безумно храбрый, С.-Арно был замечательно удобен для выполнения поручений, не требующих особой нравственной чистоплотности, и в благодарность за это быстро продвигался по лестнице служебной иерархии. Не боявшийся опасности, он с удовольствием принимал участие в рискованных военных предприятиях в Африке и этим развил свои и без того недюжинные военные дарования. Людовик-Наполеон, подготавливая провозглашение империи, искал подходящего для этого военного министра, и после коротких переговоров выбор его остановился на С.-Арно. Начавшаяся война с Россией выдвинула его на пост командующего Восточной армией. Руководствовался ли в данном случае император Наполеон исключительно военными дарованиями маршала С.-Арно и уверенностью, что он поведет экспедицию с той энергией, которую желал придать ей новый повелитель французов, было ли в этом назначении также намерение удалить подальше от Парижа одного из наиболее видных и беспокойных лидеров свершившегося переворота, сказать трудно. С.-Арно поехал на Восток, одержимый уже смертельным недугом и совершенно физически немощный; он жил и двигался лишь неисчер-

Схватка под Силистрией

паемым запасом силы воли и вплоть до своей кончины, последовавшей вскоре после Алминского сражения, действительно старался придать экспедиции тот характер живости и энергии, которые были свойственны его богато одаренной и оригинальной натуре³².

Совершенно противоположным по характеру и военной подготовке был лорд Раглан, поставленный во главе английской армии. Испытавший войну лишь в далекой молодости и проведя последующие сорок лет в мирной обстановке и по преимуществу на бюрократических должностях, он не мог считаться практиком военного дела и был скорее почетным знаменем былой славы английской армии. Можно, однако, предполагать, что назначением лорда Раглана главнокомандующим экспедиционной армией имелось в виду достижение и другой побочной цели — уравновесить пылкие порывы С.-Арно, оградить операции от возможных авантюр и придать им характер, выгодный для обоих союзников, а не только для одной Франции. И в этом отношении спокойный, уравновешенный характер лорда Раглана, так же как и его богатая административная опытность, являлись отличным дополнением к главе французской армии.

Барон Бруннов, который считал английского главнокомандующего в числе немногих своих интимных друзей, посвящает ему следующие строки в письме к графу Нессельроде³³:

«Лорд Раглан как солдат исполнит свой долг против нас, но как человек он останется искренно привязанным к России. Можно пред-

полагать, что каждый из союзников будет экономить то, чего у него мало. Французы будут сберегать свои суда, а англичане будут скупы насчет солдат. Это условие, я думаю, не сделает легким достижение постоянного согласия в совместных операциях. К тому же лорд Раглан, наряду с внешней мягкостью, упрям, как все англичане, и он будет поступать только по своему разумению. Вообще он не любит французов и не уважает их. Его выбор указывает, как мне кажется, на желание англичан сохранить полную свободу в своих операциях»³⁴.

Первоначальным пунктом сосредоточения союзных войск был избран остров Мальта, где решено было устроить промежуточную базу. Все иностранные источники свидетельствуют о полной неподготовленности союзников к открытию большой кампании. Трудно сказать, кто из них перешеголял один другого в тех беспорядках, о которых они сами повествуют.

Войска сосредоточивались, организовались и снабжались всем необходимым так медленно, что не было возможности ускорить отправление их в Турцию. Тем временем до союзников дошла грозная весть о переходе князем Горчаковым Дуная, и мы знаем уже, какое впечатление на них произвела эта весть. Надо было торопиться на театр войны, чтобы не опоздать к ожидаемой уже союзниками развязке всей кампании под стенами Константинополя, а между тем царивший в организации армии хаос не давал возможности это сделать. Приходилось прибегать к полумерам и двинуть на турецкую территорию хоть то, что было под рукой.

И действительно, сосредоточение французской и английской армий у пункта высадки их в Галлиполи носило крайне беспорядочный характер.

Первоначальные предположения союзников состояли в высадке экспедиционных корпусов прямо в Варне.

Здесь они непосредственно входили в связь с армией Омера-паши и весеннюю кампанию могли открыть активными действиями на Дунае; большое преимущество союзного флота перед нашим Черноморским делало к тому же эту высадку почти безопасной. Но переправа князя Горчакова через Дунай, ожидание его быстрого наступления в направлении к Балканским проходам и неуверенность в способности турецкой армии противодействовать этому наступлению заставили союзников отказаться от первоначальных предположений и избрать более безопасный пункт высадки, который давал бы возможность прикрыть от наступления русских хотя бы только столицу оттоманов.

Таким условиям наиболее соответствовал Галлиполи, расположенный на полуострове того же наименования и обеспечиваю-

щий обладание Дарданелльским проливом³⁵. Удаление Галлиполи от Адрианополя на 125 верст позволяло быстро поспеть на защиту этого города, а близость Константинополя ставила при всех случайностях войны и эту столицу под прикрытие союзных десантов.

Избранный пункт высадки был выгоден также и в том отношении, что давал возможность в короткое время укрепить его и сделать труднодоступным для атаки с суши даже превосходящими силами, что позволяло в случае неблагоприятного оборота войны произвести безопасно обратную посадку на суда. Наконец, обладание Галлиполи обеспечивало также свободный выход союзного флота из Черного моря.

Таким образом, предпочтение, отданное для первоначальной высадки союзных армий этому пункту перед Варной, является следствием победы элемента осторожности над активностью, что, в свою очередь, находилось в зависимости как от неготовности союзных армий, так и от того впечатления, которое произвела на наших врагов переправа Горчакова через Дунай.

Эти обстоятельства отдаляли по крайней мере на два месяца столкновение армии князя Варшавского с англо-французами и давали ему возможность нанести отдельно туркам решительное поражение, а может быть, и совершенно изменить ход кампании, если бы только на берегах Дуная могли отрешиться от излишней осторожности и думать не только об обороне со всех сторон, но и о нанесении врагу решительного удара.

С 18 (30) марта началась ежедневная отправка союзных войск с Мальты в Галлиполи. Перевозка, как было уже сказано, шла в полном беспорядке. Людей большей частью сажали на паровые суда, тогда как лошадей, орудия и все запасы перевозили на парусном флоте. В результате части прибывали вразброд, ожидая по нескольку дней своих запасов, и пришлось употребить немало времени для приведения их в боевую готовность.

В середине апреля старого стиля в Константинополь прибыли оба союзных главнокомандующих, маршал С.-Арно и лорд Раглан. Употребив около двух недель на представления, парады и на ознакомление с обстановкой в столице, они в начале мая отправились совместно с турецким военным министром в Варну для свидания с Омером-пашой и для выработки плана предстоящих действий.

В то же время союзные армии продолжали свое беспорядочное сосредоточение в Галлиполи, где скучали от бездействия, занимаясь лишь укреплением этого полуострова и ознакомлением друг с другом. К концу апреля на турецкую территорию успело собраться лишь 22 тысячи французов и около 14 тысяч англичан, из которых только незначительная часть могла быть двинута вперед из-за царившей путаницы в перевозке войск и материальной части.

Кладбище в Калараше

7 (19) мая в Варне состоялось пятичасовое совещание между союзными главнокомандующими, Омером-пашой, сераскиром и капудан-пашой. Оно началось подробным изложением Омером-пашой положения дел на театре войны.

Общая численность турецкой армии на Балканском полуострове к этому времени достигала 104 тысячи человек. Из них 45 тысяч были сосредоточены в Шумле, 18 тысяч — в Силистрии, 6 тысяч — в Варне, 20 тысяч — в Видине и Калафате и остальные были разбросаны мелкими частями по разным пунктам³⁶. Омер-паша предполагал до соединения с союзными армиями не вступать с русскими в решительное сражение, а задерживать наше наступление внутрь страны, оставаясь в Шумлинском укрепленном лагере, где он со своей сильной в обороне армией рассчитывал не только остановить наступление князя Варшавского, но и разбить его.

Турецкий главнокомандующий полагал также, что Силистрия, хорошо обороняемая, задержит наступление русской армии по крайней мере на шесть недель. Обзор своего стратегического положения Омер-паша закончил следующим обращением к союзным генералам:

«Силистрия должна неминуемо пасть; я надеюсь, что она продержится шесть недель, но она может быть взята и в две недели, и

в одно прекрасное утро мы можем быть поражены этой новостью, а также известием о движении русских на Шумлу. Я недостаточно силен, чтобы идти на помощь Силистрии, и буду уничтожен без всякой пользы; необходимо, следовательно, чтобы мне помогли, дали бы опору. Я буду очень долго защищаться в Шумле. Скажу более, я почти уверен в том, что разобью русских, если они будут меня атаковать, но разве французы и англичане, которые находятся в Галлиполи, на турецкой территории, захотят лишить себя помощи моей отличной армии и дадут русским возможность уничтожить меня отдельно, тогда как мы вместе могли бы отбросить их на другой берег Дуная и спасти Турцию?»

«Истина этих соображений поразила лорда Раглана и меня, — сообщал С.-Арно маршалу Вальяну. — Мы начали спокойно обсуждать положение Турции и ее армии, а также положение союзных армий, целью которых в глазах всего света была помощь туркам»³⁷.

Результатом этого спокойного обсуждения было решение провозвести возможно скорее демонстрацию в пользу турок, направив в Варну морем по одной дивизии, французской и английской. Французы должны были занять укрепленную позицию верстах в четырех впереди Варны, а англичане сильную позицию у Девно, отстоявшего в семи часах марша от Варны и прикрывавшего Праводы. С.-Арно приводил следующие мотивы такого решения: поддержать нравственное состояние турецких войск, воздействовать в дурную в этом отношении сторону на русские войска и заставить князя Варшавского принять окончательное решение — или уйти за Дунай, или же удвоить усилия для скорейшего овладения Силистрией, чтобы потом двинуться против армии морских держав.

Союзные главнокомандующие предполагали своим выдвижением вперед достигнуть и политической цели, заставив Австрию принять определенное решение и не отговариваться более «очень большим удалением французских войск от Дуная и русских».

Но пылкий французский военачальник, мотивируя приведенными выше соображениями выдвижение двух союзных дивизий к северу от Варны, питал в тайниках своей души более смелые надежды обратиться предполагаемую демонстрацию против русских войск в решительное столкновение на берегах Дуная, которое особенно соответствовало бы планам императора французов. Дальнейшее наступление Паскевича волей-неволей заставляло союзников быстро сосредоточить все их силы между Варной и Шумлой, и С.-Арно предполагал, что для них трудно было найти более выгодное положение для вступления в бой с русскими войсками, которым пришлось бы драться, имея перед собой свежую, сильную армию, а в тылу большую реку. Однако состояние экспедиционных корпусов не соответствовало широкому полету мысли фран-

цузского главнокомандующего, и он взывал к патриотизму военного министра. «Ваше превосходительство, — писал он³⁸, — поймете всю важность настоящего положения и не откажете мне в возможной помощи, не теряя ни одной минуты. Здесь затронута честь французского знамени; надо, чтобы оно торжествовало, и оно будет торжествовать, но необходимо, чтобы я был силен, очень силен, чтобы избежать риска какой-либо неудачи».

По предположению С.-Арно, через две недели должно было сосредоточиться между Варной и Шумлой 10 тысяч французов и 7 тысяч англичан, и к половине июня старого стиля число это могло удвоиться. Остальные части предполагалось эшелонировать в Бургассе и впереди Адрианополя. Варна же должна была обратиться в весьма важную для союзников базу и даже более важную, чем Галлиполи.

Через два дня после описанного совещания союзные главнокомандующие, находясь в Шумле, получили от смущенных турецких генералов печальные вести о положении Силистрии. Комендант сообщил 8 (20) мая, что русские войска силой в 70 000 человек энергично атакуют крепость, что сильная бомбардировка продолжается день и ночь, часть брустверов в направлении к Дунаю уже разрушена, полная блокада неминуема и что крепость не может держаться более 10—15 дней. Турки при этом известии пришли в полное уныние, и сераскир предполагал через два месяца видеть уже русские войска под стенами Константинополя.

Это известие заставило С.-Арно и лорда Раглана изменить свое решение о движении к Варне только двух дивизий и постараться возможно скорее сосредоточить туда все войска обеих армий, которыми они могли располагать и которые были готовы. Вместе с тем Омеру-паше было предложено приказать коменданту защищать крепость до последней крайности, после чего спасти такую часть гарнизона, которую представится возможным. С этой целью надлежало, усилив в последнюю минуту огонь, оставить в крепости от 6 000 до 8 000 человек, а с остальными 10 000—12 000 прорваться в наиболее слабом месте через русское расположение и быстро двинуться к Шумле. Такой маневр силистрийского гарнизона должен был обеспечиваться с тыла 12 000 башибузуков, поддержанных 2 000 регулярной кавалерии, и с правого фланга движением от Калафата к Шумле 10-тысячного корпуса, которому приказано было специально для этого приблизиться возможно ближе к Силистрии. Одновременно с этим комендантам Видина и Софии предписывалось оставить у себя лишь крайне необходимое число войск для обороны этих пунктов и удержания в своих руках страны, а остальные направить усиленными переходами к Шумле.

С.-Арно предполагал, что благодаря таким мерам армия Омера-паши увеличится в течение трех недель до 70 000 при 180 ору-

дях; англичане к тому же времени будут иметь перед Варной 20 000, а французы 35 000 человек. С армией в 125 000 при 316 орудиях, сосредоточенной на отличной позиции, С.-Арно считал возможным спокойно ожидать наступления князя Варшавского, которого он предполагал, может быть, допустить до самой Шумлы³⁹.

Со своей стороны и политическая обстановка заставляла маршала С.-Арно торопиться перекинуть часть союзных войск в Варну. Австрийский представитель в Константинополе сообщил французскому поверенному, что Австрия решила не колебаться более в принятии активного участия в войне и двинет свои войска, чтобы заставить нас очистить княжества.

«Я удвою мою деятельность, чтобы иметь возможность открыть огонь на Дунае ранее их,— писал маршал, сообщая это известие военному министру⁴⁰.— Но я не могу двинуться вперед, пока не буду достаточно силен, чтобы нанести решительный удар и отбросить русских в Дунай».

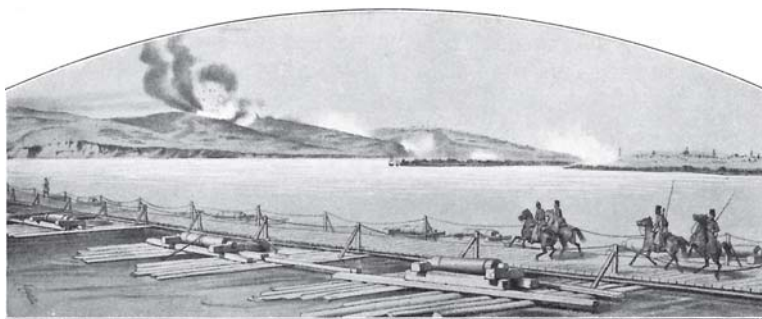
С такими радостными мечтами союзные главнокомандующие отбыли в Константинополь, где, однако, их ожидало разочарование ввиду неготовности их армий.

Настоящее положение союзников лучше всего видно из откровенного письма маршала С.-Арно к императору Наполеону, написанного тотчас же по возвращении главнокомандующих из Варны. Предоставим говорить об этом самому руководителю военными операциями французского экспедиционного корпуса.

«С грустью должен доложить вашему величеству,— писал С.-Арно⁴¹,— что наша армия не сформирована, и мы не в состоянии воевать в том положении, в каком находимся в настоящее время. Мы имеем только 24 запряженных орудия и 500 лошадей на два кавалерийских полка. Все остальное, как люди, так и материальная часть, задержано в море северными ветрами, и неизвестно, когда прибудет.

Наше положение еще печальнее в отношении продовольствия. Я имею сухарей на 10 дней, а мне их нужно по крайней мере на три месяца. Думали, что я шутил, когда просил три миллиона рационов, что составляет лишь трехнедельную потребность для пятидесятитысячной армии, и мне предложили один миллион. Невозможно вести войну без хлеба, без сапог, без походных котелков и без манерок, а меня оставляют с 250 парами сапог, 40 котелками и с 250 манерками...

Находясь в таких условиях, я принужден сильно изменить план, условленный между турецким правительством, лордом Рагланом и мною. Это вещь более чем щекотливая, так как мы связаны обязательствами с турецким правительством, а лорд Раглан — со своим, которому он написал уже и дал числовые

Плавающий мост на Дунае

данные. Вы, ваше величество, знаете английское правительство, а также логику оппозиции. Я всегда сумею убедить турок и удовлетворить их осторожным началом исполнения обещанного, но положение лорда Раглана гораздо затруднительнее, так как все его генералы и штаб уговаривают его что-нибудь предпринять. Чтобы обелить лорда Раглана в глазах его правительства, я вместе с новой письменной инструкцией привожу ему основательные и осторожные мотивы, которые заставляют меня изменить первоначальный план.

Ни лорд Раглан, ни я, мы не можем уклониться от произведения демонстрации в Варне. Это значило бы потерять всякое влияние на оттоманское правительство и произвести сильную деморализацию в армии Омера-паши. Но вместо того чтобы выдвигать перед Варной все наши силы, каждый из нас пошлет туда по одной хорошо снабженной бригаде, которые останутся на высотах, окружающих Варну, в расстоянии одного часа хода от крепости, и обеспечат себя полевыми укреплениями. Эти войска будут находиться под начальством наиболее способных генералов Канробера и Броуна, и в том случае, когда Силистрия падет, что неминуемо должно случиться, а русские двинутся вперед, то мы не будем находиться в необходимости принять бой в невыгодных условиях, а будем в состоянии принять решение, соответствующее обстоятельствам...

Выигрывая время, мы выигрываем все. Прибытие войск и обозов будет продолжаться, армия будет устраиваться, и мы сохраним преимущество почти сдержавших свое слово относительно турецкого правительства, которое будет удовлетворено, увидав наши войска в Варне, дивизию в Константинополе и нашу кавалерию направленной к Адрианополю, где она в обилии найдет подножный корм и будет заготавливать сено. В то же время мы покажем русским и австрийцам головы наших колонн в Варне; мы их уси-

лим, если этого потребуют обстоятельства, а если понадобится, то мы легко отведем их на Бургас, чтобы сосредоточить за Балканами армию сильную и хорошо устроенную.

В этом последнем, я думаю, заключается мысль вашего величества, но в том положении, в котором находится Турция, нелегко заставить ее понять причину бездействия двух великих держав, прибывших к ней на помощь и позволяющих брать ее крепости и убивать ее солдат.

В настоящее время мы находимся в положении вынужденном: мы не готовы, а англичане не готовы еще более нас»⁴².

Таково было откровенное послание маршала С.-Арно, которое подтверждает, как нужны были энергичные действия князя Варшавского на Дунае не только для одержания решительного успеха на театре войны, но и для обезвреживания Австрии, мечтавшей только об одном — идти рука об руку с победителем.

19 (31) мая маршал С.-Арно начал приводить свой план в исполнение. В этот день дивизия Канробера села на суда и отплыла в Варну; 3-я дивизия начала свое движение на север сухим путем и должна была пройти через Константинополь, имея целью этим движением успокоить турок, убедив их, что активная помощь со стороны союзников началась. Наконец, дивизия генерала Боске и кавалерия двинулись прямой дорогой на Адрианополь⁴³.

Однако лорд Раглан не так охотно присоединялся к осторожному оборонительному плану С.-Арно, как этот последний сообщал своему императору. Напротив, со стороны англичан последовал твердый протест и было заявлено желание во что бы то ни стало исполнить принятое относительно Омера-паши обязательство, в особенности в такую минуту, когда судьба Силистрии внушала серьезные опасения. Английский главнокомандующий решил даже, в случае несогласия французов на продвижение к Варне, перекинуть туда всю свою армию⁴⁴. Не встретила эта мысль сочувствия и в Париже, откуда маршалу С.-Арно в письме от 28 мая (9 июня) выражалось полное неодобрение его плана и Наполеоном, и военным министром⁴⁵.

Но еще до получения этого письма маршал С.-Арно решил, под давлением твердого протеста лорда Раглана, отказаться от своего плана, присоединить свои войска к войскам союзников и двигаться к Варне. 30 мая (11 июня) им был отдан приказ о перенесении базы из Галлиполи в Варну.

«В настоящих обстоятельствах,— писал он маршалу Вальяну 8 (20) июня,— Варна есть наша настоящая база для наступательной кампании. С полной неохотой я одно время предполагал эшелонироваться за линией Балкан, с авангардом в Варне. Это был бы плохой маневр. Нельзя с армией в 60 000 оперировать так, как оперируют с 20 000. Самими обстоятельствами нам намечено мес-

то в Варне, и оттуда мы свободны, когда захотим, двинуться вперед или назад».

15 (27) июня туда была переведена главная квартира; 18 (30) июня там сосредоточились не в полном, однако, составе 1, 3-я и 4-я дивизии, а 2-я дивизия с кавалерией и частью артиллерии были эшелонированы по дороге в Адрианополь. Общее число французских войск в Варне достигало 30 000 и английских почти до 20 000.

Н а Черном море еще раньше, чем западные державы объявили открыто нам войну, создалось весьма оригинальное положение, заставлявшее смотреть нас на флоты англичан и французов как на вражеские и ежеминутно ожидать столкновения с ними.

Синопский бой бы понят Англией как дело, которое оскорбляло достоинство великой морской державы, принявшей определенные обязательства по отношению к империи оттоманов. Парижский и Лондонский кабинеты решили для восстановления своего престижа ввести в Черное море соединенные эскадры для защиты турецкого флота и турецких берегов от нового поражения.

С этой минуты уже трудно было ожидать мирного исхода спора России с Англией и Францией, а присутствие в Черном море морских сил этих держав с очень двусмысленной инструкцией защищать турецкий флаг и нахождение их в распоряжении такого ненавистника России, каким был лорд Редклиф, заставляло ежеминутно ожидать возможности боевого столкновения в Черном море и нападения союзных флотов на наши берега.

Во время Крымской кампании общественность России ожидала от нашего флота в Черном море победоносных и активных действий не только против флота турецкого, но и против западных громад.

Южное море, дававшее возможность судам оставаться в боееспособном состоянии в течение круглого года, боевая практика в крейсировании у берегов Кавказа, вековая слава этого флота и, наконец, имя его создателя и воспитателя адмирала Лазарева делали вполне понятным, что Россия, в особенности после славного Синопского боя, ожидала от своего Черноморского флота только успехов, даже невероятных.

Но дело в том, что флот на Черном море содержался нами с определенной целью — для борьбы с Турцией, и в этом отношении он стоял на должной высоте, владея своим морем, господствуя над флотом турецким и имея возможность перекинуть в самое короткое время сильный десант на берега Босфора. Однако единоборство с могущественными флотами морских держав в наши задачи не входило, и к этому Черноморский флот не готовился.

Турки в траншеях под Силистрией

Характер его действий в борьбе с коалицией определился еще задолго до Крымской войны мнением, единогласно высказанным и адмиралом Лазаревым, и князем Меншиковым. В 1836 году, когда вопрос о возобновлении Ункяр-Искелесийского договора мог вызвать вооруженное столкновение России с Англией и Францией, император Николай пожелал знать мнение упомянутых лиц о роли Черноморского флота в случае входа в Черное море эскадры союзных держав. «Во всех сих случаях, — отвечал князь Меншиков по сношении с адмиралом Лазаревым⁴⁶, — ежели неприятель появится в Черном море в силах, нас не превосходящих, то нам атаковать его должно... В случае же превосходства неприятеля флоту нашему следует оставаться в Севастополе, где при покушении неприятельского флота на сей порт должно иметь главной целью нанести ему наибольший вред, с наилучшим сохранением флота нашего, чтобы сим флотом стараться уже довершить расстроенного неприятеля».

В Крымскую кампанию соотношение сторон не изменилось для нас в лучшую сторону, а скорее в худшую, так как у западных держав появился большой перевес в числе паровых судов.

Первые сведения о входе союзников в Черное море не имели особенно угрожающего вида. Адмиралы, как сообщал канцлер князю Меншикову⁴⁷, получили приказание ввести туда большие суда только в том случае, когда они будут положительно осведомлены, что наш Севастопольский флот везет десант в Варну или в Константинополь. Для разведок же адмиралам рекомендовалось посы-

лать преимущественно турецкие и египетские пароходы, подкрепляя их лишь в крайнем случае самыми легкими судами союзников.

Барон Бруннов рисовал со своей стороны нашему правительству эту меру как результат растерянности английских министров после синопского погрома и необходимости дать с их стороны удовлетворение общественному мнению. «Dans ce but,— сообщал он канцлеру⁴⁸,— ils ont résolu de faire entrer l'escadre dans la mer Noire, mais cela mème sans courage, sans hardiesse, sans but déterminé. Elle ne doit pas aller loin. Elle ne doit pas rester longtemps. Tout cela est d'une pauvreté extrême. Ce n'est pas mème une démonstration, c'est une escapade navale». Однако император Николай не поддавался уже радужным взглядам своего представителя и приведенную выдержку снабдил несколькими вопросительными знаками.

В Европе чувствовалось, что вход эскадр западных держав в Черное море есть тот рубикон, за которым начиналась общая война. В Париже, по словам Киселева⁴⁹, об этом только и говорили, стараясь узнать, как отнесется русское правительство к такому враждебному акту, и с нетерпением считали дни и часы, когда будет получен наш ответ.

Искреннее желание избежать европейской войны заставило, как известно, Петербургский кабинет ответить очень сдержанно на брошенный ему вызов. Граф Нессельроде готов был смириться со свершившимся фактом в том случае, если союзные державы установят на Черном море нечто вроде перемирия, поставив одинаковые условия для обеих враждующих сторон. В этом духе предложено было нашим представителям в Париже и Лондоне сделать запросы соответствующим правительствам. Граф Кларендон сообщил по этому поводу барону Бруннову, что британский флот послан в Константинополь не для атаки русских, а с твердым намерением защитить Турцию и что правительство королевы будет очень радо, если к этому не представится случая. Для указанной цели французские и английские суда войдут в Черное море и будут требовать от каждого русского военного судна возвращения в свой порт, а в случае нежелания исполнить это требование будут прибегать к силе. Но в то же время правительство королевы, желая по-прежнему мирного окончания возникших недоразумений, примет меры помешать нападению турецкого флота на русскую территорию⁵⁰.

В том же миролюбивом тоне наш канцлер писал и князю Меншикову⁵¹. Предупреждая, что на Черном море может установиться своего рода перемирие, он выражал сожаление, что мы не имеем там сил, достаточных для того, чтобы сразиться с успехом с соединенными эскадрами Англии, Франции и Турции.

Но граф Нессельроде утешал князя Меншикова, что после блестящего синопского дела наш славный флот может почить на своих лаврах, не рискуя ввязываться в очень неравный бой⁵². Князь Алек-

сандр Сергеевич со своей стороны и не предполагал рисковать флотом, находя, что численный перевес союзников на Черном море слишком велик, чтобы решиться дать им генеральное сражение в открытом море, и лишь готовился с успехом отразить атаку их на Севастопольский рейд⁵³.

Меры для встречи союзных эскадр в Севастополе начали принимать почти тотчас же после возвращения флота от Синопа.

К половине декабря на рейде стояли в полной готовности к выходу в море 6 кораблей, 2 фрегата, 2 корвета и 4 парохода; 8 кораблей, 1 фрегат и 1 пароход требовали капитального ремонта, и севастопольское адмиралтейство, сознавая необходимость скорейшей постановки этих судов в строй, превратилось в огромный муравейник, в котором необычайная деятельность не прекращалась несколько месяцев кряду⁵⁴. Четыре фрегата и несколько мелких судов плавали, под флагом контр-адмирала Вукотича 1-го, у кавказских берегов⁵⁵.

Первые распоряжения князя Меншикова по обороне Севастопольского рейда были сделаны 5 декабря⁵⁶. Корабли, способные выйти в море, стали по диспозиции на большом рейде в две линии между восточным мысом балки Голландия и хутором 42-го флотского экипажа, расположенным между Георгиевской и Килен балками, имея фрегаты за линией кораблей. Три корабля, не способные выйти в море, преградили доступ в южную бухту, имея за собой все пароходы. Для защиты Карантинной бухты и для флангового действия по рейду в случае прорыва неприятельской эскадры были предназначены два корвета. Кроме того, вход в южную бухту был затруднен устройством бона, а для наблюдения за приближающимися неприятельскими судами были установлены по берегу от мыса Сарыча до мыса Лукулл казачьи пикеты и ряд телеграфов⁵⁷.

Такое расположение в глубине бухты кораблей, способных выйти в море, в достаточной мере обеспечивало их прикрытие, так как неприятельским судам, атакующим их, пришлось бы преодолевать сильный перекрестный огонь двух рядов береговых батарей. Но, чтобы еще более оберечь их от всяких случайностей, адмирал Корнилов приказал экипажам кораблей «Двенадцать апостолов», «Париж» и «Святослав» построить три земляные батареи, из которых две на восточном и западном мысе Голландия и одну на мысе западнее Киленбалочной бухты. Батареи эти, составлявшие третью линию обороны рейда, получили название своих кораблей.

21 декабря (2 января) английский и французский послы заявили султану, что на следующий день союзный флот войдет в Черное море с приказанием сопровождать и защищать турецкие корабли при условии, что последние не отойдут далее 4 миль от турецкого берега. Если же русские атакуют турок, то союзные адмиралы ответят тем же⁵⁸.

Схватка под Силистрией (с итальянской литографии)

Английский флот в Босфоре к этому времени состоял из 8 кораблей, в том числе одного винтового, 3 фрегатов, из них один винтовой, и 10 пароходо-фрегатов и пароходов; французский флот состоял также из 8 кораблей, из которых один винтовой, 2 фрегата и 6 пароходов.

22 декабря (3 января) союзный флот, оставив для защиты Босфора 2 корабля и 1 фрегат, вошел в Черное море в сопровождении турецких судов, везших подкрепления на азиатский театр войны. Английский пароход «Retribution» немедленно был направлен в Севастополь для объявления русским властям о свершившемся факте. На борту этого судна находились союзные офицеры, в задачу которых входило проведение рекогносцировки нашего военного порта. Пользуясь туманом, английский пароход 25 декабря рано утром незаметно подошел близко к Николаевской батарее, где был остановлен холостыми выстрелами с этой батареи. Сдав депеши и обменявшись салютами «Retribution» ушел в море «после того, как офицеры успели снять главнейшие форты и набросать кроки всех укреплений»⁵⁹. Случай этот заставил князя Меншикова принять более бдительные меры охраны Севастополя с моря, рейд которого был разделен боном на внешний и внутренний, а иностранные военные суда приказано было впредь останавливать вне зоны действия батарей⁶⁰.

Тем временем часть союзного флота прибыла в Синоп, а остальная конвоировала турецкие транспорты в Батум. Первоначально

предполагалось Синоп сделать центром морских операций, чему этот пункт вполне соответствовал как по своему стратегическому положению, так и по качествам гавани.

В Синопе была образована смешанная комиссия для спешного оборудования и укрепления этого порта, но совершенно неожиданно адмиралы союзного флота, выждав прибытия в Синоп той части эскадры, которая была отправлена в Батум, покинули 3 (15) января Синопский рейд и направились к бухте Бейкос.

Такое отступление к Константинополю произвело тяжелое впечатление на оттоманов и на представителей морских держав. Посланники писали адмиралам, что они удивлены их неожиданному решению, в особенности в тот момент, когда турецкая флотилия собиралась выйти в море с припасами для Анатолийской армии. Они считали, что приказания их правительств были сформулированы весьма определенно, и саркастически спрашивали, не полагают ли адмиралы исполнить данное им поручение одинаково хорошо как в Бейкосе, так и в Синопе. Но адмиралы не изменили своего решения и вернулись в Бейкос.

Английские источники считают причину такого поступка невыясненной, вполне основательно признавая ссылку на дурную погоду не уважительной, так как коммерческие суда продолжали плавать по Черному морю в течение всего времени. Мы полагаем, что истоки такого решения адмиралов правильнее искать в опасении активных действий со стороны нашего флота, который при нахождении союзного флота в Синопе мог бы отрезать ему путь отступления к Константинополю. Является странным, что свое решение уйти в Бейкос адмиралы приняли тотчас после получения приказания своих правительств сообщить русским командирам, что русскому флоту не разрешено крейсировать по Черному морю⁶¹. Они сознавали, что такое объявление равносильно официальному разрыву, и, зная Черноморский флот по недавнему прошлому, могли вполне основательно опасаться повторения синопского погрома.

С тех пор союзный флот стоял в бухте Бейкос, изредка высылая лишь отдельные отряды для курсирования по Черному морю. Только впоследствии, когда выяснилось, что наш флот примирился со своей пассивной ролью, союзники начали смелее выходить в море, и 18 (30) января соединенная эскадра из 8 паровых судов проконвоировала турецкую эскадру с войсками и припасами до Трапезунда, после чего подходила и стояла полчаса близ Феодосии⁶².

Таким образом и союзники, и русский флот, опасаясь друг друга, не отваживались сделаться хозяевами Черного моря. Мы обрели от этого положения лишь выгоду, успев в конце февраля безнаказанно снять гарнизоны с укреплений восточного берега Черного моря и уничтожить эти укрепления, которые, не имея сухопутного

сообщения с Кавказской армией, должны были оказаться трофеями союзного флота.

Тем временем факт появления непрошенных гостей в Черном море продолжал быть предметом оживленного обмена мнений между главными действующими лицами.

Барон Бруннов считал, что союзники имеют целью до окончательного разрыва с нами основать морские станции в Сизополе, Трапезунде, Синопе, Батуме, а может быть, и в Варне, откуда весной они могли бы направить свои операции, смотря по обстоятельствам, и кончал свои предсказания фразой, что «*l'idée de porter un coup a nos établissements entre dans les vues ultérieures de l'Angleterre et de la France*»⁶³. Князь Меншиков сообщал канцлеру⁶⁴ о молчаливо заключенном морском перемирии, так как ни союзники, ни мы не выходим в открытое море. Он признавал такое положение очень выгодным для нас в материальном отношении, но считал унижительным в нравственном отношении подчиняться приказу более сильного и указывал на необходимость уничтожить часть наших береговых укреплений на Кавказе. Последовавший же вскоре после этого осмотр четырьмя неприятельскими пароходами Феодосийского рейда убедил князя, что союзники Турции «положительно имеют в виду какое-то враждебное предприятие на Крым»⁶⁵.

Но наиболее сильное и тяжелое впечатление вход эскадр западных держав в Черное море произвел на престарелого князя Воронцова. В обширном всеподданнейшем письме⁶⁶, на котором государь поставил пометку: «весьма неутешительно», наместник Кавказа в ярких красках описывал то почти критическое положение, в котором окажется Кавказская армия, если союзники будут хозяевами Черного моря. «Первое действие таковой войны,— писал он,— будет немедленная потеря почти всех наших укреплений на восточном берегу, и я уже не вижу возможности спасения гарнизонов оных, ибо наш флот не будет в состоянии даже показаться в море, а все гарнизоны этих укреплений от Новороссийска или, может быть, от Геленджика до границы Абхазии не имеют никакого отступления... В Черном море против сильных неприятельских флотов у нас защиты нет, и падение всего, чем мы владеем на этом берегу, будет иметь самое пагубное следствие для могущества России на Кавказе и для влияния ее в Европе». В заключение Воронцов молил государя не допустить окончательного разрыва, хотя бы с некоторыми маловажными уступками.

По той массе подчеркиваний и вопросительных знаков, которыми император Николай испещрил это письмо, можно судить, какое мучительное впечатление оно на него произвело. Государь не мог не сознавать правдивости слов своего старого слуги, но он также хорошо понимал, что дело идет не о маловажных уступках, так как западные державы стремились к открытому разрыву.

Схватка под Силистрией (турецкая народная картина)

Одновременно наместник писал и канцлеру, также указывая на ужасное положение нашей береговой линии, гарнизоны которой должны неминуемо погибнуть, и вновь упоминал о необходимости скорейшего заключения мира, чего, по его глубокому убеждению, легко было достигнуть, сделав западным державам маловажные уступки. Это письмо уже вызвало со стороны императора Николая резкую пометку: «Je crois que le comle Woronzoff est tombé dans l'enfance»⁶⁷.

В своем опасении за судьбу береговых укреплений главнокомандующий на Кавказе обращался также и к князю Меншикову, в руках которого, по его мнению, была возможность усилить морскую оборону этих укреплений. В данном случае ответ князя Александра Сергеевича для нас интересен как взгляд на задачи нашего флота после входа в Черное море соединенных европейских эскадр.

«Англо-французские флоты, — писал князь Меншиков⁶⁸, — взяв на себя защиту турецкого флага и портов, конвоируют их транспортные суда не иначе, как тремя винтовыми кораблями и 6—7 пароходами, присоединяя такое же число турецких пароходов, и, независимо от того, высылают для крейсерства в Черном море свои пароходо-фрегаты, никогда не менее четырех. Чтобы противопоставить им соответственную на море силу, я должен отделять значительную часть нашего флота, рискуя при подобных встречах под-

вергать суда наши если не совершенной гибели, то по крайней мере повреждениям, которые на долгое время могут лишить нас возможности употреблять их в дело, тогда как Черноморский флот в настоящее время необходимо беречь для более важного момента».

Оставляя пока в стороне вопрос о снятии береговых укреплений, гарнизоны которых благополучно были спасены судами Черноморского флота, отметим лишь, что изложенные выше мнения вполне определяли способ действия нашего флота в борьбе с западными державами. От какого-либо активного выступления нашей севастопольской эскадры против соединенных эскадр морских держав мы заблаговременно воздержались, решив перейти к обороне, и лишь после того, как неприятельский флот дерзнет атаковать севастопольские твердыни и понесет значительный урон, окончательно добить его своим переходом в наступление. Союзники, со своей стороны, очень хорошо знали силу Севастополя с моря, а потому и не предполагали атаковать его с этой позиции. Таким образом, снятием гарнизонов береговых укреплений кончается активная деятельность Черноморского флота на море.

Вся деятельность этого флота вплоть до высадки союзников в Крым соответствовала с задачам и взглядам, которыми, как сказано выше, руководствовался главнокомандующий сухопутными и морскими силами в Крыму князь А. С. Меншиков. Это, однако, не мешало отдельным смелым крейсерствам наших пароходо-фрегатом.

Таким образом, работа нашего флота в рассматриваемый период кампании сводилась к принятию самых энергичных мер по обороне Севастопольского рейда на случай морской атаки противника, к дозорной службе наших судов в окрестностях Севастополя, к погоням за неприятельскими крейсерами, подходившими к порту, и в редком крейсерстве наших пароходо-фрегатом⁶⁹.

Наиболее полные распоряжения по обороне рейда были сделаны адмиралом Корниловым в обширной инструкции, отданной им командирам судов 18 марта⁷⁰. Эта инструкция собственно представляет собой весьма интересный трактат о возможных действиях союзников против Севастополя и флота, трактат, особо поучительный еще и потому, что он принадлежит перу Владимира Алексеевича Корнилова.

Предприимчивый и сильный на море неприятель мог, по мнению автора, предпринять против Севастопольского порта следующие действия: атаку десантом и флотом самого порта и флота, в нем стоявшего; внезапную атаку внешних укреплений, истребление стоявших в нем судов брандерами и бомбардирование с внешних рейдов.

Атаку одним флотом Корнилов признавал невозможной, так как неприятелю при этом пришлось бы преодолеть длинную, узкую бухту, окаймленную каменными рифами, огонь более 700 береговых орудий большого калибра, 13 сильных кораблей, занимавших

позицию, не доступную атаке иначе, как равными силами, не считая в том числе 5 больших фрегатов, пароходов и прочих мелких судов, и, наконец, сопротивление 40-тысячного русского населения.

Для атаки десантом совместно с флотом ближайшими пунктами высадки могли служить на северной стороне Бельбекская долина, а на южной — Стрелецкая или какая-либо другая бухта Херсонесского полуострова⁷¹.

Корнилов полагал, что неприятель предпочтет для высадки северную сторону из-за более удобного для этой цели берега и возможности развернуть значительные силы. Овладев Северным укреплением и береговыми батареями Константиновской, Михайловской и № 4, он в состоянии будет направить их огонь против южных батарей, города и флота и тем облегчить вход своей эскадре для атаки кораблей, стоявших в глубине бухты. Однако для выполнения этой задачи неприятелю необходимо иметь осадную артиллерию, а без нее, «если гарнизоны, в крайности, не забудут заклепать орудий, то завоевание это далеко еще не решит дела, и победитель очутится под выстрелами противного берега и нашего флота».

В данном случае задача нашего флота заключалась в подвозе подкреплений с южной стороны, в высадке с судов вооруженных отрядов и в действии артиллерией с фрегатов и других мелких судов. Линейные же корабли не должны были ни в каком случае оставлять своих позиций, всегда имея в виду возможность атаки неприятельским флотом.

Высадку союзников на южной стороне Корнилов считал менее вероятной. Она давала им преимущество прямого нападения на город, гавань и все портовые службы, но была невыгодна в техническом отношении и в отношении подступов, дававших обороняющемуся ряд позиций, способных к защите малым числом войск. В этом случае роль флота сводилась к выполнению тех же задач, как и при атаке с северной стороны.

Наконец, адмирал признавал возможным и тот случай, что неприятель решится, при огромных его морских силах, произвести высадку одновременно на южной и северной сторонах. Роль флота по-прежнему оставалась вспомогательной, «разве какие-нибудь дерзкие покушения отдельных неприятельских кораблей на наружные укрепления предоставят нам выгодный случай атаки с нашей стороны, к чему корабли должны быть заранее приготовлены».

Вообще же Корнилов признавал, что овладение Севастополем посредством десанта и флота может быть предпринято не иначе как с большими средствами, с большими приготовлениями и с большой обдуманностью.

Переходя к возможности внезапной атаки внешних укреплений, автор записки признавал такой способ действий совершенно соответствующим духу бывалых подвигов английского флота. Это мог-

ло быть сделано или для обессиления обороны входа в порт, или же просто для того, чтобы нанести урон батареям Севастополя.

Лучшим средством против подобного рода атак Корнилов признавал заблаговременно условленные меры отражения, бдительность телеграфной службы и наружных постов, а также полную готовность самих укреплений и сторожевых судов к безотлагательному и быстрому открытию огня и отражению самого приступа. В своей инструкции адмирал давал подробные указания на этот случай.

Успешное истребление стоящих в порте судов брандерами Корнилов признавал фактом очень редким и более всего зависевшим от паники среди атакуемых судов. В зависимости от этого им и были даны в инструкции особые указания.

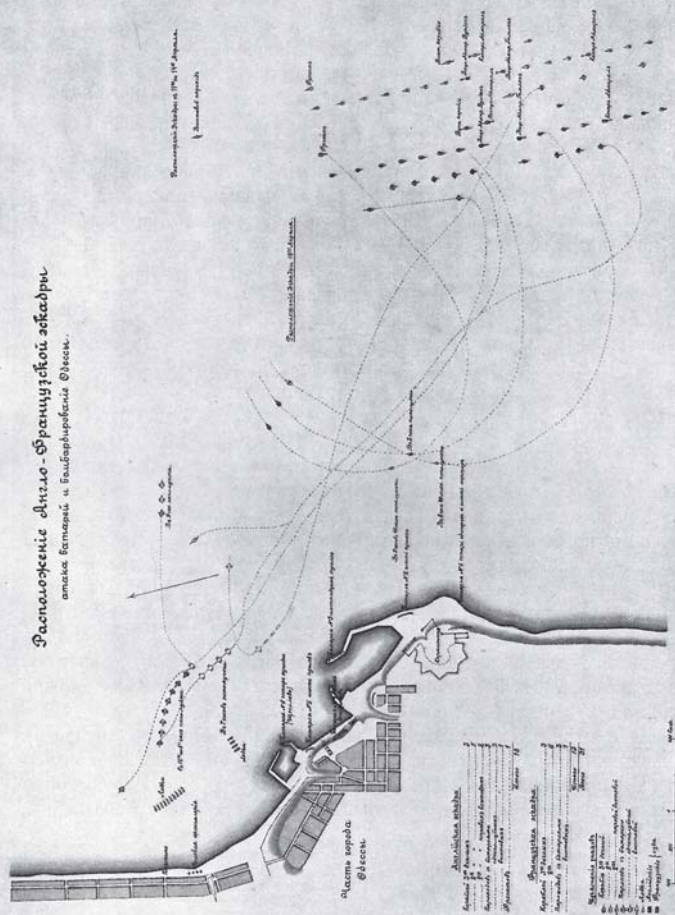
Наконец, последний случай возможного действия противника, т. е. бомбардирование с внешних рейдов, требовал удаления кораблей на более безопасные позиции, готовность пароходов отбуксировать суда и готовность противопожарных средств⁷².

Таким образом, все распоряжения по флоту сводились к обороне, как это и должно было исходить из вышеприведенного обмена мнений о положении нашего флота в Черном море после входа туда эскадр западных держав. Решено было ждать для наступательных действий нашего флота удобной минуты, когда он окажется сильнее своего противника. Но этой минуты дожидаться нам не удалось.

28 марта (9 апреля) адмиралы союзных эскадр, находившихся в Черном море, получили известие об объявлении войны, и, по свидетельству английских источников⁷³, одновременно настала чудная погода. К тому же, прибавим от себя, союзники увидели, что наш флот заперся в Севастополе и не ждет встречи с ними в открытом море. Все это вместе взятое оживило деятельность союзного флота и заставило его искать пищи для журнальных статей.

На рассвете 31 марта на горизонте Севастополя появился пароход под австрийским флагом, маневрировавший вне зоны огня наших батарей. В половине седьмого было приказано пароходам «Херсонес» и «Громоносец» развести пары, а фрегатам «Кулевчи» и «Коварна» быть готовым сняться с якоря. Через несколько минут пароходам было приказано прекратить разводить пары, но, когда около 8 часов утра неприятельский пароход, спустив австрийский флаг, поднял английский и захватил на буксир русское каботажное судно, фрегатам, пароходам и бригам «Эней» и «Язон» приказано было немедленно выйти в море. Это было исполнено через несколько минут. Неприятельское судно с призом повернуло на юго-запад, но, видя, что фрегаты начинают благодаря попутному ветру с ним сближаться, сбросило приз и прибавило ходу, не подпуская наши

Расположение Англо-Французской эскадры
открыта восточной и бомбардирование Одессы.

фрегаты к себе ближе трех миль. Ввиду стихнувшего ветра неприятель начал выигрывать дистанцию, и наши суда принуждены были вернуться назад, обменявшись с противником несколькими безвредными выстрелами⁷⁴.

Союзные пароходы начали чаще появляться также и перед нашими коммерческими портами: 1 апреля 2 английских и 2 французских парохода остановились в 5 милях от к Одесского рейда и в течение двух дней занимались промерами, не упуская случая ловить русские каботажные суда, направлявшиеся к Одессе⁷⁵. Забрав свои бескровные трофеи, пароходы ушли в море, но 6 апреля два из них подошли без флагов к Евпатории, захватили в плен обманным образом смотрителя таможни, сожгли купеческое судно и удалились⁷⁶.

Промеры около Одессы давали основание предполагать, что союзники имеют намерение напасть на наш главный коммерческий порт на Черном море и лишь ждут только случая, чтобы чем-либо оправдать в глазах света такой несвойственный передовым нациям поступок. Подходящий случай скоро был ими устроен, и нападение на Одессу состоялось 10 апреля.

В наши предположения о возможных планах союзников входил и случай высадки их десантов между Одессой и устьем Днестра для действия в тыл Дунайской армии князя Горчакова, а также возможность бомбардирования самого города, занятие которого не представляло никаких стратегических выгод союзникам, а лишь могло содействовать разрушению и разорению этого богатого центра юга России.

На оборону собственно порта ввиду такого значения Одессы и прилегающего к ней района не было обращено серьезного внимания, но в окрестностях этого города был собран значительной силы отряд, который мог бы противодействовать высадке союзников и обеспечить тыл армии князя Горчакова.

Для прикрытия Одессы с моря имелось шесть приморских батарей, расположенных на оконечностях карантинного и практического молдов⁷⁷, вооруженных всего 48 орудиями калибров не свыше 24-фунтовых пушек и 2 пудовых мортир. Батареи эти были устроены весьма слабо. В каменных парапетах карантинного мола было прорезано 48 амбразур и практического 33, из которых 10 были обращены к Пересыпи и не могли принести никакой пользы в борьбе с флотом. Парапеты были устроены из непрочного, не имеющего никакой связи камня и не могли обеспечить безопасность прислуги без дополнительной защиты земляными мешками. Орудия были старые, некоторые лафеты были сделаны 30 лет тому назад, принадлежностей не хватало, комплект снарядов на орудие равнялся 190. Прислуга состояла из 1 обер-офицера, 2 фейерверкерков и 23 рядовых гарнизонной артиллерии; пришлось ее дополнить офицерами и нижними чинами резервной бригады 5-й артиллерийской дивизии⁷⁸.

Количество войск, сосредоточенных в Одессе, равнялось 15 бат., 16 эск., 4 сом. и 36 пол. ор., из которых по одному батальону было расположено в прикрытии к батареям карантинной и практической гаваней, а остальные стояли в резерве на Михайловской, Соборной площадях и близ тюремного замка. Главным начальником войск был командир 3-го пехотного корпуса генерал-адъютант барон Дмитрий Ерофеевич Остен-Сакен, впоследствии начальник Севастопольского гарнизона.

Поводом для нападения на Одессу послужило нанесенное будто бы оскорбление парламентарскому флагу. 1 (13) апреля английский пароход «Furious» подошел к карантинной гавани и, остановленный холостыми выстрелами, спустил шлюпку под парламентарским флагом, пришедшую будто бы за английским консулом. Когда шлюпка, принятая на карантинной гавани с полным уважением к парламентарскому флагу, отошла от берега свыше мили, на батареях заметили, что «Furious» начал приближаться к порту. Англичане объясняют это приближение невольным движением парохода благодаря дувному ветру. Командир одной из наших батарей остановил пароход несколькими боевыми выстрелами⁷⁹, видя вполне основательно в этом движении желание рассмотреть прибрежные укрепления, как это сделал фрегат «Retribution» под Севастополем.

Союзные адмиралы решили потребовать объяснения у барона Остен-Сакена, которое их, как это и должно было случиться, не удовлетворило, и они решили силой восстановить попранное право парламентарского флага. 8 (20) апреля на горизонте Одессы оказалась соединенная эскадра в 32 вымпела⁸⁰, которая на следующий день приблизилась к порту, не подходя, однако, на дальность орудийного выстрела. Барону Остен-Сакену было отправлено дерзкое предложение выдать все русские и иностранные суда, сосредоточенные в Одесском порту, под угрозой в случае невыполнения требования бомбардировать на следующий день город.

Как адмиралы союзного флота, так и их правительства старались всеми силами впоследствии оправдать нападение на Одессу, объясняя его лишь горькой необходимостью восстановить честь своего флага и желанием действовать не против Одессы, мирных жителей и коммерческих судов, а лишь против императорской военной гавани. Но само обилие оправданий и многоречивость заставляют предполагать отсутствие чистосердечности, которое подтверждает и один из английских историков, говоря, что барон Остен-Сакен вполне основательно не ответил на дерзкий ультиматум адмиралов, между прочим, и потому, что не мог предполагать, чтобы Одесса, имевшая значение базы для наших Дунайской и Крымской армий, была бы оставлена союзниками в покое, даже если бы не случился инцидент с парламентарским флагом⁸¹.

Союзная эскадра, имевшая в своем составе 19 кораблей, 10 пароходо-фрегатов и несколько канонерских лодок, выстроилась в ожидании ответа перед Одессой в боевом порядке, в одну линию, на расстоянии 3 верст, начиная от нашей правофланговой батареи № 1 у чумного квартала.

Не получив до вечера ответа от барона Остен-Сакена, союзники 11 апреля, в субботу на Страстной неделе, начали бомбардировку города. В 6 с половиной часов утра 8 неприятельских пароходо-фрегатов вошли на Одесский рейд и, пройдя вне зоны выстрелов правофланговой батареи, атаковали последовательно остальные 5 батарей, стреляя по временам и в город. Дойдя до левофланговой, или № 6, батареи, устроенной на оконечности практического мола и вооруженной четырьмя 24-фунтовыми орудиями, неприятель обратил огонь всех своих пароходо-фрегатов и подошедшего винтового корабля на эту батарею, находившуюся под начальством прапорщика резервной батареи 14-й артиллерийской бригады Щеголева, только что выпущенного из кадетского корпуса.

Неприятель, пользуясь большим калибром своих орудий, в особенности 68- и 69-фунтовыми бомбическими пушками, не подходил на близкое расстояние, почему соседние со щеголевской более удаленные батареи почти не могли принять участия в бое, и состязаться с 350 орудиями союзников выпало исключительно на долю четырех орудий батареи № 6. Щеголев с замечательным хладнокровием держивал неравный бой под перекрестным огнем превосходящего противника, действуя сначала из 4 орудий, а потом, когда союзные пароходы уклонились влево и начали бить его во фланг и почти что в тыл, только из двух и, наконец, из одного орудия.

Шесть часов продолжался этот неравный бой, в течение которого Щеголеву удалось подбить три неприятельских парохода, уведенных впоследствии на буксире; но зато и батарея № 6 была в полном смысле уничтожена. Все орудия подбиты, склад снарядов взорван, мерлоны батареи и окрестные суда горели. Лишь только тогда, когда стрелять было не из чего и нечем, Щеголев хладнокровно вывел остатки своей прислуги из этого ада.

Пользуясь уничтожением левофланговой батареи, неприятельские канонерки подошли близко к Пересыпи и пытались высажить десант, но попытка эта, встреченная картечью здесь находившихся 4 полевых орудий, потерпела полную неудачу. После этого противник начал зажигать конгревовыми ракетами суда на практической гавани и строения в предместье Пересыпь, чем заставил нас затопить стоявший здесь пароход «Андия».

Около восьми часов вечера пароходо-фрегаты отошли к своей эскадре, и дело под Одессой было, собственно, окончено с потерей для нас 4 нижних чинов убитыми, 45 ранеными и 12 контужеными. Обывателей было убито 3 и ранено 8 человек. На Пересыпи со-

жжено 14 небольших частных строений и в самом городе повреждено 52 каменных дома. Причину таких относительно небольших разрушений следует искать в том факте, что в городе после бомбардирования было найдено свыше 632 неразорвавшихся неприятельских снарядов⁸².

Что касается потерь союзников, то иностранные источники об этом почти не говорят; наиболее сильно пострадал выведенный из строя французский пароходо-фрегат «*Vauban*» и менее сильно 3 английских парохода.

Во время пребывания союзного флота под Одессой и в ходе самого бомбардирования население выказало высокопатриотические чувства, помогая войскам и поддерживая в городе полный порядок. Чувства эти еще более возросли по получении в память свершившегося события Высочайшей благодарственной грамоты городу Одессе.

Утром 14 числа соединенная эскадра ушла из-под Одессы на юго-восток, направив 3 поврежденных парохода на юго-запад⁸³. О впечатлении, произведенном нападением на Одессу в Европе, можно судить по следующим словам донесения нашего посланника в Нидерландах канцлеру графу Нессельроде: «*Le bombardement d'Odessa a été en général très mal vu par le public éclairé de cette résidence. Le commerce d'Amsterdam en est indigné*»⁸⁴.

Радость государя Николая Павловича по случаю удачного отбития нападения на Одессу выразилась не только в милостивой грамоте, данной городу, но и в многочисленных наградах участникам дела. Особенно щедро был награжден герой дня прапорщик Щеголев, который был произведен в штабс-капитаны и получил Георгиевский крест при собственноручном рескрипте наследника цесаревича. Кроме того, восстановленная батарея, которой он командовал, получила его имя.

Но неудачное, в общем, поползновение союзного флота против Одессы навело государя на мысль о возможности нашему Черноморскому флоту перейти к активным действиям. Мысль эта впервые проглядывает в письме императора Николая к князю Меншикову от 19 апреля⁸⁵. «Думаю,— писал государь,— что повторенная

*Генерал-адъютант
Д. Е. Остен-Сакен*

атака или атаки Одессы несколько облупят союзные флоты, которых три парохода порядком пострадали уже при первой. Не настала ли пора выгадать минуту, где мы с пользой могли бы встретить сей флот нашим? Мудрено мне сие отсюда определить, но мысль сию тебе сообщаю, вполне полагаясь на тебя и наших черноморских героев, что минуты не пропустите наказать варваров, Божьих отступников».

Князь Меншиков в ответе на пожелание государя уверял⁸⁶, что ни один случай не будет упущен для нападения на неприятельские эскадры, но что пока такого случая не представлялось. Под Одессой пострадали 3—4 парохода, а остальные суда остались невредимыми, и 3 мая на горизонте Георгиевского монастыря крейсировало 22 неприятельских корабля, не считая пароходов. Князь Меншиков полагал, что при таком превосходстве сил «никакое наступательное предприятие невозможно», и оставалось лишь выжидать удобных для этого обстоятельств.

Впоследствии государь неоднократно вновь обращался к этому вопросу, который незадолго до высадки союзников в Крыму вылился даже в форму определенного приказа.

В то время когда соединенная эскадра стояла еще перед Одессой, союзники произвели высадку незначительного десанта в Кюстенджи, в Бабадагской области, имея, по всей вероятности, целью своз оставленного там турками продовольствия⁸⁷. После же ухода из-под Одессы вся англо-французская эскадра отправилась в продолжительное крейсирование вдоль крымских и кавказских берегов. Целью этой экспедиции было проведение рекогносцировок и сношение с Шамилем, для чего союзные адмиралы признавали, между прочим, желательным занять и укрепить какой-либо опорный пункт на кавказском берегу. Ими высказывалась также идея о последовательной бомбардировке, по примеру Одессы, всех укрепленных пунктов нашего побережья, пока нами не предприняты меры для их защиты. Позднее раскаяние в том, что союзный флот не успел перехватить гарнизоны спасенных нами береговых укреплений, видимо, не давало покоя адмиралам, и они хотели наверстать время, потерянное из-за «мартовской бурной погоды». Однако, по всей вероятности, незначительный успех одесского бомбардирования заставил их отказаться от нападения на наши прибрежные пункты, и весеннее крейсерство союзных эскадр носило характер бескровный — суда их избегали приближаться к берегу на дальность орудийного выстрела⁸⁸.

15 апреля два неприятельских парохода взошли на беззащитный Евпаторийский рейд, захватили стоявшие на якоре наши каботажные суда и ушли в море⁸⁹. В тот же день эскадра в 22 выпела появилась на виду Севастополя и крейсировала здесь несколько

дней, производя отдельными судами рекогносцировку берегов. Рекогносцировка эта указала на полную недоступность Севастополя с моря, на усиление его сухопутных укреплений и увеличение вооруженных сил⁹⁰. «Однако,— кончал свой доклад французский офицер,— я продолжаю настаивать на том, что нападение на Севастополь с суши возможно».

26 апреля неприятельские суда подходили к Керченскому проливу и к Феодосии, 28-го к Анапе, но нигде не приближались к берегу на дальность орудийного выстрела. В промежутке они подходили к Балаклавской бухте с целью ее рекогносцировки. Князь Меншиков на это не обратил должного внимания, так как, по его словам, «с успехом войти в бухту и предполагать нельзя, ибо по узкости ее большим судам в ней поворотиться невозможно, а при тесноте входа между неприступными скалами, на которых расположились балаклавские стрелки, они действовали бы по неприятелю на самом близком расстоянии и могли бы нанести ему значительный вред, будучи сами на высоте вне действия неприятельских орудий»⁹¹. А между тем через несколько месяцев Балаклава стала базой английского флота⁹².

30 апреля шедший из Севастополя английский пароходо-фрегат «Тигр» при необыкновенно густом тумане сел на мель под крутым берегом дачи Кортаци, в шести верстах на юг от Одессы. Вовремя подоспевшие два батарейных орудия 16-й артиллерийской бригады заставили своим огнем фрегат спустить флаг, а экипаж в составе командира судна, которому оторвало ногу, 24 офицеров и 201 нижнего чина, из числа которых 5 раненых, сдать в плен. Подход на помощь пострадавшему «Тигру» двух других неприятельских пароходов не дал нам возможности снять приз с мели, почему он и был сожжен огнем наших батарей⁹³.

Невольно напрашивается сравнение во славу наших черноморских моряков поведения экипажа английского «Тигра» с русской «Колхидой», бывшей в таком же положении 6 ноября 1853 года у кавказских берегов⁹⁴.

В конце апреля (4 мая н. ст.) в Черное море вышел и турецкий флот, главным назначением которого были кавказские берега. Конвоировал его туда английский пароход «Terrible»⁹⁵. Союзная эскадра тем временем продолжала крейсировать в наших водах. Чаше всего она появлялась близ Одессы и между этим портом и Дунаем. Характер деятельности был все тот же. Неприятельские суда подходили к берегу под нейтральным флагом, захватывали коммерческие суда, сжигали береговые строения, а иногда и высаживались на берег с целью грабежа прибрежных жителей⁹⁶.

С 11 мая решено было высылать в крейсерство и наши парусные суда. Вернее, эту меру следовало бы назвать практическим плаванием, так как суда выходили с рейда только в том случае,

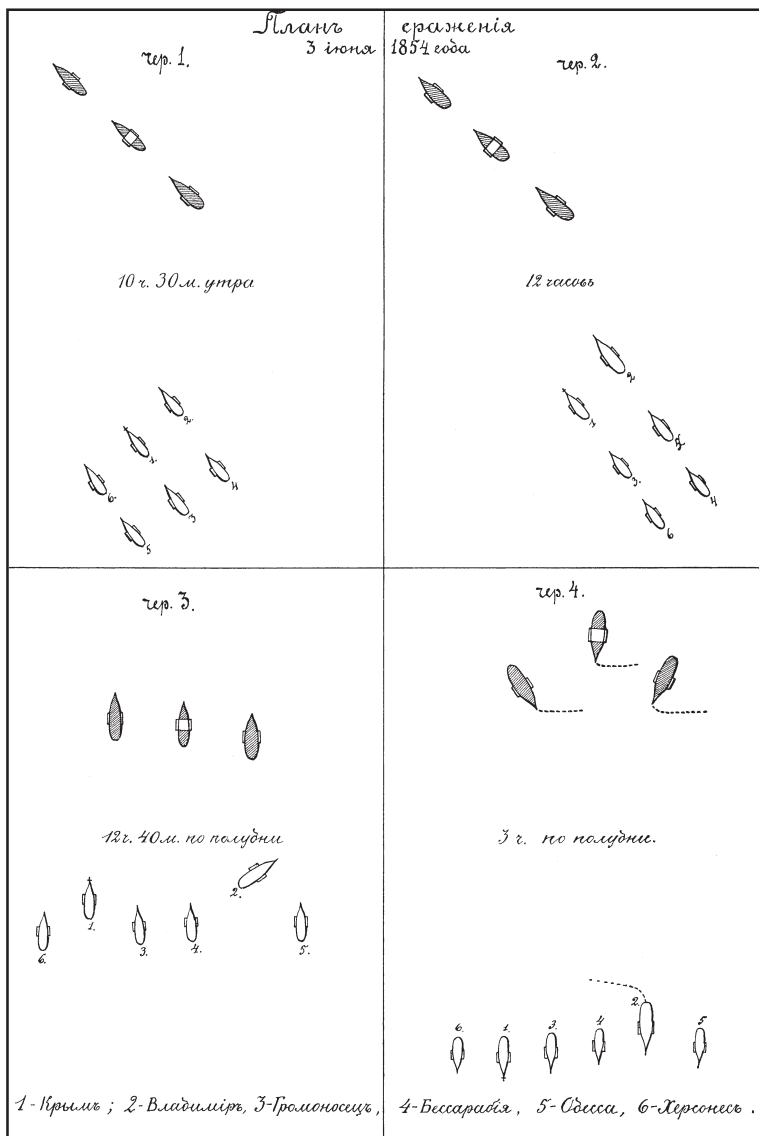

Схема № 43

когда горизонт был чист от неприятельских судов, когда погода благоприятствовала, и притом при своем выходе суда имели главной своей целью обучение команд. Крейсирующим судам не разрешалось удаляться от створной линии и приказано было находиться на виду сигналов из Севастополя, а к вечеру возвращаться домой. Первоначально выходили в море по два фрегата при одном пароходе⁹⁷.

13 мая приказано было в Севастополе разоружить все мелкие суда, кроме корвета «Андромаха»⁹⁸. В то же время лучшие наши пароходы начали иногда отправляться и в настоящее крейсерство по Черному морю. Так, 27 мая они доходили даже до Синопа и вернулись назад, не встретив на пути ни одного военного судна⁹⁹.

Князь Меншиков вообще в это время был доволен состоянием Севастополя и флота. «С прибытием одной бригады 17-й дивизии и комплектованием резервной бригады 13-й дивизии, сообщал он князю Варшавскому¹⁰⁰, — Севастополь обеспечен в такой мере, что, конечно, нужен весьма значительный десант, чтобы отважиться сделать решительное нападение на этот порт. Предприятие тем менее сбыточное, что ваша светлость в обеспечение наше притягиваете на себя союзников магометанства».

Черноморский флот князь Александр Сергеевич находил в лучшем положении, чем он был перед войной. Мы имели на рейде в совершенной боевой готовности и с полным комплектом экипажа 14 линейных кораблей, из которых четыре 120-пушечных. «Сила, конечно, хорошая, — присовокуплял князь Меншиков, — но неприятель являлся к нам до сего времени всегда в столь превосходящем нас числе вымпелов, что с нашей стороны было бы крайне опрометчиво идти к нему навстречу и сразиться. Мы выжидаем случая или какого-нибудь промаха со стороны неприятеля или разделения его сил. Тогда предпримем ту операцию, которая наиболее представит видов успеха. А до тех пор, по необходимости, будем в выжидательном положении».

Что касается Керченского пролива и входа в Азовское море, то князь Меншиков, считая последнее недоступным по мелководью для больших пароходо-фрегат, полагал их обеспеченными в достаточной мере от неприятеля постройкой батарей у Феодосии, Керчи, Еникале и затоплением старых судов в Керченском проливе, против Павловской батареи¹⁰¹. Кроме того, 4 июля туда прибыла для защиты Азовского моря эскадра контр-адмирала Вульфа в составе 4 пароходов, 4 транспортов, 1 шхуны и 5 казачьих баркасов¹⁰². Упомянув в конце своего письма о мрачных грозных тучах, нависших на политическом горизонте России, князь Александр Сергеевич кончал его следующим знаменательным обращением к князю Варшавскому: «Вам, князь, вашей предусмотрительности, которой действия мы уже видим, и вашим воинским,

столь давно изведенным, талантам предречена слава и честь разогнать эти тучи, как бы грозны они ни были! В этом мы все, знающие вас, не сомневаемся. Ждем и уповаем!..»

Эти строки писались в то время, когда поступки князя Варшавского под Силистрией вызвали недоумение у государя, армии и всей России.

3 июня на виду Севастополя произошло первое столкновение между нашими и англо-французскими пароходами. В этот день с утра вышли в море в дозорное плавание корабли «Храбрый» и «Святослав», фрегат «Кулевча» и пароход «Одесса». Около 10 часов утра на северо-востоке было обнаружено три неприятельских пароходо-фрегата, и адмирал Корнилов приказал немедленно выйти в море отряду пароходов под флагом контр-адмирала Панфилова. В этот отряд вошли пароходы «Крым» под флагом командующего отрядом, «Владимир», «Громоносец», «Бессарабия», «Херсонес», а в море присоединился и раньше вышедший пароход «Одесса». На пароходы были посажены абордажные команды.

Выйдя в половине одиннадцатого за Константиновскую батарею, отряд построился в три колонны и взял курс наперерез неприятельским пароходам, которые продолжали уходить¹⁰³. По сближении с противником контр-адмирал Панфилов, имея целью поставить каждый неприятельский пароход в два огня, перестроился в две колонны и взял курс прямо к противнику, шедшему в линии фронта и имевшему французский пароходо-фрегат между двумя английскими. В полдень Панфилов дал сигнал приготовиться к бою, а в половине первого неприятель открыл огонь, но снаряды его не долетали.

В 12 часов 40 минут, сойдясь на дистанцию в 1200 сажень, наши пароходы подняли на всех брам-стеньгах военные флаги и открыли огонь. Противник, подняв свои кормовые флаги, продолжал уходить, выстроив линию фронта и действуя из кормовых орудий. Наши пароходы также выстроились в линию фронта.

В 13 часов 20 минут неприятельские пароходы, увидав слабые результаты стрельбы на столь большом расстоянии, подпустили выдвинувшегося вперед «Владимира» на 900 сажень и открыли против него сосредоточенный огонь, на который «Владимир» отвечал огнем со всего борта. Когда прочие наши пароходы выровнялись с «Владимиром» и перевес в огне перешел на нашу сторону, противник вновь начал от нас уходить. Адмирал Панфилов, видя, что союзники не намерены допустить его отряд на линию огня, а также ввиду того, что неприятель мог нас поражать с такого расстояния, с которого мы могли действовать лишь одним носовым орудием, решил в третьем часу дня повернуть назад, отойдя от Севастополя на расстояние свыше 20 миль. Неприятельские пароходы некоторое время преследовали нас, а потом отстали и пошли на юго-запад.

К вечеру наши суда благополучно втянулись на рейд, потеряв ранеными с «Владимира» мичмана Скарятину и двух унтер-офицеров и контужеными капитан-лейтенанта Лесли и четырех матросов. Сам «Владимир», так же как и неприятельские пароходы, пострадал весьма незначительно¹⁰⁴.

7 июня союзные пароходы вновь показались на горизонте Севастополя, но вновь дело до столкновения не дошло.

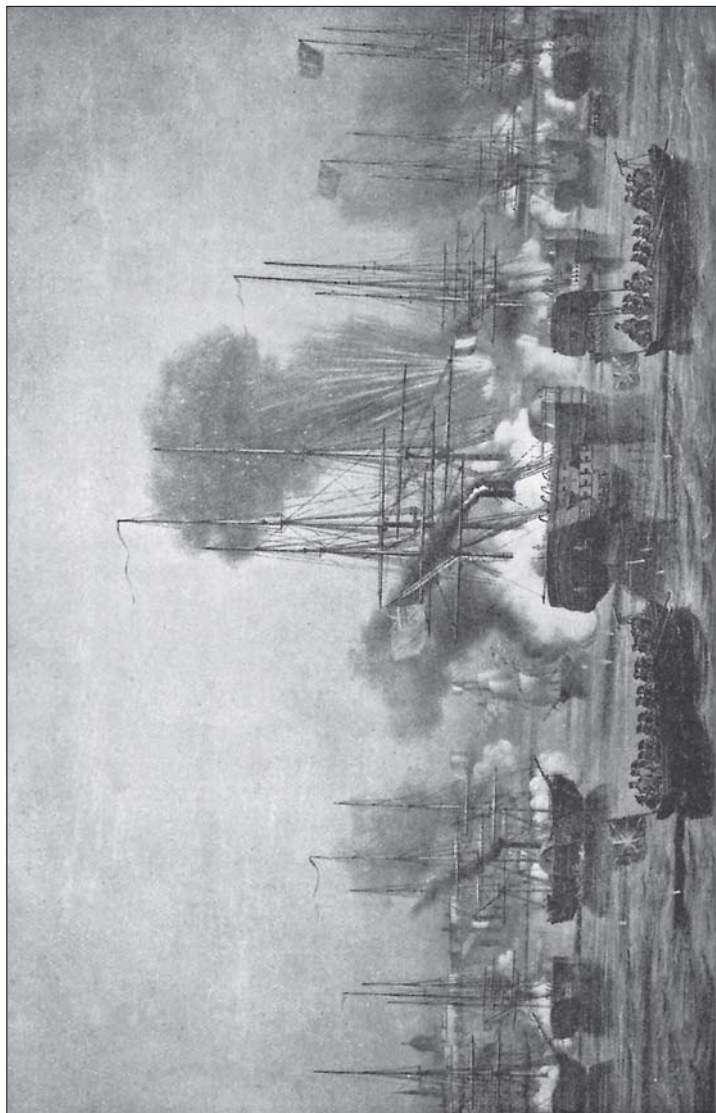
12 июня весь наш флот был разделен на четыре эскадры, которые поочередно выходили в море для обычного крейсирования вблизи Севастополя¹⁰⁵.

Несмотря на то что союзные адмиралы оповестили весь свет о полной блокаде ими русских портов на Черном море и о безопасности плавания турецких купеческих судов, такой блокады в действительности не существовало, так как наши отдельные пароходо-фрегаты, и в особенности «Владимир» и «Эльборус», неоднократно выходили в дальнее крейсерство, доходили до Анатолийского берега и проливов, жгли купеческие суда и возвращались обратно, избегая встречи с противником.

Один из подобных смелых набегов был сделан в течение четырех дней, с 30 июня по 4 июля, пароходом «Эльборус», который прошел вдоль Анатолийского берега, подошел на 17 миль к проливам, сжег три купеческих судна в отместку за нападение на наши каботажные суда и благополучно возвратился в Севастополь¹⁰⁶. Через несколько дней пароход этот вновь отправился в дальнее крейсерство¹⁰⁷.

В то же время «Владимир» во главе со своим лихим командиром капитаном Бутаковым крейсировал между Одессой и Дунаем ввиду полученного известия о появлении там малых неприятельских пароходов, но никого не нашел¹⁰⁸. После этого «Владимир», направившись к Ераклии и сжегши там три торговых судна, благополучно вернулся в Севастополь¹⁰⁹. Этот набег нашего парохода породил бурю негодования в английской и французской прессе на небрежность и бездеятельность союзного флота¹¹⁰.

Недовольство среди союзных наций своими морями уже накапливалось давно. В Англии и Франции вполне основательно ожидали, что их флот при своем большом превосходстве над нашей севастопольской эскадрой, мог действовать в Черном море более смело, между тем как вся его деятельность заключалась в безвредном обстреливании наших берегов, в ловле купеческих судов и в бесполезной прогулке к кавказским берегам с целью войти в связь с горами. Несколько больше энергии союзные моряки проявили в устьях Дуная, сжегши там наши кордоны и произведя также неудачную попытку ввести свои канонерки в устье Сулинского рукава. Опубликованное оправдание адмиралов немного уменьшило возбужденное против них недовольство, но оно

Бомбардирование Одессы

все-таки продолжало существовать в английском и французском обществах¹¹¹.

В июле вопрос о высадке союзников в Крыму был уже принципиально решен, и 8 (20) июля лучшая и булышная часть соединенного флота в составе 14 вымпелов отбыла к крымским берегам, имея на своем борту генерала Канробера и много английских и французских офицеров для рекогносцировки окрестностей Севастополя¹¹².

14 июля союзная эскадра появилась у мыса Лукулл, а три парохода подошли к Севастополю, но после того, как «Furious», на котором находился Канробер со своим штабом, был временно выведен из строя удачным снарядом с Волоховой башни, они отошли к остальной эскадре¹¹³.

Такой характер действий на Черном море продолжался вплоть до высадки союзников в Крыму.

Примечания

¹ Aperçu de la situation des affaires d'Orient au mois de janvier 1854. Гос. архив, разр. XI, д. № 1238. См. приложение № 101.

² Шифр. депеша 29 декабря (10 января) 1853—1854 гг., № 166. Архив Мин. иностр. дел, карт. Paris, 1854.

³ Донесение нашего консула из Парижа. Архив Мин. иностр. дел, карт. Paris, 1854 г., и Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60, и 1854 г., секр. д. № 14.

Депеша барона Будберга канцлеру 8 (20) февраля 1854 г., № 27, из Берлина. Архив Мин. иностр. дел, карт. Berlin, 1854.

То же барона Унгер-Штернберга из Копенгагена 6 (18) февраля 1854 г. Там же, карт. Copenhagen, 1854.

То же Шредера из Дрездена 8 (20) марта 1854 г., № 6. Там же, карт. Dresden, 1854.

⁴ Меморандум, приложение к депеше Бруннова канцлеру из Брюсселя 19(31) марта 1854 г., № 38. Архив Мин. иностр. дел, карт. Londres, 1854. См. приложение № 165.

⁵ Донесение нашего консула в Париже от 25 марта (6 апреля) 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 14.

⁶ Донесение начальника Средиземноморской эскадры маршала С.-Арно 10 апреля 1854 г. Парижский воен. архив.

⁷ Kinglake. Т. II. P. 157.

⁸ Lettres du maréchal Bosquet, 1830—1838. P. 310.

⁹ Донесение нашего консула в Париже от 15 апреля 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 14.

¹⁰ De la Gorce. Т. I. P. 220.

¹¹ Lettres du maréchal Bosquet, 1830—1858. P. 298, 302.

¹² Первоначально предполагалось отправить на Восток армию из двух дивизий — Канробера и Боске и незначительного резерва принца Наполеона.

Каждая дивизия должна была иметь 12 000 штыков, а резерв 6000 (*Lettres du maréchal Bosquet, 1830—1838. P. 304*).

¹³ Способ, отчасти примененный нами в последнюю Японскую войну для укомплектования Сибирских стрелковых полков.

¹⁴ L. Guirin. T. I. P. 82. Geffeken. P. 103—104.

¹⁵ Отчет военного министра маршала Вальяна императору Наполеону III в 1856 г. Париж. Архив Воен. мин.

¹⁶ Граф Хребтович — канцлеру из Брюсселя 7 (19) июня 1854 г., № 66. Архив Мин. иностр. дел, карт. Bruxelles, 1854.

¹⁷ Граф Бенкендорф — военному министру 12 (24) сентября 1854 г., № 148. Берлин. Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 3.

¹⁸ Geffeken. P. 104.

¹⁹ Senior. T. I. P. 237, 260.

²⁰ Это не потерявшее интереса и в настоящее время наставление маршала С.-Арно своим генералам, касавшееся главным образом тактики пехоты и взаимодействия трех родов оружия, мы помещаем в приложении № 166.

²¹ См. т. I. С. 687—689.

²² Flotte Francaise (mai 1854). Париж. Архив Воен. мин.

²³ Third Report. P. 14, № 13419 и 13422.

²⁴ War with Russia. P. 123.

²⁵ War with Russia. P. 127; Nolan's history of the war against Russia. P. 100.

²⁶ Third Report. P. 19, 41, 86, 88, 89, 96 etc.

²⁷ То же от 23 марта 1854 г., № 28. Архив Мин. иностр. дел, 1854 г., карт. Bruxelles.

²⁸ Капитан Швабе — великому князю Константину Николаевичу 3 февраля 1854 г. Лондон. Архив Морского мин., канц. ген.-адм., 1853 г., д. № 24.

²⁹ Граф Хребтович — графу Нессельроде. Брюссель, 23 июня 1854 г. Архив Морского мин., канц. ген.-адм., 1854 г., д. № 42.

³⁰ Ср.: Всеподданнейший отчет великого князя Константина Николаевича по морскому ведомству за 1855—1880 гг. Собств. Его Велич. библиот. Рукоп. отд. императора Александра II. № 300. Письмо капитана Швабе великому князю Константину Николаевичу от 3 февраля 1854 г. Архив Морского мин., канц. ген.-адм., 1854 г., д. № 24. Донесение капитана Ажассио адмиралу Вуга 25 апреля 1854 г. Париж. Архив Воен. мин. и др.

³¹ Там же. Ср. с запиской лейтенанта Швабе, представленной великому князю Константину Николаевичу в начале 1854 г. Архив Морского мин., канц. ген.-адм., 1853 г., д. № 24.

³² Архив канц. Воен. мин., 1852 г., секр. д. № 47. L. Guerin, C. Rousset, P. de la Gorce, Kinglake и др.

³³ Барон Бруннов — графу Нессельроде 19 (31) марта 1854 г., из Брюсселя. Госуд. архив, разр. III, д. № 108—2.

³⁴ Перевод с французского.

³⁵ В начале января 1854 г. была произведена рекогносцировка предполагаемого театра войны группой английских офицеров под руководством генерала Бургойна. Он предложил возвести оборонительную линию впереди Булакира, близ Галлиполи, а также впереди Константинополя, между Мраморным

и Черным морями. Впоследствии майор Диксон, знакомый со страной и турецким языком, произвел разведку Дуная и большей части Болгарии. Впрочем, английская армия, так же как и русская, страдала отсутствием карт театра военных действий (Third Report, p. 112 & 174, № 14382 & 15054).

³⁶ Из писем маршала С.-Арно маршалу Вальяну из Варны от 7 (19) мая 1854 г. Париж. Архив Воен. мин.

³⁷ Все эти данные мы заимствуем из письма С.-Арно к маршалу Вальяну, посланного тотчас же после совещания в Варне 19 мая (Париж. Архив Воен. мин.). Печатные источники, английские и французские, описывают в общем результат пребывания союзных главнокомандующих так же, как и цитируемое письмо, но не дают таких подробностей. Подлинное письмо маршала С.-Арно мы помещаем в приложении № 167.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Le maréchal de St-Arnaud au ministre de la guerre le 25 mai 1854. Париж. Архив Воен. мин.

⁴¹ Le maréchal de St-Arnaud a S. M. l'Empereur. Quartier general a Gallipoli, 26 (14) mai 1854, 6 h. du soir. Париж. Архив Воен. мин.

⁴² Перевод с французского.

⁴³ C. Rousset. T. I. P. 102.

⁴⁴ Kinglake. T. II. P. 166—173.

⁴⁵ C. Rousset. T. I. P. 103.

⁴⁶ Всеподданнейшая записка князя Меншикова 13 января 1836 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 4, д. № 120.

⁴⁷ От 1 декабря 1853 г., № 495, 496. Архив Мин. иностр. дел.

⁴⁸ 1 (13) января 1854 г. Гос. архив, разр. III, д. № 108, ч. 2.

⁴⁹ Киселев — канцлеру 29 декабря (10 января) 1853/54 г., № 166. Архив Мин. иностр. дел, 1854 г., карт. Paris.

⁵⁰ Канцлер — барону Бруннову и Киселеву 4 января 1854 г. Нота барона Бруннова Кларендону от 13 (25) января 1854 г. Нота Кларендона Бруннову того же числа. Гос. архив, разр. XI, д. № 1227.

⁵¹ Канцлер — князю Меншикову 24 декабря 1853 г. Гос. архив, разр. III, д. № 124.

⁵² Это осторожное письмо графа Нессельроде дает право предполагать, что в Петербурге боялись энергичных действий нашего флота, которые могли уничтожить последнюю надежду на мир. С этой точки зрения очень интересно указание г. Парфенова в газете «Котлин» № 97 1902 г., что в Черноморском центр. военно-морском архиве в г. Николаеве имеется предписание из Петербурга в декабре 1853 г. о том, чтобы прекратить всякие крейсерства судов по Черному морю, «дабы не дать повода некоторым европейским государствам объявить нам войну». К сожалению, нам не удалось отыскать этого документа.

⁵³ Князь Меншиков — князю Варшавскому 31 декабря 1854 г. Военный сборник. 1903. № 3.

⁵⁴ На рейде стояли корабли «Париж», «Чесма», «Святослав», «Гавриил», «Двенадцать апостолов» и «Храбрый»; фрегаты «Коварна» и «Кулевчи»; кор-

веты «Калипсо» и «Орест» и пароходы «Громоносец», «Одесса», «Крым» и «Херсонес».

Ремонтировались: корабли «Императрица Мария», «Великий князь Константин», «Три Святителя», «Ростислав», «Уриил», «Варна», «Селафил» и «Ягудил»; фрегат «Кагул» и пароход «Владимир».

⁵⁵ Фрегаты «Месемврия», «Сизополь», «Флора» и «Мидия».

⁵⁶ Приказ командира Севастопольского порта № 1286. Черноморский центр. военно-морской архив в г. Николаеве, кн. 17, оп. 97, д. № 43, св. 3.

⁵⁷ См. схему № 41.

⁵⁸ War with Russia. P. 118.

⁵⁹ Там же. P. 120.

⁶⁰ А. Жандр. С. 117.

⁶¹ War with Russia. P. 121. Letters from the Corresp. of the Morning Chronicle.

⁶² Князь Меншиков — князю Долгорукову 21 января 1854 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4254.

⁶³ Гос. архив, разр. XI, д. № 1227.

⁶⁴ 7 января 1854 г. Гос. архив, разр. III, д. № 124.

⁶⁵ Всеподданнейшее донесение князя Меншикова от 27 января 1854 г. Архив канц. Воен. мин. по снар. войск, 1854 г., секр. д. № 10.

⁶⁶ Всеподданнейшее письмо князя Воронцова от 18 (30) января 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 73.

⁶⁷ Князь Воронцов — Нессельроде 18 января 1854 г. Гос. архив, разр. III, д. № 135.

⁶⁸ Князь Меншиков — князю Воронцову 10 февраля 1854 г., № 658. Архив канц. Воен. мин., по снар. войск, 1853 г., секр. д. № 72.

⁶⁹ Приказы и распоряжения по обороне Севастопольского порта и вахтенный журнал см.: А. Жандр. «Материалы».

⁷⁰ Черноморский центр. военно-морской архив, г. Николаева, кн. оп. 15, оп. 66, д. № 6, св. 1.

⁷¹ См. схему № 41.

⁷² Эту инструкцию адмирала Корнилова мы не помещаем в приложениях, так как она напечатана в «Материалах» А. Жандра. С. 136—143.

⁷³ War against Russia. P. 164.

⁷⁴ Всеподданнейшее донесение князя Меншикова от 31 марта 1854 г., № 295. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4251. Вахт. журн. бр. «Эней», корветов «Селафил», «Три Святителя», рапорт командира «Кулевчи» и др.

⁷⁵ Вахт. журн. парохода «Андия». Черноморский центр. военно-морской архив в г. Николаеве.

⁷⁶ В. Н. Смирнов. Воспоминание о Крымской войне. Рукопись. Музей Севастопольской обороны.

⁷⁷ См. схему № 42.

⁷⁸ Записка о состоянии укреплений и гарн. артил. г. Одессы в марте 1854 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3316.

Полковник Гротенфельд — генерал-майору Бутурлину 5 ноября 1854 г., № 1936. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3586.

⁷⁹ Captain Lorinp. Letter to admiral Dundas.

⁸⁰ Журнал переговоров линии между одесским маяком и г. Одессой. Черноморский центр. военно-морской архив г. Николаева, кн. оп. 16, оп. 66, д. № 16.

⁸¹ Nolan. History of the war against Russia. P. 167.

⁸² Донесение генерал-адъютанта Анненкова военному министру 2 июля 1854 г., № 3373. Архив канц. Воен. мин. по снар. войск, секр. д. № 6.

⁸³ Донесение генерал-адъютанта барона Остен-Сакена и Анненкова. Архив канц. Воен. мин. по снар. войск, 1854 г., секр. д. № 6.

Вып. из журн. в. д. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3586.

Вахт. журн. парохода «Андия». Черноморский центр. военно-морской архив, г. Николаев.

Донесение адмирала Гамелена маршалу С.-Арно от 25 апреля 1854 г. Париж. Архив Воен. мин.

Nolan. History of the war against Russia, сопр. совр. газеты и пр.

⁸⁴ 27 апреля (9 мая) 1854 г. Архив Мин. иностр. дел.

⁸⁵ Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 42.

⁸⁶ Всеподданнейшее письмо князя Меншикова от 4 мая 1854 г., № 322. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4252.

⁸⁷ Генерал Ушаков — генералу Коцебу 11 апреля 1854 г., № 377. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3341.

⁸⁸ Эвельманс — маршалу С.-Арно 22 апреля (4 мая) 1854 г. Париж. Архив Воен. мин.

⁸⁹ Донесение. Архив Морск. мин. 1854 г., д. № 13271.

⁹⁰ Эвельманс — маршалу С.-Арно 22 апреля (4 мая) 1854 г. Париж. Архив Воен. мин.

⁹¹ Всеподданнейшее донесение князя Меншикова от 27 апреля 1854 г. Архив канц. Воен. мин. по снар. войск, 1854 г., д. № 10.

⁹² Архив канц. Воен. мин. по снар. войск, 1854 г., секр. д. № 10, 72, 48; Архив Морск. мин. оп. кн. Меншикова, № 324; Архив Воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4253, 4254, 4251; Черноморский центр. военно-морской архив, г. Николаев и пр.

⁹³ Барон Остен-Сакен — князю Варшавскому 30 апреля 1854 г., № 329. Архив канц. Воен. мин. 1854 г., секр. д. № 6.

⁹⁴ См. главу V.

⁹⁵ Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 14.

⁹⁶ Архив канц. Воен. мин. по снар. войск, 1854 г., секр. д. № 49.

⁹⁷ Программа крейсерства, утвержденная генерал-адмиралом Корниловым. Черноморский центр. военно-морской архив, г. Николаев, кн. оп. 15, оп. 66, д. № 22.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Князь Меншиков — князю Горчакову 30 мая 1854 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4253.

¹⁰⁰ От 30 мая 1854 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4311.

¹⁰¹ Там же и Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4279.

¹⁰² Архив Морского мин., 1854 г. Инсп. деп., 1 отд., 2 ст., № 354.

¹⁰³ См. схему № 43.

¹⁰⁴ Всеподданнейшее донесение князя Меншикова от 5 июня 1854 г., № 367. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4251.

Репорт контр-адмирала Панфилова от 4 июня 1854 г., № 75, и вахт. журн. участв. судов. Черноморский центр. военно-морской архив, г. Николаев.

¹⁰⁵ Приказ командира Севастопольского порта от 12 июня 1854 г., № 726. Черноморский центр. военно-морской архив, г. Николаев.

¹⁰⁶ Описание участника А. Асланбекова. Рукоп. отд. музея Севастопольской обороны.

Вахт. журн. парохода «Эльборус», Черноморский центр. военно-морской архив, г. Николаев.

Всеподданнейшее донесение князя Меншикова от 7 июля 1854 г., № 390. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4251.

¹⁰⁷ Князь Меншиков — великому князю Константину Николаевичу 7 июля 1854 г. Архив канц. ген.-адм., 1854 г., д. № 17.

¹⁰⁸ Всеподданнейшее донесение князя Меншикова от 11 июля 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 42.

¹⁰⁹ Le sŕaskier au marŕchal de St-Arnaud le 24 (12) juillet 1854. Парижский воен. архив.

¹¹⁰ Барон Бруннов — канцлеру 31 июля (12 августа) 1854 г., № 118, из Дармштадта. Архив Мин. иностр. дел, 1854 г., карт. Londres.

¹¹¹ War with Russia; Letters from the engineer of the Terrible; Commander Powell's dispatch to the vice-admiral Dundas и др.

¹¹² По донесению князя Меншикова, был 21 выпел, в том числе 5 винтовых кораблей.

¹¹³ Всеподданнейшее донесение князя Меншикова от 14 июля 1854 г., № 401. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4251.

Вахт. журналы судов. Letters from an Srich officer an board the Furious и др.

Глава XVII

Действия на Дунае от приезда князя Варшавского до начала осадных работ под Силистрией

Князь П. П. Гагарин по случаю отъезда князя Варшавского из Петербурга на театр войны, записал в своем дневнике от 11 марта: «*Les marîchel est parti avant-hier. L'idée d'aller recommencer une carrière nouvelle ne lui sourit plus. Il craint, dit-on, de compromettre sa gloire, comme si le craindre n'ûtait point un signe de faiblesse*»¹. П. К. Меншков, один из близких к фельдмаршалу во время пребывания его на Дунае людей, посвятил прибытию князя Варшавского на театр войны следующие строки: «Старый фельдмаршал прибыл с новыми идеями. Предательская, неопределенная и подлая политика Австрии давала повод думать о близком разрыве России с этой державой. В душе ненавидя австрийцев и, быть может, желая втайне войны с немцами, фельдмаршал был убежден или, лучше сказать, хотел убедить всех, что положение армии на Дунае весьма опасно, что Австрия через Молдавию и Валахию может действовать на фланг и тыл ее. Двусмысленное поведение Австрии несколько оправдывало предположения старого фельдмаршала, который за этой ширмой искусно скрывал опасения свои, чтобы давняя добытая им слава не свихнулась при встрече с турками»².

Таково было впечатление, которое произвел новый главнокомандующий и в Петербурге, и в близких к нему округах действующей армии. Семидесятилетний возраст фельдмаршала, физическая дряхлость и упадок энергии совместно с понятным желанием оставаться на высоте, приобретенной удачными войнами боевой славы, не могли не влиять на образ действий князя Варшавского во главе армии, на отсутствие смелого размаха мысли, решимости и отчасти даже риска и на преобладание чрезмерной осторожности, которая под давлением вполне соответствовавших обстановке настоячивых требований императора Николая вылилась в форму столь зловредных на войне полумер.

Новый главнокомандующий, заехав по пути из Петербурга в Варшаву, отправился оттуда на театр военных действий 27 марта вечером, рассчитывая около 3 апреля прибыть в Фокшаны, куда приглашал также приехать и князя Горчакова³.

Тем временем и в Петербурге, и по пути следования князя Варшавского получались новые донесения с Дуная, которые подтверждали полный успех нашего перехода через реку, отступление турок и

Генерал-лейтенант Соймонов

возможность, по мнению князя Горчакова, развить наши наступательные операции.

Государь вполне сочувствовал взгляду князя Михаила Дмитриевича на дело и, не предвидя близкой опасности со стороны Австрии, желал, насколько возможно, воспользоваться благоприятной обстановкой и занять выгодное положение до подхода англо-французов. Он предполагал с этой целью приступить к Силистрии, притянув туда одну дивизию из-под Бухареста, и прикрываться со стороны Малой Валахии и Рушука остальными тремя дивизиями. Если бы в это время турки вышли из

Калафата и двинулись против генерала Липранди, то государь несколько изменял свой план в том смысле, чтобы дать неприятелю отойти на три или четыре перехода и потом решительно обрушиться на турок всеми войсками, собранными у Бухареста, т. е. 4 пехотными и 2 кавалерийскими дивизиями, а после этого уже приступить к Силистрии. В случае выхода Омера-паши с главными силами из Шумлы и движения против нас государь также полагал атаковать его до подхода союзников, которых, по мнению императора Николая, нельзя было ожидать ранее второй половины апреля. «Прости, любезный отец-командир,— так заканчивал государь свои предположения в письме к Паскевичу,— что так смело выражаю мои мысли и желания. Ежели ты другого мнения, уступаю, но душевно желаю, чтобы мы извлекли всю возможную пользу из столь неожиданного благополучного начала... Да благословит Господь Бог новый твой поход и да даст тебе новый венец славы в продолжение персидского, турецкого, польского и венгерского походов»⁴.

Через несколько дней⁵ император Николай вновь писал князю Варшавскому и повторял свою мысль скорее осадить Силистрию. Он вновь успокаивал своего отца-командира насчет Австрии, в которой не было существенных приготовлений, угрожавших нашему правому флангу и тылу; к тому же государь считал нас достаточно сильными, чтобы остановить всякое покушение австрийцев с этой стороны. Опасности со стороны устья Дуная, где мы стояли твердой ногой на обоих берегах, Николай Павлович также не ожидал, так как высадку союзников предполагал у Варны исходя из того

заклучения, что оттуда они могли оказать помощь Силистрии и подкрепить Омера-пашу. Из 96 000, имевшихся у Паскевича, государь считал возможным оставить до 36 000 против Малой Валахии, а с остальными 60 000 приступить к Силистрии, разбить турок и союзников, если бы они приблизились к нам, и потом уже осаждать крепость. «Вот истинное изложение моего взгляда, — кончал государь. — Может быть, и ошибаюсь; решишь уже *ты*⁶ и, верно, к лучшему».

Увы, император Николай предугадал обстановку совершенно правильно, и его обоснованный и логически изложенный план ближайших наших операций наиболее всего соответствовал сложившимся обстоятельствам, но, к сожалению, государь в очень деликатной форме передал этот план для исполнения в руки лица, совершенно не сочувствовавшего каким-либо нашим наступательным порывам.

Неоднократные и настойчивые желания императора Николая не могли быть оставлены без внимания даже князем Варшавским. Он должен был с ними считаться, имея в то же время постоянно в виду свою мысль об отступлении, и вследствие этого на берегах Дуная с приездом Паскевича еще больше начали процветать нерешительность, двойственность в операциях и разлад между видимыми действиями и истинной мыслью главнокомандующего.

В своей переписке с Горчаковым государь повторял те же мысли о необходимости использовать выгодное положение и подступать к Силистрии, разбив, если возможно, Омера-пашу до подхода французов. Император Николай особенно старался успокоить Паскевича и Горчакова относительно опасения высадки союзников в Бессарабии, в тыл нашей Дунайской армии. «Не сомневаюсь, — писал он⁷, — что первый французский десант будет у Варны, ибо им не может быть равнодушно, что мы так близки к Силистрии. Предупредить их прибытие было бы неоцененно и разбить Омера-пашу до их прихода. Одни что же они сделают?» Бессарабию и Одессу государь считал обеспеченными войсками Ушакова, занимавшими низовья Дуная Одесским отрядом барона Остен-Сакена и находившимся в тылу у него драгунским корпусом генерала Шабельского.

Тем временем князь Горчаков продолжал до прибытия нового главнокомандующего вести политику выжидательную. Не рискуя из боязни идти вразрез намерениям князя Варшавского — предпринять решительное наступление в Силистрии, он производил рекогносцировки этого пункта и вел оживленную переписку с генералом Лидерсом, дабы узнать мнение как его, так и генерала Шильдера о возможности быстрой атаки крепости.

Генерал Шильдер полагал, что простое маневрирование наших войск на правом берегу Дуная совместно с канонадой с лево-

го берега реки неминуемо повлекут за собой сдачу крепости, но генерал Лидерс считал такое легкое овладение Силистрией весьма загадочным, так как Омер-паша не мог не принять мер к удержанию этого пункта в своих руках, ожидая высадки союзных войск у Варны⁸. Быстрое движение к Силистрии командир 5-го корпуса признавал при сложившихся обстоятельствах весьма полезным, если только можно наверное надеяться скоро овладеть крепостью. Вообще же, по глубокому убеждению генерала Лидерса, всю операцию против Силистрии следовало начинать лишь с твердой целью непременно ею овладеть, так как недоведение дела до конца должно было привести к весьма невыгодным для нас последствиям⁹. Во всяком случае Лидерс считал возможным для содействия предположениям генерала Шильдера двинуть свой отряд к Черноводам, направив оттуда сильный авангард к Силистрии. В этом смысле он и испрашивал указаний князя Горчакова, но распоряжения последовали уже от прибывшего на театр войны князя Варшавского¹⁰.

3 апреля фельдмаршал прибыл на театр военных действий, в Фокшаны, где был встречен князем Горчаковым. Как на беду, первым известием, которое он там получил, было известие из Вены об угрожающем решении, принимаемом этим государством. Наш посол барон Мейендорф рекомендовал не переходить Дунай у Видина, так как в противном случае он не ручался, что Австрия не будет увлечена на путь враждебных против нас действий¹¹. А между тем по сведениям, полученным от генерала Липранди, турки оттягивали часть своих войск от Калафата на восток, и наши наступательные в этом направлении операции легко могли увенчаться успехом и во всяком случае заставили бы Омера-пашу прекратить оттягивание войск от Видина к Шумле.

«Это дурно, — отметил в своем дневнике генерал Коцебу по поводу депеши Мейендорфа¹², — так как теперь навряд ли фельдмаршал решится предпринять что-либо активное». И действительно, на воспаленное воображение Паскевича сообщение Мейендорфа произвело удручающее впечатление.

Он отзывал к себе Фонтон¹³, который продолжал поддерживать сношения с сербами, и приказал генералу Липранди отойти к Крайову, рассчитывая такими мерами успокоить Австрию¹⁴. В то же время фельдмаршал делал вид, будто он намеревается энергично действовать под Силистрией, приказав пододвинуть туда осадную артиллерию и вызвав генерала Коцебу в Калараш. Собственно, этим и кончились все приготовления Паскевича к активным действиям на нашем левом фланге.

Они были сделаны лишь для успокоения государя, которого фельдмаршал одновременно с этим подготавливал к невозможности исполнить его волю. Во всеподданнейшем письме от 5 (17) апреля

князь Иван Федорович рисовал следующую картину положения на его левом фланге¹⁵.

Оставив для защиты низовьев Дуная 7-ю дивизию, фельдмаршал считал возможным двинуть к Силистрии отряд генерала Лидерса, усиленный 8-й дивизией. Войска эти вместе с осадной артиллерией могли прибыть к крепости 16 апреля, и к этому же времени он ожидал высадку союзников.

«План их, — писал Паскевич, — по моему мнению, может быть тот, чтобы, высадив тысяч тридцать¹⁶, соединиться с турками, бывшими в Бабадагской области, и Омером-пашой, всего 70 000 или 80 000, и атаковать наши переправы на Дунае или нас, когда мы будем под Силистрией. Нам придется или отходить от Силистрии к переправе, или, оставив против крепости одну дивизию, встречать с 35 батальонами до 100 000 соединенных французов и турок. Имея все это в виду, мы, может быть, не успеем до прихода европейцев окружить Силистрию и разбить Омера-пашу, который едва ли выйдет навстречу. Во всяком случае я думаю войска генерала Лидерса подвинуть вперед до Черновод и маневрировать».

Эта заключительная фраза вызвала у государя, судя по пометкам, сделанным им на письме, большое недоумение. Действительно, мысль решительного наступления на Силистрию у Паскевича вылилась в форму перехода к Черноводам и маневрирования неизвестно против кого и с какой целью. Ясно было, что фельдмаршал употребит всю свою старческую настойчивость исполнить по-своему и отвести армию на левый берег Дуная.

И действительно, осмотрев лично позиции на нижнем Дунае, князь Варшавский 11 апреля писал государю из Измаила¹⁷, что он убедился в невозможности нам держаться на Дунае и в княжествах в случае войны с Австрией и поэтому приостановил всякое движение вперед до получения положительных сведений о намерениях этого государства. «Но, может быть, — кончал фельдмаршал, — лучше бы избежать принуждения оставить княжества, добровольно их очистив, для того, чтобы быть сильнее в наших пределах, а вместе отнять у Германии всякий предлог к разрыву с нами».

Можно полагать, что до этого последнего письма император Николай не разгадал истинных намерений князя Варшавского и

Генерал-лейтенант Сельван

верил, что фельдмаршал откладывал движение к Силистрии лишь до личного ознакомления с обстановкой. Поэтому в своих ответах государь спокойно, но определенно развивал идею наступления на Силистрию и старался представить обстановку такой, какой она была в действительности, а не рисовалась пристрастному воображению Паскевича.

Государь считал своевременным обратиться к задунайским христианам с прокламацией и поднять болгар; что же касается сербов, то он полагал, что если они возьмутся за оружие *сами собой*¹⁸, то это не беда для нас, так как отвлечет силы Австрии в другую сторону¹⁹.

«Теперь дай Бог, чтобы осада Силистрии пошла успешно, — заканчивал государь. — Ежели Омер-паша придет выручать, то тем лучше, ибо с Божьей помощью ты можешь его разбить до прибытия союзников, которые только что начинают прибывать в Галлиполи».

В своем ответе на письмо Паскевича из Фокшан от 5 апреля, в котором престарелый фельдмаршал выражал намерение вместо энергичного движения к Силистрии выдвинуться к Черноводам и «оттуда маневрировать», государь, надо полагать, умышленно пропустил эту фразу и лишь хвалил Паскевича за решение двинуться к Силистрии. С замечательной деликатностью он успокаивал фельдмаршала насчет опасений последнего относительно быстрой высадки союзников, определяя вполне правильно, что они не успеют сосредоточиться раньше конца мая в Константинополе и поэтому не могут поспеть в *силах*²⁰ на соединение с турками до обложения Силистрии²¹.

Но последнее письмо фельдмаршала из Измаила, в котором он предлагал заблаговременно очистить княжества, заставило императора Николая сделать грозное внушение новому главнокомандующему. «С крайним огорчением, — писал государь²², — и с не меньшим удивлением получил я сегодня утром твое письмо, любезный отец-командир, писанное из Измаила 11 (23) числа. Тем более оно меня огорчило и поразило, что совершенно противоречит тем справедливым надеждам, которые в меня вселило последнее твое письмо, столь согласное с моими желаниями и с моей неперменной волей, тогда как из письма твоего же не вижу ни одной уважительной причины все изменить, все бросить и отказаться от всех положительных, решительных выгод, нами недаром приобретенных. Неужели появление флотов у Одессы и даже потеря ее, если она должна последовать, были не предвидены? Неужели Сакен с 30 тысячами отличного войска, с сильными артиллерией и кавалерией не может и не должен остановить всякие успехи с той стороны, даже ежели бы и был на флоте хотя несколько значительный десант? А сего и быть не может по всем сведениям, мне доставленным и ежедневно подтверждающимся. Неужели появление каких-то французских партий с артиллерией у Кюстенджи, тогда как их туда

просить надо, чтобы наверное уничтожить? Право, стыдно и подумать. Итак, остается боязнь появления австрийцев. Действительно, могло бы быть дурно месяц тому, когда мы были слабы и войска, с тем предвидением приведенные, не были еще на местах. Но они уже там. Да и нет никаких сведений, чтоб подобное нападение готовилось теперь, и разве когда бы мы двинулись к Балканам, чего мы и не затеваем. Вчера же через Берлин получены сведения и еще более положительные, что они только нас страшат, хотя бы, чтобы задержать наши успехи, и что они нас не атакуют и в Сербию не хотят войти, боясь у себя в тылу возмущения. Словом, эта опасность дальняя и во многом измениться может по нашим успехам. Между тем время дорого; мы положительно знаем, что ни французы, ни англичане в силах и устройстве не могут примкнуть к Омеру-паше, разве как в июне. И при таких выгодных данных мы все должны бросить даром без причин и воротиться со стыдом!!! Мне, право, больно и писать подобное. Из сего ты положительно видишь, что я отнюдь не согласен с твоими странными предложениями, а, напротив, требую, чтобы ты самым деятельным образом исполнил твой прежний прекрасный план, не давая сбивать себя опасениями, которые ни на чем положительном не основаны. Здесь стыд и гибель, там честь и слава! А буде бы австрийцы изменнически напали, разбей их 4-м корпусом и драгунами, — станет и этого для них. Ни слова больше, ничего прибавить не могу».

Упомянув в конце письма о неудаче, постигшей союзников под Одессой, государь прибавил: «Чего не ожидать от таких войск, когда б решимость ими водить! *Нет невозможного*²³. Ты так всегда вел дела, меня так учил, и я твоих уроков не забыл и не забуду. Теперь ожидаю от тебя, что ты сие вновь покажешь к чести и пользе России и к новым лаврам на твое чело. Аминь».

В Петербурге уже давно не понимали образа мыслей фельдмаршала, и нельзя не признать своевременности такого грозного и категорического повеления, отправленного на берега Дуная. Остается только пожалеть, что император Николай не довел дела до конца и не отозвал князя Варшавского с Дуная, оставив в его руках производство операции, которой тот не сочувствовал. В этом была главная причина неудачи силлистрийского сидения.

Для того чтобы несколько сгладить впечатление столь непривычного для Паскевича грозного повеления государя и немного поднять его дух, письмо было отправлено с зятем фельдмаршала, флигель-адъютантом князем Лобановым.

О впечатлении, которое производил в Петербурге образ действий Паскевича, можно судить по следующим строкам письма военного министра к князю Меншикову²⁴: «Un autre commandement qui m'effraie, c'est celui du Danube. Le maréchal propose des plans tellement bizarres pour la continuation de la guerre, qu'on en est tout

Отступление из Силистрии (карикатура Beck)

abasourdi. On vient de lui envoyer Lobanoff pour l'endoctriner, mais réussira-t-il, c'est une question. Notre malencontreuse timidité est terrible, et elle arrive si mal à propos après le brillant passage du Danube. Le prince Gortchakoff avait si bien compris sa position en dernier lieu et il en avait, selon moi, tiré un si beau profit. Si le résultat de ses succès est de nous retirer, parce que le maréchal a la bonté de craindre une rupture avec l'Autriche — nous serons gentils. Voyons ce qu'obtiendra son aimable gendre».

Объехав низовья Дуная, князь Варшавский прибыл в Бухарест, откуда 15 апреля отправил всеподданнейшую записку о положении дел на театре войны²⁵. Фельдмаршал считал нижний Дунай ключом нашей оборонительной позиции, так как неприятель, ворвавшись в гирла реки, мог привести туда всю свою армию и действовать на Дунае, имея сообщения с морем. Крепость Измаил он находил слабой для противодействия серьезным намерениям союзников, а потому и низовья реки беззащитными. Считая, что французы высадят в Кюстенджи или Балчике 30 000 — 40 000 своих войск, фельдмаршал полагал, что они легко могут соединиться с 70 000 — 80 000 турок и, таким образом, иметь в кулаке до 100 000 человек. Эти расчеты вызвали несколько знаков вопроса со стороны императора Николая.

С такой армией союзники, по мнению Паскевича, или могли форсировать у Гирсова небольшой сравнительно отряд Лидерса, или же в несколько переходов быть в Браилове, где могли захватить миллион четвертей хлеба. Если же одновременно с этим австрийцы, объявив нам войну, будут угрожать нашему правому флангу и тылу, то положение нашей армии было бы так затруднительно, что мы принуждены были бы бежать из княжеств и пробиваться сквозь окружающего нас неприятеля. «В предупреждение столь тяжкого положения, — писал фельдмаршал, — благодаря

ние требовало бы теперь же оставить Дунай и княжества и стать в другой позиции, где мы можем быть так же сильны, как теперь слабы на Дунае. Позиция сия должна быть за Серетом, даже за Прутом».

Эти рассуждения Паскевича вызвали со стороны императора Николая несколько знаков восклицания.

Но до получения разрешения исполнить свое желание отойти за Серет и даже за Прут фельдмаршал считал необходимым сделать распоряжение по приведению в исполнение воли государя обозначенным движением к Силистрии.

С этой целью три батальона²⁶ из отряда генерала Ушакова были направлены в отряд генерала Лидерса, который должен был оставить их в Гирсовском предместном укреплении, а с остальными войсками двинуться правым берегом Дуная к Черноводам. Между тем генерал Шильдер должен был приготовить мост в нескольких верстах ниже Силистрии, по которому надлежало 8-й дивизии присоединиться к отряду Лидерса. («Слава Богу», — пометил государь.)

Таким образом, против Силистрии предполагалось собрать три пехотные дивизии²⁷ и два кавалерийских полка, с которыми Паскевич считал возможным начать осаду крепости, если обстоятельства будут тому благоприятствовать. Однако он полагал, что взятие крепости будет сопряжено с большими затруднениями. Кроме сильных укреплений и гарнизона причиной этому могли служить разлив реки, а главное, подход к Силистрии Омера-паши и союзных войск, что делало для нас невозможным держаться на правом берегу реки, и «...в таком случае, — заканчивал Паскевич своим любимым приемом, — предупреждая сии затруднения, мы должны будем отойти».

Остальные войска по Дунаю были расположены следующим образом:

Против Рущука 8 бат., против Туртукая 4 бат., у Калараша, против Силистрии, 4 бат. и в резерве впереди Бухареста 21 бат. Мало-Валахский отряд, состоявший из 12-й пехотной дивизии и 3 кавалерийских полков, находился в Крайове, но предполагалось оттянуть его за Ольту и далее для сближения с Бухарестом, чтобы иметь свободной еще одну дивизию. В низовьях Дуная оставались кроме 8 резервных батальонов 7-я пехотная дивизия и 4 батальона 14-й и два кавалерийских полка.

Но одновременно с отправлением вышеприведенной всеподданнейшей записки князь Варшавский продиктовал для исполнения свой план действий, который несколько отличался от изложенного в докладе государю²⁸. Он должен был держаться в секрете и быть сообщенным только князю Горчакову и генералам Коцебу и Бутурлину.

Согласно этому плану, отряд генерала Лидерса, подойдя к Силистрии, должен был обойти крепость вне выстрела и вне угрозы

от вылазок и, став на большой дороге, ведущей к Шумле, послать авангард искать неприятельскую армию, которой и дать сражение, что фельдмаршал полагал полезнее взятия самой Силистрии. Паскевич, отбросив турок, считал возможным, в зависимости от достигнутого успеха и сведений о десантах союзников, или начать осаду крепости, но «с большой осторожностью», или отойти к Гирсову.

Через несколько дней, а именно 22 апреля, князь Варшавский под впечатлением новых сведений из Австрии представил государю еще одну записку «о настоящем положении дел», цель которой состояла все в том же — склонить императора Николая к добровольному отводу войск из княжеств и к сосредоточению 170-тысячной армии за Прутом, на фланге Галиции. Фельдмаршал, рисуя в обширной записке все ту же мрачную картину, считал наше положение худшим сравнительно с 1812 годом и предсказывал, что нам придется бежать из княжеств, пробиваться, потеряв половину армии и все обозы. Но на этот раз Паскевич, в случае принятия его плана, намечал и другую, более привлекательную картину — нападение осенью на Австрию как на виновницу возможной коалиции против нас. Однако он исходил из одного неправильного положения, что осенью флоты союзников не в состоянии будут держаться в море, а их десанты не посмеют остаться на берегу, и мы, таким образом, будем свободны на южном фронте. «Осмеливаюсь просить, — так кончал свое письмо престарелый фельдмаршал, — смею умолять Ваше Величество: не ожидая вопросов Австрии, дать знать германским державам, что мы оставляем княжества, ибо, смею повторить, что мы к тому принуждены будем, если Австрия объявит нам войну»²⁹.

Интересно проследить состояние духа Паскевича в эти тревожные для него дни по записям в дневнике генерал-адъютанта Коцебу³⁰.

«15 апреля. У фельдмаршала план — стать перед Силистрией и стараться вызвать неприятеля на генеральное сражение. Я думаю, что это совершенно лишний маневр и только удалит нас от цели занятия крепости.

17 апреля. Поздно вечером пришел ко мне от фельдмаршала Горчаков и предложил вопрос — осаждать ли Силистрию? Я советовал приступить к осаде, усилив себя тремя полками с нижнего Дуная, которые выдвинуть заслоном к Карасу, и, кроме того, притянув 11-ю дивизию. Но фельдмаршал мало склонен к этому плану; его предположение — очистить княжества и действовать наступательно против австрийцев, если они объявят нам войну.

19 апреля. Наши дела обстоят печально. Фельдмаршал не желает осадить Силистрии и выказывает нерешительность, но при этом боится государя, советующего взять Силистрию.

20 апреля. В Журжеве при осмотре войск Паскевич говорил об отступлении, что произвело неприятное впечатление.

Отступление из-под Силистрии (карикатура Beck)

21 апреля. Все здесь беспокойны и нерешительны.

24 апреля. Фельдмаршал находится в нерешительности. Он вне себя, что мы заняли Гирсово, и сказал, что мы подготовили гибель России. Он не хочет осаждать Силистрии, но все же отдал приказ Лидерсу выступить 29-го и в этот же день прибыть к Силистрии.

25 апреля. Фельдмаршал сердито говорил с Горчаковым о занятии Гирсова и о предложении взять Силистрию. Он сам ни на что не решается и сильно волнуется. При таком настроении надо быть готовым даже на наихудшее. Так и было! Около полуночи я получил приказание послать курьера к Лидерсу, чтобы он не двигался.

26 апреля. В 2 часа ночи Фролов разбудил меня и передал приказание, чтобы я не отправлял вчерашнего приказа Лидерсу, но было уже поздно! Утром Фролов опять пришел и вновь передал, чтобы послать приказ в отмену, но через час это распоряжение опять было отменено. Фельдмаршал решил очистить Валахию и отойти за Серет. Он собрал нас, чтобы обсудить вопрос, во сколько времени это может быть исполнено, и чрезвычайно спешит, указывая, что австрийцы могут нам отрезать путь отступления. Нашего мнения фельдмаршал не спрашивал. Ясно, что он рисует себе опасности, чтобы не вести войны и, отведя армию, уехать самому. Все кажется потерянным. Да сохранит нас Господь!

27 апреля. Le découragement saisit tout le monde. Je suis tout triste; avec nos immenses et magnifiques moyens nous ne songeons qu'à la retraite, et cela rien que pour l'hygiène et la pusillanimité d'un seul homme!»

Эта живая картина состояния главнокомандующего и его штаба служит лучшим объяснением последующих неудач под Силистрией.

Наконец, 29 апреля колебания Паскевича временно прекратились, так как в этот день из Петербурга прибыл князь Лобанов с известным уже письмом государя и с еще более энергичными устными приказаниями вести войну как можно активнее и княжеств не покидать. Лидерсу было послано последнее приказание спешить к Силистрии³¹. «Всеобщая радость!» — записал Коцебу.

Но в тот самый день, 29 апреля, когда фельдмаршал решил не по своей воле приступить к осаде Силистрии, император Николай писал ему знаменательное письмо, которое настолько характерно, что мы приведем его в подлиннике³².

«Сегодня утром я получил твое письмо, любезный отец-командир, от 22 числа³³. Со всей откровенностью должен тебе признаться, что твои мысли *вовсе* (это слово государь подчеркнул три раза) не сходны ни с моими убеждениями, ни с моей *непременной волей*³⁴. Предложения твои для меня *постыдны*, и потому я их *отнюдь не принимаю*, ибо ни я на себя принять этого стыда не намерен, да и считал бы себя преступным пред достоинством России, если бы я и согласился на подобное. Ты болен, как мне пишешь, и, вероятно, в пароксизме лихорадки мне написал то, что твоя твердая душа и зоркий ум не поверят, когда ты здоров. Сведения мои про дела Австрии и Пруссии все тебе сообщил; других не получал, и они *вовсе* не согласны с теми мечтами, которые ты извлек из письма Мейендорфа. Вся тактика Австрии состоит в том, чтобы нас держать в недоумении и тем стращать. К несчастью, кажется, что это им удалось. Очистка Малой Валахии была нам нужна и полезна, но они это выставляют как плод их устрашивания. Пора и нам в свою очередь показать им, что мы угроз их не боимся, а если бы и в тыл осмелились идти на нас, тогда ты *обязан* не бежать от них, как изъясняешься, а *их разбить*, на что у тебя сил достаточно и притом русских свежих сил. Мнимое тобой появление пруссаков в Галиции *тоже одна бредня*. Ты теперь под Силистрией; удобнее осадить, — осаждай по всем правилам и, собрав, что можешь, т. е. 4 дивизии при 3-х кавалерийских, выжидай, высунется ли Омерпаша с гостями? Да — разбей, нет — довершай осаду. Двух дивизий 4-го корпуса с двумя кавалерии очень довольно для прикрытия Бухареста. Когда сладишь с Силистрией, принимайся за Рущук. Никакой высадки в Бессарабии или на устьях Дуная не опасайся; теперь видим, с каким трудом союзники перевозят свои войска в Галлиполи. Что же они сделают без кавалерии, артиллерии и обозов, ежели бы и решились на те высадки? Да их, право, и пригласить бы надо было. Австрия нас не атакует, доколе не пойдем *за Балканы*, куда мы и не думаем, и потому эти опасения неуместны и противны истине.

Надеюсь, что этим *конец противоречиям*. Будущее в руках Божьих, и я сему покоряюсь, но требую *от тебя*, чтобы ты исполнил волю твоего *друга и государя*. Ежели силы твои нравственные и телесные делают тебе обузу эту сверх сил, тогда скажи мне откровенно. *Командуя всем*, твое место, быть может, там, где за лучшее сочтешь. Ты не прикован к Дунаю, опасность везде теперь, и присутствие твое везде полезно. Аминь. Бог с тобой».

При таких-то условиях фельдмаршал 29 апреля решил приступить к осаде Силистрии. Ясно было, что он не был способен вложить всю душу в это дело и что, временно подчинившись необходимости, он использует первый благоприятный случай направить ход военных операций в любезное ему русло стягивания за р. Прут.

Как известно, первым распоряжением прибывшего на Дунай князя Варшавского было приказание Мало-Валахскому отряду генерала Липранди отходить от Калафата первоначально к Крайову, а потом и далее, за р. Ольту, для приближения его к Бухаресту.

Между тем оттягивание Омером-пашой части войск от Видина к Шумле давало наконец возможность нашему сильному отряду у Калафата завладеть этим пунктом и обеспечить правый фланг нашего растянутого расположения. По сведениям, собранным генералом Липранди, из Калафата вышло 8 тысяч турок, которые направились на Лом, Рахов и далее, как надо полагать, к Шумле. Кроме того, из опасения переправы наших войск выше Видина турки вывели из крепости и Калафата до 3 тысяч человек, которых расположили между Видиным и р. Тимок. Всего в Калафате и Видине с окрестностями оставалось до 12 тысяч турок и в Лом-Паланке, Рахове и Никополе около 2 тысяч в каждом.

5 апреля, чтобы вполне удостовериться в численности турецких войск, занимавших Калафат, генерал Липранди произвел своей кавалерией рекогносцировку укрепленного турецкого лагеря. Неприятель, занимавший Чепурчени, был вытеснен из селения и в беспорядке отступил к непроходимым болотам побережья Дуная; высланные на помощь из Калафата части пехоты и кавалерии были опрокинуты с потерей 2 знамен и 260 человек убитыми кроме раненых и пленных³⁵.

Все говорило о том, что турки уменьшают свои силы на крайнем левом фланге, и активные здесь действия большого русского отряда давали кроме обеспечения нашего правого фланга, а также нравственного удовлетворения за Калафат и более практические результаты. Мы заставили бы Омера-пашу не оттягивать с верховьев Дуная войска, чем уменьшили бы силу его армии у Силистрии, где готовился главный удар, и, кроме того, удержали бы

в своих руках богатый край, население которого не было к тому же к нам расположено³⁶.

Но 5 апреля генерал Коцебу получил «весьма неприятное» приказание Паскевича отозвать Липранди к Крайову и взять у него одну бригаду «pour des raisons très graves», как писал Горчаков³⁷. Мы уже знаем, в чем заключались эти важные причины, но в предписании генералу Липранди они определялись «наступательными с нашей стороны действиями на левом фланге настоящего театра войны»³⁸.

Отряду разрешено было двигаться обыкновенными переходами, с вывозом всех больных и запасов и с остановками дня на два в Быйлешти и в Радованах, но с неперменным условием прибыть в Крайово не позже 14 апреля³⁹. Если бы турки во время движения Липранди решили преследовать его, угрожая нападением, то он должен был разбить и гнать их кавалерией хотя бы до самого Калафата, после чего вновь продолжать отступление. 1-ю бригаду 10-й пехотной дивизии с ее артиллерией Липранди должен был отправить после отступления от Быйлешти для усиления резерва Паскевича — Екатеринбургский полк в Бухарест и Тобольский в Турно. «Имея главным пунктом пребывания вашего в окрестностях Крайова, вы должны по возможности делать нападения на неприятеля, если он удалится от Дуная, и маневрировать так, чтобы он был за то наказан». Этими словами князь Горчаков заканчивал свою инструкцию генералу Липранди.

Мало-Валахский отряд, отправив в Крайово запасы, понтоны и госпиталь, начал отходить от Калафата под прикрытием батальона Тобольского полка, 16 эскадронов и нескольких сотен. Отход был так искусно замаскирован демонстрациями арьергарда, что турки долгое время не замечали отступления и предполагали лишь попытки выманить их из укрепленного лагеря⁴⁰. Это дало возможность отряду спокойно сосредоточиться в Крайове, где он получил приказание продолжать свое отступление за р. Ольту, к Слатино⁴¹. Таким образом, Малая Валахия перешла во власть турок, и там воцарились полный беспорядок и анархия. «О, как мы вредим себе этим отступлением!» — занес в свой дневник генерал Коцебу, упоминая о воцарившейся анархии в оставляемой нами провинции⁴². Впрочем, по некоторым английским источникам, турки вскоре назначили для управления Малой Валахией особый комитет, которому было поручено «собирать дань султану и исправлять другие функции правительства, после чего провинция быстро успокоилась, и жители вновь свободно вздохнули после русской неволи»⁴³.

Противник с фронта преследовал нас очень слабо, боясь быть атакованным в открытом поле сильным отрядом генерала Липранди; таким образом, он не давал случая исполнить то, чего в течение

всей кампании так сильно желал император Николай, а вслед за ним Горчаков и Паскевич, т. е. выманить турок в открытое поле, разбить их и преследовать нашей многочисленной кавалерией. Неприятель по-прежнему продолжал свои осторожные действия, атакуя нас накоротке тогда, когда мог рассчитывать на призрачный успех, который давал ему возможность прославлять свою мнимую победу и поражение русских. Наш враг, выигрывая время, возвышая дух своих войск и свой престиж за границей, тем самым парализовал сильную русскую армию и в особенности ее руководителей, которые, по непонятной причине, не могли сбросить с себя этого гипноза, а, напротив, старались подчинить ему и могучую волю императора Николая.

Турки, опасаясь энергично наступать против отходившего отряда Липранди с фронта, решили произвести нападение от Никополя на Турно, чтобы, как можно предполагать, выяснить, не повлекло ли отступление Мало-Валахского отряда уменьшения численности наших войск и на всем протяжении среднего Дуная.

15 апреля утром нами было замечено движение войск из Никополя к пристани, после чего на наш берег переправилось на судах до 800 турок, которые залегли за валом старых укреплений. Встреченный огнем подскакавшего на картечный выстрел дивизиона № 9 конной батареи, противник был атакован 1-м дивизионом Уланского герцога Нассауского полка и 30 сотней Донского № 37-го полка, которые, несмотря на сильный огонь с неприятельского берега, ворвались в занятое турками укрепление и опрокинули их с большими потерями в Дунай. Но вновь высадившиеся на берег 1000 человек неприятельской пехоты не дали возможности нашей коннице удержаться до смены ее пехотой в старом укреплении. Тогда начальствовавший на этом участке генерал Баумгартен прибыл в Турно с Тобольским полком и ввел в дело два батальона этого полка.

Четыре орудия им были поставлены с фронта на шоссе, четыре конных орудия влево для действия не только по занятому неприятелем укреплению, но и по Дунаю; 1-й батальон тобольцев занял лес на правом фланге, имея за собой в резерве 3-й батальон. Для выбития неприятеля были направлены только две роты тобольцев (4-я гренадерская и 12-я мушкетерская), которые и выполнили блестяще свою задачу под огнем 26 орудий с противоположного берега Дуная. Во время этой атаки три больших судна спешили к туркам с подкреплениями. Встреченные метким огнем конных орудий, одно из них повернуло назад, одно было потоплено и одно было взято в плен рядовым 12-й мушкетерской роты Тобольского полка Сидором Ревлюком.

Число убитых и раненых турок генералом Баумгартеном было определено в 800 человек и пленных 123 человека. Наши потери были: убитых 18 нижних чинов и раненых 2 офицера и 58 нижних чинов⁴⁴.

Отступление русских из Бухареста (карикатура Веск)

Тем временем отряд генерала Липранди, остававшийся еще в Крайове, все постепенно уменьшался распоряжениями свыше. Кроме уже отобранной бригады 10-й пехотной дивизии ему было приказано направить 1-ю бригаду 12-й пехотной дивизии с двумя батареями в Текуч, бугских улан в с. Дорешти и оставаться в Крайове со 2-й бригадой 12-й пехотной дивизии, 2 батареями, 2-й бригадой 5-й легкой кавалерийской дивизии, конно-легкой батареей и 2 казачьими полками⁴⁵.

19 апреля выдвинувшаяся вперед к Радовану регулярная кавалерия турок была успешно атакована и отброшена казаками генерала Липранди⁴⁶, который на следующий день выслал сильную разведку к Калафату для сбора сведений о противнике. Оказалось, что главные силы турок в числе около 15 тысяч вышли из укрепленного лагеря и расположились у с. Быйлешти, имея сильные кавалерийские части у Радован и Фонтынелиле.

Это известие вызвало со стороны главнокомандующего новую группировку Мало-Валахского отряда. Генералу Липранди было предписано отойти на левый берег Ольты с таким расчетом, чтобы быть в Слатине 3 мая с тремя полками 12-й пехотной дивизии, гусарской бригадой 5-й легкой кавалерийской дивизии и 10 сотнями казаков. Четвертый же полк 12-й дивизии с батареей и 2 сотнями казаков направить в Русе-де-Веде для поддержки отряда, расположенного в Турно, и для связи этого отряда с отрядом генерала Липранди⁴⁷.

3 мая Мало-Валахский отряд благополучно достиг Слатина и занял наблюдательными казачьими постами все течение р. Ольты

от Рымника до Турно, обозревая впереди лежащую местность вы-
сылаемыми к стороне турок разъездами. Особое внимание было
обращено на верхнее течение Ольты, так как фельдмаршал опасал-
ся движения турок у подножия гор в тыл нашим войскам, сосре-
доточенным у Бухареста. С этой целью для наблюдения за путями,
идущими от Тырго-Жио на Рымник был отправлен особый отряд в
составе двух дивизионов Гусарского принца Фридриха-Карла Прус-
ского полка и сотни Донского № 38 полка, к которому были при-
даны и все дорабанцы, собранные в Рымнике. Отряду этому было
приказано особенно зорко следить за данным направлением и в
случае отступления превосходящих сил противника отступать по
дороге на Питешти, не теряя неприятеля из виду и стараясь вернее
определить его силы. В этот последний пункт был отправлен бата-
льон Валахской милиции, которому было приказано содейство-
вать конному отряду.

По собранным генералом Липранди сведениям, турецкие войс-
ка были сосредоточены против него следующим образом: в Радова-
не — 3 тысячи кавалерии при 6 конных орудиях с передовым отря-
дом, выдвинутым к с. Подати; в Быйлешти — 3 батальона с 6 ору-
диями, а главные силы (около 10 тысяч) вновь отошли в Калафат⁴⁸.

Казалось бы, что это могло служить достаточным доказатель-
ством, что турки не предполагали развить на нашем правом фланге
решительных активных действий; напротив, они боязливо занима-
ли оставленную нами провинцию и лишь имели в виду, согласно
принятому ранее плану, использовать нашу нерешительность и
беспокоить нас мелкими нападениями.

Это подтверждалось и полученными 10—12 мая сведениями об
уходе в горы части турецких гарнизонов из Рахова и, что особенно
значимо, из Никополя⁴⁹.

Фельдмаршал, решившись наконец приступить к осаде Силис-
трии, приказал, уезжая в Калараш, объединить в руках генерала
Даненберга командование всеми войсками, расположенными в кня-
жестве Валахия от озера Мостищи вверх по течению Дуная⁵⁰, и
возложить на него охрану нашего правого фланга и Бухареста.

Князь Горчаков для выполнения этой задачи преподал генералу
Даненбергу обширную инструкцию привычного для князя Михаи-
ла Дмитриевича характера — все предвидеть, все предпринять, от-
нять у исполнителя всякую самостоятельность и поставить в ре-
зультате его, сбитого с толку, запутанного и запуганного, именно
перед тем случаем, который не был предвиден и предreshен.

Генералу Даненбергу рекомендовалось распоряжаться так,
чтобы отряды, расположенные по Дунаю, отстаивали пункты пе-
реправы через реку, но не подвергались ни поражению, ни даже
большому урону. Если неприятель утвердился на нашем бере-
гу, где-либо между Ольтеницей и Турно, и двинется внутрь края,

то действовать так, чтобы отряды, которые не могли оставаться на своих местах, могли бы своевременно и безвредно исполнить свое отступление. На поддержку их рекомендовалось высылать части из резерва или маневрировать всем резервом, стараясь навести неприятеля на выгодную для нас позицию, или же атаковать противника. В случае нашей удачи и отступления турок к Дунаю в сделанные заранее укрепления не атаковать их там, а вновь занять центральную позицию, оставив лишь необходимое число войск для наблюдения за неприятелем. В случае же нашей неудачи отступить по направлению к Бухаресту и отстаивать этот город, прикрываясь течением р. Аржиса.

Князь Горчаков считал наиболее вероятным наступление турок со стороны Систова и в особенности со стороны Турно, Рахова и Малой Валахии, поэтому он входил в подробности действий отрядов, наблюдающих эти пункты.

В случае сильных действий со стороны Систова или Рушука и необходимости отхода вследствие этого Журжинского отряда генерала Соймонова рекомендовалось оттянуть также к Аржису отряды Турнский и Мало-Валахский. Отряду же Ольтеницкому, если неприятель туда прорвется, следовало отступать на общий резерв или на Калараш.

При наступлении турок со стороны Никополя не признавалось возможным Мало-Валахскому и Турнскому отрядам оставаться на Ольте, а следовало отходить к Аржису. Ольтеницкому же и Журжинскому отрядам разрешалось в таком случае оставаться на местах, но с таким расчетом, чтобы они могли присоединиться к главным силам «своевременно и безвредно».

В случае наступления со стороны Рахова и Малой Валахии отряды, на Ольте расположенные, должны были по возможности держаться на этой реке; при старании же противника обойти наш правый фланг отрядам этим отступать от Ольты⁵¹.

Вот, в общем, инструкция, данная, по приказанию князя Варшавского, генералу Даненбергу для действия на нашем правом фланге и в центре.

Эта инструкция носила чисто оборонительный характер, а так как турки, как известно, направили все свои силы к Силистрии и Шумле и были далеки от мысли действовать наступательно на нашем правом фланге, то в течение всей осады Силистрии здесь не произошло серьезных дел.

Вскоре в силу начавшейся осады этой крепости опасения за левый фланг района генерала Даненберга совершенно прекратились, и даже 13 мая нам удалось занять Туртукай. Фельдмаршал в видах усиления средств переправы у Силистрии приказал спустить вниз по Дунаю плоты для моста, приготовленные на р. Аржисе. При движении плотов вблизи Туртукай не было со стороны последнего

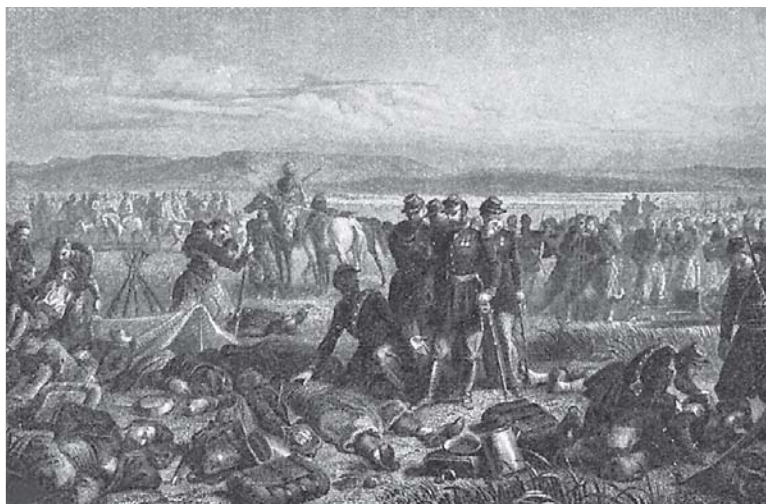
обнаружено никаких враждебных действий, и передовые посты донесли, что часть турецкой пехоты и конницы вышла из крепости в горы. Двум ротам Охотского полка было приказано занять остров, лежащий перед Туртукаем, что также было произведено без сопротивления со стороны противника, после чего был занят и покинутый турками город. В нем был нами оставлен батальон пехоты, который занялся срытием турецких укреплений⁵².

Тем временем со стороны Малой Валахии продолжалась полная бездеятельность обеих сторон. Крайово турки не заняли самостоятельным отрядом, а лишь высылали туда разъезды, которые постоянно возвещали жителям скорое прибытие в этот пункт какого-то значительного отряда и требовали приготовить для него продовольствие, между тем как все лазутчики единогласно показывали, что в Калафат никаких подкреплений не прибыло. Это дало мысль генералу Липранди произвести со своим отрядом неожиданное нападение на турок в Крайове в том случае, если бы они действительно двинулись туда из Калафата.

Неприятель не мог двинуть в Крайово более 15 тысяч, и такой отряд, переправившись через р. Жио по одному мосту, попадал в очень невыгодное положение, если бы Мало-Валахский отряд, внезапно появившись у Крайова, атаковал турецкие войска в то время, когда они только что перешли через Жио и не успели еще укрепиться в окрестностях города.

Сообщая свои предположения князю Горчакову, генерал Липранди просил разрешения двинуть свой отряд из Слатина через Балаш к Крайову, как только он получит положительные сведения о переходе турок через Жио, и, пользуясь выгодной минутой, нанести им решительный удар. Моральный эффект подобного набега Липранди считал несомненным; за фланги же свои он не опасался, так как, по имевшимся сведениям, неприятель ни в какую сторону своих отрядов не отделял.

Но если, при известной уже из опыта предшествовавшего периода кампании осторожности турок, предположение о возможности внезапной атаки Крайова и являлось несколько рискованным, то остальные мысли генерала Липранди как лица, находившегося на месте, заслуживали полного внимания. Убедившись, что турки не стягивают на верхнем и среднем Дунае своих войск с наступательными намерениями, что они очень медленно и боязливо занимают тот край, который нами очищается, и, по-видимому, будут ограничиваться лишь частными попытками к переправе, он считал необходимым воспретить туркам своим наступлением к Крайово и за р. Жио спокойное водворение в Малой Валахии, где они получают все продовольственные средства и успешно распропагандируют жителей страны через разных выходцев, участвовавших в смутах 1848 года⁵³.

Союзники в Добрудже

Следует заметить, что у государя в Петергофе почти одновременно появилась такая же мысль, как у Липранди в Слатине, и он писал Паскевичу, что «не хорошо ли б было перейти в Малой Валахии внезапно в короткое наступление и разбить наголову, что туда сунулось»⁵⁴.

Но этот наступательный порыв генерала Липранди был сдержан князем Варшавским, который разрешил ему предпринять быстрое наступление лишь в том случае, когда турки приблизятся к Слатину верст на пятнадцать. Одновременно с этим как бы из опасения, чтобы Липранди не вырвался, Днепровский полк его дивизии был отведен от Ольты к Бухаресту⁵⁵.

Но Липранди еще до получения этих распоряжений фельдмаршала решил приступить отчасти к исполнению своего плана. Ввиду появления турецкой кавалерии около г. Каракула и в разных местах по р. Ольтец он намеревался для отражения их отправлять за р. Ольту сильные кавалерийские партии.

16 мая с этой целью был выслан отряд из 3 дивизионов Гусарского князя Варшавского (Александрийского) полка, 4 орудий конной № 10 батареи и сотни Донского казачьего № 38 полка под начальством полковника Карамзина и при офицере генерального штаба штабс-капитане Черняеве.

Виновником свершившегося в этот день с отрядом несчастья был его начальник, появившийся на театре войны при несколько необычных условиях.

Вялость ведения кампании и нерешительность престарелого фельдмаршала вызывали не только удивление при дворе и в выс-

ших административных сферах, но и целое возмущение в наиболее патриотично настроенных кругах обеих столиц. Главный центр этого кружка находился в Петербурге, и один из видных членов его, отставной полковник Карамзин, решил перейти от слов к делу, ехать на войну свершить подвиг и «donner un peu de vigueur aux vieux maréchal»⁵⁶. Следует заметить, что Карамзин, сын знаменитого историографа, бросил строевую службу с чина поручика гвардейской артиллерии и, женившись на вдове известного богача Демидова, занимал выдающееся положение в обществе; его отъезд на Дунай служил как бы демонстрацией наиболее патриотично настроенных кругов столицы, недовольных вялым ведением кампании. Совершенно не знавший службы, никогда не служивший в полевых условиях, Карамзин приехал в Александрийский полк полковником и вступил, из-за болезни командира, в командование полком.

Хотя генерал Липранди и его начальник штаба князь Васильчиков сознавали всю неподготовленность Карамзина, но при описанных выше условиях им трудно было его обойти в назначении начальником отряда, и таким образом он стал во главе поиска районов дислокации противника 16 мая.

Александрийцы с приданными к ним частями должны были выступить без обоза в шесть часов утра и следовать через с. Пятра к с. Вадулени, пройдя которое, остановиться на ночлег близ р. Ольтец. Отсюда после необходимого лошадям отдыха выслать сильный разъезд в г. Каракул, чтобы убедиться, не занят ли этот город небольшим отрядом, который можно было бы оттеснить. Если бы неприятеля в Каракуле не оказалось, то 17-го продолжать поиск в направлении г. Балаш и при отсутствии неприятеля и в этом пункте 18-го вернуться в Слатино. Начальнику отряда предоставлено было по обстоятельствам несколько изменить направление движения, но ни в каком случае не иметь ночлега на правом берегу р. Ольтец⁵⁷. Это требование служило как бы указанием на возможность встречи превосходящих сил противника и должно было несколько связывать чрезмерный пыл неопытного Карамзина.

Карамзин, не соразмерив предстоявшей работы конского состава, повел свой отряд на быстрых аллюрах, дошел до с. Вадулени, пройдя которое, остановился на привал на левом берегу р. Ольтец. Но вместо того чтобы выслать для рекогносцировки Каракула сильный разъезд, как это было ему указано, он поверил показаниям местных жителей, что в этом пункте находится 600 или 700 человек неприятельской кавалерии, которую решил разбить и после этого вернуться на ночлег за р. Ольтец.

После четырехчасового привала Карамзин двинул свой отряд к Каракулу, имея в авангарде сотню казаков, в версте от нее — главные силы в колонне по шесть и артиллерию повзводно между 3-м

и 4-м дивизионами. Головной отряд казаков встретил у с. Доброславени пикет из 10 иррегулярных турецких всадников, которые дали сигнальный выстрел и ускакали к городу. Штабс-капитан Черняев, произведя личную разведку, обнаружил на равнине у выхода из Каракула около 800 человек регулярной турецкой конницы, построенной в четыре колонны и готовой к бою. Между турками и нашим отрядом протекал в обрывистых берегах болотистый ручей Тезлуй, проходимый лишь по одному узкому мосту. Переходить в таких условиях ручей и развертываться в боевой порядок в виду готового к бою равносильного противника было весьма рискованно, почему Карамзину рекомендовали отвести обратно за ручей переведенный им уже на неприятельскую сторону отряд, построить боевой порядок и выждать, пока не обнаружатся силы и намерения противника.

Но Карамзин не внял голосу рассудка и свой истомленный длинным переходом и движением на быстрых аллюрах от Вадулени отряд развернул в боевой порядок тылом к крутому берегу болотистого ручья Тезлуй, предполагая сделать несколько выстрелов из орудий и после этого начать отступление.

Однако первая очередь орудийных выстрелов была для турок сигналом броситься в атаку на наш отряд. Центр их пока оставался на месте, но из-за флангов вынеслись длинные цепи иррегулярной конницы, которые охватили наш боевой порядок, особенно угрожая нашему левому флангу. Лихие атаки александрийских гусар поэскадронно, безо всякого общего руководства, картечный огонь наших орудий почти в упор могли лишь временно задержать натиск турецкой кавалерии и дать нам возможность начать отход по мосту, но атаки турок свежими силами превратили это отступление в бойню. Мост был занят перемешанными частями нашими и турецкими; артиллерия с перебитыми лошадьми не могла попасть на мост и осталась на неприятельском берегу. В безумной рукопашной схватке у моста, делающей честь александрийским гусарам и конной № 10 батарее, проявившим здесь массу отдельных подвигов мужества и самопожертвования⁵⁸, они пробивались через врага и наконец устроились на противоположном берегу р. Тезлуй с потерей 19 офицеров, 101 гусара, 30 артиллеристов и 4 орудий. Виновик несчастья, полковник Карамзин, также пал геройской смертью, изрубленный турками.

По английским источникам, потери неприятеля доходили до 250 человек⁵⁹, а по нашим — до 700 человек.

От р. Тезлуй до р. Ольтенец турки безуспешно преследовали приведенных в порядок гусар, после чего преследование прекратилось⁶⁰.

Согласно донесению Омера-паши маршалу С.-Арно⁶¹, Карамзин имел дело с рекогносцировочным отрядом Генерального штаба

Стычка с англичанами в устье Дуная

полковника Искендер-бея (граф Ильинский), одного из выдающихся офицеров оттоманской армии, в состав которого входил 2-й Румелийский кавалерийский полк под командой полковника Хаджи-Мехмет-бея. Хотя Омер-паша в своем донесении говорит только об одном шестиэскадронном полку, но, по свидетельству русских и английских источников, в отряд входило и до 2 000 иррегулярной конницы. Этому показанию следует верить, так как навряд ли для командования одним полком с турецкой стороны был бы назначен не только командир полка, но и особый начальник отряда⁶².

На другой день генерал Липранди произвел личную разведку противника, но не нашел его ни в Каракуле, ни в Балаше. По собранным же сведениям, турецкие войска расположились следующим образом: в Крайове, на правом берегу р. Жио, 4 000 кавалерии при 6 конных орудиях, в Быйлеште и Калафате по 4 000 пехоты с артиллерией. Несколько дней спустя турецкая пехота начала оттягиваться к Калафату, а конница от Крайова перешла к Радовану.

Дело Карамзина должно было произвести на фельдмаршала удручающее впечатление, что и выразилось в предписании, данном им генералу Липранди⁶³. Паскевич признавал произведенный поиск бесцельным, так как для собирания сведений о противнике можно было выслать несколько казачьих партий, поддержанных 1—2 эскадронами; он признавал его неосторожным, так как кавалерия выбрасывалась в район, занятый противником, чуть ли не за 40 верст, и ставил в вину Липранди как назначение Карамзина начальником отряда, так и то, что последнему не было отдано приказа не переходить за р. Ольтенец.

Если в деле Карамзина и можно отметить бессмысленную неосторожность и полное неумение вести войска в бой, то никоим образом нельзя согласиться и с той ролью, на которую князь Варшавский указывал кавалерии, не считая возможным удалять ее от пехоты.

«С горестным чувством читал донесение о несчастном деле Александрийского полка,— писал государь⁶⁴.— Дай Бог, чтобы подобное не повторялось, ибо ничего для меня нет прискорбнее, как подобная бесплодная трата драгоценного войска от глупости или неосторожности начальников».

Каракульским делом было закончено бесцветное существование Мало-Валахского отряда, так как вскоре после этого он был отведен в Плоешти, где составил заслон от ожидаемого нападения со стороны Австрии. Отряд этот по своему положению и силе мог сыграть видную роль в истекшем периоде кампании, но вместо того он влачил свое печальное существование и лишь в делах при Четати и Каракуле влил без пользы для дела новые венки доблести в знамена Тобольского и Александрийского полков, доказав в то же время всей своей деятельностью отсутствие умелого им руководства.

В конце мая турки также покинули Малую Валахию, срыв калафатские укрепления и сосредоточив войска, там бывшие, у Тырнова⁶⁵.

Почти одновременно с описанным происшествием у Каракула фельдмаршал приказал генералу Соймонову, начальствовавшему Журжинским отрядом, организовать крейсирование флотилии от Журжи до устья р. Аржиса с целью убедиться в слабости турецких сил на среднем Дунае и с целью распространения ложных слухов о готовившейся здесь нашей переправе через реку. Был сформирован отряд под начальством полковника Бонтана из 16 офицеров и 450 нижних чинов, который вышел на 3 канонерских лодках и 18 гребных судах в ночь на 16 мая из Журжи и, прибыв 20-го числа к устью р. Аржиса, отправился обратно в Журжу. Экипаж по дороге делал небольшие рекогносцировки правого берега Дуная, но, кроме отступавших кавалерийских частей, никого не встречал⁶⁶.

Как бы в отплату за этот поиск турки на рассвете 30 мая произвели из Рушука нападение на наш Журжинский отряд. Шесть канонерских лодок и значительное число судов с регулярной пехотой направилось, под покровительством огня из Рушука и построенных ниже его батарей, к острову Радоману, но, встреченные огнем нашего отряда и штыками 8-й роты Томского полка, отплыли назад⁶⁷.

На низовьях Дуная передовые части сосредоточенного у Гирсова отряда генерала Лидерса заняли 30 марта 3 сотнями Черноводы и 2 — Карасу. Высланные на юг разъезды обнаружили впереди присутствие небольших частей неприятельской кавалерии, которые, однако, при нашем появлении отходили в глубь страны. У Кюстенджи крейсировали англо-французские суда, но без десанта, и если экипаж их и выходил на берег, то только для сбора продовольствия и для разведок.

2 апреля турецкая кавалерия направилась в значительных силах к Черноводам, поощренная к этому приостановкой нашего дви-

жения на юг. Подполковник Валуев, узнав об этом, оставил для охраны моста в Черноводах сотню, а с остальными двумя вышел навстречу туркам, направив одну сотню по дороге, а другую стороной для действия во фланг противнику. Пройдя 18 верст, казаки наткнулись на турок, которые, видя свое превосходство, атаковали сотню Валуева; но в это время другая сотня быстро появилась на фланге неприятеля и после залпа из ружей ударила в пики. Турки были смяты, оставив на месте 40 тел и 17 пленных. После этого вся неприятельская кавалерия отошла к Базарджику. Со своей стороны генерал Гротенгельм, начальник авангарда Лидерса, усилил передовые посты, расположив: в Черноводах — 4 сотни, в Докузове — 3 $\frac{1}{2}$ сотни, в Карасу и Карамурате — по $\frac{1}{2}$ сотни. Для поддержания казаков были расположены в д. Даникиной и Сеймене, под общим начальством генерала Столпакова, по одному дивизиону улан и по взводу конной артиллерии.

Между тем фельдмаршал решил передвинуть отряд Лидерса к Черноводам, куда он должен был прибыть 19 апреля, выдвинув авангард к с. Россевате и боковой отряд к Карасу. В виду этого движения выяснилась необходимость подчинить Галац, Браилов и Гирсово особо «опытному и распорядительному начальнику». Выбор Паскевича остановился на генерале Бельгарде. Наибольшее значение придавалось Гирсову, у которого был мост с предмостным укреплением, перволинейный склад продовольствия, и здесь же должны были проходить поднимаемые вверх по Дунаю запасы. Кроме того, Гирсово было опорным пунктом войск Лидерса в случае обратного их движения, и сюда же скорее, чем в Браилов и Галац, мог направиться противник от Варны, Бальчика и даже Кюстенджи.

Бельгарда подчинили непосредственно генералу Лидерсу, но о всех разрешениях, требующих особой поспешности, и о всех важных происшествиях он должен был непосредственно доносить так же князю Горчакову или главнокомандующему.

Опытный и распорядительный начальник, каковым был признан генерал Бельгард, был снабжен весьма подробной инструкцией, изложенной в духе всех инструкций князя Горчакова, желающих предвидеть все мелочи и отнимающих всякую возможность исполнить задачу по собственному разумению, в зависимости от сложившихся на месте обстоятельств. Такую же инструкцию Бельгард должен был получить и от генерала Лидерса.

В предписании князя Горчакова указывались меры поддержания связи с главнокомандующим, а также между войсками Лидерса и генерала Ушакова, который охранял с 20 батальонами и 8 эскадронами низовья Дуная, находясь с главными силами у Исачки и авангардом у Бабадага. Но наибольшее внимание в инструкции было обращено на оборону Гирсова, в котором было приказано иметь

три батальона, батарею, дивизион улан и три сотни казаков, и отчасти Браилова, где находились 1 батальон и 4 орудия⁶⁸. В помощь Бельгарду для укрепления Гирсова был командирован инженер-подполковник Тотлебен.

19 апреля главные силы⁶⁹ генерала Лидерса расположились в Черноводах с авангардом⁷⁰ в Россевате, от которого к с. Малчево был выставлен наблюдательный пост из 2 $\frac{1}{2}$ сотни казаков. Кроме того, к с. Девче (Девичкой) был выслан боковой отряд в составе 4 бат., 12 ор., 4 эск. и 2 $\frac{1}{2}$ сот. под начальством генерала Энгельгарда, на который возлагалось наблюдение за Кюстенджи и обеспечение тыла.

Хотя неприятельские разведывательные партии вновь начали появляться в районе расположения наших передовых частей и по сведениям, собранном через лазутчиков, генерал Лидерс ожидал атаки со стороны турок, но в действительности неприятель об этом и не помышлял. Все ограничилось несколькими незначительными столкновениями передовых кавалерийских частей, после чего турки прекратили свои поиски⁷¹.

Силистрия, древний Доростол, когда-то обороняемый русским великим князем Святославом Игоревичем против греков, имела первенствующее значение для турок, так как служила опорным пунктом нижнего Дуная и прикрывала кратчайший путь от этой реки к Константинополю. Османское правительство, сознавая всю важность этого пункта, обратило особое внимание на его укрепление.

Силистрия⁷² лежит на низменном мысе правого берега Дуная, откуда вниз река образует ряд мелких болотистых островов. Ядро крепости состояло из 10 небольших бастионов с короткими фланками, соединенными куртинами от 150 до 200 саженьей длиной, и рвами шириной от 75 до 90 футов и глубиной в 10—12 футов, которые имели фланговую оборону. Эскарпы и контрэскарпы были облицованы камнем, внутренняя же крутость бастионов была одета турами.

Так как к югу и к востоку от главной ограды местность повышалась и в расстоянии от нее в 1 $\frac{1}{2}$ —2 $\frac{1}{2}$ версты образовала холмы высотой 300—800 футов, то главная сила крепости заключалась в фортах, вынесенных на окружающие город высоты.

Старая крепость и существовавшие раньше форты были тщательно исправлены, верки подняты и рвы углублены, но, кроме того, опыт 1829 года указал туркам на необходимость построить новые укрепления в тех пунктах, важность которых выяснилась для них предшествующей нашей осадой. Четыре таких форта и были возведены прусскими инженерами, а один турками, по указанию англичан.

Стычка с англичанами в устье Дуная

Наиболее сильный был форт *Абдул-Меджид*, вновь возведенный к юго-западу от города на Анбарской высоте, откуда были начаты нами осадные работы против Силистрии в 1829 году. Форт этот имел восьмиугольную форму с открытой горжей, рвы были с каменной одеждой и с тремя блокаузами для обороны их, внутри имелся казематированный редут. Построенный по чертежам прусского полковника Гуцковского, *Абдул-Меджид* считался выдающейся работой. К западу от него, на соседней высоте, находился форт *Кучук-Мустафа*, к северо-востоку от которого, на равнине ближе к Силистрии, был расположен форт *Кяхья-Табия* (Луговой), имеющий севернее себя береговую батарею. На командующих высотах к востоку от *Абдул-Меджида* и к юго-востоку от Силистрии была сооружена группа из трех фортов. Далеко вперед на юго-восток был выдвинут форт *Араб-Табия* (Арабский), который занимал командующую над крепостью высоту. Этот открытый с горжи форт, сыгравший столь видную роль при обороне Силистрии, в апреле только строился и имел бруствер не более 3 футов вышиной, но во время осады он имел уже вал высотой 12 футов и глубокий ров. Между *Абдул-Меджидом* и *Араб-Табией*, уступом за последней, находился форт *Урду-Табия* (Египетский, или Лагерный, редут), а к северу от Арабского форта укрепления *Деирмен-Табия* (Песчаное), *Еланли-Табия* (Змеиное), и, наконец, с этой стороны систему обороны кончало укрепление *Береговое*, расположенное на берегу Дуная.

Гарнизон крепости в начале мая состоял из 16 000 человек. Количество орудий, бывших на вооружении, разными источниками показывается различно — от 50 (по английским источникам) до 120 (по русским). Последнюю цифру следует считать более соответствующей истине. Продовольствием крепость была обеспечена на год. Комендантом был энергичный Мусса-паша, реорганизатор турецкой артиллерии⁷³.

Еще до прибытия на театр войны князя Варшавского Горчаков приказал на случай осады Силистрии начать ряд работ по укреплению левого берега Дуная, против крепости. В течение восьми дней, с 24 марта по 1 апреля, расположением генерала Хрулева были вырыты траншеи для прикрытия сообщений между береговыми батареями, а также возведено 14 новых батарей с эполементами с целью как для действия против неприятельских батарей на правом берегу Дуная и против Силистрии, так и для уничтожения турецкой флотилии, стоявшей за островом Гопа.

1 апреля нашими охотниками были заняты острова Гопа и Голый, на которых были построены батареи, вооруженные снятыми с прибывших канонерок осадными орудиями. 10 апреля из Рушука к Силистрии прибыло 7 турецких судов, из которых три было потоплено огнем наших батарей.

После приезда фельдмаршала, в период его нерешительности, работы на левом берегу и на островах, однако, продолжались. Число наших батарей было увеличено, и между островами были устроены сообщения посредством мостов на козлах и понтонах⁷⁴. По свидетельству английских офицеров, посетивших после снятия осады наши батареи, постройки эти доказывали «большое искусство русских инженеров»⁷⁵. 29 апреля с вновь устроенных батарей и канонерских лодок был открыт по Силистрии огонь, на который отвечала крепость. После нескольких выстрелов турки бросили свой лагерь на покатоности и отошли к горам, а мы ночью заняли ближайший к неприятельскому берегу остров, впереди острова Салани, и укрепили его. Эта бомбардировка произвела сильный переполох среди жителей крепости, которые попрятались в подвалы. Комендант же Мусса-паша, храбрый и честный воин, тут не выказал ни силы, ни умения восстановить дисциплину в войсках и привести верки в надлежащее состояние. Это обстоятельство вынудило оттоманское правительство послать в помощь Мусса-паше бывшего прусского офицера полковника Граха, который также не принес пользы. Спасителями и «героями» Силистрии, по словам англичан, сделались английские поручики Бутлер и Насмит, которые с первого дня стали душой обороны и спасли Силистрию от неминуемой сдачи русским⁷⁶.

С 24 апреля для отряда генерала Лидерса начались томительные дни неизвестности, пойдет ли отряд к Силистрии или нет. Этого числа ему было отправлено предписание двинуться 27 апреля правым берегом Дуная к Силистрии с отрядом в составе: 15-й пехотной дивизии с ее артиллерией, 9-й пехотной дивизии с тремя батареями 9-й бригады и одной 14-й бригады⁷⁷, 1-й бригады 3-й легкой кавалерийской дивизии с конно-легкой № 5 батареей, двух стрелковых (3-м и 5-м) и трех рот 5-го саперного батальонов и двух Донских казачьих (№ 9 и 22) полков.

Считая движение Лидерса, отделенного от главных сил Дунаем, опасным, фельдмаршал требовал совершить его возможно скорее и не более как в пять дней. По прибытии к Силистрии отряд должен был остановиться вне пушечных выстрелов от наружных верков крепости и с таким расчетом, чтобы прикрыть место, где будет наведен мост через Дунай, по которому к отряду Лидерса будут присоединены из Калараша 8-я пехотная дивизия, 14 эскадронов уланской бригады 4-й легкой кавалерийской дивизии с конно-легкой № 7 батареей, донская № 9 и легкая № 3 батареи 11-й артиллерийской бригады.

Отряд должен был взять с собой только тот обоз, который находился при нем в Черноводах; провиантом же и фуражом был обеспечен на 10—12 дней. Остальной же обоз направить особым вагенбургом от Гирсова к Каларашу левым берегом Дуная, а 14 нагруженных провиантом и фуражом кирлашей, которые находились в распоряжении Лидерса, направить вверх по Дунаю, чтобы отряд во время пребывания под Силистрией был обеспечен продовольствием независимо от возможности сообщения по мосту⁷⁸.

Через несколько часов после отправки этого предписания фельдмаршал приказал его задержать; через шесть часов после этого он вновь приказал его послать и через два часа вновь отменил движение к Силистрии впредь до нового повеления⁷⁹. Наконец 29 апреля, после приезда в главную квартиру зятя Паскевича князя Лобанова с известным уже письмом императора Николая, фельдмаршал отправил Лидерсу окончательное приказание возможно скорее двигаться к Силистрии⁸⁰. Опасаясь за Гирсово, князь Варшавский приказал усилить этот пункт Подольским егерским полком и 4 эскадронами Гусарского графа Радецкого полка, взятыми с нижнего Дуная от Исакчи из отряда генерала Ушакова⁸¹, так что в Гирсове сосредоточивалось 7 бат., 24 ор., 6 эск. и 2 сот.

Во всеподданнейшем письме, отправленном в тот же день⁸², князь Варшавский старался оправдать свою медлительность исполнением предначертанного в Петербурге плана кампании, согласно которому позиции наших войск намечались у Бузео, Рымника и за Серетом в том случае, если бы Австрия была против нас. Потерю времени, в ожидании известий из Австрии, фельдмаршал определял лишь в 3—4 дня, что вызвало три знака вопроса со стороны государя. Уведомляя далее о сделанных распоряжениях к скорейшему началу осады Силистрии, которую предполагается вести против фронта, обращенного к востоку и прилегающего к берегу Дуная⁸³, князь Варшавский присовокуплял, что, по мнению генерала Шильдера, осада продолжится не менее двух недель, а по мнению князя Горчакова, три или четыре недели. Своего мнения по этому поводу фельдмаршал, бывший уже на месте, т. е. в Калараше

«Tien bon turc!»

под Силистрией⁸⁴, как он пометил письмо государю, не имел или не хотел его сообщить.

Но, предпринимая против своей воли силистрийскую операцию, Паскевич для отражения наступательных действий австрийцев, которые, по его мнению, могли нас атаковать со стороны Буковины и Трансильвании, сформировал в Молдавии под начальством командира драгунского корпуса генерала Шабельского отряд из 6-й пехотной дивизии, 8 резервных батальонов⁸⁵, резервного кирасирского корпуса и 1-й драгунской дивизии со штабом в Яссах. «Может быть, для распоряжений по сему предмету, — так кончал свое письмо государю фельдмаршал, — и мне придется ехать на место, а также, может быть, и к генерал-адъютанту Сакену, который ожидает новых нападений». Лица, бывшие при Паскевиче на Дунае, упрекали его в своих записках в том, что фельдмаршал искал лишь предлога покинуть Дунайскую армию. Приведенная выше фраза, написанная в день отдачи распоряжений об осаде Силистрии, является в этом отношении характерной, так как обстановка не требовала личного присутствия главнокомандующего всеми войсками ни в Одессе, ни в Яссах, а скорее всего в Силистрии.

Государь в своем ответе на письмо Паскевича⁸⁶ выражал радость по случаю решения фельдмаршала приступить к осаде Силистрии, сожалел о сосредоточении фельдмаршалом массы кавалерии Шабельского в Ушицах, где местность мало способствовала действию

этого рода оружия, и выражал твердую уверенность, что австрийцы не отважатся атаковать Паскевича в Валахии, так как в случае неудачи они будут притиснуты к горам лишь с двумя удобопроходимыми дефилами. «Но и это все,— писал государь,— раньше 6 недель или двух месяцев быть не может. Покуда авось с помощью Божьей кончим с Силистрией ежели не в три, то в четыре недели, и тогда у нас твердая нога на Дунае».

Император Николай не ответил прямо Паскевичу на его намек о возможной необходимости отъезда в Яссы или в Одессу, но косвенный ответ на это можно видеть в успокоении государем фельдмаршала относительно австрийцев и относительно десантов на Черном море. «Опасение десантов,— писал государь,— в наших пределах на Черном море делается ныне менее вероятным, ибо известно, с какими неимоверными усилиями и трудами исполняется вся перевозка войск и то почти без лошадей». Малое знакомство с силой парового флота и беспорядок, царивший у союзников в начале кампании, ввели в заблуждение государя, и не далее как через четыре месяца грандиозная по тому времени высадка союзников в Крым состоялась.

28 апреля князь Варшавский прибыл со своей главной квартирой в Калараш. К 30-му числу в нем сосредоточились: 8-я пехотная дивизия с ее артиллерией, Камчатский егерский полк с легкими № 3 и 4 батареями 11-й артиллерийской бригады, 3 роты саперов и 3 сотни Донского казачьего № 34 полка с казачьей № 9 батареей, 4-й и 5-й понтонные парки, а также осадный артиллерийский и инженерный парки⁸⁷.

В этот же день генерал Лидерс начал свой опасный, в случае наступательных действий противника, фланговый марш по правому берегу Дуная от Черновод к Силистрии. Недаром фельдмаршал провел четыре томительных дня, беспокоясь за участь корпуса Лидерса, но турки не использовали да и не могли использовать благоприятного для них случая атаковать Лидерса в невыгодном для него положении.

Командир корпуса решил произвести фланговый марш тремя дорогами: главные силы и тяжелые обозы — через д. Мырлян береговой дорогой между Дунаем и озерами Голтино и Гирлица; авангард — через Узунамат, Полокчу, Кузгун и Козлуджи, и боковой отряд — через Махмут-Койсу, Малчево и Полокчу, откуда он должен был следовать по дороге авангарда.

Отважиться на такое разобщенное движение генерал Лидерс вынужден был известием о сосредоточении у Базарджика значительного неприятельского корпуса и возможностью движения неприятельских десантов береговой дорогой из Коварны и Мангалии. Присутствие в Девче самостоятельного бокового отряда генерала Энгельгарда и направление его на Карасу и Махмут-Койсу

прикрывало движение генерала Лидерса со стороны Базарджика и Коварны, а большое удаление колонны Энгельгарда от береговой дороги, по которой двигались главные силы, вызывало необходимость для безопасности бокового отряда пустить часть войск по средней дороге.

По Дунаю на высоте колонны главных сил должны были идти пароход «Ординарец» и две канонерские лодки, а за ними 10 кирлашей с запасом ячменя и сухарей. При отряде же продовольствия имелось на 11 дней и фуража на 8 дней.

30 апреля главные силы Лидерса дошли до Кокерлени, боковой авангард до Узунамата и боковой отряд до Карасу; 1 мая — до Россевата, Полокчи и Малчева; 2 мая — до озера Голтино, д. Бейлык и Кузгун; 3-го числа главные силы достигли д. Прыжой, выдвинув авангард к речке, соединяющей озеро Гирлицы с Дунаем, боковой авангард — д. Канлый и боковой отряд — д. Липницы, близ Козлуджи.

При нашем движении неприятель быстро отступал к Кучук-Кайнарджи, но по мере приближения к Силистрии он неоднократно пытался задержать своей конницей наши передовые части, производя это, очевидно, лишь с целью разведки. Наиболее сильное нападение было произведено 3 мая к вечеру на авангард колонны главных сил, когда для отражения турок пришлось выдвинуть на поддержку передовых постов батальон пехоты, эскадрон улан и 4 орудия.

Тем временем было выбрано место для наводки моста через Дунай на высоте с. Адакией⁸⁸, куда фельдмаршал приказал авангарду Лидерса прибыть к полудни 4-го числа и прикрыть наводку моста⁸⁹. С этой целью 4-го к 7 часам утра в месте ночевки авангарда главных сил у речки, соединяющей озеро Гирлицы с Дунаем, были сосредоточены главные силы отряда и боковой авангард, всего 17 бат., 9 эск., 6 сот. и 52 ор. В резерве за этими войсками сгруппировались остальные части главных сил в составе 8 1/2 батальона с 24 орудиями, при которых находились и все тяжелые обозы. Боковой отряд генерала Энгельгарда должен был, выступив с ночлега в половине четвертого утра, следовать правее д. Козлуджи и Канлыя к месту сбора главных сил, где составить арьергард всего корпуса.

В 7 часов утра 4-го числа Лидерс начал свое наступление, но на высотах, впереди речки, соединяющей озеро Гирлицы с Дунаем, появились партии неприятельской кавалерии. Против них были высланы 5 сотен казаков, которые сначала потеснили турок, но те получили подкрепление из Адакией и вновь выказали намерение перейти в наступление. Пришлось казаков подкрепить двумя эскадронами улан и двумя конными орудиями, выдвинутыми на дорогу в д. Адакией. После нескольких орудийных выстрелов неприятель отступил за лощину, идущую от Алмалуйского

оврага к Адакиой, и сосредоточил здесь значительную, до 1500 всадников, массу конницы; другая же масса собралась против нашего левого фланга. Для оттеснения их было приказано 4 эскадронам улан с 2 конными орудиями двинуться к устью Алмалуйского оврага, а остальным 2 эскадронам следовать по дороге на Алмалуй, обойти противника и атаковать его левый фланг. Пользуясь крутостью берегов оврага, лежащего перед нашим левым флангом, неприятель сосредоточил там значительную часть своей кавалерии, которая открыла по казакам ружейный огонь. Подоспевшие 2 конных орудия рассеяли эту толпу, а казаки и уланы перешли в наступление, после чего турки стали так быстро отступать, что эскадроны, посланные в обход, не могли своевременно поспеть.

Шагах в тысячи за кавалерией следовала вся 15-я пехотная дивизия, которая после перехода через мост была построена в первый боевой порядок, а Прагский полк с 4 орудиями был двинут по самому берегу Дуная на д. Адакиой и на лежащие близ этой деревни виноградники.

Дальнейшее отступление неприятеля продолжалось к вершине Алмалуйского оврага, причем он все время старался задерживать нас своей конницей⁹⁰.

В 11 часов утра Лидерс прекратил наступление, так как неприятель отступил на значительное расстояние, и наш боевой порядок остановился на позиции версты на полторы выше места, назначенного для наводки моста. Часа через два после этого неприятель подвез от Силистрии 4 орудия и открыл огонь против нашего правого фланга, на который отвечала наша конная артиллерия, поддерживаемая 4 пешими орудиями. После незначительной перестрелки действия с обеих сторон прекратились⁹¹.

Одновременно с подходом к Силистрии генерала Лидерса с наших береговых батарей был открыт для облегчения его наступления огонь, и было приступлено к наводке моста через рукав Дуная, в двух верстах выше с. Остров (д. Адакиой).

5-го числа неприятель вновь выдвинул до 2000 кавалеристов у вершины Алмалуйского оврага, поддерживав их шестью орудиями, вывезенными из внешних укреплений, которые открыли огонь против нашего правого фланга. Турки, встреченные огнем нашей артиллерии и атакой улан и казаков, прекратили свое наступление и отошли к вершине оврага. Тогда Паскевич приказал начать наступление с нашего левого фланга отрядом в составе 2 батальонов, 6 орудий и 8 эскадронов. Огонь этого отряда заставил турок отойти назад и скрыться с горизонта наших войск. За оба эти дня отряд генерала Лидерса потерял убитыми и ранеными до 20 человек; потери турок считали значительно больше.

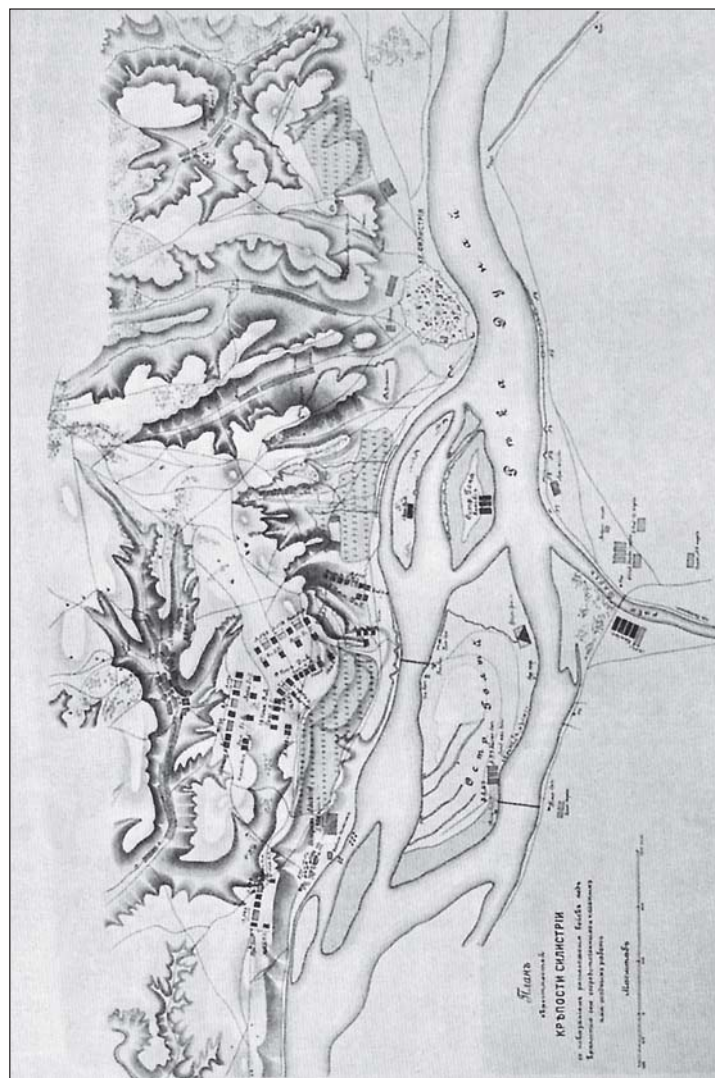

Схема № 45

В то время когда на правом берегу разыгрывались вышеописанные действия и все внимание фельдмаршала и турок было обращено на отряд Лидерса, генерал Хрулев, забрав лодки, приготовленные для проводки плотов к мосту, переправился с егерями на правый берег Дуная, вышел впереди цепи 15-й дивизии и собирался завладеть ближайшими передовыми укреплениями крепости, к которым безнаказанно подходил. К сожалению, Хрулева хватились и вернули, назвав его предприятие «нелепым», но впоследствии сам Хрулев и его спутники говорили с полным убеждением, что три передовых укрепления могли быть взяты без потерь, так как они не были вооружены артиллерией и не были заняты пехотой⁹².

Князь Варшавский весьма сильно тревожился за отряд Лидерса во время его движения от Черновод к Силистрии. «Фельдмаршал чрезвычайно беспокоится и тревожится из-за Лидерса, — записал генерал Коцебу в своем дневнике от 3 мая⁹³. — Он находит наше положение весьма опасным». Как нарочно в этот же день Паскевич получил депешу из Вены о том, что австрийцы активизируют свои приготовления в Трансильвании и что они будут готовы к войне не ранее шести недель. Но в то же время наш посол успокаивал, что Австрия не будет нас атаковать до тех пор, пока мы не перейдем Балканы.

Это известие произвело весьма успокаивающее впечатление на императора Николая, который вообще не верил в намерение Австрии нас атаковать и вполне правильно оценил традиционную двуличную политику этой державы, которая вооружалась не для того, чтобы с оружием в руках защищать свои жизненные интересы, а для того, чтобы при ликвидации возгоревшегося спора между Западом и Востоком иметь право на получение каких-либо выгод. Государь хорошо понимал, что надо использовать шестинедельный срок, в который Австрия еще не будет готова сказать свое решительное слово даже в том случае, если бы она рискнула это сделать. К сожалению, на фельдмаршала известия из Вены произвели совершенно обратное впечатление. Он полагал, что австрийцы, говоря о Балканах как о допустимом пределе нашего наступления, лишь старались выиграть время, вводя нас в заблуждение для того, чтобы иметь возможность собрать все свои силы. «Несмотря на увеличивающиеся таким образом затруднения, — писал фельдмаршал государю⁹⁴, — которых не могу скрыть перед Вашим Величеством, я с прибытием отряда Лидерса начну осаду Силистрии». Но и это письмо не достигло желаемой Паскевичем цели. В ответ на него государь выразил свою радость по поводу решения осаждать крепость и надежду на энергичные против нее действия. Волей-неволей пришлось приступить к осаде Силистрии, в течение которой Паскевич

наибольшее внимание обращал не на скорейшее взятие крепости, а на обеспечение себя на случай всегда ожидаемой им атаки противника. «Прежде всего необходимо устроить укрепленный лагерь и тет-де-пон», — писал он государю⁹⁵ и тратил время на эти работы вместо того, чтобы приступить к осаде крепости, обложив ее со всех сторон. Интересно вспомнить, что в это же самое время Омер-паша находился в не меньшем беспокойстве, ожидая ежедневно известия о падении Силистрии и опасаясь появления русских войск под Шумлой, избранной им как убежище для своей армии до подхода союзников. Навряд ли можно найти в военной истории еще подобный пример действий двух главнокомандующих, которые, опасаясь друг друга жесточайшим образом, не двигались бы с места!

Таким образом, мы приступали к осаде Силистрии при крайне оригинальной обстановке, не предвещавшей ничего хорошего. Роль главного руководителя этой операции, Паскевича, уже достаточно выяснилась. Он считал взятие нами крепости злом, которого во что бы то ни стало надо избежать, и даже грозные повеления государя, его вдохновенная вера в успех и в пользу задуманного предприятия не могли поколебать упрямого «отца-командира» и заставить его, отрекшись от своих личных планов, исполнить волю государя от всего сердца, вложить в выполнение предстоявшей задачи всю свою душу и ум. С этой стороны можно было ожидать, как это в действительности и случилось, лишь вредных полумер.

Не лучше дело обстояло и с последующими исполнителями воли императора Николая. Вслед за Паскевичем главными действующими лицами и главными помощниками фельдмаршала являлись князь Горчаков и генералы Коцебу и Шильдер. Убежденные все трое в необходимости взятия Силистрии и в полной возможности это сделать безопасно от союзников турок и от австрийцев, они, однако, не были солидарны в способах ведения атаки.

Мира и согласия между Коцебу, имевшим, по своему служебному положению начальника штаба, большое влияние и на Паскевича, и на Горчакова, и фанатически настроенным Шильдером не было. Спокойный, методичный и отчасти мелочный характер первого совершенно не соответствовал горячей и отчасти взбалмошной натуре последнего. Коцебу не любил Шильдера, редко соглашался с его мнениями и неоднократно упрекал его в своем дневнике в путанице и в необоснованности его предположений. Очевидно, что оба эти лица не могли одинаково смотреть на предстоявший образ действий под Силистрией, а это не могло не отразиться на успехе осады. «Утром рано я отправился в лагерь перед Силистрией, — занес в свой дневник Коцебу⁹⁶, — произвел разведку крепости и опять убедился, что у старого Шильдера вертер в голове. Силистрия так хорошо укреплена, что с нашей сто-

Схватка под Силистрией (английская карикатура)

роны потребуется долговременная осада, а не трехдневная, как уверяет Шильдер».

Вернее всего, что вследствие указанных причин плана осады крепости до самого конца составлено не было. «Его Императорскому Величеству, — писал военный министр князю Варшавскому уже 20 мая⁹⁷, — было бы приятно иметь общее предположение, по коему осада Силистрии производится», но на это 27 мая последовал ответ князя Горчакова, что «до взятия так называемого Арабского передового укрепления нельзя сделать общего предположения».

Как было сказано выше, сама крепость Силистрия, без казематированных построек, за исключением одной, в которой жил комендант, не представляла собой могущественного оплота, и сила ее заключалась в передовых укреплениях, вынесенных на командные высоты, которые окружали крепость с юго-западной, южной и юго-восточной сторон. Наиболее сильным фортом был Абдул-Меджид, прикрывавший юго-западный фронт; юго-восточный же фронт прикрывался укреплением Песчаным, перед которым на версту вперед турки начали уже во время войны строить на господствующей высоте передовое укрепление, известное под именем Нагорного, или Арабского (Араб-Табия), которое как стоявшее вне общей системы внешних укреплений лишено было фланговой поддержки с прочих фортов. Турки на наших глазах принялись за насыпку этого укрепления. Первоначально оно состояло из открытого с горжи бруствера вышиной не более 3 футов,

но затем насыпь постепенно возвышалась и достигла 12-футовой высоты. В левом углу форта находился небольшой бастион. Вооружение состояло первоначально из шести полевых орудий и небольшой мортиры; гарнизон состоял из 3200 человек отборных египетских войск, которые не покладая рук работали над усовершенствованием своего форта. Сообщение Араб-Табии с крепостью производилось при помощи траншеи, которая соединяла его с Песчаным укреплением.

Князь Варшавский, по-прежнему опасаясь нападения на нашу армию соединенных сил Омера-паши и англо-французов, решил первоначально укрепиться на высотах к востоку от Силистрии, против переправы, и начать осаду передового укрепления Араб-Табия, совершенно отказавшись от полной блокады крепости. Генерал Шильдер был другого мнения. Считая, что атака нагорных укреплений займет много времени, он полагал возможным ограничиться лишь оборонительными против них работами, направив главный удар в обход этих укреплений на береговой восточный № 1 бастион крепости. При таком направлении атаки генерал Шильдер предполагал использовать содействие нашей могущественной артиллерии, расположенной на островах и на левом берегу реки, и заставить турок без боя очистить нагорные форты. Но обязательным условием ведения осады он ставил полную блокаду крепости, считая это вполне соответствующим силе нашей армии, так как он вполне основательно не верил в возможность появления Омера-паши с союзниками на выручку крепости. Однако на это последнее условие, как и следовало ожидать, Паскевич ни за что не согласился. Это значило бы поставить главной целью своих действий скорейшее взятие Силистрии, что он считал злом, а фельдмаршал по-прежнему хотел сохранить главные свои силы в кулаке в наиболее безопасном для отступления положении, так как ожидал неминуемой атаки со стороны союзников. «При настоящей осаде Силистрии,— доносил князь Варшавский государю⁹⁸,— представляется еще одно важное обстоятельство, а именно то, что мы не можем держать всю крепость в обложении, ибо для сего нужно было бы раздробляться на пространстве 15 верст, что опасно сделать, имея сильную неприятельскую армию, сосредоточенную между Базарджиком и Шумлою».

Генералу Шильдеру пришлось подчиниться воле главнокомандующего, и он поторопился приступить к атаке Араб-Табии и Песочного, чтобы только «вовлечь нас в осадные работы»⁹⁹, рассчитывая направить их впоследствии согласно своему предположению. «Будем закладывать траншеи,— говорил он¹⁰⁰,— но далеко, далеко от крепости и не так, как я бы думал; впрочем, сделаю, что велю, и это будет работа не в счет абонементу».

Нарисованная картина невольно заставляет предчувствовать читателя, что осада Силистрии не могла пройти гладко, но действительность оказалась хуже того, что можно было ожидать. И нельзя не согласиться со словами Н. К. Шильдера, что участь похода на Дунае была решена в роковом смысле для славы полководца. «Все силы,— пишет он¹⁰¹,— сосредоточенной на Дунае стотысячной русской армии были направлены к правильной осаде двух полевых укреплений крепости Силистрии, которые к тому же главнокомандующий не имел намерения взять, считая всякий одержанный на дунайском театре успех бесполезным».

Примечания

¹ Собств. Его Велич. библиот., рукоп. отд.

² П. К. Меньков. «Немцы на Дунае». Рукоп. отд. музея Севастопольской обороны.

³ Князь Варшавский — князю Горчакову 27 марта 1854 г. // Русская старина. 1876, февраль. С. 401.

⁴ Император Николай — князю Варшавскому 26 марта 1854 г. Собств. Его Велич. библиот. Рукоп. отд., шк. 115.

⁵ От 1 апреля. Там же.

⁶ Курсив подлинника.

⁷ Император Николай — князю Горчакову 2 (14) апреля 1854 г. Собств. Его Велич. библиот., шк. 115, портф. 14.

⁸ Генерал Коцебу, который по приказанию Паскевича производил 9 апреля рекогносцировку Силистрии, тоже был поражен мнением Шильдера о возможности взять крепость в три дня. Он нашел ее столь хорошо укрепленной, что с нашей стороны требовалась для овладения крепостью долговременная осада (рукоп. дневник генерал-адъютанта Коцебу).

⁹ Генерал Лидерс — князю Горчакову 27 марта 1854 г., № 788, из с. Грончабан. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3411.

¹⁰ Князь Горчаков — генералу Лидерсу 26 марта 1854 г., № 897.

Генерал Лидерс — князю Горчакову 31 марта 1854 г., № 824, и письмо от 2 апреля 1854 г.

¹¹ Шифрованная депеша барона Мейендорфа князю Горчакову из Вены 31 марта (12 апреля) 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.

¹² Рукоп. дневник генерал-адъютанта Коцебу от 2 апреля.

¹³ «Отзыв Фонтоня мне кажется лишним», — начертил по этому поводу император Николай.

Надпись на записке князя Варшавского от 5 апреля 1854 г. из Фокшан. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.

¹⁴ Всеподданнейшее письмо князя Варшавского от 5 (17) апреля 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 9.

¹⁵ Там же.

¹⁶ «Где они?» — пометил император Николай.

¹⁷ Всеподданнейшее письмо от 11 апреля 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 9.

¹⁸ Курсив императора Николая.

¹⁹ Император Николай — князю Варшавскому 7 (19) апреля 1854 г. Собств. Его Велич. библ. Рукоп. отд., шк. 115, портф. 14.

²⁰ Курсив подлинника.

²¹ Император Николай — князю Варшавскому 13 (25) апреля 1854 г. Собств. Его Велич. библ. Рукоп. отд., шк. 115, портф. 14.

²² От 17 (29) апреля 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 9.

²³ Курсив подлинника.

²⁴ Князь Долгоруков — князю Меншикову 20 апреля 1854 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4254.

²⁵ См. приложение № 168.

²⁶ 2-я бригада 14-й пех. дивизии.

²⁷ 8, 9-я и 15-я дивизии.

²⁸ См. приложение № 169.

²⁹ Всеподданнейшее письмо и записка от 22 апреля 1854 г., см. в приложении № 170.

³⁰ Рукопись. Музей Севастопольской обороны.

³¹ Дневник генерала Коцебу.

³² Император Николай — князю Варшавскому 29 апреля 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 9.

³³ Вышеприведенная записка «О настоящем положении дел».

³⁴ Курсив подлинника.

³⁵ Генерал Липранди — князю Горчакову 7 апреля 1854 г., № 330. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3416.

³⁶ Генерал Липранди — князю Горчакову 12 мая 1854 г., № 464. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3415.

³⁷ Дневник генерал-адъютанта Коцебу, запись от 5 апреля 1854 г.

³⁸ Князь Горчаков — генералу Липранди 4 апреля 1854 г., из Фокшан. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3416.

³⁹ Князь Горчаков — генералу Липранди 8 апреля 1854 г., № 471. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3416.

⁴⁰ Turgel. War with Russia. P. 167—168.

⁴¹ Впрочем, отход к Слатино был произведен не сразу. В промежуток этого времени генерал Липранди получил еще одно (секретное) предписание князя Горчакова от 16 апреля, № 102, которым отряд его временно задерживался в Крайове. Такая задержка объяснялась желанием фельдмаршала не очищать преждевременно Малой Валахии. Но Липранди указывалось немедленно продолжать отступление в случае какой-либо опасности со стороны Калафата или Рахова. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3416.

⁴² Дневник Коцебу, запись от 14 апреля.

⁴³ Turgel. War with Russia. P. 168.

⁴⁴ Рапорт генерала Баумгартена генералу Даненбергу 16 апреля 1854 г., № 22. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3426.

⁴⁵ Журнал военных действий.

⁴⁶ Генерал Липранди — князю Горчакову 22 апреля 1854 г., № 395, из Крайова. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3416.

⁴⁷ Журнал военных действий. Сравн. предписание князя Горчакова генералу Липранди от 23 апреля 1854 г., № 1300. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3416.

⁴⁸ Рапорт генерала Липранди князю Горчакову 7 мая 1854 г., № 444, г. Слатин. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3416.

⁴⁹ Журнал военных действий.

⁵⁰ Начальник штаба — генералу Даненбергу 27 апреля 1854 г., № 1386. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3413.

⁵¹ Начальник штаба — генералу Даненбергу 3 мая 1854 г., № 1434, из Калараша. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3413.

⁵² Журнал военных действий. Le colonel Dieu au maréchal de St-Arnaud, le 10 juin 1854. Париж. Архив Воен. мин.

⁵³ Генерал Липранди — князю Горчакову 12 мая 1854 г., № 463. Архив воен. уч. ком., отд. 2, д. № 3416.

⁵⁴ Император Николай — князю Варшавскому 23 мая 1854 г. Собств. Его Велич. библиот., шк. 115, портф. 14.

⁵⁵ Князь Горчаков — генералу Липранди 16 мая 1854 г., № 1582. Там же.

⁵⁶ Н. К. Шильдер. Фельдмаршал Паскевич в 1854 г. // Русская старина. 1875, август.

⁵⁷ Приказание по войскам Мало-Валахского отряда 15 мая 1854 г., № 15. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 82, ч. II.

⁵⁸ Частные подвиги чинов Гус. г.-ф. князя Варшавского полка. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3712.

Донесение командира дивизиона конной № 10 батареи 19 мая 1854 г., № 77. Архив воен. уч. ком., отд. 2, д. № 3417.

⁵⁹ War with Russia.

⁶⁰ Рапорт генерала Липранди князю Горчакову 17 мая 1854 г., № 479. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 82, ч. II.

Рапорт Ген. шт. штабс-капитана Черняева генералу Салькову 21 мая 1854 г., № 27. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3417.

⁶¹ Omer-pacha au maréchal de St-Arnaud. Choumla, le 1 juin 1854. Париж. Архив Воен. мин.

⁶² Алабин в своем труде «Восточная война» (Ч. II. С. 258—262), подробно описывает карамзинское дело на основании тех слухов, которые ходили на театре военных действий. Бегство и паника доблестного полка чуть ли не на десяток верст, которые он так красноречиво описывает, не подтвердились ни одним из исследованных мною документов.

⁶³ Письмо от 21 мая 1854 г., № 1644. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 82, ч. II.

⁶⁴ Император Николай — князю Варшавскому 1 (13) июня 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 9.

⁶⁵ Colonel Dieu — au général Canrobert le 10 juin 1854. Париж. Архив Воен. мин.

⁶⁶ Рапорт генерала Соймонова князю Горчакову от 28 мая 1854 г., № 403. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3587.

⁶⁷ Рапорт генерала Соймонова генералу Даненбергу от 30 мая 1854 г., № 408. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3413.

⁶⁸ Князь Горчаков — генералу Бельгарду 17 апреля 1854 г., № 1196. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3324 (А).

⁶⁹ 13 бат., 2 эск., 1 сот., 36 п. ор. и 4 роты волонтеров.

⁷⁰ 11 бат., 2 рота стр., 2 рота сап., 8 эск., 5 сот., 34 пеш. и 4 кон. ор.

⁷¹ Журнал военных действий.

⁷² См. схему № 46.

⁷³ Журнал военных действий. Краткие сводные сведения о турецкой армии и крепостях к 1 апреля 1854 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 5741.

Рапорт генерала Лидерса князю Горчакову от 11 апреля 1854 г., № 912. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3407.

Корреспонденции Times из Силистрии 18 января 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 14.

Le maréchal de St-Arnaud a Omer-Pacha le 24 mai 1854. Париж. Архив Воен. мин.

Tyrrel. War with Russia. Notes on the defence of Silistria by major Nasmyth.

⁷⁴ Журнал военных действий.

⁷⁵ War with Russia. P. 169.

⁷⁶ The post campaign by N. A. Woods.

⁷⁷ Батарейная № 3 батарея.

⁷⁸ Князь Горчаков — генералу Лидерсу 24 апреля 1854 г., № 1311. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3407.

⁷⁹ Князь Горчаков — генералу Лидерсу 25 апреля 1854 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3324.

⁸⁰ «Dieu merci, — писал по этому поводу военный министр князю Меншикову, — le maréchal s'est décidé à s'occuper de Silistrie tout de bon... Voyons ce qui adviendra de tout cela». Князь Долгоруков — князю Меншикову 8 (20) мая 1854 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4254.

⁸¹ Князь Горчаков — генералу Лидерсу 29 апреля 1854 г., № 126. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3324.

⁸² Всеподданнейшее письмо князя Варшавского от 29 апреля 1854 г., из Калараша. Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 9.

⁸³ Князь Варшавский — военному министру 29 апреля 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 9.

⁸⁴ Курсив подлинника.

⁸⁵ Резервная бригада 11 пех. дивизии.

⁸⁶ Император Николай — князю Варшавскому 7 мая 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 9.

⁸⁷ Журнал военных действий.

⁸⁸ По журналу военных действий.

⁸⁹ Князь Горчаков — генералу Лидерсу 1 мая 1854 г., № 130.

⁹⁰ См. схему № 45.

⁹¹ Генерал Лидерс — князю Горчакову 9 мая 1854 г., № 1051. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3407.

⁹² Записки П. К. Менькова.

⁹³ Рукопись. Музей Севастопольской обороны.

⁹⁴ Всеподданнейшее письмо князя Варшавского от 3 мая 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 9.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ 9 апреля 1854 г. Рукопись.

⁹⁷ Князь Долгоруков — князю Варшавскому 20 мая 1854 г., № 8098. Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 74.

⁹⁸ Князь Варшавский — военному министру 11 мая 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 74.

⁹⁹ Записка ген.-ад. Шильдера князю Горчакову 1 июня 1854 г.

¹⁰⁰ Записки П. К. Менькова.

¹⁰¹ Н. Шильдер. Граф Э. И. Тотлебен. Его жизнь и деятельность.

Глава XVIII

Осада Силистрии

К о времени начала осады Силистрии князь Варшавский имел сосредоточенными у этой крепости 56 бат., 30 эск., 15 сот., 192 полевых и 52 осадных орудия, 2 парохода, отряд канонерских лодок, 3 артиллерийских парка, осадный инженерный и понтонный парки общей численностью до 65 тысяч человек¹, силы, какие еще никогда не были собраны в предшествовавшие войны с Портой ни против одной из турецких крепостей. Впоследствии сосредоточенные против Силистрии войска последовательно возросли до 77 бат., 68 эск., 27 сот. при 266 ор. общей численностью до 90 тысяч человек.

Большая часть этих сил, а именно пришедший из Черновод отряд генерал-адъютанта Лидерса, была расположена на высотах, прикрывавших голову моста через Дунай, фронтом на юг и юго-запад и предназначалась для отражения армии Омера-паши, если бы таковая атаковала нас со стороны Шумлы. Избранная позиция прикрывалась с юга Алмалуйским оврагом, а с юго-запада несколькими редутами. Вообще фельдмаршал, покорный преследовавшей его идее о необходимости отступать под натиском ожидаемой им атаки Омера-паши, особенно настойчиво старался укрепить позицию отряда Лидерса, на которой, собственно, и был раскинут его главный лагерь². Войска в лагере были расположены в боевом порядке, фронтом на юг и юго-запад³, и смело можно сказать, что Паскевич интересовался этим отрядом, который в его глазах служил якорем спасения в предстоявшей катастрофе, гораздо больше, чем осадой Силистрии. 8-я пехотная дивизия, предназначавшаяся собственно для действия против крепости, расположилась, перейдя на правый берег Дуная, фронтом к Силистрии, между рекой и правым флангом отряда генерала Лидерса. Острова Салган и Гопа были заняты Камчатским егерским полком, остров Голый — Вознесенским уланским полком, а Кременчугский егерский полк с легкой батареей стоял у моста через реку Борч, за которой были сосредоточены парки и госпитали.

Единственное сообщение правого берега Дуная с Каларашем производилось через болотистый остров Голый и реку Борч, причем за мостами на Дунае необходимо было следить с особенным вниманием ввиду наступавшего периода подъема воды в реке.

5 мая вечером решено было начать осадные работы против фортов Арабского и Песчаного. По черновой диспозиции генерала Шильдера, составленной на эту ночь, предполагалось подойти

к Араб-Табии на 300 саженей, заложить здесь первую параллель и построить три батареи, чтобы положить предел энергичным работам турок по усилению этого укрепления⁴. Но, видимо, фельдмаршал не согласился на такое смелое выдвижение вперед, и первую параллель решено было заложить вне досягаемости неприятельских выстрелов, на расстоянии 1000 саженей от Араб-Табии, которая имела еще характер полевого укрепления. Общее заведование работами было возложено на генерала Шильдера, расстройство нервов которого к этому времени достигло высшего напряжения⁵.

Однако и заложение этих, названных впоследствии по своей удаленности «бесполезными», траншей не обошлось благополучно. В Елецком полку, бывшем в прикрытии рабочих, произошла ложная тревога, распространившаяся впоследствии и на главный лагерь, и начальствовавший здесь генерал Веселитский отвел войска назад к лагерю, чем заставил прекратить начатые работы⁶. На следующий день заложение параллели на том же месте решено было произвести под руководством генерала Коцебу, и в течение ночи были вырыты траншеи *А* и *В*⁷ и начаты на левом фланге редут *С* и батарея *Д* с прилегающими к ним окопами. Сверх того обращены были в траншеи прибрежные неприятельские ложементы *Е* и вооружена правая батарея *В*. В ночь на 8 мая начатые траншеи были удлинены, а батареи вооружены 12 орудиями⁸.

Турки продолжали деятельно укрепляться и до такой степени усиливали свои передовые укрепления, соединяя их между собой и с крепостью целым лабиринтом траншей, что для овладения ими с каждым днем правильная осада казалась все более необходимой. Фельдмаршал же, живший в Калараше, ежедневно приезжал в лагерь осадного корпуса, указывал места для укреплений в лагере и для обороны его системой редутов, но не решался принять действительных мер против Силистрии отделением сильного отряда для обложения крепости, дабы прекратить сообщение осажденных с Шумлой, и назначением для работ свыше 1000—1500 человек в день. Работы вследствие этого шли беспорядочно, вяло, хотя ввиду пассивных в первые дни осады действий турок и продвигались достаточно быстро.

8-го числа на острове Салаган была построена батарея *Г*, а в ночь на 9-е выведена береговая траншея *НН* и заложена вторая параллель *КК* на расстоянии уже 300 саженей от Арабского укрепления.

С 9 мая с нашей стороны началось кроме осадных работ производство довольно бесцветных рекогносцировок, цель которых очень трудно определить. Обыкновенно значительные части пехоты выдвигались из лагеря осадного корпуса и придвигались боевыми линиями к турецким укреплениям. Подойдя под выстрелы с передовых фортов, рекогносцирующие части останавливались, смот-

рели на неприятеля, стреляли и, понеся хотя незначительные, но совершенно бесполезные потери, возвращались в лагерь⁹. Фельд-маршал объяснял эти периодические выступления желанием отвлечь неприятеля от наших осадных работ, ввести противника в заблуждение нашими энергичными действиями и, главное, приучить войска маневрировать в боевых порядках под огнем противника. Весьма возможно, что последняя цель и достигалась, но первые две приводили к совершенно обратным результатам. Турки, не понимая подобных подходов к неатакуемому форту Абдул-Меджид на 1—2 часа без каких-либо против них серьезных действий, приписывали наш уход обратно нерешительности и отправляли победные известия о том, как они успешно отбивали атаки русских, войска которых не имели храбрости довести дело до удара¹⁰.

Первая такая рекогносцировка была произведена 9 мая «для отвлечения внимания неприятеля от наших осадных работ и для обзора турецких укреплений». В 10 часов утра отряд в составе 18 бат., 8 эск., 6 сот. и 56 ор. двинулся, под личным начальством князя Горчакова, из главного лагеря в направлении между с. Калапетри и фортом Абдул-Меджид¹¹. Остановив общее наступление отряда, Горчаков подошел с частью войск на пушечный выстрел к укреплению. Для прикрытия своего левого фланга он выслал к Калапетри три сотни казаков, поддержанных дивизионом улан с 2 конными орудиями. Турки, занимавшие пространство между Калапетри и Абдул-Меджидом, выдвинулись сначала вперед, но, попав под наш огонь, отошли к своим укреплениям. В пять часов дня войска наши вернулись в главный лагерь с потерей двух казаков ранеными. «Можно ли,—пишет по этому поводу Меньков¹²,—сравнить эти громадные рекогносцировки с посылками небольших партий с надежными офицерами Генерального штаба, которые могут подкрасться, все высмотреть и, в случае беды, уйти безнаказанно».

О впечатлении, которое произвело на неприятеля выступление князя Горчакова, можно судить из следующих строк письма маршала С.-Арно к военному министру¹³: «8 (20) и 9 (21) мая русские произвели две последовательные и решительные атаки на Силистрию. Они были отбиты и отступили с большими потерями. Турки очень мало пострадали, и их мужество увеличивается. Если Силистрия продержится до 3 (15) июня, то русские ее не возьмут»¹⁴. Омер-паша рисовал в своем официальном донесении маршалу С.-Арно¹⁵ картину прогулки князя Горчакова еще в более мрачном для нас свете: «В воскресенье 9 (21),—писал он,—неприятель сделал три приступа на укрепление Араб-Табия¹⁶. В первый раз русские подошли на дальность ружейного выстрела, но, встреченные картечью и сильным огнем стрелков, они отступили с большими потерями; во второй раз они уже не приближались так близ-

ко, и достаточно было одной канонады, чтобы их приостановить; в третий раз они не подвинулись даже и на столько, хотя за войсками и была поставлена кавалерия, которая должна была их подталкивать, но и это не удалось»¹⁷.

Мы нарочно приводим эти выдержки, чтобы подчеркнуть обратную сторону медали бесцельного маневрирования больших масс войск перед фронтом неприятеля. Обман поражает противника своей неожиданностью, энергией, когда вслед за ним наносится главный удар. Повторное же нерешительное выказывание больших сил, которые, ничего не сделав, торопятся уйти назад, производит совершенно иное впечатление — деморализует свои войска и вселяет уверенность в противника, как это и было в данном случае.

В самом деле, еще накануне того дня, когда Омер-паша и С.-Арно делились такими радостными для них известиями, французский главнокомандующий отправил Омеру-паше самое тревожное письмо об ожидаемой судьбе Силистрии.

«Я боюсь,— писал он¹⁸,— что крепость, решительно атакованная противником, не в состоянии будет долго сопротивляться». Маршал, принимая во внимание положение союзников, считал неосторожным ввязываться в генеральное сражение с русскими войсками одной оттоманской армии, хотя бы для сохранения столь важного пункта, как Силистрия. Для нанесения решительного удара надо было ожидать сосредоточения всех союзных армий, а потому С.-Арно не думал уже более о сохранении Силистрии, а лишь о спасении большей части ее гарнизона.

С этой целью французский главнокомандующий рекомендовал коменданту крепости взять, как только он убедится в полной невозможности удержать Силистрию, лучшие 10 000 войск из 16-тысячного гарнизона и прорваться с ними в Шумлу под прикрытием остальных 6 000, которые должны были в то же время произвести демонстрацию атаки наших осадных работ. Чтобы прикрыть отступление прорвавшихся частей, Омер-паша должен был в условленный день выслать на дорогу к Силистрии всю иррегуляр-

*Архимандрит
Соловецкого монастыря
Александр*

ную кавалерию, поддержав ее 2 тысячами регулярной конницы, а также направить отряд, отходивший от Калафата на Шумлу, левее, по дороге на Силистрию. Но С.-Арно вполне естественно опасался, что Паскевич не захочет дать утром уйти гарнизону и постарается преградить ему путь своей многочисленной кавалерией. Для противодействия этому он рекомендовал турецкому генералиссимусу выйти из Шумлы с отрядом в 30 тысяч при 100 орудиях и принять на себя отходящий гарнизон на выбранной позиции, в двух переходах от Шумлы.

Но Омеру-паше совершенно не улыбалась перспектива выйти одному навстречу войскам князя Варшавского, и потому он отказался от всяких сложных комбинаций для оказания помощи силистрийскому гарнизону и решил содействовать его отступлению лишь при помощи иррегулярной кавалерии и конной артиллерии, которые держались на этот случай наготове¹⁹.

Однако с 9 мая в поведении турок замечается уже перемена, и они начали мешать нашим работам своими вылазками, с каждым днем становясь все смелее. Так, в этот день на рассвете они заняли траншею *КК*, которые нам пришлось покинуть и вести с ними сильную перестрелку. Коцебу приписал нашу неудачу отсутствию порядка у Шильдера, «которым ничего не было предпринято так, как следовало бы». В ночь на 10-е также порядка в работах не было, хотя нам и удалось вновь занять траншею *КК*, сделать траншею *L*, построить и вооружить батарею *M* двумя орудиями для действия против Песчаного форта. На левом фланге в этот день была построена батарея *N* в 250 саженях от Арабского укрепления. Неприятель мешал нашим работам своим сильным огнем и даже сделал неудачную попытку атаковать их.

В ночь на 11-е мы продолжали продвигаться траншеей по берегу Дуная и приспособили турецкую батарею *O* для действия против Песчаного и Змеиного укреплений, а на левом фланге усилили батарею *N* и вывели траншеи по обе ее стороны.

Омер-паша говорит в своем донесении о какой-то попытке с нашей стороны атаковать Песчаное укрепление открытой силой, для чего наши войска были выстроены в пять линий, но, попав под сильный огонь турок, начали спешно отступать, открыв беспорядочную стрельбу²⁰. Ничего подобного не было, и это донесение интересно лишь в том отношении, что показывает, какими баснями руководствовались союзники в суждении о действиях на Дунае, а впоследствии и иностранные историки при описании Русско-Турецкой войны. Но что правильно было в донесении Омера-паши, так это свидетельство о крайне вялом ведении нами осады.

12-го числа на правом фланге прибрежная траншея была продолжена на сто саженей, а на левом была выстроена батарея *P*, на которой установлено несколько осадных орудий для действия

по более удаленному Песчаному укреплению. В ночь на 13 мая на правом фланге атаки были заложены батареи *R*, действовавшая почти в тыл Песчаному укреплению, батарея *S* для связи правого и левого флангов атаки и приступлено было к соединению батарей *P* и *R* траншеями. На рассвете неприятель открыл против наших работ сильную канонаду, а 13-го около 4 часов дня сделал вылазку и двинулся через овраг в трех колоннах против батарей *N* и *P*, но встреченный ружейным огнем штуцерных и рабочих, а также двумя картечными выстрелами с батареи *P* обратился в бегство. Вечером турки вновь начали наступать и открыли огонь по нашим работам с батареей и верков. Нам пришлось выдвинуть из траншей резерв и открыть огонь со всех наших батарей, как береговых, так и расположенных в траншеях. Турки удара не приняли, и через час стрельба прекратилась.

13-го и 14-го числа для развлечения неприятеля были произведены прогулки в направлении к форту Абдул-Меджид отрядом в 4 бат., 2 эск. и 6 ор. под начальством генерала Непокойчицкого. Отряд этот к ночи беспрепятственно вернулся назад, остановившись на ночлег впереди левого фланга лагеря осадного корпуса.

Ночью на 15 мая на левом фланге были построены и вооружены две батареи, *T* и *I*, с целью обстреливать впереди лежавший овраг и, кроме того, в изгибах траншеи *e* были поставлены две полупудовые мортиры для действия против Араб-Табии, находившейся от траншеи на расстоянии 200 саженей. Кроме того, между батареями *T* и *I*, в направлении к Араб-Табии, была выведена новая траншея *ff* на расстоянии 115 саженей, на конце которой была заложена батарея *Y*, с целью действовать как самому укреплению, так и по сообщениям его с дальними фортами. В следующую ночь от батареи *Y* была продолжена траншея *ff* и построена батарея *W* для действия по Араб-Табии и для обстреливания впереди лежащего оврага; кроме того, на противоположном, ближайшем к неприятелю, скате оврага была проложена траншея *I*, выведенная на гребень посредством туров, наполненных фашинами. Траншея эта была обращена совместно с траншеей *ff* в ложемент для продольного действия по оврагу. В центре атаки работы состояли в усилении существовавших батарей, а на правом фланге были выведены от батареи *R* три траншеи в расходящемся направлении, длинной каждая в 50 саженей.

Все эти работы, по словам генерала Коцебу²¹, велись вяло, плохо и без всякой системы, так что на скорое взятие передовых укреплений у него было мало надежды. Князь Варшавский, напротив, был доволен успешным ходом работ и рассчитывал, что осада, как он и раньше предполагал, окончится недели в четыре²².

Со своей стороны генерал Шильдер, называвший нашу атаку «практическими саперными работами против турецкого учебного полигона», приходил в отчаяние от того направления, которое

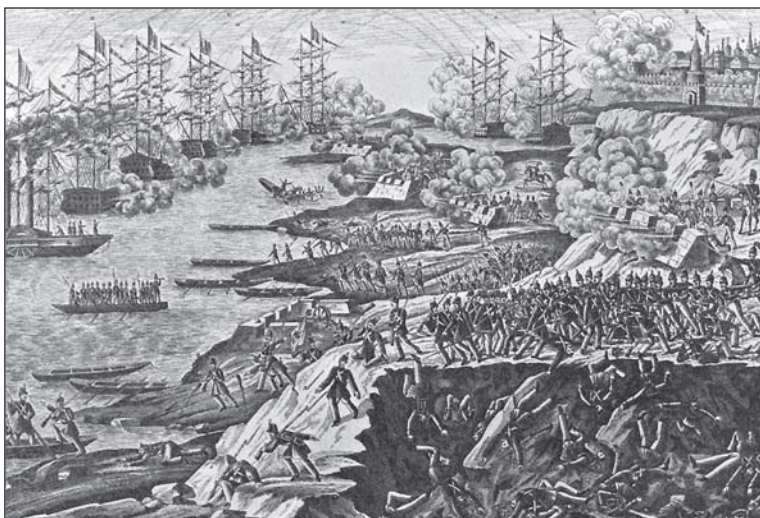
придавал осаде князь Варшавский. Фельдмаршал, решив, чтобы турки только «почитали бы себя в осадном положении», поддерживал в неприятеле бодрость и смелость. От блокады мы продолжали упорно отказываться; Силистрия сохраняла свободное сообщение с Шумлой и другими пунктами; подкрепления и обозы продолжали свободно входить в крепость на глазах бездействовавшей русской армии.

Нередко осада, по словам жизнеописателя графа Тотлебена²³, походила на комедию, которая разыгрывалась Бог знает с какой целью. Фельдмаршал, находя иной раз, что тот или другой фланг атаки слишком выдвинут вперед, отдавал приказание прекращать местами работу на более или менее продолжительное время; по его же распоряжению осадные орудия то ставились на батареях атаки, то отвозились для вооружения укрепленного лагеря, устраиваемого в ожидании предстоящего появления союзных войск. Очевидно, что полевые орудия, которыми заменялись осадные, не могли упрочить за нами перевеса в артиллерийской борьбе²⁴. Войска не могли объяснить себе причину ежедневных послаблений, добровольно делаемых неприятелю, и подслушанный Тотлебеном разговор двух солдат вполне правильно определил существовавшее положение дел. «За что мы здесь деремся?» — спросил один другого. «Какой ты дурак, — последовал ответ, — паша хочет сдать Силистрию, а фельдмаршал не хочет ее взять!»

Между тем положение силистрийских турок было незавидное, несмотря на всю энергию их обороны. Они день и ночь усиливали свои укрепления, возводили новые работы и, по преувеличенному понятию англичан, дали нам маленький урок в том, как впоследствии оборонять Севастополь.

В то время как мы с начала осады потеряли всего убитыми 22 нижних чина и ранеными 11 офицеров и 192 нижних чина, потеря их гарнизона за восемь первых дней осады убитыми и ранеными доходила до 1000 человек. Песчаное укрепление очень сильно пострадало от наших батарей, поставленных на острове Салган, и крепость просила подкреплений, но, несмотря на это, энергичный комендант предполагал еще долго держаться, даже в случае падения Араб-Табии и Песчаного. Омер-паша решил помочь гарнизону, отвлекая внимание русских на восток атаками иррегулярной конницы и усилив гарнизон на 1200 иррегулярных стрелков. Кроме того, он намеревался произвести сильную демонстрацию сил со стороны Силистрии, не ввязываясь, однако, в бой, чтобы выяснить, предполагает ли Паскевич принять сражение или нет²⁵.

16 (28) мая Омер-паша сообщал маршалу С.-Арно полученное им известие, которое его очень встревожило, о том, что Паскевич по взятии Силистрии намерен со всеми войсками двинуться к Шум-

*Нападение союзников на Петропавловск
(народная картина)*

ле. Это его заставило торопиться со средоточением туда войск из Калафата, Софии и других пунктов²⁶. Полученное турецким генералиссимусом на следующий день известие от коменданта крепости, что русские поторопятся уйти за Дунай, если часть турецких сил появилась бы у них в тылу, несколько его успокоило. Омер-паша решил двинуть к Силистрии до 7000 всадников иррегулярной конницы под начальством поляка Садыка-паши (Чайковский), а по другой дороге к Силистрии выдвинуть верст на пятнадцать от Шумлы отряд в составе 28 бат., 10 бат. и 20 эск.²⁷

В то время как под Силистрией фельдмаршал губил участь всей кампании, в Петербурге император Николай, еще не совершенно разочарованный в своем «отце-командире», жил жизнью Дунайской армии. Положительно удивляешься работоспособности этого могучего государя и человека, его выдающимся военным дарованиям, умению охватить и правильно оценить обстановку, несмотря на то что Паскевич, человек, имевший на государя колоссальное влияние, делал все возможное, чтобы сбить его с правильного пути, на котором стоял государь в отношении плана и способов ведения кампании. Раз два в неделю император писал обширные письма князю Варшавскому, которые могли бы служить чистым откровением для фельдмаршала, если бы они падали на более благодатную почву. Казалось, могучая, богатырская фигура императора Николая развернулась во всю ширь именно в то время, когда грозные тучи сплошным кольцом окружили

его страну. И чем более падали духом его ближайшие сотрудники, тем величественнее становилась фигура государя, который верил в Россию, верил в возможность повернуть успех кампании в нашу сторону и, к сожалению, верил в людей, не замечая того, что большую часть всего выдающегося, что он этим людям приписывал, следовало отнести на долю самого государя.

В своих письмах к фельдмаршалу император Николай давал сжатый очерк всей обстановки войны; он очень ясно создавал положение наших врагов, правильно определял политику враждебной нам, но трусливой Австрии и настаивал на усвоении фельдмаршалом того образа действий, который мог повернуть колесо фортуны в нашу сторону, который при удаче мог много дать, а при неудаче не поставил бы нас в положение хуже того, в котором мы оказались.

«Радуюсь очень,— писал государь фельдмаршалу 11 мая,— что ты велел приступить к осаде Силистрии. В теперешних обстоятельствах продолжаю полагать, что лучшего сделать нельзя. Пойдет ли осада спокойно — хорошо; выйдут ли турки с союзниками на выручку крепости — тем лучше, будет тогда случай их разбить... Ты мне писал, что Шильдер обещает через две недели взять Силистрию; я доволен буду, ежели и через четыре недели — и то хорошо!» В следующем письме государь предостерегал Паскевича о возможном увлечении Шильдера своим «воображением», что могло привести к пренебрежению выработанными опытом правилами атаки, выражал надежду, что турки должны будут бросить укрепления Арабское и Песчаное, но отсюда далеко еще до главной крепости, а потому государь опасался, что в обещанные четыре недели дело не будет кончено. Император Николай считал желательным осаду Силистрии, чего легко было достигнуть благодаря оставлению турками Туртукая, направлением с этой стороны к крепости части наших войск, сосредоточенных на среднем Дунае. Турки именно этого и боялись, но фельдмаршал остался нем к такому выгодному для нас событию. Государь вообще очень боялся, чтобы его мнение не было односторонне, а поэтому он только в исключительном случае, один лишь раз, а именно относительно осады Силистрии, отдал Паскевичу свое повеление в категорической форме; всегда же свои предложения высказывал лишь в виде личных мнений и пожеланий, принять или не принять которые представлял фельдмаршалу как человеку, находившемуся на месте и военные дарования которого он ставил очень высоко.

При решении плана военных операций государь пожелал также узнать мнение выдающегося стратега первой половины XIX века генерала Жомини, доживавшего свой век на покое в Бельгии. Мы уже знаем, что в январе Жомини представил свой письменный доклад относительно начинавшейся кампании, а в мае он лично прибыл в Петергоф и удостоился продолжительной беседы с им-

ператором Николаем. «*Наш взгляд*²⁸, — писал по этому поводу государь Паскевичу, — на положение дел *совершенно согласен*. Он (т. е. Жomini) также полагает, что взятие Силистрии, а потом и Рушука было бы очень желательным».

Поведение Австрии император предугадывал совершенно правильно. Он сообщал, по дошедшим до него сведениям, что сборы австрийцев на нашей границе, а также в Вене и в Италии делаются, чтобы *en imposer a la France et a la bourse*²⁹. «Делай они дома, что хотят, — добавлял государь, — но не смей нас трогать, и не думаю, чтобы решились».

Внутреннее положение самой Австрии было не таково, чтобы рискнуть на открытый разрыв с Россией, и в Петербурге ходили слухи об усилившемся брожении в Галиции, чем и была вызвана поспешность внезапного увеличения там войск. С другой стороны, сдерживающая в тот период кампании роль Пруссии также не осталась без влияния, и это вызвало со стороны императора Франца-Иосифа приказание эрцгерцогу Альберту укротить его слишком горячее желание разрыва с нами. Во всем этот государь видел большую выгоду для нас в смысле выигрыша времени, которым мы могли бы воспользоваться для взятия Силистрии и дальнейших активных действий. «Не бойся австрийцев, — заканчивал Николай Павлович свое письмо, — но с помощью Божьей и твоими героями *бей всех*³⁰, кто ни явится».

Государь верно предугадал план ближайших действий противника, а именно, что турки пока не начнут никаких серьезных наступательных действий, а будут сосредоточиваться в Шумле, чтобы выждать там прибытия французов и тогда только перейти, может быть, в общее наступление. О сосредоточении же союзников Николай Павлович также имел вполне определенные сведения, что оно происходит очень медленно и скоро быть оконченным не может. Государь старался убедить Паскевича, что наша развернутая на театре войны армия должна использовать неполную готовность противника, но фельдмаршал по-прежнему оставался нем и видел спасение России лишь в отступлении за Прут³¹.

15 мая наконец было объединено начальствование войсками в траншеях в лице начальника 8-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Сельвана, в помощь которому были назначены генералы Веселитский, князь Урусов и полковник граф Опперман. Заведование осадными работами по-прежнему оставалось в руках генерала Шильдера.

Опасение князя Варшавского относительно наступления союзников турок возрастало все более и более, поэтому 16-го числа он решил выслать особый рекогносцировочный отряд на юг для сбора

сведений о противнике. Но и эта попытка была сделана в такой трусливой форме, что ее правильнее считать мерой для предупреждения нечаянного нападения на свою армию, чем разведку намерений противника. С этой целью был сформирован отряд силой в 4 бат., 6 эск., 3 сот. с одной пешей и одной донской батареей, под начальством генерала князя Бебутова. Отряд этот должен был 17 мая выступить к с. Афлотор, отстоящему от главного лагеря верст на шестнадцать, и выслать оттуда разъезды по Базарджикской, Шумлинской и Разградской дорогам для собирания сведений о противнике. Кроме того, князь Бебутов должен был подыскивать в Афлоторе лазутчиков, которые сообщали бы нам сведения о неприятеле. 18 мая этот тяжелый отряд, задачу которого с не меньшим успехом могли исполнить несколько эскадронов кавалерии, должен был вернуться обратно в лагерь³². Князь Бебутов неприятеля не встретил и о движении турок никаких известий не получил.

Тем временем в ночь на 17 мая под Силистрией случайно для нас разыгрался весьма драматический эпизод. С наступлением темноты с нашей стороны начались по обыкновению осадные работы, при этом, ввиду неоднократных вылазок турок, мы начали в последние дни ставить за нашим левым флангом особый дежурный резерв, независимо от траншейного караула и его резервов. В описываемую ночь за левым флангом был поставлен отряд в составе 2 бат., 6 пеш. ор., 2 эск., 1 сот. и 4 кон. ор.³³ под начальством гвардейской конной артиллерии полковника Костанда, состоявшего без определенного дела при главной квартире. Из дежуривших по очереди в траншеях флигель-адъютантов и личных адъютантов фельдмаршала там находились флигель-адъютант граф Орлов и князь Щербатов. Кроме того, генерал Сельван приказал командиру отдыхавшей в лагере 2-й бригады его дивизии генералу Попову, если он услышит ночью сильную стрельбу в траншеях, выстроить свою бригаду и быть готовым к немедленному движению на помощь. Можно полагать, что это распоряжение, которое впоследствии хотели растолковать как преднамеренное решение вырваться из рук фельдмаршала и самовольно атаковать Араб-Табию, было вызвано опасностью работ, производимых уже на близком расстоянии от неприятельского укрепления, а также проявленными турками энергией и активностью в обороне крепости.

Около полуночи турки вышли из рывтины, находившейся на правом фланге Араб-Табии, и под прикрытием сильного огня с форта двинулись против наших работ левого фланга. Генерал Веселитский легко отбил эту атаку двумя находившимися в его ведении батальонами. Казалось бы, можно было спокойно приступить к прерванным работам, но в это время с барабанным боем двинулся вперед отряд полковника Костанда. К траншеям он подошел уже тогда, когда турки были отбиты, а потому и был остановлен генералами Сельваном и Веселитским.

Только что успокоилось на левом фланге, как турки сделали вылазку против наших работ правого фланга, также удачно отбитую. Араб-Табия в это время замерла и даже не открывала огня по хорошо освещенной и открыто стоявшей группе Сельвана, Веселитского, Костанды, графа Орлова и князя Щербатова. Сильная перестрелка на нашем правом фланге и мертвая тишина грозного укрепления Араб-Табии дали мысль окружавшей генерала Сельвана молодежи, что турецкое укрепление оставлено противником, который устремился на наш правый фланг. Отсюда явилась другая мысль — овладеть быстрым натиском столь надоевшим нам Арабским фортом.

Слабохарактерный генерал Сельван попал как бы в тиски: с одной стороны, на него наседала пылкая, влиятельная, но ни за что не ответственная молодежь и возможность упрека в трусости, из-за которой могла быть упущена минута решительного успеха, с другой же стороны, давал о себе знать страх перед грозным фельдмаршалом в случае неудачи этого рискованного предприятия. Сельван, однако, решил испросить указания генерала Шильдера и отправился искать его в траншеях. Но Шильдера в траншеях найти не удалось, и старый генерал, поддавшись убеждениям окружавшей его молодежи, при уклончивом на его вопрос — атаковать или нет? — ответе генерала Веселитского, единственного человека, мнение которого могло бы считаться компетентным, решил атаковать Араб-Табиию.

Войска, назначенные для штурма, выстроились в одну линию, в колоннах к атаке, тылом к нашим траншеям, отстоявшим от турецкого форта шагов на триста. На правом фланге стал 3-й батальон Алексопольского полка, в центре, на интервале шагов в сорок, — 3-й батальон Полтавского полка и на левом фланге — 3-й батальон Замосцьского полка из отряда полковника Костанды. Батальоны Алексопольского и Полтавского полков должны были наступать уступом справа, а батальон Замосцьского полка действовать по усмотрению полковника Костанды. Генералу Попову с резервом приказано было следовать на помощь. Генералы и лица свиты стали перед батальонами.

Благодаря темноте и порядку, в котором строились войска, Араб-Табия продолжала молчать. Но, как бы в насмешку над этим, у нас приказано было ударить бой к атаке, и успокоившиеся после своей неудачной вылазки турки встрепенулись и встретили штурмующих картечными и ружейными выстрелами. Несмотря на убийственный огонь, наступление батальонов продолжалось в полном порядке, и они скоро скрылись во рву турецкого укрепления. Ров был 12-футовой глубины при почти отвесном земляном контрэскарпе; насыпь форта состояла из глинистой земли, и по весьма крутой наружной отлогости, не имевшей бермы, после дождей образовалась твердая кора глины, так что солдаты с трудом выбивали шты-

Вооруженный финн

ками ступени в земле. Ни штурмовых лестниц, ни каких-либо других приспособлений для облегчения эскаладирования укреплений с собой взято не было.

Независимо от этих препятствий войска, воодушевленные присутствием старших начальников, лезли на вал, и по прошествии четверти часа все амбразуры с орудиями были в наших руках, и внутри Арабского укрепления завязалась та борьба не на жизнь, а на смерть, которая за какие-то минуты приводит к полной победе или к поражению. Дрались банниками, прикладами, а то и просто схватившись друг с другом врукопашную, и не только нижние чины, но и офицеры. На глазах адъютанта Муза-паши в такой невероятной руко-

пашной схватке боролись турецкий поручик с русским штаб-офицером³⁴. И победа была, безусловно, в наших руках.

Кроме свидетельства Омера-паши, что «атака русских дошла до такого предела, когда обыкновенно всякое сопротивление со стороны гарнизона прекращается»³⁵, ручательством этому могли служить и четыре батальона резерва генерала Попова, которые торопились к месту схватки.

Но в то время, когда успех столь рискованно задуманного предприятия был за нами почти что обеспечен и густой мрак ночи начал уже рассеиваться, вблизи раздался тоскливый звук отбоя. Прозвучал один раз и замер. Никто на него не обратил внимания, кроме генерала Веселитского, который старался узнать, кто дал отбой. Ничего не узнав, не найдя старшего начальника, генерала Сельвана, Веселитский отдал приказ трубить отбой, который раздался вскоре властным звуком по всему фронту. Но войска не слушались отбоя и не хотели уступать завоеванного. Пришлось прибегнуть к настойчивым приказаниям, только после которых войска отошли, переправившись с громадными трудностями через ров и понеся при отступлении большие потери. Генерал Сельван погиб во время штурма, Веселицкий, Костанда, князь Щербатов и граф Орлов были ранены, последний особенно серьезно.

Но отступлением в траншею трех батальонов, первоначально штурмовавших Арабское укрепление, еще не окончилось кровавое дело этой ночи. В момент отступления к месту свалки подхо-

дил резерв генерала Попова. Не войдя в связь с бывшими впереди начальниками, не разузнав положения дела и не получив никаких приказаний, Попов повел в атаку свой резерв, преимущественно направляя его в охват Арабского форта. И лишь понеся большие потери и убедившись, что войска Веселитского и Костанды отошли назад, четыре батальона Попова также повернули обратно³⁶.

В этом деле мы потеряли убитыми и ранеными 2 генералов, 26 офицеров и 911 нижних чинов. Турки определяют свои потери в 100 человек, хотя эта цифра, как и все их донесения, подлежит большому сомнению.

На рассвете неприятель выдвинул из-за своего правого фланга кавалерию, думая использовать неминуемый при отступлении беспорядок, но, видя спокойно выстроенные каре, отошел назад.

Так кончился этот «бессмысленный и беспорядочный», по словам Коцебу, штурм, придавший бодрости духа обороняющемуся и задержавший ход работ атакующего. «Гнев фельдмаршала, — пишет Коцебу, — был направлен на Шильдера тем более, что эта неудача помешала ему уехать, как он хотел, когда будет взят форт. Шильдер действительно полусумасшедший, и дело остается не сделанным. Я советовал удалить его»³⁷.

Под Силистрией началось самое строгое расследование самовольного штурма и отыскание виновных. Более всего интересовались узнать, по чьему приказанию начался штурм и кто первый дал отбой. Следствие ничего не выяснило, так как все опрошенные отзывались незнанием, стараясь приписать инициативу штурма убитому генералу Сельвану; ему же, но не так определенно, хотели приписать и первый сигнал отбоя, хотя в душе никто этому не верил. «Темно и вовсе неудовлетворительно, — написал на следственном деле государь, — а верить можно, что бросились сгоряча за бегущими». Записки современников и сопоставление всех мелочей разобранных документов дают нам право думать, что нападение на Арабский форт было произведено так, как оно изложено выше.

Безусловно, вина за штурм и неудовлетворительную его организацию падает на Сельвана как на ответственного начальника, но инициатива всего предприятия лежала не на нем, а на окружавшей его молодежи. Не жажда подвигов и отличий, полагаем, руководила большинством из них, а то же чувство оскорбленного патриотизма бесславным и непривычным для русской армии трусливым сидением на берегах Дуная, которое заставило петербургский патриотический кружок послать на войну пылкого Карамзина, погибшего у Каракула в этот же самый день. Так и здесь вся неурядица осады, открыто сознаваемая в армии пагубная бездеятельность фельдмаршала и счастливо подвернувшийся случай ударили в голову кружку влиятельной молодежи, которая и увлекла за собой Сельвана. Навряд ли поднимется у кого-нибудь перо упрекать старого

генерала в предпринятом им геройском самостоятельном решении использовать удачную минуту и быстрым шагом пододвинуть взятие крепости; свершившееся показало, что успех был возможен и предприятие не так безрассудно. Но события в ночь на 17 мая еще раз доказали, что такие предприятия должны быть хорошо обдуманы и организованы, чего в данном случае не было. И в этом Сельван, безусловно, виноват, так как он ничего не обдумал и не принял никаких мер, долженствовавших обеспечить наш успех. При таких условиях является даже сомнительным — могли бы мы, завладев Араб-Табией, удержаться в ней, если бы на место боя не явился кто-либо более опытный, который сумел бы взять в свои руки командование этой случайной операцией?

Что касается первого сигнала отбоя, то, мы полагаем, надо откинуть всякую мысль о том, что он дан генералом Сельваном. Этот опытный служака должен был хорошо понимать, что, идя на такое действие, он в случае неудачи рисковал всей своей службой, так как Паскевич не простил бы ему самостоятельного решения даже и при завладении Араб-Табией. Для Сельвана возврата не было; он мог воротиться только со щитом или на щите. В минуту отбоя к тому же победа склонялась на нашу сторону, а поэтому начальнику отряда не было никакого смысла отзывать свои войска назад. Да притом и трудно выяснить, прозвучал ли отбой за минуту до смертельной раны Сельвана или уже после того, как он выбыл из строя. Наконец, первый отбой на войска не произвел никакого впечатления; он воздействовал лишь на генерала Веселитского, который начал попытаться, кто подал сигнал, и отыскивать генерала Сельвана. Не узнав первого и не найдя второго, он уже от себя приказал несколько раз проиграть отбой и начал делать настойчивые распоряжения об отступлении не желавших отходить войск, приняв на себя, таким образом, общее руководство боем. Вину в отступлении, следовательно, законно возложить на генерала Веселитского. Является странным, что этот отмеченный боевым опытом генерал, отбывший Венгерскую кампанию в должности начальника штаба 4-го корпуса, принял такое несообразное с обстановкой решение. Мы полагаем, что скорее всего можно объяснить тем психологическим состоянием начальника, в которое он попадает, когда ставит себя в положение рядового бойца в рукопашной схватке. Не имея возможности охватить в целом все то, что делается кругом, испытывая на себе все особенности рукопашной схватки, когда при полном напряжении всех сил даже простая физическая боль, утомление или личная в схватке неудача могут ударить по нервам, легко представить себе, что не один ты ослабел, а и все вокруг тебя.

В аналогичном положении находился и генерал Веселитский. Став, как и остальные, во главе штурмовавших батальонов, он одним из первых взмошел на вал, но был сбит банником, потом в шею

ему попал осколок снаряда, брошенный чьей-то рукой; он вновь оказался на валу и вновь получил удар и был сбит. И тут Веселитский услышал звук отбоя. Не найдя генерала Сельвана, он наткнулся на раненого полковника Костанду, который упрасивал его начать отступление³⁸. Вот обстановка, при которой Веселитский приказал отступать. Невольно является вопрос — поступил ли бы генерал так, если бы он не находился в рядах передовых бойцов, а несколько сзади, в таком расстоянии, чтобы иметь возможность беспристрастным взором оценить всю обстановку? Думаем, что нет. Нельзя здесь не повторить старой истины, что личный пример старшего начальника законен только тогда, когда у него не осталось уже других способов вести бой, и он бросает на чашу весов победы или поражения себя как последний резерв³⁹.

Тяжело было императору Николаю узнать о новой неудаче, но рыцарское сердце государя оценило мотивы, руководившие инициаторами рискованного предприятия, и ни одного слова упрека не было сказано в их адрес. «Душевно скорблю, — писал государь князю Варшавскому⁴⁰, — о напрасной трате драгоценного войска и потери стольких храбрых, во главе которых ставлю почтенного Сельвана, дорого заплатившего за свою излишнюю отвагу; но мир праху его, он умер геройской смертью! Тем более жалеть должно столь тщетной траты людей, что осада шла до того успешно и с невероятно малой потерей. Но буди воля Божия! Надеюсь, что возьмешь свои меры, чтобы впредь такой необдуманной отваги и бесплодной траты людей не было». Графу Орлову, который, по донесению фельдмаршала, необыкновенной храбростью обратил на себя всеобщее внимание⁴¹ и был во время штурма тяжело ранен, государь послал Георгиевский крест, как «лучший бальзам на раны».

В своих всеподданнейших письмах князь Варшавский часто жаловался на изнурявшие его лихорадки, о которых, впрочем, мы не встречаем никаких указаний в записках современников и даже в ежедневном дневнике генерала Коцебу, который виделся с фельдмаршалом чуть ли не каждый день. Катастрофы с делом Карамзина и штурмом Сельвана должны были ухудшить здоровье Паскевича, и он действительно свое донесение государю о происшествии в ночь на 17 мая кончал жалобой на трехдневную лихорадку. «Ради Бога, берегись, — ответил ему на это государь. — Надеюсь на милость Божию, что твое здоровье поправится при первой хорошей удаче, и не унывай!»

Из приведенной фразы можно заключить, что, несмотря на частые упоминания фельдмаршала о расстроенном состоянии здоровья, в которых, по сопоставлении их с записками современников, нельзя не видеть намеков на желание Паскевича уехать из армии, государь не считал своевременным понять эти намеки и облегчить фельдмаршалу столь желаемый им отъезд. Он еще верил в своего

Блокада Кронштадта

«отца-командира» и старался очень нежной рукой корректировать ошибки, допущенные им при осаде Силистрии. «По-видимому, оба турецкие форта, — читаем мы в том же письме, — долго еще держаться не могут против весьма искусно веденной атаки. Тогда предстоять будет еще осада самой крепости, на что я считаю не менее как еще три недели! Большое удобство произошло бы для осады, ежели бы ты нашел возможным совершенно осадить крепость и тем прекратить всякое сообщение ее с Шумлой... На скорое прибытие союзных войск, кажется, решительно нет опасения за совершенным у них недостатком лошадей и перевозочных способов. Разве перевезут отряд тысяч в десять в Варну, но и то без лошадей и сильной артиллерии. По всему этому я в полной надежде, что с помощью Божьей овладение Силистрией не подлежит сомнению. Покуда из Австрии ничего не получал и, кажется, ежели и будет что, то не такое предложение, которое сейчас же повлекло бы за собой немедленный разрыв».

Но уверенности императора Николая во взятии Силистрии не суждено было оправдаться. Паскевич упорствовал в предпринятом

им решении и довел дело до желаемого им конца. Одновременно с донесением государю о Сельванском штурме фельдмаршал представил записку с начертанием плана кампании с июня в предположении, что австрийцы объявят нам войну. Вся суть этой записки сводилась к необходимости в таком случае снять осаду Силистрии и отойти за Дунай⁴². И Паскевичу удалось наконец сделать первый шаг к примирению государя с мыслью об оставлении Силистрии. «Ежели бы против чаяния, — отвечал император Николай⁴³, — австрийцы нас атаковали, в таком только случае я разрешаю предполагаемый тобою план действий... Уверен, что тогда Бог сподобит тебя жестоко наказать австрийцев за вероломство и неблагодарность».

Между тем положение турок вовсе не было так хорошо, как оно могло нам казаться. Маршал С.-Арно предупреждал военного министра о том, что крепость не может долго держаться и что в течение месяца, т. е. до времени готовности союзников к наступательным действиям, она должна пасть⁴⁴. Французский главнокомандующий упрекал турок в крайне неправдоподобных и фальшивых донесениях о положении дел в Силистрии⁴⁵ и видел в этом желание увлечь его вперед в то время, когда чувство военной осторожности требовало ввиду полной неготовности союзной армии отказаться от всяких выступлений. С.-Арно твердо решил оказывать туркам пока лишь только нравственную поддержку.

С нашей стороны после Сельванского штурма осадные работы продолжались в том же духе, т. е. главное внимание обращалось на подход к Араб-Табию.

В ночь на 19 мая на левом фланге одна траншея была загнута и продолжена на 80 саженей параллельно левому фасу Арабского форта, в расстоянии от него около 70 саженей. Вылазка, произведенная турками, чтобы помешать нашим работам, была отбита⁴⁶, и днем в траншее были поставлены 4 полупудовые мортиры, а на следующую ночь на оконечности ее построена батарея, вооруженная 4 орудиями для действия по левому фасу турецкого укрепления. Дальнейшая работа состояла в движении тихой сапой на высоту, занимаемую фортом, где была заложена батарея на 8 орудий в виде редута. Цель этого редута заключалась в усилении нашего левого фланга и в действии против неприятельского укрепления. Кроме того, тихой сапой была выведена траншея прямо по направлению на Араб-Табий, которая 21 мая подошла к форту на 18 саженей. Для того чтобы иметь возможность вести дальше эту работу с наименьшей потерей, в этот день вечером пространство земли между оконечностью траншеи и оврагом, проходившим подле турецкого укрепления, было взорвано, и оконечность воронки взрыва коронована турками.

Неприятель открыл огонь со всех своих батарей и произвел вылазку с целью разрушить наши работы, но был с уроном отбит.

Интересно прочитать, как изложен этот эпизод в донесении Омера-паши маршалу С.-Арно⁴⁷: «В пятницу, 2 июня (21 мая), русские взорвали мину, чтобы разрушить парапет выдающегося крыла флеша Араб-Табия. К счастью, сила взрыва обратилась назад и засыпала неприятельскую колонну, которая готовилась броситься на брешь. Это стоило неприятелю 400 человек убитыми. Турецкие работы и гарнизон совершенно не пострадали. Гарнизон, видя беспорядок и испуг неприятеля, сделал вылазку на ближайшую батарею и уничтожил там огромное количество русских, которые могли спасти свои орудия, лишь увезя их назад». Это одно из тех донесений, о которых состоявший при Омер-паше полковник Диё⁴⁸ писал генералу Канроберу, что на Дунае так жонглируют с убитыми и ранеными, что можно полагать, что в русской армии не осталось уже ни одного живого человека.

В эти дни силистрийский гарнизон понес большую утрату в лице энергичного коменданта Муза-паши, который был убит у себя на квартире во время молитвы осколком снаряда, пущенного с наших левобережных батарей. Заместителем его был назначен Гуссейн-паша, бывший комендантом форта Араб-Табия; это также был один из выдающихся офицеров оттоманской армии. Но зато турки хорошо использовали дни упадка духа у нас после сельванского штурма, а также отсутствие полной блокады крепости: подкрепили гарнизон запасами и 4 000 пехоты, составленными преимущественно из охотников. Это движение было прикрыто полком кавалерии с конной батареей, которые опирались на 10-тысячный отряд иррегулярной конницы, гнездившейся в большом лесу Дэли-Урман, в расстоянии четырех часов пути от Силистрии. Резервом всей высланной вперед конницы служил Дамасский кавалерийский полк, выдвинутый к Рахман-Ихиклеру⁴⁹. Впрочем, иррегулярная конница, находившаяся под командой Садыка-паши (Чайковский), представляла, по словам полковника Диё⁵⁰, такой сброд, что ее с трудом можно было поставить нарядом с башибузуками.

Тем временем с нашей стороны осада шла, по выражению князя Варшавского, «туго»⁵¹. Фельдмаршал приписывал это смелой защите турок и знанию стратегии войны, чему способствовали их руководители — иностранные офицеры. Было бы справедливо значительную часть вины в этом отнести и на нашу сторону.

«Ceci est йtrange, — писал о наших неудачах под Силистрией генерал Боске⁵², — et je йrпugne a me l'expliquer par l'impuissance des russes. Il y a autre chose, comme une йymoralisation, une йrйoccupation, je ne sais quoi, qui paralyse cette armйе».

Между тем нравственная атмосфера в нашем лагере под Силистрией была сгущенная и нездоровая. Чтобы окунуть читателя в эту атмосферу, приведем выписки из дневника генерала Коцебу за эти дни.

«19 мая. Фельдмаршал пытал меня; у нас царит упадок духа. Вечером меня послали в траншеи, где я нашел полный беспорядок — доказательство лжи и обмана Шильдера. Фельдмаршал требует от меня письменного изложения, как продолжать осаду Силистрии.

20 мая. Ночь была спокойна, только несносна из-за фельдмаршала, который давит, как кошмар, и все парализует.

22 мая. Фельдмаршал произвел беспорядочную разведку. Его гнев. Шильдера фанфаронады продолжаются, но на правом фланге Бухмейер будет отдельно работать; эту ночь он начнет. Фельдмаршал опять выказывает боязнь австрийцев, и все это лишь для того, чтобы самому уехать.

23 мая. Фельдмаршал говорит, что он болен⁵³. Ясно, что он хочет уехать; пусть едет.

25 мая. Паскевич объезжает позицию, чтобы показать, как следует занять ее в случае решительного боя. Я сказал Горчакову, что это обман вести осаду так, как теперь, и что нам нельзя достигнуть благоприятного результата, не окружив крепости...»

Со своей стороны князь Горчаков в письме к военному министру от 15 мая сознается, что он не имеет еще ясного понятия о наших делах под Силистрией, и упрекает всегда немного романизирующего Шильдера⁵⁴ в том, что он по достоинству не оценил неприятеля.

Однако при осуждении деятельности этого выдающегося, хотя и чрезмерно нервного инженера надо помнить, что он ожидал успеха от ускоренной атаки при условии полной осады крепости и в то время, когда Араб-Табия представляла собой слабое полевое укрепление, а не тот форт, каким он сделался в середине мая. О необходимости блокады крепости говорил, как мы видели выше, и генерал Коцебу, об этом писал фельдмаршалу и государь, столь не любивший принимать на себя роль гофкригсрата⁵⁵ и потому столь осторожный в своих указаниях⁵⁶. Но Паскевич казался непоколебимым в своих убеждениях. Существенных мер к ускорению осады он не принимал, а лишь искал виновника в неудаче и такового нашел в лице Шильдера.

19 мая князь Варшавский, который так интересовался скорейшим уходом от Силистрии, а не взятием ее, прибег к мере, никогда не приносившей положительных результатов в таком деле. Он решил ввиду того, что «осадные работы идут весьма медленно и далеко не достигают тех результатов, которые предполагал генерал Шильдер», собрать письменные мнения генералов Лидерса, Коцебу, Бухмейера, Хрулева и других с целью увидеть, «не придумает ли кто-либо из них лучшего способа к продолжению работ»⁵⁷.

21-го числа по этому поводу даже был назначен военный совет, который, впрочем, не состоялся, так как фельдмаршал очень ув-

лекся подробными распоряжениями о группировке войск для встречи австрийцев, на что ушел у него целый день. Практический результат всего поднятого шума заключался лишь в том, что на генерала Бухмейера возложили самостоятельное ведение осадных работ на правом фланге, оставив за Шильдером лишь руководство работами на левом фланге, да, кроме того, подтянули к Каларашу Днепровский пехотный полк с батареей и 2-ю драгунскую дивизию с ее артиллерией и Уральским № 2 казачьим полком, а Селенгинский пехотный полк с 6 орудиями и Донской казачий № 40 полк присоединили к войскам осадного корпуса.

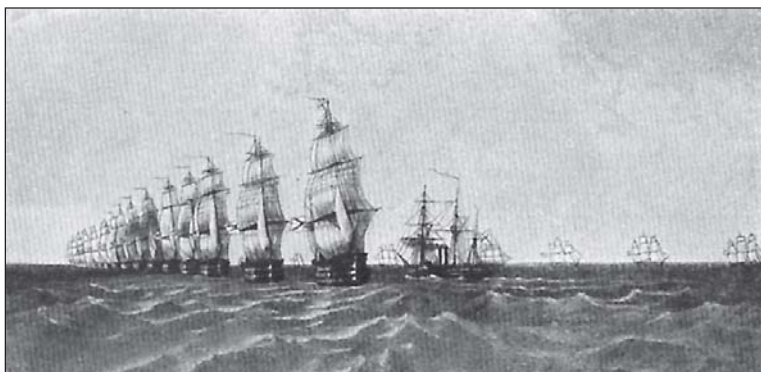
22 мая генерал Шильдер вновь произвел, в 5 часов пополудни, взрыв мины в голове наших работ против Араб-Табии, чтобы облегчить этим доступ к неприятельскому укреплению. Турки после этого открыли сильный огонь из всех своих батарей, а в 7 часов вечера произвели значительную вылазку против редута на левом фланге наших траншей. Три неприятельские колонны, преимущественно из волонтеров, кинулись на батарею с фронта и с левого фланга, где предварительно скрытно собрались в ложине. Несмотря на сильный картечный и штуцерный огонь как с атакованного редута, так и с соседней правой батареи, турки бросились вперед, достигли рва и через амбразуры ворвались в укрепление. Артиллерийская прислуга и слабое пехотное прикрытие вступили в рукопашный бой, а два батальона Елецкого полка, находившиеся в резерве, выбили врага штыками. Турки оставили на месте близ редута около 50 тел, но и наши потери доходили до 125 человек⁵⁸.

Энергичная вылазка турок дала князю Варшавскому повод еще раз написать государю, что неприятель «осмелел» и что трудно предвидеть конец осады, так как турки беспрестанно подкрепляют гарнизон крепости⁵⁹.

Омер-паша, выдвигая, как было сказано, свою кавалерию к Силистрии, дал ей инструкцию не только беспокоить неприятеля, но и отвлекать его внимание от того направления, по которому следовали в крепость подкрепления, и возможно более вводить русских в заблуждение, чаще передвигаясь для этого с места на место.

Результатом такого распоряжения турецкого генералиссимуса были неоднократные и бесцельные высылки Паскевичем летучих отрядов до одного перехода по Шумлинской дороге при получении известия о подходе к Силистрии неприятельских кавалерийских частей. Двигаясь в пункты, которые накануне были заняты турецкой кавалерией, мы, разумеется, на другой день никого там не заставляли, а турки тем временем, отвлекая наше внимание, спокойно успевали продвигать в крепость запасы и подкрепления⁶⁰.

Но полученные фельдмаршалом сведения о направлении к Силистрии значительных подкреплений и необходимость, наконец, хоть отчасти удовлетворить общему требованию о прекращении свобод-

Император Николай I проводит смотр Балтийского флота

ного сообщения крепости с Шумлой заставили князя Варшавского принять более решительные меры. С этой целью 23 мая был сформирован под начальством генерала Хрулева особый авангард в составе бригады пехоты, кавалерийского полка, 4 сотен казаков с двумя пешими и одной конной батареями, который был выдвинут к истоку речки Алмалуй, по направлению дороги, ведущей через с. Борчма в Шумлу. Цель авангарда заключалась в следующем: 1) оберегать расположение осадного корпуса, 2) наводить нашей кавалерией неприятеля, в случае его появления, на нашу пехоту и 3) не позволять противнику гнездиться в верхней части оврага, по направлению к которому находилась левая оконечность наших работ. В случае же нападения на эти работы отряд должен был поддержать войска, их защищавшие.

В инструкции генералу Хрулеву было подробно сказано, где и как выбрать позицию, как выставить передовые посты, и в заключение указывалось, что кавалерия отряда отнюдь не должна была увлекаться приманкой легкой удачи и отходить на такое расстояние, на котором не могла бы быть вовремя поддержана; ей ставилось, напротив, целью завлекать неприятеля и наводить его на нашу пехоту⁶¹. Таким образом, и здесь главная задача отряда Хрулева сводилась к защите осадного корпуса от нападения, а не к блокаде крепости и даже не к желанию затруднить сообщение Силистрии с Шумлой, так как для этой цели отряд следовало выдвинуть более к западу, хотя бы к Калапетри, на центральную позицию между осадным корпусом и Дунаем.

С назначением генерала Бухмейера самостоятельным руководителем работ на нашем правом фланге атака там пошла несколько живее, и в ночь на 24 мая мы продвинулись здесь своими траншеями вперед в направлении тыла Песчаного укрепления и заложили новые батареи для действия против этого укрепления. На левом

фланге атаки работы в эту ночь состояли в установке двух мортир в воронке № 2 для действия по внутренности укрепления, в приближении тихо по капители бастиона Араб-Табия на 8 сажень к контрэскарпу и в производстве и короновании третьей воронки. В следующую ночь была образована новая воронка, и, несмотря на то, что неприятель старался помешать нашим работам, действуя по ним артиллерийским и ружейным огнем из-за завалов, а также тревожа в продолжение ночи рабочих и прикрытие малыми вылазками, мы подошли двойной тихой сапой к контрэскарпу Араб-Табии на 4 сажени. К вечеру 27-го мы подошли уже к контрэскарпу на полторы сажени и приступили к деланию спуска в ров и перехода через него, который в течение ночи был окончен.

Со своей стороны Омер-паша принимал все более и более энергичные меры к подкреплению гарнизона крепости и к «гипнотизированию» князя Варшавского. Так, 26 мая им направлен был из лагеря при Казали-Девэ к Силистрии отряд Бейрама-паши в составе 5 батальонов, 700 башибузуков и 6 конных орудий, который должен был занять лес Дели-Урман, прилегавший к левому флангу нашего расположения под крепостью, с целью беспокоить нас с этой стороны и содействовать сообщению с крепостью⁶².

Турки вполне достигли этим своей цели. Фельдмаршал все более и более волновался, ожидая скорого появления союзников противника из Шумлы, что на фоне вызывающего поведения Австрии заставило его даже отдать 26-го числа распоряжение приготовить к снятию осады, и только полученные в тот же день успокоительные известия из Вены временно задержали исполнение этого приказания⁶³.

Вообще союзники, видимо, начинали прозревать истинное положение дел под Силистрией, что можно заключить из следующих строк письма маршала С.-Арно, только что посетившего Варну, к военному министру⁶⁴: «Выходит, что Силистрия продолжает успешно сопротивляться русским, которые, кажется, не приняли до сих пор никаких мер к правильной осаде. Они ограничиваются атаками открытой силой или нечаянными нападениями против внешних укреплений, нападениями, которые никогда не удавались и только влекли громадные потери для атакующего. Недостаток ли материальных средств или же распространившаяся по стране весть о нашем сосредоточении и ожидаемом наступлении наших колонн заставили их отказаться от прочного утверждения перед Силистрией, которую они рассчитывали покорить одним ударом, — я этого не знаю. Но дело в том, что положение крепости, которая по первоначальным предположениям Омера-паши сегодня должна была быть в руках неприятеля, до сих пор не было существенно поколеблено»⁶⁵. Французский главнокомандующий выражал далее надежду, что крепость продержится еще долго и что ему не пред-

ставляется невозможным, что движение вперед союзных армий, хорошо скомбинированное и направленное вовремя, не освободит крепости.

Таким образом, мысль о движении союзных армий на помощь Силистрии впервые облеклась в реальную форму в голове союзного главнокомандующего лишь 29 мая, т. е. когда крепость при энергичном и умелом ведении дела давно должна была быть в наших руках. Да и то эта мысль явилась у маршала С.-Арно как следствие непонятного для него поведения под Силистрией князя Варшавского.

28 мая фельдмаршал решил лично произвести грандиозный маневр под стенами Силистрии с отрядом в 31 бат., 32 эск., 8 сот., 9 пеш. и 3 кон. батарей. Цель этого маневра заключалась отчасти в обозрении отдельных неприятельских укреплений и расположения турецких войск, а также в намерении показать неприятелю значительность наших сил; основная же идея Паскевича состояла в обучении войск маневрировать и устраиваться в виду неприятеля⁶⁶.

Все выведенные из лагеря войска были подразделены на отряды генерала Хрулева (8 бат., 8 эск., 4 сот. и 3 бат.), генерала Гротенгельма (13 бат., 22 эск., 4 сот. и 8 бат.) и Артамонова (10 бат., 2 эск. и 1 бат.). Кроме того, в лагере оставались в полной готовности к выступлению 15 бат., 4 эск. и 26 пеш. ор., за исключением войск, находившихся в траншеях.

Фельдмаршал двинулся в 10 часов утра во главе всего отряда в одной походной колонне по дороге к Калапетри, при подходе к которому была открыта неприятельская кавалерия в числе до 4 000 коней. Тогда Паскевич приказал произвести следующий маневр.

Хрулеву с его отрядом обойти с. Калапетри, подняться на высоты и, выстроившись на них, дать знать об этом тремя выстрелами. Гротенгельму обогнуть овраг, идущий к Абдул-Меджиду, и выстроиться в первый боевой порядок, примкнув левым флангом к с. Калапетри; когда же генерал Хрулев даст условленный сигнал, то Гротенгельму начать наступление с барабанным боем, но куда? — неизвестно, вероятно, прямо перед собой. Генерал Артамонов должен был построиться в резервный порядок за правым флангом генерала Гротенгельма.

Турки, узнав о выходе из лагеря нашего внушительного отряда, никак не могли предположить, что цель этого выхода заключалась лишь в обучении под стенами Силистрии войск маневрированию, наподобие того, как это делалось в Красносельском мирном лагере, а потому начали искать каких-либо реальных целей, которыми мог задаться русский фельдмаршал. И действительно, в этот день должен был прибыть в Силистрию из Шумлы транспорт с запасами и, кроме того, подойти отряд Бейрам-паши, о котором было сказано выше. Опасаясь, что мы имеем намерение помешать тому или другому, противник решил отвлечь внимание

русских и действовать своей кавалерией против отряда генерала Хрулева, наиболее для них опасного, так как им сначала показалось, что он направляется по дороге на Альфатар.

Два полка регулярной турецкой кавалерии с конной батареей и целой массой иррегулярной конницы двинулись против Хрулева. После нескольких кровопролитных рукопашных схваток с нашими казаками и вознесенскими уланами, которые были поддержаны Замосцьским и Люблинским полками, турки отступили под прикрытие своих фортов, а их бивак был сожжен.

Тем временем с Абдул-Меджида был открыт сильный огонь по колонне генерала Гротенгельма, при которой находился и фельдмаршал. Одно ядро упало около лошади Паскевича, и он был контужен⁶⁷. Оставшись при войсках до окончания перестрелки, фельдмаршал после этого пересел в дрожки и поехал в Калараш, а войска пошли домой. Во время пути состояние здоровья Паскевича сильно ухудшилось, так что он принужден был лечь в постель⁶⁸. 30 мая фельдмаршал уведомил государя о приключившемся с ним несчастье, которое не позволит ему недель 6—8 сесть на лошадь. Упомянув далее об увеличившейся после контузии лихорадке и о полном расстройстве нервов, князь Варшавский всеподданнейше доносил о своем отправлении в Яссы, где он предполагал ожидать улучшения состояния здоровья⁶⁹. «Осада Силистрии,— были заключительные слова отъезжающего главнокомандующего,— идет упорно и неудовлетворительно, так что мы и первого форта не взяли»⁷⁰. В командование армией на прежних основаниях вступил князь Горчаков.

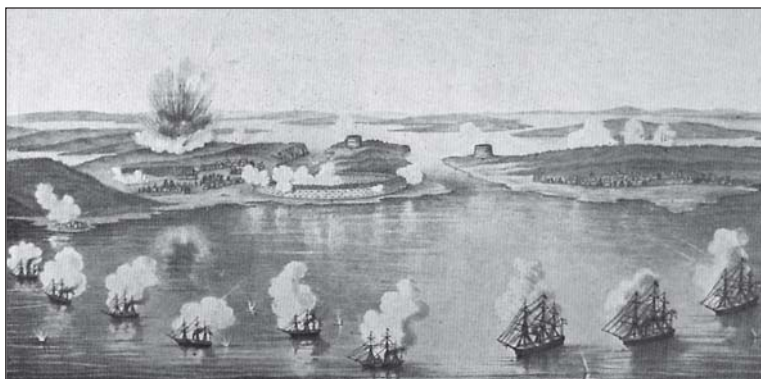
1 июня, в день отъезда фельдмаршала из армии, был смертельно ранен в траншеях и генерал-адъютант Шильдер, энергичный и доблестный руководитель осады. Эти два «знаменательные», по словам Коцебу⁷¹, события должны были оказать влияние на дальнейший ход атаки крепости. Нет сомнения, что присутствие Паскевича при армии вносило деморализующий элемент в ведение нами силистрийской операции.

Глубоко не желавший, по соображениям того или иного характера, взятия Силистрии, привыкший в течение десятков лет быть полновластным советником государя и, скажем более, избалованный императором Николаем, фельдмаршал был в вопросе об осаде крепости поставлен государем на место и принужден был исполнять его неуклонную волю. Но Паскевич не имел достаточного гражданского мужества просить отозвать его при таких условиях из армии и не имел умения или доброй воли, оставшись при армии, исполнить повеление своего царя с напряжением всех своих душевных и умственных сил. Основная идея Паске-

вича была не взятие Силистрии, а выполнение своего собственного плана, и эта двойственность в характере работы главнокомандующего должна была проходить красной нитью через все органы управления армией и вносить деморализующее в смысле единства действий начало. Прав или не прав был Паскевич в вопросе о плане кампании, но при данных условиях нахождение его при армии было вредно, и отъезд фельдмаршала являлся действительно знаменательным фактом. К сожалению, только злой гений Паскевича, как увидим ниже, и из Ясс витал не без вредного влияния над Силистрией.

Погиб и Шильдер. Не могла остаться без влияния на дальнейшую судьбу осады Силистрии также и смерть этого генерала. Талантливый, обладавший необходимым военным чутьем, инженер Шильдер со своей энергией и верой в успех дела был душой осады, но чрезмерная его нервность, а может быть, и несколько рискованный, не чуждый увлечениям план овладения крепостью сделали ему врагов среди ближайших советников фельдмаршала. Мы нарочно привели выше выписки из дневника генерала Коцебу, чтобы поднять завесу на сферу тех не поддающихся иногда исследованию историка отношений, которые влияют на то или другое направление событий. Шильдеру не дали исполнить его план завладения крепостью в полном объеме, но все неудачи свалили на его седую голову. Так или иначе, но лишь он один представил определенный план атаки крепости, заключавшийся в быстром приближении к береговому бастиону, пользуясь тем, что грозной Араб-Табии в то время еще не существовало. Если принять во внимание силу нашей артиллерии на левом берегу Дуная, неготовность гарнизона крепости, моральное влияние на неприятеля нашей удачной переправы и энергичной атаки, то весьма вероятно, что крепость пала бы в срок, указанный Шильдером, но при условии полной осады Силистрии и ведения дела без перерыва и с направлением всей энергии к выполнению точно определенной задачи. Однако насколько все то, что действительно происходило под Силистрией, не соответствовало этим условиям.

Широкий полет мысли Шильдера был скован фельдмаршалом, Коцебу, а может быть, и другими. В чем заключались в полном объеме предложения этих лиц в отношении атаки крепости, мы не знаем, так как этих предложений, судя по сообщению князя Горчакова военному министру, и не было⁷²; все сводилось к желанию завладеть Араб-Табией, и впервые лишь 31 мая генерал Коцебу сознался князю Горчакову, что так вести осаду грешно и что ее следовало бы вести с полным напряжением сил со стороны Абдул-Меджида или же совсем снять⁷³. Таким образом, предложение Шильдера сводилось к взятию крепости, предложение же фельдмаршала было направлено лишь к узкой цели взятия Араб-Табии,

Атака Бомарзунда

после чего только должны были начать рассуждать о способе овладения Силистрией.

В этом предпочтении, отданном Паскевичем Арабскому форту, можно видеть давление на него все той же его основной мысли — опасения атаки нашего осадного корпуса союзниками турок, при которой нахождение на нашем правом фланге турецкого форта являлось для нас опасным.

Следовательно, генералу Шильдеру пришлось вести осаду по плану, совершенно не сходному с его предположениями, и если он взялся за это дело, то только с целью вовлечь нас в осадные работы, полагая, что впоследствии ему удастся направить их соответственно его предложению. К сожалению, этого не случилось. Осадные работы, ведущиеся без общего руководства, в той борьбе влияний и мнений, которые существовали в главной квартире, не могли идти успешно, хотя благодаря энергии Шильдера они были ко времени отъезда Паскевича доведены до рва Араб-Табии.

После отъезда фельдмаршала и при известной мягкости характера князя Горчакова распри по поводу ведения осады должны были еще более усилиться. И действительно, 1 июня генерал Шильдер набросал черновую записку князю Горчакову, в которой «почти-тельнейше» объявлял ему свою «личную твердую волю», что он может продолжать и довести до конца работы по взятию Силистрии, но при выполнении со стороны главнокомандующего определенных условий. К сожалению, условия, которые собирался поставить знаменитый инженер князю Горчакову, остались для истории неизвестны, так как он, не dokonчив записки, поехал в траншеи, где и был смертельно ранен⁷⁴. Потеряв талантливого инженера, который при всех своих странностях был отмечен выдающимися дарованиями и силой характера, способной вырвать необходимое ему

решение, главная квартира лишилась и строптивного противоборца со взглядами ближайших сотрудников князя Горчакова.

Обратимся к ходу осадных работ под Силистрией. 28 мая, во время производства князем Варшавским рекогносцировки, против Араб-Табии был закончен переход через ров, продолжалось коронование контрэскарпа и выведена минная галерея под фланг бастиона неприятельского укрепления.

В ночь на 29-е, около четыре часов утра, были произведены последовательно один за другим два взрыва, обрушившие бастион неприятельского укрепления. Наружный обвал воронки был занят 12-й ротой Пражского полка. Не заметив внутри укрепления неприятельские войска, саперы и рота Пражского полка по собственному почину двинулись в укрепление, в котором к этому времени турками заканчивалась постройка редута, о чем наши войска не были осведомлены. Тогда неприятель, выйдя в трех колоннах из-за редута, атаковал наш маленький отряд, который отошел в воронку, подержанный остальными ротами 1-го батальона Пражского полка. К сожалению, перед сигналом горна прочие батальоны этого полка были отведены в задние траншеи и теперь, из-за глинистой почвы и сильного дождя, не успели своевременно поддержать свои передовые части. Прибывший на место схватки генерал Бельгард направил на поддержку пражцев батальон Кременчугского полка, который находился в долине на левом фланге наших траншей, и боевой дух был восстановлен; воронка осталась в наших руках, а последовавшая вслед за этим вылазка турок была отбита. Смелая попытка пражского батальона, предпринятая в то время, когда ближайшие поддержки были отведены далеко назад, не принесла пользу делу и стоила нам 200 человек убитыми и ранеными. Турки скрыли от своих союзников понесенные ими потери, а само дело было ими представлено как блестящее отбитие атаки на Араб-Табью 16 батальонов русских, которые потеряли при этом более 2000 человек⁷⁵.

В 7 часов утра турки сделали вылазку против правого фланга наших работ, но были легко отбиты, и работы по всему фронту атаки продолжались весь день беспрепятственно.

Тем временем контуженный фельдмаршал не переставал заботиться об осаде Силистрии. 29 мая он приказал снять с батарей атаки осадные орудия, за исключением 16 полупудовых мортир, и заменить их полевыми орудиями, а вслед за этим снабдил генерала Шильдера следующим секретным предписанием:

«Есть известие, что неприятель усиливается под Силистрией, и, может быть, придется снять саду, чтобы идти к нему навстречу. Но, как теперь еще обстоятельства не те, чтобы снять осаду, и продолжение работ, собственно против нагорного форта, доставит ту выгоду, что *неприятель будет почитать себя в осадном положении*⁷⁶, то предписываю: 1) вести дело так, чтобы осада мог-

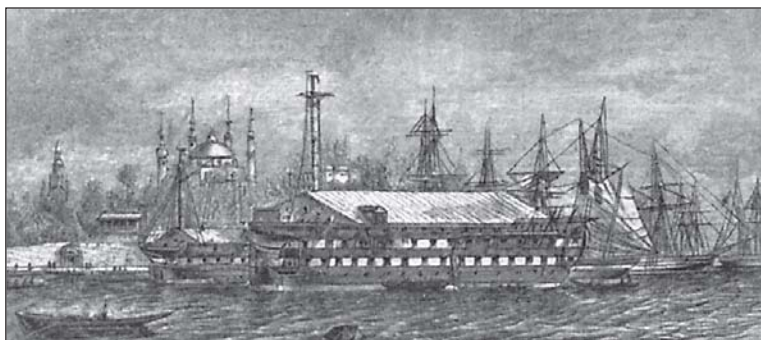
ла быть, в случае надобности, снята в самое короткое время, и для сего никаких работ не производить, кроме саперных и минных против нагорного форта; 2) все излишние материалы и инженерные принадлежности, кои не суть необходимы для производства вышеозначенных саперных и минных работ, в первом пункте поименованных, отнести к осадному инженерному парку, дабы оттуда их можно было немедленно отвезти за Дунай»⁷⁷.

При наличии таких приказаний странно звучит выраженное Паскевичем почти одновременно с этим предписанием в письме к государю удивление, что осада идет «туго» и мы и одного форта не взяли! Генералу Шильдеру была предоставлена, таким образом, лишь свобода в производстве минных работ, которые и продолжались безостановочно.

30 мая мы старались препятствовать своим сильным огнем работам турок по окончанию редута, выдвинулись траншеей еще влево от крайнего редута на 20 сажений, заложили там батарею на 8 орудий и повели из колодцев, вырытых в сапе, венчавшей контрэскарп, шесть галерей, чтобы заложить мины под бруствер самого укрепления.

Между тем, видя нашу пассивность, турецкие отряды, высланные Омером-пашой из Шумлы, все смелее приближались к Силистрии. Так, отряд Гассана-паши силой в 23 батальона перешел к Гизенли (Guizenli), будучи сменен на своей первой позиции Измаилом-пашой с 6 батальонами. Летучая бригада Бейрама-паши, английского офицера на турецкой службе, вошла в связь с крепостью и усилила гарнизон ее двумя батальонами. Все эти передвижения делались не с целью заставить нас снять осаду, что маршал С.-Арно считал предприятием, полным случайностей и опасности, а лишь чтобы отвлечь наше внимание и оказать гарнизону моральную и материальную поддержку⁷⁸. В самой крепости, воспрявшей духом, работы шли полным ходом. Турки для того, чтобы приостановить нашу атаку против Песчаного укрепления, приступили к целому ряду контрапрошных работ, влиянию которых они и приписали приостановку нашей атаки против этого укрепления, в действительности вызванной вышеприведенным предписанием князя Варшавского. Редут в Араб-Табии был совершенно закончен, и турки начали устройство второго ретраншаменты позади Арабского форта, так что даже после взятия этого форта мы не могли бы, по словам полковника Диё, начать атаку главной ограды, а должны были бы атаковать этот новый ретраншамент⁷⁹. Но гарнизон Силистрии продолжал сильно страдать от огня наших батарей с левого берега реки, которые анфилировали всю восточную половину крепостной ограды и передовых фортов⁸⁰.

Турки, которые, по словам подполковника Тотлебена⁸¹, начали немного зазнаваться, с 1 июня ежедневно производили вылазки

Содержание на понтонах русских пленных

против той или другой части осадных работ, но всегда были с успехом отбиваемы, и работы шли своим порядком. На ночь бульшая часть неприятельского гарнизона выводилась из крепости и располагалась ближе к передовым фортам в ожидании нашей атаки.

4 июня нами был за венчанием контрэскарпа Арабского форта устроен траншейный кавальер для действия по внутренности неприятельского укрепления, а на следующий день минные галереи были закончены и кавальер доведен до должной высоты, так что открывал внутренность неприятельского укрепления. В половине шестого вечера 7 июня нами были взорваны мины, заложенные под бруствер Араб-Табии. Вслед за взрывом был открыт огонь со всех наших батарей, устроенных в траншеях, на левом берегу Дуная и на островах; огонь продолжался полтора часа и заставил замолчать неприятельские батареи. Взрывом была обрушена значительная часть бруствера, доставившая возможным нашим батареям левого фланга действовать по внутренности неприятельского укрепления. На рассвете этот обвал был занят нашими войсками и коронован турами.

У союзников, несмотря на победные донесения из Силистрии, положение этой крепости все-таки вызывало серьезные опасения. С.-Арно полагал, что она должна будет пасть в самом скором времени, если союзные войска не будут в состоянии своевременно двинуться вперед. Омер-паша предполагал, с целью оттянуть падение Силистрии, начать наступление против русской армии с сильным отрядом, но не для атаки нас, что признавалось рискованным, а лишь с целью демонстрировать свою решимость и, отвлекая внимание князя Горчакова, облегчить положение крепости. Однако турецкий генералиссимус опасался пододвинуться близко к Силистрии только со своими войсками и просил даже при этом демонстративном движении поддержки у союзников, которые должны были

выдвинуть свой отряд к Базарджику и этим обеспечить поддержку правого фланга турок. Маршалу С.-Арно нельзя уже было более утешать своего турецкого товарища той «моральной» поддержкой, которая ему оказывалась до того времени сосредоточением союзных авангардов в Варне, и он решил выдвинуть к Базарджику дивизию Канробера⁸². Но Омер-паша, получив сведение, что русская армия под Силистрией достигает 70 000, признал задуманную демонстрацию рискованной, решил ограничиться лишь действием высланных уже вперед отрядов, и движение дивизии Канробера к Базарджику было отменено⁸³.

Высланные к Силистрии из-под Шумлы неприятельские отряды искусно пользовались отсутствием осады крепости и продолжали снабжать ее продовольствием и подкреплениями.

Турецкий генералиссимус уже после снятия осады сообщал маршалу С.-Арно, что принятый им способ беспокоить русскую армию под Силистрией высылкой летучих отрядов из 3—4 кавалерийских полков с артиллерией и несколькими батальонами дал отличные результаты и подкрепления в крепость проходили, не будучи ни разу атакованы русскими войсками⁸⁴.

Необходимость полной осады создавалась в нашей главной квартире все более и более, но к этой необходимой мере у нас не решались приступить и после сдачи Паскевичем командования армией. Принимались лишь полумеры в виде высылки на дорогу из Шумлы в Силистрию особых отрядов, которые, стесненные подробными инструкциями и связанные в своих действиях, не могли прекратить сообщения крепости с Шумлой.

Кроме отряда генерала Хрулева, выдвинутого, как известно, к верховью Алмалуйского оврага, 1 июня был сформирован особый отряд генерала Павлова силой в 14 бат., 16 эск., 5 сот. и 38 ор., которому было приказано расположиться у д. Калапетри, поддерживать связь с отрядом генерала Хрулева, наблюдать все пути от Шумлы и стараться отрезать транспорты, идущие к Силистрии. Но турки, выставив западнее отряда генерала Павлова заслоны, продолжали под их прикрытием свободно сообщаться с крепостью.

В настоящее время является непонятным и странным, каким образом возможно было допустить, что 16 эскадронов и 5 сотен, опиравшиеся у Калапетри на 14 батальонов и 38 орудий, могли допустить свободное сообщение турок с крепостью? Обстоятельство это можно объяснить отсутствием широкого размаха в кавалерийской разведке и в направлении ее на юг, а не на запад; любимым местом высылки наших разведов было с. Афлотор, как будто бы к югу, а в особенности к западу от него кончался весь мир. Хотя обучение нашей кавалерии тех времен и было более направлено к нанесению ударов массой, а полевая служба была вообще в упадке, но трудно предположить, чтобы здравый смысл не указал необходимости рас-

ширить зону разведки и наблюдения. Полагаем, что причину такого явления следует искать в другом. Страх Паскевича перед ожидаемым наступлением всей союзной армии из Шумлы был так велик, так открыто выказывался и постоянно напоминался, что им были заигноризированы чуть ли не все военачальники, которые обращали исключительное внимание на то, как бы не пропустить наступающих союзников турок и не быть разбитыми отдельно, а до остального им было мало дела. Если прибавить к этому страх, который все военачальники, не исключая и князя Горчакова, питали к грозному фельдмаршалу, и строгую кару, грозившую с его стороны за самостоятельное решение, то картина будет ясна. Чтобы не быть голословным, приведем следующую выдержку из журнала военных действий: «2 июня в семь часов вечера против отряда генерал-лейтенанта Павлова показались две кавалерийские колонны. Отряд немедленно стал в ружье; колонны отошли в крепость». И только! Отряд силой почти в дивизию пехоты и дивизию кавалерии, высланный разведывать и отрезать транспорты, при виде кавалерийских колонн думает лишь об обороне, а между тем под прикрытием этих колонн турки провезли в крепость запасы и подкрепления. Конвоировали эти запасы всего три батальона и два кавалерийских полка⁸⁵.

3 июня отряд генерала Павлова был возвращен в главный лагерь, не принеся никакой пользы. Но так как в главной квартире были получены сведения о передвижении войск между Силистрией и Рушуком, то в этот же день был сформирован новый отряд, под начальством князя Бебутова, силой в 10 бат., 16 эск., 1 полка казаков и 32 ор., который предназначался для прекращения сообщений между Силистрией, Рушуком и Шумлой. Князь Бебутов был снабжен предписанием князя Горчакова в обычном духе, связывавшем осмысленное решение задачи и namного умахавшем пользу предпринятой меры. В предписаниях князя Горчакова не было, как уже неоднократно говорилось, краткого изложения обстановки и задачи, а было видно старание все предусмотреть и издали руководить отрядом во всех мелочах. Так и в данном случае князю Бебутову указывалось 4-го числа выступить на Калапетри, переночевать у Войдемира или где-либо поблизости и на следующий день направиться через Казымир к Бобуку, впереди которого оставаться до получения приказа. Отряду было предписано бдительно наблюдать за происходившим вокруг крепости, разведывать и заблаговременно открывать следование войск и транспортов со стороны Шумлы, причем разрешалось атаковать незначительные части противника и не вдаваться в бой с превосходящими силами. Это последнее предостережение проходило красной нитью по всему предписанию и должно было связать руки исполнителю. Князь Горчаков рекомендовал даже избегать частных схваток, в особенности кавалерийских, и держать этот род оружия за второй линией пехоты⁸⁶.

Союзники на Балтийском побережье

Трудно было при таких условиях раскрыть и помешать сообщению Омера-паши с крепостью, которое этот последний организовал как будто нарочно способом, парализовавшим активные действия князя Бебутова. Но Бебутов не побоялся атаковать встреченные у Бабу и Войдемира турецкие отряды и этим временно прекратил сообщение крепости с войсками Омера-паши.

В то время как осадные работы против Араб-Табии приближались понемногу к концу, главные руководители наших операций на Дунае переживали смутное время нерешительности относительно того, как быть дальше с Силистрией. Давно готовое в голове фельдмаршала решение снять осаду не могло быть легко приведено в исполнение ввиду категорически высказанной воли государя, и теперь к выполнению этого решения приходилось подходить с другой стороны. Начался период советов, высказываний и собирания мнений относительно дальнейших действий под Силистрией, чтобы на них уже основать новое представление государю о необходимости отвести армию за Дунай. В течение мая случилось как-то так, что одновременно с личным письмом Паскевича государю князь Горчаков писал по тому же предмету подробное письмо военному министру, вполне солидарное со взглядами фельдмаршала, а этот последний присовокуплял в своем письме государю, что вполне разделяет взгляды Горчакова. Таким образом давление на государя шло уже с двух сторон. Однако и это не воздействовало. Князь Варшавский пожелал узнать мнение, продолжать ли осаду Силистрии, и от генерал-адъютанта Лидерса. Было ли это следствием растерянности старого фельдмаршала, вызванной неуспешными действиями, или же Паскевич предполагал подтвердить свои доводы перед государем и мнени-

ем такого авторитетного лица, как Лидерс, — сказать трудно. Генерал Лидерс решительно высказался против снятия осады, находя это во всех отношениях невыгодным. «Употребив более двадцати дней для осадных работ, — писал он, — и понеся уже довольно значительную потерю, прискорбно было бы не извлечь из сего никакого результата». Так как для завладения Арабским фортом оставалось сделать немного усилий, то Лидерс полагал, что дальнейшая атака главной ограды не займет так много времени. Он считал достаточным одной дивизии для продолжения осады и полагал, что мы смело можем встретить армию Омера-паши или же своевременно, при надлежащем разведывании, отступить, если бы против нас наступали превосходящие силы всей коалиции. «В настоящее же время, — кончал генерал Лидерс свою записку, — остальные наши силы настолько внушительны, что, пользуясь бездействием неприятеля, можно принять самые решительные меры к ускорению осады, имея тем более в виду усиливающуюся сложность политических обстоятельств»⁸⁷.

Эта записка не произвела впечатления в главной квартире, и 30 мая Горчаков писал военному министру письмо, полное самых мрачных мыслей.

Автор письма находил, что дела под Силистрией идут плохо. Турки, окрыленные успехом, оспаривают шаг за шагом нашу атаку на форты Арабский и Песчаный. Кроме того, в складках местности близ этих фортов держатся всегда наготове 7000—8000 войск, которых атаковать нам нельзя даже в случае занятия Араб-Табии, так как наши войска попадут под перекрестный огонь соседних фортов и вновь устроенных турками укреплений второй линии. Это, по словам Горчакова, заставляло нас приближаться к крепости весьма медленно (*pour ainsi dire a pas de taure*). Но такой медленной атаке должно было помешать наступление 120 000 союзников турок, которое князь Горчаков ожидал не позднее как через две недели. Он полагал, что маршал С.-Арно будет наступать двумя потоками: из Шумлы для атаки нашей армии и через Базарджик, чтобы отрезать нас от мостов. Такое положение вещей, кончал князь Михаил Дмитриевич, заставляет сильно призадуматься⁸⁸.

На следующий день князь Горчаков занялся более определенным изложением военному министру положения вещей и своих мыслей о дальнейших действиях. 1 июня фельдъегерь повез в Петербург целую серию внушительных представлений. Здесь были всеподданнейшие письма Паскевича и Горчакова, записка этого последнего и частное его письмо к военному министру.

Заверяя государя по случаю нового своего вступления в командование войсками в чувстве самоотверженности армии, с которым она ожидала предстоявшую ей борьбу, князь Горчаков присовокуплял, что обстоятельства этой борьбы в высшей степени важны,

и мысли свои, как поступить в данных обстоятельствах, он повергал через военного министра на усмотрение государя⁸⁹.

В своей записке князь Михаил Дмитриевич исходил из того фальшивого предположения, что союзники турок предполагают в самом непродолжительном времени двинуть против нас от Шумлы 120 000 — 150 000 человек, которым мы можем противопоставить лишь 70 батальонов и 68 эскадронов. Указывая далее на незначительность выгод, которые нам предоставит взятие крепости, а именно отвлечение этим союзников от всяких предприятий при помощи десантов, чему государь, кстати, еще не верил, и воздействие на христианские племена, что, как в то время уже выяснилось, не могло заставить их взяться за оружие, автор переходил к изложению своего плана дальнейших действий. Он сводился к продолжению осады Силистрии до тех пор, пока не будет получено положительного сведения о том, что очень большие неприятельские силы идут на нас; в таком случае он полагал снять осаду и приготовиться к действию в поле. Если неприятель пойдет на нас вразброд, то бить его по частям и потом вновь осадить Силистрию; но если бы союзники «совокупно и благоразумно» вознамеривались нас атаковать превосходящими силами, то перейти на левый берег реки и отражать все попытки противника к переправе. Когда же неприятель будет ослаблен подобными действиями, то снова перейти в наступление, взять Силистрию и Рушук и зимовать в западной Болгарии. Князь Горчаков полагал, что тогда наш успех над союзниками воздействует на славян и восстание их разовьется с большей силой, совершенно забывая, что несколькими строками выше он писал, что славянские племена «вовсе не показывают готовности серьезно взяться за оружие». Наконец, в случае войны и с Австрией князь Михаил Дмитриевич полагал перейти на левый берег Дуная и отбиваться во все стороны двумя или тремя потоками, а где невозможно будет одолеть врага, там с честью умереть⁹⁰.

Этот план, в котором на снятие осады Силистрии и на переход армии на левый берег реки указывалось как на крайнее средство, когда обстановка сделает для нас невозможным дальнейшую атаку крепости, вполне соответствовал, как мы знаем, и взглядам государя; немудрено поэтому, что император Николай на нем написал: «Я совершенно согласен на этот план, близкий к моему начертанию». Но к записке было приложено частное письмо князя Горчакова к военному министру, общий тон которого несколько расходился с запиской, и в нем сильно проглядывало тяготение автора на левый берег Дуная⁹¹.

Одновременно с князем Горчаковым писал в Петербург и князь Варшавский. «Совершенно разделяя мнение» князя Михаила Дмитриевича, Паскевич выражал государю свое убеждение, что при наступлении неприятеля в превосходящих и соединенных силах было

Сдача английской барки у Гамбе-Карлебю

бы для нас пагубно принять сражение на правом берегу реки. «А между тем, — присовокуплял Паскевич, — князь Горчаков не смеет перейти реку, даже когда это будет совершенно необходимо для спасения армии. Может быть, еще время будет дать ему сие разрешение, если то благоугодно Вашему Императорскому Величеству»⁹².

В тот же самый день государь писал князю Варшавскому. Император Николай находился в тревожном настроении. Только что полученные известия о несчастном деле Карамзина и Сельванском штурме, а также о сделанном Австрией предложении по отводу войск из княжеств посодействовали фельдмаршалу получить наконец от государя условное разрешение снять осаду Силистрии, о котором вслед за этим так сожалел император Николай и которым поспешил воспользоваться фельдмаршал, не без основания боясь могущей быть отмены.

«Австрия принимает решительно враждебные меры, — писал государь⁹³, — и доселе удерживается только еще отказом короля Прусского на предложение нам безусловных уступок. Он требует, чтобы были взаимные предложения и противникам нашим.

Итак, настало время готовиться бороться уже не с турками и их союзниками, но обратить все наши усилия против вероломной Австрии и горько наказать за бесстыдную неблагодарность. Сейчас получил донесение, что австрийцы будут готовы не раньше 1/13 июля...

Ежели до получения сего письма Силистрия не будет еще взята или совершенно нельзя будет определить, когда взята будет, думаю, что осторожность требует снять осаду...»

Государь предполагал в таком случае оставить против Силистрии, на левом берегу реки, для охранения нашего тыла и фланга генерала Лидерса с полутора дивизиями пехоты и необходимой кавалерией, а остальные войска сосредоточить на левом берегу реки, выше Силистрии, где и ожидать дальнейших событий. «Ежели война с австрийцами будет неизбежна, — писал государь, — ты в совокупности сил своих найдешь возможность и случай приобрести новую неувядаемую славу, горько наказав вероломных и неблагодарных подлецов».

Свое письмо государь кончал успокоением Паскевича насчет союзников, положение которых не позволяло им скоро появиться на берегах Дуная⁹⁴.

На условное согласие императора Николая снять осаду Силистрии воздействовала, таким образом, исключительно решительная угроза Австрии и желание обратить всю силу своего оружия против этого коварного облагодетельствованного врага. И уже в следующем своем письме государь поставил предел данному им условному согласию. «Снять осаду, — писал он, — будет нужно, думаю, ежели не будет уже никакой надежды скоро овладеть, а неприятель будет близок и в силах»⁹⁵. В этом же письме государь настойчиво указывал Паскевичу уехать лечиться подальше от армии, в Киев или Гомель, находя, что «нет удобства больным оставаться среди военных действий и озабоченным всем, что происходит»⁹⁶.

Но участь Силистрии, как и следовало ожидать, была решена фельдмаршалом до получения последнего письма императора Николая.

Наши осадные работы против Араб-Табии дошли после взрыва мин 7-го числа до своего предела. Оставалось приступить к финальному акту осады — занятию укрепления открытой силой. Это было тем более необходимо, что турки почти что не держали войск в самом форте, а сосредоточили большие массы резервов вблизи, за складками местности. Атака открытой силой Араб-Табии и Песчаного в принципе и была решена, но, к несчастью, 7-е число пришлось на понедельник, и атаку решили отложить на ночь с 8 на 9 июня⁹⁷.

На этот раз приготовления к штурму были сделаны во всех подробностях и успех дела был по мере сил обеспечен.

Песчаный форт должен был атаковать генерал Заливкин с Забалканским полком, имея в частном резерве Брянский егерский полк; Араб-Табия — генерал Веселитский с Замосцьским полком, имея в частном резерве Люблинский егерский полк. Траншеи в промежутке между обоими фортами предназначался атаковать Камчатский полк. В общий резерв назначались Полтавский, Пражский и Егерский

князя Варшавского полки. Общее начальство над всеми войсками, предназначенными для атаки, вверялось генералу Бельгарду.

К каждой атакующей колонне присоединялись саперы и по взводу стрелков для приспособления к обороне и занятия взятых неприятельских укреплений, а также команды охотников, вызванных из полков, предназначенных для атаки.

Войскам надлежало прибыть на сборные пункты к часу пополудни и начать атаку на рассвете по сигналу, данному с одной из батарей букетом ракет. По этому сигналу Забалканский полк атакует Песчаное укрепление с фронта и тыла, Камчатский — промежуточные траншеи, после чего, взойдя на гору, заходит правым плечом, чтобы взять в тыл Арабское укрепление, которое с фронта атакует Замосцкий полк. По овладении этими укреплениями войска останавливаются и стараются в них укрепиться.

Полки, предназначенные для атаки, принимают следующее построение: впереди охотники с лестницами, непосредственно за ними один батальон в ротных колоннах, причем две роты идут впереди, а другие две поддерживают их; за ними в частном резерве — второй батальон, за которым в общем полковом резерве остальные два батальона в полувзводных колоннах из середины.

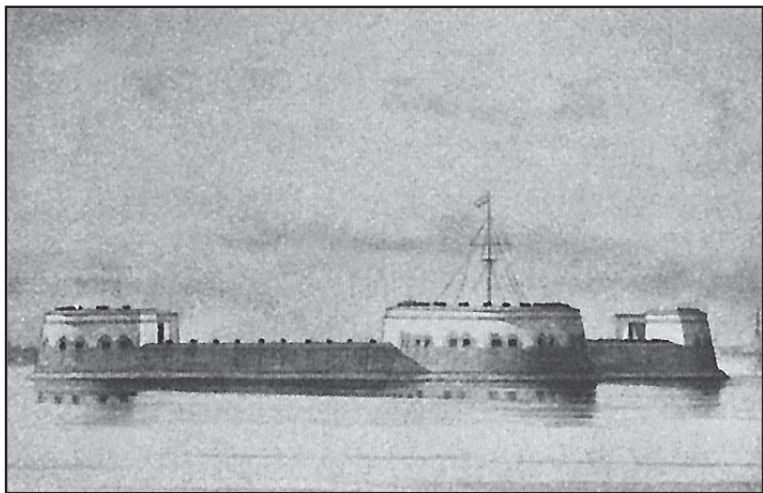
Начальникам приказано было собрать офицеров и дать им подробные словесные указания. Войскам действовать холодным оружием и отнюдь не стрелять; на «ура» бросаться не далее как с 50 шагов. Следовало избегать слишком большого скопления войск на атакованных пунктах, поэтому частные резервы должны были следовать на расстоянии 200 шагов, а полки второй линии вводить в дело лишь в крайности. Люди были предупреждены, что так как укрепления решено взять во что бы то ни стало, то сигнала «отбой» не будет и ему не верить.

Для отвлечения внимания неприятеля должны были одновременно с атакой, т. е. на рассвете, начать демонстративное наступление также отряды генералов Хрулева и князя Бебутова, первый — по долине между Араб-Табией и Абдул-Меджидом и второй — против этого последнего. Кроме того, генерал Хрулев должен был ночью выстроить и вооружить на левом фланге атаки батарею на 12 орудий для обстреливания тыла ложементов и резервов, расположенных в овраге за Араб-Табией.

В течение 8 июня атака должна быть подготовленной действиями всех наших батарей, для чего в траншеи вновь было ввезено несколько осадных орудий⁹⁸.

Однако на этот раз штурму не суждено было состояться. Генерал-адъютант Коцебу описывает в своем дневнике день, предшествовавший штурму, следующим образом⁹⁹:

«8 июня. У нас много работы с приготовлениями к атаке. Все в хорошем расположении духа и полны надежд. Диспозиция хоро-

Форт Петра I в Кронштадте

шо составлена, и сомневаться в удаче нельзя. Помолившись, я в девять часов поехал в траншеи, чтобы там провести ночь. Горчаков был там же; он был сильно озабочен и был единственный в армии, который сомневался в успехе. В час войска должны были начать движение с тем, чтобы с рассветом начать атаку. Мы немного прилегли в палатке Бельгарда, но заснуть не могли. Вдруг слышен шум. Прибыл адъютант фельдмаршала с бумагами — приказом снять осаду крепости и отступить за Дунай! Значит, судьба положила иначе. Фельдмаршал убежден, что Австрия нам объявит войну и атакует нас с тыла. Призрак, который парализует наши действия».

Войскам разосланы были приказания вернуться в лагерь. Надо было видеть, пишет один из очевидцев¹⁰⁰, и слышать в ту минуту солдат. Явное негодование за обманутые надежды громко высказывалось в их рядах.

Чем же было вызвано такое экстренное приказание о снятии осады? 6 июня фельдмаршал получил письмо государя от 1 июня с условным согласием на снятие осады и в ту же минуту отправил со своим адъютантом, графом Протасовым, следующее предписание князю Горчакову¹⁰¹:

«Государь Император в собственноручном письме от 1 (13) июня, в копии при сем для вашего собственного сведения прилагаемом, Высочайше разрешить соизволил снять осаду Силистрии, ежели до получения письма Силистрия *не будет еще взята*¹⁰² или совершенно нельзя будет определить, когда взята будет.

А как по донесениям вашим видно, что Силистрия еще не взята и времени, когда она взята будет, совершенно определить невозможно; как притом, по сведениям на месте полученным, можно с достоверностью полагать, что австрийцы будут готовы начать действия между 1 и 4 июля нового стиля, следовательно, восемью днями ранее; как между тем французы и англичане, соединясь с турками, могут, по вашим сведениям, в числе 100 тысяч прийти на помощь Силистрии; как при сих обстоятельствах вы сами в письме к военному министру признаете необходимым снять осаду Силистрии, то, по всем сим соображениям, я со своей стороны решительно полагаю осаду Силистрии, не теряя времени, снять, а войска наши перевести на левый берег Дуная».

Предписание знаменательное, которое показывает, что князь Варшавский ясно понял, предпринимая столь важное решение, что условное согласие государя надо надлежащим образом мотивировать, и большая часть этих мотивов легла на послушную голову князя Горчакова. Невольно вспоминаются при этом справедливые, но, к сожалению, запоздавшие слова позднейшего письма государя, в котором он рекомендовал фельдмаршалу уехать лечиться в Киев или Гомель, находя, что «нет удобства больным оставаться среди военных действий».

Как само предписание, так и обстановка, в которой оно было получено, давали возможность начальнику решительному, верившему в пользу того, что он предпринимает, довести дело до конца. Но весь склад характера князя Горчакова и полное его подчинение воле Паскевича делали такую решительность невозможной, и фельдмаршал мог быть уверенным в неуосуществлении исполнении его предписания. «Наши желания исполняются, любезный и почтенный князь Михайло Дмитриевич, — писал фельдмаршал в частной записке князю Горчакову¹⁰³. — Дай Бог, чтобы в это время вас не застала атака от турок, французов и прочих. Кажется, что дела поправляются». Князь Горчаков отменил штурм, желая избежать напрасного пролития крови и не имея возможности точно определить время падения крепости¹⁰⁴.

Так сложились события, которые заставили отменить начинавшийся уже штурм турецких фортов. Случайное обстоятельство — понедельник, приходившийся на 7 июня, дал время прийти роковому предписанию фельдмаршала до утверждения наших знамен на Араб-Табии. А кто знает, может быть, этот успех окрылил бы духом решимости князя Горчакова, и он, может быть, совершенно иначе взглянул бы на повеление князя Варшавского. Обладание же Силистрией могло перевернуть весь ход кампании, отвлекая внимание союзников от Крымских берегов на берега Дуная и заставив Австрию перенести центр тяжести своих корыстных вожделений от соглашения с западными державами на соглашение с Россией.

Ведь наступление стотысячной союзной армии являлось только следствием болезненного воображения фельдмаршала, а в действительности ввиду полной неготовности англо-французов инициатива и в этот период кампании по-прежнему, как было и в марте, оставалась в наших руках. Вместо ожидаемого князем Горчаковым наступления к Силистрии 100 тысяч союзников только один Омер-паша предполагал двинуть туда 12 июня 6 $\frac{1}{2}$ батальона, 4 кавалерийских полка и 3 батареи¹⁰⁵.

«Горько отступать перед неприятелем, — всеподданнейше доносил князь Горчаков, начиная отход за Дунай¹⁰⁶, — которого войска ваши с толикою радостью встретили бы в поле. Надеюсь, что эта тяжкая операция исполнится благополучно. Европейцы навряд ли поспеют, чтобы ей помешать, но опасюсь, что Омер-паша придет — не прямо на меня, а к Силистрии и выждет для атаки то время, когда у меня будет на правом берегу Дуная один арьергард. Уповаю на Бога; Он будет нам покровительствовать в столь правом деле вашем и накажет неистовых врагов ваших, особенно австрийского императора, о гнусной неблагодарности которого не могу мыслить, не чувствуя волнения в крови».

Князь Варшавский ограничился лишь сухим донесением об исполнении Высочайшего повеления о снятии осады, но в своем письме военному министру выражал искреннее удовольствие, что повеление об отходе от Силистрии пришло до штурма и этим было предупреждено бесцельное пролитие крови¹⁰⁷.

На государя описываемые события произвели тяжелое впечатление. «Нельзя не жалеть о снятии осады Силистрии, сколь она не вынуждена была замыслами Австрии, — писал государь Паскевичу¹⁰⁸. — Последствия будут весьма неприятны, подняв дух турок, уронив дух наших, напрасно истративших столько храбрости и трудов. Да притом, и что главное, развязав руки союзникам — опять обратиться к исполнению своих высадок, в особенности в Крыму, куда, вероятно, все их усилия теперь обратятся». Государь как бы предчувствовал главного виновника неудачной операции против Силистрии и потому еще раз настойчиво советовал князю Варшавскому временно удалиться из армии с целью восстановления своего здоровья. «В теперешнем твоем положении, — писал император Николай, — ты сам себе вредишь, а пользы для дел не вижу, ибо на коня сесть не можешь, да притом и сдал команду Горчакову. Надо ему дать полную свободу и ответственность всех распоряжений, иначе боюсь запутанности и недоразумений, крайне опасных в столь трудных обстоятельствах».

В письме от 19 июня государь опять касается жгучего вопроса о нашем отступлении. «Итак, да будет воля Божия, — писал он фельдмаршалу¹⁰⁹. — Осада Силистрии снята. Крайне опасюсь, чтоб дух

в войсках не упал, видя, что все усилия, труды и жертвы были тщетны и что мы идем *назад*¹¹⁰, а зачем? — и выговорить не смеем. Надо, чтобы Горчаков и все начальники хорошо растолковали войскам, что мы только временно отступаем, дабы обезопаситься от злых умыслов наших соседей. Это слишком важно».

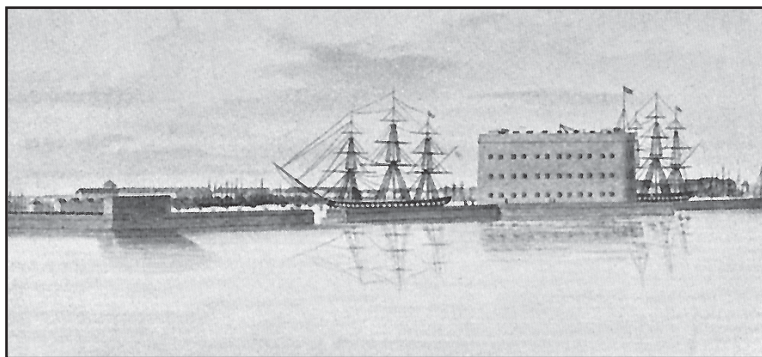
В письме к князю Горчакову государь категорически указывал на главного виновника свершившегося события: «Сколько мне грустно и больно, любезный Горчаков, — писал государь¹¹¹, — что мне надо было согласиться на настоятельные доводы князя Ивана Федоровича об опасности, угрожающей армии от вероломства спасенной нами Австрии, и, сняв осаду Силистрии, возвратиться за Дунай, истоща тщетно столько трудов и потеряв бесплодно столько храбрых — все это мне тебе описывать незачем; суди об этом по себе!!! — Но как мне не согласиться с князем Иваном Федоровичем, когда стоит взглянуть на карту, чтобы убедиться в справедливости нам угрожавшего. Ныне эта опасность меньше, ибо ты расположен так, что дерзость Австрии ты можешь жестоко наказать, где бы они ни сунулись... Не этого опасаясь; боюсь только, чтоб это отступление не уронило духа в войсках... Скажи всем, что я их усердием, храбростью и терпением вполне доволен и что уверен, что строгим сохранением порядка будут опять готовы на славу, когда время настанет».

В предвидении войны с Австрией государь решил усилить войска, расположенные в Царстве Польском, до таких размеров, чтобы в поле можно было выдвинуть 6 дивизий. Они должны были стать правым флангом к Висле и, прикрыв фронт свой Замостьем, выжидать удобной минуты быстро броситься на Лемберг, на коммуникационную линию войск, двинутых на Вольнь.

Кроме опасения австрийцев государь высказывал свое опасение также за Крым и Анапу, видя в этом одно из важных последствий нашего отхода за Дунай.

«Но чтобы был успех, — кончал император Николай свое длинное письмо Горчакову, — нужно не дробиться чересчур и нужно *единоначалие*¹¹². Князь Иван Федорович сдал тебе команду, итак, действуй *сам, решительно* и с полной развязкой и ответственностью. Мое доверие к тебе, как и всегда было, *полное*. Тебе, может быть, суждено providением положить начало торжеству России...»

27 июня Россия читала о совершившемся событии в «Московских ведомостях» следующее объявление: «По общему ходу обстоятельств генерал-фельдмаршал князь Варшавский, не признавая нужным продолжать осаду Силистрии, предписал князю Горчакову находящиеся под его начальством войска сосредоточить в Придунайских княжествах. В исполнение сего предписания осада Силистрии снята 14 июня, и осадный корпус переправился на левый берег Дуная в совершенном порядке, не понеся ни малейшей потери. Турки не осмелились даже следить за нашим арьергардом».

Форт князя Меншикова в Кронштадте

Известие это произвело ошеломляющее впечатление во всей России, впечатление, которое еще более увеличивалось неопределенностью самого объявления. Гордость народная была возмущена до глубины души, и главное тем, что наше отступление не вызывалось проигранным сражением или вообще несчастным ходом боевых операций, а лишь непонятными народу политическими соображениями, в которых все видели необъяснимую уступчивость Австрии. Общество, и в особенности Москва, было до того взволновано, что, казалось, достаточно было одного мановения царя, чтобы повторился 12-й год, направленный всей мощью гнева великого народа против коварного, неблагодарного и скрытого врага.

Киреевский, приглашая своего друга Веневитинова приехать в Москву, писал ему: «Особенно теперь пора оставить Петербург с его холерным воздухом и нерусским духом, дрожащим от австрийского кулака. Цыгарка испугала медведя. Здесь почти все сословия доходят до отчаяния известиями о наших уступках, а у вас, говорят, не скрываясь, боятся войны и просят мира. Если правда, то можно ли оставаться здоровым в таком воздухе, который так здоров для немцев»¹¹³.

Шевырев же, прочитав объявление в «Московских ведомостях», писал Погодину: «Признаюсь, прочитав известие нынешнее, я так упал духом, что никуда не хочется ехать. Что же? Крест Мачинский будет сорван, и луна на его место. Австрия нам приказывает! Грустно! Лучше молиться Богу и сидеть дома! В день Полтавской победы Москва читала это известие»¹¹⁴.

М. П. Погодин в это время, когда душа каждого русского патриота была возмущена поведением облагодетельствованных нами союзников турок, хотел своим живым словом направить русскую политику на тот путь, который он считал наиболее правильным.

Некоторые из его политических записок докладывались государю, который внимательно их прочитывал. Летом 1854 года государю были представлены две записки¹¹⁵. «Мы увидели, — писал Погодин в первой из них, — что наш прежний образ действий не принес нам никакой пользы со стороны правительств и только навлек одни подозрения и возбудил против нас ненависть народов, так что мы получили в чужом пиру похмелье. Мы объявим, что оставляем Европу в покое и не хотим более принимать никакого участия в ее делах, в делах государств европейских, близких и дальних. Пусть они живут как знают и поступают как угодно». («Так», — пометил государь.) Такой мерой Погодин считал возможным обратить общественное мнение Европы на нашу сторону и примирить с нами половину наших «франных врагов». Далее автор указывал на наших естественных союзников — славян, в особенности болгар, видя в них уже *готового*¹¹⁶ союзника. Император Николай, как известно, в то время не разделял уже радужных мечтаний горячего сердца Погодина.

В заключение записки Погодин рисовал государю тот подъем духа, который всколыхнул всю широкую Русь. «Мы должны благодарить Бога, — писал он, — что тяжесть упала у нас на крепкие плечи! И есть кому их поддерживать и помогать! Смотрите — по всему Царству какой несется дух, от Петербурга до Якутска и от Архангельска до Тифлиса. Как будто чувствует сердце у всякого русского человека, что великое совершается дело, что грозное наступает время, что приходится святой Руси сослужить великую службу. И чудные совершаются дела... Посмотрите — как следуют солдаты по всем трактам! Как встречают и провожают их везде обыватели, в городах и селах. Ведь это триумфальное шествие! С какой быстротой производятся рекрутские наборы! Сколько везде является охотников! Это, говорят, на дело! Демидов предоставляет все свое имение, 20 миллионов рублей, Яковлев — пять. Юсупов снаряжает два батальона. Карамзин становится сам в ряды. Долгорукий спешит с фельдшерским ланцетом. Свистунов из статских генералов идет в военные офицеры. Блудов посылает сына. Студенты во всех университетах готовы хоть поголовно. Профессора расстаются с детьми. Архиереи, священники — во всяком видишь, кажется, Пересвета или Ослябю. Купцы жертвуют своими капиталами; бедняки несут свои лепты. Уголовный преступник в Сибири — и тот готов переродиться и совершить подвиг... О, русский человек! Сладко чувствовать, сознавать себя русским в такие минуты!»

Такова была записка, может быть, несколько увлекающегося Погодина, в конце которой он свидетельствовал, что современное состояние русского общества было «несравненно выше, чище, горячее и единодушнее», чем в 1812 году.

В Европе известие об удалении наших войск от Силистрии также произвело весьма сильное впечатление. Кроме бульварных

Адмирал Непир

лишков, никто, разумеется, не приписал этого факта слабости нашей армии, и все видели в нем вынужденный политический ход, который должен был повлечь за собой великие события. Многие хотели видеть в этом признак наступавшего мира, так как заступление западных держав за Турцию теряло всякий смысл; другие же сознавали, что Англия и Франция не для того потратили столько средств для отправления своих армий в Варну, чтобы сейчас же увозить их обратно, искали нового объекта действий и ука-

зывали на Крым. Как на главную виновницу происшедшего все указывали на Австрию, которая уже заключила договор с Турцией о занятии Валахии, и движение ее войск туда должно было повести к вооруженному столкновению наших войск с австрийцами. «Это событие, — писал Кинглаке¹¹⁷, — оставит свой след в истории, так как неудача под Силистрией положила предел всем проектам овладения европейскими провинциями Турции».

Император Наполеон, которого во всем восточном предприятии более всего интересовала слава и блеск его оружия, был недоволен маршалом С.-Арно, который упустил случай сбросить русских в Дунай; он считал необходимым сделать со своей армией что-нибудь, нанести до окончания кампании какой-нибудь удар и указал на выбор два объекта действий — Анапу и Крым¹¹⁸.

Что касается главнокомандующего союзной армией маршала С.-Арно, то неожиданный наш шаг вызвал в нем растерянность и недоумение. Он отказывался допустить даже возможность, что причина снятия осады заключалась в упорной обороне доблестного гарнизона этой крепости, так как русская армия отступила, по его словам, почти накануне падения Силистрии, и Омер-паша в минуту нашего отступления сообщил генералу Канроберу, что в виду выдвинутого для осады крепости отряда (князя Бебутова) он отказывается от наступательного к ней движения даже при поддержке французской и английской дивизий. «Неужели, — сообщает С.-Арно военному министру¹¹⁹, — прибытие союзных армий в Варну и австрийские демонстрации были достаточны для того, чтобы решить отступление русских? Без сомнения, это не осталось без влияния, но ведь неприятель день за днем следил за нашим сосредоточением и должен был знать, что Силистрия падет до нашего прибытия. Его отступление на левый берег было обеспечено со сторо-

ны Силистрии береговыми батареями, и, да позволено будет сказать, не было никакой *существенной*¹²⁰ военной необходимости, которая заставила бы неприятеля отступить так рано»¹²¹.

Приходилось видеть в этом или причину политическую — желание отвлечь Австрию от соглашения с союзниками — или же намерение русских быстро сосредоточить свои войска и ударить превосходящими силами против австрийцев¹²².

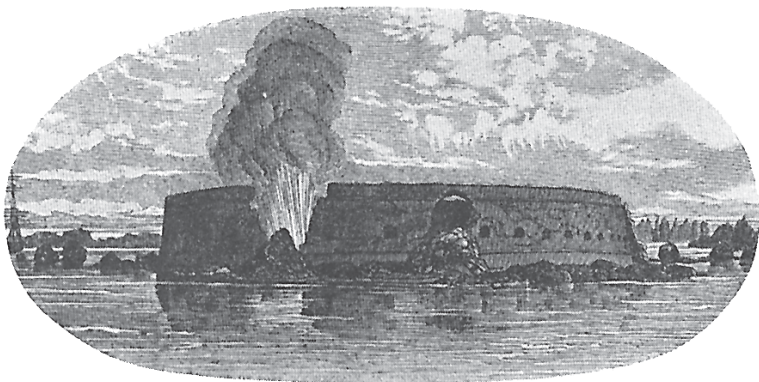
В силу полученного предписания снять осаду Силистрии, князю Горчакову предстояла трудная операция перехода через реку со всем осадным корпусом вблизи освобожденной крепости и летучих отрядов, высланных Омером-пашой для сообщения с Силистрией.

9 июня прошло в предварительных распоряжениях. В ночь на 10-е для обмана противника из передовых траншей были поведены две двойные сапы против неприятельской траншеи, соединявшей Арабское и Змеиное укрепления, и на оконечности одной из этих сап было выставлено несколько рядов туров. Тем временем из траншей мы вывезли 14 осадных и 14 полевых орудий. Неприятель выставленные туры принял за вновь возведенную батарею и днем стрелял по ним несколько часов сряду. В этот же день князь Бебутов произвел удачное нападение на отряд, прикрывавший турецкий транспорт, который направлялся береговой дорогой из Шумлы через Туртукай в Силистрию. Транспорту пройти не удалось, и он отступил на с. Даймушляр, а отряду князя Бебутова было приказано ночью перейти с позиции у с. Калапетри в лагерь главных сил.

В сумерки были сняты с батарей, устроенных в траншеях, остальные 35 полевых орудий и 15 полупудовых мортир, а ночью сняты осадные и морские орудия, находившиеся на батареях острова Малый Голый. Войска, построясь побатальонно сзади передовых траншей, отступили в лагерь, для прикрытия которого первая параллель была занята бригадой 15-й пехотной дивизии при 16 орудиях.

Турки, ничего не подозревая, продолжали всю ночь стрельбу по нашим передовым сапам и только в пять часов утра заметили, что там никого нет¹²³; тогда они нестройной толпой бросились в траншеи, но после выстрела из нашего левофлангового редута отступили в свои укрепления.

Днем 11-го числа началась переправа войск на правый берег реки как по мостам у Силистрии, так и по тем, которые были наведены у Гирлицы. 12-го с раннего утра приступили к разводке ближайших мостов, после чего оставшиеся войска отошли на укрепленную позицию при озере Гирлицы под прикрытием арьергарда генерала Хрулева в составе 15-й пехотной дивизии, 1 бригады 4-й легкой кавалерийской дивизии и казаков, с соответствующей артиллерией. Между тем несколько тысяч болгарских семей из соседних деревень,

Взрыв форта Роченсальм (английская иллюстрация)

узнав о нашем переходе через Дунай, двинулись к мостам со всем своим скарбом, прося разрешения переправиться с нашими войсками и тем избежать верной гибели. Это задержало отход нашего арьергарда, который начал переправу лишь к вечеру 13-го числа, прикрываясь заблаговременно оставленным в тет-де-поне батальоном Замосцьского полка и 4 орудиями 8-й легкой батареи 15-й артиллерийской бригады.

14-го числа утром, когда все наши войска переправились и большая часть моста была разведена, на горной дороге из Силистрии показалась турецкая кавалерия, часть которой бросилась на предмостное укрепление, выставив предварительно на позиции конную батарею. Но огонь нашей береговой батареи и канонерских лодок заставил турок быстро отойти назад и стать вне зоны выстрелов.

К девяти часам утра 14 июня последний мост был окончательно разведен, а плоты и суда, на которых были устроены мосты, начали спускать к Измаилу, под конвоем 3 батальонов и под прикрытием 2 пароходов и 11 канонерских лодок.

Кончилась, таким образом, силистрийская эпопея, стоившая нам 2500 человек выбывшими из строя убитыми и ранеными¹²⁴. Но неисчислимо больший вред она нам нанесла тем нравственным гнетом, который произвела во всей России и в армии бездействием в течение лучших трех месяцев кампании, начиная с 11 марта, когда мы до прихода и сосредоточения союзников были единственными хозяевами на театре войны, и перенесением войны в наши пределы с необходимостью отказаться от всяких активных выступлений. Печальный конец силистрийского сидения не дал возможности раскрыть карты нашему скрытому, а потому и наиболее опасному и коварному врагу — Австрии, которая вместо того, чтобы стать

открыто на сторону России или западных держав, продолжала искусно пользоваться нашим пагубным намерением сидеть на двух стульях и в течение двух последующих лет парализовала всю мощь России в борьбе с ее открытыми и более благородными врагами.

Свыше полу столетия отделяет нас от описываемых событий, но чувство горечи к свершившемуся и теперь наполняет сердца при воспоминании о прошедшем. Невольно ищешь виновных в том, что произошло, и прежде всего с чувством особого благоговения останавливаешься на незабвенной памяти императора Николая. Что должен был безвинно выстрадать этот государь-рыцарь за себя, за Россию и за дорогую ему армию. Сознывая всей силой своего разума и военного дарования необходимость энергичных действий, он встретил в этом такое противодействие в лице своего военного учителя и друга, которое в другую минуту, может быть, и заставило бы государя, как это неоднократно и бывало, подчинить свою волю мнению человека, которому он верил более, чем самому себе. Но в данном случае мысли князя Варшавского были настолько противоречивы вполне правильно оцененной императором Николаем политической и военной обстановке, что он впервые после 1828 года стеснил волю главнокомандующего и предписал Паскевичу выполнение своей воли о решительных действиях в такой форме, которая не допускала возражения даже для привыкшего к самостоятельности сподвижника государя, каким был фельдмаршал. Паскевич сделал самое вредное, что можно было сделать в его положении. Подчинив лишь по виду, но не от всего сердца свою волю воле государя, он не имел мужества снять с себя выполнение этой воли, а оставшись во главе армии, продолжал иметь в голове, как цель, выполнение своего плана и на осаду Силистрии смотрел как на досадную, но необходимую помеху. В таком разлагающем поведении главнокомандующего и следует искать главную причину нашего безрезультатного сидения под турецкой крепостью свыше месяца.

Главномкомандующий есть тот нервный узел, при здоровой работе которого все дурное в армии атрофируется и все хорошее расцветает пышным цветом, и наоборот. В самой основе исполнения силистрийской операции была положена злая воля главнокомандующего, и она сама собой породила отсутствие определенного плана, настойчивости, отсутствие напряжения всех сил к достижению главной цели, развитие междоусобия и в конце концов неосновательное снятие осады Силистрии, когда дело приближалось уже к благополучной развязке.

Является, может быть, непонятным, каким образом император Николай со своим выдающимся военным дарованием и инстинктом не отстранил князя Варшавского от выполнения задачи, которой тот так не сочувствовал. Но разногласие во взглядах обнаружилось уже тог-

да, когда Паскевич был на Дунае, а с другой стороны, государь вправе был ожидать, что его «отец-командир» и друг исполнит его волю во всем блеске тех положительных качеств, которыми император Николай так богато оделял в своих мыслях князя Варшавского графа Паскевича-Эриванского... Трагический конец жизни великого государя начинался. Вера в крупнейший устой его царствования поколебалась.

Примечания

¹ 8, 9-я и 15-я пех. див. с арт., Камчатский егер. п. и № 3 и 4 легк. бат. 11-й арт. бриг., 3-й и 5-й стрелк. бат., 3-й и 5-й сап. бат., 1-я бриг. 3-й легк. кавалер. див. с конной № 5 бат., 1-я бриг. 4-й легк. кавалер. див. с конной № 7 бат., Донские № 9 и 22 и 3 сот. № 34 п. и Донской каз. № 9 бат. п.

² «J'ai vu, — писал по этому поводу один французский офицер маршалу С.-Арно после снятия осады Силистрии, — les retranchements que les russes ont élevés pendant le siège de Silistrie sur la rive droite du fleuve. Evidemment les russes s'attendaient à être attaqués par une armée qui viendrait au secours de cette place forte, et c'est un véritable camp retranché qu'ils ont fait, capable de contenir une armée de 50 à 60 000 hommes». Tanski — au maréchal de St-Arnaud. Silistrie, le 28 juin 1854. Парижский воен. архив.

³ См. схему № 45.

⁴ Н. Шильдер. Граф Э. И. Тотлебен. Его жизнь и деятельность.

⁵ Там же, а также «Дневник П. Е. Коцебу» и «Записки П. К. Менькова».

⁶ Начальник штаба 5-го пех. корпуса — генералу Коцебу 5 мая 1854 г., № 1047. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3407.

⁷ См. схему № 46.

⁸ В изложении хода осадных работ мы главным образом руководствуемся «Журналом осадных работ под Силистрией, представляемым главнокомандующим Государю Императору» (Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 74), сочинением Н. Шильдера «Граф Э. И. Тотлебен», дневником П. Е. Коцебу и проч.

⁹ Записки П. К. Менькова.

¹⁰ Донесения Омер-паши маршалу С.-Арно 24, 25 и 28 мая 1854 г. Париж. Архив Воен. мин.

War with Russia.

¹¹ См. схему № 46.

¹² Записки П. К. Менькова.

¹³ Le maréchal St-Arnaud — au ministre de la guerre, le 25 mai 1854. Париж. Архив Воен. мин.

¹⁴ Перевод с французского.

¹⁵ Omer-pacha — au maréchal St-Arnaud. Choumla, le 25 (13) mai 1854. Париж. Архив Воен. мин.

¹⁶ Между прочим, на это укрепление Горчаков и не наступал. Он подходил к Абдул-Меджид.

¹⁷ Перевод с французского.

¹⁸ Le maréchal St-Arnaud — a Omer-pacha. Au quartier général a Jeni-Keni, le 24 (12) mai 1854. Париж. Архив Воен. мин.

¹⁹ Omer-pacha — au marechal de St-Arnaud, le 28 (16) mai 1854. Париж. Архив Воен. мин.

²⁰ Донесение С.-Арно от 25 (13) мая. Там же.

²¹ Дневник.

²² Всеподданнейшее письмо князя Варшавского 11 (23) мая 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 9.

²³ Шильдер Н. Граф Э. И. Тотлебен. Его жизнь и деятельность.

²⁴ Фельдмаршал в своем постоянном ожидании, что его атакуют, особенно заботился о легкости отступления армии на левый берег Дуная. Он лично рекогносцировал место для наводки второго моста через реку, каковое и выбрал верстах в семи ниже первого, в пункте, прикрытом с юга озером Гирлицы, со стороны Силистрии крутыми скатами высот и с востока речкой, вытекающей из Гирлицы. 12 мая было приказано поднять к этому пункту мост от Гирсова.

²⁵ Omer-pacha — au maréchal de St-Arnaud, le 25 mai 1854. Париж. Архив Воен. мин. Сар. Seimour — au colonel Rosse. Shumla, le 25 mai 1854. Там же.

²⁶ Omer-pacha — au maréchal de St-Arnaud, le 28 mai 1854. Там же.

²⁷ Omer-pacha — au maréchal de St-Arnaud, le 29 mai 1854. Там же.

²⁸ Курсив подлинника.

²⁹ Курсив подлинника.

³⁰ Курсив подлинника.

³¹ Император Николай — князю Варшавскому 11, 18 и 23 мая 1854 г. Собств. Его Велич. библ., шк. 115, портф. 14.

³² Генерал Коцебу — князю Бебутову 16 мая 1854 г., № 1684. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3430.

³³ 1-й и 2-й бат. Замосцьского егер. п., 6 ор. № 6 легк. бат. 15-й арт. бриг., 2 эск. Ольвинопольского улан. п. и 4 ор. легк. № 7 конной батарей.

³⁴ Вернее всего, подполковник Гладышев Замосцьского полка.

³⁵ Omer-pacha — au maréchal de St-Arnaud. Choumla, le 30 mai 1854. Париж. Архив Воен. мин.

³⁶ Следственное дело производилось по случаю происшедшей 17 мая 1854 г. в траншеях тревоги и предпринятого без приказа генерал-фельдмаршала штурма переднего неприятельского укрепления. Архив канц. Воен. мин. 1853 г., секр. д. № 82, ч. II.

Рапорт князя Урусова князю Горчакову 22 мая 1854 г., № 33. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3432.

Журнал военных действий 8-й пех. див. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3586.

Частн. подв. Кременчугского егер. п. Там же, д. № 3712.

Описание приказа траншейных работ Замосцьского п. Там же, д. № 3437.

Рапорт полковника Тимашева генералу Лидерсу от 18 мая 1854 г., № 1899. Там же.

Частное письмо князя Горчакова военному министру от 19 мая 1854 г. Архив канц. Воен. мин. 1854 г., секр. д. № 52.

Записки П. К. Менькова. Дневник П. Е. Коцебу. Н. Шильдер. Граф Э. И. Тотлебен. Его жизнь и деятельность.

³⁷ Ради исторической полноты мы приводим эту резкую характеристику Шильдера, чтобы показать, какие ненормальные отношения существовали

между главными руководителями осады, но, думаем, что Шильдеру не дали под Силистрией самостоятельно развернуть своего таланта. Более подробно см.: Н. Шильдер. Граф Э. И. Тотлебен.

³⁸ Показание генерала Веселитского.

³⁹ Алабин в своем труде «Восточная война» (Ч. II. С. 245—249), приводит несколько легенд о Сельванском штурме, как отголосок рассказов, ходивших на театре войны.

⁴⁰ 26 мая 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 9.

⁴¹ Всеподданейшее донесение князя Варшавского от 19 мая 1854 г. Там же.

⁴² Всеподданейшая записка князя Варшавского от 19 мая 1854 г. Там же.

См. приложение № 171.

⁴³ Император Николай — князю Варшавскому 26 мая 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 9.

⁴⁴ Le maréchal de St-Arnaud — au ministre de la guerre. Gallipoli, le 2 juin 1854. Париж. Архив Воен. мин.

⁴⁵ Турецкие донесения об их победах над русскими и о потерях, понесенных последними, вызывали смех у французских офицеров, бывшими при армии Омера-паши.

⁴⁶ Турки эту свою вылазку представили в виде нашей новой атаки на Араб-Табию, которая кончилась для нас громадными потерями (Omer-pacha — au maréchal de St-Arnaud, le 4 juin 1854. Парижский воен. архив).

⁴⁷ 23 мая (4 июня) 1854 г. из Шумлы. Парижский воен. архив.

⁴⁸ Le colonel Dieu — au général Canrobert, le 15 juin 1854. Парижский воен. архив.

⁴⁹ Omer-pacha — au maréchal de St-Arnaud. Choumla, le 4 juin 1854. Парижский воен. архив.

⁵⁰ Le colonel Dieu — au général Canrobert, le 15 juin 1854. Парижский воен. архив.

⁵¹ Всеподданейшее письмо князя Варшавского от 25 мая 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 9.

⁵² Lettres du maréchal Bosquet. P. 323.

⁵³ Это за все время первое указание в дневнике о болезни Паскевича.

⁵⁴ «Schilder qui est toujours un peu dans les romans».

⁵⁵ «Я не гофкригсрат, пишу что думаю, что желаю; решай же ты с полной свободой и ответственностью».

⁵⁶ В письмах от 23 и 26 мая 1854 г.

⁵⁷ Князь Варшавский — князю Горчакову 19 мая 1854 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3358, и предписания князя Горчакова генералам Лидерсу, Коцебу, Бухмейеру, Хрулеву и Сержпутовскому от 19 мая 1854 г. № 1568—1571 и 1613. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3411.

⁵⁸ Рапорт полковника Бальца генералу Лидерсу от 11 июня 1854 г., № 2410. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3437.

Сведения о подв. нижн. чин. 8-й артил. бриг. Там же, д. № 3712.

Omer-pacha — au maréchal de St-Arnaud, le 9 juin 1854. Парижский воен. архив.

Журнал военных действий 8-й пех. див. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3586.

War with Russia. P. 172.

⁵⁹ Всеподданейшее письмо князя Варшавского от 25 мая 1854 г.

⁶⁰ Omer-pacha — au maréchal de St-Arnaud, le 9 juin 1854. Парижский воен. архив.

⁶¹ Предписание князя Горчакова генералу Хрулеву от 23 мая 1854 г. № 1663. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3434.

⁶² Omer-pacha — au maréchal de St-Arnaud, le 9 juin 1854. Парижский воен. архив.

⁶³ Дневник Коцебу, запись за 26 мая.

⁶⁴ Le maréchal de St-Arnaud — au ministre de la guerre, le 10 juin (29 mai) 1854. Парижский воен. архив.

⁶⁵ Перевод с французского.

⁶⁶ Журнал осады Силистрии. Архив канц. Воен. мин. по снар. войск 1854 г., секр. д. № 74.

⁶⁷ На Дунае никто не верил в контузию Паскевича. Генерал же Коцебу записал в своем дневнике от 28 мая: «Ядро упало вблизи фельдмаршала, но ни он, ни лошадь его не ранены; он же показывает, как будто он контужен».

⁶⁸ Журнал военных действий. Архив канц. Воен. мин.

Описание рекогносцировки 28 мая. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3437.

Реляция Вознесенского улана. п. Там же.

Le colonel Dieu — au général Canrobert, 11 juin 1854. Парижский воен. архив. Записки П. К. Менькова; War with Russia и др.

⁶⁹ Вопрос о контузии фельдмаршала подробно рассмотрен в статье: Шильдер Н. К. Фельдмаршал Паскевич в 1854 г. // Русская старина. 1875, август. С. 629.

⁷⁰ Всеподданейшее письмо князя Варшавского от 30 мая 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 9.

⁷¹ Дневник.

⁷² См. выше.

⁷³ Дневник. Рукопись.

⁷⁴ Шильдер Н. Граф Э. И. Тотлебен. Его жизнь и деятельность.

⁷⁵ Журналы военных действий частей, дневник генерала Коцебу и пр.

Le colonel Dieu — au général Canrobert, le 11 juin 1854. Парижский воен. архив.

War with Russia. P. 173.

Major Nasmyth's notes.

⁷⁶ Курсив подлинника.

⁷⁷ Шильдер Н. Граф Э. И. Тотлебен. Его жизнь и деятельность.

⁷⁸ Le maréchal de St-Arnaud — au général Canrobert, le 18 juin 1854. Парижский воен. архив.

⁷⁹ Colonel Dieu — au général Canrobert, les 10 et 15 juin 1854. Парижский архив.

⁸⁰ Le général Canrobert — au maréchal de St-Arnaud, le 18 juin 1854. Парижский воен. архив.

⁸¹ После ранения Шильдера Тотлебен почти самостоятельно руководил работами на левом фланге, хотя заведование всеми инженерными работами было возложено на генерала Бухмейера.

⁸² Le maréchal de St-Arnaud — au général Canrobert, le 18 juin 1854. Парижский воен. архив.

⁸³ Le colonel Desaint — au gйnйral Canrobert. Choumla, le 22 juin 1854. Парижский воен. архив.

⁸⁴ Omer-pacha — au marйchal de St-Arnaud, le juillet 1854. Парижский воен. архив.

⁸⁵ Le colonel Desaint — au gйнйral Canrobert, le 22 juin 1854. Парижский воен. архив.

⁸⁶ Князь Горчаков — князю Бебутову 3 июня 1854 г., № 1798. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3430.

⁸⁷ Записка генерал-адъютанта Лидерса, представленная князю Варшавскому 29 мая 1854 г.

⁸⁸ Князь Горчаков — князю Долгорукову 30 мая 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 52.

⁸⁹ Всеподданейшее письмо князя Горчакова от 1 (13) июня 1854 г. Архив канц. Воен. мин. 1853 г., секр. д. № 88.

⁹⁰ Приложение № 172.

⁹¹ Приложение № 173.

⁹² Всеподданейшее письмо князя Варшавского от 1 (13) июня 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 9.

⁹³ Император Николай — князю Варшавскому 1 (13) июня 1854 г. Архив канц. Воен. мин. 1854 г., секр. д. № 9.

⁹⁴ Из дневника князя П. П. Гагарина: «Le 19 juin 1854. On dit que l'ordre de lever le siinge de Silistrie a йтй exphйdйй et que l'on regarde la campagne de cette annйе comme perdue, en reportant le tout sur le marйchal. Quel triste prйsage pour la conclusion de la paix! Que de sacrifices il faudra faire pour l'obtenir! et quelle honte pour une puissance comme la Russie de se voir dans l'impossibilitй d'aboutir». Собств. Его Велич. библ. Рукоп. отд. императора Александра II, № 90.

⁹⁵ Император Николай — князю Варшавскому 6 (18) июня 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 9. См. приложение № 174.

⁹⁶ Из дневника князя П. П. Гагарина: «Le 18 juin 1854. On dit aussi qu'on a conseillй au marйchal de soigner sa santй en se retirant a Varsovie, Pйtersbourg ou Hommel. Est-ce vrai? L'armйе, dit-on, n'en pouvait plus. Les gйнйраux les plus haut placйs йtaient exposйs a de grossиres injures. Quelle triste chose de se survivre». Собств. Его Велич. библ.

⁹⁷ Дневник генерала Коцебу.

⁹⁸ Князь Горчаков — князю Варшавскому 9 июня 1854 г. Архив канц. Воен. мин. по снар. войск, 1854 г., д. № 38.

Диспозиция с 8 на 9 июня. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3430.

Князь Горчаков — князю Бебутову 8 июня 1854 г., № 154. Там же.

⁹⁹ Рукопись.

¹⁰⁰ Записки П. К. Менькова.

¹⁰¹ Князь Варшавский — князю Горчакову 6 июня 1854 г., № 548/77, г. Яссы. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3358.

¹⁰² Курсив подлинника.

¹⁰³ Князь Варшавский — князю Горчакову 6 июня 1854 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3358.

¹⁰⁴ Князь Горчаков — князю Варшавскому 9 июня 1854 г., № 156. Архив канц. Воен. мин. по снар. войск, 1854 г., д. № 38.

¹⁰⁵ Le colonel Dieu — au gññral Canrobert, le 24 (12) juin 1854. Парижский воен. архив.

¹⁰⁶ Всеподданейшее письмо князя Горчакова от 9 (21) июня 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 88.

¹⁰⁷ Всеподданейшее письмо князя Варшавского от 7 (19) июня и военному министру от 20 июня 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 9.

¹⁰⁸ Император Николай — князю Варшавскому 14 (26) июня 1854 г. Архив канц. Воен. мин. 1854 г., секр. д. № 9.

¹⁰⁹ Император Николай — князю Варшавскому 17—19 июня 1854 г. Собств. Его Велич. библ, шк. 115, портф. 14.

¹¹⁰ Курсив подлинника.

¹¹¹ От 19 июня (1 июля) 1854 г. Собств. Его Велич. библ., шк. 115, портф. 14.

¹¹² Курсив подлинника.

¹¹³ Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. XIII. С. 129.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ От 27 мая. Москва. Собств. Его Велич. библ., шк. 115, портф. 14, д. № 77.

¹¹⁶ Курсив подлинника.

¹¹⁷ Kinglake. L'invasion de la Crimée. T. II. P. 181.

¹¹⁸ C. Rousset. Histoire de la guerre de Crimée. T. I. P. 112.

¹¹⁹ Le maréchal de St-Arnaud — au ministre de la guerre, le 29 juin 1854. Varna.

¹²⁰ Курсив подлинника.

¹²¹ Перевод с французского.

¹²² Из дневника князя П. П. Гагарина: «Le 7 juillet 1854. Le journaux sont de plus en plus menaçants. Ils font de l'abandon de Silistrie une tache pour le drapeau, une faute consйquente pour le pays, car elle a donnй le moyen aux forces ennemies de se porter sur la Crimйе et ils prйsentent la chute de Sйbastopol comme inйvitable. Dieu veuille, et espйrons que ces paroles ne seront qu'une de ces phrases dont ils ont йтй si prodigues depuis le printemps, mais ces phrases il n'y a pas moyen de les lire a froid. Il est probable qu'a prйsent tout le poids de la campagne va retomber sur ce mкme Menchikoff si indignement coupable envers sin pays et son Empereur. Quelle en sera la consйquence? La Providence lui donnera-t-elle un moyen de rйparer sa faute ou d'en combler la mesure?

Le 8 juillet. On prйtend en ville que le maréchal est atteint de folie, tous dex qui le connaissent le redoutent pour lui. Quelle position! Il aurait fallu pour lui mourir avant cette campagne.

Le 9 juillet. Hier m-me Kalergi me disait: "Le vainquer de Silistrie nous a un peu persйcutйes toutes les deux". Qu'il est donc difficile a un homme de comprendre ce qu'il peut et ne peut pas et ne doit pas oser entreprendre. Paix soit a sa cendre! Ce n'est plus vivre que vivre aprйs cette triste et honteuse campagne, mкme si le bruit de la folie n'йtait qu'un faux bruit». Собств. Его Велич. библ.

¹²³ Tanski — au maréchal de St-Arnaud. Silistrie, le 28 juin 1854. Парижский воен. архив.

¹²⁴ По донесению Омера-паши, потеря силистрийского гарнизона состояла из 1500 убитых и раненых и 6 пленных. Но этим цифрам, как уже сказано, нельзя придавать никакой веры. Омер-pacha — au maréchal de St-Arnaud, le 1 juillet 1854. Парижский воен. архив.

Глава XIX

Действия на Дунае в июне—августе 1854 года и административная часть по сентябрь 1854 года

Принятое маршалом С.-Арно после возвращения из Варны в середине мая по старому стилю решение приостановить сосредоточение союзных армий в этом пункте ввиду полной неготовности их к серьезным операциям¹ должно было вызвать не только протест лорда Раглана и неудовольствие императора Наполеона, но и бурю негодования общественного мнения Парижа и в особенности Лондона. Маршал хорошо это сознавал и потому в обширной своей переписке с Парижем и с английским главнокомандующим старался оправдать свое решение. Преимущественно его беспокоила лондонская публика, которая принимала очень близко к сердцу дела Востока, оказывала влияние на правительство, генералов и приводила в смущение лорда Раглана, очень озабоченного тем впечатлением, которое должно произвести в Лондоне изменение первоначального плана союзников, в особенности ввиду начатой нами осады Силистрии².

18 (30) мая первая английская дивизия силой до 6 тысяч человек была посажена на суда в Скутари и направилась в Варну. На следующий день за ней последовала 1-я бригада французской дивизии Канробера такой же силы. Для перевозки одной бригады с 500 лошадьми и 100 быками потребовались 8 паровых фрегатов и один корвет, которые буксировали 40 купеческих судов. С.-Арно останавливал на этом внимание военного министра, чтобы показать, какие усилия приходится употребить флоту для перевозки морем только одной бригады и притом в хорошую погоду и на короткое расстояние. Маршал приходил в неописуемый ужас от тех трудностей, с которыми сопряжена перевозка морем целой армии с необходимыми запасами и осадным парком. Для того чтобы перекинуть в Варну лишь 50 тысяч человек, пришлось бы отряду судов вдвое большей численности, чем потребовалось таковых для перевозки бригады Канробера, совершить от четырех до шести рейсов и употребить на это более 6 недель времени. «Таковы, маршал, данные, — патетически восклицал С.-Арно³, — добытые нами из опыта относительно этого важного вопроса, который вообще считают пригодным к столь быстрому, как мечта, решению».

Французский главнокомандующий остановился, как известно, на принятии к исполнению более осторожного плана развертыва-

Сражение при Журже (французская литография)

ния армии, чем тот, который был решен на совещании в Варне в половине мая нового стиля, когда союзники не знали еще о начале наших осадных работ под Силистрией. С.-Арно, выдвинув для моральной поддержки турок к Варне в виде авангарда бригаду Канробера и дивизию англичан, всего около 12 000 человек, решил свою армию развернуть по южную сторону Балкан, на линии Бургас, Айдос, Карнабад и Ямболи, имея всю кавалерию в Адрианополе. Базу предполагалось устроить в Бургасе, а главную квартиру или в Бургасе, или в другом, более центральном пункте.

Такое развертывание своей армии маршал С.-Арно считал единственно подходящим и наиболее удобным при данных обстоятельствах. Французский главнокомандующий, считая рискованным — ввиду ожидаемого в скором времени падения Силистрии и полной неготовности союзников развернуть все силы по ту сторону Балкан, полагал, что его армия, сосредоточенная на линии Бургас—Ямболи, способна отбросить противника, если бы он рискнул двинуться через горный хребет, и в свою очередь способна перейти горы и впереди Шумлы дать Паскевичу сражение при очень выгодных условиях. Такое расположение давало ему также возможность сосредоточить свои войска в один переход к Варне и Бургасу и оттуда перебросить их морем в пункт, который будет указан обстоятельствами. Для маршала С.-Арно оставался пока неразрешенным лишь жгучий вопрос, как отнесется к его предположению лорд Раглан⁴.

И этот вопрос был разрешен не в пользу французского главнокомандующего, как о том свидетельствует отправленное через четыре дня его новое письмо военному министру, письмо весьма

нервного содержания⁵. Настояния английского посла в Константинополе, общественное мнение и общая мысль о том, что едва высадившиеся на турецкую территорию союзные армии должны немедленно идти на помощь Омеру-паше, заставляли лорда Раглана стоять за первоначальное предположение немедленно перевести весь наличный состав войск в Варну, развернуть их между этой крепостью и Шумлой и помочь туркам в освобождении Силистрии. Маршал С.-Арно весьма иронически относился к этим настояниям, тем более что английская армия, численностью в два раза менее французской, была хуже последней всем снабжена. Первые ее две дивизии имели лишь по 60 патронов на человека, и в таких условиях идти в бой против сильного противника С.-Арно не считал возможным.

Однако настойчивость англичан заставила французского главнокомандующего не обострять вопроса о месте развертывания армии. Он решил еще раз отправиться в Варну и Бургас для рекогносцировок этих пунктов как предполагаемой базы для действий на Балканском театре войны и на русском побережье Черного моря. Идея об операциях на нашем побережье уже проскальзывала во втором письме С.-Арно.

Маршал считал, что при условии подготовки Варны, Бургаса, Адрианополя и Галлиполи не только как операционной базы, но и как опорных пунктов его армия, сосредоточенная по южную сторону Балкан, будет находиться в полной безопасности. Он не опасался за нее даже в случае поражения или в случае восстания местных жителей, которое полагал вполне возможным при слабости турецкого правительства и при симпатии православного населения к России. «Может быть, — кончал С.-Арно свое письмо, — я не удовлетворю надежд, которые предъявляют моей маленькой армии жители Лондона и Парижа, но я поступаю на основании правил войны, действуя с 50 000 чел. в расстоянии 600 миль от своей страны в обстановке настолько трудной, что о ней можно судить только на месте и при условии, что пополнение всем необходимым я не могу легко получить».

29 мая (10 июня) маршал С.-Арно вернулся из своей поездки в Варну и Бургас. Вялая осада Силистрии дала ему надежду, что этот пункт может еще долго держаться и что нет ничего невозможного в том, что движение вперед союзных армий, если они будут своевременно устроены и сосредоточены, может окончательно освободить эту крепость. С другой стороны, выяснилась полная непригодность Бургаса, по свойствам и оборудованию этого порта, к устройству там базы, и для этой цели единственно могла служить Варна. Все это заставило С.-Арно отказаться от сосредоточения своей армии на линии Бургаса и вновь склониться к первоначальному решению выдвинуть ее на линию Варна—Шумла.

В исполнение этого вторая бригада дивизии Канробера должна была немедленно сесть на суда и переправиться в Варну, что предполагалось закончить около 9—10 июня по старому стилю. К этому же времени туда должна была прибыть и вторая английская дивизия. Во всех трех дивизиях, по подсчету маршала С.-Арно, могло быть не более 24 000 штыков, совершенно не способных ввиду полного отсутствия запасов и неустройства материальной части к продолжительному наступлению. Вот что могла представлять собой в действительности та грозная сила, которой так опасался князь Варшавский, торопясь снять осаду Силистрии.

Дивизия Боске продолжала свое движение к Адрианополю, откуда после продолжительной остановки для работ по укреплению этого пункта должна была двинуться на линию Варны, куда ее прибытие предполагалось — но, как увидим ниже, не состоялось — между 13 (25) и 15 (27) июня. 3-я дивизия принца Наполеона была задержана на несколько дней в Константинополе, чтобы представиться на смотре султану, после чего должна была отправиться в Варну сухим путем или морем. 4-я дивизия генерала Форэ еще только сосредоточивалась в Галлиполи, после чего должна была следовать за дивизией Боске. Кавалерии также было приказано, не останавливаясь в Адрианопле, двигаться к Варне.

3-ю и 4-ю дивизии англичан предполагалось перевезти морем, и они прибывали в Варну почти одновременно с французскими дивизиями, шедшими сухим путем. Маршал С.-Арно рассчитывал, что вся союзная армия, надлежащим образом снабженная и способная сделать несколько переходов, сосредоточится на линии Варны лишь в первой половине июля по новому стилю⁶.

Почти в тот же день, как французский главнокомандующий делился своими предположениями с военным министром, этот последний сообщал ему из Парижа свои мысли о способе развертывания союзной армии.

Маршал Вальян полагал, что развертывание армии на линии Бургаса, как это хотел первоначально сделать С.-Арно, не даст ему тех выгод, которые предоставит Варна. Он лично предпочитал бы сгруппировать большую часть армии у Варны, откинув левый фланг к Праводам или еще дальше назад. На этой фланговой по отношению наступления русских за Балканы через Шумлу или Ямболи позиции можно было спокойно выжидать событий, опираясь на сильный флот и имея в своих руках дорогу из Варны в Бургас. В настоящее время, продолжал маршал Вальян, когда Франция с громадными усилиями решила довести свою армию на Востоке до 60 000, а Англия до 25 000, нельзя ограничиться занятием Галлиполи и прикрытием Константинополя, а надо расширить сферу деятельности союзных армий и перекинуть их при помощи флота на ту сторону Балкан.

Но вместо того чтобы ожидать неприятеля с фронта, следовало бы угрожать ему с фланга, что, по мнению Вальяна, вполне соответствовало основным военным принципам⁷.

Тем временем до маршала С.-Арно дошли известия от находившегося в Силистрии капитана Симпсона об укрепленном лагере, сооруженном Паскевичем на правом берегу Дуная, в обеспечение, как известно, отступления русской армии от Силистрии, если бы состоялось ожидаемое фельдмаршалом наступление превосходящих сил союзников. Этот факт произвел на французского главнокомандующего весьма сильное впечатление. В постройке солидного, укрепленного лагеря около Силистрии и в укреплении Мачина, Гирсова и других пунктов по нижнему Дунаю С.-Арно усматривал устройство длинной и хорошо подготовленной базы для дальнейшего наступления русских на юг и, кроме того, идеальную подготовку будущего поля сражения; между тем как союзные армии были принуждены всегда находиться в связи со своим флотом и поэтому волей-неволей должны были действовать в четырехугольнике, образуемом Варной, Шумлой, Силистрией и устьем Дуная.

Мысль Омера-паши произвести с его армией демонстрацию к Силистрии С.-Арно вполне одобрял, но движение вперед со всеми союзными войсками считал невозможным не только ввиду недостатка перевозочных средств и почти полного отсутствия по пути воды, но и вследствие той опасности, которую он предвидел в случае вполне вероятного встречного наступления русской армии.

Действительно, при совокупном наступлении союзных армий к Силистрии — французской от Варны, английской от Девно и турецкой от Шумлы — последним двум почти на всем пути пришлось бы идти сплошным лесным пространством, и только по пути французской армии местность была бы более открытой. Лишь только от Шумлы пролежала относительно хорошая, большая дорога; от Девно же и Варны дороги представляли собой не что иное, как простые тропинки. Поперечных дорог, соединяющих пути наступления трех армий, было очень мало, и, таким образом, связь между колоннами поддерживать было очень трудно. Маршал С.-Арно опасался при этом, что Паскевич, узнав о наступлении союзников, оставит в своем укрепленном лагере под Силистрией тысяч 10—15 чел., что маршалом признавалось вполне достаточным для удержания гарнизона Силистрии, а остальные войска сосредоточит в Добрудже, где, по сведениям французов, имелся уже наш 30-тысячный отряд. Отсюда Паскевич мог двинуться в обход правого фланга французской армии по большой дороге, пролежавшей по открытой местности, и через Карасу и Базарджик зайти ей в тыл. В таком случае, рассуждал С.-Арно, французам пришлось бы развернуться направо; англичане едва и с трудом могли бы успеть их поддержать, а турки совершенно не могли бы прибыть на поле сражения.

Поход на Добруджу (французская литография)

С.-Арно признавал такое наступление князя Варшавского не только возможным, но и вероятным благодаря существованию укрепленного лагеря, который обеспечивал безопасность русской армии. Он давал следующую лестную для фельдмаршала оценку: «C'est la ce que j'appelle preparer son champ de bataille». Свое же положение с этой стороны маршал признавал крайне рискованным, так как должен был принять бой в 120 верстах от места высадки, не имея в тылу ни одного солдата, кроме неподвижного по необходимости турецкого гарнизона в Варне.

Чтобы выйти из такого тяжелого положения, маршал С.-Арно предполагал предложить союзным адмиралам высадить несколько моряков в Кюстенджи, укрепить этот пункт и, угрожая отсюда левому флангу русской армии в Добрудже, оказать моральную поддержку наступательным операциям союзников, если бы они решились их предпринять⁸.

Вышеприведенное письмо маршала Вальяна положило предел колебаниям С.-Арно, и он окончательно остановился на Варне как на единственной и вполне подходящей базе для предстоящих операций. «С большим нежеланием, — писал он⁹, — я одно время остановился на развертывании армии за Балканами с авангардом в Варне. Это плохой маневр оперировать с 60 тысячами так, как оперируют с 20 тысячами. Наше настоящее место в Варне, откуда мы по своему желанию можем двинуться и вперед, и назад»¹⁰. Таким образом, лишь 8 (20) июня было окончательно решено перекинуть всю союзную армию через Балканы и сосредоточить ее около Варны.

Но и в это время маршал С.-Арно не признавал еще за союзной армией, в связи с продолжавшейся осадой Силистрии, свободы действий и высказывал военному министру свое категорическое решение никоим образом не удаляться от моря¹¹.

Итак, 8 июня, в то время, когда снятие осады Силистрии было нами окончательно решено, русский и союзные главнокомандующие, армии которых были отделены друг от друга пространством около 130 верст, одинаково боялись один другого и обоюдно не предполагали наносить врагу решительного удара. Но в то время как князь Варшавский имел в своих руках многочисленную, вполне сосредоточенную и всем обеспеченную армию, маршал С.-Арно висел еще в Варне в воздухе, имея там лишь только часть сил, ничем не обеспеченных и не могущих перейти к серьезным наступательным операциям.

Решение базироваться на Варну вновь выдвинуло жгучий для французов вопрос о морских перевозках. С.-Арно с грустью признавал, что у них не хватает и половины перевозочных средств, необходимых для восточной армии. Англичане давили их в этом отношении своим преимуществом. Они для военных целей взяли только большие коммерческие суда, которые сразу поднимали до 300 лошадей, в то время как французские «скорлупки», по выражению С.-Арно, поднимали от 18 до 20 лошадей и часто отказывались плавать. «А между тем,— присовокуплял французский главнокомандующий,— если сосредоточение в Варне будет идти медленно, Силистрия падет, и участь кампании будет скомпрометирована»¹². В письмах С.-Арно сильно просвечивает неудобство отделения власти начальника морских сил от власти главнокомандующего, что затрудняло полное и быстрое использование морских средств для наиболее необходимых в данную минуту целей войны.

Но в это время под Силистрией свершилось событие, вызвавшее одинаковое недоумение как на Босфоре, так и на берегах Сены. В Париже вместо ожидаемого со дня на день падения крепости было получено известие о том, что князь Варшавский снял осаду Силистрии и отвел свою армию на левый берег Дуная.

Это событие не замедлило привести к весьма пагубным для нас последствиям. 1 июля (19 июня) военный министр отправил, по повелению императора Наполеона III, следующую телеграфную депешу маршалу С.-Арно через Белград: «En admettant que le siège de Silistrie soit levé, restez dans le voisinage de Varna et ne descendez pas au Danube, on veut que l'armée soit toujours prête à être emportée par la flotte»¹³. Это было первое распоряжение о переносе театра военных действий на нашу территорию.

Тем временем к 4 июля (22 июня) в окрестностях Варны сосредоточилась булыжная часть союзных войск. Всего там собралось до 50 000 французских войск и до 20 000 англичан. По мере подхода

французов английские войска переходили из Варны в Девно и Аладин, очищая Варну для войск маршала С.-Арно¹⁴. По свидетельству английских источников, войска страдали от недостатка всего необходимого: пища была отвратительная, и армия не могла предпринять наступательного движения ввиду полного неустройства интендантской части и отсутствия перевозочных средств¹⁵.

Таково было положение союзников ко времени снятия нами осады Силистрии. Постараемся сделать краткий очерк состояния вооруженных сил Австрийской империи и мер ее военных приготовлений, которые в глазах князя Варшавского играли первенствующую роль при решении вопроса, изменившего весь ход кампании. Богатый материал в этом отношении дают обширные донесения представителя государя при императоре Франце-Иосифе генерала графа Штакельберга.

Австрийская армия к 1 января 1854 года по штатам мирного времени состояла из 309 батальонов, 276 эскадронов при 737 запряженных орудиях, общей численностью около 260 000 человек при 44 000 лошадей. Если сюда прибавить запасные части и войска вспомогательного назначения, то общая численность армии достигала 355 000 людей и 59 000 лошадей. Численность армии по штатам военного времени доходила до 593 000 людей и 68 200 лошадей.

Все вооруженные силы были сгруппированы в 4 армии, с центрами в Вене, Вероне, Песте, и армия наиболее слабого состава (24 000) базировалась в Лемберге; кроме того, корпус пограничных войск (около 41 000 человек) был дислоцирован у бана Елачица с главной квартирой в Аграме¹⁶. Наиболее сильная армия графа Радецкого, в 88 000, была сосредоточена против Италии с главной квартирой в Вероне. Таким образом эта дислокация, относящаяся ко времени, когда еще не последовало открытого разрыва между Россией и морскими державами, ничего угрожающего относительно нас не представляла. Но с весны 1854 года Австрия начинает постепенно ставить свою армию на военное положение и группировать ее вблизи наших польских границ и в особенности вблизи границ с Придунайскими княжествами.

Так, в марте, т. е. в то время, когда весной ожидалось начало с нашей стороны активных действий, правительство Франца-Иосифа приняло меры к увеличению численности войск, расположенных в Банате и Трансильвании, до 100 000, не увеличивая, однако, числа их в Галиции¹⁷. Граф Штакельберг¹⁸ выражал убеждение, что делаемые военные приготовления имеют исключительной целью занятие Сербии, и полагал, что отвлечение австрийских войск в этом направлении было для нас, при надежде на упорное сопротивление сербов, очень выгодно, хотя и делало опасным наше чрезмерное удаление от Дуная на юг¹⁹.

Снятие осады Силистрии (карикатура Beck)

К середине апреля по старому стилю число мобилизованных в Банате и Трансильвании войск доходило до 88 000, и, кроме того, мобилизовался 10-й корпус (36 000), который мог служить для них резервом²⁰. Граф Штакельберг полагал, что в июне мобилизованная австрийская армия будет доходить до 400 000, из которых 350 000 — действующих войск. Отделяя 100 000 против Италии, на случай столкновения с Россией выделяли всего 250 000. Он считал, что в апреле и мае мобилизованные войска могут иметь только одно назначение — занять пограничные турецкие области для обеспечения спокойствия в славянских провинциях, так как трудно рассчитывать на вооруженные действия против России до тех пор, пока войска в Галиции не переведены на военное положение и пока войска Трансильвании не доведены до необходимой для того численности.

Кроме того, открытому разрыву с нами мешали ужасное состояние финансов и мятежный дух во многих итальянских и венгерских полках. Граф Штакельберг уверял, что мы не должны в скором будущем бояться нападения Австрии, так как она к этому не готова, на разрыв не решается, а хочет лишь выждать, какой оборот примет война России с Тройственным союзом²¹.

Однако с начала мая, т. е. одновременно с открытием осадных работ против Силистрии, наша соседка начала увеличивать свои

меры по вооружению. Рескриптом от 3 (15) мая император Франц-Иосиф приказал мобилизовать корпуса, расположенные в Галиции, доведя численность войск в этой провинции до 75 000 при 140 орудиях, мобилизовать все венгерские пехотные полки и призвать под знамена 95 000 рекрутов срока 1855 года. Граф Штакельберг, имевший большие связи в венском обществе, смотрел на эту меру как на желание понравиться Франции, но не как на угрозу нас атаковать. Хотя он и признавал, что положение, занятое австрийцами в Галиции и Трансильвании, является угрозой нашей базе и делает бесцельным наши дальнейшие успехи на Дунае, так как мы, будучи даже победителями, можем быть принуждены отойти на наши границы. «Австрия одна,— справедливо замечал Штакельберг²²,— может принести нам более вреда, чем Англия, Франция и Турция, взятые вместе. Захочет ли она сделать это без поддержки Пруссии, которая более к нам расположена, вопрос будущего».

Наш посол в Вене, барон Мейендорф, со своей стороны полагал, что новые вооружения Австрии вызваны уклончивым ответом Петербургского кабинета на сделанные через короля прусского предложения об отводе войск из княжеств. Он на них смотрел как на демонстрацию, направленную одновременно и на то, чтобы заслужить доверие морских держав, и на то, чтобы угрожать нам, если мы двинемся за Балканы. Во всяком случае начала открытой борьбы с Австрией до окончательного решения вопроса об отводе войск из княжеств ожидать нельзя. Барон Мейендорф полагал, что нам придется сделать эту уступку, чтобы сохранить благоприятное для нас положение Пруссии, если, разумеется, союзники сделают равносильную уступку, и в проведении в жизнь таких своих мыслей он рассчитывал на поддержку князя Варшавского в Петербурге. «Нам надо приготавливаться к очищению княжеств,— кончал он свое длинное письмо к фельд-маршалу²³,— но не приводить этого в исполнение, так как пребывание в княжествах дает нам более выгодное положение при переговорах, а очищение их нами в будущем может послужить к отделению Пруссии и Германии от Австрии».

Но одновременно с этим до Петербурга доходили вести из Вены кружным путем о тех усилиях, которые употреблял там французский представитель барон Буркеней, чтобы окончательно втянуть Австрию в борьбу с нами, причем он уверял, что дело уже сделано и что военные действия против нас начнутся в половине июля, когда австрийская армия закончит свою мобилизацию²⁴. Французский представитель вводил этими словами в соблазн своего собеседника, так как правительство Франца-Иосифа играло с союзниками в такую же двойную игру, как и с нами.

22 мая (4 июня) граф Штакельберг сообщал о количестве австрийских войск, которые могут быть сосредоточены против нас

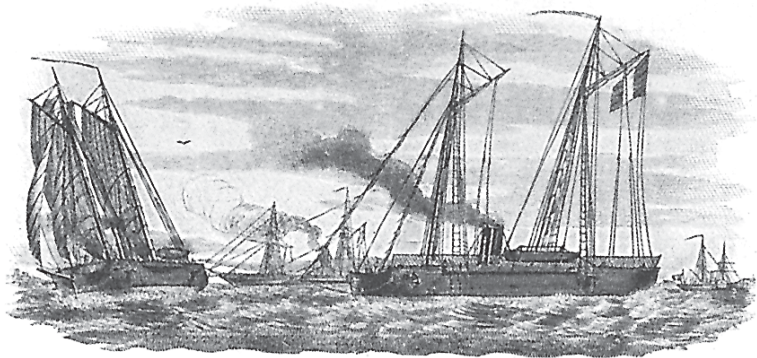
к концу июня по новому стилю. По его расчетам, в Трансильвании могло быть собрано 42 бат., 48 $\frac{1}{2}$ эск. при 136 ор. общей численностью в 67 000 человек и 12 444 лошади («т. е. то же, что у нас без кирасир», — пометил государь) и в Галиции — 47 $\frac{1}{2}$ бат., 88 эск. и 164 ор., общей численностью в 80 000 человек и 16 787 лошадей («а у нас в Польше 2-й корпус — 33 бат. и с саперами 34, гренадер 24 бат. и с саперами 25, итого 59 бат., 64 эск., кроме казаков, и 164 орудия», — пометил государь)²⁵.

Кроме того, 10-й корпус силой около 36 000 человек при 76 орудиях, эшелонированный от Пешта до Кашау и Дуклы, мог поддержать каждую из этих групп или обе вместе, а в Банато — сербский корпус содействовать своей демонстрацией через Орсо-во наступлению Трансильванской армии на север Валахии.

Такое положение привело графа Штакельберга к грустному выводу о необходимости отступления за Прут, чтобы этим «заткнуть горло Германии». В предлагаемом «стратегическом маневре» он видел *«угрожающее удовлетворение»* (*une menazante satisfaction*) нашим бывшим союзникам и возможность поставить англо-французов в самое затруднительное положение, так как единственно они оказались бы враждебными независимости Турции.

16 (28) июня наш военный представитель в Вене доносил, что к 8 (20) июля на русской границе будет сосредоточено уже более 200 000 человек, из которых бульшая часть — в Буковине и на юге Трансильвании. Однако он полагал, что австрийцы первоначально ограничатся лишь занятием княжеств, стараясь предупредить там турок, и не ожидал серьезных против нас операций, чему мешают нерешительность правительства и совершенное неимение подкреплений и резервов на случай неудачи²⁷.

В начале июля австрийские вооруженные силы должны были закончить свою мобилизацию, кроме 1-й армии, численность которой доходила до 67 000 при 168 орудиях и которая была сосредоточена в окрестностях Вены. Главнокомандующим был назначен генерал барон Гесс. 2-я армия, сосредоточенная на итальянской границе, считала в своих рядах *117 000 при 280 орудиях*. 3-я армия, под начальством эрцгерцога Альберта, силой в *116 000 при 304 орудиях* (в том числе 93 эскадрона кавалерии), была сосредоточена в Трансильвании, имея пехотные корпуса в окрестностях Кронштадта, Клаузенбурга, Марош-Вазаргели и Землине и кавалерийский корпус в Вардейне и Клаузенбурге. 4-я армия, под начальством генерала Шлыка, силой в *100 000 при 260 орудиях* (в том числе 128 эскадронов кавалерии), занимала Галицию, имея один корпус вокруг Лемберга, два — в Буковине и кавалерийский — около Кракова²⁸. Это был предел вооруженных сил Австрии, далее которого она могла идти незначительно, да и то с большим трудом.

Французская канонерка

Во всех своих донесениях граф Штакельберг отмечал очень приязненное отношение австрийских офицеров к России и нежелание воевать с нами; они как бы конфузились того направления, которого держалось австрийское правительство в начавшейся борьбе нашей с морскими державами, и старались выказать свое внимание русскому военному представителю. О русофильстве генералов и офицеров австрийской армии, господствовавшем еще в мае 1854 года, свидетельствует и французский представитель при венском дворе барон Буркеней, который, впрочем, отмечает свою надежду на уничтожение этого неприятного для союзников обстоятельства.

Чтобы дать возможность судить о степени опасности, которую представляла нам мобилизованная австрийская армия, укажем здесь в общих чертах на стратегическое развертывание русских войск на западной и южной границах государства весной 1854 года. Если в первую половину лета и производилась частичная перестановка войск, то она мало изменяет общую картину.

На берегах *Балтийского моря* всего было сосредоточено $178\frac{3}{4}$ бат., $144\frac{1}{2}$ эск. и сот. и 384 ор., из которых в Финляндии, от Торнео до Выборга $24\frac{1}{4}$ бат., 12 эск. и сот. и 36 ор.; от Выборга до Нарвы и в Кронштадте $122\frac{1}{4}$ бат., $90\frac{1}{2}$ эск. и 72 ор., и в Прибалтийском крае $32\frac{1}{4}$ бат., 42 эск. и сот. и 76 ор.

В *Царстве Польском и западных губерниях* под начальством графа Ридигера 146 бат., 118 эск. и сот. и 308 ор., из которых собственно в Царстве Польском 108 бат., 66 эск. и 256 ор. общей численностью в 115 400 человек, не включая сюда казаков.

На *Дунае и по берегу Черного моря до устья Буга* под начальством князя Горчакова 182 бат., 267 эск. и сот. и 612 ор.

На Крымском полуострове и по берегу Черного моря между устьем Буга и Перекопом под начальством князя Меншикова 27 бат., 19 эск. и сот. и 48 ор.

По берегу Азовского моря, Черномории и по обе стороны Керчь-Еникальского пролива под начальством генерала Хомутова 31½ бат., 4 эск., 136 сот и 54 ор.

На Кавказе под начальством генерала Реада в действующих против турецкой границы отрядах 48½ бат., 20 эск., 46 сот. и 120 ор., кроме милиции, и внутри края против непокорных горцев 103½ бат., 4 эск., 205 сот. и 120 ор.²⁹.

Но этими силами далеко еще не исчерпывалась военная мощь России. Внутри страны оставалась еще значительная часть резервных войск, все запасные войска и все непризванное еще под знаменами государственное ополчение.

Командовавший войсками в Царстве Польском генерал-адъютант граф Ридигер в ожидании разрыва с Австрией высказал военному министру свои мысли о нашем положении на западной границе в июне, мысли, которые отчасти могут послужить характеристикой соотношения сил и положения обоих возможных врагов³⁰.

Граф Ридигер в своих предположениях брал наихудшие для нас условия, т. е. что против нас будут наступать не только морские державы вместе с Турцией, но также Австрия, Пруссия и Германский союз.

План коалиции он рисовал себе таким образом, что союзники постараются оттянуть большую часть наших сил при содействии их громадного флота к побережьям Балтийского и Черного морей, после чего направят главные операции в центр, т. е. в Царство Польское и литовские губернии. При этих условиях противник мог сосредоточить здесь 100 000 при 170 орудиях австрийцев и 120 000 при 200 орудиях пруссаков. Граф Ридигер, по его подсчетам, мог вывести в поле в начале июня, за исключением многочисленных гарнизонов наших западных крепостей, 75 000 при 224 орудиях.

Автору записки рисовалась следующая картина возможных против нас действий. Прусская армия двинется на Гродно и Вильно, направив от Торна и Калиша особый корпус на левый берег Вислы. Австрийская же армия, выделив необходимое число войск для охраны Галиции, с остальными будет наступать к Бресту и Замосцю. При таких условиях граф Ридигер предполагал, что ему придется предоставить крепости, снабдив их сильными гарнизонами, самим себе и, отступая за Брест, защищать Бобруйское шоссе, стараясь отбросить австрийцев к Пинским болотам. Таковую задачу он считал себе по силам, но он не мог бы бороться с пруссаками, если бы они двинулись через Вильно и Динабург к столице. Для успешной борьбы с германскими державами граф Ридигер считал необходимым

образование еще одной армии или, по крайней мере, сильного отдельного корпуса между Неманом и Двиной, который, прикрывая наши сообщения со столицей, мог бы действовать во фланг и тыл пруссакам, наступавшим в Литву, и дал бы возможность армии Царства Польского нанести с уверенностью поражение австрийским войскам.

Мы нарочно привели здесь мнение лица, наиболее заинтересованного в успешном действии на Западном фронте, чтобы дать читателю возможность судить, действительно ли угроза Австрии нам войной в июне могла быть тем кошмаром, который давил на душу князя Варшавского и связывал нам крылья в борьбе с морскими державами.

Заметим только, что Австрия в то время еще не кончила своего сосредоточения, Пруссия и не думала приступить к серьезной мобилизации, и сам граф Ридигер взял на себя минимальный расчет того числа войск, которое он мог вывести в поле. Прибавим к тому же, что в то время Россия еще не развернула всех своих вооруженных сил и масса войск, сосредоточенных на Балтийском побережье, давала возможность усилить, в случае надобности, войска нашей западной границы.

Относительно военных действий в Царстве Польском беспокоился не только граф Ридигер, но и князь Варшавский, главному начальствованию которого были, как известно, с марта подчинены все войска, оборонявшие западную и южную границы до Черного моря. Распоряжения относительно действий против австрийцев и пруссаков в западном крае делались, таким образом, и в Петербурге, и на Дунае фельдмаршалом и в Варшаве самим графом Ридигером.

19 мая князь Варшавский представил особую всеподданнейшую записку с планом кампании «с июня 1854 года»³¹. Фельдмаршал в своей записке исходил из предположения, что Пруссию можно будет удержать от враждебных нам действий. Силы Австрии, уже готовые в то время для наступления против нас, он полагал в 200 000, из которых 100 000 в Галиции. В основу своей записки князь Варшавский положил все то же свое желание усилить войска, состоявшие под его непосредственным начальством, в ущерб тем возможным театрам войны, которые находились в ведении других генералов. Кроме того, в то время как граф Ридигер в своей записке разбирал свой возможный образ действий, основанный на исполнении Высочайшего предначертания прикрывать в случае необходимости отступления Бобруйское шоссе, князь Варшавский совершенно не заботился о необходимости для армии Царства Польского не потерять связи со столицей и внутренними губерниями. Все его мысли были направлены к тому, чтобы быть очень сильным на случай наступления австрийцев из Трансильвании и Буковины лично на него.

кавалерии в корпусе Шабельского и «повторял свое предложение» отправить две дивизии кирасир к графу Ридигеру, где в кавалерии замечался недостаток. Не оправдывал государь и сосредоточения сильного отряда в Леове, куда Паскевич двинул резервную бригаду 11-й дивизии и этим «расстроил формирование резервов»³⁴. В усилении войск Царства Польского направлением туда частей из Курляндии и Самогитии было *решительно*³⁵ отказано ввиду ожидаемого сильного десанта французов на Балтийском побережье. Что касается способа действий графа Ридигера в случае наступления австрийцев, то император Николай на этот вопрос посмотрел с точки зрения успеха всей кампании, а не под узким углом зрения Паскевича собрать побольше войск там, где командует сам фельдмаршал. Государь полагал всю армию графа Ридигера, т. е. 5 пехотных и 2 кавалерийские дивизии, собрать на правом берегу Сислы, между Люблином и Варшавой, а всю остальную Польшу на левом берегу Вислы занимать только казаками. Наша армия, маневрируя за Вислой при содействии крепостей и предместных укреплений, признавалась довольно сильной, «чтобы наказать всякую дерзость австрийцев и угрожать их левому флангу, если бы они отважились вторгнуться в Волинь». Император Николай полагал это, впрочем, невероятным.

Свое длинное письмо государь заканчивал выражением радости успешного формирования резервов, которые дадут к августу лишних 102 свободных батальона³⁶.

Те же мысли государь более подробно излагал в письме к графу Ридигеру³⁷, в конце которого император Николай, упоминая о возможности войны с Пруссией, написал следующие знаменательные слова: «Верить не могу, чтобы могло до того дойти; но ежели б и было так, то приму волю Божию с покорностью, унывать не буду и, полагая всю надежду на Его милосердие, употреблю все усилия на защиту отечества или сложу голову вместе с вами, но не дам осрамить России, и умрем с честью».

Князь Варшавский не удовольствовался несогласием государя на предложенную им группировку войск и еще в нескольких письмах и к государю, и к военному министру настаивал на приведении в исполнение своих планов. Ответом на это был решительный отказ. Особенно интересовало фельдмаршала получить разрешение отвести войска из княжеств, и по этому поводу он обращался даже за содействием к канцлеру, которого соблазнял возможностью столкновения в княжествах австрийцев с французами и отсюда сближения первых с нами. Это предположение вызвало следующую пометку императора Николая: «J'en doute; en tout cas ce rapprochement ne sera jamais sincère», причем слово «jamais» было подчеркнуто три раза³⁸. По поводу желания князя Варшавского, изложенного в представленном им плане дей-

ствий, снять осаду Силистрии и идти с 4 дивизиями против австрийцев государь, высказав свои мысли о положении союзных армий в Варне, мысли, вполне соответствовавшие действительности, отказывался сомневаться в возможности овладеть Силистрией. Он считал также невероятным атаку нас австрийцами и готов был согласиться на план Паскевича только тогда, когда свершился бы этот невероятный случай. «Я уверен,— кончал государь,— что тогда Бог сподобит тебя жестоко наказать австрийцев за вероломство и неблагодарность»³⁹.

1 июня князь Варшавский преподал князю Горчакову указания, как действовать в том случае, если Австрия объявит нам войну. Указания эти были более решительны, чем предложения, изложенные во всеподданнейшей записке. Паскевич прямо приказывал увести всю армию за Серет и, сосредоточив там 100 бат., 150 эск. и 400 ор., действовать по обстоятельствам⁴⁰.

Вопрос о способе борьбы с нашими западными соседями был обстоятельно разобран в двух представленных государю записках и генерал-адъютантом Жomini, мнение которого пожелал выслушать император Николай. Записки Жomini были посланы фельдмаршалу и графу Ридигеру. Князь Варшавский не высказал о них своего определенного мнения; генерал же Ридигер присоединился в большинстве к взглядам старого стратега. Эти интересные документы мы помещаем в приложении⁴¹.

В о время всех этих переговоров была решена судьба Силистрии; наша армия получила приказание снять осаду крепости и спокойно перешла на левый берег Дуная. Временно все как бы позабыли о наших открытых врагах, и все внимание было обращено на сосредоточение Дунайской армии в предвидении неизбежной войны с Австрией.

Государь указывал князю Горчакову⁴² на необходимость дать армии такое расположение, чтобы она была обеспечена с фланга и с тыла от австрийцев. Считая, что корпус Шабельского достаточен, чтобы задержать движение австрийцев в Молдавию из Трансильвании или Буковины, государь выражал желание, чтобы князь Горчаков оставил Лидерса с полутора дивизиями пехоты и двумя кавалерийскими для наблюдения нижнего Дуная, против Силистрии, а с остальными пятью пехотными дивизиями и прочей кавалерией сосредоточился бы примерно около Фокшан, чтобы угрожать левому флангу австрийцев при наступлении их от Ротентурма или Кронштадта. Эта последняя группа легко могла в то же время поддержать Лидерса, если бы турки и их союзники перешли Дунай.

Впрочем, император Николай не хотел стеснять своего главнокомандующего и такими короткими указаниями. «Я не гофкригс-

рат, — заканчивал он свое письмо, — пишу что думаю, чего желаю; решай же ты с полной свободой и ответственностью». Много назойливее в этом отношении был оставшийся временно не у дел князь Варшавский. Первоначальное его предложение о группировке войск в княжествах было сходно с мыслями государя. Он также предлагал⁴³ оставить генерала Лидерса с полутора дивизиями пехоты и необходимым числом кавалерии у Калараша для наблюдения за нижним Дунаем, поставить для поддержки Лидерса у Слободзеи тоже

Генерал-майор Моллер

дивизию пехоты, отряд генерала Ушакова по-прежнему держать в Исакче, 10-й дивизией продолжать занимать Журжу, Ольтеницу и Бухарест, а все остальные войска сосредоточить в Плоешти и Бузео. 4-й стрелковый батальон фельдмаршал спешно потребовал в Фокшаны. Добившись снятия осады Силистрии и сосредоточения армии вблизи р. Серет, он приступал к выполнению следующего этапа своих желаний — отхода за эту реку, и в воображении Паскевича начала рисоваться опасность движения австрийской армии на Окна, в тыл отходившим от Дуная войскам Горчакова.

8 июня князь Варшавский отправил своему заместителю на Дунае длинное предписание⁴⁴, в котором подтверждал свое опасение возможности направления австрийцев на Окна, основывая его на пригодности горных проходов для колесного движения и на соблазнительности австрийскому главнокомандующему двинуться вразрез между армией Горчакова и корпусом Шабельского. К тому же и расстояние от Кронштадта до Фокшан через Плоешти было вдвое более, чем через Окна. Поэтому фельдмаршал признавал своевременным отходить всеми силами за реку Серет и там ожидать неприятеля. Он предполагал генерала Ушакова с дивизией пехоты оставить по-прежнему у Исакчи, сохраняя мост на Дунае; генерала Лидерса с полутора дивизиями пехоты сосредоточить в низовьях Серета и у Галаца, одну дивизию у Немаэсы и 4 дивизии у Текуча, сохраняя мосты на Серете и имея сильный авангард у Фокшан. В таком положении фельдмаршалу желательно было видеть нашу армию не позднее 1 июля. Но этого мало. Страх князя Варшавского за возможность движения австрийцев на Окна был так велик, что он требовал присылки в Фокшаны

дивизии пехоты и бригады кавалерии уже к 18 июня, чтобы спешно усилить до бригады пехоты отряд, у Окна расположенный.

Однако князь Горчаков не сочувствовал такому быстрому отступлению за Серет. Он считал возможным прикрыть выходы из гор, ведущие в тыл Дунайской армии, простым передвижением корпуса Шабельского из Ясс в Баксу, тем более что не верил в рискованное движение всей австрийской армии в мешок, образуемый корпусом Шабельского, всей армией Горчакова и с тылом, упиравшимся в горные дефиле. Новый главнокомандующий полагал, что главная масса австрийских войск направится из Кронштадта на Плоешти, и считал необходимым быть сильным около этого пункта, где он рассчитывал с успехом принять бой. К тому же быстрое отступление за Серет могло поставить в рискованное положение прикрывавшие Дунай отряды Лидерса и Даненберга⁴⁵.

Через два дня после отправления вышеприведенного предписания князю Горчакову фельдмаршал представил всеподданнейшую записку государю по тому же вопросу о сосредоточении армии за р. Серет⁴⁶. Из этой записки видно, что князь Варшавский для прикрытия прохода через Окна притянул уже из Бендер одну пехотную и одну кавалерийскую дивизии⁴⁷, которые расположились в Окнах, Фокшанах, Бырлате и далее к Аджут-Ногу, но и этого считал недостаточным. Фельдмаршал высчитывал, что против нашей армии в княжествах могут одновременно действовать до 150 000 австрийцев, 120 000 турок и до 70 000 французов и англичан («Откуда взялись?» — пометил император Николай). При таком соотношении сил⁴⁸ он полагал для нас опасным принимать сражение между Плоешти и Бузео. Наша армия имела бы в тылу три реки, которые могли задержать ее отступление, а австрийцы, выйдя через Окна на Фокшаны или Бырлат, успели бы уничтожить наши запасы хлеба и пороха, истребить мосты на Серете и Пруте и отрезать нашей армии возможность к отступлению. Как противодействие этому князь Варшавский предлагал оставить в Бузео и Плоешти сильные передовые отряды, а остальную армию расположить между Бузео и Рымником, устроив 5 или 6 переправ в Фокшанах и на Серете. Такое выжидательное положение он предполагал, впрочем, принять лишь в том случае, если австрийцы будут находиться «в возможности обойти нас с правого фланга и выйти нам в тыл».

Записка князя Варшавского удостоилась следующей собственноручной пометки императора Николая: «План этот почти согласен с моими собственными мыслями»⁴⁹.

Если внимательно сравнить всеподданнейшую записку фельдмаршала и его предписание князю Горчакову, то, почти не отличаясь друг от друга по мотивам и желанию оттянуть армию за Серет, оба эти документа имели, в сущности, по своему смыслу большое различие. В то время как в записке государю отступле-

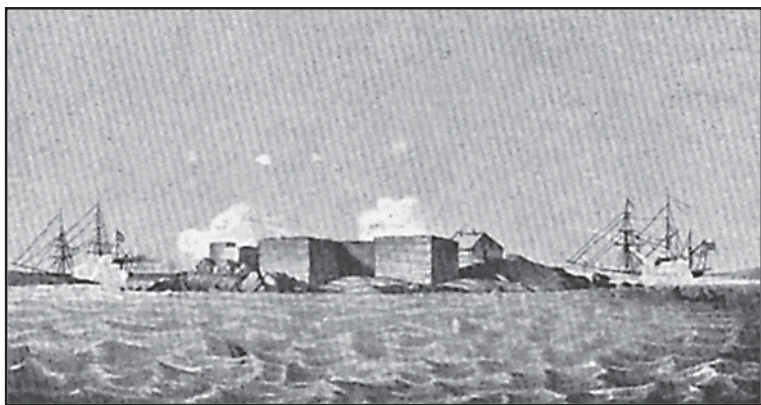
ние за Серет носило условный характер в зависимости от возможности австрийцам фактически угрожать нашему тылу и флангу, в предписании Горчакову это отступление приобретало форму вполне определенного желания быстро отойти за Серет во что бы то ни стало. В этом различии мы склонны видеть причину согласия императора Николая на план князя Варшавского. Впрочем, давая это согласие, государь в своем письме к фельдмаршалу⁵⁰ присовокуплял: «Положение наше не легко, но из него выйти можно с честью, когда решительно действовать будем, не преувеличивая себе препятствия к успеху»⁵¹.

Князь Горчаков после снятия осады Силистрии приступил, как известно, к обратному переходу через Дунай и к расположению там своей армии следующим образом⁵².

2-я драгунская дивизия из Калараша была отправлена в Урзичени, куда прибывала 16 июня и, находясь в трех небольших переходах от Плоешти и Бузео, легко могла быть туда притянута. Генерал Лидерс оставался в Калараше со 2-й бригадой 14-й, всей 15-й пехотными дивизиями и с тремя полками кавалерии. Сам Горчаков с 9-й и 11-й пехотными дивизиями и кавалерийской бригадой также направлялся в Урзичени, куда прибывал 19 июня. Вверх от Калараша Дунай охранялся отрядом генерала Даненберга, который имел у Ольтеницы один пехотный полк, у Журжи бригаду и один полк кавалерии и в резерве около Бухареста бригаду пехоты и один кавалерийский полк. Один кавалерийский полк был направлен сначала в Талпу, а потому в Гасшти для наблюдения дороги от Германштадта в Бухарест. Генералу Ушакову было предписано стянуть 15-го числа свой авангард к Бабадагу и все приготовить к спешному очищению Тульчинских укреплений, имея свои главные силы около Исакчи.

При таком распределении своей армии князь Горчаков считал возможным встретить австрийцев у Плоешти с 44 батальонами и 52 эскадронами.

Главкомандующий на Дунае высказывал в письме к князю Меншикову следующие предположения о дальнейших действиях⁵³: «Я располагаюсь в четырех группах: Лидерс с 24 батальонами у Калараша, Даненберг с 22 между Бухарестом, Журжево и Ольтеницей, Липранди с 12 батальонами в Плоешти и я с главными силами у Урзичени. Если австрийцы не объявят нам войны, я буду оспаривать Валахию у союзников; если же они ударят нам в тыл, то фельдмаршал задержит их в Молдавии с 30 тысячами, которые он сосредоточил в Яссах и Фокшанах, а я буду драться, стараясь отойти на Серет. Если мне удастся достигнуть этой реки без затруднений, то наше положение может быть сохранено; в противном случае придется драться до последнего, отходя к Серету, и один Бог знает, что из всего этого выйдет»⁵⁴.

Отражение атаки на Густавсвеверн

17 июня князь Михаил Дмитриевич представил фельдмаршалу⁵⁵ тот окончательный план, которого он решил держаться после перехода его армии на левый берег Дуная. До тех пор, пока война с Австрией не будет решена, он полагал удерживать в своих руках Большую Валахию от Журжи до Галаца; преждевременно оставлять Дунай ниже Журжи он считал неудобным, так как это давало бы союзникам возможность безнаказанно переправиться через реку и утвердиться в княжествах. Отряд Ушакова не должен был оставлять правого берега Дуная, если не будет вынужден к этому превосходящими силами противника. В случае форсирования турками Дуная в каком-либо пункте оспаривать дальнейшее их движение в Валахию, пока это будет возможно, не подвергаясь быть отрезанными австрийцами.

В случае же объявления австрийцами войны Горчаков решил постепенно очистить Журжу, Ольтеницу, Калараш и Гуро-Яломницу, отводя оттуда войска за реки Бузео и Калматуй. Для принятия же на себя отступающих частей выдвинуться с главными силами из Урзичени и Плоешти.

Если бы вторжение австрийцев последовало одновременно с наступлением союзников, то, оттеснив австрийцев, вступивших в Молдавию, оставаться на Серете, имея в виду отойти в случае необходимости за Прут. «Перейдя за эту реку,— кончал князь Горчаков,— мы будем в состоянии отбиваться против всех наших врагов, сколько бы их ни пришло».

Император Николай, получив сведения о переходе нашей армии обратно за Дунай, вполне одобрил расположение князя Горчакова *на первый случай*⁵⁶. Государь полагал, что австрийцы могут предпринять наступление из Кронштадта через Темеш на Плоеш-

ти, из Германштадта через Ротентурм или вдоль Дуная и, наконец, в тыл князю Горчакову через Окны или Черновиц вдоль Серета. В первом случае наша Дунайская армия находилась бы у них на левом фланге и, по мнению государя, легко могла бы разбить австрийцев, наступавших на Плоешти, до соединения их с правой колонной. Во втором случае он полагал необходимым сначала разбить ближайшую неприятельскую колонну, а потом уже наступавших через Темеш. Наконец, в случае движения в тыл Шабельскому надо было задерживать наступавших от Черновиц, а Горчакову, оставив сильный аррьергард, кинуться на колонну, вышедшую из Окны, и, разбив ее, воротиться против вышедшей через Темеш. «По-видимому, — писал государь⁵⁷, — план австрийцев состоит в том, чтобы сначала занять Малую Валахию; ежели *они предварят тебя*⁵⁸, ты им отвечать будешь, *что ты имеешь мое разрешение впустить их, но не далее Аржиса, но что всякое движение далее или в ином направлении повелено мной тебе считать за открытие военных действий против нас, а потому противиться ему силой оружия*».

Если бы дошло до такой крайности, то государь указывал Горчакову стараться всеми силами обеспечить себе при первой же встрече решительный успех; но ежели бы Шабельский не мог удержать колонну, угрожавшую правому флангу Горчакова, и этому последнему пришлось бы отступать, то государь считал излишним останавливаться на Серете, а прямо идти за Прут, откуда уже начать наступление против Австрии по всему фронту.

Для этой цели генерал Лидерс должен был оставаться в оборонительном положении в Бессарабии с 1^{1/2} пехотной и 1 кавалерийской дивизиями, имея в резерве драгунский корпус; князь Горчаков с семью пехотными и двумя кавалерийскими дивизиями, имея в резерве 1 резервный кавалерийский корпус, должен был решительно наступать на Буковину, а граф Ридигер действовать к стороне Лемберга.

Одновременно с этим государем было отдано распоряжение, чтобы в случае входа австрийцев в наши пределы гражданские власти с архивами и казначействами, а также дворяне отправлялись внутрь страны; местные же и сельские магазины вывезти или уничтожить. Народу покидать свои жилища и по возможности увозить с собой все лучшее имущество, причем жителям русских деревень, имевшим оружие, разрешалось уходить в леса и вести партизанскую войну⁵⁹.

Вопрос об образе действий австрийцев сильно занимал и союзных главнокомандующих в связи с выработкой ими планов дальнейших операций. Он служил также предметом дипломатических переговоров между Парижем и Лондоном.

Омер-паша вслед за получением известия о снятии нами осады Силистрии приказал всем войскам, находившимся перед Шумлой,

придвинуться к Дунаю и направил дивизию Гассана-паши силой в 16 000—18 000 к Рушуку, имея целью завладеть Журжей. Этот пункт привлекал с самого начала кампании особое внимание турецкого генералиссимуса, и первоначально он предполагал даже устроить в нем, на левом берегу Дуная, опорный пункт, который должен был сыграть такую же роль, как Калафат на левом фланге турецкого расположения. Отличные действия в течение зимней кампании генерала Соймонова не дали осуществиться предположениям Омера-паши, и теперь, при начавшемся отступлении русской армии, он вновь обратил свое внимание на Журжу. Усиленные работы по постройке там нами новых батарей не смутили турок, которые видели в этом лишь демонстрацию для облегчения спокойного отхода главных сил князя Горчакова на Серет⁶⁰.

Армия Омера-паши до выяснения обстановки сосредоточилась следующим образом: один корпус, силой в 41 бат., 24 эск. и 60 ор., под начальством Измаила-паши, у Силистрии; второй корпус, силой в 39 батальонов, 12 эскадронов и 61 орудие, под начальством Гассана-паши у Рушука; третий, силой в 27 батальонов, 24 эскадрона и 55 орудий у Гургенли (Gurgenli), в шестичасовом переходе от Шумлы, по дороге на Силистрию, и, наконец, резерв, силой в 9 батальонов, 6 эскадронов и 18 орудий, оставался в Шумле⁶¹. В таком положении, писал Омер-паша, турецкая армия может в самое короткое время собраться в любом пункте на Дунае, предназначенном для развития дальнейших операций.

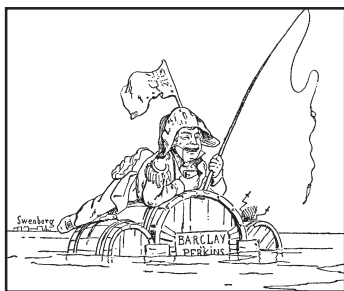
Что касается армий западных держав, то когда князь Горчаков начал отступательное движение к Урзичени, они еще продолжали сосредоточение к Варне, рассчитывая довершить его к 1 июля нашего стиля. К этому времени маршал С.-Арно предполагал иметь до 70 000 человек⁶², с которыми готов был идти туда, куда «укажет ему обстановка или инструкции, основанные на политических соображениях, ему неизвестных, но которые он рассчитывал получить от своего правительства»⁶³. Впрочем, французского главнокомандующего очень беспокоили в этом его наступательном порыве недостаток продовольствия и полное отсутствие перевозочных средств. Французам удалось собрать в окрестностях Варны лишь 800 маленьких болгарских повозок, за которые они платили за каждую по три франка в сутки наличными деньгами, но и из них в одну ночь дезертировали 150 хозяев со своими повозками; те же, которым это не удавалось, сжигали их на глазах французов. «C'est du fanatisme, activé par la propagande russe», — писал по этому поводу маршал С.-Арно⁶⁴. О враждебном к союзникам турок отношении жителей с удивлением свидетельствовали также и французские офицеры в своих письмах к родным. Они ожидали, что их встретят как избавителей, а между тем жители разбегались, и союзные войска даже за большие деньги ничего не могли у них купить⁶⁵. Приходи-

лось очень сожалеть об отсутствии малых пароходов и легких канонерских лодок, которые, подходя к берегу и входя в устья Дуная, могли бы облегчить проблему с продовольствием наступающей армии; но их не было, а необходимость удовлетворения этого важного требования продолжала, по словам маршала С.-Арно, неторопливо исследоваться в кабинете морского министра в Париже⁶⁶.

Таким образом, к 1 июля нашего стиля турецкая армия была уже сосредоточена в полном составе на линии Дуная, а армия западных держав довершала свою группировку у Варны. Союзникам необходимо было окончательно остановиться на дальнейшем плане операций. До снятия осады Силистрии инициатива действий принадлежала нам, и союзные главнокомандующие невольно должны были направлять все свои усилия для задержания наступательного движения армии князя Варшавского на Балканском полуострове, чтобы выполнить официальную цель своего вмешательства в дела Востока — оградить Турцию от нашего порабощения. Но отход русской армии к Серету передавал инициативу в руки наших врагов, которым предстояло поставить себе новую цель похода; вернуться назад, нашумев на всю Европу, понеся большие затраты и не сделав ни одного выстрела, нельзя было. Это чувствовалось всеми, и наша уступчивость в тот период кампании не могла повлечь за собой заключения мира.

Вслед за получением известия об отступлении русских войск за Дунай началась усиленная переписка между Парижем и Лондоном, а также переписка обоих правительств с их главнокомандующими о том, что делать дальше.

Первое распоряжение было получено лордом Рагланом из Лондона от 29 (17) июня, в котором указывалось «*se bien garder d'entrer dans la Dobroudja et de poursuivre les russes au dela du Danube*». Это краткое телеграфное сообщение разьяснялось более подробными указаниями на необходимость сохранить все силы и средства для попытки сделать высадку в Крыму и осадить Севастополь. Великобританское правительство считало возможным отказаться от этой операции лишь в том случае, если лорду Раглану удастся получить неопровержимое доказательство большой несоразмерности сил обороняющегося с атакующим; главнокомандующему ставилось на вид при этом, что такая несоразмерность может чрезмерно увеличиться, если экспедиция не будет произведена безотлагательно. Маршал Вальян, узнав об этих инст-

Карикатура на Непура

рукциях, отправил по повелению императора Наполеона 1 июля (19 июня) маршалу С.-Арно следующую телеграмму: «Restez dans le voisinage de Varna et ne descendez pas au Danube: on veut que l'armée soit toujours prête à être emportée par la flotte».

Однако маршал Вальян не склонен был принять такое определенное решение о немедленной экспедиции в Крым, как это было сделано по ту сторону канала. Он решил до отправления категорических инструкций маршалу С.-Арно выяснить, как далеко отступит наша армия, а также выждать, пока не определится окончательное отношение между Россией и Австрией и возможность совместных действий союзников с этой последней. Французский военный министр считал необходимым не допустить одних австрийцев действовать в княжествах, а, как только будет получено известие о том, что они собираются переходить границу, быстро двинуться на Силистрию или Рушук, перейти там Дунай и войти в линию с австрийцами, составив их правый фланг. В каких силах предпринять эту операцию, должно показать будущее, в зависимости от численности австрийских войск и той помощи, которую они могут потребовать, но во всяком случае не следовало посылать туда незначительных частей и следовало поставить себе конечной целью откинуть русских за Прут и вторгнуться в Бессарабию. Маршал Вальян полагал, что, действуя таким образом, союзники заставят Россию беспокоиться за Крым, на который он всегда смотрел как на цель экспедиции и на который в конце концов должны были обратиться все усилия союзников. Вальян не отказывался при исполнении изложенного плана от мысли направить Шамиля вдоль Черного моря, чтобы он угрожал Крыму с востока. Союзный флот при такой комбинации должен был выполнять двоякую задачу: поддерживать движение Шамиля и снабжать через устья Дуная необходимыми запасами французскую армию в Молдавии и Бессарабии.

При обсуждении общего плана наступления в наши пределы англичане предполагали кроме Крыма направить удар на Тифлис, возложив его на турецкие войска при содействии союзных отрядов, и на Перекоп с целью отрезать Крымский полуостров от остальной империи; эту последнюю операцию хотели возложить исключительно на турецкий отряд. Французский военный министр сочувствовал движению на Тифлис, но без помощи союзников, так как это чрезмерно удаляло бы их от австрийцев, и, наоборот, полагал рискованным поручать операцию против Перекопа одним туркам, считая необходимым присутствие там союзных отрядов ввиду важного значения этого пункта.

Вообще маршал Вальян свои предположения строил на совместных действиях с австрийцами, считая неудобным отсутствие французских знамен там, где должен решиться жребий войны между Австрией и Россией; английское же правительство, напротив, ста-

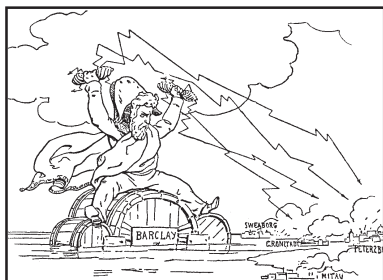
вило себе задачи, исключительно направленные на умаление нашего значения на Черном море и на Кавказе⁶⁷.

Поведение Австрии должно было решить направление дальнейшего хода операций; но эта держава играла роль сфинкса не только для нас, но и для западных кабинетов. В конце июня она окончательно решила стать в число наших открытых врагов и вела переговоры в Париже⁶⁸, а также на месте, в Варне, с союзными главнокомандующими⁶⁹ о совместных действиях австрийских войск с морскими державами. Однако в последнюю минуту удовлетворивший Пруссию ответ русского правительства на июньскую ноту заставил Австрию отложить разрыв еще на два месяца. За это время обстановка изменилась, союзники все свои усилия направили на Крым, и, таким образом, Австрии пришлось бы одной на нашем Западном фронте вести борьбу со своей соседкой, на что она так и не решилась до Парижского мира.

Маршалу С.-Арно не особенно улыбалось движение за Дунай и преследование русской армии. Наступление к Дунаю, писал он⁷⁰, по местности опустошенной, без перевозочных средств и в отдалении от своего флота, может быть предпринято лишь в видах крайней политической или военной необходимости. Переход же чрез Дунай и преследование отходящей на свои резервы русской армии неизвестно когда и чем могли окончиться. Поэтому союзные армии решили до выяснения того положения, которое примет Австрия, не начинать наступательного движения, оставив турецкую армию сосредоточенной в трех группах на Дунае.

Но через три дня после приведенного решения союзных главнокомандующих разыгралось, неожиданно для них, у Журжи кровопролитное дело, возгоревшееся по личной инициативе командира корпуса Гассана-паши.

Князь Горчаков уже с первых чисел июня начал, при существовавшем в то время в главной квартире тяготении к отступлению на левый берег Дуная, стеснять активную деятельность генерала Ушакова, начальствовавшего войсками на нижнем Дунае и занимавшего Бабадагскую область. Удержание в своих руках устьев Дуная для нас имело весьма важное значение, так как этим мы препятствовали вторжению неприятельской флотилии в эту реку, да, кроме того, после отступления из Силистрии только отдел генерала Ушакова продолжал владеть обоими берегами Дуная. Казалось бы, что эти соображения должны были заставить нас удерживаться до последней крайности в Бабадагской области, а крутой поворот Дуная на север и обеспеченные у генерала Ушакова переправы позволяли ему сделать это без особого риска.

Карикатура на Непира

Однако неосновательный страх немедленного наступления сильных отрядов англо-французов в направлении на нижний Дунай производил, как мы видели уже, совершенно беспричинно какой-то магический гнет на главную квартиру и заставлял ее думать только об одном — уходить от призрака морских держав. Князь Горчаков еще 3 июня решил отказаться от правого бе-

рега Дуная и предписал генералу Ушакову принять меры отстаивать только левый берег этой реки, так как ежели неприятель двинется с европейскими войсками в Бабадагскую область, то сделает это с такими силами, против которых генералу Ушакову невозможно будет устоять⁷¹. Но этот последний, хорошо знакомый с положением своих войск и осмотревший всю Бабадагскую область, был иного мнения и высказал князю Горчакову свое глубокое убеждение, что он со своим отрядом может оказать упорное сопротивление даже превосходящими силам противника и на правом берегу Дуная⁷². Действительно, генерал Ушаков своими разъездами освещал местность на 30 верст к югу от Троянова вала, а бригада его кавалерии была эшелонирована между Трояновым валом и городом Бабадагом, к северу от которого находилось очень удобное для обороны дефиле, образуемое болотистой речкой Лозова. За речкой начиналось ровное и открытое плато, очень удобное для действия кавалерии. Генерал Ушаков считал возможным здесь со своими четырьмя кавалерийскими полками, конной и ракетной батареями сильно замедлить наступление неприятеля на протяжении 15 верст вплоть до опушки исакинского леса. Этот лес, приведенный в оборонительное состояние, представлял собой, по словам генерала Ушакова, такую сильную позицию, что он ручался за успешное отражение с имевшимися у него 12 батальонами даже 20-тысячного отряда европейских войск, поддержанных иррегулярными турецкими полчищами.

Впрочем, это разногласие во взглядах между трезво смотревшим на дело и ответственным на своем участке генералом Ушаковым и князем Горчаковым не имело существенного значения, так как союзники, как изложено выше, не могли и не предполагали двинуться в больших силах против нашего отряда на нижнем Дунае. Июнь прошел лишь в нескольких ничтожных демонстрациях против Кюстенджи и кордонов в устьях Дуная⁷³.

В то время как князь Горчаков волновался за участь отряда генерала Ушакова, опасность грозила с другой стороны, а именно со

стороны Рушука. Против этого пункта около Журжи был, как известно, расположен отряд генерала Соймонова, состоявший из бригады его дивизии и 8 эскадронов; в ближайшем резерве, в Бухаресте, находилась другая бригада его дивизии. Главные силы князя Горчакова оканчивали свое сосредоточение к Урзичени.

С 10 июня к Рушуку начали сосредоточиваться войска корпуса Гассана-паши, и, по сведениям, полученным от болгар, к 21 июня там собралось свыше 30 000 человек. В действительности турецкий корпус имел 20 000 пехоты, 4 кавалерийских полка, около 60 орудий и несколько сотен башибузуков⁷⁴. Участившийся огонь с крепости, попытки турок против очищенного нами острова Макана и, наконец, сведения, получаемые из Рушука через перебежчиков, давали повод предполагать, что турки действительно решили форсировать Дунай у Журжи.

Генерал Даненберг, которому было поручено начальствование войсками, оборонявшими Дунай выше Туртукая, считал долгом запросить в таких обстоятельствах князя Горчакова — следует ли генералу Соймонову по возможности держаться в Журже до прибытия к нему подкреплений или же отступать перед превосходящими силами неприятеля. Главнокомандующим было указано стараться по возможности защищать переправу через Дунай, но если Соймонов сделать это будет не в силах и турки утвердятся на левом берегу, то не атаковать их в укреплениях, а, отойдя назад, занять наблюдательную позицию, «как нами было сделано в Ольтенице»⁷⁵. Нельзя не отметить в этой последней фразе некоторой оригинальности. Общее направление Журжинской операции находилось в руках того же генерала Даненберга, который руководил операцией Ольтеницкой, и ему указывался способ действий, сходный с этой печальной страницей его деятельности.

Следствием такого указания было разрешение, данное генералом Даненбергом генералу Соймонову, оставить острова на Дунае, лежащие против Журжи, «если оборона их должна принести неознаграждаемую занятием их потерю, а впрочем, стараться удерживать Журжу и по возможности препятствовать туркам укрепиться на островах»⁷⁶. Это «впрочем» является очень характерным, так как одного взгляда на карту достаточно, чтобы убедиться в невозможности удерживать Журжу против сильного противника, отдав в его руки прилегающие острова.

Одновременно с этим распоряжением Даненберг направил на поддержку Соймонова из Бухареста Тобольский пехотный полк с батареей и бугских улан, приказав в том случае, если Соймонов будет принужден уступить Журжу до подхода подкреплений, отходить на Калагурени, а не на Гостинары.

Все указания, данные для действия Соймоновского отряда, навряд ли соответствовали тому «убеждению», которое вместе с этим

генерал Даненберг высказывал князю Горчакову о «необходимости удерживать в настоящих обстоятельствах Журжу до последней крайности»⁷⁷. Впрочем, на деле это убеждение выразилось лишь в том, что 23-го числа Даненберг лично отправился в отряд Соймонова. Со своей стороны и главнокомандующий, получив в Плоешти известие об ожидаемой переправе турок, направил в Бухарест из Урзичени 11-ю пехотную и бригаду 4-й легкой кавалерийской дивизии, а также лично отправился туда. Подкрепления прибыли к Бухаресту лишь 25-го утром, сделав форсированный марш в 60 верст⁷⁸.

Однако пребывание корпусного командира в Журже продолжалось недолго. Там он нашел все в том отличном порядке, в котором нельзя было сомневаться после назначения Соймонова⁷⁹, и Даненберг, уверенный, по его словам, в блестящем отражении турок, которые, узнав о подходе подкреплений, не рискнут даже атаковать нас, 24-го вернулся обратно в Бухарест⁸⁰.

Тем временем генерал Соймонов распределил свой отряд следующим образом⁸¹: Томский егерский полк занимал Слободзею, Колыванский — Журжу, а прибывший в подкрепление Тобольский полк с батареей стал лагерем между этими двумя пунктами. Гусары цесаревича расположились на левом фланге всего расположения, а бугские уланы на правом фланге. Артиллерия была расположена по разным батареям, устроенным по берегу Дуная. Правая половина острова Радомана была занята двумя ротами, всеми штуцерными Томского егерского полка и четырьмя батарейными орудиями, поставленными на передовых батареях оконечности острова. На левой половине Радомана также находилось четыре батарейных орудия под прикрытием двух рот и 64 штуцерных Колыванского егерского полка. Против пролива Вериги, отделяющего Чарой от Радомана, было поставлено четыре орудия, которые могли обстреливать как пролив Верига, так и остров Чарой и левую оконечность Радомана. Остров Макан ввиду ширины и быстроты рукава, отделяющего его от левого берега Дуная, и ввиду невозможности устроить здесь мост не был занят нашими войсками в целях обороны; туда для наблюдения высылался лишь ежедневно до наступления темноты унтер-офицерский пост из 14 рядовых.

24-го в Журжу прибыл генерал Хрулев, командированный Горчаковым для установки на берегу Дуная новых батарей, но на следующий день утром разыгрался бой, последствием которого было очищение нами этого пункта и утверждение там турок.

Инициатива журжинского дела принадлежала Гассану-паше против желания союзных главнокомандующих, которые, как известно, не хотели переходить Дунай до выяснения образа действий Австрии.

Энергичный паша, возбужденный неожиданным успехом под Силистрией и сосредоточением у Рушук целого корпуса, начал

делать попытки овладеть островами, прилегающими к Журже. Особое внимание его первоначально привлекал остров Макан, на котором не было нашей артиллерии и не было заметно значительных сил пехоты.

23-го утром, после предварительной подготовки артиллерийским огнем, две турецкие роты переправились на остров Макан и оттеснили бывший на нем русский пост. Здесь было выяснено, что наши батареи не могут помешать высадке на остров, и Гассан-паша решил перекинуть туда на судах 3 батальона пехоты и 4 орудия, что и было исполнено к полудню. На следующий день турки получили фальшивые сведения о том, что русские войска очистили Журжу и Слободзею и что только несколько сотен штуцерных с двумя орудиями охраняют остров Радоман. Это дало повод Гассану-паше, вопреки мнению остальных начальников, завладеть островом Радоман. В течение целого дня 24-го турки из крепостных орудий обстреливали наш берег, возводя в то же время укрепления на острове Макан. Соймонов начал опасаться переправы неприятеля с этой стороны, а потому выделил с главной своей позиции отряд генерала Баумгартена силой в 4 батальона и 8 орудий при двух эскадронах, которому поручил оборону участка вниз от острова Макан до устья р. Руптуры (кордон № 136).

25-го после сильной канонады неприятель на судах, вышедших из устья р. Лома, под началом англичанина Бейрама-паши и имея во главе трех английских офицеров, начал переправляться на середину острова Радоман, между кордонами № 129 и 130. Турки, встреченные ротами Томского полка и огнем артиллерии, расположенной на острове, были быстро оттеснены к берегу, но вновь подходящие подкрепления давали им временный перевес. К нашим передовым ротам подошли томские, а потом и тобольский батальоны из Слободзеи, имея во главе генерала Хрулева, и турки вновь были откинута к берегу. Тогда они начали высаживаться на нижней части острова, против Журжи, но здесь были встречены колыванцами. Турки решили попытать счастья со стороны острова Макан, но были скинуты в Дунай отрядом генерала Баумгартена, причем наши гусары лихо атаковали противника и изрубили почти целый турецкий батальон, захватив около ста человек пленных⁸².

Турки вновь обратились против Радомана, введя здесь в дело 10 батальонов пехоты. Бой имел самый кровопролитный характер; батальоны по несколько раз ходили в штыки. Офицеры и нижние чины дрались даже, по свидетельству иностранцев, с каким-то особым ожесточением, как бы стараясь залить неприятельской кровью то чувство обиды за армию и за Россию, которое накопилось у каждого из-за нерешительного, можно сказать, трусливого

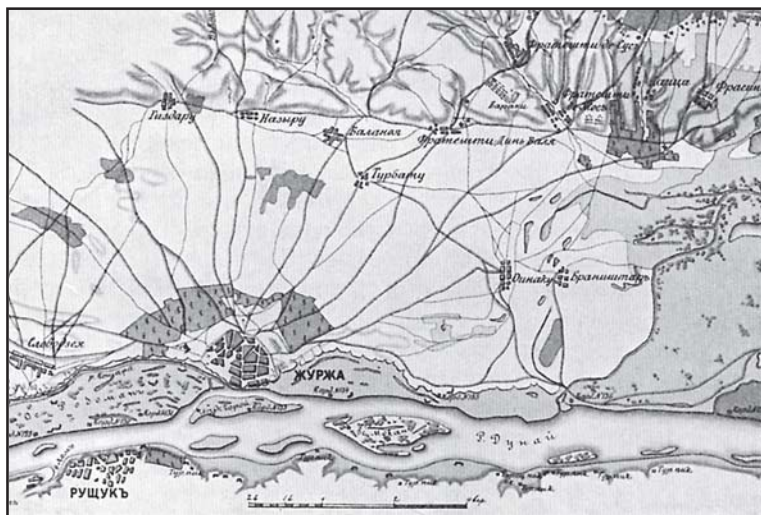

Схема № 31

хода всей кампании. Но они, бросаемые по частям без общего руководства⁸³, могли только грудью своей отстоять остров, не имея сил окончательно столкнуть врага в Дунай.

С наступлением темноты, когда бой затих, турки остались владеть ближайшим к Рушуку берегом Радомана. Об ожесточении боя можно судить по донесению Градовица маршалу С.-Арно, который также указывает на уничтожение чуть ли не целого турецкого батальона в несколько минут и на рьяные, неоднократные атаки турок и русских в штыки, причем ни тем ни другим не удалось остаться полными хозяевами острова.

Наши потери в отряде генерала Соймонова за этот день составили в 342 убитых и 22 офицера и 653 нижних чина раненых и контуженых. Турки, даже по свидетельству их самих, потеряли 500 человек убитыми и свыше 1000 человек ранеными, в том числе были убиты все английские офицеры.

Генерал Хрулев в своем разговоре с Меньковым⁸⁴ упоминал об отсутствии какого-либо порядка на острове Радоман, когда он прибыл туда в начале боя. Да и сам характер действий отряда генерала Соймонова в течение всего дня показывает отсутствие какого-либо руководства боем. Было желание задержать неприятеля на всех пунктах, где он появлялся; ближайшие части с безумной храбростью бросались на врага, но все это было делом рук ротных и отчасти батальонных командиров. В реляции о журжинском деле ни слова не упоминается о работе старших начальников, что еще бо-

лее подтверждает полное отсутствие такой работы. Мы не склонны бросать за это упрек генералу Соймонову — указания, данные ему, имели очень двойственный характер: драться, но не очень, защищать острова, но с большой оглядкой назад. Созревшая в голове генерала Даненберга решимость удержать Журжу во что бы то ни стало была сообщена им наверх, князю Горчакову, но не вниз, генералу Соймонову. Надо полагать, что этот талантливый генерал сумел бы, если бы он получил определенные указания, достигнуть при борьбе с равными силами турок более решительных результатов, проявив в бою свое личное руководство. Но такого руководства не было, и журжинский бой всей своей тяжестью лег на плечи доблестных младших начальников и нижних чинов, о чем особенно красноречиво свидетельствуют многие страницы описания их подвигов, представленные государю Николаю Павловичу⁸⁵.

Что касается действия турок, то союзные главнокомандующие остались очень недовольны проявленной Гассаном-пашой самостоятельностью, которая совершенно не соответствовала их видам.

Ведение собственно боя турецким генералом также весьма критиковалось. Начав дело в предположении, что острова заняты нами лишь незначительными силами, он, увидав серьезное сопротивление, не сумел взять руководство боем в свои руки, не ввел в дело имевшиеся у него наготове большие силы и дал возможность слабому отряду Соймонова не только удержать острова, но и нанести туркам существенные потери. «*Les dispositions pour attaquer les russes, — писал по этому поводу французский свидетель боя*⁸⁶, — *ont ййй si funestes, qu'on ne doit attribuer l'honneur de la journйе qu'a la bravoure des soldats turcs*».

По свидетельству другого французского офицера⁸⁷, на острове Радоман оставались ко времени начала нашего отступления лишь прижатые к Дунаю отдельные группы турок в 25—50 человек.

Тем временем на помощь генералу Соймонову из Бухареста спешил генерал Даненберг с Екатеринбургским полком, прибывшим к Фратешти в ночь на 26-е число, а вслед за ним туда же были направлены три полка 11-й пехотной дивизии и бригада кавалерии с князем Горчаковым во главе. Одновременно с этими мерами главнокомандующий послал новую и на этот раз очень определенную инструкцию генералу Соймонову. «Отступление ваших войск, — писал князь Михаил Дмитриевич⁸⁸, — предполагается только в таком случае, если бы разрыв с Австрией потребовал сосредоточения моих сил, но случай этот, может быть, вовсе не представится или представится нескоро. Теперь вам надобно отстаивать переход турок на левый берег Дуная, на что вы имеете достаточно сил». Но это определенное указание дошло по назначению слишком поздно.

Карикатура на Непира

Соймонов ничего не знал ни о подходе к Фратешти Екатеринбургского полка⁸⁹, ни о направлении туда же сильного отряда из Бухареста и потому, предполагая, что он предоставлен собственным силам⁹⁰, не считал возможным продолжать отстаивать остров Радоман ввиду как сильного утомления войск, так и превосходства противника, который ночью продолжал перевозку на острова новых частей.

Поэтому с наступлением темноты он очистил острова, а к утру и Журжу, отведя свои войска на позицию к Фратешти⁹¹.

Соймонов по выступлении со своим отрядом из Журжи встретился на рассвете 26-го с генералом Даненбергом, который спешил на место боя. Корпусной командир, выслушав доклад о происшедшем деле, нашел, что обстоятельства совершенно не благоприятствуют тому, чтобы отбирать у неприятеля Журжу обратно⁹². А между тем турки весьма опасливо заняли этот пункт только 27 июня, причем Омер-паша приказал не двигаться далее, а лишь образовать на левом берегу опорный пункт, который обеспечивал бы переправу через Дунай⁹³.

В то время, когда турецкие войска робко входили в Журжу, князь Горчаков выступил с тремя пехотными и двумя кавалерийскими полками во Фратешти. «Одну минуту,— всеподданнейше доносил он государю⁹⁴,— я хотел было атаковать там, в Журже, турок, но рассудил, что штурмовать город, окруженный окопами и развалинами прежнего вала, войсками, только что сделавшими 60 верст перехода, невыгодно и опасно. Урон был бы велик и успех без пользы, ибо, выбив турок, мы все-таки оставили бы Журжу от огня Рушука и батарей, турками сделанными вчера на Радомане. Лучше выждать, чтобы они вышли к нам у Фратешти».

Однако это ожидание было бы напрасным, так как турки и не предполагали продолжать своего наступления. Князю Горчакову в донесении государю о журжинском деле пришлось повторить фразу, которая сделалась чуть ли не обыденным припевом в рапорте после каждого боевого столкновения на Дунае. «Войска ваши, всемилостивейший государь,— писал Горчаков⁹⁵,— дрались, действительно, с величайшим мужеством, но опять без пользы! В этом не моя вина, а вероломство Австрии».

Император Николай на донесение князя Горчакова ответил следующими словами⁹⁶: «Напрасную трату людей ненавижу. Что наши

героями дрались, это славно, но мне неудивительно, и грустно, что *даром было*⁹⁷. Зачем было оставлять Соймонова в Журже, когда предвидеть должно было, что ему там не удержаться, и зачем не отступать к Фратешти, выманив неприятеля в поле и идя навстречу к своим резервам. Вот что невольно на мысль приходит. Быть может, на месте судил бы я иначе. Поблагодари молодцов за славную оборону, но, ради Бога, щади и береги их для решительных ударов».

Генерал Коцебу отмечает в своем дневнике⁹⁸, что князь Горчаков очень волновался после журжинского боя и не знал, на что решиться: отступать ли на Серет, ожидать ли турок на позиции у Фратешти или же атаковать их у Журжи и сбросить в Дунай. Короче, князь Михаил Дмитриевич оказался совершенно в том же положении, в каком находился в ноябре—январе по отношению к Калафату.

Особое волнение нашего главнокомандующего обуславливалось кроме свойств его характера двумя обстоятельствами: слухами о задуманной союзниками экспедиции против Крыма и поведением Австрии.

Еще до журжинского дела князь Горчаков получил указание государя на необходимость занять в княжествах такое положение, которое давало бы союзникам повод ожидать нашего перехода на Дунае к активным действиям и тем оттянуло бы их силы на Балканский полуостров и помешало задуманной экспедиции в Крым⁹⁹. Военный министр со своей стороны указывал, что этой цели можно было бы достигнуть, заняв в княжествах какую-либо центральную позицию с обеспеченными переправами на Дунае. Но результаты дела 25 июня мало способствовали осуществлению предложенной из Петербурга идеи.

Как будто бы нарочно, чтобы ухудшить моральное состояние нашего главнокомандующего после его нерешительного поведения под Журжей, он 26 июня, т. е. на другой день после оставления нами этого города, получил из Вены от своего двоюродного брата, нового русского посла при австрийском императоре, князя А. М. Горчакова успокоительные относительно Австрии сообщения. Император Франц-Иосиф обещал не вводить свои войска в Валахию, пока мы будем в ней находиться, и наш посол стоял за то, чтобы булышная часть княжеств была нами занята. Главнокомандующий успокоил посла, что он находится перед Журжей и не предполагает совершать отступательного движения¹⁰⁰.

Следует, впрочем, заметить, что государь не так радужно смотрел на обещания австрийского императора. В обширной переписке с князем Варшавским он лишь выражал надежду, что австрийцы

не решатся нас атаковать до получения ответа на их последнюю ноту ввиду угрозы Пруссии, что в таком случае она почтет свой трактат уничтоженным¹⁰¹.

«Австрия,— писал государь,— сбросила всякую личину и заключила союз с Турцией для занятия княжеств; еще шаг, и война с нами». Весь гнев императора Николая обрушивался на Австрию, и он решил, что если обстоятельства заставят нас перейти за Прут, то действия наши против австрийцев должны быть быстры и решительны, «как гроза, как громовой удар». В предвидении этого государь старался усилить графа Ридигера частью расположенного в Литве 1-го корпуса и писал, что «Ридигеру предстоит блистательный случай дать решительный оборот войне, в особенности ежели Пруссия останется зрительницей происходящего»¹⁰². Одновременно с этим государь усиливал заботу о развертывании резервных частей, что давало возможность сосредоточить к августу в окрестностях Киева резервный корпус из 32 бат., 24 эск. при 48 пеш. и 24 кон. орудиях. Кроме того, приступили к формированию на левом берегу Днепра запасных дивизий 3, 4 и 5-го корпусов, что к декабрю давало еще новых 72 батальона.

Но у императора Николая сверх заботы об австрийцах появилась после снятия осады Силистрии еще новая забота. «Теперь в ожидании, будет ли попытка на Крым,— писал государь.— У Меншикова всего 36 батальонов, 48 пеших орудий, 16 эскадронов, 2 полка казаков и 16 конных орудий. Кажется, сего довольно, чтобы отбиться с успехом, но спокоен буду, когда гроза минует».

Получив первое известие о журжинском бое, государь, не ожидая подробного донесения, набросал Горчакову свои мысли о дальнейшем направлении операций, желая знать, сойдутся ли его взгляды со взглядами командующего войсками на Дунае.

«Дерзкий переход турок в наступление,— писал государь¹⁰³,— мог быть основан на уверенности, что *австрийцы в то же время начнут военные действия против нас из Трансильвании и Буковины*¹⁰⁴. В этом отношении они ошиблись; австрийцы не тронутся, и должно полагать, и не тронутся ранее *трех или четырех недель*.

Цель турок, быть может, прежде только укрепиться в Журже, как было укрепились в Калифате; это б было всего умнее и *для нас хуже*. Или турки затеят атаковать, перейдя и в Ольтенице и, таким образом, стараясь угрожать тебе с левого фланга, на Бухарест.

Думаю, что ты хорошо сделал, что не решился атаковать их сейчас в Журже, ибо, взяв ее, и то с большой потерей, они бы только воротились за Дунай, и *конец успехам*. *Выманить же их в поле марша на два или на три* и потом, собравши значитель-

Сожжение Котки (английская иллюстрация)

ные силы, дать бой, с помощью Божьей разбить и потом *преследовать* (государь три раза подчеркнул это слово), вот что, кажется, прилично б было и что, я уверен, ты сделал уже, буде сей случай представился.

Ежели же они пошли двумя колоннами, то ожидаю, что *то же последовало* прежде с ближайшей частью, а потом с другой. Кажется, что расположение твое дает мне право сего ожидать.

Положим, что то и другое сбылось; ты разбил турок и прогнал за Дунай. *Тут рождается вопрос: что затем делать, тогда как мы в австрийцах ничуть не уверены вдаль?* Думаю за лучшее: *остаться при раз принятом плане действий*, наблюдать происходящее за Дунаем, войска стягивать в избранные позиции и ждать, *что тогда предпримут австрийцы*. Им я не верю нисколько, хотя есть там личина как будто к лучшему; но, повторяю, личина, которой отнюдь не верю. Но и личина эта нам в пользу, ибо даст *время*. А ежели Бог, в Своем милосердии, сподобит тебя разбить турок, то и многое принять может другой оборот.

Вот тебе моя исповедь. Угадал ли, не знаю, и спокойно, с полной покорностью воле Божьей, с полной доверенностью к тебе и к храбрым войскам буду ожидать, что нам Всевышний промысл определит»¹⁰⁵.

Тем временем наша главная квартира на Дунае находилась в большом раздумье. «Думал, думал, — всеподданнейше доносил князь Горчаков 29 июня¹⁰⁶, — и, наконец, убедился, что оставлять далее вверенные мне войска в двух отделах, столь отдаленных один от другого, как Бухарест и Роман, значило бы без пользы подвергнуть не только их, но и самую судьбу государства крайне опасным, а может быть, и гибельным последствиям». Поэтому князь Горчаков решил начать немедленное отступление на Серет, тем более что известия из Вены вновь приняли тревожный характер. Но вечером в тот же день им была получена телеграмма, что наш ответ на последнюю ноту почти удовлетворил австрийское правительство, что он послужил предметом переговоров с Лондоном и Парижем,

а австрийские войска не атакуют нас и не войдут в княжества¹⁰⁷. Князь Горчаков немедленно отменил приказ об отступлении и приступил к соображениям, «как лучше действовать против турок, стоявших у Журжи».

Наш военный агент при венском дворе объяснял столь неожиданное миролюбие австрийского правительства неготовностью армии для решительных наступательных действий против нас. Им более улыбалось занятие княжеств без вооруженного столкновения с русской армией, так как войска еще не dokonчили своего сосредоточения, а материальная часть могла быть готова через два месяца. Видя, что с нашей стороны принимаются решительные меры, чтобы дать австрийцам отпор, Венский кабинет решил выиграть необходимое время для довершения своей мобилизации и временно принял миролюбивый тон. Сообщая об этом, граф Штакельберг, однако, настоятельно рекомендовал вывести наши войска из княжеств.

Эта мера, которая должна была показать, что мы далеки от мысли нарушать немецкие интересы на Дунае, отняла бы у австрийского правительства в борьбе с нами поддержку общественного мнения, а внутреннее состояние страны и все еще существовавшая симпатия военных слоев Вены к русской армии и ее верховному вождю должны были подрезать крылья воинственным советникам императора Франца-Иосифа¹⁰⁸. Император Николай вполне согласился с мыслями, высказанными графом Штакельбергом.

Успокоившись немного относительно австрийцев, князь Горчаков начал усиленно волноваться, опасаясь наступления на Бухарест союзников. Он решил, что эти последние, зная необходимость для нас оттянуть часть сил для заслона против Австрии, захотят воспользоваться разделением наших войск и постараются разбить части, прикрывавшие Дунай. Главного удара князь Горчаков ожидал от Рушука на Бухарест, но опасался также второстепенной атаки от Туртукая на его путь отступления к Серету¹⁰⁹. Поэтому главнокомандующий решил сосредоточить все свои силы, кроме частей, стоявших против Австрии, в Молдавии и Плоешти, в центральном положении у Фратешти, Желавы (впереди Бухареста) и у Обилешти, имея передовые отряды против Туртукая и Силистрии. Находясь в таком положении, он считал возможным встретить союзников с достаточными силами, если бы они решились вступить в Валахию. Бульшая часть войск, 43 батальона и 32 эскадрона, с самим князем Горчаковым во главе, была расположена у Фратешти, против Журжи, имея в резерве у Жедавы 16 батальонов и 32 орудия. У Обилешти для прикрытия со стороны Силистрии и Туртукая был сосредоточен отряд генерала Лидерса, расположенный первоначально у Калараша¹¹⁰.

Тем временем турки, не занимая Журжи и Слободзеи, усиленно строили между этими пунктами предместное укрепление, и когда

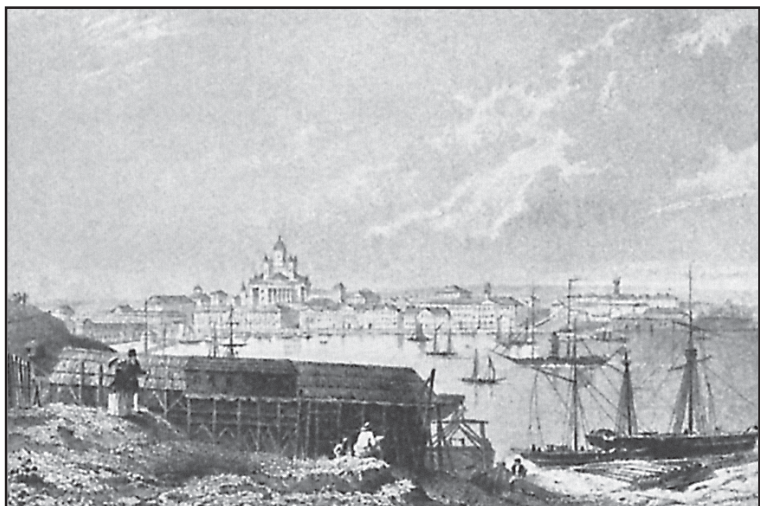
4 июля князь Горчаков в своей постоянной нерешительности относительно того — атаковать или не атаковать турок произвел усиленную рекогносцировку их расположения, неприятель так успел укрепиться на левом берегу Дуная, что всякая мысль об атаке была отброшена. Приходилось ожидать наступления союзников, но мы уже знаем, что это не входило в их планы, а потому, простояв на избранных позициях до 14 июля, мы начали свой окончательный отход за Серет и Прут.

Это решение князя Горчакова вполне соответствовало и взглядам императора Николая. «*Я никаким*¹¹¹ уверениям не верю, — писал государь относительно Австрии¹¹². — Вижу одно коварство, желание выиграть время и сложить на других как бы ответственность того, что замышляют против нас, и *оттого отнюдь не открываются, ожидая только поры и времени удобного*. Притом наглость, ложь и все прикрыто личиной необходимости будто государственной. Ежели другие и хотят сим довольствоваться и вдаться в обман, то, по крайней мере, *ни сын, ни я*, мы отнюдь не намерены быть *в дураках*». Ввиду этого государь решил использовать оставшиеся до ожидаемого разрыва с Австрией четыре недели для сосредоточения армии на Пруте и Серете, не оставляя наблюдения за Дунаем, и для обеспечения своих войск всем необходимым к предстоявшей продолжительной кампании.

А между тем с каждым днем становилось все более ясным, что военные операции примут совершенно другой, более грозный для нас, оборот. Высадка союзников в Крыму была у всех на уме. Князь Меншиков начал сознавать свое тяжелое положение и начал звать о помощи и к Петербургу, и к частям на берегах Дуная. Ввиду появившихся в газетах сведений о намерении союзников занять Перекоп и отрезать, таким образом, сообщение Крымского полуострова с империей он просил направить к Перекопу особый отряд. Мысль о Крыме одинаково беспокоила и государя, и князя Горчакова. Равнодушным к ней оставался лишь отдохавший в Гомеле князь Варшавский, который по-прежнему все свое внимание обращал на Австрию¹¹³.

Император Николай вполне разделял убеждение князя Меншикова о необходимости образовать особый отряд в Перекопе, но «назначить мне пехоту в сей отряд, — писал государь¹¹⁴, — *неоткуда, ибо уже ничем не располагаю*¹¹⁵ с той поры, как князь Иван Федорович¹¹⁶ взял, меня не спрося, 16-ю дивизию в Молдавию». Поэтому государь возлагал оказание помощи князю Меншикову на Дунайскую армию и выражал уверенность, что князь Горчаков также будет проникнут убеждением в необходимости этой помощи¹¹⁷.

Император Николай не ошибся в князе Михаиле Дмитриевиче. Он еще до получения повеления из Петербурга отправил на собственный риск в Перекоп 16-ю дивизию, ослабляя войска,

Гельсингфорс

действовавшие под его личным начальством¹¹⁸. Этим началась бескорыстная помощь князя Горчакова Крымской армии всем, чем только можно было, во все время пребывания во главе этой армии князя Меншикова. Такая мера, влекущая за собой ослабление армии на нашей западной границе, вызвала бурный протест князя Варшавского. Во всеподданнейшей записке¹¹⁹ он высказывал мысль, что князю Меншикову нельзя да и нет цели вести борьбу на всем Крымском полуострове; для этого 27 000 регулярных войск, бывших у него, было мало против 60-тысячной армии, которую там могли выставить союзники. Совершенно иным представлялось Паскевичу положение князя Меншикова в том случае, если он все свои силы употребит на защиту Севастополя. Имея там 27 000 регулярных войск и 20 000 матросов, легко можно было, по мнению фельдмаршала, опираясь на укрепленный пункт, удерживать 70—80-тысячную союзную армию. Поэтому князь Варшавский считал отправку 16 дивизий в Крым бесцельной, в особенности принимая во внимание наше опасное положение на западной границе.

Престарелый фельдмаршал просил разрешения поехать из Гомеля в Варшаву и вновь стать во главе действующих армий, но государь отклонил его просьбу. Князь Варшавский, несколько удрученный таким отказом, жаловался, что из Гомеля он не смеет давать ни предписаний, ни советов и потому находится в неопределенном положении. «Опыт показал мне,— так заканчивал фельд-

маршал свое всеподданнейшее письмо¹²⁰, — что начальствование над армиями может принадлежать одному только государю императору».

Тем временем 13 июля князь Горчаков решил начать отступление на Серет и отвод войск из княжеств. Приступая к этому важному шагу, он писал государю¹²¹: «Я взял смелость изложить военному министру поводы необходимости согласиться на очищение Придунайских княжеств. Может быть, мне менее, чем кому-либо, следовало бы касаться сего предмета. Но, всемилостивейший государь, там, где дело идет о пользах ваших в столь важных обстоятельствах, истинного сына России, верноподданного вашего, ничто не должно останавливать. Отвратив добровольным согласием на очищение княжеств, к которому иначе принуждены будем силой, ополчение Германии против России, нам будет уже нетрудно справиться с турками и англо-французами, а кончив дело с ними, наказать вероломство Австрии...»

Это письмо удостоилось следующей пометки государя: «Благородная душа и искренний друг и верный слуга; слава Богу, что решился отступить»¹²².

Генерал Коцебу занес в свой дневник 14 июля¹²³: «Завтра назначено отступление. Грустный день; как тяжелый камень ложился он на грудь. Чрезвычайно важный шаг наше отступление. О, Австрия! Она нам безмерно повредила, не объявляя нам войны. Она и фельдмаршал, который с лишком за три месяца начал с того, что приходится делать теперь».

Но до окончательного отступления из княжеств князю Горчакову пришлось еще пережить немало беспокойств, вызванных известием о наступлении союзных войск в Бабадагскую область.

К 9 июля войска генерала Ушакова были расположены следующим образом: авангард в составе бригады кавалерии с конной батареей — в г. Бабадаге, один казачий полк — в д. Сари-Юрт и две сотни — в д. Дояны; главные силы — бригада пехоты с двумя батареями — в Исакче и один полк с батареей — в Тульче¹²⁴. По имеющимся сведениям, неприятеля в значительных силах на Трояновом валу не было, и только в Черноводах находилось около тысячи башибузуков.

В это время генерал Ушаков получил приказание князя Горчакова произвести демонстрацию в южном направлении и распространять слухи о нашем намерении наступать на юг с целью осадить Варну. Таким образом предполагалось удержать союзников на Балканском полуострове и оттянуть высадку их в Крым.

В ночь с 11 на 12 июля подполковник князь Любомирский произвел с тремя сотнями казаков и дивизионом гусар поиск на Черноводы. Он ворвался в город, где на площади ночевало 800 башибузуков, изрубил 150 турок и, захватив 65 лошадей и 10 пленных,

утром отошел к Гирсову. С нашей стороны был убит один казак и два ранены¹²⁵. Сведений о союзных войсках при этом получено не было, но 16-го числа наши разъезды донесли о наступлении пяти-тысячного отряда трех родов оружия между озерами Тамаул и Сюд-Гиол, который к вечеру занял д. Карлык с авангардом в д. Пере-клии. На следующий день неприятель продолжал свое наступле-ние, занял д. Дивенджи и весь берег моря до большой дороги из Кюстенджи в Бабадаг. После схваток наших казаков с передовыми частями противника выяснилось, что у Кюстенджи производится высадка войск и разных запасов, а жители сообщали, что союзные войска начали свое наступление из Варны берегом моря к Бабада-гу. Дальнейшие сведения указывали на увеличение англо-француз-ских войск в Кюстенджи, под прикрытием авангарда, расположен-ного за д. Палазы¹²⁶.

25 июля из авангарда генерала Ушакова была произведена к сто-роне Кюстенджи сильная рекогносцировка отрядом из 6 эскадро-нов и сот. и ракетной полубатареи, которая противника не встре-тила и, к своему удивлению, нашла сам город не занятым, хотя и носившим следы недавнего пребывания значительного числа войск. Так как все жители разбежались, не было даже возможности уз-нать, куда ушел неприятель¹²⁷. Этот факт вызвал удивление госуда-ря, и он дал князю Горчакову указание о точном «соблюдении уста-новленных правил форпостной службы и исполнении своих обя-занностей с надлежащей бдительностью»¹²⁸. Впоследствии выяс-нилось, что союзники отступили из Кюстенджи в Мангалию. Изве-стие о появлении союзников в Кюстенджи и слухи о намерении их наступать на низовья Дуная совместно с переправой 2 тысяч турок из Силистрии на левый берег реки произвело удручающее впечат-ление на князя Горчакова. «Dans une dizaine de jours,— писал он своему другу князю Меншикову¹²⁹,— j'aurai 100 000 autrichiens devant moi, 30 a 40 000 anglo-franzais sur ma droite et je ne sais combien de turcs sur mes derrières. Jamais gññral ne s'est trouvñ dans une passe aussi dñtestable». Но рыцарский характер князя Михаила Дмитриевича не оставлял его и в эти тяжелые минуты. «Ce qui me fait plaisir nñanmoins,— добавлял он,— c'est de voir qu'une partie de l'orage qui vous menaçait tourne contre moi».

Следствием полученных известий было объединение начальство-вания над нижним Дунаем в руках генерала Лидерса, направление в Браилов 2-й бригады 14-й и всей 15-й пехотной дивизии¹³⁰, прика-зание приготовить к упорнейшей обороне крепости Измаил и Ки-лию и принятие мер к тому, чтобы Исакинский мост никоим обра-зом не попал в руки неприятеля. Генералу Ушакову было приказано на правом берегу Дуная серьезного боя не предпринимать, ог-раничиваясь только наблюдением, и отстаивать левый берег от Браилова до устья. Сам князь Горчаков решил продолжать со сво-

Галембо

ей армией отход на Серет, чтобы быть готовым встретить австрийцев или союзников, против кого, «по обстоятельствам, будет выгоднее обратиться». Для наблюдения за турками оставался небольшой отряд в Бузео¹³¹.

Между тем император Николай торопил отход армии за Прут и 1 августа в собственноручной записке указал новое расположение Дунайской армии.

Государь полагал, что с возвращением армии князя Горчакова за Прут опасность нашему тылу и правому флангу со стороны Австрии временно устранялась и особое внимание следовало обратить на левый фланг нашего расположения, которому могли угрожать турки и их союзники не только со стороны княжеств и низовьев Дуная, но также и высадками на берегах Черного моря. Поэтому войска, предназначенные для обороны линии Прута и Дуная, должны были составлять внушительную самостоятельную армию, силу которой государь определял в 58 бат. и 48 эск. с драгунским корпусом (60 эск.) в резерве¹³². Остальные войска, выходившие из княжеств, всего 82 бат., 62 эск. с кирасирским корпусом (48 эск.) в резерве¹³³, стянуть вправо и расположить в Каменец-Подольском и Проскурове. При таком расположении государь считал наш левый фланг достаточно обеспеченным, чтобы остановить атаку неприятеля на переправу через Дунай ниже Мачина и наступление его левым берегом Дуная в Бессарабию между Прутом и Днестром, так как главные силы, дислоцированные у Каменец-Подольского, в состоянии будут выделить не менее двух дивизий для действия наступающему противнику во фланг.

Император Николай полагал, что «Крымский полуостров с прибытием 16-й дивизии к Перекопу получит по всем вероятностям такую оборонительную силу, которая вполне обеспечит сохранение этой важной во всех отношениях части государства». Что же касается Царства Польского, то, обеспечивая этот край по левый берег Вислы, мы занимали там сильную позицию между крепостями, откуда

угрожали левому флангу австрийцев в Галиции, если бы они вторглись в Подолию или Волынь. Впрочем, войска, здесь расположенные, предполагалось еще усилить сближением части гвардии и четвертых батальонов гренадер, стоявших в Литве. Наконец, под Киевом формировался, как уже было сказано, резервный корпус¹³⁴.

«Я ни в грош не верю Австрии, — писал государь князю Горчакову¹³⁵. — Дело идет к осени, и нет вероятия, чтобы союзники могли еще, кроме атаки на Крым, решиться вести войну наступательную в княжествах, а турки еще менее. В Крыму мы теперь будем сильны и с помощью Божьей отобьемся. Что же им останется делать? Между тем мы, по новым обстоятельствам, станем весьма выгодно и сильно и в свою очередь будем угрожать Австрии. Тогда потребуем у нее отчета в ее коварстве».

4 сентября последний русский арьергард перешел границу империи, реку Прут, в Скулянах. Придунайские княжества были заняты первоначально турецкими, а потом австрийскими войсками для поддержания в них порядка. Даже весьма пристрастно и несправедливо к нам относящиеся английские источники свидетельствуют, что австрийская оккупация скоро стала ненавистна местным жителям, которые с сожалением вспоминали недавнее господство в крае русских. Турецкое правительство и войска также весьма недружелюбно относились к своим непрошеным помощникам.

Известие о нашем отходе из княжеств, объясняемое непонятными для широких слоев общества «стратегическими соображениями», произвело удручающее впечатление в России. Отсутствие более подробных официальных сообщений, которое особенно развивало в стране разные неопределенные слухи, еще более усугубляло общий гнет. «Вы не поверите, — писал Ю. Ф. Самарин Погодину от 10 июля 1854 года¹³⁶, — как невыносимо тяжело в настоящую минуту жить в глуши и не знать, что делается там, в той стране, куда обращены все наши желания». В наших военных операциях на Дунае чувствовались какая-то фальшь и недосказанность.

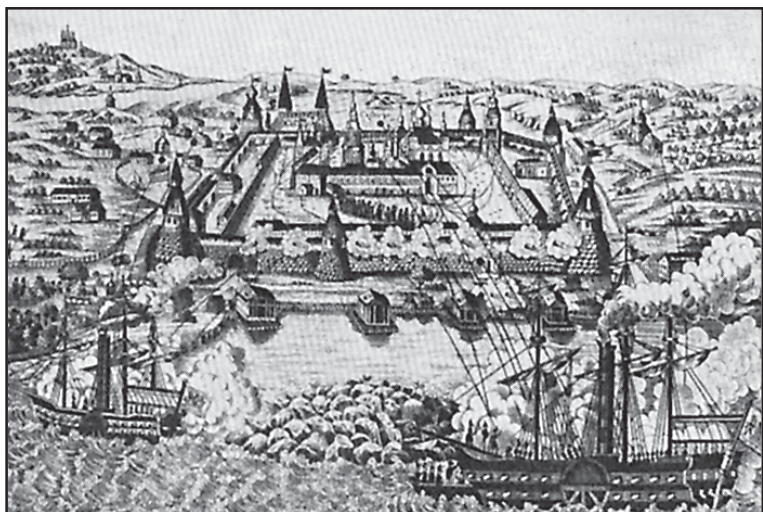
Очищению княжеств, связанному с отказом от наступательной войны и от традиционной политики на Ближнем Востоке, не хотели верить. Добровольное, до выполнения наших требований, оставление провинций, занятых нами в виде гарантии, оскорбляло чувство народной гордости. Русское общество догадывалось, кто являлся главным виновником создавшегося положения, и война с Австрией приветствовалась бы как новый крестовый поход. Недовольство нашей нерешительной, как казалось широким кругам общества, политикой разливалось по России широкой волной, и уступчивость нашего Министерства иностранных дел требованиям Австрии разжигала страсти. Нравственное страдание за родину русских людей выражалось в патриотических манифестациях, в желании жертвовать своим достоинством, чтобы отстоять честь Рос-

сии, и в помощи пострадавшим жертвам войны. Государь и Россия были одинаково возмущены ролью неблагодарного союзника, который столько лет строил свое благосостояние на их доброжелательном содействии. Час возмездия наставал. Цвет русского воинства сосредоточился на западной границе. Оставалось ждать зимы, чтобы оградить от морских поползновений фланги нашей длинной оборонительной линии и потребовать грозного отчета в поведении Австрии. Но этому не суждено было совершиться. Со 2 сентября все внимание России было обращено на Крымский полуостров, ставший ключом борьбы России с Западной Европой.

Между тем опасения князя Горчакова относительно наступления главных сил союзных армий на Дунай оказались совершенно напрасными.

Наши нерешительные действия под Силистрией совместно с угрожающим положением, занятым Австрией, дали повод английской прессе еще до снятия осады крепости поднять вопрос о необходимости перейти союзникам к активным действиям с целью нанесения решительного удара нашему могуществу на Ближнем Востоке. Газета Times¹³⁷, выразительница общественного мнения Лондона, поставила союзным правительствам и их главнокомандующим вопрос о том, решили ли они, какую — сухопутную или морскую — экспедицию, хорошо рассчитанную, нужно предпринять, чтобы довести войну до благополучного конца. С каждым днем становилось более ясным, что война теряет со стороны России характер наступательный и со стороны Турции характер оборонительный. И если первоначально задача морских держав заключалась в защите Порты от нашествия на нее русских войск, то теперь надо думать о том, чтобы оградить это государство в будущем от подобных попыток его северного соседа. Кроме того, писала Times, две великие западные нации вправе ожидать, чтобы результаты войны соответствовали понесенным ими громадным жертвам. Далее указывалось, что ключ могущества России на юге — Крым, а потому для достойного довершения начатой войны необходимо занять Крым и разрушить Севастополь.

Британское правительство окончательно стало на эту точку зрения, как только получило известие о снятии нами осады Силистрии; что же касается императора Наполеона и его главнокомандующего, то, заинтересованные больше вопросами общей европейской политики, а не делами Ближнего Востока, они ставили выбор дальнейших операций от поведения Австрийского кабинета, открытое присоединение которого к политике западных держав и должно было дать известное направление дальнейшему ходу операций. Интересы французского императора заставляли его более

Соловецкий монастырь (народная картина)

желать видеть французские знамена развевающимися вместе с австрийскими на западной границе России, а не в далеком Крыму, представлявшем особый интерес лишь для Англии. С.-Арно выжидал, какое решение примет Австрия, и, считая нежелательным идти на низовья Дуная, где его армия могла страдать от лихорадок, он ничего не имел против наступления на Бухарест, в окрестностях которого его армия могла лучше провести зиму, чем близ Варны¹³⁸.

Но мы уже знаем, что Венский кабинет отложил на два месяца разрыв с Россией, что делало бесцельным для союзников рискованное движение на север, которое удаляло их от флота и ставило в весьма затруднительное положение при полной необеспеченности союзной армии перевозочными средствами. Приходилось искать другой объект действий, и он уже был намечен общественным мнением Лондона и Парижа, а именно Севастополь. И действительно, июль и август в союзной армии прошли в приготовлениях к Крымской экспедиции, в борьбе с холерой и в незначительных демонстрациях к стороне Дуная. Наступательным порывом в княжества был одержим лишь Омер-паша.

В первых числах июля турецкая армия была сгруппирована в трех массах: главная под начальством Омера-паши — у Рушук, корпус Измаила-паши — у Силистрии и корпус Гассана-паши — в Разграде. Это расположение давало возможность в двое суток сосредоточить к Рушuku до 70 000 турецких войск¹³⁹. Оттоманская армия получила новую организацию, в которой за основную единицу

была взята бригада в составе двух пехотных полков, 4—6 эскадронов и двух батарей. Омер-паша принял особые меры, чтобы иметь близ Журжи обеспеченную переправу, поэтому позиция между этим пунктом и Слободзеей укреплялась с лихорадочной поспешностью, а количество войск на левом берегу увеличивалось. В то же время было приступлено к наводке, под прикрытием этих укреплений, моста через Дунай¹⁴⁰. Османское правительство, уверенное в присоединении Австрии к политике союзников, со своей стороны признавало необходимым изменить прежний план кампании и считало желательным немедленный обмен по этому поводу мнений между союзными главнокомандующими и Омером-пашой, чтобы действовать без потери времени. Турки стояли за энергичное наступление со стороны Дуная¹⁴¹. По мере увеличения числа их войск у Рушук и усиления укреплений левого берега желание Омера-паши наступать в княжества и даже помериться всеми своими соединенными силами и под своим личным начальством с арьберггардом князя Горчакова росло с каждым днем. Но колебание Австрии, известие о сосредоточении главных сил русской армии на позиции у Фратешти и, наконец, бездействие союзников умяляли наступательный пыл турецкого главнокомандующего. Омер-паша просил маршала С.-Арно поддержать его хотя бы наступлением обещанной дивизии в Доброджу¹⁴².

Желание турецкого военачальника дошло до Варны в то время, когда союзные войска, сосредоточенные в окрестностях этого пункта, находились в подавленном моральном состоянии как от бездействия, так и от страшного бича, постигшего союзный лагерь, — холеры.

Английские войска раньше французов окончили свое сосредоточение в Варне, и 18 (30) июня легкая кавалерия под начальством Кардигана была двинута к Дунаю для производства рекогносцировки в районе Девно — Карасу — Рассова — берегом Дуная до Силистрии — Шумлы — Ени-Базар — Праведи — Девно. Это предприятие было очень неудачно для англичан¹⁴³. Не встречая наших войск, страдая от жары и отсутствия провианта, так как жители ввиду дурного с ними обращения боялись англичан не меньше турок, следуя по пустынной местности и не видя по несколько дней ни одного жилища и ни одного человека, отряд Кардигана 30 июня (12 июля) вернулся в Девно совершенно измученным и имея 90 лошадей с сильной натертыми спинами¹⁴⁴.

Тем временем к союзной армии подкрался страшный бич — холера. Она началась в конце июня в Марселе, далее перешла в Пирей, Галлиполи, Константинополь, Адрианополь и с особой силой разразилась в июле в Варне. Тропическая жара, скученное расположение войск и недостаток в снабжении их всем необходимым послужили толчком к развитию эпидемии, в особенности во фран-

цузской армии. К тому же вынужденное бездействие усугубляло удручающее состояние войск.

7 (19) июля маршал С.-Арно решил, не прекращая подготовки к Крымской экспедиции, произвести с французскими войсками демонстративную военную прогулку к границам Добруджи. Англичане категорически отказались участвовать в этом походе. Решение французского главнокомандующего объяснялось желанием хоть для вида выполнить данное Омеру-паше обещание поддержать его наступлением французской дивизии к Дунаю и надеждой, что эта демонстрация в Добруджи отвлечет наше внимание от Крыма. Но, кроме того, маршал С.-Арно предполагал развлечь легким походом войска, а переменой места уменьшить развитие эпидемии.

Из всех поставленных себе целей французская прогулка достигла только одной, на которую меньше всего можно было рассчитывать. Она, как известно, напугала князя Горчакова, заставила привести его несколько тревожных дней и усилить наши войска в низовьях Дуная. Но зато она вызвала и следующее язвительное и справедливое замечание князя Варшавского: «Кампанию англо-французов трудно себе объяснить. Кажется, что союзники с обыкновенным французам легкомыслием думали, что в Турции могут сделать такую же кампанию, как на Рейне»¹⁴⁵.

7 (19) июля маршал С.-Арно отдал приказ о производстве рекогносцировки Добруджи отрядом легкой кавалерии, носившей громкое название «спагов Востока». Это было не что иное, как сброд башибузуков, которых пытались организовать и дисциплинировать генерал Юзуф и несколько французских офицеров. Для поддержки спагов между 9 (21) и 11 (23) июля должны были выступить из своих лагерей три французские пехотные дивизии. Три полка первой дивизии направлялись походным порядком в Мангалию, где временно останавливались, выслав вперед к Кюстенджи три батальона, которые должны были быть эшелонированы между этим пунктом и Мангалией. Первый полк дивизии, зуавы, прибывал в Кюстенджи морем и в случае надобности мог быть выдвинут на два перехода к северу, после чего остальные полки дивизии могли быть стянуты к Кюстенджи. Вторая дивизия была направлена на Базарджик, откуда в случае надобности могла быть двинута на Мангалию; третья — на Козлуджу, освещая совместно со второй дивизией на один переход пути на Силистрию, Рассово и Мангалию. Таким образом, фактически в рекогносцировке могли принять участие лишь спаги генерала Юзуфа и первая дивизия генерала Канробера, которой временно командовал генерал Эспинас. Вторая и третья дивизии не отходили далеко от своих лагерей и не спускались в Добруджи. К 24 июля (5 августа) все войска должны были вернуться на свои позиции к Варне.

9 (21) июля первая дивизия, составлявшая, как известно, цвет французской армии, двинулась в поход, имея в голове спагов и насчитывая в своих рядах 10 500 человек. 13-го (25-го) числа она прибыла в Мангалию, легко совершив этот переход по живописной местности. Но здесь обстановка резко изменилась, и дальнейший поход пришлось совершать при тропической жаре по местности, совершенно открытой, и при отсутствии хорошей воды. 16 (28) июля истомленная дивизия, пройдя мимо Кюстенджи, остановилась на bivак у д. Поллас. В дивизии началась холера. Первый полк зуавов прибыл в Кюстенджи морем 13-го (25-го) числа, не имея холерных, но к 16-му (28-му) их уже насчитывалось свыше пятидесяти. В этот день два батальона зуавов получили приказание двинуться к Каргалику, где спаги генерала Юзуфа столкнулись с нашими передовыми постами. Зуавы, несмотря на форсированное движение, принять участие в деле не могли, так как наши посты отходили, но спаги все-таки были пущены в атаку на казаков и в происшедшей схватке отстали от своих офицеров, один из которых¹⁴⁶ был сильно изрублен казаками. 17 (29) июля генерал Юзуф решил продолжать движение к д. Дукуиндже, прося пехоту его поддержать. На этот раз в происшедшей с казаками стычке спаги вели себя лучше, но наши передовые посты серьезного боя не предпринимали. Первая дивизия перешла для поддержки спагов к Каргалику, куда прибыл и генерал Канробер, вернувшийся из морской рекогносцировки Крымского побережья.

Между тем холера в войсках развивалась с невероятной быстротой, и генерал Канробер прекратил дальнейшее наступление, приказав войскам отходить к Варне. Обратный переход первой дивизии продолжался двадцать дней при сильном развитии холеры и полном изнурении войск. Достаточно сказать, что за весь поход эта дивизия потеряла умершими и заболевшими холерой до 4500 человек. От восточных спагов осталось только 300 человек, так как остальные разбежались¹⁴⁷. 2-я и 3-я дивизии понесли несравненно меньшие потери от холеры, так как поход ими был совершен в гораздо лучших условиях¹⁴⁸.

Неудачное наступление первой дивизии приписывалось войсками желанию генерала Эспинаса порадовать каким-либо успехом императора Наполеона ко дню его рождения, празднуемому 15 августа по новому стилю. Беспечное, не продиктованное обстановкой, форсированное движение этой дивизии на север от Кюстенджи с целью принять участие в схватке с казаками вызвало чувство ненависти к этому генералу со стороны его подчиненных¹⁴⁹.

Холера не пощадила и союзный флот, который во избежание заразы ушел даже на несколько дней в море. Несмотря на это, на восьми французских кораблях умерли 245 человек и было свезено на берег 320 тяжелобольных человек. Для борьбы с эпидемией было даже предложено временно собрать весь флот в Босфоре и, сняв

Нападение на Соловецкий монастырь (народная картина)

экипажи, продезинфицировать суда. Однако к этой мере адмиралы не решились прибегнуть, опасаясь, что русский флот воспользуется столь удачным случаем для развертывания своих действий¹⁵⁰. Союзники, видимо, находились под впечатлением только что произведенного смелого крейсерства наших пароходов «Владимир» и «Эльбрус» к Анатолийским берегам¹⁵¹.

Вообще эпидемия холеры вывела во французской армии из строя 12 500 человек¹⁵². У англичан эпидемия свирепствовала меньше, но все-таки потери от болезни также были очень велики. Точно определить их не представляется возможным, так как, по выражению С.-Арно, англичане очень хорошо скрывали свои домашние дела.

Едва начала стихать вспышка холеры, как французскую армию постигло новое стихийное бедствие. 29 июля (10 августа) в Варне начался пожар, который в короткое время уничтожил значительную часть города и многочисленные запасы¹⁵³. Пожар начался сразу в нескольких пунктах и уничтожил бульшую часть города, в которой были сосредоточены погибшие в огне военные и продовольственные запасы союзной армии. С большим трудом удалось отстоять пороховые погреба. Союзники не без основания это бедствие приписывали поджогу города греками-фанатиками¹⁵⁴.

Все эти неблагоприятные обстоятельства не могли не отразиться на быстроте подготовки высадки в Крыму, но работы в этом направлении велись без перерыва.

Тем временем желание Омера-паши перейти в наступление и атаковать нашу армию в княжествах улеглось как под впечатлением временного миролюбия Австрии, так и ввиду нежелания союзных армий принять серьезное участие в походе за Дунай. Турецкая армия по-прежнему занимала сильную позицию на левом берегу Дуная против Рушука и предполагала во что бы то ни стало сохранить эту позицию и быть настороже событий, которые могут произойти в княжествах. Омер-паша подтверждал маршалу С.-Арно о своем намерении избегать впредь всяких наступательных попыток, если у него не будет самой положительной уверенности в успехе. «Это решение, — писал Омер-паша¹⁵⁵, — является также следствием сознания действительного положения моей родины и твердого намерения не вовлекать в рискованные предприятия армию, которая до настоящего времени так доблестно поддерживала права и достоинство моего монарха».

Хотя экспедиция в Крым была уже окончательно решена, но маршалу С.-Арно все еще трудно было отказаться от его любимой мечты видеть французские знамена рядом с австрийскими в том случае, если эта держава решится на открытый с нами разрыв. Французский главнокомандующий, утомленный неизвестностью действительных намерений Австрии, отправился в Константинополь, надеясь там узнать наконец, что предполагает далее делать Венский кабинет и какую помощь он ожидает от союзников, если вообще ожидает от них чего-либо.

Но попытка эта не привела ни к чему, поскольку в Константинополе были так же мало осведомлены о том, чего желает австрийское правительство, как в Париже и Лондоне, а «может быть, и в самой Вене»¹⁵⁶. Маршал С.-Арно ввиду такого положения дел заявил австрийскому посланнику, что он начнет действовать самостоятельно, и вернулся в Варну с твердым намерением нанести удар Севастополю, несмотря на позднее в отношении свойств Черного моря время года.

Но несколько дней спустя в союзную главную квартиру прибыли два австрийских офицера Генерального штаба¹⁵⁷ для переговоров относительно совместных действий австрийской и союзных армий. Они заявили, что командующий III и IV армиями барон Гесс ожидает приказаний атаковать между 1 и 10 сентября нового стиля правый фланг русской армии со стороны Буковины, если она к этому времени не отойдет за Прут. Поэтому австрийский генерал просил сделать соответствующие распоряжения, чтобы армии французская, английская и турецкая одновременно могли бы атаковать русских с левого фланга, так как, по его мнению, лишь одновременное действие соединенных армий с обоих флангов может обеспечить успех против русских, которые более сильны, чем каждая враждебная армия в отдельности¹⁵⁸. Союзные главнокомандующие ответили на это предложение сожалением, что австрийцы отложи-

ли на два месяца свое вступление в княжества в то время, когда оно могло оказать существенную помощь союзникам и когда они были готовы нанести удар русской армии, снявшей осаду Силистрии и разделенной Дунаем на две части. Но ввиду упущенного случая и нерешительности Австрии Франция и Англия должны были сами подумать о способах нанести России существенный удар, вследствие чего они и решились на высадку в Крыму, отменить которую не представляется возможным. В заключение лорд Раглан и маршал С.-Арно выражали уверенность, что австрийцы и турки легко справятся с русскими войсками, которым к тому же грозит высадка 60-тысячной армии в Крыму¹⁵⁹.

Французский главнокомандующий в обширном письме к военному министру объяснял причины, побудившие его отклонить предложение австрийских уполномоченных. Маршал, по его словам, всегда сознавал опасность движения к Дунаю армии, не привыкшей к местному климату и не подготовленной к ведению большой сухопутной войны; но, несмотря на это, и он, и лорд Раглан были готовы в июне и июле двинуться на поддержку Австрии, если бы она решилась объявить России войну «Теперь же, — прибавлял С.-Арно, — если бы я даже и хотел идти к Дунаю, я не могу это сделать ввиду плачевного состояния армии. Обессиленная холерой не только физически, но и нравственно¹⁶⁰, она не способна к какой-либо серьезной наступательной операции на сухом пути, — она физически не может дойти до Дуная...» «Avec une armée ainsi refaite, — кончал свое грустное донесение маршал С.-Арно¹⁶¹, — on peut tenter par voie de mer une entreprise hardie, mais on ne fait plus de longues marches particulièrement vers le Danube».

Таким образом, австрийцы были предоставлены исключительно собственным силам, и они вновь обратились к самому невыгодному для нас образу действий — вооруженной угрозе.

С тех пор на Дунае все затихло, и вскоре выстрелы раздались на холмах севастопольских.

Довольствие в армии в период между переправой через Дунай и отходом войск из княжеств

11 марта 1854 года продовольственные припасы для Дунайской армии были сложены и заготавливались на трех базах и на коммуникационных путях в княжествах, а именно:

на коммуникационных путях и в магазинах — в Яссах, Бырлате, Текуче, Фокшанах, Бузео, Слободзее, Бухаресте и др.;

на 1-й базе — в Скулянах, Кишиневе и Леоове;

на Придунайской базе — в Каменец-Подольском, Проскурове, Могилеве, Балте, Жеребкове, Шараеве, Одессе и в сельских магазинах в Бессарабии.

Всего в этих пунктах имелось в наличии и было заказано провианта для 150-тысячной армии на время около двух с половиной лет.

После переправы войск на правый берег Дуная и во время движения их к Силистрии провиант, мясо, вино и фураж подвозились к ним из магазинов в Измаиле, Сатунове, Галаце, Водени и Браилове, которые были полны запасами, так что на походе войска не встречали никаких затруднений в продовольствии¹⁶².

Относительно отряда генерала Лидерса фельдмаршалом были отданы особые распоряжения, заключающиеся в том, чтобы при выстулении из Гирсова было взято с собой провианта на 10—12 дней.

В Черноводы же, ко времени прихода туда отряда, провиант планировалось подвезти с таким расчетом, чтобы отряд мог пополнить свой запас.

Следующим этапом для пополнения запасов служил Калараш¹⁶³.

За отрядом генерала Лидерса во время его движения к Черноводам следовал передвижной магазин с сеном и ячменем и отдельный транспорт. На 14 кирлашах по приказанию генерала Лидерса везлись по Дунаю к Черноводам сухари, спирт, перец, соль, уксус в пропорции для отряда на 9 с половиной дней. Этими первоначально захваченными припасами в кирлашах, передвижном магазине и транспорте войска Лидерса обеспечивались по 20 апреля. Первые три недели после переправы подвоз припасов к войскам, находившимся в Добрудже, производился исключительно из тех же магазинов Придунайской базы и теми же перевозочными средствами¹⁶⁴.

Кирлаши совершали рейсы между Черноводами, Гурой-Яломницей и Браиловом; для поднятия их против течения по приказанию Паскевича был назначен пароход Дунайской флотилии¹⁶⁵.

Левая колонна сено и ячмень находила везде в достаточном количестве из местных средств, поэтому остаток продуктов подвижного магазина был сложен в с. Дояны, где был образован временный магазин¹⁶⁶.

Когда отряд генерала Лидерса подошел к Гирсову, то в с. Гура-Яломница был устроен провиантский магазин, а ниже Гирсова наведен мост на плотах через Дунай. Это значительно сократило расстояние для доставки запасов из Гуры-Яломницы, которые до тех пор доставлялись к отряду на правый берег Дуная на паромах¹⁶⁷.

Еще до прибытия войск к Силистрии в Калараше был устроен продовольственный магазин, в который запасы свозились из Бухареста и Слободзеи; оттуда же пригонялся и порционный скот. Ввиду неимения за Дунаем запасов сена, отсутствия подножного корма и неприбытия из Одессы вновь сформированных 6 полубригад передвижного магазина в Калараше было заготовлено 135 тысяч, а в Измаиле, Галаце и Браилове до 900 тысяч пудов сена, которое должно было подвозиться к войскам на повозках полкового обоза.

Внутренний вид форта Бомарзунд

Все время стоянки наших войск под Силистрией осадный корпус получал провиант, мясо, зерновой фураж и сено из каларашского магазина, и, несмотря на то, что к июню под Силистрией было сосредоточено до ста тысяч войск, они получали все требуемое без задержки.

Когда войска двигались к Журже и Майя-Катаржилуй, то продовольствие подвозилось исключительно передвижным магазином. В это время начали прибывать из Одессы новые полубригады подвижного магазина¹⁶⁸.

Мало-Валахский отряд довольствовался из магазинов в Крайове, Слатине и Текуче; провиантский же магазин, бывший в Каракуле, в апреле был переведен в Руссо-де-Веде.

Подвоз провианта в каларашский, бухарестский и прочие магазины, ближайшие к войскам, все время производился из других, более отдаленных магазинов на коммуникационной линии посредством передвижных магазинов, обывательских подвод и подрядчиков.

Из 40 000 четв. муки с пропорцией круп и 50 000 четв. ячменя, которые было приказано (21 февраля 1854 г.) заготовить по реквизиции в княжествах, к началу мая было свезено в Яссы, Бырлат, Текуч, Фокшаны и Бузео около половины: 15 234 четв. муки, 963 четв. круп и 1670 четв. ячменя. Дальнейшая поставка была отменена¹⁶⁹.

Для войск же, расположенных в местах, удаленных от провиантских складов, по приказанию фельдмаршала было заготовлено в июне в Молдавии 11 178 четв. муки и 1178 четв. круп¹⁷⁰.

27 марта князь Варшавский выехал из Варшавы на Дунай. Перед своим отъездом он сделал распоряжение о снабжении крепос-

тей. К этому времени в Новогеоргиевске, Варшавской цитадели, Замостье и Ивангороде имелись по оборонительному положению только провиант и соль на 6 месяцев. Фельдмаршал приказал готовить в эти крепости сверх имевшегося провианта и другие продукты также на шесть месяцев на полное число гарнизона по военному положению. Кроме того, по его приказанию войсками было заготовлено к сентябрю в Варшаве, Люблине, Замостье, Новогеоргиевске и Бресте 14 250 четв. сухарей.

По пути из Варшавы в Бухарест князь Варшавский заехал в Измаил и, усмотрев, что эта крепость не снабжена запасами на случай осады, приказал Затлеру немедленно закупить для нее 5000 четв. муки¹⁷¹.

Вследствие усиленной закупки провианта и фуража в Царстве Польском там сильно возвысились на них цены, поэтому граф Ридигер 21 апреля назначил поставку от земли Царства Польского 25 000 четв. овса, который и был доставлен 15 июня частью в магазины, частью прямо в войска¹⁷².

Князь Варшавский вследствие полученного донесения от генерал-губернатора юго-западных губерний князя Васильчикова, что Австрия усиленно закупает хлеб в наших пограничных уездах для сосредотачивающихся в Галиции войск, назначил, с целью затруднить Австрии эту закупку, поставку из Волынской губернии 50 000 четв. муки, 5000 четв. крупы и 25 000 четв. овса¹⁷³. Все это количество предназначалось для пополнения запасов сельских магазинов. Но, узнав, что в сельских магазинах Волынской губернии имеется 250 000 четв. хлеба, и опасаясь, что неприятель, вступив в Волынскую губернию, найдет там большое количество готовых запасов, фельдмаршал 15-го отменил эту поставку. Но в сельские магазины было уже сдано 9000 четв. муки и 4000 четв. овса и находилось в пути к магазинам 18 000 четв. муки и 8000 четв. овса. Эти последние собранные запасы (26 000 четв.) фельдмаршал приказал сдать в крепость Замостье. Все поставленное из Волынской губернии, 39 000 четв., было свезено к концу августа в магазины на подводах поставщиков¹⁷⁴.

Между тем, пока фельдмаршал был на Дунае, в России приводились в исполнение все его распоряжения по заготовлению провианта, сделанные им в феврале.

Назначенная поставка 150 000 четв. муки с пропорцией круп и 100 000 четв. овса в Каменец-Подольский, Могилев на Днестре и в Балту начата была в половине марта и окончена в двадцатых числах мая.

Из этого количества 5000 четв. муки с пропорцией круп по приказанию князя Варшавского были отправлены в Хотин. Самое большое затруднение при этой поставке встретилось в устройстве помещений для запасов. В Могилеве на Днестре и в Бал-

те были построены огромные сараи¹⁷⁵. Лес для них пришлось покупать в Галиции, сплавливать по Бугу и затем везти на подводах¹⁷⁶.

К началу марта в Одессе находилось 611 тысяч четв. разного хлеба частных лиц, и фельдмаршал, опасаясь захвата их неприятелем, приказал в начале же марта перевезти их как можно скорее в Бендеры.

Перевозку было поручено произвести командующему войсками в Одессе барону Остен-Сакену и генерал-губернатору Федорову. Для перевозки были назначены 6000 подвод формировавшегося передвижного магазина и вольнонаемные подводы, которых оказалось в Одессе 1500.

В Бендерах имелось помещений для 89 000 четв. Но в это время сильно разлился Днестр, и переправа через него у Бендерской крепости сделалась невозможной. Поэтому было решено свозить пока хлеб в упраздненную Тираспольскую крепость, внутри которой и в сараях около нее можно было сложить 355 000 четв. По восстановлении сообщения через реку имелось в виду перевезти все это в Бендеры.

Во второй половине марта начат был вывоз хлеба из Одессы.

Для транспортирования его по распоряжению генерала Сакена между Одессой и Тирасполем была учреждена перевозка, названная *маятной*.

Маятная перевозка состояла в том, что на небольших расстояниях были устроены этапы, на которых были собраны в соответствующем числе подводы. Каждый транспорт доходил лишь до соседнего этапа, где хлеб перекладывался на заготовленные там подводы и немедленно перевозился на них дальше, до следующего этапа.

Опорожненные же повозки транспорта после кормления упряжного скота возвращались обратно на свой этап.

Таким образом, перевозка ускорялась, так как не тратилось время на простой для корма скота.

На этапах были расставлены обывательские подводы, собранные в Одессе и ближайших уездах, а также повозки трех полубригад передвижного магазина (всего было собрано в Одессе и уездах 4455 подвод)¹⁷⁷.

До 8 апреля (до прибытия полубригад) было перевезено в Тирасполь 17 383 четв. разного хлеба. Как только полубригады прибыли на этапы, было получено предписание фельдмаршала об отправке их в распоряжение князя Горчакова, по просьбе последнего. Они были нагружены 13 090 четв. хлеба и немедленно отправлены в Леово¹⁷⁸.

После этого перевозка была прекращена по следующим причинам:

1) полубригады передвижного магазина, по просьбе князя Горчакова, были отправлены к нему на Дунай. Дальнейшая перевозка хлеба из Одессы в княжество, по представлению генерала Затлера, была прекращена, так как хлеб, который доставлялся бы таким способом в Бухарест или в Силистрию, обходился бы почти в три раза

дороже, чем заготавливаемый в княжествах, и на перевозке одесского хлеба казна несла бы чистого убытка, по подсчетам генерала Затлера, до 4 миллионов рублей. Вместе с тем наша коммуникационная линия слишком истощилась бы от движения по ней громадных транспортов¹⁷⁹;

2) с наступлением весны увеличились затруднения в найме подвод, так как подводчиков пришлось отпустить по домам для полевых работ.

По этим причинам, на основании представления генералов Сакена и Затлера, фельдмаршал приказал прекратить вывоз хлеба из Одессы, предоставив его в распоряжение владельцев. При этом в Одессе должно было остаться около 556 000 четв. невывезенного хлеба¹⁸⁰.

Перевозка в Жеребково и Шараево была начата в первых числах апреля на двух полубригадах передвижного магазина. Но 8 апреля было получено предписание фельдмаршала отправить эти полубригады князю Горчакову. Они были отправлены в Леово с 11 633 четв. хлеба, а перевозка в Шараево и Жеребково была произведена на вольнонаемных подводах. К 20 мая было свезено туда все назначенное количество запасов: 50 000 четв. муки и 50 000 четв. овса, за вычетом отправленных в Леово¹⁸¹.

В Шараево и Жеребкове были выстроены огромные здания для магазинов¹⁸².

Ко времени снятия осады Силистрии, т. е. к 10 июня 1854 года, состояние запасов было следующее:

войска, находившиеся в княжествах, были обеспечены продовольствием, производившимся поставками, по 1 сентября 1854 года; эти запасы были сосредоточены в магазинах на первой и второй базах и на коммуникационных линиях.

Кроме того:

а) *в княжествах*

Собрано по реквизиции в княжествах (в Яссы, Бырлат, Текуч, Фокшаны и Бузео)		<div> <div>15 234 четв. муки</div> <div>963 » круп</div> <div>1670 » ячменя</div> </div>
В Молдавии собрано по распоряжению фельдмаршала (в местах, удаленных от магазинов)		<div> <div>11 000 » муки</div> <div>11 000 » круп</div> </div>
На первой базе (Леово—Скуляны)	заготовлено раньше	<div> <div>50 000 » сухарей</div> <div>5000 » круп</div> </div>
	в Леово переведено из Одессы и военных поселений ...	24 723 » хлеба
На второй базе (Придунайской)	заготовлено раньше	<div> <div>50 000 » сухарей</div> <div>5000 » круп</div> </div>
	в Измаиле по распоряжению Паскевича	5000 » хлеба

Всего в княжествах и на обеих базах, кроме запасов на текущее довольствие (по 1 сентября 1854 года) — около 156 000 четв. муки, сухарей и разного хлеба, около 12 000 четв. круп, 1670 четв. ячменя.
б) на Приднестровской базе

В Одессе	{	556 000 четв. разного хлеба
В Тирасполе		17 383 » » »
В Ширяеве и Жеребкове	{	38 677 » муки
		50 000 » овса
В Замостье	{	18 000 » муки
		8 000 » овса
В Хотине	{	5 000 » муки
		500 » овса
В Каменец-Подольском и Балте	{	156 000 » муки
		1 560 » круп
		100 000 » овса

Всего 791 000 четв. муки и разного хлеба, 2060 четв. крупы, 158 000 четв. овса.

в) *В районе действующей армии мирного времени* войска были обеспечены текущим довольствием по 1 октября 1854 года, и, кроме того, крепости были снабжены продовольствием по оборонительному положению на 6 месяцев. В крепостях был запас 14 250 четв. сухарей. В магазинах в Царстве Польском — 25 000 четв. овса. В сельских магазинах в Бессарабии — 259 000 четв. хлеба и 4000 четв. овса.

Ко времени перехода через Дунай расположение артиллерийских запасов было следующее.

Подвижные парки: № 10 — в с. Тарачени (между Ольтеницей и Силистрией); № 11 — в Галича-Маре; № 12 и 14 — в Бухаресте; № 15 — в Браилове. Из Брест-Литовска в Кишинев шел № 7; в Тирасполе находился № 13 и формировались № 18 и летучий № 9.

Подвижные парки, находившиеся в княжествах, пополняли свои запасы из промежуточных складов, которые были в Фокшанах (на 6 местных парков и артиллерийское депо), Браилове (на 2 с половиной подвижных парка) и Плоешти (на 2 местных парка). Наибольшие резервные склады находились в Крайове (на $\frac{3}{4}$ подвижного парка) и Фратешти (близ Журжи, который укомплектовывался до размера одного подвижного парка).

Подвижной арсенал № 3 и два отделения (5-е и 6-е) осадного артиллерийского № 2 парка были в Тирасполе; половина лабораторной роты № 2 — в Бухаресте, другая половина — на пути

в княжества из Риги. Склад артиллерийских припасов и принадлежностей был еще и в Леовете.

Для Дунайской армии перволинейными парками, комплектовавшими промежуточные, считались местные парки: Измаильские, Бендерские и Хотинские. Эти парки были, вследствие больших отправок своих запасов на Дунай, не в комплекте, что составляло предмет усиленных забот князя Горчакова, просившего об их пополнении.

Второлинейными парками для пополнения перволинейных служили Киевские местные парки, пополнявшиеся в свою очередь из Калуги. Киевские парки также были истощены, комплектовались из Калуги медленно, и потому было разрешено в добавок к ним комплектовать перволинейные парки из Брест-Литовска и Новогеоргиевска.

По соображениям артиллерийского департамента, при войсках на Дунае и в комплектовавшихся их парках, подвижных, промежуточных и перволинейных, в марте должно было состоять около двух комплектов патронов, полагавшихся в Дунайских войсках. Кроме того, из внутренних складов в России везлись в Измаил, Фокшаны и Бухарест оружие и материальная артиллерийская часть.

С марта по июнь промежуточные парки усиленно пополнялись запасами подвозом из перволинейных местных парков, по сношению начальника артиллерии армии с начальником перволинейных парков. В промежуточных парках образовался даже некоторый излишек против штата того числа парков, которые положено было там сосредоточить. Излишек этот, впрочем, образовался в наименее важных предметах, а именно: подков, гвоздей и разного рода штатных инструментов. При первоначальном оборудовании парков они были снабжены этими предметами в полном количестве по положению; те же запасы состояли и в подвижных парках. При пополнении же промежуточных парков перволинейными из последних высылались части местных парков, на основании положения 1848 года, т. е. опять-таки с этими вещами. Таким образом, склады загромождались ненужными в таком количестве вещами, а на перевозку тратились лишние средства. Только в конце апреля, по представлению генерала Сержпутовского, было приказано обозначать в требованиях перволинейным паркам, что высылать нужно и чего не нужно.

С имуществом местных парков, перевозимым в промежуточные парки, отправлялись конвойными нижние чины от артиллерийских гарнизонов Дунайского округа. По прибытии на место назначения они частью оставлялись там для хранения имущества. Начальник артиллерийских гарнизонов Дунайского округа обеспокоился такой мерой, и 1 мая была послана князю Горчакову от военного министра бумага с указанием, что с отправкой в княжества

Атака Бомарзунда

этих чинов «может дойти до того, что в Дунайском округе не будет хватать прислуги при орудиях», и что ввиду этого высочайше повелено, если возможно, вернуть артиллерийских нижних чинов, назначив вместо них солдат от пехоты. На самом деле оказалось, что к 10 июня в княжествах было всего 58 человек от артиллерийских гарнизонов Дунайского округа, большая часть которых была уже предназначена к обратной отправке. Конвойных решено было назначать впредь от гарнизонных батальонов, а для присмотра за имуществом и для исполнения обязанностей цейхдинеров оставить небольшое число артиллеристов Дунайского округа, заменив отосланных артиллеристов нижними чинами артиллерийского депо в Фокшанах¹⁸³.

Фокшанский парк был самый большой. Через него главным образом шли припасы для прочих мест и парков¹⁸⁴. Кроме того, при нем было обширное артиллерийское депо. Там находились для батарей на Дунае орудия, лафеты, зарядные ящики, колеса, принадлежность и прочее. В марте было приказано ускорить доставку в Фокшаны 46 орудий, 67 лафетов, 95 зарядных ящиков и запасных колес, потребованных князем Горчаковым¹⁸⁵. Для пехоты и кавалерии там было в июне сложено до 36 000 ружей¹⁸⁶.

Плоештский промежуточный парк, как находившийся несколько в стороне от мест главного сосредоточения войск, 16 мая было приказано упразднить. Все имущество его было перевезено в Бухарест как в пункт, ближайший и более удобный для размещения запасов.

Перевозка эта была совершена в мае повозками подвижного № 10 парка в несколько рейсов¹⁸⁷. Новые промежуточные склады были устроены в Бырлате и Калараше.

Устройство Каларашского склада, предназначавшегося для снабжения осадного корпуса под Силистрией, началось с самых первых чисел апреля. 6 апреля было приказано отправить немедленно из Фокшанского парка в Слободзею 1200 пудов пороха для

осадных инженерных работ. Но так как в Слободзее не нашлось необходимых помещений для склада этого пороха, то эта отправка была приостановлена, а к 18 апреля он был перевезен прямо в Калараш¹⁸⁸.

Затем парковые запасы доставлялись в Калараш еще из Фокшан и штуцерные патроны — из вновь учрежденного Бырлатского склада.

Часть этих запасов перевозилась средствами подвижных парков № 7 и 14¹⁸⁹, но, вследствие их недостаточности, к 4 июня в Слободзее было собрано 118 наемных подвод для перевозок из Фокшан и Бырлата в Калараш¹⁹⁰.

Из Дунайского округа были отправлены в Калараш 5-е и 6-е отделения осадного артиллерийского парка № 2. Три четверти имущества этих парков первоначально было отправлено из места своего расположения в Тирасполе в Измаил. Из Тирасполя они были перевезены в Измаил на трех воловых ротах провиантского подвижного магазина из-за невозможности нанять подводы. Они, выступив из Тирасполя 25, 26 и 27 марта (по дороге на Токузы, Бриен и Таш-Бунар), стали прибывать в Измаил начиная с 28 марта.

Вместе с отделениями осадного парка был отправлен из Тирасполя в Браилов и подвижной арсенал № 3 (по дороге Токузы, Лейпцигская, Тараклия, Болград—Рени)¹⁹¹. Дальнейшая перевозка была совершена по воде. Дунайская флотилия могла дать для этой перевозки только два флашкоута, из которых каждый мог поднять до 20 000 пудов. Но так как фарватер между Браиловом и Гирсовом был настолько мелок, что грузить можно было только до осадки в воде 6½ фута, то ненагруженными остались 15 000 пудов. Для них были наняты в Измаиле 3 частных кирлаша, на которые была погружена только половина оставшегося. Для поднятия судов по течению был дан всего один пароход, который взял на буксир 2 судна, а прочие отправились на бечеве. Этот транспорт выступил из Измаила 21 апреля и прибыл в Гирсово 25-го.

Для оставшихся 7500 пудов пришлось послать нанимать кирлаши в Тульчу из-за невозможности достать их в Измаиле, и они были отправлены позже.

Некоторое количество пороха для Каларашского склада доставлялось прямо из Дунайского округа водным путем. Для этого впоследствии нанимались в Измаиле кирлаши. Перевозка эта шла медленно, так как при встречном ветре кирлаши останавливались, в особенности выше Гуры-Яломницы, и тогда для поднятия их вверх по течению требовались пароходы. Такой подвоз водой продолжался все время до 10 июня¹⁹².

Так как в окрестностях Бырлата предполагалось расположить драгунский корпус, то фельдмаршал приказал устроить в Бырлате промежуточный склад, перевозя туда парковое имущество из Фокшан, в котором оставил запасов только на 3 местных парка. В Фок-

шанах в это время было запасов на 6 парков или несколько более, так что в Бырлате должен был составиться запас в размере около трех местных парков. Эта перевозка была совершена подвижными парками № 7 и 12, который с конца апреля до 21 июня делали рейсы между Фокшанами и Бырлатом¹⁹³.

В Леове понемногу образовался артиллерийский склад и депо значительных размеров, так как туда направлялись многие запасы для промежуточных парков. Так как Леово служил лишь передаточным пунктом, то, в каком количестве в разное время там имелось запасов, проследить очень трудно.

В местных перволинейных парках после отправления запасов Дунайского округа в промежуточные парки и за сделанным распоряжением о пополнении этих запасов частью перевозкой из второлинейных киевских парков, а частью приготовлением на месте к концу апреля состояние с запасами боевых патронов ружейных, штуцерных и карабинных было следующее:

	Имелось в наличии	Недоставало против штата
в Хотине	1 505 075	97 075
в Бендерах	792 305	809 845
в Измаиле	2 024 690	1400
Итого	4 322 070	908 320

Из числа недостававших патронов главная масса — 809 845 — приходилась на бендерские парки, почему в апреле еще было приказано отправить из Москвы и Калуги в Бендеры 1 175 055 разных патронов для пополнения бендерских парков и на случай новых требований в промежуточные.

После высочайшего разрешения укомплектовать местные парки Дунайского округа из брест-литовских и бобруйских парков в конце апреля было приказано отправить:

из Бреста в Измаил запасов на 3 местных парка

и в том числе	1 602 150 патронов;
из Бобруйска в Бендеры	600 000 »
из Бобруйска в Хотин	29 075 »

После этого в местных парках Дунайского округа должен был образоваться запас патронов в 7 728 350 штук¹⁹⁴.

В Измаиле сосредотачивалась масса всяких других артиллерийских запасов, главным образом для осады Силистрии, направлявшихся в княжества по воде.

В конце марта и в начале апреля были доставлены в Измаил те 3332 пуда пороха, которые князь Горчаков приказал перевезти из Бендер и Хотина для осадных инженерных работ под Силистрией.

Предписание князя Горчакова о приостановке этой перевозки, посланное им по получении о том высочайшего повеления, было получено в Бендерах и Хотине в то время, когда эти запасы были уже отправлены в Измаил¹⁹⁵.

Через Измаил было доставлено из Петербурга в апреле и мае несколько тысяч конгревовых ракет. Из них часть отправлена водой к Силистрии, а часть в Тульчу, где в это время формировались две ракетные батареи¹⁹⁶.

Из Одессы отправлялись через Измаил патроны ($\frac{2}{3}$ одесского запаса) и артиллерийские запасы на одну артиллерийскую бригаду.

В Бендеры доставлялся в марте и апреле порох из Москвы, Бобруйска, Херсона и с Шостенского завода ($4\frac{2}{3}$ тысячи пудов); в Хотин — 3 000 пудов с Казанского завода.

Князь Горчаков в это время был сильно озабочен доставкой тех 6000 пудов пороха, которые он считал необходимым иметь для инженерных работ при осаде Силистрии и Рушука. Несколько раз он запрашивал об этом Военное министерство и наконец получил разрешение взять не хватавшие у него 2668 пудов (дополнение до 6000 пудов к полученным 3222 пудам из Бендер и Хотина) из Бендер, когда туда придут ожидаемые запасы¹⁹⁷.

Фельдмаршал, предполагая возможным разрыв с Австрией, 22 апреля просил высочайшего разрешения учредить промежуточный склад в Тульчине. Он считал необходимым иметь склад артиллерийских припасов в тылу Каменец-Подольского, между перволинейным и второлинейным парками, так как Киев был далеко. Князь Варшавский, под влиянием опасений Австрии и имея, очевидно, в виду в этом случае оборонительный образ действий, предназначал Тульчинский склад для войск, которые будут оперировать на нашей южной границе, в Бессарабии и Молдавии.

10 мая было объявлено повеление государя императора немедленно образовать в Тульчине склад припасов на 6 местных парков, перевезя для этого запасы на 3 местных парка из Брест-Литовска и на 3 — из Киева. Перевозка началась, причем имелось в виду закончить ее в двадцатых числах июня¹⁹⁸. Между тем в течение апреля, мая и начала июня из разных пунктов России следовали транспорты с артиллерией, порохом и боевыми припасами в перволинейные парки, Фокшаны и Калараш.

Военное министерство, считая, что перволинейные парки и Дунайская армия укомплектованы и снабжены полным комплектом боевых припасов, еще 8 июня запросило князя Горчакова, не следует ли часть артиллерии из Фокшан обратить в другие места, а некоторые промежуточные парки в княжествах упразднить, перевезя оттуда припасы в крепости Дунайского округа, а припасы, находившиеся на пути к перволинейным паркам, направить в Тульчин и Киев¹⁹⁹.

За Дунай было приказано взять только те подвижные парки, в которых имелись хорошие лошади²⁰⁰.

В добавок к пяти подвижным паркам, находившимся уже в княжествах, были назначены подвижные парки № 6, 7, 18 и летучий № 9.

Парк № 6 находился в Брест-Литовске и мог быть снабжен обозом только к 1 июля, поэтому 6-я дивизия следовала на юг без парка.

Парк № 7, как уже было сказано, во время перехода наших войск через Дунай шел из Бреста в Кишинев к 3-му корпусу. В движении его произошло замедление, потому что по случаю глубоких снегов на Волынском тракте пришлось поставить парковые повозки на полозья, которые нужно было купить в пути²⁰¹.

Он прибыл прямо в Калараш, где свалил свои запасы, а затем прошел в Фокшаны и до 21 июня, как мы видели, занимался перевозкой запасов из Фокшан в Бырлат²⁰².

Парк № 10 с мая занимался перевозкой припасов из Плоешти в Бухарест²⁰³.

Парк № 12 с апреля по 21 июня перевозил припасы из Фокшан в Бырлат²⁰⁴.

Парки № 11 и 15 находились в княжествах, но где именно, по имевшимся источникам определить трудно. Парк № 18, сформировавшийся в Тирасполе, выступил оттуда в Измаил только 11 апреля, так как до тех пор не был готов из-за задержки в доставке конской амуниции из Московского арсенала. 24 апреля он прибыл в Измаил и был назначен в отряд генерал-лейтенанта Ушакова²⁰⁵.

Летучий № 9 парк не был готов до конца марта; по окончательном сформировании он выступил из Тирасполя в Максими-Валахские и в конце июня находился при отряде генерала Соймонова²⁰⁶.

При войсках в Молдавии, где было к середине июня 1 1/2 дивизии пехоты, 1 1/2 дивизии кавалерии и 104 орудия, не было ни одного подвижного парка. Поэтому фельдмаршал 4 июня писал Горчакову о необходимости немедленно двинуть один из подвижных парков в Бырлат, нагрузив его в Фокшанах²⁰⁷.

Для войск барона Остен-Сакена особых запасов по-прежнему учреждено не было. Для 16-й пехотной дивизии, расположенной около Одессы, были назначены херсонские, измаильские и бендерские местные парки; для 6-й дивизии, находившейся в западной части Подольской губернии, — хотинские местные парки. В случае передвижения дивизии к центру Бессарабии для снабжения ее боевыми припасами имелись в виду бендерские парки; в случае движения ее на Дунай — измаильские; при движении в княжества — фокшанские или вообще ближайшие²⁰⁸.

Для войск князя Меншикова были назначены севастопольские местные парки и половина подвижного парка № 8, находившегося в Белгороде, и херсонский запас оружия, из которого 20 марта было приказано переслать в Севастополь 1000 кремневых ружей для не-

строевых и рабочих и все требуемое количество ударных ружей для резервных и запасных батальонов 13-й пехотной дивизии.

Запаса полевой артиллерии по-прежнему решено было для Крыма не учреждать, а вместо того приблизить к Крыму резервные и запасные батареи 6-й артиллерийской дивизии, которые 28 марта находились в Екатеринославе и Кривом Роге²⁰⁹.

К 10 июня 1854 года общее расположение артиллерийских запасов было следующее.

Второлинейные парки —

в Киеве, Брест-Литовске, Новогеоргиевске и Бобруйске.

Перволинейные парки —

в Измаиле, Бендерах и Хотине.

Промежуточные склады:

Тульчин — на 6 местных парков (свозилось);

Леово — склад и депо;

Бырлат — более чем на 3 местных парка (свозилось);

Браилов — около 2¹/₂ парка;

Тульча — временный склад для ракетных батарей;

Фокшаны — на 3 местных парка и депо;

Урзичени — на 2 местных парка;

Бухарест — на 2 местных парка; склад оружия; лабораторная рота № 2;

Калараш — склад и 5-е и 6-е отделения осадного № 2 парка.

Кроме того, в княжествах — подвижной арсенал № 3, подвижные парки № 7, 10, 11, 12, 14, 15 и 18 и летучий № 9 (в Шербанешти). Из них 3 — под Силистрией.

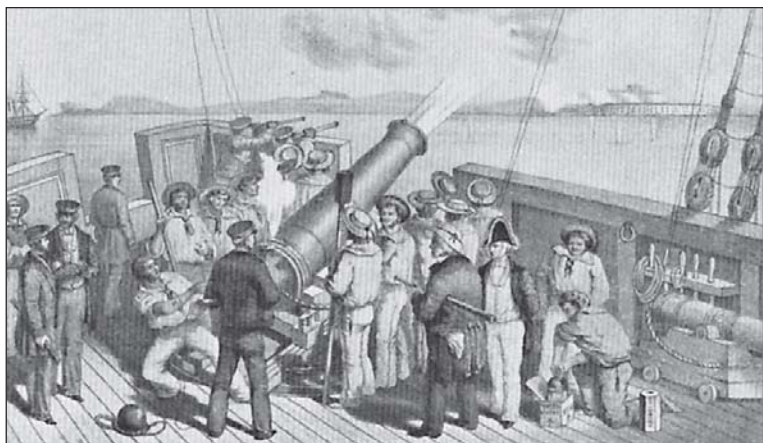
Для Крымской армии — местные парки севастопольские (3 м. п.) и херсонские (3 м. п.); подвижной парк № 8 в Белгороде и *херсонский склад оружия*.

К 11 марта 1854 года в княжествах было сосредоточено 35 госпитальных кадров, из которых были в разных пунктах открыты военно-временные госпитали № 1—21, один — в Скулянах и один — в Леове. Кроме того, большое количество госпитальных вещей было собрано в Измаиле, Галаце и Браилове.

После переправы через Дунай больные отправлялись сначала в Браилов, Измаил и Галац²¹⁰.

Когда войска начали наступать к Силистрии, то одновременно с ними туда были направлены 4 передвижных госпиталя (один, № 5, из Крайова и три, не открывавшиеся до тех пор), и к 1 июня у Калараша сосредоточилось 4 военно-временных открытых госпиталя, каждый на 300 мест. В них во время осады перебивало 2500 больных и раненых²¹¹.

Легкобольных было приказано лечить при войсковых частях, чтобы тяжелобольные в госпиталях были менее стеснены.

Первый выстрел по Бомарзунду

Во время осады раненые после перевязки отправлялись в воен-но-временные госпитали²¹².

Военно-временные госпитали в Крайове были закрыты и пере-ведены в апреле в Бухарест, Калараш и Одобешти (близ Фокшан).

В апреле же были закрыты: госпиталь № 6 в Слатине, направ-ленный в Бухарест; № 8 в Плоешти, отправленный в Галац, и № 19 в Баку; № 7 был переведен из Тырговицы в Чарой.

Остальные госпитали, которые были открыты к 11 марта, оста-вались в тех же пунктах.

Вновь было открыто в апреле, мае и июне 9 военно-временных госпиталей.

Всего к 10 июня для Дунайской армии было открыто 24 военно-временных госпиталя²¹³.

Для осмотра госпиталей и проверки их деятельности во время действий на Дунае посылались генералы свиты, флигель-адъютан-ты и доверенные лица от главнокомандующего.

После переправы через Дунай коммуникационные пути к 10 июня оставались в общем те же самые, которые были и к 11 марта.

Магазины и склады оставались, за исключением тех помеще-ний из складских пунктов продовольственных и боевых припасов, которые указаны выше, на тех же местах. За неимением помеще-ний достаточных размеров приходилось запасы муки, сухарей, кру-пы, спирта и прочего продовольствия во многих местах хранить частью на открытом воздухе.

Продукты эти от дождей и солнца сильно портились, строить же для них крытые помещения не было возможности: во-первых, на это нужно было много времени, даже для одного только подвоза

материалов; во-вторых, стоянки войск могли измениться; в-третьих, сами постройки обошлись бы дороже, чем испорченные продукты²¹⁴.

В конце марта был наведен мост через Дунай у Исаки, который прикрывался турецким укреплением, обращенным в тет-де-пон.

В конце же марта закончили постройку моста на плотях ниже Гирсова для упрощения доставки припасов на правый берег Дуная. Так как через Гирсово проходил путь отступления всего отряда генерала Лидерса, то находившееся в этом месте предмостное укрепление было решено усилить 4 люнетами и батареей²¹⁵.

В Скулянах к концу июня был построен второй мост, и приняты меры для постройки моста у Фальчи²¹⁶.

Между Слободзеей и Каларашем оказалось мало воды, и на этом пути было выкопано более 20 колодцев²¹⁷.

Между Тульчей, Гирсовом и Черноводами была учреждена летучая казачья почта. На каждом посту было поставлено по 1 уряднику и 10 казаков. Посты были в следующих пунктах: Тульча, Сомово, Исака, Лункавица, Мачин, Туркай, Печенияга, Даяны, Гропа-Чабон, Гирсово, Пездирешти, Боащин и Черноводы²¹⁸.

По Дунаю, от Турно до Галаца, стояли кордоны в Турно-Северине, Калафате, Бекетуле, Излизе, Турно, Журже, Ольтенице, Калараше, Гура-Яломнице, Браилове и Галаце²¹⁹.

Маршруты для движения транспортов от Бендер назначались по следующим дорогам:

в Измаил — Нов. Коушаны, Токузы, Клястицкая, Фриденталь, Брисенская, Ташлык, Фонтына-Дзенилар, Таш-Бунар;

в Рени — Нов. Коушаны, Токузы, Лейпцигская, Тошай, Тараклия, Болград, Волконешти;

в Леово — Кашкалия, Розены, Гура-Гальбина, Горацыка, Баштелам²²⁰.

Во время движения отряда генерала Лидерса от Мачина к Гирсову для обеспечения коммуникационных линий им были оставлены на ней несколько отрядов:

в Галаце — один эскадрон Уланского принца Альбрехта Прусского полка и два батальона Прагского полка, которые вместе с тем были заняты доставкой материалов для плотового моста в Гирсово;

в Браилове — один эскадрон того же полка, батальон Прагского полка с 4 орудиями 6-й батареи и 2 орудия Валахской батареи;

в Мачине — 2 батальона Модлинского полка, 8 орудий 15-й артиллерийской бригады и 1 сотня Казачьего № 9 полка;

в Гура-Яломнице — 1 батальон Прагского и 1 батальон Модлинского полков;

в Измаиле — Гусарский графа Радецкого полк;

в Тульце — 1 батальон пехоты и 1 сотня казаков;

между Тульчей и Бабадагом, на половине расстояния, стоял Гусарский принца Фридриха Гессен-Кастельского полк;

в *Бабадаге* — 2 сотни казаков (из отряда Ушакова, с 15 марта)²²¹.

После 22 марта весь Прагский полк был сосредоточен к отряду в Гирсово, а в Браилов поставлен батальон Житомирского полка и дивизион 14-й артиллерийской бригады²²².

Тотчас же вслед за снятием осады Силистрии начался, в сущности, и постепенный вывоз запасов из княжеств.

Ко дню снятия осады войска, находившиеся в княжествах, по-прежнему были обеспечены всеми видами провианта в избытке.

В одном Калараше в это время было сложено до 100 000 четв. продовольственных припасов; в Слободзее имелось 30 000 четв. сухарей; в Бухаресте, Бузео и Фокшанах перепекалось в сухари 150 000 четв. муки. Мясо и фураж поставляли подрядчики в нужном количестве.

Вместе со снятием осады было приказано вывезти немедленно каларашские запасы провианта в Бузео.

Так как осада была снята внезапно и для вывоза назад такого количества груза не было принято никаких предварительных мер, то для проведения этого в исполнение представились громадные затруднения. Тем не менее почти весь этот запас был перевезен в Бузео к концу июня²²³. В Калараше было оставлено только 2792 четв. муки и сухарей, 8628 четв. ячменя и 233 бочки спирта для войск генерала Лидерса, оставшихся в Калараше и Обилешти²²⁴.

3 июля, перед переходом главных сил авангарда в Обилешти-Ноу, этап из Калараша был переведен в Обилешти, и между этим пунктом и Каларашем устроена казачья летучая почта²²⁵.

Затем, после отступления из-под Силистрии и до высочайшего приказа об очищении княжеств (9 августа), дальнейшего вывоза запасов не производилось, так как политическое положение было не выяснено и было неизвестно, будут ли войска действовать на Дунае или отступят в Россию.

Но было решено на всякий случай уменьшить запасы в магазинах, расходуя их на довольствие войск. Ввиду этого войскам было приказано брать все предметы довольствия из магазинов, не исключая и тех, которые до сих пор покупались самими войсками. Припасы эти подвозились из магазинов к войскам на 10 полубригадах передвижного магазина, находившихся уже в княжествах²²⁶.

Стягивание боевых припасов к северу как в самих княжествах, так и на юге России производилось более деятельно, чем провианта. Некоторые запасы из Калараша начали отвозить немедленно вслед за снятием осады. 5-е и 6-е отделения осадного парка № 2 выступили из Силистрии уже 13 июня и прибыли в Рени 28 июня²²⁷.

Тем не менее в июне делались еще некоторые пополнения промежуточных складов в княжествах.

Так, 27 июня было приказано перевезти из Бырлатского склада обратно в Урзичени артиллерийских снарядов, пехотных патронов и прочих материалов на 2 парка, а штуцерных патронов на 4 парка. Перевозка началась 3—5 июля на вольнонаемных подводах и производилась еще в августе. По прибытии этих запасов в Урзичени они не сгружались с повозок, а образовали подвижной запас²²⁸.

Фокшанский склад было приказано окончательно упразднить в июне, и 29 июня имущество этих парков усиленно свозилось в Бырлат²²⁹.

В Леово из хотинских местных парков и других внутренних складов доставлялись снаряды и другие боевые припасы и за недостатком места очищались для складов здания других ведомств²³⁰.

Ввиду предполагаемого расположения армии на р. Серете было признано необходимым учредить в Кишиневе промежуточный склад, равный трем подвижным паркам.

21 июня для устройства этого склада и подыскания помещений был командирован в Кишинев офицер.

Так как подходящих помещений не нашлось ни в самом городе, ни в его окрестностях, то приступили к постройке в Кишиневе порохового погреба для запасов трех парков. До тех же пор было решено направлять порох в Бендеры. Припасы в Кишиневский склад было приказано перевезти из Леова и Бырлата, а бессарабскому гражданскому губернатору сообщено, что транспорты с имуществом трех подвижных парков начнут прибывать в Кишинев между 12 и 20 августа²³¹.

Пополнение перволинейных парков, ближайших к границе княжеств, было несколько приостановлено.

В июне в измайльских, бендерских и хотинских парках не хватало некоторого количества запасов против положенного, так как часть их из Бендер и Хотина была отправлена в Кишинев взамен недостающего количества в Измаиле.

Затем бендерские и хотинские парки были в июне частью пополнены, а порох, шедший в Измаил и Килию, князь Горчаков приказал даже оставить в Тульчине.

20 июня князь Горчаков приказал паркам Дунайского округа не требовать недостающих припасов из Киева и отложить назначенную уже отправку пороха из Киева в перволинейные парки²³².

К тому же киевские парки не в состоянии были пополнить все перволинейные, так как киевские запасы шли и на другие потребности²³³.

Недостающие предметы в перволинейных парках князь Горчаков имел в виду пополнить запасами промежуточных парков, когда

они будут оттуда вывезены, а потому до конца июля парки Дунайского округа так и оставались непополненными. В одних измаильских и бендерских парках не хватало около 21 000 гранат и ядер и, кроме того, значительного количества картузов, гранатных трубок, палительных свечей, фитиля, свинцовых пуль и пр.²³⁴.

Вывоз больных из княжеств в Россию начался во второй половине апреля.

Из ближайших к армии госпиталей больные перевозились в более удаленные, в тыл, а из них — в Россию.

После снятия осады Силистрии больных в госпиталях и лазаретах было 21 961.

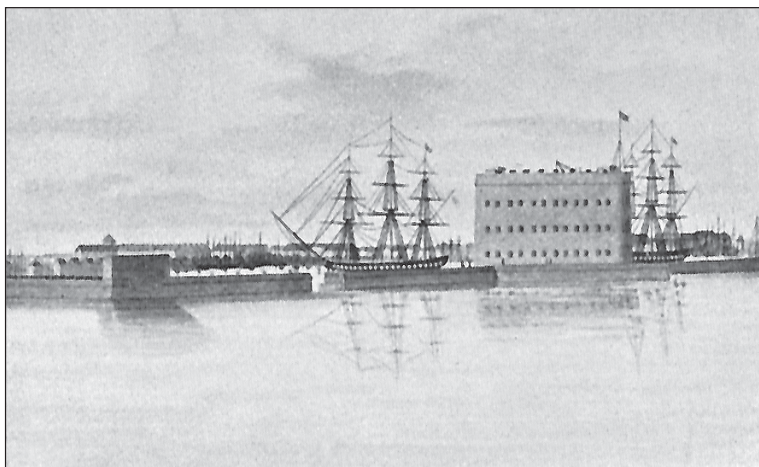
В середине июля военно-временных госпиталей, открытых в княжествах, было 17, расположенных: в Бухаресте (№ 6), Плоешти (№ 29), Бузео (№ 28), Фокшанах (№ 10), Одобешти (№ 12 и 27), Гурбанешти (№ 25), Бырлате (№ 11 и 26), Галаце (№ 14, 18 и 48), Яссах (№ 16 и 35).

По пути следования транспортов с больными несколько раз в различных пунктах открывались и закрывались военно-временные госпитали, смотря по надобности (в Урзичени и др.), в которых больные оставались для отдыха. К началу августа в Текуче было сосредоточено три госпитальных кадра (№ 3, 6 и 28), средствами которых там был устроен большой этапный госпиталь на 2000 человек в провиантских сараях, в которых были сделаны нары²³⁵. К середине августа в княжествах оставались открытыми военно-временные госпитали только в Текуче (№ 3, 6 и 28), Галаце (№ 4, 8, 14 и 18), Бырлате (№ 11 и 26), Фокшанах (№ 10), Яссах (№ 16 и 35). Последние военно-временные госпитали были закрыты в княжествах 22 августа.

С середины апреля до выступления из Бухареста всех транспортов с больными было в движении 122; в том числе сухопутных — 107, водою — 15²³⁶.

Когда было приказано вывести наши войска из княжеств, там оставалось более 400 000 четв. разного хлеба, собранного в магазинах, раскинутых на пространстве 600 верст. Главным пунктом своза было назначено местечко на р. Прут — Водолуй-Исакчи. Запасы со всех концов княжеств направлялись прежде всего на дорогу из Бузео в Бырлат. Понятно, какие громадные перевозочные средства потребовались для вывоза всего заготовленного провианта. Полагая по 4 четв. на подвод, всего нужно было иметь 100 000 подвод²³⁷.

В подвижном магазине, состоявшем из 10 000 повозок, убыло, вследствие падежа скота, к началу августа около 2200 голов²³⁸. Все перевозочные средства, какие только можно было достать, были назначены для этой перевозки. Масса подвод была взята по наряду от земли. Подвижные артиллерийские парки, которые шли порож-

Взятие Бомарзунда (народная картина)

няком или которые оказывалось возможным временно опорожнить от боевых припасов, также нагружались провиантом. Подвижным артиллерийским паркам № 11 и 14 было приказано сложить свое имущество в Текуче, и со 2 августа они специально занимались перевозкой провианта из Фокшан в Текуч²³⁹.

В конце июля в Браилове было сосредоточено и зафрахтовано 60 кирлашей частных лиц.

На этих кирлашах вывозимые из княжеств продукты отправлялись в Рени, откуда перевозились в Водолуй-Исакчи уже сухопутным. Это было сделано с целью избежать усиленного наряда подвод в Браиловском и Галацком уездах, которые были предоставлены для сбора подвод под вывоз больных²⁴⁰.

От Бухареста до Леова 313 верст; дорога здесь была грунтовая, в плохом состоянии. Транспорты проходили этот путь в один конец в 20 дней. Вывоз длился более месяца. За это время из Бузео, Фокшан и Текуча ежедневно выступало до 1500 подвод, которые шли до следующего магазина, где перегружали свои запасы на другие подводы. Насколько возможно, припасы отпускались войскам. Скопление подвод с провиантом, боевыми припасами и больными было местами такое, что повозки шли по 4 в ряд²⁴¹.

Главная масса запасов, несмотря на все трудности, была перевезена в Россию ко времени выхода из княжеств последних частей войск²⁴².

В Водолуй-Исакчи было свезено около 200 000 четвертей провианта. 3 августа было приступлено к постройке в Водолуй-Исакчи тет-де-пона для прикрытия склада. Работы производились ротой

саперов и батальоном Подольского полка, но 24 августа укрепление было скрыто²⁴³.

Существеннейшие распоряжения для окончательного вывоза боевых припасов из княжеств были сделаны князем Горчаковым в конце июля. По предложениям, составленным еще раньше и частью уже выполненным в июле, запасы промежуточных заграничных складов было назначено перевезти в склады и парки Дунайского артиллерийского округа, в Кишинев, Дубоссары, Тирасполь, Бендеры, Хотин, Забужье и Ольвиополь. В Дубоссарах было решено устроить артиллерийское депо.

В местности под названием Забужье (Винницкого уезда), в селе Уладовка (на северо-запад от г. Винницы), предполагалось учредить промежуточный склад на 6 местных парков. В Дубоссары и Забужье были командированы офицеры, которые приступили к приготовлению помещений для складов²⁴⁴.

В это время уже существовали предположения о возможности осады Бендер, а потому в августе последовало высочайшее повеление²⁴⁵ о перемещении бендерских местных парков в Тирасполь. Поэтому 27 июля князь Горчаков сделал следующие распоряжения. Вследствие «ненадежности одного из пороховых погребов в Бендерах» было приказано весь порох из этой крепости и отправленный туда сверх необходимого для ее обороны поместить в Тирасполе, куда привезти из Бендер и местные парки.

В это время в Тульчине был уже промежуточный склад на 6 местных парков.

Ввиду все тех же опасений Австрии военный министр запросил князя Горчакова, не признает ли он нужным по нынешним обстоятельствам перевезти заблаговременно местные парки из Хотина за Буг. На это князь Горчаков отвечал 28 июля, что считает нужным перевезти местные парки из Хотина, а также из Тульчина в Винницу²⁴⁶.

Кроме того, 24 июля главнокомандующий приказал перевезти Леовское артиллерийское депо в Дубоссары²⁴⁷.

Поэтому хотинские и бендерские парки были предназначены для формирования Забужского промежуточного склада, и пунктами для своза заграничных запасов окончательно были назначены Кишинев, Дубоссары, Тирасполь, Ольвиополь и только отчасти Хотин и Бендеры.

В Кишинев свозились запасы из всех заграничных складов; в Дубоссары — депо из Фокшан и Леова; часть имущества из княжеств — в Забужье и Тирасполь, и затем все остальное предполагалось везти в Ольвиополь²⁴⁸.

Перевозка в общих чертах производилась по следующим пунктам: из Урзичени — в Браилов и Леова; из Бырлата — в Леово, Кишинев и Дубоссары; из Фокшан — в Кишинев; из Браилова — в Тирасполь; из Леова — в Кишинев, Дубоссары и Забужье.

Из Урзичени часть артиллерийского имущества в размере одного подвижного парка, была отправлена 25 июля на интендантских подводах в Браилов, где передана подвижному № 14 парку. Все остальное артиллерийское имущество из Урзичени было отправлено в Леово также на подводах интендантства.

Из Бырлатского склада все имущество было вывезено в Леово подвижными парками № 10 и 12 и теми же интендантскими повозками, которые вывозили артиллерийский склад из Урзичени.

И те и другие сделали это в несколько рейсов между Леовом и Бырлатом²⁴⁹.

Таким же образом средствами Дунайской армии было вывезено и все остальное имущество из княжеств в пограничные пункты. Но к концу августа не все запасы были вывезены из артиллерийских складов. Дальнейшая перевозка в склады и парки Дунайского округа будет описана ниже.

При выступлении из Бухареста больных, подлежавших перевозке оттуда, было 2200 человек. Все они, за исключением 38 тяжело больных, оставленных в городе, в Филантропической больнице, были вывезены в течение трех дней частью на обывательских подводах, частью на повозках передвижного провиантского магазина. По мере движения от Бухареста к Бузео и Фокшанам число транспортов с больными все увеличивалось. В Бузео сосредоточилось более 1300 человек одновременно, а всего из Бузео в Фокшаны было доставлено за короткий срок более 1500 больных. В Фокшанах и Одобешти (пригород Фокшан) было около трех тысяч больных, так что общее число больных, которых пришлось отправлять из Фокшан вместе с отступавшими войсками, достигало 5000 человек.

Больные из Бухареста, Бузео, Фокшан и Одобешти в начале августа были направлены через Бырлат и Леово в Кишинев, Бендеры и Тирасполь не в особых транспортах, а вместе с военно-временными госпиталями, в которых они лечились. Часть больных из Фокшан была отправлена между 1 и 16 августа в Яссы; из Гурбанешти (военно-временный госпиталь № 25) отправлялись в брайловские госпитали.

Госпитали из Ясс и Бакса были отправлены через Скуляны в Тульчин вместе с находившимися в них около 1700 пациентами. Больные из брайловских и галацких госпиталей перевозились в Белград и далее — в госпитали, аккерманский, кишиневский и тульчинский²⁵⁰.

Из Браилова было вывезено 2000, из Галаца — 1900 человек больных. Бульшую часть больных пришлось перевозить на обывательских подводах, которые взимались преимущественно в Брайловском и Галацком уездах. Часть больных перевозилась водою по Дунаю.

Для труднобольных назначались особые воловые крытые повозки, в которых перевозка производилась без смены подвод

во избежание перекладывания больных. Транспорты с больными шли впереди армии²⁵¹.

Общее число вывезенных из княжеств больных определить трудно, так как часто в ведомостях разных госпиталей одновременно показывались одни и те же больные, пребывавшие в них последовательно.

При обратном переходе через Прут больных в Дунайской армии было:

по ведомости к 1 августа²⁵² больных в госпиталях и лазаретах показано 22 581 человек; по строевым рапортам войск к тому же дню в госпиталях и лазаретах было 27 018 человек²⁵³; по всеподданнейшей записке генерала Гечевича от 10 августа число больных показано 15 671, причем он полагает, что эта цифра представляет собой скорее число людей, выбывших из строя за весьма значительный промежуток времени, потому что имеются данные предполагать, что многие из показанных в этой цифре уже выздоровели, о чем сведения еще не были доставлены²⁵⁴.

Во всяком случае число больных, подлежащих перевозке, было велико. Перевозка производилась осенью, когда часто шли дожди и дули холодные ветры. От этого болезни усиливались и осложнялись²⁵⁵.

Поэтому при отступлении из княжеств, с одной стороны, вследствие выхода из нездоровой местности санитарное состояние войск постепенно улучшалось, с другой — отношение смертных случаев к числу заболевших увеличивалось.

Во время отступления на север эти соотношения за время с июля по октябрь 1854 года были следующие:

	Из наличного числа людей заболело	Из числа больных умерло
Июль	1:11	1:27
Август	1:12	1:20
Сентябрь	1:21	1:12
Октябрь	1:34	1:10

Когда госпитали стали на место, то смертность опять стала уменьшаться²⁵⁶.

По вступлении в пределы России войскам было приказано получать провиант из казенных местных или передвижных провиантских магазинов, а за неимением тех и других — из сельских складов Бессарабской области и, наконец, покупками от жителей. Фураж предоставлено было войскам покупать самим по утвержденным ценам, а в крайних случаях получать натурой из сельских магазинов.

В сельские магазины разрешено было обращаться лишь в крайних случаях, за отдаленностью казенных складов провианта, при-

чем непременно выдавать за взятые продукты квитанции. За неимением же вблизи и сельских складов как последняя мера — получать припасы от жителей за плату.

Войскам был объявлен список сельских магазинов области с указанием в нем количества провианта в каждом из них. Всего в Бессарабии (в уездах: Аккерманском, Бендерском, Кагульском, Хотинском, Кишиневском, Оргеевском, Ясском, Сорокском) было указано 107 сельских магазинов. Во всех них вместе было четвертей: ржи — 154 434; пшеницы — 45 043; кукурузы — 130 604; ячменя — 21 726; гречихи — 7; проса — 375; овса — 24. В этом количестве перемолотой муки — 113 288; выделанных круп — 7607.

Казенного сена, пожертвованного помещиками, собранного в Бессарабии на полях (в уездах Оргеевском, Кишиневском, Хотинском и Ясском), было 110 178 пудов. Заготовленного у помещиков для себя 1 357 218 пудов. В Херсонской губернии (в уездах: Одесском, Тираспольском, Ананьевском, Херсонском, Александрийском и Бобринецком) у помещиков было заготовлено 2 329 705 пудов сена.

Вместе с объявлением войскам мест расположения магазинов был установлен и порядок пользования ими, состоявший в том, что каждый полк и батарея должны были получать хлеб из ближайших магазинов того округа, где были расположены²⁵⁷.

В 1-м и 2-м резервных кавалерийских корпусах для перемолы зерна имелись ручные жернова, которые там были заведены по приказанию фельдмаршала, отданному еще в апреле, в предположении стоянки именно в Бессарабии и довольствия из тамошних сельских магазинов²⁵⁸.

По возвращении в Россию войска во время стоянки в Бессарабской и Подольской губерниях довольствовались частью хлебом, свезенным в Водолуй-Исакчи, частью из сельских складов Бессарабской области, частью из казенных магазинов этих двух губерний, преимущественно находившихся за Днестром.

Во время движения в Крым войска довольствовались из попутных провиантских магазинов, главным образом в Кишиневе, Бендерах, Тирасполе, Одессе, Николаеве, Херсоне, Каховке и Перекопе.

Мясо, вино и фураж войска покупали сами, лишь в редких случаях прибегая к сельским складам.

Вместе с войсками двигались три полубригады (2 воловые и 1 конная) передвижного магазина с сухарями и крупой, взятыми из Водолуй-Исакчи²⁵⁹, где свезенный провиант был к тому времени рассортирован и, за исключением отданного на довольствие 3, 4 и 5-го корпусов, назначен для перевозки в Крым.

Для обеспечения довольствия в пути 12-й пехотной дивизии и резервной уланской дивизии, следовавших в Крым форсированным маршем, дистанционному смотрителю Херсонской губернии было

приказано заготовить месячную пропорцию провианта, чтобы войска ко времени прибытия в Николаев не встретили никакой задержки к пополнению своих запасов²⁶⁰.

Размещение запасов к началу сентября 1854 года

На приднестровской базе и в Одессе запасы разного хлеба, муки, сухарей, крупы и овса были сложены в Тирасполе, Каменец-Подольском, Балте, Хотине, Замостье, Шараеве, Жеребкове и Одессе.

В Водолуй-Исакчи имелось еще некоторое количество не израсходованного и не вывезенного оттуда хлеба.

В Бессарабии начали расходовать запасы (259 000 четв. хлеба и 4000 четв. овса) сельских магазинов.

В районе действующей армии мирного времени войска (около 400 000) были обеспечены местными запасами по 1 октября 1854 года. В магазинах Царства Польского было сложено 25 000 четв. овса. Все крепости были снабжены продовольствием по оборонительному положению на 6 месяцев; во всех крепостях, вместе взятых, имелся запас 14 250 четв. сухарей²⁶¹. К концу августа на приднепровской базе были произведены некоторые перемещения запасов.

Фельдмаршал, боясь появления в тылу австрийцев и англо-французов, считал, что в этом случае крайний пункт приднестровской базы — Каменец-Подольский — слишком выдвинут вперед, и, предполагая даже, что военные действия могут начаться через 15 дней²⁶², он еще 4 июня предписал генерал-губернатору юго-западных губерний князю Васильчикову перевезти возможно скорее хлеб из Каменец-Подольского в Житомир, Хотин и другие пункты по дороге к Житомиру.

В Каменец-Подольском в это время было запасного хлеба около 33 000 четв. Перевозка была начата немедленно на обывательских подводах, с уплатой за них контрамарками. К 15 июня было перевезено в Житомир и Бердичев 5100 четв., в Хотин 2200 четв., и затем перевозка прекращена, так как Паскевич нашел, что эта перевозка в Житомир и Бердичев обойдется слишком дорого за дальностью расстояния и массой требовавшихся для того подвод, а в Хотин — вследствие донесения коменданта этой крепости о неимении места для большого количества запасов, и что провиант придется сложить за крепостной стеной, где он будет портиться на открытом воздухе. 15 июня князь Варшавский распорядился остальные, не вывезенные из Каменец-Подольска, запасы оставить там и сжечь в случае опасности захвата их противником²⁶³.

Перед началом десанта неприятеля их никто не предполагал, что война могла перенестись в Крым и притом так быстро, а потому для обеспечения большой армии в Крыму не было сделано никаких

предварительных распоряжений. Все экстренные хозяйственные заботы до сих пор имели в виду одну лишь южную армию²⁶⁴.

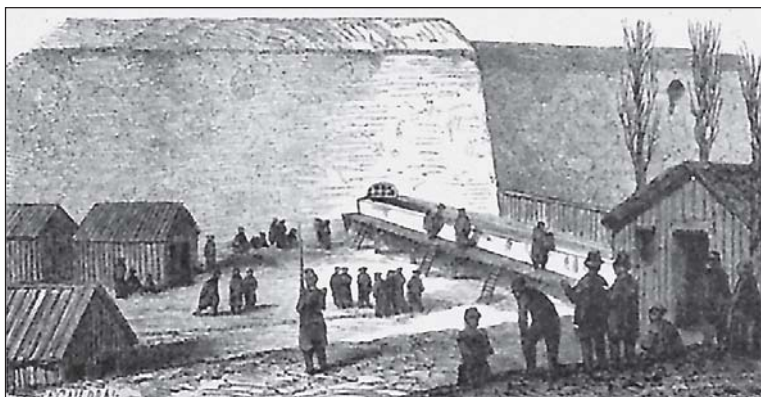
До назначения князя Меншикова главнокомандующим заготовка довольствия для войск, дислоцированных в Крыму, по частям провиантской, комиссариатской и госпитальной делалась соответствующими департаментами Военного министерства.

До прибытия войск в Крым из княжеств все заготовления делались только для войск, находившихся на полуострове до войны, которые были обеспечены провиантом по 1 июля 1855 года, но сухарей не было вовсе²⁶⁵.

Эти запасы, заготавливавшиеся Симферопольской провиантской комиссией, находились в следующих провиантских магазинах, ей подведомственных, и состояние их было следующее²⁶⁶.

Кроме того, в Керченском магазине было 1 февраля 491 четв. овса, а в Севастопольском — запас для десантного отряда: сухарей — 4428 четв., соли — 1089 пудов, перца — 56 пудов, соленого мяса — 4383, уксуса — 5344 ведер, вина — 3911 ведер. Этот запас также расходовался на текущее довольствие, и лишь приказано оставить 6-недельную пропорцию для Одесского и Севастопольского десантных отрядов²⁶⁷.

Магазины	Состояние к 1 февраля 1854 года			
	Налицо к 1 февраля 1854 г.		Ожидается из Ростова на довольствие по 1 июля 1855 г.	
Севастопольский	36 072	3720	68 900	6470
Балаклавский	1296	126	1310	120
Феодосийский	5483	506	15 360	1440
Евпаторийский	1416	139	2870	263
Ялтинский	282	27	577	54
Бердянский	461	43	720	67
Керченский	18 670	1842	39 176	3638
Еникальский	593	48	870	82
1 марта				заготовлено комиссией
Симферопольский	6311	576	20 920	1961
				заготовлено комиссией
Карасубазарский	2602	263	578	522
				заготовлено комиссией
Перекопский	2667	240	6490	121
Алешкинский	6740	632	—	—
Знаменский				
(с. Больш. Знаменка)	3672	335	—	—
Мелитопольский	3073	288	—	—
Кинбургский	1377	130	—	—

Русские пленные в Тулоне (французская иллюстрация)

В Севастополе и Одессе эти запасы составляли месячную пропорцию провианта на 40 000 человек, морскую провизию на 6 недель для такого же количества войск и овес на 1 $\frac{1}{2}$ месяца для 622 лошадей. Но часть этой провизии была передана 13-й пехотной дивизии при перевозке ее в Сухум-Кале²⁶⁸.

Мясо поставлялось через подрядчиков в живом скоте²⁶⁹.

Запасов фуража в магазинах Таврической губернии не было также, так как войска обыкновенно в мирное время покупали его сами. О неимении его Симферопольская провиантская комиссия доносила еще 23 декабря 1853 г.²⁷⁰

Склады запасов были в Симферополе, Севастополе, Перекопе и вне полуострова — в Бериславе, Казачком, Геническе и Мелитополе²⁷¹.

Из этого видно, что предварительно не было сделано запасов на случай сосредоточения войск на полуострове, имевшиеся же склады были разбросаны по всей Таврической губернии, и некоторые из них весьма удалены от Севастополя.

В августе было приказано генерал-адъютантам Безаку и Фельдману представить соображения о том, где удобнее учредить местные артиллерийские склады за армией, действующей на юго-западной границе, с тем чтобы эти пункты можно было обнести полевыми укреплениями для защиты складов от партизанских отрядов, направленных в тыл нашей армии. По мнению фельдмаршала, подходящими пунктами были Балта и Гродно. Балта потому, что находилась на пересечении дорог, и там были хорошие каменные строения комиссариатской комиссии; Гродно — по близости к границе, хотя по обширности города его трудно было обнести полевыми укреплениями²⁷².

Для той же цели по распоряжению артиллерийского департамента были осмотрены артиллерийскими офицерами Луцк, где в это время строились большие полевые укрепления, Острог, Полонное, Новгород-Волынский, Житомир и Несвиж.

В этих пунктах предполагалось устроить промежуточные склады на случай перемещения артиллерийских запасов более назад из складов Царства Польского и из Винницы и для подвоза туда запасов из внутренней России. Удобные строения нашлись в Луцке, Остроге, Несвиже и Полонном.

В Луцке укрепления уже строились; у Острога нашлась хорошая позиция; в Житомире и Полонном местность для постройки укреплений оказалась неудобной.

По предварительным соображениям генерала Безака, Несвиж оказывался удобным складским пунктом в случае действий на северо-западной границе; Полонное — для размещения на зиму подвижных парков, если не будут учреждены временные промежуточные склады.

Житомир и Полонное он считал слишком удаленными от армии для доставки запасов (в оба конца около 300 верст); Луцк, Острог и Несвиж полагал иметь в виду. Тем не менее генерал Безак считал нужным немедленно приступить к исправлению зданий в некоторых из этих пунктов для размещения временных складов в каждом на 6 местных парков²⁷³.

Пока по приказанию военного министра составлялись все вышеописанные реляции, князь Горчаков сделал целый ряд распоряжений о перемещении некоторых складов на Днестре и Буге, и по его представлению последовало приказание государя императора об учреждении промежуточных складов в Кишиневе, Дубоссарах, Виннице и Тульчине, о переводе бендерских парков в Тирасполь, об устройстве помещений для складов в Ольвиополе и Кременчуге, в каждом на 6 местных парков, и об усилении киевских складов²⁷⁴.

Все это было приказано сделать на основании нижеследующих соображений и распоряжений князя Горчакова.

С переходом через Прут в пределы империи князь Горчаков считал необходимым склады и парки удалить от границы и расположить их частью по Днестру, частью еще далее, чтобы на границе оставалось только имущество крепостей, необходимое для их обороны, исключая Измаил, в котором как пункте, более подверженном нападению неприятеля, возможно оставить и местные парки. Приняв это за основание, князь Горчаков отдал следующие распоряжения:

1) в Измаиле, Бендерах, Килии и Хотине оставить по 300 выстрелов на каждое крепостное орудие. Сверх того оставить в Измаиле по 700 выстрелов на каждое осадное орудие и находившиеся там 3 местных парка, а в Бендерах — материалов на одну четвертую часть всех орудий.

Все затем излишки в гарнизонах против этого оставленного количества вывезти в Вознесенск и Кременчуг, а излишки местных парков, кроме Измаильских, — в Тульчин;

2) бендерские местные парки перевезти в Тирасполь, а хотинские — в Забужье.

Подвижные парки 30 сентября было приказано расположить в Оргееве (№ 7 и 10), в Тирасполе (№ 9 летучий), в Бадене (№ 11), в Перекопе (№ 12), в колонии Бриенской (№ 14), в Бериславе (№ 15), в с. Ташлык (№ 18).

В Ольвиополе и Кременчуге было приказано подыскать помещения, чтобы в случае надобности отправить туда запасы из Тирасполя, который государь император считал безопасным только до тех пор, пока не осаждены Бендеры²⁷⁵.

При таком расположении складов Южная армия могла получать артиллерийские припасы из Кишинева (куда свозились припасы из всех граничных парков), Измаила (более 3 местных парков), Дубоссар (куда перевозилось артиллерийское депо из Фокшан), Тирасполя (3 местных парка, перевозимые из Бендер), Тульчина (6 местных парков), Винницы (на 3 подвижных парка) и Забужья (на 6 местных парков).

Помещения в Ольвиополе и Кременчуге могли быть готовы через 2 месяца.

Таким образом, по приведении в исполнение всех этих распоряжений:

1) войска, находившиеся на южной границе, между Тирасполем, Одессой и Николаевом, обеспечивались тираспольскими местными парками, подвижным № 11 и летучим № 9;

2) войска, направленные к Перекопу, — подвижными парками № 12 и 15, пополнявшимися из херсонских местных парков;

3) войска, собранные на Дунае, — подвижными № 14 и 18 и местными измаильскими парками;

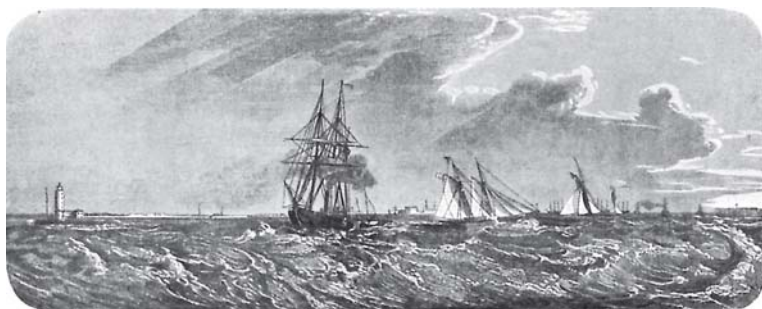
4) войска, расположенные у Кишинева и по Днестру, — подвижными парками № 7 и 10, местными тираспольскими и ольвиопольскими складами;

5) войска, ближайшие к австрийской границе, — подвижными парками № 7 и 10, тремя местными и одним подвижным в Забужье;

6) ольвиопольские и тираспольские склады предполагалось комплектовать из тульчинского²⁷⁶.

Войска, находившиеся в Крыму, были обеспечены гораздо слабее. К началу военных действий в Крыму в трех севастопольских местных парках имелось всего 140 000 патронов к пехотным ударным ружьям и 120 000 штуцерных, да в подвижном полупарке (№ 8) — патронов пехотных ударных 165 000 и штуцерных 10 000²⁷⁷.

Кроме севастопольских запасов на всем полуострове были незначительные склады для текущей потребности в Керчи, Феодосии, Арабате и Перекопе.

Союзники под Кронштадтом (английская иллюстрация)

Ближайшие к Крыму склады артиллерийских припасов были в Херсоне, где находилось 3 местных парка и где приготавливались снаряды и патроны.

Всего в Херсоне имелось пороху разного 4944 пуда, снарядов — 62 873 пуда и патронов всех сортов — 2 559 750.

На случай отправки войск в Крым и ввиду незначительности крымских запасов, особенно для артиллерии, военный министр приказал отправить в Херсон из Киева запасы на 3 местных парка²⁷⁸. Князь Горчаков направил в Перекоп для крымских войск подвижные паркы № 12 и 15, которые, впрочем, могли прийти туда лишь в октябре²⁷⁹. Таким образом, на первое время войска князя Меншикова обеспечивались: местными севастопольскими, херсонскими парками, одним подвижным полупарком и шедшими в Крым 3 местными парками из Киева и 2 подвижными с Дуная.

Исходя из сказанного, расположение артиллерийских запасов в начале сентября 1854 года было следующее:

второлинейными парками продолжали числиться киевские, брест-литовские, новогеоргиевские и бобруйские;

перволинейными: Измаил (более 3 местных парков). В местных парках состояло 40 468 зарядов и пороха разного — 1206 пудов. По числу 188 орудий следовало иметь 56 400 зарядов; было налицо 38 984²⁸⁰;

Бендеры (3 местных парка). В местных парках некоторые предметы в излишестве, но не хватало 2976 ядер, которые приказано пополнить из Киева по переводе парков в Тирасполь. В Бендеры шли припасы из Бырлата и Леова²⁸¹;

Хотин (3 местных парка). Назначены к перевозке в Забужье;

Севастополь (3 местных парка и половина подвижного № 8);

Херсон (3 местных парка и склад оружия);

промежуточные склады: в Тульчине (на 6 местных парков);

в Кишиневе (на 3 местных парка);

в Дубоссары свозились депо из Фокшан и Леова;

в Леове — артиллерийское депо, частью уже вывезенное в Дубоссары. При депо формировался дивизион конной батареи № 10²⁸².

Из заграничных промежуточных складов в Урзичени, Фокшанах, Бырлате и Браилове имущество парков еще не все было вывезено в Россию.

5-е и 6-е отделения осадного № 2 парка в Измаиле;

7-е и 8-е отделения осадного № 2 парка в Тирасполе²⁸³.

Подвижные парки № 7, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 18 и летучий № 9 находились при Южной армии и были заняты вывозом запасов из княжеств и перевозками в районе местных и промежуточных парков Дунайского округа. В Крыму, в Севастополе, находилась только половина подвижного парка № 8.

После выхода Южной армии из княжеств в ее распоряжение были предоставлены все военно-врачебные заведения, находившиеся в районе ее расположения.

Постоянные госпитали: кишиневский, бендерский, кагульский (полугоспиталь), измаильский, килийский, хотинский (полугоспиталь), бельцкий, каменец-подольский, тульчинский, тираспольский, херсонский, николаевский и одесский²⁸³.

Госпитали в военных поселениях: в Меджибожье, Умани, Ольшанке, Вознесенске, Новой Одессе, Ладыжине, Новобуге, Малькове и Ольвиополе²⁸⁵.

В некоторых местах были вновь учреждены военно-временные госпитали, а некоторые, постоянные, усилены. Для того и другого послужили частью вышедшие из княжеств передвижные госпитали. Военно-временные помещались большей частью в частных домах по отводу. Военно-временные госпитали к 27 сентября 1854 года были открыты в Скулянах (полугоспиталь), Леове (полугоспиталь), Хотине, Аккермане, Немирове и Тульчине²⁸⁶.

Подвижные госпитали к концу августа все уже вышли из княжеств, а ко 2 сентября были открыты в Ямполье (№ 1), Балте (№ 2), Одессе (№ 5), Тирасполе (№ 6), Измаиле (№ 13), Бомраде (№ 23) и Дубоссарах (№ 28).

Из прочих передвижных госпиталей некоторые были закрыты надолго, другие пошли на формирование и усиление местных госпиталей, некоторые были в движении, некоторые были расставлены по пути движения войск из княжеств.

2 сентября находились в пути к тем пунктам, в которых были потом открыты, следующие передвижные госпитали: на пути из Галаца в Одессу (№ 4), из Галаца в Болград (№ 8), из Бырлата в Николаев (№ 11), из Одобешти в Одессу (№ 12), из Одобешти в Павлоград (№ 27), из Ясс в Николаев (№ 35)²⁸⁷.

В Крыму ко времени появления там союзников медицинская часть была на положении мирного времени, и госпитальных

средств на полуострове едва хватало для наличного числа войск, находившихся там постоянно в мирное время.

В августе 1854 года в Крыму было открыто всего 6 военных госпиталей:

		Число мест
Севастополь	постоянный	310
Севастополь	морской	500
Симферополь	временный	10
Феодосия	временный	310
Керчь	временный	160
Перекоп	временный	60
Всего		1650

Кроме того, в Севастополе находилось 3 неоткрытых военно-временных госпиталя: один на 600 мест, два на 300 мест и херсонский (№ 29) на 300 мест, всего на 1200 больных. В городской симферопольской больнице можно было поместить до 100 больных.

Всего, таким образом, в Крыму было мест почти на 3000 человек, но на какое число больных имелось в этих госпиталях медикаментов — неизвестно²⁸⁸.

В сентябре были расширены госпитали: севастопольский — до 1200 мест, симферопольский — до 900, перекопский — до 200, феодосийский — до 400, и в Одессе учрежден госпиталь на 600 мест²⁸⁹. Всего к 2 сентября для Крымской армии имелось 3960 мест. Насколько этих средств было недостаточно, можно судить по тому, что после сражения при Альме в Севастополь было доставлено более 2000 раненых.

Между тем, по сведениям Военного министерства, к 1 сентября 1854 года числилось госпитальных средств²⁹⁰:

	Офицерских мест	Мест для нижних чинов
для района Южной и Крымской армий	426	14 560
для района действующей армии мирного времени	181	15 200

Общее расположение всех запасов к 2 сентября 1854 года показано в приложении²⁹¹.

Примечания

¹ См. главу XVI.

² Le maréchal de St-Arnaud — au ministre de la guerre, le 30 mai 1854. Парижский воен. архив.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Le marechal de St-Arnaud — au ministre de la guerre. Jeni-Kenл, le 4 juin (23 mai) 1854. Там же.

⁶ Le maréchal de St-Arnaud — au ministre de la guerre, le 10 juin (29 mai) 1854. Jeni-Kenл. Там же.

⁷ Le ministre de la guerre — au maréchal de St-Arnaud. Paris, le 9 juin (28 mai) 1854. Там же.

⁸ Le maréchal de St-Arnaud — au ministre de la guerre. Jeni-Kenë, le 19 (7) juin 1854. Там же.

⁹ Le maréchal de St-Arnaud — au ministre de la guerre. Jeni-Kenл, le 20 (8) juin 1854. Там же.

¹⁰ Перевод с французского.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Le ministre de la guerre — au maréchal de St-Arnaud, le 4 juillet (22 juin) 1854. Там же.

¹⁴ Le ministre de la St-Arnaud — a l'Empereur Napoléon III. Varna, le 9 juillet 1854. Там же.

War with Russia; The war, Lett. fr. the H. Q. и др.

¹⁵ Генерал Боске в своих письмах к матери и товарищам неоднократно осуждал деятельность союзной армии. Вместо того чтобы вслед за объявлением войны быстро сосредоточить экспедиционный корпус в Варне и нагрянуть на армию Паскевича во время осады ею Силистрии, союзные войска только организовывались и собирались.

Боске сознавал, что после снятия князем Горчаковым осады Силистрии и начала отхода войск из княжеств союзникам нечего было больше делать на этом театре войны. Отсутствие какой-либо организации для ведения наступательных операций вдаль от моря не давало им даже возможности следовать за нами в глубь страны. Приходилось «сделать что-нибудь» для начала кампании, и это «что-нибудь» обратилось в выполнение заветной цели англичан уничтожить русское могущество на Черном море (Lettres du maréchal Bosquet).

¹⁶ Граф Штакельберг — графу Орлову 17 (29) января 1854 г., № 17. Госуд. архив, XV разр., д. № 324, 1854 г.

¹⁷ «Это очень важно», — помнил император Николай на этом донесении. Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 14.

¹⁸ Граф Штакельберг — военному министру 28 марта (10 апреля) 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 16.

¹⁹ «Я тоже думаю, что настало время сказать сербам: ну, теперь, с Богом, за дело», — начертил государь на донесении графа Штакельберга.

²⁰ Донесение графа Штакельберга от 16 (28) апреля 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 16.

²¹ Донесение графа Штакельберга из Вены от 18 (30) апреля 1854 г. Там же.

²² Донесение графа Штакельберга из Вены от 6 (18) мая 1854 г. Там же.

²³ Барон Мейендорф — князю Варшавскому из Вены 8 (20) мая 1854 г. Архив Мин. иностр. дел, 1854 г. Карт. Vienne.

²⁴ Частное письмо Кудрявцева канцлеру из Гамбурга от 7 (19) мая 1954 г. Архив Мин. иностр. дел. Карт. Hambourg, 1854.

²⁵ Донесение графа Штакельберга из Вены от 22 мая (3 июня) 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 16.

²⁶ Курсив подлинника.

²⁷ Донесение графа Штакельберга из Вены от 16 (28) июня 1854 г. Там же.

²⁸ Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 16.

²⁹ Архив канц. Воен. мин. по снар. войск, 1854 г., секр. д. № 8.

То же, 1856 г., секр. д. № 71. Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 43. Всеподданейший отчет военного министра за 1854 г., по части Ген. штаба.

³⁰ Граф Ридигер — военному министру из Варшавы, 12 июня 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 51.

³¹ См. приложение № 171.

³² Император Николай — князю Варшавскому 11 (23) мая 1854 г. Собств. Его Велич. библ., шк. 115, портф. 14.

³³ Всеподданейшее письмо князя Варшавского от 16 (28) мая 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 69.

³⁴ Ближайшие сотрудники императора Николая не хотели или не могли понять заботливости государя о том, чтобы кадры резервных частей не раздвигались преждевременно на пополнение полевых войск. «Vous savez a quel point on tient a ce que l'ordre des numéros et de la formation soit conservé. Le maréchal seul parvient a y mettre de la poësie» — такими словами объяснял военный министр князю Меншикову нежелание государя дать особое назначение четырем орудиям резервной батареи до полного ее формирования (князь Долгоруков — князю Меншикову, 4 мая 1854 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4254).

³⁵ Курсив подлинника.

³⁶ Император Николай — князю Варшавскому, 23 мая 1854 г. Александрия. Собств. Его Велич. библ., шк. 115, портф. 14.

³⁷ Это письмо см. в приложении № 176.

³⁸ Князь Варшавский — канцлеру из Калараша 1 (13) июня 1854 г. Архив Мин. иностр. дел. Карт. Р, 1854 г.

³⁹ Император Николай — князю Варшавскому 26 мая 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 9.

⁴⁰ Инструкция князя Варшавского от 1 июня 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 62.

⁴¹ Приложения № 177, 178 и 179.

⁴² Император Николай — князю Горчакову 7 (19) июня 1854 г. Собств. Его Велич. библ., шк. 115, портф. 14.

⁴³ Князь Варшавский — князю Горчакову 6 июня 1854 г., № 548. Яссы. Архив воен. уч. ком., отд. 2, д. № 3358.

⁴⁴ Князь Варшавский — князю Горчакову 8 июня 1854 г., № 576, из Ясс. Архив воен. уч. ком., отд. 2, д. № 3358.

⁴⁵ Князь Горчаков — князю Варшавскому 11 июня 1854 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3358.

⁴⁶ Всеподданейшая записка князя Варшавского от 10 (22) июня 1854 г., из Ясс. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.

⁴⁷ 16-я пех. бриг. 6-й легк. кавалер. и бриг. резерв. улан. див.

⁴⁸ У нас от Плоешти до Тарнополя, на протяжении 700 верст, он считал 170 тыс. человек.

⁴⁹ Записку князя Варшавского и сопроводительное письмо мы помещаем в приложениях № 180, 181.

⁵⁰ Император Николай — князю Варшавскому из Александрии, 17 (29) июня 1854 г. Собств. Его Велич. библ., шк. 115, портф. 14.

⁵¹ Весьма интересно также в этом отношении письмо государя к князю Варшавскому от 9 (21) июня 1854 г. См. приложение № 175.

⁵² Князь Горчаков — князю Варшавскому 9 июня 1854 г., № 156. Архив канц. Воен. мин. по снар. в. 1854 г., д. № 38.

⁵³ Князь Горчаков — князю Меншикову от 10 июня 1854 г. из-под Силистрии.

⁵⁴ Перевод с французского.

⁵⁵ Записка князя Горчакова князю Варшавскому от 17 июня 1854 г. Архив канц. Воен. мин. 1854 г., секр. д. № 62.

⁵⁶ Курсив подлинника.

⁵⁷ Император Николай — князю Горчакову 23 июня 1854 г. из Петергофа. Собств. Его Велич. Библ., рук. отд., шк. 115, портф. 14.

⁵⁸ Курсив подлинника.

⁵⁹ Собственноручная записка императора Николая. Архив канц. Воен. мин. по снар. войск, 1854 г., секр. д. № 87.

⁶⁰ Tanski — au maréchal de St-Arnaud. Choumla, le 1 juillet (19 juin) 1854. Парижский воен. архив.

⁶¹ Omer-pacha — au maréchal de St-Arnaud. Choumla, le 1 juillet (19 juin) 1854.

Le capitaine Simmons — a lord Raglan. Choumla, le 1 juillet (19 juin) 1854. Парижский воен. архив.

⁶² Около 50 000 французов (4 дивизии) и около 20 000 англичан.

⁶³ Le maréchal de St-Arnaud — au ministre de la guerre. Varna, le 29 (17) juin 1854. Парижский воен. архив.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Lettre de L. Pacra a ses parents. Varna, le 14 juillet 1854. Иностр. отд. музея Севастопольской обороны.

⁶⁶ Le vice-admiral Hamelin — au maréchal de St-Arnaud, le 25 (13) juin 1854. Парижский воен. архив.

⁶⁷ Le ministre de la guerre — au ministre des affaires étrangères. Paris, 7 juillet 1854. Там же.

⁶⁸ Le ministre des affaires étrangères — a m-r le c-te Walevsky. Paris, le 6 juillet 1854. Там же.

⁶⁹ «Note confidentielle a mm. les colonels de Kalik et de Lжwental» a Varna. Там же.

⁷⁰ Le maréchal de St-Arnaud — au ministre de la guerre, le 4 juillet 1854. Там же.

⁷¹ Князь Горчаков — генералу Ушакову 3 июня 1854 г., № 1797. Архив канц. Воен. мин. по снар. войск, 1854 г., д. № 38.

⁷² Генерал Ушаков — князю Горчакову 5 июня 1854 г., № 589. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3341.

⁷³ Генерал Ушаков — князю Горчакову 11 июня 1854 г., № 602. Там же.

⁷⁴ Gradovitz — au maréchal de St-Arnaud. Rouchtzouk, le 8 juillet 1854. Парижский воен. архив.

⁷⁵ Генерал Даненберг — князю Горчакову 19 июня 1854 г., № 944, и генерал Коцебу — генералу Даненбергу 21 июня 1854 г., № 2063. Архив воен. уч. ком., отд. 2, д. № 3413.

⁷⁶ Начальник штаба 4-го пех. корп. — генералу Соймонову 21 июня 1854 г., № 985. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3413.

⁷⁷ Генерал Даненберг — князю Горчакову 22 июня 1854 г., № 992. Там же.

⁷⁸ Всепод. письмо князя Горчакова от 27 июня 1854 г. из Фратешти. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 88.

⁷⁹ «Quant a Somonoff,— писал князь Горчаков военному министру еще 6 февраля 1854 г.,— c'est celui de tous nos gñyiaux qui s'est le mieux montré depuis l'ouverture des hostilités, et j'en suis on ne peut plus content» (Архив канц. Воен. мин. по снар. войск, 1853 г., д. № 57).

⁸⁰ Даненберг — князю Горчакову 24 июня 1854 г., № 1015. Там же.

⁸¹ См. схему № 31.

⁸² Tanski — au maréchal de St-Arnaud. Varna, le 25 (13) juillet 1854. Парижский воен. архив.

⁸³ Генерал Хрулев в начале боя был легко ранен.

⁸⁴ Записки П. К. Менькова.

⁸⁵ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3712.

⁸⁶ Gradowitz — au maréchal de St-Arnaud. Rouchtzouk, le 8 juillet (26 juin) 1854. Парижский воен. архив.

⁸⁷ Tanski — au maréchal de St-Arnaud. Varna, le 25 (13) juillet 1854. Парижский воен. архив.

⁸⁸ Князь Горчаков — генералу Соймонову 25 июня 1854 г., № 901. Бухарест. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3426.

⁸⁹ Записки П. К. Менькова.

⁹⁰ Соймонов ожидал прибытия Екатеринбургского полка 26-го к вечеру в Журжу и считал, что для удержания города этого подкрепления недостаточно. Его рапорт генералу Даненбергу от 25 июня 1854 г., № 489. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3426.

⁹¹ Описание дел, бывших под Журжей 23 и 25 июня 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 82 и рапорт генерала Соймонова генералу Даненбергу от 25 июня 1854 г., № 473. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3426.

⁹² Генерал Даненберг — князю Горчакову 26 июня 1854 г. из Фратешти. Там же.

⁹³ Omer-pacha — au maréchal de St-Arnaud, le 9 juillet (27 juin) 1854. Парижский воен. архив.

⁹⁴ Всеподданейшее письмо князя Горчакова от 27 июня 1854 г. из Фратешти. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 88.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Император Николай — князю Горчакову 6 (18) июля 1854 г. из Петергофа. Собств. Его Велич. библ., шк. 115, портф. 14.

⁹⁷ Курсив подлинника.

⁹⁸ Рукопись. Музей Севастопольской обороны.

⁹⁹ Князь Долгоруков — князю Горчакову 14 июня 1854 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3333.

¹⁰⁰ Депеши князей Горчаковых, посла и главнокомандующего, 26 июня 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 88.

¹⁰¹ Письма государя к князю Варшавскому от 23 и 27 июня 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 9.

¹⁰² «Веры к ним (австрийцам) ныне никакой не имею,— писал государь князю Варшавскому 3 июля.— Меня всякий обмануть может раз, но зато после обмана я уже никогда не возвращаю утерянного доверия». Собств. Его Велич. библ., шк. 115, портф. 14.

¹⁰³ Император Николай — князю Горчакову 6 июля 1854 г. из Петергофа. Собств. Его Велич. библ., шк. 115, портф. 14.

¹⁰⁴ Курсив подлинника.

¹⁰⁵ «Повторяю тебе,— писал государь князю Горчакову 7 июля (там же),— что, несмотря ни на какие обнадеживания из Вены, конец моему доверию Австрии. Гляжу на них как на заявленных врагов, выжидающих только удобного случая, предлога, чтоб напасть на нас. Потому первой важности и необходимости не уклоняться от принятого плана действий ввиду сей и главной опасности. Не завлекаться минутными выгодами, чтоб пренебречь главным и постоянным, т. е. опасностью от Австрии. Теперь к этой опасности присоединилась другая — вероятно весьма скорого нападения на Крым».

¹⁰⁶ Архив канц. Воен. мин. 1853 г., секр. д. № 88.

¹⁰⁷ Дневник П. Е. Коцебу, запись за 29 июня 1854 г. Рукопись.

¹⁰⁸ Граф Штакельберг — военному министру 30 июня (12 июля) 1854 г., № 137. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 16.

¹⁰⁹ Князь Горчаков — генералу Лидерсу 1 июля 1854 г., № 2185. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3411.

¹¹⁰ Журнал воен. действ. и всепод. письмо князя Горчакова от 5—6 июля 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 88.

¹¹¹ Курсив подлинника.

¹¹² Император Николай — князю Горчакову 3 (15) июля 1854 г. из Петергофа. Собств. Его Велич. библ., шк. 115, портф. 14.

¹¹³ Всепод. письмо князя Варшавского от 28 июня 1854 г. из Гомеля. Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 9.

¹¹⁴ Император Николай — князю Горчакову 7 (19) июля 1854 г. из Петергофа. Собств. Его Велич. библ., шк. 115, портф. 14.

¹¹⁵ Курсив подлинника.

¹¹⁶ Паскевич.

¹¹⁷ Эти слова были подчеркнуты государем два раза.

¹¹⁸ Князь Горчаков — князю Долгорукову 6 июля 1854 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4253.

¹¹⁹ «Мысли мои по прочтении записки князя Меншикова», 17 (29) июля 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 9.

¹²⁰ Всподданейшее письмо князя Варшавского от 7 (19) июля 1854 г. из Гомеля. Архив канц. Воен. мин. 1854 г., секр. д. № 9.

¹²¹ Всподданейшее письмо князя Горчакова от 13 июля 1854 г. из Фратешти. Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 88.

¹²² В письме от 19 июля государь, сообщая Горчакову о необходимости немедленного отвода войск из княжеств, пишет, между прочим, об Австрии: «Разрыв с Австрией, повторяю, я считаю неминуемым, разве каким-либо чудом он не последует. Там коварство и ослепление не знают меры. Здравый рассудок исчез в равной степени со всеми чувствами чести и благородства. Злоба, зависть и ненависть к нам — одни оставшиеся чувства. Бог их накажет рано или поздно. Но покуда будем осторожны» (Собств. Его Велич. библ., шк. 115, портф. 14).

¹²³ Рукопись. Музей Севастопольской обороны.

¹²⁴ Генерал Ушаков — генералу Лидерсу 9 июля 1854 г., № 699. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3324.

¹²⁵ Генерал Ушаков — князю Горчакову 13 июля 1854 г., № 712. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3341.

¹²⁶ Выписка из донесений ген. Стоббе с 16 по 25 июля 1854 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3341. Журнал военных действий.

¹²⁷ Генерал Стоббе — генералу Ушакову 27 июля 1854 г., № 1353. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3324.

¹²⁸ Военный министр — князю Горчакову 6 августа 1854 г., № 524. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3341.

¹²⁹ Князь Горчаков — князю Меншикову 23 июля 1854 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4253.

¹³⁰ Генерал Лидерс расположил: 15-ю див., 1 кавалер. п. с бат. в Браилове, 1-й кавалер. п. в Водени и 2-ю бриг. 14-й пех. див. с 5 стрелк. бат. в Галаце, оставив отряд генерала Ушакова в прежнем расположении (генерал Лидерс — князю Горчакову 28 июля 1854 г., № 1394. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3407).

¹³¹ Князь Горчаков — военному министру 23 июля 1854 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4253.

¹³² 11, 12, 15-я бриг. 14-й пех. див., 5 легк. кавалер. и улан. бриг. 6-й легк. кав. див. и весь драгунский корпус.

¹³³ 6, 7, 8, 9-я и 10-я пех. див., 3-я и 4-я легк. кавалер. див. и весь кирасирский корпус.

¹³⁴ Собственноручная записка императора Николая от 1 (13) августа 1854 г. Собств. Его Велич. библ., шк. 115, портф. 14.

¹³⁵ Император Николай — князю Горчакову 28 июля (9 августа) 1854 г. из Петергофа. Там же.

¹³⁶ Барсуков. Жизнь и труды Погодина. Кн. XIII.

¹³⁷ От 15 (3) июня 1854 г.

¹³⁸ Le maréchal de St-Arnaud — a l'Empereur Napoléon III, le 9 juillet 1854. Парижский архив.

¹³⁹ Tanski — au maréchal de St-Arnaud. Varna, le 25 (13) juillet 1854. Парижский воен. архив.

¹⁴⁰ Le lieutenant-colonel Dieu — au maréchal de St-Arnaud, le 15 (3) juillet 1854. Парижский воен. архив.

¹⁴¹ Le sîraskier — au maréchal de St-Arnaud. Constantinople, le 18 (6) juillet 1854. Парижский воен. архив.

¹⁴² Le lieutenant-colonel Dieu — au maréchal de St-Arnaud. Roudschuk, le 23 (11) juillet 1854. Парижский воен. архив.

¹⁴³ W. ag R 202. W. w R. 245. L. fr. H-Q. 56. W. ag R 204. The war 115.

¹⁴⁴ Характеристика беспомощности английской кавалерии в ходе этой разведки может быть проиллюстрирована следующим извлечением из предписания, данного Измаилом-пашой Хану-мирзе-бею 23 июня: «Несколько эскадронов английской кавалерии, отправленные на рекогносцировку к Карасу, по прибытии их сюда (в Силистрию) объявили, что ими на дороге утрачено три лошади. По сему поручаю вам отыскать сих лошадей, с надежным человеком отправить на Дунай и отдать их находящемуся там старшему начальнику английских войск». Архив канц. Воен. мин. по снар. войск, 1853 г., д. № 82.

¹⁴⁵ Всеподданейшее письмо князя Варшавского от 29 августа (10 сентября) 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 9.

¹⁴⁶ Капитан Прейль.

¹⁴⁷ Le maréchal de St-Arnaud — au ministre de la guerre. Varna, le 24 juillet 1854. St-Arnaud — au général Espinasse, le 23 juillet 1854. St-Arnaud — au général Bosquet, le 19 juillet. Tanski — au maréchal de St-Arnaud, le 26 juillet. Instructions pour le mouvement sur Custendjî. Le général Jusouf — au maréchal de St-Arnaud, le 28 juillet. Les généraux Bosquet, Espinasse et Jusouf — au maréchal de St-Arnaud, les 29 et 30 juillet. Le maréchal de St-Arnaud — au ministre de la guerre, le 29 juillet. Le général Bosquet — au prince Napoléon, le 30 juillet и пр. Парижский воен. архив.

¹⁴⁸ Le maréchal de St-Arnaud — au ministre de la guerre. Varna, le 24 et le 29 juillet 1854.

Le général Espinasse — au maréchal de St-Arnaud, le 31 juillet; le maréchal de St-Arnaud — au ministre de la guerre, le 3 et le 9 août. Там же.

¹⁴⁹ Письмо французского офицера в бельгийской газете Nation за 1854 г. Записки севастопольца // Русский архив. 1867. С. 1611.

¹⁵⁰ Адмирал Гамелен — морскому министру 13 (1) августа 1854 г. Парижский воен. архив.

¹⁵¹ Le sîraskier — au maréchal de St-Arnaud. Constantinople, le 24 (12) juillet 1854. Парижский архив.

¹⁵² Le maréchal de St-Arnaud — au ministre de la guerre, le 19 (7) août 1854. Парижский воен. архив.

¹⁵³ Le maréchal de St-Arnaud — au ministre de la guerre. Varna, le 14 (2) août 1854. Парижский воен. архив.

¹⁵⁴ Louis Pasca — a ses parents. Varna, le 27 août 1854. Иностраннный отдел музея Севастопольской обороны.

¹⁵⁵ Omer-pacha — au maréchal de St-Arnaud. Roustchouk, le 31 (19) juillet 1854. Парижский воен. архив.

¹⁵⁶ Le maréchal de St-Arnaud — au ministre de la guerre. Varna, le 4 août (23 juillet) 1854. Парижский воен. архив.

¹⁵⁷ Подполковники Калик и Лёвенталь.

¹⁵⁸ См. приложение № 182.

¹⁵⁹ См. приложение № 183.

¹⁶⁰ «Une épée qui ne se contente pas de tuer, mais qui ruine les tempéraments faibles et altère les tempéraments les plus robustes». Из донесения С.-Арно.

¹⁶¹ Le maréchal de St-Arnaud — au ministre de la guerre. Varna, le 14 (2 août) 1854. Парижский воен. архив.

¹⁶² Затлер, ч. I. С. 210.

¹⁶³ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3358.

¹⁶⁴ Там же, д. № 3407. Донесение Лидерса от 25 марта 1854 г.

¹⁶⁵ Поливанов. С. 119—120.

¹⁶⁶ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3352. Донесение Лидерса от 19 марта 1854 г.

¹⁶⁷ Там же, отд. 2, д. № 3407.

¹⁶⁸ Затлер. Ч. I. С. 213 и 214.

¹⁶⁹ Там же. Ч. I. С. 214.

¹⁷⁰ Аратовский. С. 375.

¹⁷¹ Аратовский. С. 358—360. Затлер. Ч. I. С. 215.

¹⁷² Аратовский. С. 375.

¹⁷³ Предписание князю Васильчикову от 9 мая 1854 г., № 382.

¹⁷⁴ Аратовский. С. 377—379.

¹⁷⁵ Затлер. Ч. I. С. 217.

¹⁷⁶ Аратовский. С. 367.

¹⁷⁷ Там же. С. 330—334.

¹⁷⁸ Рапорт генерала Сакена от 25 марта 1854 г.

¹⁷⁹ Затлер. Ч. I. С. 211; Ч. II. С. 2, 53.

¹⁸⁰ Аратовский. С. 335.

¹⁸¹ Там же. С. 353.

¹⁸² Затлер. Ч. I. С. 217.

¹⁸³ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3614/22.

¹⁸⁴ Там же, д. № 3605.

¹⁸⁵ Там же, д. № 3315.

¹⁸⁶ Там же, д. № 3337.

¹⁸⁷ Там же, д. № 3608.

¹⁸⁸ Там же, д. № 3614/22.

¹⁸⁹ Там же, д. № 3624.

¹⁹⁰ Там же, д. № 3614/29.

¹⁹¹ Там же, д. № 3605.

¹⁹² Там же, д. № 3605, 3614/29, 3614/4 и 3614/27.

¹⁹³ Там же, д. № 3624.

¹⁹⁴ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3614/28. Отношение артиллерийского департамента 24 апреля 1854 г., № 8767.

¹⁹⁵ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3614/27.

¹⁹⁶ Там же, д. № 3614/1.

- ¹⁹⁷ Там же, д. № 3614/27.
- ¹⁹⁸ Там же, д. № 3614/23.
- ¹⁹⁹ Там же, д. № 3358.
- ²⁰⁰ Там же, д. № 3315.
- ²⁰¹ Там же, д. № 3614/23.
- ²⁰² Там же, д. № 3624.
- ²⁰³ Там же, д. № 3608.
- ²⁰⁴ Там же, д. № 3624.
- ²⁰⁵ Там же, д. № 3614/22.
- ²⁰⁶ Там же, д. № 3605.
- ²⁰⁷ Там же, д. № 3358.
- ²⁰⁸ Предположение от 20 апреля. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3605.
- ²⁰⁹ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3315 и 3496.
- ²¹⁰ Там же, д. № 3407.
- ²¹¹ Затлер. Госпитали. С. 170.
- ²¹² Приказ по 3, 4-му и 5-му корпусам, № 219.
- ²¹³ См. приложение № 184.
- ²¹⁴ Затлер. Ч. I. С. 192; Ч. II. С. 11.
- ²¹⁵ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3358.
- ²¹⁶ Там же, д. № 3358.
- ²¹⁷ Затлер. Ч. I. С. 213.
- ²¹⁸ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3352, донесение Лидерса 19 марта и д. № 3407, донесения Лидерса от 17 апреля.
- ²¹⁹ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3738. Карта кордонов по Дунаю.
- ²²⁰ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3605, 3614/22.
- ²²¹ Там же, д. № 3352.
- ²²² Там же, д. № 3407.
- ²²³ Затлер. Ч. I. С. 207—214.
- ²²⁴ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3407.
- ²²⁵ Там же, д. № 3407.
- ²²⁶ Приказ по 3, 4-му и 5-му корпусам, 1854 г., № 211.
- ²²⁷ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3605.
- ²²⁸ Там же, д. № 3614/31.
- ²²⁹ Там же, д. № 3614/32.
- ²³⁰ Там же, д. № 3614/33.
- ²³¹ Там же, д. № 3614/14, 3614/35.
- ²³² Там же, д. № 3614/28, 3614/34.
- ²³³ Там же, д. № 3614/22.
- ²³⁴ Там же, д. № 3614/28.
- ²³⁵ Всеподданейшая записка генерала Гечевича. Архив канц. Воен. мин. по снар. войск, 1854 г., № 107.
- ²³⁶ Затлер. Госпитали. С. 173; Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3407.
- ²³⁷ Архив канц. Воен. мин., 1856 г., д. № 71, ч. 3.
- ²³⁸ Архив канц. Воен. мин., 1854 г., д. № 107. Всепод. записка генерала Гечевича от 10 августа 1854 г.

- ²³⁹ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3605.
- ²⁴⁰ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3407. Донесение Лидерса от 28 июля 1854 г.
- ²⁴¹ Архив канц. Воен. мин., 1856 г., д. № 71, ч. 3.
- ²⁴² Архив канц. Воен. мин., 1854 г., д. № 107. Записка генерала Гечевича от 10 августа 1854 г.
- ²⁴³ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3407.
- ²⁴⁴ Там же, д. № 3614/6, 3614/14.
- ²⁴⁵ Там же, д. № 3614/28, 3614/6.
- ²⁴⁶ Там же, д. № 3614/6.
- ²⁴⁷ Там же, д. № 3614/35.
- ²⁴⁸ Там же, д. № 3614/6.
- ²⁴⁹ Там же, д. № 3614/31.
- ²⁵⁰ Всеподданейшая записка генерала Гечевича. Архив канц. Воен. мин. по снар. войск, 1854 г., д. № 107.
- ²⁵¹ Архив канц. Воен. мин., 1854 г., д. № 107; Архив воен. уч. ком., д. № 3407; Затлер. Госпитали. С. 174.
- ²⁵² Приложение к приказу по войскам 1854 г., № 371.
- ²⁵³ Затлер. Госпитали. С. 173, 174.
- ²⁵⁴ Архив канц. Воен. мин., 1854 г., д. № 107; Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3407. Затлер. Госпитали. С. 174.
- ²⁵⁵ Затлер. Госпитали. С. 173 и 174.
- ²⁵⁶ Военно-медицинский журнал. 1855. № 6.
- ²⁵⁷ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3594. Приказ от 30 августа 1854 г., № 261 и 21 октября, № 334.
- ²⁵⁸ Аратовский. С. 383.
- ²⁵⁹ Затлер. Ч. II. С. 31.
- ²⁶⁰ Архив канц. Воен. мин., д. 1856 г., № 71, ч. 3.
- ²⁶¹ В районах Кременчугской провиантской комиссии (Херсонской, Полтавской и Харьковской губерний и в Бессарабской области), Симферопольской провиантской комиссии (Таврическая и Екатеринославская губернии), Киевского провиантского комиссионерства и в Подольской губернии провиантские магазины находились в пунктах, указанных в табл. на с. 401.
- ²⁶² Архив воен. уч. ком., д. № 3358. Предписание князю Васильчикову от 4 июня 1854 г.
- ²⁶³ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3358. Аратовский. С. 380.
- ²⁶⁴ Затлер. Ч. II. С. 317. Затлер. Госпитали. С. 217.
- ²⁶⁵ Затлер. Ч. II. С. 30. Затлер. Госпитали. С. 208.
- ²⁶⁶ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4262.
- ²⁶⁷ Там же, д. № 4262.
- ²⁶⁸ Архив канц. Воен. мин., д. 1856 г., № 71, ч. III. Богданович. Исторический очерк. Ч. II. С. 96.
- ²⁶⁹ Затлер. Ч. III. С. 87.
- ²⁷⁰ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4262.
- ²⁷¹ Архив канц. Воен. мин., д. 1856 г., № 71, ч. III.

²⁷² Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3614/6 (письмо военного министра Горчакову от 7 сентября 1854 г.).

²⁷³ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3614/6. Записка Безака от 7 сентября 1854 г.

²⁷⁴ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3614/6. Отношение от 22 августа князю Горчакову.

²⁷⁵ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3614/6. Отношение Горчакова от 29 сентября 1854 г. и архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3614/28.

²⁷⁶ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3614/6.

²⁷⁷ Там же, д. № 3494.

²⁷⁸ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3614/7. Отношение военного министра от 23 сентября 1854 г.; Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3494.

²⁷⁹ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3614/7. Отношение князя Горчакова от 29 сентября 1854 г.

²⁸⁰ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3478.

²⁸¹ Там же, д. № 3614/6, 3614/28.

²⁸² Там же, д. № 3614/35.

²⁸³ Там же, д. № 3614/7.

²⁸⁴ Там же, д. № 3594.

²⁸⁵ Затлер. Госпитали. С. 181.

²⁸⁶ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3372, 3594.

²⁸⁷ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3594; Затлер. Госпитали. Приложение 23.

²⁸⁸ Затлер. Госпитали. С. 209. Гюбенет. С. 2.

²⁸⁹ Затлер. Госпитали. С. 181. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3594, приказ № 62; Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3372.

²⁹⁰ Архив канц. Воен. мин., д. 1853 г., № 71.

²⁹¹ См. приложение № 185.

Глава XX

Действия на Кавказе в 1854 году

Разногласие между Петербургом и Тифлисом в отношении операций на азиатской границе началось еще задолго до открытия военных действий и кончилось полной уступкой взглядам, существовавшим в Тифлисе.

Большое количество войск, сосредоточенных на Кавказе, независимость наших операций на этом театре от тех политических влияний, с которыми приходилось считаться на Дунае, и, наконец, малое знакомство со всеми условиями борьбы внутри края за обладание Кавказом внушали в Петербурге уверенность в возможность быстрых и широких наступательных операций на нашей азиатской границе. Мы уже знаем, что князь Воронцов и его ближайшие помощники на месте были совершенно иного мнения, считали количество сосредоточенных на Кавказе войск не только недостаточным, но признавали и само положение этого края рискованным до получения солидных подкреплений из России.

Первоначально, еще до открытия военных действий, император Николай обратил свой взор на овладение Батумом, этим «гнездом контрабандистов и лучшим портом на восточном берегу Черного моря»¹. Город этот в то время был с сухого пути укреплен только палисадом и рвом, на вооружении его находилось 28 орудий, регулярных войск было до 4 тысяч, и по первому требованию должно было явиться 10 тысяч милиции. Взять Батум лучше всего было десантом с моря с одновременным занятием с сухого пути особым отрядом м. Кобулеты, отстоящего на 20 верст от гурийской границы. Этим мы принудили бы турок к сдаче весьма сильного по местным условиям укрепления Цихидзири, которое лежало почти на половине расстояния между постом Св. Николая и Батумом, и, таким образом, упрочились бы по берегу моря до Батума включительно.

Однако князь Воронцов вообще высказывался против предложенной операции, так как турецкая сухопутная граница была так растянута и неудобна, что снабжение одной части кордона могло иметь, при отсутствии лишних войск, самые пагубные последствия; удержать же Батум в своих руках в случае войны с морскими державами возможно было только при условии обеспечения его всем нашим Черноморским флотом².

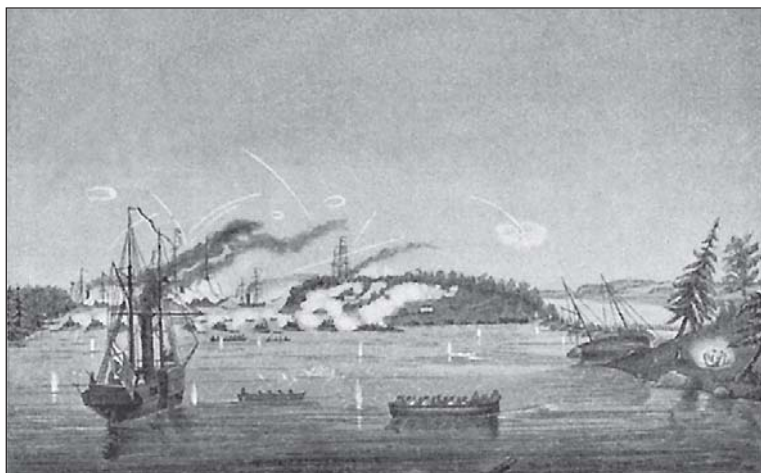
Позднее, когда война с Турцией уже началась, император Николай в своей, известной нам, записке о плане кампании на 1854 год³

на азиатском театре предусматривал лишь наступательный образ войны при всех возможных комбинациях борьбы с одной Турцией или с нею совместно с западными державами. «Желательно,— писал он,— чтобы Кавказский корпус наступал и овладел Карсом, Баязетом и Ардаганом, что исполниться должно в течение зимы или ранней весны». Государь после приведенного выше мнения князя Воронцова уже отказывался от овладения в этот период кампании Батумом и указывал лишь на необходимость эскадре у абхазских берегов усугубить надзор за недопуском турецких судов из Батума и Анатолии, но в кампанию 1854 и 1855 годов полагал необходимым завладеть Кобулетом и Батумом, «не подаваясь далее вперед и предоставляя персиянам вести наступательную войну для их пользы». В своей записке государь затрагивал также положение наших укреплений восточного берега Черного моря в том случае, если туда войдут флоты морских держав, и приходил к заключению, что тогда форты, как это ни нежелательно, придется покинуть, за исключением, может быть, Анапы, Новороссийска, Геленджика и Сухум-Кале.

Не успел князь Воронцов получить приведенные выше указания государя, как вслед за этим канцлер граф Нессельроде ввел некоторую поправку в образ действий на Кавказе в зависимости от политических соображений. «Англия не хочет объявлять нам войны,— писал он наместнику 7 ноября⁴,— она в настоящее время не предполагает даже ввести свой флот в Черное море, но великобританский министр нам очень ясно объявил, что если наш флот сделает какие-либо враждебные поползновения против Батума, Трапезунда или Варны, то он встретит флоты английский и французский, готовые защищать эти пункты...

Таким образом, в наших будущих стратегических операциях мы не должны рассчитывать на помощь нашего флота, но и Англия не имеет ни предлога, ни средств помешать нам бить турок на сухом пути, и в настоящее время наши береговые укрепления безопасны от бомбардировки союзников Турции...»⁵

Следовательно, задача князя Воронцова сводилась к обеспечению нашей границы с Турцией, к удержанию горцев, к разрешению вопроса о положении укреплений на восточном берегу Черного моря и к переходу в наступление на Баязет, Карс, Ардаган и Батум. Удачные действия под Ахалцыхом и Баш-Кыдыкларом в ноябре, усиление Гурийского отряда и разбитие горцев на линии в декабре временно обеспечили нашу турецкую границу и показали Шамилю, что война с Турцией не ослабила наших сил для борьбы внутри Кавказа. Наиболее жгучими вопросами оставались положение нашей береговой линии и будущие наступательные операции, которые и послужили предметом продолжительного обмена мнений между Петербургом, Тифлисом и отчасти Севастополем.

Вид с моря на город Або

Маленькие укрепления, а отчасти посты, разбросанные по восточному берегу Черного моря, имели исключительной целью содействовать покорению Кавказа преграждением сношений горцев с турками морским путем⁶. Большинство из них, а именно укрепления средней части, или 2-го отделения, не имело никакого сообщения внутрь края сухопутьем и могло базироваться только на море. По своей силе и величине гарнизона укрепления эти не могли противостоять нападению даже относительно незначительных сил с моря или с побережья, чему ярким примером мог служить захват турками поста Св. Николая в ночь на 16 октября. Укрепления береговой линии могли существовать только до тех пор, пока мы владели Черным морем; без этого условия они подвергались неминуемой гибели, не принося нам никакой пользы в начинавшейся кампании.

Князь Меншиков, с которым в общем соглашался и князь Воронцов⁷, считал очень затруднительной морскую помощь береговым укреплениям при атаке их турками даже в том случае, если флоты западных держав будут отсутствовать в Черном море, и совершенно невозможной при их присутствии там. Поэтому он полагал необходимым форты среднего участка, т. е. 2-го отделения, не имеющие сухопутного пути отступления, уничтожить, приготовив для этого все зимой, а гарнизоны свезти на судах в то время, когда будет определенно известно о входе в Черное море флотов морских держав. Преждевременно приступить к этой операции признавалось невыгодным, так как это могло произвести неблагоприятное для нас моральное впечатление на горцев. Из укреп-

лений северного участка Анапа считалась безопасной от нападения, а Новороссийск и Геленджик следовало во что бы то ни стало сохранить в своих руках, даже в случае серьезного нападения противника, так как с потерей этих пунктов прекращалось наше влияние на всю Кубанскую область. Оборона Абхазии или южного участка фортов находилась в тесной связи с обороной Гурии и могла быть выполнена лишь при существовании там сильного отряда, способного противостоять и туркам, сосредоточенным у Батума, и горцам. Во всяком случае на этом участке князь Меншиков полагал необходимым иметь центральный, сильно укрепленный пункт, для которого намечал Редут-Кале или Поты⁸.

Князь Воронцов не мог «без ужаса» подумать о необходимости снять укрепления 2-го отделения, так как эта мера должна была, по его словам, откинуть нас в отношении покорения горцев на многие десятки лет назад. В то же время наместник не считал даже возможным спасти гарнизоны этих укреплений снятием их нашими судами после входа в Черное море союзных флотов, и, желая для воздействия на горцев сохранить их возможно долгое время, он рекомендовал оставить укрепления в наших руках до тех пор, пока они не будут атакованы англичанами, после чего гарнизоны по избежание зверского их уничтожения горцами сдать в плен союзникам⁹.

Синопская победа и успехи наши на азиатской границе облегчили положение прибрежных фортов, и в декабре вопрос об очищении их не поднимался. Вход же в январе эскадр западных держав в Черное море вновь выдвинул критическое положение наших береговых укреплений, и начальник обороны восточного берега вице-адмирал Серебряков доносил о необходимости снятия гарнизонов укреплений второго отделения и усиления ими тех пунктов на побережье, которые предполагалось еще возможным сохранить в наших руках¹⁰. При этом Серебряков докладывал о трудности исполнения такой операции немногочисленными судами, находящимися в его распоряжении, и об отказе князя Меншикова оказать помощь частью судов из Севастополя ввиду риска подвергнуть их отдельному поражению союзными эскадрами. Больной, ослабевший физически князь Воронцов представил доклад Серебрякова государю и, не высказывая со своей стороны никаких предположений о спасении гарнизонов, ограничивался лишь просьбой избежать открытого разрыва с западными державами и тем спасти наше рискованное положение на Кавказе¹¹.

Участь береговых укреплений, казалось бы, решалась следующей пометкой императора Николая на донесении адмирала Серебрякова: «Эти несчастные гарнизоны, вероятно, приговорены к гибели; помочь им мы не в силах». Но вскоре вслед за этим государь приказал князю Меншикову войти в сношение с адмиралом

Серебряковым о том, какие из фортов береговой линии следует очистить и как это исполнить. Государь полагал снять гарнизоны лишь судами, которые находились в распоряжении Серебрякова, и в помощь им нанять малые каботажные суда в Керчи и в Азовском море. Надо было постараться спасти только людей, которых доставить в Сухум или Новороссийск; материальную же часть, в случае невозможности ее увезти, надлежало уничтожить¹².

Это высочайшее повеление положило конец разногласию местных властей, и князь Меншиков взял на себя инициативу очищения тех фортов, которые не имели сухопутного пути отступления. Вопреки своему первому решению он отправил к восточным берегам Черного моря три пароходо-фрегата, под флагом адмирала Панфилова, которые совместно с двумя фрегатами, корветом и пароходами, находившимися в распоряжении адмирала Серебрякова, должны были снять гарнизоны всех фортов от Абхазии до Геленджика и перевезти их в Новороссийск¹³. Гарнизон этого последнего, столь важного для нас, пункта увеличивался таким образом до 7—8 тысяч человек¹⁴. Князь Меншиков был возмущен намерением князя Воронцова сдать в плен гарнизоны фортов и «той паникой, которую внушали кавказским властям батумский паша и его отряд»¹⁵.

Из-за дурной погоды снятие гарнизонов могло начаться только 3 марта. В этот день 7 пароходов, под флагом адмиралов Серебрякова и Панфилова, имея на буксире гребные суда и транспорты, вышли из Геленджика и, продвигаясь вдоль кавказского берега, снимали гарнизоны, которые первоначально доставлялись в Геленджик, а большие — в Феодосию. Вся операция произошла совершенно спокойно от покушения противника, и лишь у Навагинского укрепления на виду нашей эскадры появились английский и французский пароходы, которые, впрочем, поторопились скрыться. Ввиду бурного моря не удалось лишь снять людей с укрепления Св. Духа, но в ночь с 9 на 10 марта и они были сняты особо высланным для этой цели из Севастополя пароходом «Громоносец»¹⁶.

Таким образом, гарнизоны 2-го отделения Черноморской береговой линии, в количестве 6 000 человек с семьями были нашим флотом спасены от верной гибели или плена, к которому их приговорил князь Воронцов, и послужили для усиления Геленджика и Новороссийска.

Одновременно с этим князя Меншикова очень беспокоила участь гарнизона Гагры, который он не считал возможным снять ввиду важного значения этого пункта для обороны Абхазии. Гагры представляли собой единственный выход из дефиле, по которому можно было проникнуть в Абхазию с севера, и его оставление могло повлечь за собой немедленное вторжение в эту область Магомета-Аминя. Во всяком случае очищение Гагр должно было быть произведено в связи с операциями войск, оборонявших Мингрелию¹⁷, и решение этого воп-

роса было передано генералу Реаду, который в то время заменил уже в Тифлисе уехавшего больного князя Воронцова.

Вслед за снятием Черноморским флотом гарнизонов укреплений 2-го отделения, что являлось существенной необходимостью, так как гарнизоны эти, предоставленные сами себе и не имевшие пути отступления, должны были бесполезно погибнуть, генерал Рead решил снять также гарнизоны в Абхазии и на северном участке береговой линии.

В Абхазии операция эта представлялась весьма трудной, так как единственным путем отступления гарнизонов через Сухум была узкая прибрежная дорога с переправами вброд через горные речки, которые в дождливое время мгновенно превращались в бешенные потоки, нередко прерывающие сообщение на целые недели. К тому же отступление неминуемо должно было сопровождаться настойчивым преследованием со стороны горцев, которое могло поставить в критическое положение малочисленные гарнизоны, обремененные при своем отступлении неизбежными лишними тяжестями в виде семейств, больных и пр. В Тифлисе для уменьшения такой опасности сочли необходимым всю операцию вверить абхазскому владетельному князю генерал-адъютанту Шервашидзе, большие связи и влияние которого на горцев западного Кавказа могли содействовать успеху, а укрепление Гагры, как закрывающее свободный доступ горцам в Абхазию, сохранить до окончательного очищения всех остальных укреплений. Что касается спасения самого гарнизона Гагры, который, по слабости верхов и незначительности вооружения, не мог бы устоять при одновременной его атаке горцами и союзными эскадрами, то генералом Реадам разрешено ему было в таком случае сдаться в плен¹⁸. Это последнее, небывалое в летописях России, распоряжение о сдаче в плен вызвало большое чувство неудовольствия у государя, о чем и было сообщено генералу Реаду с запрещением впредь прибегать к таким мерам¹⁹. И нельзя не согласиться с князем Меншиковым, что, имея между Сухумом и Пицундой около 4 000 войск, гарнизону Гагры можно было дать возможность отступить, не оставляя его во власти врага²⁰.

Впрочем, вся операция снятия гарнизонов в Абхазии была произведена совершенно спокойно. 22 марта были сняты гарнизоны Пицунды и Бомборы, которые отступили на Сухум-Кале и вместе с гарнизоном этого последнего отошли на присоединение к Гурийскому отряду. Что же касается гарнизона Гагры, то 23 апреля он был снят добровольцем греческим шкипером Соррандо Фоти и доставлен в Керчь.

Еще раньше генерал Рead приступил к очищению укреплений северного участка береговой линии. 15 марта был очищен Геленджик, 30 марта — Новороссийск, а в начале апреля и Анапа. Весь восточный берег Черного моря сделался, таким образом, открытым для нападения союзного флота, и сообщение наших противников с горцами могло производиться совершенно свободно.

29 ноября военный министр сообщил князю Воронцову о решении усилить Кавказский корпус 18-й пехотной дивизией с ее артиллерией, двумя драгунскими полками с конной батареей и резервной кавказской дивизией, что вместе с прибывшей уже на Кавказ 13-й дивизией и шестью казачьими полками составляло подкрепление в размере 35 батальонов, 20 эскадронов, 36 сотен и 88 орудий. В то же время князь Долгоруков спрашивал наместника о тех мерах, какие он предполагал принять, чтобы выйти из невыгодного оборонительного положения, в котором мы находились. Государь не видел иного к этому средства, как переход в наступление, в особенности после наших побед под Ахалцыхом и у Баш-Кадыклара²¹.

Но князь Воронцов так же, как и князь Бебутов, считал зимнюю операцию против Карса, Ардагана или Баязета невыполнимой. Турки, несмотря на ряд понесенных поражений, все-таки имели еще большие средства для продолжения войны. В Карс прибыл из Эрзерума, по сведениям, имевшимся у наместника, резерв в 18 000 пехоты и кавалерии с большим запасом огнестрельных припасов; Ардаган и Баязет также были заняты значительными частями пехоты и кавалерии. Наши же отряды в сравнении с противником были малочисленны, чтобы предпринять решительное наступление; да к тому же им необходимо было пополнить понесенные ими весьма значительные потери, привести в порядок расстроенную в бывших боях материальную часть, усилить состав отрядов и образовать резерв действующего корпуса. Все это делало, по мнению князя Воронцова, осаду Карса зимой невыполнимой.

Что же касается Ардагана и Баязета, то немедленное занятие их не приносило нам, по мнению князя Воронцова, существенной пользы. Занятие этих пунктов сильными, самостоятельными и хорошо обеспеченными отрядами не представлялось возможным по недостатку войск; малочисленные же гарнизоны не в состоянии были бы удержать в своих руках эти крепости в случае нападения на них превосходящих сил противника. От Карса, близ которого было расположено 30 000 турецких войск, до Ардагана было всего два перехода, т. е. гораздо меньше, чем до этого пункта от Ахалцыха или Александрополя, которые к тому же были отделены от него почти непроходимыми в зимнее время горами; таким образом, гарнизон в Ардагане не имел бы в течение всей зимы никакого сообщения с тылом и мог бы подвергнуться отдельному поражению без всякой надежды на поддержку. Князь Воронцов полагал, что, заняв весной Карс, мы тем самым облегчим и овладение Ардаганом и Баязетом²². В частном письме к князю Долгорукову наместник особенно настаивал еще на том, чтобы отложить наступательные действия до весны ввиду сильного утомления войск и расстройств материальной части²³.

Вид на Гельсингфорс

Государь признал доводы князя Воронцова «справедливыми», и вопрос о зимней кампании был оставлен²⁴.

Тем временем здоровье князя Воронцова до того ухудшилось, что он не признавал возможным оставаться на занимаемом им ответственном посту в наступившее тяжелое время и просил государя освободить его от дел. Император Николай, с трудом согласясь на удовлетворение просьбы наместника, пожелал, чтобы он до своего отъезда начертал план предстоящей кампании против турок в Малой Азии. При этом государь указывал, что лишь самое решительное, деятельное наступление обещает нам скорое достижение главной цели — убедить турок, что их упорство ведет к неминуемой гибели. Но прежде всего следовало завладеть Карсом, Баязетом и Ардаганом, так как без этих твердых основ наступление в глубь страны было бы неосторожно. Дальнейшую операцию государь предполагал направить на Эрзерум или западнее его, в район, где население состояло преимущественно из христиан; но при этом движении не следовало пренебрегать нашим крайним флангом, и поэтому Гурья должна была постоянно обеспечиваться значительным отрядом. Высадки союзников на восточном берегу Черного моря государь в то время еще не опасался, считая весьма затруднительным снабжение десанта артиллерией и перевозочными средствами²⁵.

Разработкой плана кампании на Кавказе занялся и князь Варшавский. Он был того же мнения, что кампания там с нашей стороны может открыться не ранее весны, а до того времени турки, пользуясь Черным морем, могут атаковать наш правый фланг. Здесь они могли

бы действовать двояким образом — от Батума на Ахалцых или же на наши приморские провинции. В зависимости от этого Паскевич предполагал занять Ахалцых отрядом в 7000—8000 при 24 орудиях и с другим отрядом, примерно такой же силы, маневрировать в Имеретии, Мингрелии и Гурии. В случае десанта турок на северо-восточном берегу Черного моря они могли иметь целью действий лишь Черноморию и правый фланг нашей Кавказской линии, для обороны которой признавалось достаточным имевшихся там войск.

Указав меры для обеспечения нашего правого фланга, князь Варшавский обратился к наступательным операциям в центре и на левом фланге, которые могли открыться весной. Здесь он первыми объектами действий ставил Карс, Ардаган и Баязет. Паскевич исходил из убеждения в отсутствии необходимости держать войска внутри края, для удержания которого, по его мнению, достаточно было занять лишь несколько пунктов, отправив остальные войска в действующий корпус. Такая мера дала бы свободных, по крайней мере, до 20 батальонов пехоты с артиллерией, не принимая даже в расчет предназначенной для усиления Кавказского корпуса 18-й пехотной дивизии. С этими войсками предполагалось, отделив из них до 3000 против Баязета, атаковать Карс, который должен быть взят правильной осадой в 10—15 дней. После Карса надлежало взять Ардаган, и действующий корпус, оставив в обеих крепостях гарнизоны, должен был направиться к Баязету, чтобы совместно с отделенным туда раньше отрядом взять и эту крепость. Осенью князь Варшавский предполагал уже двинуться к Эрзеруму, отдавая предпочтение направлению от Баязета, которое давало надежду взять турок в тыл, если бы они укрепились на труднодоступных Саганлугских высотах. Автор проекта рекомендовал не идти далее Эрзерума, пока не выяснится положение на нашем правом фланге; после же этого, если время позволит, то продолжать наступление на Бейбурт. Дальнейших действий Кавказскому корпусу князь Варшавский не указывал, так как они должны были зависеть от могущих свершиться событий²⁶.

Впоследствии, когда до Петербурга дошли слухи о намерении морских держав произвести высадку 10 000—15 000 тысяч человек на восточном берегу Черного моря, Паскевич несколько изменил предложенный им план действий. В таком случае наш правый фланг приобретал, по его мнению, особенное значение; отряд в Гурии, Мингрелии и Имеретии следовало увеличить до 20 батальонов, 20 эскадронов драгун, 10 сотен казаков, 20 сотен милиции при 60 орудиях и с этими силами первоначально сбросить союзников в море, а потом уже перейти в наступление в центре и на левом фланге²⁷.

Все предложения фельдмаршала были по обыкновению богато иллюстрированы ссылками на то, как он действовал против турок в 1828 году.

***Богослужение среди русских пленных в Тулоне**
(французская иллюстрация)*

Князь Воронцов во многом не согласился с запиской Паскевича, находя, что обстановка сильно изменилась сравнительно с 1828 годом. Границы края в то время были теснее и требовали меньше войск, да и само очертание их представляло более удобств для обороны. Кавказские народности были спокойнее, не были объединены и воодушевлены тем религиозным порывом, который чувствовался в пятидесятых годах и которым несомненно должны были, по мнению наместника, воспользоваться Шамиль и Магомет-Аминь. Все это делало необходимым держать значительную часть войск внутри края, чтобы противодействовать объединенным нападениям горцев и союзников. Турецкая армия за последнюю четверть века также немало изменилась к лучшему, и, наполненная европейскими офицерами, она не представляли уже такого легкого материала для победы; Карс, который Паскевич предполагал взять в 10—15 дней, также успели сильно укрепить, и работы по усилению его все еще продолжались; наконец, Персия, униженная и ослабленная во время предыдущей войны нашей с турками, теперь также представляла собой некоторую силу, а двойственная политика этой страны — и некоторую для нас опасность. Все это должно было внести значительную поправку в широкий полет мысли фельдмаршала о наступательных действиях в Азиатской Турции. Не мог согласиться князь Воронцов и с той легкостью, с какой князь Варшавский решал вопрос об обеспечении Гурии, Имеретии и Мингрелии

одним подвижным отрядом, который должен «маневрировать». Непроходимые горы, разделявшие эти три области, делали такую задачу невыполнимой для одного отряда²⁸.

9 февраля князь Воронцов представил, согласно воле государя, свои предложения о плане кампании на 1854 год.

Наместник сознавался, что в истекший осенний период кампании у него не было общих предложений о действиях против турок, и цель его заключалась в том, чтобы отбросить противника подальше от нашей границы, что и было с успехом достигнуто случайно собранными отрядами. Так как турки после этого сосредоточили значительные свои силы против Гурии, Ахалцыха, Ахалкалак, Александрополя и Еревана, то и нам волей-неволей приходилось разбросать свои войска по всей растянутой на 700 верст пограничной полосе, группируя их у поименованных пунктов.

Князь Воронцов полагал, что отряд, расположенный в Гурии, должен был, по удалению своему от командира корпуса, по затруднительности с ним связи и по специальному своему назначению, быть выделенным в самостоятельную часть. Остальным же войскам действующего корпуса первой задачей ставилось овладение Карсом, Ардаганом и Баязетом.

После окончательного сосредоточения всех предназначенных для действия на азиатской границе войск и снабжения их всем необходимым для предстоящих наступательных операций главный наш отряд, расположенный у Александрополя, должен был наступать на Карс, разбить турецкую армию, если бы она вышла навстречу, и приступить к осаде крепости. В то же время отряды Ереванский и Ахалцыхский должны были своими демонстрациями содействовать нашему успеху под Карсом. Первый предназначался действовать с этой целью против Баязета и овладеть этим городом, если обстоятельства будут благоприятствовать; второй же — медленно подвигаться к Ардагану, не вдаваясь, однако, в горы, переход через которые признавался до занятия нами Карса затруднительным. Ахалкалакский отряд вместе с особо назначенной частью Ахалцыхского предназначался для наблюдения и прикрытия путей на Тифлис.

После занятия Карса часть главных сил совместно с частью Ахалцыхского отряда должна была направиться для завладения Ардаганом, который предполагалось занять достаточным гарнизоном, привести его в надлежащее оборонительное положение и снабдить всеми необходимыми запасами. Если к этому времени Баязет еще не будет взят, то, усилив Ереванский отряд частью войск из главного отряда, завладеть и этим пунктом.

Князь Воронцов полагал, что в кампанию 1854 года придется ограничиться занятием Карса, Ардагана и Баязета, приведением их в оборонительное положение и снабжением всем необходи-

мым армии, которая должна будет провести зиму на этой новой линии.

В числе препятствий, способных помешать исполнению предназначенного плана, наместник указывал на колеблющиеся отношения к нам Персии, на поведение Шамиля и на действия союзников на восточном берегу Черного моря. Кроме того, следовало ожидать, что и турки, сделав огромные приготовления на своей азиатской границе, пожелают встретить в поле наши войска, прежде чем допустить их до своих крепостей.

Если бы во время наших операций против Карса Персия стала бы во враждебное к нам положение, то Ереванский отряд следовало бы подкрепить резервом из Тифлиса, чтобы он мог, оставаясь в оборонительном положении, удержать Ереван в своих руках до падения Карса. После же этого не ограничиваться только взятием Баязета, а вторгнуться в пределы Персии и занятием Хоя, Урмии и Тавриза распространить страх на всю Персию.

В тот же день князь Воронцов отправил военному министру другую записку, в которой предупреждал, что изложенный им план действий имел в виду единоборство России с Турцией. Поэтому если последует разрыв с западными державами, то принять столь неравную борьбу возможно только при некоторых первоначальных пожертвованиях. Благодаря этому мы могли бы сосредоточить достаточное число войск, чтобы защитить наиболее важные пункты сообщения края с Россией, Тифлис и удержать в повиновении мирные племена Кавказа.

В этом отношении внимание наместника было обращено на очищение Черноморской береговой линии и, в зависимости от этой меры, на положение Гурийского отряда. Он мог быть обойден по Супсе и отрезан от Кутаиси. Поэтому князь Воронцов предлагал немедленно укрепить устье Цхенис-Цхали, где весь отряд и должен сосредоточиться при первом известии о разрыве с западными державами.

Здесь он выжидал прибытия гарнизонов береговых укреплений и отступал к Кутаиси, а может быть, и далее, по пути к Тифлису, до тех позиций, на которых решено будет дать окончательный бой.

Князь Воронцов приходил к заключению, что весной мы можем открыть наступательные действия внутри Малой Азии лишь в случае мира с западными державами, так как, не обеспечив себя предварительно на всем протяжении правого фланга, мы не можем и думать о широких наступательных операциях. Растянув наши силы на южной границе, мы могли поставить себя в крайне рискованное положение тем, что открывали неприятелю пути от моря в землю Черноморского войска, в Кабарду и на Тифлис.

Судя по массе пометок, которыми государь испещрил обе записки князя Воронцова, можно сказать, что император Николай

вполне одобрил план наместника. Государь признал необходимым увеличить отряд, расположенный в Гурии, Мингрелии и Имеретии, до 20 батальонов, подчинить его самостоятельному началствованию князя Андронникова и немедленно сделать все подготовительные распоряжения о порядке сосредоточения в случае надобности всех частей этого отряда на позицию Цхени-Цхали или к Кутаиси.

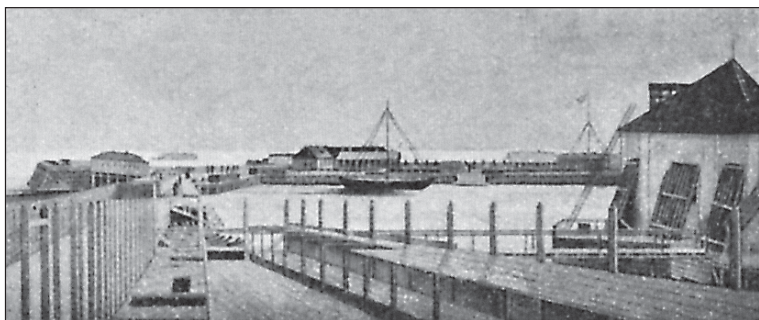
Что касается операций действующего корпуса, то он должен был ограничиваться защитой границы до окончания или выяснения намерений неприятеля на нашем правом фланге. Лишь только в том случае, если бы турки двинулись в значительных силах против нас, ему следовало идти навстречу и разбить противника. Точно так же, если бы неприятель пошел от Ардагана на Ахалцых в обход правофлангового отряда действующего корпуса через Боржомское ущелье, то отряду от Александрополя надлежало двинуться во фланг неприятелю и, разбив его, вернуться обратно²⁹.

Одновременно с изложением предполагаемого плана операций против турок князь Воронцов представил и проект распределения частей действующего Кавказского корпуса по отрядам.

Как уже сказано, государь в ноябре 1853 года решил двинуть на Кавказ 18-ю пехотную дивизию с ее артиллерией и драгунскую бригаду с конной батареей. Вслед за этим в Петербурге явилось предложение отправить на Кавказ и 17-ю пехотную дивизию с ее артиллерией. Решение это вызывалось желанием усилить Лезгинскую линию и иметь готовый резерв для действия против Персии, если бы она стала во враждебные к нам отношения³⁰.

Первоначально предполагалось 18-ю дивизию направить, подобно тому, как это в августе имелось в виду и относительно 13-й дивизии, на Кавказскую линию; 19-ю же дивизию, занимавшую эту линию, направить в трехбатальонном составе в действующий корпус. Это предложение основывалось на желании иметь для наступательных операций войска боевые, знакомые с кавказской обстановкой и соответственно снаряженные. Драгунская бригада должна была следовать до Моздока и расположиться там в резерве³¹, а резервная дивизия Кавказского корпуса — в Ставропольском и Пятигорском уездах, что давало возможность двинуть на границу квартировавшие в Ставрополе, Георгиевске и Кисловодске линейные батальоны.

Князь Воронцов, однако, находил много неудобств при выполнении столь сложной комбинации, которая к тому же была излишней, так как опыт 13-й дивизии показал, что и европейские войска не отставали в боях от своих кавказских товарищей. Поэтому он предлагал одну бригаду 18-й дивизии включить в состав действующего корпуса, а другую направить на усиление Лезгинской линии, за которую следовало с наступлением весны опа-

Кронштадт

саться. Бригада эта, составляя резерв войск, охранявших Лезгинскую линию³², являлась бы и резервом действующего корпуса, к которому и могла бы быть направлена в случае спокойствия на линии. Резервную дивизию князь Воронцов желал придвинуть весной к Екатеринодару и Владикавказу с тем, чтобы не сменять ею линейных батальонов, а считать ее резервом Кавказской линии. Располагаясь таким образом, она обеспечивала бы Военно-Грузинскую дорогу и при надобности могла усилить правый и левый фланг линии. Наконец, драгунскую бригаду наместник признавал необходимым придвинуть весной к Александрополю, так как бедность действующего корпуса кавалерией чувствовалась во всех делах с турками³³.

Князь Воронцов предполагал ввиду назначения на Кавказ двух новых дивизий войска действующего корпуса распределить на турецкой границе следующим образом:

Гурийский отряд — 10 $\frac{1}{4}$ батальона, 20 орудий, 5 сотен казаков, 18 конных и 26 пеших сотен милиции;

Ахалцыхский отряд — 4 батальона, 10 орудий, 6 сотен казаков, 2 конных и 8 пеших сотен милиции;

в резерве обоих этих отрядов — 4 батальона и 8 орудий;

Ахалкалакский отряд — 2 батальона, 4 орудия, 2 $\frac{1}{2}$ сотни казаков и 5 сотен конной милиции;

Ереванский отряд — 6 батальонов, 16 орудий, 10 сотен казаков, 10 сотен милиции и 8 ракетных станков;

Александропольский отряд — 26 батальонов, 76 орудий, 30 эскадронов, 9 сотен казаков, 10 сотен милиции и 8 ракетных станков;

артиллерийский резерв — 38 орудий.

Как предложение относительно предстоящего плана кампании, так и составленное князем Воронцовым распределение войск по границе удостоились одобрения государя, с отмеченными выше изменениями, и были возвращены в Тифлис для руководства князю

Воронцову и генералу Реаду, который должен был заместить отъезжавшего по болезни наместника.

Князь Долгоруков, сообщая Высочайшую волю, остановился на разборе предстоявших действий более подробно³⁴.

Операции на Кавказе подразделялись на два этапа: первый — оборонительный для отражения неприятеля на нашем правом фланге и второй — наступательный на Карс, Баязет и Ардаган, который должен был начаться после того, как мы отобьем неприятеля на правом фланге.

В этом порядке и обсуждался план предстоявших действий.

Записка начиналась с операций на правом фланге.

Высадкой в Геленджике, Новороссийске или Анапе неприятель мог угрожать Черномории и Кабарде с Военно-Грузинской дорогой; высадкой же в Сухуме и Редут-Кале он, обходя Гурийский отряд, угрожал Кутаиси и даже Тифлису. В обоих случаях сообщение с базой наших отрядов, сосредоточенных на турецкой границе, подвергалось опасности.

Ввиду возможности неприятельской высадки на северо-восточном берегу Черного моря высочайше повелено было сформировать на Дону конный и артиллерийский резерв и подчинить наказному атаману Войска Донского все войска, расположенные в Геленджике, в 1-м отделении Черноморской береговой линии, в земле Черноморского казачьего войска и на правом фланге Кавказской линии. В распоряжение генерала Хомутова, кроме того, был назначен особый резерв в составе 1-й бригады 17-й пехотной дивизии, 2-я бригада которой, в изменение первоначального предложения, направлялась в Крым ввиду опасного положения этого последнего после разрыва с западными державами.

Полагалось, что этими мерами Черномория и правый фланг Кавказской линии делались в достаточной мере обеспеченными, так как там легко можно было собрать 11 батальонов и 4 1/2 конной батареи кроме гарнизонов трех прибрежных укреплений и 2-й бригады 19-й пехотной дивизии.

Местом сбора этого отряда государь полагал назначить окрестности Варениковой пристани с тем, чтобы, в случае высадки неприятеля у Геленджика или Новороссийска, следовать навстречу противнику и принять на себя гарнизоны этих пунктов, если они принуждены будут их бросить. Если же высадка последует у Анапы, то отбросить неприятеля в море и спасти Анапу.

При этом весьма вероятно, что союзники предварительно войдут в сношение с горцами, чтобы они отвлекли внимание и силы наши в другую сторону, угрожая Лабинской и даже Кубанской линиям. Воспрепятствовать этому предполагалось сбором у Ольгинского тет-де-пона отряда не менее 6 батальонов с артиллерией и 1—2 казачьих полков, чтобы отбить всякое на Кубанскую линию

покушение, а на Лабинской линии оставаться пока в оборонительном положении.

Адмиралу Серебрякову указывалось обратить особое внимание на сохранение Анапы и Новороссийска. Если Геленджик и Кабардинск нельзя будет отстоять, то гарнизоны их отводить к Новороссийску, а если и этот пункт нельзя будет отстоять, то, уничтожив в них все, что можно, отходить к Анапе, наводя неприятеля флангом на наш отряд, идущий от Варениковой³⁵.

Охрана Военно-Грузинской дороги от вторжений Шамиля, а также всего пространства между Кубанью, Ставрополем и Екатеринодаром от всяких покушений со стороны Черного моря была возложена на генерала Козловского, командовавшего войсками центра Кавказской линии. Государь считал эту задачу для него вполне выполнимой после того, как войска, в центре расположенные, были усилены резервной дивизией Кавказского корпуса, т. е. 14 батальонами при двух батареях.

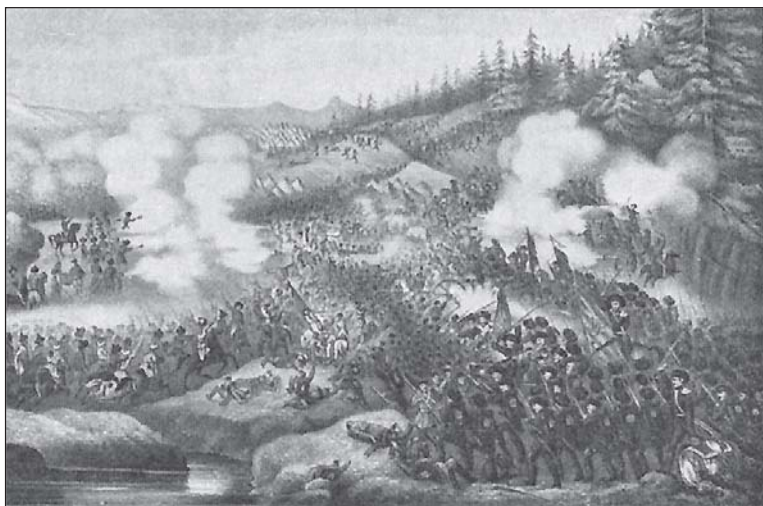
В отношении действий на юго-восточном берегу Черного моря государь полагал, что неприятель может или сделать высадку в Сухуми, или же движением из поста Св. Николая по Сунже обойти Гурийский отряд и отрезать его от Кутаиса. Тот и другой случай делали весьма основательным предложение князя Воронцова выбрать сборный пункт у устья Цхени-Цхали для сосредоточения Гурийского отряда и гарнизонов 3-го отделения береговой линии. Этот пункт, а также обе дороги от Кутаиса на Тифлис должны быть немедленно укреплены и Гурийский отряд увеличен до 18, а если возможно, то и до 20 батальонов.

В отношении наших наступательных действий на Карс, Ардаган и Баязет государь оставил без изменения предложения князя Воронцова, повелев лишь приступить к исполнению этого плана после окончательного разрешения дел на правом фланге и после обеспечения тыла.

Обращаясь к намеченному князем Воронцовым распределению войск, военный министр в своей записке касался лишь необходимой замены, вызванной оставлением одной бригады 17-й дивизии в распоряжении генерала Хомутова и направлением другой бригады вместо Кавказа в Крым. Предназначавшуюся в состав действовавших на границе отрядов бригаду 17-й пехотной дивизии предполагалось заменить двумя батальонами с Лезгинской линии и шестью батальонами 19-й дивизии из центра.

Изложенная записка военного министра не застала уже князя Воронцова в Тифлисе. Он навсегда покинул Кавказ.

Волнения последнего года окончательно подорвали здоровье наместника, и он вынужден был просить государя освободить его от столь непосильного труда и уволить в бессрочный отпуск. Как ни трудно было заменить в такое тревожное время князя Воронцо-

Сражение на реке Чолок 24 июня 1854 года

ва, но государь должен был согласиться с невозможностью требовать от него непосильной при болезненном состоянии работы, и 28 февраля князь Воронцов был уволен в шестимесячный отпуск, а должность его временно была вверена генералу Реаду. Вместе с тем начальником штаба при генерале Реаде был назначен князь Барятинский.

3 марта князь Воронцов отбыл из Тифлиса.

Чем выше служебное положение какого-либо деятеля, тем большей критики он подвергается. Не избежал такой критики и князь Воронцов. В отношении гражданского управления его упрекали в слишком рассеянной, полной удовольствий жизни, в расточительности, в излишнем доверии к своим приближенным, часто злоупотреблявшим этим доверием, во многих непрактичных проектах, поглощавших без пользы большие деньги, в излишней щедрости и раздаче наград, особенно местному грузинскому дворянству, и проч. Упреки эти едва ли основательны: князь Воронцов принял в свое управление край непочатый, дикий; он стремился поднять его цивилизацию, поднять его экономическое благосостояние развитием разного рода промышленности. Цели своей он достиг, хотя, может быть, и со слишком большой затратой средств.

Упрекали бывшего наместника в очень большом расходе войск на линиях, в значительном развитии при нем полковых штабов с массой отвлеченных от строя для хозяйственных надобностей нижних чинов; упрекали также в излишней робости перед

неприятелем, что вызывало постоянные жалобы на недостаточность сил и просьбы о высылке все новых подкреплений из России.

Нельзя не отметить справедливости этих замечаний. Внутренней борьбой на Кавказе была поглощена значительная часть наших вооруженных сил, и для борьбы с турками таковых почти не оказалось; можно соглашаться или не соглашаться со взглядом наместника на первенствующее значение в начавшейся войне удержания в своих руках Кавказа, но нельзя не отдать ему справедливости, что свою точку зрения он провел в жизнь вполне основательно. Мы не можем судить, как вели бы себя предводители горцев во время восточного кризиса, если бы они не были сдерживаемы широко раскинутым Воронцовым «железным кулаком». Характер действий князя Воронцова в открывшейся кампании можно назвать осторожным, но нельзя ему отказать в обдуманности и планомерности.

Несомненно, большой заслугой князя Воронцова была его распорядительность вместе с осмысленной решимостью в наиболее критический для нас осенний период кампании. Доблесть наших войск, ошибки турок, но и военные дарования наместника помогли нам не только сберечь свои границы, но и нанести туркам два решительных поражения.

Князь Воронцов при присущем ему благородстве и честности обладал тем гражданским мужеством, которое его особо высоко ставило среди деятелей первой половины XIX столетия. Это был не лицемерный, верный докладчик своему царю, без боязни высказывавший свое слово, даже идущее вразрез с мнением государя, если только он был убежден, что этого требует польза порученного ему дела. Император Николай высоко ценил такие качества своего наместника на Кавказе, нередко соглашаясь с его взглядами.

Князь Воронцов любил войска и близко к ним стоял. Несмотря на тяжелый недуг, он принимал к сердцу все вопросы их благосостояния и лично в этом отношении распоряжался. Войска ценили заботливость о них князя Воронцова, и весть об его отъезде была встречена в Кавказской армии с грустью.

Высочайшие указания относительно плана действий на Кавказе в 1854 году были получены уже генералом Реадом. Трудно было предполагать, чтобы временный заместитель князя Воронцова не придерживался в предстоявших действиях взгляда своего предшественника. Этому не соответствовал ни характер генерала Реада, человека в высшей степени исполнительного, но не одаренного духом самостоятельности, ни положение его временного заместителя, связанного к тому же инструкцией князя Воронцова. Поэтому можно было ожидать, что и в предстоящих действиях борьба с горцами и защита Кавказа от их нападений по-прежнему будут иг-

рать главную роль. Но генерал Реад превзошел своей осторожностью и князя Воронцова.

Отказ в присылке на Кавказ 17-й дивизии привел нового главнокомандующего в смущение. Он³⁶ не считал возможным в «тяжелую эпоху предположенных оборонительных действий наших» ослабить преграды, удерживающие напор враждующих племен Кавказа, так как был уверен в усиленных действиях Шамиля и Магомета-Аминя, к которым должны примкнуть все наши внутренние враги и часть мирных горцев. Отсутствие 17-й дивизии, доносил генерал Реад военному министру, не только лишило здешний край всякой возможности к наступательным действиям, но и очень затруднило внутреннюю и внешнюю оборону его. Важное значение Военно-Грузинской дороги и Лезгинской линии делало необходимым обеспечить обладание ими, что требовало не только занятия этих пунктов соответственными отрядами, но и существования резервов, которых, за неприходом 17-й дивизии, образовать было не из чего. Генерал Реад не видел другого выхода из этого положения, как очистить некоторые из занимаемых нами пунктов и тем хоть немного сосредоточить силы разбросанного Кавказского корпуса. Выбор главнокомандующего остановился в этом отношении на Дагестане, очищение которого он считал менее чувствительным для нашего владычества в крае, а посему и просил ходатайства на положительное разрешение государя очистить Дагестан, когда увидит к тому неотложную необходимость.

Вместе с этим генерал Реад представлял на утверждение распределение войск на Кавказе, измененное ввиду отмены прихода туда 17-й пехотной дивизии. Оно сводилось к следующему:

центр Кавказской линии — 17 батальонов, 16 пеших и 8 конных орудий и 12 сотен;

Владикавказский округ — 13 $\frac{1}{2}$ батальона, 8 орудий и 6 сотен;

левый фланг линии — 14 батальонов, 20 пеших и 10 конных орудий и 32 сотни;

Прикаспийский край — 24 батальона, 8 пеших, 20 горных и 2 конных орудия и 30 сотен;

Лезгинская линия — 10 батальонов, 2 пеших, 8 горных и 4 конных орудия, 5 пеших и 19 конных сотен.

Итого для борьбы с горцами предназначалось 78 $\frac{1}{2}$ батальона, 104 сотни и 106 орудий, кроме 11 батальонов и 12 орудий, оставленных для содержания караулов в Тифлисе, по городам и крепостям Грузинской линии и для хозяйственных работ в штаб-квартирах³⁷.

В действующие на турецкой границе войска входил *самостоятельный отдел князя Андронникова* из отрядов:

Гурийского — 13 $\frac{1}{2}$ батальона, 16 пеших и 8 горных орудий, 9 сотен казаков, 26 пешие и 3 конные сотни милиции; из Абхазии к этому отряду должны были присоединиться еще 4 $\frac{1}{2}$ батальона, и

Ахалцыхского — $7\frac{3}{4}$ батальона, 16 пеших и 4 горных орудия и 6 сотен казаков.

Всего у князя Андронникова — $25\frac{3}{4}$ батальона, 44 орудия, 15 сотен казаков и 29 сотен милиции;

действующий корпус князя Бебутова из отрядов:

Ахалкалакского — $2\frac{1}{4}$ батальона, 4 пеших орудия, 3 сотни казаков и 1 сотня милиции;

главного Александропольского — $18\frac{1}{2}$ батальона, 48 пеших и 16 конных орудий, 26 эскадронов и 21 сотня казаков, и

Ереванского — $6\frac{1}{2}$ батальона, 8 пеших орудий, 6 сотен казаков и 2 сотни милиции.

Всего у князя Бебутова — $27\frac{1}{4}$ батальона, 76 орудий, 26 эскадронов, 30 сотен казаков и 3 сотни милиции.

Таким образом, на турецкой границе всего предполагалось сосредоточить *53 батальона, 120 орудий, 26 эскадронов, 45 сотен казаков и 32 сотни милиции.*

В *общем резерве* оставалось 4 батальона, 8 пеших и 4 конных орудия³⁸.

Кроме того, в *Черномории*, под начальством генерала Хомутова находилось *25 $\frac{1}{4}$ батальона, 90 $\frac{1}{2}$ сотен и 50 орудий*, распределенных на два отряда — Таманский и Закубанский.

Предложение генерала Реада об очищении Дагестана послужило предметом продолжительного обмена мнений.

В конце 1853-го или в самом начале 1854 года³⁹ император Николай в одной из своих собственноручных записок коснулся нашего положения за Кавказом⁴⁰. Одно из самых важных в этом отношении неудобств государь видел в небезопасности и в дурном качестве путей сообщения, соединявших этот край с Россией.

Таких путей было четыре: 1) Черным морем в Абхазию и Редут-Кале; 2) по Военно-Грузинской дороге, путь кратчайший, но ненадежный как по природным условиям, так и ввиду близости враждебных племен; 3) берегом Каспийского моря, путь удобный только для сообщения с восточной частью наших владений, т. е. с Дагестаном, и, наконец, 4) Каспийским морем в Дербент, Баку и к устью Куры.

Это последнее направление государь считал имеющим первостепенную важность, в особенности ввиду начавшейся войны, когда путь через Черное море временно перестал для нас существовать. Действительно, Каспийским морем через Баку центр России соединялся непосредственно с центром Закавказья; по удобству этого пути в течение целого года и по безопасности его от нападений горцев он являлся лучшим коммуникационным путем Кавказской армии. На это направление государь и обратил свое особое внимание, заявив при этом, что ежели мы не желаем «даром бросить стольким трудом и кровью дорогой

Сражение на Чингильских высотах

купленное владычество наше за Кавказом», то Дагестан и Баку, обеспечивающие этот путь, должны оборонять до последней крайности. Государь полагал даже, что в случае потери Тифлиса нам следовало бы с главными силами отойти не на Военно-Грузинскую дорогу, а на Дагестан и Баку.

Естественно, что мысль генерала Реада об оставлении Дагестана не была встречена сочувственно, и его было приказано защищать во что бы то ни стало⁴¹.

С удивлением отнесся к этой мысли и князь Воронцов⁴² и с негодованием командующий войсками в Дагестане князь Орбелиани. Упразднение Дагестана, писал последний⁴³, есть упразднение всего Закавказского края. Огромная часть этой области присоединится к Шамилю, которому мы дадим таким образом возможность явиться против нас с громадной силой более 80 тысяч человек. Нам придется одновременно вести войну и против громадных сил Шамиля, и против восставших народов, и, наконец, против Персии. Не шах персидский страшен для нас, но страшен будет Шамиль, если завладеет всем Дагестаном.

Одновременно с разработкой предложений о плане действий против турок вновь возникал вопрос о положении, которое займет Персия. Страна эта подпадала все сильнее и сильнее под влияние Англии, и мы должны были опасаться открытого разрыва с ней, который потребовал бы отвода некоторого, хоть и незначительного, количества войск с турецкой границы. Потому решено было

направить все старание к тому, чтобы добиться от Персии нейтралитета, что было особенно выгодно в нравственном отношении, так как ограждало нас от восстания пограничных мусульманских племен⁴⁴.

Между тем дело приближалось к весне, и князь Горчаков порадовал Россию своей переправой через Дунай. Государю, как известно, желательно было воспользоваться этим нашим успехом и дать толчок наступательным операциям на европейском театре войны, тем более что к тому времени выяснилась полная неготовность морских держав быстро поддержать турок. Этой неготовностью государь хотел воспользоваться для перехода в наступление и на Кавказе. «Кажется мне, — писал он генералу Реаду⁴⁵, — что весьма полезно было бы воспользоваться сим драгоценным временем, чтобы князю Андронникову самому перейти в наступательные действия, чтобы разбить турок до прибытия союзников. Но где и как, не могу определить, а предоставляю решить вам по тем сведениям, которые у вас есть. Казалось бы, что из Гурии можно было бы наступать, чтобы отбросить на Батум. Быть может, что и Ардаган взять можно было бы от Ахалцыха, поддерживая движениями Бебутова».

Мысль о наступательных действиях была не чужда и на Кавказе. По мнению князя Бебутова, Александропольский отряд не должен был оставаться в чисто оборонительном положении, независимо от того, какой бы оборот военные действия ни приняли на восточном берегу Черного моря. В противном случае неприятель, имея множество иррегулярной кавалерии, будет тревожить всю нашу пограничную полосу без возможности с нашей стороны препятствовать ему на каждом пункте. Князь Бебутов полагал необходимым при появлении подножного корма перевести Александропольский отряд за Арпачай, расположить его на удобной позиции и грозить неприятелю дальнейшим наступлением. Если бы турки вздумали встретить наш отряд, то разбитие их было бы лучшим ручательством сохранении спокойствия на нашей границе⁴⁶. Такой способ действий князь Бебутов считал наиболее выгодным и в отношении оказания поддержки отрядам Ахалцыхскому, Ахалкалакскому и Ереванскому, которые будут вне опасности, если Александропольскому отряду удастся нанести туркам решительное поражение⁴⁷. Разрешение на выдвижение за Арпачай было дано, и князь Бебутов с нетерпением стал ожидать появления подножного корма⁴⁸.

Наступательные намерения проявил и начальник Ереванского отряда генерал барон Врангель. Он просил разрешения его отряду действовать самостоятельно, вне зависимости от постоянной охраны слабого Еревана, подверженного всяким случайностям от внезапного вторжения противника или от вспышки в народе,

на верность и постоянство которого мы не должны полагаться⁴⁹. Но князем Бебутовым первоначальная задача Ереванскому отряду была дана только наблюдательная, причем он должен был иметь в виду лишь охрану края, ему вверенного, пока не последует приказания перейти к наступательным действиям. Командир корпуса указывал как на пункт, на котором было желательно сосредоточение отряда, на Сурмалинский участок, по правую сторону Аракса, так как, наблюдая оттуда за неприятелем, расположенным у Баязета, отряд был бы во всякое время в полной готовности встретить и отразить всякие нападения, и если бы неприятель вторгся через Арпачай в Сардар-Абатский участок, то всегда успел бы перейти на левый берег Аракса, обеспечивая в обоих случаях защиту Еревана и его окрестностей. Однако наблюдательное положение отряда должно быть соединено с полной его подвижностью, почему необходимо было обеспечить его перевозочными средствами, а гарнизон Еревана усилить, переведя туда Грузинский линейный № 4 батальон и 2 орудия⁵⁰.

Распространившиеся слухи о намерении турок произвести одновременное наступательное движение на оба наши фланга и известие о скором прибытии в Баязетский пашалык свежих сил беспокоили барона Врангеля, тем более что всякая неудача в этом крае поставила бы нас в самое затруднительное положение как перед мусульманским населением, всегда готовым присоединиться к туркам, так и перед христианским, которое легко поддается страхам и чувству безнадежности. Лучшим выходом из своего тяжелого положения барон Врангель считал внезапное нападение на Баязетский отряд, не ожидая, пока он усилится; разбив же и рассеяв этот отряд, возвратиться в свои пределы⁵¹.

Князь Бебутов хотя и одобрил мысль барона Врангеля, но полагал, что с такими незначительными силами, какие были в Ереванском отряде, можно было решиться действовать наступательно только в том случае, когда неприятель двинется из Баязета и, перейдя горы, будет приближаться к Орговскому карантину. До тех пор вступать Ереванскому отряду в бой он признавал неудобным, так как если наш отряд перейдет через горы, то турки, по всей вероятности, не примут боя и отступят к Баязету; брать же эту крепость слабыми силами было невозможно, а отступление отряда через горы было рискованно при энергичном преследовании турок.

Поэтому князь Бебутов предписал барону Врангелю не предпринимать наступательного движения на Баязет, а ожидать приближения неприятеля к Орговскому карантину, где и нанести ему поражение. Сверх того он указывал, что действия Ереванского отряда должны быть в связи с действиями Александропольского и Ахалакского отрядов, чтобы наступление начать одновременно⁵².

Сражение у Кюрюк-Дары

Турецкая Анатолийская армия после осенних поражений находилась в самом плачевном положении. Полное ее расстройство довершалось неустройством административной части и страшной пандемией.

В январе в Карсе находилось только 18 тысяч человек и остатки нескольких батальонов из Ардаганской армии, разбитой под Ахалцыхом; в Эрзеруме также было только 10 батальонов этой разбитой армии. Правда, турки принимали самые решительные меры для усиления своей армии, но все старания их уничтожались страшной пандемией и побегами. Саксонский подданный доктор Хенчер, служивший в Карском гарнизоне, неоднократно писал в Константинополь, что если так будет продолжаться, то князю Бебутову не понадобится действовать против турок, так как армия их уничтожится сама собой⁵³. Как следствие такого положения, было приказание отнюдь нас не атаковать.

К февралю между Карсом, Ардаганом и Баязетом турецких войск собралось 30—35 тысяч человек, а в начале летней кампании мы считали под стенами Карса до 60 тысяч, хорошо устроенных и снабженных.

Подсчет этот безусловно следует считать преувеличенным, и о силах турок вернее руководствоваться данными французского разведывательного бюро и донесениями французских агентов своему главнокомандующему⁵⁴.

Союз с морскими державами, очищение нами береговых укреплений, ожидание прибытия на Кавказ англо-французского корпуса

и, наконец, ложные известия об успехах, одержанных нашими врагами, действительно подняли дух турецкой армии, и она желала перейти в наступление.

Распределены турецкие силы были следующим образом: 20 000 — в укрепленном лагере близ Карса, 3500 человек в Ардагане и 3500 — в Баязете. Все эти отряды находились под общим начальством мушира Мустафы-Зафира-паши, человека достойного, но слабого. Начальником штаба при нем был англичанин Гюйон, сварливый и малосведущий в военном деле; мушир его очень боялся, так как он пользовался особым покровительством лорда Редклифа. Главная квартира Зафира-паши находилась в Карсе. 12 000 человек, под начальством Селима-паши, составляли Батумский отряд, который своими передовыми частями занимал некоторые из покинутых нами береговых укреплений на абхазском берегу, в том числе и Редут-Кале, приведенный ими в оборонительное состояние.

К недостатку расположения турецких войск следует отнести растянутость их на большом протяжении границы, причем сообщение между отдельными отрядами могло производиться лишь по тропинкам, проходимым только в хорошее время года.

Относительно расположения горцев у французов были сведения, что Шамиль с 25 000 и 8 полевыми орудиями намеревается наступать на Тифлис, а Магомет-Аминь с 10—12 тысячами — действовать на сообщение наших войск между Кутаисом и Гори. Сухум-Кале также был занят горцами, но между ними происходили такие несогласия, что французский главнокомандующий настаивал на скорейшей отправке туда сильного турецкого гарнизона. Такая мера признавалась необходимой не только для того, чтобы обеспечить Сухум от захвата его русскими, но и для того, чтобы избежать там междоусобной резни.

16 мая по этому поводу состоялось совещание между союзными адмиралами, на котором было решено немедленно потребовать в Константинополе подкреплений для Анатолийской армии и послать приказ муширу отправить войска в Редут-Кале и Сухум-Кале.

В то же время было решено, что при предстоящем крейсировании англо-французской эскадры к Севастополю турецкий флот под прикрытием союзного должен будет направиться к кавказским берегам⁵⁵.

Рионский край, место действия Гурийского отряда, составляет бассейн Риона на берегу Черного моря и занимает все пространство нынешней Кутаисской губернии. Страна эта, отделенная от Грузии высоким и лесистым хребтом Месхийских гор, в то время сообщалась с Тифлисом по весьма дурной дороге, пролежавшей через Сурам.

Географическое положение ринского района делает его совершенно отдельным театром военных действий, а топографические условия (сплошные леса, широкие и глубокие реки с болотистыми берегами, недостаток путей) вместе с весьма дурным климатом прибрежной зоны дают понятие о характере самой войны в этом крае; там нельзя было действовать массами, и оборона всегда имела перевес перед атакой.

Незначительные силы, находившиеся в распоряжении кутаисского военного губернатора князя Гагарина в начале войны, не дали ему, как известно, возможности в осеннюю кампанию предпринять активные действия. В наступающий же зимний период становилось рискованным и само положение Гурийского отряда на реке Чолок.

Хотя турки и не проявляли особой энергии, но продолжали сосредоточивать свои войска перед фронтом отряда князя Гагарина у Кобулет и усиливать на фланге взятый ими в октябре пост Св. Николая. При таких условиях наш Гурийский отряд, оставаясь на зиму на Чолоке и будучи совершенно изолирован, вследствие распутицы и бездорожья, от резервов, легко мог подвергнуться отдельному поражению. Поэтому князь Гагарин оставил берега Чолока с городом Озургеты и отступил на Акетские высоты с целью выждать дальнейшего хода событий. Здесь войска князя Гагарина вошли в общий состав отряда князя Андронникова.

К маю Гурийский отряд расположился главными силами у селения Марани (Орпири) с авангардами у Чахатаура и на Акетских горах. Турки занимали Редут-Кале, пост Св. Николая и всю Гурию к югу от р. Супс с нашим уездным городом Озургеты.

Когда установилась весенняя погода и дороги стали просыхать, турки начали наступательные движения.

Кобулетский бек Гассан-паша-Тавдгеридзе стал во главе турецкого авангарда, силой до 12 тысяч при 4 орудиях⁵⁶, и 27 мая начал наступать на селение Нигоити в обход акетской позиции.

С нашей стороны в Нигоити стоял авангард подполковника князя Эристова силой в 2¹/₂ батальона⁵⁷, 4 орудия и 10 сотен гурийской милиции.

В ночь с 26 на 27 мая князь Эристов узнал, что отряд Гассан-паши переправился через Супс у Байлета и идет на Аскет. В 11 часов утра 27 мая, когда неприятель с песнями и барабанным боем стал разворачивать свой фронт, князь Эристов вышел ему навстречу, оставив в Нигоити обоз, под прикрытием артиллерии и двух рот Белостокского полка. В совершенной тишине и в полном порядке войска продвигались по чрезвычайно пересеченной местности; леса и сады скрывали наше движение. У Ланчхута, верстах в трех от нигоитской позиции, была небольшая поляна, прикрытая с фронта лесом, а справа деревянными строениями и каменными оградами садов. Здесь князь Эристов построил боевой порядок.

Турки заняли позицию, несколько возвышенную, покрытую густым лесом; перед их фронтом была поляна. В центре позиции стояли два орудия, которые были прикрыты регулярной пехотой, а на флангах толпились массы башибузуков.

Как только отряд князя Эристова открылся неприятелю, турки обдали нас градом пуль и картечи. В атаку на батарею был брошен батальон Куринского полка, который через четверть часа прорвал уже центр неприятельской позиции, а рота капитана Вельяминова оседлала батарею; атака левого неприятельского фланга, произведенная батальоном Брестского полка, завершила дело, и турки бежали.

Но князь Эристов не мог преследовать неприятеля; его заботила судьба двух рот, оставленных для прикрытия обоза, так как Кобулетская милиция, несмотря на прорыв центра турок, обходила оба фланга и грозила раздавить наш малочисленный резерв. Это обстоятельство принудило повернуть назад батальон куринцев и направить его на помощь резерву.

Действительно, положение белостокских рот было критическое. Они изнывали в неравной борьбе, а орудия, потеряв бульшую часть прислуги, геройски отбивали одну за другой шесть атак. К счастью, куринцы успели вовремя, и турки бежали, преследуемые нами до Супса.

Неприятель потерял два орудия с зарядными ящиками, пять значков и массу оружия и амуниции. На месте осталось до 1000 тел, и в том числе тело самого Гассана-паши. Наши потери достигали 460 человек, в том числе 200 милиционеров.

Император Николай очень порадовал этот первый успех в открывшейся летней кампании. Князь Эристов, проявивший столько инициативы, был назначен флигель-адъютантом, произведен в полковники и награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

После дела у Нигоити турки отступили к Озургетам. Туда же 29 мая, узнав об одержанной князем Эристовым победе, направился из Марани с главными силами и князь Андронников, имея в строю: 11½ батальона, 18 орудий, 6 пеших дружин гурийской милиции, 4 сотни казаков, 1 грузинскую и 5 имеретинских конных дружин, общей численностью до 10 тысяч человек.

Гурийские дружины, шедшие впереди, уведомили начальника отряда, что турки еще 2 июня очистили Озургеты и перешли на левый берег Чолока, где и расположились в укрепленном лагере между селением Какуты и горой Джихенджури. Милиция, преследуя врага, догнала его арьергард и после упорного боя на кинжалах отбила одно знамя.

3 июня Гурийский отряд занял Озургеты. По всему было видно, что турки очистили этот город поспешно, так как там было ими оставлено много запасов, больных и раненых. В тот же день князь

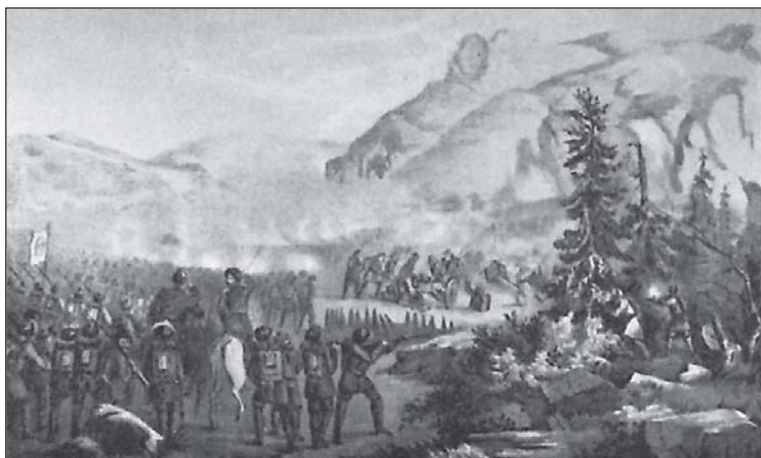
Андронников произвел с прилегающей к городу горы Экадии рекогносцировку и обнаружил неприятельский отряд, размещенный под личным начальством Селима-паши на левом берегу реки Чолок в трех укрепленных лагерях.

Турки расположились фронтом к реке⁵⁸. Правый фланг, где стояла большая часть милиции с 2 орудиями, был почти неприступен, прикрытый с фронта обрывистым берегом реки, а справа глубоким лесистым оврагом. Центр позиции был усилен на оконечностях двумя земляными батареями и с фронта прикрыт брустером с ровом. На левом фланге находились высоты, которые господствовали над всей местностью, но почему-то не были заняты турками. Впереди же лагеря до самого Чолока был довольно крутой спуск, и река в этом месте протекала в невысоких, но обрывистых берегах, затруднительных для перехода войск.

Селим-паша, по сведениям князя Андронникова, имел на позиции 20 батальонов, 13 орудий, несколько эскадронов кавалерии и 14 000 милиции. По донесению же французского агента в Трапезунде маршалу С.-Арно, турецкий паша имел 5 батальонов регулярных войск численностью до 5000 и 4000 башибузуков⁵⁹. Будет более безошибочно взять среднюю из этих цифр, так как турки в своих донесениях союзному главнокомандующему всегда старались представить дело в более розовом для них свете.

Князь Андронников решил атаковать турок на занимаемой ими позиции и нанести главный удар на их левый фланг, на доминирующую над всей местностью высоту, и таким образом отбросить их от пути на Легву и Кобулеты.

4 июня с рассветом войска выступили из Озургет по единственной дороге, ведущей из города к границе. Вся гурийская и часть пешей имеретинской милиции, долженствовавшие демонстрировать против правого фланга турок, пошли влево лесом на Лихауры, а 6 сотен пешей имеретинской милиции следовали, также пробираясь лесами, правее колонны; кавалерия шла в хвосте колонны. Милиция, пройдя развалины крепости, разделилась на две части. Одна, под начальством поручика милиции князя Тавдгеридзе, направилась через Какуты, чтобы отрезать отступление неприятеля, а другая, под предводительством озургетского уездного начальника титулярного советника Мачавариани, — правее первой и в лесу наткнулась на башибузуков. После получасовой жаркой перестрелки неприятель очистил опушку, и милиция гнала его до верхнего лагеря, откуда была встречена огнем батальона и картечью двух горных орудий. Милиция, ведомая Мачавариани, стремительно бросилась в атаку с шашками наголо и кинжалами. Турецкая пехота не выдержала и бежала, оставив в руках победителя орудие, знамя и груды тел. В то же время и князь Тавдгеридзе, быстро наступая на правый фланг турецкой позиции, оттеснил противника

Победоносное сражение Гурийского отряда 27 мая 1854 года

за овраг к самому лагерю и, спустившись к реке Чолок, занял горную дорогу к деревне Нацхватели. Пехота, услышав перестрелку в милиции, ускорила, несмотря на узкую лесистую дорогу, шаг, и в начале восьмого часа утра голова колонны подошла к реке Чолок.

Неприятель, ожидая нападения, еще ночью вышел из лагеря и расположился впереди правым флангом к реке, а левый примкнул к лесистым покатосям горы Джихенджури. Как только наши войска начали выходить на поляну перед Чолоком, он открыл по ним огонь из батарейных орудий.

Князь Андронников, во исполнение своего плана произвести главный удар на левый фланг турок, развернул боевой порядок следующим образом.

Правый боевой участок генерала Майделя — 4 батальона⁶⁰, 4 горных орудия и рота саперов — разворачивался на правом берегу Чолока, правее дороги и, перейдя реку вброд, должен был атаковать левый фланг турецкой позиции, т. е. командующую высоту, которая ночью еще не была занята противником.

Левый участок генерала Бруннера — 4 батальона⁶¹, 4 горных орудия и рота саперов — разворачивался влево от дороги и, переправившись отчасти по мосту, отчасти вброд через реку, должен был наступать на ближайшее к Чолоку турецкое укрепление.

Резерв полковника Карганова — 3 батальона и 10 орудий⁶² — располагался за серединой.

Кавалерия в походной колонне стояла у дороги за резервом.

Генералы Майдель и Бруннер перестроили свои отряды на правом берегу Чолока под сильным огнем в боевой порядок в две линии

батальонов, имея артиллерию между батальонами и саперов сзади. После этого генерал Майдель перешел вброд реку и начал принимать вправо, чтобы очистить место участку генерала Бруннера, когда он перейдет на левый берег Чолока. Батарея из резерва на рысях выехала в центр боевого расположения и открыла огонь, к которому присоединились и горные орудия обоих участков.

Чтобы не подвергать войска продолжительному обстрелу неприятельской артиллерии, решено было, как только боевой порядок развернется на левом берегу Чолока, атаковать противника участком генерала Майделя. Для усиления его генерал Бруннер с батальонами своей второй линии должен был передвинуться с левого на правый фланг и поддержать генерала Майделя.

Когда все эти перестроения закончились, боевая линия двинулась вперед, продолжая на походе принимать вправо. Движение это было совершено в примерном порядке, несмотря на убийственный огонь неприятельской артиллерии. Наши батареи быстро выезжали вперед на позицию, открывали меткий огонь и снова брали в передки. Под прикрытием артиллерийского огня генерал Майдель атаковал левый фланг турок. Батальоны Куринского полка, пробежав через болото и кустарники, ударили в штыки и ворвались в лагерь, а литовские батальоны обошли фланг противника и довершили поражение первой линии турок.

Селим-паша выслал для поддержки левого фланга весь свой резерв и встретил наступающие колонны картечью и батальным огнем пехоты. Куринцы, понеся огромные потери, немного подались назад. Тогда князь Андронников решил произвести общее наступление. Батарея вынеслась вперед и осыпала неприятеля картечью. Пять батальонов кинулось вслед за куринцами в штыки, казаки понеслись в охват обоих флангов, а грузинская конная дружина обскакала турок с тыла и изрубила неприятельский батальон. Турки упорно оборонялись в своих завалах, но, выбитые оттуда штыками и шашками, обратились в бегство.

Князь Андронников, оставив на поле сражения наиболее потерпевшие урон войска, отправил для преследования разбитого неприятеля генерала Бруннера с 4^{1/2} батальона и 4 горными орудиями, вслед за которым двинулся и полковник Карганов с 2 батальонами, 2 горными орудиями и грузинской милицией. Турок гнали до селения Легвы, пока они совершенно не рассеялись; милиция же преследовала еще верст на десять дальше.

Приняв на себя в Легве возвращавшуюся кавалерию, генерал Бруннер отошел на главные силы, и весь отряд вернулся в Озургеты на прежнюю позицию, заняв постами пешей милиции линию Чолока и поставив кавалерию перед Озургетами.

Трофеями этой славной победы были 13 орудий, множество знамен, три укрепленных лагеря со всем имуществом турок и масса

пленных, которых целыми толпами приводили наши милиционеры. Потери турок доходили до 5 тысяч⁶³, в том числе были ранены Селим-паша и начальник башибузуков Ахмет-паша; почти вся их милиция разбежалась по домам. Наши потери были также велики и доходили до 1500 человек, в том числе был ранен бывший начальник Гурийского отряда князь Гагарин⁶⁴.

Поражение Селима-паши произвело на турок и их союзников удручающее впечатление. Сераскир обвинял Селима-пашу, который, вопреки категорически данного ему приказа обороняться, самовольно перешел из Озургет в наступление⁶⁵. По словам маршала С.-Арно, это был турецкий генерал хорошего закала и горячего военного характера. Французский главнокомандующий принужден был, чтобы прийти на помощь Батумской армии, немедленно отправить к Селиму-паше находившиеся в его распоряжении полк турецкой пехоты и две батареи. Несколько турецких фрегатов под конвоем французского «Вобана» повезли это подкрепление к восточным берегам Черного моря⁶⁶. Дух Анатолийской армии после поражения Селима-паши сильно упал. Надежда у всех была на Батумский отряд, от которого ожидали самых решительных успехов, а главное, на непременноое соединение с Шамилем и совместные с ним действия. Весть о совершенном разбитии Селима-паши принесла полное разочарование, и «самые решительные недоброжелатели России не надеялись более на возможность наступательных операций»⁶⁷. Об ужасном положении Анатолийской армии после победы князя Андронникова свидетельствовали и союзники⁶⁸. «Карсская армия, — доносил французский консул в Трапезунде маршалу С.-Арно⁶⁹, — представляет очень печальную картину, и можно быть уверенным, что если к ней не явится на помощь корпус союзных войск, то первое же столкновение ей грозит полным поражением».

К сожалению, наши власти на Кавказе смотрели несколько иначе на положение турок, невзирая на весьма правдивые донесения русских пограничных консулов и агентов. «Князь Андронников болен, — писал генерал Ред князю Бебутову⁷⁰, — и переезжает на пользование в Боржом. Дела там не в очень хорошем положении; люди чрезвычайно болеют и в Кутаисе более 3300 человек в госпитале. Все внимание там обращено теперь на Абхазию, где Сефир-бей и Магомет-Аминь действуют заодно, чтобы двинуть туда сильную экспедицию горцев... Магомет-Аминь приезжал на английском пароходе в Сухум для совещаний. Турки укрепились и окопались в Редут-Кале, но оттуда до сих пор ничего не предпринимали. Пароходы беспрестанно крейсируют от Батума в Редут и Сухум-Кале, и это более всего производит тревожное положение в этом крае».

Такое впечатление на Кавказе произвела посылка маршалом С.-Арно полка пехоты и двух батарей и несвязные демонстрации

Магомета-Аминя. И по обыкновению только император Николай по-прежнему здраво смотрел на положение дел. «Sa Majeste, — писал князь Долгоруков генералу Реаду⁷¹, — attend avec la plus vive impatience la nouvelle de l'ouverture des opérations offensives du prince Beboutow. Tous les renseignements s'accordent à constater que le corps turc de Kars est très disorganisé. Un coup de vigueur de ce côté est fort désirable».

Победоносные войска Гурийского отряда также находились под впечатлением преувеличенных слухов о подходе на восточный берег Черного моря сильных подкреплений со стороны морских держав и о готовности к серьезным операциям со стороны Магомета-Аминя. Поэтому там решено было обратиться исключительно к обороне Рионского края.

Князь Багратион-Мухранский, заменивший раненного в сражении при Чолоке князя Гагарина и заболевшего князя Андронникова, остановился на следующем, утвержденном государем, плане действий. Он исходил из заключения, что при «подавляющем превосходстве сил союзников», при обладании ими морем, которое давало возможность неприятелю высадить в каждом пункте черноморского побережья превосходные силы раньше, чем мы узнаем об его намерениях, мы не в состоянии предупредить наступления союзников, которое может быть одновременно или порознь со стороны Абхазии, Редут-Кале и Кобулета. Поэтому нам оставалось лишь занять такую стратегическую позицию, с которой можно было бы парализовать наступление противника или, по крайней мере, задержать его до подхода подкреплений из Грузии. Лучше всего этому условию соответствовала местность на левом берегу реки Цхени-Цхали около селения Марани (Орпири). Но, стягивая сюда все силы, мы отдавали находившиеся на флангах Гурию и Мингрелию без боя, чего также нельзя было сделать без риска уронить престиж России в единовременных и преданных правительству странах.

Князь Багратион решил поэтому образовать два небольших отряда — гурийский и мингрельский, а в центре между ними поставить общий резерв, устроив между отдельными частями своего отряда хорошие пути сообщения. Мингрельский отряд силой в $5\frac{3}{4}$ батальона расположился в Зугдидах и Хетах; гурийский, силой в $4\frac{1}{2}$ батальона, — на Акетских высотах, и главные силы, $6\frac{1}{2}$ батальона, были стянуты к местечку Сортиани, лежащему в одинаковом расстоянии от обоих отрядов. В конце июля войска заняли новые места, и этим окончилась здесь кампания 1854 года.

Не менее успешны были наши действия и на левом фланге в Ереванском отряде.

Как известно, первоначально на этот отряд была возложена задача наблюдательная; он должен был охранять Ереванскую губернию от неприятеля, включая сюда и Сурмалинский участок, нахо-

дящийся на правом берегу Аракса. Поэтому барон Врангель сосредоточил в начале мая, как только переправа через Аракс после весенних разливов стала возможна, свой отряд на берегу этой реки, у селения Амарата. Здесь в течение долгой стоянки были приняты меры к устройству отряда и к обеспечению его всем необходимым к наступательным действиям, которые, впрочем, не разрешено было начинать, пока их не откроет Александропольский отряд.

Наконец, 15 июня было получено от князя Бебутова уведомление, что он со своим корпусом переходит Арпачай, почему и Ереванскому отряду предписывалось произвести наступление до селения Игдырь, или даже до Орговского поста, и маневрировать на этом пространстве, показывая вид, что мы хотим перейти турецкую границу, но на самом деле ее не переходить.

18 июня отряд, состоявший из пяти неполных батальонов, 12 орудий, 9 сотен казаков и 9 сотен милиции, перешел к Игдырю, где и расположился лагерем, имея впереди кавалерию и за ней пехоту.

22 июня барон Врангель решил произвести частью сил демонстрацию к Орговскому посту, а может быть, и дальше, к турецкой границе, чтобы внушить туркам более сильное убеждение в намерении нашем вторгнуться в их пределы. Вечером 3 батальона, 8 орудий и 10 сотен скрытно выступили из Игдыря по Орговской дороге, переночевали на посту и утром хотели направиться далее к турецкой границе, но на ней были обнаружены толпа башибузуков и неприятельский батальон. Барон Врангель остановился, чтобы выждать действия турок, но и те оставались на границе, не имея, видимо, намерения нас атаковать. После этого наш отряд, простояв несколько часов у Орговского поста, отошел к Игдырю, преследуемый башибузуками.

Демонстрация эта собственно достигла обратных результатов, чем те, на которые рассчитывал барон Врангель; она показала туркам ничтожество наших сил и отсутствие желания наступать и даже просто принять бой. Но в то же время она прибавила нашему врагу сомнений и в будущем помогла нам вовлечь турок в желательный для нас бой.

После этого дела отряд до половины июля стоял у Игдыря в бездействии.

В начале июля барон Врангель получил от князя Бебутова ответ на свою просьбу разрешить ему перейти неприятельскую границу, причем он свое желание мотивировал как тем, что разбитием Баязетского корпуса он лучше всего оградит Ереванскую губернию от вражеских покушений, так и тем, что для отряда надо было выискать на период наступающего жаркого времени более выгодную в гигиеническом отношении стоянку. Князь Бебутов не воспрепятствовал барону Врангелю действовать наступательно, если он находил возможным это сделать со своим небольшим отрядом,

но выражал надежду, что вследствие этого Ереванская губерния не останется без защиты.

Барон Врангель, надеясь вызвать на бой турецкий корпус Селима-паши⁷², который, как было известно, вышел из Баязета и расположил свои войска в долине, верстах в шести от перевала через пограничный хребет Агри-даг, решил выступить с отрядом из Игдыре вечером 16 июля, чтобы на рассвете занять перевал и тем опередить турок. Все приготовления делались в большой скрытности, а произведенная раньше рекогносцировка дороги до перевала обеспечивала успех ночного марша.

Выступление должно было начаться в 8 часов вечера. Впереди колонны направлялись конница, 7 сотен казаков и 7 сотен милиции; за ними в двух верстах пехота, имея артиллерию между батальонами, далее обозы и за ними в прикрытии сотня казаков и сотня армян. Орговского поста отряд должен был достигнуть еще в темноте, а с рассветом двинуться к перевалу, до которого оставалось 9 верст.

От Орговского поста кавалерия должна была двинуться в трех колоннах, имея правую на колесной дороге, по которой следовал отряд. Кавалерия должна была занять три вершины, которые доминировали над перевалом, и удерживать их в своих руках до прохода пехоты, после чего собраться за флангами этой последней.

Войска были обеспечены продовольствием на 4 дня, а прочие обозы и парк были оставлены в Игдыре под прикрытием двух рот.

С самого начала движения мелкие неудачи преследовали отряд Врангеля. Пошел дождь, дороги попортились, и отряд мог собраться у Орговского поста, когда уже рассвело, т. е. скрытность сосредоточения наполовину была потеряна. Кавалерии поэтому не удалось опередить башибузуков в занятии двух правых вершин, и только войсковому старшине Чернову удалось разбить партию курдов и занять левую, наименее важную для нашего отряда высоту. Но Чернов увлекся преследованием отходивших курдов, наскочил в долине на следующий их, более многочисленный, отряд и должен был отойти на высоту, потеряв несколько человек. Этот маленький эпизод был роковым для Селима-паши. Получив отрубленные головы наших раненых, он так воодушевился, что изменил прежнему своему решению не предпринимать боя и отдал приказание своему отряду идти навстречу русским. Такому решению содействовали также показавшиеся турецкому паше нерешительными наши действия при демонстрации у Орговского поста 23 июня.

Хотя турецкая кавалерия, а вслед за ней и иррегулярная пехота постепенно усиливались на высотах, но нашей коннице удалось, пробираясь под дальним огнем турок, перевалить через хребет и занять по ту его сторону небольшое озеро Джан-гёль, или Чин-гин⁷³; оно имело большое значение как единственный

в окрестностях поля сражения источник воды при наступавшей тропической жаре.

Наша пехота, отдохнув немного на Орговском посту, выступила оттуда в 8 часов утра. Хотя погода прояснилась, но размокшая дорога, крутые подъемы и наступившая жара сделали этот девятиверстный переход крайне затруднительным; люди, ослабевшие от лихорадки, падали по дороге, как мухи, и сильно утомленный и ослабленный отсталыми отряд прибыл к озеру лишь в полдень.

Барон Врангель, видя чрезмерное утомление войск, решил оставить на позиции, не доходя двух верст до перевала, часть отряда в составе батальона, четырех орудий и двух сотен со всем обозом, чтобы опереться на него в случае необходимости отступления. Таким образом, на перевале собралось 4 слабых батальона пехоты, 8 орудий и 12 сотен кавалерии общей численностью до 3000 человек. Но нам все-таки удалось опередить турок, регулярная пехота которых и артиллерия еще не подошли.

Начальник отряда решил дать небольшой отдых своим утомленным войскам около озера Джан-гёль. Батальоны построились в две линии ближе к отлогостям правых высот, чтобы отклониться от огня башибузуков, занимавших левые высоты, составили ружья и, утолив жажду и голод, заснули под прикрытием цепи штуцерных, высланных влево против башибузуков. Это оригинальное, но в данной обстановке необходимое положение отряда на отдыхе под огнем противника, когда для некоторых сон отдохновения переходил в вечный сон, продолжалось до подхода главных сил Селима-паши.

В исходе первого часа дня наши посты стали доносить о приближении турецкой пехоты и артиллерии, и вскоре Селим-паша развернул свой боевой порядок по ту сторону озера, поперек дороги, в расстоянии около тысячи шагов от нас. Пехота стала в две линии батальонов, имея 4 орудия в первой линии, а башибузуки — на флангах, под прямым углом к пехоте. Всего у Селима-паши было около 12 тысяч человек, из которых 5 тысяч регулярных войск⁷⁴.

В час дня началась артиллерийская перестрелка, причем с нашей стороны отвечали 4 орудия, выдвинутые вправо от расположения пехоты и прикрытые казаками и болотом.

Тем временем отряд наш отдохнул и к нему успели подтянуться оставшие на походе люди.

Барон Врангель решил атаковать на много превосходящего противника и приказал подтянуться оставленному в тылу резерву. Но атака турок представляла в данном случае дело особенно тяжелое ввиду занятых ими позиций. Двигаясь против центра, мы оставляли влево на труднодоступных высотах массу башибузуков, которые из-за завалов могли поражать наши наступающие колонны своим огнем и отрезать нам в случае неудачи путь отступления. Атаковать же первоначально башибузуков было невозможно, так как на своей по-

зиции они были почти неприступны; приходилось потратить на это очень много времени, утомить войска и все время находиться под угрозой атаки центра неприятельского боевого порядка.

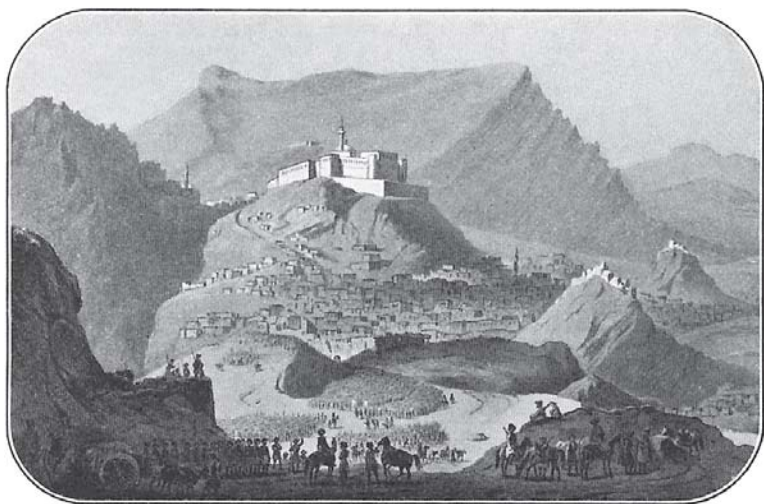
Поэтому барон Врангель решил энергично атаковать центр, пройдя мимо башибузуков и не обращая внимания на их огонь, который из-за дурных ружей не мог быть действенным. Батальоны по одному двинулись вперед по левому берегу озера, имея 4 орудия за головным батальоном, и начали быстро наступать под прикрытием огня оставшихся пока на прежней позиции остальных четырех орудий. Пройдя озеро, батальоны и артиллерия разворачивались вправо, чтобы дать место сзади идущим частям, а также чтобы уклониться от огня башибузуков. Когда на противоположном берегу озера боевой порядок вновь построился в две линии, войска быстро начали наступать на турецкую позицию под прикрытием переезжавшей поешеллоно с позиции на позицию артиллерии и огня штуцерных.

Первоначально турки, когда мы начали становиться в ружье, полагали, что, по примеру 23 июня, мы начнем отступать, а поэтому были совершенно ошеломлены, увидев наше энергичное наступление. Когда батальоны первой линии пошли уже у штыки, казаки вынеслись в карьер из-за обоих флангов и ударили на турок вместе с первой линией пехоты. Рукопашный бой продолжался лишь несколько минут, так что вторая линия не успела даже принять в нем участия, и турки обратились в бегство. Таким образом, центр противника был прорван, и иррегулярные войска, находившиеся во флангах, на высотах, совершенно отрезаны. Барон Врангель послал кавалерию преследовать бегущий центр, а батальоны второй линии направил в ротных колоннах атаковать с тыла и флангов башибузуков, отрезанных на высотах. Здесь турки засели за камнями и по мере наступления наших войск поднимались все выше. Ротам с громадным трудом, пробивая себе часто дорогу штыком и пулей, пришлось карабкаться до самой вершины, где они покончили с противником.

Результатом сражения было полное поражение отряда Селима-паши; 4 орудия, 3 зарядных ящика, несколько знамен, масса боевых и других запасов, а также два турецких лагеря достались в руки победителей.

Более 2000 неприятельских трупов осталось на поле сражения; все же потеря их превосходила 3000 человек. Наши потери достигали 400 человек, и в том числе в начале боя был ранен и барон Врангель, который до окончания сражения не позволил сделать себе даже перевязку. Впрочем, ввиду незначительной силы отряда, в особенности по сравнению с противником, вынос раненых до окончания боя вообще был воспрещен.

Кавалерия преследовала неприятеля на протяжении трех верст, после чего была, ввиду чрезмерного утомления коней, остановле-

Баязет

на, и отряд расположился на ночлег биваком на месте турецкой позиции, откуда была видна вся Баязетская долина.

Турки очистили Баязет и продолжали свое безостановочное бегство к Вану, комендант которого отказался впустить их в город. Виновником поражения считали Селима-пашу, который первым обратился в бегство с поля сражения.

На следующий день отряд барона Врангеля двинулся к Баязету, который был занят 19-го числа. В этом городе захвачены были громаднейшие запасы пороха, снарядов и продовольствия, а также 3 орудия.

Однако начальник отряда не счел возможным при недостатке имевшихся у него сил оставаться в Баязете и, уничтожив запасы, которых он не мог взять с собой, 22 июля выступил оттуда с целью расположиться ближе к нашим пределам и тем лучше обеспечить защиту Ереванской губернии. Он выбрал местом стоянки Абаз-Гельский перевал, имея между прочим целью господствовать над главным караванным путем из Персии и в то же время своим движением по направлению к Карсу оказать содействие Александропольскому отряду. У Абаз-Гельского перевала барон Врангель простоял до сентября, после чего перешел к Каравансарайскому перевалу, лучше прикрывавшему Ереван.

Союзникам занятие нами Баязета было крайне неприятно, в особенности потому, что оно делало невозможной сухопутную торговлю Англии с Персией и, по подсчету лорда Редклифа, должно было принести Англии убыток только за один год в 60 миллионов

рублей. Они успокоились только тогда, когда мы вновь вошли в наши пределы.

Император Николай встретил с радостью весть о победе под Баязетом, тем более что она должна была воздействовать в благоприятную для нас сторону и на колеблющуюся Персию. Барон Врангель, которому всецело принадлежала честь победы, был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени⁷⁵.

15 июня князь Бебутов начал с Александропольским отрядом наступательное движение за Арпачай с целью отойти вперед на 2—3 перехода, войти в пределы Турции и занять выгодное положение на выгодной позиции. Такое расположение князь Бебутов считал наиболее выгодным для обеспечения защиты наших границ, и, не полагая пока, как известно, возможным наступать к Карсу, он рассчитывал выдвижением в турецкие пределы заставить неприятеля атаковать его корпус, принять бой и разбить турок.

Одновременно с этим князь Бебутов отдал уже известное распоряжение Ереванскому отряду барона Врангеля перейти к Оргову или Игдырю, чтобы своими демонстрациями отвлекать внимание неприятеля. Начальнику же Ахалкалакского отряда он предписал в случае вторжения турок в его участок в значительных силах не вступать с ними в бой, а, усилив гарнизон Ахалкалака, отступать по направлению к Цалке и далее, до урочища Маглиса, удерживая неприятеля на всех удобных для этого позициях.

Александропольский отряд выступил, имея во главе князя Бебутова и вновь назначенного ему помощником князя Барятинского, в составе 17 батальонов⁷⁶, 26 эскадронов драгун, 72 орудия, 14 сотен казаков и 14 сотен вновь набранной весной милиции⁷⁷. В Александрополе же были кроме линейного батальона оставлены еще $2\frac{1}{4}$ батальона, 4 орудия и $1\frac{1}{2}$ сотни казаков⁷⁸.

20 июня корпус перешел через Карс-чай и остановился на ночлег в 10 верстах от этой реки, между селениями Палдерваном и Кюрюк-Дарб⁷⁹, примыкая левым флангом к подошве горы Кара-Ял. До турецкого лагеря у селения Хаджи-Вали оставалось около 15 верст.

Здесь Александропольский отряд простоял в близком соседстве с турецкой армией свыше месяца, не предпринимая ничего решительного. Ни две победы князя Андронникова в Гурии, ни оказавшиеся впоследствии совершенно верными сведения, получаемые из Петербурга и от наших пограничных консулов, о расстройстве Анатолийской армии турок, ни, наконец, настоятельные требования императора Николая не могли заставить князя Бебутова предпринять дальнейшее наступление. Ссылаясь на то, что собираемые им сведения о положении неприятельской армии совершенно

не соответствуют составленному в Петербурге мнению об ее расстройстве, он упорно отказывался идти со своим уменьшенным, против первых предположений, отрядом вперед. Князь Бебутов боялся, а отчасти и предугадывал, что Зафир-паша не примет боя в поле, отойдет к Карсу или даже за него и Александропольскому отряду придется осадить эту крепость и быть, кроме того, готовым дать отпор турецкой армии, если бы она двинулась на выручку гарнизона крепости. Для таких действий командующий корпусом не признавал свой отряд достаточно сильным. Вообще, читая всю переписку князя Бебутова, относящуюся к тому времени, можно составить о нем мнение как о генерале, не обладавшем необходимой решимостью в составлении и исполнении широких стратегических задач. Это был отличный генерал поля сражений, но не театра военных действий. На поле битвы он обладал завидной решимостью, энергией и упрямством, а также способностью быстро ориентироваться и наметить слабую точку противника, куда следует нанести удар. Стратегические же операции, очевидно, были князю Бебутову не по плечу; у него не было широкого размаха мысли, строго и определенно установившегося в данной обстановке взгляда и решимости в достижении главной, наиболее существенной цели, не отвлекаясь побочными и мелкими задачами. Стратегические комбинации князя Бебутова отличались осторожностью и заключались в желании заставить неприятеля дать бой в выгодной для него, князя Бебутова, обстановке, не заботясь о том, чтобы это дорогое на войне средство произвело существенное влияние и на ход всей кампании. Немудрено поэтому, что каждая победа Александропольского отряда не производила на англо-французов серьезного впечатления, так как эти победы оказывали весьма малое влияние на ход всей кампании. И нельзя не согласиться с основательностью иронического замечания графа Граббе, сделанного им после получения известия о взятии бароном Врангелем Баязета. «Накопец-то, — занес он в свою записную книжку, — успех с последствиями, кроме трофеев»⁸⁰.

Во время продолжительной стоянки у Кюрюк-Дара князь Бебутов вел оживленную переписку об усилении войск, находившихся под его командой. В противоречие с раньше высказанным мнением, что Ардаган не стоит брать прежде Карса, так как падение этого последнего повлечет за собой и падение первого, князь Бебутов, находясь уже на позиции у Кюрюк-Дара, поднял вопрос о том, что его наступлению на Карс должно предшествовать занятие Ардагана. С этой целью он просил⁸¹ подчинить ему Ахалцыхский отряд и усилить его 4 батальонами из Гурии. Тогда отряд этот мог бы, оставив 5 батальонов для прикрытия Ахалцыха, самостоятельно действовать с остальными 7 батальонами против Ардагана; князь же Бебутов со своей стороны оказал бы ему поддержку. После же

взятия Ардагана два батальона предполагалось оставить в нем гарнизоном, два отправить в Ахалцых для усиления находившихся там пяти батальонов, а три присоединить к Александропольскому отряду. Это усиление, с прибытием к князю Бебутову еще Рязского полка из Тифлиса и Александрополя, дало бы ему возможность «решительно наступать и, если бы неприятель заперся в Карсе, не дав прежде боя в открытом поле, то приступить и к правильной осаде этой крепости». Через несколько дней в ответ на сообщенное генералом Реем желание государя о наступательных действиях Александропольского отряда князь Бебутов вошел с новым предложением уже совершенно оборонительного характера⁸².

Исходя из заключения, что турецкий корпус, расположенный у Хаджи-Вали, начал после прихода нашего отряда в Кюрюк-Дара уменьшаться в своей численности и отходить под стены Карса, князь Бебутов пришел к заключению, что турки имели намерение завлечь его к Карсу, удаляя от правого фланга, и дать бой в невыгодной для него обстановке. Не желая предоставить неприятелю подобной выгоды и не считая возможным без просимых подкреплений предпринять осаду Карса, князь Бебутов по-прежнему решил оставаться на месте с целью выманить неприятеля в открытое поле. Но одновременно с этим он затрагивал другой вопрос. До Кавказа уже дошли слухи, что наша Дунайская армия отходит на Серет. В таком случае, писал князь Бебутов, не подлежит сомнению, что Франция и Англия предоставят защиту Турции ее собственным войскам, а свои десанты направят в Азиатскую Турцию и, вернее всего, в Батум. Отсюда они могут действовать на Ахалцых, Ахалкалаки или в тыл Александропольскому отряду. Такая нарисованная князем Бебутовым в одностороннем, безусловно, освещении картина вызывала его на мысли не о наступлении, а об обороне своих пределов.

Интересно заметить, что в то же самое время факт отхода нашей Дунайской армии за Серет вызвал в Петербурге совершенно противоположный взгляд на предстоявшие действия на Кавказе. «Нужно, чтобы успех был вполне достигнут вами,— писал князь Долгоруков князю Барятинскому⁸³,— так как ваши удачи могут, кроме благотворных откликов в горах Кавказа, принести с собой сильное отвлечение в наступательных проектах союзников на других пунктах театра военных действий».

Генерал Реед вполне согласился с доводами князя Бебутова о необходимости озаботиться об ограждении своих пределов, а не о наступательных операциях и спрашивал по этому поводу высочайших указаний⁸⁴.

«Предположения эти,— отвечал князь Долгоруков генералу Рееду⁸⁵,— тем более удивили государя императора, что они составлены после двух блистательных побед, одержанных войсками

Гурийского отряда, и, таким образом, вовсе не соответствуют местному положению дел на азиатском театре войны. События же, совершавшиеся на Дунае, отнюдь не могут быть поводом к перемене нашего плана действий в Азии... Внимательное обсуждение общего положения дел, напротив того, побуждает государя императора подтвердить и ныне Высочайшие указания. Нет сомнения, что если бы мы открыли решительные наступательные действия немедленно после перехода через Арпачай, то турки, захваченные врасплох, не успели бы отправить своих тяжестей в Карс и подверглись бы материальным потерям более значительным, нежели те, которые мы могли бы теперь им нанести. Его Величество тем менее может себе объяснить бездействие князя Бебутова, что он должен знать расстроенное состояние турецкого корпуса в Карсе и... в таких обстоятельствах государь император считает себя вправе ожидать, что князь Бебутов не замедлит направить вверенные ему войска к поражению неприятеля».

Но прежде чем это предписание дошло до Кавказа, князь Бебутов нанес решительное поражение Анатолийской армии у Кюрюк-Дара при следующих обстоятельствах.

Мушир Зафир-паша, любимый войсками, сделал очень много для приведения армии в порядок в административном и хозяйственном отношениях, но у него не хватало характера поддерживать дисциплину и мерами строгости искоренить в армии злоупотреблений. Эти недостатки мушира могли быть уменьшены деятельностью его начальника штаба Куршида-паши (генерал Гюйон), в общем малосведущего, но наиболее талантливого из всех иностранных офицеров, в изобилии наполнявших Анатолийскую армию. Он был способен восстановить дисциплину и придать войскам хоть немного боевой облик. В этом имелась существенная необходимость, так как армия отличалась тем, что люди ничем не занимались и никогда не выходили из палаток не только для маневров, но и для парадов. Бездеятельность выражалась, между прочим, и тем, что, обладая массой иррегулярной кавалерии, турецкая армия не имела никаких сведений о наших войсках; о всех наших передвижениях и действиях в турецкой главной квартире становилось известно только после того, когда они уже были совершены. Но генералу Гюйону не удалось принести пользы Анатолийской армии. Среди массы иностранных офицеров, вошедших в состав этой армии, царил не культ военного искусства, а культ интриг, во главе которых стояли польские и венгерские эмигранты и в особенности Арелан-паша (граф Быстроновский). Полковник Мёфрей, представитель французского главнокомандующего при мушире, предупреждал маршала С.-Арно, что при таком положении надо ждать в армии катастрофы, и требовал удаления Арелан-паши⁸⁶.

В половине июня Анатолийская армия была расположена под стенами Карса, имея свой авангард у Хаджи-Вали и аванпосты между Карсом и Арпача-ем. После выдвижения князя Бебутова к Кюрюк-Дарб, башибузуки под начальством Измаила-паши (англичанин Кмети) отошли к Ингедери, и авангард был усилен до целой дивизии. Мушир решил отбросить князя Бебутова на ту сторону Карс-чая и потому приказал всей своей армии сосредоточиться к Хаджи-Вали. Но в это время он получил из Константинополя повеление оставаться в оборонительном положении и поэтому, несмотря на переход наших войск на турецкую территорию, решил удерживаться у Хаджи-Вали, где и пробыл до 24 июля (5 августа).

22 числа Зафир-паша получил достоверные сведения о полном поражении Баязетского отряда и о намерениях после этого барона Врангеля и князя Бебутова соединиться вместе для совместных действий против Анатолийской армии, причем барон Врангель должен был действовать во фланг, по дороге из Кагызмана. В таких обстоятельствах мушир собрал военный совет для решения вопроса, что делать. На совете было решено, что турецкая армия не могла без большого риска оставаться дольше у Хаджи-Вали и ожидать, пока оба неприятельских корпуса не начнут совместных действий с разных сторон. Необходимо было расстроить планы русских генералов, разбить или по крайней мере поколебать неприятеля, пока возможно было иметь дело с одним из его отрядов. Муширу оставалось решить только, отходить ли ему к Карсу и оттуда выслать часть армии к Баязету для атаки барона Врангеля или же атаковать со всей свежей армией корпус Бебутова, перед которым его войска так долго стояли. Но при выполнении первого предложения часть турецкой армии оставалась бы перед Карсом лицом к лицу с более многочисленным противником, и в то же время против Баязета нельзя было бы выслать отряд настолько сильный, чтобы быть уверенным в победе. Поэтому остановились на втором предложении, и совет единогласно ре-

Полковник князь Эристов

шил всеми силами атаковать корпус Бебутова, так как поражение этого корпуса или хотя бы ослабление его уже само собой уменьшало для турок опасность соединения обоих русских отрядов. Атаковать было решено наутро 24 июля (5 августа)⁸⁷.

Местность, занятая нашими войсками, огибалась слева хребтом Кара-Ял, за которым находилось Баш-Кадыкларское поле сражения. На правом нашем фланге, в расстоянии двух верст с небольшим от Кара-Яла, находилось селение Кюрюк-Дара, а несколько правее и впереди него довольно обширное болото. От Кара-Яла до турецкого лагеря у Хаджи-Вали простиралась луговая долина, окаймленная с правой стороны крутыми берегами Мавряк-чая, а с левой высотами хребтов Большой и Малый Ягны. Между Большим Ягны, на правом фланге турецкого лагеря, и Мавряк-чаем, на левом фланге этого лагеря, местность у селения Хаджи-Вали образует уступы, на которых турки расположились в несколько линий, выдвинув вперед всю свою полевую артиллерию.

Неудобства нашего первоначального лагеря в ложине у Палдервана, где он затоплялся в дождливую погоду водой, заставили князя Бебутова перевести войска на полторы версты вперед. В первые две линии стала пехота, кроме одного полка, расположенного у подошвы Кара-Яла; в 3-ю линию — кавалерия, казаки — на флангах, а вагенбург — на обрывистом холме близ селения Палдервана, под прикрытием саперного батальона и 10 орудий.

15 июля наши войска усилились двумя батальонами Ряжского полка и 6 орудиями — все, чем генерал Реед мог ответить на усиленные просьбы князя Бебутова о подкреплении.

Луговая равнина между нами и турками почти посередине была перерезана глубоким оврагом, в который неприятель высылал для ближайшего наблюдения за нами часть своей кавалерии. Против их передовой цепи стояли наши аванпосты, и время от времени турки производили рекогносцировки, по преимуществу к выдающейся вперед высоте Кара-Ял. 10 (22) июля начальник штаба Зафипа-паши генерал Гюйон предпринял рекогносцировку прямо на Кара-Ял и встревожил наш лагерь.

На уступе этой горы был для противодействия таким покушениям выстроен редут на две роты, который все время занимался пехотой, а днем у подошвы горы выставлялся также дивизион драгун с двумя легкими орудиями.

19 (31) июля неприятель, ободренный нашим бездействием, еще раз попытался потревожить русский лагерь. Он выслал 3000 башибузуков в обход нашего левого фланга на Суботань и Огухлы. Эта кавалерия, пройдя все Баш-Кадыкларское поле сражения, завязала перестрелку с милицией и кинулась на наш лагерь, но была встречена линейными казаками, которые атаковали ее в шашки и преследовали почти до самой турецкой позиции.

23 июля Зафир-паша решил, как уже сказано, атаковать на другой день князя Бебутова, а этот последний, узнав об отправлении турками своих обозов в Карс и предполагая, что вслед за этим начнет отходить и вся армия, решил преследовать неприятеля и ударить во фланг и в тыл отступающим турецким колоннам. Отсюда на рассвете 24 июля должно было произойти сражение в случайной для обеих сторон обстановке.

План действий турецкой армии состоял в приближении к нашей позиции ночью и в неожиданном нападении на нее на рассвете.

Отряд Абдурахмана-паши в составе 5 батальонов, горной батареи и 2 эскадронов должен был выступить из лагеря первым около полуночи и составить крайний правый фланг атаки; он направлялся на высоты Кара-Яла, занятые лишь одним батальоном русских⁸⁸, и, овладев этим господствовавшим над всей позицией князя Бебутова пунктом, должен был на нем удерживаться.

Правая колонна под начальством Керима-паши в составе 1-й дивизии, силой в 19 батальонов, 16 эскадронов и 30 орудий, должна была выступить тотчас же вслед за отрядом Абдурахмана-паши и направиться к подошве Кара-Яла, поддержать впереди идущие войска и, когда они завладеют ближайшими отрогами горы, развернуть боевой порядок влево от них.

Левая колонна под командой генерала Кмети в составе 2-й дивизии, силой в 22 батальона, 22 эскадрона и 48 орудий, выступив вслед за правой, должна была взять направление от Хаджи-Вали на Ангедери, придерживаясь высот, и выстроить свой боевой порядок в уступной форме справа, примыкая к левому флангу первой дивизии. Артиллерия, массированная в четыре большие батареи, должна была занять интервал между обеими дивизиями, имея за собой общий резерв в составе 4 батальонов и 2 кавалерийских полков; к общему же резерву присоединялись и те части первой дивизии, которым не хватит места при развертывании боевой линии.

Башибузуки около 8000 человек двигались на обоих флангах боевого порядка.

Таким образом, отряд князя Бебутова должен был быть атакован с левого фланга и с центра при одновременной угрозе значительных масс башибузуков с правого фланга и с тыла.

Французские агенты указывают на очень слабый состав турецких батальонов, по 400 человек в каждом, и общую численность армии Зафира-паши, принявшей участие в сражении при Кюрюк-Дара, определяют в 26 тысяч регулярных войск и 8000—10 000 милиции. По нашим донесениям, численность турецкой армии доходила до 60 000 человек, что следует признать преувеличенным.

Разбирая этот составленный иностранным штабом мушира Зафира-паши план атаки отряда князя Бебутова, следует заметить, что идея его состояла в демонстрации против нашего левого флан-

Сражение у Кюрюк-Дары

га с целью захвата наиболее важного пункта позиции склонов Кара-Яла, которые доминировали над всем полем сражения; далее, удерживая эту опорную точку в своих руках, турецкая армия должна была заходить около нее, как на оси; осажденный назад уступом левый фланг имел целью бить во фланг наши батальоны, если бы они, как предполагали турки, пытались сбить их с Кара-Яла. К недостаткам этого плана надо отнести то, что он был сообразован только с тем образом действий князя Бебутова, который от него ожидали турецкие военачальники, что он вообще был очень сложен и в особенности сложен для внезапного нападения на рассвете после ночного марша; место развертывания боевого порядка было выбрано очень близко от нашей позиции, так что при некоторой активности в действиях князя Бебутова турки не могли бы спокойно развернуться и должны были бы вступать в бой по частям, что в действительности и случилось, и, наконец, этот сложный план совершенно не соответствовал малой подготовке турецких войск к маневренным действиям.

В результате вышло то, чего и следовало ожидать. Части опаздывали с выступлением, отставали, сбивались с дороги, были биты по частям, не выказали стойкости, и главная, более сильная, левая колонна вошла в дело лишь тогда, когда правая колонна была разбита и бежала во главе с большинством своих начальников; на долю левой колонны досталось только прикрытие отступления правой, что ею и было сделано с большим искусством.

Князь Бебутов, узнав о приготовлении турок к выступлению, отдал 23 июля вечером приказание своему отряду готовиться к движению налегке; палатки и обозы были отправлены в вагенбург, для защиты которого были оставлены саперный батальон, 10 орудий и большое количество вооруженных нестроевых.

Так как начальнику отряда совершенно не была известна цель движения турок, т. е. предполагали ли они атаковать нас или отступать на Карс, то князь Бебутов решил в первом случае предупредить противника в поле, а во втором идти по прямой дороге к Карсу через Мешко и ударить ему во фланг.

Перед рассветом 24 июля отряд наш вытянулся на позиции и приготовился к движению. Впереди стал авангард — стрелковый батальон, 3 сотни казаков и 2 сотни охотников-милиционеров. За ним пехота, подразделенная на два эшелона, и каждый эшелон, построенный в две колонны на интервале в 200 шагов. В первом эшелоне, которым начальствовал генерал Кишинский, следовало 7½ батальона и 24 пеших орудия⁸⁹; за ним следовали парки под прикрытием двух батальонов, 4 орудий и сотни казаков⁹⁰ и за парками — второй эшелон генерала Фетисова в составе 7½ батальона и 16 орудий⁹¹. Конная мусульманская бригада шла с левой, а с сводно-линейный казачий полк с правой стороны пехоты на высоте передовых колонн. Регулярная кавалерия с конной артиллерией шли за пехотой.

Всего наши силы состояли из 18 батальонов, 20 эскадронов, 44 пеших и 20 конных орудий и 26 сотен иррегулярной кавалерии общей численностью около 18 тысяч человек.

Перед рассветом отряд наш двинулся по направлению на Мешко, и наши передовые цепи, пройдя версты три, заметили с первым утренним светом на волнистой равнине, отделявшей нас от турецкого лагеря, движущиеся навстречу нам массы. В то же время на отрогах Кара-Яла, где был наш редут, не занятый нами по случаю перехода в наступление, обрисовались кучи пеших и всадников. В первые минуты можно было думать, что турки выслали вперед башибузуков, чтобы прикрыть свое отступление, но когда совершенно рассвело, можно было ясно рассмотреть длинные колонны наступающих турок.

Князь Бебутов приказал линейным казакам рассыпать цепь, кавалерии выдвинуться вперед, а пехотным колоннам зайти правым плечом и стать на позицию. Местность, на которой мы готовились принять сражение, была довольно ровная и совершенно голая; не было даже ни единого строения и ни одного куста. Единственным опорным пунктом была гора Кара-Ял, на которой, по крутости ее склонов, можно было стоять, но не маневрировать. В том месте, где столкнулись головы обеих армий, от Кара-Яла отделяется широкая, но мелкая лощина, которая пересекает поле сражения ду-

гой, выгнутой к стороне турок, и на нашем левом фланге сливается с низиной. Наша передовая кавалерия развернулась на ближайшем берегу лощины и этим обозначила фронт нашего будущего боевого порядка протяженностью около трех верст. Князю Бебутову очень важно было удержать этот берег лощины за собой, и, чтобы неприятель не успел нас опередить, он приказал драгунам выдвигаться вперед и удерживать турок. В свою очередь кавалерия противника заняла противоположный берег лощины, к которому спешили его головные пехотные части. Таким образом, мы старались занять внутреннюю сторону лощины, что нам давало преимущество сосредоточения и легкость поддержки обоих флангов; турки же стремились занять внешнюю сторону лощины, что им давало положение охватывающее, позволяло обстреливать нас перекрестным огнем, но заставляло растянуться и затрудняло взаимную поддержку.

Князь Бебутов быстро оценил обстановку и, видя растянутое положение турецкой армии по огромной дуге, которая, когда их левый фланг вошел в линию, доходила до восьми верст, решил прорвать центр армии Зафира-паши. Первоначально следовало отгеснить правый фланг турок, который, опираясь на гору Кара-Ял, доминировал над нашей позицией; обеспечив себя с этой стороны, прорвать дружным натиском центр турок, уничтожить его, пользуясь медлительностью движения левого крыла противника, после чего обрушиться на это последнее. Так рисовал в своем донесении князь Бебутов составленный им план, и так в действительности произошло сражение при Кюрюк-Дара. Но на самом деле план этот не был да и не мог быть сообразован сразу, так как о движении запоздавшей левой колонны турок в начале боя нам не было известно. Он развился постепенно, и заслуга князя Бебутова заключается именно в том, что он во все периоды этого случайного боя быстро ориентировался и выбирал вполне соответствующую цель для нанесения удара, сосредоточивая туда и возможно большие силы.

Наши пехотные колонны, исполняя данное им указание, зашли правым плечом и стали на указанной позиции, имея в первой линии Белевский и Ереванский полки, а за ними, во второй линии, в резервных порядках Тифлисский гренадерский и Тульский. Батареи выехали в интервалы первой линии. Два батальона Рязского полка остались с парками сзади. Шесть эскадронов новороссийских драгун и сводный линейный Казачий полк с донской батареей № 6 стали на правом фланге, а остальная кавалерия в резерве.

Вслед за этим князь Бебутов образовал под начальством генерала Белявского отряд из 5 батальонов и 8 орудий⁹² с приказанием штурмовать Кара-Ял и выбить оттуда турок, а для прикрытия этой атаки справа были выдвинуты вперед 16 эскадронов и 6 сотен⁹³. Через несколько минут на поддержку генерала Белявского были

двинуты два батальона Тульского полка, а гренадерская бригада, назначенная для удара против неприятельского центра, выдвинулась вперед, на окраину лощины.

Артиллерия правофланговой турецкой дивизии еще четверть шестого открыла огонь, который, по дальности расстояния, не наносил нам вреда; к 6 часам утра дивизия Керима-паши вошла в линию, и его артиллерия подалась вперед и стала наносить нам существенные потери. Тем временем отряд генерала Белявского шел позади первой линии атаки Кара-Яла, обстреливаемый с этой горы огнем штуцерных и батарей, а также артиллерией Керима-паши во фланг и почти в тыл. Штурмовать гору при таких условиях было крайне трудно, а потому князь Бебутов послал приказание гору не атаковать, так как турки, на ней расположенные, не могли нам нанести большого вреда, а приказал отбить только неприятельские войска, сосредоточенные у подошвы горы. Поэтому генерал Белявский зашел левым плечом вперед и занял позицию у подошвы горы, открыв огонь батареями и штуцерными.

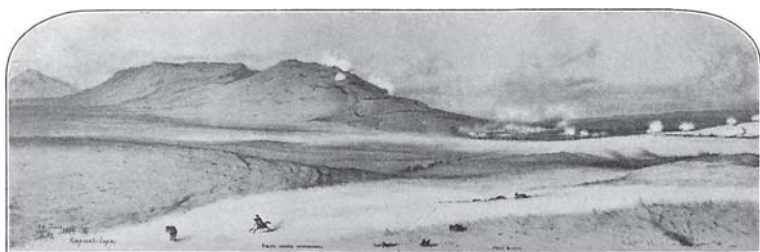
Как только пехота Белявского дала нашей кавалерии опорную точку, начальствовавший здесь кавалерией генерал Багвут приказал тверским драгунам атаковать главную батарею правого фланга турок, причинявшую нам большие потери. Драгуны кинулись вперед молча, без «ура», равняясь, как на параде, под картечью двух батарей, бивших с фронта и с фланга; только строй их медных касок сверкал посреди пыли. Турки не выдержали этой безмолвной атаки. Батальоны были отброшены, прислуга изрублена, и драгуны были на оружиях. Но в это время из резерва вылетела масса башибузуков, а за ними повернули обратно отброшенные батальоны и бегом направились к оставленным орудиям. Драгуны дружным натиском изрубили и этого нового врага. Исполнив свою задачу, доблестный полк, находясь один среди всей дивизии Керима-паши, повернул назад и, проскакав с четырьмя турецкими орудиями под огнем двух линий неприятельской пехоты, выстроился за нижегородскими драгунами.

Турки, видя стремительную атаку нашей кавалерии, хотели отвлечь ее натиском со своей стороны на соседнем пункте. Они двинули на колонны белявского полка три штуцерных батальона с артиллерией, а правее, у подошвы горы, — улан. Наш левый фланг должен был перейти к обороне, и чувствовалось, что ему может не удастся устоять против стремительного натиска турок. Вблизи расположенные нижегородские драгуны, заметив это, кинулись на линию штуцерных батальонов и осадили их немного; передние шеренги турок валились под ударами шашек одна за другой, но штуцерные батальоны стояли как львы. Смыкаясь на телах товарищей, они бились штыками и отбивались от драгун. Тогда на помощь нижегородцам вынесся вперед дивизион 7-й донской батареи есаула

Кульгачева. Промчавшись мимо драгун, он снялся перед средним турецким батальоном и ударил картечью. Турки не колыхнулись, но их батальный огонь перебил у Кульгачева почти всю прислугу и лошадей. Два крайних орудия удалось вывезти, а на остальные моментально насаела неприятельская пехота. С этой минуты начинается единоборство нижегородских драгун с турецкими штуцерными батальонами из-за орудий. Драгуны рубились почти на месте под сыпавшимся на них штуцерным огнем, не отходя для возобновления атак далее 100 шагов. Командир полка князь Чавчавадзе, стоя впереди всех, указывал шашкой своим людям пункты, куда нужно бросаться. По этому немому призыву взводы в 15 и 20 человек врезывались часто без офицеров в неприятельскую пехоту и «умирали или оставались победителями». На помощь нижегородцам подоспели вернувшиеся после своей атаки тверские драгуны, но штуцерные батальоны не подались ни на шаг и... все легли на месте. Дорого достался этот блестящий подвиг и нижегородцам. Из 33 офицеров этого полка, бывших в строю, выбыли в борьбе со штуцерными батальонами 23. Тем временем генерал Белявский справился с уланским полком и пошел в штыки на правый фланг турецкой пехоты. Нижегородцы вновь понеслись в атаку. Весь фланг неприятеля после этого дал тыл, и в 8 часов утра дело здесь было окончено. Преследовать дивизию Керима-паши не представлялось возможным, так как в это время входила уже в линию левая турецкая колонна генерала Кмети и угрожала нашему правому флангу; туда спешно был направлен генерал Багговут с дивизионом Тверского полка и тремя сотнями казаков.

В то время когда отряд генерала Белявского отправился против Кара-Яла, гренадерская бригада расположилась в боевом порядке в центре. В первой линии стал Ереванский полк, имея три батареи в интервалах между батальонами; во второй линии Тифлисский полк, имея за левым флангом в резерве два батальона Тульского полка и сзади с парками два батальона Рязского полка.

Когда разгорелось дело у генерала Белявского, князь Бебутов двинул вперед гренадерскую бригаду для прорыва самой сильной части боевого порядка турок — их центра. В семь часов бригада и три батареи двинулись вперед под общим начальством первоначально генерала Бриммера, а потом князя Барятинского, спустились в ложину и заняли позицию в 450 саженях от противника. Турки обратили сюда огонь всего своего центра. Их дугообразное расположение позволяло наши выдавшиеся части обстреливать ближним перекрестным огнем. Бригада медленно и стройно подвигалась вперед под страшным огнем турецких батарей и штуцерных, которые на нее обратили все свое внимание и выдвинули, кроме того, сюда свою кавалерию. Для защиты от последней пришлось удвоить батальоны правого фланга первой линии.

Селение Кюрюк-Дарá

Положение центра оставалось трудным до тех пор, пока правый фланг турок не дал тыла. Тогда князь Барятинский повел бригаду в атаку напролом. Атакующая линия, стройно и не ускоряя движения, подошла к неприятелю на 60 сажень. Наши батареи мгновенно снялись с передков и осыпали противника картечью, но он не дрогнул и в двойных против наших гренадер силах с гиком двинулся в штыки. Здесь завязался бой на штыках, и враги были до того стойки с обеих сторон, что этот штыковой бой продолжался против обыкновения очень долго, и наши батальоны с трудом продвигались вперед, пока им не удалось уничтожить лучшие турецкие батальоны, бывшие в первой линии; после этого остальные батальоны повернули и обратились в беспорядочное отступление. В наиболее трудной обстановке оказались наши правифланговые батальоны, при которых находился князь Барятинский и которым приходилось бороться не только с пехотой, но и с постоянно насакаживающей на нее кавалерией.

Здесь князю Бебутову пришлось пустить для содействия пехоте в атаку свой личный конвой, который прогнал улан и облегчил положение фланговых батальонов гренадер. В 9 часов утра центр турок был прорван; преследовать их нельзя было за отсутствием у нас в этом месте кавалерии и ввиду того, что левое крыло турецкой армии было еще в полном порядке.

В то время когда правый фланг турок бежал, а в центре дела приняла решительный для турок оборот, к полю сражения начала подходить левая неприятельская колонна, которая сбилась с указанного ей пути и вместо того, чтобы выйти против нашего центра и развернуться рядом с правой колонной, взяла влево и грозила охватить наш фланг. Этой колонне предшествовали массы башибузуков, поддержанные регулярной кавалерией и конной артиллерией.

С самого начала боя здесь у нас находилось шесть эскадронов новороссийских драгун с донской № 6 батареей, а потом еще подошло 9 сотен линейных казаков. На самой оконечности, намного правее казаков, стояло 10 сотен милиции.

Неприятельские башибузуки старались энергично теснить наших милиционеров и зайти в тыл боевому порядку князя Бебутова. К 8 часам утра турки отчасти выставили на своем левом фланге, отчасти скрыли там в складках местности от 14 до 16 батальонов, три батареи и несколько уланских полков. Тогда князь Бебутов двинул на свой правый фланг шесть рот Ряжского полка и 4 орудия, прикрывавших парки, и приказал прибывшему сюда генералу Багговуту с дивизионом тверских драгун, тремя сотнями казаков и ракетами принять начальство над правым флангом.

В это время дело здесь обстояло в таком положении. Две сильные турецкие батареи громили перекрестным огнем фронт нашей кавалерии; их пехота стояла в несколько линий на близкий пушечный выстрел; массы башибузуков, поддержанные регулярной кавалерией, полком пехоты и батареей, обходили и теснили оконечность нашего правого фланга. Время дальше нельзя было терять, и генерал Багговут перешел в наступление.

Шесть рот Ряжского полка были поставлены в двух местах позади нашей иррегулярной конницы как опорные пункты. Чтобы хоть немного осадить башибузуков, генерал Багговут приказал бросать ракеты. Турки шарахнулись, а наша кавалерия пошла, не теряя ни минуты, в атаку. Вся масса башибузуков была сразу сбита и бежала врассыпную; подошедший на помощь уланский полк был также смят, а в конной батарее изрублена прислуга и захвачено три орудия. Но пехотный полк, поддерживавший кавалерию, стоял крепко. На него пошли в штыки несколько рот Ряжского полка, но, встреченные сильным огнем, приостановились. Тогда турецкие батальоны сами пошли на них в штыки.

Видя это, дивизион тверских драгун бросился в шашки и заставил пехоту повернуть назад, а ряжские роты вновь перешли в наступление. По словам князя Бебутова, турецкий пехотный полк, медленно отступая, выказал такое сопротивление, какое могут оказать только люди храбрые. Он начал бросать ружья лишь после того, когда, взойдя на холм, увидал себя окруженным со всех сторон.

Между тем князь Бебутов, видя, что центр турок прорван, что князь Барятинский с отрядом генерала Бриммера зашел уже правым плечом вперед и стал в тылу запоздавшей с отступлением левой колонны турок, решил ввести в дело последний резерв — два батальона Тульского полка, 8 орудий и 4 эскадрона новороссийских драгун. Став во главе этого отряда, маститый воин князь Бебутов лично повел его против сопротивлявшегося еще противника и довершил полное поражение армии мушира Зафира-паши.

В первом часу дня прекратилось преследование ввиду полного изнеможения людей и лошадей. Войскам на всех пунктах был дан сигнал сделать привал. Некоторые части дрались не менее семи

часов; изнуренные в этом кровавом бою, люди должны были отды- хать на совершенно безводном поле.

До неприятельского лагеря оставалось еще не менее десяти верст, и князь Бебутов прекратил преследование, занявшись при- ведением в порядок материальной части.

Благодаря этому остатки неприятельской армии, несмотря на совершенное ее поражение, успели спастись, собрались к Карсу и послужили основанием для новых формирований.

Трофеями победы были 15 орудий с 16 зарядными ящиками, шесть знамен и штандартов, множество оружия и свыше 2000 плен- ных. Общие же потери турок князь Бебутов определил, по донесе- ниям лазутчиков, приблизительно 10 000, не считая разбежавших- ся башибузуков. Примерно эта же цифра обозначена и в донесении французского агента маршалу С.-Арно.

Победа при Кюрюк-Дара не могла и нам дешево обойтись. Все- го выбыло из строя 3054 человека, в том числе 599 убитыми, 1972 ранеными и остальные контужеными.

Князь Бебутов в награду за эту победу был награжден в чине генерал-лейтенанта орденом Св. Андрея Первозванного⁹⁴.

Сражение у Кюрюк-Дара представляет собой редкий случай пол- ного поражения противника исключительно на поле сражения без преследования. И это поражение действительно было полное, даже по свидетельству наших врагов. «Вчера, — писал генерал Кмети на другой день после сражения английскому консулу в Эрзеруме Брандту⁹⁵, — мы потерпели страшное поражение от русских; у нас до 3000 убитых, 2000 взято в плен, и мы бежали в большом беспо- рядке в Карс».

Французский консул в Эрзеруме, донося маршалу С.-Арно о прибытии остатков Анатолийской армии к Карсу, выражал мысль, что эта армия может впредь выступить из крепости для того толь- ко, чтобы отступить к Эрзеруму. Он умолял французского главно- командующего о скорейшей присылке в Малую Азию французской дивизии, для которой он считал более выгодным наступать через Трапезунд и Эрзерум, чем через Батум, где она станет жертвой изнурительных лихорадок⁹⁶.

Между тем союзные главнокомандующие и их правительства были сильно озабочены судьбой Анатолийской армии. Удачные действия ее могли очень облегчить их операции на Дунае и в Кры- му, а вместо этого приходилось думать о том, чтобы спасти ту- рецкую армию в Азии. Маршал С.-Арно, лорд Раглан и представи- тели западных держав в Константинополе все зло видели в интри- гах, которыми опутали Зафир-пашу масса офицеров всех нацио- нальностей, наводнивших главную квартиру мушира. Они предла- гали турецкому правительству отозвать всех этих офицеров и по- ручить начальствование всеми вооруженными силами в Азии од-

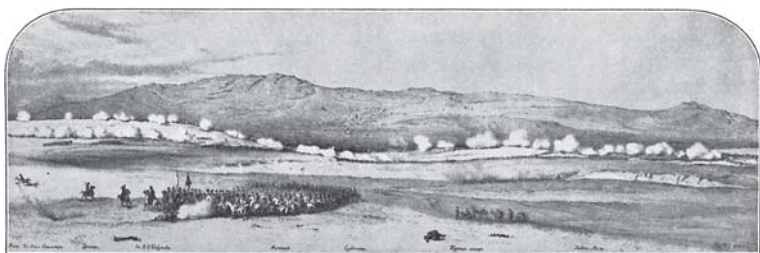
ному лицу. Союзники указывали как на желаемого кандидата на венгерского генерала Клапка. Но между турецким военным министром Риза-пашой и лордом Редклифом существовала такая непреодолимая ненависть, что Риза-паша в пику английскому послу на это предложение не согласился⁹⁷. Он со своей стороны рекомендовал поставить во главе Азиатской армии двух лиц — французского и английского генералов. Такая двойственность в командовании армией не могла быть принята союзными главнокомандующими, и вопрос о подкреплении Анатолийской армии был отложен⁹⁸.

Подобное состояние противника ускользнуло от внимания князя Бебутова, и он продолжал настаивать на необходимости отойти нам к своим пределам. Силы турок были им очень преувеличиваемы, так же как преувеличивалась и возможность удара союзников со стороны Батума, и князь Бебутов отказывался действовать наступательно против Карса⁹⁹.

4 августа войска наши начали постепенно отходить к своим границам и в ноябре расположились на зимние квартиры у Александрополя.

С одействие туркам и их союзникам со стороны горцев выразилось далеко не в той степени, на которую они могли рассчитывать. Главной причиной такого разочарования было полное незнание союзниками того, что же представляли собой наши враги на Кавказе. Даже щедрое снабжение горцев оружием не принесло той пользы, которую ожидали от этого, так как усовершенствованные французские ружья были горцам неизвестны. Только летом 1854 года начинается обоюдное знакомство союзников и предводителей мятежных племен Кавказа. К маршалу С.-Арно в Варну прибыла на совещание целая масса предводителей горцев, с которыми он ничего не мог поделать. Каждый из них не думал об общем деле, а лишь старался использовать выгодный случай для своих личных целей. Турки посылкой на Кавказ своих агентов, которые должны были работать в пользу признания горцами оттоманского владычества, еще более увеличивали смуту и местные интриги. С.-Арно отказался от поддержки всех мелких народностей Кавказа и высказал мысль о необходимости оказывать помощь лишь Шамилю, который только и мог объединить борьбу на Кавказе и представлять грозную для нас силу¹⁰⁰. Но туркам не улыбалось такое усиление могущества Шамиля, и между оттоманским правительством и имамом происходили постоянные недоразумения, которые очень портили дело¹⁰¹.

Шамиль открыл свои действия только в июле нападением на левый фланг Лезгинской кордонной линии. 2 июля он перевалил через снеговой хребет в Кахетию и, овладев двумя башнями, занятыми нашими горными караулами, направился по прямой дороге к Тифлису. Геройская защита селения Шильд кахетинской милиции

Сражение у Кюрюк-Дары

ей под начальством подполковника князя Чавчавадзе остановила стремительное наступление Шамиля, а быстрое сосредоточение в окрестностях Шильд и Кварели отряда в 6 батальонов, 4 эскадрона и 2 сотни при 14 орудиях заставило его отступить в горы, ограничившись разорением нескольких селений Телавского уезда.

Это, собственно, было самое удачное из всех дел Шамиля в 1854 году как по тому впечатлению, которое произвело на осторожные кавказские власти намерение имама двинуться к Тифлису, так и по небольшому, но наделавшему много шума эпизоду захвата в плен в Цинодалах семейства князя Чавчавадзе и княгини Орбелиани.

Как только обнаружилось намерение Шамиля напасть на Лезгинскую линию, начальники войск, расположенных в Чечне, на Кумыкской площади и в северном Дагестане, вторглись в собственные пределы мятежников. 29 июня полковник барон Николай произвел удачное движение вверх по реке Ярык-су, а несколько дней спустя, 11 июля, — в землю ауховцев. Генерал-майор барон Врангель истреблял с 1 по 15 июля хутора и запасы чеченцев, а генерал-лейтенант князь Орбелиани проник в центр сала-таусцев и разорил многолюдное селение Буртунай. Этими наступательными действиями нам удалось отвлечь из главного скопища Шамиля значительную часть горцев, поторопившихся на защиту своих жилищ.

В августе генерал барон Вревский 2-й проник смелым и быстрым движением в недра горной страны Аго, взял штурмом укрепленный аул Ваучи и предал его совершенному истреблению вместе с соседними селениями. Движение это, угрожавшее местопребыванию Шамиля — Веденю, отозвалось и на южной покатости гор. Многие кахетинские семейства воспользовались общей тревогой, чтобы беспрепятственно перейти к нам.

Шамиль, потерпев всюду неудачи, должен был до осени оставаться в бездействии, между тем как многие из подвластных ему племен, лишённые жилищ и способов пропитания, искали нашего покровительства. Тогда Шамиль решился, в надежде поддержать

свое поколебленное влияние в горах, напасть на аул Исти-су, находившийся у подошвы Качкальковского хребта и населенный выходцами с гор.

3 октября многочисленное скопище горцев с 8 орудиями атаковало под предводительством сына Шамиля означенное селение. Но геройская защита редутов ротой Егерского князя Чернышева полка дала возможность жителям удержаться в селении до прибытия подкреплений, а неожиданное появление на фланге противника барона Николаи с отрядом в 1½ батальона, 14 сотен и 5 орудий обратило горцев в общее бегство.

Во Владикавказском округе были также приняты при первом известии о сборе Шамилем отряда необходимые меры для обеспечения защиты Военно-Грузинской дороги. Произведенное горцами 6 октября стремительное нападение на редуты Нетхойский и Ачхойский было отражено с полным успехом, и неприятель при отступлении понес существенные потери при переправе через реку Гехи. После этих неудач Шамиль до конца года ничего более не предпринимал.

Магомет-Аминь обнаружил еще менее решительности и только в половине ноября задумал броситься на Лабу. Но при первом известии о сборе горцев генерал Евдокимов двинулся с отрядом в 4½ батальона и 18½ сотни при 14 орудиях вверх по реке Белой и овладел сильно укрепленным аулом Джан-Клычев, где истребил заготовленные значительные запасы.

В середине ноября командующий войсками на Кавказской линии генерал-лейтенант Козловский снова вторгся с 6 батальонами и 18 сотнями при 18 орудиях в земли подвластного Магомету-Аминь населения и истребил 17 аулов.

В Черномории в продолжение всего года не было никаких покушений ни со стороны непокорного горского населения, ни с моря. Неприятельские крейсера ограничивались рекогносцировками перед Новороссийском и Анапой, а 30 октября обстреливали наш пост на Джимитейской косе.

Таким образом, 1854 год, встреченный кавказскими властями с таким страхом даже за сохранение наших там владений, благополучно миновал, но и не дал тех результатов в отношении общих итогов кампании, на какие император Николай был вправе рассчитывать, сосредотачивая на Кавказе значительную часть своих вооруженных сил.

Примечания

¹ Военный министр — князю Воронцову 30 июня 1853 г., № 893. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 59.

² Князь Воронцов — военному министру 15 августа 1853 г., № 310. Там же.

³ См. приложение № 127, а также рапорт военного министра князю Воронцову от 5 ноября 1853 г., № 674. Архив шт. Кавказского воен. окр.

⁴ Граф Нессельроде — князю Воронцову 7 ноября 1853 г., № 463. Архив Мин. иностр. дел, 1853 г., карт. С.

⁵ Перевод с французского.

⁶ См. том I.

⁷ Князь Воронцов — военному министру 20 ноября 1853 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт. отд. 2, д. № 6562.

⁸ Князь Меншиков — князю Воронцову 8 ноября 1853 г. Архив канц. Воен. мин. по снар. войск, 1853 г., секр. д. № 72.

⁹ Всеподаннейшее письмо князя Воронцова от 29 ноября 1853 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 73.

¹⁰ Серебряков — князю Воронцову 9 января 1854 г., № 1. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 73.

¹¹ Всеподданнейшее письмо князя Воронцова от 18 января 1854 г. Мы это интересное письмо, а также ответ государя помещаем в приложении № 185.

¹² Император Николай — князю Меншикову 10 февраля 1854 г. Собств. Его Велич. библиот.

¹³ Всеподданнейшее донесение князя Меншикова от 24 февраля 1854 г., № 265; письмо князю Долгорукову от того же числа. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4254, 4251.

¹⁴ «Славно», — пометил на донесении государь.

¹⁵ Князь Меншиков — князю Долгорукову 4 марта 1854 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4254.

¹⁶ Всеподданнейшее донесение князя Меншикова от 13 марта 1854 г., № 280. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4251.

¹⁷ Князь Меншиков — военному министру 13 марта 1854 г. Музей Севастопольской обороны.

¹⁸ Предписание генерала Реада коменданту Гагры капитану Быковскому от 12 марта 1854 г., № 58. Архив шт. Кавказского воен. окр.

¹⁹ Военный министр — князю Барятинскому 24 апреля и князь Барятинский — военному министру 13 апреля 1854 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 6571.

²⁰ Князь Меншиков — князю Горчакову 29 апреля 1854 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4253.

²¹ Военный министр — князю Воронцову 29 ноября 1853 г., № 12527. Архив шт. Кавказского воен. окр.

²² Князь Воронцов — военному министру 10 декабря 1853 г., № 592. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 73.

Князь Воронцов — князю Долгорукову 5 декабря 1853 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 6562.

Два письма князя Бебутова князю Воронцову от 2 декабря 1853 г. Архив шт. Кавказского воен. окр.

²³ Князь Воронцов — князю Долгорукову 10 декабря 1853 г. Архив шт. Кавк. воен. окр.

²⁴ Рапорт военного министра наместнику от 23 декабря 1853 г., № 764. Там же.

²⁵ Император Николай — князю Воронцову 4 января 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. №73.

²⁶ Записка князя Варшавского от 16 (28) января 1854 г.; сообщение военного министра князю Воронцову от 24 января, № 54. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 73.

²⁷ Всеподданейшая записка князя Варшавского в феврале 1854 г., препровожденная князю Воронцову 24 февраля 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 73.

²⁸ Возражение князя Воронцова на записку князя Варшавского, препровожденное военному министру 15 февраля 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. №73.

²⁹ Две записки князя Воронцова военному министру от 9 февраля 1854 г. с пометками на них императора Николая. Архив шт. Кавказского воен. окр.; Зиссерман. Фельдмаршал князь А. И. Барятинский // Русский архив. 1888. Кн. 9.

³⁰ Рапорт военного министра князю Воронцову от 9 декабря 1853 г. № 9131. Архив шт. Кавказского воен. окр.

³¹ Дислокация сводной драгунской бригады. Архив шт. Кавказского воен. окр.

³² 5 бат. 2-й бриг. 21-й пех. див.

³³ Всеподданейшее письмо князя Воронцова от 29 ноября 1853 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 73.

³⁴ Князь Долгоруков — генералу Реаду 24 февраля 1854 г., № 2892, и князю Воронцову того же числа, № 2865. Архив шт. Кавк. воен. окр.

³⁵ Мы уже знаем, что и Новороссийск, и Анапа были преждевременно очищены.

³⁶ Генерал Реад — военному министру 17 марта 1854 г., № 64. Архив шт. Кавказского воен. окр.

³⁷ Для этих последних назначались собранные роты из женатых нижних чинов кавказских полков.

³⁸ Наименование частей, вошедших в отряды, см. в приложении № 186.

³⁹ На документе число не проставлено.

⁴⁰ Собственноручная записка императора Николая без числа. Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. №105.

⁴¹ Военный министр — генералу Реаду 24 апреля 1854 г., № 6474, и князю Барятинскому 24 апреля 1854 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 6571.

⁴² Князь Воронцов — князю Долгорукову 10 мая 1854 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 6566.

⁴³ Князь Григ. Орбелиани — князю Барятинскому 27 апреля 1854 г. Архив шт. Кавказского воен. окр.

⁴⁴ Записка генерала Реада, приложенная ко всеподданейшему письму от 28 апреля 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 73.

⁴⁵ Император Николай — генералу Реаду 12 апреля 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 73.

⁴⁶ Генерал Реад — военному министру 30 марта 1854 г. Архив шт. Кавказского воен. окр.

⁴⁷ Князь Бебутов — генералу Реаду 27 апреля 1854 г., № 63. Там же.

⁴⁸ Генерал Реад — князю Бебутову 29 апреля 1854 г. Там же.

⁴⁹ Барон Врангель — князю Бебутову 6 апреля 1854 г., № 9. Там же.

⁵⁰ Князь Бебутов — барону Врангелю 10 апреля 1854 г., № 44. Там же.

⁵¹ Барон Врангель — князю Бебутову 2 мая 1854 г., № 15. Там же.

⁵² Князь Бебутов — барону Врангелю 6 мая 1854 г., № 67. Там же.

⁵³ Донесение статского советника Каныкова князю Бебутову от 22 июня 1854 г., № 645. Архив штг. Кавказского воен. окр.

⁵⁴ Париж. Архив Воен. мин.

⁵⁵ L'admiral Hamelin — au maréchal de St-Arnaud. Парижский воен. архив.

⁵⁶ Эту цифру мы считаем преувеличенной, но точно проследить состав отряда Гассана-паши нам не удалось.

⁵⁷ 1-й бат. Куринского, 4-й бат. Брестского и 2 роты Белостокского полков.

⁵⁸ См. схему № 47.

⁵⁹ M-r Poncharra — au maréchal de St-Arnaud, le 23 (11) juin 1854. Парижский воен. архив.

⁶⁰ 1-й и 3-й Куринского, 1-й и 2-й Литовского полков.

⁶¹ 1-й и 4-й батальоны Брестского, 3-й и 4-й батальоны Литовского полков.

⁶² 2-й и 3-й Брестского и 4-й Белостокского полков, легк. № 1 батар. 13-й артил. бриг.

⁶³ По турецким источникам.

⁶⁴ Куринский п. на Кавказе. Рукопись. Подвиги нижних чинов Литовского полка. Рукоп. донесение князя Андронникова. Архив штг. Кавказского воен. окр. Донесение сераскира маршалу С.-Арно и этого последнего военному министру. Парижский воен. архив и проч.

⁶⁵ Le seraskier — au maréchal de St-Arnaud, le 29 (17) juin 1854. Парижский воен. архив.

⁶⁶ Le maréchal de St-Arnaud — au ministre de la guerre, le 9 juillet (27 juin) 1854. Парижский воен. архив.

⁶⁷ Из донесения русского консула в Тавризе князю Бебутову 22 июня 1854 г., № 645. Архив штг. Кавказского воен. окр.

⁶⁸ Le maréchal de St-Arnaud — au ministre de la guerre, le 7 juillet 1854. Парижский воен. архив.

⁶⁹ M-r Poncharra — au maréchal de St-Arnaud, le 23 (11) juin 1854. Парижский воен. архив.

⁷⁰ Генерал Рead — князю Бебутову 21 июня 1854 г. Архив штг. Кавказского воен. окр.

⁷¹ Князь Долгоруков — генералу Рeadу 11 июня 1854 г. Архив штг. Кавказского воен. окр.

⁷² Одноименный с начальником Батумского отряда.

⁷³ См. схему № 48.

⁷⁴ Французский консул в Трапезунде — послу в Константинополь 12 августа (31 июля) 1854 г. Парижский воен. архив.

⁷⁵ Рапорты барона Врангеля князю Бебутову от 18, 20 и 26 июля 1854 г., № 1148, 1153, 1171. Архив штг. Кавказского воен. окр. Истории полков.

Литухин. Русские в Азиатской Турции.

Tanski — au maréchal de St-Arnaud, le 31 (19) août 1854. Консул в Трапезунде — французскому послу в Константинополе 12 августа (31 июля) 1854 г. Парижский воен. архив.

⁷⁶ См. приложение № 187.

⁷⁷ Рапорт князя Бебутова генералу Реаду от 13 июня 1854 г., № 103. Архив шт. Кавказского воен. окр.

⁷⁸ Князь Бебутов — генералу Шульцу 14 июня 1854 г., № 104. Там же.

⁷⁹ См. схему № 49.

⁸⁰ Из записной книжки графа Граббе, 5 августа 1854 г. // Русский архив. 1889. Т. II.

⁸¹ Князь Бебутов — генералу Реаду 21 июня 1854 г., № 107. Архив шт. Кавказского воен. окр.

⁸² Князь Бебутов — генералу Реаду 28 июня 1854 г., № 109. Там же.

⁸³ Письмо от 30 июня 1854 г. // Русский архив. 1888. Кн. 9.

⁸⁴ Генерал Ред — князю Бебутову 22 июля 1854 г., № 313. Архив шт. Кавказского воен. окр.

⁸⁵ Военный министр — генералу Реаду 17 июля 1854 г., № 493. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 73.

⁸⁶ Le colonel de Meffrey — au maréchal de St-Arnaud. Kars, le 11 août (30 juillet) 1854. Парижский воен. архив.

⁸⁷ В некоторых донесениях французских офицеров день боя обозначен 7 августа н. ст., но они сами жалуются на легкость перепутать числа при действии разнообразных календарей.

⁸⁸ В действительности — 2 роты в редуте.

⁸⁹ Белевский егер. и Ереванский карат. полки, бат. № 4 и легк. № 7 бат. 18-я артил. бриг. и батарейн. № 2 бат. Кавказской гренад. бриг.

⁹⁰ Рязский пех. п., 4 ор. 18-й бриг. и Донского каз. № 4 п.

⁹¹ Гренад. Тифлисский и Тульский егер. полки, бат. № 1 и легк. № 1 бат. Кавказской гренад. бриг.

⁹² Белевский п. и 7-я батар. 18-й артил. бриг.

⁹³ Тверской и Нижегородский драгун. и № 20 Донской каз. полки.

⁹⁴ Донесения князя Бебутова от 25 июля и 19 августа. Истории частей, участвовавших в бою.

Colonel de Meffrey — au maréchal de St-Arnaud, le 11 et le 12 août 1854; M-r de Challaye — au maréchal de St-Arnaud, le 9 et le 12 août 1854; Tanski — au maréchal de St-Arnaud, le 31 août 1854. Парижский воен. архив.

Описание част. подв. Рапорт ком. к-сом — военному министру от 9 февраля 1855 г., № 139. Архив шт. Кавказского воен. окр.; и проч.

⁹⁵ Архив шт. Кавказского воен. окр.

⁹⁶ M-r Challaye — au maréchal de St-Arnaud, le 9 août 1854. Парижский военный архив.

⁹⁷ Что касается генерала Клапки, то турецкое правительство ни за что не хотело допустить его стать во главе армии.

⁹⁸ Переписка между маршалами С.-Арно, Вальяном, посланником Бенедети и Риза-пашой 9—13 августа н. ст. 1854 г. Парижский воен. архив.

⁹⁹ Князь Бебутов — генералу Реаду 31 июля 1854 г., № 137. Архив шт. Кавказского воен. окр.

¹⁰⁰ С.-Арно — военному министру 4 августа (23 июля) 1854 г. Парижский воен. архив.

¹⁰¹ Зиссерман. Критические заметки // Русский архив. 1885. Кн. 8.

Глава XXI

Действия в 1854 году в Балтийском и Белом морях и в Тихом океане

О сложении отношений с морскими державами, вызванные нашей распрей с Турцией, заставили императора Николая подумать об обороне тех частей государства, который могли подвернуться нападению морских сил наших возможных врагов. Вековое преимущество Англии и Франции на море заставляло предполагать, что эти державы, направив бульшую часть своих средств на главный театр военных действий, будут иметь возможность отрядить внушительные эскадры и на другие пункты нашей морской границы. Наиболее для них важным в этом отношении, а для нас наиболее опасным являлось Балтийское море, в котором была сосредоточена бульшая часть русского флота, русской торговли и которое приводило непосредственно к воротам столицы государства — Петербургу. Не только нанесение решительного удара в этом направлении, но даже простая угроза со стороны Балтийского моря не могли остаться бесследными для России и должны были отвлечь значительную долю ее внимания и сил от юга, против военного и политического могущества, на котором готовились открыто бороться с нами Англия и Франция.

Естественно поэтому, что одновременно с ходом дипломатических переговоров, все более и более приближавших нас к разрыву с морскими державами, вставал во всей своей грозной силе и вопрос об обороне Балтийского моря и подступов к столице.

Насколько нам удалось проследить, работа в этом направлении при подготовке к кампании 1854 года велась без общего руководства, отдельно по отношению к борьбе на море и к обороне Балтийского побережья. Первое являлось исключительно сферой морского ведомства, которое исходило из заключения, что все, касающееся берегов, обдумано военно-сухопутным ведомством и принимало как вводную данную полную их обеспеченность. Со своей стороны, Военное министерство находилось под впечатлением могущества нашего Балтийского флота, силы Кронштадта и признаваемой неспособности парусного флота к производству быстрых высадок значительных армий. Такой взгляд переносил центр тяжести предстоявшей борьбы на флот, при условии обеспечения длинной береговой полосы Балтийского моря от поползновений сравнительно незначительных неприятельских десантов и защиты от по-

кушений с моря наших крепостей и других важных в военном отношении пунктов.

Однако дальнейший ход событий заставил взглянуть на дело иначе. Обширные морские и сухопутные средства, которые западные державы собирали для действия не только в Черном, но и в Балтийском море, приготовление этими державами сильных десантов, а главное, все более и более выясняющееся значение винтовых двигателей, которое умаляло активную силу нашего флота, заставляло опасаться возможности серьезных поползновений против наших берегов. С другой стороны, практика выявила необходимость тесной связи между подготовительной работой на море и на суше, к чему последовательно, путем опыта, мы и пришли по отношению обороны Балтийского побережья.

В течение зимы 1853/54 года жгучим оставался вопрос о способе действий нашего Балтийского флота на случай разрыва отношений с западными державами.

Первым затронул этот вопрос адъютант молодого генерал-адмирала князь Голицын в своей записке, относящейся к октябрю 1853 года¹.

Автор записки сомневался в том, чтобы Балтийский флот мог вступить в открытый бой с англичанами ввиду несовершенства наших судов и неопытности офицеров и матросов, хотя и уверял, что «девять десятых наших моряков своей смелостью и самодеятельностью вознаградят материальные недостатки и если не вполне отразят покушение неприятеля, то, по крайней мере, не дешево отдадутся ему». При столкновении же в Балтийском море и в Финском заливе наш флот, по словам князя Голицына, всегда будет иметь перевес перед английским благодаря знанию местности, господствующих течений и ветров.

Автор, задаваясь вопросом о том, чего нам надо более всего опасаться при вторжении английского флота в Балтийское море, отстранял возможность разрушения столицы, огражденной «неприсутным Кронштадтом, бесчисленными мелями и громадным гарнизоном», а также высадки десанта на любой пункт балтийского берега, «так как десятки тысяч войск во всякое время отразят или вовсе уничтожат неприятеля». Он ставил конечную цель нашему флоту оградить балтийскую торговлю и для этого предлагал, не теряя времени, послать две дивизии кораблей, готовых идти в море, в сопровождении всех пароходов, одну в Зунд, другую в Большой Бельт. Укрепив, таким образом, оба пролива, выслать все пароходы к Готенбургу для разведки, чтобы, выяснив, куда направится неприятельский флот, перебуксировать свободные корабли к тому проливу, которому он будет угрожать, и встретить противника в два огня.

Мы не остановились бы на изложении этой весьма односторонней записки, если бы не имели доказательств, что она произвела

известное впечатление, так как была послана на заключение таким лицам, как генерал-адъютант Литке и князь Меншиков. Литке, убежденный в том, что английский флот будет преследовать в Балтийском море более существенные цели, чем уничтожение нашей торговли, доказывал генерал-адмиралу фактическую невозможность заградить пролив Большой Бельт, имеющий расстояние между берегами до 6 итальянских миль и ширину фарватера до 4 миль. Такая попытка должна повести к прорыву заграждения и к необходимости принятия для нашего флота открытого боя в самой невыгодной обстановке.

Адмирал Рикардо

Князь Меншиков со своей стороны полагал, что нашу оборону необходимо сосредоточить в Финском заливе, где флоту держаться соединенно, заняв такую выжидательную позицию, как, например, у Наргена, откуда можно было бы сняться разными путями и выйти на ветер неприятеля под береговым заслоном². При решительном же превосходстве противника флоту полезнее закрыться шхерами, где выгоднее принять сражение на якоре.

29 декабря 1853 года государь изложил в собственноручной записке на имя великого князя Константина Николаевича следующие свои мысли по поводу предстоявших в Балтийском море действий³:

«При могущем быть появлении в Балтике соединенных флотов Англии и Франции предмет их может быть:

- 1) выманить наш флот в море и уничтожить его;
- 2) атаковать Ревель, Свеаборг и Кронштадт;
- 3) сделать высадку в Финляндии или Остзейских губерниях.

Обращаясь к первому пункту, рождается вопрос: должны ли или можем ли встретить флоты нашим и где, или не более разумнее ли флот наш не высылать до того, пока неприятельские не потерпят от атак на наши порты, и в таком случае где и как поставить наши дивизии.

Преимущество паровых кораблей лишит нас возможности с парусным флотом надеяться на выгодный бой, не говоря уже о численном превосходстве неприятельских кораблей.

Казалось бы, что должно предпочесть флот держать за гаванями до удобной минуты. Но где? В Свеаборге рейд не доступен непри-

ягельским выстрелам, и там дивизия наша удобно стать может на рейде, усиливая своей артиллерией огонь крепости и батарей против входов.

Но в Кронштадте сего удобства нет, и двум дивизиям стать трудно за военной гаванью, разве не в полном вооружении по мелководью. Стать же на большом рейде было бы невыгодно, препятствуя только свободному действию фортов и батарей.

Потому полагаю, что иного ничего не остается, как, при известности приближения неприятеля, вывести весь флот из гаваней и поставить на северной стороне в одну или две линии, по направлению в Лисину косу, оставив одни фрегаты на малом рейде.

Канонерские лодки вооружить и, снабдив экипажами с кораблей, поставить в первой линии перед кораблями, вдоль террасного запружения.

Когда же неприятельские флоты после неудачной атаки на Кронштадт отступят, тогда помощью пароходов сейчас вывести флот за рейд и преследовать неприятеля по удобству».

Император Николай повелел запросить по этому вопросу мнение князя Меншикова.

Ближайшим последствием высказанных государем мыслей, а также записки князя Голицына и последовавшего обмена мнений было поручение молодого генерал-адмирала, данное наиболее выдающимся адмиралам, высказать их заключение по поводу предстоящего действия Балтийского флота. Сводка этих мнений⁴ по самому существу своему должна представлять особый интерес, почему мы и остановимся на ней несколько подробнее.

Записка вице-адмирала Меликова, который с 1832 года не прикасался со строевой деятельностью наших морских сил, является целым обвинительным актом администрации Балтийского флота за истекшую четверть века. Изложив все те огромные реформы, которые сделал в начале своего царствования император Николай, пожелавший, по словам французского адмирала Jurien de la Gravière, допустить роскошь иметь в мирное время вполне готовый боевой флот⁵, Меликов переходит к изложению тех результатов, которые должен был дать Балтийский флот как следствие отеческих забот и щедрот государя. «Ныне, — пишет Меликов, — протекло более четверти столетия с того времени, как началось преобразование флота, и, следовательно, можно ожидать, что теперь Россия имеет флот боевой в полном смысле слова, т. е. что корабли наши построены по образцам, признанным наилучшими, и в морских качествах и силе не уступают иностранным; что к нашим кораблям применены все усовершенствования, какие только могли изобрести наука и опыты морских держав, что мы знакомы со всеми усовершенствованиями, до кораблестроения, кораблевождения, пароходства и артиллерии относящимися, и что у нас подвергнуто

испытанию и принято всякое полезное по сим частям нововведение, так что мы ни в чем не отстали от других флотов; что мы и без иностранцев в состоянии изготовлять паровые машины и все предметы для флота и что Ижорский завод наш может в этом отношении соперничать с лучшими заведениями подобного рода в Европе; что военные наши порты недоступны для неприятеля и снабжены в изобилии запасами всякого рода; что учебный комитет озаботился о распространении между нашими офицерами всех познаний по части морской тактики и стратегии, почерпая оные из лучших сочинений, и что, следовательно, наши офицеры находятся на той же степени образования, как французы и англичане. Одним словом, что Россия силой и достоинством своего флота возведена в полной мере на степень первоклассной морской державы, и в сих видах она смело может принять вызов хотя бы всех морских держав, против нее соединившихся, потому что 27 сильных и надежных линейных кораблей с полным комплектом экипажей, хорошо приученных к морскому делу, в кругу своих портов и близости подкреплений, составляют силу неодолимую».

Мы уже знаем, что мечты вице-адмирала Меликова были далеки от действительности.

Исходя из заключения, что флот наш находится в таком блестящем состоянии, в каком «вправе ожидать государь и отечество», Меликов полагал, что лучше всего встретить неприятеля при входе в Финский залив и принять сражение, если только противник численно не очень будет нас превосходить. Автор записки шел еще дальше и полагал, что «при том совершенстве, в каком долженствовал быть наш флот, мы могли бы прямо идти на порты опаснейшего врага и истребить его силы прежде, чем они будут соединены и готовы к делу». Но если бы, писал дальше Меликов, флот наш оказался не таким, каким ему надлежало бы быть, то следовало бы отделить совершенно исправные суда, усилить их бомбическими пушками, «представляющими в искусных руках самое надежное средство», и из этой части судов образовать действующий флот, готовый вступить в дело с неприятелем, если его силы не будут значительно превосходить наши. Остальные же суда будут составлять резерв флота, который может вступить в дело тогда, когда неприятельские корабли потерпят повреждение и потеряют часть своей прежней силы.

Переходя далее к тому случаю, когда численное превосходство неприятеля совершенно не позволит нам надеяться на успех, вице-адмирал Меликов полагал не подвергать флота бесполезным потерям неравного боя и не давать неприятелю легкого торжества. Пока флот существует, писал он, неприятель едва ли осмелится предпринять какие-либо решительные действия против наших портов и берегов. Оставалось решить вопрос, в каком пункте выгоднее в таком

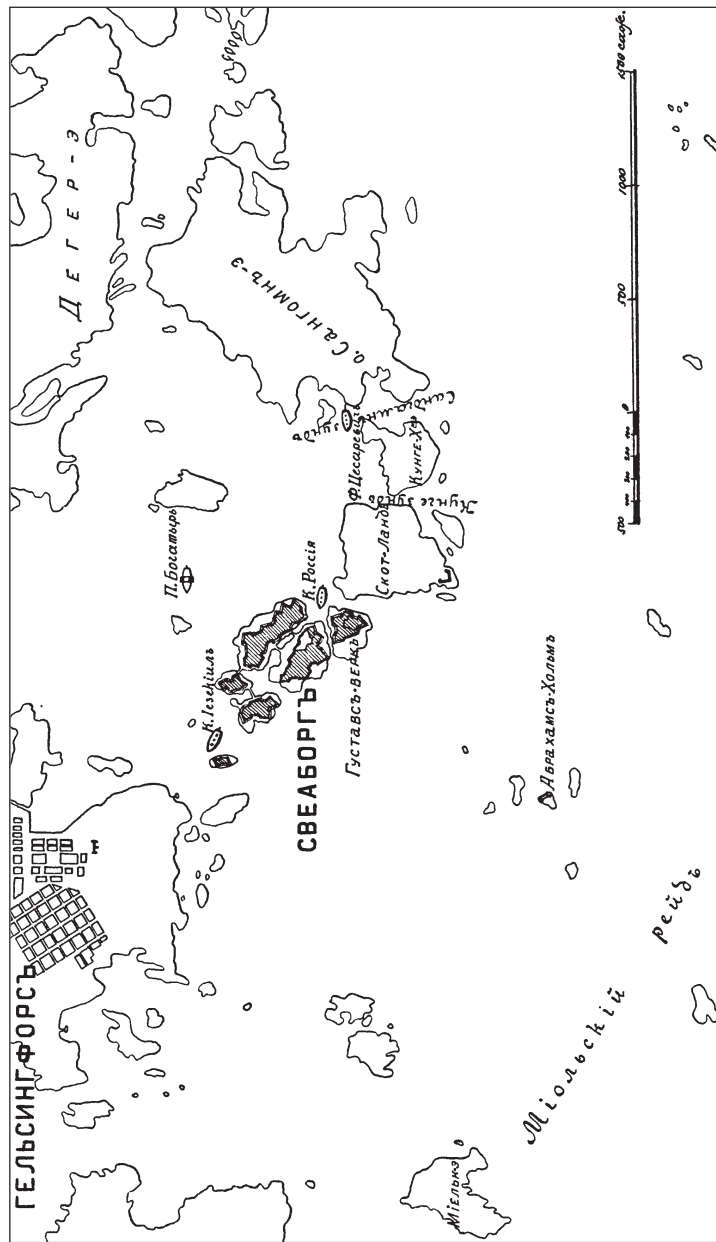

Схема № 54

случае расположить наши морские силы — в Кронштадте или в Свеаборге? Оставаться в Кронштадте значило передать весь залив на волю неприятеля и быть запертым в тесной блокаде; в Свеаборге же флот наш мог прикрыть все берега залива и лучше защищать Кронштадт и столицу, чем если бы он был расположен на Кронштадтском рейде. Ревель по своему положению при входе в Финский залив представлял бы для флота те же удобства, как и Свеаборг, и, кроме того, выгоду более расположенного к России народонаселения; но он был недостаточно укреплен, и деревянный мол его был подвержен большой опасности от брандеров. Меликов рекомендовал совершенно отказаться от Ревеля и выражал сожаление, что не приведена в исполнение мысль Петра Великого, наметившего постоянным местопребыванием нашего флота Балтийский порт, который самой природой предназначен для этой цели. Автор считал излишним говорить о Кронштадте в полной уверенности, что «миллионы, пожертвованные на укрепление этого оплота столицы, истрачены не напрасно». Однако, предполагая, что неприятель для скорейшего окончания войны может направить все свои усилия против этого пункта, он рекомендовал теперь же осмотреть Кронштадт и по возможности исправить все его недочеты.

Князь Меншиков видел цель Балтийского флота в прикрытии своих портов и в поражении неприятеля, если бы он оказался слабее. Расположение на Кронштадтском рейде не удовлетворяло ни одной из этих задач, да, кроме того, и флот, на нем сосредоточенный, не находился в безопасном положении. На южном рейде западная оконечность линии флота могла быть уничтожена без возможности подкрепить ее другим флангом при благоприятствующем нападению юго-западном ветре. На северном же рейде флот не покровительствовался береговыми батареями, и сбитые корабли не имели возможности отступить. Поэтому князь Меншиков полагал, что флот следует держать в отдалении от Кронштадта. Если имелось в виду принять флотом сражение, маневрируя в открытом море, то он указывал как на пункт сосредоточения флота на остров Нарген; в случае же принятия боя на якоре можно было расположиться перед Свеаборгом на Миольском рейде⁶, у Парклауда на Баре-Зундском плесе или восточнее Свеаборга за Седер-шхерами. Это расположение требовало обеспечить Свеаборг как базу предстоявших действий.

Генерал-адъютант Корнилов, исходя из заключения, что союзники навряд ли могут иметь в Балтийском море свыше 20 кораблей, рекомендовал разделить наш флот на две части: действующую — из 20 кораблей и резервную — из 8. Первую держать на одном из внешних рейдов Финского залива, наиболее недоступном для входа неприятеля и удобном для его укрепления, как, например, рейды на Баре-Зундском плесе у Парклауда. Такое грозное, по мнению

Корнилова, положение флота настороже всех наших северных морских заведений должно вполне оградить их от серьезных покушений со стороны неприятеля и вынудить его к блокаде в бурном незнакомом море, усеянном подводными камнями и мелями. Резервный отряд судов Корнилов предназначал для содействия обороне Кронштадта и Свеаборга, а Ревельский порт рекомендовал предоставить собственным средствам.

Генерал-адъютант граф Гейден ставил первой задачей нашему флоту соединение всех сил возможно ближе к выходу из залива и принятие боя под парусами с неприятелем, который будет в равных силах. Укрыться же на Свеаборгском рейде он полагал возможным лишь в том случае, если неприятельский флот будет в весьма превосходящих против нас силах. Граф Гейден полагал ввиду высказанного им мнения необходимым немедленно после вскрытия залива от льда соединиться эскадрам, зимовавшим в Кронштадте и Свеаборге, у острова Гогланд и оттуда безотлагательно следовать в крейсерство между Оденсгольмом и Гангутом. Все пароходо-фрегаты направить в Гангут, где им быть в полной готовности соединиться с флотом. Гребную флотилию отправить из Петербурга в Свеаборг и поставить ее по станциям в шхерах, отрядив часть в Абогские шхеры для наблюдения за Юнгферзундом и Гангутом. Для извещения о приближении неприятеля устроить телеграфную линию между Оденсгольмом и Дагерортом. Крейсируя, кончает граф Гейден, между Гангутом и Оденсгольмом, флот при помощи пароходов и телеграфа может быть во всегдашней готовности или встретить неприятеля в порядке, или же заблаговременно уклониться от боя.

Генерал-адъютант Литке полагал, что огромные приготовления западных держав имеют в виду нанесение нам сильнейшего удара истреблением флота и уничтожением больших морских заведений.

Поэтому нам предстоит роль исключительно оборонительная, для чего необходимо постараться сосредоточить весь флот вместе, и как на лучший в этом отношении пункт он указывал на Свеаборг. Соединенные там 23—25 линейных кораблей и 8 пароходов должны быть во всегдашней готовности на вылазку и поиск, на которые надо решаться не иначе как с верной надеждой на успех и вступать в дело с неприятелем, лишь имея значительный перевес в силах. При численном равенстве Литке признавал наш флот слабее английского как ввиду отсутствия винтовых двигателей и недостатка бомбических орудий с усовершенствованными разрывными зарядами, так и, главное, ввиду неопытности капитанов.

Литке полагал, что неприятель навряд ли решится атаковать Кронштадт с целью разорить его укрепления, если увидит, что нашего флота там нет. Это предприятие было бы для него очень рискованным при нахождении русского флота около Свеаборга в пол-

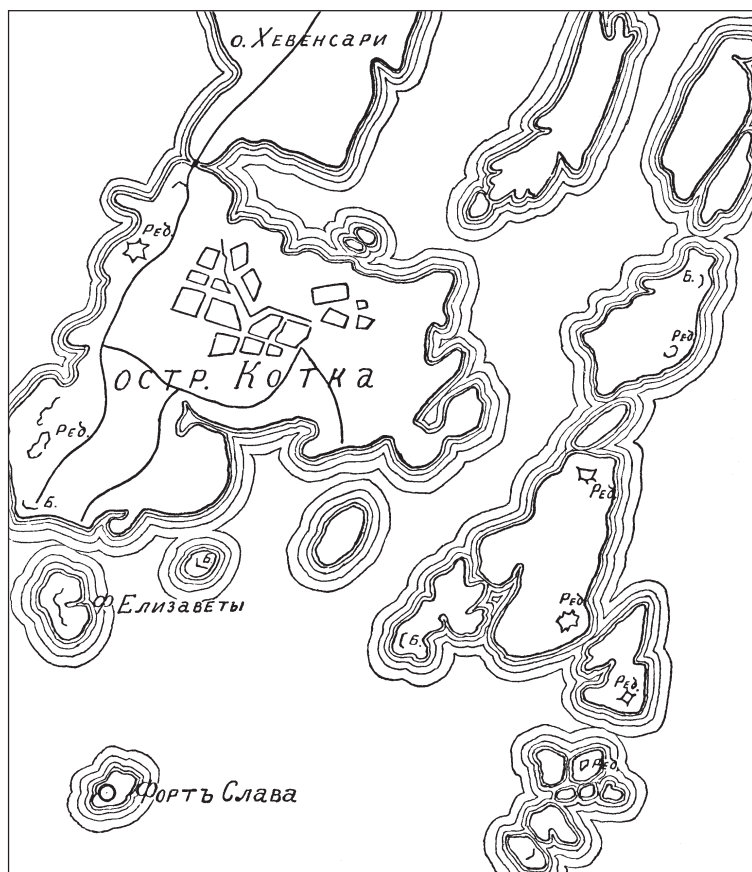

Схема № 55

ной готовности к действию. Но для избежания всякого с этой стороны риска нам необходимо было обратить особое внимание на оборонительную силу Кронштадта, на усиление защиты малого рейда блокшифами и оставшимися кораблями, а северного фарватера фрегатами и другими мелкими судами. Автор записки не отрицал возможности покушения на Кронштадт также неприятельского флота совместно с десантом, так как паровые двигатели дают «такие способы перевозки и самой высадки войск, о которых в прежние войны и не помышляли». Для отражения такого десанта, приготовление которого неприятелю навряд ли удалось бы скрыть от нас, потребовалось бы по меньшей мере отрядить дивизию пехоты при 24 батареинных орудиях.

Если бы союзные эскадры появились в Балтийском море так скоро после открытия навигации, что не дали бы возможности соединиться нашим отрядам, зимовавшим в Кронштадте и Свеаборге, то роль нашего флота по необходимости делалась еще более пассивной. В таком случае адмирал Литке рекомендовал употребить часть судов на усиление обороны Кронштадтского рейда, а лучшие 12 кораблей поставить в три линии за военным углом в полной готовности воспользоваться первым благоприятным случаем и с помощью пароходов, поставленных за ними, выйти из своего оборонительного положения.

Контр-адмирал Истомин считал, что главным предметом действий союзников станет Кронштадт, против которого будет направлен десант, и рекомендовал принять меры обороны против этого нового сильного врага приморских крепостей.

Контр-адмирал Глазенап предлагал 20 кораблей соединить в Свеаборге, а остальные оставить в Кронштадте. Из первых выбрать 10 лучших 84- и 74-пушечных кораблей, придать к ним все 10 пароходо-фрегатов и образовать летучую эскадру, которая должна быть ежеминутно готова выйти в море, чтобы атаковать неприятельские эскадры меньшей силы, не удаляясь, однако, далеко от Свеаборга. Гребной флот разделить на две части — восточный отряд с главными силами около Роченсальма (Котка) и западный у Гангута. Оба отряда должны были охранять входы с моря, противодействовать попыткам неприятеля укрепиться в шхерах и охранять сообщение между Выборгом, Свеаборгом, Або и Аландскими шхерами.

Контр-адмирал Мофет, отметив, что наш флот уступает союзному в опытности и подготовке капитанов, в составе артиллерии, в отсутствии винтовых двигателей и в количестве пароходов, признавал, что мы можем принять бой под парусами при численном превосходстве наших кораблей над неприятельскими⁷, а на якорь — и с флотом одинаковой численности. Исходя из заключения, что союзники будут иметь в Балтийском море превосходящие силы, Мофет также признавал, что действия нашего флота должны носить оборонительный характер. — Для этого его следовало разделить на две части — действующую, из 20 лучших кораблей, которую сосредоточить в Свеаборге, и резервную, которую употребить на усиление кронштадтских и свеаборгских морских укреплений. Гребную же флотилию разместить отрядами, при одном пароходе в каждом, в Аспо, Парклауде, Гангуте, Уте и в Аландских шхерах, между Дегербо и Редшфеном.

Все эти мнения были заслушаны в марте 1854 года особым советом под председательством великого князя Константина Николаевича⁸, который пришел к следующему заключению о возможных действиях Балтийского флота в 1854 году.

Ожидаемое превосходство в силах противника не позволяет нам вступить с ним в открытый бой с какой-либо надеждой на успех. Поэтому мы по необходимости должны оставаться в оборонительном положении под защитой наших крепостей, будучи в совершенной готовности пользоваться каждой благоприятной минутой для перехода в наступление. Главной нашей заботой должно быть соединение всех трех дивизий в Свеаборге, но если это не удастся, то находившиеся в Кронштадте две дивизии должны быть так расположены, чтобы, усиливая оборону крепости, они обеспечивали и собственную безопасность. Если, вследствие отбитого нападения на Кронштадт или от других причин, неприятельский флот должен перейти в наступление, то отнюдь не вдаваясь в риск. Совещание как бы в оправдание поставленных флоту пассивных задач указывало в своем заключении, что если неприятель должен будет оставить наши воды, не успев нанести поражения русскому флоту, то эта неудача будет для него чувствительнее потерянного сражения⁹.

В такие скромные рамки была заблаговременно поставлена роль могущественного, как имел право предполагать император Николай, Балтийского флота, и такое отрицательного рода утешение ему пришлось вынести из совещания старших адмиралов!

Адмирал Стеценко, один из выдающихся моряков второй половины прошлого столетия, разбирая вопрос об осуждении Балтийского флота на бездействие, считает, что по количеству и качеству своей артиллерии, по годности кораблей и по подготовке экипажа он мог бы сразиться с союзным флотом. Обаяние винтовых кораблей и прежней славы английского флота, а главное, большая нравственная ответственность в случае поражения могли, по его мнению, удержать выход нашего флота. «Мог ли,— пишет Стеценко¹⁰,— государь взять на себя ту же нравственную ответственность при сомнении в успехе со стороны главных сил флота?»

Что касается сухопутной обороны Балтийского побережья, то в основу ее на 1854 год легло желание оградить по возможности все наиболее населенные пункты побережья от того, в общем, как предполагалось, незначительного десанта, которым союзники могли им угрожать. Незнакомство с силой парового флота, который представлял полную возможность выбросить на берег значительный десант, а также существование в Балтийском море нашего могущественного флота в 27 линейных кораблей и большой гребной флотилии позволяли полагать, что такая цель может быть достигнута. Мы ставили себе весьма неблагодарную задачу прикрыть береговую линию протяженностью около 2600 верст, не считая островов. К тому же большая часть этой линии составляла берега Финляндии, лучше известные, благодаря нелегальному поведению финских лоцманов¹¹, нашим врагам, чем нам. Да и само свойство финских берегов, столь богатых шхерами, представляло большое пре-

имущество для союзного парового флота по сравнению с нашим парусным: многие из проходов были недоступны парусным судам и легко прорезывались легкими паровыми судами.

Наибольшее внимание на всей длинной береговой линии было обращено на пункты, имеющие важное значение, военное и государственное, и в этом отношении центром тяжести обороны Балтийского побережья являлась столица с ее окрестностями. Здесь, в районе от Выборга до Нарвы, включая сюда и Кронштадт, было сосредоточено 122 $\frac{1}{4}$ бат., 90 $\frac{1}{2}$ эск. и 272 ор., под личным начальством наследника цесаревича¹². Эта масса войск служила в то же время и общим резервом всего Балтийского побережья.

Для обороны всей Финляндии, от Торнео до Выборга, было брошено всего 24 $\frac{1}{4}$ бат., 12 эск. и сот. и 36 ор. под начальством генерала Рокасовского. Значительная часть этих сил группировалась около наиболее важного пункта края — Гельсингфорса и отчасти около Або. Аландские острова с бомарзундскими укреплениями, на сохранение которых у нас не было надежды с самого начала кампании, были предоставлены своему собственному незначительному (около 2000 человек) гарнизону.

В Эстляндии было сосредоточено под начальством генерал-адъютанта Берга 18 $\frac{1}{4}$ бат., 20 эск. и сот. и 32 ор., большая часть которых группировалась около Ревеля.

И наконец, в Лифляндии и Курляндии, уступное положение которых заставляло менее за них опасаться, находилось 14 бат., 22 эск. и сот. и 44 орудия¹³.

Одновременно было обращено внимание на приведение в надлежащий вид приморских крепостей, причем наряду с главными опорными пунктами, как-то: Кронштадт, Ревель, Свеаборг, Выборг, отчасти Бомарзунд и Гангут, было обращено внимание и на мелкие укрепления старинной постройки, в изобилии разбросанные по Финскому побережью. Цель подобной заботливости, надо полагать, заключалась все в том же желании оградить прибрежных жителей от мелких нападений неприятельских десантов. Сами по себе эти старинные крепости не представляли никакой силы; привести же их в вид, годный для обороны, мы не имели ни времени, ни соответствующей артиллерии, ни гарнизона в достаточном количестве. При малейшем серьезном покушении со стороны неприятеля они должны были пасть без всякой пользы для нас и к вящей славе противника. Для примера укажем хотя бы на укрепления Роченсальма (форта Славы) и Свартгольма.

Роченсальм, или Котка¹⁴, у устьев Кюмени, был уже упраздненной крепостью. Он имел 19 отдельных укреплений, из которых форт Слава, лежавший в 4 верстах от Котки на утесе Финского залива, являлся как бы особой крепостью. Оборону Роченсальма решили ограничить лишь обороной этого форта, на вооружении

которого состояло 42 старых разного калибра орудия при 250 чел. гарнизона. Укрепления этого пункта были настолько слабы, что осенью 1854 года их решили разоружить, чтобы не давать союзникам бесцельных трофеев. Свартгольмская крепость (в 10 верстах от г. Ловизы) состояла из одной оборонительной казармы, где могло поместиться до 120 человек гарнизона. Ее вооружили двенадцатью 18-фунтовыми пушками, так как, занятая неприятелем, она могла вредить шхерному судоходству. Эти орудия, разбросанные по всем бастионам без взаимной обороны и лишенные общего сосредоточенного действия, не представляли собой сколько-нибудь внушительной силы против серьезного покушения противника¹⁵.

Последовавший разрыв с западными державами вызвал лихорадочную деятельность по приготовлению к встрече неприятеля в Балтийском море и к вооружению судов нашего флота. Главная цель, поставленная себе морским ведомством, заключалась в защите наших портов и шхер от нападения англо-французского флота.

Для предстоявшей кампании было вооружено 26 линейных кораблей, 10 пароходов-фрегатов, 18 мелких пароходов, 5 фрегатов, 1 корвет и 16 мелких судов; кроме этого, для целей обороны были приспособлены 3 старых корабля и привлечены на службу 17 вольных пароходов. Для пополнения экипажей были собраны бессрочноотпускные нижние чины в количестве 2347 человек, из которых сформированы 26 запасных рот.

Особое внимание морским ведомством было обращено на увеличение гребной флотилии, предназначенной для обороны Кронштадта и финляндских шхер. К сожалению, флотилия эта не оправдала возлагаемых на нее надежд ввиду полной непригодности ее для действия в море даже в защищенных островами проходах.

Для защиты Кронштадта и шхер от Биоркэ-Зунда до Гельсингфорса приступили к постройке 74 лодок¹⁶ на вольной верфи в Петербурге и для защиты шхер от Гельсингфорса до Або 40 лодок в Або, Бьернсборге¹⁷ и Гельсингфорсе. Кроме того, для обороны Риги в ней строилось 16 лодок¹⁸.

Для пополнения экипажа флотилии было объявлено 2 апреля положение о морском ополчении, согласно которому вызывались на службу охотники из лиц всех сословий Петербургской, Новгородской, Олонецкой и Тверской губерний. Для лодок, охранявших западный участок шхер, набирались охотники и из финляндских уроженцев. Поступившие волонтерами должны были служить до 1 ноября, получая 8 рублей серебром жалованья в месяц, продовольствие и одежду крестьянского покроя, с крестом на шапке¹⁹.

Всего таких охотников поступило более 9 тысяч человек²⁰, причем «служба, поведение и успех занятий ополчан были весьма удовлетворительны»²¹, и самым суровым наказанием среди них было увольнение со службы до окончания срока.

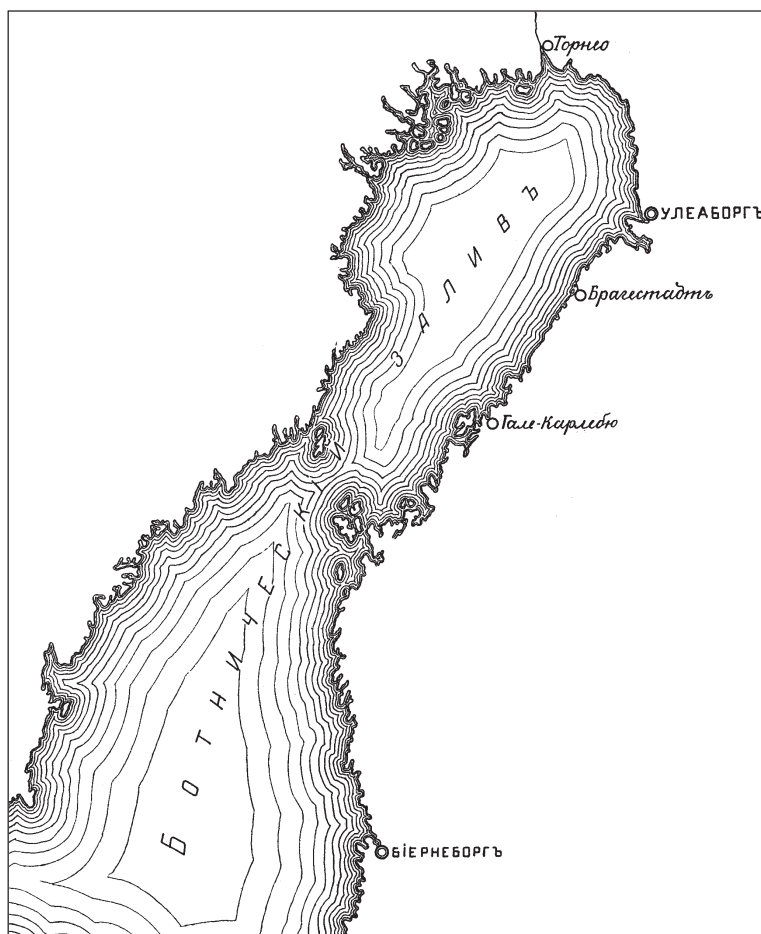

Схема № 56

Для своевременного извещения о приближении неприятеля были по всему пространству северного и южного берегов Финского залива поставлены временные телеграфы, а для затруднения плавания все маяки были погашены, вехи на банках не ставились, и лоцманы с открытых станций были сняты. В шхерах, кроме того, были разобраны некоторые маячные башни и заграждены два боковые прохода к Выборгу, а третий — Транзундский предполагали сделать непроходимым, когда обстоятельства того потребуют.

Несмотря на высказанную особым совещанием мысль сосредоточить весь Балтийский флот по открытии навигации в Свеаборге, в конце концов решено было оставить его в тех пунктах, в которых он зимовал. По всей вероятности, это было вызвано опасением не успеть совершить переход туда из Кронштадта до появления в Балтийском море союзного флота.

В состав первой дивизии входило 9 кораблей (один — 110-пушечный, два — 84-пушечных и остальные — 74-пушечные) и 2 фрегата, и третья дивизия состояла из 8 кораблей (один — 120-пушечный, четыре — 84-пушечные и остальные — 74-пушечные); 10 пароходо-фрегат и мелкие суда были распределены по дивизиям, 12 пароходов были предназначены для обороны шхер, а прочие для местной службы и посылок²². Остальные корабли послужили для усиления обороны Кронштадта в виде блокшивов.

Гребная флотилия в Кронштадте состояла из бомбардирского судна, 9 трехпушечных лодок, 88 двухпушечных и 8 однопушечных иол при двух пароходах. Финляндскую шхерную флотилию составляли 72 лодки и 20 пароходов.

Начальство над флотом, сосредоточенным в Кронштадте, было возложено на адмирала Рикарда, поднявшего свой флаг на корабле «Император Петр I».

Одновременно с подготовкой флота к встрече противника мы начали подготавливаться и к обороне берегов.

Работы по усилению Кронштадта производились непрерывно, причем в обороне этой крепости деятельное участие должен был принять и флот. С этой целью стопушечные корабли «Петр I» и «Георгий Победоносец» стали поперек малого рейда, между фортами Князь Меншиков и Кроншлот. Уступом за ними для обстреливания промежутков стали во второй линии три корабля. Один корабль был поставлен в купеческой гавани для фланговой обороны стопушечных кораблей, другой обстреливал с фланга все пространство между кораблями первой и второй линий. Прочие корабли, стоявшие сзади, должны были действовать по особым на каждый случай инструкциям.

Пароходы были расположены позади кораблей в линию от военного угла до Ораниенбаумской пристани. Кроме того, в первых числах августа были устроены из купленных ботов три четырехпушечные батареи, которые были поставлены на сторону Ораниенбаумской отмели для защиты пространства между Кронштадтом и Ораниенбаумом²³. Для преграждения северного рейда была образована ряжевая преграда по направлению от северо-восточной отмели Кронштадта до Лисьего Носа. Для защиты этой преграды был построен ряд батарей на косе и образован блокшивный отряд из 3 кораблей, 3 фрегат и 1 корвета, к которым впоследствии были присоединены 74 двухпушечные ка-

нонерские лодки. Линия блокшивов тянулась за ряжевой преградой, имея корабли ближе к Кронштадту для усиления береговой обороны его северо-восточного угла, фрегаты расположенными вдоль линии заграждения, а канонерские лодки на правом фланге у Лисьего Носа²⁴. Кроме того, для защиты северного фарватера были поставлены мины, спроектированные ученым комитетом, но заряды в них были положены вместо предполагавшихся 10—20 фунтов пороха по 5—10 фунтов²⁵.

Полевых войск в Кронштадте в марте находилось 21¼ батальона, ½ эскадрона и 16 орудий²⁶. Рядом инструкций был указан способ действия этих войск в случае высадки неприятельского десанта на Кронштадтской косе, а также и та помощь, которую должна оказать войскам гребная флотилия²⁷.

В кампанию 1854 года к обороне Петербурга готовились только с морской стороны, для чего начали строить целую сеть батарей, предназначенных обстреливать устье Невы. Государь лично намечал место каждой батареи и часто навещал работы.

Главное устье Большой Невы²⁸ защищали 7 батарей, вооруженных 94 орудиями и расположенных на Гутуевском, Галерном и Васильевском островах. Устье Малой Невы защищали 2 батареи на 18 орудий, расположенные на Петровском острове. Малую, Среднюю и Большую Невки обороняли батареи отчасти Петровского острова и, кроме того, построенные на Крестовском и Елагинском островах, а также редут Алгамбра, при Старой деревне, обстреливавший в то же время Сестрорецкую дорогу. Всего здесь действовало 44 орудия.

В то время самыми лучшими и дальнобойными орудиями у нас считались длинные чугунные, 30-фунтовые и тяжелые, пудовые, бомбические пушки, дальность выстрелов которых достигала 3 верст. Этими-то орудиями и предполагали преимущественно вооружить невские батареи, но в них ощущался большой недостаток. Поэтому часть их была заменена 24-фунтовыми пушками и полупудовыми единорогами с дальностью стрельбы на 1—1¼ версты. Из 156 орудий, которыми были вооружены невские батареи, было 104 пушки и 52 единорога, или бомбические пушки. По мере усиления обороны Кронштадта батареи эти начали терять свое значение, и вооружение их не усиливалось²⁹.

Петербург, несмотря на забитую в нем боевую тревогу, не терял, по-видимому, своего спокойного облика — такова была сила веры в наш флот и в неприступные твердыни Кронштадта. То же веселье царило в городе, те же вечерние поездки на Елагинский Pointe, интерес к которому, впрочем, увеличивался еще сооружаемой там батареей. Но, по словам современника, это спокойствие было напускное. Назойливая мысль об опасности, грозившей отечеству, проникала, как визг железа, режущего камень, в самых без-

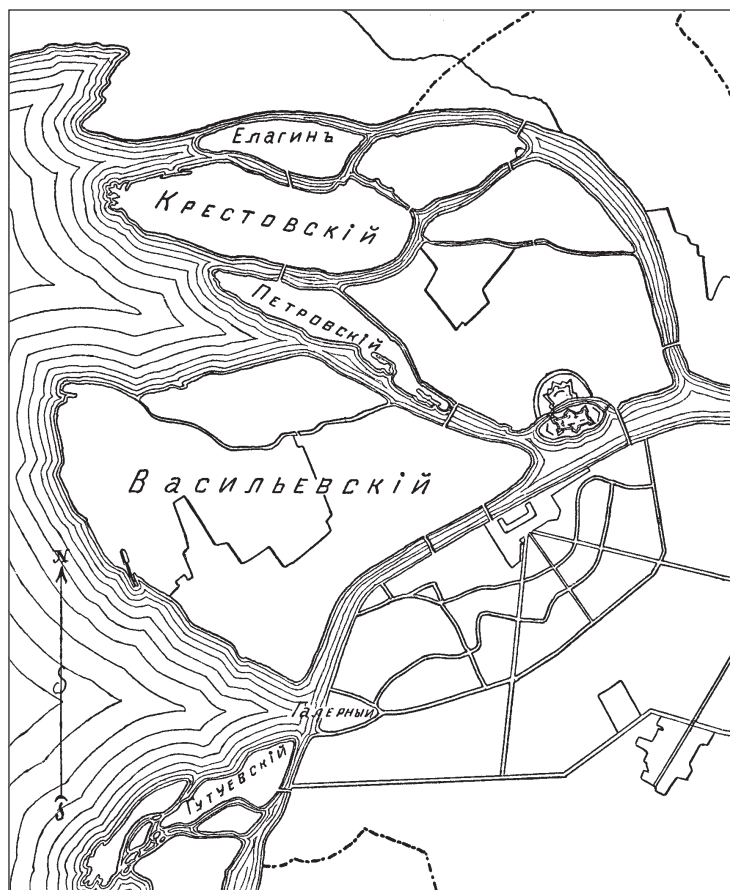

Схема № 57

заботных людей. Какое-то тяжелое чувство щемило душу и давило ее как удушливый воздух, сгустившийся перед страшной бурей³⁰.

Все побережье от Петербурга на север до Сестрорецка и далее до Биоркэ-зунда, а на юг до Бронной горы и далее до Красной горки охранялось кавалерийским кордоном, подкрепленным пехотными резервами с полевой артиллерией. На более важных пунктах были устроены на севере, у Лисьего Носа, редут, а на юге, близ Ораниенбаума, ключенская батарея, вооруженные на первое время полевыми орудиями. Особое внимание обратила на себя оборона Сестрорецкого завода. Комиссия, обследовавшая этот вопрос на месте, пришла к заключению, что Сестрорецк не может быть бомбардиру-

ем с моря по мелководью даже с канонерских лодок; для воспрепятствования же неприятельской высадке достаточно иметь на заводе два батальона пехоты, сотню казаков и одну полевую батарею, которые, благодаря удобной для обороны местности, в состоянии будут удержать превосходящего противника до подхода подкреплений из Петербурга³¹.

Что касается фланговых пунктов прибрежной полосы окрестностей столицы — Выборга на севере и Нарвы на юге, то хотя там и принимались меры к обороне, но в действительности ни один из них не был способен противостоять какому-либо серьезному нападению неприятеля. Генерал-адъютант Огарев в конце 1854 года доносил императору Николаю, что Выборг до того готов к обороне, что остается только желать, чтобы неприятель дерзнул напасть на него. А между тем очевидец, осматривавший крепость весной 1855 года, нашел ее в самом ужасном состоянии, причем оборонительные работы 1854 года были направлены не к тому, чтобы улучшить крепость, а лишь чтобы замаскировать все ее недочеты. Достаточно заметить, что собственно в Выборге не было ни одного заряда, так как на их приготовление был употреблен негодный порох старинной финской заготовки, оставшийся от войны 1809 года³². Что же касается Биоркэ-зунда, то в течение всей кампании он служил местом самого спокойного стояния союзного флота.

К весне 1854 года войска, предназначенные для обороны ближайших окрестностей Петербурга, за исключением Кронштадта, были распределены следующим образом:

Гарнизон в Выборге — 4 бат., промежуточный отряд у Кюрхмеля (Красного Села) — 4 бат. и 8 ор., на Сестрорецком заводе — столько же и на содержание постов от Биоркэ-зунда до Петербурга — 4 эск.

Гарнизон в столице — 23 бат., 9 эск. и 92 ор. и там же главный резерв — 34 бат., 12 эск. и 104 ор.; в Ораниенбауме — 2 $\frac{1}{4}$ бат., 4 эск. и 16 ор., в Петергофе — 3 бат., 14 эск. и 8 ор., в Стрельне — 12 эск. и 8 ор., в Царском Селе и Павловске — 14 $\frac{1}{4}$ бат., 22 $\frac{1}{2}$ эск. и 16 ор., в Красном Селе и Гатчине — 32 бат. и 6 эск., в Ямбурге и Нарве — 16 бат.³³

Что касается остальных укрепленных пунктов побережья, то состояние их находилось не в лучшем виде, чем состояние Выборга. На оборону Свеаборга государь должен был обратить особое внимание благодаря анонимному письму, полученному великим князем Константином Николаевичем. В этом письме говорилось, что если неприятель пожелает занять Гельсингфорс и Свеаборг, то может сделать это в 24 часа. Большие острова Сандгамн-Э и Кунге-Хольм³⁴, ограждающие юго-восточную и восточную стороны рейда, были нами не заняты. Неприятель, без труда завладев ими, мог поражать стоявший на рейде наш флот и вместе с тем открывал своим малым судам свободный вход на рейд через проливы Кунге-Зунд, Сандгамн-Зунд и

Эстнес-Зунд. Государь отправил в Гельсингфорс с чрезвычайными полномочиями флигель-адъютантов Герценштвейга и Аркаса. Эти лица поразились неготовностью и дурным состоянием обороны Свеаборга. Некоторые вновь построенные батареи были так неправильно поставлены, что надо было удивляться, зачем на них тратились громадные суммы; там же, где батареи действительно нужны были, они отсутствовали. Наиболее сильные Густавсверкские укрепления были до того ненадежны, что с них опасались даже производить стрельбу. Острова, указанные в письме, оказались, действительно, незанятыми и необитаемыми, но очень удобными для занятия их и для действия оттуда по рейду, городу и по всем укреплениям³⁵. На собранном после осмотра Герценштвейгом и Аркасом Свеаборгских укреплений у командовавшего войсками генерала Рокасовского совете решено было постройкой новых батарей и занятием опасных островов, а также более удачным расположением флота обеспечить по возможности крепость от угрожавшей ей опасности³⁶. Вскоре после этого генерал Рокасовский был заменен генерал-адъютантом Бергом.

Для защиты финляндских шхер было, как сказано выше, сформировано две бригады гребной флотилии — одна для обороны участка к востоку от Гельсингфорса и другая к западу.

Центральным пунктом для расположения восточной бригады был избран Роченсальмский рейд, прикрывавшийся единственным, ничтожным по существу, укреплением, фортом Славою³⁷, о котором было упомянуто выше. Для обеспечения расположения здесь флотилии и заготовленных для нее запасов пришлось местными средствами соорудить несколько слабых батарей. Полубатальон гребной флотилии из Роченсальма был направлен к Гельсингфорсу для усиления обороны этого последнего с западной стороны.

Что касается западного отряда флотилии, то он формировался в двух пунктах, в Або и Биернборге. В конце мая, когда Ботнический залив был уже занят неприятельскими крейсерами, Биернборгский отряд, совершив ряд рискованных переходов, прибыл в Або, где вся бригада и расположилась. Отсюда гребная флотилия начала крейсирование по Абовским шхерам, выделив восемь лодок для защиты самого города³⁸. Приписанные к западному отряду флотилии пароходы до 17 июля оставались в Гельсингфорсе, так как до этого времени им не удалось проскользнуть к месту своего назначения по заливу, занятому неприятельским флотом.

На южном берегу Финского залива оборона Нарвы, Ревеля и Риги была предоставлена береговым батареям, и только в Риге за батареями, защищавшими вход в Двину, находилось 16 канонерских лодок.

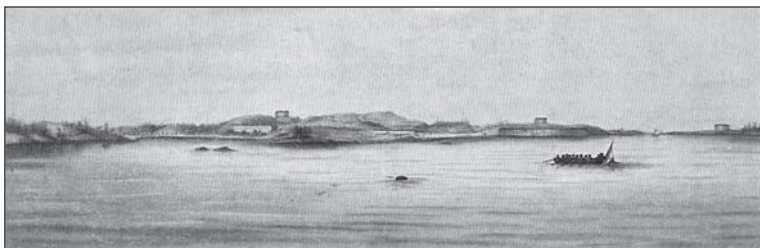
«Здесь у нас все наготове, — писал государь князю Меншикову 19 апреля³⁹. — Море сегодня очищается. Из Ревеля и Свеаборга ничего, и там все готово». С другой стороны военный министр делился с князем Меншиковым следующими строками: «Kronstadt et Sviåborg

sont dans un état suffisamment bon pour recevoir sir C. Napier. Quant aux autres ports et fortifications du littoral de la Baltique, il me semble, entre nous, qu'ils se trouvent un peu dans le genre chinois. Que voulez-vous? En temps de paix nous occupons trop de ce qui n'est guère utile pour la guerre, et une fois la guerre arrivée nous sommes surpris de ne pas y être préparés dignement. En tout cas, je compte sur l'énergie et la bravoure de nos frères d'armes et du peuple en général»⁴⁰. Князь Долгоруков представил этими словами один из редких случаев сознания собственной вины перед царем и родиной.

Если у императора французов в вопросе о Балтийской экспедиции первоначально и существовали какие-нибудь мечты о содействии ее возбуждению общего пожара на нашей западной и северо-западных границах, то в Лондоне с самого начала на эту экспедицию смотрели лишь как на средство уничтожить наше могущество на Балтийском море и подорвать там русскую торговлю.

Еще в июле 1853 года адмирал Непир обращал внимание великобританского правительства на угрожающее положение России на Балтийском море, где она имела всегда готовый к действию флот в 27 линейных кораблей, а в Петербурге сильную армию, «которая, в случае войны, может угрожать берегам Англии в минуту, когда у Англии не найдется сил для отражения удара»⁴¹. Первоначально это заявление не произвело сильного впечатления, но по мере того, как политический горизонт омрачался, а английские агенты сообщали со всех сторон своему правительству преувеличенные сведения о подготовке нашего флота к активным действиям, лондонское адмиралтейство приняло самые решительные меры к полной мобилизации своих морских сил⁴². К началу марта 1854 года на Спидхэдском рейде уже была сосредоточена для отправки в Балтийские воды могущественная эскадра из 10 винтовых кораблей, 15 винтовых фрегатов и корветов, 7 парусных кораблей и 17 пароходно-фрегатов и пароходов, вооруженных 2344 орудиями⁴³. Но эта эскадра была собрана наспех, очень плохо снаряжена и, главное, имела недостаточный, собранный большей частью из подонков экипаж⁴⁴. Во главе экспедиции был поставлен вице-адмирал Непир, имевший в обществе репутацию отважного, энергичного моряка, но находившийся в самых натянутых отношениях с Морским министерством. Непир не оправдал возлагавшихся на него надежд, и Балтийская экспедиция вызвала впоследствии на адмирала сильные нападки английского общества. Вся эскадра была подразделена на три дивизии, которыми командовали контр-адмиралы Шад (Chads), Корри (Corry) и Плумридж (Plumridge).

Бульшая и лучшая часть французского флота была отправлена в Черное море, но император Наполеон не хотел отставать от своих

Общий вид Бомарзунда (Парижский военный архив)

союзников и в Балтийском море, а потому в течение зимы были приложены неимоверные усилия для формирования третьей, Балтийской, эскадры. В нее вошел только один винтовой ступенчатый корабль «Аустерлиц» и 7 мелких паровых судов; кроме того, было парусных 8 кораблей и 7 фрегатов⁴⁵. Эскадра эта была вооружена 1249 орудиями, и на ней находилось около 4 тысяч морской пехоты. Командовал эскадрой вице-адмирал Парсеваль-Дешен. Первоначально французское правительство предполагало отправить в Балтийское море особый десантный корпус еще весной, но отложило эту мысль ввиду того, что Англия желала отправления этого корпуса после первых успехов флота⁴⁶. Вернее, надо полагать, что причина задержки в отправлении десантного корпуса заключалась в той неготовности Франции к большой войне, о которой уже говорилось выше.

Английское общество требовало скорейшего отправления эскадры, которая и отплыла в Балтийские воды 27 февраля (11 марта) до получения окончательного известия о разрыве с Россией. «Я уверен, что все кончится удачной войной, — говорил адмирал Непир на торжественном банкете по случаю его отплытия⁴⁷. — Можно с уверенностью сказать, что наша страна никогда не выставляла такого блестящего флота, как тот, который на днях выступает в Балтийское море». Но застольные речи не соответствовали истинному настроению адмирала, который хорошо видел многочисленные недостатки своего флота, наскоро собранного, малоопытного, бедно снабженного и имевшего мало средств для действий против береговых укреплений⁴⁸. Сила Балтийской эскадры состояла в обилии винтовых судов, что давало ей большое преимущество перед нашим флотом в открытом бою, на что, видимо, и рассчитывал английский адмирал. По плану действий, принятому нами, ему это не могло удалиться, и поэтому предполагавшаяся блестящая Балтийская экспедиция союзникам ничего не дала, что и было справедливо оценено английским обществом.

7 марта в Вингоском проливе (около Готенбурга) Непир распечатал данные ему инструкции, в которых ему указывалось занять

у входа в Балтийское море такую позицию, которая позволяла бы «без всякого замедления исполнять дальнейшие предписания ее величества». Адмиралу вменялось, ввиду неполучения ответа России на ультиматум союзников, избегать всяких неприязненных действий по отношению к русскому флоту, но ни под каким видом не пропускать в Немецкое море ни одного русского корабля. Непир решил выполнить инструкции, заняв со своим флотом позицию у входа в Балтийское море; самостоятельным оставлением Вингоского пролива он заслужил выговор лондонского адмиралтейства.

Английский адмирал решил, пользуясь пребыванием в соседстве Копенгагена, нанести визит датскому королю, но в первый свой приезд королем не был принят под предлогом болезни. Вообще неоднократные попытки союзных адмиралов привлечь на свою сторону правителей Дании и Швеции в 1854 году не достигли положительных результатов⁴⁹.

12 марта английская эскадра прибыла в Киль, а 20-го — в Киогей на восточном берегу острова Зеланд, где было получено известие об объявлении войны. 23 марта адмирал Плумридж был выслан с отрядом из четырех винтовых судов на рекогносцировку окрестностей Гангутского мыса и небольшого Дротнингбергского поста. 25-го к эскадре Непира присоединился и единственный пока представитель французского флота — винтовой корабль «Аустерлиц».

31 марта, получив донесение от разведывательного отряда, что Финский залив свободен от льда до Гельсингфорса и что русских судов в Балтийском порту, в Ревеле и в море не обнаружено, Непир направился к востоку. 2 апреля адмирал Корри со своей дивизией (9 судов) был оставлен между Дагер-Ортом и Гувудскером, чтобы задерживать на этой линии все суда; остальная же эскадра держала направление к Финскому заливу. Погода не благоприятствовала плаванию новой армады, и у берегов неприятеля «неопытность флота стала очевидной»⁵⁰. Часть эскадры, под личным начальством Непира, дошла до устья Финского залива, но оставаться там в дурную погоду было сочтено опасным, почему она пошла назад и 9 апреля бросила якорь в шведской гавани Эльфенабен, близ Стокгольма.

Все донесения Непира с тех пор, как он покинул Англию, были полны жалоб на его тяжелое положение, на состояние экипажа, на недостаток в лоцманах и в хороших офицерах. Он жаловался, что не имел возможности ознакомиться с Аландскими островами и не мог уговорить ни одного датского, шведского и норвежского офицера поступить к нему на службу.

В свою очередь, первый лорд адмиралтейства рекомендовал Непиру не заботиться пока о Бомарзунде, если он не вполне уверен в безопасности нападения на Аландские острова под прикрытием блокадной эскадры. Бомарзунд не уйдет из рук союзников и всегда

Схема № 58

доступен для атаки, лишь бы было прервано сообщение между ним и Або. Английскому адмиралу первым долгом рекомендовалось упрочить свое положение в Финском заливе, но Непир не должен был видеть в этом совете намека на атаку Свеаборга или Кронштадта. Напротив, ему рекомендовалось, ввиду отсутствия десантных войск, дважды подумать, раньше чем атаковать эти крепости и находившуюся в них эскадру, которая вряд ли сделает глупость выйти раньше, чем Непир не понесет больших потерь в напрасных действиях против гранитных верков. В заключение адмиралу указывалось избрать такую позицию, с которой он мог бы наблюдать за гаванями обоих берегов, но не углубляться внутрь залива ранее, чем погода будет вполне благоприятна для такого маневра⁵¹.

С 23 апреля и до середины мая эскадра крейсировала между Ганге и Готландом, не решаясь предпринять что-либо серьезное против наших берегов, так как кроме уже отмеченных на ней недочетов она страдала от недостатка канонерских лодок, малых судов и артиллерийских снарядов. Эти последние приказано было беречь, чтобы «избежать упреков артиллерийскому управлению

за то, что оно до такой степени сократило запасы». Английским морякам приходилось успокаивать общественное мнение страны, ожидавшей от своих моряков великих подвигов, грабежом беззащитных коммерческих судов и прибрежных селений⁵². И в этом отношении недостатка в трофеях, в особенности в начале кампании, не было⁵³.

Эскадра по-прежнему оставалась разделенной на три части, из которых дивизия Корри оставалась в Готском проливе, дивизия Плумриджа крейсировала в Ботническом заливе, несколько судов было отправлено на разведку Курляндского берега, а Непир, оставив при себе 6 линейных кораблей, 2 блок-корабля, 2 фрегата и 2 колесных парохода, держался в западной части Финского залива. Смысл такого сокращения последней части эскадры надо искать в уверенности английского адмирала, что слабость его сил сравнительно с русским флотом поможет выманить последних в открытое море, в котором Непир, несмотря на все недостатки своего флота, рассчитывал решительно разбить своего врага⁵⁴. Русские, по словам англичан, не попались на эту удочку и предоставили Непиру крейсировать без дела.

Но если большими кораблями, число которых к этому времени увеличилось еще кораблем «Majestic»⁵⁵, ничего не было предпринято, то малые суда не бездействовали.

Небольшие отряды из паровых фрегатов и других мелкого ранга судов, отделенные от флота, рассеялись вдоль всего восточного берега Балтийского моря и по Финскому заливу, до Ревеля.

Первые из отправленных Непиром крейсеров назначались к Либаве и Рижскому порту, но они ни разу не подходили под огонь наших береговых батарей и ограничивались лишь захватом небольших купеческих судов и грабежом скота у прибрежных жителей. Крейсерство около эстляндских и лифляндских берегов носило тот же характер и имело те же результаты.

Тем временем эскадра адмирала Плумриджа в Ботническом заливе «совершала дела, причинявшие русским значительные убытки, но приносившие англичанам мало славы и чести»⁵⁶. Напав на беззащитные города Улеборг и Брагестаdt и безнаказанно их опустошив, Плумридж разделил свой отряд на две части. С одной он лично отправился для поисков к северу, другая же, состоявшая из двух пароходов, под начальством капитана Гласса, направилась на юг и 26 мая подошла к городку Гале-Карлебю. Первоначально англичане выслали переговорную шлюпку с требованием выдачи и истребления находившихся там судов. Получив отказ, капитан Гласс направил к Гале-Карлебю 9 баркасов, вооруженных каждый одним орудием, предполагая, что защитников в городе с 1700 жителями немного. Там действительно было лишь две роты финляндского № 12 линейного батальона, два полевых орудия Выборгской крепост-

ной артиллерии и до ста человек вооруженных горожан. Незначительный отряд этот, прикрытый местностью и загородными постройками, встретил подходившего неприятеля огнем, на который он в свою очередь отвечал. Час спустя англичане отступили в полном беспорядке, потеряв баркас, флаг, оружие и 54 человека убитыми, 28 пленными и 21 раненым⁵⁷. После этого Плумридж покинул Ботнический залив, истребив, согласно донесению Непира, 46 судов и на 4 миллиона рублей запасов: дегтя, смолы, дерева и корабельных принадлежностей.

Одновременно с действиями в Ботническом заливе английский флот проник в наши Аландские и Финляндские шхеры. Отделенный Непиром отряд из винтовых фрегата и парохода 7 мая появился на внешнем Гангутском рейде и, делая промеры шедшим впереди баркасом, стал медленно продвигаться к Витсандскому проливу, который вел к г. Экенесу⁵⁸. Генерал Рамзай, заведовавший обороной этой части финского побережья, мог сосредоточить для защиты подступов к городу только роту финских стрелков, две роты гренадер и дивизион батарейной батареи. 50 гренадер под командой подпоручика Гюллинга укрылись на лесистом берегу у станции Лапвиг, где залив наиболее суживается, а остальные части растянулись до станции Трольбёзе. В 4 часа дня, когда неприятель приблизился на 300 шагов, Гюллинг открыл сильный огонь и, поранив бульшую часть людей на баркасе, принудил его отойти. Но паровые суда продолжали движение вперед, открыв огонь гранатами и картечью. Подойдя к самому узкому месту пролива у острова Гуль-э, неприятель остановился на ночлег на расстоянии дальнего пушечного выстрела от нашей береговой батареи. Батарея эта была вооружена четырьмя 12-фунтовыми пушками, спешно направленными туда в конце апреля комендантом Гангута; за несколько часов до боя их усилил еще дивизион батарейной батареи. 8-го числа в 5 часов утра неприятель продолжал наступление. Первоначально береговая батарея действовала удачно и нанесла противнику вред, так как он на целый час приостановил свое наступление. Но затем неприятель открыл сильный огонь из всех орудий левого борта обоих судов и заставил нашу батарею замолчать, а полевые орудия переехать на позицию к д. Лексваль. Стрелки же остались на своих местах. Английский пароход начал продвигаться к городу, но следовавший сзади фрегат приткнулся к мели, и пароход вернулся к нему на помощь, прикрываясь от огня наших орудий у д. Лексваль корпусом захваченного им судна с солью. Этим, собственно, и окончилась попытка захвата Экенеса, стоившая нам убитыми майора Дергачева и 3 нижних чинов и ранеными 6 человек. Англичане определяют свои потери в 11 человек⁵⁹.

Все это маленькое дело выросло на столбцах европейской печати в блестящий подвиг англичан, разбивших и разогнавших целые

полки русских войск и взявших с сильной батареи у Витсанда три орудия. В действительности же был захвачен с купеческого судна один фальконет, служивший там для салютной стрельбы.

Эскадра адмирала Шар, при которой находился и Непир, 8 мая подошла к Гангутскому полуострову и бросила якорь вне зоны огня наших передовых укреплений. Непир доносил, что на берегу кроме фортов нами было возведено множество прекрасно маскированных батарей⁶⁰. Он полагал, что разрушить эти форты и завладеть батареями было нетрудно, но ввиду невозможности удержать их рекомендовал отказаться от такого предприятия. Из Лондона адмиралу телеграфировали, что правительство присоединяется к мнению Непира, но общественное мнение страны не понимает выгоды сохранения в целости русских укреплений и считает это более славным делом, чем всю экспедицию адмирала Плумриджа против жалких рыбаков и невооруженных городов. Вследствие ли этой переписки или же, как доносил Непир, идя навстречу желанию молодых офицеров пострелять против Гангутских фортов, но 10 мая английские суда произвели на них нападение.

А между тем укрепления Гангута в действительности представляли собой несколько устарелых гранитных верков шведских времен, расположенных на материке и на островах. Назначенный туда в апреле комендантом подполковник Моллер донес, что он нашел «инженерные работы в самом жалком состоянии», а гарнизон был силой в 25 офицеров и 1187 строевых нижних чинов. Император Николай также считал Гангут очень слабо укрепленным и не предполагал, чтобы он мог долго противостоять неприятелю, а потерю его считал не важной⁶¹. Англичане атаковали передовые форты Густавсверн и Густавс-Адольф⁶², каждый двумя пароходо-фрегатами. Мы на их огонь могли отвечать с первого только огнем двух орудий и со второго огнем одного орудия. Неприятельские суда подошли очень близко к обоим фортам, но не могли, несмотря на сильный огонь, заставить форты замолчать. После пятиминутной стрельбы два парохода, получив повреждения, должны были уйти, а пароходо-фрегат сел на камень и мог сняться только на другой день утром. Попытка англичан высадиться на одном из маленьких островов и приступить к постройке на нем батареи также не увенчалась успехом; работы были скрыты, и англичане изгнаны. Так кончилась для нас потерей 9 нижних чинов ранеными атака Гангута, на которую, по словам Непира, английские офицеры рвались с невероятной отвагой.

Честь состязания трех устарелых крепостных орудий с четырьмя пароходо-фрегатами в присутствии сильной эскадры принадлежит престарелому коменданту Гангута подполковнику Моллер, раненному еще в Бородинском сражении, и 70-летнему артиллерийскому капитану Семенову. Первый сумел влить дух героизма

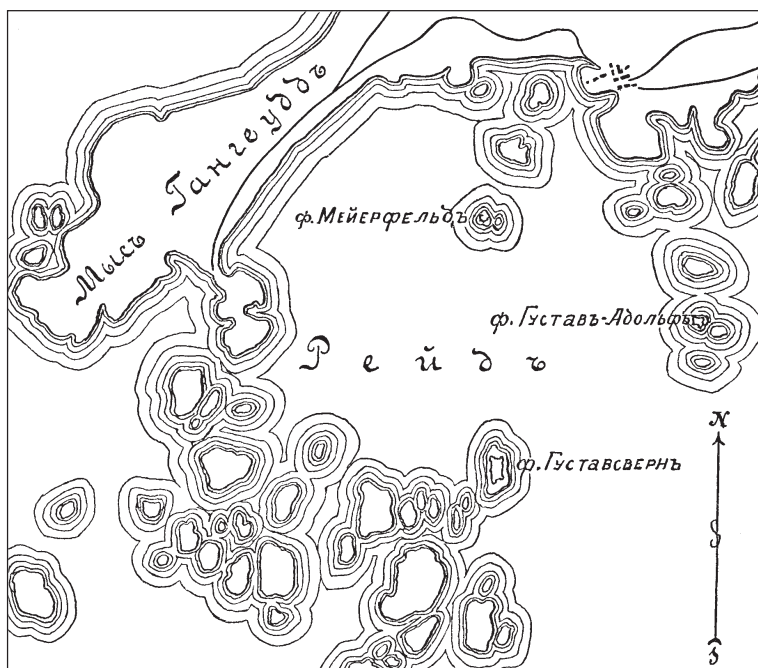

Схема № 59

в маленький гарнизон, а второй, будучи комендантом острова Густавсверн, отверг предложение находившихся в составе наших войск финских офицеров выкинуть белый флаг и заставил отступить неприятельские суда. Государь щедро наградил обоих. Подполковник Моллер был сразу произведен в генерал-майоры.

После неудачи у Гангута английский флот направился к Свеаборгу⁶³.

Между тем французская эскадра адмирала Парсеваль-Дешена с трудом готовилась в Бресте к плаванию. Так как император Наполеон настаивал на скорейшем выходе в море, то 8 (20) апреля эскадра покинула Брест, будучи в полном некомплекте. Только на трех кораблях было полное число экипажа, на остальных же не хватало ни людей, ни продовольствия, ни одежды, и эскадре пришлось остановиться в порту Deal, чтобы хоть несколько привести себя в порядок⁶⁴. 9 (21) мая адмирал Парсеваль прибыл в Киль, где французские суда видел наш консул Кудрявцев и свидетельствовал об очень плохом их состоянии⁶⁵. 30 мая (11 июня) французская эскадра вошла в Финский залив, а 1 (13) июня соединилась с адмиралом Непиром в проливе Боре-зунд, в 30 верстах юго-западнее

Гельсингфорса⁶⁶. Туда же в начале июня прибыла и эскадра Плумриджа, оставив для наблюдения за Ботническим заливом 4 парохода. Всего в Боре-зундском проливе собралось союзного флота, по русским источникам, 65 судов, преимущественно большого ранга, по английским — 47 и по французским — 80 судов, имевших 3652 орудия⁶⁷. Но фактически этот большой флот не представлял собой единого целого, так как начальствование над ним не было объединено в руках одного лица.

Деятельность союзных эскадр после соединения их в Боре-зунде закипела. Винтовые фрегаты и пароходы рассеялись, одни по Паркклаудским шхерам для исследования местности и для поиска лоцманов, другие на простанстве между Паркклаудом, Наргеном, Вульфом и входом в Свеаборг. Они занимались промерами, постановкой вех, которые очень часто снимались прибрежными жителями, и описанием берегов. Более серьезным занятием флота было артиллерийское учение и по временам крейсерство значительных отрядов перед входом в Свеаборг и к юго-западу от острова Нарген. Сделав Паркклауд главным операционным пунктом своего флота, неприятель не обнаруживал никакого намерения к нападению на Ревель и тем более на Свеаборг.

Наш флот оставался в полном недоумении относительно того плана, которым союзники задались в своей Балтийской экспедиции⁶⁸. Да и немудрено, так как определенного плана у них еще не составилось.

8 июня Непир послал в Лондон длинный рапорт о том, что было сделано флотом, и докладывал о возможности сосредоточить всю эскадру вблизи Свеаборга, но что касается входа туда, то, по его словам, это было немыслимо, так как крепость могла быть взята лишь сильным отрядом, занявшим острова своей могущественной артиллерией. Адмирал видел три способа действий для своего флота: 1) оставаться все лето в Боре-зунде и ограничиться блокадой Финского залива, что, конечно, не понравилось бы английскому народу; 2) идти в Кронштадт, предложить русским бой, которого, разумеется, они не примут, и в таком случае атаковать эту крепость, что Непир считал немыслимым, и 3) захватить Аландские острова. Это последнее было более всего по душе английскому адмиралу, но адмирал Парсеваль считал занятие Аландских островов нецелесообразным, атаку же Бомарзунда без достаточного числа войск просто делом невозможным. Ему более всего хотелось появиться перед Кронштадтом и этим на шуметь на всю Европу. Непир присоединился к своему товарищу, и прогулка к Красной Горке была решена. В ответ на отправленный в Лондон рапорт Непир получил неопределенное уведомление, что если он решит воздержаться от какого-нибудь рискованного предприятия, то по возвращении в Боре-зунд он получит инструкции об атаке Аландских островов⁶⁹.

Неопределенные и отчасти даже трусливые действия союзников, лениво крейсировавших и подходивших к берегам лишь на короткое время и в незначительных силах, дали возможность нашей гребной флотилии, и в особенности состоявшим при ней пароходам, переходить с места на место через открытые плесы для лучшего их распределения по обороне шхер. В худшем положении находилась бригада гребной флотилии, сосредоточенная у Або, так как пароходы, к ней приписанные, при открытии навигации не успели прибыть в Або ввиду раннего входа в Финский залив неприятельского флота. Однако, попривыкнув немного к действию союзников, отряд этих пароходов успел совершить смелый переход из Свеаборга в Або на виду неприятельских крейсеров и усилить оборону этого пункта и прилегающих шхер⁷⁰.

12 июня булшая часть неприятельского флота под личным начальством Немира в составе 15 винтовых и 4 парусных кораблей, 14 винтовых фрегатов и пароходов и любительской яхты подошли к острову Сескар⁷¹. В Кронштадте приготовились к отражению атаки. Другая значительная часть судов союзного флота, преимущественно парусных, осталась на якоре у Парклауда, а прочие крейсировали у входа в Ревель, Свеаборг и поддерживали сообщение между отдельными эскадрами. 14 июня эскадра Немира подошла к Красной Горке и продержалась здесь до 23-го числа, разыскивая мины, которые будто бы были разбросаны перед Кронштадтом, и делая промеры. Однако ни одно судно не подходило к нашим батареям ближе 6—7 верст. 23-го Непир ушел от Сескара обратно к Парклауду, донеся своему правительству о невозможности атаковать Кронштадт без поддержки сухопутной армии. Сигнал к отплытию привел, по словам английских историков, в ярость союзный экипаж⁷².

Этой прогулкой, собственно, и окончились все угрозы неприятельского флота Кронштадту, Свеаборгу и Ревелю в 1854 году. Позднее появлялись перед ними лишь отдельные крейсера, которые, впрочем, не мешали даже нашему парусному флоту в свою очередь выходить на крейсерство до Красной Горки и острова Сескар, что имело место 10 июля, 4 и 21 августа⁷³. Впрочем, даже и такое пассивное пребывание англо-французского флота в Балтийском море принесло нам очень много вреда. В ожидании прихода десантных войск мы боялись уменьшить число войск на Балтийском побережье и этим увеличить наши силы на западной и южной границах. «Здесь флоты отошли за Свеаборг и покуда ничего не предпринимали,— писал государь князю Варшавскому⁷⁴.— Выжидают ли они десантных войск, нам положительно неизвестно, и по этой неизвестности не смею оголять Курляндии».

Союзники же, не решаясь предпринять на Балтийском море что-либо серьезное, сознавали в то же время необходимость ознамено-

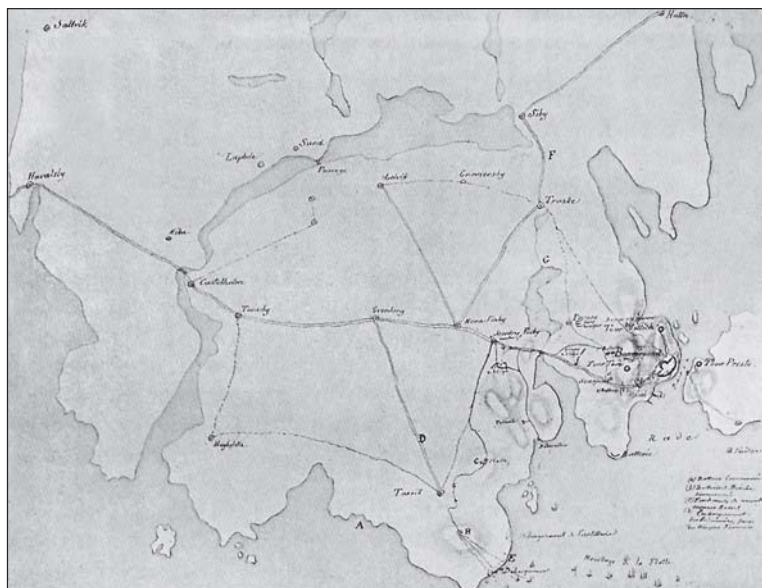

Схема № 52

вать чем-нибудь кампанию 1854 года на этом театре войны. Выбор их, как это уже было видно из приведенных выше переговоров, должен был остановиться на занятии Аландских островов и взятии Бомарзунда — единственная цель, которую они считали соответствовавшей своим силам.

Мы уже говорили о том, что представляли собой укрепления Аландских островов⁷⁵. Широко задуманные в двадцатых годах XIX столетия, они к началу кампании представляли собой лишь пятую часть проектированного и не имели никакой возможности противостоять правильной осаде. На главном острове Аландского архипелага был построен береговой форт, обеспечивавший защиту Бомарзундского пролива и прикрывавший с северной стороны образуемый здесь рейд⁷⁶. Форт этот состоял из каменной двухэтажной сводчатой оборонительной казармы на 2 1/2 тысячи человек, имевшей 115 амбразур. Кроме того, были построены три башни. Две из них на том же острове для обстреливания подхода к Бомарзундскому проливу с севера и подступов к форту с запада на случай произведенной неприятелем высадки. Третья башня находилась на острове Прест-э и вместе с главным фортом предназначалась для обстреливания Бомарзундского пролива. Построенные форты не имели взаимной обороны, а местность вблизи

них образовала массу мертвых пространств, способствовавших безнаказанному приближению к ним атакующего.

Уже во время самой кампании для усиления обороны была возведена южнее главного форта еще одна береговая батарея, вооруженная четырьмя полевыми орудиями.

В предвидении войны с союзниками в Бомарзунд было доставлено 139 орудий, из которых на вооружение форта пошло 66 орудий и на вооружение трех башен 46 орудий, а остальные остались, за отсутствием лафетов, лежать на дворе крепости. Гарнизон состоял из 42 офицеров и 1942 нижних чинов, в числе которых было много ссыльных, штрафников и евреев. Комендантом крепости был 60-летний полковник Бодиско, не обладавший ни широкой боевой подготовкой, ни особой энергией, ни особыми умственными способностями, но всегда отличавшийся усердием по службе и благородством чувств⁷⁷.

Бодиско, так же как и коменданты остальных крепостей, получил для руководства в своих действиях особую инструкцию, составленную комитетом под председательством великого князя Константина Николаевича. В основу этой инструкции легло предположение, что Бомарзунд может подвергнуться лишь нападению неприятельского флота, без высадки войск, а потому коменданту было предложено ограничиться исключительно обороной укреплений.

Исходя из этих предположений, гарнизон Бомарзунда не был своевременно увеличен, а позднее, когда стало известно о направлении союзниками в Балтийское море сильного отряда десантных войск, увеличить его не представлялось возможным, так как море находилось в руках неприятеля. Впрочем, в июле император Николай сделал попытку направить на усиление Аландских островов сорок канонерских лодок и несколько пароходов, но они подошли к Або в то время, когда сообщение с островами было окончательно прервано неприятельским флотом и участия в борьбе принять не могли⁷⁸.

Первые действия против Аланда относятся к 9 июня, когда командир английского пароходо-фрегата «Гекла» капитан Халль, имея под своей командой еще два винтовых 48-орудийных фрегата, решил произвести по собственной инициативе рекогносцировку Бомарзунда. Раздобыв финляндского лодмана, капитан Халль в 5 часов вечера подошел к крепости с южной стороны и начал атаку, обратив весь огонь на временную 4-орудийную батарею, которую к 8 часам вечера ему удалось сбить. После этого суда начали продвигаться далее на север, к главному форту, на который обратили огонь своих дальнобойных орудий. Форт безмолвствовал, пока суда не подошли на близкую дистанцию; тогда гарнизон открыл огонь калеными ядрами. Пожар на одном из фрегатов, подбитая корма другого судна и раздробленное колесо парохода заставили неприятеля удалиться, не причинив форту никакого существенного повреждения.

Донося о своем подвиге, капитан Халль уверял, что если немедленно воспользоваться достигнутым успехом, то Аландскими островами можно завладеть почти без потерь⁷⁹. Непир же, донося об этом деле в Лондон, называл поступок Халля сумасшедшей выходкой и присовокуплял, что наши форты далеко не пострадали так сильно, как об этом доносил храбрый капитан. В Лондоне преждевременное нападение на Бомарзунд также было встречено несочувственно; там боялись, чтобы оно ни послужило толчком для усиления гарнизона Аландских островов⁸⁰.

Между тем донесения Непира о невозможности для союзного флота предпринять что-либо против Свеаборга и Кронштадта заставили правительства западных держав остановиться на овладении Бомарзундом, так как «пребывание союзных флотов в Балтийском море должно быть ознаменовано каким-нибудь результатом».

Мнение Непира, что завладеть Аландскими островами возможно лишь при содействии 10-тысячного десанта, заставило императора Наполеона отправить в Балтийское море в дополнение к имевшейся на судах морской пехоте еще особый отряд в 6 тысяч человек⁸¹. Во главе этих десантных войск был поставлен генерал Барагэ д'Илье, бывший до того времени послом в Константинополе. Несогласие там с лордом Редклифом, а также желание вознаградить старого генерала за его несбывшееся ожидание стать во главе восточной армии остановило на нем выбор Наполеона. Начальником инженеров был назначен генерал Ниель.

Между тем Балтийская эскадра союзников в составе 42 кораблей отплыла 6 июля из Борезунда к Аланду и 9 июля прибыла к Ледзунду, очень удобному рейду между островом Лемландом (Аландской группы) и множеством мелких островков к югу и к западу от первого. Сюда же прибыли эскадры Корри⁸² и Плумриджа. 10-го суда Корри получили назначение наблюдать за русским флотом в Свеаборге и Кронштадте, эскадра Плумриджа отрезать Аландские острова от Або, а адмирал Шад со своими судами должен был их блокировать. С этой минуты сообщение с Бомарзундом было прервано, и до его падения мы не имели оттуда никаких сведений.

Последний, кто дал весть об осажденном гарнизоне, был адъютант военного министра ротмистр Шеншин, отправленный туда государем для раздачи наград за бомбардирование 9 июня и для вручения коменданту последних инструкций. В них указывалось, в случае невозможности удержать форт, вывести гарнизон, взорвать укрепления, истребить запасы и повредить орудия. Для отступления делалось три предположения: или перейти в башни, или уйти внутрь острова и начать партизанскую войну, или, наконец, скрытно переправиться в Або, если успеют подойти канонерские лодки и пароходы. Все эти предположения исходили, как видно, из уверенности, что неприятель нападет на Бомарзунд

с моря, а с суши станет действовать лишь небольшая часть вооруженных матросов.

Шеншин, исполнив свое поручение, покинул Аланд, переодетый рыбаком, и через Швецию вернулся в Петербург. «Бедный гарнизон Аланда, — писал он графу Орлову по возвращении в Петербург⁸³, — выдерживает, может быть, последний натиск. Погибнет он с честью, но погибнет; и то, что для него были батареи, тем ему суждено быть для России — сначала полезная, хотя и временная защита, а потом неизбежная жертва. При всей слаботи недокопченных Аландских укреплений, внутренние кирпичные стены которых подвержены выстрелам с моря, они в продолжение месяца сосредоточивают на себе внимание двух соединенных флотов и тем, может быть, приносят относительную пользу».

18 июля в Балтийское море прибыл отряд генерала Барагэ д'Илье, и союзники сосредоточили против Бомарзунда до 13 000 десантного войска. После рекогносцировки наших укреплений был собран военный совет для окончательного определения плана предстоявших действий.

Та часть Аланда, на которой были построены наши укрепления, граничила на западе с рядом озер, отделявшим остальную, большую часть острова. Барагэ д'Илье поставил себе первоначальной целью отрезать наши сообщения с островом, для чего надо было занять существующие через озера переправы у деревень Кастельхольма и Зунда, а также деревню Сиби, прикрывавшую короткий перешеек между озерами и морем. Во исполнение этого плана были намечены для высадки два пункта: на севере, у д. Хальта, должны были высадиться 900 англичан и 2000 французской морской пехоты, после чего они начинали наступление к Бомарзунду с целью занять перешеек между д. Сиби и морем, далее продвинуться к озеру Пернос, около деревни того же наименования, и отсюда войти в связь с французами, которые должны были наступать с юга от Танвика. Второй пункт для высадки был намечен на юге от Бомарзунда, около полуострова Танвик, на который французские войска высаживались одновременно с восточной, южной и юго-западной сторон. Отсюда они направлялись на Нона-Финби и Содра-Финби, где входили в связь с отрядом, высадившимся у Хальты, и высылали авангарды к Кастельгомской и Зундской переправам.

26 июля (7 августа) эта диспозиция была утверждена, и союзники начали свою беспрепятственную высадку, а 27-го десантные войска перешли к деревне Финби, в трех верстах от крепости, и этим завершили полную ее осаду. Генерал Бодиско⁸⁴ совершенно не препятствовал такому движению, очистив заблаговременно береговую батарею на 4 орудия, вновь восстановленную после бомбардировки 9 июня, и две батареи, поставленные на дороге у д. Финби.

Видя, что гарнизон заперся в укреплениях, союзники решили овладеть ими, начиная с башни С⁸⁵, расположенной на командующих высотах, по дороге от главного форта на д. Финби. Эта казематированная двухъярусная башня стояла совершенно одиноко, причем местность благоприятствовала скрытым подступам атакующего. Она была вооружена лишь 10 орудиями и имела гарнизон в 140 человек. Еще 27 июля французы пытались взять башню, но атака их была отбита. Тогда они начали строить батареи и обстреливать башню, причем для гарнизона был особенно пагубным навесный огонь. Наша артиллерия первоначально успешно боролась с неприятелем и днем разрушала фортификационные работы, сделанные французами за ночь. Тем не менее к 1 августа союзникам удалось получить перевес в артиллерийском огне, и башня была так повреждена, что ежеминутно можно было ожидать взрыва порохового погреба. Комендант башни просил помощи у генерала Бодиско, но, не получив ее, разрешил в ночь на 2 августа гарнизону уходить в главный форт, а сам с 30 нижними чинами остался приготовить все к взрыву башни. Не успев в этой работе, он 2 августа был захвачен в плен. Впрочем, 3 августа башня была разрушена нашими снарядами с главного форта.

Падение башни С явилось для союзников большим шагом вперед при осаде Бомарзундских укреплений. Они вслед за этим обратили свои действия против северной башни у Нотвика. Она была вооружена 18 орудиями и имела гарнизон из 3 офицеров и 181 нижнего чина. Большее число орудий действовало к стороне моря, а союзники повели атаку со стороны высот, против которых башня могла стрелять только из нескольких орудий. Союзники действовали с расстояния в 900 шагов из двух английских батарей — открытой пушечной, вооруженной шестью 32-фунтовыми орудиями, и маскированной мортирной. Обстреливали башню и корабли, но огонь их не приносил никакого вреда. Наш огонь, по свидетельству англичан, наносил им весьма существенные потери, но к вечеру 3 августа в башне была пробита такая брешь, что она грозила развалиться и придавить защитников. Дальнейшее сопротивление было бесполезно, отступление было невозможно, так как французы отрезали башню от главного форта, и вечером защитниками был выкинут белый флаг.

В то время как десантные войска действовали против башен С и Нотвикской, флот громил главный Бомарзундский форт первоначально огнем 8 судов, а после взрыва башни С перекрестным огнем с 16 судов с южного и северного плесов. Со стороны моря форт представлял наибольшую силу и до 3 (15) августа успешно боролся с неприятелем, повредив несколько его судов и понеся сам относительно незначительные повреждения. Но после падения обеих башен союзники окружили своими батареями форт со стороны

башне самые незначительные повреждения. Тем временем на главном форте был выкинут белый флаг. Гарнизон башни все-таки решил не сдаваться. Но, получив приказание коменданта о сдаче и видя приближение к башне значительного числа неприятельских судов и десанта, гарнизон Прест-э сдался, поставив победителям свои условия, которые и были приняты.

Вся наша потеря за время осады состояла из 53 убитых и 36 тяжелораненых. Союзники, по их сведениям, потеряли 120 человек. Подпоручик Гаделли, посланный на Аланд после оставления его англо-французами для собирания сведений о падении Бомарзунда, определяет наши потери в 150 человек, а потери союзников от 300 до 400 человек⁸⁶. Кроме того, союзники понесли большие потери от холеры. К концу августа они лишились от этой болезни до 1300 человек⁸⁷.

Англичане предложили Швеции вступить во владение Аландскими островами, но, получив отказ, взорвали 20 августа башни Нотвика и Прест-э, а 22-го числа и главный форт. 2 сентября последний неприятельский отряд покинул остров Аланд, и там вновь водворилась русская власть. Пленный гарнизон был отправлен в Англию и Францию. После заключения мира комендант и офицеры были преданы суду за сдачу крепости. Суд признал, что белый флаг был выкинут только ввиду бесполезности дальнейшего сопротивления и вследствие крайней необходимости и что гарнизон исполнял свои обязанности по долгу чести и присяги⁸⁸.

Взятие Бомарзунда было единственным реальным успехом союзников на Балтийском море, и потому они постарались придать своему успеху вид занятия чуть ли не первоклассной русской крепости. Это было единственное средство оправдать в глазах общественного мнения как безрезультатное плавание в течение целого лета большого союзного флота в Балтийском море, так и бесцельное отправление туда 12-тысячного французского десанта.

Хотя генерал Барагэ д'Илье и получил за Бомарзундскую экспедицию маршальский жезл, но это не помогло, и вскоре вся Балтийская экспедиция представилась в Англии и Франции во всей своей ничтожной действительности⁸⁹.

Что касается Петербурга, то падение Аландских укреплений не произвело в нем сильного впечатления. С тех пор, как стало известно о прибытии в Балтийское море десантных войск, участь этих укреплений была решена. Они могли противостоять, и то с трудом, атаке с моря, но не с суши. Единственную попытку, которую предполагали сделать для усиления обороны Аландских укреплений, это намерение отправить туда отряд канонерских лодок. Но и это намерение, как известно, не было приведено в исполнение, так как к тому времени, когда предназначенные для этой цели лодки сосредотачивались к Або, путь к Аланду был уже отрезан неприят-

тельским флотом. «Союзный десант уже подошел к Аланду, — писал государь князю Меншикову⁹⁰. — Гарнизон в добром духе и, я надеюсь, продержится дней десять; потом что Бог определит. Говорят, что намерение, овладев Аландом, атаковать нас в Свеаборге и здесь. Увидим и на милосердие Божие надеемся спокойно». После падения Бомарзунда государь уведомлял Меншикова, что «Аланд пал с честью»⁹¹; военный же министр присовокуплял, что, по его мнению, он мог держаться дольше и принести больше вреда неприятелю².

Подвигами у Аландских островов собственно закончилась активная деятельность неприятельского флота на Балтийском море. 10 августа часть эскадры подходила к Або, но, встреченная огнем батареи острова Рунсала и канонерских лодок⁹³, ушла в море⁹⁴. После этого английский флот долго стоял перед Ревелем, но также не предпринял ничего серьезного. Французская эскадра вскоре после взятия Бомарзунда покинула Балтийское море, а Непир, несмотря на приказание из Лондона атаковать Свеаборг с моря, не решился этого сделать. Что касается Ревеля, то Непир находил его настолько сильно занятым, что «атаковать его со стороны моря было делом опасным»⁹⁵. С 16 сентября неприятельский флот начал частями оставлять Финский залив⁹⁶, посылая все-таки крейсера на восток до острова Гогланд. В конце ноября из Балтийского моря ушли последние неприятельские суда. Непир вернулся в Лондон, где был принят весьма холодно, и получил предписание спустить свой флаг. Балтийская кампания вызвала сильное негодование общественности, которая укоряла старого адмирала в бездействии, а этот последний в свою очередь укорял лондонское адмиралтейство в отсутствии какой-либо подготовки операции⁹⁷.

Петербург не волновался от присутствия вблизи столицы многочисленного союзного флота. Жизнь шла все тем же обыденным темпом, а Петергоф и Ораниенбаум были наполнены дачниками, как и в обыденное мирное время. Присутствие в Петергофе государя и вера в Кронштадт сделали свое дело. Для дачного общества явилось, впрочем, новое развлечение — ездить на пароходах в Кронштадт, производить с патриотическими манифестациями обезд наших судов или же совершать пикники на Красную Горку, откуда был виден неприятельский флот. Он сначала внушал посетителям чувство любопытства с примесью некоторого страха, позднее только одно любопытство, а потом и совсем перестал интересовать кого-либо.

Но наряду с этим спокойным состоянием части нашего общества русский народ очень близко принимал к сердцу свершавшиеся события. Говор в Москве неумолкаемо требовал драться, идти напролом; на больших дорогах ямщики читали газеты, в деревнях лакеи интересовались новостями. Общество встрепетнулось, и его

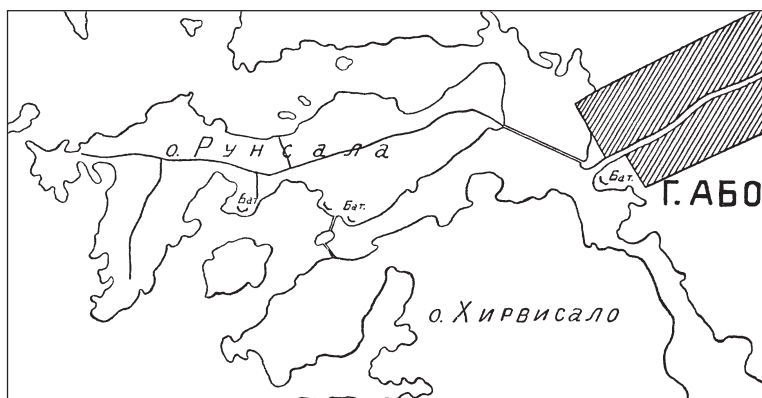

Схема № 60

интерес к политической жизни начал проявляться в многочисленных записках, стихах, письмах профессоров, унтер-офицеров, крестьян. Чувствовалось, что возбуждение охватило все уголки России и потребует какого-либо выхода. Народ был до того наэлектризован, что готов был пожертвовать всем своим достоинством по первому требованию царя... И многие удивлялись уступчивости государя... Между ним и Россией стояла стена ближайших его сотрудников, в которых он уже переставал верить, но которые все-таки не дали возможности государю почувствовать настоящее биение пульса его народа, столь схожего с мыслями и волей самого царя.

В то же время часть русского общества, тяготившаяся направлением внутренней политики императора Николая, высказывала мнение, что с нагрянувшими бедами следует бороться привлечением к деятельности общественных сил, которые выдвинут вверх лучших деятелей с благородными стремлениями. «Мы утратили, — писалось в их лагере, — доверие к нашей непобедимости, к обилию наших средств и к самой твердости характера нашего государя. Но во всяком случае мы дешево не уступим, и чем сильнее поражение, тем глубже восчувствуем его и тем сильнее воспрянем». В тяжелых внешних испытаниях видели залог будущих либеральных преобразований. «Временные успехи Запада, — говорили они, — не останутся для нас без пользы: они укажут нам ошибки наши в прошедшем и лучшие пути в будущем, внеся в народ новые понятия, новые требования и сознание своей самостоятельности».

Внутреннее состояние государя за это время читателю видно из тех многочисленных писем императора Николая, которые приводятся в настоящем труде.

Внешне же он по-прежнему казался спокойным. Все так же прямо и величественно держался он при публике, голова его по-прежнему плавно и приветливо склонялась в ответ на низжайшие поклоны толпы, и на выходах он так же спокойно и громко разговаривал о малозначащих предметах и шутил. Но желтое, исхудалое лицо государя обличало, по свидетельству очевидцев, кипевшие в душе его скорбь и раздражение⁹⁸. «Угрожают нам все десантами, то на Аланд, то на Гельсингфорс, то сюда, — писал император Николай князю Меншикову⁹⁹. — Мы, по возможности, везде готовы; это тревожное состояние довольно хлопотно и тяжело... Канальство австрийцев продолжается и ставит нас в самое затруднительное положение... Но здесь никто не унывает; одному мне и распорядителям тяжело».

Осенью 1853 года, еще до разрыва с западными державами, в воды Дальнего Востока были посланы нами фрегаты «Аврора», «Диана» и «Паллада», корвет «Оливуца», шхуна «Восток» и транспорты «Князь Меншиков» и «Двина». Они предназначались для защиты устья Амура и берегов Камчатки и везли туда боевые припасы. Эти небольшие, разбросанные в разных пунктах Тихого и Индийского океанов суда внушили Англии опасение за ее торговлю и сообщение с Индией, Китаем и Австрией, почему была сформирована эскадра контр-адмирала Прейса, которой было поручено следить за русскими судами.

Тяжелое положение наших моряков в водах Дальнего Востока возникло еще до окончательного разрыва между Россией и западными державами.

Адмирал Прейс при встрече с нашими судами в портах прибегал к обычным у англичан мерам обезвреживания неприятного ему соседа. Чувствуя, что война возгорится, он не считал необходимым считаться с Россией и потому прибегал к попыткам обезоружить наши суда, не выпускать их из портов и проч. Такое поведение англичан заставило наших моряков быть осторожными, избегать с ними встречи, и этим, собственно, суда наши спаслись от верной гибели, так как известие о войне было получено эскадрой адмирала Прейса на три месяца раньше, чем узнали об этом наши моряки.

Вспыхнувшая война обуяла страхом английские колонии и в особенности Индию. Наши разбросанные малосильные суда представлялись им грозной эскадрой, и пресса преклонялась «перед могуществом и энергией России, которая могла так далеко отправить свои военные корабли и вызвать тревогу в двух величайших морских державах мира»¹⁰⁰. От адмирала Прейса общественность требовала уничтожить русские суда и успокоить колонии. Его эскадра была усилена еще французским отрядом адмирала де Пуанта, так что она представляла силу в 8 судов, вооруженных 258 орудиями.

Контр-адмиралу Прейсу не по силам было справиться с возложенной на него задачей. Это был человек, участвовавший в молодости своей в морских боях, но с тех пор не занимавший чуть ли не сорок лет самостоятельного поста. Слабохарактерный, безвольный, он находился под гнетом ответственности за свою эскадру, медлил и упустил все наши суда.

В начале июля «Аврора» и «Двина» благополучно достигли Петропавловска, а остальные присоединились к отряду адмирала Путятина, охранявшему устья Амура. Обстановка для союзников изменилась, им приходилось уже атаковать наши суда под прикрытием берегов, и это так подействовало на слабохарактерного Прейса, что при подходе его эскадры к Петропавловску он лишил себя жизни. Союзники, несмотря на это, решили атаковать Петропавловск.

Этот незначительный городок был расположен на берегу Авачинской губы, на высотах, окруженных с севера большим озером, а с юга Петропавловской губой. Губернатор города генерал-майор Завойко с весны начал принимать меры к обороне порта постройкой батарей и вооружением их орудиями, привезенными транспортом «Двина». 14 июля было получено известие о разрыве с западными державами, и тогда Завойко решил усилить оборону порта фрегатом «Аврора», употребив орудия одного борта этого фрегата на вооружение батарей¹⁰¹.

Ко дню подхода союзной эскадры были вооружены: батарея № 1 на Сигнальной горе пятью орудиями — три 36-фунтовых и два бомбических 2-пудовых (гарнизон — 1 оф. и 63 н. ч.); батарея № 2 на Кошке одиннадцатью орудиями — десять 36-фунтовых и одно 24-фунтовое (гарнизон — 1 оф. и 128 н. ч.); батарея № 3 на перешейке пятью орудиями 24-фунтовыми (гарнизон — 1 оф. и 51 н. ч.); батарея № 4 к югу от Петропавловска, у Красного Яра, тремя 24-фунтовыми орудиями (гарнизон — 1 оф. и 29 н. ч.); батарея № 5 на левом берегу Малой губы, против перешейка, пятью старыми медными орудиями (на этой батарее совершенно не было прислуги, и она оставалась в бездействии); батарея № 6 на озере четырьмя 18-фунтовыми и шестью 6-фунтовыми орудиями (гарнизон — 1 оф. и 31 н. ч.), и, наконец, батарея № 7 у рыбного сарая пятью орудиями 24-фунтовыми кал. с гарнизоном в 49 человек при одном офицере. Для отражения десанта имелось еще одно полевое орудие. На батареях находилось по 37 снарядов на орудие. Кроме того, фрегат «Аврора» и транспорт «Двина» были поставлены в Петропавловской губе, за отмелью, своими вооруженными левыми бортами к морю.

Таким образом, наиболее сильно был защищен вход в Петропавловскую губу, который обстреливался батареями № 1, 2 и 4, «Авророй» и «Двиной».

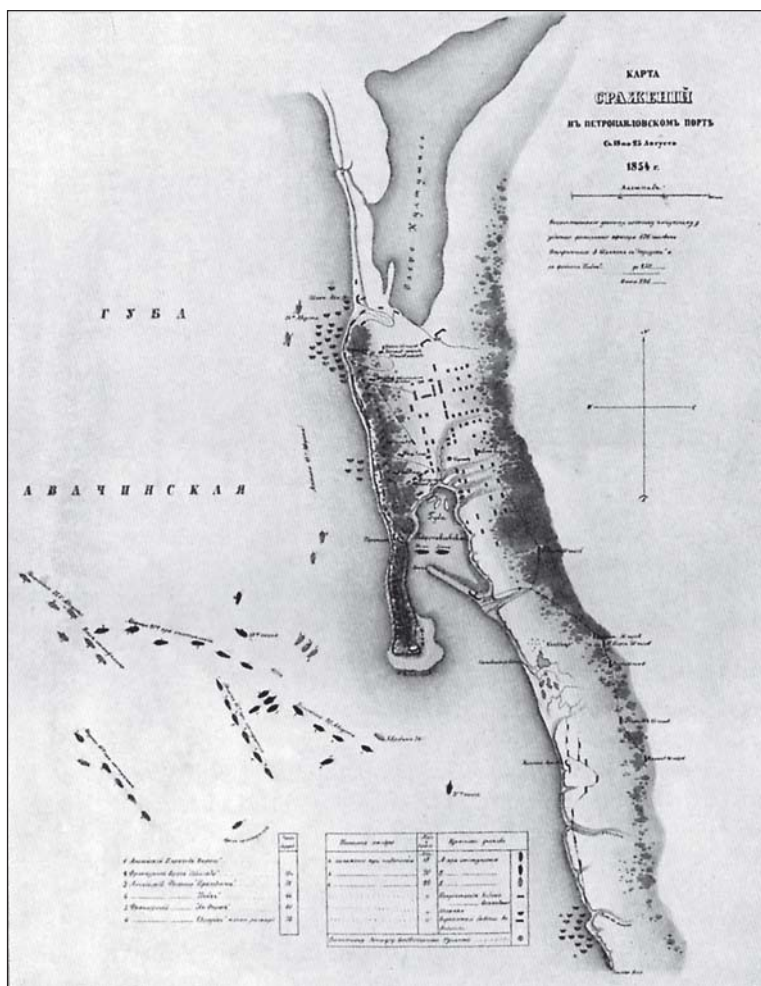

Схема № 50

Большой недостаток в нижних чинах ощущался в гарнизоне. Пришлось свезти на берег часть судовых команд, вооружить писарей, чиновников, горожан, жителей, и при этом услови набралось всего защитников Петропавловска, включая сюда и экипажи судов, 42 офицера и 879 нижних чинов и волонтеров.

Для отражения десанта было образовано несколько стрелковых и волонтерных отрядов, которые генерал Завойко решил держать

сосредоточенно в центре, чтобы иметь возможность бросить в том направлении, где появится десант. На батареях было оставлено лишь необходимое количество прислуги. Но этот малочисленный гарнизон был бодр духом и решил дорого продать свою жизнь.

17 августа неприятельский пароход подошел к Петропавловску под американским флагом для производства рекогносцировки, а 18-го эскадра из шести судов¹⁰² адмиралов Прейса и де Пуанта, вооруженных 204 орудиями, вошла в Авачинскую губу.

Как только она поравнялась с Сигнальной горой, то была встречена огнем батарей № 1, 2 и 4, причем до неприятельских судов долетали лишь снаряды с батареи № 1. Ответив несколькими безрезультатными выстрелами, союзная эскадра отошла из-под огня береговых батарей и стала на якорь. На следующий день неприятель бездействовал, и была лишь незначительная перестрелка между английским пароходом и фрегатом «Аврора». 20 августа с утра было заметно приготовление неприятеля к производству десанта. Генерал Завойко очень опасался за батарею № 4, которая была удалена от остальных укреплений и на которую за недостатком численности гарнизона нельзя было отрядить прикрытия.

Однако 20-го утром, ожидая нападения именно на эту батарею, Завойко расположил в кустах между ней и батареей № 2 стрелковый отряд в 49 человек и 18 волонтеров. Отрядам было приказано не тратить времени на стрельбу, а прогонять неприятеля штыками и драться до последней капли крови. «Авроре» и «Двине» также было указано защищаться до последней крайности, а потом зажечь суда.

На рассвете 20 августа союзный десант начал садиться на суда, и общее движение неприятельской эскадры давало право нам предполагать, что союзники намерены предпринять решительное нападение.

В половине восьмого утра, в то время когда на батарее № 1 служилось молебствие, неприятель открыл по ней сильный огонь, и пароход, взяв на буксир фрегаты «Президент», «Форт» и «Пик», начал приближаться к Сигнальному мысу. Гарнизон, стоявший на батареях, встретил приближение противника громовыми криками «ура!». К 9 часам утра неприятельские суда расположились против Сигнальной горы таким образом, что могли обстреливать фронтальным и продольным огнем наиболее опасную для них, вооруженную бомбическими орудиями батарею № 1, не подвергаясь сами огню со стороны остальных наших батарей и судов. Батарея наша сильно страдала от сосредоточенного огня трех фрегатов, и около 11 часов утра была нами временно оставлена, а ее команда направлена к батарее № 4.

В это время 15 гребных судов с неприятельским десантом численностью около 600 человек направились к мысу, что южнее батареи № 4. Генерал Завойко, видя неминуемую опасность

для этой батареи, приказал гарнизон неатакованных частей уменьшить до последней крайности и все остальное сосредоточить у батареи № 2, чтобы защищать с этой стороны город в случае падения батареи № 4 и наступления оттуда неприятеля.

Мичман Попов, командовавший этой последней батареей, очень удачно наносил огневые удары по приближавшимся судам, но помешать высадке не мог, так как место десантирования было прикрито от его выстрелов. По счастливой случайности сам Попов от сильного неприятельского огня не потерял ни одного человека. Когда союзники, высадившись, начали с юга наступать на батарею, то Попов, спрятав в заранее приготовленное место оставшийся порох, сделал еще по одному выстрелу из каждого орудия и, заклепав их, начал отступать на север в кусты к находившимся там стрелкам. Союзники завладели батареей и подняли на ней французский флаг, но были быстро прогнаны огнем «Авроры» и «Двины», после чего покинули берег.

Тем временем неприятельские фрегаты сосредоточили весь свой огонь на батарее № 2, которая мешала им атаковать наши суда. Князь Максutow, командовавший батареей, с замечательным хладнокровием руководил огнем, и в 6 часов вечера фрегаты отошли, не имея возможности заставить замолчать батарею.

В продолжение этого боя неприятель делал несколько попыток приблизиться к батарее № 3 и даже высадить вблизи нее десант, но всегда был удачно отбиваем нашим огнем.

В половине восьмого вечера союзники прекратили все свои попытки против Петропавловска и стали на якорь вне зоны выстрелов наших батарей. В бою 20 августа мы потеряли убитыми 6 нижних чинов и ранеными 1 офицера и 12 нижних чинов. О потерях союзников иностранные источники умалчивают; по донесению же генерала Завойко, они превосходили наши, а повреждения в их судах были «немаловажные».

После этого неприятельская эскадра три дня бездействовала по непонятным причинам. Некоторые источники объясняют это тяжелым впечатлением, произведенным на экипаж самоубийством адмирала Прейса, другие — нерешительностью французов, третьи — нерешительностью англичан. Вернее же всего бездействие союзников можно объяснить неожиданным сопротивлением, оказанным гарнизоном Петропавловска 20-го числа, и предположением о большей его силе, чем было в действительности. Но 23 августа из Петропавловска бежало на союзную эскадру несколько американцев, которые открыли ничтожную силу нашего гарнизона и батарей, и союзники назначили на 24-е решительную атаку порта. На этот раз они намеревались попытать счастья с другой, северной стороны Петропавловска. Гарнизон со своей стороны приготовился к упорной обороне.

В половине шестого утра пароход «Вираго» взял на буксир оба флагманских корабля, «Президент» и «Форт», и поставил первый из них против батареи № 3, а второй против батареи № 6. Таким образом, на стороне неприятеля были большие преимущества. 30 орудий «Президента» громили 5 орудий совершенно открытой батареи № 3, а 26 орудий «Форта», совместно с бомбическими орудиями «Вираго», действовали против батареи № 6, которая могла отвечать только тремя орудиями малого калибра. Несмотря на такое неравенство сил, неприятелю дорогой ценой удалось достигнуть перевеса в артиллерийском огне. В особенности хорошо действовала батарея № 3, благодаря героическому поведению ее командира лейтенанта князя Александра МаксUTOва. Когда, наконец, он, сраженный ядром, упал с оторванной рукой, то английские матросы приветствовали гибель этого героя криками «ура!» — так много вреда нанесла им его батарея.

После смертельной раны князя МаксUTOва обе наши батареи скоро замолчали, и союзники могли беспрепятственно начать высадку десанта, скрывтого до того времени за наружным бортом «Вираго». Десант, состоявший из 700 человек французов и англичан, в числе которых было 176 отборных карабинеров, направился к двум пунктам: Никольской горе, составлявшей северный оплот Петропавловска, и влево от нее, для обхода этой горы со стороны озера, по тропинке, указанной американскими моряками.

Генерал Завойко особенно боялся наступления союзников по тропинке со стороны озера, хотя она и прикрывалась слабой батареей № 5, прислугу которой составляли писари и прочие нестроевые. Поэтому все наличные силы гарнизона он решил держать вблизи этой батареи и порохового погреба, отрядив на Никольскую гору, с которой можно было отлично действовать ружейным огнем по десанту, лишь 25 лучших стрелков.

Между тем наступление союзников со стороны озера было остановлено картечным огнем батареи № 6, но Никольскую гору им удалось занять, и, распространившись по хребту, они начали спускаться к небольшой кучке резерва, стоявшего с генералом Завойко у порохового погреба. Казалось, что для Петропавловска пробил последний час. Но в это время три наши стрелковые партии карабкались уже с разных сторон на Никольскую гору и, маскируясь за мелким кустарником, скрытно приближались к зарвавшемуся противнику. Они бросились в штыки, и неприятель, потеряв своих начальников, обратился в бегство к своим судам. Это отступление неприятеля было для него ужасно. Преследуемые близким огнем, союзники бросались со скалы, чтобы скорее достигнуть берега. Особенно досталось им от 16 камчадалов, которые, привыкнув бить бобра в голову, без промаха поражали бежавшего врага. «Вираго» взял на буксир гребные суда с десантом и под прикрытием огня с

«Президента» и «Форта» вышел из-под наших выстрелов. Около полудня дело было покончено с полной неудачей для союзников.

Наши потери в этот день состояли из 31 убитого нижнего чина и раненых 2 офицеров и 63 нижних чинов. Англичане считают потери союзников в 209 человек. Кроме того, нам достался английский флаг, 7 офицерских сабель и 56 ружей.

К 26 августа союзная эскадра была приведена в порядок и покинула место своей неудачи: англичане направились к острову Ван-кунен, а французы отплыли в Сан-Франциско.

Геройское сопротивление Петропавловска, подтверждающее старую военную истину, что бодрость духа и желание вырвать во что бы то ни стало победу из рук врага всегда берут перевес над материальной силой, произвело такое впечатление на союзников, что они в своих донесениях сравнили Петропавловск по силе с Севастополем. Николаевская гора представлялась им усеянной батареями, а подступы к ней фланкированными блокгаузами, которые были вооружены тяжелой артиллерией. Англичане всю вину свалили на американских матросов, давших им неправильные сведения о силе нашего гарнизона и укреплений. «Будь известны трудность подступов и сила гарнизона, — пишет один из участников¹⁰³, — ни один из офицеров не рисковал бы своими людьми в атаке, не имевшей ни малейшего шанса на успех».

В Париже и в особенности в Лондоне Петропавловская экспедиция произвела тяжелое впечатление и действия адмиралов подверглись жестокой критике. Потеряв, в самом деле, массу времени в открытом море, где они могли при смелом нападении рассчитывать на верный и сравнительно легкий успех, они проявили некоторого рода энергию при нападении на русский порт. Но и здесь действия их отличались разрозненностью, нападения производились с промежутками в несколько дней и без твердой решимости довести дело до конца¹⁰⁴.

Не обошлось без нападения союзников и на нашу северную границу — побережье Белого моря. Здесь единственным пунктом, способным хоть к какому-либо сопротивлению, был Архангельск, средства обороны которого находились в весьма жалком состоянии. Сухопутный и морской гарнизон этого пункта состоял всего из 93 офицеров и около 3800 нижних чинов, а вооружение из 53 орудий старой конструкции и калибра, не превосходившего 24-фунтовых пушек, пудовых единорогов и 5-пудовых мортир.

В предвидении войны главный командир Архангельского порта просил о вооружении Новодвинской крепости, в которой не было ни лафетов, ни станков, а также о постройке канонерских лодок и о возобновлении по фарватеру береговых батарей и телеграфов.

Просил он и об увеличении гарнизона, но в этом было решительно отказано¹⁰⁵.

Вслед за получением повеления об усилении обороны подступов к Архангельску работы там начались с неослабной энергией под руководством главного командира Архангельского порта контр-адмирала Бойля.

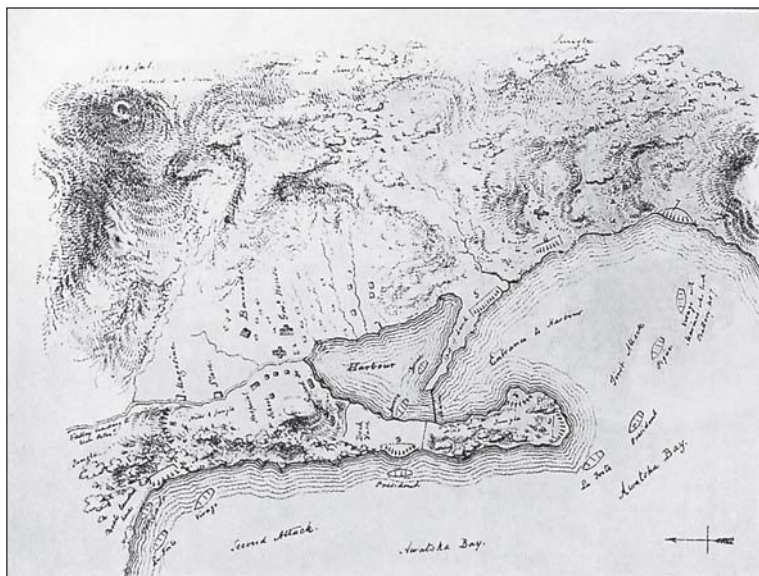
Новодвинская крепость была приведена в оборонительное положение и вооружена 38 орудиями; для обороны же проливов и реки было устроено 11 береговых батарей, вооруженных 52 орудиями и снабженных всеми артиллерийскими принадлежностями¹⁰⁶. Кроме того, были построены 20 канонерских лодок, вооруженных каждая двумя орудиями¹⁰⁷. Лодки эти, сосредоточенные в наиболее важных пунктах, служили подкреплением береговым батареям. Для отражения вылазок была сформирована полевая батарея в шесть орудий, а для обеспечения защиты Соловецкой обители от разбойничьих нападений туда было отправлено 8 орудий шестифунтового калибра, и драгоценности монастыря были вывезены внутрь губернии. Поморам и прибрежным жителям было роздано 3000 казенных ружей с необходимым количеством патронов, и для них были назначены на случай неприятельского нападения сборные пункты. Все остальные прибрежные города были лишены всяких средств борьбы с противником¹⁰⁸.

Действительно, с открытием навигации англичане не замедлили отправить к нашим северным берегам несколько своих судов, чтобы и там «напоминать России о могуществе Англии»¹⁰⁹. В июне в Белое море вошли три английских паровых судна, имевших в общей сложности 57 орудий и 560 человек экипажа.

Деятельность этих судов состояла в производстве промеров около устья Двины, в грабеже встречаемых купеческих судов и барок, в незначительных высадках в тех пунктах, где не было наших войск, и в производимых там пожарах и сборе продовольственных припасов. Против Архангельска и Новодвинска англичане решили ничего не предпринимать, находя первый недоступным для их судов, а второй сильно укрепленным. Действенной блокады наших берегов они также до прихода французских судов произвести не могли, почему решили попытать счастья против беззащитного, но наиболее лакомого пункта побережья — Соловецкого монастыря с его предполагаемыми богатствами.

6 (18) июля два английских винтовых корвета появились на виду монастыря. Архимандрит Александр, совершив с чудотворными иконами крестный ход по стене вокруг обители и произнеся увещание всем живущим в монастыре, «предался в волю Божию».

После этого он взял два 3-фунтовых орудия и с несколькими охотниками из нижних чинов, богомольцами и послушниками отправился верхом вдоль берега следить за неприятелем. Англичане в ходе этой

Английский план сражения у Петропавловска

оригинальной рекогносцировки увидели «множество войск и несколько пушек, прятавшихся в лесу», и, желая заставить развернуться эти внушительные силы, открыли по ним артиллерийский огонь. Архимандрит Александр также сделал несколько выстрелов из своих трехфунтовых пушек, после чего огонь с обеих сторон прекратился, так как, по словам англичан, они перебили всех русских артиллеристов и наши «войска» ушли в глубину леса.

После этого «главнокомандующий эскадрой ее великобританского величества на Белом море» капитан Омманей прислал в обитель парламентария с требованием безусловной сдачи в плен всего гарнизона с орудиями и коменданта, так как из монастыря стреляли по английским кораблям. Настоятель ответил, что гарнизона и коменданта в обители нет, а есть только инвалидная команда для собственной охраны, поэтому некому и сдаваться в плен.

Между тем в течение ночи фейерверкер Другильский успел устроить на берегу острова, вне монастырских стен, на пункте, ближайшем к неприятельским фрегатам, батарею на три 3-фунтовых орудия.

7-го (19) числа англичане начали бомбардировать монастырь и продолжали беспрерывно до 5 часов дня. С монастырских стен отвечали восемь 6-фунтовых орудий, а братия совершала крестные ходы и непрерывные богослужения во всех церквях. Особенные

неприятности, по словам англичан, им доставляла батарея Другильского, которая своими меткими выстрелами заставила фрегат отойти дальше от берега и тем уменьшила действенность его огня против монастырских стен.

Убитых и раненых в обители не было; из построек сильно пострадала лишь гостиница, находившаяся вне монастыря¹¹⁰.

От Соловца англичане отправились в Онежский залив, где ограбили остров Кий и сожгли большое селение Пушлахты и часть города Кола, причем несколько десятков вооруженных крестьян оказывали им возможное сопротивление, мужество которого и причиняемые англичанам потери свидетельствуются их источниками.

31 июля в Белое море прибыли два французских корабля, что дало возможность союзникам хоть поздною, но фактическую блокаду наших берегов. Побывав во всех закоулках Белого моря, союзники в конце сентября удалились от русских берегов, вызвав, наподобие своих товарищей, плававших в Балтийском море и в Тихом океане, неудовольствие сограждан на безрезультатность экспедиции. «Но в Великобритании, — говорит английский историк, — господствовали полумеры, и в этом заключалось несчастье наших храбрых моряков. Не их вина, что они не оправдали всех надежд своих соотечественников. Под руководством патриотического, разумного и энергичного адмиралтейства они сделали бы все возможное для доброго имени нашей чести и храбрости»¹¹¹.

Примечания

¹ Кн. Е. Голицын. О возможном действии нашего флота в случае разрыва с Англией и Францией. Октябрь 1853. Архив Морского мин., 1855 г. Канц. ген.-адм., д. № 3.

² См. схему № 53.

3. Записка вел. кн. Константина Николаевича кн. Меншикову от 31 декабря 1853 г. Арх. воен. уч. ком., отд. 2, д. № 4259.

⁴ Арх. Морск. мин., 1853 г. Канц. ген.-адм., д. № 24.

⁵ Эти реформы изложены в томе I настоящего труда.

⁶ См. схему № 54.

⁷ Он признавал необходимость соотношения 4:3 между численностью нашего и неприятельского флотов.

⁸ Членами особого совета были: адмирал Рикорд, ген.-адъют. Литке, вице-адмиралы Балк и Замыцкий.

⁹ Это постановление совета почти слово в слово состоит из изложенного в записке адмирала Литке вел. кн. Константину Николаевичу, представленной при письме от 5 марта 1854 г. Арх. Морск. мин., 1853 г. Канц. ген.-адм., д. № 24.

¹⁰ В. Стеценко. Старое и Новое // Морск. сборн. 1896 г., кн. 3.

- ¹¹ М. Бордкин. Война 1854/55 года на Финском побережье. С. 84.
- ¹² Кронштадт был выделен под начальство инженер-генерала Дена.
- ¹³ Всеподд. отчеты военного министра за 1854 г. Часть Ген. штаба. Арх. канц. Воен. мин.
- ¹⁴ См. схему № 55.
- ¹⁵ Арх. Морск. мин. по обор. бер., 1853 г., секр. д. № 4.
- ¹⁶ Из них 10 на личные средства Громова.
- ¹⁷ См. схему № 53.
- ¹⁸ Всепод. отчет генерал-адмирала за 1854 г. Арх. Морск. мин. Инсп. деп., д. № 127.
- ¹⁹ Арх. Морск. мин. Инсп. деп., 1854 г., д. № 143.
- ²⁰ Там же. Канц. ген.-адм., 1855 г., секр. д. № 20.
- ²¹ Там же. Инсп. деп., 1854 г., секр. д. № 558.
- ²² Там же. Канц. ген.-адм., 1853 г., секр. д. № 24.
- ²³ Всепод. отчет генерал-адмирала за 1854 г.
- ²⁴ Обзор занятий блокшиф. Отряда канон. лодок Кронштадтской гребной флотилии в 1854 г. Арх. Морск. мин., Инсп. деп., 1855, д. № 558.
- ²⁵ Записки Аркаса. Музей Севастопольской обороны.
- ²⁶ Распределение войск в окр. Петербурга 15 марта 1854 г., № 913. Архив кан. Воен. мин. по снар. войск, 1852 г., д. № 22.
- ²⁷ Рапорт Кронштадтского воен. губернатора вел. кн. Константину Николаевичу от 11 апреля 1854 г., № 254. Арх. воен. уч. ком., отд. 2, д. № 4272.
- ²⁸ См. схему № 57.
- ²⁹ Кренке. Оборона Балтийского побережья в 1854—1856 годах.
- ³⁰ Из записок старого преображенца кн. Имеретинского // Русский архив. 1884. Кн. 6.
- ³¹ Кренке. Оборона побережья.
- ³² Там же.
- ³³ Расписание от 15 марта 1854 г., № 913. Архив канц. Воен. мин. по снар. войск, 1852 г., секр. д. № 22.
- ³⁴ См. схему № 54.
- ³⁵ Записки Аркаса. Музей Севастопольской обороны.
- ³⁶ Журнал воен. сов., назн. по Выс. для принятия необходимых мер к обороне Свеаборгского рейда, 16 июня 1854 г. Арх. Морск. мин. Инсп. деп., 1854 г., д. № 167.
- ³⁷ См. схему № 55.
- ³⁸ Контр-адм. Глазенап — вел. кн. Константину Николаевичу 31 мая 1854 г., № 33. Архив Морск. мин., 1854 г., Инсп. деп., д. № 259. Кн. Долгоруков — вел. кн. Константину Николаевичу 31 мая 1854 г. Архив Морск. мин., Инсп. деп., 1854 г., д. № 259. Всепод. отчет ген.-адм. за 1854 г. Там же, д. № 127. Истор. обз. действ. шхерн. флот. в 1854 г. Там же, д. № 558. Рапорт кн. Е. Голицына генерал-адмиралу от 11 мая 1854 г. Архив Морск. мин., канц. ген.-адм., 1854 г., д. № 17.
- ³⁹ Арх. канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 42.
- ⁴⁰ Кн. Долгоруков — кн. Меншикову 31 марта 1854 г. Арх. воен. уч. ком., отд. 2, д. № 4254.

- ⁴¹ War with Russia. P. 135—136.
- ⁴² History of the Baltic Campaign from Documents pir. sh. by sir C. Napier. G. B. Earp. L. Guïtin. T. I. P. 165.
- ⁴³ Ввиду разногласия между источниками английскими, французскими, а также материалами наших архивов Министерств иностранных дел и морского, цифру судов определить в точности не удалось. Следует, однако, заметить, что различие в показании числа судов весьма незначительно.
- ⁴⁴ Письмо адм. Непира к издателю Times в декабре 1855 г. и проч.
- ⁴⁵ Арх. Мин. иностр. дел, 1854 г. Карт. Copenh. Английский источник. Показано то же число судов, Guerin — несколько более.
- ⁴⁶ Арх. Мин. иностр. дел, 1854 г. Карт. Paris.
- ⁴⁷ War against Russia. P. 101—102. War with Russia. P. 139—140.
- ⁴⁸ Письмо адм. Непира к издателю Times. Декабрь 1855 г.
- ⁴⁹ History of the war against Russia. P. 306—307. War with Russia. P. 197. The Baltic Campaign и проч.
- ⁵⁰ Baltic Campaign.
- ⁵¹ War with Russia. P. 198.
- ⁵² Из донесений пограничной стражи. Арх. Морск. мин., 1854 г.
- ⁵³ «Jusqu'a présent ces coquins d'anglo-français ne font que happer nos vaisseaux marchands et a notre grande honte nous ne pouvons rien leur faire sur mer», — писал кн. Долгоруков кн. Меншикову 11 апреля 1854 г. (Арх. воен. уч. ком., отд. 2, д. № 4254).
- ⁵⁴ Шифр. депеша Унгерн-Штернберга 27 марта 1854 г., № 78, из Копенгагена. Архив Мин. иностр. дел, карт. Copenhag. 1854.
- ⁵⁵ На «Majestic» было между прочим два орудия нового устройства, стрелявшее снарядами весом в 74 ф., с разрывным зарядом в 12 ф. и при дальности в $4\frac{1}{4}$ версты.
- ⁵⁶ War with Russia. P. 201.
- ⁵⁷ Рапорт лейт. Визе. Донесение ген. Рокозовского 29 мая 1854 г., № 465. Архив Морск. мин. 1854 г., Канц. ген.-адм., д. № 42.
- ⁵⁸ См. схему № 58.
- ⁵⁹ Всепод. отчет ген.-адм. за 1854 г. М. Бородин. Война на Финском побережье в 1854—1855 гг. The Baltic Campaign. War with Russia и др.
- ⁶⁰ The Baltic Campaign. War with Russia. P. 204.
- ⁶¹ Император Николай — кн. Варшавскому 11 мая 1854 г. Собственная Его Величества библиотека шк. 115, портф. 14.
- ⁶² См. схему № 59.
- ⁶³ Всепод. отчет ген.-адм. за 1854 г. Рапорт контр-адм. Глазенапа ген.-адм. от 15 мая 1854 г. Архив Морск. мин., 1854 г., Инсп. деп., д. № 259. Письмо офицера с «St-Jean d'Arc». The Baltic Campaign и др.
- ⁶⁴ Киселев — канцлеру 9 (21) мая 1854 г., № 42, из Брюсселя. Арх. Мин. иностр. дел, карт. Paris, 1854.
- ⁶⁵ Рапорт Кудрявцева канцлеру 16 (28) мая 1854 г., № 56, из Гамбурга. Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 14.
- ⁶⁶ L. Guïrin. P. 173. War with Russia. P. 203.
- ⁶⁷ Особого разногласия в этих цифрах нет: так, французы считают всю

силу союзного флота, а англичане не принимают в расчет присоединившуюся эскадру Плумриджа и вообще стараются уменьшить силу своего флота.

⁶⁸ Всепод. отч. ген.-адм. за 1854 г.

⁶⁹ The Baltic Campaign.

⁷⁰ Архив Морск. мин., 1854 г. Канц. ген.-адм. и всепод. отчет за 1854 г.

⁷¹ Донесение зав. тел. с Сойкиной горы 13 июня, № 95. Архив Морск. мин., 1854 г., Инсп. деп., д. № 130.

⁷² The Baltic Campaign. War against Russia. P. 326—327.

⁷³ Архив Морск. мин., 1854 г., Инсп. деп., д. № 209.

⁷⁴ От 27 июня 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 9.

⁷⁵ См. том I.

⁷⁶ См. схему № 52.

⁷⁷ М. Бродкин. Война 1854/55 г. на Финском побережье.

⁷⁸ Историч. обзор действ. шхерной флот. в 1854 г. Архив Морск. мин., 1854 г., Инсп. деп., д. № 558.

⁷⁹ Рапорт капитана Халла. War with Russia. P. 204, 205.

⁸⁰ M-r Earp. The Baltic Campaign.

⁸¹ L. Guirin считает 10 000.

⁸² Адмирал Корри отсюда отбыл по болезни в Англию, и его эскадра была передана Мартини.

⁸³ Н. В. Шеншин — графу Н. А. Орлову. С.-Петербург, 8 августа 1854 г. // Русский архив, 1863 г.

⁸⁴ Он был произведен в генералы за бомбардировку 9 июня.

⁸⁵ См. схему № 52a.

⁸⁶ Архив Морск. мин., 1854 г., Инсп. деп., д. № 130.

⁸⁷ Архив Мин. иностр. дел, карт. Copenh., 1854.

⁸⁸ Всеподданейшие отчеты Военного и Морского министерств за 1854 г.

Донесение подпоручика Гаделли. Архив Морск. мин., 1854 г., Инсп. деп., д. № 130.

Депеша Дашкова из Стокгольма от 12 (24) августа 1854 г., № 92 и Кудрявцева из Гамбурга от 10 (22) августа 1854 г., № 103. Архив Мин. иностр. дел, карт. Stockholm и Hambourg, 1854 г., М. Бородкин. Война 1854—1855 гг. на Балтийском побережье. L. Guirin: Histoire de la dernière guerre de la Russie. War with Russia; The Balt. Camp.; War ag. Russia и др.

⁸⁹ Об этом свидетельствует, между прочим, и генерал-адъютант короля прусского Ведыль, бывший в сентябре в Париже с миссией от короля. (Донесение графа Бенкендорфа военному министру от 27 сентября (9 октября) 1854 г., № 153, из Берлина. Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 3.)

⁹⁰ От 20 июля (1 августа) 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 42.

⁹¹ От 16 (28) августа 1854 г. Там же.

⁹² Князь Долгоруков — князю Меншикову 28 августа 1854 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4254.

⁹³ Военный министр — князю Варшавскому 13 августа 1854 г. Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 88.

⁹⁴ См. схему № 60.

⁹⁵ The Baltic Campaign.

⁹⁶ Архив Морск. мин., 1854 г., Инсп. деп., д. № 130.

⁹⁷ Кудрявцев — канцлеру 25 октября 1854 г. Архив Мин. иностр. дел, карт. Hambourg, 1854.

⁹⁸ Из записок старого преображенца князя Имеретинского // Русский архив, 1884 г. Из записок К. Н. Лебедева // Русск. архив, 1888 г. Воспоминания князя Эмилия Витгенштейна // Русская старина. 1900 г. Воспоминания генерал-адъютанта Аркаса. Рукопись.

⁹⁹ От 10 (22) июля 1854 г. Архив канц. Воен. мин. 1854 г., секр. д. № 42.

¹⁰⁰ War against Russia. P. 351.

¹⁰¹ См. схему № 50.

¹⁰² Два судна были отделены для охраны плавания торговых судов.

¹⁰³ War with Russia. P. 106.

¹⁰⁴ Донесение командира фрегата «Аврора» генералу Муравьеву от 4 сентября 1854 г., № 999, с приложением донесений начальников abordажных команд. Архив Морск. мин., 1854 г. Инсп. деп., д. № 726.

Донесения генерала Завойко генералу Муравьеву от 5 и 6 сентября 1854 г., № 2436, 2443. Там же, д. № 432.

Рапорт генерала Завойко генерал-адмиралу от 18 июля 1854 г., № 2020, и от 7 сентября 1854 г., № 2453. Архив Морск. мин., 1854 г. Канц. ген.-адм., д. № 14837.

Из воспоминаний старого моряка // Русский архив. 1892. Кн. 2.

Письмо Е. С. Завойко от 4 сентября 1854 г. // Русский архив. 1898. Кн. 2. Контр-адм. Арбузов. Оборона Петропавловска.

War with Russia; War against Russia; L. Guérin и др.

Л. Вейнберг. К истории военных событий на Дальнем Востоке // Морской сборник за 1898 и 1899 г.

¹⁰⁵ Главный командир Архангельского порта — управляющему Морским министерством 17 января 1854 г., № 43. Архив Морск. мин., 1853 г. Ком. берег. обор., секр. д. № 4.

¹⁰⁶ 12 орудий — 36-фунтового калибра, 20 — 18-фунтового и 10—12-фунтового.

¹⁰⁷ 16 орудий — 24-фунтового калибра и 24 — 16-фунтового.

¹⁰⁸ Архангельский военный губернатор — военному министру 2 июня 1854 г., № 1619. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 5519.

Оборона Архангельска. Архив Морск. мин., 1853 г. Канц. берег. обор., секр. д. № 4. Инсп. деп., 1854 г., д. № 155.

Огородников. Истор. архив порта // Морск. сборник. 1875. Кн. 12.

¹⁰⁹ War against Russia; War with Russia.

¹¹⁰ Архив Морск. мин., 1854 г., Инсп. деп., д. № 329. War against Russia; War with Russia и др.

¹¹¹ War with Russia. P. 249.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 24¹

БОЖЬЮ МИЛОСТИЮ
МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,
ИМПЕРАТОР и САМОДЕРЖЕЦ ВСЕРОССИЙСКИЙ, ЦАРЬ ПОЛЬСКИЙ,
и прочая, и прочая, и прочая
Объявляем всенародно:

Манифестом Нашим, данным в 14-й день июня текущего года, Мы объявили любезным Нашим верноподданным о причинах, побудивших Нас требовать от Порты Оттоманской твердого обеспечения на будущее время священных прав Церкви Православной.

Мы также возвестили им, что все старания Наши склонить Порту, мерами дружеского убеждения, к чувству правоты и добросовестному соблюдению трактатов оставались бесполезными; почему и признано было Нами необходимым двинуть войска Наши в Придунайские княжества. Но, приняв сию меру, Мы сохранили еще надежду, что Порта, в сознании своих заблуждений, решится исполнить справедливые Наши требования.

Ожидания Наши не оправдались.

Тщетно даже главные европейские державы старались своими увещеваниями поколебать закоснелое упорство турецкого правительства: на миролюбивые усилия Европы, на Наше долготерпение оно отвечало объявлением войны и прокламацией, исполненной изветов против России. Наконец, приняв мятежников всех стран в ряды своих войск, Порта открыла уже военные действия на Дунае.

Россия вызвана на брань: ей остается — возложив упование на Бога — прибегнуть к силе оружия, дабы понудить Порту к соблюдению трактатов и к удовлетворению за те оскорбления, коими отвечала она на самые умеренные Наши требования и на законную заботливость Нашу о защите на Востоке православной веры, исповедуемой и народом русским.

Мы твердо убеждены, что Наши верноподданные соединят с Нами теплые мольбы ко Всевышнему, да благословит десница Его оружие, подъятое Нами за святое и правое дело, находившее всегда ревностных поборников в наших благочестивых предках. *На Тя, Господи, уповахом, да не постыдимся веке.*

Дан в Царском Селе, в 20-й день октября месяца, в лето от Рождества Христова тысяча восемьсот пятьдесят третье, в Царствования же Нашего в двадцать восьмое.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою подписано:

«НИКОЛАЙ»

¹ Часть материалов из оригинального текста изъята при сохранении авторской нумерации приложений.

**Ведомость числа войск, приведенных на военное положение
к июню 1853 года, за исключением действовавших на Кавказе¹**

4-й корпус

10-я пехотная дивизия	16 бат.
11-я пехотная дивизия	16 бат.
12-я пехотная дивизия	16 бат.
4-й стрелковый батальон	1 бат.
4-й саперный батальон	1 бат.
Понтонный № 4 парк с понт.	
№ 4 ротой	$\frac{1}{4}$ бат. и 1 парк
4-я легкая кавал. дивизия	32 эскадрона
10-я артиллерийская бригада	4 батареи, 48 пеш. ор.
11-я артиллерийская бригада	4 батареи, 48 пеш. ор.
12-я артиллерийская бригада	4 батареи, 48 кон. ор.
4-я конно-артиллерийская бригада	2 батареи, 16 кон. ор.
Жандармская команда	1 команда
Фурштатские батальоны	5 бат.
Подвижные № 10, 11 и 12	
запасные парки	3 парка

Итого: 50 $\frac{1}{4}$ бат., 32 эск., 132 пеш., 16 кон. ор., 4 парка,
1 команда и 5 фуршт. батальонов.

5-й корпус

13-я пехотная дивизия	16 бат.
14-я пехотная дивизия	16 бат.
15-я пехотная дивизия	16 бат.
5-й стрелковый батальон	1 бат.
5-й саперный батальон	1 бат.
Понтонный № 5 парк с понт.	
№ 5 ротой	$\frac{1}{4}$ бат. и 1 парк
5-я легкая кавалерийская дивизия	32 эскадрона
13-я артиллерийская бригада	4 батареи, 48 пеш. ор.
14-я артиллерийская бригада	4 батареи, 48 пеш. ор.
15-я артиллерийская бригада	4 батареи, 48 пеш. ор.

¹ Архив канц. Воен. мин. по снар. войск 1852—1854 гг., д. № 24; Воен. истор. журн. войск 4-го и 5-го корпусов за 1853 г.; Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, № 3588; Архив канц. Воен. мин. по снар. войск 1853 г., секр. д. № 10; там же, 1856 г., секр. д. № 71.

5-я конно-артиллерийская бригада 2 батареи, 16 конн. ор.
 Жандармская команда 1 команда
 Фурштатские батальоны 5 бат.
 Подвижные № 13, 14 и 15 запасные парки 3 парка

Итого: 50 $\frac{1}{4}$ бат., 32 эск., 132 пеш., 16 кон. ор.,
 4 парка, 1 команда и 5 фуршт. батальонов.

Иррегулярные войска¹

Донские казачьи полки № 1, 9, 22, 25, 34, 37,
 38, 39, 40 и 42 60 сот.
 Донская № 9 батарея 1 батарея, 8 кон. ор.

Итого: 60 сот., 8 кон. ор.

Всего предназначено к сосредоточению на южной границе: 100 $\frac{1}{2}$ бат., 64 эск., 60 сот., 264 пеш., 40 кон. ор., 2 понт. парка и прочие административные части численностью около 129 000 строевых и 8600 нестроевых нижних чинов.

Приложение № 27

Манифест 14 июня 1853 г.

БОЖЬЮ МИЛОСТИЮ
 МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,
 ИМПЕРАТОР и САМОДЕРЖЕЦ
 ВСЕРОССИЙСКИЙ,
 и прочая, и прочая, и прочая

Объявляем всенародно:

Известно любезным Нашим верноподданным, что защита Православия была искони обетом блаженных предков наших.

С того самого времени, когда Всевышнему Промыслу угодно было вручить нам наследственный Престол, охранение сих святых обязанностей, с ним неразлучных, было постоянно предметом заботливости и попечений наших; и они, имея основанием достославный Кайнарджийский договор, подтвержденный последующими торжественными трактатами

¹ Часть казачьих полков присоединилась в конце июля и в начале августа.

с Оттоманской Портой, всегда направлены были к обеспечению прав Церкви Православной.

Но, к крайнему прискорбию, в последнее время, вопреки всех усилий Наших защитить неприкосновенность прав и преимуществ Нашей Православной Церкви, многие самопроизвольные действия Порты нарушали сии права и грозили, наконец, совершенным ниспровержением всего увечественного порядка, столь Православию драгоценного.

Старания Наши удержать Порту от подобных действий остались тщетными, и даже торжественно данное Нам самим султаном слово было вскоре вероломно нарушено.

Истощив все убеждения и с ними все меры миролюбивого удовлетворения справедливых Наших требований, признали Мы необходимым двинуть войска Наши в Придунайские княжества, дабы доказать Порте, к чему может вести ее упорство. Но и теперь не намерены Мы начинать войны; занятием княжеств Мы хотим иметь в руках Наших такой залог, который бы во всяком случае ручался Нам в восстановлении Наших прав.

Не завоеваний ищем Мы; в них Россия не нуждается. Мы ищем удовлетворения справедливого права, столь явно нарушенного. Мы и теперь готовы остановить движение Наших войск, если Оттоманская Порта обяжется свято соблюдать неприкосновенность Православной Церкви. Но если упорство и ослепление хотят противного, тогда, призвав Бога на помощь, Ему предоставим решить спор наш и, с полной надеждой на Всемогущую Десницу, пойдем вперед — за веру Православную.

Дан в Петергофе в 14-й день июня месяца в лето от Рождества Христова тысяча восемьсот пятьдесят третье, Царствования же Нашего в двадцать восьмое.

На подлинном собственною Его Императорского Величества рукою написано:

«НИКОЛАЙ».

**Очерк движений войск 4-го и 5-го пехотных корпусов для занятия При-
дунайских княжеств с указанием командиров частей. Июнь 1853 года¹**

Название войск и состав колонн	Командиры частей	Число переходов частей через р. Прут	Примечание
Штаб командующего 4-м и 5-м пехотными корпусами	Исправляет должность начальника штаба ген.-майор <i>Бутурлин</i> ; ген.-квартирмейстер Генерального штаба полк. <i>граф фон дер Остен-Сакен</i> ; дежурный генерал полк. <i>Струков</i> ; ген.-интендант ген.-майор <i>Затлер</i>	Переходит через Прут у д. Леова 21 и 22 июня	Авангард следует в одном эшелоне форсированными маршами по прямой дороге от Леова через Фокшаны к Бухаресту, куда прибывает 3 июля, отделив на походе небольшой наблюдательный отряд влево, в <i>Слободзее</i> , лежащей в 40 верстах от Силистрии. По прибытии же в Бухарест авангард расположится впереди города и вышлет от авангарда 4 наблюдательных отряда по направлению к Дунаю для наблюдения этой реки на протяжении ее от Турны до Силистрии
I Главный авангард			
32 эск., 6 сот., 16 орудий	Начальник ген.-ад. граф <i>Анреп-Эльмит</i>		
5-я легкая кавал. дивизия	Ген.-лейт. фон Фишбах		
1-я бригада	Ген.-майор Комар		
Бугский уланский полк	Ген.-майор Гасфер		
Уланский Его Высочества герцога Нассауского полк	Полк. барон фон Раден		
2-я бригада	Ген.-майор Кенский		
Гусарский Его Королевского Высочества принца Фридриха-Карла Прусского полк	Ген.-майор Сальков		
Гусарский его светлости ген.-фельдм. кн. Варшавского полк	Полк. граф Алопеус		
5-я конно-арт. бригада	Полк. Рейсх		
Донской казачий № 34 полк	Подполк. Власов		

¹ Архив воен. уч. ком., отд. 2, д. № 3311

Название войск и состав колонн	Командиры частей	Число перехода частей через р. Прут	Примечание
б) <i>Средняя колонна</i> 26 бат., 7 сот., 68 орудий	<i>Под непосредственным нач. командира 4-го пех. корп.</i>	Переходит через Прут между 21 и 26 июня у м. Скуляны	Колонна эта, следуя 8 эшелонами, направляется от Скулян через Яссы и Бырлат в Текуч; войска прибывают в Текуч между 2 и 14 июля
2-я бригада 10-й пех. дивизии Томский егерский полк Колыванский егерский полк 2 батареи 10-й полевой арт. бригады 11-я пех. дивизия 1-я бригада Селенгинский пех. полк Якутский пех. полк 2-я бригада Охотский егерский полк Камчатский егерский полк 11-я полев. арт. бригада	Ген.-майор Вильбоа Полк. Пустовойтов Полк. Комаевский Полк. Кобанов Ген.-майор Павлов (команд.) Ген.-майор Охтерлоне Полк. Сабашинский Полк. Бялый Ген.-майор Заливкин Полк. Бибииков Полк. Голев Полк. Вдовыдченко	Переходит через Прут у м. Скуляны между 24 и 26 июня	
4-й стрелковый бат. 4-й саперный бат. с 4-м понтонным парком и понтонной ротой	Полк. Енохин Полк. Норов Подполк. Улиткин	21 июня 2 июля	

Название войск и состав колонн	Командиры частей	Число перехода частей через р. Прут	Примечание
Донская № 9 батарея Донской казачий № 25 полк Сотня донского № 37 полка Подвижной арт. № 11 парк Подвижной госпиталь № 4	Подполк. Улиткин	3 июля 29 июня 21 июня 5 июля 3 июля	При колонне этой следуют главная квартира и штаб 4-го пехотного корпуса
в) <i>Левая колонна</i> 15 бат., 32 эск., 5 сот., 56 орудий 10-я пех. дивизия 1-я бригада Екатеринбургский пех. полк Тобольский пех. полк Две батареи 10-й полевой арт. бригады 4-я легкая кавал. дивизия 1-я бригада Вознесенский уланский полк Ольвинопольский уланский полк	Начальник ген.-лейт. <i>граф Нирод</i> Ген.-лейт. Соймонов Ген.-майор Бельгард Полк. Уважнов-Александров Полк. Баумгартен Полк. Загоскин Ген.-лейт. граф Нирод Ген.-майор Богушевский Ген.-майор Левенгаген Полк. Козлянинов	Переходит через Прут у Леова между 30 июня и 4 июля Переходит Прут у Леова между 24 и 25 июня	Войска левой колонны, следуя 7 эшелонами, направлены от Леова через Фальчи и Бырлаг на Текуч. Головные эшелоны этой колонны составляют войска, подчиненные ген.-майору Энгельгардту, а именно: 5 сот. казаков, 5 бат. 2-й бригады 15-й пех. дивизии с двумя батареями, одна рота саперного, понтонный парк с понтонной ротой и передвижной госпиталь. Войска левой колонны приходят в Текуч между 25 июня и 8 июля

Название войск и состав колонн	Командиры частей	Число перехода частей через р. Прут	Примечание
2-я бригада Гусарский егерский И. В. наследника цесаревича полк Гусарский принца Фридриха-Вильгельма Прусского полк 4-я конно-арт. бригада 2-я бригада Люблинский егерский полк Замосцкий егерский полк (2 бат.) Две батареи 15-й полевой арт. бригады 5-го саперного бат. одна рота Понтонный парк № 5 с понтонной ротой Передвижной госпиталь № 5 5 сот. Донского № 37 полка	Ген.-майор Фридрихс 2-й Полк. Пашковский — Полк. Иванов Ген.-майор Энгельгардт Ген.-майор Арцыбашев Полк. Дараган Полк. Зарныцин Капитан Замараев Подполк. Шапошников	Переходит через Прут у Леова 20 и 21 июня Переходит через Прут у Леова между 24 и 25 июня	Отряд этот приходит в г. Галац 28 июня
Кроме того: <i>Отдельный фланговый отряд</i> 1 бат., 25 казаков 1 батальон Замосцкого егерского полка, 25 казаков Донского № 37 полка	Полк. Гордеев	Переходит через Прут у Леова 20 июня	

Примечания

¹ Все прочие войска 5-го пехотного корпуса остаются в пределах империи в распоряжении ген.-ад. Лидерса.

² Из идущих с Дона шести казачьих полков пять назначаются в состав войск, следующих на пути к княжествам, а одни — в распоряжение главнокомандующего действующей армией на место Донского № 25 полка, назначенного в состав средней колонны. Эти пять донских полков переходят через Прут между 18 и 27 июля и следуют форсированными маршами на присоединение к прочим войскам, вступившим в княжества.

Приложение № 29

Состав Валахских и Молдавских войск ко времени нашего вступления в княжества¹

Состав войск	Численность			Наличное число	
	баталь- онов	эскад- ронов	ору- дий	людей	лошадей
<i>В Валахии</i>					
Пехоты 3 полка по 2 батальона	6	—	—	3268	—
Кавалерии один дивизион улан	—	2	—	355	343
(хотя по штатам полагается	—	—	8	167	79
шестиэскадронный полк)					
Артиллерии пешая батарея	—	—	—	—	—
Итого	6	2	8	3790	422
Военная флотилия (4 канонер- ские лодки)	—	—	—	125	—
Доробанцы (конная полиция)	—	—	—	4200	—
Из них на действительной					
службе находится третья					
часть, прочие по домам					
Пожарная команда	—	—	—	323	58
Граничары (пограничная					
стража, расселенная					
на 3 разряда или служебные					
очереди)	—	—	—	7054	—
Из них на действительной					
службе ныне					
находится 2059 чел.					
Итого	—	—	—	11 702	58
Всего в Валахии	6	2	8	15 492	480
<i>В Молдавии</i>					
Пехоты 1 полк	2	—	—	1509	—
Кавалерии 1 эскадрон	—	1	—	197	143
Артиллерии 1 пешая батарея	—	—	6	109	24
Итого	2	1	6	1815	167

Состав войск	Численность			Наличное число	
	баталь- онов	эскад- ронов	ору- дий	людей	лошадей
Военная флотилия (3 канонер- ские лодки)	—	—	—	75	—
Жандармы (1 полк, состоящий из 14 рот различного состава)	—	—	—	1259	644
Пограничная стража	—	—	—	515	100
Итого	—	—	—	1849	744
Всего в Молдавии	2	1	6	3664	911
Итого в Валахии и Молдавии	8	3	14	19 156	1391

¹ Журнал П. К. Менькова; Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3311; Архив канц. Воен. мин. по снабжению войск 1853 г., секр. д. № 47 и секр. д. № 62.

Приложение № 30

Князь Горчаков — генерал-адъютанту Анрепу²
18 июня 1853 г., № 120

Вашему превосходительству известно из приказа № 3, что мы переходим границу не с намерением вести войну против турок, но единственно для занятия Придунайских княжеств, дабы сим принудить турецкое правительство согласиться на справедливые наши требования.

Хотя, по всем вероятиям, турки не захотят противиться занятию нами сих княжеств и не перейдут Дуная, чтобы оному препятствовать, но не менее того я считаю необходимым, чтобы появление части войск наших в Бухаресте и близ левого берега Дуная, против Слободзен, Силистрии, Туртукая и Рушука, последовало сколь можно скорее.

На сей конец я поручаю вам двинуться по прилагаемому к сему маршруту форсированными маршами к Бухаресту, с Донским казачьим № 34 полком и 5-й легкой кавалерийской дивизией с ее артиллерией.

Впрочем, от вашего превосходительства будет зависеть, смотря по удобству и обстоятельствам, изменить этот маршрут, лишь бы ваш отряд мог достичь Бухареста 3-го числа июля месяца.

Хотя, как выше уже сказано, всего вероятнее, что турки не решатся появиться на левом берегу Дуная, но не менее того надобно быть готовым и на случай, если бы последовало противное. Вам должно следовать со всеми военными предосторожностями и всеми мерами разведывать по пути самым тщательным образом, что слышно и известно о турках.

Воля Государа Императора есть, чтобы по занятии Придунайских княжеств войска наши отнюдь не переправлялись за Дунай и избегали

² Архив воен. уч. ком., отд. 2, д. № 3419.

враждебных действий против турок, разве, перейдя сами на левый берег сей реки, они не отступят перед нашими войсками или первыми начнут бой.

Согласно с сей Высочайшей волей, вам следует при первом сближении с турками, если бы они перешли из-за Дуная, прислать к ним парламентаря с предложением отойти за Дунай и объявить им, что войска, вам вверенные, составляют авангард целой армии, следующей за вами непосредственно, что Его Величеству нашему Государю не угодно начинать с турками войны, но что я имею предписание занять княжества, и посему если они не захотят добровольно отступить, то на основании повеления, вам данного, вы будете вынуждены принудить их к тому оружием. Кроме изустного объяснения сего парламентарями вы можете послать и письмо подобного содержания к начальнику той части войск, которая против вас будет находиться.

Турки могут сделать одно из двух: или послать в Валахию небольшие партии для произведения там беспорядков, или же перейти Дунай с несколькими значительными силами, дабы оспаривать ими занятие русскими этого края.

Ни в каком случае и под строжайшей ответственностью вы не должны сталкиваться с такими турецкими силами, которые могли бы вступить с вами в бой, не только с некоторой вероятностью успеха, но даже и с таким числом войск, коих вы наверняка и без всякого риска не можете прогнать.

В подобном случае, если турки перейдут столь значительными силами, что, согласно с вышеизложенным, вы не можете вступить с ними в бой, то вы должны ограничиться наблюдением за ними, постоянно держаться от них в таком расстоянии, чтобы неприятель не мог вас атаковать, и если он будет идти вперед, то вы должны отходить на Фокшаны и Текуч, где я сосредоточиваю свои войска. При таком отступлении вашем держите вверенный вам отряд в таком же от неприятеля расстоянии, как объяснено выше.

Если же пред вами будут только незначительные партии, которые вы можете прогнать, не подвергаясь ни малейшему опасению неудачи, то после сделанных им предложений удалиться, если они сего не исполнят, вы должны будете их атаковать и прогнать за Дунай.

В Валахии имеются шесть батальонов пехоты и четыре эскадрона кавалерии, составляющие валахскую милицию.

В случае нападения турок они отнюдь не должны вступать с ними в бой, а отступить к вашему отряду, на что сделано уже соответствующее распоряжение.

Употреблять валахские войска против турок в дело вы не должны ни в каком случае, а должны их только прикрывать.

По приходе в г. Бузео вашего отряда, ваше превосходительство, отделите от него особый отряд из двух эскадронов улан и одной сотни казаков, который должен следовать в Слободзею на р. Яломиц, по прилагаемому к сему маршруту. Отряд сей поручите надежному и опытному штаб-офицеру, снабдив его надлежащей инструкцией соответственно тому, что здесь вам предписывается.

Цель нахождения отряда в Слободзее есть показать часть наших войск на пространстве левого берега Дуная, от Силистрии до Гирсова. Для наблюдения за сей частью Дуная должно будет послать одну полусотню со взводом улан в Калараш-Веку для наблюдения разъездами силистрийской переправы, т. е. вниз и вверх по р. Борчия, до Кокарджи.

Другая полусотня, также со взводом улан, должна находиться в Гура-Яломице, где существует переправа от Гирсова, и наблюдать левый берег Борчии — от Кокарджи до впадения сей реки в Дунай у Пионетти.

Из сотни сей начальник Слободзейского отряда должен оставить при себе 10 казаков для посылок и передачи приказаний.

Для лучшего порядка при сих двух заставах, у Калараш-Веку и у Гура-Яломницы, при каждом кавалерийском взводе должны быть назначены опытные и надежные офицеры, преимущественно бывшие уже в кампании, которым и дайте соответственные инструкции.

С остальными затем войсками вы будете следовать через Лучию и Урзичени к Бухаресту и, пройдя оный, расположите ваш отряд лагерем на р. Аржис, верстах в 15 от города (или около того), по Журжинской дороге.

Став у Аржиса, вы должны выслать четыре дивизиона с казаками в Обилешти, Будешти, Калагурени и Драгонешти с тем, чтобы эти отряды своими казаками наблюдали пространство от Калараша до Турно.

Прошу, ваше превосходительство, строжайше подтвердить начальникам сих отрядов и наблюдательных постов, чтобы казаки в цепи отнюдь не начинали перестрелки с турками, если бы они перешли из-за Дуная и сблизились с ними. Как скоро получится известие от разъездов или от жителей, что турки где-либо начинают переправу через Дунай, то казацки посты должны отступать к своим резервам, избегая столкновения с турками, а резервы должны действовать согласно смыслу сего предписания.

Само собой разумеется, что пункты сих наблюдательных отрядов, а равно и размещение главного лагеря показаны здесь только примерно, и от вас зависит их изменять, соображаясь с местностью и обстоятельствами, лишь бы выполнена была главная цель назначения вашего отряда, т. е. скорейшее приближение наших войск к Дунаю, наблюдение за турками и охранение по возможности Бухареста от набегов турок...

Приложение № 32

Список почтовых дорог в Придунайских княжествах¹

От Бухареста через Урзичени, Бузео и Рымник в Фокшаны.

От Бухареста через Урзичени и Лучию в Галац.

От Бухареста через Плоешти в Кронштадт.

¹ Архив воен. уч. ком., д. 3310, расписание почт по трактам, доставленное валахским правительством.

От Бухареста через Негошти в Ольтеницу и Калараш.
От Бухареста через Калугарени в Журжу, Зимницу и Турно.
От Бухареста через Чалонешти и Слатино в Крайово.
От Бухареста через Чалонешти и Руссо-де-Веде в Турно.
От Бухареста через Балени в Тырговисты.
От Бухареста через Питешти в Рымник.
От Фокшан через Водени в Браилов.
От Фокшан в Текуч.
От Плоешти через Мезилу в Бузео.
От Плоешти в Тырговисты и Кронштадт.
От Крайова через Каракал в Турно.
От Крайова через Радован в Калафат.
От Крайова через Цынцырени в Турн-Северин.
От Крайова через Цынцырени в Тыргу-Жиулуй.
От Крайова через Слатино в Рымник-Вильчи.
От Турно через Чалонешти, Текуч и Питешти в Камнулунг.
От Калафата через Фонтына-Банулуй в Турн-Северин.

В Молдавии почтовые дороги, по которым приходилось двигаться нашим войскам, были следующие¹:

1) от Романа на Баксу и Текуч проходило шоссе, переходившее вблизи Немолоса в почтовую дорогу, пролегавшую по левому берегу Серета до Галаца;

2) от Ясс до станции Мовила (40 верст) шло шоссе, а далее — почтовая дорога через Бырлад и Текуч в Галац;

3) от Леова через Фальчи в Бырлад.

На всех почтовых станциях, отстоявших одна от другой в среднем на расстоянии 20 верст, содержалось от 16 до 60 лошадей.

Приложение № 33

Диспозиция на случай появления неприятеля на левом берегу Дуная. 14 августа 1853 года²

Статья 1

Позади цепи для охранения Дуная от Зимницы до Силистрии находятся три резерва: один у Ойноки, принадлежащий авангарду генерал-адъютанта графа Анрепа-Эльмита; два у Негоешти и Гаунеша, принадлежащие авангарду генерал-лейтенанта графа Нирода.

¹ «Карта театра войны в Европе», изд. Военно-топографического депо, исправленная в 1853 г. по данным военной съемки.

² Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3419.

Статья 2

Коль скоро получится с передовых постов известие, что неприятель переправляется через Дунай, начальник резерва передовой цепи, в дистанции которого это последовало, доносит о том немедленно начальнику своему, а именно: резерва, у Ойноки стоящего, — генерал-адъютанту графу Анрепу-Эльмпту — в Копачени; резерва у Негоешти — генерал-лейтенанту графу Нироду — в Фрузанешти; резерва у Гаунеша — генерал-майору Богушевскому — в Обилешти. Вместе с тем он посылает сильную партию к угрожаемому пункту, дабы удостовериться в силах появившегося неприятеля.

Статья 3

Если неприятель переправился лишь ничтожной шайкой, то начальник резерва прогоняет его и доносит, как выше сказано; за Дунай же отнюдь не переходит для преследования.

Статья 4

Если, напротив того, неприятель будет в таких силах, что резерв не может его прогнать с полной уверенностью на успех, то начальник оного немедленно доносит, как сказано в ст. 3, извещая вместе с тем, по возможности, о силе и направлении неприятеля. Сверх того, начальник резерва у Негоешти посылает таковое же донесение прямо генерал-адъютанту графу Анрепу-Эльмпту — в Копачени и генерал-майору Богушевскому — в Обилешти.

Статья 5

Вместе с тем начальник резерва распоряжается о присоединении к себе подведомственных ему постов и застав и отступает: если дело касается резерва в Ойноки — к Калугарени; если дело касается резерва в Негоешти — к Фрудонешти; если дело касается резерва в Гаунеша — к Обилешти. При сем резерв отступает так, чтобы задние части его наблюдали за неприятелем, и доносит, как сказано в ст. 4, о направлении, какое неприятель будет брать.

Статья 6

Генерал-адъютант граф Анреп-Эльмпт, получив донесение, согласно ст. 4, из Ойнока, доносит командующему войсками 4-го и 5-го пехотных корпусов и извещает о приближении неприятеля командира Охотского егерского полка в Магурени и генерал-лейтенанта графа Нирода в Фрузанешти и вместе с тем сосредоточивает свой авангард у Копачени, оставляя войска, занимающие Калагурени и Гостинар, сколь можно долее на месте.

Статья 7

Начальник Обилештского отряда, получив подобный рапорт из Гаунешти, доносит командующему войсками 4-го и 5-го пехотных корпусов и командиру левого авангарда генерал-лейтенанту графу Нироду в Фрузанешти и вместе с тем сосредоточивает свой отряд у Обилешти, наблюдая неприятеля казаками.

Статья 8

По получении известия, согласно ст. 6, командир Охотского егерского полка, не ожидая дальнейших приказаний, сосредоточивает полк в Магурени лагерем или на бивуаках и ожидает там нового повеления.

Статья 9

По получении известия, согласно ст. 4 и 7, генерал-лейтенант граф Нирод доносит командующему войсками 4-го и 5-го пехотных корпусов и немедленно сосредоточивает Камчатский егерский полк, легкую № 4 батарею 11-й полевой артиллерийской бригады, Гусарский Его Императорского Величества наследника цесаревича полк и конно-легкую № 8 батарею у Фрузанешти.

Статья 10

В сем положении, т. е. с войсками, сосредоточенными у Фрузанешти и с передовым отрядом у Обилешти, генерал-лейтенант граф Нирод ожидает дальнейшего приказанія.

Статья 11

Если прежде получения такого приказанія неприятель станет угрожать в превосходящих силах генерал-майору Богушевскому, то он отступает на Фрузанешти и доносит о том генерал-лейтенанту графу Нироду и командующему войсками 4-го и 5-го пехотных корпусов. Во время сего движения он держит для наблюдения казачьи партии столь близко к неприятелю, сколь это возможно, не подвергая их опасности быть отрезанными.

Статья 12

С сосредоточением войск, в сей инструкции поименованных, они отправляют больных в Бухарест, а обозы свои третьего разряда при надежных офицерах — в Калентино (позади Бухареста, где имеет быть составлен общий вагенбург); прочие же обозы ставят в нескольких верстах за собой. В Калентино обозы следуют, минуя улицы Бухареста.

Статья 13

Во время сосредоточения войск и после оного начальники передовых отрядов посылают беспрестанные разъезды по всем направлениям для наблюдения за неприятелем и для связи между собой и обо всем важным доносят командующему войсками.

Приложение № 34

Распределение войск в княжествах, исправленное по сведениям князя Горчакова от 2 сентября 1853 года

А В А Н Г А Р Д

(3 полка 4-й легкой кавалерийской дивизии с 2 конными батареями, 7 батальонов 10 пехотной дивизии с 2 батареями, 1 полк 11-й пехотной дивизии, Донских казачьих № 40, 9 и 34 полков 15 сот.)

Правый отряд при Копачени (со стороны Рущука для наблюдения пространства от Зимницы до Гряка)		
<i>4-я легкая кавалерийская дивизия:</i>		
Гусарский Его Импер. Высоч. наследни- ка цесаревича полк	7 эск.	Копачени
“—”	1 эск. (с 2 р.)	Калугарени
<i>4-я конно-артиллерийская бригада:</i>		
Легкая № 8 батарея	6 ор.	Новачи
	2 ор.	Калугарени
Донской казачий № 40 полк	5 сот.	Ойнаку, Кирияку, Гостинарь
От сего полка на наблюдательных по- стах	¹ / ₂ сот.	Муржа
	¹ / ₂ сот.	Бригадир
<i>10-я пехотная дивизия:</i>		
Томский егерский полк	4 бат.	Крецешти
Колыванский ¹ егерский полк	2 бат.	Копачени
“—”	1 бат.	Дорешти
<i>10-я полевая артиллерийская бригада:</i>		
Батареинная № 2 батарея	12 ор.	Копачени
Легкая № 2 батарея	12 ор.	
Итого:	8 эск., 7 бат., 8 кон. и 24 пеш., 32 ору- дия, 6 сот.	

¹ 3-й батальон Колыванского егерского полка находился в Бузео для караулов при военно-временном госпитале.

Левый отряд при Фрузанешти (со стороны Силистрии для наблюдения пространства от Гряки до Браилова)		
<i>4-я легкая кавалерийская дивизия:</i>		
Вознесенский уланский полк	6 эск.	Горбанешти, Приязно-Ноу
	2 эск. (и $\frac{1}{2}$ сот.)	Слободзея
Ольвиопольский уланский полк	6 эск.	Обилешти
	2 эск. (при 2 ор. и 3 сот.)	Негоешти
<i>4-я конно-артиллерийская бригада:</i>		
Легкая № 7 батарея	6 ор.	Обилешти
	2 ор.	Негоешти
<i>11-я пехотная дивизия:</i>		
Камчатский егерский полк	4 бат.	Фундени- Вакале- Рускули
Донской казачий № 34 полк	3 сот.	Негоешти и на наблюдатель- ных постах при Ульмени
	3 сот.	Обилешти
Донской казачий № 9 полк	3 сот.	Визиры, Чар- ро-Дайтчешки и Гендарешти
Итого:	16 эск., 4 бат., 8 кон. ор., 9 сот.	
Всего в авангарде: 24 эск., 11 бат., 16 кон. и 24 пеш. орудий, 15 сот.		

<p align="center">Отряд в Комани (2 полка 5-й легкой кавалер. дивизии с 1 кон. бат., 2 полка 10-й пех. дивизии с 2 бат., Донского казач. № 38 полка 6 сот.) Для охранения пространства к западу от р. Веде в Малой Валахии</p>		
<i>5-я легкая кавалерийская дивизия¹:</i>		
Гусарский Его Высоч. принца Фридриха-Карла Прусского полк		8 эск.
Гусарский князя Варшавского полк		8 эск
<i>5-я конно-артиллерийская бригада:</i>		
Легкая № 10 батарея		8 ор.
<i>10-я пехотная дивизия:</i>		
Екатеринбургский пехотный полк		4 бат.
Тобольский пехотный полк		4 бат.
<i>10-я полевая артиллерийская бригада:</i>		
Батареинная № 1 батарея		12 ор.
Легкая № 1 батарея		12 ор.
Донской казачий № 33 полк		6 сот.
Итого:		16 эск., 8 бат., 8 кон. и 24 пеш. орудий, 6 сот.
<p align="center">Промежуточный отряд в Плоске (Донского казач. № 37 полка 6 сот.) Для охранения пространства между главными силами и отрядом в Комани</p>		
Донской казачий № 34 полк	4 сот.	Плоска
	2 сот.	Для наблюдения по течению Дуная, между устьями рек Веден и Ольты, и немного вверх по сей последней — примерно до Плопи
Итого:	6 сот.	

¹ В Комани, в Малой Валахии.

Главные силы		
(2 полка 5-й легкой кавалер. дивизии с 1 кон. бат., 1 донская бат., 7 полков 11-й и 12-й пех. дивизий, 11-я и 12-я полевые арт. бригады, 1 стрелковый бат., 1 ¹ / ₄ саперн. бат., Донского казач. № 25 полка 6 сот.)		
В окрестностях Бухареста		
5-я легкая кавалерийская дивизия:		
Бугский уланский полк	8 эск.	Пресечени
Уланский Его Выс. герцога Нас-сауского полк	8 эск.	Мьершье
5-я конно-артиллерийская бригада:		
Легкая № 9 батарея	8 ор.	Клежаны
11-я пехотная дивизия:		
Селенгинский пехотный полк	4 бат.	Балентину—Дын-Вал
Якутский пехотный полк	4 бат.	Домнештите-де-Сусс
Охотский егерский полк	4 бат.	Магурели
11-я полевая артиллерийская бригада:		
Батарейная № 3	12 ор.	Леордени и Попешти
Легкая № 4	12 ор.	
Легкая № 5 батарея	12 ор.	
12-я пехотная дивизия:		
Азовский пехотный полк	4 бат.	Купалацы—Эпископу-луй
Днепровский пехотный полк	4 бат.	Миловое-де-Сусс
Украинский егерский полк	4 бат.	Хиербинцы
Одесский егерский полк	4 бат.	Стефанешти
12-я полевая артиллерийская бригада:		
Батарейная № 4 батарея	12 ор.	Корбянка и Бухарест
Легкая № 6 батарея	12 ор.	
Легкая № 8 батарея	12 ор.	
Артиллерийский резерв:		
Легкая № 3 батарея 11-й артилле-рийской бригады	12 ор.	Могошое
Легкая № 7 батарея 12-й артилле-рийской бригады	12 ор.	Буфти-де-Сусс
Донская № 9 батарея	8 ор.	Чеканешти
4-й стрелковый батальон	1 бат.	Джулешти
4-й саперный батальон	1 бат.	Дудешти
4-й понтонный парк с понтонной ротой		Пантелеймон
5-го саперного батальона 4-я рота		Колентино
5-й понтонный парк с понтонной ротой		Добрешти
Донской казачий № 25 полк	5 сот. ¹	Бухарест

Главные силы (2 полка 5-й легкой кавалер. дивизии с 1 кон. бат., 1 донская бат., 7 полков 11-й и 12-й пех. дивизий, 11-я и 12-я полевые арт. бригады, 1 стрелковый бат., 1 ^{1/4} саперн. бат., Донского казач. № 25 полка 6 сот.) В окрестностях Бухареста		
<i>Подвижные артиллерийские парки:</i>		
№ 10 и 11		Плоешти
№ 12		Букова
№ 14 ²		Ольбешти
Промежуточный парк (составлен из местных парков Хотина и Тирасполя)		Фокшаны
Итого:	16 эск., 30 ^{1/4} бат., 16 кон., 96 пеш., 6 сот.	

¹ Одна сотня распределена по разным командам.² Парк № 15 отправлен с порожними повозками в Леово для доставки снарядов

Отряд в Браилове (1 полк, 1-й легкой кавалер. дивизии, 2 полка 15-й пех. дивизии с 2 батар., Донского казач. № 9 полка 3 сот.) Для наблюдения пространства от Браилова до Калараша		
<i>4-я легкая кавалерийская дивизия:</i>		
Гусарский Его Высоч. принца Фридриха- Вильгельма Прусск. полк	8 эск.	Максимена
<i>15-я пехотная дивизия:</i>		
Люблинский егерский полк	4 бат.	Максимена, Сербенты, г. Яссы, рота в Скулянах и 300 чел. в Фокшанах для хлебопечения
Замосцьский егерский полк	2 бат.	Галац
	5 бат.	Браилов
<i>15-я полевая артиллерийская бригада:</i>		
Легкая № 7 батарея	8 ор.	Максимена
"—" № 8	4 ор.	Галац
"—" № 8	4 ор.	Браилов
Донской казачий № 9 полк	1 сот.	Сандара
	1 сот.	Карбыши
	1 сот.	Галац и Браилов
Итого:	8 эск., 8 ат., 20 пеш. ор., 3 сот.	
Всего войск в княжествах: 64 эск., 58 ^{1/4} бат., 40 кон. и 164 пеш. орудий		

**Князь Горчаков — Г. Соймонову. 12 сентября 1853 года,
Бухарест, № 590/3¹**

Предлагаю вашему превосходительству соблюдать строже бдительность, так как, по всем вероятностям, разрыв с турками последует в самом скором времени и притом весьма может быть, что они сделают попытки [перейти] на правый берег Дуная даже прежде объявления войны.

С первым известием о переправе турок на наш берег вывести на позицию позади Капочени ваш авангард, кроме казаков, а также одного дивизиона кавалерии, находящегося у Калагурени.

Если же только покажутся малые шайки, то казаки должны их прогнать.

А если, напротив того, переправится такое число турок, что казаки не смогут их прогнать, то отступать им от Журжи на Калагурени; дивизион же, в Калагурени находящийся, не должен принимать там настоящего боя. Он находится там для того, чтобы обеспечить отступление казаков, но без нужды ему из окрестностей Калагурени не должно отступать, а [следует только] наблюдать за движением турок, посылая партии к Журже.

В случае если турки приблизятся к Калагурени в таких силах, что одному дивизиону с казаками нельзя [будет] их прогнать, то казаки с дивизионом пусть отходят к вашему авангарду.

Если вы по достоверным сведениям будете знать, что к Калагурени подошло только малое число турок, которое вы можете прогнать без всякого риска, то, перейдя сами Аржис, атакуйте и разбейте.

Если же турки будут идти на вас такими силами, что вы не можете быть уверенными их прогнать, то оставайтесь на левом берегу Аржиса и, если они захотят перейти через эту реку, атакуйте их немедленно по переходе через оную.

Для вашего подкрепления будет своевременно сосредоточено у Желавы достаточное число войск 11-й и 12-й пехотных дивизий.

Если турки перейдут Дунай, то присылайте мне донесения как можно чаще о их силе, действиях и о том, что вы будете предпринимать.

О получении настоящего предписания ожидаю вашего донесения.

¹ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3353.

**Предписание командующего войсками генерал-лейтенанту
Фишбаху от 1 октября 1853 года, Бухарест, № 1400¹**

К составлению отряда вашего превосходительства и движению его в Малую Валахию я был побужден преимущественно тем соображением, что в случае объявления войны турки, зная, что я нахожусь со значительными силами около Бухареста, не решатся на вторжение в Большую Валахию, но, дабы не оставаться в совершенном бездействии, предпримут вторжение в Малую Валахию, с одной стороны, для того, чтобы пожить в этом крае, с другой — для того, чтобы, не подвергаясь большой опасности, иметь возможность хвастаться, что они безбоязненно предпринимают наступательные действия на нашей стороне Дуная. Итак, цель вашего отряда состоит в защите Малой Валахии от частных покушений неприятеля. Для достижения сей цели я нахожу выгоднейшим для вас образом действий не оставаться долгое время на одном месте, а переходить из [одного] пункта в другой по разным направлениям и, кроме того, посылать особый, довольно сильный отдел то в одну сторону, то в другую; этим вы будете отвлекать внимание неприятеля и поставлять его в недоумение насчет наших намерений.

Поэтому разрешаю вам, по собственному соображению, переходить по временам с одного места на другое, между Жио и Ольтой, и, кроме мелких партий по всем направлениям, посылать довольно сильный отдел, примерно в 4 эскадрона с сотней казаков, за один переход или за два от себя, с тем, чтобы этот отдел разглашал, что он составляет ваш авангард, и от себя посылал бы малые партии сколь можно далее. Самим вам с отрядом идти в Крайово невыгодно, а лучше делать движение, оставаясь в двух или трех маршах от Дуная, между Жио и Ольтой; но послать в Крайово на время помянутый отдел весьма полезно. Само собой разумеется, что при откомандировании этого отдела надобно распорядиться так, чтобы он всегда мог, при появлении где бы то ни было значительных неприятельских сил, своевременно присоединиться к вам, и что ему должно быть предписано в серьезный бой отнюдь не вдаваться. Надобно стараться, чтобы, по возможности, этот отдел возвращался к вам не тем путем, которым шел вперед. От вашего усмотрения тоже будет зависеть, придавать оному два конных орудия в тех случаях, где вы это найдете полезным и безопасным.

Предпринимая движения с отрядом в каком бы то ни было направлении, вы всегда должны иметь в соображении, не находится ли где-либо на противоположном берегу Дуная значительных неприятельских сил, которые могли бы иметь возможность, переправясь там через Дунай, стать на пути сообщения вашего с Бухарестом.

¹ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3431.

Для уничтожения происков неприятеля отрядами даже в несколько тысяч человек, переходящими на левый берег Дуная в разных пунктах хотя бы и одновременно, силы ваши совершенно достаточны, но они бы перестали быть достаточными, если бы турки, постигая невозможность проникнуть в Большую Валахию, охраняемую главными нашими силами, находящимися около Бухареста, решились оставить одни лишь гарнизоны в болгарских крепостях и достаточный отряд в Бабадагской области, а затем, сосредоточив примерно от 25 до 30 тысяч человек на Верхнем Дунае, быстро перешли на левый берег одного от стороны Видина или Рахова.

Я решительно не хочу, чтобы войска при начале войны претерпели неудачу где бы то ни было, так как это неминуемо имело бы самое вредное влияние на ход целой кампании. Лучше дозволить туркам кратковременно занять Малую Валахию, нежели подвергнуть войска вредному влиянию неудачи при открытии кампании.

По сей причине в вышеозначенном случае, если вам не будет возможно без риска атаковать неприятеля и отбросить его за реку при начале им переправы, то вы должны ограничиться наблюдением, посредством партий, за движениями наступающего неприятеля, держаться всегда от главного его корпуса на таком расстоянии, чтобы ему нельзя было вас атаковать, и стараться навести его на меня; я же, по удостоверении, что действительно большие силы направляются против вас, приду к вам на подкрепление форсированными маршами, и тогда дела примут другой оборот.

При сем считаю нужным упомянуть, что, по последним сведениям, Омер-паша уменьшил гарнизон Силистрии и Рушука и стягивает довольно значительные силы к Врацу и Видину. Поэтому переходить вам Жио с отрядом я полагаю делом опасным, ибо, приманив вас за эту реку переправой одного отряда у Видина, туркам можно будет, когда вы станете приближаться к Калафату, перейти с другим сильнейшим отрядом вам в тыл со стороны Рахова или Никополя. Итак, если турки начнут переправу у Рахова или Никополя, то вы можете смело на них идти, дабы, буде можно, их атаковать и разбить во время самой переправы; ибо если бы вам и не удалось сего и вы подошли бы к пункту их перехода за Дунай тогда, когда они на нашей стороне в таких уже силах, что вам без риска атаковать нельзя бы, то вам все-таки можно без затруднения отступить к Бухаресту, не вступая в неравный бой.

Если же турки, напротив того, начнут переправу у Видина, то вам на них идти с отрядом за реку Жио не следует; иначе турки, заманив вас к Калафату, могут, перейдя Дунай, значительными силами у Рахова или Никополя вас отрезать; в подобном случае вам надобно наблюдать за ними только легкими партиями и, дав им дойти самим до р. Жио, действовать по обстоятельствам, т. е. или атаковать их при переходе через эту реку, или же отступить к Бухаресту, не вступая с ними в бой.

Руководствуясь этим общим начертанием в продолжение предстоящих вам военных действий, вы не должны, однако ж, вдавать себя в обман лживыми слухами или хвастливыми разглашениями турок и оставлять Малой Валахии без надобности пред незначительными отрядами, одним словом, для успеха ваших действий необходимо разумное соединение смелости и осторожности.

Зная ваши опытность и способности, я уверен, что, соображаясь с изложенными здесь мыслями моими, с одной стороны, вы не оставите Малой Валахии без причины, а с другой — не подвергнетесь неудаче, которой я допустить никак не могу.

Вам известно из предписания моего от 25 августа за № 925, что в Крайове есть малый запас провианта.

Дабы не иметь необходимости расходовать вашего сухарного запаса, который вы должны всеми мерами всегда стараться иметь в полности налицо, требуйте чрез находящегося при вас комиссара, чтобы были заготовляемы везде, где сочтете нужным, мука, крупа и другие припасы, впрочем, без излишества, дабы понапрасну не изнурять край, но с нужной соразмерностью, дабы не иметь недостатка.

За подобные припасы выдавайте установленные квитанции; настаивайте строго, чтобы ваши требования были немедленно исполняемы, под опасением, что в противном случае вы сами будете брать припасы, где найдете.

В случае необходимости я вам разрешаю брать подобным образом припасы, но при сем все-таки давать установленные квитанции.

Приложение № 37

Руководство для боя против турок, составленное князем Горчаковым. Доложено Его Величеству 30 июля 1853 года¹

§ 1

Против турок должно вообще избегать боя рассыпным строем, даже в местах пересекаемых или покрытых высоким кустарником. Охранять твердый фронт от пеших турецких стрелков или фланкеров, когда это нужно, всего лучше посредством застрельщичьих взводов или рот в ротных колоннах, выдвинутых шагов на 100 или 150 вперед и поставленных, без рассыпания в цепь, за какими-либо неровностями места. С приближением неприятельской конницы этим взводам или ротам строить кучу или каре и отступать к батальонам. В кавалерии также не должно рассыпать фланкерной цепи, а, когда нужно, выдвигать перед фронтом фланкерные полуэскадроны, не составляя из них цепи.

¹ Архив канц. Воен. мин. по снаряжению войск, 1853 г., секр. д. № 52.

§ 2

Цепи употреблять только в самых лесистых местах, поддерживая их всегда сильными резервами в сомкнутых взводах или в ротных колоннах.

§ 3

Пехоте вообще ходить походом и строиться для боя в колоннах к атаке¹. Каре строить только тогда, когда неприятельская кавалерия непосредственно угрожает атакой.

§ 4

Во время движения вблизи неприятеля для наблюдения впереди фронта, флангов и тыла отрядов не иметь цепей, а [соединиться] в сомкнутые взводы.

§ 5

От каждой пехотной дивизии будет отделяться по одной или по две батареи в общий артиллерийский резерв; затем при дивизии будет по 24 или по 36 орудий.

§ 6

В пехоте боевой порядок должен быть: [если] более двух батальонов — в две линии с резервом.

Если три батальона, то два в первой линии, один — во второй.

Если четыре батальона, то по два батальона в каждой линии.

Если пять и шесть батальонов, то по два батальона в двух первых линиях, один или два в резерве.

Если семь, восемь и десять батальонов, то в первых двух линиях по три батальона; в резерве один, два или три батальона.

Если от десяти до шестнадцати батальонов, то в первых линиях по четыре батальона, в резерве от двух до восьми батальонов.

§ 7

Колонны первых двух линий должны быть на интервалах от ста пятидесяти до двухсот шагов.

Первая линия от второй — на двести шагов.

Если резерв менее трех батальонов и без артиллерии, то в двухстах шагах от второй; если батальонов три и более или даже два или три батальона и при них батарея, то не менее как на четыреста шагов.

¹ Разумеется, что во время переходов из колонны к атаке по мере надобности строятся колонны по отделениям или из середины, или шестирядные.

Если резерв значителен, например, в четыре батальона или более, и при нем артиллерия, то должно его держать в шестистах шагах и более от второй линии.

§ 8

Артиллерия может стоять только в первой линии или резерве.

§ 9

В первой линии ставить ее в интервалах батальонов пополубатарейно. В случае надобности эти полубатарей усиливаются частью артиллерии резерва.

§ 10

В третьей линии артиллерии быть в дивизионных или полубатарейных колоннах.

§ 11

При атаке резерву быть в колоннах в пятидесяти шагах правее и левее резерва артиллерии, в одну или две линии, смотря по степени силы своей. Передняя линия должна быть наравне с головой артиллерии; вторая — наравне с хвостом ее.

§ 12

Когда кавалерия в отряде при пехоте, то иметь ее на пространстве между второй линией и резервом в дивизионных колоннах; конную артиллерию — при артиллерийском резерве отряда.

§ 13

Для боя с турками всего выгоднее встречать их в боевом порядке и выжидать их атаки. Для верности успеха надобно их выманивать из их позиции, встречать сильным пушечным огнем и переходить самим к наступлению тогда уже, когда они будут заметно расстроены действием нашей артиллерии.

§ 14

При своих атаках турки обыкновенно охватывают нас с разных сторон и стараются нападать на наши фланги и даже тыл. Этого-то нам и надобно: мы всегда били турок в поле именно оттого, что они действовали этим глупым образом, думая, что испугают нас, нападая с разных сторон.

§ 15

Положим, что одна толпа бросилась на нас с фронта, а другая в наш правый фланг. Передовую отбивает артиллерия первой линии, а против боковой открывают огонь ближайшие орудия первой линии и, сверх того, полубатарея или батарея из резерва делает на походе левое плечо, выдвигается вперед не далее оконечности правого фланга второй линии и прогоняет неприятеля своим огнем; два батальона из резерва становятся правее и левее выдвинувшейся таким образом батареи, чтобы непосредственно прикрыть ее фланги.

Если неприятель направится тремя или четырьмя толпами на фронт, [на] оба фланга и даже на тыл, то тем лучше: ибо атаки его будут тем слабее, оттого что силы его будут более разделены. Против передовой и боковых атак наступать, как сказано выше; а против атаки в тыл часть резерва артиллерии выстраивается фронтом назад, причем два батальона становятся правее и левее тоже фронтом назад для непосредственного прикрытия орудий.

§ 16

Кавалерию всего лучше употреблять тогда, когда артиллерия наша уже расстроила неприятельскую атаку. Тогда наша конница выдвигается из-за пехоты, поражает и преследует неприятеля. Для успеха атаки нашей кавалерии надобно вести ее на неприятеля не менее как двумя линиями, передняя — развернутым фронтом, вторая — в дивизионных колоннах к атаке.

§ 17

В европейской войне авангарды обыкновенно отделяются от главных отделов войск в полупереходе или даже в целом переходе. На войне против турок этого никогда не должно делать. Как скоро войска вблизи неприятеля, надобно иметь за правило авангард держать вообще не далее 5 верст от главных сил, а на ночь присоединять его даже к оным.

§ 18

Все эти правила не выдуманы мною, а были постановлены и всегда соблюдаемы генерал-фельдмаршалом князем Варшавским в знаменитых походах его против персиян и турок. Нам остается только следовать его примеру.

§ 19

Из всего изложенного выше видно, что отнюдь не должно конфузиться при появлении турок с разных сторон толпами на наш боевой порядок, ибо, как сказано выше, этого-то нам и нужно.

§ 20

Но сколь мало опасны нападения турок, когда их принимают на месте, столь же они вредны во время отступления. Всем опытным офицерам известно, что лучше выдержать на месте атаку турок в десять раз сильнее себя, чем отступать перед турецким отрядом даже слабейшим: ибо они тут наседают, как пчелы. Поэтому надо принять за правило держаться на месте донельзя и отбиваться; а в редких случаях, когда, по необходимому особым причинам, высшее начальство прикажет отступление в виду неприятеля, то каждый раз при его сближении останавливаться, давать отпор, потом немного отходить, и как скоро турки начнут снова приближаться, то снова остановиться и снова отражать их нападение.

§ 21

При действии ружейным огнем главное то, чтобы все люди прикладывались в пояс. Офицерам строго в деле смотреть, чтобы никто не стрелял вверх, и на месте же наказывать тех, которые стали бы делать это, ибо стрелять, не прицелясь, в поле или вверх, есть наивеличайшая глупость: одним шумом выстрелов никого не испугаешь.

§ 22

Штуцерных в передовые цепи не высылать, а иметь соединенными в каждом батальоне или полку и употреблять их, выдвигая сомкнуто вперед вместе с застрельщиками взводами или ротной колонной за неровностью места, с тем, чтобы в случае надобности те и другие отступали с ними кучами к сомкнутому фронту, как сказано в § 1.

§ 23

Прежняя кавалерия турецкая была известна своей смелостью. Теперь начали ее учить по-регулярному: смелость она потеряла, а настоящего устройства не получила. Наша кавалерия должна непременно смело на нее ходить; если неприятель станет ее охватывать с флангов, то этим вовсе не конфузиться: в подобном случае фланговые дивизионы второй линии должны построить фронт направо или налево и ударить на тех, которые угрожают нам сбоку. Я видел следующий пример: один русский дивизион пошел фронтом на сильную неприятельскую кавалерию, имея непосредственно за своим фронтом другой дивизион в колонне к атаке. Турки бросились на него прямо, слева и справа; задний дивизион вдруг заехал поэскадронно в обе стороны и ударил по боковым толпам, а передний на фронтую. Надобно было видеть испуг турок; их положили на месте более трехсот человек.

§ 24

Одна существенная опасность в войне против турок есть беспорядок в обозах, ибо с потерей обозов теряются и запасы продовольствия; а без этих запасов в здешнем крае войска существовать не могут. Поэтому-то турки и стараются нападать сколь можно чаще на обозы. Начальство должно постоянно пешись, чтобы обозы шли в порядке и не растягиваясь; чтобы останавливались не иначе как вагенбургами в колоннах или каре и чтобы при них было всегда достаточное прикрытие под командой строгого начальника. Прикрытие отнюдь не должно раздробляться, а на походе идти и на месте останавливаться всегда в сомкнутом строе одним или несколькими отделами.

§ 25

Теперь турки начали устраиваться по-регулярному; свое забыли, а нового не выучили. Весьма вероятно, что регулярные их войска будут составлять только резервы, а все главные силы их будут состоять из ретифов (сборной на время войны сволочи), которые будут действовать по-прежнему. Правил, данных в предыдущих параграфах и особенно в § 13, должно в точности держаться и в тех случаях, когда придется иметь дело против войск большей частью из регулярных турецких полков; нет ничего выгоднее, как выдержать атаку дурно выученного и ненадежного регулярного войска и ударить на него тогда, когда оно расстроено огнем нашей артиллерии.

§ 26

Надобно всегда иметь в памяти, что иррегулярное войско, в беспорядке по полю разбросанное, на первый взгляд кажется по меньшей мере вдвое сильнее, чем то действительно есть. Чтобы оценить подобное войско, надобно сосчитать число главных куч и сообразить, как сильна может быть каждая из них.

Приложение № 39

Всеподданнейшее письмо князя Варшавского от 2 (14) июля 1853 года¹ Всемилостивейший Государь!

<...>Письмо Вашего Императорского Величества от 21 июня (3 июля) имел счастье получить. Всемилостивейшее доверие Ваше, которое и из сего письма я имею счастье видеть, заставляет меня постоянно думать о настоящих делах наших с Турцией. Осмеливаюсь представить записку, в которой изложены мысли мои на этот счет. Мне кажется, что если бы, несмотря на занятия княжеств, турки, подстрекаемые другими, продол-

¹ Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.

жали упорствовать или сами нас атаковали и тем заставили бы нас объявить им войну, то что в таком случае делать.

Все прежние войны наши в Турции доказывают, что наши неудачи и потери происходили не от одного неприятеля, но от недостатка всех родов в голодном крае и от болезней, частью от того происходящих. Чтобы отвратить это, делом первой важности было бы закупить теперь же в Одессе хлеба и сделать неприкосновенный магазин до перехода за Балканы. Перевезти его, если можно, морем, а если неприятельские флоты не допустят, то из Одессы в Измаил и до Гирсова, а оттуда до Варны с небольшим 100 верст. В записке я вхожу в некоторые по сему предмету подробности. Насчет же размещения войск при начатии военных действий я думаю, что лучше не занимать Малой Валахии, а держаться на Дунае от Гирсова до Бухареста, так что только квадрат с небольшим в сто верст, от Гирсова на Варну, Шумлю, Русчук и Силистрию, будет местом первых наших действий.

Но Бог даст Турции образумиться, и все кончится к чести и славе России.

У нас все спокойно и благополучно. <...>

Князь Варшавский граф Паскевич-Эриванский

Вспоподданнейшая записка генерал-фельдмаршала князя Варшавского от 2 (14) июля 1853 года

Занятие княжеств нашими войсками есть уже во всяком случае удовлетворение за неисполнение Турцией своих обязательств; но если бы турки упорствовали и сами бы нас атаковали, тогда заставили бы нас вести войну.

Для верного достижения цели сей войны необходимо выиграть время, что может быть полезно в двух отношениях:

1. Ныне державы Европы — если не все, то по крайней мере многие — против нас, а другие — не за нас. Невероятно, однако, что хотя бы к будущему году не встретилось каких-либо причин к несогласию между европейскими державами, что должно обратиться в нашу пользу.

2. Между тем мы можем приготовиться и избежать тех непредвиденных препятствий, которые, как история всех наших войн в Турции показывает, всегда замедляли наши успехи или были причиной наших потерь, так что если нам и сопутствовал успех, то большей частью по слабости и оплошности самих турок¹.

Заняв княжества, мы не начинаем войны. Посему нет необходимости переходить теперь же Дунай или начинать самим военные действия. Если же турки перешли бы на левый берег, то, без сомнения, их следует отбросить, но и тогда еще подумать, идти ли вперед или остановиться; ибо едва ли мы будем готовы для перехода за Балканы.

¹ Не говоря о прежних войнах, мир 1811 года служит тому доказательством.

Разумеется, если бы удалось разбить и разогнать их армию, так чтобы все пространство перед нами очистилось, тогда, конечно, пользоваться обстоятельствами и идти вперед. Но это может быть почитаемо только счастливым случаем, который упускать не должно, но на который рассчитывать не следует, тем более что есть средство к успеху вернее.

В Одессе всегда есть запасы всякого рода хлеба, приготовленного за границу. В нынешнем году, без сомнения, отпуск его приостановится, следственно, цены понизятся. Легко закупить там до 100 тысяч четвертей ржи или пшеницы, в муке или зерне, и до 30 тысяч четвертей овса или ячменя; также круп, водки, соли и проч. Это составит *запасной* провиантский магазин для употребления при переходе за Балканы. Вместе с тем должно иметь запас и военных снарядов, полагая на каждое полевое орудие по 500, а на осадное до 800 выстрелов.

Само собой разумеется, что если бы потребовалось, то для войск в княжествах и до [перехода за] Балканы ничто не препятствовало бы закупить в Одессе и большее количество продовольствия.

Приготовив запасной магазин — иметь возможно большее число каботажных судов и транспортов, которые бы могли ходить вдоль берегов.

К перевозке сей должна быть употреблена также и Дунайская наша флотилия, которая, вероятно, к тому уже приготовлена.

Закупка в Одессе хлеба не может обойтись дорого по случаю необходимого понижения цен; да и во всяком случае, если бы даже хлеб нам и не понадобился, то, с возобновлением торговли с заграницей, его можно будет продать не говорю с барышом, но по крайней мере без убытка или с незначительным ущербом.

Имея запасы, каботажные суда, транспорты, магазин должно будет перевезти сначала в Килию, а если там не будет места для складки (а не [для] магазинов, ибо достаточно одних подмостков с рогожными покрывками), то в Измаил.

По мере движения наших войск осенью ли нынешнего, или весною будущего года магазин сей перевозить морем далее: первым пунктом должна быть Кюстенджи или Коварна, вторым Варна, третьим Бургас.

Перевозка не может встретить важных препятствий, если будут суда, способные к ходу вдоль берегов, ибо в случае, когда бы неприятельские флоты, войдя даже в превосходящих силах в Черное море, заперли наш флот в портах, то и тогда с осени есть несколько месяцев в году, когда корабли не могут держать моря и препятствовать ходу береговых судов.

Но если бы флоты неприятельские и помешали везти магазин из Измаила далее морем, тогда можно перевезти его Дунаем от Измаила до того места, где будет мост на Дунае; а оттуда до Варны 100 верст. По взятии же Варны магазин может быть перевезен гужом.

Магазин сей должен быть неприкосновенным до тех пор, пока войска не перейдут Балканы, или по крайней мере до Варны.

По опыту предшествовавших войн наших в Турции, я почитаю запас сей делом первой важности, ибо все наши потери и убыль в людях

происходили не от неприятеля, но от недостатков всякого рода в голландном крае.

Затем, если решена будет война, то военные действия могут открыться осенью нынешнего года или ранней весной, ибо в том климате иногда конец января, а февраль большей частью бывают уже удобны.

В зимнее время, как известно, турецкие милиции расходятся по домам и собираются не ранее как в начале лета. Останутся одни регулярные войска.

Военные действия будут зависеть от соображения дальнейших обстоятельств, но смею думать, что первые наши распоряжения и приготвления запасов будут служить основанием и ручательством успеха впоследствии.

Я не вхожу в подробности о распределении войск, но скажу мимоходом, что полезнее было бы не распространяться в Малой Валахии с началом военных действий, а занять только Бухарест небольшим гарнизоном, с тем что если бы неприятель бросился в больших силах, то отойти.

Линия наша на Дунае должна быть от Бухареста до Гирсова.

Конечно, турки могут вторгнуться в Малую Валахию и разорять христиан, но мы не в состоянии защищать их всех.

В эту ошибку мы всегда впадали, начиная от Миниха и Румянцева до Каменского. Он дошел даже до Видина и хотел вести кампанию на Софию; ему воспрепятствовало то, что в 1811 году у него взяли три дивизии.

Наша линия не должна быть слишком растянута. От Гирсова до Бухареста 100 верст, до Варны также 100 верст. Пространство от Бухареста и Гирсова на Варну, Шумлу, Рушук и Силистрию будет квадратом наших первых действий.

Генерал-фельдмаршал князь Варшавский¹

Приложение № 40

Всеподданнейшая записка князя Варшавского, представленная Государю Императору в Варшаве 11 сентября 1853 года²

Собственной рукой Его Величества написано карандашом:

«к сведению».

Ваше Императорское Величество, милостиво сообщая мне о ходе турецких дел, в последнем всемилостивейшем письме соизволили отозваться как о войсках князя Горчакова, так и о том числе войск, которое князь Воронцов считает возможным выставить на азиатской границе.

¹ Копия этой записки 9 июля 1853 года, по высочайшему повелению, весьма секретно была отправлена на заключение кн. М. Д. Горчакова, с оговоркой, что заключение его сохранится в совершенной тайне (Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60).

² Архив. канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.

Упомянув во всеподданнейшем ответе, что буду иметь счастье представить мысли мои по сему предмету в Варшаве, осмеливаюсь доложить следующее:

В настоящем положении дел все зависит от решения двух вопросов: во-первых, как будут поступать четыре европейские державы?

Предоставят ли они Турции самой разрешить недоразумения ее с Россией, так как она не приняла венских предложений, их уполномоченными составленных, или будут поддерживать Турцию, несмотря на ее упорство, и пошлют флоты свои в константинопольские воды?

Во-вторых, благоугодно ли будет Вашему Императорскому Величеству, продолжая занимать Придунайские княжества, оставаться в сем положении, пока турки не выполняют Ваших требований; или начать войну наступательную; или, наконец, турки, бессильные против возбужденного фанатизма своих полчищ, вынуждены будут сами начать военные действия, чего, впрочем, ожидать мудрено.

В первом случае, т. е. когда Европа не будет вмешиваться в турецкие дела, когда, по крайней мере, ни Франция, ни Англия не вышлют своих флотов, и, следовательно, Черное море будет для нас свободно, — в сем случае ничего [нет] лучше, как обратиться к первоначальному предположению Вашего Императорского Величества, т. е. к десанту в Босфор. Тогда турецкие войска, собранные в Шумле и на Дунае, принуждены будут спешить на защиту Константинополя, а войска князя Горчакова в состоянии будут идти вперед. Полагаю, что у него будет приготовлено то, что составляет первую необходимость в войне в Турции, т. е. продовольствие на три или четыре месяца и перевозочные способы. Без сомнения, при свободном плавании по Черному морю наша флотилия и каботажные суда могут перевозить запасы во все прибрежные пункты. Десант в таком случае не может представлять той опасности, какой бы он неминуемо подвергся, если б Черное море не было свободно; если бы флот наш рисковал быть разбитым сильнейшим соединенным неприятельским флотом; если б он был заперт или принужден принять сражение в позиции невыгодной; если бы он, даже высадив десант, принужден был уйти, а десант, не успев занять крепкой позиции, мог быть потерян. Все это могло, по всей вероятности, случиться весной, ибо, по расчету, флоты французский и английский могли прийти к Константинополю почти в одно время с нашими кораблями.

Во втором случае, т. е. когда бы европейские державы, продолжая вмешиваться в дела Турции, прислали свои флоты, которые, в соединении, были бы сильнее нашего Черноморского флота, тогда десант был бы невозможен; оставалось бы действовать только на сухом пути.

При этом будут важны два обстоятельства:

- 1) доставка продовольствия всех родов и запасов и
- 2) увеличение собственных сил вооружением христианских племен Турции.

1. Театром наших первоначальных военных действий будет, без сомнения, квадрат: от Гирсова на Варну, от Варны до Шумлы, от Шумлы до Рушука и Силистрии.

Край сей, от Дуная до Балкан, кроме зеленого корма для лошадей и волов — и то в удобное для того время, — не представляет никаких способов к продовольствию; притом, по примеру всех прежних войн, предполагать должно, что турки будут стараться угнать жителей из всей Болгарии. Посему необходимо, не рассчитывая ни на какие запасы в голодном крае, иметь трех- и четырехмесячный запас продовольствия на полное число войск; равно [как] и запас снарядов, полагая на каждое полевое орудие по 500, а на осадное по 800 выстрелов.

Ваше Императорское Величество уже повелеть соизволили, независимо от текущего продовольствия, приготавливаемого князем Горчаковым на месте, купить еще до 100 тысяч четвертей хлеба.

Запас сей, как предполагалось, должен был составлять магазин, неприкосновенный до начатия военных действий за Балканами, и быть сложен в Измаиле¹ по прибытии хлеба морем из Одессы, а оттуда, по мере движения наших войск вперед, магазин должен быть перевозим морем далее по частям, посредством каботажных судов, которые могут ходить вдоль берегов, хотя бы флот неприятельский и был в Черном море. Во всяком случае первым пунктом может быть Кюстенджи, потом Мангалия, Коварна, Варна и т. д.

Из береговых пунктов войска могут перевозить провиант даже на своих лошадях. Если же, сверх чаяния, признается невозможным перевозить провиант каботажными судами из Измаила далее и море было бы сильно занято неприятельским флотом, препятствующим ходу даже береговых судов (что трудно, однако, предположить), то в таком случае наша Дунайская флотилия должна будет поднять магазин из Измаила в Гирсово или в тот пункт, где устроена будет переправа на Дунае. Здесь, следственно, будет укрепление; а оттуда перевозка может производиться на повозках подвижного магазина, собранных в княжествах. По обилию лошадей и волов в Молдавии и Валахии в этом затруднения встретиться не может.

Впрочем, считаю нужным возвратиться к тому, что перевозка каботажными судами всегда должна быть возможна. Хотя бы море и было занято неприятельским флотом, но корабли близко к берегу ни сами подходить, ни препятствовать береговым судам не могут. Притом в первую дурную погоду флот уходит в открытое море, и, пока соберется, малые суда могут около берега переходить из одного пункта в другой.

Наконец, если бы некоторые из них пропали или были взяты, то на коротком расстоянии остальные придут на место и привезут хлеб.

При движении армии запас — на судах или повозках, из Измаила или Гирсова — должен быть перевозим вперед, в прибрежные пункты, о коих выше упомянуто.

¹ Я выбрал Измаил, потому что пункт сей соединяет выгоды как для морской, так и для сухопутной войны. Впрочем, если море свободно, то запасы будут доставляемы прямо из Одессы.

2. Устроив таким образом запасы всех родов и перевозку оных, надлежит в то же время озаботиться приготовлением другого важного средства к успеху, т. е. вооружения христианских племен Турции.

В прежних записках изложены были подробно меры, для того необходимые. Они основаны были на сохранившемся, вероятно, влиянии нашем, по сходству языка и веры, на сии племена. К тому ныне присовокупить должно, что чем сильнее возбужден будет фанатизм мусульман, тем легче побудить и христиан к вооружению, хотя бы для собственного их сохранения.

Первым зерном сих ополчений должны служить войска княжеств, число которых, по слухам, простирается до 10 000 человек. Немудрено, вероятно, будет увеличить оное, из старых служивых и из охотников, до 20 000.

Выбрав затем из них болгар, сербов и греков, составить из них отдельные роты или команды и распустить за Дунаем прокламации, приглашая всех христиан, в их неверном, при ожесточении турок, положении и при опасности, угрожающей христианству, присоединиться к составившимся уже ополчениям болгар или сербов, или греков; обьявив притом, что каждому явившемуся воину дано будет оружие, порох, провиант и деньги, платимые помесечно.

Нельзя, кажется, сомневаться, что меры сии, особенно [если] не жалеть денег, будут действительны, и можно надеяться, что [при продвижении] вперед, тогда как наша армия будет необходимо от болезней уменьшаться, составитися новая армия, в 30—40 тысяч, а может и более, из людей отчаянных, хороших стрелков, знающих местность и тамошний образ войны, что может быть важной помощью при умении употребить сии ополчения.

Между тем, если бы Вашему Императорскому Величеству благоугодно было повелеть двинуть войска князя Горчакова за Дунай, то первоначальным театром войны будет, как выше сказано, пространство от Измаила и Бухареста до Варны и Шумлы.

Сколько мне известно, войска князя Горчакова расположены так, что у него правый фланг на границе Малой Валахии, 7 батальонов; в Бухаресте 24 батальона; между Бухарестом и Слободзеей, против Силистрии, 10 батальонов; у самой Силистрии 10 батальонов; на левом фланге 2 батальона, в Галаце и Браилове, и 5 батальонов [в направлении] к Измаилу.

При наступательной войне, как мне кажется, нельзя разбрасывать войска; довольно, если успеем тогда охранить часть Большой Валахии.

Лучшим пунктом для переправы Дуная я почитаю Гирсово: он довольно далеко входит в Болгарию и близок к морю. Его должно укрепить, и здесь устроить склады наших запасов. Целью наших движений должна быть Варна. От Гирсова до Кюстенджи около 60 верст. Кюстенджи взять необходимо — как первый этап и пункт для магазинов. В 1828 году крепостца эта взята в три дня. От Гирсова до Варны с небольшим 100 или 120

верст; на дороге можно избрать один из малых прибрежных портов как этап и магазин и укрепить его.

Движение к Варне должно быть, по возможности, быстрое, с осадной артиллерией, дабы не ждать ее, и с большим количеством снарядов и прочих артиллерийских запасов. При приходе к Варне необходимо на другой же день отрыть траншеи, а на третий и четвертый день начать стрельбу. По опыту известно, что ничто так не страшит неприятеля, как скорое открытие работ и безостановочное движение их вперед по правилам инженерного искусства.

Для охранения тыла и [обеспечения] и сообщений нужно будет оставить гарнизон в Гирсове и наблюдательные отряды: *один*, довольно сильный, в Валахии, невдалеке от Дуная, для наблюдения за гарнизонами Силистрии и Рушук. Ежели бы отряд сей заметил обоюдное движение неприятеля из сих крепостей для нападения общими силами, в таком случае ему должно будет идти навстречу ближайшему и, разбив его, подобно тому, как сделал Милорадович в 1807 году под Обиешти, броситься на другой. *Другой отряд* — для охранения дороги от Гирсова до Кюстенджик¹. *Третий* — у Базарджика. Подходя к Варне, отделить сильный отряд к *Козлуджи*; с главными же силами начать осаду Варны самым деятельным образом. Если бы наши войска встречены были турецкой армией, то стараться с нею сразиться, и если удастся ее разбить, то воспользоваться успехом; если же она уйдет, не следовать за нею слишком далеко, но постоянно иметь целью Варну. Если бы турки захотели помешать осаде Варны, по примеру Омер-Врионе в 1828 году, то броситься на них *прежде, нежели они успеют окопаться*, и, разбив их, опять возвратиться к Варне. На подобные случаи, при осаде Варны, нужно будет укрепиться таким образом, чтобы, оставив при ней равносильную гарнизону часть, или даже меньшую, держать его в повиновении, как делал Наполеон при осаде Мантуи и мне удалось в Аббас-Абаде. Если бы встретилась надобность бросить временно осаду, то, оставив работы, идти на неприятеля, стараться его разбить и опять возвратиться к осаде Варны. Конечно, без помощи флота взятие Варны будет труднее; но с осадной артиллерией ее взять возможно.

Говорят, что турки к весне укрепят свои крепости и усилятся войсками; конечно, укрепления к весне они несколько поправят, но едва ли будут сильнее. Турецкая армия все еще не вышла из младенчества; регулярных у них войск тысяч до 60², прочее же милиция, которая хотя бы и прибавилась в числе, но ни войска, ни милиция не сделаются лучше.

Турки, как известно, сильны в крепостях; но в поле они устоять против наших войск не могут. Надо уметь маневрировать так, чтобы выманить их из крепости и разбить.

¹ Т. е. впереди Троянова вала.

² Размещенных от Варны, Шумлы до Силистрии.

По взятии Варны, имея запасы, перевозочные средства и вспомогательные силы из христианских ополчений, которые будут [опираться] почти [на] всю страну, — действовать далее в Европейской Турции, как укажут обстоятельства. Я очень полагаюсь на ополчения турецких христиан.

Что касается до азиатской нашей границы, то осмеливаюсь доложить следующее:

Князь Воронцов заявляет, что в случае войны с Турцией он с азиатской стороны не может вывести в поле более 4 батальонов и просит прислать ему 16 батальонов.

Прочие войска Кавказского корпуса все размещены.

Не рассуждая о причине малого числа войск свободных, ибо князя Воронцову как наместнику ближе известны местные обстоятельства, — выскажу только мысль мою о том, нельзя ли будет выставить более войск в поле, уменьшив их там, где возможно.

Если предположить, что война начнется, а Черное море не в наших руках и вход в него для неприятельских флотов не заперт, то прибрежные наши укрепления будут первой жертвой, ибо не говорю всего флота, но даже двух неприятельских кораблей достаточно для того, чтобы, одно за другим, были взяты наши малые береговые укрепления, если в одно время они будут атакованы флотом и горцами с берега.

Если это справедливо, то, мне кажется, нет необходимости содержать бессильные гарнизоны во всех занимаемых ныне малых пунктах; не полезнее ли будет избрать некоторые из них, важнейшие и хорошо укрепленные, и в них содержать достаточные гарнизоны. Затем малые пункты ныне же упразднить, а гарнизоны вывести. Кроме усиления нашего отряда на границе, мы спасем, может быть, до 2000 человек и до 100 и более орудий, которые достались бы неприятелю. Скажут, что упразднение сие возымеет дурное влияние; но оно будет еще хуже, когда укрепления будут взяты с пленными и с орудиями.

Равномерно в мусульманских провинциях, в Дагестане и Владикавказе, почему бы не уменьшить отрядов, ибо взять одну тысячу человек из пятидесяти тысяч и более отряда при оборонительном положении не трудно.

А так как сих отрядов весьма много, то, вероятно, таким образом можно собрать: из Черноморских укреплений два батальона, из отрядов до шести батальонов, всего будет 8 батальонов, а с четырьмя свободными ныне — *двенадцать* батальонов.

Если же признано будет необходимым послать войска к князю Воронцову, то с 28 батальонами, при осадной артиллерии, конечно, можно будет уже не только отразить нападение, но и, действуя наступательно, устранив турок, тем более что крепости их находятся, как слышно, в слабом положении.

Войска сии можно бы разместить следующим образом:

3 или 4 батальона, с мингрельской милицией, около Поты;

2 батальона, с гарнизоном Ахалцыха, в Ахалцыхе;

гарнизон Ахалкалаха сам себя оборонять может;

2 батальона для усиления гарнизона в Эривани, с тем чтобы вместе с ним составить отряд против Баязета.

Расчет сей сделан в том предположении, что ни в одном из сих пунктов не будет особо сильных скопищ; но если где-либо турки собрались [бы] в силах, то, имея достаточно войск, ничто не препятствует увеличить и наш отряд в том пункте, по крайней мере, на время сборища неприятеля.

С остальными 20 батальонами или главным отрядом подойти к Карсу и занять позицию, чем, без сомнения, уничтожатся все предприятия турок со стороны Батума и Ардагана, ибо можно предположить, что они бросятся защищать Карс; во всяком же случае они не в состоянии будут прорваться.

Главным отрядом можно бы сделать маневр, подобный тому, какой сделан был в 1829 году. Он был разделен на две части: одна послана к Ардагану, другая — к Ахалцыху. Можно сделать то же против Карса и Ардагана. Если не удастся взять сначала крепости, то можно разбить войска, которые, вероятно, придут на помощь крепостям. Притом ныне сами укрепления и число орудий в оных должны быть слабее, чем было в 1828 и 1829 году.

Предполагаю, что кавалерии и артиллерии у нас будет достаточно.

Не разделяю мысли, что бы турки мечтали о возможности нанести нам большой вред с азиатской стороны. Не пойму даже, на чем бы могло быть основано сие мнение.

Разбирая их силы в той стороне, найдем, что народы, населяющие южное побережье Черного моря, правда, весьма бойки; но это народы горные, и, следовательно, наравне с другими горцами, они сильны у себя дома и в горах будут драться; но, чтобы они могли спуститься на плоскости и иметь над нами превосходство, — этого я не допускаю.

Турецкая конница, курды, были всегда биты нашими мусульманами и линейцами.

Разумеется, надо маневрировать, не пускать против них прямо нашей кавалерии, а действовать сначала артиллерией и потом пустить конницу; это всегда удастся.

Что же касается до их регулярных войск, то они и в Европе не страшны, а в Азии еще менее.

Приложение № 41

Всеподданнейшие записки по делам турецким, представленные князем Варшавским Государю Императору в Варшаве 24 сентября 1853 года¹

На случай, если бы Вашему Императорскому Величеству благоугодно было повелеть открыть наступательные военные действия в Европейской Турции, я имел счастье изложить мои предположения во всеподданнейшей записке от 11-го сего сентября.

¹ Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.

Но как ныне обстоятельства изменились, то с переменою дела осмеливаюсь представить при сем мысли мои по сему случаю.

Генерал-фельдмаршал князь Варшавский

Несколько кораблей французских и английских прошли Дарданеллы под предлогом защиты султана.

Мы протестовали против нарушения трактатов 1841 года; но Франция и Англия, вероятно, будут отвечать, что начали не они и что занятие княжеств было первым их нарушением.

Не знаю, как долго продлятся дипломатические переговоры; но как поступать далее?

Наше положение слишком хорошо для того, чтобы спешить выйти из него, начав военные действия первыми и тем поставить против себя, кроме Турции, еще сильнее державы Западной Европы. Время за нас, и мы имеем в руках, оставаясь в княжествах, еще другие, сильнее способы, без военных действий, угрожать Турецкой империи.

Посему не раз имел я счастье слышать, что Ваше Императорское Величество не изволите начать войны, разве будете вынуждены к тому.

Но если бы неприятель сам начал войну? Каким образом тогда действовать?

Турки могут начать войну:

с европейской стороны,

с азиатской границы

и на море; в таком случае, разумеется, поддержанные флотами английским и французским.

I

Когда бы турки вздумали атаковать нас в Европе и перешли Дунай — чего в больших силах ожидать нельзя, — то мне кажется, что, отбив их и стараясь разбить, пожалуй, наголову, следует еще *подумать*: не будет ли полезнее держаться все-таки в положении оборонительном, не допуская их переходить на нашу сторону, прогоняя их каждый раз, но самим не заходить далее.

По опыту и по настоящему положению дел, мы можем быть уверены, что как бы мы ни зашли далеко, хотя бы взяли Варну, перешли Балканы и дошли до Адрианополя, во всяком случае державы европейские (разве бы на Западе была война) не допустят нас воспользоваться нашими завоеваниями. Мы будем только, наверное, терять людей от болезней; понесем большие расходы и рискуем иногда быть разбиты; а пользы и приобретений с сей стороны, даже в случае успеха, ожидать не можем.

Спросят: что мы выиграем, оставаясь в оборонительном положении? Выиграем очень много: мы не поссоримся с Европой, не остановим торговли, не помешаем дипломатическим сношениям, которые, в результате, могут быть нам выгодны.

Такое положение дел будет, конечно, новое и странное: две державы в войне, а союзники, поддерживая разные стороны, остаются в мире с противоположной стороной.

Но почему же и не так? Никто ныне в Европе войны не хочет; а наше положение делается между тем день ото дня лучше. До сих пор военные приготовления больших издержек нам еще не стоили: содержание войск 4-го и 5-го корпусов в княжествах обходится не дороже, как и в России; разница будет только между ценами содержания той дивизии, которая из Севастополя посылается в Грузию, и военное ее положение.

Что же касается до турок, то ни для одной державы нет выгоды объяснять им сие небывалое положение дел, ибо ни одна держава войны не желает, даже Англия, вероятно, скоро должна стараться о мире.

У нас есть, как упомянуто, более страшное для Турецкой империи оружие, успеху которого ни одно государство в Европе воспрепятствовать не может: это влияние наше на христианские племена в Турции. Влияние сие, в случае войны, мы имеем бесспорное право употребить в свою пользу.

Меру сию нельзя, мне кажется, смешивать со средствами революционными. Мы не возмущаем подданных против своего Государя; но если христиане, подданные султана, захотят свергнуть с себя иго мусульман, когда мы с ними в войне, то нельзя без несправедливости отказать им в помощи; ибо христианин в Турции не есть только подданный султана; он, по закону, безответная жертва фанатизма или прихоти каждого визиря, паши и даже какого-нибудь аяна, т. е. городничего. Всему свету известно, что жизнь, честь и достояние христианина и его семейства в Турции ежеминутно подвергаются опасности и что правительство там бессильно даже [встать] на защиту христиан. Их надежда всегда была одна — Белый царь, и только разве козни и происки Запада успели, может быть, ослабить несколько их влечение к православному и единоверному им Государю. С войной влечение сие должно пробудиться.

Мысль воспользоваться сим влиянием и вооружить христианские племена — мысль не новая. Она естественно представлялась в каждую турецкую войну как средство наносить неприятелю вред, ибо естественно также в войне искать и употреблять всевозможные средства наносить неприятелю вред для достижения цели войны, т. е. мира.

Еще в кампанию 1773—1774 годов графа Румянцева, впоследствии в [кампанию] 1788—1791 годов князя Потемкина формировали христианские ополчения, под названием «арнауты». В 1806 году князь Ипсиланти, бывший причиной войны, также делал попытки вооружений христиан; обещал выставить до 20 тысяч пеших и конных, издержал большие суммы и не выставил более 5 тысяч человек; а в сражении мы никогда не видали 2 тысяч человек. Все сии попытки не приносили, однако, нам пользы. Они основаны были на влиянии нашем на христиан и на жестоком их положении в Турции. Основание было верно; но недо-

ставало корня, из которого могли разрастаться ополчения христиан; не доставало учителей и кадров, которые бы дали прочное и правильное основание [в борьбе за самоопределение] отчаянной, но нестройной толпе, и, наконец, не доставало умения употребить их в дело.

Ныне неудобства сии могут быть устранены. Войска Молдавии и Валахии, до 10 тысяч человек, должны служить зерном христианских ополчений наших в Турции. Каким образом увеличить сии ополчения и как это сделать, — я имел уже счастье изложить мысли мои в прежней моей записке (выписку из коей осмеливаюсь представить).

Я остаюсь убежденным, что, [если] сформировать мало-помалу [ополчения численностью] до 40—50 тысяч туземных христиан, нам одного или двух корпусов достаточно будет против Турции на европейской стороне, хотя бы ее и поддерживали европейские державы.

Христианские ополчения я почитаю страшными для Турции. Они могут дать нам средство к завоеваниям в Турции и поколебать существование империи в самом ее основании. Не в одной Европе, но и в Азиатской Турции христиане составляют большинство населения. В 1829 году за 400 верст от границы, за Бейбуртом, я нашел уже племена греческие. Целые деревни приходили просить оружия, чего не было в Армении. Далее, до самого берега против Константинополя, на расстоянии 900 верст, проживает греческое население везде по деревням, и только в городах живут турки и оттуда господствуют над христианами.

Устройство ополчений произведет необходимое волнение у всех христианских подданных султана, которых можно считать до 8 миллионов. Не все, конечно, к нам пристанут, но будут, по крайней мере, не против нас.

Предпочитаю я сие средство всем другим потому, что оно, во-первых, сохранит наши собственные войска, которые нам могут быть нужны на западной границе, а в Турции гибнут от болезней; во-вторых, оно сократит также и издержки, ибо содержание туземных войск не может обходиться так дорого, как посылка наших корпусов в Турцию; а посылка туда войск может потребовать общего передвижения других корпусов к западным границам и их усиления по военному положению.

II

Другое дело на азиатской границе с Турцией. Имев счастье доложить Вашему Императорскому Величеству мысли мои насчет возможности увеличить отряд войск Кавказского корпуса для действий против Турции, я сохраняю убеждение, что с 16 батальонами в Азии можно действовать не только оборонительно, но и наступательно.

С этой стороны вмешательство других держав невозможно; остаются одни силы Турции, с которыми управиться не трудно.

Племена, населяющие побережье Черного моря от Поти до Синопа, конечно, храбры и воинственны; но они сходны с кавказскими горами, т. е.

хорошо дерутся у себя в горах, дома, но на равнину они спускаются только для грабежа; в больших же силах на плоских местах они не опасны и всякий раз, при встрече с нашими войсками, бывали разбиты. Следовательно, нельзя ожидать, чтобы они могли иметь против нас большой успех.

Имея осадную артиллерию под рукой, немного надо времени, чтобы взять Карс и Ардаган, чем уничтожатся все покушения горных племен со стороны Черного моря.

Если мы будем в силах, то в то же время или позднее, но необходимо взять Баязет как пункт, через который проходят все главнейшие сообщения, и почти единственный торговый путь из Турции в Персию. Не только товары турецкие, но и вся торговля Англии с северной и средней Персией идет на Баязет, ибо правее живут разбойничьи племена курдов и ездов, чрез земли которых свободный путь для торговли невозможен.

Таким образом, нетрудное взятие Баязета будет чувствительно не для одной Турции, но и для Англии, для которой прерван будет единственный торговый путь, идущий ныне на Трапезунд, Арзрум и Баязет. Но в нынешнем году поход уже не будет возможен, ибо в ноябре там в горах выпадает снег и дороги делаются непроходимыми.

Во всяком случае действия в Азиатской Турции вовсе не будут зависеть от действий с европейской стороны, а могут составлять отдельную войну, хотя бы на Дунае и не было военных действий.

В Азии может быть война наступательная, а здесь оборонительная. Если же турки, перейдя Дунай, испытают неудачу и будут разбиты, то, после подобного урока, не скоро опять осмелятся показаться на нашей стороне.

III

Что же касается до атаки на море, то, с переходом через Дарданеллы четырех кораблей французских и английских, можно решительно сказать, что если бы мы вывели свой флот для военных действий на море, то, конечно, французские и английские корабли соединятся с турецкими против нас.

Будем ли мы достаточно сильны против трех соединенных флотов? Не окажемся ли мы также в необходимости держаться в оборонительном положении, наблюдая за неприятельскими флотами, но не начиная военных действий? Между тем малые суда и каботажные флотилии должны, пользуясь обстоятельствами, постоянно перевозить войска и запасы в те пункты, куда потребуется.

Генерал-фельдмаршал князь Варшавский

Ко дню объявления войны, к 21 октября 1853 года, наша коммуникационная линия представлялась в следующем виде:

Населенный пункт	Провиантские магазины	Артиллерийские парки	Госпитали	Наличие (+) или отсутствие (-) этапа	Хлебопечение и печение сухарей	Войска (этапные)
Большая дорога от Скулян в Бухарест						
Скуляны	Русский	-	Воен.-врем.	+	-	-
Яссы	Русский, от княж.	-	Врем. № 16, от княж.	+	-	-
Бараешти	От княж.	-	-	-	-	-
Васлуй	От княж.	-	-	+	-	-
Бырлат	Русский, от княж.	-	Врем. № 11	+	-	-
Текуч	Русский, от княж.	-	-	+	Хлеб, сух. 300 чел.	1 бат. 2-й бригады 15-й пех. див.
Фокшаны	Русский, от княж.	Промежут. скл.	Врем. № 10	+	Хлеб, сух. 300 чел.	1 бат. 2-й бригады 15-й пех. див.
Тырго-Куку	От княж.	-	-	-	-	-
Рымник	От княж.	-	-	-	-	-
Бузео	Русский, от княж.	-	Врем. № 3, от княж.	+	Хлеб, сух. 300 чел.	4 роты валахской милиции
Урзичени	Русский, от княж.	-	-	+	-	-

Населенный пункт	Провиантские магазины	Артиллерийские парки	Госпитали	Наличие (+) или отсутствие (-) этапа	Хлебопечение и печение сухарей	Войска (этапные)
Большая дорога от Скулян в Бухарест						
Синешти Бухарест	Русский Русский, от княж.	- Буково № 12 Тунар № 14 Бахта $\frac{1}{2}$ лб. р. № 2	- Врем. № 1, 4, 5, 9, 12 и 17	- +	- Хлеб, сух. 300 чел.	- -
Боковая дорога от Ясс в Фокшаны						
Яссы	(См. выше)					
Формоз	От княж.	-	-	-	-	-
Мирчешти	От княж.	-	-	-	-	-
Роман	От княж.	-	-	+	-	-
Баксу	Русский, от княж.	-	-	+	-	-
Фокшаны	(См. выше)					
Большая дорога от Леова в Бырлат						
Леово	Русский	Арт. скл.	Врем. № 15	+	-	-
Бырлат	(См. выше)		(через Фальчи)			
Дорога из Леова в Васлуй						
Леово	(См. выше)					
Васлуй	(См. выше)		(через Хуш)			

Населенный пункт	Провиантские магазины	Артиллерийские парки	Госпитали	Наличие (+) или отсутствие (-) этапа	Хлебопечение и печение сухарей	Войска (этапные)
Боковая дорога из Бухареста в Текуч						
Бухарест	(См. выше)					
Синешти	(См. выше)					
Урзичени	(См. выше)					
Метелу	От княж.	-	-	-	-	-
Лучу	Русский, от княж.	-	-	-	-	-
Гоашу	От княж.	-	-	-	-	-
Раковицы	От княж.	-	-	-	-	-
Колиени	От княж.	-	-	-	-	-
Турцешти	От княж.	-	-	-	-	-
Текуч	(См. выше)	-	-	-	-	-
Большая дорога от Бухареста в Галац						
Бухарест	(См. выше)					
Синешти	(См. выше)					
Урзичени	(См. выше)					
Лучу	(См. выше)	-	-	-	-	1 бат. 2-й бригады 15-й пех. див., 4 ор., 2 канонерские лодки, 4 валахские карант. лодки
Браилов	Русский					

Населенный пункт	Провиантские магазины	Артиллерийские парки	Госпитали	Наличие (+) или отсутствие (-) этапа	Хлебопечение и печение сухарей	Войска (этапные)
Большая дорога от Бухареста в Галац						
Галац	Русский	-	-	-	-	1 бат. 2-й бригады 15-й пех. див., 2 канонерские лодки, валахская милиция
Дорога из Браилова в Фокшаны						
Браилов Колиени Фокшаны	(См. выше) (См. выше) (См. выше)					
Дорога из Бухареста в Плоешти						
Бухарест Плоешти	(См. выше) Русский	№ 11, 15 и $\frac{1}{2}$ парка № 10	Врем. № 2 и 8	+	-	(через Подувалени) -
Дорога из Бузео в Плоешти						
Бузео Плоешти	(См. выше) (См. выше)					(через Менелу)
Дорога из Калараша в Бузео						
Калараш Слободзея Лучиу Бузео	Русский Русский, от княж. (См. выше) (См. выше)	- -	- -	+ +	- Печи	- 3 бат. Камчатского полка

Населенный пункт	Провиантские магазины	Артиллерийские парки	Госпитали	Наличие (+) или отсутствие (-) этапа	Хлебопечение и печение сухарей	Войска (этапные)
Большая дорога из Бухареста в Журжу						
Бухарест	(См. выше)	-	-	-	Хлебопечение	-
Калугарени	Русский	-	От княж.	-		-
Журжа	-	-				
Большая дорога из Бухареста в Крайово						
Бухарест	(См. выше)	-	-	+	- Печи Печи	-
Чалонешти	-	1/2 парка № 10	Врем. № 6	+		-
Слатино	Русский	-	-	+		-
Крайово	Русский	-	-	+		-
Дорога из Слатина в Питешти						
Слатино	(См. выше)	-	Врем. № 7	-	-	-
Питешти	Русский	-				
Дорога из Слатина в Стоянешти						
Слатино	(См. выше)	-	-	-	-	-
Комани	Русский	-	-	-	-	-
Стоянешти	Русский	-	-	-	-	-
Дорога из Слатина в Руссо-де-Веле						
Слатино	(См. выше)	-	-	-	-	-
Руссо-де-Веле	Русский	-	-	-	-	-
Кроме того, на этих дорогах были назначены ночлежные пункты; на некоторых из них были поставлены команды от молдавской и валахской милиций.						

¹ Архив воен. уч. ком., д. 3420 и 3311.

**Инструкция крейсерам между Босфором и Севастополем
от 18 мая 1853 года¹**

Ваше высокоблагородие назначается крейсировать с вверенным вам фрегатом «Кулевчи» около пересечения параллели 43°30', с нулевым меридианом, по прилагаемой при сем программе, как значится под № 5, с целью наблюдать, не появится ли военных иностранных судов, и в случае, если таковое судно или суда заметите, то немедленно извещаете ближайшие крейсера; не надлежит, однако, подходить к турецким берегам на такое расстояние, чтобы с оных быть видимым, равно как останавливать купеческие суда для получения от них сведений, разве признаете это, по обстоятельствам, крайне необходимым, ибо состоявшийся разрыв есть дипломатический, а не коммерческий и формального объявления войны не было.

При крейсерстве имеете соблюдать всевозможные военные осторожности: оставлять пост для вышесказанной передачи сведений и в случае, если появление сильнейшего судна или отряда того потребует, при последнем случае начальство вполне надеется на ваше благоразумие и что при подобной встрече вы поддержите достоинство русского флота и вместе с тем прибегнете к крайним средствам в неизбежных только обстоятельствах, ибо вы должны помнить, что войны не объявлено и дела могут быть еще улажены желаемым Государем Императором миролюбивым образом.

Следование судов из Константинополя может быть двоякое: или румелийским берегом или азиатским; при первом суда западной линии, извещая друг друга, присоединяются к фрегату, который, если сочтет нужным, пошлет одно мелкое судно для извещения прочих крейсеров и указания им пункта соединения, а другое — в Одессу, сам же проследует к 1-й практической эскадре согласно предварительному условию с начальником оной. Во втором случае то же самое исполняют суда восточной линии, опираясь на фрегат; в последнем случае один из бригадов должен крейсировать до восточного берега для поддержания связи с крейсером, а тот в свою очередь — со своим отрядным командиром, имеющим предписание держать судно на высоте Синопа, дабы посредством его быть в сообщении с Босфорским отрядом крейсеров.

Само собой разумеется, что вышеизъясненные расположения предусмотрены на случай появления иностранных судов сильнее крейсирующих, своевременное известие о коих важно и для города Одессы, и для флота; о появлении же слабых военных судов командир фрегата извещает посредством мелкого судна № 3, не стягивая других крейсеров и тем не лишая себя средств дальнейшего наблюдения.

¹ Черноморский Центральный военно-морской архив, г. Николаев.

**Отношение генерал-адъютанта графа Адлерберга начальнику
Главного морского штаба генерал-адъютанту князю Меншикову
от 24 сентября 1853 года, № 419¹**

По всем известиям, полученным в последнее время, Государь Император полагает, что разрыв в Турции неизбежен и что можно даже ожидать скорого открытия военных действий. Посему необходимо ныне же решить вопрос: как в таком случае употребить Черноморский флот в нынешнюю осень и наступающую зиму?

Для решения столь важного вопроса Его Императорскому Величеству угодно заблаговременно знать мнение вашей светлости. С своей же стороны Государь Император полагает, что более всего пользы можно извлечь из нашего флота учреждением крейсерства пред устьем Босфора и вдоль тех берегов Черного моря, где преимущественно турки могли бы пользоваться выгодами морского сообщения во вред нам, как-то: для подвоза запасов продовольствия и вооружения и даже войск из Константинополя в Варну, Бадум и другие приморские пункты как европейского, так и азиатского берега. Быть может, полезно также усилить крейсерство вдоль нашей Черноморской береговой линии. Но само собой разумеется, что все это возможно в том лишь предположении, что флоты других морских держав ограничатся наблюдением входа в Босфор, около Константинополя, и не войдут сами в Черное море.

Соображения сии Государь Император повелел мне сообщить вашей светлости, на ваше рассуждение, так как Его Величество не дозволяет себе иметь положительного мнения в деле морском, недостаточно ему знакомом. Для окончательного же заключения Его Императорское Величество изволит ожидать более обстоятельных данных исходя из вашей опытности и вашего знания морского дела. Государь желает, чтобы вы представили по сему предмету свое мнение с полной откровенностью, несколько не стесняясь изложенными здесь Высочайшими указаниями.

**Император Николай — князю Меншикову
9 (21) октября 1853 года**

При теперешнем обороте дел наших с турками считаю нужным известить тебя, любезнейший Меншиков, об тех обстоятельствах, которые иметь могут ближайшее отношение к действиям нашего Черноморского флота.

¹ Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.

Объявление турками нам войны не изменяет принятого плана действий; я решился не переходить Дуная до поры до времени и ожидать наступления турок с тем, чтобы, ежели отважатся переправиться на левый берег Дуная, их разбить и прогнать, но самим не переправляться. Иное дело на Кавказе: если турки нападут на наши границы и время года позволит отразить их, желаю, чтоб немедленно Воронцов перешел в наступление для овладения Карсом, Ардаганом, а быть может, и Баязетом, на чем и ограничиться также покуда.

Не зная при сем положении дел и по времени года, какие предприятия представить можно теперь же флоту, я ожидаю твоего мнения. Но вот что притом тебе нужно знать. Хотя нам здесь еще неизвестно, часть ли только или весь флот английский и французский вошли в Босфор, но из Лондона были уже угрозы войти в Черное море и прикрывать турецкие гавани, на что Брунов очень хорошо возразил, что это все равно что объявление нам войны — чем их напугал, и после чего объявили, что доколь мы не атакуем турецких портов, то их флот не войдет в Черное море. Этого мне мало, я завтра же объявлю французам и англичанам, что всякое появление их военных судов в Черном море приму я за военное действие против нас и буду действовать против них наравне с турками, коротко и ясно.

Итак, вот чего желаю:

1. После начала турками действий флоту их наносить возможный вред, сколько время года позволяет, т. е. беря ли отдельные суда, пресекая ли сообщения вдоль берега, бомбардируя ли Кюстенджи или Варну или что подобное.

2. Ежели бы, как слухи носятся, турки вышли со своим флотом и хотели бы зимовать где-либо вне Босфора, тогда дать им свободу исполнить эту глупость, а потом задать им Чесму.

3. На французов и англичан не смотреть, а буде бы встретились не в своем месте, вместе с турками, действовать против тех и других одинаково, как против врагов.

4. Постоянно иметь в виду не отваживаться без нужды на неверное предприятие, но не упускать ни одного случая наносить всевозможный вред.

Аминь и к делу, с нами Бог, а исполнители правого дела — князь Меншиков и Черноморский флот, и потому честь и слава.

Душевно обнимаю и совершенно остаюсь доброжелательный.

Приложение № 49

Состав действующего Кавказского корпуса¹

Пехота

13-я пехотная дивизия:

Литовский егерский полк 4 бат.
«Виленский» 4 бат.

¹ Составлено на основании приказов по действующему корпусу, №1—3,11.

Кавказская гренадерская бригада:

Гренадерского Его И. В. вел. кн. Константина Николаевича полка 1, 2, 3-й, $\frac{1}{2}$ 4-го и $\frac{1}{2}$ 5-го бат.	4 бат.
Эриванского карабинерного Его И. В. наследника цесаревича полка 1, 2, 3-й и $\frac{1}{2}$ 4-го бат.	3 $\frac{1}{2}$ бат.
Егерский ген.-адъютанта князя Воронцова полк	1 бат.

21-я пехотная дивизия:

Князя Варшавского графа Паскевича-Эриванского полка 1-й и 2-й бат.	2 бат.
Тифлисского егерского полка 4-й и $\frac{3}{4}$ 5-го бат.	1 $\frac{3}{4}$ бат.
Мингрельского егерского полка 1-й, 4-й и $\frac{3}{4}$ 5-го бат.	2 $\frac{3}{4}$ бат.
Кавказский саперный батальон	1 бат.
Кавказский стрелковый полк	1 бат.
Итого:	25 бат.

Кавалерия:

Драгунский Его Высоч. наследн. принца Вюртембергского полк	10 эск.
Кавказские линейные казачьи войска	9 сот.
Донское казачье войско	12 сот.
Итого:	10 эск. и 21 сот.

Артиллерия:

13-й арт. бригады 2 легкие батареи	16 ор.
Кавказской гренадерской артиллерийской бригады батарейные 1, 2, 5, 4 орудия 1-й легкой, 4 орудия 7-й легкой, 2 орудия 1-й горной, 4 орудия 3-й горной батарей	38 ор.
Донская казачья № 7 батарея	8 ор.
Итого:	62 ор.

Милиция:

Гурийская	12 сот.
Мингрельская и Имеретинская	6 сот.
Бакская	1 сот.
Эриванская	14 сот.
Куртинская	3 сот.
Шемахинская	10 сот.
Осетинская	4 сот.
Ахалцкская	1 сот.
Грузинская № 1 и 2 Горийской дворянской дружины	4 $\frac{1}{2}$ сот.

Елизаветпольская	10 сот.
Горская	4 сот.
Самурзаканская	3 сот.
Туманская	$\frac{1}{2}$ сот.
Итого:	73 сот.

Приложение № 50

Диспозиция для нападения на турецкий отряд войск, расположенных на посту Св. Николая¹

Нападение это предполагается произвести 1 ноября утром следующим образом:

Отряд, следующий из Озургет, в составе четырех батальонов, четырех полевых орудий и милиции, сколько ее будет, имея ночлег, не доходя двух верст до Сепы, с рассветом 1 ноября поднимается с бивуака, следует вдоль морского берега к Николаевскому и, остановившись вне зоны пушечного выстрела от неприятеля, строится в боевую позицию для атаки, после чего двигается на пушечный выстрел и открывает артиллерийский огонь.

В то же время с моря подходят два парохода, два фрегата и два корвета, становятся в линию, как показано на чертеже², и открывают сильный огонь по неприятельскому лагерю и батареям, чтобы заставить последние умолкнуть; между тем десант будет посажен на гребные суда, которым держаться в противоположной от берега стороне.

Как только начальник Черноморской береговой линии усмотрит удобный момент для общей атаки, то с парохода «Молодец» будут пущены две ракеты, по которым Озургетский отряд быстро идет в атаку и штурмует неприятеля; в то же время гребные суда пристают к берегу, к тому месту, куда пристанет первая шлюпка с парохода «Молодец», и десантные войска атакуют неприятеля со стороны моря.

Если по изгнании неприятеля из занимаемого им пункта окажется нужным преследовать его, тогда все войска поступают под одно начальство и действуют смотря по обстоятельствам.

Назначение морского отряда может быть исполнено только в таком случае, если погода не будет препятствовать высадке войск; в противном же случае предприятие это должно быть отложено до другого времени.

¹ Приложение к отзыву вице-адмирала Серебрякова к князю Гагарину от 27 октября 1853 г., № 207.

² Чертеж составлен только для отряда судов.

Диспозиция для атаки с моря турецкого отряда, расположенного на посту Св. Николая¹

Атаку предположено произвести 1 ноября утром, одновременно с отрядом сухопутных войск.

Для атаки с моря и подвоза десанта назначаются суда: пароходы «Молодец», «Могучий» и «Тамань»; фрегаты «Мессемврия» и «Сизополь», корветы «Андромаха» и «Пилад».

На пароходах «Молодец» и «Могучий» будет находиться по полторы роты десантных войск, а на «Тамани» — одна рота; при подходе к месту атаки войска с первых двух пароходов будут посажены на азовские лодки, сколько их поместится, а остальные перейдут на пароход «Тамань».

К якорному месту суда подходят следующим порядком, как на чертеже означено: пароход «Молодец», имея на буксире корвет «Андромаха», и за ним фрегат «Мессемврия»; потом пароход «Могучий», буксируя фрегат «Сизополь», и за ним корвет «Пилад». Пароходы «Молодец» и «Могучий», подведя буксируемые суда к якорному месту на такое расстояние от берега, как только глубина позволит, и отдав буксир, кладут лево на борт, обстреливают во время поворота берег из кормовых бомбических пушек и, поворота вдоль линии судов, отходят за корвет «Пилад» и строятся в линию — сначала «Могучий», а за ним «Молодец».

Парусные суда должны иметь готовыми с кормы верпы и, коль скоро отдан будет буксир с пароходов, бросают сначала верп, а потом уже якорь, чтобы стать параллельно берегу, левым бортом к неприятелю. Суда в линии должны иметь между собой дистанцию не более сорока сажен.

Подходя к якорному месту, по первому выстрелу с парохода «Молодец» открыть пальбу с судов по мере того, как с приближением их выстрелы будут действительны, но пальбу производить редкую, чтобы дымом не закрыть расположения неприятеля и места для построения судов в линию, стараясь преимущественно меткой стрельбой из погонных пушек сбивать неприятельские батареи и особенно устроенную на левом берегу реки Натанебы.

По отдаче якоря начать усиленную пальбу: с корвета «Андромаха» — исключительно по неприятельской батарее, отмеченной на чертеже литерой А, стараясь ее разбить и заставить умолкнуть, и по неприятелю, который вздумает переправляться через реку; с фрегатов «Мессемврия» и «Сизополь» и корвета «Пилад» — на фронт неприятельского лагеря и по укреплению, а с пароходов «Молодец» и «Могучий» — вдоль неприятельской позиции.

С судов наблюдать, чтобы пальбой не наносить вреда нашим войскам на берегу, и потому, по мере наступления войск на неприятеля, прекращать пальбу на тех судах, против которых будут находиться наши войска.

¹ Дело штаба Гурийского отряда по Ген. шт., 1853 г., № 2.

Пароход «Тамань», имея на буксире восемь азовских лодок с посаженными войсками, держится позади эскадры, вне зоны выстрелов неприятеля, и становится на якорь на месте, которое будет ему указано казачьей лодкой, которая для этого назначится. Коль скоро замечено будет, что войска Озургетского отряда приближаются, тотчас свозить на берег десантные войска. Высадка должна быть произведена в конце болота, простирающегося вдоль берега от Николаевского версты на полторы расстояния.

Десантные войска по свозе их на берег строятся к атаке на одной линии с войсками Гурийского отряда, не примыкая, однако ж, к ним, и идут на приступ одновременно с последними по сигналу двух ракет, которые будут пущены с парохода «Молодец».

Войска идут на приступ в следующем порядке: прямо по дороге — Гурийский отряд, он и атакует фронт неприятельского укрепления, обращенный к дороге, по которой отряд этот будет наступать; десантные же войска атакуют угол этого укрепления и фас, обращенный к морю, если прилегающее болото позволит ворваться с этой стороны. Войскам подтвердить, чтобы не давали пощады неприятелю и действовали преимущественно штыком, но чтобы не утомить войск, ведя их на приступ, сначала следовать тихо и, уже подойдя на близкое расстояние, повести быструю атаку на «ура!».

Азовские лодки по свозе десанта на берег идут: четыре из них — к пароходам «Молодец» и «Могучий» и становятся за правым бортом, а четыре — в промежутке между корветом «Андромаха» и фрегатом «Мессемврия» и выжидают там приказания броситься в реку, если надобность укажет.

По выбитии неприятеля из занимаемого им пункта, если он будет отступать вверх по правому берегу реки, преследовать его тремя батальонами: одним десантным и двумя Озургетского отряда; остальные два батальона этого отряда остаются на месте. Я съеду сам на берег для этого распоряжения, но если приезд мой замедлится, тогда распорядиться, как выше сказано, старшему в сухопутном отряде.

Приложение № 52

Донесение генерал-адъютанта Корнилова князю Меншикову¹

28 октября, возвратясь с отрядом пароходов из рекогносцировки турецких берегов до самого Босфора, причем один из пароходов видел четыре турецких корабля и бриг по направлению к Сизополю, я, согласно приказанию вашей светлости, поднял флаг свой на 120-пушечном корабле «Великий князь Константин» и с рассветом 29-го снялся с Севастопольского рейда в сопровождении 120-пушечных кораблей: «Три Святителя», под флагом контр-адмирала Новосильского, «Париж», «Двенадцать Апостолов», под флагом контр-адмирала Пансилофа, 84-пушечных

¹ Черноморский Центральный военно-морской архив, г. Николаев.

«Ростислав» и «Святослав» — для отыскания и истребления виденного флота, буде он расположился в одном из трех портов: Сизополе, Варне или Балчике. Пароходо-фрегаты «Владимир» и «Одесса» должны были присоединиться вслед за выходом эскадры.

Пройдя Херсонесский маяк с попутным утренним ветром, эскадра встретила крепкий юго-восточный ветер, принудивший ее взять все рифы и спустить брам-реи на низ от начала ветра; до захождения солнца пройдено было до 70 миль, после чего ветер зашел к юго-западу и обратился в противный шторм с большим неправильным волнением и дождевыми шквалами.

30-го к вечеру ветер смягчился, волнение так же, присоединился пароходо-фрегат «Владимир». На кораблях «Три Святителя» и «Двенадцать Апостолов», которые наиболее меня тревожили, ибо качка была самая разрушительная, все обстояло благополучно.

31-го с утра утихшие и ветер и волнение позволили поставить все паруса, и эскадра начала лавировать, сохраняя по возможности близость к условленной в Севастополе линии. Не присоединившийся пароходо-фрегат «Одесса» меня крайне заботил.

1 ноября с полночи нашел внезапно жестокий шквал от северо-запада. Эскадра несла большие паруса и убрала их щегольски, несмотря на ночное время; пришлось взять опять все рифы и потом оставить один грот-марсель и трисели; волнение не замедлило разыграться и начало трехдневные корабли бросать, как «Тендер»; с сим вместе барометр поднялся, сделалось очень холодно, и все предвещало известный своей силою и упорством северо-восточный ветер. Желая быть на ветре мыса Калиакры, я поворотил к северу.

2 ноября ветер продолжался с сильными порывами, с дождем и градом, но к вечеру погода смягчилась, равно как и волнение.

3 ноября утром ветер стих и перешел к югу; эскадра направилась к мысу Калиакры; после полудня я послал адъютанта своего, лейтенанта Железнова, на пароходо-фрегате «Владимир» осмотреть Балчик, Варну и Сизополь, а сам занялся распоряжениями к атаке турецких кораблей, буде они расположены в каком-то из сих портов.

Ночь была светлая, ветер южный, умеренный, без волнения, и эскадра в стройном порядке лавировала на высоту Варны, дабы быть готовой спуститься и в Варну и в Балчик по первому сигналу с парохода. В полночь с 3-го на 4-е число пароход известил, что ни в том, ни в другом портах судов военных нет, и по условленному сигналу, без потери времени, пустился в Сизополь и Бургас.

4 ноября продолжали лавировать к югу при ровном южном ветре в 20 милях от берега; в полдень присоединился пароход «Владимир» и вторично опечалил нас сигналом, что в Сизополе и Бургасе военных судов нет; между тем были опрошены эскадрою и некоторые купеческие суда, плывшие из Константинополя, и из их показаний оказалось, что турецкий египетский флот стоит в Буюкдере, имея по-прежнему фрегаты и мелкие суда в крейсере у самого пролива, а английские и французские линейные корабли, в числе четырех каждой нации, при соответственном числе пароходов, распо-

ложились у азиатского берега, против мыса Сельве-Бурну, в 1833 году служившего для нашего лагеря, и что три турецких парохода пять дней тому назад (следовательно, 31 октября) отправлены в Трапезунд. Полагая, что эскадра может продолжать предназначенное ей плавание к эскадре вице-адмирала Нахимова, под командой контр-адмирала Новосильского, и что необходимо как можно поспешнее известить о турецких пароходах первого, а пароходу «Владимир» быть в Севастополе, дабы запастись углем и опять состоять наготове, я безотлагательно переехал на пароход этот и, отдав контр-адмиралу Новосильскому приказание следовать сначала на соединение с вице-адмиралом Нахимовым, а потом в Севастополь, оставив, буде потребуется, двухдечные корабли «Ростислав» и «Святослав» вице-адмиралу Нахимову, сам направился к порту Амастро.

5 ноября с рассветом увидели анатольский берег, между портом Амастро и мысом Керемпе, и пароходный дым по направлению к Севастополю, а вскоре и эскадру вице-адмирала Нахимова в левой стороне, в расстоянии отдаленного сигнала. Полагая, что к эскадре нашей всегда можно успеть возвратиться, я приказал взять курс к видимому пароходу. В продолжение получаса обнаружилось, что пароход «Владимир» сближается с видимым, а в 8 ч открылись рангоут и труба; в $8\frac{3}{4}$ ч пароход вдруг переменял курс к берегу, пароход «Владимир» переменял свой — ему на пересечку. В 9 ч пароход, вероятно, рассмотревши нас, опять переменял курс в море; «Владимир» ему последовал и также переменял свой румб. В $9\frac{1}{4}$ ч был поднят опознавательный сигнал, но ответа не было, потом подняты рангоут и русский флаг; в $9\frac{1}{2}$ ч преследуемый пароход направился прямо на «Владимир» и поднял турецкий флаг, но, пройдя небольшое расстояние, опять переменял направление; в этом направлении скоро пароходы сблизились; видя, что неприятель малосильнее парохода «Владимир», я велел пустить ядро ему перед носом, он отвечал залпом с борта; тут приказано было начать пальбу по мере досягания ядер; вскоре мы, идя борт о борт, сблизились так, что неприятельские ядра и гранаты перелетали через наш пароход, а одно из наших сбило флагшток с флагом; последний турки тотчас же заменили другим. Усмотрев, что неприятель не имеет кормовых орудий, так что, держась у него за кормой, можно безнаказанно сбить его и тем принудить к сдаче, пароход «Владимир» расположили у него в кильватере, — неприятель, сначала для ответа нам дав залп, снова переменял курс к берегу. Этим путем бой продолжался три часа и кончился тем, что мы, хотя и легче было бить людей и разрушать корпус парохода, не неся со своей стороны никакой потери, ибо ядра его и гранаты, при тех моментах, что он приводил для залпа, продолжали летать через пароход, решились положить конец делу и подойти на картечный выстрел. Несколько таковых залпов с парохода «Владимир» убили турецкого капитана и произвели такое разрушение, что пароход их сдался; но последнее не обошлось и у нас без жертв: неприятельской картечью убит напавал адъютант мой, лейтенант Железнов, горнист и ранено три нижних чина: одному оторвало руку, другому ногу, третий — легко.

Неприятельский пароход оказался в 220 сил, 10-пушечный, египетский «Первас-Бахри», отвозил письма в Синоп и возвращался в Пендераклию, где назначено было ожидать флот фрегатов. Команда из 132 человек, из них убиты капитан¹, офицеров двое, нижних чинов 16, смертельно раненных и уже умерших трое, раненных не смертельно 18. Машина уцелела, хотя и при многих пробоинах в паровиках и трубе, но корпус избит до разрушения; в кормовой части целые доски вырваны, рулевая голова сбита, компасы уничтожены, внутри переборки от взрывавшихся бомб уничтожены, приведение парохода в состояние возможности за нами следовать заняло нас до 4 часов. Когда усмотрели две приближающиеся с разных сторон эскадры — одну, прямо на ветре к югу, я считал эскадрой вице-адмирала Нахимова, другая же, от запада, могла быть эскадрой турецких фрегатов, — я пустил приз плыть как мог по румбу в Севастополь, сам же решился держать на сомнительную эскадру; вскоре оказалось, что это эскадра контр-адмирала Новосильского; боясь потерять приз с разбитой трубой и без руля и потому не имея времени видаться с вице-адмиралом Нахимовым, я передал все, что для него могло быть нужно, контр-адмиралу Новосильскому и, кроме того, велел сему последнему, буде вице-адмирал Нахимов найдет нужным, усилить отряд свой еще двумя двухдечными кораблями, а самому со стопушечными следовать в Севастополь.

Опасения мои насчет приза были справедливы, нам пришлось с ним возиться всю ночь и другой день; наконец приведен он был в порт благополучно.

Капитан, офицеры и команда парохода «Владимир» вели себя самым достойным образом. Капитан-лейтенант Бутаков распоряжался как на маневрах; действия артиллерией были и быстры и метки, чему лучшим доказательством служит разрушение, ими произведенное на неприятельском судне.

Состоявшие при мне флаг-офицеры лейтенанты: князь Барятинский, Железнов, Добровольский и Ильинский, не имея у себя дела по флагманской части, поощряли команду и своим примером, и указаниями. Железнов, офицер, подававший большую надежду, был убит картечью на кожаной лодке, откуда замечал действия наших ядер.

Смею надеяться, что первое пароходное дело в истории флотов удостоится Высочайшего внимания и не отказано будет вознаградить отличившихся офицеров, в особом списке поименованных, наградами, к коим представляются.

Причем долгом своим считаю обратить также внимание вашей светлости на эскадру стопушечных кораблей, которая, выдержав два шторма, едва стих ветер, уже лавировала в стройном порядке для атаки неприятеля. К таким кораблям, конечно, можно иметь полное доверие, и так как это может существовать только при отличном их содер-

¹ Из черкесов мамелюк Сеид-паши, адмирал египетского флота.

жании и совершенном знании морского дела флагманов и капитанов, то я считал бы справедливым исходатайствовать им Высочайшее одобрение, а начальнику 4-й дивизии контр-адмиралу Новосильскому, офицеру, постоянно отличающемуся безграничным усердием к службе, — особую награду.

Представляя при сем подробное описание сражения с пояснительной диаграммой, имею честь испрашивать разрешения: как поступить с приобретенным пароходом и военнопленными, состоящими из чинов, в прилагаемом списке поименованных.

Приложение № 53

**Приказ адмирала Нахимова перед Синопским боем
от 17 ноября 1853 года, № 157¹**

Располагая при первом удобном случае атаковать неприятеля, стоящего в Синопе, в числе семи фрегатов, двух корветов, одного шлюпа, двух пароходов и двух транспортов, я составил диспозицию для атаки их и прошу командиров стать по оной на якорь и иметь в виду следующее:

1. При входе на рейд бросить лоты, ибо может случиться, что неприятель перейдет на мелководье, и тогда стать на возможно близком расстоянии, на глубине не менее 10 сажен.

2. Иметь шпринг на оба якоря, и если при нападении на неприятеля будет ветер *N* самый благоприятный, тогда, вытравив цепи до 60 сажен, иметь столько же и шпрингу, предварительно заложенному на битенг. И даже на фердевинд при *O* ветре или *ONO*, во избежание бросания якоря с кормы, становиться также на шпринг, имея его до 30 сажен, и когда цепь, вытравленная до 60 сажен, держит, то вытравить еще 10 сажен, в этом случае цепь ослабнет, а корабли будут стоять кормою на ветер на кабельтове. Вообще со шпрингами быть крайне осмотрительными, ибо он часто становится недееспособным от малейшего невнимания и промедления времени.

3. Перед входом в Синопский залив, если позволит погода, для сбережения гребных судов на рострах я сделаю сигнал спустить их на воду, и тогда иметь их у борта, на противоположной стороне неприятеля, предусмотрев на одном из них на всякий случай кабельтов и верп.

4. При атаке соблюдать осторожность, не палить даром по тем из судов, кои спустят флаги, посылать же для овладения ими не иначе как по сигналу адмирала, стараясь лучше употребить время для поражения противящихся судов или батарей, которые, без сомнения, не перестанут палить, если с неприятельскими судами дело и было бы кончено.

¹ Черноморский Центральный военно-морской архив, г. Николаев.

5. Ныне же осмотреть заклепки у цепей, на случай надобности расклепать их.

6. Открывать огонь по неприятелю по второму адмиральскому выстрелу, если перед тем со стороны неприятеля не будет никакого сопротивления нашему на них наступлению; в противном случае палить, как кому возможно, соображаясь с расстоянием до неприятельских судов.

7. Став на якорь и удалив шпринг, первые выстрелы делать прицельные; при этом хорошо бы отметить положение пушечного клина на подушке мелом, так как после, в дыму, не будет видно неприятеля, а нужно поддерживать быстрый батальный огонь; само собой разумеется, что он должен быть направлен по тому же положению орудия, как и при первых выстрелах.

8. Атакуя неприятеля на якорь, хорошо иметь, как и под парусами, одного офицера на грот-марсе или салинге для наблюдения при батальном огне за направлением своих выстрелов, и, буде они не достигают своей цели, офицер сообщает о том на шханцы для направления шпринга.

9. Фрегату «Кагул» во время действия остаться под парусами для наблюдения за неприятельскими пароходами, кои, без сомнения, вступят под пары и будут вредить нашим судам по выбору своему.

10. Завязав дело с неприятельскими судами, стараться по возможности не вредить консульским домам, на коих будут подняты национальные их флаги.

В заключение скажу, что все предварительные постановления при пренебреженных обстоятельствах могут затруднить командира, знающего свое дело, а посему я предоставляю каждому совершенно независимо действовать, по усмотрению своему, но непременно исполнить свой долг. Государь Император и Россия ожидают славных подвигов от Черноморского флота, от нас зависит оправдать ожидания.

Приложение № 54

Император Николай — князю Меншикову. 29 ноября 1853 года

До какой степени я обрадован был радостной вестью славного Синопского сражения, не могу довольно тебе выразить, любезный Меншиков. Оно меня осчастливило столько же важностью последствий, которые, вероятно, иметь будут на дела наши по Черноморской береговой линии, но почти столько же потому, что в геройском деле сем вижу, что за дух, благодаря Богу, у нас в Черноморском флоте господствует, от адмирала до матроса; уверен, что при случае, от чего Боже упаси, но и балтийские товарищи не отстанут. Это моему сердцу отрадно и утешительно среди всякого горя. За сим делом и вслед за оным после двух славных побед под Ахалцыхом и по дороге к Карсу, кажется, что будет на Кавказе полегче, но все еще положение дел в Гурии и по берегу далеко не успо-

коительно. Все зависеть будет от того, не побудит ли злоба англичан и французов на то, что мы у них под носом уничтожили турецкую эскадру, их к действию под глупым предлогом прикрытия турецких портов, хотя я и объявил им, что приму это за объявление войны. Теперь и по времени года, и по сей неуверенности думаю, что большим действиям флота конец и отдых, которым пользоваться, чтобы усиленно заняться исправлением нужного.

Серебряков все просит усиления; право, не знаю, можно ли и нужно ли. Иное дело, ежели есть какая-либо возможность нанести такой же удар, как в Синопе, в Батуме, ежели там собрана экспедиция, чего положительно не знаю. Быть может, что тогда полезно бы было сделать туда прочную экспедицию и, истребив суда, воротить все временное усиление; ибо, кажется, что четырех фрегатов и обычных пароходов и мелких судов теперь должно быть довольно, когда главной неприятельской эскадры более не существует. Разве придет новая или пароходная, это было бы опаснее, ибо не полагаю, чтобы наших пароходов достало одних, чтобы с ними разделаться.

Ежели точно англичане и французы войдут в Черное море, с ними драться не будем, а пусть они отведают наших батарей в Севастополе, где ты их примешь с салютом, какого они, может, и не ожидают. Высадки не опасаясь; а ежели бы позднее и была, то, кажется, и теперь отбить их можно; в апреле же будем иметь всю 16-ю дивизию с ее артиллерией, бригаду гусар и конную батарею; более, чем нужно, чтобы заставить их дорого поплатиться. Напиши мне, каково нашим раненым, и пришли список увечных, и раздай безруким и безногим по 100 рублей каждому; а ежели и тяжкие больные есть, то и больше, по твоему усмотрению.

Вели Айвазовскому писать картины бывшим делам. Скоро ли исправит пароход «Корнилов» и будет ли хорош?

Всем мой душевный поклон. Обнимаю, Бог с тобой.

Твой искренно доброжелательный.

Приложение № 55

Командующий войсками — генерал-адъютанту Анрепу.

12 октября 1853 года, № 1601¹

По полученным сведениям, турки предполагают переправить сильный корпус (примерно 20 тысяч) к Гирсову, дабы оттуда наступать или в направлении к Бухаресту, или внутрь Валахии, по направлению на Бузео, на Фокшаны, на Браилов. Вероятно, одновременно с этим предприятием они переправят сколько-то войск и к Силистрии.

¹ Архив воен. уч. ком., отд. 2, д. № 3428.

Генерал-майору Богушевскому, направленному в Слободзею (на р. Яломиц), уже наперед сего предписано было, в случае если бы подобное что последовало и неприятель прорвался бы по направлению к Бузею, Фокшанам или Браилову, идти с девятью эскадронами, восьмью конными орудиями и казаками, каких соберет, по пятам неприятеля.

Генерал-майору Энгельгардту, который находится у Галаца и Браилова с девятью батальонами, шестнадцатью орудиями, кавалерийским полком и тремя сотнями казаков, дано прилагаемое у сего в копии предписание.

Одновременно приказано отделению флотилии по прибытии в Браилов послать вооруженный пароход «Прут» Браиловским рукавом в окрестности Гирсова и по временам показываться на Дунае, около устья Яломицы, дабы возбудить в турках опасение, что если они переправятся, то будут отрезаны от Дуная.

Дабы совершенно обеспечить мой левый фланг и тыл, я нахожу необходимым усилить Слободзейский отряд и временно поручить его особо опытному генералу, и поэтому я назначил ваше сиятельство для командования сим отрядом, в состав которого войдут следующие войска:

- три батальона Охотского егерского полка;
- три батальона Камчатского егерского полка;
- легкая № 4 батарея 11-й артиллерийской бригады;
- Вознесенский уланский полк;
- два эскадрона Ольвиопольского уланского полка;
- конно-легкая № 7 батарея 4-й артиллерийской бригады;
- три сотни Донского казачьего № 34 полка;
- три сотни Донского казачьего № 9 полка.

Вышеозначенные кавалерия и конная артиллерия составляют до сих пор отряд генерал-майора Богушевского, который затем имеет поступить под ваше начальство.

Шести батальонам и батареям, коим придаются 25 казаков Донского № 34 полка (от отряда генерал-майора Павлова), предписано выступить из Будешти и следовать по прилагаемому маршруту в Слободзею, через Обилешти в три перехода. Ваше сиятельство должны выехать к этим батальонам в Обилешти и следовать уже с ними до Слободзеи.

По прибытии в Слободзею расположитесь лагерем на левом берегу Яломицы, выдвинув дивизион в Гисдарешти и распуская слух, что вы составляете авангард сильного корпуса; со стороны же Силистрии прикройте малым отделом, который бы делал разъезды в направлении к Каларашу. Впрочем, с этой стороны находится в Гауноше (Маржинянке) эскадрон Вознесенского уланского полка, под командой штабс-ротмистра Короленки, который вместе с тем заведует и передовой цепью против Калараша и имеет приказание доносить о всем происходящем генерал-майору Богушевскому и мне. Затем действуйте по обстоятельствам, а именно:

1. При первой попытке неприятеля переправиться через Дунай старайтесь его атаковать во время самой переправы.

2. Если бы неприятель переправился в значительных силах так скоро, что вы не успели бы ему в том помешать, и притом он на левом берегу Дуная уже был бы в таком числе, что вам его атаковать нельзя, то не связывайтесь с ним боя и наблюдайте, куда он направится.

Если он пойдет к Бухаресту, то, избегая слишком неравного боя, наводите его на меня. Само собой разумеется, что вам следует замедлять его наступление, насколько вам это будет возможно, не подвергая себя опасности быть смятым.

Если, напротив того, он потянется к Бузео, Рымнику, Фокшанам или Брайлову, то идите смело ему в тыл и атакуйте его, буде можно, одновременно с генерал-майором Энгельгардтом.

О всех сведениях, которые вы будете получать, а равно о распоряжениях и действиях ваших доносите мне через каждые 3 дня, а в экстренных случаях немедленно с нарочными.

Если бы до прибытия вашего в Слободзею неприятель переправился уже через Дунай и направился к Брайлову или Бузео, или же Фокшанам, и вы уже не застали бы генерал-майора Богушевского, который, вследствие данного ему предписания, должен идти за ним, то соединитесь с генерал-майором Богушевским и действуйте согласно вышеизложенному.

На наем лазутчиков, отправление курьеров и другие экстраординарные расходы отпускается в распоряжение ваше 500 червонцев, в расходовании коих прошу представить своевременно отчет.

Если только незначительная шайка прорвется по направлению к Бузео, Рымнику или Фокшанам, то в таком случае, оставаясь с отрядом при Слободзее, пошлите против нее летучий отряд.

Приложение № 56

**Предписание командующего войсками командир 4-го пехотного
корпуса генералу от инфантерии Данненбергу
от 21 октября 1853 года, г. Бухарест, № 1746**

Хотя я еще не имею донесения от вашего высокопревосходительства, но из рапортов генералов Соймонова и Павлова видно:

- 1) что турки заняли остров против Туртукая и укрепляются на нем;
- 2) что из Рушука 10 судов с войском спустились тоже к Туртукаю.

Из этого можно заключить, что турки укрепляют остров у Туртукая с двойной целью:

- а) дабы лучше препятствовать нашей флотилии проходить по этой части Дуная;
- б) дабы иметь возможность под прикрытием батарей, устроенных на острове, быстро переправиться на наш берег или, по крайней мере, угрожать нам этим, в особенности если главные силы мои будут оттянуты в какую-либо другую сторону.

Весьма было бы желательно воспрепятствовать неприятелю утвердиться на острове при Туртукае, в особенности если это ближайший к нашему берегу остров.

Лучшим для сего средством было бы, кажется, следующее:

заранее высмотреть удобнейшее место на нашем берегу, откуда можно было бы действовать артиллерией и штуцерниками по укрепляемому острову, и скрытно подвинуть туда сильную батарею, под прикрытием четырех батальонов и двух эскадронов улан, так как от канонады нашей может завязаться дело, если турки захотят переправиться чрез Дунай.

Войска сии должны приблизиться на избранное место ночью и, не разводя огня, немедленно приступить к возведению ложемента и рытью ям для штуцерников.

Другие же четыре батальона и четыре эскадрона улан двинуть в Фундени, где и стать им на левом берегу Аржиса, близ находящегося там моста на сей реке.

С рассветом открыть сильную канонаду по острову и продолжать огонь, доколе это будет возможно, не подвергаясь слишком большому урону, а потом отойти вне выстрела. Затем, если бы неприятель не оставил острова, то возобновлять по мере удобства подобную канонаду.

Между тем 1-я бригада 12-й пехотной дивизии и Уланский герцога Нассауского полк из Дорешти будут собраны у Крецешти, а 2-я бригада с резервной артиллерией будет готова в Бухаресте.

Завтра прибудет в Будешти рота 5-го саперного батальона в распоряжение ваше.

По соображению моему, действия против острова при Туртукае могут начаться 23-го и 24-го числа; во всяком случае желательно, чтобы они могли начаться сколь можно скорее.

Если вы все сие находите удобным, то сообщите мне как можно скорее, каким образом вы предполагаете это исполнить. Если же вы имеете какие-либо другие виды, то сообщите мне оные также как можно поспешнее.

При сем посылаю в распоряжение ваше генерал-майора Семякина для употребления при означенных действиях.

Приложение № 57

Диспозиция на 23 октября 1853 года по отряду генерал-майора Павлова

По прибытии Якутского полка с находящейся при нем артиллерией на позицию за Старой Ольтеницей Селенгинскому пехотному полку выступить в следующем порядке: в голове колонны все штуцерные полки, потом 1-й батальон в походной колонне из середины; за ним четыре легких орудия, 2-й батальон в том же порядке, как первый; за вторым батальоном 12 батарейных орудий; за артиллерией 3-й и 4-й батальоны того же полка.

Пройдя Старую Ольтеницу, штуцерные, 1-й батальон, четыре легких орудия и 2-й батальон поворачивают направо и, подойдя к Аржису, следуют левым его берегом для составления правого фланга наступательного боевого порядка; оставаясь сначала правее батарейной батареи на одной с нею высоте, 12 орудий выстроить на больших интервалах вправо от дороги, ведущей из Старой в Новую Ольтеницу, и ожидать дальнейшего распоряжения. Левее артиллерии располагаются уступом 3-й и 4-й батальоны Селенгинского пехотного полка. Все батальоны как правого, так и левого прикрытия артиллерии по мере прибытия на означенные места выстраиваются в колонны к атаке. Якутскому пехотному полку по выступлении Селенгинского следовать с восьмью легкими орудиями также чрез Старую Ольтеницу и остановиться в резервном порядке за Новой Ольтеницей. Саперной роте находиться за Якутским пехотным полком.

Ольвиопольский уланский полк с двумя орудиями конной казачьей артиллерии следует за пехотой и, пройдя Старую Ольтеницу, выстраивается в обыкновенном боевом порядке, левее Новой Ольтеницы, так, чтобы стоять сначала вне выстрелов неприятельской артиллерии. Конным орудиям расположиться за полком для действия по обстоятельствам.

Всей пехотой командовать генерал-майору Павлову; артиллерии действовать под личным начальством генерал-майора Сикстеля. Генерал-майору Охтерлоне командовать правым прикрытием боевого порядка. Ему вменяется в обязанность иметь особенное наблюдение за правым берегом Аржиса, и если бы неприятель показался с сей стороны, то действовать по нему находящимися на правом фланге орудиями. Кроме того, выдвинуть, пользуясь кустарником, штуцерных сколь можно ближе к неприятелю, дабы беспокоить прислугу его артиллерии; штуцерные должны иметь в поддержке один батальон. Кавалерии, под командой своего полкового командира, действовать по собственному моему распоряжению.

Я сам буду находиться при Новой Ольтенице, куда и присылать с донесениями и за приказаниями.

Коль скоро батарейная батарея выстроится, то генерал Сикстель двинет ее вперед на 400 сажен и откроет огонь по неприятелю, расположенному около Ольтеницкого карантина.

Подполковник Власов, выдвинув казачью цепь перед Новой Ольтеницей, соберет ее быстро направо и налево, дабы открыть батарею, когда она продвинется вперед.

Главные силы полка переходят на левый фланг Ольвиопольского уланского полка и поступают в ведение командира Ольвиопольского уланского полка полковника Козлянинова.

Подлинное подписал: командир 4-го пех. корпуса

генерал от инфантерии *Данненберг*

**Ведомость о числе убитых и раненых в отряде войск,
под начальством командира 4-го пехотного корпуса состоящих,
в деле 23-го сего октября при с. Ольтенице**

Войска	Убитых						
	штаб-офицеров	обер-офицеров	унтер-офицеров	музыкантов	рядовых	нестроевых	Итого
<i>4-я легкая кавалерийская дивизия</i>							
Ольвиопольский уланский полк	—	—	—	—	—	—	—
<i>11-я пехотная дивизия:</i>							
Селенгинский пехотный полк	—	4	6	1	105	—	116
Якутский пехотный полк	—	1	10	4	99	—	114
<i>11-я артиллерийская бригада:</i>							
Батарейная № 3 батарея	—	—	1	—	2	—	3
Легкая № 5 батарея	—	—	—	—	3	—	3
Донской казачий № 34 полк	—	—	—	—	—	—	—
Всего:	—	5	17	5	209		236

¹ Архив воен. уч. ком., отд. 2, дело № 3317.

Войска	Раненых						
	штаб-офицеров	обер-офицеров	унтер-офицеров	музыкантов	рядовых	нестроевых	Итого
<i>4-я легкая кавалерийская дивизия</i>							
Ольвиопольский уланский полк	—	—	1	—	—	—	1
<i>11-я пехотная дивизия:</i>							
Селенгинский пехотный полк	5	21	42	9	319	1	397
Якутский пехотный полк	4	8	28	6	264	1	311
<i>11-я артиллерийская бригада:</i>							
Батареинная № 3 батарея	—	—	—	—	11	—	11
Легкая № 5 батарея	—	1	2	—	10	—	13
Донской казачий № 34 полк	—	—	—	—	1	—	1
Всего:	9	30	73	15	605	2	734

Примечания

1. Генералов убитых и раненых не имеется.
2. Без вести пропавших нет ни среди командного состава, ни среди нижних чинов.
3. Из указанного числа штаб- и обер-офицеров **убиты:**

Селенгинский пехотный полк: штабс-капитан Жайворонков; поручик Прохорович 2-й; подпоручик Орехов; прапорщик Михайлов.

Якутский пехотный полк: штабс-капитан Лютер.

Ранены и контужены:

а) отправлены в госпиталь:

Селенгинский пехотный полк: подполковник Порогский; майоры Галлие, Турбин, Синявский; капитан Мерчанский; штабс-капитаны Конюк, Сегедин, Зимин, Малашинский; поручики Зиненко, Кржижановский; подпоручики Дворецкий, Путята; прапорщики Прохорович 3-й, Чалеев, Зазулевский, Перминов, Унтилов, Волощенко, Конкин, Пашковский.

Якутский пехотный полк: подполковник Скюдери; майоры Соллогуб и Алферьев; штабс-капитаны Пухо, Толпыго, Скородумов; поручик Иванов; прапорщики Толпыго, Забиякин и Попандопуло 2-й;

б) оставшиеся при полках:

Селенгинский пехотный полк: полковник Сабашинский; штабс-капитан Предпельский; поручик Рыхальский 1-й; подпоручик Белизе; прапорщик Степанов.

Якутский пехотный полк: майор Стефановский; поручик Говоровский.

Легкая № 5 батарея 11-й артиллерийской бригады: поручик Половцов.

Сверх того контужен — не показанный в графах ведомости — исправляющий должность дивизионного квартирмейстера 11-й пехотной дивизии Генерального штаба капитан *Батезатул*.

Приложение № 59¹

Частные подвиги в сражении при Ольгенице

Генерального штаба капитан Батезатул 1-й, исполнявший должность дивизионного квартирмейстера 11-й пехотной дивизии, был контужен ядром и опрокинут вместе с лошадыю. Несмотря на сильную боль от контузии и ушиба, он оставался на коне в продолжение всего дела перед 1-м батальоном Якутского пехотного полка в то время, когда сей батальон в конце атаки опередил все прочие войска, причем под капитаном Батезатулом была ранена другая лошадь.

Селенгинский пехотный полк:

Командиры батальонов: 1-го полковник Порогский и 3-го майор Галлие, получив тяжелые раны, продолжали командовать батальонами до совершенного изнеможения своих сил.

Командир 8-й мушкетерской роты штабс-капитан Конюк, раненный *четыре* раза, шел бодро и весело перед ротой до тех пор, пока не упал от контузии ядром в бок.

Подпоручик Путята, находясь в цепи, был тяжело ранен в ногу. Штуцерные хотели его поднять и нести на перевязочный пункт, но подпоручик

¹ Из донесения князя Горчакова и бумаг подполковника Батезатула.

Путята сказал им: *«Ваше место впереди, меня подберут другие»*, — и остался, пока не был отнесен нижними чинами следующего батальона.

Подпоручик Федотов, первый стрелок в полку, командуя штучерными и сам со штучером в руках, служил примером для подчиненных. Когда штучерных отзывали, он постоянно оставался впереди своего батальона, продолжая стрелять, по обыкновению, без промаха, и, по особенному счастью, остался невредим, несмотря на то что платье его в восьми местах прострелено пулями. Впоследствии, однако ж, оказалось, что он был контужен в ногу, но скрыл это, дабы оставаться при полку.

Якутский пехотный полк:

Командир 1-го батальона подполковник Слюдери, получив *три* тяжелые раны и контузию, продолжал с беспримерной твердостью духа до совершенного ослабления сил от истечения крови вести батальон и был с ним впереди всех.

Командующий 4-м батальоном майор Соллогуб, когда убили под ним лошадь, шел пешком впереди батальона; когда же знаменщик был смертельно ранен, он взял от умирающего знамя, и, несмотря на полученную в это время рану в ногу, майор Соллогуб со знаменем в руках все время шел перед батальоном.

Командир 2-й мушкетерской роты штабс-капитан Скородумов, получив рану в шею, сам вынул пулю и, бросив ее, вел свою роту до тех пор, пока не получил новой раны, в руку. Не желая расстаться со своей ротой, штабс-капитан Скородумов после оказания ему медицинской помощи на другой же день прибыл в полк.

Командир 8-й роты штабс-капитан Лютер, горячо любимый своей ротой, будучи тяжело ранен картечью в руку, продолжал идти вперед, ободряя подчиненных своим бодрым духом; но вслед за тем ему в грудь ударило ядро, а другим ядром оторвало голову.

Прапорщик Попандопуло 2-й находился в цепи застрельщиков; пуля перешибла ему кость в нижней части ноги, но он продолжал идти вперед, опираясь на ружье, причем, окончательно переломив себе кость ноги, упал без чувств и впоследствии умер от раны.

Исправляющий должность дивизионного гевальдигера 11-й пехотной дивизии Камчатского егерского полка подпоручик фон Витте, когда был убит знаменщик 1-го батальона Якутского пехотного полка, соскочил с лошади, взял знамя и нес его перед батальоном до конца боя.

Полковой священник Якутского пехотного полка отец Андрей, находясь на перевязочном пункте, отпевал убитых, исповедовал умирающих, сам перевязывал легкие раны и носил воду для страдальцев.

Селенгинский пехотный полк:

3-й гренадерской роты фельдфебель Осип Щепановский поверял во время сражения, по приказанию командира полка, полковника Собашинского, расчет своей роты; и когда разрывом гранаты убило вблизи

него несколько солдат, Щепановский, засмеявшись, сказал: *«Постойте, басурманы, дайте расчет-то кончить»*.

2-й гренадерской роты унтер-офицер Андрей Снозик (знаменщик 2-го батальона), в то время как граната упала между ассистентами и убила их, сам получил сильную контузию и упал со знаменем. Тогда другие подскочили к нему и хотели взять знамя, но Снозик, поднявшись, сказал: *«Пока жив, никому знамени не отдам»*.

8-й мушкетерской роты жолнер Магдик, когда был убит знаменщик, взял, не оставляя ружья, знамя и нес его до тех пор, пока не получил пяти ран и, потеряв много крови, упал. Магдика перенесли на перевязочный пункт, и медик хотел тотчас же перевязывать его, как тяжело раненного; но Магдик сказал доктору: *«Нет, я подожду еще; а вот перевяжите лучше его благородие, который был впереди меня»*, — указал на только что принесенного раненого офицера.

Якутский пехотный полк:

Унтер-офицер из вольноопределяющихся Хлебовский, находясь при знамени, был ранен и, истекая кровью, не оставил поста, пока, по усиленной просьбе товарищей, не передал знамени другому.

11-я полевая артиллерийская бригада батареиной № 3 батареи:

Фейерверкер Максим Максимов оставлен был при подбитом орудии для замены поврежденного колеса и, исполнив поручение под сильным огнем неприятеля, быстро присоединился к батарее.

Бомбардир Афанасий Прокофьев, будучи ранен пулей в плечо, оставался в строю и исполнял должность первого номера до получения второй раны, в ногу, картечью, после чего был отправлен на перевязку, где ему вырезали пулю, но вскоре он прибыл обратно к батарее, где и оставался до другого дня.

Легкая № 5 батарея:

Фейерверкер 2-го класса Шнадышек командовал, по недостатку офицеров, 3-м взводом; в то время как одним выстрелом подбило передок, а другим убило коренную лошадь, Шнадышек, невзирая на меткий перекрестный огонь неприятеля, вынул заряды из передка, уложил их в пустые гнезда зарядного ящика, а подбитый передок, оставшийся при отступлении за дивизионом, был увезен по его распоряжению.

Старший канонир Тимофей Чиликин, находясь с банником во 2-м взводе при 3-м орудии, был ранен пулей в голову во время заряжания орудия. Товарищ хотел стать на его место, но Чиликин сказал: *«Дай дослать последний заряд»*, — и только после выстрела был отведен на перевязочный пункт.

Младший канонир Николай Бойко, находясь при первом орудии 1-го взвода, был ранен в плечо, но оставался при орудии, и только вторая рана заставила его оставить поле сражения.

Император Николай I — князю М. Д. Горчакову
3 (15) ноября 1853 года, Гатчино¹

Вчера вечером я получил твое письмо от 26 октября, любезный Горчаков, и ежели с удовольствием узнал об новом опыте блистательной и несомненной храбрости славных наших войск, то признаюсь, что не без сожаления, что столько жертв пало для цели, которой постигнуть не совсем могу по краткости и неопределенности журнала.

Кажется, хотелось сбросить турок в Дунай; войска были уже во рву, и, кажется, труднейшее исполнено, орудия свезены, — почему ж не довершена победа, орудия не взяты; ежели огонь был прежде жесток, турки бы по своим, вероятно, не стреляли; надо было довершить победу, — сбросить в реку и полонить, и полонить, дабы не ушли, или, перебив, орудия взять! — но дело прошедшее; вели вперед писать журнал так, чтоб я мог понимать и следить за происходящим. Про Малую Валахию ни слова не знаю.

Согласен с тобой, что положение твое стало довольно трудным — везде остановить переправу турок; разве ниже Браилова — дело несбыточное при силе их; но, стоя, как ты, *в центре*², есть, однако, возможность разбить турок *или по частям*, бросаясь на ближних, или, ежели перейдут большими силами *в одном месте*, дать им отойти от Дуная и *тогда атаковать*, опрокинуть и преследовать славною твоею кавалерией, заставя дорого заплатить за дерзкое движение.

Ты уже видел из прежних писем, что я твое желание предупредил, велел двинуть *не одну дивизию, но весь 3-й корпус*. Однако на эту помощь нельзя тебе рассчитывать *ранее половины декабря*; до той поры надо изворачиваться, как можно, *средствами, которыми покуда располагаешь*. Ежели б даже по непредвиденным обстоятельствам ты и потерял бы Бухарест, соединясь с войсками 3-го корпуса, *следует тотчас же перейти в наступление и, несмотря на время года, выгнать турок из Валахии*, ибо, ежели нам будет трудно двигаться, им, верно, не легче. Вели избрать у себя в тылу сильную позицию, примерно на высоте Бузео или Фокшан, и укрепись на всякий черный день. Не забудь парковые склады из Плоешти убрать вовремя, *ежели точно удержаться нельзя будет*. Ты упоминаешь о большом числе судов на Дунае у турок; на это замечу, что у тебя для того *флотилия*, и все, что ниже Гирсова, *должно быть ею взято или уничтожено*; так было у нас в 1828 году, да и везде; ежели у турок суда, то это ими наскоро переделанные из купеческих, ибо канонерских лодок у них не было; мы же можем тоже пользоваться судами левого берега, чтобы тревожить турок и уничтожать их суда; да может быть, найдутся на Дунае и пароходы, их на то же употребить можно.

¹ Собственная Его Величества библиотека, шк. 115, портф. 14.

² Курсив подлинника.

Описываемый тобой дурной дух в княжествах не удивляет меня, ибо работа пропаганды давно нам известна; строгие примеры при самом начале могут остановить зло. Надеюсь, однако, что в Малой Валахии можно с пользой употребить Пандуров (?), даже платя хорошие деньги из сумм княжеств.

Не унывай, береги себя и береги войско! Прочее в руках Божьих; на Него вся моя надежда. Бог с тобой, обнимаю душевно.

Твой искренно доброжелательный *Николай*.

Всем мой поклон, а участникам дела искреннее спасибо.

Приложение № 61

**Всеподданнейшее письмо князя Горчакова
от 13 (25) ноября 1853 года из Бухареста¹**

Всемилоостивейший Государь!

Письмо Вашего Императорского Величества от 3-го (15) я имел счастье получить третьего дня.

Мы приняли с чувством глубокого благоговения милостивое пожалование войскам награды за сражение при Ольтенице.

По последним сведениям, в Калафате от 20 до 25 тысяч турок, ожидают туда Омер-пашу. Мостов между Видином и островом, а равно между островом и Калафатом еще не наведено. В Калафате строятся землянки.

В Шумле был военный совет. Омер и прочие ренегаты предложили действовать наступательно еще в нынешнем году; коренные турки противного мнения. На чем дело остановилось, еще неизвестно.

Погода настала холодная. Начались морозы.

Я думаю, что урок, данный туркам под Ольтеницей, и отражение попытки прийти на наш берег у Никополя будут иметь последствием, что в Большую Валахию турки не сунутся. В худшем предположении может последовать одна кратковременная потеря Малой Валахии, если бы турки двинулись туда в больших силах до прибытия 8-й дивизии, но, может быть, и до этого дело не дойдет.

От меня было уже приказано уничтожить турецкие суда посредством флотилии от Исаки до Гирсова. На этом пространстве их немного, и они находятся под прикрытием береговых батарей, огню коих опасно подвергать пароход, без которого канонерские лодки не могут ходить вверх по реке. Я подтверждаю, согласно воле Вашего Императорского Величества, [свое намерение касательно] истребления по возможности судов на этом пространстве. Но существенная для нас невыгода, о коей я упоминал в письме от 25 октября, заключается в большом числе судов, имеющихся у турок выше Гирсова. Туда нашу флотилию вести нельзя. У Гирсова,

¹ Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 88.

Силистрии, Туртукая, Рушука, Никополя и Рахова правая сторона Дуная унижена береговыми батареями.

Согласно повелению Вашему, я даю приказание выбрать и укрепить позицию близ Фокшан; но надеюсь, что в ней нужды не будет и что во всяком случае мы отстоим Бухарест до прибытия 8-й и 9-й дивизий, а когда они придут, и тень опасения на этот счет минуется.

Склады из Фокшан и Плоешти своевременно вывести будет нетрудно; более трудности было бы с больными. Но туркам Бухареста не видать.

Осмеливаюсь просить милостивого прощения Вашего Императорского Величества за неотчетливость донесения о деле 23 октября. Я был тогда крайне озабочен. В самое начатие действий около Ольтеницы были получены мною сведения, что турки, стянув к Дунаю более 100 тысяч, намерены ринуться на нас с трех или четырех точек: от Видина, Никополя или Систова, от Журжи или Туртукая и от Силистрии. До появления их у Ольтеницы я был в том мнении, что главное нападение будет с иного места, выше или ниже. Первые дни после 23-го я оставался в этом недоумении, которое усиливалось рапортами о приготвлении турок к переправе у Журжи, Систова, Силистрии и Калафата. Это не оставляло мне ни минуты свободной, и я написал статью о деле 23 октября наскоро, по показаниям своих и прибрежных жителей, доставивших мне о нем сведения.

Причины, побудившие меня дать приказание атаковать, кажется, основательны. Хотя я считал, что главные действия турок будут не от Туртукая, но мне казалось — и, я думаю, не без основания, — что позволить неприятелю ложироваться и потом устроить укрепленный лагерь в 70 верстах от Бухареста, не попробовав его вытеснить, было бы крайне опасно. Отлагать нападение до сосредоточения значительных сил значило бы дать туркам время усилить и распространить свои укрепления. Наконец, при рекогносцировке, накануне сделанной, полевых орудий у неприятеля на возвышенностях правого берега было видно не много. Вероятно, турки подвезли туда несколько полевых батарей в ночь на 23-е. Все это мне давало надежду, что успех будет полный.

Хотя непосредственный результат дела не соответствовал вполне моей надежде, но общая цель вполне достигнута. Урон турок был весьма велик (уверяют, что они потеряли до 2 тысяч и двух пашей), а смелость атаки нашей возродила в них столь большой страх, что с первым известием о сосредоточении 12-й дивизии у Будешти они поспешно удалились на правый берег, оставляя без всякой другой причины, кроме страха, позицию, которая меня крайне озабочивала.

Действия мои имели и, кажется, должны были иметь первой целью остановить вторжение турок в Валахию до наступления ненастья и холодов. Без боя при Ольтенице можно, почти наверное, полагать, что важный результат сей не был бы достигнут. Теперь остается отстоять Валахию до прихода 3-го корпуса. Надеюсь, что с помощью Божьей и это будет сделано.

Генерал-адъютант князь Горчаков 2-й

**Собственноручная записка императора Николая
с замечаниями о деле при Ольteniце**

Читая и рассматривая в подробности описание дела под Ольтеницами, удостоверился еще более в примерной, выше всякой похвалы храбрости и усердии войск, в деле участвовавших; с тем большим прискорбием и удивлением убедился, что ими пожертвовано даром от отсутствия всякой правильности при тактических распоряжениях.

1. Двух батарей было мало, чтоб уничтожить артиллерию укреплений, и тем более что с правого берега Дуная были еще другие батареи. Атака начата тогда еще, когда неприятельская артиллерия не давала и мысли, чтоб атака могла иметь удачу.

2. Сама атака пехотой, вопреки всем правилам, ведена колоннами в почти сплошном построении, ибо вторая линия и уступы были почти без интервалов.

3. Следовало прежде в помощь артиллерии иметь цепь всех штурмовых бригады, которым сосредоточивать свой огонь по амбразурам.

4. Потом переднюю линию вести ротными колоннами в шахматном порядке или в две линии, со стрелками в интервалах.

5. Третью линию и резерв иметь по крайней мере на 300 шагов позади в колоннах к атаке и не застить действий своих батарей.

6. Тогда потеря была бы умереннее и, вероятно, успех был бы соответственный пожертвованиям.

7. Это правило следует соблюдать при всех случаях атак батарей, деревень и лесов, в особенности когда турки дерутся уже как войска регулярные. Вообще держаться тактических правил, уставом утвержденных.

Это мнение сообщено Горчакову военным министром 12 декабря 1853 года, причем князь Долгорукий прибавлял:

«Государь Император поручить мне соизволил о вышеизложенном сообщить вашему сиятельству, но отнюдь не в виде осуждения распоряжений лиц, командовавших под Ольтеницами, так как распоряжения эти могли быть основаны на обстоятельствах и данных, здесь неизвестных, о коих в этом случае Его Величество ожидать изволит ваших объяснений.

Впрочем, Государь Император уверен, что вы приняли меры, дабы тактические правила, утвержденные уставом, соблюдались во всей точности; это тем, по мнению Его Величества, необходимее при атаке батарей, деревень и лесов, что турки сражаются теперь как войска регулярные и, как кажется, имеют артиллерию, довольно хорошо устроенную».

¹ Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 94.

**Князь Горчаков — военному министру из Бухареста.
28 декабря 1853 года**

Ответ на заметку государя об Ольтеницком деле

Пометка: *Государь Император изволил читать 5 января.*

На письмо вашего сиятельства от 12 декабря имею честь сообщить вам, что я не могу не осознать всей справедливости замеченных Государем Императором обстоятельств относительно дела под Ольтеницей, при всем том считаю обязанностью изложить следующее:

Действительно, у нас было мало артиллерии и вообще войск в деле при Ольтенице, но для того, чтобы атаковать турок 23 октября, более двух полков пехоты и двух батарей не было под рукой, так как, ожидая переправы неприятеля на нескольких пунктах, я должен был держать часть войск в центральных позициях.

Таким образом, чтобы усилить войска при Ольтенице, не обнажая Журжи, где также неприятель делал различные приготовления к переправе, я мог располагать лишь 1-й бригадой 12-й пехотной дивизии с легкими № 6 и 8 батареями 12-й артиллерийской бригады, находившимися в Крецешти, Мавгурене и Мирляре, в 45 и 50 верстах от Ольтеницы. Чтобы придвинуть их туда, надо было двое суток, и, следовательно, войска сии не могли бы прибыть к Ольтенице прежде 24 октября ввечеру; атака же не могла быть произведена прежде 25-го числа, что, конечно, дало бы неприятелю время еще более утвердиться на левом берегу. По сей причине я предпочел атаковать его хотя и с меньшими силами, но зато в менее укрепленной позиции.

Что касается до штуцерных, то, по объявлению генерала от инфантерии Данненберга, цепь таковых предшествовала атакующим батальонам по всей линии, хотя в реляции, основанной на его же донесении, упоминается об оных только при атаке правого фланга.

На вопрос, сделанный генералу Данненбергу, почему им не были употреблены при атаке ротные колонны, он отозвался, что так как вверенные ему войска еще не бывали в огне, то он полагал надежнее вести их массами, более самостоятельными, в особенности потому, что совершенно открытая местность впереди неприятельского укрепления не совсем благоприятствовала построению их раздробленными частями.

Относительно того, что резерв находился слишком в близком расстоянии от передовых боевых линий, хотя, по мнению командира 4-го пехотного корпуса, при атаке укреплений нужно было сблизить линии, дабы в случае надобности задние могли скорее подать помощь головным батальонам, но я, не соглашаясь с ним, поставил ему на вид сие неосновательное отступление от правил устава.

Независимо от сего, вообще мною подтверждено начальникам частей впредь держаться в точности тактических правил, утвержденных уставом, с некоторыми развитиями сих основных начал.

О всем вышеизложенном имею честь сообщить вашему сиятельству для всеподданнейшего доклада Его Императорскому Величеству.

**Вспоподданнейшее письмо князя Горчакова
от 1 ноября 1853 года, село Будешти**

Всемилодивейший Государь!

Письмо Вашего Императорского Величества от 20 октября я имел счастье получить.

Из военного журнала изволите усмотреть отступление неприятеля на правый берег Дуная из занятого им пункта против Туртукая на нашей стороне и поводы, которые побудили его уйти.

Это мне очень кстати; но я ожидаю, что турки или предпримут на днях решительное наступление от Силистрии или Никополя и Видина, или же начнут наступательные действия, как скоро погода, ныне испортившаяся, опять сделается ясной, то есть недели через две.

Осмеливаюсь доложить, что в обоих случаях подкрепление, о коем я докладывал Вашему Императорскому Величеству в последнем письме моем, есть дело первой необходимости. Оно столь же необходимо и в том случае, если турки отложат наступательные действия до весны; чего, впрочем, я никак не полагаю — ибо, оставаясь всю зиму непотревоженным в Болгарии, Омер сбережет свои войска и, без сомнения, к весне получит новые подкрепления. Зимой же он лишь будет тревожить со всех сторон частными происками.

Я мог бы сберечь значительную часть войск в покойных зимних квартирах только в том случае, если бы имел: в Малой Валахии две пехотные бригады; по одной против Журжи, Туртукая, Силистрии, Гирсова и Браилова; четыре бригады в резерве, около Бухареста, и три на нашей дунайской границе, то есть всего около семи пехотных дивизий с соответственной кавалерией. С теперешним же малым числом войск им не будет, может быть, ни минуты спокойствия; малый резерв мой придется беспрестанно водить взад и вперед по каждой тревоге, и того и гляди, что где-либо будет неудача, коей будет в высшей степени трудно помочь.

Относительно резервных батальонов я вникнул в мысль Вашего Императорского Величества. Она точно великая. Без этой меры — одной из важнейших в военной организации Вашего царствования — к весне полки мои имели бы, может быть, весьма слабый состав. Но я прошу сближения резервов 4-го пехотного корпуса не для боя, но для того, чтобы, так сказать, заткнуть ими промежутки в моем тылу, производить хлебопечение и тому подобное. Сближение их, согласно представленному мною проекту, и, сверх того, разрешение мне в случае надобности ввести несколько батальонов в Молдавию в случае необходимости — кажется мне делом

¹ Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 47.

крайней необходимости, особенно в том внимании, что, может быть, войска 3-го корпуса придут в княжества весьма не скоро.

Дух в Валахии вообще, при настоящих военных обстоятельствах, и даже в войсках валахских оказывается крайне ненадежным. Я располагаю послезавтра, буде можно, поехать в Бухарест и принять там некоторые меры предосторожности и строгости, о коих всеподданнейше донесу с первым курьером.

С глубочайшим благоговением имею счастье быть.

Приложение № 64¹

**Из письма князя Горчакова военному министру
от 4 ноября 1853 года, из Бухареста**

На письме следующая пометка Государя:

Предпочел бы так войск не дробить, а наблюдать кавалерией, держа пехоту вокруг себя в резерве; что касается французов, то не думаю, чтоб могли быть в *Варне* раньше весны.

Arriv  dans la nuit d'hier   Bucarest, j'ai pris des renseignements d taill s sur les apprehensions qu'avait fait na tre mon absence au sujet du mauvais esprit qui g gnait parmi les habitants et dans la troupe Valaque. Il r sulte de une t te de pont. Je ne pourrais pas l'emp cher; ce me sera un bien mauvais empl tre. Que le Ciel continue   maintenir les turcs dans la peur que leur a faite l'affaire de 23, autrement je ne vois pas ce qui les emp cherait de me mettre ce maudit v sicatoire. A Calafat ils font un camp retranch ; je n'y puis rien.

Приложение № 65²

**Всеподданнейшая записка князя Горчакова от 7 ноября 1853 года
о положении дел в военном отношении в настоящее время**

Положение дел представляется теперь в следующих видах: у Туртука неприятель не только очистил левый берег Дуная и остров, отделенный от левого берега рукавом сажень в 50, на котором имел батареи с эполементами, но даже снял большую часть орудий с укреплений господствующего правого берега.

Видел на правом берегу лагерь тысяч на 15 человек.

У Ольтеницы оставлен мною отряд генерал-майора Павлова из одного пехотного и одного кавалерийского полков, 12 пеших и четырех конных орудий. Работы, деланные неприятелем против сего пункта, скрыты. Наши войска размещены так, что не терпят [неудобств] от непогоды.

¹ Архив канц. Воен. мин. по снабжению войск 1853 г., секр. д. № 57.

² Архив канц. Воен. мин. по снаряжению войск, 1853 г., секр. д. № 47.

У Рушука каждый день турки делают попытки [проникновения] на острова и демонстрации переправы. Кажется, у Рушука должно быть тоже около 15 тысяч турок. Ежедневно турки усиливают свои батареи на правом берегу и производят сильную пальбу без всякого для нас вреда. У селения Фратешти, в 10 верстах позади Журжи, находится генерал-лейтенант Соймонов с семью батальонами, восьмью эскадронами, 24 пешими и 8-ю конными орудиями. Он каждый день тревожит неприятеля на островах то огнем своей артиллерии, то штуцерниками. По сие время действия его весьма успешны.

Отряд генерал-лейтенанта Соймонова хорошо укрыт от ненастья частью в землянках, частью на квартирах в Журже и окрестных селениях.

У Силистрии турки свезли на острова против р. Борчь туры и другие материалы для возведения батарей, но р. Борчь не переступали.

У Гирсова, куда временами появляется наш пароход, турки делали только ничтожные попытки.

Наблюдение за Силистрией и Гирсовом возложено на генерал-адъютанта графа Анрепа-Эльмпта. Он имеет четыре батальона при одной пешей батарее и десять эскадронов с конной батареей. Главная часть его отряда стоит в Калараше, против Силистрии, где люди будут хорошо защищены от непогоды частью в землянках, частью же в карантинном здании и на квартирах близ Калараша. Граф Анреп возводит несколько эполементов для своих батарей и ложементов для стрелков.

У Браилова, Галаца и Рени находится, под личным начальством генерал-адъютанта Лидерса, 11 батальонов, восемь эскадронов, 36 пеших орудий, два парохода и 10 канонерских лодок.

В Рени возводится мостовое укрепление, и близ Браилова делается несколько полевых работ для обеспечения [защиты] и зимовки нашей флотилии. У Измаила, Сатунова и Килии 15 батальонов¹ и 16 орудий.

Систов и Никополь непосредственно наблюдает Донской № 37 полк; в резерве за ним, у г. Русе-де-Веде, на квартирах, находится генерал-майор Комар с Бугским уланским полком и четырьмя конными орудиями. По сие время у Систова неприятель не делал никакой попытки.

У Турно он переправился на наш берег 3 ноября, но был прогнан казачьим резервом подполковника Шапошникова.

У Калафата [сосредоточились] турки в числе около 15 тысяч, имея в Видине и позади около 20 тысяч; цель их может быть двоякая: наблюдать за Сербией, мешать русским войти в этот край и быть в готовности для овладения Малой Валахией. Около Калафата возводится укрепленный лагерь. По сие время турки показывались своими партиями не далее как в 15-верстном районе от Калафата.

¹ Из коих один стрелковый и шесть резервной бригады 15-й дивизии; сверх того, три роты 5-го саперного батальона.

Против них находится в Крайове отряд ген.-лейт. Фишбаха: 8 батальонов, 16 эскадронов, 24 пеших, 8 конных орудий и целый казачий полк. Бульшая часть сих войск укрыта от непогоды, располагаясь на квартирах в Крайове и окрестностях.

В резерве, на пространстве между Бухарестом, р. Дембовицей и Аржисом, я имею теперь на квартирах или в землянках 31 батальон (считая саперный), 7 эскадронов, 84 пеших и 8 донских орудий.

Можно почти безошибочно рассчитывать, что у Омер-паши около 120 тысяч войска. Полагая, что он оставит в крепостях, Шумле и других пунктах до 30 тысяч, ему остается для наступательных действий 90 тысяч человек.

Погода начинает портиться, но холода еще не установились.

Турки, по моему мнению, могут действовать по одному из трех следующих предположений:

1. Предпринять наступательные движения в Малую Валахию, действуя против генерал-лейтенанта Фишбаха, преимущественно от Калафата и частью от стороны Турно; а если я пойду ему на помощь, то атаковать Бухарест, переправясь у Туртукая или Журжи, или у Силистрии.

2. Ограничиться учреждением нескольких предмостных укреплений, чему мои отряды не могут помешать, если неприятель серьезно захочет это сделать, а потом производить оттуда набеги.

Возводить предмостные укрепления я помешать туркам не могу; но присутствие поблизости моих отрядов, вероятно, удержит их от подобных покушений.

3. Не предпринимать ничего важного до ранней весны, дабы не изнурить армии зимней кампанией, а делать только частные тревоги; весной же, по обстоятельствам, или перейти в оборонительное положение, если я буду наступать, или же, в противном случае, перейти самим к наступлению; неприятель может переправиться, без наблюдения их, такими отрядами, которые отнимали бы у турок охоту там переходить в незначительных силах, [так как это] крайне опасно. Ободренный отсутствием наших войск, неприятель перешел бы повсюду на наш берег и наводнил бы край со всех сторон. Я был бы, так сказать, сернирован около Бухареста. При движениях моих оттуда то в одну сторону, то в другую, чтобы прогонять неприятеля, он уступал бы мне место, не принимая боя, и в скором времени войска мои дошли бы до изнеможения без пользы. Притом все мои отряды, кроме отряда в Малой Валахии, могут своевременно стянуться ко мне, ибо нет сомнения, что турки, перейдя где-либо Дунай в значительных силах, останутся некоторое время у реки для устройства моста и укрепления. Что же касается до отряда генерал-лейтенанта Фишбаха, то я считаю менее невыгодным держать его сколько можно долее в Малой Валахии, чем отдать без нужды этот край, ибо тогда у меня на правом фланге и в тылу, через Питешти, может появиться 40 или 50 тысяч турок. Сверх того, при крайней осторожности и даже

робости, с коей действуют турки, я могу надеяться, что присутствие моих передовых отрядов побудит неприятеля вовсе не предпринимать устройства предмостных укреплений или делать какие-либо частные покушения, кроме малых тревог, и что они оставят меня в покое до прибытия головных войск 3-го корпуса; с прибытием же этих войск положение дел изменится.

Теперешнее расположение мое не препятствует мне своевременно сосредоточить большую часть моих сил около Бухареста и вместе с тем дает мне возможность не отдавать край во власть турок без необходимости. Конечно, если бы можно было полагать, что турки, переправясь одной большой массой, пойдут прямо на меня, то заблаговременное сосредоточение мое около Бухареста могло бы почтиться выгоднейшим, — но можно наверное полагать, что они сего не сделают. Мне кажется, что они ничего серьезного не предпримут, кроме разве действий на Малую Валахию.

Я осмеливаюсь испрашивать Высочайшего соизволения Вашего Императорского Величества, буде обстоятельства не потребуют противного, не останавливать двух дивизий 3-го пехотного корпуса в Молдавии, а двинуть их в Валахию, по следующим причинам:

Одно из двух: или ко времени прибытия их в Фокшаны дела будут находиться в теперешнем положении, или же Малая Валахия будет потеряна.

В первом случае дивизии 3-го корпуса мне будут необходимы для усиления моих отрядов и в особенности отряда в Малой Валахии, который слишком слаб; притом в Валахии войска эти будут так же сбережены, как и в Молдавии.

Во втором предположении помянутые дивизии мне будут еще необходимы, чтобы вытеснить турок из Малой Валахии.

В первом предположении я полагал бы сделать следующее размещение войск:

В Малой Валахии — 10-я пехотная дивизия и 2-я бригада 5-й легкой кавалерийской дивизии.

В Руссе-де-Веде, против Турно и Систова, и у Фратешти, против Руцукка, — 12-я пехотная дивизия и один кавалерийский полк.

У Ольтеницы, против Туртукая, — 4 батальона 11-й пехотной дивизии и кавалерийский полк.

Остальные 13 батальонов 4-го корпуса — в резерве между Будешти и Бухарестом.

Против Силистрии и Гирсова, частью в Калараше, частью в Слободзее, — одна бригада 3-го корпуса и один кавалерийский полк 4-го корпуса.

Затем остальные три бригады 3-го корпуса расположить на выгодных квартирах, выше Бухареста, к Плоешти и Терговицу.

У Браилова и ниже по Дунаю иметь войска 5-го пехотного корпуса и один кавалерийский полк 4-го корпуса.

**Император Николай I — князю Варшавскому.
С.-Петербург. 7 (19) ноября 1853 года**

Благодарю, любезный отец командир, за письмо твое от 2/14. Благодарю и за скорое отправление 3-го корпуса, которого скорое прибытие в княжества, даже и при хорошем обороте дел, считаю совершенно необходимым, дабы отвратить всякую опасность. Нет сомнения, что турки гораздо сильнее, чем предполагалось, и смелость или дерзость их, благодаря присутствию флотов в Царьграде, достигла до бешенства. Все зависит будет, удастся ли Горчакову их разбить! Будем молиться Богу и надеяться. Знаю, что и потеря Бухареста еще ничего не значит и что опять его возьмем, но, ежели этому быть, дерзость Англии и Франции ежели теперь уже столь явна, тогда будет еще нестерпимее, и турки успехом воспламенятся донельзя. Горчакову надо быть очень осторожну, не дробить сил и быть готову броситься на ближнего врага, не мучить войск напрасными передвижениями и тревогами; все это не легко. Когда же дойдет 3-й корпус, все будет иначе. Но, как скоро ни идут, только в январе будут под руками! Ожидать еще надо близ трех месяцев! Сейчас получил от Горчакова, что ожидает сражения и стянул войска к Добрени. Про Малую Валахию не пишет. Воронцов болен и до того ослаб, что не может даже все дела отправлять. Там еще нового ничего не знаю; Бебутова послал принять команду; войска еще не все в сборе, но все шло исправно. Удивительно, что Воронцов весь свой корпус, кроме 11 батальонов и вновь пришедшей дивизии, все разбил по малым отрядам. Та же участь постигла уже и 13-ю дивизию, хотя временно. Ни корпуса, *ни резерва* нет; будь он разбит, нечем остановить! Потому я намерен, ежели дела не примут решительного оборота к хорошему, послать 18-ю дивизию прямо на линию, сменить Кавказских полков по 3 батальона с каждого, которые, сведя, отправить в Тифлис, как соответственное боевое войско, в резерв. Когда весенняя кампания откроется, корпус будет тогда состоять, как при тебе, из целых полков, и бригад, и дивизий, а не из сборных частей; тогда только может быть порядок.

Наше положение покуда тяжело: везде надо быть и на все готову; и при нашем пространстве и климате двояко трудно. Резервы 1-го и 2-го корпусов велели формировать; будут к апрелю в Риге и Вильне, ежели надо, дабы 1-й и 2-й корпуса *были свободны от караулов*. Быть может, что формировать велю и гренадерский и гвардейский резервы; но жду еще, что злоба на нас замыслит.

Австрии трудно, много забот по Италии и Венгрии; этим извинить только можно ее нейтралитет; Пруссия все дрожит [пред мнением] Фран-

¹ Собственная. Его Величества библиотека.

ции и Англии. Вот наши *союзники*; и то хорошо, что, по крайней мере, не пристаю́т к врагам. Надежда моя, как и всегда, на Бога! Буде Его святая воля!

Жена тебе кланяется; целую руку княгине и тебя душевно обнимаю. Навеки твой искренно доброжелательный

Н.

Приложение № 67¹

**Император Николай I — князю Варшавскому.
С.-Петербург. 22 октября 1853 года**

С возвращением моим все медлил тебе писать, мой любезный отец командир, ожидая, какой оборот примут дела, хотя хорошего мало ожидал. Теперь решена война; как и когда кончится, один знает Бог милосердный! Будем ли иметь дело с одними турками или встретимся с англичанами и французами. Как бы ни было, пойдем своим путем, готовые на все, а не отступим. Военные действия начали турки на Дунае; но план, принятый нами, не изменяю: будем их ждать; ежели отважатся на переправу, надеюсь, что Горчаков их разобьет. Полагаю, что с приходом 13-й дивизии на Кавказ дела наши во многом улучшились и там. Так думает и Воронцов и готов перейти в наступление, и в таком случае — на Карс, Ардаган и Баязет. Ежели флоты английский и французский появятся в Черном море, то положение наше будет труднее, ибо лишимся сообщений с Кавказом морем, да и часть фортов наших придется бросить. Но я объявил, что подобное движение флотов приму за объявление войны нам. Ежели до весны турки не образумятся, тогда время будет перейти Дунай и приступить к объявлению независимости княжеств, Сербии и Болгарии. Для сего нужно будет двинуть и 3-й корпус, взамен которого подведу и подчиню тебе 6-й корпус, которого резервы я уже собираю. Быть может, надо будет и все войска привести тогда в военное положение, чтоб быть готову на все. Все это больно и тяжело до крайности. Но делать нечего, не уронить же чести нашей. Злоба Англии непостижима, а Франция слепо за ней следует; надолго ли? Не знаю.

Здесь все тихо и хорошо; дух славный и на все готовый. Распоряжениями Горчакова покида я очень доволен, и больных немного. Будем ждать, что Бог даст!

Жена тебе кланяется. Обнимаю душевно. Навеки к тебе искренно доброжелательный

Н.

Целую руку княгине.

¹ Собств. Его Величества библиотека.

**Предписание князя Горчакова генерал-лейтенанту Фишбаху
от 28 октября 1853 года. Бухарест, № 1871**

В предписании моем от 24 октября за № 1801 я уведомлял вас, что по всем сведениям неприятель замышляет о сильных наступательных действиях. Ныне сие тем более подтверждается, что турки владеют двумя твердыми пунктами на левом берегу Дуная, при Ольтенице и Калафате.

По имеющимся известиям, кроме сих двух мест, они намерены совершить переправу еще около Турно или Зимнича, дабы предпринять одновременно наступательное движение из всех сих пунктов. В таких обстоятельствах я желал бы удержать за собой Малую Валахию столько времени, сколько это возможно, не подвергая вас невыгодному бою и не лишая возможности соединиться со мною.

В случае если бы турки действительно переправились в Турно или Зимнич, то я, имея противу себя неприятеля, не буду в состоянии идти к вам на помощь, не открыв ему пути в Бухарест.

Вам же самим идти навстречу неприятелю к Дунаю для препятствования переправе я почитаю невыгодным, так как предупредить его на переправе вы не успеете, ибо, по принятому им образу действий и имеющимся у него для того средствам, он переправляется скрытно и быстро, под покровительством лесистых островов, на коих устраиваются им заранее батареи, изготовляются туры, палисады и другие предметы, нужные для скорого возведения укреплений на левом берегу. Затем вам должно было бы выбивать его из укрепленных позиций, действие, успех коего всегда сомнителен и сопряжен с большими пожертвованиями, чего должно избегать. Это имейте в виду. Не стесняя вас в действиях ваших, я полагаю, что было бы всего лучше перевести ваш отряд временно в Крайово, откуда в случае отступления вы менее подвержены опасности быть отрезанным неприятелем, который бы переправился у Турно или Зимнича; коль же скоро вы известите о совершении турками переправы при одном из сих пунктов (исключая незначительных шаек), то вам следует тотчас начать отступление на Слатино и Текуч или прямо, или, в случае необходимости, окольными путями, держась ближе к горам. Вместе с тем прикажите истребить мост в Комани, для чего и примите нужные меры заблаговременно. В случае отступления госпиталь из Слатина должен быть направлен не на Питешти, а в Терговист или, что еще лучше, в Плоешти.

Своевременно вам тогда должно будет распорядиться вывозом имеющегося в Слатине запаса сухарей на неприятельских подводах.

¹ Архив воен. уч. ком., отд. 2, д. № 3431.

**Всподданнейшее письмо князя Горчакова
от 29 декабря 1853 года из Бухареста**

Всемилоостивейший Государь!

Я получил сегодня донесение графа Анрепа о славном деле при селе-нии Четати. 25-го числа турки в числе более 18 тысяч, при 24 орудиях, атаковали близ этой деревни три батальона, там стоявшие. Полковник Баумгартен, ими командовавший, отбилсЯ геройски до появления в прав-ый фланг неприятеля генерал-майора Бельгарда с четырьмя батальонами. Дело кончилось бегством турок с потерей шести орудий, двух байраков и до 3 тысяч убитыми и ранеными; в числе убитых один паша. Турки, обо-дренные большим превосходством своим, дрались весьма упорно. Это вид-но из весьма значительного урона наших войск: убито 835; раненых 1189.

Подробности сего славного боя Ваше Императорское Величество из-волите усмотреть из журнала, военному министру мною посылаемого.

Последствия оногo будут весьма выгодны не только тем, что прекратят-ся происки турок во внутренность края для возмущения жителей, начинав-шего уже делаться опасным, но в особенности влиянием, которое будет эта остратка иметь на будущие действия при Калафате, когда придут к Бой-лешти остальные три полка 12-й пехотной дивизии. Жаль только, что успех этот нам стоил столь дорого. У турок много людей, вооруженных штуцера-ми; эти люди стреляли преимущественно по офицерам. Вероятно, причи-ной наступления турок 25-го числа были настаивания иностранцев, в боль-шом числе в Калафат приехавших. Генерал-майор Бельгард и полковник Баумгартен показали себя отличными боевыми офицерами.

С глубочайшим благоговением и преданностью
кн. Горчаков 2-й

Император Николай — князю Горчакову. 7 января 1853 года

Два твои письма получил я одно скоро после другого, любезный Горча-ков; прости, ежели на сей раз не своей рукой отвечаю: я обременен делами. Известие о геройском поведении войск наших в деле под Четати меня не удивило, но тем более с сердечным сокрушением узнал я об огромной потере их, ничуть не соразмерной с предметом, а еще менее мне понятной как план действий. Реляция писана так неясно, так противоречиво, так не-полно, что я ничего понять не могу. Я уже обращал твое внимание на эти

¹ Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 88.

² Собств. Его Величества библиотека.

донесения, писанные столь небрежно и дурно, что выходят из всякой меры. В последний раз требую, чтоб в рапортах ко мне писана была *одна правда*, как есть, без романов и пропусков, вводящих меня в совершенное недоумение о происходившем. Здесь, например: 1) зачем войска были растянуты так, что в Четати стоял Баумгартен с тремя батальонами, в Моцеее Бельгард с четырьмя, а Анреп в Бойлешти, на оконечном левом фланге с главным резервом? 2) Зачем по первому сведению о движениях турок Анреп не пошел им прямо в тыл, что, кажется, просто было и отчего бы, вероятно, из них никто не воротился в Калафат? 3) Отчего Анреп с 15 эскадронами и конной батареей опоздал и не преследовал бегущих турок? Все это мне объясни, ибо ничего этого из реляций понять не можно.

Ежели так будем тратить войска, то убьем их дух, и никаких резервов неостанет на их пополнение. Тратить надо на решительный удар — где же он??? Потерять 2000 человек, лучших из войск и офицеров, чтоб взять шесть орудий и дать туркам спокойно возвратиться в свое гнездо, тогда как надо было радоваться давно желанному случаю, что они, как дураки, вышли в поле, и не дать уже ни одной душе воротиться; это просто задача, которой угадать не могу; но душевно огорчен, видя подобные распоряжения.

Итак, спешу мне это все разъяснить и прими меры, чтобы впредь бесплодной траты людей не было; это грешно и, вместо того чтобы приблизить к нашей цели, удаляет от оной, ибо [нельзя] тратить драгоценное войско тогда, когда еще много важного предстоит и обстоятельства все становятся грознее.

Спешу представить к награде отличившихся и не забудь об убитых и раненых; пришли их списки.

Нетерпеливо ожидаю, что ты решишь под Калафатом, и надеюсь, что не вдашься в ошибку лбом брать укрепления, в которых притом удержаться нельзя будет, за огнем с противного берега. Гораздо важнее для нас ускорить переправу на Нижнем Дунае; это мнение делит и фельдмаршал. Самое счастливое было б, кажется, воспользоваться случаем, ежели Дунай замерзнет, и сейчас овладеть Исакчей, Тульчей, Матчином, а потом и Гирсовом, не идя далее до вскрытия реки, и тогда подвести сейчас всю флотилию, а за ней магазин на судах, чтоб идти к Силистрии, устроить вторую переправу у Калараша и явиться под Силистрией с 8, 9 и 15-й дивизиями и бригадой 14-й дивизии; ежели оно сделаться может, было б славно. Тогда я бы полагал не сменять войск, а продолжать движение этими до Туртукая, а там, устроив переправу, присоединить и от 4-го корпуса, что сочтешь нужным, и приступить к осаде Рушука, 7-я же дивизия и, надеюсь, позднее и другая бригада 14-й дивизии остались бы для оконечности левого фланга, занимать крепостцы на правом берегу Дуная и близ Рени, Галаца, Браилова и Измаила.

Этих сил, кроме резервов, будет совершенно достаточно, чтоб оконечность левого нашего фланга совершенно обеспечить.

Сим кончаю. Дай Бог, чтоб все шло согласно моим желаниям без бесплодной траты людей и [чтоб мы], действуя сильно, решительно,

не дробясь, тем [бы и] приобретали превосходство над врагами без усилий, которые, кроме славы, не приносят никакой пользы.

Посылаю Орлова к императору австрийскому, чтобы стараться придать ему более решимости; о последствиях узнаешь от Фонтона, который тогда их привезет из Вены.

Скажи-ка мне, что причиной восстания в Малой Валахии? Желательно мне это знать; необходимо это унять. Какое желание мог ты выгадать или понять у валахов и молдаван насчет их независимости и какого желали бы себе образа правления? Разумеется, что об республике и слышать не хочу; а выбери они себе кого хотят, из среды себя, в господари, или воеводы, или князья, все равно, под общим моим и императора австрийского покровительством.

Собственноручная приписка Государя Николая Павловича:

Теперь Бог с тобой; поклонись всем; молодцов от меня поблагодари; как мне их жаль! поверить не можешь! Глупых распоряжений, ради Бога, не допускай, и с дураков, ежели были, примерно взыщи, я таких в армии знать не хочу; пора их вон, кто бы ни были, не пощажу, ей-ей! не пощажу!

Обнимаю от души. Твой искренно доброжелательный

Н.

Приложение № 75¹

**Отношение главнокомандующего отделения Кавказского корпуса
военному министру ген.-адъютанту князю Долгорукову
от 30 октября 1853 года. Тифлис, № 652**

Тяжкая болезнь, посетившая меня, как вашему сиятельству известно, и которая еще мало уступает медицинским средствам, помешала мне, при беспрестанных многочисленных занятиях по теперешним трудным обстоятельствам, отвечать с последней экстрапочтой на почтеннейшее отношение, полученное от вашего сиятельства за № 1061. В оном отношении, по воле Государя Императора, вы у меня спрашиваете: какие меры я бы считал нужным принять на случай, ежели персияне, по известной всегдашней вероломности их характера, вместо согласного с нами против турок действия оказались бы нам враждебными, и какие я бы мог из войск в моем здесь распоряжении употребить на усиление со стороны Персии кордонов и на необходимые резервы.

На это я должен отвечать с полной откровенностью и с душевной горестью, что в таком случае и при войне с Турцией мы здесь решительно не можем располагать ни одним батальоном без пагубного ослабления главного нашего действующего отряда и без ослабления с крайней и неминуемой опасностью гурийской границы, на которую, как ваше сиятельство

¹ Архив воен. уч. ком., отд. 2, д. № 6565.

сами изволите меня уведомить и как мы слышим со всех сторон, турки имеют решительные намерения [совершить набег] и приготовили уже в Батуме до 30 тысяч человек.

По известиям, прежде полученным, турки собирали в азиатских своих пределах войска для защиты крепостей и края, но не в достаточных силах, чтобы грозить нашим пределам наступлением; но вскоре это положение здесь переменилось; [численность] войска и милиции около Эрзерума, Баязета, Карса, Ардагана и Батума так умножилась и беспрестанно умножается, что уже ясно было видно, что наступательные действия турок будут гораздо решительнее на Закавказский край, нежели по европейской границе.

Ежели бы не пришла к нам 13-я дивизия, то мы бы были уже теперь в самом критическом положении. Благотельная эта мера спасла нас на время и дала возможность не только охранить главные пункты нашей границы, но и составить отряд близ Александрополя, который скоро будет в состоянии даже перейти границу и действовать наступательно. Это бы было еще легче — и положение наше вообще было бы еще обеспеченнее, ежели бы в последнее время турки еще не усилили войска свои в Батуме и на границе Гурии, угрожая сильным нападением на Гурию, Имеретию и Мингрелию, не говоря уже о морском берегу Мингрелии, которого без содействия флота нам защищать невозможно. Поэтому я должен был оставить из 13-й дивизии шесть батальонов в распоряжении кн. Гагарина и оставить еще два в Сураме в виде резерва для Гурии и для Ахалцыха, на который, по всем известиям от консулов и лазутчиков, турки хотели сделать сильное нападение со стороны Ардагана.

По всему этому ваше сиятельство можете судить о совершенной невозможности для нас снять весной что-нибудь с турецкой границы для защиты персидской, для подкрепления Лезгинской линии и дабы иметь хотя несколько батальонов резерва. Сколько мне ни прискорбно просить новых войск, которых уже так много на Кавказе, я считаю [это для себя] священным долгом и считал бы себя преступным, ежели бы того не сделал всеподданнейше представить, что здешнее начальство не может вполне защищать край и отвечать за безопасность успешных действий за границей, ежели не придется к нам еще одна пехотная дивизия и — особенно в случае несогласия с Персией — не меньше одной бригады регулярной кавалерии.

Пехотная же дивизия здесь необходима, даже ежели со стороны персиян никакой опасности не будет. Без этой помощи мы будем весной в самом опасном положении со стороны Лезгинской линии, на которую Шамиль обратит всю силу Дагестана, дабы тем содействовать туркам на том пункте, где он может действовать с успехом и где малейший успех его может иметь для нас самые вредные, даже пагубные последствия. Славный отпор, сделанный ему в прошедшем сентябре месяце кн. Орбелиановым при содействии шести батальонов из Дагестанского отряда, был в то время, когда, по обыкновенному здесь порядку на летние месяцы, Лезгинский отряд был подкреплен почти пятью батальонами из гренадерской бригады и егерей

21-й дивизии. Весь этот резерв теперь уже оставил Лезгинскую линию и вошел в состав главного отряда в Александрополе. Кроме того, два батальона из бывших в Дагестанском отряде так же необходимо было вызвать на турецкую границу. Ежели до наступления весны мира с турками не будет, то мы уже не будем в состоянии послать необходимое, даже в нормальных случаях, подкрепление на Лезгинскую линию, без совершенного ослабления нашего действующего корпуса для наступательных движений за границей. По этим причинам я должен всеподданнейше и убедительнейше просить Его Императорское Величество о присылке сюда еще одной пехотной дивизии, из которой шесть батальонов будут необходимы для подкрепления Лезгинской линии. Прочие части этой дивизии будут употреблены на персидской границе, ежели это будет нужно, или на усиление действующего отряда и защиту границ и, наконец, для составления хотя бы малого резерва.

Повторяю, что я этого прошу с душевным прискорбием, но по совершенной необходимости. К причинам, выше сего изложенным, я должен еще прибавить, что с получением еще одной дивизии из России мы будем в состоянии возвратить на Кавказскую линию три батальона, оттуда взятые сюда, которые там будут нужны для лучшего отпора Шамиля, ежели он предпримет там что-нибудь важное, или один, а ежели, по сношению с Магомет-Амином, со стороны персиян опасности не будет, то можно будет также возвратить кн. Аргутинскому присланные им к нам два батальона кн. Паскевича полка и со всем тем иметь действующий отряд в такой силе, чтобы сделать внутри Турции движение решительное и которое бы могло иметь сильное влияние на весь поворот войны с Турцией.

Сказав все сие с полной откровенностью, осмеливаюсь только еще раз прибавить, что одна Лезгинская линия уже делает необходимым присылку сюда новых войск, ибо оставить оную в теперешнем положении весною невозможно, а усилив оную, как должно, из здешних войск, мы оставили бы себя по всей турецкой границе только в оборонительном и то весьма слабом положении.

Приложение № 76¹

Описание подвигов мужества чинов Ахалцыхского отряда

1

30 октября прошлого года, во время нападения турок на г. Ахалцых, унтер-офицер 6-й егерской роты Виленского полка Варлам Гончаров, в числе прочих нижних чинов, был в цепи застрельщиков. Видя приближающиеся толпы аджарской милиции со значками, храбрый Гончаров с криком «ура» бросился вперед, выстрелом из ружья убил одного аджарца,

¹ Рапорт начальника отдела от февраля 1854 года, № 553. Архив штаба Кавк. воен. округа

штыком заколол другого и ударом приклада по голове положил третьего, но в это время был окружен аджарцами, которые, отрубив ему на одной руке четыре пальца, старались отнять ружье. Гончаров употребил последние силы для того, чтобы не отдаться живым, получил шесть ран и пал мертвым, не выпуская из рук ружья.

2

Во время дела под Ахалцыхом 1 ноября 1853 года у штуцерного рядового 8-й егерской роты Никиты Овсяникова в замке штуцера лопнула пружина. «Вот, черт возьми! — сказал он с сердцем, — ведь при такой беде турок и штыком не достанешь».

3

1 ноября 1853 года под Ахалцыхом унтер-офицеру 3-й карабинерной роты Степану Ткаченко ударила неприятельская пуля в крест амуниции, но, потеряв силу в дальнем полете, упала на землю, не причинив вреда. «Ага, — сказал Ткаченко, — басурманская пуля боится креста».

4

14 ноября 1853 года в сражении при г. Ахалцыхе рядовой 1-й карабинерной роты Антон Сабайда, находясь в цепи, был ранен в ногу, но, несмотря на сильную рану, продолжал, прихрамывая, идти вперед и заряжать ружье. Заметив это, ротный командир спросил его: «Ты ранен?» — «Никак нет, ваше благородие, — отвечал храбрый Сабайда, — это я немного остушился». Но ротный командир, найдя его действительно раненным, хотел отправить на перевязочный пункт, тогда Сабайда отвечал: «Ваше благородие, еще рано, турки впереди, у них еще есть пушки, не следует басурманам дарить их», — и с этими словами, крикнув «ура», бросился вперед.

5

В том же сражении, при штурме аула Суплис, рядовой 2-й егерской роты Иван Рогозин в числе первых шел на батарею. Заметив, что в одно орудие был уже послан заряд, Рогозин в одно мгновение пробежал пространство, отделявшее его от завала, вскочил на батарею и, видя, что турецкий бомбардир готов был прибить заряд, вырвал из рук его банник и со словами: «Почуйся, басурман, заряжать у русских», — ударил его по голове банником.

6

Во время штурма аула Суфлис 14 ноября 1853 года ядро ударило в землю рикошетом возле барабанщика 3-й егерской роты Николая Кожина и засыпало песком его барабан в то время, когда он бил наступление. Кожин, нимало не смутясь, смел песок и сказал: «Эй, басурманы! Теперь кожа барабана нужнее моей, вам же веселей будет умирать под русскую плясовую».

7

При штурме Суфлиса подпоручик Виленского полка Данилов бросился на орудия с цепью стрелков 6-й егерской роты; получив раны пулями в

лицо, в грудь навылет и в правый бок, между ребер, храбрый офицер этот не переставал биться и шашкой изрубил двух турецких солдат, но наконец, обессиленный, упал на неприятельское орудие. Турецкий артиллерист отрубил ему голову.

Приложение № 94¹

**Манифест от 9 февраля 1854 года, собственноручно написанный
Императором Николаем и вышедший в свет в измененном виде**

БОЖЬЮ МИЛОСТИЮ
МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,
ИМПЕРАТОР И САМОДЕРЖЕЦ ВСЕРОССИЙСКИЙ,
и прочая, и прочая, и прочая,

Объявляем всенародно:

Два раза Мы возвещали уже любезным Нашим верноподданным о причине несогласий наших с Оттоманскою Портою. С тех пор, несмотря на открытие военных действий, не переставали Мы искренно желать, как и ныне желаем, прекращения кровопролития, питая еще надежду, что время убедить турецкое правительство, коlikому заблуждению оно предалось чрез коварные наущения, полагая в справедливых, на трактатах основанных требованиях наших мнимое посягательство на его независимость и скрытые виды на преобладание! Но тщетны были досель надежды наши. Английское и Французское правительства, вступаясь за Турцию и послав свои флоты в Царьград, вяще возбудили упорство турок и ныне, уже не довольствуясь сим, без предварительного объявления нам войны, ввели флоты в Черное море, дерзостно объявляя, что берут турок под свой кров и мечтают препятствовать нам в свободном плаваннии по Черному морю для защиты берегов наших.

Столь неслыханное между просвещенными государствами действие принято нами с достойным презрением.

Мы повелели нашим посольствам выехать из Англии и Франции и прервали с ними державами все сношения.

Итак, против России, сражающейся за Православие, не устыдились стать рядом с врагами Христианства Англия и Франция!

Но Россия не оставит своего святого призвания, идем вперед! Ежели наглость врагов наших мнит коснуться пределов России, мы готовы встретить их, как нам завещано предками; не дети ли мы, не потомки ли тех русских, которые внесли в скрижали России славный 1812 год! Да поможет нам Господь доказать сие на деле.

¹ Архив Мин. иностранных дел, карт. Доклады 1854 г.

Тогда воззвав ко Господу единым сердцем вся Россия: Господь наш! Избавитель наш! Кого убоимся! Вперед за Христианство. Да воскреснет Бог и расточатся врази Его!

Дан в С.-Петербурге 9 февраля 1854 года.

Приложение № 109¹

**Собственноручно написанный и исправленный Императором
Николаем манифест от 11 апреля 1854 года**

Пометка Государя: «Напечатать завтра, а раздать в день Светлого Воскресения, послав несколько экземпляров к г-ну Закревскому, так чтобы пришли вовремя».

С самого начала несогласий Наших с турецким правительством Мы торжественно возвестили любезным Нашим верноподданным, что единое чувство справедливости побуждает Нас восстановить нарушенные права православных христиан, подвластных Порте Оттоманской. Мы не искали и не ищем завоеваний, ни преобладательного в Турции влияния сверх того, которое по существующим договорам принадлежит России.

Тогда же встретили Мы сперва недоверчивость, а вскоре и тайное противоборство французского и английского правительств, стремившихся превратным толкованием намерений Наших ввести Порту в заблуждение. Наконец, сбросив ныне всякую личину, Англия и Франция объявили, что несогласие наше с Турцией есть дело в глазах их второстепенное, но что общая их цель — обессилить Россию, отторгнуть у нее часть ее областей и низвести Отечество Наше с той степени могущества, на которую оно возведено Всевышнею Десницею.

Православной ли России опасаться сих угроз! Готовая сокрушить дерзость врагов, уклонится ли она от Священной цели, Промыслом Всемогущим ей предназначенной.

Нет!! Россия не забыла Бога! Она ополчилась не за мирские выгоды; она сражается за Веру Христианскую и защиту единоверных своих братьев, терзаемых неистовыми врагами.

Да познает же все Христианство, что как мыслит Царь Русский, так мыслит, так дышит с ним вся русская семья, верный Богу и Единородному Сыну Его Искупителю Нашему Иисусу Христу православный русский народ.

За Веру и Христианство подвизаемся! С нами Бог, никто же на ны!

¹ Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 36.

**Собственноручная записка Императора Николая I
о войне с Турцией. Разослана в начале ноября 1853 года**

Кампания 1854 года может открыться при разных условиях; она быть может:

- 1) *оборонительною* против одних турок в Европе и наступательною в Азии;
- 2) *оборонительною против турок в союзе с Францией и Англиею и наступательною* в Азии;
- 3) *наступательною* и в Европе и Азии против *одних турок*, и
- 4) наконец, *наступательною* и в Европе, и Азии, несмотря на союз турок с Францией и Англией.

Неуверенность или сомнение, что предпримут Англия и Франция при открытии кампании, требует с нашей стороны таких соображений, которые бы, обеспечив собственные наши границы от неприятельских предприятый, давали, однако, нам возможность наносить наибольший вред Турции, не тратя без необходимости русской крови.

Итак, следует меры наши разделить на два отдела:

- 1) *обеспечение собственных границ*;
- 2) *действия против врагов наступательно.*

Нападения на наши границы сухопутно предвидеть нельзя; ожидать можно только морских действий или высадок.

В Балтике требуются особые соображения, и потому здесь об этом говорить не стану.

В Черном море нападения на границы наши могут быть: на Одессу, на Крым или на береговые форты по берегу Кавказа.

Из трех случаев последний самый для нас невыгодный, и ежели флоты французский и английский войдут в Черное море, вряд ли возможно будет продолжать занимать берег, разве Анапу, Новороссийск, Геленджик, Сухум-Кале; прочие форты, вероятно, надо будет покинуть, сколько бы ни желательно было избежать сей необходимости.

Атака на Крым равномерно возможна только при содействии французов и англичан, и появление их войск в Царьграде потребует уже предохранительных мер против подобного покушения.

Атака на Одессу из трех [рассмотренных здесь] случаев наименее опасна, ибо, кроме цели бомбардировки беззащитного города, других последствий иметь не может, не представляя удобств к высадке, ежели вблизи [сосредоточен] отряд некоторой силы.

Переправа через Дунай вблизи Измаила или Рени так же невероятна по трудности самой переправы и во всяком случае удобно может быть отбита.

Итак, кажется, *на первый* случай сим ответствовано.

¹ Канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.

Приступаю ко второму.

Оставаясь при принятом уже плане оборонительной войны в Европе, [следует признать, что] двух назначенных корпусов с восьмью казачьими полками достаточно, чтоб оборонять не только Молдавию и Большую Валахию, но и Малую Валахию; а [так] как турки уже заняли переправу у Калафата, то нужно будет сперва изгнать их оттуда и остановиться [впредь] до [возникновения] обстоятельств, о которых ниже упомяну.

В то же время, ежели Господь благословит оружие наше, желательно, чтобы Кавказский корпус наступал и овладел Карсом, Баязетом и Ардаганом, что исполниться должно в течение зимы или ранней весной.

Ежели перемены не будет в упорстве турок в течение сего времени, тогда наступит *второй период действий*, и уже *тогда мы приступим к переправе чрез Дунай* (примерно в марте 1854 года).

Начав с сильной демонстрации у Сатунова войсками, в Бессарабии расположенными, и в то же время в виду переправы у Гирсова войсками 3-го корпуса, *настоящую переправу исполним выше Видина* 4-м корпусом. Есть надежда, что предприятие сие удастся может, и вслед за тем надо будет обложить и приступить к *осаде Видина*.

Расположение сербов к нам дает мне надежду, что наше появление в сем крае их побудит приняться за оружие и стать рядом с нами, чем можно действия наши облегчить.

Как бы турецкая армия сильна ни была, но попытки наши с начала кампании к переправе на двух точках должны держать их в недоумении, *в чем именно и состоит настоящее намерение наше*, и не даст им вовремя собрать все главные их силы на верховьях Дуная. Но ежели они не вдались бы в обман и стянули главные свои силы к Видину, тогда наши *фальшивые атаки обратятся в настоящие*, и войска у Сатунова и Гирсова овладеют переправами и *занять должны край до Троянова вала*, блокируя Исакчу, Тульчу и Кюстенджи, ежели крепости сии восстановлены и того требуют.

Полагая, что обе сии переправы будут исполнены пятнадцатью и девятью дивизиями, *будет за Дунаем здесь 34 батальона и, вероятно, одна кавалерийская дивизия с двумя казачьими полками*.

В то же время останутся в окрестностях Бухареста 7-я и 8-я дивизии с одной кавалерийской бригадой и двумя казачьими полками для защиты края до дальнейшего развития обстоятельств.

Сим кончается *2-й период действий*.

Третий период будет осада Видина, действия против турецкой армии, ежели она пойдет на помощь Видину, или против войск в Бабадагской области. У Видина надо идти к ним навстречу и стараться их разбить, напустив сербов им в левый фланг и тыл. У Троянова вала, ежели не сильны, разбить их; ежели очень сильны, отступить к Гирсову, и тогда, вероятно, уже у Видина не будут они сильны, и осада беспрестанно произведется.

Вероятно, за сербами поднимутся и болгары, и тем положение турок еще более затруднится.

Взятием Видина (вероятно, в августе) кончится третий период.

Во все эти три периода на флоте может лежать обязанность не только способствовать защите берегов наших, но и наносить возможный вред туркам, препятствуя свободному сообщению с их портами; все это возможно будет лишь тогда, когда английского и французского флотов в Черном море не будет, по крайней мере в превосходящих силах.

Эскадре на абхазских берегах в особенности следует усугубить надзор за недопуском турецких судов из Батума и Анатолии.

Флотилия на Дунае состоять должна в распоряжении князя Горчакова; ее содействие будет весьма полезно как для воспрепятствования переправам турок от Гирсова вниз по Дунаю, так и для способствования переправе наших войск и прикрытия мостов, когда действия наши дойдут до сей эпохи.

Ежели потеря Видина, Карса, Баязета и Ардагана не поколеблет упорства турок, тогда наступит *четвертый период*.

Полагаю, что ему предшествовать должно воззвание к единоплеменным и единоверным народам к восстанию объявлением, что мы идем вперед для избавления их от турецкого ига. Вероятно, сие последует чрез год, т. е. в ноябре 1854 года, в ту эпоху года, где уже военным действиям в тех краях прихода препятствует.

Разрешенное формирование волонтерных рот будет тогда служить основанием, или корнем, новых ополчений в Сербии и Болгарии, на что употребится зима.

Следует здесь решить: как армии нашей зимовать?

Полагаю, что 4-й корпус, занимая Видин, может расположиться вокруг его по сербским селениям или частью в Малой Валахии. Войска в Большой Валахии останутся в ней. Те же, которые переправились чрез Дунай у Сатунова и Гирсова, могут занять собственно Бабадаг и окрестности и мостовое укрепление в Гирсове.

В этом положении проведем зиму с 1854 на 1855 год.

В Азии желательно завладеть Кабулетом и Батумом, не подаваясь далее вперед, но делая частные набеги, дабы держать турок в тревоге, и предоставляя персиянам вести наступательную войну для их пользы.

Начало 1855 года укажет нам, какую надежду возлагать можем на собственные способы [противостояния] христианского населения Турции, и [позволит прояснить], останутся ли и тогда Англия и Франция нам враждебны. Мы не иначе должны двинуться вперед, *как ежели народное восстание за независимость примет самый обширный и общий размер; без сего общего содействия нам не следует трогаться вперед; борьба должна быть между христианами и турками; мы же как бы оставаться в резерве.*

Быть может, что для отвлечения турецких сил приступить можно будет к осаде Силистрии, но мудрено сие теперь же предугадать.

**Всеподданнейшая записка князя Варшавского
от 14 (26) ноября 1853 года**

В сообщенном мне плане военных действий против Турции с европейской стороны — главная мысль заключается в том, чтобы, делая демонстрации на левом нашем фланге и в центре, настоящую переправу через Дунай сделать против Видина.

Мысль новая и блестящая. Она вводит нас в непосредственные сношения с самыми воинственными племенами Турции: сербами, болгарами и, далее, черногорцами. Обращая против Турции ее собственное население, она сохраняет наши силы и сберегает русскую кровь.

Привести в исполнение сей план можно только весной как по недостатку подножного корма, так и потому, что для исполнения плана потребуются перевозка на оконечность правого нашего фланга осадной артиллерии с запасами продовольственными и военными, чего в зимнее время по распутице сухим путем сделать невозможно.

Чтобы между тем не пропали в бездействии зимние месяцы и чтобы, однако, избежать неудобств зимней кампании, наконец, чтобы связать наши действия с планом будущей кампании, представляется [к Высочайшему рассмотрению] следующая мысль:

кампания зимою невозможна или по крайней мере затруднительна:

по недостатку подножного корма для лошадей;

по распутице и бездорожью, отчего перевозка сухопутно артиллерии и необходимых для войск запасов и тягостей делается трудною.

В настоящем случае Дунай дает возможность отвлечь сии неудобства. Река сия должна составлять главнейший путь всех наших транспортов к центру и правому нашему флангу. Имея флотилию, суда перевозочные и свободное плавание по Дунаю, мы можем держать всегда под рукою там, где нужно, и артиллерию, и запасы для войск, и овес для лошадей и действовать, несмотря на распутицу, даже в зимнее время.

Притом, предназначая главные военные действия на правом нашем фланге, необходимо прежде всего обеспечить свой левый фланг и центр.

Для достижения всех сих целей предполагается в Измаиле приготовить осадную артиллерию, запасы в хлебе и овсе (для войск и лошадей сколько по расчету потребуется) и вообще все тягости и погрузить их на суда Дунайской флотилии и транспортные, имея с собою также плавучий мост.

Устроив таким образом заблаговременно *плавучий магазин*, с приходом на место резервов и двух дивизий 3-го пехотного корпуса — перейти между 1 и 15 февраля с тремя пехотными дивизиями (две дивизии 3-го и одна дивизия 5-го пехотного корпуса) и кавалерией на правый берег Дуная и подыматься вверх по реке, наравне с флотилией так, чтобы иметь

¹ Канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.

все под рукою и быть всегда в возможности поставить мост для сохранения соединения с нашим берегом. На пути взять Исакчу и оставить в ней достаточный гарнизон (1000 или более человек) из резервов. Следуя далее, взять Мачин и Гирсово и также оставить в них гарнизоны (по 500 человек и более) из резервов.

За сим, подымаясь вверх, дойти до Силистрии.

Войскам 4-го пехотного корпуса, стоя между тем около Бухареста, наблюдать до Слободзеи и правый фланг. С приближением отряда к Силистрии из 4-го пехотного корпуса присоединить еще одну дивизию. Тогда, имея осадную артиллерию с большим числом зарядов и четыре дивизии пехоты, можно надеяться на скорое взятие Силистрии.

Если бы неприятель хотел помешать нам и для того вышел и собрался в поле, тем лучше: мост и сообщение с противоположным берегом Дуная должны дать возможность разбить его.

Тогда по обстоятельствам, если бы неприятель, притянув прежде к себе войска из Шумлы, был потом разбит и рассеян так, что много войск в Шумле ожидать было бы нельзя, то можно бы идти и к Шумле; но движение сие не должно входить в наше предположение, ибо оно отдалило бы нас от главного предмета и от запасов в то время, когда, по бездорожью, перевозка запасов сухопутно будет трудна до невозможности.

Предположив затем, что Силистрия будет взята, — оставить в ней достаточный гарнизон.

В это время от 4-го корпуса можно бы отправить одну дивизию в Малую Валахию; остальные же войска, по взятии Силистрии, следовали бы по-прежнему со своим плавучим магазином к Туртукаю и Рущуку.

Туртукай и Рушук также должны быть взяты и в них оставлены гарнизоны.

Таким образом, очистив берега Дуная и открыв свободный путь для всех наших запасов с низовья реки, мы подвинулись бы к Малой Валахии¹.

На всем течении Дуная мы могли бы обождать все суда и лодки и тем самым, увеличивая свои перевозные средства, отняли бы у неприятеля возможность к переправе, если бы даже он, придя в значительных силах, хотел форсировать переправу.

Когда бы плавучего моста не было или было нужно оставить его где-либо, например в Силистрии, то можно заменить его пароходами и судами, которыми скоро перевозить войска с одного берега на другой, куда укажет необходимость. Подходя же к Видину, будем посредством сих судов иметь возможность тотчас устроить переправу там, где обстоятельства потребуют.

Между тем, согласно сообщенному мне плану кампании, сербы и болгары могут быть приготавлиемы к восстанию, и с весною² кампания откро-

¹ Весь 4-й корпус был бы свободен для действий против Видина; войска же 5-го и 3-й корпус оставались бы для наблюдения левого фланга и центра.

² То есть с 15 апреля, с появлением подножного корма.

ется по предначертанному плану, совершенно новому, который может повести к разрушению Турецкой империи. До сих пор сербы бывали в войнах поддерживаемы только незначительными частями наших войск; ныне же, когда флотилия, осадная артиллерия и целый корпус войск будут их поддерживать, то не только Видин, но может быть взят и Белград, — и тогда сербы почувствуют возможность быть независимыми от ига турецкого.

Приготовив предположение сие к отправлению, я получил от князя *Горчакова* (в ответ на уведомление мое о посылке к нему двух дивизий 3-го корпуса) между прочим копию со всеподданнейшей записки его от 7 ноября о настоящем положении дел в том крае.

Опасаясь за свой правый фланг и Малую Валахию, князь *Горчаков* полагает, не останавливая 8-й и 9-й дивизий в Фокшанах, придвинуть их в Валахию и разместить войска следующим образом:

10-ю дивизию, с бригадой кавалерии, — в Малой Валахии;

12-ю дивизию и один кавалерийский полк — против Турно, Систово и Рушука;

четыре батальона 11-й дивизии и кавалерийский полк — против Туртукая; остальные 13 батальонов 4-го корпуса — в резерве между Будешти и Бухарестом;

одну бригаду 3-го корпуса и один кавалерийский полк — против Силистрии и Гирсова в Калараше и Слободзее;

затем остальные три бригады 3-го корпуса — выше Бухареста, к Плоешти и Терговисту;

у Браилова и ниже по Дунаю — войска 5-го корпуса.

Из записки князя *Горчакова* я вижу, однако, что он почти уверен, что турки ничего серьезного не предпримут.

Посему объяснения князя *Горчакова*, кажется, не могут препятствовать исполнению моего предположения, с некоторыми только изменениями как в размещении войск, так и в моем предположении.

Размещение войск я для того только предполагал бы несколько изменить, дабы войскам не делал больших передвижений раннею весной, на случай переправы около Исакчи, и потому думал бы:

4-й пехотный корпус, по мнению князя *Горчакова*, расположить в Малой и Большой Валахии, до Бухареста и Ольтеницы;

3-го корпуса 8-й дивизии одну бригаду — против Туртукая; другую — против Силистрии и Гирсова, около Слободзеи;

9-ю же дивизию держать, по возможности, вместе, ближе к переправе, для действий против Исакчи, например в Фокшанах, что во всяком случае делает до 150 верст (дурной дороги) разницы против предложения князя *Горчакова*.

Изменение же в моем предложении будет состоять в том, чтобы переправить к Исакчи не три, а только две дивизии: одну 3-го и одну 5-го пехотного корпуса.

Наконец, если бы и 7-ю дивизию придвинуть для действий за Дунаем, то можно бы почти ручаться за успех.

По всей вероятности, турки, узнав о нашей переправе, не посмеют действовать наступательно и не замедлят поспешить к Силистрии. Но если бы и пришлось нам временно очистить Малую Валахию, то и тогда опасаться нечего, ибо у князя Горчакова соберется весь 4-й корпус; когда же бы турки подошли, как он полагает, к Питешти, то, будучи в 150 верстах от Дуная, могут быть разбиты.

Между тем, когда две дивизии подвинутся к Силистрии, то князь Горчаков сменил бы войсками 4-го корпуса бригаду 8-й дивизии, расположенную против Туртукая, так чтобы вся 8-я дивизия могла участвовать в осаде Силистрии.

Нельзя, кажется, притом сомневаться, что турки соберутся на защиту Силистрии и оголят берега Дуная. Тогда отряд против Силистрии можно бы усилить еще дивизией 4-го корпуса. С четырьмя дивизиями, флотилией и большим запасом зарядов при осадной артиллерии можно надеяться и взять Силистрию, и разбить турок.

К выгодам движения вместе с судами и мостом в заключение присовокупить можно, что и разлив Дуная не сделает никакой остановки. В 1809 году недостаток моста остановил наши действия; в 1810 году мы имели мост, и наводнение не препятствовало нашим движениям.

Обдумывая окончательно сие предположение, я убеждаюсь в необходимости двинуть ныне же и 7-ю пехотную дивизию так, чтобы она к концу февраля могла прийти прямо для действия против Силистрии, с тем чтобы с одной стороны было еще более ручательств в успехе, а с другой — чтобы 4-й корпус оставить свободным для действий по своему назначению.

Генерал-фельдмаршал князь *Варшавский*

Приложение № 129¹

**Император Николай — князю Варшавскому. Гатчина,
21 ноября (3 декабря) 1853 года**

Благодарю, любезный отец командир, за письмо от 14 (26) и за приложенную записку о предположениях твоих для предстоящего похода. Во многом мысли наши слились. Решаясь держаться основной мысли нашей — покуда держаться в Европе оборонительной войны, но наступать в Азии, первая моя забота должна была состоять в приведении сил наших с обеих сторон в соединение с целью [реализации] наших предположений, равно как [и считаясь] с силой неприятеля. Для этого двинуть 3-й корпус и

¹ Библиотека Его Императорского Величества.

драгунский на Дунай, а 18-ю дивизию и бригаду драгун — на Кавказ. Эти войска прибывают не ранее конца марта, частью и позднее. Но как зима должна, так сказать, быть *перетерплена*, доколь готовы не будем к дальнейшему. Но это не мешает другому, а именно: готовясь к действию в Малой Валахии и на Видин, отвлечь внимание неприятеля на устье Дуная приготовлениями к переправам. С этой целью я уже велел спросить Лидерса, имеет ли [он] подробные сведения о состоянии укреплений Исакчи, Тульчи, Мачина и Гирсова. Ежели крепости не восстановлены, то проход эскадры нашей под огнем Исакчи дает, кажется, надежду, что переправа у Сатунова дело не невозможное, и с которого, согласно с тобой, полагал бы начать в феврале. Быть может, подобная демонстрация полезна была бы и у Гирсова. Тогда у Сатунова переправа могла бы быть принята 15-й и 7-й дивизиями с бригадой 14-й, а у Гирсова 8-й или 9-й дивизией, что, вероятно, не затруднит Горчакова, ибо он все еще имеет будет четыре дивизии для охранения Бухареста и даже Малой Валахии. Ежели дело удастся, согласен Лидерса двинуть вдоль берега Дуная на Гирсово, на соединение с дивизией, там переправленной, разумеется, разбив прежде турок, которые ему встретятся; но ежели будут очень сильны, тогда ограничиться устройством переправных тет-де-понов и овладением хотя Исакчей, а быть может, и другими крепостцами. В этом пройдет февраль. Покуда можно будет, устроив плавучий магазин, подняться до Черноводов, под прикрытием флотилии. Ежели тогда главные силы Турции обратятся на Лидерса, я полагал бы ему отступить от Троянова вала до сильной позиции по выбору и дать сражение, но не иначе как с надеждой на успех, чего ожидать можно от 2 ¹/₂ наших дивизий при отличном духе всех войск.

Во всяком случае, ежели турки обратятся на Лидерса, столь же легко будет Горчакову, оставив 8-ю и 9-ю дивизии для защиты Бухареста, следовать в Малую Валахию и на Видин. Приступать же к осаде Силистрии, полагаю, было б опасно, не разбив прежде главной армии турок; подвигать плавучий магазин, не взяв Силистрии, совершенно невозможно; да и, кроме Силистрии, все другие крепости по Дунаю сему препятствуют. Полагать, чтоб в одно лето, не говоря о прочих затруднениях, можно б было осаждать больше одной, много двух крепостей, решительно несбыточно. Потому для движения Лидерса плавучий магазин будет очень полезен, для главных же сил совершенно невозможен до овладения всеми крепостями; итак, на это <...> полагаться не можно. Теперь жду только донесений Лидерса, чтоб, сходно начертанному плану, разрешить Горчакову приготовить вышеупомянутое. Даже в случае невозможности переправы, чего никак не полагаю, один вид к оной и приготовления значительно озаботят турок насчет прямого нашего намерения. Важно нам знать покуда, в какой степени считать можем на содействие задунайских христиан; признаюсь, не велика мне надежда на них, разве на сербов, и до этого удостоверения не очень расположен идти далеко за Дунай. Надо терпением как бы

замучить, изнать турок; как-то проведут зиму в сборе, как прокормятся? Сношения наши с Англией час от часу хуже, и я считаю, что разрыв неминуем; вероятно, то же последует и с Францией, и потому крайняя осторожность необходима, чтоб быть готовыми на все. На Кавказе было два блистательных дела, одно под Александрополем, другое под Ацхуром. Ахалских в блокаде, ожидаю — выручен ли? Воронцов все болен, но надемся, что Бебутов скоро б мог перейти в наступление <...> на Карс. Дай, Боже, успеха!

Боюсь, что войска от зимнего дальнего похода сильно пострадают, и это не последняя моя забота! Да нечего делать!

Жена тебе кланяется; целую руку княгине, а тебя сердечно обнимаю. Навски твой душевно доброжелательный Н.

Приложение № 130¹

Предположения² князя М. Д. Горчакова о военных действиях на 1854 год, выраженные на записку Государя Императора, препровожденную военным министром 3 ноября, № 668

Судя, с одной стороны, по весьма усиленным приготовлениям турок, с другой — по направлению, какое берут дела наши с приморскими державами, кажется не подлежащим сомнению: а) что турки при открытии кампании 1854 года будут иметь в Европе по меньшей мере от 120 до 150 тысяч войска; б) что морские державы будут с ними заодно и не только вступят в Черное море, но, может быть, помогут им десантным корпусом или у Константинополя, дабы остановить нас, если мы перейдем Балканы, или же и у Варны, дабы воспрепятствовать нам перейти эти горы.

Итак, по всем вероятностям, мы не будем владеть Черным морем; обороне Варны будут содействовать соединенные неприятельские флоты; наконец, не доходя Константинополя, или даже по сию сторону Балкан, мы встретим, может быть, вспомогательный туркам корпус европейских войск.

В таком положении дел, кажется, предпринимать в 1854 году наступательную кампанию за Дунаем было бы невыгодно, и лучше с этой стороны оставаться в оборонительном состоянии, доколе тройной союз Турции, Англии и Франции не порушится, ибо из княжеств, при решенном уже Государем Императором движении в направлении к оным 3-го корпуса, нас никакая сила на выбьет, тогда как успех наступательной кампании во время существования помянутого союза был бы подвержен большим случайностям.

¹ Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.

² Доставлены в С.-Петербург 21 ноября 1853 года, № 88.

Невероятно, чтобы подобный союз мог долго продолжаться. Будет одно из двух: или турки увидят тягость покровительства морских держав и сами убедятся в необходимости примирения с Россией, дабы избавиться от сего покровительства, неминуемо ведущего к разрушению Турецкой империи в Европе; или же Англия и Франция, временно забывшие вечное соперничество свое и ныне соединенные одной страстью: вредить России — восчувствуют, что выгоды их противоположны, последствием чего будет разрушение тройного союза и доставление нам случая предпринять за Дунаем наступательную войну при гораздо выгоднейших условиях, чем теперь. Время за нас; надобно стараться выиграть сколь можно более одного с наименьшим, по возможности, риском.

Но иное — не предпринимать до поры решительного наступления, и иное — оставаться в совершенно пассивном, оборонительном положении. Среднее и самое выгодное в настоящем положении было бы, кажется, в 1854 году не ограничиваться одним отстаиванием нашей Дунайской границы и княжеств (*Совершенно так*¹), но, поколику возможно перенести военные действия за Дунай, с одной стороны, дабы озаботить турок, с другой — дабы возбудить восстание православных племен, которые не примутся за оружие, доколе мы не перейдем Дуная.

Вот, сколько я понимаю, основные мысли начертания, препровожденного мне вашим письмом 3 ноября. Справедливость оных, по моему мнению, разительна.

Относительно подробностей исполнения я осмелюсь изложить, что хотя наступление с обоих флангов наших на Бабадаг и на Видин обещает большие результаты, но зато успех может подвергнуться случайностям, которм, кажется, лучше бы не подвергаться.

В особенности можно опасаться, чтобы, по форсировании переправы Дуная на флангах наших в то время, когда левый отдел будет в Бабадагской области, а правый приступит к осаде Видина, турки не двинулись большой массой к Бухаресту от Рушука, Туртукая и Силистрии и не овладели Валахией. В ней будут только две пехотные дивизии и одна кавалерийская; этих сил недостаточно для отпора турок, ибо сим последним будет возможность предпринять наступление [с численностью войск] более чем 80 тысяч; подобному сосредоточению их не воспрепятствует ни прибытие нашего правого отдела к Видину, потому что он будет там занят осадой, ни появление нашего левого отдела у Троянова вала, потому что в этом направлении туркам нечего опасаться: их правый фланг и тыл будут укрыты Варной, Силистрией, Рушуком и Шумлой.

Полагая даже, что войска, в Валахии оставленные, и отобьются от подобного сильного наступления, но бульшая часть Валахии все-таки бу-

¹ Здесь и в приложении №131 курсивом внутри текста даны в скобках пометки, сделанные Николаем I на полях при прочтении документа.

дет довольно продолжительное время в руках неприятеля; а это возьмет то важное последствие, что корпусу, у Видина стоящему, придется поспешно возвратиться в Валахию, дабы не быть совершенно лишенным продовольствия, коего он не может получать ниоткуда, кроме Валахии. Ни на Сербию, которая бедна, ни на Австрию, которая даже во время войны в Венгрии дала нам во всю кампанию — сколько мне помнится — не более как на 8 дней хлеба, рассчитывать невозможно. Вообще, кажется, выгоднее дать 4-му корпусу направление, сколь можно менее его удаляющее от наших ресурсов; перейдя же Дунай выше Видина, он не будет иметь никакого базиса.

Другое обстоятельство, заслуживающее внимания, заключается в крайнем затруднении, которое мы встретим при переправах через Дунай и учреждении мостов на сей реке. Понтонные наши таковы, что одни только отделения Бираго могут по нужде служить для перевозки войск на противный берег; и вообще их конструкция не такова, чтобы из них мог быть устроен мост на столь большой и быстрой реке, как Дунай; мы имеем готовый мост у Измаила, но мимо Исакии его провести нельзя; у Галаца или Браилова мы можем устроить другой, но на Верхнем Дунае все суда в руках турок, и выше Видина нет ни одной реки, впадающей в Дунай, где можно бы безопасно строить суда: и так пришлось бы их строить в виду неприятеля, что крайне невыгодно. *(Затем желательно овладеть как Исакией, так и Мачином и Гирсовом, начав переправу от Нижнего Дуная, дабы овладеть и уничтожить оборону правого берега до Силистрии.)*

Третье обстоятельство, равномерно заслуживающее внимания, есть то, что, доколе не просохнут дороги и не появится подножный корм, т. е. до половины или конца апреля, важных военных действий в здешнем крае предпринимать нельзя.

Взяв все это в соображение, я полагаю, что основную мысль препровожденного мне начертания всего удобнее было бы исполнить следующим образом:

1. До начатия весны ограничиться выбитием турок из Малой Валахии и овладением Калафата, если это окажется возможным. *(Да.)* Если же укрепления при Калафате столь сильны, что успех штурма сомнителен или повлек бы за собой большой урон, то, не предпринимая штурма, вогнать неприятеля в его укрепления и обнести сии последние редутами, дабы туркам нельзя было из них дебушировать. *(Дельно.)* Это предполагаю я по следующим причинам: Дунай у Видина течет между крепостью и островом, который находится под ближайшим огнем ее верхов; рукав же, отделяющий остров от Валахии, весьма узок и даже часто проходим вброд. Следовательно, выбиты ли турки из Калафата или нет, во всяком случае нужно держать непосредственно против этого пункта довольно значительный отряд, иначе с удалением нашим на несколько маршей неприятель опять его займет и снова укрепит. При числе войск, ныне в Валахии

находящихся, я не мог там иметь отряда; турки отрезали бы его, переправляясь через Дунай у Рахова; но иное будет после прибытия 3-го корпуса; Малая Валахия будет сильно занята, имея авангард близ Калафата. Признав же необходимым держать там постоянно сей отряд, кажется, выгоднее не подвергаться без нужды большому урону и случайностям штурма для предмета менее чем второстепенного, коего можно будет достигнуть, расположив наши войска на выгодной, несколькими редутами усиленной позиции: ибо против подобной позиции турки или не посмеют дебушировать, или будет легко их отбивать¹. (*Совершенно так.*)

2. Теперь же заняться устройством моста близ Галаца — к чему, имея разрешение, я ныне же приступаю — и ранней весной начать демонстрацию переправы (*Дельно, но не знаю, удобно ли саму переправу там исполнить*) у Сатунова и Мачина или Гирсова; а по обстоятельствам и исполнить оную, дабы отвлечь внимание неприятеля и, если можно, овладеть Тульчей, Исакчей, Мачином и Гирсовом. (*Это необходимо.*)

3. Как скоро Малая Валахия будет упрочена за нами — что, вероятно, последует вскоре по прибытии сюда двух пехотных дивизий 3-го корпуса, — приступить к заготовлению судов в верховьях р. Жио или реки Ольты для переправы через Дунай. (*Хорошо.*)

4. Если турки примут наступательные действия на нашу сторону Дуная в Валахии, то разбить их. (*Да.*)

5. После сего если неприятель не предпримет вовсе наступательных действий в Валахию, то, улучив выгоднейшее по обстоятельствам время, перейти самим Дунай выше Рущука, в числе примерно 40 тысяч, для действий в западной Болгарии и возбуждения восстания в сем крае и в Сербии. (*Да, ежели возможно.*)

Подобный корпус, имея за собой хорошее мостовое укрепление, может разбить в поле турецкую армию, в какой бы силе она ни появилась. Он будет совершенно обеспечен в отношении продовольствия, имея Валахию (*Быть может, вместо Видина.*) непосредственно за собой. Я полагаю, что ему можно будет даже предпринять осаду Рущука и взять эту крепость. Зимовать же ему равномерно можно будет в Западной Болгарии. Зимовка его там будет иметь самое выгодное влияние на восстание православных племен.

Для исполнения сего начертания я полагаю, что лучшее распределение войск было бы следующее:

¹ Сколько известно, турки весьма сильно укрепились у Калафата и имеют там до 50 орудий, и выбить их оттуда можно будет разве во время наводнения, которое, когда оно сильно, почти совсем затопило остров, впереди Видина лежащий.

14-я пехотная дивизия для обороны Крыма и прибрежной части Херсонской губернии;

15-я пехотная дивизия, одна пехотная дивизия 3-го корпуса и одна бригада 3-й легкой кавалерийской дивизии, для охранения нашей дунайской границы, Галаца и Браилова, а потом для демонстрации или действий в Бабадагской области. *(Там будет 16-я дивизия; 14-я может быть собрана и, быть может, даже присоединена к 15-й для действий за Дунай от Молдавии.)*

4-й корпус, 5-я легкая кавалерийская дивизия, четыре пеших и одна конная бригада 3-го корпуса в княжествах, с тем чтобы из числа этих войск назначены были для перехода за Дунай у Рушука пять пехотных бригад 4-го корпуса, 4-я легкая кавалерийская дивизия и одна бригада 5-й легкой кавалерийской дивизии. *(Можно.)* Остальные за тем пять бригад пехотных и две кавалерийские оставить в Большой и Малой Валахии, доколе обстоятельства не разъяснятся, имея в виду усиление по обстоятельствам частью этих войск или левого фланга, или отдела, за Дунай перешедшего. *(Можно.)*

Кажется, что при подобных действиях мы не только достигнем отстояния русской дунайской границы от княжеств, не подвергаясь никаким случайностям, но и возбудим восстание православных племен; а если они примутся за оружие, то положение турок будет в высшей степени трудно. Двоякая цель эта будет достигнута, можно сказать, без риска, ибо все три отдела наши, находясь в ближайшей связи между собой, будут иметь возможность поддерживать и усиливать во всякое время друг друга¹. *(Все так.)*

Одно весьма трудное будет — переправа через Дунай, в особенности выше Рушука, так как против устья рек Ольты и Жио турки настроили много батарей и укреплений. Но это надобно будет во что бы то ни стало преодолеть. Я думаю, что вывоз судов наших в Дунай всего удобнее будет сделать во время полноводья.

Приложение № 131

В дополнение к предположениям о военных действиях, представленных князем Горчаковым 21 ноября, за № 88, он представил нижеследующую новую записку от 29 ноября 1853 года, за № 92

Обсудив снова предположения о военных действиях будущего года и сообразив их с Высочайшими указаниями, выраженными в собственноручных Его Императорского Величества письмах от 12-го и 15-го сего месяца, считаю долгом изложить вашему сиятельству для всеподданнейшего доклада следующее:

¹ Если левый отдел будет в Бабадагской области, то мост, построенный в Галаце, надобно будет иметь в Гирсове. *(Так и я думал.)*

1. Наши понтоны таковы, что из них нельзя устроить прочного моста на столь большой и быстрой реке, как Дунай; естественно, они не могут считаться удобным средством для перевозки войск при форсировании переправы; итак, для переправы нужны особые суда, а для самих мостов — или суда, или плоты.

В Галаце и Браилове найдется несколько судов под мост и несколько для переправы; но все-таки вдобавок для моста нужно сделать много плотов. Для поста же на Верхнем Дунае годных судов в здешних реках нет и можно будет иметь только некоторое число мелких лодок для переправы людей; следовательно, придется для сего последнего моста построить почти всю принадлежность — посланы офицеры для собрания точнейших сведений, как и где удобнее производить эту постройку.

2. Я не полагаю, чтобы, в случае переправы нашего правого фланга выше Видина, можно было ожидать значительных пособий от австрийцев, и опасаясь, что Австрия, избегая, чтобы морские державы не приняли подобного пособия за нарушение нейтралитета, не окажет нам никакого содействия¹.

Относительно сербов я так же не уверен, чтобы — невзирая на действительную преданность народа Государю Императору — они могли оказать нам действительные в этом отношении пособия. Весьма быть может, что теперешнее сербское правительство парализует стремление народа в нашу пользу, доколе мы не будем уже за Дунаем.

3. Форсирование переправы на Верхнем Дунае и в особенности охранение потом поста будут затруднены тем, что на этом пространстве у нас нет военных судов, тогда как турки имеют на нем один военный пароход и семь канонерских лодок. Я распоряжаю подробное обозрение, дабы увериться: нельзя ли будет во время полноводия Дуная провести мимо Силистрии и Рушука несколько канонерских лодок или даже пароход. Если это окажется возможным, то в свое время исполню. Между тем я пользуюсь имеющимися здесь четырьмя 4-фунтовыми, очень хорошими турецкими пушками, чтобы вооружить ими четыре лодки, приспособив их для действия.

4. От Тирасполя, где находятся ближайшие два осадных отделения, до Видина 52 дня марша, считая дневки через два и три перехода. Дороги начнут делаться удобопроходимыми для волов только в апреле. Следовательно, [поскольку] — движение помянутых отделений начнется 15 апреля, полагаю, что осадная артиллерия может прибыть к Видину не прежде как около половины июня. Чтобы иметь ее на Верхнем Дунае ранее, надобно бы вести ее лошадьми и для сего приступить теперь же к покупке лошадей. *(Покупаются.)*

¹ Об этом можно будет судить довольно скоро с некоторой положительностью. Я спросил секретно барона Мейендорфа, полагает ли он, что, в случае закупки мною якорей и каната в Банате, австрийское правительство не воспрепятствует доставлению сих предметов в Валахию. Ответа ожидаю на днях.

5. Равномерно нужно будет теперь же приступить к покупке лошадей под осадный инженерный парк, находящийся равномерно в Тирасполе.

6. Как уже изъяснено мною, наступательные действия нашего правого фланга, кажется, выгоднее вести от стороны Никополя¹, чем от стороны Видина, а) потому, что в первом случае войска будут иметь свой операционный и продовольственный базис (Валахию) позади себя, тогда как во втором случае базис этот, находясь на их фланге, будет беспрестанно угрожаем неприятелем; на получение же продовольствия из Сербии или из Австрии рассчитывать никак нельзя; б) потому, что действия от Видина гораздо более разобщают правый фланг от центра и левого крыла, чем действия от Никополя.

7. Хотя разобщение наступательных действий наших будет гораздо меньше при направлении правого фланга от Никополя, а не от Видина, но не менее того кажется несравненно вернее или не предпринимать вовсе наступательных действий на левом фланге, ограничиваясь только одной демонстрацией переправы через Дунай, или же произвести наступательные действия с обоих флангов не одновременно, а последовательно. В сем последнем случае действующий фланговый отдел будет сильнее, и центр будет обеспечен, потому что можно будет временно усилить тот и другой частью войск противоположного фланга. *(Я не иначе и полагаю; именно начать с левого фланга до времени настоящей переправы правого.)* Не говоря уже о гибельных последствиях прорыва неприятелем нашего центра в то время, когда оба фланга наши будут заняты форсированием переправ через Дунай, замечу только, что одних сильных демонстраций неприятеля в это время от Силистрии, Туртукая и Журжи² будет достаточно, чтобы парализовать наступление нашего правого фланга, ибо идти ему за Дунай в то время, когда неприятель может ворваться в Валахию, было бы крайне опасно.

8. Согласно тому, что выражено в собственноручном Его Императорского Величества письме от 15 ноября, будут находиться на юге следующие войска:

а) 10-я, 11-я и 12-я пехотные и 4-я легкая кавалерийская дивизия, ныне в Валахии находящиеся. *(Эти 3 дивизии или 4-й корпус я полагал для действий правого фланга.)*

б) 15-я пехотная дивизия и 2-я бригада 14-й, находящиеся ныне частью в Валахии, частью в Бессарабии. *(5-й корпус полагаю я для демонстрации или переправы на нижнем, или действий левого фланга.)*

с) 8-я и 9-я пехотные дивизии, имеющие прибыть: 8-я дивизия в окрестности Бухареста — между 21 декабря и 7 января, 9-я дивизия в окрест-

¹ В сем случае выгоднейший пункт переправы, кажется, будет против селения Челей, что в 30 верстах выше Никополя.

² Например: овладение левым берегом реки против двух из этих пунктов и возведение там предмостных укреплений.

ности Бухареста, Калараш и Слободзею — между 6 января и 1 февраля. *(Полагал их для центра или защиты Валахии.)*

d) Первая бригада 3-й легкой кавалерийской дивизии, имеющая при-
быть в Фокшаны между 13 и 15 февраля.

e) 7-я пехотная дивизия, прибывающая в Бессарабию в конце декабря,
и 2-я бригада 3-й легкой кавалерийской дивизии, находящаяся ныне в
Виннице и Меджибуже, коим предположено прибыть к Измаилу, Ренни и
(примерно) в Болград для составления там резерва. *(Полагал иметь для
защиты Бессарабии и для резерва 5-го корпуса.)*

f) Резервы 14-й и 15-й пехотных дивизий, расположенные теперь: 14-я
дивизии — в Одессе и Николаеве, 15-й дивизии — в Бессарабии.

g) Резервы 10, 11 и 12-й пехотных дивизий, имеющие прибыть: 11-й
бригады — в Каменец-Подольский, 12-й бригады — в уезды Балтский, Оль-
гопольский, Тираспольский и кр. Бендеры, 10-й — поблизости первых двух.

h) Резервы 13-й пехотной дивизии в Севастополе и Евпатории.

i) 16-я пехотная дивизия с второй бригадой 6-й легкой кавалерийской
дивизии, имеющие прибыть к Одессе в марте месяце. *(В Крыму.)*

k) 17-я пехотная дивизия с первой бригадой 6-й легкой кавалерийской
дивизии, имеющие прибыть в марте месяце в Крым. *(Идти на Кавказ,
будет у Одессы.)*

l) Первая бригада 14-й пехотной дивизии, ныне в Крыму находящаяся,
которая по смене войсками, упомянутыми в предыдущем пункте, присоеди-
няется к 2-й бригаде своей,

и, наконец, m) Драгунский корпус, имеющий прибыть на Прут к маю
месяцу.

Сообщив все вышеизложенное, позволю себе выразить мнение, что
исполнение Высочайших начертаний для действий будущего года всего
бы вернее произвести на следующих основаниях, если особые обстоя-
тельства или действия неприятеля не потребуют чего иного.

1. До весны выгнать турок из Калафата или, если нельзя сего предпри-
нять, не подвергаясь случайностям штурма, то вогнать в укрепления и
потом сернировать системой редутов.

2. Как скоро дороги сделаются проходимы и появится подножный корм,
т. е. в апреле, начать действия на левом фланге, а именно: 15-й пехотной
дивизией, 2-й бригадой 14-й и одной бригадой 3-й легкой кавалерийской
дивизии форсировать переправу у Галаца, Мачина или Гирсова, где то
окажется удобнее; причем для большей верности успеха сделать одно-
временно сильную демонстрацию против Тульчи или Исаки 7-й пехотной
дивизией. *(Да.)*

По переправе 15-й пехотной дивизии, 2-й бригады 14-й и 1-й бригады 3-й
легкой кавалерийской дивизии этим войскам заняться: а) взятием Гирсо-
ва, Исаки и Тульчи, б) устройством в Гирсове двух предместных укреп-
лений и занятием края по Траянов вал. *(Так.)*

Для верности успеха усилить, буде нужно, эти войска 7-й пехотной дивизией (*Можно*), а если необходимо и девятой. (*Полагаю лишним.*)

Примечание. Чтобы исполнить эти действия, нужно построить заблаговременно мост в Галаце, потому что измаильского моста поднять мимо Исакчи нельзя. (*Да.*)

Во время помянутых действий левого фланга иметь четвертый корпус, 8-ю и 9-ю пехотные дивизии и 5-ю легкую кавалерийскую в готовности, с одной стороны, для подкрепления левого фланга через Гирсово, с другой же — для отражения наступления неприятеля в Валахии, если бы турки на то покусились. (*Да.*)

3. По окончании помянутых действий левого фланга, примерно к концу июня, приступить к наступательным действиям правого фланга (*Поздно, к концу апреля*) и для сего:

а) оставить на левом фланге только 7-ю дивизию, 2-ю бригаду 14-й (буде другая не успела бы еще к ней присоединиться) и одну бригаду 3-й легкой кавалерийской (*И 15-ю, менее этого опасно.*) с тем, чтобы эти войска держались у Троянова вала столь долго, сколь могут, не подвергаясь большой опасности; а в противном случае отступили бы за Дунай; но во всяком случае не отдавали бы неприятелю предмостного укрепления у Гирсова, а, буде можно, и Тульчи и Исакчи.

б) Остальные войска, бывшие на левом фланге за Дунаем, перевести через Гирсово в Валахию для усиления сего края.

с) Затем предоставить 8-й, 9-й и 15-й пехотным дивизиям с двумя бригадами 3-й и 5-й легких кавалерийских охранение Валахии. (*Достаточно одного 3-го корпуса, куда 5-й за Дунаем.*)

д) Четвертому пехотному корпусу и одной бригаде 5-й легкой кавалерийской дивизии перейти Дунай около Никополя, овладеть сим пунктом, выступить в западную Болгарию, распространять поиски до Сербии и Балканов (*Да.*); возбуждать восстание православных племен и, буде встретится случай, то разбить неприятельскую армию; к этим действиям присовокупить, если буде к тому удобство, и осаду Рушука, на каковой конец притянуть к себе и одну пехотную дивизию 3-го корпуса. (*Да.*)

Примечания: 1. Четвертому корпусу нужно будет оставить временно отряд в Малой Валахии до смены его войсками третьего корпуса.

2. Для исполнения помянутых действий необходимо заблаговременно устроить все постовые принадлежности к реке Жио или к реке Ольте.

3. Зимовку назначить для 4-го корпуса в западной Болгарии. (*Т. е. на 1855 год.*)

В случае если бы признано было за выгоднейшее ограничиться на левом фланге одной демонстрацией, то для исполнения оной и для охранения нашей дунайской границы всего бы удобнее было, кажется, назначить 7-ю пехотную дивизию, 2-ю бригаду 14-й и вторую бригаду 3-й легкой кавалерийской. А для охранения Валахии — 9, 8 и 15-ю пехотные дивизии

и две бригады 3-й и 5-й легких кавалерийских дивизий, присоединив к ним 1-ю бригаду 14-й дивизии¹. (Да.)

Представляя все соображения сии, прошу покорнейше ваше сиятельство уведомить, какое благоугодно будет Государю Императору определить начертание для действий будущего года, дабы приступить немедленно к соответственным распоряжениям по заготовлению продовольствия.

Приложение № 133²

**Проект письма³ князя Варшавского к князю Горчакову
от 29 декабря 1853 года**

(Написано рукой генерала Ушакова, бывшего впоследствии дежурным генералом.)

Любезный князь Михаил Дмитриевич, я получил ваше письмо от 30 ноября насчет предположений будущих действий против Турции и буду вам отвечать со всей откровенностью, как мы с вами привыкли разговаривать.

Ваше положение теперь следующее: у вас 4-й корпус, полторы дивизии 5-го корпуса; к вам прибудут еще три дивизии 3-го корпуса; у вас три кавалерийские дивизии, не говоря о драгунах и казаках.

Дунай вас разделяет с неприятелем на пространстве более 600 верст.

У турок, по вашим сведениям, до 120 тысяч человек и укрепления на левом берегу реки: Тульча, Исакча, Мачин, Гирсово и Никополь; сверх того, большие крепости: Силистрия и Видин; а может быть, и Рушук, о котором я не имею сведений.

Но против вас будут не одни турки: со всей вероятностью полагать можно, что Англия и Франция не только займут флотами Черное море, но, может быть, сделают высадку на низовьях или Дуная, чтобы (как говорят они в газетах) отнять у нас устья Дуная, или в Варне. В первом случае они угрожают нашему левому флангу; во втором предполагать должно,

¹ При благоприятных обстоятельствах можно будет ввести в Валахию и 14-ю дивизию; это даст возможность без риска усилить 4-й корпус за Дунаем. (Да. *Ежели французы не будут готовить высадки на наших берегах.*)

² На письме пометка князя Долгорукова:

«Почти всё согласно с моим мнением, кроме того, что князь считает важнее взять Силистрию, чем Рушук; быть может, что так; пусть князь Горчаков решит по обстоятельствам.

Перевозка осадной артиллерии водою не представит затруднений, когда уже овладеем низовьем Дуная.

6 января

Князь Долгоруков»,

³ Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.

что они, соединясь с турками и владея Силистрией, могут в значительных силах прорвать наш центр.

Действия Англии и Франции могут, однако, начаться только в мае месяце.

Турки, как вы предполагаете, также зимою ничего не предпримут, да и не могут ни двигаться, ни кормиться, по распутице и по недостатку подножного корма.

И так вы надеетесь прозимовать в настоящем положении безопасно.

Но можем ли мы сим довольствоваться, и нельзя ли нам извлечь пользу из нашего положения? Об этом буду говорить ниже.

С весною предполагается открыть кампанию по следующему плану:

Предварительно делать демонстрации и переправу на левом фланге, ограничиваясь в случае успеха занятием Бабадага до Троянова вала; а в случае встречи сильнейшего неприятеля возвратиться за Дунай.

Настоящую же переправу сделать на правом нашем фланге, против Видина.

Мысль новая и прекрасная; она с первого раза ставит нас в ближайшие сношения с самыми воинственными племенами Турции: сербами, а потом Герцеговиной и Черногорией, наконец, с другими горными племенами, которые если не будут за нас, то будут, по крайней мере, против Турции; а при некоторой помощи с нашей стороны мера сия может, действительно, повести к разрушению Турецкой империи, и притом — как Государь Император изволил отозваться — сохраняя русскую кровь.

Но приведение в исполнение сего плана возможно только весной, когда будут дороги и подножный корм.

Притом к исполнению его надо приготовиться. Вы сами говорите, что Сербия бедна и не в состоянии прокормить 50 тысяч войска, следовательно, необходимо иметь с собой продовольствие; сверх того, надобно иметь мост, осадную артиллерию, снаряды и проч. Вы же рассчитываете, что если привести осадную артиллерию и парки из Тирасполя, то на это требуется 52 дня марша, и, следственно, они прибудут на место не прежде как около половины июня. Положим, что можно и ранее начать здесь действия; все-таки много еще остается времени, которым можно и должно воспользоваться.

Прежде чем буду говорить о ваших предположениях, любезный князь, насчет сего плана, обращусь еще предварительно к тому, что, как из письма вашего вижу:

а) у вас нет моста, нет судов и ваши понтоны неудобны на Дунае. Для этого вы испросили постройку 15 канонерских лодок.

Мне кажется, что 15 канонерских лодок недостаточно, имейте как можно более и канонерских лодок, и всякого рода транспортных судов, и даже пароходов. *(Ничего про это не знаем.)*¹ Старайтесь найти их в

¹ Здесь и далее курсивом в скобках — карандашные пометы на полях Николая I.

Одессе, на низовье Дуная; просите в морском ведомстве (*Их нет.*), где суда будут не нужны, если флот наш вынужден будет к бездействию, когда Черное море весной сильно займут флоты: английский, французский, в соединении с турецким. Суда вам будут необходимы, где бы вы ни действовали и куда бы ни пошли;

б) вам надобно строить мостовые принадлежности для переправ, ибо измаильский мост нельзя провести мимо Исакчи. (*Разумеется.*) Но возьмите Исакчу прежде всего. Об этом я буду говорить ниже, а здесь хотел только указать на необходимость действовать с низовья реки;

с) вы не ожидаете значительных пособий от австрийцев, но спросили барона Мейендорфа, будет ли правительство австрийское препятствовать закупке в Банате якорей и канатов. (*Не даст.*)

Мне кажется, что можно было давно попробовать купить в Австрии не только якоря и канаты, но и суда и пароходы. (*Не дадут.*) Помните, мы в Польскую войну купили в Пруссии мост и продовольствие;

д) мы не уверены в значительном пособии со стороны сербов.

Конечно, на сербов можно только рассчитывать в известном случае. Если вы придете в силах, с запасами всех родов, не только собственно для вас, но можете и им дать то, чего у них недостает, т. е. пушки, ружья, порох, свинец и пр. — тогда почти наверное можно сказать, что они восстанут и принесут вам большую пользу; а если вы поддержите их своей пехотой, то они не только восстанут, но и пойдут вперед; к ним присоединятся черногорцы и другие христианские племена, и тогда вы можете сделать войну христиан против неверных. Но если вы придете без запасов, следовательно, не только им не дадите надежной помощи, но еще сами должны будете требовать от них пособия, — то разумеется, что они не примут вашей стороны, зная, что вы у них все оберете и, может быть, отдадите мщению турок; (*Справедливо.*);

е) у турок, на верховье Дуная, есть военный пароход и 7 канонерских лодок; у вас же нет там военных судов; следовательно, переправа ваша на правом фланге и сохранение моста были бы весьма затруднены.

Вот опять доказательство, что прежде действий на правом фланге необходимо к ним приготовиться, т. е. очистить Дунай, для того чтобы с низовья реки иметь все пособия. (*Разумеется.*)

Ваши предположения, любезнейший князь, заключаются в следующем:

1) до весны выгнать турок из Калафата, или если нельзя предпринять сего, не подвергаясь случайностям штурма, то вогнать в укрепление и потом сернировать системой редутов. Но сами вы, любезный князь, говорите, что турки там, вероятно, сильно укрепились и имеют, как слышно, до 50 орудий в укрепленном лагере; что у Видина Дунай отделяется островом, который находится под огнем крепости и где нам удержаться нельзя; следовательно: выгоните вы сегодня турок из Калафата, — они завтра опять его займут.

Итак, вы стали бы бесполезно жертвовать людьми на приступ укрепленного лагеря, а за стеной турки хорошо дерутся, что видно из ольтеницкого дела. Я не говорю уже, что вы можете быть отбиты — а ничто так не действует на дух людей, как неудачный штурм, — напротив, допускаю и уверен, что вы возьмете их лагерь; а потом что? И для чего рисковать? Для газет, которые говорят, что турки на нашем берегу и мы их не выгоним?

Нет, лучше побережь людей на что-нибудь полезнейшее. (*Разумеется.*) Калафат же достаточно наблюдать издали, как вы теперь делаете. Турки не посмеют отдалиться от своих укреплений, или вы дадите им такой урок, что они другой раз оставят вас в покое. (*Да.*)

Если же вы подойдете близко, турки будут беспрерывно вас тревожить, и вы напрасно только изнурите людей¹.

2) Затем, полагаете вы, что действия вдруг на двух флангах были бы слишком разобщены, ибо, когда вы будете заняты форсированием переправ на двух оконечностях нашей огромной линии, турки могут броситься в Валахию с 80 тысячами или более через Силистрию, Рушук и Туртукай. Две дивизии, которые останутся для охранения центра, не удержат их, и одной сильной демонстрации достаточно, чтобы парализовать наступление нашего правого фланга.

Поэтому вы предполагаете: или вовсе не предпринимать наступательных действий на левом фланге, а ограничиться там одной демонстрацией, не переходя Дуная, или же, по крайней мере, наступательные действия предпринять не одновременно с обоими флангов, а поочередно.

Сколько мне известно, Государь Император и не предполагал иначе (*Никогда.*), как действовать последовательно, т. е. начать с левого фланга, до открытия возможности к переправе на правом фланге. (*Да.*)

Нет сомнения, что ваши опасения о возможности прорвать ваш центр весьма основательны. Не только с 80, но с 40 тысячами турки, когда вы, оставив в их руках крепости, а особенно Силистрию, сами пойдете на оконечность вашего правого фланга, могут броситься на левый берег в центре, разрезать вашу армию и дойти не только до Бухареста, но и до Ясс, пока вы их не догоните².

Если же — что весьма возможно — французы сделают высадку около устьев Дуная или в Варне, тысяч в 30 или 40, и вместе с турками, владея Силистрией и другими крепостями на правом берегу, бросятся на ваш центр, когда вы заведете войска к Видину, тогда обстоятельства могут быть еще хуже.

Вы предполагаете, любезнейший князь, не предпринимать наступательных действий на левом фланге, а ограничиться одной демонстрацией, не переходя Дуная.

¹ Я видел это в Турции же в 1808, 1809, 1810 году. Тогда подходили к крепостям и начинали дело часто только для того, чтобы написать реляцию.

² Удивляюсь, что они осенью еще того не сделали. Как этого избежать, скажу ниже.

Но к чему же это поведет? Отвлечете турок от правого вашего фланга? Если нет, то демонстрация займет только войска бесполезно. Если же вы привлечете на себя всю турецкую армию, то вам нечем ее встретить; вы будете слишком слабы; и если турки (а не мы) перейдут здесь Дунай в [превосходящих] силах, тогда и думать нельзя о переправе около Видина, а надобно будет бежать оттуда, 300 и 400 верст, на помощь вашего центра и своей коммуникационной линии.

3) В противном случае, т. е. в случае перехода Дуная на левом фланге, вы предполагаете: как скоро д о р о г и сделаются п р о х о д и м ы и появится п о д н о ж н ы й корм, т. е. в апреле, начать наступательные действия на левом фланге, а именно: 15-й пехотной дивизией, 2-й бригадой 14-й и одной бригадой 3-й легкой кавалерийской дивизии форсировать переправу у Г а л а ц а, М а ч и н а или Г и р с о в а, где окажется удобнее, причем для большей верности успеха сделать одновременно сильную демонстрацию против Тульчи или Исакчи 7-й пехотной дивизией.

Войскам сим заняться взятием Гирсова, Исакчи и Тульчи, устройством в Гирсове предмостных укреплений и занятием края по Троянов вал.

Для верности успеха усилить войска 7-й, а если необходимо, то и 9-й дивизиями.

Построить мост в Галаце потому, что измаильского м о с т а поднять м и м о И с а к ч и н е л ь з я.

Во время сих действий 4-й корпус, 8-ю и 9-ю пехотные и 5-ю кавалерийскую дивизии [иметь] в готовности для подкрепления левого фланга через Гирсово или для отражения неприятеля в Валахии.

Здесь я замечу, любезный князь, как много в войне зависит от выбора времени, места действий и от дислокации войск:

А) Вы предполагаете начать действия, когда д о р о г и сделаются п р о х о д и м ы и появится подножный корм, т. е. в апреле.

Но вы те же самые удобства даете тогда и туркам. Нельзя ли распорядиться так, чтобы, пока неприятель находится в невозможности собраться — именно по распутице и недостатку подножного корма, — самим воспользоваться путем, который нам сама природа указывает. (*Вот чего и я хочу.*) Сделайте Дунай большой дорогой для ваших запасов и тягостей. Начните действовать в половине февраля. Тогда все выгоды на вашей стороне: река уже очистится, солнце греет, а турки не могут еще собраться, а если соберутся, то в малых силах, без артиллерии и без кавалерии, от бездорожья и от недостатка зеленого фуража.

Б) Вы назначаете пунктом переправы Г а л а ц, М а ч и н и ли Г и р с о в о. Для этого вам нужно строить м о с т в Гирсове, ибо, как сами говорите, измаильского моста н е л ь з я п о д н я т ь мимо Исакчи. Притом вы оставляете налево турецкие крепости, и, наконец, где ваше превосходительство, осадная артиллерия и тягости?

Вместо того я бы начал с начала, т. е. переправился в Измаиле и, не ограничиваясь только д е м о н с т р а ц и е й, сейчас бы взял Исакчу (а если

можно, то и Тульчу, хотя это может занять много времени), тогда можно провести и мост измаильский; вместе очищается река с самого устья, и по ней поднимаются все тягости, как по большой дороге, где ни распутица, ни наводнение не помешают.

В) Оттого что вы заводите 8-ю и 9-ю дивизии (*Одна 8-я, а 9-я, кажется, левее.*) слишком далеко к Бухаресту, вы переправляете отряд не довольно сильный, который сами находите необходимым подкрепить впоследствии и, следовательно, будете делать передвижения бесполезные. Войска сделают лишние верст 300 туда и обратно в дурное время, и, следовательно, вы потеряете бесполезно недели две времени, и люди напрасно изнуряются; а вы знаете, как здоровье их дорого¹.

Не лучше ли переправить отряд сильный на ту сторону Дуная, чем гораздо вернее обеспечится наш берег. Притом если вы начнете действия ранней весной, то можно почти наверное сказать, что успеете взять все малые крепости: Исакчу, Мачин, Гирсово (а если успеете, то и Тульчу), прежде чем турки соберутся (*Так и я думаю.*); а между тем против Силистрии и Рушука у вас целый 4-й корпус и еще одна дивизия 3-го корпуса около Слободзеи.

Г) Не думаю также, чтобы, переправясь на правый берег Дуная, была необходимость занимать край по Троянов вал с тем еще, чтобы потом воротиться за Дунай.

Не лучше ли не отдаляться от Дуная, где должен быть наш плавучий магазин, не развлекаться занятием Бабадага, а все идти к предположенной цели вверх по Дунаю. (*Очень быть может.*)

4) Взятием Гирсова вы предполагаете ограничить действия с левого фланга, перевести часть войск в Валахию и начать с 4-м корпусом и 5-й легкой кавалерийской дивизией действия на правом фланге; перейдя Дуная, не у Видина, но у Никополя, овладеть сим пунктом, распространить поиски до Сербии и Балкан, возбудить восстание христианских племен, и если будет удобно, то осадить Рушук.

Для чего останавливаться взятием Гирсова?

Если вы начали действия на левом фланге с тем, что чувствуете опасность, если бы неприятель прорвал ваш центр, тогда как вы заведете войска к Видину, вы не отвращаете еще сей опасности, пока в руках неприятеля, ниже вашей переправы, останется Силистрия, пункт для вас самый опасный, ибо оттуда неприятель, прорвав ваш центр, дебуширует не только на Бухарест, но даже прямо на Яссы. (*Останавливаться не полагал бы.*)

Заняв Никополь и осадив Рушук, вы идете к той же цели, но с противной стороны, дальним и менее верным путем, и оставляете Силистрию,

¹ Здесь, кстати, [говоря] о здоровье солдат, замечу о землянках. Берегитесь их. Я видел, в 1809 году, как от зимовки в землянках весной развилась между людьми цинготная болезнь. В полку более половины людей были больны, а из них две трети умерло.

рискуя, что армия ваша будет разрезана, не говорю уже о десанте в это время французов.

Наконец, не предвидя даже неудачи, [вы достигаете лишь того, что] вся кампания оканчивается единственно зимовкой в западной Болгарии.

Из всего сказанного мною выше, любезный князь, о чем я и прежде еще думал, у меня родились следующие предположения:

С весною предназначено действовать на правом фланге.

Для этого надобно приготовиться и обеспечить себя на левом фланге и в центре не против одних турок, но и на случай десанта французов, который может через Силистрию прорвать наш центр.

Все приготовления наши могут только идти с низовья реки: хлеб, осадная артиллерия, мост — все это должно быть в Измаиле, и все могло бы доставляться вверх Дунаем.

Для этого надобно очистить плавание по Дунаю, т. е. взять крепости турецкие на правом берегу.

Лучшее для начатия действий время — ранняя весна, т. е. вторая половина февраля, потому что к тому времени река ото льда очищается, погода наступает теплая, но еще нет дорог и нет подножного корма, следовательно, турки не соберутся в силах, не привезут много ни артиллерии, ни запасов, а если придут, то съедят магазины в крепостях — и тем лучше, ибо должны будут выйти в поле. Помните, что поляки съели варшавский магазин и должны были себя ослабить, выслав Ромарино.

Взяв крепости и очистив Дунай, следует отнять вместе с тем у неприятеля возможность дебушировать у нас в центре, забрав у него все его суда и лодки, и тем отнять у него все средства к переправе.

Дунай, как сказал я, должен быть нашею большою дорогой для всех наших транспортов.

Для исполнения сего я бы думал:

1) приготовить теперь же как можно более всех родов судов: пароходов, канонерских лодок, транспортных судов и даже плотов в Измаиле. Число их увеличится еще теми судами, которые найдутся у турок при продвижении вперед. Это не мешает, однако, заготовить и строить суда на реках, впадающих в Дунай в центре и выше;

2) погрузить на них артиллерию¹, снаряды, хлеб и для лошадей как можно более овса, чтобы заменить им отчасти сено.

Иметь с собой мост со всеми принадлежностями;

3) сделав сии приготовления и учредив таким образом плавучий магазин на Дунае, в половине или конце февраля, смотря по погоде, переправить к Измаилу: вторую бригаду 14-й, 15-ю и 7-ю дивизии, а если по сведениям окажется, что неприятель против вас силен, то и 9-ю дивизию. Для сего 7-ю и 9-ю дивизии из Фокшан, когда будут подходить, направить одну

¹ Если в Измаиле нет осадной артиллерии, то из Тирасполя теперь же тащить ее лошадьми и волами до Фокшан или до того пункта, где Прут судоходен.

к Измаилу, а другую к Галацу; 8-ю же дивизию, если вы считаете то необходимым, направить в Валахию и расположить между Слободзеей и Калафатом. Переправить также одну бригаду 3-й легкой кавалерийской дивизии и полка два казаков, но не более. Я бы старался вообще как можно менее иметь лошадей, ибо подножного корма еще не будет, а овса нельзя иметь с собой слишком много. Да и повозок, и упряжи надобно иметь немного; надобности в них не будет, ибо мы не должны удаляться далее 10 или 15 верст от своего магазина, т. е. судов на Дунае;

4) переправив войска, взять сейчас Исакчу; а если время позволит, то хорошо бы взять и Тульчу; если же не в то время, то хотя бы позднее, после взятия Силистрии, что может сделать измаильский гарнизон. Тульчу взять нужно для того, чтобы не дать ею воспользоваться неприятелю в случае десанта французов;

5) взяв Исакчу, войскам на одной высоте со своим плавучим магазином и, следственно, имея всегда запасы под рукой, следовать правым берегом вверх по реке; взять Мачин и Гирсово;

6) в Исакче, Мачине и Гирсове оставить небольшие гарнизоны, по надобности;

7) все суда и лодки турок по Дунаю забирать с собой, а негодные истреблять;

8) не ограничиваясь взятием Гирсова, идти к Силистрии.

Полагаю, что переправа займет два-три дня; взятие Исакчи — четыре-пять дней; два марша до Мачина; взятие Мачина — три дня; три марша до Гирсова; взятие Гирсова — пять дней; пять дней до Силистрии; всего 24 или 25 дней. Следственно, около 15-го или 20-го числа марта можно быть под Силистрией.

У нас было бы три с половиной дивизии пехоты и одна бригада кавалерии с казаками. Все запасы и осадная артиллерия — на судах;

9) не доходя до Силистрии, в нескольких верстах, смотря по удобству, поставить мост и — как 8-я дивизия в Слободзее будет уже не нужна, то, за исключением одного или двух полков, которые расположить около Калараша, — остальные войска сей дивизии перевести также на правый берег, а равно и кавалерию.

Имея, таким образом, четыре дивизии пехоты с кавалерией, запасы всех родов и осадную артиллерию с возможно большим числом зарядов на судах, наконец, мост и сообщение с левым берегом, можно смело начинать осаду Силистрии, тем более что с половины или конца марта, когда войска придут к Силистрии, есть еще довольно времени, пока можно ожидать действий турок или десанта французов.

Силистрия, вероятно, сильно укреплена; но она нам необходима. Не могу не упомянуть здесь еще раз о важности сей крепости, ибо она более всего дает возможность неприятелю угрожать нашему центру. Притом непременно следует очистить плавание по Дунаю для продовольствия и для дальнейших действий, каких бы ни было, оборонительных или наступательных.

Осады крепостей для нас теперь не так трудны, как бывало в прежние войны, когда наши инженеры думали, что сделали все возможное, когда подходили к крепости на 300 сажен и никто и не думал им противоречить. Генерал Шильдер будет вам в сем случае отличным помощником; да я уверен, что и он найдет много хороших себе помощников между офицерами, воспитывающимися в Инженерном училище. Слава Богу, с учреждением сего заведения мы не отстанем теперь от иностранцев;

10) подойдя к Силистрии, начать осаду немедленно, так чтобы открыть огонь на четвертый или пятый день. Это имеет великое влияние на осажденных.

Если ничто не воспрепятствует, то Силистрия может быть взята в три недели.

Вероятно, однако, что турки прибегут на помощь Силистрии с верховья Дуная. Тогда я бы думал одну дивизию пехоты 4-го корпуса и 4-ю кавалерийскую дивизию перевести также на правый берег.

Мудрено, чтобы турки хладнокровно смотрели, что мы у них взяли три крепости и подошли к четвертой, столь для них важной. Хотя им трудно будет тащить и хлеб, и фураж, и артиллерию, но они, вероятно, постараются собрать сюда всю свою армию. Этого я бы и желал и об одном бы сожалел, что не мог заставить их собраться еще прежде, когда прокормиться им было бы еще труднее. У нас было бы: 5 пехотных дивизий, 1½ дивизии кавалерии, казаки, артиллерия, всего до 85 тысяч человек; а с такими силами можно бы стать не только против турецкой, но и против европейской армии. Турок же можно надеяться разбить и рассеять, отнять половину орудий и преследовать, по крайней мере, на два перехода. Не следует забывать, что у турок армия одна; после неудачи они долго не соберут другой армии, и тогда откроется большое поле для действий куда угодно. Здесь представляется соблазнительная мысль: рассеяв неприятельскую армию, идти на Шумлу; но, подумав хорошенько, я нахожу, что это удалило бы нас от главного предмета: т. е. действий с правого фланга посредством сербов и других христианских племен. Словом, нам прежде надобно укрепить центр, не отвлекаясь никак побочными обстоятельствами, и тогда тем удобнее можем мы действовать на правом фланге.

11) По взятии Силистрии, как крепость сия слишком велика и потребовала бы большего гарнизона, я бы не оставил всех укреплений, уничтожил бы половину, а из другой устроил бы крепость в меньшем объеме. Об этом я передал мысли мои генералу Шильдеру.

12) За сим можно бы действовать по обстоятельствам: оборонительно, если бы Европа угрожала нам войной на западной границе, или наступательно, по принятому плану.

В том и другом случае наше положение было бы хорошее. Дунай очищен, крепость взята, и неприятельская армия разбита.

13) Укрепившись таким образом в центре, когда бы предполагалось на правом фланге вести войну христиан, то я бы думал, впредь до развития

обстоятельств и до объяснения предположений насчет десанта французов, дать сербам помощь материальную: пушками, оружием, порохом и даже дивизией пехоты; тогда, нет сомнения, они восстанут. Дальнейшие успехи и восстание других христианских племен могут потрясти Турецкую империю.

Может быть, я представляю все слишком в хорошем виде, знаю, что в войне иногда одно обстоятельство разрушает план действий; но не забудьте, что у турок армия одна; другую они соберут не скоро, а в случае успеха при дальнейших удачных действиях на правом фланге, сообразно предначертанному плану, кампания может окончиться в Адрианополе. Даже не при столь блестящем успехе вся Болгария в наших руках. Тогда пусть англичане и французы владеют Черным морем; они ничего нам не сделают.

Вот, любезный князь, мысли мои насчет будущей кампании. Повторяю, что главное дело состоит в том, чтобы воспользоваться для приготовлений, а также для действий ранней весной и укрепиться в центре для кампании будущего года по предначертанному плану, т. е. очистить плавание по Дунаю и для того взять крепости на правом берегу, обезопасить свой левый фланг и центр на случай даже десанта и сделать Дунай большой дорогой для нашего продовольствия.

Не осудите, любезнейший князь, если я, увлекаясь интересом самого предмета, говорил со всей откровенностью.

Но сами вы согласитесь, что здесь дело идет об обстоятельствах, для всех нас столь драгоценных: о славе Государя и России и о чести русского оружия.

Генерал-фельдмаршал князь Варшавский

Приложение № 134

**Записка князя М. Д. Горчакова от 13 декабря 1853 года
о предстоящих ему военных действиях в 1854 году,
препровожденная им военному министру¹**

Записка эта с пометками Государя Императора² препровождена:

- 1) обратно Горчакову 24 декабря, № 768;
- 2) Паскевичу для сведения 26 декабря, № 782;
- 3) Меншикову 26 декабря, № 783.

В собственноручном ко мне письме от 1/13 декабря Государь Император изволил выразить, что форсирование переправы Дуная выше Рущука, равно как последующие оттуда действия были бы сопряжены с большими

¹ Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.

² Курсивом внутри текста даны в скобках пометки, сделанные Николаем I на полях при прочтении документа.

трудностями, и взамен сего Его Императорскому Величеству благоугодно было начертать следующий операционный план:

1) форсировать переправу на Нижнем Дунае; 2) овладеть Тульчей, Исакчей, Мачином и Гирсовом и выдвинуть наш левый фланг до Троянова вала; 3) последующую за тем переправу сделать ниже Силистрии; 4) по исполнении сего пройти правым берегом Дуная в западную Болгарию; 5) по прибытии нашем по правому берегу к Рушуку строить новый мост на Дунае, выше Рушука, осадить и взять эту крепость, стараться разбить неприятеля в поле и распространить поиски в направлении Балкан и Сербии, дабы возбудить и поддержать восстание тамошних православных племен.

Что форсированный переход Дуная, выше Рушука, был бы сопряжен с большими трудностями, в этом и я был убежден, как ваше сиятельство, конечно, усмотрели из записок моих от 21 и 29 ноября, но я считал преодоление сих трудностей неизбежным. Светлая мысль Государя Императора произвести вторую переправу ниже Силистрии и потом достигнуть западной Болгарии правой стороной Дуная отстраняет все неудобства форсирования переправы близ Никополя, столь справедливо Е. И. В. замеченные; и мне остается только развить подробности исполнения Высочайших указаний, здесь вкратце изложенных.

Но прежде чем приступим к сему, считаю долгом объяснить: а) что поелюк вторая переправа близ Силистрии последует, вероятно, во время самого полноводия Дуная, то, может быть, нельзя будет там навести постоянного моста. Впрочем, это обстоятельство сущности дела не изменяет; пребывание наше у Силистрии будет весьма кратковременно, т. е. лишь необходимое для взятия провианта и перевозки на правый берег некоторых войск. Для этой цели достаточно иметь перевозные суда и флотилию для прикрытия их. Поднять же суда и флотилию от низовьев Дуная будет весьма легко; б) пройдя Силистрию, лучше будет устроить мост у Туртукая, когда мы овладеем сим пунктом с правого берега. *(Да.)* Тут мы будем иметь ближайшее сообщение с центром Валахии, и доставление продовольствия к задунайским войскам весьма облегчится. Потом от меня будет зависеть, по обстоятельствам, или поднять мост ближе к Рушуку во время осады этой крепости, или же оставить его на месте до взятия оной и после того поднять к Никополю. Для устройства моста у Туртукая нужно будет построить суда и приготовить все мостовые принадлежности в реке Аржисе.

Для исполнения же плана кампании я полагаю, что всего удобнее принять следующие основания.

1-я эпоха. *Зимою, коль скоро окажется к тому удобство, не подвергая войск большому изнурению от холода или ненастья.*

Усиление Крайовского отряда 12-й пехотной дивизией; движение к Калафату; овладение этим пунктом или вогнание неприятеля в окопы и потом сернирование его редутами. *(Так.)*

2-я эпоха. *Когда появится подножный корм и дороги сделаются удобопроходимы: примерно 15 апреля.*

Генерал-адъютант Лидерс с 8-й пехотной дивизией, 2-й бригадой 14-й, всею 15-й и первыми бригадами 3-й и 5-й легких кавалерийских дивизий форсирует переправу на Нижнем Дунае; ему содействуют со стороны Сатунова 7-я пехотная дивизия и 2-я бригада 3-й легкой кавалерийской, которые поступают временно под его начальство. *(Так.)* Относительно подробностей форсирования переправы прилагается здесь особая записка.

По переходе за Дунай генерал-адъютант Лидерс берет Исакчу, Тульчу, Мачин и Гирсово; приспособляет укрепления Тульчи и Исакчи для обороны правой стороны Дуная. Гирсовом он старается овладеть сколь можно скорее, возводит там мостовое укрепление и поднимает к этому пункту ближайший из мостов Нижнего Дуная, дабы учредить кратчайшее сообщение с Валахией. Потом генерал-адъютант Лидерс выдвигается до Троянова вала.

В продолжение сего времени генерал-адъютант барон Остен-Сакен охраняет нашу западную границу до устья реки Буга 16-й дивизией и резервами 10, 11, 12, 14 и 15-й дивизий; генерал Даненберг — Большую и Малую Валахию с 9-й пехотной дивизией, 4-м корпусом и 2-й бригадой 5-й легкой кавалерийской дивизии, имея в Малой Валахии от этих войск отряд, коего сила определится обстоятельствами. Между тем 1-я бригада 14-й пехотной дивизии, сменная в Крыму 16-й дивизией, присоединяется ко 2-й бригаде своей. *(Так.)*

П р и м е ч а н и е. Бригаде сей сухим путем из Крыма до Рени 36 переходов, или 50 дней марша. Посему весьма бы желательно, чтобы она перевезена была из Крыма до Одессы или до Аккермана нашим флотом; кажется, этой перевозке неприятно будет трудно воспрепятствовать. *(Нельзя наверное определить.)*

3-я эпоха. *Примерно с 15 июня.*

Генерал-адъютант Лидерс переходит в окрестности Силистрии с 8, 14 и 15-й дивизиями и первыми бригадами 3-й и 5-й легких кавалерийских дивизий. К его приходу должны туда быть подняты булыжная часть нашей флотилии и мост или перевозные суда. Во время пребывания его там генерал Даненберг остается в Валахии с прежними войсками, кроме 9-й дивизии, которую переводит на правый берег Дуная, у Силистрии. У Троянова вала останутся 7-я дивизия и 2-я бригада 3-й легкой кавалерийской дивизии. К ним присоединится и 14-я дивизия, коль скоро 9-я переправится на правый берег. *(Так.)* Эта эпоха продолжится примерно 10 дней.

4-я эпоха. *Примерно с 25 июня.*

Генерал-адъютант Лидерс переходит к Туртукаю. Генерал Даненберг устраивает мост против сего пункта, и тут делается обмен войск: 8-я и 9-я пехотные дивизии, 1-я бригада 5-й легкой кавалерийской дивизии и весь 4-й корпус (кроме отряда Малой Валахии) предназначаются

для действий за Дунаем, под непосредственным начальством генерала Даненберга.

Генерал-адъютанту Лидерсу с 7, 14 и 15-й пехотными дивизиями, первыми бригадами 3-й и 5-й легких кавалерийских дивизий и Мало-валахским отрядом предоставляется охранение Валахии и линии Троянова вала. *(Так.)*

Я полагаю, что мне нужно будет лично присутствовать при войсках, которые будут форсировать переправу через Дунай и потом действовать на правом берегу сей реки; исключая тот случай, если бы турки предприняли сильное наступление в Валахию во время первых действий нашего левого фланга. *(Непрерывно у Силистрии.)*

П р и м е ч а н и я. 1) Если после движения к Силистрии будет опасно оставить войска у Троянова вала, то генерал-адъютант Лидерс приказывает 14-й дивизии отступить к Гирсову и занимает ею тамошнее мостовое укрепление, равно как Галац и Браилов *(Так.)*; а 7-ю пехотную дивизию и 2-ю бригаду 3-й легкой кавалерийской отсылает к Рени и Измаилу, под начальство генерал-адъютанта барона Остен-Сакена *(Так.)*; от сих войск занимаются Исаки и Тульча для прикрытия моста у Сатунова, перед которыми нужно заблаговременно устроить мостовое укрепление. *(Все так.)*

2) В продолжение осады Рушук можно будет присоединить к 4-му корпусу войска в Малой Валахии, от одного оставленные, заменив их отрядом от войск 3-го корпуса. *(Можно.)*

3) Само собой разумеется, что изъясненное выше распределение войск подчиняется обстоятельствам и действиям неприятеля. *(Да.)* Быть может, что во вторую эпоху нужно будет иметь для форсирования переправы и действий в Бабадагской области более войск, чем предположено, а в Валахии менее. *(Да.)* Равномерно, может статься, что по обстоятельствам будет полезно в 4-ю эпоху усилить войска за Дунаем частью тех, которые предполагается оставить в Валахии.

Приложение № 135¹

Записка Императора Николая военному министру.

Относится к 10 или 11 февраля 1854 года

Князь Варшавский просил меня отменить повеление отправления резервной бригады 14-й дивизии в Крым; находя теперь, что присутствие сей бригады в Одессе нужнее, чем в Крыму, так как бригада сия не ранее туда прибыть может, как почти в одно время с головной бригадой 16-й дивизии, идущей на подводах. Мне эта перемена не очень нравится, тем более что я сам уже оповестил князя Меншикова. Но, чтоб не противоречить князю в его соображениях, я согласен отменить пер-

¹ Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 60.

вые распоряжения, и тогда резервная бригада 14-й дивизии останется в *Одессе* и *Николаеве*, о чем сделать распоряжение и уведомить Меншикова, сказав и причину.

Князь Варшавский желает, чтоб спрошен был Г. Сакен, *сколько и какого хлеба* в Одессе; требовать это сведение с означением, сколько его запроданного и еще не отправленного и сколько не запроданного.

Князь думает, что пора остановить продажу из наших портов; я так же думаю, но переговорить надо с министром финансов. Завтра исполню и прикажу. Князь полагает возложить на Сакена закупку хлеба в Одессе и наем судов, чтоб отправить в Килию или Измаил. Первые суда, может быть, пройдут, но далее, верно, нет, ибо англичане и французы не пропустят.

Приложение № 136¹

Император Николай — князю Горчакову. 1 февраля 1854 года

Прохворав подагрой почти две недели, не мог тебе ранее писать, любезный Горчаков. С тех пор дела приняли весьма решительный оборот. Война с Англией и Францией почти что объявлена, ибо, по полученным дурным ответам, *Бруннов* и *Киселев* должны были оставить Лондон и Париж, и сношения наши с сими державами прерваны. Говорят, что во Франции уже готовится отправление 60-тысячного корпуса на помощь к туркам, и что 15 тысяч англичан к ним присоединяется. Посылка *Орлова* в Вену и предложения мои в Берлине для заключения взаимного нейтрального договора не имели успеха, и хотя доселе оба эти правительства отказались согласиться на конвенцию против нас с англичанами и французами, но долго ли они устоят в этой решимости, мудрено угадать. (*О чем сегодня получил я письмо от императора.*)² Покуда Австрия ставит обсервационный корпус на границе Сербии, в Васводине, *хотя уверения нам весьма дружеские*, — все это, ничуть не изменяя ни моих намерений, ни решимости действовать сильно, требует, однако, кажется мне, некоторых перемен в плане действий. Вот они:

Оставаясь в оборонительном положении в Малой Валахии, желательно ускорить переход Дуная на низовье, с тем чтоб, овладев малыми крепостцами до Силистрии, приступить возможно скоро *прежде всего к осаде Силистрии*, дабы, имея в ней, по овладении оной, твердый пункт на левом фланге на Дунае, поднять выше флотилию нашу и тем вернее приступить к осаде Рушука. Ежели до того времени турки не откажутся дать сражение, подойдя к Силистрии, чтоб заставить снять

¹ Собств. Его Величества библиот., шк. 115, портф. 14.

² Подчеркнуто и приписано рукой Николая I.

осаду, *то тем лучше*¹. Тогда, соединя сколько можно более войска, дать сражение и, ежели Бог поможет, нанести им решительное поражение, тем спокойнее докончим осаду Силистрии и приступим к Рушуку. Все это полагаю исполнить: 2-й бригадой 7-й дивизии, 2-й бригадой 14-й, всей 15-й, 8-й и 9-й дивизиями с нужной кавалерией. Бригаду 7-й дивизии надо будет воротить по овладении Тульчей, Исакчей, Мачином и Гирсовом. Все же останется вместе 3½ дивизии. От тебя зависеть будет присоединить чрез Калараш то от 4-го корпуса, что признаешь возможным. С овладением Силистрией и подступом к Рушуку наступит время содействия сербов и восстания болгар. Считаю на них только как на полезную диверсию, не полагая отнюдь, чтоб могли содействовать нам иначе, но и этого уже будет достаточно, чтоб отвлечь часть турецкой силы. Ежели Бог благословит взять и Рушук, тогда у нас на Дунае будет сильная позиция, и, буде нужно, мы далее не пойдем, доколь не объяснится, какое влияние на дела иметь будет восстание христиан и в какой силе оно разовьется.

В то же время надеюсь, что за Кавказом война будет ведена деятельно и что удастся завоевать Карс и Баязет; далее что будем делать, не могу еще определить.

Начать осадой Силистрии *считаю теперь необходимым*¹, дабы обеспечить быт на левом фланге в случае десанта французов и англичан в Варне или где-либо в сей стороне; десант этот будет менее опасен, когда уже Силистрия будет в руках наших.

Обойтись, однако, без осады Рушука не считаю возможным как для твердого обладания Дунаем и тем обеспечения княжеств, так и за тем, чтоб оттуда помочь сербам, ежели их восстание, быв сильным, соделается грозным для турок. Сведения о готовности сербов таковы, что дают мне полную надежду на их содействие, *коль скоро мы будем за Дунаем*¹.

Дописав до сего, получил я твое письмо из Крайова от 21 января. Подробности дела под Четати читал я с величайшим любопытством. Это меня утвердило в моем прежнем мнении. Нахожу, что Анреп *оплошал* непростительно, авось загладит в будущем, но подобные случаи к поражению не часто представляются. Надеюсь, что Липранди будет осторожен; ожидать надо с сей стороны величайших усилий турок; впрочем, главный резерв твой под рукой; но желательно, чтоб ты сам не был отвлекаем от центра действий, доколь дела не примут решительного оборота успешным переходом чрез Дунай, что, кажется, вполне предоставить можно опытности и распорядительности г. Лидерса.

Нетерпеливо ожидать буду, что ты решишь; равно и заключение твое насчет расположения желаний в княжествах; оно мне весьма нужно знать для моих соображений.

¹ Подчеркнуто Николаем I.

Всем нашим поклонись. Обнимаю тебя. Бог с тобой. Твой искренно доброжелательный *Николай*.

Можно ли будет воротить из Крыма бригаду 14-й дивизии и морем, не могу определить; во всяком случае ожидать надо прихода 15-й дивизии, т. е. начала апреля.

Сегодня утром прибыл курьер от Бруннова; он выехал из Лондона. Слухи, что отправляется в Царьград 15 тысяч англичан, под командой лорда Раглана, бывшего Фиц-рой-Сомерста; послан генерал Бургойн укреплять Царьград. В Балтику назначена эскадра; милости просим.

Не забудь об награждениях за дело при Четати.

Приложение № 137¹

Собственноручная записка Императора Николая. Новый план кампании на 1854 год

(конец февраля или начало марта 1854 года)

Первоначальный план действий наших был соображен тогда, когда еще враждебное расположение Англии и Франции не достигло совершенного разрыва с нами, сношения с Австрией не были еще в ту пору ясны и не давали повода предполагать, чтоб неблагодарность сей державы привела ее до нападения на пределы наши.

Предполагалось наилучшим для нас устроить переправу чрез Дунай на верхней его части, т. е. между Рушуком и Видином, дабы ближе быть к христианскому населению, т. е. к болгарам и сербам, и воспользоваться их сочувствием к нашему общему делу. Позднее признано было надежнее не приступать к сей переправе, но исполнить ее ближе к Силистрии, с тем чтобы прежде осадить сию крепость, овладение которой более обеспечивало фланг занятия нашего княжеств, в особенности когда известным стало, что можно было ожидать десанта союзников в Варне и тем значительного усиления противной армии. Затем уже полагал я приступить и к осаде Рушука, ежели бы обстоятельства к сему допустили. Одно положительно принято было — не следовать далее за Дунай, *доколь восстание христиан не сделалось бы общим и не приняло таких размеров, чтоб действительно угрожало тылу и сообщениям турок, в особенности в горах*. При всех сих соображениях демонстрация на Нижнем Дунае полагалась только для отвлечения сил и внимания турок от настоящей переправы, принимаемой выше.

¹ Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 60.

Наконец, трудность исполнения сей последней привела к мысли, что выгоднее будет обратить демонстрацию в настоящую переправу, чтобы, овладев крепостцами Тульчей, Исакчей и Мачином, господствовать течением Дуная до Гирсова. Сию последнюю крепость позднее не велено было атаковать, по неизвестности еще, какой оборот примут сношения наши с Австрией. Оставалось решить, как и когда приступить к осаде Силистрии. Отряд наш против Калафата предполагалось тогда только оттянуть, когда мы приступать будем к Силистрии, покуда главные силы, т. е. 1 $\frac{1}{2}$ дивизии 4-го корпуса и 2 дивизии 3-го корпуса, всего 3 $\frac{1}{2}$ дивизии, оставались бы в окрестностях Бухареста. Подойдя к Силистрии, отряд Малой Валахии должен был отступить за Ольту, а 3-й корпус идти на присоединение к Силистрии, к войскам, исполнившим переправу.

Вот изложение *предполагавшегося*. Ныне из сих предположений осталось только одно, переправа у Мачина и Тульчи, которая, вероятно, исполняется или с помощью Божьей исполнена. Когда и как приступить к Силистрии, остается неопределенным, а за этим и все наши дальнейшие действия.

Между тем случаи, более или менее вероятные, угрожают то десантами на Кавказе, то в Крыму, то в Бессарабии; меры против сего по возможности везде приняты и подают, кажется, надежду, что все эти десанты не могут быть исполнены без больших затруднений.

Но сим не ограничивается угрожающая опасность. Расположение Австрии из двусмысленного делается более и более явно нам враждебным и не только парализирует расположение сербов нам содействовать, но угрожает нам самим на правом нашем фланге и даже нашему тылу, вторжении в собственные наши пределы.

Нет сомнения, что данное направление и расположение войскам нашим как в Царстве Польском, так на Волыни и в Подолии отстраняет опасность нашим пределам.

Но положение наше в княжествах значительно изменилось. Остается решить, к чему приступать, соблюдая и военную осторожность и не роняя нашего политического достоинства и влияния на христиан, не противореча провозглашенным нашим намерениям.

Кажется мне, что вопрос разрешить можно как следует:

1) Ежели Бог благословил успехом переправу и осаждение крепостей, устроить, как предполагалось, сильное мостовое прикрытие. Для охранения как оно, так и Нижнего Дуная и для резерва, на случай высадки в Бессарабии или у Одессы, оставить примерно 1 $\frac{1}{2}$ дивизии, 7-ю и бригаду 14-й.

2) 15-ю дивизию подвести против Силистрии, наблюдая и за Гирсовом.

3) Отряду ген.-л. Липранди стягиваться на Крайово и за Ольту, в виде арьергарда главных сил.

4) Остальные 1 $\frac{1}{2}$ дивизии 4-го корпуса и 2 дивизии 3-го корпуса расположить близ и округ Бухареста, в виде общего резерва и с целью

соединенными силами обратиться на неприятеля, откуда бы ни угрожал, т. е. от Видина ли, от Рушука ли, или Никополя, или, наконец, от Силистрии. Таким образом, кроме арьергарда и отряда против Силистрии, будут везде готовы вместе 4 $\frac{1}{2}$ дивизии, или 72 батальона, кроме саперов и стрелков.

5) Так ожидать, осуществляются ли и где ожидаемые десанты и как удастся их отбить.

6) Драгунский корпус иметь в резерве по обоим берегам Прута, готовым обратиться туда, где опасность угрожать будет, и сим значительным перевесом кавалерии и конной артиллерии облегчить победу.

7) Осадный парк перевести в Измаил и, когда время настанет, погрузить на суда.

8) Ежели турки где-либо у Силистрии, Рушука ли или Никополя переправятся в значительных силах, дать им отойти от Дуная марша на два и тогда идти на ближайшего, с помощью Божьей разбить и кавалерией сильно преследовать до Дуная.

9) Когда десанты будут отбиты или удастся турок разбить на левом берегу Дуная, тогда двинуться левым флангом к Силистрии и приступить ко второй переправе 15-й дивизией и 3-м корпусом, оставляя весь 4-й у Бухареста.

Иначе покуда не придумаю.

Вероятно, в этом пройдут апрель, май и июнь. Около июля должно объясниться, австрийцы враги ли нам или, удержанные примером Пруссии и нашим грозным видом, останутся точно нейтральными.

Быть может, что и греческое восстание повлечет за собой восстание Герцеговины и, быть может, и Сербии и Болгарии, несмотря на усилия австрийцев их удержать. Тогда, сомнения нет, все обстоятельства примут для нас гораздо выгоднейший оборот.

До того мы имеем все выгоды не торопиться и выжидать, утомляя и истощая турок в голодном крае. Время сие употребить в пользу заготовлением и кошением фуража, формированием резервов и подвозкой провианта и проч.

Таким образом август и сентябрь полагаю я, что с пользой употребятся для решительного удара, т. е. для овладения Силистрией, а быть может, и Рушуком.

Но сим должны мы ограничиться на 1854 год.

**Князь Варшавский — князю Горчакову 8 марта 1854 года,
№ 96, С.-Петербург**

Считаю нужным сообщить вам о настоящем положении наших дел.

Начну с обстоятельств политических, которые имеют столь большое влияние на военные наши действия.

Мы находимся теперь в следующем положении: с Пруссией отношения наши хороши; Австрия объявляет, что впредь поведение ее будет основано только на собственных ее выгодах, которые не суть враждебны ни для одной державы. Но Австрия, однако, собирает войска, которые и в настоящем расположении нам всегда угрожать могут.

По сведениям, которые я здесь нашел, Австрия может, кроме войск на западной своей границе и кроме Италии, иметь в три недели 200 тысяч пехоты и 45 тысяч кавалерии. В течение месяца из нынешнего расположения она может собрать: у Кракова 30 тысяч пехоты, 10 тысяч кавалерии, при 80 орудиях; у Лемберга 20 тысяч пехоты, 7 тысяч кавалерии, при 38 орудиях; против Каменца или против Ясс, или против Бухареста 30 тысяч пехоты, 10 тысяч кавалерии, при 80 орудиях; у Орсова до 25 тысяч пехоты и 8 тысяч кавалерии, при 80 орудиях.

Из означенных пунктов австрийцы могут направиться: к Каменецу-Подольскому или к Яссам; к Бухаресту или Крайову, присоединив в первом случае к войскам в Трансильвании и Венгрии часть войск из Галиции, во втором случае — к войскам в Трансильвании корпус Коронии.

Вы видите, ваше сиятельство, что Австрия, оставаясь в настоящем положении, всегда нам может угрожать и быть опасною не только в настоящее время, но в продолжение 5 и 6 месяцев.

С другой стороны, оказывается теперь, что французы и англичане, кроме действий на море, весьма усиливают отряды, назначаемые ими для высадок.

Не говоря о вероятных предприятиях их против нашего флота и о высадках в других местах, они могут с нашей стороны сделать десанты в Одессе, где найдут большие запасы хлеба, и в Аккермане, откуда могут выйти на наши коммуникации и быть весьма опасными, особенно если будут действовать в одно время с австрийцами, которые от своей границы могут в 4 перехода быть в Яссах.

Если бы французы сделали десанты в Аккермане и пошли вправо, то там встретит их генерал барон Сакен; но когда будут в силах, то возьмут Одессу; но если они пойдут влево, то выйдут на ваши сообщения: в Леово и к Бендерам.

В сем положении дел надобно было: против ожидаемых неприятельских действий найти средства защиты.

¹ Архив воен. уч. ком., отд. 2, д. № 3358.

Для сего окончательно сделано следующее:

Курляндия, Литва и правый фланг в Царстве Польском защищены 1-м корпусом;

в центре Царства Польского, т. е. в Варшаве и за Вислой, будут расположены две гренадерские дивизии;

против Кракова одна бригада;

против Лемберга полторы дивизии 2-го пехотного корпуса.

На пространство до Каменца и ниже Ясс необходимо было поставить войска для составления особого отряда на австрийской границе, который, связывая действия 2-го корпуса с вашими войсками, защищал бы ваши коммуникации с сей стороны.

Для составления сего отряда назначены:

6-я пехотная дивизия и 1-й казачий полк, которые придут к Каменцу с 25 апреля по 1 мая. Две кирасирские дивизии, которые будут расположены в двух больших маршах от Каменца и придут на места: 1-я кирасирская — в Бар к 20 апреля, а 2-я — в г. Ушицу к 17 мая.

В связи с ними будут находиться:

2-я драгунская дивизия, прибывающая к Скулянам с 17 по 23 апреля;

1-й драгунская дивизия, которая около 5 апреля придет в Дубоссары, откуда расположится между Бендерами и Леоном.

Отряд сей, столь важный по своему назначению, должно будет по необходимости усилить еще одной пехотной дивизией от ваших войск.

Дивизия сия должна быть расположена, по моему мнению, в Кагуле¹, о чем я объясню ниже.

Против десанта неприятеля в Аккермане, который может действовать к Измаилу или к Леоно и Бендерам, вам необходимо послать (если еще не посланы к низовью Днестра) теперь казаков для благовременного извещения вас о намерениях неприятеля и позднее, в начале апреля, поставить в промежутке кавалерию; а когда узнаете о высадке неприятеля, то можете послать дивизию пехоты на половину дороги от Измаила к Леоно, как я полагаю, в Кагул. Дивизия сия, как выше сказано, будет в возможности, в случае нужды, подкрепить и отряд, состоящий из 16-й пехотной дивизии и драгун.

Против десанта в Одессе, в подкрепление генерала Сакена, будут находиться в 74 верстах от Одессы, на перекрестке дорог из Одессы в Анапьев и из Вознесенска в Бендеры, около сел. Жеребково, 16-я пехотная дивизия и резервная уланская дивизия, которой приказано уже перейти через Буг и расположиться на середине расстояния между Вознесенском и Бендерами².

Разместив таким образом войска, по возможности надлежало позаботиться о их продовольствии.

¹ Или в другом пункте, по вашему усмотрению.

² Копии с предписаний моих барону Сакену и графу Никитину от 7 марта при сем прилагаются

Как мы будем находиться в положении оборонительном, и, следовательно, собранные в значительном числе войска должны будут оставаться долгое время на одном месте, то надобно было приготовить и большое количество запасов.

Я уже сообщил вам, что, кроме сделанных вами заготовлений, по 16 июля, с переменю, может быть, театра войны, нельзя рассчитывать на верность покупок хлеба в самих княжествах; потому, с Высочайшего соизволения, я разрешил вам заготовить в тылу расположений ваших войск:

150 тысяч или по крайней мере 100 тысяч четв. муки;

50 тысяч четв. овса;

250 тысяч ведер вина и закупить 15 тысяч штук волов, а между тем я дал вам знать, чтобы немедленно купить:

50 тысяч четв. муки и 50 тысяч четв. овса, учредив магазины в Леове и Бендерах.

Вслед за тем я сделал распоряжение, чтобы хлеб, сложенный в Одессе частными людьми для отправления за границу, был немедленно перевозим в Бендеры всеми возможными средствами, наймом и нарядом подвод, в город и из ближайших мест. Хорошо, если бы успели перевезти тысяч сто муки или и более.

Для обеспечения войск, которые будут действовать в тылу Одессы, предписано также графу Никитину перевезти из ближайших округов военных поселений 50 тысяч четв. муки и 50 тысяч четв. овса, по моему мнению, в Жеребково и в другой пункт, между Жеребковым и Ананьевом. Окончательное, однако же, назначение сего пункта я предоставил соглашению графа Никитина и барона Сакена.

Наконец, для войск, которые соберутся в значительном числе у Каменец-Подольского, Серета и Прута, необходимо было заготовить большое количество провианта. В Каменце у нас всего 8 тысяч четв., в Проскурове 3 тысяч четв. С Высочайшего соизволения делается ныне сбор с жителей Подольской губернии хлеба с поставкою:

в Каменец 30 тысяч четв. муки и 10 тысяч четв. овса;

в Могилев на Днестре 50 тысяч четв. муки и 40 тысяч четв. овса;

в Балту 70 тысяч четв. муки и 50 тысяч четв. овса.

При этом считаю нужным просить ваше сиятельство приготовить также большой магазин в Яссах из заготовления, которое уже назначено в Леово и Бендеры.

Между тем, признавая необходимость иметь вторую линию магазинов: в Киеве, в каком-либо пункте по Днепру, в Бобруйске и далее, я испросил на то предварительное разрешение Государя Императора.

Затем обращаюсь к вашим военным действиям.

Мы намерены были 7 марта приступить к переправе через Дунай и, в случае успеха, взять Тульчу, Исакчу и Мачин и укрепить переправу сильным тет-де-поном.

Насчет Гирсова вы получили уже, конечно, разрешение: к Гирсову не ходить.

Если переправа удастся, то ограничьтесь взятием малых крепостей, кроме Гирсова, и укрепите переправу.

Если же бы переправа не удалась с первого раза, то не делайте второй попытки, которая бы нам дорого стоила, а остановитесь и продолжайте быть в оборонительном положении так, как были до переправы.

Рассчитайте между тем так, чтобы ко времени могущей быть высадки неприятеля в Аккермане отправить, как выше сказано, сначала казаков к Днестру, а потом в промежуток между Аккерманом и Измаилом кавалерию, а одну дивизию пехоты в Кагул. Назначение ее вам известно, и расположение ее там или около сего места совершенно необходимо. Отправление сих войск, вероятно, последует в первых числах апреля, кроме казаков, которые могут быть посланы теперь же, с тем чтобы устроены были маяки, которыми они будут давать знать о неприятеле.

Между тем, как вы сами знаете, поведение Австрии сомнительно и заставляет нас быть осторожными.

Обеспечив себя, сколько возможно, со стороны Подолии, нужно предвидеть, что австрийцы могут также из Германштадта обойти ваш правый фланг. Не говорю о Кронштадте, ибо выходы из гор здесь, как слышно, весьма затруднительны.

Для этого можно сократить вашу линию на Дунае и в первых числах апреля начать отступление от Калафата к Крайову, а потом, если обстоятельства и поведение австрийцев не изменятся, то и за р. Ольту, потому более, что, как из последнего письма вашего видно, турки вывели большую часть своих войск из Видина. Следовательно, предполагать должно, что они собираются в другом месте и могут сделать покушение перейти Дунай в Никополе, Рушуке, Силистрии или в Гирсове. Впрочем, отступление сие сделайте по вашим соображениям. Не будучи на месте, я не даю вам решительного о том предписания.

Сообщая о всем вышеизложенном в главных чертах вашему сиятельству, я предоставляю подробности исполнения соображениям вашим с местными обстоятельствами, которые вам ближе известны.

Дальнейших сведений ни о десантах, ни о численности и намерениях неприятеля, ни о движениях австрийских войск я не имею. Может быть, вы на месте узнаете что-либо подробнее, то сообщите мне в Варшаву, куда я выезжаю 9 марта; займусь устройством там многих дел на месте и потом приеду к вам.

**Донесения командующего войсками 3, 4 и 5-го пехотных корпусов
князю Варшавскому от 16 марта 1854 года, № 819**

Ваша светлость изволили мне предписать:

1) иметь в виду, что около половины апреля, может быть, потребуется от вверенных мне войск взять одну пехотную дивизию к Кишиневу или Бендерам. В исполнение сего я назначаю на этот конец 7-ю пехотную дивизию и, дабы иметь ее в готовности, предписал не удалять от Дуная, а употреблять над рекою для работ по усилению береговых батарей и для устройства сильного мостового укрепления близ Исакии;

2) по овладении Мачином, Исакчей и Тульчой, не подыматься к Гирсову. По всем вероятиям, должно было считать, что для овладения Мачином, Исакчей и Тульчой потребуется не менее двух недель, что движение к Гирсову могло бы начаться только в конце марта, а овладение Гирсовом последовать не прежде как в первых числах апреля. Но неожиданно быстрое овладение Тульчой и Мачином, *оставление неприятелем Исакчи*² и сведения, полученные: а) *что турки очистили уже береговые батареи против Гирсова*, и б) что силы их сосредоточиваются не у Бабадага, а у Черновод, изменяют положение дел. Имея неожиданно свободного времени более двух недель, я счел, что, вместо того чтобы провести эти 15 дней в бездействии, *надлежит воспользоваться ими для занятия Гирсова и устройства там моста и мостового укрепления, так как это доставит нам большие выгоды, какой бы оборот война ни приняла. (Славно).*³

Вследствие сего я предписал генералу Лидерсу, если по ходу дел окажется ему возможным быть в Гирсове прежде 2 апреля⁴, то прийти туда с главными своими силами (34 батальона, 14 эскадронов и 5 сотен); по прибытии своем немедленно приступить к возведению там прочного мостового укрепления и устройству моста;

3) если бы до прибытия его к Гирсову последовала хотя несколько серьезная высадка в наших пределах, около Одессы или в Бессарабии, то немедленно обратиться к северу для охранения мостов у Исакчи и Браилова и замещения 7-й пехотной дивизии, которая в подобном случае, вероятно, пойдет в Бессарабию;

4) исполнить то же, если бы турки или одни, или в совокупности с европейцами, угрожали ему нападением в таких силах, против коих он не мог бы бороться с верной надеждой на успех. *Но сего ожидать нельзя, ибо хотя есть частное известие, что первый вспомогательный французский корпус (я считаю его не более как в 15 тысяч) прибыл уже в Константинополь, но мало вероятия, чтобы даже и в том*

¹ Архив канц. Воен. мин. по снаряжению войск, 1854 г., д. № 38.

² Здесь и далее подчеркнуто Николаем I.

³ Здесь и далее в скобках курсивом даны пометки Николая I, сделанные им на полях донесения.

⁴ *Вероятно, он будет там около 23 марта.*

случае, если он высадится у Варны, он двинулся в совокупности с турками далее Черновод прежде половины апреля, а гораздо прежде сего мостовое укрепление и мост у Гирсова будут готовы.

В том случае, если по устройству того и другого генералу Лидерсу пришлось бы, согласно со сказанным выше, отступать к северу, *он оставит в гирсовском тет-де-поне достаточный гарнизон.*

Если, как я наверное почти полагаю, турки оставили уже и самый Гирсов, я прикажу отряду полковника Зурова, против Гирсова на левом берегу Дуная стоящему, занять этот город легким отделом до прихода генерала Лидерса. (Славно, славно.)

Овладение же Гирсовом и устройство там обесспоренного укрепления моста представляет следующие выгоды:

1) Турки будут думать, что я делаю решительное наступление в Болгарию, и остановятся у Черновод или запрут в крепости, ожидая прибытия своих союзников.

2) Сии последние, думая то же, предпочтительно захотят меня встретить около Базарджика, Черновод, Варны или Силистрии и умерят свои наступательные предприятия, а может быть, отсрочат десанты.

3) Овладение Гирсовом и возведение там моста и укреплений в большой степени облегчат оборонительные действия наши в Валахии и Бабадагской области и *наступательные действия в Силистрии, если окажется возможным таковые предпринять.* (Неоспоримо.)

Доношу о сем вашей светлости, имею честь доложить, что я также предписал, чтобы при первом известии о высадке неприятеля в наших пределах было поставлено в Измаиле 4 батальона действующей пехоты, а в Килии один батальон, независимо от резервов, там находящихся.

Вот что я доносил прежде получения повелений ваших от 7 марта, сейчас мне доставленных. По соображении оных с обстоятельствами и с общим начертанием Государя Императора насчет последующих действий наших, *я не делаю теперь изменений в вышеупомянутых распоряжениях.*

Я рассчитываю, что десанта в наши пределы прежде апреля они не предпримут и что наступательный вид, сохраняемый моими действиями, есть лучшее средство удержать их от высадки в Бессарабию или около Одессы. *Лидерс же всегда успеет, если нужно, своевременно отойти за Дунай или через Гирсов, или через Браилов.* (Прекрасно.)

Опасаясь, однако, что англичане овладеют устьями Сулина. Серьезному покушению их на сем пункте, за неимением там постоянных фортификационных работ, воспрепятствовать я не могу. Но если они и утвердятся в устье Сулина, то в этом еще небольшая беда, ибо в Дунай их мелких судов наша флотилия не должна впускать; *она должна их разбить при разделении Килийского и Сулинского рукавов, где будет действовать под покровительством наших береговых батарей.*

Лучшим пунктом для сосредоточения, в случае надобности, 7-й дивизии в Бессарабии я полагаю Болград.

Воззвание, написанное собственноручно императором Николаем

(препровождено князю Варшавскому 7 апреля 1854 года)

На переписанном пометка Государя: «Очень хорошо; приготовь к отправлению к князю Варшавскому и сообщи к сведению графу Нессельроду. Письма к фельдмаршалу пришли попозже».

Единоверным братьям нашим в областях Турции

По воле Государя Императора Российского вступил я с победоносным и христолюбивым воинством Его в обитаемый вами край не как враг, не для завоеваний, но с крестом в руках, со святым знамением Богоугодной цели, для которой подвигаемся.

Сия единственная цель Благоверного и Всемиловитейшего Государя моего есть защита Христовой Церкви, защита вас, православных ее сынов, поруганных неистовыми врагами. Не раз лилась уже за вас русская кровь и, с благословением Божиим, лилась не даром. Ею орошены права, приобретенные теми из вас, которые менее других стеснены в своем быте. Настало время и прочим христианам стяжать те же права не на словах, а на деле.

Итак, да познает каждый из вас, что иной цели Россия не имеет, как оградить святость Церкви, общей нашей Матери, и неприкосновенность вашего существования от произвола и притеснений.

Братья во Христе, воскресшем в искупление человек! Соединимся в общем подвиге за Веру и ваши права! Дело наше свято! Да поможет нам Бог!

¹ Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 35.

Места этапов Дунайской армии и состав гарнизонов на них в марте 1854 года

№ п/п	Этапные пункты	Офицеров:		Нижних чинов:		Всего
		русских	молдавских	от русских войск	милиционеров и добровольцев	
1	Скуляны	4	—	130	—	134
2	Леово	4	—	130	—	134
3	Яссы	3	1	63	72	139
4	Васлуй	1	—	13	12	26
5	Бырлат	2	1	33	38	74
6	Текуч	1	1	33	38	73
7	Браилов	1	1	43	28	73
8	Галац	1	1	35	36	73
9	Рени	2	—	63	—	65
10	Роман	1	—	13	12	26
11	Баксу	1	—	12	13	26
12	Фокшаны	3	2	69	66	140

№ п/п	Этапные пункты	Офицеров:		Нижних чинов:		Всего
		русских	молдавских	от русских войск	милиционеров и добровольцев	
13	Бузео	2	1	35	36	74
14	Урзичени	1	1	14	55	71
15	Плоешти	2	1	32	39	74
16	Бухарест	4	1	83	75	163
17	Гуро-Яломница	2	1	34	37	74
18	Слободзея	1	—	13	12	26
19	Калараш	2	1	41	30	74
20	Тарачени	1	—	13	12	26
21	Журжа	2	1	37	34	74
22	Чалонешти	1	—	13	12	26
23	Слатина	1	1	34	37	73
24	Крайово	3	1	61	74	139
	Всего	46	16	1047	768	1877

Коммуникационные пути к 11 марта 1854 года

Пункт	Версты ¹	Магазины	Артиллерийские пар- ки и склады	Госпитали	Этапы и ночлежные пункты	Печение хлеба и сухарей
Большая дорога от Скуляни в Бухарест						
Скуляны		Магазин	—	Воен. вр. № 16	Этап	—
Ясы	17	Магазин	—		Этап	—
Бароешти	25	—	—	—	Ночлег	—
Унчешти	16	—	—	—	Ночлег	—
Васлуй	20	Магазин	—	—	Этап	—
Докалина	17	—	—	—	Ночлег	—
Стремшур	15	—	—	—	Ночлег	—
Бырлат	16	Магазин	—	№ 11	Этап	Сух.
Лиешти	20	—	—	—	Ночлег	—
Текуч	25	Магазин	—	—	Этап	Сух.
Чушле	10	—	—	—	Ночлег	—
Фокшаны	13	Магазин	Промежуточный склад на 6 местных	№ 10 ветерин. лаз	Этап	Сух.
Тырго-Куку	18	—	—	—	Ночлег	—
Рымник	15	Магазин	—	Ветерин. лаз.	Ночлег	—
Фундени	18	—	—	—	Ночлег	—

¹ В 1 версте примерно 1,067 километра.

Пункт	Версты	Магазины	Артиллерийские пар- ки и склады	Госпитали	Этапы и ночлежные пункты	Печение хлеба и сухарей
Большая дорога от Скулян в Бухарест						
Буэо	15	Магазин	—	№ 3 ветерин. лаз.	Этап	Сух.
Кильмеуца	11	—	—	—	Ночлег	—
Моржиняны	15	—	—	—	Ночлег	—
Урзичени	22	Магазин	—	—	Этап	—
Синешти	25	Магазин	—	—	Ночлег	—
Мора-Дамняск	12	—	—	—	Ночлег	—
Бухарест	15	Магазин	Подвижн. № 14 склад ор., $\frac{1}{2}$ лб. р. № 2 Под- вижн. № 12 (Буково)	№ 1, 17 подв. № 4 и 5	Этап	Сух.
Боковая дорога из Ясс в Фокшаны						
Яссы		См. выше				
Подделой	20	—	—	—	Ночлег	—
Тыргу-Формоз	19	—	—	—	Ночлег	—
Мирчешти	21	—	—	—	Ночлег	—
Ромон	20	Магазин	—	—	Этап	—
Гальбин	22	—	—	—	Ночлег	—
Баксу	19	Магазин	—	№ 19	Этап	—
Вале-Ре	18	—	—	—	Ночлег	—
Вале-Сака	16	—	—	—	Ночлег	—

Пункт	Версть	Магазины	Артиллерийские парки и склады	Госпитали	Этапы и ночлежные пункты	Печенье хлеба и сухарей
Большая дорога из Ясс в Фокишаны						
Аджут-Ноу	19	—	—	—	Ночлег	—
Маритешти	24	—	—	—	Ночлег	—
Фокишаны	20	См. выше				
Большая дорога из Леово в Бырлат						
Леово	—	Магазин	Арт. склад	Воен. вр.	Этап	—
Фальги	20	—	—	—	Ночлег	—
Эпурени	20	—	—	—	Ночлег	—
Бырлат	24	См. выше				
Большая дорога из Рени в Урзичени						
Рени	—	Магазин	—	№ 21	Этап	—
Галац	22	Магазин	—	№ 4, 14, 18	Этап	Сух.
Водени	—	Магазин	—	—	—	—
Браилов	22	Магазин, 4 по- лубр. подв. маг.	Подв. № 15, промеж. склад на 2 ¹ / ₂ местн. парка	№ 9	Этап	Сух.
Муфтиу	18	—	—	—	Ночлег	—
Филонешти	31	—	—	—	Ночлег	—
Фаурей-Ноу	11	—	—	—	Ночлег	—
Цыгуляту	18	—	—	—	Ночлег	—
Метелеу	22	—	—	—	Ночлег	—
Урзичени	22	См. выше	—	—	Ночлег	—

Пункт	Версты	Магазины	Артиллерийские парки и склады	Госпитали	Этапы и ночлежные пункты	Печение хлеба и сухарей
Боковая дорога из Браилова в Фокшаны						
Браилов		См. выше				
Котулунгу	18	—	—	—	Ночлег	—
Максимени	—	Магазин	—	—	—	—
Карбул	15	—	—	—	Ночлег	—
Быльбопка	13	—	—	—	Ночлег	—
Прасковени	22	—	—	—	Ночлег	—
Фокшаны	10	См. выше				
Боковая дорога из Бухареста в Бузео						
Бухарест		См. выше				
Почовалешти	16	—	—	—	Ночлег	—
Подувалешти	17	Магазин	—	—	Ночлег	—
Плоешти	22	Магазин	Промеж. склад на 2 1/2 местн. парка	№ 8	Этап	—
Альбешти	15	—	—	—	Ночлег	—
Мезилу	16	Магазин	—	—	Ночлег	—
Дора-де-Жос	16	—	—	—	Ночлег	—
Бузео	16	См. выше				

Пункт	Версты	Магазины	Артиллерийские парки и склады	Госпитали	Этапы и ночлежные пункты	Печение хлеба и сухарей
Боковая дорога из Бузео в Калараш						
Бузео		См. выше				
Цыгулято	22	См. выше			Ночлег	—
Кикинеу	28	—	—	—	Этап	Сух.
Слободзея	28	Магазин	—	—	Этап	—
Калараш	41	Магазин	—	—		
Боковая дорога из Урзичени в Гура-Яломницу						
Урзичени		См. выше				
Адая-Протополуй	24	—	—	—	Ночлег	—
Андренешти	21	—	—	—	Ночлег	—
Слободзея	19	См. выше	—	—	Ночлег	—
Циндареи	22	Магазин	—	—	Этап	—
Гура-Яломница	21	—	—	—		
Большая дорога из Бухареста в Калараш						
Бухарест		См. выше				
Будешти	18	—	—	—	Ночлег	—
Плоешти	—	Магазин	—	—	—	—
Ольтеница	20	—	—	—	Ночлег	—
Тарачени	—	Магазин	—	—	—	—
	26	—	Подв. № 10	—	Этап	—

Пункт	Версты	Магазины	Артиллерийские парки и склады	Госпитали	Этапы и ночлежные пункты	Печение хлеба и сухарей
Боковая дорога из Бухареста в Калараш						
Обилешти	—	Магазин	—	—	—	—
Мара-Сарана	10	—	—	—	Ночлег	—
Коаделе	15	—	—	—	Ночлег	—
Калараш	18	См. выше	—	—	—	—
Большая дорога из Бухареста в Журжу						
Бухарест	—	См. выше	—	—	Ночлег	—
Дорешти	15	—	—	—	Ночлег	—
Калугарени	15	—	—	—	—	—
Калибаша	—	Магазин	—	—	Ночлег	—
Данца	17	—	—	—	—	—
Фратешти	—	—	Склад заряд. на 4 батареи	—	—	—
Журжу	10	Магазин	—	—	Этап	—
Большая дорога из Бухареста в Крайово						
Бухарест	—	См. выше	—	—	Этап	Сух.
Персичени	18	Магазин	—	—	Ночлег	—
Обедени	18	—	—	—	Ночлег	—
Бачеу	16	—	—	—	Ночлег	—
Талпа	12	Магазин	—	—	Этап	—
Чалонешти	16	Магазин	—	—	Ночлег	—
Текучи	20	Магазин	—	—	—	—

Пункт	Версты ¹	Магазины	Артиллерийские парки и склады	Госпитали	Этапы и ночлежные пункты	Печение хлеба и сухарей
Большая дорога из Бухареста в Крайово						
Шербанешти	14	—	—	—	Ночлег	—
Греча	12	—	—	—	Ночлег	—
Слатина	22	Магазин	—	№ 6	Этап	—
Мирила	15	—	—	—	Ночлег	—
Робешти-де-Жост	12	—	—	—	Ночлег	—
Крайово	16	Магазин	Резервный склад	№ 2, 5, 12	Этап	Пекарня
Радован	—	Магазин	—	—	—	Пекарня
Дорога из Александрии в Текучи						
Александрия	—	Магазин	—	—	—	—
Руссо-де-Вега	—	Магазин	—	—	—	—
Текучи		См. выше				
Дорога из Каракула в Слагину						
Каракул	—	Магазин	—	—	—	—
Команы	—	Магазин	—	—	—	—
Слатина		См. выше				

Примечание. Кроме того, магазины были в Компестии-де-Сус, Пашканах, Хиербинцах и Гайенне, несколько в стороне от этих путей.

В Галича-Маре — подвижной парк № 15.

**Всеподданнейшее письмо князя Варшавского
от 15 (27) апреля 1854 года, Бухарест**

Всемилоостивейший Государь!

Ночью получен рапорт генерал-адъютанта барона Сакена о действиях неприятельского флота против Одессы. Рапорт сей я сообщил военному министру для всеподданнейшего доклада. Кажется, что неприятель может сжечь только нижний город; но барон Сакен в состоянии будет держаться против их десантов. Письмо Вашего Императорского Величества от 1 апреля имел счастье получить и осмеливаюсь представить при сем записку о настоящем положении дел. Осмотрев весь Нижний Дунай, от Измаила до Бухареста, я нашел войска везде, где их видел, в весьма хорошем положении: люди бодры, имеют здоровый вид и дух прекрасный. Распоряжения кн. Горчакова по части внутреннего управления я нашел очень хорошими. *Распоряжения военные сделаны с целью наступательных действий.* Для исполнения их, во всяком случае, если бы даже я здесь не был, *требовалось бы то же самое время, как и теперь.* (???)² В Гирсове, узнав о неверных отношениях наших к Австрии вследствие подписанного ею протокола вместе с Англией и Францией, равно и о появлении в то же время неприятельских флотов у Одессы, я видел себя вынужденным приготовить армию к отступательному движению за Серет; но в Бухаресте, получив известие, что Австрия не может быть готова ранее 5 или 6 недель, я приказал войскам, несмотря на предстоящие затруднения, *начать движение к Черноводам и Силистрии.* (!!!) Конечно, в случае войны с Австрией и десантов взятие Силистрии не представит нам больших выгод; ибо, отдаляя нас на 90 верст от пункта высадки французов, в Коварне или Кюстенджи, оно не помешает им действовать на Нижнем Дунае; а мы, взяв даже Силистрию, в случае войны с Австрией должны будем отойти. *Я решился, однако, на наступательное движение потому, что оно, может быть, отвлечет высадки на Черноморские берега и может произвести влияние на турок.* (!) Не скрою, однако, от Вашего Величества, что в случае войны с австрийцами мы будем в жестоком положении. Сделав распоряжения по движению войск, я надеюсь, что если и не возьмем Силистрии, то, может быть, наткнемся на турок; а по крайней мере я познакомлюсь с войсками и увижу, до какой степени они способны маневрировать в массах в виду неприятеля. Если бы по причинам, подробно в представляемой записке изложенным, мы не успели подступить к Силистрии или принуждены были отойти и впредь, до перемены обстоятельств, ограничиться положением оборонительным,— то я думаю, оставив дальнейшее распоряжение кн. Горчакову, самому ехать посмотреть, что будет делаться у ген. барона Сакена,

¹ Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 9.

² Здесь и далее курсивом в скобках даны пометки, сделанные Николаем I.

особливо если дела примут там невыгодный оборот. Здесь я нашел давно знакомые мне холодные ночи и знойные дни, от которых чувствую лихорадочные движения.

Припадая и проч.

Вашего Императорского Величества

Всемилоостивейшего Государя

всепокорнейший слуга

князь Варшавский граф Паскевич-Эриванский

1854 года, 15 (27) апреля, г. Бухарест

P. S. Сейчас получил я от графа Ридигера уведомление, что в Царстве Польском как между жителями, так и в войсках все благополучно и спокойно. Он счел нужным привести в оборонительное положение Новогеоргиевскую крепость.

Всеподданнейшая записка князя Варшавского о положении дел от 15 апреля 1854 года из Бухареста¹

(при письме от 15/27 апреля)

По приезде к армии я счел необходимым видеть своими глазами как местоположение края и позиции, которые нам придется защищать, так и распределение наших войск.

Нижний Дунай составляет во всяком случае ключ нашей оборонительной позиции, ибо неприятель, ворвавшись в гирла реки, может привести сюда всю свою армию и действовать прямо на Дунае, имея сообщение с морем.

К сожалению, осмотрев Измаил, я нашел, что крепость сия хороша против турок, но не против европейцев. Она слишком пространна и слаба, не имеет верхов, и в 70 саженьях от нее находятся рытвины, позволяющие неприятелю к ней приблизиться.

Исакчинская переправа устроена хорошо; мост удобный и прочный.

Тульча, Исакча и Мачин никаких укреплений, кроме береговых батарей, не имели.

Гирсово, представляя все неудобства в случае войны с Австрией, кои я предполагал, есть, конечно, лучший пункт переправы, когда предполагается дальнейшее движение вперед.

Отсюда мы должны также ожидать наступательных действий десантов.

Французы, как по сведениям о плане их кампании известно, намерены, кажется, *высадить в Кюстенджи или Балчике до 30 или 40 тысяч своих войск.* (???)²

Для них нет ничего легче, как присоединить к себе турецкие войска, тут бывшие, или соединиться с Омер-пашой. (?) Имея таким образом до 70 или 80 тысяч турок, они, в числе 100 тысяч, могут: или

¹ Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 9.

² Здесь и далее курсивом в скобках даны пометки, сделанные Николаем I

форсировать у Гирсова отряд Лидерса, который с 30 батальонами не в состоянии удержать 100 тысяч (?); или, высадясь около Бабадага, в несколько переходов быть в Браилове, где найдут почти миллион четвертей хлеба¹.

Чтобы встретить 30 тысяч европейцев и до 70 или 80 тысяч турок, необходимо иметь, по крайней мере, четыре дивизии; а чтобы собрать их, надобно не только стянуть все войска от Гирсова по всему Нижнему Дунаю, но и отвести, по крайней мере, одну дивизию от Бухареста.

Тогда на центре мы будем так слабы, что не в состоянии уже противиться покушениям турок из-за Дуная и, следовательно, должны будем оставить Бухарест, на что и времени бы не достало.

Когда я был в Гирсове, получено было известие, что Австрия подписала, вместе с Францией и Англией, протокол с целью действовать согласно с ними для того, чтобы принудить нас оставить княжества.

Итак, если бы в одно время с высадкой французов Австрия объявила нам войну и угрожала нам с правого фланга и в тылу, то нет сомнения, что положение нашей армии было бы так затруднительно, что мы принуждены были бы бежать из княжеств и пробиваться сквозь окружающего нас неприятеля, будучи преследуемы всеми силами Турции, и тогда могли бы потерять половину армии.

В предупреждение столь тяжкого положения благоразумие требовало бы теперь же оставить Дунай и княжества и стать в другой позиции, где мы можем быть так же сильны, как теперь слабы на Дунае. (!!!)

Позиция сия должна быть за Серетом, даже за Прутом.

Собрав здесь армию в 150 и даже в 180 тысяч, с сильной кавалерией, мы еще с некоторой надеждой на успех можем держаться не только против десантов с моря, но даже и против соединенных их действий с австрийцами.

Итак, в невозможности действовать наступательно, в невозможности даже удержаться на Дунае, будучи угрожаемы с флангов и с тылу, нам ничего не оставалось, как стать в сильную оборонительную позицию за Серетом и составлять, сколько успеем, запасы всех родов в тылу армии, что представляет большие затруднения, ибо, не зная, где обстоятельства заставят нас поставить войска и, следовательно, где должно устроить магазины, мы должны быть готовы везде, на что ни способов, ни времени не достанет.

Не делая, однако же, в Гирсове никаких распоряжений, я поехал в Калараш для осмотра Силистрии.

Батареи, поставленные генералом Шильдером на левом берегу Дуная, в 300 саженьях против крепости, соединены траншеями и устроены

¹ В Браилове и Галаце я разрешил судам под австрийским, прусским и греческим флагами нагрузиться и вывезти хлеб вверх по Дунаю и в море; таким образом уменьшится и число судов, которыми бы неприятель мог воспользоваться. *(Не понимаю, когда мы за дорогую цену купили от себя).*

хорошо. Генерал Шильдер смело занял острова, лежащие против Силистрии, и устроил батареи на 200 сажень от крепости; но острова сии затопляются водой при разливе реки, которого вскоре ожидать можно.

Турки укрепили Силистрию береговыми батареями и имеют теперь на возвышенностях четыре укрепления, из коих два полевых и два долговременных.

Осмотрев наши укрепления, я поехал в Бухарест, где получил сведения из Вены, что австрийцы, даже и в случае войны, прежде 6 недель не могут быть готовы к движению.

Как времени не потеряно ни одного дня, ибо отряд Липранди не отступил еще далее Крайова, да и осадная артиллерия, выступив несколькими днями позднее, ни в каком случае не могла бы прийти к Силистрии прежде 20 апреля, то, несмотря ни на какие преграды, я приказал войскам начать следующие движения:

Из отряда ген.-лейт. Ушакова три батальона 2-й бригады 14-й дивизии по прежнему распоряжению придут на усиление отряда генерала Лидерса.

Г. Лидерс, оставив сии три батальона в гирсовском предместном укреплении, подойдет правым берегом Дуная к Черноводам.

Между тем генерал Шильдер приготовит мост в нескольких верстах ниже крепости. Тогда отряд Лидерса подойдет к Силистрии. (*Слава Богу!*) С приходом сего отряда будет окончательно поставлен мост и 8-я пехотная дивизия присоединится к генералу Лидерсу.

Таким образом будут собраны против Силистрии 8, 9 и 15-я пехотные дивизии и два полка кавалерии. С сими войсками, если обстоятельства будут благоприятны, можно начать осаду.

Не могу скрыть, однако же, от Вашего Императорского Величества, что взятие крепости представляет многие затруднения:

- 1) Она теперь сильно укреплена, и подход к ней не легок.
- 2) Батареи наши с левого берега Дуная могут вредить и даже выжечь город, но не сбить укрепления, устроенные на возвышенностях.
- 3) Турки в крепостях хорошо защищаются, а их собрано до 12 тысяч; легкость же переправы нашей объясняется тем, что на Нижнем Дунае турки не имели ни одной крепости.
- 4) Имея дело с одними турками, еще можно надеяться на успех, хотя Омер-паша может действовать так, что трудно будет производить осаду крепости. Но если он с 30 или 40 тысячами станет между Силистрией, главным горнверком на самой большой возвышенности и другими укреплениями, на пространстве до 2 верст, то, как бы ни велика была убыль неприятельского гарнизона, он может беспрепятственно пополнять ее, и тогда нельзя будет взять Силистрию, не разбив прежде его армии, а разбить ее между четырьмя укреплениями весьма трудно. Но если, когда еще мы не возьмем крепости, у нас на фланге появятся французы в соединении с Омер-пашой, что может составить армию в 80 или 90 тысяч, то наше положение делается затруднительным.

5) Притом мы можем встретить другое препятствие, значительно увеличивающее затруднение: это разлив Дуная. Тогда мосты наши будут недостаточны, и переправа может быть только на судах.

Если бы пришлось встретить европейские войска в соединении с турецкими, имея с фланга крепость, а с тылу — реку в разливе с неверной переправой, то нам уже держаться на правом берегу будет невозможно, и в таком случае, предупреждая сии затруднения, мы должны будем отойти.

Затем, остальные войска наши будут расположены следующим образом:

Против Рушука 8 батальонов, против Туртукая 4 батальона, у Калараша, против Силистрии, 4 батальона, и в резерве впереди Бухареста будет 21 батальон, включая бригаду, взятую от Маловалахского отряда, которая прибудет к Бухаресту между 25 и 28 апреля.

Маловалахский отряд, состоящий ныне, за отделением от него одной бригады, из 12 пех. дивизий и трех кавалерийских полков, находится в Крайове. Дальнейшее же отступление его за Ольту и далее для сближения с Бухарестом я прикажу для того, чтобы иметь свободной еще одну дивизию.

На низовьях Дуная находится, кроме восьми резервных батальонов, вся 7-я пехотная дивизия, 4 батальона 14-й пехотной дивизии и два кавалерийских полка.

Действуя по вышеизложенным предположениям, мы, кажется, извлечем возможную пользу из настоящих обстоятельств. *(Несомненно.)*

Ген.-фельдмаршал князь Варшавский

Приложение № 169

Записка князя Варшавского от 15 апреля 1854 года (Бухарест)

Мое предположение для предстоящих действий следующее:

1) Отряду генерала Лидерса (2 дивизии пехоты, бригада кавалерии и 2 стрелковых батальона) двинуться сначала к Черноводам, а потом перейти к Силистрии. Тут остановиться. Через острова, занятые уже нашими войсками, перевести всех больных на правый берег, пополнить запасы провианта и потом, вместе с бригадой 8-й пехотной дивизии и с двумя или с тремя полками 4-й легкой кавалерийской дивизии, идти искать неприятеля. Обойти Силистрию вне выстрела и вне вылазок из крепости и, ставши на большой дороге, ведущей к Шумле, послать авангард искать неприятельскую армию. Если она станет подходить к Силистрии от Шумлы или от Туртукая, то дать сражение. Если же, с прибытием нашим под Силистрию, мы найдем неприятельскую армию уже под крепостью, между фортами оной, то посмотрим, не выйдет ли она из-за оных. Если нам удастся вступить с турками в сражение, то по превосходству наших сил мы можем надеяться одержать победу, и тогда мы остановим на время порыв турок соединиться с французами. Я думаю, что это будет полезнее взятия самой Силистрии.

Отбросив турок, смотря по известиям о десантах и по удачам при взятии фортов, можно будет или начать осаду крепости, но с большой осторожностью, или отойти к Гирсову, оставив, до прибытия вод, под Силистрией небольшой отряд, примерно из одной бригады.

Когда мы узнаем, что французы уже пришли и начинают свои высадки, то, отогнав турок, может быть, нам можно будет идти против них, и для сего к этому времени надобно, чтобы, кроме всей 8-й пехотной дивизии, мы имели под рукой хотя одну бригаду 11-й пехотной дивизии. А чтоб достигнуть этого, необходимо к тому же времени, чтоб из отряда генерала Липранди одна бригада пехоты с кавалерией была не более как верст на 100 впереди Бухареста, а чтобы другая бригада сего отряда, вместе с бригадой 10-й пехотной дивизии и остальной кавалерией, могла составлять центральный резерв между Бухарестом и Добрени, как для принятия вышеозначенной бригады, так и для поддержания отряда, у Журжи стоящего, так, чтобы всю 11-ю дивизию или, по крайней мере, 3 полка оной сделать свободными к употреблению около Силистрии.

Вот мой план, который должен оставаться в совершенном секрете, и для того оный сообщается только одному князю Горчакову с прочтением генералам Коцебу и Бутурлину; всем же прочим начальникам отдавать только частные приказания, до них относящиеся, без объяснения общих причин.

2) При этом необходимо принять все меры, чтоб провиант находился на должных местах, чтоб генерал Лидерс взял при выступлении из-под Гирсова провианта на 10, а если можно, и на 12 дней, чтоб подвести ему провианта в Черноводы, чтоб пополнить все запасы на берегу Дуная, под Силистрией, из склада при Калараше, и чтоб от Силистрии двинуться с полным количеством провианта, дабы сделать обход без потери времени. Разумеется, что все другие продовольственные припасы и овес должны быть в той же соразмерности. Таким же образом подумать о парках: за Дунай надобно брать с собой только те части, кои имеют вполне хороших лошадей, и пополнять все снаряды на берегу Дуная, под Силистрией.

3) Рассмотрев, сколько обозов и какие именно нужно будет взять с собой за Дунай — можно будет впоследствии снова присоединить все обозы, но сначала нужно иметь обозов как можно менее, ибо должно будет двигаться как можно быстрее и без всяких остановок.

4) Диктуя теперь это предположение, я вижу все трудности в исполнении оного; и поэтому необходимо обратить внимание всех частных начальников на совершенно точное исполнение всех предстоящих распоряжений.

**Всеподданнейшее письмо князя Варшавского
от 22 апреля 1854 года**

Всемилоостивейший Государь!

Письмо Вашего Императорского Величества от 15-го сего апреля имел счастье получить.

Осмотрев наши здесь позиции и войдя во все подробности дел, я старался дать себе отчет в настоящем положении нашем. От 15 апреля, донеся В. В., что предпринимаю движение к Силистрии, я не скрыл убеждения, что движение сие в теперешних обстоятельствах представляет большие неудобства.

С тех пор дела изменились, но не к лучшему. Австрия и Пруссия заключили с Англией и Францией известный трактат с целью заставить нас очистить княжества. Мейендорф уведомляет, что Австрия, с согласия с Пруссией, предполагает сделать нам вопрос: когда мы оставим княжества? В бумагах ко мне Мейендорф никогда не говорил, что мы успеем взять Силистрию и даже Рушук. Вероятно, что он увлекся, не зная здешних обстоятельств. Княжества мы занимать не можем, если австрийцы с 60 тысячами появятся у нас в тылу. Мы должны будем тогда их оставить и оставить *по принуждению*, имея на плечах сто тысяч французов в тюрок. На болгар надежды не много. Между Балканами и Дунаем болгары угнетенные и невооруженные; они, как негры, привыкли к рабству. В Балканах и далее, как говорят, они самодельнее; но между ними нет единства и мало оружия. Чтобы соединить и вооружить их, надобно время и наше там присутствие.

От сербов при нынешнем князе ожидать нечего: можно набрать 2 или 3 тысячи (*des corps francs*), но не более; а мы раздражим только Австрию.

В Турции ожидали бунта вследствие нововведений, но до сих пор это не подтверждается. Итак, при сих обстоятельствах, ежели думать, нам полезнее предупредить вопросы Австрии и объявить, что теперь, будучи за Дунаем и угрожая туркам, мы добровольно очищаем княжества и оставляем на попечение Европы обеспечение прав христиан Турецкой империи. Таким образом, мы отнимем у германских держав предлог к войне с нами. *Злость* Австрии так велика, что, может быть, она объявит новые к нам претензии; но Пруссия, вероятно, тем удовольствуется. Австрия же без Пруссии не посмеет объявить нам войну, когда мы со 170 тысячами будем за Прутом на фланге Галиции. Вероятнее всего, что она ничего не предпримет. А мы выиграем время и, отбившись с успехом от турок и французов, ожидаем осени, когда флоты союзников не в состоянии держать моря, а десанты их не посмеют остаться. Тогда могут быть возобновлены сношения дипломатические. Если Германия не примет наших предложений, то идти на Австрию, как виновницу коалиции. Но, по моему

¹ Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 9.

мнению, тогда еще будет не время: ибо в продолжение зимы армия Ваша может быть усилена 200 тысячами; в Польше будем иметь не сто двадцать, но 250 тысяч, а здесь усилить еще на 50 тысяч Австрия, вероятно, не выдержит издержек вооружения; Пруссия увидит нелепость ее положения; они образумятся, и, может быть, коалиция сия разрушится, и Германия примет нашу сторону, не боясь Франции и Англии, при виде нашей сильной армии, готовой идти им в помощь; ибо доселе они полагали, что мы не имеем достаточно войск для их защиты. Линия же наша будет не 1100 верст, как теперь, от Бухареста до Замосця, но верст 500, начиная от Каменца; сила же наша на меньшем пространстве увеличится. Положение дел в Европе так натянуто, что невозможно думать, чтобы не было каких-либо переворотов; в течение года можно ожидать: бунта в Италии, бунта во Франции или перемены министерства в Англии.

По сим причинам осмеливаюсь просить, смею умолять Ваше Величество: не ожидая вопросов Австрии, дать знать германским державам, что мы оставляем княжества; ибо смею повторить, что мы к тому принуждены будем, если Австрия объявит нам войну. Между тем я не останавливаю движения войск к Силистрии, но ожидаю Вашего повеления.

Здоровье мое таково, что у меня через день лихорадка. Повергая себя к ногам Государыни Императрицы, с глубочайшим благоговением и с таковою преданностью имею счастье быть Вашего Императорского Величества Всемиловитейшего Государя верноподданный

князь Варшавский граф Паскевич-Эриванский.

Всеподданнейшая записка князя Варшавского к письму от 22 апреля 1854 года о настоящем положении дел¹

1) Приготавливаемые нам Австрией и Пруссией вопросы.

Барон Мейендорф пишет мне, что Австрия заключила с Францией и Англией трактат с целью действовать против нас, чтобы принудить выйти из княжеств, и, с согласия Пруссии, готовится предложить нам, в виде ультиматума, вопросы:

1) Предполагаем ли мы остаться в оборонительном положении за Дунаем?

2) Когда войска наши оставят княжества?

Посему если мы будем осаждать Силистрию, что будет уже действием наступательным, то это поведет нас к разрыву с Австрией и Пруссией; против нас будет почти вся Европа.

2) Положение наше на Дунае до последних полученных сведений.

15 апреля я осмелился донести во всеподданнейшей записке, что, приказав отряду генерала Лидерса двинуться от Гирсова к Черноводам,

¹ Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 9.

я немного рассчитывал на взятие Силистрии: она сильна; гарнизон в ней увеличен теперь до 20 тысяч; Омер-паша может стать между укреплениями с 20 или 30 тысячами и оттуда усиливать гарнизон беспрепятственно, оставаясь сам недоступным; к нему могут присоединиться и французские войска, высадившиеся в Галлиполи.

Тогда, имея против себя от 80 до 90 тысяч турок и французов, на фланге сильную крепость, а в тылу реку в разливе с неверной переправой, мы никак не могли бы держаться на правом берегу и должны были бы отойти.

Идя вперед, я имел в виду скорее то, что встретим где-нибудь в поле турок, если не Омер-пашу, на что трудно рассчитывать, то другой какой-нибудь отряд, и разобьем их.

3) Настоящее положение.

Встретили ли бы мы турок или нет — это дело случая. Из всех действий Омер-паши видно, однако, что турки нигде не показываются, ожидая французов. Лидерс пишет, что они, узнав о нашем движении к Черноводам, вышли даже из Базарджика, и одна часть пошла к Силистрии, другая к Варне. Видно, что они отступают, вследствие принятого плана, для соединения с французами. Между тем, начав осаду Силистрии только в конце апреля, мы в половине и даже в конце мая стояли бы под этой крепостью. Между нею и Исакчей, на расстоянии почти 300 верст, было бы у нас только три батальона в Гирсове и один в Браилове; в Исакче — одна дивизия Ушакова.

Из полученных мною ныне сведений о новом плане кампании французов кажется, будто они изменили его вследствие перехода нашего за Дунай и предполагают собрать по крайней мере 50 тысяч, что, по их расчетам, может быть к 1 июня н. ст., т. е. к 18 мая.

Они, может быть, не имеют теперь в виду действовать на низовьях Дуная; но, когда увидят, что у нас там только 1 $\frac{1}{2}$ дивизии, то, по всей вероятности, пошлют туда тысяч 20, которые, соединясь с турками, бывшими в Бабадагской области, и сохраняя сообщение с морем, могут атаковать отряд Ушакова и даже овладеть переправой на Дунае, прежде чем корпус Лидерса, преследуемый Омер-пашой и гарнизоном Силистрии, успеет пройти 150, а по другому берегу с лишком 200 верст до Браилова. Если бы мы оставались в Гирсове — французы и турки, вероятно, не решились бы идти на Нижний Дунай, пошли бы к Силистрии, и если переправились бы тут, то я мог бы собрать против них 4 дивизии и между Слободзеей и Бузео дать сражение с некоторой надеждой на успех.

Но и в таком даже случае, когда бы мы оставались в Гирсове, положение наше на Дунае было бы еще слабо и крайне опасно, каков бы ни был план кампании французов. Не они, как я и прежде всегда писал, не англичане и не турки, а австрийцы и пруссаки нам всех опаснее.

По последним полученным от барона Мейендорфа сведениям, Австрия приготовила уже совершенно к наступательным действиям против

России 100-тысячную, а с войсками в Галиции и Моравии 180-тысячную армию и очень хорошо расположила для сего свои войска, ибо резерв поставлен совершенно соответственно сей цели: если она сочтет нужным идти в Валахию, то посылает корпус из Германштадта или Кронштадта и за ним 50 тысяч резерва из Песта; если хочет двинуть войска нам в тыл на Молдавию, посылает резерв на Быстрицу и увеличивает им корпус, там стоящий, до 70 тысяч; если бы мы хотели напасть на Галицию из Царства Польского, резерв выходит к Кракову и составляет 100 тысяч.

Для нас всего опаснее и потому именно всего вероятнее, что она будет действовать нам в тыл. В четырех или пяти переходах от границы австрийские войска могут быть в Яссах или Фокшанах, а нашим — до Ясс от Бухареста 340 и от Браилова 225 верст, т. е. 14 и 9 усиленных переходов. Остальные войска у нас по Дунаю: у Силистрии, Туртукая, Журжи, Турно, на Ольте; им нужно сделать по 10, 15 и 20 переходов, чтобы быть за Серетом.

С фронта французы и турки, в тылу австрийцы; окруженные со всех сторон, мы должны будем не отойти, но бежать из княжеств, пробиваться, потерять половину армии и артиллерии, госпитали, магазины. В подобном положении мы были в 1812 году и ушли от французов только потому, что имели перед ними 3 перехода.

Придя в свои пределы, мы будем иметь против себя не одних австрийцев, но и пруссаков. Пруссия, как барон Мейендорф пишет, обязалась в случае, если Австрия начнет военные действия, поставить со своей стороны против Польши 120 тысяч. Войск в Царстве Польском для удержания этой армии недостаточно; а что затем останется нам для сопротивления французам, туркам и австрийцам?

Такое положение будет хуже 1812 года: неприятель в самых богатых наших провинциях, а перед ним — почти никаких сил наших, разве только остатки армии, едва не уничтоженной.

Несмотря на столь грозные опасности, я, в ожидании новых повелений В. И. В., не отменил еще распоряжений о движении к Силистрии.

4) В чем изменились обстоятельства.

Но обстоятельства теперь совсем не те, какие мы прежде предполагали.

Мы не думали, чтобы австрийцы были теперь уже против нас, а когда и говорили об этом прежде, то я полагал всегда, что нам необходимо иметь против Буковины по крайней мере 50 или 60 тысяч; теперь же у нас против нее только 20 тысяч.

Не думали, чтобы с Австрией теперь была Пруссия.

Мы думали, что у турок нет армии; оказывается, что армия их только по принятому плану не действует до присоединения к ней французских войск.

Думали, что у них нет хлеба; теперь положительно знаем, что Силистрия и вообще крепости их снабжены запасами на целый год.

Рассчитывали, что в Силистрии гарнизон никак не более 8 или 10 тысяч; теперь он увеличен до 20 тысяч и потому один, даже без посторонней

помощи, может долго держаться, тем более что крепость усилена девятью новыми фортами.

Думали, что в начале мая можем взять эту крепость; между тем только 28 апреля можем приступить к осаде; ибо, по представленным мне расчетам, оказывается: что осадная артиллерия может прийти к Силистрии 27 апреля; заряды могут быть привезены из Измаила 28-го; плоты, приготовляемые в Браилове, могут быть привезены к 26-му, мост около Силистрии может быть готов 28 апреля. Будучи в Гирсове, я остановил было постройку его и тем потерял, может быть, времени два дня, но никак не более; теперь послал генерал-адъютанта Коцебу осмотреть, в каком положении этот мост и когда именно будет совершенно готов.

Наконец, если даже мы возьмем Силистрию, то это не принесет нам много пользы, ибо должны будем оставить ее, когда в тылу будут австрийцы.

Перемена обстоятельств требует и изменения плана действий. Одного плана в войне держаться нельзя: он изменяется беспрерывно по slučajностям войны и движениям неприятеля.

Генерал-адъютант князь Горчаков, который и до моего приезда предполагал не осаждать Силистрии, но сделать движение к ней с той только целью, чтобы сохранить как можно долее в своих действиях вид чисто наступательный, в чем находил большие выгоды, теперь, как это видно из письма его к князю Долгорукову, того мнения, что движение к Силистрии несколько рискованно и что осаду теперь начать было бы невыгодно.

5) Что отвечать на приготовляемые нам вопросы.

Я осмелился сказать, что может быть, что, по всей вероятности, будет, если мы будем осаждать сию крепость; если даже не будем ее осаждать, но останемся на Дунае, не отступим за Серет и, при появлении австрийцев, за Прут. При таком положении, что отвечать на вопросы, приготовляемые Австрией и Пруссией.

Чего мы требовали от Турции для христиан, подвластных ей, то, и даже больше, она дала им уже. Стояли мы в княжествах только, чтобы принудить Турцию к тому, что ею ныне уже сделано. Правда, она сделала это не для нас, но для французов и англичан — своих союзников. Тем лучше: союзники станут, а может быть, и делаются уже ей ненавистнее и неприятеля, и если французы и англичане слишком долго будут оставаться у нее в гостях, — быть может, она к нам же прибегнет с просьбой о защите от них.

В настоящую минуту мы должны бы воспользоваться случаем и, не ожидая приготовляющихся нам вопросов, предупредить их, а для того: сообщить Австрии и Пруссии, что мы выходим из княжеств, предоставляя западным державам охранение обещанных им от Турции прав для подвластных ей христиан.

Если Австрия и Пруссия не успеют убедить Францию и Англию не трогать княжеств, тогда, по крайней мере, германские державы, видя, что мы соглашаемся на ее требования, не будут против нас.

Генерал-фельдмаршал князь Варшавский

**Всеподданнейшая записка князя Варшавского
от 19 мая 1854 года. Калараш. План кампании с июня 1854 года**

Государь Император изволил читать 27 мая.

Ваше Императорское Величество изволили писать мне, что Пруссия с нами теперь в дружественных отношениях; но об Австрии доходят отовсюду сведения, что она постоянно усиливает свои приготовления к войне и имеет уже теперь в полной готовности к военным действиям 200 тысяч войска в восточной части своей, в том числе 100 тысяч в Галиции. Пока она не объявит нам войны, я буду вполне держаться Высочайше начертанного мне плана и продолжать осаду Силистрии. Если же объявит, то план сей по необходимости должен быть дополнен, сообразно новым обстоятельствам.

На правом фланге мы имеем против австрийцев войска, под начальством графа Ридигера состоящие: 1-ю пехотную дивизию, направленную, по распоряжению его, в северную часть Литвы; я предписал ему возвратиться к Варшаве, если он не получил уже на то какого-нибудь нового повеления от В. В.; 2-ю дивизию, как я уже всеподданнейше докладывал, необходимо было бы на этот случай, заменив около Митавы другими войсками, привести также в Царство, на что и испрашиваю Высочайшего соизволения. Тогда мы будем иметь там семь дивизий пехоты и две кавалерии. Одну пехотную дивизию нужно оставить в Варшаве для содержания караулов; остальные шесть и две кавалерийские, всего 88 батальонов и 64 эскадрона, должно расположить в южной части Польши, против Лемберга и Кракова, о чем и дано уже предписание графу Ридигеру. Австрийцы, опасаясь, чтобы с этими силами мы не вышли им во фланг и в тыл, вероятно, не решатся вывести свои 100 тысяч из Галиции, а если бы и решились, то граф Ридигер мог бы разбить их.

В центре против Буковины, между Каменец-Подольским и Фокшанами, под начальством генерала Шабельского, сформирован отряд из 6-й пехотной дивизии, расположенной между Баксу и Батушанами, резервной бригады 11-й пехотной дивизии, 1-й драгунской, полки коей станут в Фокшанах, Текуче и Баксу, и двух кирасирских дивизий, которые я приказал разместить на тесных квартирах в окрестностях Новой Ушицы с тем, чтобы они имели возможность маневрировать по обоим берегам Днестра, т. е. или через Могилев и Бельцы идти навстречу австрийским войскам, если бы они вступили в Молдавию, или направиться к Каменцу, если бы они пошли в Подольскую губернию, и отступать на Брацлавль. Два батальона резервной бригады нужно будет оставить в Хотине, затем мы будем иметь тут 22 батальона и 78 эскадронов с двумя Донскими полками и одним Уральским.

¹ Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 9.

Для подкрепления этого отряда могут служить еще подвинутые к Лео-ово 2-я бригада 16-й пехотной и 1-я бригада 6-й легкой кавалерийской дивизии; но и с теми войсками было бы тут всего 30 батальонов и 94 эскадрона. Этим можно, конечно, задержать австрийцев на время, но никак нельзя остановить их, если они выйдут сюда со всеми войсками, которые они приготовили в Трансильвании, или даже и с резервом, который имеют в Песте.

Уланскую бригаду 6-й легкой кавалерийской дивизии, а не резервную уланскую дивизию, взял я у генерала Сакена потому, что, в случае сильного десанта, он был бы принужден, отступив, удерживать неприятеля и защищать весь край, причем кавалерия была бы ему весьма полезна. Конечно, если бы было мне известно заранее, что сильных десантов опасаться на Черном море нечего, то лучше бы взять к Лео-ову уланскую дивизию, оставив генералу Сакену только бригаду 6-й легкой кавалерийской, но таково затруднительное положение в оборонительной войне: везде должно быть готовым и везде принимать меры, из коих некоторые могут оказаться впоследствии ненужными.

На левом фланге австрийцы могут выйти из Германштадта или Кронштадта. Правый фланг Дунайской армии, отступив за Ольту, обеспечен от опасности, грозившей ему при выходе австрийцев из Германштадта. Для занятия выходов из Кронштадта, по полученному известию, что австрийцы собирают тут свои войска, я предполагал, как имел счастье докладывать во всеподданнейшем письме от 16 мая, направить в Плоешти бригаду пехоты и кавалерийский полк, — по всем соображениям не оказалось же возможности послать туда более как по одному полку пехоты и кавалерии. Этот отряд, конечно, не в состоянии остановить неприятеля и будет поставлен тут с той только целью, чтобы удержат его, пока отряд генерала Липранди, отряды из Руссе-де-Веде, Турно и Журжи успеют отойти до Бухареста; тогда и отряд этот отступит из Плоешти.

Продолжать в это время осаду Силистрии не будет возможности. Французы, соединясь с Омер-пашой, могут, по общему плану, стать тут против нас, а другой сильный турецкий отряд может в это же время перейти через Дунай из Рушука в Журжу, пойти к Ольтенице и даже к Слободзее, где у нас большие запасы. Кроме четырех дивизий, стоящих под Силистрией, других войск нет у нас тут до самой Исакии, на расстоянии 240 верст. Чтобы сохранить наши коммуникации, чтобы спасти наши магазины, мы поневоле должны будем оттянуть одну дивизию от Силистрии, а продолжать осаду с остальными тремя не можем, ибо должны ожидать тут против себя главную турецкую армию и французов.

Итак, пока австрийцы не объявят нам войны, я буду продолжать осаду Силистрии, если же объявят, то я полагаю сделать следующий маневр: снять осаду, отойти на правый берег, закрыться Дунаем, оставив для сего одну пехотную дивизию с частью кавалерии; остальные две дивизии соединив с одной, а может быть, и двумя дивизиями из Бухареста и собрав таким образом 4 дивизии пехоты с кавалерией, броситься с этими силами

на австрийцев, которых мы успеем, может быть, не только остановить, но и разбить, пока Дунай будет задерживать турок и французов. Не трогая войск под Силистрией, я не нахожу возможности извернуться в таких обстоятельствах; но ни в каком случае не трону их, однако же, пока австрийцы не выйдут против нас.

Генерал-фельдмаршал князь Варшавский

Приложение № 172¹

**Записка князя Горчакова от 1 июня 1854 года
на имя военного министра**

В весьма важных обстоятельствах, при коих я снова вступаю в командование войсками, считаю долгом изложить вашему сиятельству, какое направление, по моему соображению, было бы выгоднейшим дать нашим действиям, прося представить соображения эти на Высочайшее усмотрение Государя Императора.

Омер-паша стянул все свои силы к Шумле, даже бывшие в Малой Валахии; это доставляет ему возможность двинуться на меня по меньшей мере с 80 тысячами. Англичане высадились уже в Варне и готовятся к действию в поле, ибо привезли туда до 1000 лошадей. По частному сведению, сейчас полученному, до 18 тысяч французов и англичан стоят лагерем близ Варны, у селения Девно; главные силы французов, по последним сведениям, должны уже быть на походе к Балканам; наконец, из газет от 20 мая видно, что в военном совете союзных генералов положено ничего не предпринимать, доколе сухопутные союзные войска *не перейдут через Балканы*.

Из этого можно решительно заключить, что союзники намерены начать против нас сильные совокупные наступательные операции и что предпримут это, коль скоро снарядятся и запасутся несколько продовольствием.

По некоторым частным известиям, французы и турки должны двинуться от Шумлы прямо к Силистрии; англичане же, вероятно, в совокупности с турецким отрядом — через Базарджик тоже на Силистрию.

Итак, должно ожидать, что в довольно скором времени пойдет на нас не менее 120 тысяч, а может быть, и 150 тысяч войска, считая турецкое иррегулярное ополчение; правда, не все пойдут одним путем, но, вероятно, по двум или трем направлениям.

У нас под Силистрией сосредоточено 66 батальонов и 38 эскадронов, к ним до 6 июня присоединятся еще 4 батальона и 30 эскадронов 2-й драгунской дивизии — больше сосредоточить здесь войска невозможно.

Пребывание наше около Силистрии², кроме взятия этой крепости, если союзники дадут нам на это время, имеет двоякую выгоду:

¹ Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.

² Здесь в тексте сделана отметка рукой Николая I.

1) Наступательное положение наше, угрожающее союзникам, отвлекает их от предприятий посредством десантов.

2) Сосредоточение столь значительных сил на правом берегу Дуная заставляет их приближаться к оному с величайшей осмотрительностью и, следовательно, весьма тихо, — а это составляет диверсию для греков и поддерживает дух вражды к Порте христианских племен, но при сем я должен сказать, что племена эти вовсе не показывают готовности взяться серьезно за оружие; они молят Бога за Русского Царя, но жертвовать собой для успеха святого дела боятся и не хотят.

Чтобы извлечь возможную выгоду из настоящего положение нашего, кажется, нужно бы держаться следующего:

а) невзирая на трудности осады Силистрии, продолжать оную, доколе не будет получено положительного сведения, что весьма большие неприятельские силы идут на нас;

б) как скоро будет получено о том положительное известие, снять осаду (на что не нужно более суток) и приготовиться к действию в поле¹;

с) если неприятельские силы пойдут на нас несвязно, таким образом, что будут шансы разбить их порознь, то действовать против них поочередно на правом берегу Дуная, невзирая на невыгодное положение наше, заключающееся в том, что мы имеем позади себя большую реку и только два моста поблизости неприятельской крепости;

д) по разбитии неприятеля возобновить осаду Силистрии;

е) но если, напротив того, союзники, предприняв действия совокупно и благоразумно, с превосходящими силами своими будут приближаться к нам так, что, при невыгодном расположении нашем за рекой, шансы боя были бы преимущественно в их пользу, то в таком случае, не вступая в невыгодный для нас бой на правом берегу Дуная, перейти на левый с тем, чтобы неприятелей не перепустить за реку, или же нападать порознь на его отдели, по мере появления их на валахской стороне.

Когда же неприятель, изнуренный недостатком довольствия на Дунае и невыгодными боями при попытках утвердиться на левом берегу, будет ослаблен, тогда снова перейти к наступательным действиям, взять Силистрию и Рушук и зимовать с большей частью русских войск в западной Болгарии для распространения восстания, которое тогда — после поражения союзников — разовьется с большей силой;

ф) если будет предвидеться война с Австрией, то немедленно перейти на левый берег Дуная и отбиваться во все стороны, двумя или тремя массами, как можно.

Как действовать в подобном положении, заблаговременно в подробности начертать нельзя. Должно будет бить неприятеля где удастся, и где невозможно будет одолеть врагов, там с честью умирать.

¹ Здесь отметка Николая I: NB, т. е. нотабене (*лат.*), что означает «обратить особое внимание».

Верноподданническая присяга и глубокое убеждение мое, что эта система действий при настоящих обстоятельствах есть самая выгодная для успеха оружия Великого Государя нашего, поставляют меня долгом просить ваше сиятельство повергнуть вышеозначенные мысли мои на Высочайшее воззрение Его Императорского Величества.

Генерал-адъютант князь Горчаков

Приложение № 174

**Письмо Императора Николая I князю Варшавскому
от 6 (18) июня 1854 года. Александрия, близ Петергофа**

Сегодня утром испуган я был телеграфом из Вены, известившим меня о постигшем тебя, любезный отец-командир. Благодарю Бога, что не было худшего; позднее получил твое письмо и душевно благодарю, что успокоил меня среди твоих страданий, написав мне своей рукой. Ничего худшего для меня не могло, среди тяжких обстоятельств, случиться, как лишиться в это самое время твоей помощи! Молю Бога, чтобы возобновил тебя, елико можно, скорее, и для того умоляю тебя дать возможность лечению увенчаться успехом, быв сам спокойнее душой и не теряя терпения. Ты, верно, снабдил Горчакова подробным наставлением, как ему следует, по твоему мнению, действовать в разных предвиденных случаях. Нельзя не жалеть, что осада Силистрии, вместо обещанной скорой сдачи крепости, приняла столь невыгодный оборот. Нет сомнения, что ежели, действительно, оправдается, что Омер-паша так силен и еще усилился прибытием французских двух дивизий и одной английской в Варну, то нет вероятия, чтоб осада могла удалась, и тогда положение армии нашей за Дунаем будет *без пользы* опасным. Но лыщу себя надеждой, что, быть может, самонадеянность Омер-паши и союзников предоставит Горчакову случай их встретить в поле, где наша многочисленная артиллерия и кавалерия, кажется, нам предоставляет большую выгоду, тогда как у неприятеля артиллерии не много, а кавалерии еще менее.

Снять осаду будет нужно, думаю, ежели не будет уже никакой надежды скоро овладеть, а неприятель будет близок и в силах. Про Австрию нового ничего, кроме продолжения военных приготовлений. Я согласен, хотя нехотя, взять из Одессы последнюю бригаду 16-й дивизии и бригаду улан резервной дивизии на усиление твоего правого фланга, покуда дела не объяснятся; но я желал бы очень, чтоб нашлась возможность всю 16-ю дивизию собрать и вообще войска Шабельского, кроме кирасир, более сосредоточить, чтобы представить надежнейшую массу сил. Ежели осада Силистрии будет снята, думаю, что Горчакову, в ожидании, что будет с австрийцами, надо будет своей особой быть в центре всех сил, а Лидерсу поручить левый фланг. Можно бы Сакена тогда вытребовать к своему корпусу, а Анненков может его заменить в Одессе. Здесь ничего не было. По сведениям сего утра, весь огромный

флот — 30 кораблей — стоит у Паркалауда и свозил десант; в силах он не может быть, разве 6 полков или 3 тысячи, и я надеюсь, что г. Рокасовский их прогонит.

Хотя я согласился на желаемое тобой движение бригады 16-й дивизии и резервной уланской, но признаюсь, что при неизвестности еще, что предпримут союзники и куда обратятся их десанты, я бы весьма желал, чтобы ты не оголял еще более ни Одессы или Николаева, где уже ныне остаются только одни резервы, которым дела очень много, и, вероятно, скоро, после понесенных потерь, потребуются вновь отделять комплектование в действующие войска. Потому надо эти резервы беречь и сколько можно не тратить.

Ридигером я очень доволен; распоряжается по всем предметам прекрасно и взгляд правильный.

Жена сокрушается со мной о твоей контузии, и мы все здесь просим тебя настоятельно беречься. Чтобы Бог благословил твое скорое выздоровление, — об этом усердно молюсь! Да услышит нас Господь!

Обнимаю тебя душевно и навеки твой искренно доброжелательный

Николай.

Обними и благослови Горчакова. Бог милосердный да наставит его.

7/19. Сейчас прибыл твой фельдъегерь со вторым письмом и планом действий Горчакова и всеми прибавлениями. Я вполне одобряю его и разрешаю исполнить. Прибыл также флигель-адъютант короля прусского Мантейфель.

Король просит меня дать такой ответ императору австрийскому, который бы король мог принять или считать для себя удовлетворительным и чтобы объявить Австрии, что, считая его таковым, не видит причины к войне, а еще менее в участии в оной. Посмотрю, как это будет можно наладить.

Но, любезный отец-командир, сдав армию Горчакову, молю тебя при этих обстоятельствах не оставаться в Яссах, а поезжай в наши границы лечиться, где тебе удобнее, в Киеве или Гомеле. Кроме опасности быть настигнутым неприятелем, нет удобства больным оставаться среди военных действий и озабоченным всем, что происходит. Думаю, что и ты моего мнения. Когда Бог даст восстановиться в силах, тогда будешь опять на своем месте, ежели гроза над нами разгромается.

Бог с тобой и с нами.

**Письмо Императора Николая князю Варшавскому
от 9 (21) июня 1854 года. Из Александрии, близ Петергофа**

По данному обещанию спешу тебя уведомить, любезный отец-командир, о полученных сообщениях от короля прусского касательно австрийской ноты. Король приказал мне сказать чрез своих флигель-адъютантов: Мантейфеля *вчера*, а сегодня чрез воротившегося графа Мюнстера, что меня убедительно просит не резко отвечать австрийской ноте, дабы он, король, мог ответом сим быть удовлетворен и тогда объявить и Австрии, что находит, что за сим ответом еще менее повода Австрии начинать с нами войну, и что он в противном случае от них отказывается. Что император ему объявил, что будто положение его долее невыносимо *от готового бунта всего православного населения* по границе в Венгрии, Трансильвании и Галиции и что он *в одной войне* видит сему помеху, т. е. навыворот того, что мы и все верные его слуги ему предсказывают. Король сказал Мюнстеру, что буде австрийцы нас атакуют в княжествах, то он *желает и надеется*, что мы их хорошо *поколотим* и вгоним в дефиле; но что надеется, что мы далеко не будем их преследовать в их границах, ибо в таком случае австрийская монархия *падет* от неминуемого восстания разных ее частей и что быть может, что даже Венгрия в полном восстании *меня выберет в короли!* Но что, зная мой характер, он в полной надежде, что я остановлюсь вовремя, чтобы таких последствий не могло возродиться! Что его помощь хотя и обещана, но условно и что надо время, чтобы собрать и подвести войска. Что будто император австрийский *искренно* желает с нами примириться, ежели мы *согласимся на его предложения*. Из всего этого исходит: 1) что король желает, но не знает, как отвязаться от Австрии; 2) что мы мало имеем надежды сохранить мирные отношения с Австрией; 3) что король охотно видеть будет, ежели мы их разобьем и даже преследовать будем; 4) что, по всем вероятиям, с разгаром войны начнутся бунты в Австрии и что очень быть может, что единовверные нам к нам пристанут; 5) наконец, что Пруссия не будет торопиться помогать Австрии. Притом король уверяет, что австрийцы не посмеют атаковать наших границ. Вот и все.

Итак, план, Горчаковым предложенный и тобой одобренный, вполне отвечает сему положению дел. Быть готову, а при появлении австрийцев возможно большей массой действовать сильно на них.

Ежели они, действительно, будут так дерзки на это отважиться, то думаю, что *быстрый, как стрела*, натиск Ридигера на левый их фланг, т. е. на Лемберг, и скорое возвращение опять в наши пределы, в избранное расположение, заставят опомниться австрийцев гораздо прежде, чем пруссаки быть могут готовы стать им на помощь. Ответ Австрии велел готовить в смысле короля, т. е. учтивый, но не уступчивый, а достойный России.

¹ Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 9.

Этим отниму и последний предлог, что я не все сделал, что от меня зависело, чтобы удовлетворить желание короля.

В нетерпеливом ожидании нахожусь, как ты доехал до Ясс и куда решил ехать, чтобы спокойно вылечиться. Письмо это посылаю в копии Горчакову, ибо времени недостает писать вдвойне. Надеюсь, что при случае с помощью Божьей хорошо поколотим австрийцев за дерзость. Бог с тобой, любезный отец-командир, и дай Господи скоро узнать, что ты совершенно поправился.

Жена тебе кланяется, а я душевно обнимаю. Навеки твой искренно доброжелательный Николай.

Здесь нового ничего.

Приложение № 176¹

**Император Николай — графу Ридигеру
29 мая (10 июня) 1854 года**

Любезный Федор Васильевич. Хотя письмо мое от 24 мая (5 июня) предварило твое желание узнать взгляд мой на нынешнее положение дел и на ту цель, которая тебе вскоре предстоять может при вероятном разрыве с Австрией, повторю, однако, вкратце, что уже тебе писал, но не с тем, чтобы сколько-нибудь связывать тебя *в полной свободе действовать по твоему усмотрению и по ходу обстоятельств*. Стеснять тебя или подробно предписывать я отнюдь не намерен.

Надо полагать, что доколь *мы* не будем атаковать пределов Австрии, Пруссия нас не тронет. Идучи от сей основной мысли, я нахожу, что левый берег Вислы *мы защищать не должны и не можем*. Число войск, тебе подчиненных, сего не позволяет; *бросить* же сию часть царства *до вторжения австрийцев* не желаю, а полагаю довольствоваться *занятием ее казаками, с одной или двумя казачьими батареями*, с тем чтобы край удерживать в порядке *до последней возможности*, а в крайности отступить пред вторгшимся неприятелем на Варшаву и Ивангород. Затем 2-й корпус иметь близ Люблина, прикрывшись крепостью Замосць, правый фланг упереть в Вислу. На сей реке у нас *3 крепости*; сего достаточно, чтобы надолго обеспечить твой правый фланг; а мостовые прикрытия дают *полную возможность маневрировать даже и на левом берегу*. Затем, весь гренадерский корпус *я бы полагал держать в резерве в Варшаве*. Стоя таким образом, сомнительно, чтобы австрийцы отважились проникнуть в Волынь, а ежели и решились бы на это, ты угрожать будешь их левому флангу, имея за собой и на твоём левом фланге опорным пунктом крепость Брест-Литовск. Всякое же разъединенное наступление, в одно время на Волынь и на Варшаву, может тебе дать случай, *перейдя в короткие наступательные действия и собрав главные силы к более угро-*

¹ Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 51.

жаемому пункту, разбить врага и воротиться опять в крепкое твое расположение. Так понимаю я предстоящее нам.

Для большей уверенности считаю я нужным *теперь же* устроить другой мост на Висле, у *цитадели*, или ежели сего скоро сделать нельзя, то *перевести мост от Праги к форту Словицкому*, дабы во всяком случае *переправа была в наших руках и обеспечена.*

Ты хорошо сделал, что к резервной бригаде 6-й дивизии хочешь присоединить в гарнизон Новогеоргиевска и всю 3-ю дивизию; это и я считаю очень нужным, доколь вполне не *будем успокоены насчет нейтралитета Пруссии*. Дай Бог, чтобы он состоялся и после повешенного тобой сейчас свидания императора с королем прусским в Тешене. Ежели с этой стороны *будем спокойны*, тогда я думаю, что хоть часть 3-й дивизии можно будет взять к тебе в главные силы.

Брать что-либо из Литвы и Курляндии я никак не могу покуда решиться.

Наконец, ежели бы и Пруссия обратилась *против нас*, тогда, снабдив крепости на 6 месяцев или более всем нужным и усилив гарнизоны, *ты отступишь за Брест, защищая Бобруйское шоссе*, и будешь там удерживаться до крайней возможности, а сильный арьергард казаков с Кузнецовым бросишь на дорогу к Киеву, чтобы задерживать и тревожить фланг австрийцев. Тогда все остальные части 1-го корпуса отведем левым флангом назад за *Динабург*, и тогда поведу отсюда все, что можно, куда булышая опасность угрожать будет, и сам пойду, а из Москвы двину, что можно будет, на Бобруйск, тебе на помощь.

Верить не могу, чтобы могло до того дойти; но ежели бы и было так, то приму волю Божию с покорностью; но унывать не буду и, полагая всю надежду на Его милосердие, употреблю все усилия на защиту Отечества или сложу голову вместе с вами, но не дам осрамить России, и умрем с честью.

Вот тебе покуда все. Копию с этого письма посылаю и князю Варшавскому, дабы не произошло каких-либо противоречий в предположениях его с моими на этом дальнем расстоянии.

Употребь все усилия исправить здоровье войск и не щади ничего, чтобы поправить его лучшей пищей или прибавкой водки, не позволяя их мучить, и учить с умеренностью.

Да хранит вас Господь; время трудное, но грешно бы унывать, а тебя я знаю, твой пример отдастся и на подчиненных,— я спокойно жду, *что Бог определит*. Обнимаю.

Приложение № 179

Мнение гр. Ридигера на записки Жомини от 15 и 17 июня 1854 года

Милостивый государь князь Василий Андреевич!

Я имел честь получить препровожденные ко мне вашим сиятельством, по Высочайшему повелению, для соображения две записки, составленные генерал-адъютантом бароном Жомини.

Рассмотрев их со вниманием, я нахожу, что они заключают в себе более политический, нежели военный взгляд на теперешнее состояние России. Не отвергая справедливости многих замечаний и в особенности рассуждений генерала Жомини о сравнительном положении нашей западной границы против 1812 года и которых истина без сомнения неоспорима, я не разделяю, однако же, вполне предположения его к образованию трех армий с сильным резервом, что составило бы почти четыре армии, в связи между собой, хотя предназначенные на разные театры действий.

Оборонять всю западную границу, от Черного моря до Балтийского, на столь огромном пространстве, конечно, невозможно и послужило бы скорее ко вреду, нежели пользе, вовлекая нас в ошибочную кордонную систему.

Обращаясь собственно к очерку действий, изложенному генералом Жомини в приложении к записке, под заглавием «*Esquisses stratégiques*», я нахожу в нем более практических и применимых к делу мыслей. Оборонительные средства нашей армии на Висле обсуждены довольно верно; предположение же образовать особый наблюдательный корпус против северной части прусской границы подтверждает мои личные в том убеждения, как я имел честь изложить их в письме моем от 12 июня, с той только разницей, что я почитал бы нужным иметь его в более сильном составе, нежели генерал Жомини, и не менее как в 50 тысяч человек, расположив его преимущественно по линии Немана в Ковенской и Виленской губерниях. Мэру эту я признаю полезной в том внимании, что хотя Пруссия и не внушает нам в настоящую минуту особенных опасений, но при важности теперешних обстоятельств, при сложности условий союза от 20 апреля, связывающего ее с Австрией, и, наконец, при случайностях, которые трудно предвидеть, нельзя ручаться, чтобы положение этой державы силой событий не изменилось внезапно. Если к тому присовокупить военное устройство этого государства, сеть железных дорог, его покрывающих, и возможность с помощью их сосредоточить с крайней быстротой большое число войск против нашей границы, между тем как мы не в состоянии противопоставить никаких подобных способов, при огромных расстояниях от сосредоточения наших главных резервов, то нельзя не убедиться, сколь важно было бы ускорить этой мерой. Допуская даже, что Пруссия не обнажила бы против нас меча и мы вынуждены были вступить в дело с одной Австрией, то и тогда обеспечение правого фланга армии, расположенной в Царстве Польском, принесло бы очевидную пользу, дав возможность с большей уверенностью действовать наступательно вне пределов Царства и в то же время наблюдать за действиями Пруссии.

Следовательно, как в том, так и в другом предположении безотлагательное образование этого вспомогательного корпуса послужило бы нам более верным залогом успеха, в случае могущих предстоять военных действий на западной границе.

В рескрипте, коим имел я счастье быть удостоенным Государем Императором, выражена надежда присоединить сюда же, не далее как через пять недель, все полки 1-й пехотной дивизии. При этом не скрою от вашего сиятельства, сколь желательно было бы для меня увеличить также число находящейся здесь кавалерии, которое ограничивается всего двумя дивизиями, между тем как, по имеющимся сведениям, в Галиции сосредоточивается кавалерийский корпус из 16 полков, что в случае действий, при условии открытой местности в Галиции, могло бы дать им превосходство в этом роде оружия. Направление 1-й бригады 1-й легкой кавалерийской дивизии к Варшаве удовлетворило бы отчасти этой цели, не ослабив способов обороны Курляндии; там оставалась бы еще гусарская бригада той же дивизии, из которой один полк можно было бы оставить в Курляндии, а другой расположить в Ковенской губернии, коих, по моему мнению, было бы совершенно достаточно для охранения края, ибо трудно предположить, чтобы неприятель решил произвести десант, в особенности к концу лета, и старался утвердиться в таком крае, который представляет мало средств к содержанию войск.

Сверх того, усматривая, что Его Величество изволит полагать заменить резервами 2-ю пехотную дивизию, я почитал бы присоединение оной к прочим частям своего корпуса во всех отношениях полезным. Усиление армии, сверх крепостных гарнизонов, свободными частями для действий в поле тем более необходимо, что, в случае наступательного движения против австрийцев, должно будет отделить сильные отряды по направлению к Кракову и Карпатам, дабы вернее пересечь сообщения с могущими подоспеть в Галицию подкреплениями, и что могло бы неизбежно ослабить наши главные силы, предназначенные для нанесения быстрого и решительного удара.

В заключение долгом считаю присовокупить вашему сиятельству, что с прибытием сюда 1-й пехотной дивизии мне казалось бы более соответственным, чтобы генерал Сиверс находился с корпусным штабом при главной части своих войск в Царстве Польском для ближайшего наблюдения за оными, и в случае, если Его Величеству благоугодно будет одобрить таковое предположение, то для командования войсками в Курляндии, где будет оставаться незначительная часть 1-го корпуса, можно было бы избрать другого генерала.

Ожидая по всем изложенным предметам дальнейших повелений Его Императорского Величества, я покорнейше прошу ваше сиятельство принять уверение в чувствах истинного почтения и беспредельной моей преданности.

25 июня 1854 года, г. Варшава

**Всеподданнейшее письмо князя Варшавского
от 10 (22) июня 1854 года, из г. Яссы²**

Всемилоостивейший Государь!

Принимаю смелость сказать несколько слов о настоящем нашем положении³. Не я буду выигрывать сражения, не я буду командовать армией: ибо мое здоровье расстроено; силы меня оставляют, и долго еще, может быть, не буду я в состоянии сесть на лошадь; но я всю жизнь провел на войне, поневоле приобрел опытность; рассматривая карту, не могу не видеть нашего положения, а видя опасность армии, от сохранения которой зависит спасение отечества, — почитал бы себя преступным, если бы осмелился не представить о том Вашему Императорскому Величеству. Может быть, мой взгляд покажется преувеличенным; может быть, буду иметь несчастье заслужить гнев Вашего Величества, но думаю, что смелость мне будет прощена, потому что не личные мои выгоды или расчеты мною руководствуют, но одно усердие и преданность Вашему Величеству.

Припадаю к ногам и проч.

Князь Варшавский граф Паскевич-Эриванский

**Всеподданнейшая записка⁵ князя Варшавского
от 10 (22) июня 1854 года из г. Яссы**

Войска наши, перейдя на левый берег Дуная, вышли из той опасности, в которую ставило их невыгодное положение под Силистрией. Сосредоточиваясь у Плоешти и Бузео, линия наша сокращается и правый фланг обеспечивает, по крайней мере, на случай выхода австрийцев в Валахию из Германштадта.

¹ Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.

² Государь император изволил отвечать 18 июня.

³ Здесь на полях документа сделана собственноручная государя императора отметка для военного министра:

«Кроме этого письма и приложенных бумаг, я ничего не получал; по смыслу записки полагать должно, что осада Силистрии снята и армия перешла на левый берег Дуная; но я ничего от Горчакова, стало быть, из армии не получил. Имеешь ли ты?»

⁴ Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 60.

⁵ На записке написано карандашом:

План этот почти согласен с моими собственными мыслями.

18 июня 1854 г.

Князь Долгоруков

Об этом писано Его Величеством князю Варшавскому лично.

Но, приехав сюда, узнал я, что выходы из гор в Молдавию, которые мы считали непроходимыми, представляют несколько дорог, удобных для колес, так что австрийцы могут выйти во фланг и тыл наших позиций везде, начиная от Кронштадта, из Трансильвании, Буковины и Галиции, на протяжении 250 верст.

Для сокращения сей опасности я сделал между прочим следующие распоряжения:

1) В Окнах и Фокшанах поставлены бригада 16-й пехотной и бригада 6-й легкой кавалерийской дивизии.

2) В Бырлате и далее к Аджут-Ногу направляются из Бендер: другая бригада 16-й пехотной и бригада резервной уланской дивизии, но, может, меры сии будут недостаточны, ибо, судя по приготовлениям Австрии, предполагать должно, что она если решится объявить нам войну, то будет действовать в больших силах.

Австрия, как известно, готова будет к 4 июля нового стиля. Она собрала в Трансильвании, Венгрии, Буковине и Галиции до 180 тысяч войск. Я считал, что гр. Ридигер может содействовать правому флангу Дунайских войск, удерживая Галицийский корпус, но войска его, расположенные на южной границе Польши, по малочисленности сами могут легко быть удержаны корпусом Шлика, а весь Галицийский корпус, до 45 тысяч, может быть брошен во фланг и тыл Дунайской армии.

Итак, предполагая, что Австрия выйдет против нас из Трансильвании со 100 тысячами, войска князя Горчакова будут иметь против себя до 150 тысяч австрийцев, а в тылу до 120 тысяч турок и 70 тысяч англичан и французов¹. наших же войск всего 170 тысяч на протяжении более 700 верст от Тарнополя до Плоешти.

Если бы армия наша оставалась на позиции между Плоешти и Бузео и решилась бы тут принять сражение, то или нашлась бы в невыгодном положении, имея за собой три реки, или во всяком случае была бы задержана, если бы неприятель вздумал отступить, а между тем австрийцы, выйдя чрез Окна на Фокшаны или Бырлат, успели бы уничтожить наши запасы хлеба и пороха, истребить мосты на Серете и Пруте и отрезать нашей армии всякую возможность к отступлению, прикрываясь сами двумя реками. Если бы они вышли даже там временно, то им достаточно 24 часов для того, чтобы разорить все у нас в тылу.

Окруженная со всех сторон, лишаясь магазинов и стесненная на переправах, армия будет в страшном положении. Потеря же армии была бы гибельна для России.

В сих обстоятельствах жертвовать армией я считаю делом пагубным.

Сии случайности войны были предвидены, и решено было Вашим Величеством, когда Австрия объявит нам войну, отойти за Серет. В сем расположении одна лишь окончность нашего правого фланга может быть

¹ Собственной Его Величества рукой написано карандашом: «Откуда взялись?»

обойдена австрийцами из Черновиц и Тарнополя, но позиция наша будет достаточно сильна, если мы поставим на правом нашем фланге 2 или 2 $\frac{1}{2}$ дивизии пехоты с сильной кавалерией; на левом фланге также две дивизии, под командой Лидерса, а в центре будем иметь 5 дивизий.

Итак, я бы смел предложить следующий план:

1) Может быть, что меры, принятые для того, чтобы остановить выход австрийцев на Окна, будут достаточны для из удержания, и они или вовсе не решатся выйти на Окна, или мы будем в состоянии дать им отпор.

В таком случае, отводя войска их Валахии к Плоешти и Бузео, я бы полагал со своей стороны удобным: оставив в сих пунктах только передовые сильные отряды, по удобству местоположения, расположить войска между Бузео и Рымником, устроив 5 или 6 переправ в Фокшанах и на Серете, и выжидать, предпримут ли австрийцы обход нашей линии чрез горы на Окна. Если мы удостоверимся, что австрийцы с сей стороны, т. е. из Кронштадта и Быстрицы на Окна и из Черновиц и Быстрицы на Батушаны и Фальтичени, ничего не предпримут, — а неприятель будет преследовать нас со стороны Валахии, то мы можем обратиться в наступление и опрокинуть ту часть, которая ближе подойдет к нам.

Если же, напротив, неприятель преследовал бы нас и в то же время австрийцы находились в возможности обойти нас с правого фланга и выйти в тыл нам, тогда бы я полагал необходимым принять те меры, кои утверждены были в С.-Петербурге, и потому:

2) отойти за Серет и оставаться в выжидательном положении.

Неприятель, не имея магазинов, принужден будет остановиться. Если какая-либо часть его выдвинется слишком далеко, то мы должны стараться разбить ее отдельно, пользуясь каждой ошибкой неприятеля.

3) Если же австрийцы вздумали бы и здесь обойти наш правый фланг, на что, однако, потребно время и для чего они должны будут ослабить свой центр, и если бы все соединенные силы турок, англичан, французов и австрийцев заставили нас оставить Серет, то мы отступаем за Прут и повторяем тот же маневр; позиция же за Прутом представляет те же и более выгод, как и за Серетом.

Таким образом, думаю я, пройдут июль и половина августа, ибо неприятель не может действовать быстро.

Так мы маневрировали в 1812 году и потому только сохранили армию, что отошли, не давая сражения.

Но все это я представляю в самом счастливом предположении, что ни одной ошибки мы не сделаем и ни одна наша часть не будет нигде разбита. Нельзя, конечно, ожидать, чтобы генералы, из коих иные, никогда не выдавшие войны, но командующие отдельными частями войск, были в войне все хороши. Чтобы счастливо отойти, надо много условий: в войне оборонительной надо быть везде готовыми, следовательно, везде иметь магазины и запасы пороха, не зная еще, где должны будем маневрировать

и где принять сражение, и необходимо иметь резервы, которые бы вовремя поспедали.

Видя необходимость принять неотлагательные меры, я между тем в смысле своих предположений писал уже князю Горчакову и требовал его мнения¹.

Генерал-фельдмаршал князь Варшавский

Приложение № 184²

**Распределение военно-временных госпиталей в Дунайской армии
к 10 июля 1854 года**

В Бухаресте

№ 1 (с 13 августа 1853 года по 19 июня 1854 года)

№ 2 (с 27 апреля по 16 июня 1854 года)

№ 17 (с 16 сентября 1853 года по 17 июня 1854 года)

В Калараше

№ 5 (с 1 июня по 29 июня 1854 года)

№ 24 (с 1 мая по 30 июня 1854 года)

№ 28 (с 14 мая по 21 июня 1854 года)

В Одобешти

№ 12 (с 27 мая по 3 августа 1854 года)

№ 27 (с 30 мая по 3 августа 1854 года)

В Чарое

№ 7 (с 10 мая по 28 июня 1854 года)

В Бузео

№ 3 (с 16 сентября 1853 года по 29 июня 1854 года)

№ 20 (с 5 мая по 24 июня 1854 года)

В Браилове

№ 9 (с 3 декабря 1853 года по 1 августа 1854 года)

№ 13 (с 1 апреля по 6 августа 1854 года)

№ 23 (с 11 июня по 6 июля 1854 года)

В Галаце

№ 4 (с 8 марта по 19 августа 1854 года)

№ 14 (с 8 марта по 21 августа 1854 года)

№ 18 (с 7 марта по 12 августа 1854 года)

В Фокшанах

№ 10 (с 1 июня 1853 года по 16 августа 1854 года)

В Бырлате

№ 26 (с 1 июня по 16 августа 1854 года)

¹ Собственноручно Его Величеством отмечено карандашом: «NB».

² Затлер. О госпиталях, приложение № 23.

В Яссах

№ 16 (с 22 ноября 1853 года по 8 августа 1854 года)

№ 35 (с 10 мая по 13 августа 1854 года)

В Рени

В Леове

по одному

В Скулянах

№ 8 был в пути из Плоешти в Галац.

№ 6 был в пути из Слатина в Бухарест.

№ 25 был в пути из Калараша в Гурбанешти.

Временно был открыт (с 15 июня по 22 августа) № 11 в Бырлате.

Общее расположение всех запасов к 2 сентября 1854 года¹

Пункты	Магазины	Артиллерийские склады и парки	Госпитали
По реке Пруту и Дунаю			
Скуляны	Временный провиантский	—	Воен.-врем. полугосп.
Леово	Временный провиантский	Депо; временный склад	Воен.-врем. полугосп.
Кагул	Провиантский	—	Постоянный полугосп.
Водолуй—Исакчи	Временный провиантский	—	—
Болград	—	—	Воен.-врем. № 23
Рени	Провиантский	—	—
Измаил	Постоянный провиантский	3 местных парка: 5-е и 6-е отд. осадного парка № 2	Постоянный госп.; воен.-врем. № 13
Кишия	Постоянный провиантский	—	Постоянный госп.
На Приднестровской базе			
Фрамполь	Провиантский	—	—
Каменецк-Подольский	Постоянный провиантский	—	Постоянный госп.
Хотин	Постоянный провиантский	3 местных парка	Постоянный полугосп.
Старая-Ушица	Провиантский	—	—
Бричаны	Провиантский	—	—
Могилев	Провиантский	—	—
Ямполь	—	—	Воен.-врем. № 1
Ольшанка	—	—	Госп. воен. посел.

Пункты	Магазины	Артиллерийские склады и парки	Госпитали
На Приднепровской базе			
Белыы	Постоянный провиантский	—	Постоянный госп.
Балта	Постоянный провиантский	—	Воен.-врем. № 2
Ананьев	Провиантский	—	—
Шараево	Военный магазин	—	—
Жеребково	Временный магазин	—	—
Дубоссары	Провиантский	Промеж. склад, депо	Воен.-врем. № 28
Кишинев	Постоянный провиантский	Промежут. на 3 местных парка	Постоянный госп.
Бендеры	Постоянный провиантский	3 местных парка	Пост. и подвижной № 6
Тирасполь	Постоянный провиантский	Склад, 7-е и 8-е отд. осадного парка № 2	
Аккерман	Провиантский	—	Воен.-врем.
Одесса	Постоянный провиантский	Склад	Постоянный и врем. № 5
По р. Буг и в северной части Таврической губернии			
Проскуров	Постоянный провиантский	—	—
Межибужье	—	—	Госп. воен. посел.
Летичев	Постоянный провиантский	—	—
Винница	Постоянный провиантский	—	—
Немиров	—	—	Воен.-врем
Липовцы	Провиантский	—	—
Брацлав	Провиантский	—	—
Гансин	Провиантский	—	—
Тульчин	Провиантский	Промеж. на 6 местных парков	Пост. и воен.-врем.
Людзин	—	—	Госп. воен. посел.

Пункты	Магазины	Артиллерийские склады и парки	Госпитали
По р. Буг и в северной части Таврической губернии			
Ольвиополь	Провиантский	—	Госп. воен. посел.
Вознесенск	Провиантский	—	Госп. воен. посел.
Новая Одесса	—	—	Госп. воен. посел.
Николаев	Постоянный провиантский	Склады	Постоянный госп.
Кинбурн	Постоянный провиантский	—	Постоянный госп.
Херсон	Постоянный провиантский	3 местных парка; склад оружия	Постоянный госп.
Алешки	Провиантский	—	—
Казацкое	Провиантский	—	—
Каховка	Провиантский	—	—
Перекоп	Провиантский	—	Воен.-врем.
Геническ	Провиантский	—	—
Знаменка	Провиантский	—	—
Мелиполь	Провиантский	—	—
Бердянск	Провиантский	—	—
На Крымском полуострове			
Севастополь	Постоянный провиантский	3 местных и 1/2 подвижного № 8	2 постоянных и 4 воен.-врем.
Симферополь	Постоянный провиантский	—	Воен.-врем.
Евпатория	Провиантский	—	—
Балаклава	Провиантский	—	—
Ялта	Провиантский	—	—
Карасубазар	Провиантский	—	—
Феодосия	Провиантский	Склад	Воен.-врем.

Пункты	Магазины	Артиллерийские склады и парки	Госпитали
На Крымском полуострове			
Арабат	—	Склад	—
Керчь	Провиантский	Склад	Воен.-врем.
Еникале	Провиантский	—	—
В Волынской губернии			
Житомир	Постоянный провиантский	—	—
В Киевской губернии			
Киев	Постоянный провиантский	Местные парки; склады; арсенал	Постоянный госп.
Васильков	Провиантский	—	—
Радомысл	Провиантский	—	—
Бердичев	Провиантский	—	—
Сквира	Провиантский	—	—
Умань	Провиантский	—	Госп. воен. посел.
Чигирин	Провиантский	—	—
Богуслав	Провиантский	—	—
Тараща	Провиантский	—	—

¹ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. № 3594, приказ по 3, 4 и 5-му корпусам от 19 сентября 1854 г., № 300; Архив воен. уч. ком., д. № 4262, и Архив канц. Воен. мин., 1853 г., д. № 19.

Примечание. Провиантские магазины:

в *Полтавской губернии* — Переяслав, Золотоноша, Кременчуг, Прилуки, Пирятин, Лубны, Лохвица, Ромны, Кобеляки, Зеньково, Полтава и Константинополь;

в *Херсонской губернии* — Красноселье, Новомиргород, Елисаветград, Ново-Буг, Александрия;

в *Екатеринославской губернии* — Екатеринослав, Верхнеднепровск, Новомосковск, Александровск, Павлоград, Бахмут, Славяносербск, Бердянск, Мариуполь, Таганрог и Ростов;

в *Харьковской губернии* — Харьков, Чугуев, Славянск, Лебедин, Ново-Серпухов и Ново-Борисоглебск.

Главнейшие пути, по которым следовали транспорты и пункты ночлегов на дорогах, означены на карте¹.

Приложение № 186²

**Всеподданнейшее письмо князя Воронцова
от 18 (30) января 1854 года. Тифлис**

Пометка государя: «Весьма неутешительно».

Я имел счастье получить с полковником Скобелевым милостивое письмо Вашего Императорского Величества от 2 января и спешу отвечать на разные пункты оною, сколько можно положительнее; хоть насчет некоторых из важнейших подробностей мне необходимо видеться с князем Бибутовым, которого я жду завтра или послезавтра сюда, и по свиданию с ним представлю всеподданнейше все то, что теперь я, без свидания с ним, совершенно объяснить не могу и более всего положительное мнение, требуемое Вами, Всемилостивейший Государь, насчет направления и образа действий наступательной войны в будущую кампанию, когда с Божьей помощью нам можно будет взять Карс и Арзерум и занять Ардаган. Теперь же позвольте мне, Всемилостивейший Государь, отвечать Вам и представить всеподданнейше мысли мои насчет главного для нас вопроса, от которого зависит не только образ наших действий вообще по здешнему краю, но, может быть, и безопасность оною вообще, и самые способы для наступательных действий в даль, в Малую Азию. Этот вопрос есть: точно ли Англия и Франция будут более или менее в нашей войне с турками нейтральны или будут они с нами в явной войне? Я все-таки остаюсь в надежде и молю Бога, чтобы этого последнего случая не было, но по входу их эскадр в Черное море и по тому, что Ваше Императорское Величество изволите мне писать, можно ожидать худшего. Первое действие таковой войны будет немедленная потеря почти всех наших укреплений на восточном берегу, и я уже не вижу возможности спасения гарни-

¹ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., д. №3494, 3595, 3605 и 3614—7.

² Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 73.

знов оных, ибо наш флот не будет в состоянии даже показаться в море, а все гарнизоны этих укреплений от Новороссийска или, может быть, от Геленжика до границы Абхазии не имеют никакого отступления. О таком последствии ужасно даже и думать. Одна надежда на Бога и на Вас, Всемилостивейший Государь, что до такого явного разрыва между нами и западными морскими державами Вы не допустите, как я осмелился и прежде один раз написать, хотя бы с некоторыми маловажными изменениями в переговорах для замирения¹. Больно мне как русскому и как русскому, совершенно преданному Вам, Всемилостивейший Государь, говорить о некоторых уступках в справедливых требованиях, прежде объявленных (?)², но, по верноподданническому долгу, я должен сказать, что потеря, и варварская потеря, с истреблением гарнизонов укреплений наших на восточном берегу, вполне заслуживает некоторых пожертвований. Россия слишком сильна, чтобы бояться кого-нибудь на сухом пути. Балтийские берега и Кронштадт могут быть защищены; но в Черном море против сильных неприятельских флотов защиты нет, и падение всего, что мы имеем на этом берегу, даже при сохранении, может быть, Новороссийска, будет иметь самое пагубное следствие (?) для могущества России на Кавказе и для влияния России в Европе. Сначала мы думали иметь дело только с турками, и это бы не представило ни больших опасностей, ни больших затруднений и при искреннем содействии европейских держав Турции и при соображениях и условиях, требуемых от нас европейскими державами насчет кондиции будущего мира; но ежели Англия и Франция явно нам объявят войну, то не только гибнет наш восточный берег и вообще мысль о влиянии нашем и могуществе на Кавказе; но ежели неприятельские флоты примутся действовать сильно, то и самые наши наступательные действия в Малой Азии будут несравненно труднее, не говоря уже о шатках наших сношениях с Персией, ибо, в случае разрыва там, главные наши силы против Карса и далее не могут не быть уменьшены. Ваше Императорское Величество сами изволите мне говорить о возможности французам или англичанам сделать сильный десант в Мингрелии; это для них легко, ибо для завладения или, лучше сказать, истребления наших укреплений на черкесских берегах немного надо силы и довольно одного турецкого флота, как скоро наш флот заперт в Севастополе. Я не смею спорить о том, что, как Ваше Величество изволите объяснять, действия неприятеля в Мингрелии будут весьма трудны, по многим причинам, но действия их на Абхазию будут гораздо легче, и народонаселение Абхазии, ни в чем не похожее в воинственном духе на гурийское, имеретинское и даже мингрельское, не даст нам никакой помощи, а, при появлении сильного неприятеля и при вторжении к ним Черкесских племен, непременно восстанет, хотя номинально, против

¹ Здесь и далее выделено Николаем I.

² Здесь и далее курсивом в скобках приведены пометы Николая I на полях письма.

нас. (NB) Цебельда еще более должна явиться в числе наших неприятелей. Во всяком случае, как скоро сильный десант будет делаться или ожидаться в Мингрелии в то же самое время, когда Гурия будет сильно атакована турецкими войсками, беспрестанно там усиливающимися, будет необходимо для нас усилить войска, теперь находящиеся в Гурии, и резервы для оных, а этого нельзя сделать иначе, как с ослаблением главного действующего отряда и, следственно, с уменьшением надежд на большие успехи в Малой Азии. С душевным сокрушением говорю я все это, Всемилостивейший Государь. Я, может быть, ошибаюсь, и дай Бог, чтобы я ошибся, но я не могу не предвидеть всего того, что я здесь излагаю, и мой священный долг есть говорить Вам то, что я по совести полагаю за правду, даже с опасением сделать Вам тем неудовольствие, и опять всеподданнейше повторяю, и как выше сказано, дай Бог ошибочно, что для сохранения не только могущества, но и доброго имени России в здешней стороне необходимо, ежели только возможно, не допустить до разрыва с западными морскими державами, которые, не рискуя ничем, могут сделать нам здесь самый ужасный вред, пагубным последствиям которого нельзя предвидеть ни пределов, ни конца. (NB) Смею также думать, что морская победа под Синопом и блистательные дела около Ахалцыха и за Арпачаем могут покрыть нашу честь и показать Европе и самим туркам, что не страх их оружия заставляет Вас, Всемилостивейший Государь, согласиться на некоторые не важные уступки, (???), а одно только желание прекратить войну, столь вредную для обеих сторон и столь опасную для всей Европы по сильному возбуждению от оной революционного духа, ожидающего от этой войны столько пользы, столько общего беспокойствия, столько общих несчастий. Еще раз прошу прощения за столь откровенное и, может, неприятное объяснение, но я считал непременно долгом прежде выезда моего отселе сказать Вам все, что лежит на душе моей и в чем я, по крайнему моему разумению, удостоверился, хотя, опять скажу, может быть, ошибочно, по всем обстоятельствам самого дела и по знанию моему здешнего края.

Во исполнение воли Вашей я занимаюсь и займусь без потери времени изложением на бумаге для генерала Реада мыслей моих для управления здесь в моем отсутствии как по военной, так и по гражданской части; также и виды по военной части для внутренней защиты края по обоим сторонам главного хребта Кавказских гор. Что могу начертать о мнении моем для предстоящей кампании против турок, будет мною представлено Вашему Императорскому Величеству на днях, ибо князя Бебутова, с которым я должен иметь об этом разговор, я жду здесь завтра или послезавтра.

Насчет защиты края на северной покатости я смею думать, что мы в большой мере там обеспечены присутствием посланной дивизии, с размещением оной от Георгиевска до Владикавказа, на что я получил Высочайшее разрешение. Я надеюсь, что мы обойдемся без той меры, о которой я прежде писал, т. е. заменить резервной дивизией несколько батальонов 19-пехотной, ибо в этом перемещении, хотя бы временном, я нахожу

много неудобств, а для размещения резервной дивизии, более согласно с видами и желаниями Вашего Императорского Величества и с постоянным употреблением и пользой оной, я полагаю сделать следующие распоряжения: назначить дивизионную квартиру и два батальона в Георгиевске, два батальона той же бригады в Пятигорске, два батальона в Екатеринограде и два батальона той же бригады с бригадным штабом в Ардоне, четыре батальона с бригадным штабом во Владикавказе, а остающиеся два батальона той же дивизии в Нальчике. Некоторые малозначачие перемены в сей дислокации, если найдутся полезными, могут быть сделаны по соглашению с начальником дивизии генералом Варпаховским. Смею думать, что такое размещение этих 14 батальонов совершенно обеспечит, по желанию Вашему, Всемилостивейший государь (хотя эти батальоны в очень слабом составе), не только военно-грузинскую дорогу, но и Большую Кабарду и Кисловодскую линию; ибо без всякого употребления, кроме собственной защиты, батальонов резервной дивизии вся 19-я дивизия и отчасти вторая бригада 20-й останутся совершенно свободными для всякого сбора и действий против покушений как Шамиля на левый фланг и Владикавказский округ, так и Магомета Эмина на правый фланг, Кабарду, Верхнюю Кубань и даже Карачай. Что же касается до восточного берега, то, как я выше сказал, мы не имеем никаких средств помогать оному сухопутно, и судьба оного зависит от положения нашего флота и политических обстоятельств.

Насчет выбора генерала для командования действующим корпусом в случае, чего Боже сохрани, болезни или раны князя Бебутова я должен, отдавая всю справедливость военным достоинствам генерала Лидерса, сказать, что я полагаю совершенно для того способным находящегося здесь под рукой генерал-адъютанта князя Барятинского, должность которого при генерале Реаде можно временно поручить генерал-майору Индрениюсу. Военные достоинства князя Барятинского здесь всем и, смею думать, Вашему Императорскому Величеству известны; он приобрел большой опыт и в военном деле вообще и в познании края и пользуется общей доверенностью; но тут предстоит затруднение, а именно, что князь Барятинский моложе в чине обоих дивизионных начальников, сюда идущих. Не знаю, до какой степени Ваше Императорское Величество можете полагать, что в качестве генерал-адъютанта и начальника штаба здешних войск князь Барятинский мог бы временно принять начальство и над старшими. (?) От Вашего Императорского Величества зависит решить этот вопрос и остановиться на выборе генерала Лидерса, ежели, как вы изволите говорить, он не будет необходим на Дунае. Впрочем, так как решение этого дела даже предварительно не может быть нужно до весны и до открытия военных действий, то я смею думать, что до того времени можно и отложить оное.

Я получил в свое время прямо от князя Меншикова сведение о письме к нему английского и французского адмиралов. Мы остаемся еще в недоумении о том, как надобно понять это неожиданное явление западных

эскадр в Черное море. Ваше Императорское Величество справедливо замечаете, что, ежели они намерены только защищать турецкие берега, а не сопровождать турок в нападениях на наши порты, нам от этого вреда бы не было, потому что тогда наш Черноморский флот может свободно ходить и действовать, по крайней мере близ наших берегов, и спасти наши укрепления от погибели; а ежели есть условия, что, взамен этой защиты, и турки будут обязаны не действовать на наши берега, то выйдет само по себе в Черном море перемирие, и лучше этого желать нам нельзя; но желательно бы было, чтобы это скорее могло объясниться; ибо в теперешнем неведении настоящих намерений соединенных флотов наш Черноморский флот не может выходить в море, а турки одни уже довольно сильны, не боясь встречи в открытом море, чтобы попробовать или десант в Абхазию, или ходить по берегам черкесским и давать им всякого рода помощь, ибо у вице-адмирала Серебрякова теперь нет достаточных сил, чтобы этому помешать. Остается мне теперь только принести всеподданнейшую глубочайшую мою признательность Вам, Всемилостивейший Государь, за поздравление с Новым годом и за отеческое участие, столь неоднократно повторяемое насчет моего здоровья; оно все в том же положении, и при малейшем прибавлении дел, что неминуемо теперь и по приготовлениям к сдаче и по беспрестанным известиям и распоряжениям, особливо насчет Гурии и Мингрелии, остающиеся у меня силы исчезают, и я с сокрушением все более и более удостоверяюсь, что я уже не гоюсь для занимаемой мною должности. Но ежели, по милости Божьей, лечение на водах, к которому я привык еще и прежде, но которого я лишен уже 10-й год по здешней службе, опять хотя на некоторое время меня восстановит, то я с радостью сочту священным долгом явиться опять для продолжения предстоящего мне служения.

Вслед за сим и по совещании с князем Бебутовым я представляю Вашему Императорскому Величеству мои мысли насчет наступательных наших действий; на это нужно хотя немного, но несколько дней, ибо надобно сообразить и о резерве в случае большого вторжения неприятеля в Гурию и Мингрелию, и об усилении Эриванского и Лезгинского отрядов, а кроме того, о лучшем способе действовать по начертаниям Вашего Императорского Величества на христианские народонаселения далее Карса.

Ответ на письмо князя Воронцова от 18 (30) января 1854 года Император Николай — князю Воронцову (без даты)¹

По всей вероятности, около 1 февраля 1854 года

Любезный князь Михаил Семенович, хотя я не получил еще твоего второго обещанного письма, по свидании твоём с князем Бебутовым, но считаю нужным не отлагать ответа на некоторые статьи твоего письма.

¹ Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 73.

Ты весьма справедливо замечашь, что разрыв с Англией и Францией значительно затрудняет положение дел наших, в особенности на Кавказе. Но предложение твое *сделать незначительные уступки в наших требованиях*, чтобы избежать разрывов, *н е с б ы т о ч н о*; во-первых, потому, что не знаю таких *незначительных уступок* в наших требованиях, да и полагаю, что и тебе мудрено было их определить или мне указать; а во-вторых, потому что оно было бы несогласно с достоинством России. Россия требует того, *что ей следует по трактатам, ни более ни менее*; где же тут случай к уступкам?

Нет сомнения, что положение нашей береговой линии плачевно; помочь сему ни в твоих, ни в моих силах. Предвидя потерю наших фортов и их гарнизонов, нельзя не соболезновать их злой участи. Но в военном быту бывают несчастные случаи, где частью войск жертвуют, хотя скрепя сердце, для достижения главной цели. Из сего же, однако, нам делать уступки, ни с чем не сообразные, было бы унижительно и недостойно.

Имея ныне в моем распоряжении, кроме собственно Кавказских войск, целых три пехотные дивизии и 96 пеших орудий, 20 эскадронов и 16 конных орудий, я нахожу, что не только вправе ожидать, что Гурия и Мингрелия будут обеспечены, но что действующий корпус в поле довольно будет силен, чтобы начать наступление. В нем в одном вижу решительный способ дать выгодный оборот делам, а может быть, и решить все в нашу пользу. Потому и нетерпеливо жду твоего донесения.

Выбор твой в помощники Бебутову князя Барятинского вполне утверждаю, но с тем, чтобы он с самого начала кампании был уже при нем, а Индрениуса оставь при Реаде. Поздно и неосторожно было бы выслать Барятинского *тогда только*, когда несчастье случилось бы с Бебутовым, чего Боже упаси.

Миссии наши оставили Лондон и Париж; ты ужаснешься, читая, что за мерзости английские министры про нас бессовестно лают в парламенте, не исключая Абердина.

Говорят, что 60 тысяч французов и 15 тысяч англичан, под командой Фиц-Рой Сомерзета, отправляются в Царьград; а к нам в Балтику отправляется флот. Милости просим, постараемся принять с должной почестью. Мы духом спокойны и, надеясь на милость Божию, не уроним чести нашей, как в 1812 году.

Душевно тебя обнимаю.

**Распределение войск на Кавказе к весне 1854 года по проекту
генерала Реада, за исключением отошедших в ведение
генерала Хомутова¹**

1) На Кавказской линии²

В центре

Пехота:

Кубанского егерского полка 2 бат.

Резервной дивизии Кавказского корпуса 11 бат.

Кавказских линейных № 1, 4, 5 и 6 4 бат.

Кавалерия:

Донские казачьи полки № 6 и 36 12 сот.

Артиллерия:

Конно-казачья № 14 батарея 8 ор.

Вновь формирующиеся две пешие
резервные батареи 16 орудий

Итого 17 бат., 12 сот., 16 пеш., 8 кон. ор.

Во Владикавказском округе

Пехота:

Тенгинского пехотного полка 5 бат.

Навагинского 3 бат.

Резервной дивизии Кавказского корпуса 3 бат.

Кавказских линейных № 7 и 8 2 бат.

Грузинского линейного № 7 1/2 бат.

Кавалерия:

Донской казачий № 16 полк 6 сот.

Артиллерия:

19-й полевой бригады легкая № 4 батарея 8 ор.

Итого 13 1/2 бат., 6 сот., 8 ор.

На левом фланге

Пехота:

Навагинского пехотного полка 1 бат.

Егерского князя Чернышева 5 бат.

¹ Прил. к отношению ген. Реада к военному министру от 17 марта 1854 г., № 64. Архив штаба войск Кавказского военного округа.

² При исчислении кавалерии казаки Кавказского и линейного войска в расчет не входят, потому что в случае крайности вызываются на службу и те, кои стоят сверх комплекта полков.

Егерского князя Воронцова	3 бат.
Кавказские линейные № 9, 10, 11, 12 и 13	5 бат.
Кавалерия:	
Донские казачьи полки № 17, 18, 19, 26 и 39	30 сот.
Дунайского казачьего войска	2 сот.
Артиллерия:	
20-й полевой бригады батар. № 4	12 ор.
20-й полевой бригады легкая № 5 батарея	8 ор.
Конно-казачьей Черноморской № 11	2 ор. кон.
Вновь формируемой конно-казачьей резервная батарея	8 ор. кон.
Итого	14 бат., 32 сот., 20 пеш. и 10 кон. ор.

2) В Прикаспийском крае

Пехота:	
Апшеронского пехотного полка	5 бат.
Дагестанского	5 бат.
Князя Варшавского полка	3 бат.
Самурского пехотного полка	5 бат.
Грузинских линейных бат. № 13, 14, 15, 16, 17 и 18	6 бат.
Грузинского линейного № 9 бат.	1/4 бат.
Кавалерия:	
Донские казачьи полки № 7, 14, 41 и 49	24 сот.
Дагестанский конно-иррегулярный полк	6 сот.
Артиллерия:	
20-й полевой бригады легкая № 6 батарея	8 ор.
20-й полевой бригады горная № 2 батарея	10 единор.
21-й полевой бригады горная № 4 батарея	10 единор.
Черноморской конно-казачьей № 11 батарея	2 ор.
Итого	24 бат., 30 сот., 8 легк. ор., 20 горн. ор., 2 кон. ор.

3) В Закавказском крае

На Лезгинской линии

Пехота:	
Навагинского пехотного полка (выступит из Тифлиса)	1 бат.
Тифлиского егерского полка	4 бат.
Мингрельского	3 бат.
Грузинских линейных № 11 и 12	2 бат.
Грузинская пешая дружина	1 бат.

Кавалерия:	
Донские казачьи полки № 12, 27 и 48.....	18 сот.
Драгунского наследного принца Вюртембергского полка (в следовании из Александрополя)	4 эск.
Джаро-Лезгинская милиция	1 сот.
Артиллерия:	
21-й полевой бригады батареи № 5	2 легк. ор.
21-й полевой бригады горной № 3	8 единор.
Конно-казачьей № 15 батареи (выступит на Лезгинскую линию)	4 единор.
Итого	10 бат., 4 эск., 24 сот., из них 5 пеш., 2 легк. ор., 8 горн., 4 кон.

На турецкой границе

Войска в ведении генерал-лейтенанта князя Андроникова

а) Гурийский отряд

Пехота:	
Брестского пехотного полка	4 бат.
Белостокского	1 бат.
Литовского егерского	4 бат.
Егерского князя Воронцова полка	2 бат.
Грузинский линейный № 1 бат.	1 бат.
Черноморский линейный № 12	1 бат.
3-го резервного саперного батальона	1/2 бат.
Милиция:	
Гурийской	18 сот.
Имеретинской	6 сот.
Мингрельской	2 сот.
Кавалерия:	
Донского казачьего № 2 полка	3 сот.
Донского казачьего № 11 полка	6 сот.
Милиции Имеретинской	1 сот.
Милиции Мингрельской	2 сот.
Артиллерия:	
13-й полевой бригады батар. № 1 батарея	8 ор.
13-й полевой бригады легкая № 1 батарея	8 ор.
Кавказской гренад. бригады горн. № 1	8 единор.
Итого	13 1/2 бат., 38 сот., в том числе 26 пеш., 8 бат. ор., 8 легк. ор., 8 горн. ор.

К сему числу должны присоединиться из Абхазии 4 1/2 бат., тогда составит 18 бат.

б) Ахалцыхский отряд

Пехота:

Белостокского пехотного полка 3 бат.

Из них 2 батальона должны прибыть из Ахалкалака,
откуда выступают 21 апреля.

Виленского егерского полка 4 бат.

Грузинского линейного № 2 бат. $\frac{3}{4}$ бат.

Кавалерия:

Донской казачий № 21 полк 6 сот.

Артиллерия:

Кавказской гренадерской бригады горн. № 1 батареи ... 2 единор.

13-й полевой бригады батар. № 2 батареи 8 ор.

13-й полевой бригады легк. № 2 батареи 8 ор.

Горный взвод из отбитых у турок орудий 2 единор.

Итого $7\frac{3}{4}$ бат., 6 сот., 8 бат. ор., 8 легк., 4 горн.

Действующий корпус под начальством генерал-лейтенанта князя Бетутова

в) Ахалкалакский отряд

Пехота:

Рязского пехотного полка (находятся в следовании из

Тифлиса и прибывают 19 апреля) 2 бат.

Грузинского линейного № 2 батал $\frac{1}{4}$ бат.

Кавалерия:

Донского казачьего № 2 полка 3 сот.

Милиции Ахалцыхской 1 сот.

Артиллерия:

Кавказской гренадерской бригады батарейной

№ 2 батареи 4 ор.

Итого $2\frac{1}{4}$ бат., 4 сотни, 4 бат. ор.

г) Главный Александропольский отряд

Пехота:

Кавказской гренадерской бригады $7\frac{1}{2}$ бат.

2-й бригады 18-й пехотной дивизии 8 бат.

Кавказский стрелковый батальон 1 бат.

Кавказский саперный батальон 1 бат.

Грузинский линейный № 3 1 бат.

Кавалерия:

Сводная драгунская бригада 20 эск.

Драгунского наследного принца Вюртембергского полка	6 эск.
(Испрашивается Высочайшее соизволение на перемещение их в общий резерв края до тех пор, пока не объяснятся военные обстоятельства)	
Донские казачьи полки № 4 и 20	12 сот.
Кавказского линейного войска	9 сот.
Артиллерия:	
Кавказской гренад. бриг. батар. № 1 батареи	8 ор.
Кавказской гренад. бриг. батар. № 2 батареи	4 ор.
Кавказской гренад. бриг. легк. № 1 батареи	8 ор.
18-й полевой бриг. батар. № 4 батареи	8 ор.
18-й полевой бриг. легк. № 7 батареи	8 ор.
18-й полевой бриг. легк. № 8 батареи	8 ор.
Все еще в следовании через горы	
21-й полевой бриг. батар. № 5 батареи	4 ор.
Конно-казачьей № 6 батареи	8 ор.
Конно-казачьей № 7 батареи	8 ор.
Итого	18 $\frac{1}{2}$ бат., 26 эск., 21 сот., 20 бат. ор.,
.....	28 легк. ор., 16 кон. ор.

д) Эриванский отряд

Пехота:	
Князя Варшавского полка	2 бат.
Тифлиского егерского	1 $\frac{3}{4}$ бат.
Мингрельского	$\frac{3}{4}$ бат.
Грузинских линейных № 4 и 5	2 бат.
Кавалерия:	
Донского казачьего № 23 полка	6 сот.
Милиции Шарурской	2 сот.
Артиллерия:	
21-й полевой бриг. легк. № 7 батареи	8 ор.
Итого	6 $\frac{1}{2}$ бат., 8 сот., 8 ор.

В общем резерве края.

Пехота:	
Рижского пехотного полка	4 бат.
Артиллерия:	
18-й полевой бригады легк. № 6 батареи	8 ор.
Конно-казачьей № 15 батареи	4 ор.

Если воспоследует Высочайшее соизволение на назначение
6 эскадронов Драгунского наследного принца
Вюртембергского полка в общий резерв края, то орудия
эти должны присоединиться к ним

Итого 4 бат., 7 пеш. ор., 4 кон.

Сверх сего остается внутри края.

Для содержания караулов

В Тифлисе:

Рязанского пехотного полка 2 бат.

Сводно-учебный батальон 1 бат.

3-го резервного саперного батальона $\frac{1}{4}$ бат.

Сводно-учебный арт. дивизии 4 ор.

Для хозяйственных работ в штаб-квартирах женатые роты
полков в Закавказском крае, всего 14 полков 4 бат.

На случай какой-либо непредвидимой надобности в усилении
артиллерии оставлено в своих штаб-квартирах:

21-й полевой бригады батар. № 5 батареи 6 легк. ор.

21-й полевой бригады горн. № 3 батареи 2 единор.

Для содержания караулов

По городам и крепостям Грузинских линий $4\frac{1}{2}$ бат.

По персидской границе и по почтовым трактам Донских
полков 3 полка 18 сот.

Приложение № 188

Состав Александропольского отряда в июне 1854 года при переходе им границы

Пехота:

Гренадерского Его Императорского Высочества великого
князя Константина Николаевича полка 1, 2, 3-й и

две роты 4-го бат. $3\frac{1}{2}$ бат.

Эриванского карабинерного Его Императорского Высочества
наследника цесаревича полка 1, 2, 3-й

и две роты 4-го бат. $3\frac{1}{2}$ бат.

Белевского егерского полка 4 бат.

Тульского егерского полка 4 бат.

Кавказский стрелковый батальон 1 бат.

Кавказский саперный батальон 1 бат.

Итого 17 бат.

При батальонах должны находиться все патронные ящики, шанцевый инструмент в надлежащем числе и совершенной исправности и десятидневный запас провианта, а для уменьшения обоза взять с собою только половинное число палаток, назначенных по положению.

В Александропольском гарнизоне остаются: 1-й и 2-й батальоны Рязского пехотного полка и одна рота Эриванского карабинерного полка на мельнице Ванеса.

Кавалерия:

Драгунского генерал-фельдмаршала князя Варшавского полка	10 эск.
Драгунского Его Императорского Высочества великого князя Николая Николаевича полка	10 эск.
Драгунского Его Королевского Высочества наследного принца Вюртембергского полка	6 эск.
Донского казачьего № 4 полка (при обозе)	2 сот.
Донского казачьего № 20 полка (при главной квартире)	3 сот.
Кавказского линейного казачьего войска 3 сотни полковника Скобелева	3 сот.
Сводного Кавказского линейного казачьего войска полковника Камкова	6 сот.
Конно-мусульманского № 1 полка	5 сот.
Конно-мусульманского № 2 полка	5 сот.
Горской милиции	4 сот.
Итого	26 эск. драгун, 14 сот. казаков и 14 сот. милиции

Сверх сего:

Грузинская дворянская дружина
Тифлисская дворянская дружина
Армяно-татарская рассыльная команда

Вся кавалерия должна с собою взять: десятидневный провиант, а для уменьшения обоза — только половинное число палаток, назначенных по положению.

Артиллерия:

Кавказской гренадерской артиллерийской бригады

Батарейная № 1 батарея	8 ор.
Батарейная № 2 батарея	8 ор.
Легкая № 1 батарея	8 ор.

18-й артиллерийской бригады:

Батарейная № 4 батарея	12 ор.
(К этой батарее прикомандир. 4 турецких орудия.)	
Легкая № 7 батарея	8 ор.
Легкая № 8 батарея	8 ор.
Донская конно-казачья № 6 батарея	8 ор.
Донская конно-казачья № 7 батарея	8 ор.
Линейной конно-казачьей № 15 батареи 1 дивизион	4 ор.

Итого 28 батар. ор., 44 легк. ор., всего 72 ор.

1-я и 2-я конно-ракетные команды 19-й и 21-й артиллерийских бригад, подвижные запасные парки и при них 80 вольнонаемных подвод.

Нижние чины артиллерии должны иметь с собой десятидневный запас провианта, а для уменьшения обоза взять только половинное число палаток, назначенных по положению.

Из артиллерии в Александропольском гарнизоне остается 1-й дивизион легкой № 6 батареи 18-й артиллерийской бригады.

Оглавление

<i>Глава XII.</i> Действия на Дунае в январе и феврале 1854 года до переправы через Дунай	5
<i>Глава XIII.</i> Переправа через Дунай	50
<i>Глава XIV.</i> Снабжение войск с 21 ноября 1853 года по 11 марта 1854 года	99
<i>Глава XV.</i> Роль Австрии, Пруссии и Германии в первой половине 1854 года	142
<i>Глава XVI.</i> Организация союзных армий, их планы и действия на Черном море до августа 1854 года	179
<i>Глава XVII.</i> Действия на Дунае от приезда князя Варшавского до начала осадных работ под Силистрией	229
<i>Глава XVIII.</i> Осада Силистрии	272
<i>Глава XIX.</i> Действия на Дунае в июне-августе 1854 года и административная часть по сентябрь 1854 года	326
<i>Глава XX.</i> Действия на Кавказе в 1854 году	419
<i>Глава XXI.</i> Действия в 1854 году в Балтийском и в Белом морях и в Тихом океане	479
<i>Приложения</i>	531